This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СЕМЬДЕСЯТЪ-СЕДЬМОЙ ТОМЪ

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ III

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1879

Digitized by Google

~~Slav 30.2~~
P Slav 176.25

JAN 31 1964
Minot fund.

(447)

HARVARD UNIVERSITY
LIBRARY
OCT 0 8 1985

Digitized by Google

РУИНА

Историческая монографія

1663 — 1687 гг.

V *).

Жалобы великороссіянъ на гетмана, а гетмана на великороссійскихъ воеводъ. —Дѣло возстанія народа противъ поляковъ поправляется.—Умань.—Лисянка. —Новое возстаніе и укрощеніе Ставища.—Кара надъ мятежниками.—Бѣгство жителей съ правой стороны Днѣпра на лѣвую.—Смерть Чарнецкаго.—Распространеніе возстанія.—Предводители возстанія.—Дрозденко и Хмельницкая.— Успѣхи русскихъ.—Взятіе Корсуня.—Прибытіе въ Украйну калмыковъ.—Пораженіе Яблоновскаго подъ Бѣлой-Церковью. — Неудачная осада Вруховецкимъ Бѣлой-Церкви и отступленіе въ Мотовиловку.—Бѣгство Тетери въ Польшу. — Опара. — Децикъ. — Перемѣна въ Кіевскомъ воеводствѣ. — Неисправности въ воеводскомъ управленіи царскими ратными людьми.

Всю зиму продержался Вруховецкій въ Каневѣ, руководя управленіемъ лѣвой стороною Днѣпра и движеніями народа противъ поляковъ на правой сторонѣ. Малыя силы его не только не прибавлялись, а еще болѣе отвлекались. Изъ малороссійскаго войска Черниговскій полкъ отправленъ былъ на Полѣсье, гдѣ одержалъ побѣду надъ поляками [1]), а Краснянскаго сотника Ивана Самойловича (будущаго гетмана) по царскому указу отрядили даже до Смоленска. Великороссійскихъ свѣжихъ силъ не приходило въ Каневъ; напротивъ, изъ Канева отзывались начальные люди. Эти послѣдніе, прибывши въ Москву, жалова-

---

*) См. выше: апр., 610 стр.

1) А. Ю. З. Р., V, 240.

Digitized by Google

лись, что царскіе ратные люди, будучи на государевой службѣ въ малороссійскихъ городахъ, изнурены, голодны и безодежны, и царь по этому поводу грамотою отъ 12 ноября сдѣлалъ Бруховецкому замѣчаніе. Гетманъ отвѣчалъ, что онъ цѣлый годъ употреблялъ на содержаніе царскихъ ратныхъ всѣ доходы, получаемые платою за помолъ съ мельницъ. «Меня оболгали предъ вашимъ величествомъ», — выражался онъ: — «ратные бѣгутъ со службы не отъ какой-нибудь нужды или скудости, а отъ того, что заберутъ впередъ царское жалованье и хлѣбные запасы, продадутъ запасы и бѣгутъ, не желая служить, а пришедши къ себѣ домой, скудостію и нуждою вины свои покрываютъ». Бруховецкій рѣшительно отказывался доставлять ратнымъ одежду, оттого что «Украйна бѣдна и разорена непріятельскимъ мечомъ и долгимъ стояніемъ войскъ, собранныхъ противъ непріятеля»; въ этомъ гетманъ ссылался на всѣхъ воеводъ, знавшихъ положеніе края. И отъ своихъ воеводъ московское правительство получало неутѣшительныя вѣсти о состояніи и духѣ своихъ ратныхъ людей, о скудости денежной казны, о трудности добывать запасы. Несмотря на то, изъ Москвы присылались гетману воинственные указы «воевать польскіе города огнемъ и мечомъ». На такіе указы гетманъ только и могъ отвѣчать, что радъ бы «вседушно чинить по царскому указу, только войска къ нему не присылаютъ». Тѣмъ не менѣе не только просимаго гетманомъ войска гетману не присылали, напротивъ, требовали отъ самого гетмана, чтобъ онъ пріѣхалъ въ Москву видѣть царскія очи. «Мнѣ», — писалъ гетманъ — «и подумать нельзя ѣхать теперь; это значило бы добровольно отдать Украйну ляхамъ въ руки». Гетманъ жаловался какъ на медленность воеводъ, которые должны были приводить великороссійскія войска въ Малороссію, такъ и на тѣхъ воеводъ, которые пребывали постоянно въ малороссійскихъ городахъ, на черниговскаго, нѣжинскаго и кіевскаго. Московское правительство, на просьбы гетмана о медленности присылки ратныхъ силъ, обѣщало прислать ихъ по зимнему пути, а на счетъ воеводъ, помѣщенныхъ въ малороссійскихъ городахъ, отвѣчало, что впередъ вмѣшиваться въ дѣла, до нихъ не касающіяся, имъ не велѣно.

Несмотря на то, что Бруховецкій не могъ посылать помощи возстанцамъ, получая изъ Москвы однѣ неисполнявшіяся обѣщанія, дѣло возстанія народа противъ поляковъ съ января 1665 года стало идти успѣшнѣе. Въ сѣверскихъ краяхъ подъ Кричевомъ и подъ Гомлемъ одержана была побѣда надъ поляками Стародубскимъ полковникомъ Лысомъ Остреніемъ. Въ Умани

Digitized by Google

полковникомъ сталъ бывшій прежде въ Брацлавѣ полковникомъ Иванъ Сербинъ. Онъ засталъ въ Умани междоусобіе, усмирилъ его, отбилъ нападавшихъ на Умань поляковъ и потомъ, выступивши изъ Умани, взялъ Бабаны [1]), Косеновку [2]), Кислякъ [3]), Торговицу [4]), захваченную поляками послѣ ухода изъ нея Сѣрка. Много боевъ имѣлъ онъ тогда съ поляками и враждебными казаками, много взялъ ихъ въ плѣнъ и съ торжествомъ воротился въ Умань. Успѣхи Сербина пробудили духъ поспольства въ сосѣднихъ городкахъ, только-что покорившихся полякамъ. Въ числѣ ихъ были Лисенка, отъ которой Семенъ Высочанъ отбилъ Чарнецкаго, и Ставище, стоившее полякамъ такихъ долгихъ усилій. Чарнецкій, не ожидая дерзости отъ его жителей, расположилъ-было свое войско по городамъ и селамъ и отправилъ пословъ на сеймъ съ просьбою объ уплатѣ жалованья войску, а самъ, послѣ неудачи покушенія на Лисянку, прибылъ въ Бѣлую-Церковь; вдругъ тамъ услышалъ онъ, что ставищане прогнали отъ себя польскій гарнизонъ. Сперва Чарнецкій отправилъ туда Маховскаго съ его полкомъ и съ казаками Тетери. Ставищане встрѣтили ихъ съ оружіемъ. Маховскій въ бою потерялъ до двухсотъ человѣкъ и убѣжалъ. Тогда Чарнецкій поспѣшно двинулся самъ. Казаки и поспольство въ Ставищѣ еще не отдохнули отъ побѣды надъ Маховскимъ, какъ явился передъ ними Чарнецкій. Онъ вошелъ безпрепятственно въ городъ и потребовалъ выдачи зачинщиковъ новаго возстанія. Хотѣли-было ставищане защищаться: но уже было для нихъ поздно. Поляки съ-разу взяли надъ ними верхъ. Чарнецкій приказалъ всѣхъ жителей перебить, а городъ ихъ со всѣми жилищами сжечь до тла, чтобъ не оставалось болѣе гнѣзда мятежа, какъ говорили поляки [5]). За Ставищами такая же участь постигла Боярку [6]): и тамъ жолнеры перерѣзали все поспольство, не пощадивши и малыхъ дѣтей [7]). Товарищъ Чарнецкаго, воевода русскій Яблоновскій, взялъ Кисляк, разбилъ тамъ какого-то Вдовиченка, но въ Кисляке поляки поступили человѣчнѣе; по крайней мѣрѣ они оставили въ живыхъ съ женами и дѣтьми тѣхъ изъ нихъ, которые, видя съ-разу невозможность бороться, поддались полякамъ.

---

[1]) Нынѣ с. уманск. уѣзда, кіев. губ. при р. Бабанѣ.
[2]) Село уманск. уѣзда при р. Сибанѣ.
[3]) Село уманск. уѣзда, кіев. губ., при р. Тикачѣ, нынѣ Кисликъ.
[4]) Мѣст. уманск. уѣзда, кіев. губ., при р. Синюхѣ.
[5]) Hist. J. Kaz., II, 331.
[6]) Мѣст. звенигор. уѣзда, кіев. губ., у р. Гнилого-Тикача.
[7]) A. Ю. З. Р., V, 249.

Digitized by Google

Звѣрская расправа Чарнецкаго надъ Ставищемъ и Бояркою, вмѣсто того, чтобы страхомъ расположить народъ къ покорности, только болѣе побуждала поспольство правобережной Украйны отрѣзаться отъ возможности терпѣть власть поляковъ надъ собою. Изъ Корсуня, Черкасъ, Бѣлой-Церкви и другихъ городковъ и селъ, православные люди «не стерпимаго ради гоненія лядскаго многими десатками семей выѣзжали изъ своей родины, переправлялись чередъ Днѣпръ и просили себѣ новоселья, изъявляя желаніе быть въ подданствѣ у православнаго государя».

Чарнецкій, послѣ недавнихъ свирѣпствъ своихъ, отправился въ Польшу на предстоящій сеймъ. Ему было уже 66 лѣтъ отъ роду. Его давно уже безпокоила какая-то болѣзнь, но онъ все преодолѣвалъ себя. Вдругъ эта болѣзнь начала развиваться быстро. День ото дня силы его упадали. Пріятели совѣтовали ему спѣшить въ Варшаву, чтобъ тамъ посовѣтоваться съ ученими врачами. Онъ на пути заѣхалъ въ свое имѣніе Иленцы, пробылъ тамъ недолго и пустился далѣе въ путь; на дорогѣ встрѣчаетъ его курьеръ отъ короля; онъ везъ Чарнецкому дипломъ на чинъ польнаго короннаго гетмана. Прочитавъ королевское письмо, Чарнецкій сказалъ окружавшимъ его: «всегда я того ожидалъ, что король дастъ мнѣ булаву уже въ то время, когда я воевать не буду въ состояніи; если Богу угодно будетъ продлить мою жизнь и дать здоровье, я покажу королю благодарность за его ко мнѣ милость; если же придется умереть—по крайней мѣрѣ на моемъ надгробномъ памятникѣ напишутъ, что я былъ гетманъ». Приближаясь къ городу Дубно, онъ почувствовалъ крайній упадокъ силъ и въ деревнѣ Соколовкѣ приказалъ внести себя въ крестьянскую хату, какая первая на глаза ему попалась. Тамъ онъ исповѣдывался у своего духовника іезуита Домбровскаго, ѣздившаго съ нимъ постоянно, а черезъ ночь утромъ причастился св. таинъ и скончался. Поляки возносятъ этого человѣка, какъ своего національнаго героя, но польскіе источники, къ чести своей, не скрываютъ и темныхъ сторонъ его характера. Это былъ чрезвычайно свирѣпый, безсердечный и злой человѣкъ. Нельзя забыть его ужасной расправы надъ жителями Подоліи и Украйны въ 1653 и 1654 годахъ, когда онъ своею дикою солдатчиною каралъ несчастный народъ за стремленіе освободиться отъ панскаго ярма; то же повторилъ онъ и въ послѣдній годъ своей жизни. Чарнецкій всегда высказывалъ особенную злобу къ русскому народу, ненавидѣлъ и презиралъ русское духовенство и вообще православную религію съ неудержимымъ изувѣрствомъ, отнималъ у церквей колокола и приказывалъ переливать ихъ на

Digitized by Google

пушки, чтобъ тѣми пушками истреблять непокорныхъ «схизматиковъ», грабить и отдавать на поруганіе православные храмы, а все цѣнное изъ нихъ вывозилъ къ себѣ въ Иленцы. Во всемъ былъ онъ черствый эгоистъ; свои подчиненные не любили его, а только боялись: да и самъ онъ заботился болѣе о томъ, чтобъ наводить страхъ своею строгостію, чѣмъ о томъ, чтобы возбудить въ подчиненныхъ любовь къ себѣ. Не только не старался онъ, чтобъ жолнеры были сыты, одѣты и получали во время свое жалованье; напротивъ, онъ старался держать ихъ въ недостаткѣ и лишеніяхъ и говорилъ: истощенный и голодный жолнеръ лучше подчиняется командѣ, чѣмъ тотъ, у котораго всего вдоволь [1]). Таковъ былъ, по отзывамъ современниковъ, человѣкъ, впослѣдствіи прославленный польскимъ потомствомъ, уважавшимъ его военный талантъ и важныя услуги, оказанныя имъ Рѣчи-Посполитой въ критическія минуты ея исторіи.

Въ Украйнѣ смерть Чарнецкаго оживила духъ возстанія. Иванъ Сербинъ, установившійся въ Умани, и овручскій полковникъ Децикъ ревностно приводили къ присягѣ царю городки за городками; вездѣ возставшіе жители избивали ляховъ, которые были недавно туда введены, а ихъ начальныхъ людей живьемъ доставляли въ Каневъ къ Бруховецкому [2]). Явились разомъ предводители ватагъ, носившіе названіе полковниковъ. Изъ нихъ болѣе другихъ показали себя: Кіашка, Дрозденко—(иначе Дрождъ), Овдіенко, Остапъ Гоголь: послѣдній, принужденный страхомъ за жизнь сына притвориться другомъ ляховъ, послѣ смерти Чарнецкаго опять сталъ за царя и за русскій народъ. Къ возставшему русскому поспольству пристава̀ли купы волоховъ, приходившихъ изъ Молдавіи: много ихъ набралось въ трехтысячной ватагѣ Дрозденка въ Каменкѣ. Для ихъ продовольствія Дрозденко послалъ въ Рашковъ [3]), гдѣ проживала въ своемъ владѣніи невѣстка Богдана Хмельницкаго, вдова Тимоѳея, молдавская княжна Домна-Александра, и потребовалъ отъ нея живности для своей ватаги. Владѣлица указала посланцамъ свои запасы, но потомъ тайно послала къ полякамъ просить, чтобъ они прислали къ ней военную силу и освободили ее изъ Рашкова. Посланные съ письмами Хмельницкой попались Дрозденку и тотъ поспѣшилъ самъ лично въ Рашковъ. Не причиняя никакой обиды жителямъ Рашкова, Дрозденко велѣлъ бить владѣлицу, не стѣсняясь, какъ

---

[1]) H. J. K., II, 334.

[2]) A. Ю. З. Р., V, 258.

[3]) Мѣстеч. ольгопольск. у., под. губ., при р. Днѣстрѣ.

Digitized by Google

видно, тѣмъ уваженіемъ, на какое эта женщина имѣла право по родству съ Богданомъ Хмельницкимъ. Дрозденко приказалъ забрать у ней все имущество для найма волоховъ и буджакскихъ татаръ. Ворочаясь изъ Рашкова въ Каменку [1]), Дрозденко встрѣтился съ тѣми поляками, которые шли къ Хмельницкой по ея приглашенію, и разбилъ ихъ: едва десять человѣкъ изъ ихъ отряда успѣли уйти. Потомъ въ Кальникѣ [2]), Рахнахъ [3]), Дашевѣ [4]) жители прогнали недавно поставленныхъ у нихъ жолнеровъ, которые уже считали себя до того твердыми въ краѣ, что дозволяли себѣ дѣлать поспольству обиды и мученія. Не успѣвшіе впору уйти съ товарищами жолнеры запирались въ замкахъ, откуда поспольство принялось ихъ добывать. Тетеря въ своихъ универсалахъ напрасно убѣждалъ русскихъ къ покорности королю. Болѣе слушали русскіе Сербина, который разсылалъ повсюду свои универсалы, располагалъ жителей береговъ Буга и Днѣстра къ сопротивленію полякамъ и обнадеживалъ возстанцевъ скорою помощью отъ православнаго царя.

Весною, но просухѣ, война съ поляками въ Украйнѣ продолжала идти еще удачнѣе для русскихъ. 20 марта разбиты были польскія хоругви подъ Торговицею; 25 марта подъ Ольшаною [5]) разбили польскаго предводителя шайки Друка и самого его казнили смертію за разоренія, причиненныя русскому поспольству; въ четвертокъ на Свѣтлой недѣлѣ, 30 марта, подъ Лисянкою разбили и прогнали отрядъ, посланный преемникомъ Чарнецкаго, Яблоновскимъ, съ «прелестными» письмами, которыми думали еще поляки склонять поспольство. Но двѣ болѣе важныя побѣды произошли 4 апрѣля въ двухъ мѣстахъ. Дрозденко подъ Брацлавомъ разгромилъ въ прахъ Тетерю; въ этотъ же день Бруховецкій пріобрѣлъ Корсунь: наканунѣ, 3 апрѣля гетманъ и воевода Протасьевъ отправили къ Корсуну лубенскаго полковника, Григорія Гамалѣю, съ отрядомъ изъ великороссіянъ и малороссіянъ, всего полторы тысячи [6]).

Ночью передъ разсвѣтомъ подошли они къ городу тайкомъ, когда тамъ не ждали непріятеля; съ внезапнымъ крикомъ полѣзли они на стѣну, изрубили караульщиковъ, ворвались въ

---

[1]) Мѣстечко ольгопольск. у., под. губ., при рѣкѣ Днѣстрѣ.

[2]) Село липов. уѣзда, кіев. губ., при р. Соби.

[3]) Нынѣ не существуютъ.

[4]) Мѣст. липов. у., кіев. губ., при р. Соби.

[5]) Мѣст. звенигородск. уѣзда, кіев. губ., при р. Ольшаной.

[6]) Великороссіянами начальствовали рейтарскаго строя ротмистръ Жемчужниковъ и солдатскаго строя капитанъ Стрешневскій.

Digitized by Google

большой городъ; къ нимъ пристали корсунцы и начали рубить польскій гарнизонъ и бывшихъ на польской сторонѣ казаковъ. Погибло такимъ образомъ до 700 человѣкъ. Живьемъ было схвачено важное лицо—Тимоѳей Носачъ, бывшій при Хмельницкомъ генеральнымъ обознымъ, а теперь находившійся въ Корсунѣ наказнымъ гетманомъ отъ Тетери, вмѣстѣ съ генеральнымъ судьею Тетери, Криховецкимъ. Гамалѣя всѣхъ жителей корсунскихъ съ ихъ семьями повелъ за собою въ Каневъ. Бывшій въ то время въ Москвѣ стряпчій говорилъ, будто этихъ жителей было до десяти тысячъ душъ, но вѣрность такихъ чиселъ сомнительна. Бруховецкій отправилъ въ Москву въ качествѣ языковъ знатнѣйшихъ плѣнниковъ, взятыхъ въ Корсунѣ. 1-го мая одержана была новая побѣда казаковъ надъ ляхами: польскій полковникъ Мурашко бросился на Стародубъ, надѣясь захватить его врасплохъ, но, увидѣвши, что стародубцы готовы къ отпору, повернулъ назадъ и на обратномъ пути былъ разбитъ въ прахъ черниговскимъ полковникомъ Демкомъ Многогрѣшнымъ.

Около половины мая думный дворянинъ Яковъ Тимоѳеевичъ Хитрово привелъ къ Бруховецкому въ Каневъ калмыковъ. Исконные враги крымцевъ калмыки, не достигши Канева, разбились на два отряда: одинъ пошелъ къ югу на крымцевъ, другой достигъ до Канева и долженъ былъ находиться въ распоряженіи гетмана, а гетманъ съ своей стороны, сообразно царскому указу, обязанъ былъ содержать ихъ на свой счетъ и, кромѣ того, угощать табакомъ, медомъ, мясомъ, пивомъ и виномъ. Ихъ считали до семи тысячъ, но собственно вѣрнаго числа пришедшихъ не знали, потому что списковъ имъ не велось. По совѣту съ царскимъ воеводою Протасьевымъ, находившимся при гетманѣ, Бруховецкій отправилъ ихъ къ Бѣлой-Церкви при казацкомъ войскѣ, надъ которымъ, вмѣсто себя, назначилъ наказнымъ гетманомъ каневскаго полковника Лизогуба. 21 мая наткнулись они на польское войско, стоявшее недалеко отъ Бѣлой-Церкви подъ командою преемника Чарнецкаго, Яблоновскаго. Появленіе калмыковъ было для поляковъ такъ нежданно, что произвело между ними переполохъ: они убѣжали въ Бѣлую-Церковь и зажгли за собою свое таборище. Калмыки погнались за ними, произвели въ ихъ рядахъ большое смятеніе и обогатились добычею, овладѣвши лошадьми и одеждами убитыхъ. Этимъ и окончился первый походъ. Бруховецкій, извѣщая о такой побѣдѣ, умолялъ снова прислать скорѣе великороссійскихъ ратныхъ людей, такъ какъ у Протасьева оставалось всего 500 конныхъ и пѣшихъ. Несмотря на то, Бруховецкій задумалъ еще по-

Digitized by Google

пытать счастья, и въ первой половинѣ іюня двинулся вмѣстѣ съ Протасьевымъ подъ Бѣлую-Церковь, но, черезъ нѣсколько дней осады и безполезныхъ попытокъ овладѣть этимъ городомъ, отошелъ и сталъ въ Мотовиловкѣ [1]).

Причиною этому отступленію были важныя перемѣны, совершавшіяся въ правобережной Украйнѣ. Послѣ пораженія, нанесеннаго Тетерѣ Дрозденкомъ, нѣсколько времени носился въ Украйнѣ слухъ, что самъ Тетеря убитъ. Это извѣстіе было невѣрно. Тетеря остался живъ, но видѣлъ, что уже ему не сдобровать, что украинцы могутъ схватить его и выдать Бруховецкому, а потому рѣшился тогда же отказаться отъ гетманскаго достоинства и бѣжать въ Польшу, надѣясь, что король дастъ ему тамъ маетность, и онъ будетъ себѣ жить въ довольствѣ, удалившись отъ политическихъ бурь. Еще прежде передъ тѣмъ онъ въ Чигиринѣ успѣлъ захватить часть имущества покойнаго Хмельницкаго, своего тестя, а теперь убѣжалъ изъ Брацлава такъ поспѣшно, что покинулъ тамъ много своего достоянія и даже серебро. Чуть только онъ оставилъ Брацлавъ, какъ туда явился Сѣрко, захватилъ все, чего не успѣлъ увезти Тетеря, и раздѣлилъ между казаками. Говорили, будто послѣ того Тетеря отрекся отъ православія и принялъ латинство, но это извѣстіе не достовѣрно; по крайней мѣрѣ, въ 1669 году онъ писалъ къ игумену кіево-михайловскаго монастыря Софроновичу, что желаетъ постричься въ Печерскомъ монастырѣ. Но въ монахи онъ не постригся въ Кіевѣ. У него поляки выманили то, что онъ успѣлъ увезти съ собою изъ Украйны [2]). Тетеря долго искалъ правосудія, не могъ найти его въ Польшѣ, и уже послѣ отреченія отъ престола Яна Казимира, не получивши защиты себѣ отъ новаго короля Михаила, уѣхалъ въ Волошскую землю, былъ принятъ радушно господаремъ, обласканъ константинопольскимъ патріархомъ и отдался подъ протекцію турецкаго государя [3]). Съ этихъ поръ онъ исчезаетъ изъ исторіи. Ни мѣста, ни времени его кончины мы не знаемъ.

Послѣ бѣгства Тетери, въ Украйнѣ открылось поле для честолюбцевъ, пытавшихся возложить на себя гетманство. Первымъ, болѣе другихъ смѣлымъ, былъ Степанъ Опара, одинъ изъ многихъ предводителей возстанцевъ, носившій званіе Медвѣдовскаго полковника. Его ватага хотѣла, чтобъ онъ сталъ гетманомъ. Онъ

---

[1]) Нынѣ село васильк. у., кіев. губ., при р. Стугнѣ.

[2]) Лѣт. Грабянки, 187.

[3]) Ojcx. Sp., II, 825.

Digitized by Google

сошелся съ татарами, бывшими въ Украйнѣ, и 11 іюня подошелъ къ Умани. Ивана Сербина уже не было въ живыхъ: «онъ палъ въ бою, какъ вѣрный Богу и царю воинъ» — писалъ о немъ Бруховецкій, отправляя къ царю его осиротѣлаго сына. Опара увѣрилъ уманцевъ, что два крымскихъ султана, его союзники, стоятъ неподалеку отъ Умани, и такъ прельстилъ или напугалъ уманцевъ, что тѣ отворили ему городъ. Тутъ Опара смѣлѣе провозгласилъ себя гетманомъ, потому что ватага его усилилась уманцами; выбраны были генеральные старшины войска запорожскаго. Опара желалъ чѣмъ только возможно утвердить на первыхъ порахъ захваченную власть и охранить ее отъ народнаго непостоянства; онъ послалъ просить крымскаго хана утвердить его въ гетманскомъ достоинствѣ и далъ обѣщаніе за содѣйствіе отдавать въ плѣнъ татарамъ непокорныхъ ему жителей,—хотѣлъ платить за свое гетманство христіанскими душами,— выразился о немъ его соперникъ Дрозденко. Самъ Опара съ бывшими при немъ татарами двинулся противъ Бруховецкаго къ Бѣлой-Церкви, и это было поводомъ отступленія Бруховецкаго къ Мотовиловкѣ.

Мотовиловка, находившаяся въ рукахъ поляковъ, только-что предъ тѣмъ, въ первой половинѣ іюня, при содѣйствіи мѣстныхъ жителей, была покорена царской власти овручскимъ полковникомъ Децикомъ, подчинившимъ на государево имя все Полѣсье и засѣвшимъ тогда въ Хвастовѣ. Бруховецкій, занявши Мотовиловку, въ своихъ донесеніяхъ, посылаемыхъ въ приказъ, выставлялъ Децика какъ ревностнаго, умнаго и храбраго царскаго слугу; кіевскій же воевода Чаадаевъ описывалъ Дециковыхъ казаковъ совершенными разбойниками и жаловался на гетмана, что онъ не чинитъ надъ ними управы. Впрочемъ, несогласія между кіевскимъ воеводою и гетманомъ тогда же прекратились, потому что Чаадаевъ въ это время отпросился съ воеводства. Вмѣсто Чаадаева прибылъ въ Кіевъ новый воевода князь Никита Львовъ. Дѣло управленія и обороны Кіева новый воевода нашелъ въ неисправности: скудость въ продовольствіи ратныхъ, упадокъ городскихъ укрѣпленій, недостатокъ денегъ, безпрестанные побѣги служилыхъ. Такія же неисправности чувствовались и въ другихъ малороссійскихъ городахъ; въ Нѣжинѣ, въ Переяславѣ, воеводы жаловались на скудость продовольствія и происходящіе оттого побѣги служилыхъ.

Въ южныхъ великорусскихъ областяхъ указано было собрать опредѣленное количество хлѣбнаго запаса на содержаніе ратныхъ царскихъ людей въ малороссійскихъ городахъ, но посланные съ

Digitized by Google

этимъ запасомъ крестьяне, покинувши запасъ, разбѣгались съ дороги. При такомъ настроеніи невозможно было изъ малороссійскихъ городовъ оказать ратными царскими людьми содѣйствіе Бруховецкому, остановившемуся въ Мотовиловкѣ.

VI.

Несогласіе въ Польшѣ между королемъ и Юріемъ Любомирскимъ.—Король вызываетъ изъ Украйны войско.—Польское войско составляетъ конфедерацію.—Оставленіе гарнизоновъ въ украинскихъ городахъ.—Гетманъ Опара съ татарами.—Дорошенко—его соперникъ.—Татары выдаютъ Опару Дорошенку.—Дорошенко отсылаетъ Опару къ королю.—Дорошенко съ татарами.—Дорошенко провозглашаетъ себя гетманомъ.—Борьба Дорошенка съ Дрозденкомъ.—Дрозденко взятъ Дорошенкомъ. — Децикъ покидаетъ Полѣсье и уходитъ на лѣвую сторону.—Тревога въ Малороссіи.—Новыя переселенія народа съ правой стороны на лѣвую. — Безпокойства во время отсутствія гетмана, уѣхавшаго въ Москву.—Ссоры малороссіянъ съ великороссіянами.

Событія, возникшія въ Польшѣ, съ-разу перевернули ходъ военныхъ дѣлъ въ Украйнѣ. Давнее нерасположеніе между польскимъ королемъ Яномъ Казиміромъ и великимъ короннымъ маршаломъ Юріемъ Любомирскимъ обратилось въ открытую вражду, послѣ того, какъ королева Людвика намѣревалась провести назначеніе преемникомъ Яну Казиміру на престолѣ своего родственника, французскаго принца Конде; этому сильно воспротивился Любомирскій, и безъ того уже прежде нелюбившій королевы. Король, побуждаемый и женою, и панами, враждебными Любомирскому, сталъ преслѣдовать великаго коронаго маршала до того, что тотъ ушелъ заграницу и началъ дѣйствовать противъ короля оружіемъ. Въ Польшѣ началось междоусобіе; Польша разбилась на двѣ половины: одна была за короля и королеву, другая держалась Любомирскаго, находя, что онъ защищаетъ издавна установленную законами свободу Рѣчи-Посполитой, которая не допускала возводить на престолъ иначе, какъ приговоромъ избирательнаго сейма. Король потребовалъ изъ Украйны войско для усмиренія возстанія Любомирскаго.

Но этому войску давно уже не плачено было жалованье. Главнокомандующій Яблоновскій собралъ войсковой кругъ, такъ-называемое «коло», на немъ было положено отправить въ Варшаву пословъ отъ войска, чтобъ испросить уплаты жалованья, задержаннаго за два года. Посольство это не имѣло успѣха, потому что сеймъ былъ сорванъ, а безъ сейма нельзя было ни назначать податей, ни производить уплаты. Тогда жолнерство со-

Digitized by Google

ставило «конфедераційный связокъ», избраю маршалкомъ конфедераціи Адама Устржицкаго, а помощникомъ ему (субституторомъ) Юзефа Борскаго и двинулось изъ Украйны въ Польшу расправляться по-свойски съ королевскими и духовными маетностями, собирая себѣ жалованье въ уплату курами, баранами, бабами, и прочее «съ великимъ озлобленіемъ бѣдныхъ простолюдиновъ» [1]). Конфедераційный связокъ въ Польшѣ былъ такъ-сказать освященный законами и обычаями мятежъ: члены такого связка или конфедераты составляли государство въ государствѣ, старались усилиться присоединеніемъ къ себѣ наибольшаго числа членовъ и пріобрѣсть всеобщее признаніе своихъ замысловъ. Конфедераційные связки войскъ имѣли обыкновенно непосредственную цѣль принудить власть къ уплатѣ жалованья, которое вообще очень часто не доплачивалось или не во-время платилось.

Уходъ польскаго войска изъ Украйны произошелъ такъ быстро, что казаки видѣли въ немъ постыдное бѣгство своихъ враговъ [2]). Яблоновскій оставилъ въ Украйнѣ только пѣхоту, въ замкахъ — чигиринскомъ, корсунскомъ и бѣло-церковскомъ. Въ чигиринскомъ комендатомъ былъ Жебровскій и находился подъ старшинствомъ генералъ-маіора Стахорскаго, бывшаго въ Бѣлой-Церкви; его гарнизонъ содержался отъ казаковъ, тогда еще вѣрныхъ Рѣчи-Посполитой. Въ Корсунѣ пѣхота состояла изъ нѣмцевъ; число ихъ было въ то время только 250 человѣкъ, да и тѣ были въ неудовлетворительномъ состояніи, терпя недостатокъ какъ въ одеждѣ, такъ и въ пищѣ. Бѣло-церковскій гарнизонъ, подъ командой Стахорскаго, состоялъ изъ 3,000 конницы и пѣхоты, а при нихъ было 400 татаръ.

Кромѣ польскихъ войсковыхъ людей, помѣщенныхъ въ этихъ городахъ гарнизонами, появлялись еще въ Украйнѣ дружины польскихъ охотниковъ, такъ-называемые «затяги».

Опара, двинувшись противъ Бруховецкаго на Мотовиловку, хвалился овладѣть самимъ Кіевомъ, распуская слухъ, что за нимъ идетъ 30,000 орды съ двумя мурзами. Дѣйствительно, за нимъ по слѣдамъ шла татарская орда, и Опара вышелъ къ ней на-встрѣчу къ Богуславу. 18-го августа онъ, вмѣстѣ съ выбранною имъ казацкою старшиною, поѣхалъ къ предводителямъ орды; то были мурзы: Камамбетъ-Батырша и Батыръ-Ага. Опара былъ увѣренъ, что ѣдетъ къ своимъ друзьямъ, союзни-

---

[1]) Н. Ј. К., П, 342.

[2]) А. Ю. З. Р., V, 390.

Digitized by Google

камъ и покровителямъ; но какъ только Опара вошелъ въ татарскій станъ, татары стали грубо кричать на него, не допустили его до шатровъ своихъ мурзъ, принялись грабить самозваннаго гетмана и поставленныхъ имъ казацкихъ старшинъ. Татары, въ знакъ пренебреженія, сорвали съ нихъ верхнее платье и тогда уже повели къ мурзамъ [1]).

«Смотри, что ты тутъ написалъ», сказали мурзы Опарѣ, показывая перехваченное его письмо къ Дрозденку: «ты подманиваешь его, чтобъ онъ тебѣ передался, и обѣщаешь вмѣстѣ съ нимъ воевать противъ польскаго короля! — а ты присягалъ королю своему на вѣрность и намъ присягалъ?»

Тутъ на него посыпались ругательства. Ему повѣсили на шею цѣпь, а на ноги надѣли желѣзныя кандалы. Послѣ того, татары бросились на казацкій таборъ и стали угонять лошадей. Казаки Опариной ватаги защищались и стрѣляли; бой продолжался до ночи. Татары отступили, но утромъ снова начали приступъ къ табору.

Въ это время мурзы велѣли прекратить нападеніе, выѣхали передъ таборъ Опариной ватаги и закричали: «казаки! хотите взять себѣ гетманомъ Петра Дорошенка? Мы его вамъ даемъ въ гетманы. Если его возьмете, не станемъ васъ трогать, а не возьмете, — пошлемъ поляковъ звать изъ Бѣлой-Церкви и Чигирина и станемъ съ ними васъ добывать».

Казаки собрались на раду и разсудили, что Опара погибъ, защищать болѣе нѣкого — да и не стоитъ; согласились принять Петра Дорошенка. Онъ былъ внукъ Михайла Дорошенка, бывшаго гетманомъ. Отецъ его получилъ шляхетское достоинство въ 1650 году. Родился онъ самъ въ Чигиринѣ, гдѣ у его фамиліи былъ дворъ. Еще при Богданѣ Хмельницкомъ и Выговскомъ былъ онъ полковникомъ прилуцкимъ, потомъ черкасскимъ, а въ послѣднее время, при Тетерѣ, состоялъ въ чинѣ генеральнаго эсаула. Дорошенко пріѣхалъ въ таборъ. Всѣ сотники и атаманы Опариной ватаги признали его своимъ вождемъ, присягнули польскому королю въ вѣрности и послушаніи, а хану крымскому — въ союзѣ. Дорошенко тогда же присягнулъ передъ всѣми, что будетъ добывать лѣвобережную Украйну, хотя бы пришлось всѣхъ тамошнихъ казаковъ татарамъ отдать.

Новоизбранный гетманъ съ признавшимъ его войскомъ и

---

[1]) По восточному обычаю, оказывая честь лицамъ, допускаемымъ на аудіенцію къ владѣтельнымъ особамъ, надѣвали на нихъ кафтанъ: въ противоположность этому, съ нихъ сорвали верхнее платье — въ знакъ безчестія.

Digitized by Google

татарами двинулся къ Ладыжину. Тамошніе мѣщане сдали ему городъ и выдали пѣхотнаго полковника Царя, пріятеля Опары. Дорошенко направился къ Брацлаву, гдѣ сидѣлъ, запершись, Дрозденко. Дорошенко обѣщалъ татарскимъ мурзамъ подарки и просилъ выдать ему Опару, чтобъ отослать его къ польскому королю. Татары выдали ему Опару, вмѣстѣ съ Радочинскимъ, носившимъ у Опары званіе войскового судьи. Дорошенко присоединилъ къ нимъ Царя и всѣхъ троихъ отправилъ въ Бѣлую-Церковь, а бѣло-церковскій комендантъ, Стахорскій, препроводилъ ихъ въ оковахъ къ королю съ вѣрнымъ Польшѣ бѣло-церковскимъ казачьимъ полковникомъ Яськомъ Кулганомъ.

Кулганъ засталъ Яна Казимира во Мстовѣ, гдѣ король остановился, гоняясь за Любомирскимъ. Король приказалъ отвезти Опару и Радочинскаго въ Маріенбургъ на заточеніе, а Царя велѣлъ посадить на колъ за то, что Царь два раза измѣнялъ и убѣгалъ. Тутъ былъ и Тетеря; онъ просилъ короля уволить изъ заточенія въ Маріенбургѣ митрополита Іосифа Тукальскаго и архимандрита Гедеона Хмельницкаго. Король согласился, хотя нѣкоторые паны не находили умѣстною такой милости, полагая, что Тукальскій и Хмельницкій были главными заправщиками мятежа русскаго народа [1]).

Съ паденіемъ Тетери, правобережная Украйна шагнула еще далѣе въ омутъ общественнаго разложенія. До сихъ поръ поспольство колебалось между московскимъ царемъ и польскимъ королемъ: то были двѣ силы, тянувшія каждая къ себѣ Украйну; поспольство возставало и вооружалось, — одна половина его за царя, другая — за короля; у однихъ былъ пунктъ, откуда ожидалось пособіе, — въ Каневѣ, гдѣ былъ царскій гетманъ Брюховецкій, у другихъ — въ Чигиринѣ, Бѣлой-Церкви или вообще тамъ, гдѣ находился гетманъ, поставленный королемъ; одни ждали содѣйствія отъ царскаго войска, другіе — отъ польскаго. Такъ было до сихъ поръ. Теперь польскія войска ушли сами изъ Украйны; московскаго же войска не дождались царскіе сторонники правобережной Украйны и оттого должны были все болѣе и болѣе охладѣвать въ своемъ расположеніи къ Москвѣ. На правой сторонѣ, послѣ бѣгства Тетери, остались казацкіе полковники безъ главы, а рядомъ съ ними, какъ мы выше замѣтили, носили званіе полковниковъ и предводителей ватагъ изъ поспольства поднявшіеся противъ Польши; не поддержанные Брюховецкимъ, послѣдніе теперь предоставлены были судьбѣ

[1]) Н. Ј. К., II, 863.

Digitized by Google

своей. Тогда, какъ мы уже сказали, смѣлѣйшій изъ нихъ — Опара—провозгласилъ себя гетманомъ и съ перваго раза ухватился за помощь отъ татаръ. Противъ Опары выступилъ другой искатель первенства и власти — Дорошенко, также при помощи татаръ, и отъ нихъ получилъ признаніе своего гетманскаго сана. Но татары никогда еще не имѣли права давать Украйнѣ гетмановъ и невозможно казалось русскому народу внушить сознаніе такого права. Предстояло Дорошенку пристать или къ Польшѣ, или къ Москвѣ,—къ одной какой-нибудь сторонѣ—изъ сторонъ, уже боровшихся между собою за господство надъ Украйною съ какимъ-нибудь историческимъ правомъ на это господство. Не приставалъ еще ни къ той, ни къ другой, Дорошенко, а держался пока однихъ татаръ; но татары были тогда союзники польскаго короля, и потому естественно было Дорошенку, опираясь на татаръ, искать утвержденія отъ польскаго короля. Прежде, однако, чтобъ не имѣть судьбы Опары, нужно было ему заручиться желаніемъ казаковъ и поспольства признать его, а не кого другого гетманомъ. Но въ этомъ отношеніи у него были и впередъ должны были являться соперники. Сильнѣйшимъ соперникомъ въ первую пору гетманства Дорошенка явился Дрозденко. Онъ не призналъ власти Опары и сказалъ посланцу, пытавшемуся склонить его на сторону Опары: «я ни которою мѣрою не хочу отлучиться отъ царскаго величества; аще будете ляховъ бить—я съ вами, а коли вы съ ляхами за-одно—я не хочу съ тобою!». Опара палъ, — Дрозденко сталъ также и противъ Дорошенка: выступилъ изъ Брацлава, ожидая встрѣчи съ Дорошенкомъ, и сталъ въ мѣстечкѣ Кубличѣ, на Бугѣ, съ четырьмя тысячами возстанцевъ, въ числѣ которыхъ были волохи и сербы. Дорошенко двинулся на Дрозденка съ татарами, сталъ въ урочищѣ Добрая-Долина и послалъ подъѣздъ отыскивать своего соперника. Всѣ казаки этого подъѣзда передались Дрозденку. Но къ Дорошенку прибывали свѣжія татарскія силы—отрядами, одинъ за другимъ. Страшны были для Украйны эти союзники Дорошенка. Пришедши, не оставались они при гетманскомъ войскѣ, а расходились въ стороны загонами, какъ-бы для того, чтобъ заставлять поселенія и города признавать власть Дорошенка; они грабили, жгли и уводили яссыръ безъ всякаго милосердія. Такъ потерпѣли тогда четыре городка: Лесовичи, Ковшовата, Звенигородка и Конская; всѣхъ тамошнихъ жителей угнали татары въ неволю. Одни загоны уходили въ степи съ толпою яссыра, — другіе, на смѣну имъ, приходили за яссыромъ. Дорошенко напрасно старался остановить ихъ и представлялъ ихъ

Digitized by Google

мурзамъ, что вѣдь это земля ихъ союзника — польскаго короля, обѣщалъ имъ, послѣ того, какъ расправится съ Дрозденкомъ, отпустить ихъ на поживу въ царскія области, на лѣвый берегъ Днѣпра. Не слишкомъ слушались его татары; тѣмъ не менѣе и своевольными шатаніями своихъ загоновъ принесли однако пользу Дорошенку. Они нагнали такой страхъ на жителей, что многіе признавали Дорошенка гетманомъ, чтобъ не понести страшнаго разоренія отъ его союзниковъ. При томъ ихъ наплыло тогда такъ много, что и при самомъ Дорошенкѣ оставалась ихъ большая сила. Съ ними погналъ онъ своего соперника въ Брацлавъ и тамъ осадилъ его. Кальницкій полковникъ — Мельникъ, прежде вѣрно державшійся царя, вдругъ взбѣсился, по выраженію современника, — перебилъ посланцевъ съ лѣваго берега Днѣпра и объявилъ себя за Дорошенка. Другіе городки около Буга послѣдовали примѣру Кальника. Овручскій полковникъ, Децикъ, держался въ Мотовиловкѣ и сносился съ Дрозденкомъ, такъ что его посланцы благополучно ѣздили въ Брацлавъ и ворочались. Не такъ легко было сноситься другимъ съ Брацлавомъ. Бруховецкій, оставивши Мотовиловку и прибывши въ Каневъ, долженъ былъ, по царской волѣ, отправляться въ Москву и оставилъ въ Каневѣ, вмѣсто себя, наказнымъ гетманомъ переяславскаго полковника — Ермолаенка, съ четырьмя полками: нѣжинскимъ, прилуцкимъ, зеньковскимъ и лубенскимъ. Этотъ временный правитель Украйны хотѣлъ также вести сношенія съ Дрозденкомъ, но посланцы Ермолаенка не могли добраться до Брацлава, а посланцы Дрозденка также не могли дойти до Канева, чтобъ испрашивать помощи. Пока татарскіе загоны по сторонамъ заставляли страхомъ городки и села признавать гетманомъ Дорошенка, самъ Дорошенко держалъ Брацлавъ въ блокадѣ двадцать дней и голодъ заставилъ многихъ переходить отъ Дрозденка къ Дорошенку. Наконецъ, видя себя и малолюднымъ, и малосильнымъ, Дрозденко сдался, но не Дорошенку, а татарскому мурзѣ [1]), и объявилъ, что у него есть скарбъ въ Рашковѣ, гдѣ находилась тогда его жена. Туда отправился онъ самъ съ воли мурзы, но туда же послѣдовалъ и Дорошенко, чтобъ отнять у побѣжденнаго соперника скарбъ и выплатить имъ ордѣ. Скарбъ этотъ, какъ кажется, былъ тотъ самый, который Дрозденко отнялъ у Хмельницкой и

[1]) А. Ю. З. Р., VI, 53. Дрозденко сдался, повѣривши „прелестнымъ“ увѣщаніямъ Константина Могилевскаго, находившагося въ войскѣ Дорошенка полковникомъ: это былъ происхожденіемъ грекъ, искатель приключеній,—шатался по разнымъ странамъ и пришелъ въ Украйну съ толпою разныхъ набранныхъ бродягъ.

Digitized by Google

находился въ храненіи у какого-то доктора Константого. Ворочаясь отъ Рашкова, Дорошенко заплатилъ мурзѣ 30,000 денегъ, а отъ него взялъ плѣннаго Дрозденка и повезъ за собою къ Чигирину. Дорошенко до времени не дѣлалъ ничего дурного Дрозденку, но потомъ приказалъ его разстрѣлять.

Съ этихъ поръ Дорошенко утвердился въ Чигиринѣ, — въ своей родинѣ. Казаки взяли и заняли верхній городъ. Ляховъ, бывшихъ тамъ, не изгоняли, пока Дорошенко признавалъ себя королевскимъ подданнымъ. Напротивъ, эти поляки участвовали во многихъ походахъ вмѣстѣ съ Дорошенковыми казаками и продолжали получать отъ Дорошенка содержаніе, хотя очень недостаточное, — и это заставляло ихъ уходить. Такъ, наконецъ, они исчезли. Остались только такіе, которые поступили впослѣдствіи въ число охотнаго войска, постоянно держимаго Дорошенкомъ.

Татары, пришедшіе къ Дорошенку на помощь, такъ широко распустили свои загоны, что добѣгали до самой Мотовиловки, угоняя толпами на пути сельскихъ жителей. Изъ Мотовиловки стало опасно не только высылать подъѣзды, но даже выходить людямъ въ поле на работы.

Дециkъ просилъ изъ Кіева ратныхъ людей на помощь; наказной гетманъ Ермолаенко также просилъ кіевскаго воеводу оказать помощь Децику; но Децику царскихъ ратныхъ людей не присылали — и, наконецъ, Дециkъ самовольно покинулъ Мотовиловку и прибылъ въ Кіевъ. Причину, отчего не присланы были Децику изъ Кіева царскіе ратные люди въ пору, епископъ Меѳодій, бывшій въ то время въ Кіевѣ, объясняетъ дряхлостью и неспособностью кіевскаго воеводы; а изъ отписки второго кіевскаго воеводы, Савлукова, видно, что Децику не подана была помощь оттого, что четырехъ-тысячный отрядъ царскихъ ратныхъ людей, находившихся тогда въ Кіевѣ, терпѣлъ во всемъ крайній недостатокъ и, не получая царскаго жалованья, былъ мало способенъ къ службѣ. Не добившись въ Кіевѣ помощи, Дециkъ уѣхалъ въ Переяславъ, а за нимъ и весь его полѣсскій полкъ перешелъ на лѣвую сторону Днѣпра и расположился въ Острѣ, Козельцѣ, Бобровицѣ, Гоголевѣ «на докуку людскую». Ермолаенко былъ очень недоволенъ, зачѣмъ Дециkъ оставилъ самовольно все Полѣсье безъ обороны; Ермолаенко посылалъ Децика снова на правую сторону съ своимъ полкомъ. Дециkъ не послушалъ. Ермолаенко послалъ казаковъ прилуцкаго полка съ наказнымъ полковникомъ Стычинскимъ занять въ Полѣсьѣ

Digitized by Google

Димеръ — важный пунктъ, гдѣ была переправа, но прилуцкіе казаки также не послушались Ермолаенка.

Децикъ, вышедши изъ Мотовиловки, не сжегъ ее и оставилъ пустою. Вслѣдъ за нимъ командиръ бѣло-церковскаго польскаго гарнизона, Стахорскій, распорядился накликать туда прежнихъ, вѣрныхъ польскому королю жителей, но кіевскіе воеводы, узнавши объ этомъ, послали рейтаровъ, которые 18-го ноября ночью ворвались въ городъ, зажгли его и истребили мотовиловскихъ людей, только-что туда пришедшихъ.

Жители правобережной Украйны со дня на день видѣли себя въ болѣе горькомъ положеніи: татары не давали имъ работать на поляхъ, сожигали ихъ жилища, уводили въ полонъ ихъ семейства. Русскіе продолжали переселяться на лѣвую сторону Днѣпра. Въ сентябрѣ изъ Лисянки въ два пріема перешли на лѣвую сторону, въ Переяславъ, толпы съ семействами, покинувъ свое достояніе. Перебѣжчики говорили: «всѣ наши мѣстечки въ тревогѣ, всѣ жители хотѣли бы на лѣвую сторону перебраться; у насъ татары весь хлѣбъ на полѣ потравили и народъ питается только дикими грушами». Поставленные въ Каневѣ казацкіе полковники доносили: «бѣдные люди отъ мучителей безпрестанно, какъ овцы, на лѣвую сторону бѣгутъ» [1]). — «Посылаемъ каждый день подъѣзды, да видимъ, что и посылать-то ужъ будетъ скоро не́ для чего: въ городкахъ счетомъ люди остались; толпами бѣгутъ пѣшіе на лѣвую сторону въ наши городы и всѣ наги, отъ непріятелей въ конецъ обнажены» [2]). Но и на лѣвой сторонѣ не давали враги малороссіянамъ покоя. Дорошенко, раздѣлавшись съ Дрозденкомъ, послалъ универсалъ въ лѣвобережные полки, совѣтуя признать себя гетманомъ и подчиниться польскому королю, а потомъ стали дѣлать съ праваго берега на лѣвый и вооруженные набѣги, окончившіеся счастливо для лѣвобережныхъ. Начальные люди въ Малороссіи опасались, чтобъ Дорошенко съ ордою не кинулся на лѣвую сторону, разсчитывая на отсутствіе тамъ гетмана. Ермолаенко, находясь въ Каневѣ, писалъ въ Москву къ гетману, что казацкіе начальники перестануть его слушаться и самовольно покинутъ Каневъ, какъ только Дорошенко покусится воевать лѣвую сторону. Епископъ Меѳодій изъ Кіева, отъ 30-го октября, писалъ въ Нѣжинъ къ Ракушкѣ (котораго Бруховецкій назначилъ быть войсковымъ дозорщикомъ), чтобъ онъ звалъ гетмана въ Украйну. И къ са-

[1]) Ibidem, 68.
[2]) Ibidem, 84.

Digitized by Google

мому гетману въ Москву писалъ епископъ: «нынѣ безъ бытности вашей милости ничего добраго нѣтъ; всякъ въ свой носъ думаетъ» [1]).

Какъ ни безпокоились на лѣвой сторонѣ Днѣпра, ожидая появленія Дорошенка и татарской орды, но не обходилось безъ ссоръ малороссіянъ съ царскими ратными людьми. Въ мѣстечкѣ Котельвѣ и въ Куземинѣ расположенные на постоѣ у жителей нѣмцы, служащіе въ царскомъ войскѣ, чинили тягости хозяевамъ и даже насиловали ихъ женъ [2]). Такія же самоуправства дѣлались въ Переяславѣ и Нѣжинѣ, и когда малороссіяне сопротивлялись насилію, то ратные царскіе люди стращали ихъ побоями и даже смертію. «Всякому» — говорилъ по этому поводу современникъ, «свое здоровье мило, а какъ станутъ угрожать здоровью — трудно жить» [3]). Въ городѣ Кіевѣ мѣщане безпрестанно не ладили съ царскими ратными людьми, и черезъ то вступали въ пререканія съ воеводами. Въ челобитной, поданной въ августѣ 1665 года, кіевскіе мѣщане жаловались, что царскіе ратные люди захватываютъ торговыя мѣста въ городѣ, рыбныя ловли въ озерахъ около города, забираютъ у промышленниковъ байдаки, челны и рыболовныя снасти, заказываютъ кузнецамъ, бронникамъ, кожевникамъ разныя работы и не платятъ по договору; недовольны были мѣщане и постоями царскихъ ратныхъ людей въ обывательскихъ домахъ, тѣмъ болѣе, что кіевскіе жители не занимались хлѣбопашествомъ и ѣли покупной хлѣбъ, а поэтому кормить ратныхъ людей было для нихъ накладно, жаловались и на тягость подводной повинности. Воевода въ своей отпискѣ въ приказъ объяснялъ, что эти жалобы несправедливы; царскіе ратные люди овладѣвали только такими торговыми мѣстами и угодьями, которыя прежде принадлежали бѣглымъ и стояли впустѣ, подводы же съ мѣщанъ берутся рѣдко, а болѣе всего берутся онѣ съ иногородныхъ торговцевъ [4]). Не только царскими ратными людьми народъ былъ недоволенъ, — заводились ссоры на границахъ съ великороссійскими обывателями. Изъ Конотопа поѣхали казаки въ лѣсъ за дровами; вдругъ изъ путивльскаго уѣзда напалъ на нихъ помѣщикъ, сынъ боярскій, Денисъ Константиновъ съ жителями Вязовской слободы, ограбилъ ихъ, а одного казака, не отдававшаго своихъ лошадей, такъ ударилъ мушкетнымъ дуломъ въ грудь, что казакъ на третій день умеръ.

[1]) Ibidem, 44.
[2]) Ibidem, 43, 45.
[3]) Ibidem, 61.
[4]) Ibidem, 51.

Digitized by Google

Убійцу поймали и посадили въ тюрьму въ Конотопѣ, но путивльскій воевода потребовалъ прислать его къ нему, и преступникъ остался не наказанъ [1]).

Но у малороссіянъ, кромѣ ссоръ со служилыми великороссіянами, были и между собою сословныя ссоры, по поводу которыхъ они обращались съ челобитными къ воеводамъ или въ малороссійскій приказъ. Такъ, напримѣръ, тѣ же кіевскіе мѣщане жаловались на казаковъ, что они пріѣзжали въ Кіевъ какъ-бы проѣздомъ, слѣдуя къ Мотовиловкѣ, но проживали въ Кіевѣ по мѣсяцу и приводили въ страхъ мѣщанъ, требуя себѣ содержанія и дѣлая хозяевамъ насилія и побои. Кромѣ того, они жаловались, что самъ гетманъ присылалъ иногда въ Кіевъ казаковъ, которые дозволяли себѣ тамъ самовольства.

VII.

Пріѣздъ Бруховецкаго въ Москву.—Почетный пріемъ, оказанный гетману.—Бракъ его съ княжною Долгоруковою.—Бруховецкій ударилъ челомъ государю всѣми городами малороссійскими.—Бруховецкій пожалованъ бояриномъ, а старшины и полковники произведены въ дворяне.—Жалованныя имъ помѣстья.—Жалованныя грамоты городамъ.—Отъѣздъ Бруховецкаго.

Въ то время, когда происходили въ Украйнѣ описанныя событія, Бруховецкій находился въ Москвѣ. Онъ прибылъ въ царскую столицу 11-го сентября 1665 года. Съ нимъ пріѣхали генеральные войсковые старшины: обозный Иванъ Цесарскій, судья Петро Забѣла, асаулы: Богданъ Щербакъ, Василь Ѳедяшко и Павелъ Константиновичъ, бунчужный Юско Шишаковскій, хорунжій Николай Яковенко, полковники: нѣжинскій, Матвѣй Гвинтовка, лубенскій Григорій Гамалѣя, 79 сотниковъ, атамановъ, полковыхъ писарей и канцелярскихъ подписковъ, пять человѣкъ посланцевъ отъ городовъ, четыре войта, девять бурмистровъ, райцевъ и писарей, 296 человѣкъ казаковъ и пѣвчихъ (спѣваковъ) 21 человѣкъ мѣщанъ, 106 челядниковъ и хлопцевъ, всего 535 человѣкъ. Со времени присоединенія Малороссіи къ московскому государству, въ первый разъ пріѣзжалъ въ столицу и притомъ съ такою большою ассистенціею малороссійскій гетманъ, и былъ онъ въ этотъ разъ принятъ съ большимъ почетомъ, какъ важная владѣтельная особа. У Серпуховскихъ воротъ за Земляным Городомъ устроена была ему почетная встрѣча; пред-

[1]) Ibidem, 60.

Digitized by Google

ставились назначенные ему пристава: ясельничій Иванъ Аѳанасьевичъ Желябужскій и дьякъ Григорій Богдановъ. Для вступленія гетмана въ столицу отправленъ былъ изъ царской конюшни богато-убранный породистый сѣрый меринъ, осѣдланный бархатнымъ золотнымъ сѣдломъ съ лукою, оправленною позолоченымъ серебромъ, съ турецкимъ чепракомъ, золоченымъ по серебреной землѣ, съ мундштукомъ, украшеннымъ изумрудами и бирюзой. По обычаю церемонно спрашивали о здоровьѣ гостей, а гости кланялись въ землю въ благодарность за честь, оказанную сиросами о здоровьѣ отъ царскаго имени. Всѣ двинулись въ городъ черезъ Москворѣцкій мостъ, на Ильинскій крестецъ, въ построенный тамъ большой посольскій дворъ. Другіе особые пристава были назначены у старшинъ и полковниковъ. Приставы, какъ тѣ, что назначены были къ гетману, такъ и тѣ, что были при старшинахъ и полковникахъ, назначались будто для почета гостямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они были и секретными надзирателями за гостями: что съ ними гетманъ и другіе станутъ говорить, про то имъ велѣно сказывать въ малороссійскомъ приказѣ боярину Петру Михайловичу Салтыкову, завѣдывавшему на то время этимъ приказомъ. Водворивши гетмана и другихъ гостей, приставы должны были всѣмъ доставлять содержаніе по росписи, составленной въ приказѣ.

13-го сентября назначено было представленіе предъ царскую особу. Тогда для торжества на пути, по которому должны были слѣдовать гости, разставлены были двѣ сотни подъячихъ разныхъ приказовъ въ цвѣтныхъ праздничныхъ платьяхъ, шесть ротъ рейтаръ и три приказа стрѣльцовъ.

Пріемъ происходилъ въ столовой палатѣ.

Дьякъ малороссійскаго приказа Иванъ Михайловъ являлъ государю, что гетманъ войска запорожскаго, подданный его царскаго величества, а съ нимъ старшины и разныхъ полковъ посланцы ему, великому государю, челомъ ударили.

Послѣ этого заявленія, гетманъ говорилъ рѣчь, а потомъ дьякъ оповѣстилъ, что государь жалуетъ всѣхъ и допускаетъ къ своей рукѣ.

Происходило цѣлованіе царской руки. По окончаніи его, дьякъ сказалъ, что царь приказалъ спросить ихъ всѣхъ о здоровьѣ.

Гетманъ и всѣ бывшіе съ нимъ въ знакъ благодарности низко поклонились. Затѣмъ дьякъ заявилъ государю, что гетманъ бьетъ челомъ великому государю подарками. Эти подарки, въ то время объявленные, были: отнятыя у непріятеля двѣ пушки, серебря-

Digitized by Google

ная булава, принадлежавшая наказному гетману Яненку, отнятая подъ Бѣлою-Церковью, арабскій жеребецъ, осѣданный турецкимъ сѣдломъ, украшеннымъ драгоцѣнными камнями, турецкій кинчарь, обсаженный бирюзою, 89 польскихъ плѣнниковъ и 40 чабанскихъ воловъ для царской поварни. Царскимъ сыновьямъ: Алексѣю Алексѣевичу, Ѳеодору Алексѣевичу и Симеону Алексѣевичу, явлены были особые подарки: первому — саадакъ, лубья бархата чернаго, вышитаго золотомъ и серебромъ, по мѣстамъ запоны съ яхонтами червчатами (малиновыми) и жеребецъ турецкій; Ѳеодору — рыдванъ, обитый вишневымъ сукномъ и шесть возниковъ (упряжныхъ лошадей); а Симеону—два сѣрыхъ возника съ чубарами.

Объявленіемъ подарковъ окончилась церемонія пріема. Гетманъ и всѣ бывшіе съ нимъ прежнимъ порядкомъ возвратились въ свое помѣщеніе, и вслѣдъ затѣмъ прибылъ туда степенный ключникъ хлѣбеннаго дворца со столомъ. Полковники встрѣчали его на нижнемъ, а гетманъ на среднемъ крыльцѣ дома. Пріѣхавшій ключникъ объявилъ, что привезъ государева жалованья —яствы и питье. Гетманъ поклонился до земли. Такая доставка кушанья имѣла значеніе приглашенія гостей къ царскому столу. Постлана была скатерть, поставлены судки, тарелки, ложки серебряныя и ножи, какъ обыкновенно подавалось посламъ иноземнымъ.

Гетманъ обѣдалъ съ нѣжинскимъ протопопомъ, генеральными старшинами и полковниками. Прочіе обѣдали въ другихъ покояхъ. Пили изъ кубковъ фряжскія вина, романею, ренское и меды. Ключникъ подносилъ гетману и собесѣдникамъ его заздравныя чаши; всѣ пили, вставая съ своихъ мѣстъ, и произносили при этомъ весь длинный царскій титулъ, такимъ же порядкомъ пили здоровье трехъ сыновей государя. Соблюдая обычай тогдашней вѣжливости, обѣдавшіе хвалились «государскою милостію» и изъявляли довольство и благодарность. День былъ постный. Кушанья приготовлены были изъ осетрины, бѣлуги, бѣлорыбицы, стерлядей, карасей, щуки, пироговъ, оладей и левашниковъ съ патокою.

17-го сентября былъ другой такой же приносъ кушанья и питья съ путнымъ ключникомъ Михайломъ Лихачевымъ, по поводу именинъ царевны Софіи; но теперь день былъ скоромный, и столъ изобиловалъ всякаго рода мясными кушаньями, въ нихъ играла главную роль курица въ различныхъ приготовленіяхъ, затѣмъ — лебедь, гусь, утка, баранина, пироги съ мясомъ, сыромъ, яйцами, курники, оладьи, блины, а въ концѣ обѣда, въ

Digitized by Google

видѣ лакомства, поданы были «тазъ яблочный» и пастила трубою. Слѣдовало, такъ какъ и прежде, питіе заздравныхъ чашъ, но теперь пили и за бояръ, за гетмана и за все вѣрное войско запорожское. Послѣ стола гетманъ подарилъ доставившему столъ ключнику саблю въ щегольской оправѣ.

Въ этотъ день Бруховецкій поручилъ своему приставу Желябужскому бить челомъ боярину Салтыкову, чтобъ тотъ донесъ его челобитіе государю: «пожаловалъ бы меня, гетмана, великій государь, велѣлъ бы меня женить на московской дѣвицѣ, а не женя — не отпускать изъ Москвы».

Неизвѣстно, внушена ли была гетману такая мысль отъ московскихъ людей, или же онъ самъ возымѣлъ ее, сообразивши, что это будетъ пріятно верховной власти, что въ желаніи малороссійскаго гетмана обзавестись свойствомъ въ Москвѣ увидятъ прочное намѣреніе пребывать непоколебимо въ подданствѣ и въ послушаніи государевой волѣ, и тогда не станутъ въ Москвѣ подозрѣвать, что онъ способенъ пойти по слѣдамъ прежнихъ гетмановъ, отступавшихъ отъ подданства царю; а о такомъ подозрѣніи ему уже сообщались намеки.

Желябужскій спросилъ гетмана: есть ли у тебя на примѣтѣ невѣста? Дѣвка или вдова тебѣ надобна?

Гетманъ отвѣчалъ: на примѣтѣ нѣту у меня невѣсты, и на вдовѣ жениться у меня мысли нѣтъ. Пусть пожалуетъ меня великій государь — укажетъ мнѣ жениться на дѣвкѣ, а женясь, стану я бить челомъ великому государю: пусть пожалуетъ меня вѣчными вотчинами поближе къ Новгороду-Сѣверскому, чтобъ тамъ женѣ моей жить, и послѣ моей смерти женѣ моей и дѣтямъ по государевой милости было бы прочно.

Желябужскій замѣтилъ: коли твоя жена будетъ тамъ жить, такъ и тебѣ съ нею мѣшкать придется тамъ же; а какъ войску доведется быть въ собраніи, гдѣ ему собираться? да и безъ сбору войска много ли казаковъ нужно при тебѣ для гетманства твоего?

Гетманъ отвѣчалъ: войску собираться можно въ Гадячѣ или въ иномъ мѣстѣ, гдѣ будетъ пристойно по вѣстямъ, а я къ войску стану приходить; при мнѣ же быть можно повсягды человѣкъ съ триста, и теперь у меня такихъ, что мнѣ вѣрны, будетъ человѣкъ со сто. Пожаловалъ бы меня великій государь, указалъ прибавить ко мнѣ московскихъ людей, кѣмъ бы мнѣ отъ всего уберечься. Безъ такихъ людей мнѣ никоими мѣрами нельзя быть въ эти шаткія времена. Меня, гетмана, изневесть

Digitized by Google

хотѣли погубить, да асаулъ уберегъ: подмѣтя тотъ заводъ (т.-е. умыселъ), вѣсть мнѣ учинилъ [1]).

Еще 15-го сентября, сообразивши, чего отъ него особенно въ Москвѣ хотѣли бы, гетманъ уговорилъ старшину и полковниковъ, прельстивши ихъ надеждами на большія царскія милости, «ударить челомъ государю всѣми малороссійскими городами». Подана была имъ о томъ челобитная. Въ отвѣтъ ему, поручено было составить статьи и представить боярамъ. 22-го октября такія статьи были представлены боярамъ въ отвѣтной палатѣ и подписаны съ обѣихъ сторонъ. Гетманъ, отъ имени своего и отъ имени всѣхъ старшинъ и полковниковъ, изъявилъ желаніе, чтобъ во всѣхъ малороссійскихъ городахъ всѣ денежные и не-денежные поборы съ мѣщанъ и поселянъ давались въ царскую казну, чтобъ такимъ образомъ туда шли доходы съ кабаковъ, которые слѣдовало завести во всѣхъ большихъ и малыхъ городахъ на горилку, размѣры съ мельницъ, дань медовая и доходы съ чужеземныхъ торговцевъ, чтобъ воеводы, съ опредѣленнымъ количествомъ ратныхъ людей, находились въ городахъ: Кіевѣ (ратныхъ 5,000), Черниговѣ (1,200), Переяславѣ (1,200, изъ которыхъ посылать въ Каневъ 500), Нѣжинѣ (1,200), Полтавѣ (1,200), Новгородъ-Сѣверскѣ, Кременчугѣ, Кодакѣ и Острѣ (по 300), съ тѣмъ однако, чтобы воеводы не судили казаковъ и въ имущество ихъ не вмѣшивались. Отдавая поспольство на произволъ Москвѣ, старшины старались выгородить свое казацкое сословіе, обставя его всевозможными льготами [2]). Послѣ подписанія договора, гетманъ и старшины приглашены были къ царскому столу въ столовой палатѣ, и послѣ стола произнесена была къ гетману отъ царскаго имени рѣчь, въ которой одобрялось его поведеніе, восхвалялся онъ за воинскія доблести противъ ляховъ и измѣнниковъ, но болѣе всего за то, что «ударилъ государю челомъ всѣми городами, землями и со всѣми хлѣбными и со всякими доходами». Гетману пожаловали золотную ферезею, украшенную драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ и горлатную шапку; старшинамъ, полковникамъ и писарямъ дали собелей и суконъ. Гетманъ произведенъ былъ въ бояре, а прочіе пожалованы дворянскимъ достоинствомъ [3]). 31-го октября у Ивана Желябужскаго съ гетманомъ происходилъ такой разговоръ.

Гетманъ сказалъ: «доложить великаго государя, какъ прика-

---

[1]) А. Ю. З. Р., VI, 10.

[2]) Собраніе госуд. грам. и договоровъ, IV, 156—162.

[3]) Полное собр. зак., I, 615.

Digitized by Google

жетъ мнѣ—самому ли видѣться съ княземъ Дмитріемъ Алексѣевичемъ Долгоруковымъ и о сватовствѣ съ его дочерью договориться, или черезъ кого обослаться? и если договоръ учинится и по рукамъ ударимъ, какой срокъ положить свадьбѣ и отъ кого изъ дома имать, и кто станетъ выдавать, и на который дворъ привезть, и на свадьбѣ у меня кому въ какомъ чинѣ быть? а я бы желалъ, чтобы въ отцово мѣсто былъ на свадьбѣ у меня боринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ. Я о томъ уже билъ челомъ ему, боярину. И въ какомъ платьѣ укажетъ государь быть мнѣ—въ нашемъ ли служиломъ, или въ московскомъ чиновномъ, а ударивши по рукамъ до свадьбы къ невѣстѣ съ чѣмъ посылаться? По нашему обыкновенію, до свадьбы невѣстѣ посылаютъ серьги, платье, чулки и башмаки. Пусть бы государь указалъ свадьбѣ совершиться въ первой половинѣ ноября».

День свадьбы гетмана неизвѣстенъ. Равнымъ образомъ неизвѣстно: самъ ли гетманъ указалъ на семейство окольничьяго князя Дмитрія Алексѣевича Долгорукова, или же самъ государь нашелъ подручнымъ женить гетмана на княжнѣ Долгоруковой. Послѣ свадьбы гетманъ билъ челомъ государю даровать ему въ потомственное владѣніе со всѣми доходными статьями сотню Шептаковскую, находившуюся въ Стародубскомъ полку, на тотъ конецъ, чтобъ ему, гетману, и женѣ его, и дѣтямъ, если таковыхъ Богъ дастъ, было всегдашнее особое прибѣжище, кромѣ Гадяча, такъ какъ послѣдній, бывшій въ то время резиденціей Брюховецкаго, былъ приписанъ къ гетманской булавѣ и могъ всегда составлять достояніе того, кто былъ на гетманскомъ урядѣ. Кромѣ Шептаковской волости, выпросилъ Брюховецкій себѣ во владѣніе мельницы на Ворсклѣ, дворъ въ Переяславѣ и дворъ въ Москвѣ на случай пріѣзда въ столицу. Лохвица и Ромень съ волостьми опредѣлялись на войсковую армату (артиллерію).

Новопроизведенные дворяне, старшины и полковники получили по ихъ челобитью маетности [1]). Другимъ отсутствующимъ лицамъ, полковникамъ: черниговскому Многогрѣшному, прилуцкому Горленко, полтавскому Витязенку, миргородскому Апостоленку, стародубскому Остраннину и генеральному писарю Степану Гречаному, также дано дворянство и пожалованы маст-

[1]) Судья Забѣла—сёла: Обтовъ, Ревутинцы, Лучинки, Погорѣловку, Ковенки; войсковой писарь Шайкевичъ—Покурницу и Ковчинъ; полковники: кіевскій Дворецкій—Серединку, Надиновку и Бурки; нѣжинскій Гвинтовка — село Нехаевку; лубенскій Гамалѣя—Хорутовку и Хицы, а переяславскій Ермолаенко, оставленный наказнымъ гетманомъ—городъ Домонтовъ надъ Днѣпромъ.

Digitized by Google

ности [1]). Гетманъ билъ челомъ за войтовъ и мѣщанъ, которые находились тогда въ Москвѣ и просилъ выдать ихъ городамъ жалованныя граматы на тотъ конецъ, чтобъ малороссійское посполъство, видя къ себѣ милость государя, утвердилось въ подданствѣ [2]). Тогда выданы были жалованныя грамоты на маетности и мельницы переяславскому протопопу, каневскаго Успенскаго монастыря игумену, гадячскимъ и любечскимъ мѣщанамъ [3]), Печерскому монастырю — грамота на владѣніе мѣстечкомъ Смѣлымъ съ четырьмя деревнями, и городамъ: Кіеву, Переяславу, Нѣжину, Каневу, Чернигову, Почепу, Гадячу, Стародубу, Ковельцу и Остру — грамоты, подтверждавшія ихъ, уже прежде бывшія у нихъ, магдебургскія права и привилегіи, обѣщалось мѣщанамъ этихъ городовъ царское милостивое жалованье и призрѣніе, а доходы хлѣбные и денежные назначалось собирать и отдавать въ казну впредь воеводамъ и приказнымъ людямъ [4]).

Угождая всѣми способами Москвѣ, Бруховецкій готовъ былъ бить челомъ о всемъ, что, по его соображеніямъ или быть можетъ по прямому внушенію отъ москвичей, московскому правительству пришлось бы по вкусу. Такъ, онъ просилъ, чтобы въ Кіевъ присланъ былъ изъ Москвы русскій святитель и малороссійское духовенство не зависѣло бы отъ митрополита кіевскаго, утвержденнаго властію польскаго короля. Это очень понравилось московскому правительству, потому что такимъ способомъ въ его волю отдана была бы важнѣйшая сторона общественнаго строя въ Малороссіи. Но съ обычною московскою осторожностію на это гетману данъ былъ такой нерѣшительный отвѣтъ: о такомъ важномъ предметѣ будетъ учинена ссылка съ цареградскимъ патріархомъ, и, смотря по отвѣту, какой получится отъ патріарха, учиненъ будетъ царскій указъ [5]).

Всѣ малороссіяне, посѣтившіе тогда съ гетманомъ Москву, были обласканы и могли возвратиться на родину съ пріятнымъ впечатлѣніемъ, но не такая судьба постигла одного изъ нихъ, писаря Захара Шійкевича. Былъ пиръ у князя Юрія Алексѣевича Долгорукова, куда приглашены были гетманъ и малороссійскіе старшины. Шійкевичъ, подпивши, началъ браниться съ переяславскимъ протопопомъ Бутовичемъ, назвалъ его «брехуномъ» (лжецомъ) и замахнулся на него ножомъ. Протопопъ от-

---

[1]) А. Ю. З. Р., VI, 15.
[2]) Полное Собр. Зак., I, 633.
[3]) А. Ю. и З. Р., VI, 15.
[4]) Полн. Собр. Зак., I, 622.
[5]) Ibidem, 613.

Digitized by Google

нялъ у него ножъ, Шійкевичъ замахнулся на протопопа вилкою, и тутъ же, разгорячившись, началъ «лаять» позорными словами и судью и полковниковъ. Послѣ такого безобразія, войсковой арматный есаулъ Щербакъ подалъ на Шійкевича челобитную въ такомъ смыслѣ: войску запорожскому чинятся отъ него налоги и тягости, бьетъ и увѣчитъ людей невинно и ставится пышнѣе боярина и гетмана; гетманъ съ своей стороны доносилъ, что Захаръ билъ Ивана Сербина и двухъ подписковъ канцелярскихъ и одному изъ нихъ голову повредилъ. Шійкевичъ, по желанію гетмана, былъ сосланъ въ Сибирь.

Замѣчательно, что бывшіе около гетмана при первой же возможности покушались тайно вредить ему въ высшихъ кругахъ московскаго правительства. Кіевскій полковникъ Дворецкій по секрету говорилъ Желябужскому: «гетмана выбрали полковники, и онъ ими только держится, а простые казаки его не любятъ. Теперь наши говорятъ, будто я его наустилъ жениться въ Москвѣ. Боюсь, что про меня такъ будутъ говорить казаки. Пусть бы государь указалъ гетману о всякихъ дѣлахъ съ нами напередъ говорить, а не говоря съ нами—не велѣлъ бы ему ничего начинать [1]). Между тѣмъ, тотъ же Дворецкій, такъ исподтишка отзывавшійся о гетманѣ, записывалъ расположенія Бруховецкаго и просилъ дозволенія женить сына своего на гетманской свояченицѣ. Въ нравахъ того вѣка было наговаривать на сильныхъ и въ то же время искать у нихъ милости и благосклонности. Такъ относились старшины и полковники къ своему гетману, такъ и гетманъ раболѣпно, но двулично, относился къ московской верховной власти, что и доказалъ впослѣдствіи.

На отпускѣ своемъ Бруховецкій еще получилъ на 400 рублей соболей, протопопъ—на 300 рублей лисицъ, старшинамъ и полковникамъ, всего двадцати человѣкамъ дано по сорока соболей, въ 80 рублей каждый сорокъ, а казаки и прочіе, въ числѣ 296-ти, получили по парѣ соболей въ 3 рубля; нѣкоторые же еще по другой парѣ въ 2 рубля. Кромѣ того, гетманъ, старшины и полковники на прощанье получили по кубку, по куску шелковыхъ матерій и по куску англійскаго сукна. 20-го декабря оставилъ Москву гетманъ со всею своею ассистенціею въ сопровожденіи пристава Леонтьева, которому указано было проводить гостей до Путивля и наблюдать, чтобъ русскіе люди не дѣлали обидъ малороссіянамъ, а малороссіяне русскимъ людямъ на всемъ пути своемъ.

---

[1]) А. Ю. З. Р., VI., 16.

Digitized by Google

VIII.

Высокомѣріе Бруховецкаго. — Доносы его въ Москву на нѣкоторыхъ лицъ. — Корыстолюбіе гетмана. — Народныя своевольныя купы. — Пререканія гетмана съ великорусскими воеводами. — Пререканія съ епископомъ Меѳодіемъ по вопросу зависимости малороссійской церкви отъ Москвы. — Объясненія Меѳодія и кіевскихъ духовныхъ съ бояриномъ Шереметевымъ. — Меѳодій хочетъ настроить Шереметева противъ Бруховецкаго. — Заступничество Меѳодія за кіевскихъ мѣщанъ предъ Шереметевымъ. — Дьякъ Евстратъ Фроловъ. — Козни кіевскаго полковника Дворецкаго противъ гетмана.

Важнымъ и грознымъ человѣкомъ воротился въ Украйну Иванъ Мартыновичъ Бруховецкій, обласканный московскою властію съ небывалымъ для казака титуломъ боярина-гетмана. Тотчасъ въ Украйнѣ началъ онъ показывать свою силу и вліяніе, какое пріобрѣлъ въ столицѣ. Писаря Шийкевича спровадилъ онъ въ Сибирь, еще будучи въ Москвѣ; теперь, по возвращеніи, такая же судьба постигла войскового судью Юрія Незамая. Еще прежде, когда Бруховецкій находился въ Каневѣ, Незамай безъ приказанія гетмана выдалъ проѣзжій листъ женамъ пяти каневцевъ, навлекшихъ на себя гнѣвъ гетмана; за это Бруховецкій тогда же поколотилъ судью и приказалъ заковать въ кандалы, а по возвращеніи своемъ изъ столицы отправилъ въ Москву, откуда Незамай былъ сосланъ въ Казань [1]). И другихъ лицъ, на которыхъ гетманъ имѣлъ подозрѣніе, упряталъ онъ тѣмъ же путемъ. Такъ, онъ отправилъ съ Огаревымъ въ Москву какихъ-то пять колодниковъ, потомъ оговорилъ передъ верховнымъ правительствомъ лубенскаго полковника Гамалѣю, бывшаго овручскаго полковника Децика и какого-то Карпа Давидовича, приказавши въ то же время взять ихъ подъ стражу. Онъ писалъ также на Дмитрашку Райчу. Этотъ человѣкъ, родомъ волохъ, прибылъ въ Украйну съ ватагою волоховъ и служилъ у Дрозденка; не покорившись Дорошенку, послѣ паденія Дрозденка, перешелъ онъ съ волошскою ватагою въ 500 человѣкъ на лѣвый берегъ Днѣпра и получилъ дозволеніе жить въ глуховскомъ уѣздѣ. Теперь гетманъ указывалъ на его неблагонадежность, просилъ услать его въ Смоленскъ; но малороссійскій приказъ велѣлъ отправить Дмитрашку Райчу въ заднѣпровскіе украинскіе города, и сообщилъ гетману, что онъ можетъ судить всѣхъ по своимъ войсковымъ правамъ, а присылать въ Москву можетъ только та-

[1]) А. Ю. З. Р., VI, 78.

Digitized by Google

кихъ, отъ которыхъ чаетъ какого-нибуть дурна, если они останутся на свободѣ въ малороссійскомъ краѣ.

Бруховецкій своимъ челобитьемъ о введеніи воеводъ и великороссійскаго управленія въ Малороссіи угождалъ Москвѣ, но это въ сущности отнимало у самого гетмана его выгоды, такъ какъ гетманъ долженъ былъ воеводамъ уступить важную часть управленія въ Украйнѣ. Теперь Бруховецкій хотѣлъ по-крайней-мѣрѣ воспользоваться временемъ, пока не пріѣдутъ воеводы, и выбрать для себя и для своихъ казацкихъ старшинъ по возможности больше съ мѣщанъ и съ поспольства поборовъ въ тѣхъ статьяхъ, которыя должны будутъ перейти въ вѣдѣніе воеводъ. Подначальные гетману старшины и полковники принялись, по приказанію гетмана, за такіе сборы, сопровождаемые грабежами, насиліями и побоями. Гетманъ обложилъ имѣнія духовенства и монастырей подъ предлогомъ составленія описи доходныхъ статей, отнималъ подъ разными предлогами у многихъ владѣльцевъ угодья и мельницы; жалобы и ропотъ дошли до кіевскаго воеводы Петра Васильевича Шереметева, только-что занявшаго въ Кіевѣ мѣсто князя Львова, и Шереметевъ сдѣлалъ запросъ гетману: на какомъ основаніи производятся сборы со статей, неподлежащихъ гетманскому вѣдомству? Гетманъ заперся, отвѣчалъ, что сборы собираются самовольно безъ его вѣдома, и что онъ послалъ по городамъ универсалы, приказывая, чтобы никто не собиралъ на него «стацій» (сборовъ), а собирались бы онѣ въ свое время въ казну великаго государя. Между тѣмъ въ Кіевѣ пріѣхавшему царскому дьяку Евстрату Фролову говорили епископъ Меѳодій и кіевскій полковникъ Дворецкій, а за ними вслѣдъ повторялъ то же и Шереметевъ: надобно, чтобъ переписчики доходныхъ статей по государеву указу поспѣшили въ Малую Россію; мѣщане рады будутъ и безъ отговорокъ станутъ вносить доходы въ казну государеву, лишь бы казацкимъ старшинамъ и казакамъ до нихъ не было дѣла. А если переписчики не прибудутъ до Семена-дня чтобъ переписать людей и угодья, съ чего доведется брать доходы въ царскую казну, то гетманъ, полковники и старшины всѣ доходы отберутъ на себя, а мѣщанъ и всѣхъ малороссійскихъ жителей оставятъ на цѣлый годъ нагихъ и ограбленныхъ. И въ народной громадѣ стало высказываться уже въ это время враждебное настроеніе къ Бруховецкому, на котораго, во время избранія его въ гетманы, смотрѣли какъ на защитника бѣдныхъ противъ богатыхъ, простыхъ противъ значныхъ. Въ разныхъ мѣстахъ по городамъ и селамъ собирались своевольныя «купы»; такая купа собралась недалеко отъ мѣстопребыванія гет-

Digitized by Google

мана въ гадячскомъ повѣтѣ, подъ начальствомъ прибывшаго туда изъ слободскихъ полковъ Ивана Донца, и гетманъ приказалъ ее разогнать, за что̀ получилъ изъ Москвы похвалу.

Но болѣе всего не ладилось у гетмана съ великороссійскими воеводами. На Шереметева писалъ въ приказъ Бруховецкій, будто тотъ приказалъ вывести казаковъ изъ города Димера и вмѣсто нихъ поставилъ тамъ залогу (гарнизонъ) изъ царскихъ ратныхъ людей, которые не могли устоять, — пришли изъ Бѣлой-Церкви поляки, побрали въ плѣнъ ратныхъ людей и овладѣли Димеромъ. Шереметевъ по этому поводу объяснялъ, что онъ вовсе не выводилъ казаковъ изъ Димера, не ставилъ туда залоги изъ своихъ людей, неизвѣстно ему, по чьему приказанію вышли казаки изъ Димера, и никого изъ ратныхъ царскихъ людей не брали въ плѣнъ и не убивали поляки. Бруховецкій доносилъ, что лихіе люди прельщаютъ Шереметева лукавыми словами и ссорятъ съ гетманомъ, а Шереметевъ возражалъ, что все это неправда. Никто его съ гетманомъ не ссоритъ, а самъ гетманъ «зѣло корыстенъ» и облагаетъ поспольство всякими поборами; Шереметевъ повѣрилъ собирать на государя проѣзжую пошлину на перевозѣ у Переяслава гречанину Томарѣ, и тотъ собралъ этой пошлины 500 рублей, а гетманъ требовалъ, чтобъ Томара привезъ ему въ Гадячъ тысячу рублей, и Томара, не имѣя столько денегъ, боялся, чтобъ ему «не быть безъ головы» [1]). Не въ ладахъ былъ гетманъ и съ переяславскимъ воеводою Вердеревскимъ; доносилъ, что Вердеревскій былъ жаденъ, бралъ поборы и подъ предлогомъ, что въ какомъ-нибудь городѣ или деревнѣ казакъ, по приказанію воеводы, не шелъ въ войско, посылалъ туда ратныхъ царскихъ людей на становище и приказывалъ собирать съ жителей кормы. На Якова Тимофеевича Хитрова, бывшаго прежде при гетманѣ въ Каневѣ, а потомъ назначеннаго воеводою въ Полтаву, гетманъ доносилъ, что онъ полтавскихъ казаковъ отягощаетъ подводами, забирая лошадей у тѣхъ, которые сами были на службѣ и оскорбляетъ заслуженныхъ лицъ бывшихъ прежде полковниками: да и самого тогдашняго полковника ставитъ ни во что, говоря: онъ вашъ полковникъ, а я отъ государя посланъ и болѣе всѣхъ васъ, а вы всѣ подчорты! «У него — писалъ въ Москву гетманъ со словъ полтавцевъ — лучше обхожденіе съ наложницами маіоровъ, чѣмъ съ казацкими женами. Ни въ сѣножатяхъ, ни въ огороженныхъ лугахъ и огородахъ казаки не вольны. Какъ къ нему кто придетъ изъ товарищей, онъ очи имъ

[1]) Ibidem, 94.

Digitized by Google

тростью выбиваетъ, въ глаза плюетъ, а деньщики, по его приказу, въ шею выталкиваютъ» [1]). Недружелюбно относился гетманъ и къ находившемуся при немъ въ Гадячѣ воеводѣ Ѳедору Протасьеву и доносилъ, что тотъ съ умысла, на зло гетману, допускаетъ ратнымъ людямъ обижать малороссіянъ. Въ Гадячѣ, Котельвѣ и иныхъ городахъ не найдется ни одного двора, чтобъ не былъ обокраденъ, а коли поймаютъ вора и приведутъ къ воеводѣ на расправу, такъ онъ не наказываетъ преступника и даже не отнимаетъ у него краденаго имущества. Двухъ казаковъ убили и убійцъ поймали, но никакого сыска и наказанія имъ не было. Впрочемъ, Протасьевъ въ мартѣ мѣсяцѣ былъ отозванъ.

Бруховецкій и епископъ Меѳодій, какъ мы видѣли, были прежде большіе друзья между собою. Меѳодію не мало обязанъ былъ Бруховецкій своимъ возведеніемъ въ гетманское достоинство. Но по возвращеніи изъ Москвы, между ними, какъ говорится, пробѣжала черная кошка. Оба способны и склонны были заводить козни, доносить, клеветать и рыть другъ подъ другомъ яму. Гетманъ въ Москвѣ увлекся оказанными ему почестями и ласками и надавалъ совѣтовъ и предложеній, которыя должны были повлечь за собою большія перемѣны, не всѣмъ въ Малороссіи пріятныя. Введеніе воеводъ, отнимавшее судъ и расправу отъ казаковъ, еще не могло пока произвести ропота, потому что воеводское управленіе еще не начинало дѣйствовать, а Меѳодій, менѣе чѣмъ кто другой, имѣлъ право упрекать за такое нововведеніе Бруховецкаго, потому что Меѳодій, еще при Выговскомъ, будучи нѣжинскимъ протопопомъ Максимомъ Филимоновичемъ, указывалъ Москвѣ на введеніе воеводскаго управленія какъ на лучшее средство успокоить край. Но гетманъ, будучи въ Москвѣ, затронулъ и управленіе церкви своимъ совѣтомъ прислать святителя изъ Москвы. По возвращеніи гетмана Меѳодію сообщилъ объ этомъ Дворецкій, и тутъ Меѳодій увидѣлъ, такъ-сказать, узелокъ, за который могъ зацѣпиться и начать козни противъ гетмана. Меѳодій былъ нареченъ блюстителемъ митрополитскаго престола до избранія новаго митрополита, и по его наущенію кіевское духовенство обратилось къ гетману съ просьбою о томъ, что кіевское духовенство желаетъ по своимъ стародавнымъ правамъ и обычаямъ избрать въ митрополиты достойнаго человѣка. Гетманъ отвѣчалъ: «Радуюсь, что вы помышляете, чтобъ митрополія кіевская не пустѣла, не знаю только, такова ли воля будетъ его царскаго величества, чтобъ мысль ваша въ совершенство

[1]) Ibidem, 133.

Digitized by Google

пришла. Мнѣ въ Москвѣ припоминали постановленныя Богданомъ Хмельницкимъ статьи, чтобы въ малороссійскіе городы и именно въ Кіевъ митрополитъ былъ присланъ отъ святѣйшаго патріарха московскаго, и мы со всѣмъ товариществомъ, какъ городовымъ, такъ и низовымъ, которое въ Москвѣ тогда было, на томъ руки приложили; онъ, свѣтъ нашъ великій государь, отправилъ посланниковъ своихъ просить благословенія святѣйшихъ патріарховъ вселенскихъ, и мы должны ожидать ихъ счастливаго возвращенія и присылки къ намъ царскаго указа [1])».

Получивши такой отвѣтъ, Меѳодій, вмѣстѣ съ архимандритомъ печерскимъ и игуменами кіевскихъ монастырей, 22 февраля 1666 г., явился къ кіевскому воеводѣ Шереметеву за объясненіями.

— Мы просимъ,—говоритъ Меѳодій,—чтобъ великій государь насъ пожаловалъ, велѣлъ отпустить къ себѣ выбранныхъ нашихъ челобитчиковъ бить челомъ, чтобъ великій государь не приказывалъ у насъ отнимать нашихъ правъ и вольностей.

— Вашихъ правъ и вольностей,—отвѣчалъ Шереметевъ,—великій государь отнимать не мыслитъ, да и отъ кого это вѣдомо вамъ учинилось, будто великій государь изволитъ у васъ отнимать права и вольности?

Епископъ сказалъ:

— Бояринъ и гетманъ написалъ намъ, что указалъ государь быть въ Кіевѣ митрополиту изъ Москвы, а не по стародавнимъ правамъ и вольностямъ нашимъ, не по нашему избранію. Мы состоимъ подъ благословеніемъ святѣйшаго патріарха цареградскаго, а не кого-нибудь другого, и если быть у насъ митрополиту московскому, тѣмъ права и вольности наши будутъ нарушены.

Шереметевъ сталъ было имъ объяснять, но духовные пришли въ раздраженіе и начали говорить, по выраженію воеводской отписки, «съ большою яростію»:

— Если у насъ быть митрополиту московскому, а не по нашему избранію, такъ пусть ужъ его величество велитъ насъ всѣхъ казнить. Мы на это добровольно не поступимся, и только пріѣдетъ къ намъ въ Кіевъ изъ Москвы митрополитъ, мы запремся въ монастыряхъ и не выйдемъ: развѣ насъ за шеи и за ноги выволокутъ! Видимъ мы, каковы у нихъ пастыри: вонъ въ Смоленскѣ архіепископъ Филаретъ права и вольности у духовнаго чина отнялъ, и мѣщанъ и шляхту обзываетъ иновѣрцами, а они не иновѣрцы, но православные христіане! И въ Кіевѣ, какъ будетъ московскій митрополитъ, такъ онъ станетъ всѣхъ кіевскихъ

[1]) Ibidem, 81.

Digitized by Google

жителей и всѣхъ малороссіянъ обзывать иновѣрцами, и оттого станется въ вѣрѣ расколъ и мятежъ не малый. Намъ лучше смерть принять, чѣмъ допустить въ Кіевѣ московскаго митрополита.

— Вы боитесь напрасно,—сказалъ боярин,—такой воли у великаго государя нѣтъ.

Духовные сказали:

— Намъ кажется, у тебя, боярин, есть о томъ тайный указъ отъ великаго государя.

Шереметевъ отвѣчалъ:

— Такого указа мнѣ не бывало, и гетманъ объ этомъ ко мнѣ ничего не писывалъ. А вотъ, ты, епископъ, говорилъ, что нельзя вамъ быть, когда пришлется московскій митрополитъ; такія слова твои непристойны. Благословлялъ развѣ патріархъ цареградскій васъ противиться волѣ Божіей и государеву указу?... Да ты самъ, епископъ, поставленъ отъ патріарха московскаго!

— Мы бьемъ челомъ,—сказалъ епископъ,—пусть великій государь насъ пожалуетъ, изволитъ указать выбрать намъ самимъ митрополита, а если великому государю угодно, чтобъ митрополитъ былъ подъ благословеніемъ московскаго патріарха, то пусть о томъ изволитъ написать къ цареградскому вселенскому патріарху, а нашу челобитную принять въ Кіевѣ о томъ, чтобъ митрополиту кіевскому быть по нашему избранію и по нашимъ стародавнимъ правамъ и вольностямъ, а челобитчиковъ нашихъ отпустить бы въ Москву къ великому государю.

— Не пристойно мнѣ принять вашу челобитную, потому что это дѣло духовное, а челобитчиковъ въ Москву отправить можете, —сказалъ Шереметевъ.

На другой или на третій день въ Софійской церкви печерскій архимандритъ повторялъ боярину о неумѣстности водворенія московскаго митрополита въ Кіевѣ. Шереметевъ сказалъ ему: «вамъ за то на гетмана не на что гнѣваться, хоть онъ о томъ великому государю и билъ челомъ, сдумавъ себѣ на Москвѣ, но вѣдь онъ чаялъ, что то вамъ угодно будетъ, потому что, по милости Божіей, за слезнымъ челобитьемъ всего малороссійскаго народа, вся Малая Россія присовокупилась къ Великой Россіи. При томъ же, въ этомъ дѣлѣ великій государь спишется съ цареградскимъ патріархомъ, и что патріархъ государю напишетъ, о томъ будетъ данъ царскій указъ!»

Архимандритъ сказалъ: «былъ въ Цареградѣ напередъ сего патріархъ Парѳеній; не восхотѣли его пастыремъ себѣ духовные и міряне, и былъ онъ сведенъ съ престола, а на его мѣсто возведенъ былъ Діонисій, который никогда не желалъ славы міра

Digitized by Google

сего. Нынѣ же прослышали мы, что на патріаршій престолъ возведенъ опять Парѳеній, подкупивши визиря и иныхъ мусульманскихъ сильныхъ правителей. Діонисій, безъ всякаго пренія, престолъ оставилъ. Мы же все Бога молимъ за Діонисія, а не за Парѳенія [1])».

Архимандритъ далъ понять боярину, что трудно будетъ предать вопросъ о кіевской митрополіи на разрѣшеніе цареградскаго патріарха при томъ настроеніи, въ какомъ находилась тогда православная духовная власть въ Константинополѣ.

Меѳодій, оставшись съ Шереметевымъ въ Софійскомъ соборѣ наединѣ, просилъ у него прощенія за рѣзкія слова.

«Это я говорилъ по неволѣ», объяснялъ Меѳодій: «я поставленъ въ Москвѣ, но малороссійскихъ городовъ духовныя лица упрекаютъ и поносятъ меня за это и теперь подозрѣваютъ, что это все я въ совѣтѣ съ гетманомъ учинилъ, чтобъ митрополиту кіевскому быть подъ благословеніемъ московскаго патріарха!»

Такимъ образомъ передъ своими духовными товарищами рисовался Меѳодій защитникомъ старины и горячился противъ московскаго произвола, но, между тѣмъ, оставлялъ себѣ лазейку представиться, гдѣ и когда нужно будетъ, сторонникомъ Москвы. Меѳодій очевидно разсчитывалъ такъ: останется въ митрополіи все по прежнему, онъ будетъ прославленъ охранителемъ старины, а свершится перемѣна—онъ выставитъ себя заранѣе ея первымъ сторонникомъ.

Всѣми способами и при всякомъ случаѣ выказывалъ епископъ свою вражду и къ гетману.

3 мая, былъ въ печерскомъ монастырѣ обѣдъ, гдѣ находился и пріѣзжавшій изъ Москвы царскій дьякъ Евстратъ Фроловъ. Послѣ обѣда гости отправились въ архимандритскую келію и стали пить здоровье бояръ и окольничьихъ. Евстратъ Фроловъ замѣтилъ, что надобно пить здоровье боярина и гетмана Ивана Мартыновича: «онъ великому государю вѣренъ и съ духовными пребываетъ въ любви и совѣтѣ, и войску запорожскому и всему малороссійскому народу своимъ добронравіемъ и правымъ разсужденіемъ угоденъ».

На это Меѳодій сказалъ: «онъ злодѣй и недоброхотъ намъ всѣмъ. Будучи на Москвѣ, онъ билъ челомъ великому государю, чтобъ у насъ въ Кіевѣ быть московскому митрополиту, знатно изъ того, что насъ передъ государемъ удаетъ какъ-бы невѣрными. Мы за его здоровье пить не станемъ».

---

[1]) Ibidem, 105.

Digitized by Google

И другіе духовные повторили то же вслѣдъ за епископомъ; нѣкоторые, однако, выпили съ мірянами, какъ видно побаиваясь. Меѳодій продолжалъ:

«Такого гетмана и боярина намъ ненадобно. Онъ принялъ на себя одного всю власть, самовольно старшинъ въ колодки сажаетъ и къ Москвѣ отсылаетъ, а здѣшнимъ людямъ смерть не такъ страшна, какъ московская отсылка. Съ мѣстъ полковниковъ смѣщаетъ, а новыхъ насылаетъ безъ войскового приговору. Я чаю, заднѣпровскіе городы подъ высокую руку его царскаго величества обратились бы, да Бруховецкаго боятся!

Печерскій архимандритъ присовокупилъ:

— Его гетманскаго войска казаки наши монастырскія маетности между Бѣлою-Церковью и Кіевомъ разоряютъ и крестьянъ грабятъ пуще непріятеля, а гетманъ, по нашему письму, не сыскиваетъ и не чинитъ намъ обороны.

Полковникъ Дворецкій, еще прежде въ Москвѣ замышлявшій подставить ногу Бруховецкому, теперь поддѣлывался къ московскому дьяку Фролову и велъ съ нимъ въ этотъ день наединѣ бесѣду. Онъ хвалилъ передъ нимъ епископа Меѳодія и духовенство, а гетмана злословилъ. «Меѳодій епископъ, — говорилъ онъ, — посылалъ въ Чигиринъ уговаривать людей, чтобъ вины свои принесли и учинились подъ высокодержавною рукою великаго государя. Тамошніе жители къ тому склонны, да и Дорошенко говорилъ, что самъ тому радъ, да боится боярина и гетмана: сдѣлаетъ его безъ головы, либо въ Москву отошлетъ» [1]).

На другой день, 4 мая, пріѣхалъ Меѳодій къ Шереметеву и сказалъ: «бояринъ! вели крѣпить осады въ Кіевѣ и въ другихъ малороссійскихъ городахъ. Быть бѣдѣ великой. Мнѣ о томъ сказалъ чернецъ, котораго я посылалъ въ Полтаву».

— Какой бѣдѣ быть! — возразилъ Шереметевъ:—бояринъ и гетманъ Иванъ Мартыновичъ и старшины, и полковники и всѣ казаки великому государю вѣрны, нѣотчего быть бѣдѣ!

Епископъ сказалъ:

— Въ Запорожьѣ и въ Полтавѣ шатость великая, а запорожцы съ полтавцами живутъ совѣтно, словно мужъ съ женою. Боярина и гетмана всѣ не любятъ: и полковники, и старшины, и казаки и духовенство,—за то не любятъ его, что учалъ дѣлать своенравіемъ: въ Переяславъ, Полтаву и Миргородъ выбралъ полковниковъ безъ посполитой рады по своей волѣ, а не по стародавнимъ ихъ правамъ; многихъ знатныхъ казаковъ, по наносу, кто на кого что̀ нанесетъ, безъ сыску въ Москву засылаетъ».

[1]) Ibidem, 104.

Digitized by Google

Шереметевъ отвѣчалъ:

— Бояринъ и гетманъ все дѣлаетъ по вашимъ казацкимъ правамъ; онъ учиненъ гетманомъ и обранъ всѣмъ войскомъ запорожскимъ, а только его перемѣнить — вамъ такого гетмана не выбрать. Развѣ такого выберутъ казаки, что всѣхъ ихъ женъ и дѣтей въ Крымъ задастъ! А что бояринъ и гетманъ кому за вину наказаніе чинитъ, такъ это добро. А хоть и въ Москву кого пошлетъ, что-жъ? вѣдь у нашего великаго государя все дѣлается милостивымъ разсмотрѣніемъ. За это на гетмана хулы наносить не-за что!

Епископъ Меѳодій сказалъ на это:

— Да вѣдь это я говорю не отъ себя; такъ полковники и старшины говорятъ: пусть бы де былъ онъ гетманомъ у нихъ, только бы нравы свои отставилъ; а то лучше, говорятъ они, имъ смерть принять, чѣмъ ихъ въ Москву будутъ засылать [1]).

И гетманъ тогда въ письмахъ своихъ къ Шереметеву старался очернить епископа. Онъ указывалъ на то, что сынъ Меѳодія, прижитый въ то время, когда архіерей былъ священникомъ, женился на дочери какого-то Дубяги, котораго сыновья служили при польскомъ королѣ: «какъ бы отъ нихъ всѣхъ чего-нибудь худого не учинилось», замѣчалъ воеводѣ гетманъ. Шереметевъ отвѣчалъ, что за епископомъ не замѣтилъ еще ничего дурного, а если бы что-нибудь замѣтилъ, то написалъ бы великому государю.

Такъ Шереметевъ замѣчательно ловко уклонялся и отвертывался, когда пытались запутать его въ мѣстныя козни. Личность кіевскаго воеводы высказалась въ эти дни еще въ слѣдующемъ случаѣ. Меѳодій ходатайствовалъ у него за кіевскихъ мѣщанъ, которые просили освободить ихъ отъ военнаго постоя и предлагали воеводѣ «въ почесть» сто рублей, указывая при этомъ, что для ратныхъ людей можно построить избы въ верхнемъ городѣ (замкѣ) на счетъ государевой казны. Шереметевъ не взялъ, но предоставилъ мѣщанамъ на эти деньги построить избы. Мѣщане, чрезъ того же епископа, снова просили принять сто рублей «въ почесть» и пожертвовали другіе сто на постройку избъ. Шереметевъ и на этотъ разъ не взялъ себѣ ничего, но на всѣ двѣсти рублей, предлагаемые мѣщанами, приказывалъ строить избы для царскихъ ратныхъ и тѣмъ избавить мѣщанство отъ постоя въ домахъ. Рѣдкій случай, чтобъ московскій воевода того времени отказался отъ посула.

Н. Костомаровъ.

---

[1]) Ibidem, 99.

Digitized by Google

ДЕШЕВЫЙ ГОРОДЪ

ХРОНИКА-РОМАНЪ.

XIX *).

Эвина въ послѣднее время стала рѣже выходить изъ дому, рѣже стала появляться на бульварѣ и передъ кафѣ-рестораномъ, предпочитая вечернія прогулки, подъ руку съ Бавинымъ, гдѣ-нибудь въ болѣе отдаленныхъ и менѣе населенныхъ кварталахъ города.—Дорогой цѣной оцѣнивала она рѣдкія, порывистыя ласки своего новаго друга, который училъ ее самообладанію, и самъ держалъ въ желѣзной уздѣ свои страстныя, или, какъ говорилъ онъ, чисто животныя побужденія. Трудно было до самозабвенья увлекать его. Малѣйшая побѣда надъ нимъ казалась ей торжествомъ ея воли, ея любви, ея женской хитрости, и это торжество давало ей такія сладкія минуты, до такой степени удовлетворяло ея самолюбіе, что она покорно сносила его деспотическія, часто необъяснимыя, почти дикія выходки... Она боялась своего философа, боялась не измѣны и даже не его деспотизма,—боялась сойти съ того пьедестала, на который вознесъ ее Бавинъ, какъ безукоризненно честную, идеально-правдивую и сильную волей женщину.

Чтобъ угодить ему, она принялась за изученіе ботаники, за рисовку цвѣтовъ, за заучиванье латинскихъ названій ихъ. Снова начала учиться по-нѣмецки, чтобъ, подъ руководствомъ Бавина, со временемъ читать философскія сочиненія... Такъ поняла она—слово «трудиться»; но, задавая себѣ умственный трудъ, ни разу

*) См. выше: апр., 656 стр.

Digitized by Google

не задала себѣ вопроса: въ какой мѣрѣ будетъ полезенъ ей этотъ трудъ, и кто, какой смертный, будетъ нуждаться въ ея дилетантизмѣ или поверхностныхъ познаніяхъ. Одна изъ героинь Жоржъ-Занда—кажется, Женевьева—собирала цвѣты и занималась ботаникой, стало быть, почему же и Эвиной не заниматься изученіемъ лепестковъ, пестиковъ и не удивляться силамъ природы, заключеннымъ въ цвѣточной пыли, и въ таинственномъ процессѣ оплодотворенія.

Узнавъ отъ Сашина о прибытіи Сызранова, она, на третій день, въ воскресенье, въ десятомъ часу утра, отправилась къ нему въ гостинницу «Лондонъ», и страшно сконфузила, заставъ его съ голой шеей и голой грудью. Сызрановъ бросился одѣваться—и пока извинялся, Эвина, безъ всякихъ церемоній объявила ему, что ей нужно двѣсти рублей, и что деньги эти онъ получитъ отъ ея благовѣрнаго супруга, въ Москвѣ, предъявивъ ему ея росписку.—Разумѣется, всѣ свои требованья высказала она шутя и смѣясь, и съ такимъ тактомъ, что Сызрановъ былъ умасленъ, какъ только можетъ быть умасленъ старый бонвиванъ, отецъ семейства, помѣщикъ и въ то же время сущій обжора-ребенокъ пятидесяти лѣтъ, любимый всѣми своими сосѣдями.

— Радехонекъ, матушка вы моя — радехонекъ услужить вамъ... только погодите денька два—три... все вожусь я съ этимъ Меркуличемъ, покупщикомъ моихъ крымскихъ виноградниковъ—чтобъ имъ провалиться! Жарюсь я здѣсь — прѣю, такъ что моченьки моей нѣтъ... Домой, въ свою нору—въ березовую рощу тянетъ... а тутъ, голубушка моя, ни тпру, ни ну! Этотъ жидъ, Меркуличъ, какъ кажется, хочетъ меня зарѣзать—торгуется... и чуть не задаромъ покупаетъ эти мои виноградники. Увѣряетъ, что запущены. Самъ я знаю, что запущены — да, вѣдь и земля чего-нибудь да стóитъ, и я то же что-нибудь маракую... не даромъ же нажилъ во-какую лысину!

— Развѣ нельзя найти другого покупателя, кромѣ Меркулича?

— Можно, голубушка, — да вѣдь гдѣ-же я найду его? въ такое короткое время. А не продай я этихъ проклятыхъ виноградниковъ, вносить въ ломбардъ будетъ нечего, вотчину мою опишутъ... продадутъ—по міру пустятъ! Вотъ какія времена подошли!—Еще хорошо, что здѣсь дешево все.

— А небось... нарядовъ женѣ, да дочкамъ не позабудете накупить въ Одессѣ, благо—дешево. Смотрите, какъ бы на таможнѣ не пощипали васъ.

— Всего накуплю, матушка моя... лионскаго бархату, и

Digitized by Google

лентъ, и перчатокъ, и всякой дряни, а пощиплютъ, ну, что же дѣлать! Нельзя же съ пустыми руками... А на счетъ двухсотъ рублей — я ихъ занесу къ вамъ. Дайте только адресъ, гдѣ мнѣ васъ найти. Охъ! лѣнивъ я на эти прогулки по улицамъ... и не понимаю, какъ это вы въ этакую жарищу выходите... Ну, что̀ сказать вашимъ?

— Поцѣлуйте за меня Анету... и мою любимицу Соню... Эта Соня—такая славная дѣвочка!—Скажите мужу, что... можно бы ему и двѣ тысячи въ годъ давать мнѣ на расходы. Лишніе пятьсотъ рублей не разорятъ его... Похлопочите-ка за меня, Андрей Потаповичъ... Вы такой мастеръ хлопотать... Авось раскошелится. Угостите его за это хорошимъ обѣдомъ, познакомьте съ какой-нибудь чернобровой цыганкой, на гитарѣ ее заставьте сыграть — словомъ, утѣшьте его, сироту. А эти двѣсти рублей, которыми вы намѣрены одолжить меня, онъ выключитъ изъ посылаемыхъ мнѣ денегъ, и заплатитъ вамъ. Ну, понимаете?

— Какъ, матушка, не понять, развѣ я сомнѣваюсь... что-ли! —А не пообѣдаете ли вы со мной сегодня гдѣ-нибудь... Одолжили бы... Смерть люблю веселыхъ барынь... и денегъ не жаль... Что вы на это скажете?..

— Нѣтъ... я теперь не могу... Есть такой бука, который меня не пуститъ.

И Эвина засмѣялась.

— Да вѣдь онъ кажется на гауптвахтѣ сидитъ?

— Это не онъ сидитъ... это другой...

— Вона! кто же это? Я и его приглашу.

— Не пойдетъ.

— Да какъ же это? Да вѣдь это хуже мужа. Помилуйте, голубушка вы моя!..

— Что же дѣлать! строгъ—баловать не любитъ.

— Да какъ... какъ его... Разумѣется, вы и на ухо мнѣ не скажете его фамиліи?

— Отчего не сказать... Его зовутъ Адріанъ Владиміровичъ Бавинъ.

— Сынокъ покойнаго Владиміра Петровича Бавина, бывшаго предводителя!..—подпрыгнувъ на диванѣ верхней частью своего туловища, не безъ удивленья пробасилъ Сызрановъ.

— Ну да.

— А вы, матушка, не боитесь, что я сболтну съ дуру... кому-нибудь?

— Не боюсь, Андрей Потаповичъ,—такъ же смѣясь и какъ-бы тѣшась надъ его простотой, — отвѣчала Эвина.—Вѣдь я же

Digitized by Google

знаю, что мужъ живетъ съ Луизой, съ гувернанткой дочерей моихъ, и не въ претензіи. Стало быть... болтайте сколько вамъ угодно, и кому угодно — мнѣ все равно. Я горжусь тѣмъ, что сошлась съ однимъ изъ умнѣйшихъ людей въ Россіи.—Мой мужъ и ногтя его не стоитъ... потому что отъ такихъ людей, какъ мой муженекъ — Россіи гибель, а отъ такихъ, какъ мой Бавинъ — спасенье.

— Ой-ли?!.. еще пуще прежняго удивился Сызрановъ и вытаращилъ на нее глаза свои.

Эвина еще минутъ десять поболтала съ нимъ, дала ему свой адресъ и по-пріятельски простилась съ нимъ.

Такимъ образомъ, священная тайна Бавина была выдана Ниной Александровной сосѣду-помѣщику, пріятелю ея мужа, этому милому, хотя и пожилому enfant terrible.

Эвина вернулась домой, истомленная полуденнымъ зноемъ и легла у себя на диванѣ, распаренная, усталая.

Ставни ея маленькой гостиной, по обыкновенію, были притворены, лучи солнца, пыльными полосками, пробивались сквозь щели ихъ; запахъ цвѣтовъ наполнялъ душный полусумракъ и располагалъ къ дремотѣ. Эвина вытянула ноги, заложила руки за голову, и—мечтала. Мечтала, какъ вообще мечтаютъ влюбленныя барыни... Уже сладкая дремота стала смыкать ей рѣсницы... какъ вдругъ, неожиданно, вошелъ Бавинъ и стукомъ шаговъ своихъ разбудилъ ее.

Бавинъ сѣлъ подлѣ нея и, повидимому, очень нѣжно взялъ ее за руку.

— Встань, Нина!

— Не хочется...—пролепетала она, закинувъ назадъ голову... и огонь страсти, робко, какъ-бы украдкой, промелькнулъ въ глазахъ ея, покосившихся на дорогого гостя.

— Зачѣмъ ты такъ нѣжишься, Нина?—Много ты сегодня занималась?

— Ахъ, да!..

— Это вредно, особенно тебѣ, ты не привыкла... Нина, встань и пляши.

— Какъ «пляши»!..—удивилась Эвина.

— Да такъ, встань и пляши...

— Ты съ ума сошелъ, Адріанъ!

— Я тебѣ не шутя говорю—встань и начни плясать.

Эвина на половину приподнялась и съ любопытствомъ поглядѣла въ лицо его.—«Да»... подумала она... «онъ не шутитъ».

— Зачѣмъ я буду плясать?.. Адріанъ... Помилуй....

Digitized by Google

— А затѣмъ, что ты обрѣтаешься въ состояніи лѣни... нѣга сковала члены твои такъ, что ты еле движешься. Ну вотъ, побѣди лѣнь, побѣди свое самолюбіе, заставь себя встать и сдѣлай то, что въ эту минуту тебѣ всего менѣе хочется... начни плясать...

— Адріанъ! милый мой! право подумаютъ, что я съ ума сошла.

— Кто подумаетъ? — никого нѣтъ... встань, встряхнись и пляши...

— Ты этого хочешь?

— Не я, а ты сама должна желать, чтобъ духъ твой былъ сильнѣе страсти и бодрѣе тѣла. Если ты меня любишь — встань и пляши.

Что́ чувствовала въ эту минуту Нина, трудно изобразить... Но все то, что́ она чувствовала, ей, какъ умной женщинѣ, не хотѣлось обнаруживать...

Не ссориться же мнѣ изъ-та такого вздора,—подумала она, наконецъ, и встала.

— Ah! comme c'est bête!—процѣдила она сквозь зубы.

— Я самъ знаю, что это глупо, но все же не глупѣе, чѣмъ всю ночь танцовать до упаду на балѣ, повинуясь модѣ или прихоти.

— Я не Иродіада—плясать не умѣю.

— Дѣлай, на зло себѣ, именно то, чего тебѣ не хочется...

Эвина нервно засмѣялась, стала посреди комнаты и начала дѣлать па̀, какъ-бы танцуя вторую фигуру французской кадрили.

Бавинъ всталъ, обнялъ ее и поцѣловалъ.

Въ это время отворилась дверь и влетѣлъ Елатомскій.

Сконфуженная, раскраснѣвшаяся Эвина дрогнула, обернулась и бросилась обнимать его.

XX.

Какъ могъ Бавинъ такъ деспотически требовать отъ Эвиной подчиненія своему капризу и какъ могла Эвина не возмутиться духомъ и его послушаться?!... Но сцена не выдумана: дѣйствительно, Бавину иногда приходили въ голову разныя странныя фантазіи, и въ одно прекрасное утро Эвина, которая на чудачества Бавина смотрѣла какъ на особенныя проявленія его геніальности,—именно плясала, по милости одной изъ его фантазій. При этомъ всякая мѣщанка непремѣнно бы стала ругаться, и всякая свѣтская дама непремѣнно бы расхныкалась, или не на жизнь, а на смерть поссорилась бы со своимъ возлюбленнымъ.

Digitized by Google

Эвина же не только не заплакала—готова была хохотать и затѣмъ всѣмъ разсказывать о необычайныхъ чудачествахъ милаго, нѣжнаго и внимательнаго къ ней Бавина; намекать, что ей часто отъ него достается, но что все это вздоръ передъ вѣчностью или любовью... (чтб одно и то же, по мнѣнію Адріана Владиміровича).

Итакъ,—не успѣлъ Эвину поцѣловать Бавинъ, какъ милое, послушное дитя — ее наградилъ Господь Богъ другою радостью: она увидѣла Елатомскаго и, какъ я уже сказалъ, бросилась обнимать его.

Бавинъ также обрадовался, но и смутился... Вопросъ: видѣлъ или не видѣлъ Елатомскій поцѣлуй его?.. смутилъ его.

Елатомскій, конечно, видѣлъ, но, зная характеръ своего сожителя, воздержался отъ восклицанія... Тотчасъ же принялся разсказывать о своихъ недавнихъ впечатлѣніяхъ.

— Какъ я радъ!.. какъ я однако же радъ, что вы еще не уѣхали... что я успѣю съ вами проститься... Когда вы уѣзжаете? и куда вы уѣзжаете?..

— Ѣдемъ на той недѣлѣ,—сказала Эвина.

— Нина Александровна ѣдетъ въ Москву — повидаться съ своими дѣтьми, и, можетъ быть, по дорогѣ, гмъ! заѣдетъ ко мнѣ въ деревню. Ее приглашаетъ къ себѣ сестра моя... — сказалъ Бавинъ.

— А вѣришь ли, сестра, — обращаясь къ Эвиной, началъ Елатомскій, веселый, какъ школьникъ, только-что выпущенный изъ карцера. — Вѣришь ли, тому назадъ недѣли двѣ, я даже желалъ, чтобы вы какъ можно скорѣй уѣхали.

— Ахъ, дурень!.. Это почему?

— Да ужъ и самъ не знаю почему... Мнѣ просто хотѣлось испытать, какъ это я останусь безъ васъ... А теперь я очень радъ, что вы еще не уѣхали...

— А что, если мы еще мѣсяца на два останемся,—неужели въ это время мы такъ успѣемъ надоѣсть тебѣ, что ты возненавидишь насъ?..

— Эге! надоѣсть! Не съумѣете, — не хватитъ васъ на то, чтобъ надоѣсть Володькѣ Елатомскому. Я не таковскій, чтобъ сталъ передъ вами торчать денно и нощно, не таковскій, чтобъ вамъ дозволить денно и нощно со мной бесѣдовать... Я люблю разнообразить жизнь и только этимъ спасаю себя отъ хандры и отчаянья... Прощайте, до свиданья!.. Приходите обѣдать къ Карутѣ... я буду тамъ около пяти часовъ. А теперь побѣгу домой,

Digitized by Google

отмою казенную грязь, перемѣню бѣлье и отправлюсь бродить по городу—куда глаза глядятъ.

И Елатомскій схватилъ шляпу, пожалъ имъ руки и скрылся за дверью, тщательно за собою притворивъ ее, что́ не скрылось отъ вниманья Эвиной.

Минутъ черезъ десять Елатомскій уже былъ дома—и обнималъ Аксёна, который обрадовался ему гораздо болѣе, чѣмъ черномазый пудель Бавина... Карай только повилялъ хвостомъ и поглядѣлъ на юношу, проходящаго въ свою комнату, съ нѣкоторою благосклонностью; какъ-бы глазами и всей своей усатой мордой пёсъ говорилъ ему: «очень я доволенъ, что ты вернулся, но прыгать и визжать все-таки не стану... Ты не мой господинъ, и далеко не такъ пахнешь, какъ пахнетъ Бавинъ,—далеко не такъ!»

Умывшись, причесавшись и одѣвшись щеголемъ—въ лучшую свою крахмальную рубашку, и повязавши на шею атласный, черный, съ голубыми каемочками галстухъ, Елатомскій вышелъ за ворота... и, подумавъ немного, отправился къ графу Геккелю.

Графа Геккеля не засталъ онъ дома, но рядомъ съ нимъ нанялъ себѣ комнату и далъ за нее задатокъ хозяину-греку, съ тѣмъ, чтобъ онъ ее вычистилъ, провѣтрилъ и подбѣлилъ. «Черезъ недѣлю», сказалъ онъ греку, «я переѣду... такъ ужъ вы, пожалуйста, похлопочите».—«Все будетъ сдѣлано... все, все... не безпокойтесь», отвѣчалъ грекъ, дѣлая рукой успокоительный жестъ и разглядывая новый, атласный галстучекъ—и даже пуговки на жилеткѣ будущаго своего жильца.

Елатомскому нравилась нанимаемая имъ комната, не потому, чтобы она была очень для него удобна, а потому, что была оригинальна: въ маленькомъ окошечкѣ противъ двери были цвѣтныя стекла, каминъ былъ въ восточномъ вкусѣ и также размалеванъ,—тахта или низенькій, деревянный диванъ былъ широкъ и обитъ войлокомъ, на полу лежалъ старый персидскій коврикъ, въ стѣнахъ были шкапы и полъ былъ кирпичный... «Зимой будетъ холодно», думалъ Елатомскій, «но нѣчего еще думать о зимѣ».

Сосѣдство новаго знакомца, графа Гиккеля, такъ обязательно предложившаго себя въ секунданты, тоже не мало способствовало къ тому, что Елатомскій рѣшился дать задатокъ.

«Не мѣшаетъ никогда имѣть подъ рукою какого-нибудь знакомаго,—мало ли что́ можетъ случиться!»

Дверь въ будущее обиталище нашего героя шла прямо съ деревяннаго балкона, протянувшагося во всю длину каменнаго,

Digitized by Google

двухъ-этажнаго флигеля, уходящаго въ глубь двора и примыкающаго къ другому, низенькому флигельку, гдѣ жилъ хозяинъ. Подъ балкономъ были кладовыя со сводами; остальную часть двора занимали евреи, съ ихъ семействами и съ ихъ мастерскими, гдѣ работали портные, слесаря, золотильщики, сапожники... и гдѣ на порогахъ сидѣли босоногія дѣвчонки, такія же страшно кудрявыя и смуглыя, какъ и запачканные братишки ихъ, ползающіе по двору въ тѣни развѣшанныхъ одѣялъ, перекрашенныхъ за-ново суконъ и простынь, съ желтоватыми, подозрительными пятнами.

Отобѣдавши въ кондитерской Каруты, вмѣстѣ съ Бавинымъ и Ниной Александровной, Елатомскій, Богъ знаетъ почему и для чего, поцѣловалъ ручку у француженки, что сидѣла у конторки, заставилъ ее покраснѣть, закурилъ сигару и пошелъ на бульваръ...

На бульварѣ, у памятника, играла военная музыка и народа было множество. Елатомскій пошелъ боковой дорожкой, видѣлъ и Хавазова, и Сашина, и другихъ своихъ знакомыхъ, и очень былъ радъ, что они, двигаясь съ толпой, его не замѣтили...

Быстро наступили сумерки... Мѣсяцъ низко всталъ надъ горизонтомъ и не обѣщалъ свѣтлой ночи. По угламъ площади затеплились фонари. Елатомскій сбѣжалъ съ бульвара и, шагая изъ улицы въ улицу, въ полумракѣ, медленнымъ шагомъ прошелся мимо домика Меркуличей.

«Неужели я не шутя влюбленъ?» подумалъ онъ, чувствуя, какъ сильно забилось въ немъ сердце...

Онъ заглянулъ въ окна, но въ окнахъ былъ мракъ, и даже въ спальной Вѣры Георгіевны не горѣла лампадка.

«Неужели спятъ?.. А можетъ быть онѣ и ложатся рано, когда никто не приходитъ къ нимъ. Или... не уѣхали ли? Этотъ Меркуличъ, чего добраго, куда-нибудь спровадилъ ихъ!»

Гдѣ-то вдали раздался воздушный звонъ... Елатомскій сталъ считать... «Неужели только 9 часовъ?» подумалъ онъ: «какъ еще рано, а уже совсѣмъ темно!..»

Жажда подъ покровомъ этой ночи, если не увидѣть, то хоть услышать голосъ Зои, овладѣла Елатомскимъ: онъ былъ въ романическомъ настроеніи духа — и веселъ, и грустенъ, и, какъ ему казалось, на все готовъ.

Вотъ присѣлъ онъ на ту самую досчатую скамеечку, близъ глухой калитки, гдѣ въ тотъ же самый часъ (дней шесть тому назадъ) сидѣла Зоя, видѣла его въ темнотѣ очами души своей, даже побѣжала за его тѣнью, какъ дѣвочка за убѣжавшей отъ нея

Digitized by Google

няней, и, воротившись, призналась матери, какъ тяжело ей любить и какая она несчастная.

Елатомскій, снявши шляпу, долго прислушивался—не скрипнетъ ли дверь, не послышится ли за дверью шорохъ... и задумался.

Вдругъ онъ вздрогнулъ, хотѣлъ встать и тотчасъ же удалиться... Онъ увидалъ передъ самымъ лицомъ своимъ что-то худое, тускло-блѣдное, — чью-то головку, покрытую черной косынкой, съ букольками около висковъ, которыя въ темнотѣ казались не то собачьими ушами, не то какими-то рожками...

— Быть не можетъ!—проговорилъ женскій, робкій голосъ... Букольки затряслись и тощая рука холодноватыми пальцами коснулась до руки его.

Елатомскій узналъ Клару Петровну.

«Чортъ возьми!» подумалъ Елатомскій: «еще, чего добраго, подумаетъ, что я на ранде-ву пришелъ!..»

— Ахъ, какъ вы меня испугали!—сказала Клара Петровна, задыхаясь, прерывистымъ голосомъ.

— А ужъ какъ вы-то меня испугали!—отозвался Елатомскій.

— Могла ли я ожидать... Вы въ тюрьмѣ... — и вдругъ... Какъ же это?

— Бѣжалъ...—прошепталъ Елатомскій.

— Бѣжали?!.. Боже мой! — всплеснула руками Клара Петровна... и оглянулась.

— Бѣжалъ, — глухо подтвердилъ Елатомскій. — Скитаюсь. Шелъ вотъ мимо... думалъ, увижу въ окно хоть Вѣру Георгіевну. Никого нѣтъ—я и присѣлъ... Пойдемте, Клара Петровна. Не сдобровать мнѣ, коли увидитъ Трофимъ Евлампіевичъ... Донесетъ,—не правда ли?

— Ахъ, непремѣнно донесетъ! — проговорила испуганная Клара Петровна.

— Такъ вотъ что... я пойду въ вамъ. Вы затворите ставни и напоите меня чаемъ...

— Пойдемте... пойдемте!..

— А потомъ я переночую гдѣ-нибудь у васъ въ дровяномъ сараѣ, или хоть у васъ въ чуланѣ...

— Ахъ! это неудобно, Владиміръ Григорьевичъ... Но пойдемте, пойдемте! Я пойду впередъ, а вы за мной. Какъ вы думаете: никто не узнаетъ васъ? Бѣдная Зоя! какъ бы она была рада видѣть васъ... какъ она страдаетъ, ангелъ мой!.. А что, если какъ-нибудь узнаютъ васъ?..

— Бѣда! опять посадятъ... А покамѣстъ ищутъ, я посижу у васъ... Идите.

Digitized by Google

— Ахъ, несчастный вы, несчастный!—сокрушенно пробормотала Клара Петровна, и пошла по тротуару, по тому направленію, гдѣ жила она.

На соборной колокольнѣ пробило «десять». Народу еще не мало попадалось на улицѣ. Клара Петровна шла, спѣша и задыхаясь, даже боялась оглядываться.

А Елатомскій, около фонаря на перекресткѣ, разглядѣлъ фигуру ему знакомую, вспомнилъ, что это Сызрановъ и остановился.

Сызрановъ нанималъ извозчика, и своимъ хриплымъ баскомъ говорилъ ему:

— Я тебѣ на водку рубль дамъ, братецъ ты мой! Только удружи.

— Да ужъ мы свое дѣло знаемъ,—отвѣчалъ извозчикъ.

— Чтобъ хорошенькая была—молодая... Слышишь?

— Да ужъ будьте спокойны... Знамо дѣло...

— Да ты въ какую-нибудь трущобу не завези меня... смотри ты!

— Помилуйте, баринъ.

Елатомскій засмѣялся и прошелъ мимо Сызранова, который испуганно оглянулся и полѣзъ въ крытыя дрожки.

«Э! да гдѣ же она?» подумалъ Елатомскій, вглядываясь въ перспективу фонарей и темной улицы.

Клара Петровна, пока онъ пріостановился, ушла такъ далеко, подгоняемая страхомъ, что дѣйствительно Елатомскій потерялъ ее изъ виду.

«Да ужъ идти ли мнѣ къ ней? И такъ напугалъ достаточно.. Ба, вонъ и докторъ знакомый»...

На извозчичьихъ дрожкахъ, съ откинутымъ назадъ кожанымъ верхомъ, въ полумракѣ улицы, обрисовался профиль,—длинный носъ, очки... и ротъ, всегда почти полуоткрытый—и несомнѣнно принадлежащій доктору и эллинисту В—у. Елатомскій громко его окликнулъ.

Полураскрытый ротъ и длинный носъ повернулись въ его сторону, рука протянулась къ возламъ—толкнула въ спину извозчика и лошади остановились.

— Елатомскій?

— Я... Куда вы ѣдете?

— Ѣду въ гостинницу Лондонъ,—заболѣлъ одинъ проѣзжій.—А васъ выпустили?

— Да... но позвольте мнѣ сѣсть съ вами рядомъ... Довезите меня хоть до гостинницы. Вы почемъ знаете, что я выпущенъ?

И Елатомскій однимъ прыжкомъ помѣстился около доктора.

Digitized by Google

— А... батюшка... докторъ всегда все знаетъ. Князь Д—кій ѣздилъ хлопотать за васъ, Шепулянскій и... одна дама... не скажу какая... А вы думаете, что вы бы такъ скоро отдѣлались! Э! нѣ-ѣ-тъ!.. Плохо... плохо тому, за кого и похлопотать некому, плохо, плохо!..—говорилъ докторъ, вздыхалъ и любовно поглядывалъ на Елатомскаго.

Онъ любилъ его и за то, что древній греческій языкъ былъ не чуждъ ему, и за то, что онъ хвалилъ Иліаду, и за то, что разъ позвалъ его лечить себя, и за то, что Елатомскій еще такъ юнъ—и такъ подъ-часъ гуманно говоритъ, что *подаетъ надежды*.

— А много больныхъ въ городѣ, докторъ?..

— Довольно больныхъ, довольно... весьма достаточно... не совсѣмъ чтобы очень мало, но и не очень много... А вы не поѣдете къ Ѳедорову?

— Зачѣмъ?

— А благодарить его.

— За что? за то, что онъ велѣлъ посадить меня?

— Нѣтъ, за то, что велѣлъ выпустить.

— Нѣтъ! съ какой стати?..

«Подаетъ, большія надежды подаетъ!» насупившись, думалъ докторъ: «чего добраго пропадетъ... пропадетъ... такъ-таки и пропадетъ раньше времени»...

— Помните, Елатомскій... стихи?

— Какіе, докторъ?

— «Не доцвѣлъ и отцвѣлъ—въ утрѣ пасмурныхъ дней».

— Полежаева?

— Кажется, Полежаева.

— Ну, я здѣсь сойду. Прощайте, докторъ.

Елатомскій спрыгнулъ на мостовую, и минуту черезъ пять стоялъ уже на площадкѣ передъ театральнымъ подъѣздомъ.

Въ антрактѣ, изъ партера высыпавшая на чистый воздухъ публика группировалась на мостовой и на ступенькахъ театральнаго зданія. Кто закуривалъ сигару, кто что-то насвистывалъ, кто,—засунувъ руки въ карманы, глядѣлъ куда-то вверхъ, точно ждалъ, не брызнетъ ли сверху дождичекъ. Кто вытиралъ платкомъ потный лобъ, хваля своимъ пріятелямъ новаго комика.

И всю эту группу зѣвакъ, а въ томъ числѣ и Елатомскаго, остановившагося нѣсколько поодаль, освѣщалъ полумѣсяцъ, уже настолько высоко поднявшійся надъ горизонтомъ, что могъ заглянуть и въ одесскія улицы.

Digitized by Google

XXI.

Елатомскій собирался уже уходить куда глаза глядятъ, какъ вдругъ двинулся впередъ къ подъѣзду, какъ будто кто сзади подтолкнулъ его.

— Это вы, графъ?

Графъ Гиккель, только-что вышелъ изъ театра, подъ-руку съ тою же дамой, въ бѣлой бедуинкѣ, съ блѣдно-золотыми протканными каймами и въ той же красной греческой фескѣ на пышныхъ бѣлокурыхъ волосахъ.

— Ба! Mon cher!—сказалъ графъ,—вы уже на свободѣ. Ну вотъ, очень кстати... Рекомендую вамъ, кузина, того молодого человѣка, съ которымъ вы желали познакомиться.

Дама улыбнулась, протянула ему руку, ласково поглядѣла ему въ лицо, и спросила:

— Вы были въ театрѣ?

— Нѣтъ... я здѣсь случайно.

— А мнѣ,—проговорила она,—не понравилось сегодня въ театрѣ и я хочу домой... Пойдемте къ намъ, чай пить.

Все это проговорила она по-русски, медленно, какъ-то особенно явственно произнося каждую гласную.

— Пойдемте, Елатомскій—и, пожалуйста, не церемоньтесь... Мы на всѣ эти церемоніи смотримъ, какъ на коварныя ухищренія самого дьявола, или, что еще хуже, какъ на мѣщанство, задающее тонъ.

Графъ говорилъ совершенно иначе, чѣмъ его кузина. Онъ, какъ-бы сквозь зубы процѣживалъ слова свои, также улыбался, но не глядя на того, съ кѣмъ разговаривалъ, и, если взглядывалъ, то быстро взбрасывалъ глаза свои, съ особеннымъ выраженіемъ любопытства, лукавства или насмѣшливости.

— Хотите, я уступлю вамъ мою даму? Ахъ, да... я забылъ вамъ сказать—княгиня Аделанда Корси...

Не успѣлъ онъ окончить своей рекомендаціи, какъ уже рука княгини повисла на рукѣ Елатомскаго, и всѣ трое пошли они по направленію къ бульвару, такъ какъ княгиня жила на Бульварной улицѣ.

Елатомскій не зналъ, что ему говорить и, смущенный, покорялся своей участи.

Вотъ они повернули въ калитку, подъ сквозныя ворота—и поднялись на третій этажъ, по каменной лѣстницѣ. Тамъ, въ крытой, стеклянной галереѣ, заставленной сундуками и ширмами,

Digitized by Google

встрѣтила ихъ горничная, мигая, поглядѣла на Елатомскаго и, поднявъ свѣчу, проводила ихъ въ гостиную.

— Поставьте самоваръ, и пошлите за Августомъ, — сказала княгиня.

Она занимала всего только двѣ меблированныхъ комнаты: гостиную и спальную, съ дверями на балконъ и съ широкимъ видомъ на бульваръ и Черное море.

Въ двѣнадцатомъ часу ночи, хозяйка и ея гости сидѣли на балконѣ и наслаждались прохладой.

Принесенъ былъ столикъ, на столикъ поставлена была тарелка съ поджареннымъ миндалемъ, изюмомъ и пряниками, съ инбирнымъ вкусомъ. Лакей—молодой нѣмецъ, румяный, съ висячими, рыжеватыми бакенбардами, — подалъ всѣмъ на подносѣ по чашкѣ крѣпкаго чаю—и скрылся.

Княгиня и молодые люди болтали.

Елатомскій давно уже не слыхалъ такого артистическаго, такого тонкаго переливанія изъ пустого въ порожнее.

Но самъ онъ развѣ не былъ въ игривомъ настроеніи духа—развѣ онъ былъ способенъ въ этотъ вечеръ разсуждать или о чемъ-нибудь серьёзно думать?.. Онъ снова чувствовалъ себя на свободѣ—и наслаждался.

Графъ очень мило ловилъ слова его, и нанизывалъ на нихъ свои собственныя, такъ ловко, что... надъ ухомъ Елатомскаго безпрестанно слышался свѣжій, серебристый смѣхъ молодой, красивой женщины.

Иногда они молчали—и глядѣли на темныя верхушки акацій, на темное море, на огоньки, слабо мерцавшіе на судахъ, стоящихъ въ карантинной гавани.

Иногда Елатомскій любовался игрою луннаго свѣта на миловидномъ лицѣ молодой женщины, на ея растрепавшихся, слегка закрученныхъ волосахъ; на ея брилліантовыхъ кольцахъ, надѣтыхъ на блѣдные пальцы,—и едва сдерживался, чтобъ не сказать ей какого-нибудь комплимента. Графъ же подалъ ему примѣръ совершенно иного рода любезности... Онъ сталъ увѣрять свою кузину, что любитъ въ ней одни только недостатки.

— Какіе же?—спросила княгиня.

— Во-первыхъ—вы безпечны... до такой степени, что даже ночью забываете запирать ваши двери... Во-вторыхъ—довѣрчивы,—совершенно довѣряете вашей горничной и вашему Августу, который, въ эту минуту, я увѣренъ, въ погребкѣ на углу Греческой улицы, подъ жидовскую скрипку отплясываетъ французскую кадриль съ какой-нибудь горничной, и суетъ ей въ руки

Digitized by Google

ваши запонки. Въ-третьихъ, вы кокетка и въ особенности съ тѣми, кто не любитъ васъ. Да и мало ли у васъ такихъ пороковъ, за которые я обожалъ бы васъ, если бы не ваши добродѣтели.

— Какія же добродѣтели?

— Вы хотите быть вѣрной женой, тогда какъ вы вовсе для этого не созданы. Вы пріѣхали сюда затѣмъ, чтобы видѣться съ вашей какой-то родственницей, а я родныхъ терпѣть не могу; вы завидуете, что у ней куча дѣтей — тогда какъ эти пострѣлята,—вещь совершенно лишняя для особъ, подобно вамъ одаренныхъ разными милыми и привлекательными пороками.

— Да мнѣ кажется,—сказалъ Елатомскій,—что если бы на землѣ всѣ были счастливы, если бы у каждаго былъ досугъ, балконъ и серебряный чайникъ, то на землѣ и не было бы другихъ пороковъ, — кромѣ милыхъ, и другихъ добродѣтелей — кромѣ любви къ роднымъ, да зависти къ дѣтямъ... Каждый былъ бы довѣрчивъ и не сердился бы, если бы у него пропали какія-то запонки...

— Нѣтъ, — сказалъ графъ... этого мало, надо, чтобы всѣ были такіе же расточители, какъ я, и всѣ такія же кокетки, какъ моя кузина...

— Если я и кокетничаю, то... только съ вами... графъ.

— Это не правда. Но почему же только со мной?

— Да потому, что вы это любите. Не сами ли признались, что любите мои пороки и не любите моихъ добродѣтелей?

— Ахъ, кузина! Кто не любитъ пороковъ? Если бы я не былъ такъ порочент, никто бы не простилъ мнѣ моихъ долговъ— и женщины не смотрѣли бы на меня съ соболѣзнованьемъ, какъ на разорившагося, несчастнаго принца. Я ничего не скрывалъ: ни своего мотовства, ни своего разврата, ни своего бездушнаго эгоизма... и что же?—свѣтъ на рукахъ носилъ меня... Свѣтъ и теперь готовъ на рукахъ носить меня, изъ одного предположенія, что въ будущемъ, когда я получу наслѣдство, я окажусь такимъ же точно расточителемъ и развратителемъ. — Кредиторы хотятъ посадить меня въ тюрьму... и будутъ презирать меня, пока я буду безвреденъ,—и какъ они же мнѣ, подлецы, поклонятся, когда я вдругъ разбогатѣю, и стану человѣкомъ вреднымъ...

— Для кого?—спросилъ Елатомскій.

— Да для нихъ же... Они опять дадутъ мнѣ сотню тысячъ въ займы, въ надеждѣ на проценты, и я опять всенепремѣннѣйше надую ихъ... Ахъ, эти кредиторы!.. Вы себѣ представить не

Digitized by Google

можете, какъ они мнѣ надоѣли, и какъ, въ то же время, они веселятъ меня...

— Чѣмъ же?—спросилъ Елатомскій, для котораго нравственный образъ графа уяснился нѣсколько, по милости его салонной откровенности.

— Да тѣмъ, что они воображаютъ, что имъ удастся засадить меня...

При этомъ черные глаза графа засверкали веселой злостью. Лунный свѣтъ выдалъ эту злость и этотъ жесткій блескъ, промелькнувшій въ зрачкахъ его.

Затѣмъ опять наступило задумчивое молчанье...

Съ бульвара доносилось стрекотаніе кузнечиковъ. — Иногда, въ тишинѣ, слышались хрустящіе шаги, по дорожкѣ, прикрытой темными верхушками неподвижныхъ акацій.—Гдѣ-то вдали, пропѣлъ пѣтухъ.

Елатомскій невольно сравнилъ вчерашнюю ночь, проведенную имъ на жесткомъ диванѣ, въ комнатѣ, запертой на ночь, вонючей и душной—съ этой волшебной ночью;—и онъ не могъ оставаться равнодушнымъ ни къ этому свѣжему простору, ни къ этой тишинѣ, прерываемой этимъ женскимъ, мелодическимъ голосомъ, или этимъ безотчетнымъ переливаньемъ изъ пустого въ порожнее.

Въ два часа пополуночи вернулся онъ домой и, встрѣченный ворчаньемъ Карая, раздѣлся, легъ на свою постель, и заснулъ, какъ убитый.

XXII.

А бѣдная Клара Петровна все еще не спала и не могла заснуть: вставала съ постели, подходила къ окну, прислушивалась и вздрагивала всякій разъ, когда кто-нибудь отворялъ калитку или слышались шаги по́ двору.

Все послѣднее время Клара Петровна уже и не думала о женитьбѣ Елатомскаго на Зоѣ. Ей даже казалось, что Зоя поступитъ умно, если его забудетъ. Эта дуэль, этотъ арестъ, и всѣ эти толки—разочаровали ее. Ясно, — подумала она,—что изъ Елатомскаго не выйдетъ ни министръ, ни губернаторъ, а если и выйдетъ — то очень не скоро. Стало быть, что́ же изъ него выйдетъ? Годится ли онъ въ мужья, если онъ такой неосторожный и пылкій. Онъ просто душка-человѣкъ, герой изъ романа—и больше ничего. Будь она молода — она бы въ него

Digitized by Google

влюбилась и назначила бы ему свиданье... но... назначить свиданье еще не значитъ выдти замужъ. Конечно,—думала она,—Елатомскій не пьяница, какъ мой покойный мужъ, не игрокъ—и остепенится; но до тѣхъ поръ, пока онъ остепенится и сдѣлается подходящимъ зятемъ для Меркулича и его супруги, — Зоя можетъ выдти замужъ... и, можетъ быть, будетъ совершенно счастлива...

Пока она шла по улицѣ, и воображала, что Елатомскій крадется по слѣдамъ ея, она думала: слѣдуетъ ли ей послать за Зоей — и рѣшила, что не слѣдуетъ. Сводить жениха съ невѣстой—это похвально,—это не то, что сводить бѣглеца съ сумасшедшей, неопытной дѣвушкой. Она даже сомнѣвалась, слѣдуетъ ли ей принимать у себя бѣглаго. — Что, какъ на самомъ дѣлѣ онъ останется ночевать, и вдругъ, придетъ полиція — и вдругъ, всѣ узнаютъ—что онъ ночевалъ у ней... Что о ней подумаютъ! Съ тѣхъ поръ, какъ она потеряла сына, ни одинъ еще мужчина не ночевалъ у нея—и вдругъ Елатомскій! (Изъ мужчинъ—мужчина, по ея мнѣнію). Не оглядываясь, шла она—и слыша за собой чьи-то шаги, принимала ихъ за шаги Елатомскаго—и боялась.

Только у воротъ оглянулась она—и удивилась, что никого нѣтъ...

«Вѣрно отсталъ... боится встрѣчъ...»—подумала она и прошла дворомъ къ себѣ на крылечко.

На крылечкѣ она тоже подождала его, но Елатомскій исчезъ—точно провалился сквозь землю...

— Ну, дорогу знаетъ—придетъ навѣрное... гдѣ же ему ночевать. Я его, милаго, положу въ комнату сына, на диванчикѣ, сама постельку постелю ему... Завтра, до-почи, не позволю ему выходить... Господи, помоги ему!...

И чѣмъ больше она ждала его — тѣмъ больше ему сострадала и за него боялась.

Неужели поймаютъ! Что, если поймали и заковали! За что?.. Господи! Вѣдь онъ не разбойникъ, не душегубъ, не воръ... Ну, вызвалъ на дуэль, жизнью своей жертвовалъ... Ну, и выстрѣлилъ бы куда-нибудь въ сторону, чтобы человѣка не убить. Да и дуэли бы не было... За что же! за что?.. Гдѣ же справедливость! Гдѣ справедливость! Боже мой!.. И Клара Петровна, прослезившись, складывала руки, вздыхала, качала головой изъ стороны въ сторону, и по временамъ ждала Елатомскаго съ такимъ напряженнымъ нетерпѣніемъ, что ей самой не вѣрилось въ преклонный возрастъ свой, воображалось, что ей 17 лѣтъ,

Digitized by Google

что она ждетъ не дождется того, въ кого влюблена, за чью любовь готова отдать всю жизнь свою...

Не скоро, подъ утро, заснула бѣдная, блѣдная, высохшая Клара Петровна, и на другой день, въ 11-мъ часу утра, помолившись Богу, побѣжала къ Меркуличамъ — кофе пить.

Съ какимъ замираньемъ сердца, съ какимъ сладкимъ волненьемъ узнала Зоя, что Елатомскій вечеромъ сидѣлъ у воротъ ихъ дома и, быть можетъ, такъ же точно жаждалъ увидѣть ее, какъ она жаждала увидать его!...

Лучшаго доказательства, что бѣдный, молодой человѣкъ влюбленъ въ нее, трудно было бы и придумать. А если онъ влюбленъ, то... неужели она останется равнодушной къ злосчастной судьбѣ его... Нѣтъ, этого быть не можетъ!..

Долго, на одномъ мѣстѣ, сидѣла она и ничего не сказала, когда Клара Петровна простилась съ ней. Но вотъ, мать ушла на кухню, — она встала, потихоньку отъ сестеръ достала изъ картонки свою новую шляпку, взяла перчатки, зонтикъ, и, накрывшись вуалью, вышла на улицу.

Въ то же утро Эвина сидѣла дома и, несмотря на зной и слегка прикрытыя ставни, сидѣла за урокомъ... Цѣлыхъ три книги (по части ботаники) разныхъ авторовъ лежали у ней на столикѣ. Изъ каждой она должна была выбрать все, что говорится объ одномъ и томъ же предметѣ, провѣрить, сличить, одно мѣсто пополнить другимъ и записать.

Систематическій, кропотливый трудъ былъ вовсе не по характеру Эвиной — она тяготилась имъ, и все-таки, насколько могла, занималась, чтобъ угодить *ему*.

Отъ наклоннаго положенія головы — глаза ея были немного красны, на среднемъ пальцѣ правой руки виднѣлось чернильное пятнышко. Лицо казалось сердитымъ.

Занимаясь, она ждала его, и ей было пріятно думать, что бука застанетъ ее за работой и уже, конечно, плясать не заставитъ...

Горничная скрипнула дверью,—Эвина поморщилась, велѣла подать себѣ стклянку съ одеколономъ и убираться.

Акулина вынесла изъ спальни узорно-плетеную бутылочку и сказала ей:

— Тутъ пришла какая-то барышня... Прикажете принять?

— Э! Какая барышня! Скажи, что я занята... Кто такая? Ну, скажи, что я только на одну минуту могу принять ее.

Digitized by Google

Горничная вернулась въ сѣни, и пришедшей барышнѣ сказала только:

— Дóма-съ. Пожалуйте...

Это была Зоя. Она сама слышала капризный голосъ Эвиной и минуты двѣ не рѣшалась войти.

Наконецъ, она отворила дверь;—Эвина съ недовольнымъ видомъ повернулась къ ней, прищурилась и приложила къ носу лорнетъ.

Въ черныхъ глазахъ блѣдной Зои свѣтилась робость... и еще что-то такое, чему нѣтъ имени... робость невольницы, замышляющей убійство... Такое, по крайней мѣрѣ, было выраженье въ глазахъ у ней, когда она вошла въ комнату и остановилась.

— Что вамъ угодно?—обратилась къ ней Эвина, нѣсколько пораженная красотой ея.

— Извините-съ... я... я пришла... мнѣ хотѣлось видѣть васъ...

— Садитесь... (Какая миленькая!—подумала Эвина,—и какъ еще молода, счастливица!).

Зоя торопливо ножала ей протянутую руку и сѣла у столика, не спуская съ нея блестящихъ глазъ, точно хотѣлось ей прочесть на лицѣ Эвиной, слѣдуетъ ли ей говорить съ ней откровенно или не слѣдуетъ.

— Я, можетъ быть, мѣшаю вамъ, — сказала она по-французски, и покосилась на книги, тетрадь и чернильницу.

Эвина обрадовалась французскому языку, такъ какъ на этомъ языкѣ она была и любезнѣе, и краснорѣчивѣе.

— Да, дитя мое...—начала она по-французски,—я занята—учусь... Но... всякая живая душа дороже мнѣ любой, самой хорошей книги. Я рада вамъ; но.. не знаю, не могу понять, чѣмъ я могу быть полезной вамъ.

— Вы сдѣлаете мнѣ большое одолженіе, мадамъ, если вы мнѣ скажете... если вамъ что-нибудь извѣстно о Владимірѣ Григорьевичѣ.

— Объ Елатомскомъ? — О немъ вы хотите спросить меня?

— Да... да... о немъ...

— Вы Зоя?.. не правда ли?

Зоя вспыхнула... но преодолѣла свое волненье и сказала:

— Онъ, конечно, что-нибудь говорилъ вамъ обо мнѣ... И даже... —добавила она стыдливо—даже показывалъ вамъ письмо мое.

— Да, мы друзья, мы родные по духу. Мы другъ друга настолько знаемъ и любимъ, что не боимся взаимнаго суда.—Но что же вы хотите знать о немъ? Вы знаете, онъ сидѣлъ на

Digitized by Google

гауптвахтѣ и только вчера, около двухъ часовъ пополудни, былъ выпущенъ.

— Онъ выпущенъ!—обрадованно удивилась Зоя, и разсѣянно повела глазами, точно хотѣла сказать:—какъ же это странно! Зачѣмъ же это я пришла сюда!

— Выпущенъ на всѣ четыре стороны,—засмѣялась Эвина,—и свободенъ, какъ вѣтеръ или какъ птица небесная... что́ не жнетъ и не сѣетъ. Вчера онъ былъ такъ радъ, такъ счастливъ, что не сидитъ за рѣшеткой. Потомъ, вечеромъ,—пропалъ. Хотѣлъ быть на бульварѣ, но мы не нашли его. Вы еще не видѣлись съ нимъ?

— Нѣтъ! Мы... мы никогда съ нимъ не видимся. Онъ пересталъ бывать у насъ.

— Признайтесь, дитя мое, вы его любите?

Зоя потупилась.

Дамы, искушенныя жизнью, любятъ иногда выслушивать признанья молодыхъ, еще наивныхъ дѣвушекъ. Это, можетъ быть, напоминаетъ имъ то блаженное время, когда и онѣ были также наивны и также влюбчивы.

— Гдѣ же... и ка́къ вы съ нимъ познакомились?

— Гдѣ?.. Ахъ, да... Въ первый разъ я видѣла его въ греческой церкви, на Святой, у заутрени...

— А потомъ?

— Потомъ... не помню... Ахъ, да!.. Прежде всего я замѣтила... Мама не замѣтила, а я замѣтила: какъ, послѣ заутрени, ночью, онъ издали проводилъ насъ до самаго дому... Потомъ, вдругъ, это было на Ѳоминой, пришелъ папа́ и привелъ его къ намъ обѣдать. Мнѣ все казалось, что онъ не даромъ съ нами познакомился и сталъ часто бывать у насъ. Зачѣмъ ему было съ нами знакомиться?! Потомъ... ужъ гораздо, гораздо позднѣе... я повѣрила глазамъ его... его благородству и написала ему то письмо... Я очень раскаиваюсь въ этомъ... Мнѣ бы вовсе не слѣдовало писать къ нему...

— Отчего же не писать, если сердце молчать не можетъ...—заговорила Нина.—Я же думаю, милая Зоя, вы не ошиблись въ немъ... Правда, онъ немного вѣтренъ,—надо отдать ему эту справедливость; но... никогда не сталъ бы онъ за вами ухаживать, если бы вы ему не нравились... Я даже могу утѣшить васъ...—добавила Нина, замѣтивъ слезу на рѣсницахъ Зои... Разъ онъ признался мнѣ, что неравнодушенъ къ вамъ... И такой странный! Увѣрялъ меня, что будь вы нищая—безъ роду и племени, или будь вы хотъ горничная, ему было бы легче... онъ

Digitized by Google

не боялся бы своего увлеченія, и отвѣчалъ бы вамъ взаимностью. Я бранила его за это — прилгала она въ эту минуту — я его очень бранила... Какъ можно такъ хитрить съ собой! Неужели надо быть нищей или падшей женщиной — говорила я, чтобы самолюбіе мужчины утѣшилось, чтобъ онъ утѣшалъ себя, воображая, что онъ не только любитъ, но и оказываетъ благодѣяніе своей любовью, своимъ великодушіемъ или своимъ безкорыстіемъ. Неужели горничныя должны состоять на особыхъ правахъ, и, любя, можно ласкать ихъ, не опасаясь ни папа, ни мама, ни послѣдствій. И неужели, любя женщину или дѣвушку другого сословія, необходимо или жениться, или бояться ихъ какъ огня, или какъ заразы?

Личико Зои прояснилось, да и нельзя было ему не проясниться подъ музыку французской рѣчи Нины Александровны. Эвина показалась ей не только необычайно умной, но и симпатической, сердечной, искренней женщиной, заслуживающей полнаго ея довѣрія.

— Что же мнѣ дѣлать? говорите, совѣтуйте!—съ особеннымъ оживленіемъ пролепетала Зоя, и если бы Эвина не успѣла отдернуть руки своей—она покрыла бы ее своими поцѣлуями.

Эвина была тронута ея порывомъ, и все забыла—и свою ботанику, и даже Бавина, который обѣщался зайти къ ней именно около этого времени. Былъ случай поговорить, повліять на молодую душу—и можно ли было ей упустить этотъ случай!

— Милая Зоя!—начала она, взявъ ее за холодныя руки, наклонясь, и приблизивъ къ лицу ея оживленное лицо свое.— Зачѣмъ мы такъ поздно познакомились? Мнѣ кажется, я бы какъ сестру полюбила васъ. Я такъ рада... такъ рада, что вы пришли во мнѣ за совѣтомъ. Но что же мнѣ вамъ совѣтовать? Вашъ лучшій совѣтчикъ — это ваше собственное сердце. Беззавѣтно отдайтесь вашему чувству и — не бойтесь страдать. Помните, что свободу сильную и дѣйствующую надо выстрадать. Мы всѣ, особливо женщины, родимся съ такой маленькой, ничтожной долей воли или характера, такъ испорчены искусственнымъ воспитаніемъ, что малѣйшаго дуновенія вѣтерка достаточно, чтобъ опрокинуть насъ, окунуть въ грязь или дать намъ какое угодно направленье... Нужно закалять себя въ чувствѣ и въ мысли, чтобы не безъ пользы жизнь прожить. Вѣдь намъ, бѣднымъ, во всемъ отказано. Mais la femme a aussi sa fierté et cette fierté est légitime. Но все-таки, самая гордая женщина безъ людей и взаимности—какая жалкая, безжизненная односторонность! Кто любитъ, тотъ бери на себя не одно счастье, но

Digitized by Google

и всю горечь жизни, и всѣ невзгоды — будь также силенъ мыслію, какъ сильна безсмысленная, роковая дѣйствительность. Если вы отдадитесь вашей страсти, знайте, что ваше своеволіе ведетъ за собой много горя и надломитъ васъ, если вы не будете сильны и чисты сердцемъ.

Такъ, около четверти часа, въ томъ же тонѣ, говорила Эвина. Нужно ли добавить, что, увлекаясь теченьемъ рѣчи своей, она меньше всего думала объ Елатомскомъ... Но вліяніе Бавина уже слышалось... Она пророчила Зоѣ не одно эпикурейское наслажденье любовью, но и посылала ее на трудъ, горе и страданье.

Понимала ли Зоя все, что говорила ей Нина? Едва ли... Но слова ея все же потрясали ее — западали ей на душу. Ни отъ матери, ни отъ Клары Петровны, ни отъ своихъ знакомыхъ, ни разу, нигдѣ не слыхала она ничего подобнаго... Елатомскій говорилъ иногда что-то въ этомъ родѣ, но и слова Елатомскаго не производили на нее такого впечатлѣнія. Во всякомъ случаѣ необразованная Зоя гораздо лучше поняла Эвину, чѣмъ студенты понимали Бавина.

— Я слушаю, слушаю васъ, говорите, говорите!—мысленно лепетала Зоя, и уже, конечно, Эвина воспользовалась бы своимъ вліяніемъ; но...

Отворилась дверь и вошелъ Бавинъ, слегка нагнувъ свою курчавую голову, какъ-бы боясь удариться головой о невысокую притолку.

Эвина протянула ему руку, потрясла ее, и тотчасъ же рекомендовала его Зоѣ,—какъ друга и сожителя Владиміра Григорьевича Елатомскаго.

Бавинъ молча поклонился и сѣлъ въ уголокъ, на старое кресло, у окна, въ тѣни отъ закрытаго ставня...

Зоя, большими глазами, какъ испуганный ребенокъ, поглядѣла на Бавина. Бавинъ поглядѣлъ на Нину и замѣтилъ, что давно уже щеки ея не были такъ румяны и глаза такъ веселы...

— Ну, братъ Адріанъ, я все утро сегодня работала...—сказала Нина.

— Гм! А когда же мы соберемся въ ботаническій садъ? Теперь я свободенъ, но ѣхать жарко, да тамъ и тѣни нѣтъ.

— Поѣдемъ сегодня вечеромъ.

— Гм! поглядѣть, какъ засыпаютъ цвѣты.

Зоя опять исподлобья поглядѣла на Бавина... Но бука какъ будто далъ себѣ слово ни разу не взглянуть на нее (видно замѣтилъ красоту ея). Онъ глядѣлъ только на Эвину или на свои собственные ногти.

Digitized by Google

— А когда же, — началъ онъ, — мы будемъ убираться въ дорогу... Вѣдь уже пора—насъ ждутъ, Нина Александровна.

— Скоро, Адріанъ... на той недѣлѣ.

Зоя поднялась и машинально руками поправила на головѣ своей легкую, лѣтнюю шляпку...

— А! вы уже уходите... Прощайте, дитя мое... Можетъ быть мы уже не увидимся...

— И... *онъ* ѣдетъ съ вами? — полушопотомъ спросила ее Зоя...

— Да, и онъ со мной,—отвѣчала Нина,—вообразивъ себѣ, что Зоя намекаетъ на Бавина.

Зоя вышла, шатаясь.

Проводивъ ее до крыльца, Эвина хотѣла поцѣловать ее, но Зоя схватила ее за руку... и не безъ внутренней, страшной борьбы повторила вопросъ свой.

— Вы и Елатомскаго съ собой увозите?

— Нѣтъ, онъ остается,—засмѣялась Эвина... — Онъ ждетъ, что его на Кавказъ потребуютъ...

— Ждетъ... остается... Прощайте!..

— Прощайте. Спасибо, большое вамъ спасибо, что запали во мнѣ, дали мнѣ поглядѣть на васъ. Прощайте.

— Кто такая?—спросилъ Бавинъ.

— Ты также, Адріанъ, никогда не видѣлъ ее?

— Никогда.

— Это та самая Зоя Меркуличъ, которая влюблена въ нашего Владиміра. И... какой онъ дурень!.. Любимъ и не пользуется!..

— Что это значитъ: «не пользуется!» расширивъ ноздри, строго проговорилъ Бавинъ и устремилъ на Нину глубокіе, сѣрые, съ синимъ отливомъ глаза свои.

— Ничего... Адріанъ. Это просто значитъ, что онъ заставляетъ ее страдать безплодно и безнадежно—и это дурно, добавила она, уходя въ свою спальную.

Минуты черезъ двѣ вынесла она въ одной рукѣ зажженную свѣчу, въ другой чубукъ и набитую трубку.

— Нѣтъ безплодныхъ страданій. Любовь же, какъ и вѣра, едва ли можетъ страдать безнадежностью...—спокойно проговорилъ Бавинъ, который въ ея отсутствіе обдумывалъ послѣднія слова ея.

Затѣмъ, протянувъ чубукъ къ свѣчѣ, онъ закурилъ свою трубку, и перешелъ на диванъ, чтобъ просмотрѣть *учебную* тетрадку Эвиной.

Digitized by Google

XXIII.

Мы уже знаемъ, какъ юноша Елатомскій провелъ праздничный день своего освобожденья... Но, такъ какъ за каждымъ праздникомъ слѣдуютъ будни—будни эти начались для Елатомскаго, и начались не съ того, что онъ перешелъ къ работѣ, а съ того, что одна изъ работъ его оказалась ненужной или неудовлетворительной.

Редакція «Одесскаго Вѣстника», куда онъ посылалъ фельетонъ свой, когда прочла его, въ лицѣ одного изъ своихъ представителей, пожала плечами и изобразила на лицѣ своемъ нѣчто въ родѣ знака удивленья!

Фельетонъ этотъ начинался аллегоріей всѣмъ весьма понятной и косвеннымъ намекомъ задѣвалъ людей вообще никѣмъ не задѣваемыхъ. Затѣмъ излагалась исторія какого-то молодого человѣка, который побывалъ заграницей и затѣмъ, вернувшись къ себѣ въ деревню, отчаялся—не только за Россію, но и за все человѣчество, который ясно увидалъ, что русскому народу никогда не догнать Европы: если онъ будетъ догонять ее — то скорѣй устанетъ, одышку схватитъ, языкъ высунетъ, чѣмъ догонитъ. А если не будетъ догонять — умретъ отъ застоя крови или отъ паралича.

— Этого нельзя печатать!—рѣшила редакція.—Да и что это за слогъ! Какіе длинные періоды... И какъ это все неровно: то слишкомъ серьёзно, то какимъ-то игривымъ слогомъ написано.

Однимъ словомъ, Елатомскій разочаровалъ редакцію, и редакція небольшой запиской разочаровала его въ свою очередь.

Затѣмъ, Елатомскій узналъ отъ Бавина о вчерашнемъ посѣщеніи Зои и отправился къ Эвиной разспросить, зачѣмъ приходила къ ней эта барышня.

— Узнать, что съ тобой,—сказала Эвина.

— А какое ей до меня дѣло!—отвѣчалъ онъ вспыльчиво и тотчасъ же мысленно обвинилъ себя.

Онъ вспомнилъ, что Клару Петровну онъ увѣрилъ въ своемъ бѣгствѣ изъ-подъ ареста, и что Зоя могла повѣрить ей... Зная же при этомъ, до какой степени Зоя дика и несообщительна, до какой степени она не привыкла говорить съ людьми, особливо съ дамами, ей совершенно незнакомыми, Елатомскій понялъ, чего это стоило бѣдной Зоѣ.

На другой день онъ пошелъ къ Кларѣ Петровнѣ, попросить

Digitized by Google

у ней извиненья, и засталъ ее въ такомъ возбужденномъ нервномъ состояніи, что и самъ былъ не радъ.

Кто бы повѣрилъ, что добрѣйшая Клара Петровна была такъ зла, что увидавъ его... не подала ему руки... и заговорила:

— Уходите... уходите... Владиміръ Григорьевичъ: я больна по вашей милости... Я не знаю, чѣмъ я заслужила такое съ вашей стороны поведенье... Я уважала васъ, Владиміръ Григорьевичъ! а вы... насмѣялись... на смѣхъ меня подняли...

Клара Петровна была желта, какъ воскъ, и голова ея дрожала, кисти рукъ дѣлали какіе-то судорожные жесты. Она кашляла... чуть не плакала... и, когда Елатомскій началъ-было извиняться, вдвое сильнѣе закачала она головой своей и забормотала:

— Нѣтъ, нѣтъ, не прощу... не прощу... не могу я вамъ этого простить, Владиміръ Григорьевичъ! Я слишкомъ любила и почитала васъ... Вы мнѣ были все равно, что сынъ родной, и... вотъ вы какъ со мной поступили!.. Не прощу... не могу... что хотите! Зачѣмъ я буду притворяться, будто бы я простила васъ... Лучше прямо говорить... я женщина прямодушная, Владиміръ Григорьевичъ.

— Ну, пойду къ Вѣрѣ Георгіевнѣ, и попрошу ее за меня заступиться...—сказалъ, наконецъ, Елатомскій, залитый горькими, неудержимыми потоками рѣчей ея, оглушенный стрекотаньемъ ея оскорбленнаго самолюбія.

— Нѣтъ, вы не пойдете къ Вѣрѣ Георгіевнѣ. Вы не можете, никоимъ образомъ не можете быть у Вѣры Георгіевны...

— Да почему же?

— Да потому, что Трофимъ Евлампіевичъ, мужъ ея... и глава! Потому что онъ запретилъ ей и своимъ дочерямъ съ вами видѣться. Вы всѣхъ оскорбили... всѣхъ!.. Трофимъ Евлампіевичъ сталъ хлопотать за васъ... потому-что, надо правду сказать, никого Трофимъ Евлампіевичъ не любитъ, а васъ полюбилъ... и полюбилъ отъ чистаго сердца... какъ сына роднаго полюбилъ васъ, Владиміръ Григорьевичъ!

— Да развѣ я просилъ его хлопотать обо мнѣ?

— Ахъ! вы не просили! Вотъ, ужъ я чего не ожидала... Развѣ надо непремѣнно просить о томъ, чтобъ любили насъ... Нѣтъ... вы гордый... вы язвительный человѣкъ, Владиміръ Григорьевичъ!.. Удивляюсь, что Зоя до сихъ поръ еще не разнесла васъ... Бѣдное дитя мое! Но... вы и ее разочаруете... Увидитъ она... какая вы хитрая змѣйка, Владиміръ Григорьевичъ! Извините меня, что я такъ выражаюсь...

Digitized by Google

— Ну, прощайте... Извиняю и желаю вамъ всего хорошаго, — сухо сказалъ Елатомскій, взялъ шляпу и, холодно поклонившись ей, вышелъ. А Клара Петровна залилась слезами и плакала до тѣхъ поръ, пока не слегла въ постель отъ мигрени, которая постоянно слѣдовала за каждымъ ея нервнымъ напряженіемъ.

Хоть Елатомскій и самъ боялся навѣщать Меркуличей, все же новость, что его не велѣно принимать, не могла быть пріятна для его самолюбія... Впрочемъ,—думалъ онъ,—я назвалъ Меркулича вралемъ, и Сашинъ, разумѣется, ему на меня насплетничалъ; стало быть, и Меркуличъ тоже вправѣ на меня злиться; но это мнѣ не мѣшаетъ видѣться съ Зоей, если я захочу съ ней видѣться... Что общаго между ею и ея папенькой... между ея любовью и его исканьемъ ей жениховъ, чтобъ какъ можно дешевле сбыть ее съ рукъ!.. А если и Зоя вообразитъ себѣ, что я змѣя подколодная или что-нибудь въ этомъ родѣ, ну, и Богъ съ ней!

Вечеромъ того же дня получилъ онъ анонимное письмо, слѣдующаго содержанія:

«Берегитесь!.. на васъ стряпается доносъ, гдѣ обвиняютъ васъ въ политической неблагонадежности. Примите мѣры, или вы будете высланы или сосланы. Вашъ другъ... Сожгите эту записку».

Елатомскій показалъ записку Бавину. Бавинъ раскурилъ ею свою трубку и совѣтовалъ ему удаляться общества... и не метать бисера передъ свиньями.

На другой день, въ воскресенье, Елатомскій отправился на одну изъ дачъ Ланжерона, гдѣ на это лѣто австрійскій консулъ въ Одессѣ основалъ свою резиденцію.

Семейство этого консула, состоящее изъ жены, тещи и маленькой дочки, было именно таково, что Елатомскій могъ въ его нѣдрахъ найти себѣ нравственное, душевное успокоеніе...

Это семейство было какое-то невиданное и неслыханное, какъ гармоническое сочетанье образованности, ума, любви, доброты и свободы, никѣмъ не злоупотребляемой и никого не стѣсняющей.

Все это понималъ Елатомскій и чувствовалъ, что, «въ минуту жизни трудную», онъ нигдѣ не найдетъ такой простоты, такого искренняго радушія, такой непритязательной дружбы и такого порядка, о которомъ онъ, какъ москвичъ, прежде не имѣлъ никакого понятія. Все дѣлалось по часамъ въ семействѣ этого консула (еще молодого человѣка), и это нисколько не мѣ-

Digitized by Google

шало свободѣ Елатомскаго, какъ гостя. Напротивъ, онъ зналъ, въ какіе часы поутру онъ лишній и уходилъ въ назначенную для него комнату. Онъ зналъ, что всѣ ложатся спать въ половинѣ двѣнадцатаго ночи, и съ половины двѣнадцатаго, могъ тоже, какъ ему угодно, располагать своимъ временемъ.

— Боже мой!—говорилъ имъ вслухъ Елатомскій.—Если бы всѣ были такіе, какъ вы, если бы всѣ дошли до такого нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія—исторія бы остановилась и геній сталъ бы невозможенъ, потому что не нашелъ бы матеріала для своего творчества.

— Не сглазьте, — отвѣчала ему хозяйка — на землѣ нѣтъ прочнаго счастья. Вокругъ насъ ходятъ грозы, дуютъ бури... и метутъ мятели... Никто не можетъ поручиться, что громъ не ударитъ въ нашу кровлю, и что мятель гдѣ-нибудь на дорогѣ не захватитъ насъ; но мы не хотимъ заглядывать въ будущее и пользуемся настоящимъ.

— Ну да... а когда вся земля, все человѣчество будетъ пользоваться только настоящимъ — что́ тогда? Счастливая неподвижность — міровой Китай, новая Небесная имперія, съ китайскими стѣнами, отдѣляющими нашу планету отъ остальной вселенной, т.-е. съ такими стѣнами изъ непроходимаго эѳира, которыя будутъ попрочнѣе тѣхъ каменныхъ стѣнъ, которыми китайцы отъ остальныхъ государствъ и народовъ думали навсегда охранить себя.

— Какая однакоже у васъ фантазія! Ну, такъ что-жъ... Чѣмъ это дурно!.. Только насъ тогда съ вами не будетъ, m-г Елатомскій!

— Да то дурно, что и эти эѳирныя стѣны тоже когда-нибудь рухнутъ, хоть это и самыя прочныя стѣны...

— Ну, тогда свѣто-преставленье!—смѣясь, говорила хозяйка... Она какъ будто знала, что не скоро еще будетъ это свѣто-преставленье и что до того времени она успѣетъ еще покормить свою дочку, распорядиться по хозяйству и совершить маленькую прогулку вечеромъ, разумѣется подъ руку съ мужемъ, который ей дороже всего на свѣтѣ...

Тутъ никакая Эвина ничего не подѣлаетъ: всѣ ея протесты разобьются въ пухъ и прахъ, и никто даже не пойметъ, чего она хочетъ и о какой такой любви она проповѣдуетъ.

Наконецъ, Эвина получила отъ Сызранова деньги и сама стала торопить Бавина ѣхать, сама стала укладываться, при помощи своей Акулины, которую она оставляла въ Одессѣ.

Digitized by Google

— Куда дѣвался этотъ дурень, Елатомскій? — сердилась Эвина. — Вотъ уже двѣ ночи не ночевалъ дома. Неужели струситъ и скрывается? Адріанъ... пошли за нимъ... Мы завтра ѣдемъ... Неужели мы не дадимъ ему знать, что мы уѣзжаемъ и желаемъ проститься съ нимъ...

— Онъ мнѣ говорилъ, что поѣдетъ къ какому-то консулу, —сказалъ Бавинъ.

Эвина послала Акулину къ Сашину узнать, гдѣ живетъ австрійскій консулъ.

Получивъ отвѣтъ, она увидѣла, что консулъ этотъ живетъ въ окрестностяхъ Одессы, на дачѣ Ланжерона, не далеко отъ публичнаго сада—около Пушинскаго павильона.

«Кого бы послать?» — подумала Эвина. И разыскивать Елатомскаго послала солдата — любовника своей горничной, который принесъ ей починенный имъ чемоданъ — и спрашивалъ, нѣтъ ли еще какой работы. Вмѣсто работы, ему была вручена записка и деньги на проѣздъ.

На другой день утромъ, въ саду, получивъ записку Эвиной, Елатомскій послалъ сказать гостепріимнымъ друзьямъ своимъ, что, не желая безпокоить ихъ, онъ съ ними прощается заочно и уходитъ въ городъ.

Тотчасъ же, пѣшкомъ, по берегу моря отправился онъ въ Одессу.

Онъ шелъ пустынною, глухой тропинкой, между сухимъ бурьяномъ и валунами.

Волны моря мѣрно катились и, крутясь около берега, шумѣли и вздымали пѣну, или раскатывались тамъ, гдѣ камни не мѣшали имъ разбѣгаться по отлогому берегу.

XXIV.

За два дня до своего выѣзда, Эвина вспомнила о своемъ московскомъ тарантасѣ, и, справившись о немъ въ той самой гостинницѣ «Керчь», гдѣ она останавливалась, узнала, что тарантасъ этотъ ею самой былъ отданъ каретнику,—для починки. Но какому каретнику—она забыла...

Нужно было спрашивать, разспрашивать, бѣгать, хлопотать... Бука былъ вовсе на это не способенъ, и Эвина не даромъ горевала объ отсутствіи Елатомскаго... Онъ всегда довольно исправно выполнялъ ея порученія...

Бавинъ зналъ, что имъ слѣдуетъ выѣхать до обѣда, такъ какъ

Digitized by Google

таможенный досмотръ вещей, вывозимыхъ изъ дешеваго города, на заставѣ, прекращался съ четырехъ часовъ по-полудни, а безъ досмотра нельзя было ѣхать... развѣ безъ чемодановъ и ящиковъ... да и то врядъ ли... потому что кромѣ чемодановъ и ящиковъ, есть еще карманы и всякія другія помѣщенія... Вывозились же кружева, обмотанныя кругомъ тѣла...

Эвина сдѣлала себѣ кое-какія покупки, по части женскаго туалета, и страшно устала...

Бавинъ загорѣлъ, и наканунѣ отъѣзда казался совершенно коричневымъ, когда вернулся со станціи, гдѣ потребовалъ почтовыхъ лошадей на слѣдующій день, къ одиннадцати часамъ утра и, заплативъ прогоны, далъ адресъ Нины Александровны.

Въ день отъѣзда, Аксенъ, утромъ, вынесъ чемоданы, заперъ квартиру, отдалъ ключъ хозяйкѣ и, съ помощью носильщика, перетащилъ къ Эвиной въ сѣни вещи своего барина.

А баринъ, вмѣстѣ съ Ниной Александровной, пошли завтракать въ одну изъ ближайшихъ гостинницъ, и когда вернулись, передъ воротами застали почтовыхъ лошадей, а дома нашли Ивана Ивановича Сашина, который пришелъ проститься съ отъѣзжающей.

И Бавину, и Сашину, и Эвиной, всѣмъ было какъ-то не весело—никому не хотѣлось говорить... Бавину—оттого, что онъ засталъ Сашина. Сашину—оттого, что уѣзжаетъ женщина, которой онъ недавно открылъ нутро души своей и которая (такъ по крайней мѣрѣ онъ думалъ) одна, во всемъ городѣ, способна понимать и цѣнить его. Эвиной—оттого, что пропалъ Елатомскій, точно съ умысломъ, точно онъ не хочетъ и не желаетъ проститься съ ней.

Но, за полчаса до отъѣзда, — когда уже и лошади были пристегнуты къ тарантасу, и ямщикъ успѣлъ уже сбѣгать и выпить свою утреннюю порцію, и Карай уже былъ пойманъ, приведенъ къ Бавину на веревочкѣ, и лежалъ у ногъ его, помавая бровями и тихонько взвизгивая... — вдругъ появился Елатомскій.

Онъ вошелъ потный, пыльный, растрепанный, съ покосившимся на сторону галстукомъ... и сказалъ:—Ну, слава Богу, я еще живъ, а вы еще не уѣхали.

— Наконецъ-то, дурень! — сказала Нина, которая, по своей близорукости, узнала его по голосу.

— Что это съ тобой?—спросилъ его Бавинъ.

— Чуть было не убили!

— Какъ?!..

Digitized by Google

И Елатомскій разсказалъ имъ, какъ въ полуверстѣ отъ города, за карантиномъ, напали на него двое какихъ-то мазуриковъ, какъ одинъ изъ нихъ замахнулся на него кистенемъ, и размозжилъ-бы ему голову, если бы онъ не успѣлъ во-время схватить его за руку. Какъ онъ боролся, какъ вынули у него изъ кармановъ портмоне, носовой платокъ и кожаную сигарочницу... Какъ на той же самой тропинкѣ появился солдатъ, тотъ самый, что принесъ ему письмо отъ Эвиной... Какъ, увидѣвъ его, грабители его бросили и, выронивъ его портмоне, спрятались въ ямахъ, за бурьяномъ и камнями; и какъ онъ радъ, что деньги его, 44 рубля, для него не пропали, ибо, если бы пропали деньги, ему ничего больше не оставалось бы, какъ самому пойти въ разбойники.

— Я бы умеръ отъ одного страху,—замѣтилъ Сашинъ...—Неужели вы не струсили?

— Разумѣется, струсилъ — сознался Елатомскій.—Да и досталось мнѣ... рука болитъ... Вотъ этой рукой всѣми силами держался я за кистень, а этой рукой отбивался отъ кулаковъ... Еще двѣ-три минуты—и мнѣ бы капутъ... По счастью, не были они вооружены ножомъ... или, кто знаетъ, можетъ быть хотѣли только оглушить меня ударомъ — и оставить меня жить жизнью идіота—отъ потрясенья мозга.

— Богъ спасъ тебя, Владиміръ!

Въ это время солдатъ въ кухнѣ разсказывалъ Акулинѣ и Аксену, какъ онъ спасъ молодого барчонка и — дай Богъ ему здоровья—получилъ отъ него три рубля на водку.

— Берегитесь, — сказалъ Сашинъ Бавину, который, молча, ласкалъ своего Карая и исподлобья, дружелюбно поглядывалъ на своего бывшаго сожителя.—Берегитесь, какъ бы у васъ сзади чемоданъ не отрѣзали! Не только ночью, среди бѣлаго дня, онъ можетъ пропасть у васъ.

— Ну... придется тогда въ Москвѣ новое платье шить, — равнодушно отозвался Бавинъ.

— Тебѣ не жаль насъ?—спросила Эвина Елатомскаго, завладѣвъ рукой его, и любуясь имъ.

Елатомскій хотѣлъ ей что-то отвѣчать, но удержался—посмотрѣлъ на Сашина и только сказалъ.

— Пиши ко мнѣ, сестра, какъ можно чаще... Бавинъ записалъ мой адресъ.

— И ты... братъ, будешь писать ко мнѣ?

— О! да, если буду живъ... и если клеветники и доносчики не сошлютъ меня.

Digitized by Google

Сашинъ поглядѣлъ на Елатомскаго, и Елатомскій почувствовалъ на себѣ взглядъ его...

— Не его ли это анонимное письмо?—подумалъ онъ.

— Поклонись Москвѣ, сестра... да кланяйся Игнатьеву... Эхъ! вотъ былъ товарищъ! Не найти мнѣ такого товарища!

— А я... развѣ я дурной товарищъ?—спросила Эвина.

Елатомскій ничего не отвѣтилъ—только пожалъ ей руку.

— Владиміръ! Кланяйся отъ меня Зоѣ и скажи ей, что я желаю ей надолго, если не навсегда, побѣдить твое капризное сердце и затѣмъ не пускать тебя одного шляться, чортъ знаетъ гдѣ, по глухимъ одесскимъ окрестностямъ.

Сашинъ навострилъ уши.

Елатомскій дорого бы далъ, чтобы въ эту минуту его не было. Онъ чувствовалъ, что этотъ толстякъ... точно онъ у него въ зубахъ увязъ, и мѣшаетъ его откровенности, какъ свидѣтель ненадежный и завистливый.

— Ничего я не скажу Зоѣ,—проговорилъ Елатомскій, — да и врядъ ли увижусь съ ней... Папенькѣ ея уже извѣстно, что я недостаточно вѣжливо отношусь къ вранью его — и... онъ... запретилъ меня принимать...

— Какой онъ скотъ, должно быть...—замѣтила Эвина.

— Препятствія разжигаютъ любовь,—замѣтилъ налившійся кровью Сашинъ.

— Оскорбленное человѣческое достоинство гасить всякое чувство...—сказалъ Елатомскій.

— Не всегда,—сказалъ Сашинъ, вздохнувъ, и подумалъ:— у меня должно быть нѣтъ ни малѣйшаго достоинства...

— Готово-съ... — сказалъ Аксенъ.

— Ну... надо ѣхать!—сказала Эвина... вставая, но не выпуская изъ рукъ своихъ руку Елатомскаго — точно въ эту минуту, послѣ страшной опасности, угрожавшей его жизни, она боялась за судьбу его—и онъ сталъ дорогъ ей.

«Кого же это она любитъ?» — подумалъ про себя Сашинъ. Бавина или Елатомскаго?

— Ну, прощай, братъ!—сказала Эвина, и поцѣловала Елатомскаго въ губы, какъ родная сестра—и подала руку Сашину...

Сашинъ поднялся съ кресель, печать меланхоліи лежала на всемъ лицѣ его.

— Что же вы мнѣ-то скажете!.. Мнѣ-то, что вы скажете на прощанье!..

— Что мнѣ сказать вамъ, милый Иванъ Ивановичъ... развѣ одинъ совѣтъ я дамъ вамъ... Не противорѣчьте сами себѣ, не

Digitized by Google

боритесь съ своей собственной добротой и честностью. Вы человѣкъ хорошій, но энергіи въ васъ нѣтъ... и вы отъ этого страдаете...

— Аминь! — сказалъ Сашинъ... Вы правы... нѣтъ у меня никакой энергіи... и я страдаю...

Онъ чуть не прослезился и крѣпко пожалъ руку Эвиной.

Въ это время Бавинъ прощался съ Елатомскимъ... И никогда еще губы его такъ крѣпко не сходились съ губами друга или товарища.

Наконецъ, всѣ вышли на улицу. Эвина первая взлѣзла въ тарантасъ и сказала:—Садись, Адріанъ.

Адріанъ зашелъ съ другой стороны, не торопясь помѣстился возлѣ нея и казался сконфуженнымъ.

Аксенъ поднялъ Карая за спину, и Карай, побарахтавшись на воздухѣ, благополучно спустился на заднія лапы между Бавинымъ и его будущей спутницей, и тотчасъ же рядомъ съ лицомъ ея уставилъ свою усатую, черную морду, съ высунутымъ краснымъ языкомъ.

Елатомскій опять пожалъ руку Эвиной. Богъ знаетъ, почему кошки скреблись у него на сердцѣ: ему хотѣлось смѣяться и плакать,—хотѣлось удержать отъѣзжающихъ и какъ можно скорѣй разстаться съ ними, и уже не видѣть ихъ.

— Не пропади, братъ Елатомскій!—говорила съ чувствомъ Эвина. — Будь счастливъ, будь свободенъ отъ всѣхъ мелочей жизни... Эти мелочи хуже цѣпей желѣзныхъ.—Люби Зою—она тебя очень любитъ... Но береги себя отъ сѣтей лукаваго... Не продавай за деньги ни своей независимости, ни своихъ убѣжденій. Прощай, братъ!

Елатомскій опять замѣтилъ слезы на щекахъ ея... поцѣловалъ ей руку и отошелъ.

Хлопнулъ бичъ... Тарантасъ слегка треснулъ, захрустѣлъ и тронулся.

Аксенъ уже сидѣлъ на козлахъ и крестился на соборную колокольню.

Акулина стояла у воротъ, пригорюнившись. Эвина оставила ей паспортъ и обѣщала прислать вольную; но Акулинѣ все же стало грустно по деревнѣ, по родной избѣ и березовой рощѣ.

Тарантасъ завернулъ за уголъ и пропалъ...

Позабывши Сашина, Елатомскій побѣжалъ домой... но нашелъ дверь запертою.

Дѣвка хозяйская, жидовочка Гайва — увидѣвъ его, побѣжала за ключомъ, и, минуты черезъ двѣ, Елатомскій уже стоялъ среди

Digitized by Google

опустѣвшихъ комнатъ, среди пыли, рваной бумаги, какихъ-то пустыхъ стекляноkъ и разсыпавшагося по полу табаку, вмѣстѣ съ золой и разбитой глиняной трубочкой.

Ему стало грустно и жутко...

Но вотъ, изъ передней отворилась дверь и вошла хозяйка—женщина лѣтъ 30-ти, полная, круглолицая еврейка, съ крупными губами и круглыми бровями, надъ сѣрыми, также круглыми глазками.

Она прибѣжала посмотрѣть—цѣла ли мебель.

— Неужели думаете вы,—сказалъ ей Елатомскій, когда она прошла въ комнату, гдѣ спалъ Бавинъ, и поглядѣла на стору,—неужели вы думаете, что Бавинъ увезъ вашъ диванъ?

— Ай!.. нѣтъ, я этого не думаю.—Нѣтъ, какъ можно...—произнесла она, на ломаномъ языкѣ, опуская стору. — Я такъ уважала господина Бавина... Я такъ только—взглянуть... Отчего же вы не хотите здѣсь остаться?.. Я бы такъ была рада. Я бы вамъ еще мебель поставила...

— Нѣтъ, зачѣмъ мнѣ три комнаты. Я уже нанялъ одну... маленькую... съ меня довольно...

— А можe, женитесь... вотъ вамъ спальня... вотъ гостиная... вотъ вамъ все... Я бы занавѣски красныя дала вамъ...

И, лукаво прищуря одинъ глазъ, хозяйка кокетливо поглядѣла на Елатомскаго.

— Нѣтъ, ужъ вы пошлите лучше вашу Гайзу за носильщикомъ.

— Гайзу... Сейчасъ!.. — Она выбѣжала послать Гайзу — и опять, Богъ знаетъ для чего, вернулась къ Елатомскому.

Елатомскій нашелъ, что уже чемоданъ его затянутъ ремнями. Подушка принесена съ гауптвахты и связана вмѣстѣ съ одѣяломъ. Книги тоже перевязаны, и даже двѣ забытыхъ имъ сигары лежатъ на столѣ, возлѣ хозяйскаго подсвѣчника.

«И что это за странность», думалъ онъ, «вся Одесса говоритъ мнѣ про женитьбу, да про женитьбу!

— А вы здоровы?—спросила его хозяйка.

— Нѣтъ—руки, ноги точно переломаны.

— Ай, ай! — вздыхая, заговорила молодая хозяйка, и не довѣряя словамъ юноши, поглядывала то на него, то въ окно на дворъ... то опять, Богъ знаетъ для чего, уходила въ бывшій кабинетикъ Бавина, съ опущенной сторой.

Но Елатомскій былъ не въ такомъ настроеніи духа, чтобы замѣчать или отвѣчать на ея заигрыванія.

Digitized by Google

XXV.

Было около полуночи, а Елатомскій все еще не спалъ (вообще говорятъ, плохо спится на новомъ мѣстѣ).

Наконецъ, погасилъ онъ свѣчу свою, и дверь, запертая изнутри желѣзною задвижкою, и узенькій каминъ, съ лѣпными украшеніями въ восточномъ вкусѣ, и растворенный, стѣнной шкапъ, и его собственное платье, вмѣстѣ съ носками повѣшенное на спинку плетенаго стула, и самъ Елатомскій—погрузились въ непроглядную темноту.

— «Ну, буду спать!» подумалъ Елатомскій.

Но чуткость слуха его, среди ночной тишины, казалось, возрастала вмѣстѣ съ тоскливымъ чувствомъ одиночества, и онъ никакъ уснуть не могъ.

Какъ всѣ впечатлительные люди, онъ скоро отвыкалъ отъ старыхъ и скоро привыкалъ къ новымъ впечатлѣніямъ. Поневолѣ постоянство не было однимъ изъ его добродѣтелей, но переходъ отъ однихъ впечатлѣній къ другимъ раздражалъ его.

Мысль, что онъ уже не встрѣтитъ завтра ни Бавина, ни Эвиной, ни даже Аксена; что Вѣра Георгіевна уже не посмѣетъ его принять къ себѣ; что Зоя,—влюбленная Зоя, не будетъ до самыхъ воротъ провожать его;—мысль, что у него во всей Одессѣ нѣтъ уже ни одного человѣка, къ которому бы могъ онъ относиться съ прежнимъ довѣріемъ, однимъ словомъ, цѣлый рядъ мыслей, изъ которыхъ ни одной бы онъ не высказалъ, наводилъ на него хандру, и хотѣлось ему заснуть какъ можно скорѣй, чтобъ какъ можно скорѣй ни о чемъ не думать.

Но какія-то насѣкомыя стали кусать его. Какіе-то шорохи стали ему слышаться. За стѣной налѣво кто-то простоналъ, и такъ внезапно, такъ плачевно, какъ-будто отъ боли и жалобы. Затѣмъ слабо отозвался въ ушахъ его мягкій стукъ руки или ноги, ударившейся объ стѣну.

За стѣной направо кто-то ходилъ; подъ поломъ бѣгали, скреблись и возились крысы; у камина скрипѣлъ сверчокъ.

Елатомскій хотѣлъ зажечь свѣчу, чтобъ найти и унять этого сверчка-нахала, потому что скрипъ его уже сталъ надоѣдать ему; но спичекъ онъ не нашелъ и остался въ той же темнотѣ, къ которой уже привыкли глаза его и могли уже разглядѣть слабое пятно свѣта на томъ мѣстѣ, гдѣ было окошечко изъ разноцвѣтныхъ стеколъ,—а это окошечко было надъ самой головой его.

Было душно, но вѣтеръ завылъ въ трубѣ камина, и отво-

Digitized by Google

рить дверь на балконъ не рѣшался Елатомскій. Къ тому же, онъ чувствовалъ легкій ознобъ и ноющую боль въ рукахъ, покрытыхъ синяками съ самаго утра, когда отбился онъ отъ двухъ грабителей, покусившихся на жизнь или на тощій кошелекъ его.

Поздно, очень поздно, удалось заснуть Елатомскому; но и поутру не удалось ему выспаться.

Въ семь часовъ раздался стукъ въ дверь. Елатомскій вскочилъ, босикомъ подбѣжалъ къ порогу, ухватился за задвижку и закричалъ:

— Кто тамъ?

— Я, я.

— Кто — вы?

— Я — я — я...

— Да что за чортъ! Почемъ я знаю, кто ты!..

Онъ отодвинулъ задвижку, опять вскочилъ на свою тахту и прикрылся одѣяломъ.

Отворилась дверь: ослѣпительный блескъ солнечнаго лѣтняго утра, вмѣстѣ съ тепломъ ворвался въ его комнату, и на порогѣ показалась старуха, смуглая, сморщенная, косматая.

Въ качествѣ служанки вошла она за сапогами и платьемъ.

Потомъ принесла мѣдный тазъ и мѣдный кувшинчикъ съ водой для умыванія.

Наконецъ притащила походный, на выгнутыхъ ножкахъ самоварчикъ, напустила чаду и скрылась.

Елатомскій хотѣлъ-было заговорить съ ней, но безуспѣшно. Старуха была или глуха, или не расположена къ болтовнѣ, да и по-русски едва говорила: «я свое дѣло знай! я свое дѣло знай!» Вотъ все, что услыхалъ Елатомскій на свою просьбу — никогда такъ рано не будить его, и на вопросъ,— кто живетъ въ сосѣднемъ нумерѣ налѣво.

Заваривши чай, Елатомскій вышелъ на крыльцо или на деревянный балконъ, который оканчивался у воротъ лѣсенкой, ступенекъ въ двѣнадцать; вышелъ онъ на солнце простоволосый, въ однихъ шароварахъ, безъ сюртука и галстука.

Слишкомъ чиниться было не съ кѣмъ. Весь дворъ, какъ улей, кишѣлъ мастеровыми, жидами и ихъ семействами. Неряшество было образцовое, да и пухъ какой-то леталъ по двору, точно прорвалась чья-то перина или новую подушку набивали новымъ пухомъ. Пахло чеснокомъ и жженымъ кофе, и этотъ запахъ, къ счастію, заглушалъ всѣ другіе запахи.

«Ну, пошла теперь другая полоса моей одесской жизни!»

Digitized by Google

подумалъ Елатомскій. «Тутъ уже не пахнетъ ни Гегелемъ, ни Жоржъ-Зандомъ... Что-то будетъ! Цо то бензе, цо то бензе!

Елатомскій зѣвнулъ и вернулся въ свою комнату пить чай и одѣваться, чтобъ идти. Но куда идти и зачѣмъ идти—онъ и самъ не зналъ.

Продлись такимъ образомъ молодая жизнь его, и Елатомскій извѣнился бы и сдѣлался бы шелопаемъ. И сколько русскихъ людей извѣнилось и сдѣлалось шелопаями только потому, что умственный трудъ не дался имъ, а другому труду никто ихъ не научилъ, и никто по части какой бы то ни было работы не нуждался въ нихъ. Для всякаго юнаго дворянина того времени было два исхода для того, чтобы совершенно не запѣснивѣть, это или быть героемъ времени, влюбляться, влюблять и донжуанствовать, или служить—и добиваться денегъ, чиновъ, орденовъ и власти. Нечего и говорить, что первое поприще въ нѣкоторомъ родѣ было поэтичнѣе второго, настолько же, насколько Печоринъ привлекательнѣе Сквозника-Дмухановскаго, насколько разочарованіе лучше пошлаго самодовольства. Вспомнимъ при этомъ, что въ пресловутыхъ, сороковыхъ годахъ не было еще ни мировыхъ посредниковъ, ни адвокатовъ, ни присяжныхъ повѣренныхъ, ни земскихъ дѣятелей, ни концессій, ни желѣзно-дорожныхъ управленій, ни частныхъ банковъ, словомъ, ничего такого, въ чемъ современные россійскіе джентльмены могутъ находить пищу для своей дѣятельности — и при этомъ, потирая руки, говорить: мы не зѣваемъ, мы работаемъ, мы боремся или, по мѣрѣ силъ нашихъ, совершаемъ гражданскіе подвиги, и слава нашихъ именъ ничѣмъ не уступаетъ славѣ вашихъ ученыхъ и вашихъ писателей.

Могъ ли бы Елатомскій, потирая руки, говорить въ то время: я совершаю гражданскій подвигъ, ибо служу подъ начальствомъ Хавазова, пріучаюсь гнуть шею, взятки брать и пр. и пр.

Не оттого ли онъ такъ идеализировалъ все, что дѣлается на Кавказѣ, стремился туда и думалъ, что тамъ, и только тамъ, онъ не будетъ баклуши бить.

Съ этими мечтами въ головѣ, засѣлъ онъ писать письма на Кавказъ, сообщилъ Уютину новый адресъ свой, и уже готовился свои письма отнести на почту.

Вдругъ, по досчатому полу балкона послышались тяжелые шаги.

Въ дверяхъ появилась какая-то фигура, длинная, муругая, съ бровями толще пальца, съ маленькими, тараканьяго цвѣта глазками, и въ густыхъ, во всю щеку щетинистыхъ бакахъ.

Digitized by Google

Незнакомецъ вошелъ, снялъ свою треугольную шляпу, осмотрѣлся, поглядѣлъ на Елатомскаго, развернулъ какую-то бумагу, про себя прочелъ ее и спросилъ:

— Вы господинъ... какъ бишь того, Владиміръ Елати... Елати... Ела—тимской?

— Я «Елатомскій», что̀ вамъ угодно?

— Да такъ, мнѣ угодно поглядѣть на васъ.

Елатомскій поглядѣлъ на него, какъ на привидѣніе. Тревожное недоумѣніе отразилось на всемъ молодомъ, блѣдномъ лицѣ его.

— Что̀ такое? Зачѣмъ я нуженъ вамъ?

— Вы-то, зачѣмъ мнѣ нужны? Ха! вы мнѣ не нужны, я такъ пришелъ.

— Ну, и уходите,—проговорилъ Елатомскій, мотнувъ головой по направленію къ двери.

— Нѣтъ, я еще немножко посижу у васъ...

И полицейскій преспокойно, поправивъ шпагу, сѣлъ на стулъ и сталъ оглядывать стѣны.

Елатомскій, съ бьющимся сердцемъ, сталъ слѣдить за его движеніями, и когда глаза ихъ встрѣтились, посѣтитель усмѣхнулся, потомъ принялъ строгое выраженье и проговорилъ:

— Долженъ же я знать, кто вы такой и что̀ вы такое?

— Зачѣмъ?—спросилъ Елатомскій.

Онъ едва удерживался отъ гнѣва и вспышки, не зная, что̀ все это значитъ. Мысль, что этотъ господинъ съ тѣмъ и пришелъ, чтобъ опять за что-нибудь арестовать, заставила его побѣдить и умѣрить страстное желанье—вытолкать его за дверь.

— Я, господинъ Елат... Тьфу пропасть! Бѣда съ этими польскими фамиліями! Никакъ не могу запомнить вашей фамиліи.

— «Елатомскій».—И я вовсе не полякъ—я русскій.

— Я, господинъ Елатомскій, могу и не говорить вамъ, зачѣмъ я здѣсь. А я здѣсь, изволите видѣть, по службѣ.

— Да какая же это служба, — врываться въ чужую квартиру и безобразничать. —Я не знаю, кто вы, зачѣмъ вы, и ни малѣйшаго желанія не имѣю съ вами знакомиться.

— Да что вы сердитесь! Позвольте! Я, можетъ быть, и самъ не желаю съ вами знакомиться. А знать васъ—это мой долгъ, потому-что я квартальный... Понимаете?

— Не понимаю.

— Не понимаете?

— Развѣ здѣсь такое обыкновеніе, чтобы всѣ квартальные заходили въ каждую квартиру и всѣмъ говорили грубости.

Digitized by Google

— Грубости! Какія грубости! Что вы? Я еще оченно вѣжливъ съ вами, а вы тутъ приплетаете какія-то грубости! Васъ велѣно взять подъ надзоръ полиціи, и я...

— Какъ! подъ надзоръ полиціи! — сдвинувъ брови, вскрикнулъ Елатомскій, и вскочилъ со стула, какъ ужаленный.

— Да, такъ же, — тоже сдвинувъ брови и глядя исподлобья отозвался квартальный.

— Я! подъ надзоръ!—За что?

— А ужъ этого я не знаю—значитъ, за что-нибудь...

— Я сейчасъ ѣду къ полиціймейстеру и спрошу его.

— А вы знакомы съ нимъ?

— Еще бы!

Елатомскій сталъ ходить по комнатѣ какъ звѣрь, очутившійся въ клѣткѣ, увидалъ свою шляпу и надѣлъ ее на голову.

«Я съума сойду», думалъ Елатомскій.

— Ну, что-жъ, надзирайте! Можетъ быть, вамъ приказано сдѣлать обыскъ у меня.—Что же вы не дѣлаете обыска?

— Э! Кабы обыскъ! нѣшто бы я одинъ пришелъ! съ понятыми бы... Да и приказанія такого не было... Велѣно надзирать—ну, я и надзираю.

— И часто вы будете такъ надзирать?

— А когда мнѣ вздумается.

— Да вамъ вздумается каждый день раза по-три заходить ко мнѣ!

— А можетъ быть...

— Нѣтъ, ужъ пусть лучше придутъ и меня обыщутъ, какъ вора, какъ фальшиваго монетчика, какъ какого-нибудь негодяя или измѣнника! Пусть! Совѣсть у меня чиста и я ничего не боюсь—и васъ не боюсь.

— Да что вамъ меня бояться-то! Я не тигра и не левъ — людей не ѣмъ. Я такъ только, на всякій случай, пришелъ на васъ поглядѣть. А то скажутъ: «Елатинскій, Елатинскій», а я и не знаю, кто такой Елатинскій.—Ну, прощайте, больше мнѣ нечего у васъ дѣлать. А къ полиціймейстеру не ходите. Нѣшто къ Ѳедорову — къ генералъ-губернатору, его высокопревосходительству, или къ полковнику Черкесову—ну, это еще, пожалуй! А то, на что вамъ полиціймейстеръ!

— А на то, чтобъ онъ оградилъ меня отъ своеволія полицейскихъ чиновъ.

— Какого своеволія! Э! да вы того! Ну, прощайте!

И квартальный вышелъ, одной рукой придерживая шпагу, а другой надѣвая треугольную шляпу съ кокардой, которая въ

Digitized by Google

наше время напоминала бы фавельщика, идущаго передъ гробомъ, во время погребальной процессіи.

XXVI.

Едва онъ ушелъ, Елатомскій бросился на свою тахту въ совершеннѣйшемъ отчаяньи. «Вотъ,—думалъ онъ,—не сдѣлаю я никому зла, и у меня враговъ не будетъ. — Что же это,—какъ не сѣти враговъ—Хавазова, Сашина, можетъ быть, Меркулича, можетъ быть и еще десятка, сотни... доносятъ, клевещутъ, явно хотятъ меня запутать, погубить, съ ума свести!

«Боже мой, Боже мой! Зачѣмъ я въ Одессѣ?... И это самый либеральный, самый, такъ-сказать, европейскій городъ нашъ! Что же дѣлать? Бѣжать!—но куда бѣжать? Я—я подъ надзоромъ! Ждалъ ли я такого безчестья!»

У Елатомскаго на глазахъ показались слезы. Какъ и всѣ молодые люди, онъ страшно преувеличивалъ свое несчастье—докапывался причинъ, подозрѣвалъ тайные ковы и замыслы, и казалось ему, легче въ тюрьмѣ сидѣть, легче быть въ солдатахъ, чѣмъ подъ надзоромъ.

Опять надѣлъ онъ шляпу и уже совсѣмъ собрался идти къ полиціймейстеру, какъ вошелъ къ нему графъ Гикель.

Елатомскому такъ было тяжело, и такъ скверно на душѣ, что ему показалось—этого графа самъ Богъ послалъ. Онъ высказалъ ему свое новое горе.

Графъ весело оскалилъ зубы и сказалъ, что онъ тоже подъ надзоромъ своихъ кредиторовъ, и что это нисколько не мѣшаетъ ему жуировать, что даже, напротивъ, доставляетъ ему нѣкоторое удовольствіе.

— Главное, — заговорилъ графъ, стоя у порога, въ своей соломенной шляпѣ,—главное—нуженъ тактъ. Вотъ, вы сейчасъ съ-горяча хотите бѣжать къ нашему милѣйшему полиціймейстеру и этимъ напакостите самому себѣ жестоко, т.-е. уроните себя въ глазахъ его. Онъ добрый малый, но пороху не выдумаетъ, и непремѣнно подумаетъ, что вы отъ него зависите; и что держать васъ въ этой зависимости—его прямая обязанность. Но я ужъ васъ научу, что дѣлать!

— Что же мнѣ дѣлать! неужели и тогда молчать, если этотъ варваръ, какъ въ свою спальную, будетъ каждый день входить въ мою комнату, и надзирать, какъ я умываюсь, какъ я надѣваю брюки, къ кому пишу и проч.

Digitized by Google

— Не жалуйтесь, Боже васъ сохрани, а такъ, при случаѣ, смѣясь, слышите, непремѣнно смѣясь, разскажите при полиціймейстерѣ эту исторію и всю эту сцену съ квартальнымъ представьте въ самомъ комическомъ, каррикатурномъ видѣ. Сдѣлайте видъ, что вамъ наплевать, и повѣрьте, всѣ, кто будетъ слушать васъ, придутъ въ негодованье — и полиціймейстеръ тоже придетъ въ негодованье, и даже воскликнетъ: этого быть не можетъ, вы шутите!

— Откуда вы набрались такой житейской премудрости? И если вы такъ разсудительны, то какъ понять, что вы пріѣхали въ Одессу, зная, что васъ здѣсь за долги будутъ преслѣдовать.

— А гдѣ же лучше? — Я, cher m-r Елатомскій, долженъ во всей Европѣ и вездѣ мнѣ было бы хуже, чѣмъ здѣсь, кромѣ Константинополя да Аѳинъ, куда я и проберусь всенепремѣннѣйше. Я съ тѣмъ и живу въ Одессѣ, чтобъ удрать или въ Турцію, или въ Грецію. Буду скитаться, пока батюшка не вздумаетъ помереть — у него много денегъ, а скупъ онъ, какъ гарпагонъ, и старъ, какъ Мельхиседекъ. Зажился старикъ.

Елатомскаго слегка покоробило такое нетерпѣливое ожиданіе родительской смерти; но все же слова графа не могли не подѣйствовать на него успокоительно. Въ немъ самомъ была практическая жилка, и онъ мысленно согласился съ графомъ, что бѣжать, запыхавшись, къ полиціймейстеру, значитъ явно признать его своимъ единственнымъ заступникомъ и покровителемъ.

— Но, графъ, вы другое дѣло, вы знаете за что васъ караулятъ и чего отъ васъ добиваются; а я!

— Да что толку, если вамъ и скажутъ за что!

— Какъ, развѣ я не могу оправдаться!

— Не можете.

— Почему?

— Да потому, что нельзя же оправдываться въ своихъ невольныхъ чувствахъ, мысляхъ и убѣжденіяхъ, а можетъ быть они-то имъ и не нравятся... Ну, какъ я оправдаюсь предъ своимъ родителемъ: получилъ я отъ него тридцать тысячъ, а прожилъ слишкомъ триста, даже не понимаю, въ чемъ тутъ преступленье. Въ Одессѣ я долженъ всего на всего около сорока тысячъ. Пустяки, въ сравненьи съ Вѣной, Парижемъ и Гамбургомъ. Сидѣть-бы мнѣ тамъ въ каменномъ мѣшкѣ, если бы не я первый прочелъ въ газетахъ, что отецъ не платитъ долговъ моихъ и покорнѣйше проситъ не вѣрить мнѣ. Можетъ быть, онъ и правъ, старый шутъ, съ своей точки зрѣнія; но и я правъ.

Digitized by Google

Однако, извините, я долженъ сію минуту забѣжать въ греческую кофейную.

— Въ какую греческую кофейную?

— А вы ни разу тамъ не были?

— Ни разу.

— Пойдемте, и если у васъ есть лишнихъ три копѣйки, угостите меня кофеемъ, и мы... мы кое-что придумаемъ.

Графъ плутовски подмигнулъ ему глазомъ. Елатомскій взялъ шляпу, взялъ перчатки и вышелъ.

— Ба! вы запираете комнату! Это зачѣмъ? — спросилъ графъ. — Оставьте дверь настежъ и повѣрьте, что все будетъ цѣло.

— А если обокрадутъ?

— Да если будете запираться, то, чего добраго, вообразятъ, что у васъ и серебро, и золото. Развѣ не видите: дворъ — жидовское царство: надуть васъ надуютъ, но обокрасть — никогда... Если же увидятъ, что вы и дверей своихъ днемъ не запираете, то даже и надувать васъ не станутъ. На ночь запирайтесь, пожалуй; особливо коли вдвоемъ... Мало ли кто можетъ зайти, — какой-нибудь забулдыга, вашъ же пріятель вздумаетъ не кстати затесаться къ вамъ...

— Или кварташка, — сказалъ Елатомскій.

— Или жена кварташки, — перебилъ графъ, и оба захохотали.

— Нѣтъ, я все-таки запру мою дверь, — подумавъ, сказалъ Елатомскій: — тамъ у меня письма. Не хочу, чтобъ читали ихъ въ моемъ отсутствіи.

— Охота вамъ письма писать!

Греческая кофейная помѣщалась на одномъ изъ угловъ Ришельевской улицы. Это была низенькая, но довольно просторная комната, вся заставленная столами, разнокалиберными стульями, деревянными табуретами, и съ утра до обѣда биткомъ набитая иностранцами: матросами съ купеческихъ кораблей, шкиперами разныхъ націй — итальянцами, греками, армянами, жидами и англичанами; и какихъ костюмовъ не встрѣчалось тамъ, начиная съ чалмы и коричневой куртки изъ верблюжьяго сукна, вышитой синей, узенькой тесьмой или красными шнурочками, до лаковой, твердой какъ козырекъ, круглой и низенькой шляпы на бекрень, или до длиннополаго нѣмецкаго сюртука и бѣлаго галстука. Все это курило, играло въ засаленныя карты, въ кости и домино, и все это курило и играло необыкновенно чинно и не мѣшало купцамъ толковать между собой о биржевыхъ дѣлахъ или коммерческихъ сдѣлкахъ.

Digitized by Google

Елатомскій и графъ нашли себѣ мѣсто только у самой двери, да и то по милости двухъ янки, которые только-что встали, разумѣется не для того, чтобъ кому-нибудь уступить свои стулья, а для того, чтобъ расплатиться и выдти.

Каждыя десять минутъ, среди пьющихъ, кейфующихъ и играющихъ, изъ заднихъ дверей появлялся мальчикъ, въ сѣрой запачканной блузѣ, косой, сутулый, рыжій и весь испещренный коричневыми веснушками; онъ очень ловко, съ помощью длинныхъ желѣзныхъ щипцовъ, разносилъ раскаленный уголь, и кричалъ, какъ-бы торгуя огнемъ: ògонь!—ògонь! — ògонь! Заслыша это восклицанье, длинные чубуки протягивались, и къ трубкамъ, набитымъ табакомъ, то турецкимъ, то южно-американскимъ, то мелко-крошеннымъ, то висящимъ длинными, желтыми прядями, прикладывался раскаленный уголь, и мальчикъ, шагая черезъ ноги, до тѣхъ поръ повторялъ свое восклицанье: ògонь! пока не убѣждался, что всѣ трубки и всѣ сигары закурены.

— Тутъ не русскій духъ, и не Русью пахнетъ, — замѣтилъ Елатомскій.

Черезъ минуту, не спрашивая, хотятъ они или не хотятъ, передъ ними, на столикѣ появилось двѣ чашки, въ видѣ низенькихъ ступочекъ, изъ плохого фарфора, и изъ громаднаго мѣднаго кофейника, съ узенькимъ и длиннымъ горлышкомъ, полилась въ нихъ струя густого, горячаго кофе.

О сливкахъ и сухаряхъ въ этой кофейной, казалось, и помину не было. Елатомскій по-неволѣ долженъ былъ отвѣдать эту черную кофейную гущу. Гуща отзывалась горечью, и обрусѣвшій вкусъ его тотчасъ же замѣтилъ, что въ чашкѣ его недостаточное количество сахару. Графъ, не мало скитавшійся по востоку, напротивъ, находилъ, что лучше такого кофе ничего и быть не можетъ.

Допивая свою чашку, графъ безпрестанно поглядывалъ куда-то въ толпу, и когда закурилъ узенькую, въ видѣ чернаго корешка, австрійскую сигару, тотчасъ же покинулъ Елатомскаго, пробрался въ самый уголъ и примостился около какого-то, очевидно, восточнаго человѣчка въ красной фескѣ, коричневаго отъ загару, съ рубцомъ на лбу, съ длиннымъ носомъ и длинными черными усищами.

Елатомскій замѣтилъ, что графъ тотчасъ же вступилъ съ нимъ въ разговоръ и даже показалось—что-то ему передалъ.

Коричневое лицо въ фескѣ подозрительно покосилось на двухъ жидовъ съ козлиными бородками, съ помятыми цилиндрами на

Digitized by Google

затылкахъ и съ необыкновенно широкими спинами, пустило изо-рту клубъ табачнаго дыму и что-то сунуло себѣ за-пазуху.

Елатомскій всему этому не придавалъ никакого значенія, удивлялся только юркости графа, который даже въ этой демократической кофейной нашелъ себѣ какого-то пріятеля.

Онъ всталъ, вышелъ на тротуаръ и сѣлъ подъ навѣсъ на скамейку, посреди которой была начерчена шахматная доска, съ черными квадратиками, уже истертыми десятками тысячъ людей, которые на нее присаживались.

«Гдѣ-то теперь наши?» — подумалъ Елатомскій о Бавинѣ и Эвиной. И опять припомнилось ему, что онъ подъ надзоромъ полиціи и вообразилъ, что никто не можетъ поручиться за дальнѣйшую судьбу его, и что угроза Хавазова—сослать его, вовсе не такая пустая фраза, чтобъ можно было смѣяться и — только смѣяться!

— О чемъ это вы задумались, Елатомскій?—сказалъ ему графъ и сѣлъ по другую сторону шахматной доски съ истертыми, черными клѣтками.

— Да развѣ это порокъ, по-вашему—задумываться?

— А замѣтили вы, что задумчивые люди по бо́льшей части порядочные рохли. Вотъ, въ родѣ вашего Сашина. Кто способенъ быстро соображать, тотъ никогда не бываетъ задумчивымъ.

— Можетъ быть.

— Слушайте. Гдѣ сегодня гуляньe вечеромъ—въ Палеройлѣ или на бульварѣ?

— Не знаю.

— Кажется, на бульварѣ. Ну, да это все равно!—Слушайте! Къ вечеру нарядитесь франтомъ, зайдите къ моей кузинѣ, возьмите ее подъ руку и ступайте гулять такъ, чтобы всѣ васъ видѣли, и, главное, будьте веселы... торжествуйте!...

Елатомскій чуть рта не разинулъ — до такой степени изумили его совѣты графа.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—я очень радъ, но что́ изъ этого?

— А! вы ничего не понимаете! Исполните мой совѣтъ, и помяните мое слово, что не вы къ полиціймейстеру, а полиціймейстеръ первый подойдетъ къ вамъ и съ вами заговоритъ.

— Почему вы это знаете?

— А ужъ такъ.

— Да княгиня, можетъ быть, и не пойдетъ со мной?

— О! не пойдетъ! Почему же? Вы ей очень нравитесь, да вы еще и не знаете, какая она актриса.

— Актриса?

Digitized by Google

— Да.

— Какую же она при этомъ будетъ роль играть?

— Предоставьте ей играть роль, какую ей вздумается. Ей нельзя навязывать ролей—это вдохновенная женщина и съ чутьемъ... Спросите ее, почему она сама пожелала съ вами познакомиться? Чутье!...

На щекахъ Елатомскаго заигралъ румянецъ. Его сильно заинтересовали слова графа и предстоящій вечеръ.

— Исполню все, что вы мнѣ посовѣтуете, графъ. Богъ васъ знаетъ, что вы за человѣкъ; но кажется мнѣ, что играть людьми, также какъ вы играете судьбой своей,—вы великій мастеръ. Можетъ быть, въ эту минуту вы и на мнѣ играете.

— Какъ на флейтѣ,—засмѣялся графъ.—Я буду играть, а васъ будутъ слушать и скажутъ: вотъ такъ флейта! Ха-ха!

— Согласитесь, впрочемъ, что для меня это вовсе не лестно!

— Да ужъ лестно или не лестно, а я васъ выручу—и кварташка носу къ вамъ не покажетъ... Увѣряю васъ.

— Вы думаете?

— Да объ этомъ и думать не стóитъ.

— Ну, и не будемъ объ этомъ думать. А что, скажите по совѣсти, влюблены вы здѣсь въ кого-нибудь?

— То-есть, вы хотите спросить меня, влюбленъ ли я въ княгиню Аделаиду Корси—вопросъ нескромный, но понятный. Вы сами боитесь въ нее влюбиться.

Елатомскій вспыхнулъ. Графъ поглядѣлъ на него, и продолжалъ, не останавливаясь.

— Не будь вы мой сосѣдъ и пріятель,—я бы на васъ рукой махнулъ, но я бы не совѣтовалъ вамъ воспылать къ ней страстью. Волочитесь сколько вашей душѣ угодно, но не воспылайте. Потому что, чего добраго, она одурачитъ васъ.

— На себѣ испытали,—улыбнувшись, замѣтилъ Елатомскій.

— И на себѣ испыталъ.

— И не пришли въ отчаянье?

— Я никогда ни отъ чего не прихожу въ отчаянье, а ужъ отъ любви и подавно. Черезъ двѣ недѣли меня здѣсь засадятъ въ тюрьму, въ долговое отдѣленіе. И Богъ знаетъ, сколько времени мнѣ придется тамъ высидѣть,—и что же? замѣчаете ли вы, что я хандрю или скучаю? А вы,—вы и недѣли не высидѣли на гауптвахтѣ,—а похудѣли такъ, какъ-будто горячку вынесли.

Такъ съ полчаса болтали между собой наши пріятели.

«Этотъ графъ—великая каналья», думалъ про себя Елатомскій, идя домой за письмами. «Какіе, однакожъ, бываютъ люди!

Digitized by Google

Что общаго между нимъ и Бавинымъ? этотъ—выжига, а тотъ—философъ... Только нельзя не признаться, что въ моемъ положеніи этотъ выжига скорѣй поможетъ мнѣ, чѣмъ десятки философовъ».

Онъ отперъ свою комнату, распечаталъ одно письмо въ Тифлисъ и приписалъ къ нему цѣлыхъ двѣ страницы, о томъ, что случилось съ нимъ по-утру. Онъ удивительно ловко и живо изложилъ утреннюю сцену съ квартальнымъ, потому именно, что не сочинялъ ее, не задавался никакой задачей, а просто писалъ письмо къ тому самому Уютину, который больше всѣхъ въ Одессѣ хлопоталъ о немъ, объ его урокахъ и объ его будущности.

XXVII.

Добрая, романическая Клара Петровна была такъ раздражена поступкомъ Елатомскаго, что чѣмъ больше она объ этомъ думала, тѣмъ чаще билось ея сердце, а въ глазахъ навертывались слезы обиженнаго самолюбія.

Хотя она и говорила Вѣрѣ Георгіевнѣ: «Богъ его прости, такъ какъ я его прощаю», но это нисколько не мѣшало ей разочаровывать Зою и пророчить ей всякія напасти, если она не перестанетъ думать объ Елатомскомъ.

«Это человѣкъ безъ сердца, неблагодарный человѣкъ», говорила она. «Я ли его не обожала, я ли не принимала участіе въ судьбѣ его, — и что же? ничего, кромѣ насмѣшки не дождалась».

Но Зоя не только продолжала думать о своемъ миломъ Елатомскомъ, — она вся, съ ногъ до головы, была наэлектризована мечтой о немъ, особливо съ того незабвеннаго для нея утра, когда она побывала у Эвиной. Мысль, что она любима, все больше и больше укоренялась въ ней, и дразнила и подсказывала ей, что не будь она Меркуличъ, не слыви богатой невѣстой, а будь просто бѣдной дѣвушкой, да живи гдѣ-нибудь на чердакѣ, и Елатомскій не боялся бы прижать ее къ груди своей, и пламенная страсть ея увѣнчалась бы полною взаимностью.

Вѣра Георгіевна, выслушивая жалобы и нареканія друга своего, Клары Петровны, ничего не говорила, была точно въ воду опущена,—все о чемъ-то вздыхала, морщила маленькій лобикъ свой, вязальной спицей почесывала у себя въ затылкѣ или за ухомъ и... ничего...

Бѣдная Вѣра Георгіевна!

Digitized by Google

Она по-прежнему любила Елатомскаго, который такъ не похожъ на ея другихъ знакомыхъ. Она сама Богъ знаетъ чего бы не дала, чтобы только услыхать его голосъ, его веселья, откровенныя рѣчи,—и, право, вынесла бы отъ него десять такихъ насмѣшекъ, изъ которыхъ Клара Петровна и одной не вынесла.

Мало того, она была увѣрена, что Зоя, ея милая Зоя, увлеклась за предѣлы всякаго благоразумія, и что уже нѣтъ ей возврата.

И эта мысль укоренилась въ ней съ того же самаго утра, когда Зоя отправилась къ Эвиной. Она не знала, куда вдругъ на цѣлыхъ два часа пропала изъ дому дочь ея.

И когда та вернулась сіяющая, съ блестящими глазами и какъ-бы вся трепещущая отъ прикосновенія волшебнаго жезла, Вѣра Георгіевна долго не рѣшалась спросить ее: «Зоя, гдѣ ты была?»

Наконецъ, рѣшилась.

— Гдѣ ты была, Зоя?—спросила она ее уже подъ вечеръ, съ подозрительной нѣжностью заглянула ей въ глаза и вздохнула.

Зоя потупилась и молчала.

— Ты у *него* была? — спросила мать. И этимъ вопросомъ подсказала ей новую ложь.

— Не спрашивайте, мама... Не доводите меня до признанья...

— Лучше признайся, Зоя.

— А если я признаюсь?

И Зоя вопросительно поглядѣла на мать свою.

«Что ей сказать?» подумала про себя Вѣра Георгіевна.

«А что, если я солгу?» подумала про себя Зоя.

— Увѣрена ли ты въ *немъ*, Зоя?

— Въ комъ, мама?

— Въ Елатомскомъ.

— Ни въ комъ я такъ не увѣрена, мама!

— Ты у него была?.. Что же ты молчишь?

— Поклянитесь, мама, что вы не будете проклинать меня.

— Никогда... никогда, Зоя, что бы ни случилось, никогда я не буду проклинать тебя.

— А что, если я и вправду... была у него... и... цѣловалась съ нимъ... и...

— Боже мой, милостивый! Лучше хоть тайно отъ отца обвѣнчайся съ нимъ. Ты и не подозрѣваешь, Зоя, какія могутъ быть страшныя послѣдствія!

— Ахъ, мама! ничего я такъ не желаю, какъ пострадать...

Digitized by Google

Я такая грѣшница, такая грѣшница, что если я не буду страдать, Богъ не проститъ меня.

— Господи! Мать пресвятая Богородица, въ кого ты это уродилась!..

— Ну, довольно, мама.... Я призналась, и ты не сердись... Поцѣлуй меня... крѣпче, крѣпче поцѣлуй!.. Ахъ, ради Бога, не плачь! Развѣ ты не видишь, что еще никогда, никогда мнѣ не было такъ весело!

И Зоя подбѣжала къ раскрытому фортепіано и громко заиграла вальсъ, — единственный вальсъ, который она знала наизусть и играла не дурно.

Мать поглядѣла на нее, какъ на безумную, и въ слезахъ ушла къ себѣ въ комнату и стала молиться.

Вотъ почему Вѣра Георгіевна ни слова не говорила и съ стѣсненнымъ сердцемъ слушала Клару Петровну, которая, сидя передъ кофейникомъ, потряхивала своими букельками, жаловалась на Елатомскаго и хвалила Трофима Евлампіевича за то, что онъ не велѣлъ женѣ своей принимать его.

Узнавши, что вечеромъ на бульварѣ играетъ военная музыка, Зоя упросила мать свою идти гулять.

«Ей хочется повстрѣчать его, поглядѣть на него», подумала Вѣра Георгіевна, припоминая свою собственную молодость и первую, неудавшуюся, горькую любовь свою.

— Ну, пойдемъ. Эй, вы, Люля, Юля! одѣвайтесь,—мы на бульваръ гулять идемъ.

Дѣвочки тотчасъ же бросились принаряжать себя. Зоя осталась въ томъ же платьѣ, надѣла только шляпку, натянула на руки перчатки и взяла зонтикъ.

Съ семи часовъ на бульварѣ звучали духовые инструменты, билъ турецкій барабанъ и звенѣли бубны. Съ семи часовъ капельмейстеръ въ военномъ сюртукѣ безъ эполетъ, отбивая тактъ, приподнималъ и опускалъ кисти рукъ своихъ, дирижируя полковымъ оркестромъ, и толпа гуляющихъ своими пестрыми группами заливала широкую дорожку бульвара и стояла на площадкѣ передъ колоссальной, подпирающей крутой берегъ моря, лѣстницей, которую графъ Воронцовъ воздвигъ, какъ монументъ, вѣчно его напоминающій.

Кромѣ пріѣзжихъ, которыхъ въ это лѣто было особенно много, тутъ можно было встрѣтить и бѣлокураго острака Льва Пушкина, и живую руину — князя Шаликова, и генерала Ахлестышева, добрѣйшаго изъ генераловъ, и княженъ Гагаринныхъ, и княгиню Долгорукую, и Хавазова, и Сашина, и полиціймейстера, и жан-

Digitized by Google

дармскаго полковника, и даже Меркулича, вмѣстѣ съ Сызрановымъ.

Вечеръ былъ восхитительный. Рано повѣяло свѣжестью, рано взошелъ надъ моремъ полный мѣсяцъ и по волнамъ до самаго горизонта серебряной дорогой ознаменовалъ свое воздушное путешествіе.

Богъ знаетъ, о чемъ шла рѣчь между пріѣзжими помѣщиками, помѣщицами, ихъ сынками и дочками, но между одесситами только и было толковъ, что о княгинѣ Корси.

Она блистала, она увлекала взоры всѣхъ, она бѣсила великосвѣтскихъ дамъ оригинальностью своего дорогого костюма, и своимъ кокетствомъ, она повергала мужчинъ въ недоумѣнье. Она шла уже подъ-руку не съ графомъ Гиккелемъ, а съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ,—не съ Елатомскимъ ли? Какъ, неужели съ Елатомскимъ? Съ тѣмъ самымъ, что вызывалъ на дуэль Хавазова и который былъ посаженъ за это?—Да, да, съ тѣмъ самымъ, съ тѣмъ самымъ!!

И разступались мужчины передъ этой молодой парочкой, и лорнировали дамы—и завидовали, и сплетничали, и шушукали.

— Да гдѣ же графъ Гиккель, — можетъ быть, онъ боленъ?

— Ничуть не бывало! — онъ тутъ гдѣ-то шляется, мы сейчасъ его видѣли.

— Ишь, подцѣпилъ!.. Губа-то, знать, не дура,—проворчалъ Хавазовъ, сидя на одной скамеечкѣ съ Сашинымъ.

— Не то, что мы съ вами,—пробурчалъ завистливый Сашинъ.

— Фатъ, фатъ, вашъ Елатомскій! А еще демократа корчитъ. Чортъ его возьми!

— Я тебѣ говорилъ, что этотъ арестъ послужитъ къ его же выгодѣ. Ради Бога, арестуйте меня за что-нибудь! — промямлилъ Сашинъ.

Вдругъ онъ всталъ и пошелъ на-проломъ сквозь толпу, краснѣя, пыхтя и отдуваясь. Передъ нимъ промелькнуло личико Зои.

Долго не замѣчала Зоя, что около нея идетъ, пыхтитъ и отдувается Сашинъ.

— А, каковъ?.. каковъ? А?..—забормоталъ онъ.—Каковъ!

— Какъ здѣсь много сегодня. Ужасъ, какъ много!—пролепетала Зоя.

— А видѣли вы Елатомскаго? А? Каковъ! Подходилъ онъ къ вамъ?

— Нѣтъ,—отвѣчала Зоя.—А вы подходили къ нему?

— Нѣтъ, зачѣмъ я первый подойду къ нему. Да и какъ

Digitized by Google

же я подойду, когда онъ такъ торжествуетъ. Видѣли, съ какой красавицей ходитъ подъ-руку?

— Онъ и самъ не хуже...

— Отчего это всѣмъ вѣтренникамъ такое счастье?

— Кто же это вѣтренникъ?

— Какъ кто? Да нашъ другъ—Владиміръ Елатомскій.

— Отчего?—ускоренными шагами догоняя мать свою, спросила Зоя.

Сашинъ тоже ускорилъ шаги свои; но неудалось ему отвѣчать Зоѣ: широкимъ и жирнымъ туловищемъ своимъ натолкнулся онъ на другое туловище, тоже весьма почтенныхъ размѣровъ, и нѣкто, богачъ Роконаки, тотчасъ же опустилъ ладонь свою на плечо Сашина и сталъ напоминать ему, что сегодня вечеромъ у него въ домѣ *игра*, и чтобъ онъ этого не забылъ. Такъ Сашинъ и не догналъ увертливой Зои.

XXVIII.

Всякій юноша, такъ-сказать, студентъ еще не совсѣмъ простывшій, конечно, былъ бы очень радъ вести подъ-руку элегантную красавицу и такимъ образомъ обращать на себя вниманіе публики, — и, конечно, Елатомскій ощущалъ въ самолюбивомъ сердцѣ своемъ нѣчто въ родѣ пріятнаго щекотанія... Но онъ далеко еще не былъ настолько отполированъ свѣтомъ, чтобы прикидываться простымъ, совершенно равнодушнымъ — и въ то же врѣмя — любезничать или «строить куры».

Лицо его было, повидимому, гордо и весело, но мысленно онъ вовсе не былъ расположенъ къ тому, чтобъ занимать свою даму какими-нибудь разсказами или тѣшить слухъ ея пошлыми комплиментами...

Но, какъ видно, хорошенькая княгиня и не требовала отъ него никакой болтовни, или твердо была увѣрена, что пожелай она разговорить его,—и онъ бы разговорился. Въ краткихъ словахъ, между прочимъ, она разсказала ему, что родилась въ Молдавіи, рано вывезена отцомъ въ Петербургъ, гдѣ и училась въ Смольномъ. Затѣмъ тотчасъ же увезена была заграницу, рано вышла замужъ за австрійскаго фрейгерра и фабриканта, который ровно три дня и три ночи любилъ ее больше денегъ; затѣмъ она не мало вращалась въ свѣтѣ, была на многихъ водахъ, гдѣ лечился мужъ ея, пробовала играть въ рулетку, но проигралась и бросила, пробовала играть въ любовь — и также бросила:

Digitized by Google

узнала людей, узнала, что возбуждать страсти — для женщины это то же, что́ для мужчины добиваться власти и почестей; но властвовать надъ страстями гораздо труднѣе, чѣмъ надъ подчиненными или рабами; что она совсѣмъ почти забыла русскій языкъ и едва знакома съ русской литературой. За то она знакома лично съ m-me du Devant (Жоржъ-Зандъ), и находитъ, что для французскихъ женщинъ произведенія ея слишкомъ возвышенны, а для русскихъ — слишкомъ соблазнительны.

Все это было разсказано безъ всякой связи, и Елатомскому казалось, что у этой барыни природнаго ума хватитъ на тридцать одесскихъ барынь, да еще и съ мужьями ихъ—на придачу.

И Елатомскій никакъ не могъ понять, отчего всякій разъ, когда на бульварѣ показывались золотые полковничьи эполеты полиціймейстера, и всякій разъ, когда молодое и румяное, съ карими глазами, лицо его обращалось въ ихъ сторону, графиня дарила его такими долгими, задумчивыми взглядами, такъ томно улыбалась и опускала рѣсницы, что каріе глаза полковника раскрывались шире, и онъ (какъ-будто совѣсть его мучила) самъ потуплялъ глаза и отходилъ въ сторону...

«Что это она съ нимъ продѣлываетъ?»—думалъ Елатомскій, который, конечно, при встрѣчѣ съ полиціймейстеромъ очень вѣжливо ему поклонился, и съ его стороны удостоенъ былъ не только наивѣжливѣйшимъ поклономъ, но и какимъ-то движеніемъ правой руки въ бѣлой, замшевой перчаткѣ, движеніемъ, которое можно было понять слѣдующимъ образомъ: «очень радъ, очень радъ видѣть васъ, но не подхожу къ вамъ потому, что вы заняты... не хочу мѣшать вамъ, милѣйшій!»...

«Ну, такъ и я же буду кокетничать»,—подумалъ Елатомскій, когда увидалъ, что въ толпѣ прямо на него идетъ семейство Меркуличей и прямо въ глаза ему глядятъ, черные какъ ночь и яркіе какъ звѣзды, глаза Зои.

Но едва ли Елатомскій въ эту минуту кокетничалъ. Кровь сама собой прилила къ щекамъ его, сердце забилось, какая-то жгучая жалость къ молодой дѣвушкѣ охватила его душу, и онъ невольно отвѣчалъ ей такимъ же взглядомъ, даже разъ обернулся, чтобы посмотрѣть на нее и обернулся въ то самое мгновенье, когда и она обернулась.

И Зоя не кокетничала, потому-что любила и потому-что (не странно ли) умѣла лгать и не умѣла притворяться.

Не оттого ли это, что лгать выучилъ ее отецъ, прислуга, сестры и, наконецъ, случай,—а притворяться, играть роль холодной, благовоспитанной барышни еще никто не выучилъ.

Digitized by Google

Что касается до княгини и до красоты ея, то едва ли Зоя успѣла и разглядѣть ее; но Елатомскій успѣлъ разглядѣть и оторопѣлое, точно испуганное лицо Вѣры Георгіевны, и глупо насмѣшливыя, полудѣтскія, полубабьи лица меньшихъ дочерей ея, даже ихъ коротенькія бѣлыя платьица и голубыя ленты.

«Нечего сказать!» продолжалъ думать Елатомскій, «пріятно будетъ будущему мужу Зои, если только онъ будетъ человѣкъ порядочный, имѣть такихъ сестрицъ или belles soeurs! Дрянь, большая дрянь, будутъ эти существа женскаго пола, когда онѣ выростутъ. Онѣ и теперь дрянь, онѣ и теперь дочки, достойныя своего папеньки».

Ясно, что не столько Зоя, сколько вся обстановка ея жизни ему претила или стала претить съ той минуты, когда онъ поближе, да попристальнѣе разглядѣлъ семейную жизнь ея.

А что значила эта обстановка для развитыхъ юношей сороковыхъ годовъ и до какой степени они были щекотливы, это можно доказать фактами: одинъ изъ нашихъ молодыхъ тогдашнихъ писателей, вдругъ разлюбилъ молодую женщину, — за что бы вы думали? За то, что она разъ при немъ завтракала и кусочекъ жиру прилипъ къ щекѣ ея; — другой не женился на дѣвушкѣ, въ которую онъ былъ влюбленъ, только потому, что разъ при немъ она поцѣловала котёнка. При этомъ вспомните непростительную щепетильность Тургеневскаго героя, влюбленнаго въ Асю. Къ счастью, эта барская брезгливость и причудливый нюхъ остались весьма за немногими, чуждыми идей или вѣяній послѣдняго десятилѣтія.

Графъ Гиккель былъ русскій развѣ только потому, что умѣлъ говорить по-русски. Богъ его знаетъ, къ какой націи принадлежалъ онъ, владѣя почти-что всѣми, не только европейскими языками, но и турецкимъ и даже новогреческимъ. Память у него была замѣчательная; по желанію отца, благоговѣющаго передъ императоромъ Николаемъ, началъ онъ свою службу въ гвардіи, потомъ состоялъ при русскомъ посольствѣ въ Константинополѣ и, разумѣется, ничего не дѣлалъ. Потомъ перешелъ на службу къ молдавскому господарю Кази, присталъ къ врагамъ его, и долженъ былъ выѣхать; потомъ отправился въ Парижъ, потомъ путешествовалъ по Египту и жилъ въ Каирѣ, былъ годъ тому назадъ въ Одессѣ и блисталъ своею роскошью, своими обѣдами, своимъ волокитствомъ à la Казанова, и своею щедростью. Затѣмъ опять пропалъ и зимой, черезъ Варшаву, прикатилъ вдругъ въ Одессу безъ денегъ, и съ-разу былъ осажденъ кредиторами.

Это былъ человѣкъ на все способный и ни на что не год-

Digitized by Google

ный, простой въ обращеніи и хитрый, утонченно-вѣжливый и смѣлый до наглости, иногда злой, иногда добрый и откровенно безнравственный.

Это послѣднее его качество почему-то нравилось нѣкоторымъ женщинамъ, особенно тѣмъ, которыя всячески старались навести его на путь спасенія и кончали тѣмъ, что сами нравственно погибали въ сѣтяхъ его.

Пока Елатомскій прохаживался по бульвару съ княгиней Корси, графъ Гиккель раза два подсѣлъ на скамеечку, къ одной барынѣ, нѣкоей Капитолинѣ Александровнѣ Чертилиной.

Барыня эта была почти старуха: блѣдно-желчное, страстное, черноглазое лицо ея дышало энергіей и казалось злымъ или холоднымъ, какъ лицо римской матроны, высѣченное изъ мрамора. Темное платье ея, безъ всякой претензіи на моду, издали казалось траурнымъ. Ея черные, на-половину сѣдые волосы прятались подъ чепецъ или подъ шляпку, украшенную какимъ-то красненькимъ цвѣточкомъ, съ вѣчно-распущенными лиловыми лентами, которыя должны были завязываться въ бантикъ у ея подбородка и никогда не завязывались. Говорили, что разъ шляпку эту снесъ вѣтеръ и долго бы катилась она по пыльной мостовой, если бы не наткнулась на фонарь, гдѣ ее и подхватилъ какой-то франтъ и долго не зналъ куда дѣвать ему это сокровище. Ясно, что Чертилина была чудачка, но чудачка суровая; у нея былъ какой-то подленькій, невзрачный мужъ, который безвыѣздно жилъ въ деревнѣ, спалъ въ конторѣ и не смѣлъ выходить изъ ея повиновенія. Злые языки распускали, будто бы она, здороваясь съ нимъ, говорила ему: «Здравствуй, дорогое мое ничтожество!», да и то, если была въ хорошемъ расположеніи духа. Дѣтей у нея не было; была одна воспитанница, которая сбѣжала и вышла замужъ за станового пристава.

Чертилина пріѣзжала въ Одессу каждое лѣто, привозила съ собой много денегъ, много помогала бѣднымъ, много тратила, постоянно останавливалась на одной и той же квартирѣ, и, повидимому, избѣгала общества.

И эта-то барыня, на склонѣ лѣтъ своихъ, почувствовала нѣчто въ родѣ страсти къ графу Гиккелю.

Потому ли, что она никогда никого не любила, — вѣчно подъ ледяной корой таила огонь души своей, или просто, ради оправданія старой русской пословицы: сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро?

Графъ долго заходилъ къ ней безъ всякой цѣли, кромѣ

Digitized by Google

одной: — хорошо закусить и выпить стаканъ или два лучшаго французскаго лафиту, и выкурить при этомъ дорогую гаванскую сигару, изъ ящика, нарочно для него купленнаго, словомъ, съ цѣлью ублажать плоть свою въ такія минуты, когда у него въ карманѣ не было, буквально, ни одной полушки.

Чтобы не скучать у ней, графъ иногда разсказывалъ ей о своихъ любовныхъ похожденіяхъ, и когда замѣтилъ, что старухѣ это нравится, пересталъ чиниться, и сталъ иногда вдаваться въ такія циническія подробности, что не только Бавинъ,—Елатомскій бы покраснѣлъ, если бы графъ и съ ними точно также сталъ откровенничать.

— Вотъ ты жилъ, ты жилъ, ты не то, что́ другіе, и себя и другихъ потѣшилъ, — говорила ему Капитолина Алексѣевна. Она на правахъ пожилой женщины, — говорила ему «ты», видѣла въ немъ героическую натуру, подозрѣвала въ немъ презрѣнье къ богатству и къ деньгамъ, и воображала себѣ, что это презрѣнье есть не что иное, какъ сознаніе такихъ неоцѣненныхъ душевныхъ и физическихъ качествъ, такихъ сокровищъ ума и сердца, передъ которыми золото—прахъ и тлѣнъ, а женщины — тряпки.

— Очень я рада, что ты прожился и все-таки не сдѣлался пьянчужкой, а все-таки не истощилъ себя, какъ иные — нѣкоторые... и все-таки всѣ тебя любятъ и я люблю тебя, люблю и жалѣю.

И нельзя было не жалѣть. Хитрый графъ иногда такими мрачными красками описывалъ ей свое положеніе въ Одессѣ, близкій срокъ векселямъ, гнѣвъ отца, лишеніе милліоннаго наслѣдства и будущее свое заключеніе въ долговомъ отдѣленіи одесскаго острога, что старуха не разъ задумывалась, какъ бы помочь ему!

Никогда не ссорилась она съ графомъ и никогда не читала ему никакой морали; но съ того самаго дня, когда въ Одессѣ появилась княгиня Корси и стала на улицѣ появляться подъ руку съ графомъ, неожиданно для нея самой, старуха почувствовала припадки ревности.

— Не ври, не ври! — говорила она графу,—не ври, что это жена твоего кузена. Вовсе она не родня тебѣ. До сихъ поръ ты былъ со мною чистосердеченъ. Какъ на духу, всю душу свою передо мной выворачивалъ и вдругъ—врать сталъ.

Графъ давно уже замѣчалъ, что эта херсонская матрона неравнодушна къ цыганскому лицу, къ чернымъ глазамъ, чернымъ курчавымъ волосамъ и бѣлымъ, какъ слоновая кость, зубамъ его.

Digitized by Google

«Ну, такъ что-жъ», думалъ графъ, «пусть себѣ страдаетъ,—какое мнѣ дѣло!»...

Послѣднія претензіи, заявленныя графу на счетъ княгини, чуть-было его не взбѣсили, и весьма возможно, что графъ съ этой чудачкой, безъ малѣйшаго сожалѣнія, прервалъ бы всѣ сношенія, если бы вдругъ въ головѣ его не сложился замыселъ...

«Кузина не привезла съ собой лишнихъ денегъ и она помочь мнѣ не можетъ, — сообразилъ графъ.—Поможетъ выпутаться изъ бѣды только эта старушенція... О! какъ это кстати, что она влюблена въ меня!» Графъ самъ прикинулся неравнодушнымъ къ ней, самъ подлилъ масла въ огонь и — только боялся одного — пропустить тотъ срокъ, когда ему нужны будутъ деньги.

И вотъ, къ этой-то самой барынѣ, Капитолинѣ Алексѣевнѣ Чертилиной, подсѣлъ графъ.

Стало темно. Мѣсяцъ зашелъ за облака. Вдали гдѣ-то, можетъ быть, на той-самой гауптвахтѣ, гдѣ сидѣлъ Елатомскій, барабаны пробили зорю. Военный оркестръ, игравшій на бульварѣ, сложилъ свои пюльпитры, свернулъ ноты и, направо кругомъ—маршъ!—не въ ногу, и довольно разбившейся, сѣрой кучей перешелъ площадь и скрылся за угломъ на поворотѣ въ улицу. Гуляющихъ стало меньше, даже Меркуличи пошли домой. Разговоръ графа и Капитолины Алексѣевны Чертилиной продолжался.

— Что, измѣнила тебѣ твоя кузина! что же ты прикидываешься, будто это тебѣ нипочемъ. Ишь! нашла себѣ новаго кавалера. Молода, оттого и вѣтрена. Эхъ, кабы и я была вѣтрена!

— Кузина мнѣ сказала: вотъ этотъ молодой человѣкъ мнѣ нравится, познакомь меня съ нимъ, и я навязался нарочно къ нему въ секунданты, для того, чтобы доставить ей это удовольствіе... Я же давно ее знаю, и такъ къ ней привыкъ, что совершенно равнодушенъ къ ея прелестямъ.

— Ты равнодушенъ! Къ кому же ты не равнодушенъ?

— Я человѣкъ страстный и люблю только страстныхъ женщинъ, люблю тѣхъ, кто меня любитъ. А эта княгиня Аделаида холодна какъ сливочное мороженое. Отъ нея скорѣй горло заболитъ, чѣмъ сердце.

Чертилиной, должно быть, понравилось это сравненіе, по блѣдно-нервному лицу ея и сухимъ губамъ пробѣжала легкая судорога смѣха.

Digitized by Google

— Такъ ты любишь страстныхъ и горячихъ женщинъ... Ха! А каково мнѣ было? Я сама такая же, какъ ты, и что же? Если бы я вышла замужъ, ну, хоть за тебя, примѣрно, ты бы и не повѣрилъ, что я была замужемъ. Да знаешь ли ты, что я невиннѣе вотъ той дѣвчонки, которая прошла — и что же! Ты думаешь, щадили меня. Да знаешь ли, что весь уѣздъ, вся наша провинція барабанитъ, что я всю жизнь свою только затѣмъ и уѣзжаю изъ дому, только затѣмъ и шляюсь, чтобы кутить да развратничать.

— Ахъ, какъ мнѣ жаль васъ, какъ жаль, какъ жаль!...

— Вотъ тебя запрутъ за долги, и мнѣ ты думаешь легко будетъ не видѣть тебя? Эхъ! зачѣмъ я не прежняя красавица! Какъ бы съумѣла я тебя привязать къ себѣ. Не сталъ бы ты у меня такую безпутную жизнь вести.

— А что, если я — ну, хоть бы для того, чтобы испытать любовь пожилой женщины, вдругъ ни съ того, ни съ сего да и привяжусь къ вамъ. Что тогда?

— Не ври, никогда этого не будетъ — не ври. Пойдемъ-ка лучше чай пить, а то на насъ съ тобой будутъ пальцами показывать. Ишь, скажутъ, сѣдая чертовка какого черномазаго парня приворожила. Еще, чего добраго, вѣдьмой назовутъ. А ей-ей, жаль, что я не вѣдьма или не колдунья, приворотный бы корешокъ дала тебѣ; но пойдемъ чай пить. Или ты къ своей кузинѣ? Иди къ ней, голубчикъ, я не держу тебя...

— Нѣтъ, я провожу васъ. Черезъ недѣльку, вы меня ужъ не увидите.

— Куда же тебя чортъ унесетъ?

— Въ тюрьму, дорогая моя, милая моя Капитолина Алексѣевна; но пойдемте, обопритесь мнѣ на руку и пожалуйста позабудьте ваши лѣта. Вы еще такъ молоды душой и сердцемъ, что быть не можетъ, чтобы и вы сами не были такъ же молоды и пылки.

— Испытай! — пробормотала старуха; и тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ они сошли съ бульвара на улицу.

Итакъ, графъ, спѣша привести къ концу свой какой-то замыселъ, не безъ нѣкотораго умысла заставилъ Елатомскаго прохаживаться съ своей хорошенькой кузиной.

Онъ просто хотѣлъ разомъ поймать двухъ зайцевъ — и полиціймейстера расположить въ пользу Елатомскаго, и ревность своей старухи какъ-нибудь угомонить при помощи того же Елатомскаго.

И поймалъ двухъ зайцевъ.

Digitized by Google

Онъ зналъ, что этотъ самый полиціймейстеръ почему-то возымѣлъ такое мнѣніе о его кузинѣ, что хотѣлъ купить ее, и подослалъ къ ней одну по этой части ловкую француженку. Онъ зналъ, что княгиня чуть не дала ей оплеухи; онъ зналъ, что сконфуженный полковникъ всячески ищетъ случая оправдать себя въ глазахъ княгини, ибо красота ея не даетъ ему покоя, и что, стало быть, послѣ этого вечера онъ самъ начнетъ ухаживать за Елатомскимъ и его задобривать.

Онъ зналъ въ то же время, какъ и что́ ему говорить съ Капитолиной Алексѣевной, чтобъ добиться отъ нея денегъ.

Ничего гамлетовскаго въ немъ не было, но лучше ли онъ былъ отъ этого?

XXIX.

Въ то самое время, какъ съ одного конца бульвара уходила Зоя съ матерью и сестрами, съ другого конца, вслѣдъ за музыкой, уходилъ Елатомскій съ своей дамой.

— М-г Елатомскій,—сказала княгиня у воротъ того дома, гдѣ жила она,—пожалуйста, ступайте, купите мнѣ немного миндалю и фиников. Затѣмъ приходите ко мнѣ на балконъ и мы будемъ съ вами чай пить, а я пока переодѣнусь. Видите, какъ я для васъ нарядилась.

— Ужъ будто бы для меня!

— Для васъ...

Елатомскій поддержалъ ее за локоть, когда она переступала порогъ калитки—и она исчезла за воротами подъ темными сводами.

«Какая женщина!» подумалъ Елатомскій, — и, продолжая думать на эту тэму, дошелъ до греческаго базара, гдѣ еще фруктовыя лавки были отворены и гдѣ подъ холстинными навѣсами, при свѣтѣ фонарей, лежали цѣлыя кучи всяческихъ плодовъ земныхъ, начиная съ неаполитанскихъ апельсиновъ до орѣховъ изъ курской губерніи.

Елатомскій остановился у одного прилавка и потребовалъ лучшихъ финиковъ, самыхъ что ни на есть лучшихъ, такихъ, чтобъ сами таяли во рту, и чтобы имѣли видъ длинныхъ, немного сморщенныхъ виноградинъ или сосковъ красно-янтарнаго цвѣта.

Онъ шутилъ съ торговцемъ, пожилымъ грекомъ, который медленно двигался въ своей фескѣ и обиженнымъ тономъ увѣ-

Digitized by Google

рялъ, что товаръ его самый *земляхонскій* (что́ такое значило *земляхонскій*, никто бы понять не могъ, но въ его устахъ это вѣроятно выражало верхъ совершенства,—то же что́ *субдительный сюперфлю* въ устахъ Ноздрева).

Вдругъ Елатомскаго сзади ухватилъ кто-то за руку. Онъ обернулся.

Свѣтъ отъ фонаря упалъ на личико Зои;—и какое это было одушевленное, испуганно-радостное личико!

— Эвина уѣхала? — спросила она, какъ-бы слегка запыхавшись.

— Уѣхала.

— А куда вы переѣхали?

Елатомскій назвалъ улицу и домъ.

— А, знаю, тамъ башмачникъ еврей... Владиміръ Григорьевичъ, зайдите къ намъ.

— Не могу,—отступая отъ прилавка на тротуаръ, тихо сказалъ Елатомскій. Клара Петровна сообщила мнѣ, что вашъ отецъ не велѣлъ вамъ пускать меня.

— Ахъ, вздоръ!.. Во вторникъ папа́ уѣдетъ... зайдите... хоть на минутку, хоть на секунду. Владиміръ Григорьевичъ!

Говоря это, Зоя дрожала и не выпускала руки его изъ похолодѣлыхъ рукъ своихъ.

— Зайду... постараюсь зайти, Зоя Трофимовна.

— Въ четвергъ вечеромъ!.. да?.. да?..

— Но какъ приметъ меня ваша мама?

— Мама? мама любитъ васъ... и всѣ... и... я... я... люблю васъ... Au revoir!

Она стиснула ему руку и побѣжала по тротуару догонять семью свою.

Давно не видалъ Елатомскій такой лукавой, такой криво ухмыляющейся физіономіи, какую изображало изъ себя лицо пожилого грека, когда онъ вернулся къ прилавку.

— Хорошая барышня, эта Меркуличъ, а?—подмигнувъ ему глазомъ, сказалъ грекъ. Правду говоритъ русская пословица «на то щукъ въ морь, чтобъ карась не спалъ».

— Кто же это-то, щука, по-твоему?

— А вы щукъ — и торговецъ захохоталъ, прищуривъ на Елатомскаго желчно-черные, заплывшіе глаза свои.

— Ну, братъ, я плохая щука,—произнесъ сконфуженный Елатомскій.

— Вы плохой! вижу я, какой вы плохой! вижу, вижу! Эге! —плохой!.. Ну, вотъ вамъ фунтъ финиковъ. Чего еще?

Digitized by Google

Елатомскій купилъ все, что ему было поручено княгиней и вернулся по той же дорогѣ.

«Кто же изъ нихъ опаснѣе», думалъ Елатомскій. «Княгиня — актриса» сказалъ графъ, «стало быть съ ней надо ухо востро держать, а Зоя — бѣдная Зоя! Зачѣмъ я съ ней познакомился, зачѣмъ я сказалъ ей, что она мнѣ нравится!..»

И опять жгучее чувство жалости проникло ему въ душу и на цѣлыхъ полчаса испортило то веселое настроеніе духа, съ какимъ онъ шелъ за своими грошовыми покупками.

До двѣнадцати часовъ ночи Елатомскій сидѣлъ на балконѣ вдвоемъ съ княгиней Аделаидой — пилъ чай, грызъ миндальные орѣхи, исподтишка любовался красотой ея, поджидалъ графа, удивлялся, куда онъ пропалъ и, какъ слѣдуетъ, переливалъ изъ пустого въ порожнее. Но мало-по-малу къ разговору ихъ примѣшалось нѣчто въ родѣ дружескаго препирательства.

Княгиня сказала, между прочимъ, что она въ августѣ уѣдетъ въ Яссы и затѣмъ отправится въ Вѣну.

Елатомскій сказалъ, что если онъ когда-нибудь будетъ въ Вѣнѣ, то непремѣнно навѣститъ ее.

— Напишите раньше, и я заочно отрекомендую васъ всему нашему обществу, въ особенности вѣнскимъ красавицамъ.

— Какъ же вы меня отрекомендуете?

— Какъ человѣка совсѣмъ, совсѣмъ еще свѣжаго, у котораго и ума и сердца ровно настолько, насколько ихъ нужно для того, чтобъ быть счастливымъ, т.-е. пользоваться возможнымъ и не желать невозможнаго.

— И ошибаетесь—у меня и ума и сердца именно настолько, чтобъ никогда не быть во-истинну счастливымъ. Я такъ самолюбивъ, что боюсь любить, и не настолько люблю, чтобъ не страдать отъ своего самолюбія.

— Да это оттого, что вы не встрѣтили еще ни одной женщины, которая разомъ удовлетворила бы и ваше сердце и ваше самолюбіе.

— Можетъ быть, но если вы меня такъ понимаете, то и я также немножко понимаю васъ.

— Какъ же вы меня понимаете?

— Во-первыхъ, вы очень милая кокетка.

— Ну, а во-вторыхъ?

— А во-вторыхъ, вы очень умная кокетка, и, наконецъ, въ-третьихъ, очень опасная. Одного я не знаю, раздѣляете ли вы мнѣніе графа, что любовь не что иное, какъ милая шалость.

— А что же она такое по-вашему?

Digitized by Google

— По-моему, тамъ, гдѣ шалятъ, тамъ нѣтъ любви... И такъ какъ въ наше время всѣ болѣе или менѣе расположены играть въ любовь, я чуть-было не послѣдовалъ за общимъ теченіемъ и, можетъ быть, былъ бы гораздо счастливѣе, если бы ни въ чемъ себѣ не отказывалъ; но умъ мой именно настолько развитъ, что предчувствуетъ трагическій или пошлый конецъ всякой затѣваемой мной шалости и я страдаю—неудовлетворенный.

— Жаль!.. пожалуйста поглупѣйте. Впрочемъ, я за васъ не отчаиваюсь. Встрѣтите еще и такую, которая заставитъ васъ сдѣлать всевозможныя глупости и побѣдитъ всѣ ваши страхи. Вѣдь вы еще очень молоды, m-r Елатомскій! сколько вамъ лѣтъ?

— Мнѣ въ маѣ стукнуло ровно двадцать три года.

— А мнѣ казалось, что вамъ девятнадцать... Оказывается, я вамъ ровесница, мнѣ также двадцать три года, и вообразите, я уже пять лѣтъ какъ замужемъ!

— Что за бѣда! Если любовь — шутка, то, вѣдь, и бракъ такая же шутка.

— Для нѣкоторыхъ—да.

— Для кого же это? Кто же эти нѣкоторые?

— А тѣ, для которыхъ одно въ мірѣ не шутка — деньги, остальное все вздоръ, потому что развѣ не вздоръ все то, что́ покупается золотомъ. Развѣ не вздоръ женская красота для богатаго человѣка, если онъ съ юности до старости можетъ покупать ее. Пріѣзжайте въ Вѣну и привезите какъ можно больше денегъ. Вы тамъ научитесь смотрѣть на любовь не иначе, какъ на милую шалость—для мужчинъ, и какъ на нѣкоторую жертву для женщинъ. Впрочемъ, кто привыкъ къ такимъ жертвоприношеніямъ, тому все равно, все вздоръ, вся жизнь—шутка.

Елатомскому невольно припомнился стихъ Лермонтова, и онъ задумался.

— О чемъ вы думаете?

— Такъ, припоминаю стихъ Лермонтова:

„И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,
Такая пустая и жалкая шутка".

— А! это надо запомнить, и княгиня стала твердить это двустишіе.

— Значитъ и вы такого же мнѣнія?

— О, да, развѣ я не принесена была въ жертву. Впрочемъ, вздоръ я говорю, что́ за жертва! Я сама мечтала богатой быть и, можетъ быть, не была бы такъ свободна, если бы меня не выдали за старика.

Digitized by Google

— Почему же, княгиня, за всѣ сокровища міра сего я не позволилъ бы женить себя на старухѣ?

— Да оттого, что вы еще почти студентъ. Вы въ жизни новичекъ, и... будь я кокетка... съ вами мнѣ было бы въ особенности пріятно кокетничать.

— А съ нашимъ полиціймейстеромъ? Съ нимъ также пріятно кокетничать!

Княгиня слегка поморщилась.

— А! съ этимъ m-r Colonel! Пожалуйста, вы меня познакомьте съ нимъ. Я на него очень зла и мнѣ бы очень хотѣлось наказать его.

— А если онъ васъ накажетъ?

— Этого быть не можетъ, онъ дерево, а я — желѣзо.

— Вы — желѣзо! — удивился Елатомскій и оглянулъ весь мягко очерченный, женственно-стройный, на раскладныхъ креслахъ покоющійся станъ ея, окруженный бѣлыми складками широкой блузы, перетянутой золотымъ поясомъ.

— Вотъ развѣ вы въ меня влюбитесь? — пролепетала она и улыбнулась. Смыслъ этой улыбки былъ неуловимъ на томномъ лицѣ ея при свѣтѣ мѣсяца.

Затѣмъ, нѣсколько смущенный, Елатомскій заговорилъ о графѣ Гиккелѣ. Княгиня стала осуждать его за мотовство. — Впрочемъ, сказала она, онъ хоть и великій плутъ, но характеръ не дюжинный, людей видитъ насквозь и любитъ дурачить ихъ.

— Какъ и вы, княгиня?..

— Я?!.

— Да, вы... развѣ, не любя, возбуждать страсти, не значитъ дурачить?

— Умнаго не одурачишь, а дурака дурачитъ самъ Богъ велѣлъ.

И она засмѣялась.

Елатомскій тоже, самъ не зная чему, засмѣялся и всталъ, чтобы проститься съ ней.

— А завтра вы у меня будете?

— Завтра! — удивился Елатомскій.

— Приходите чаще. Постойте, я провожу васъ, на лѣстницѣ темно.

Она взяла свѣчу со стола, и, приподнявъ обнаженную руку, свѣтила ему, пока онъ спускался съ лѣстницы.

Digitized by Google

XXX.

Придя домой, Елатомскій долго не могъ заснуть и такъ былъ поглощенъ разными мыслями, что не слыхалъ уже никакихъ ночныхъ шороховъ.

Избытокъ молодыхъ силъ еще кипѣлъ въ груди его, *какъ освѣжающій, отравленный напитокъ*, который онъ не успѣлъ еще ни разлить, ни истощить, несмотря на свои юношескія безплодныя страсти и московское печоринство.

Въ концѣ-концовъ, когда стала одолѣвать его поздняя дремота, онъ далъ себѣ слово окончательно урезонить Зою, и не поддаваться заразительному кокетству или обаятельной простотѣ изящной Аделаиды, княгини Корси — и — если только онъ не дождется никакихъ писемъ съ Кавказа, писать къ Бавину или писать къ Олафьеву, просить у нихъ денегъ и ѣхать обратно въ Москву или дальше на сѣверъ—въ Петербургъ, и найти тамъ мѣсто во что бы то ни стало. Если же и этого не удастся, вернуться въ деревню къ мужикамъ и заняться огородами. Никакого иного исхода Елатомскій и вообразить не могъ. О политической аренѣ никто въ то время и мечтать не смѣлъ, даже никто и не говорилъ о политикѣ. Къ литературной или журнальной дѣятельности, послѣ того, какъ «Одесскія Вѣдомости» отказались напечатать фельетонъ его, онъ считалъ себя не призваннымъ по своей бездарности. Испытать впечатлѣнія боевой, походной жизни, онъ былъ не прочь; но къ военной службѣ въ мирное время не чувствовалъ никакого влеченія, такъ какъ всякій формализмъ былъ ему не по сердцу.

На другой день, утромъ, ему также не удалось порядкомъ выспаться. Ровно въ семь часовъ старуха служанка стала стучаться къ нему въ дверь за сапогами и платьемъ.

Она *знала свое дѣло*, и какъ машина двигалась по часамъ. Стучаться и всѣхъ будить въ семь часовъ, она считала своимъ правомъ и пользовалась имъ деспотически.

Графъ Гикіевъ спалъ съ раскрытою дверью—она, не стучась, могла входить къ нему, и графъ могъ спать сколько ему угодно. Онъ зналъ, что его берегутъ, что жизнь его дорога его кредиторамъ, что за нимъ всюду слѣдятъ нанятые шпіоны и подкупленные полицейскіе. Простуды онъ не боялся, и сегодня могъ спать съ дверью открытой на ночь, несмотря на то, что въ душныя, неподвижныя ночи дворъ этотъ издавалъ не совсѣмъ пріятные запахи.

Digitized by Google

Въ это утро, когда старуха вошла къ нему, она остановилась, похлопала глазами и пожевала губами.

— Или не ночевалъ дома, — подумала она, — или ушелъ на зарѣ.

Ни платья, ни сапогъ не нашла она на обычномъ мѣстѣ.

— Не ночевалъ, — рѣшила она, замѣтивъ, что постель его не смята и прошлогоднее шелковое одѣяло было такъ аккуратно сложено, что для старухи стало ясно, — никто не спалъ подъ нимъ.

Она уже хотѣла вернуться и заявить хозяину, что графъ пропалъ, какъ увидѣла этого самаго графа входящимъ по ступенькамъ на балконъ съ измятымъ лицомъ и злыми глазами.

— А! ты за ботинками! На, тащи ихъ, — сказалъ графъ, садясь на постель свою и протягивая ногу.

Старуха сняла съ него ботинки.

— На, возьми платье и встряхни его. Графъ снялъ свой холстинковый сюртукъ, жилетъ, и прежде чѣмъ стянуть съ себя брюки, выложилъ изъ кармана на столъ какой-то черный сафьяновый футлярчикъ. Когда старуха, покосившись на вещицу, вышла, графъ тотчасъ же притворилъ дверь и заперъ.

— Что мнѣ этотъ фермуаръ? Мнѣ нужны деньги, мнѣ нужно золото... Обѣщала достать на-дняхъ шесть тысячъ, какъ-будто эти шесть тысячъ могутъ освободить меня. Что, если она меня надуетъ... проклятая старуха! Очень весело притворяться влюбленнымъ селадономъ и таять! — Тьфу!

Такъ ворчалъ графъ, въ туфляхъ ходя по комнатѣ, тускло освѣщенной точно такимъ же окошечкомъ на чужой дворъ, какимъ освѣщалось и жилище Елатомскаго.

А въ это время со двора на запертую дверь его, изъ-за полурастворенной двери флигеля, выглядывалъ чей-то любопытный глазъ, и, казалось, хотѣлъ, во что бы то ни стало, проникнуть въ полусумракъ запертой комнаты.

Казалось, вдругъ проникъ онъ въ этотъ полусумракъ и не захотѣлъ больше шпіонить. Тотчасъ же изъ-за двери показался другой, точно такой же глазъ, снизу высунулся носъ, губы и подбородокъ.

Затѣмъ и весь человѣкъ, тощій, приземистый въ жидовскомъ, штопанномъ сюртукѣ, въ грязномъ бѣльѣ и съ грязными руками, появился на порогѣ; затѣмъ, исчезнувъ на минуту за дверью, вышелъ онъ на дворъ уже въ картузѣ и преспокойно, не торопясь, не оглядываясь, прошелъ сначала въ тому крылечку, гдѣ старуха освобождала отъ пыли графскія ботинки, гнусливо по-

Digitized by Google

говорилъ съ нею на жидовско-нѣмецкомъ жаргонѣ и, заложивъ руки за спину, вышелъ за ворота.

Часа черезъ два послѣ этой сцены, графъ уже былъ у Елатомскаго, былъ веселъ, милъ, разговорчивъ и шутилъ надъ нимъ.

О княгинѣ, и о томъ, какъ онъ провелъ вечеръ, графъ не спрашивалъ—или не хотѣлъ, или это не интересовало его.

Елатомскій томился неизвѣстностью, что онъ будетъ дѣлать весь день—останется ли дома въ духотѣ, или пойдетъ блуждать по знойнымъ улицамъ, или будетъ сидѣть въ книжной лавкѣ у синьора Тотти и читать, что Богъ пошлетъ. Онъ никуда не торопился и потому былъ очень радъ болтать и спорить съ графомъ.

Но разговоръ ихъ былъ прерванъ появленіемъ новой, Елатомскому совершенно незнакомой личности.

На порогѣ обрисовался невысокаго роста, рыхлый, пожилой человѣкъ, круглолицый, голубоглазый, гладко выбритый, рябой и въ вицъ-мундирномъ зеленомъ фракѣ.

Улыбаясь большимъ, мягкимъ ртомъ своимъ, онъ снялъ шляпу и спросилъ, можетъ ли онъ видѣть графа?..

— Можете, — отвѣчалъ графъ, не вставая съ мѣста и не подходя къ нему.—Елатомскій, позвольте ему войти... Входите, я здѣсь, что вамъ отъ меня угодно?

— Милости просимъ,—сказалъ привставая Елатомскій.—Вошедшій поклонился, сѣлъ на порожній стулъ, замѣтилъ, что на дворѣ жарко, вытеръ носовымъ платкомъ потное лицо свое, вынулъ гребешокъ, причесалъ остатокъ бѣлокурыхъ волосъ своихъ съ затылка на плѣшь; причесавъ свои височки, оглядѣлся, кашлянулъ и началъ:

— Я къ вамъ, ваше сіятельство! Ну, что же-съ, какъ-же, наконецъ?..

— Да все такъ-же,—отвѣчалъ графъ.

— Вѣдь, черезъ недѣлю послѣдній срокъ, ваше сіятельство.

— И вы пришли сказать, что если я не заплачу по векселямъ, вы меня засадите...

— Да, вѣдь, что же дѣлать-съ! Законъ... неужели, графъ, вы это не понимаете... неужели же намъ это пріятно?

— Зачѣмъ же вы дѣлаете себѣ такую непріятность?

— Да, потому-что терять свои деньги еще непріятнѣе.

— Да, вѣдь, вы этимъ ничего не возьмете.

— Э, помилуйте графъ, ваше сіятельство, въ одной Одессѣ найдутся особы, которыя будутъ вносить за васъ, хоть по-немногу, да будутъ уплачивать. Вы счастливецъ. Свобода ваша—дорогая свобода... да!..

Digitized by Google

И рябой гость вздохнулъ при этомъ.

— Степанъ Степановичъ, это вы?—неожиданно прозвучалъ другой, непріятный, нѣсколько визгливый голосъ и съ балкона, наваленнаго солнцемъ, въ дверь вошелъ сухощавый господинъ, высокій, съ узкимъ лбомъ и узкой грудью, и изжелта-сѣрыми, непривѣтливыми глазами оглядѣлъ присутствующихъ.

— Это я, — протягивая вошедшему руку, отвѣчалъ первый гость.—Графу угодно было принять меня въ чужой квартирѣ, я и за это весьма ему благодаренъ.

— Что-жъ, я всегда радъ съ вами побесѣдовать, — сказалъ графъ.—Елатомскій, рекомендую вамъ: вотъ это Степанъ Степановичъ Балалайкинъ, а вотъ это — это Антонъ Исаевичъ Врышевскій;... вмѣстѣ съ Меркуличемъ скупали векселя мои, люди хорошіе, только я отъ нихъ такъ спрячусь, что они ни за какіе пряники не найдутъ меня.

— Не спрячетесь, дудки! — со злобой проговорилъ Антонъ Исаевичъ, разглядывая куда ему сѣсть, и не зная куда дѣвать руки и ноги! Очень радъ, графъ, что хоть здѣсь, въ чужой комнатѣ, я засталъ васъ. Надо же, наконецъ, поговорить.

— Вотъ, признаюсь вамъ, не вижу въ этомъ никакой надобности.

— Какъ, ка-а-къ не видите?—заикнувшись, удивился Антонъ Исаевичъ.—Вы въ самомъ дѣлѣ думаете шутками отъ насъ отдѣлаться.

Антонъ Исаевичъ всѣми силами старался быть вѣжливымъ и никакъ не могъ. Онъ былъ раздражителенъ до-нельзя, ему явно хотѣлось кричать и ругаться—изругать графа самымъ поноснѣйшимъ образомъ, мало того—поколотить его.

А графъ былъ спокоенъ: весело улыбалось цыганское, смуглое лицо его.

— За сколько вы скупили векселя мои?

— Это не ваше дѣло.

— Я васъ не знаю и не занималъ у васъ. И вотъ что, господа: честное мое слово даю вамъ, что убѣгу отъ васъ.

— Вы... вы убѣжите! высунувъ впередъ пепельно-зеленоватое, желчное лицо свое, выкрикнулъ Антонъ Исаевичъ.—Да я... я... я высѣчь себя позволю, если вы убѣжите.

— Хотите, господа, объ закладъ побьюсь.

— Не бейтесь, ваше сіятельство,—мягко перебилъ его вѣжливый и кротній Степанъ Степановичъ и, сѣзживши носъ свой, чихнулъ, отвернувшись въ сторону.—Извините, господа, насморкъ ужаснѣйшій... Такая погода прекрасная и... что прикажете дѣлать?

Digitized by Google

Онъ громко высморкался и продолжалъ невозмутимо сладкимъ голосомъ:

— Вамъ никакъ нельзя убѣжать, графъ, всѣ мѣры приняты, каждый шагъ мы знаемъ — мы все знаемъ... Вы сами про себя того не знаете, что́ мы знаемъ.

Графъ захохоталъ, зубы его такъ и засверкали изъ-подъ коротенькихъ, черныхъ усиковъ.

— Очень пріятно... Ну, знаете ли вы, что у меня въ карманѣ?

— Знаемъ, графъ, — футлярчикъ съ бриллiантовой вещицей.

Графъ не много опѣшилъ.

— И если угодно, я скажу вамъ, кто вамъ подарилъ эту вещицу... Конечно, при посторонникъ зачѣмъ же все говорить... Это не въ моихъ правилахъ, ваше сіятельство; а если это не секретъ для васъ...

— Вы слышали звонъ, да не съ той колокольни. Вещица точно у меня есть, но не моя... Мнѣ дали ее съ тѣмъ, чтобы я оцѣнилъ ее.

— Ваша, графъ, со вчерашняго дня — ваша... и цѣна ея — цѣна уже извѣстная... Пройдемтесь немного по балкончику, и я еще кое-что скажу вамъ...

— Извольте... погляжу я, что́ вы мнѣ скажете.

Онъ вышелъ и сталъ прохаживаться вмѣстѣ съ Степаномъ Степановичемъ по балкону.

— Гм! думаетъ... Гм! гм! графъ!.. такъ ужъ и того — и платить не обязанъ!.. Гм! улизнуть хочетъ!.. Поглядимъ, какъ-то онъ улизнетъ! — бурчалъ Антонъ Исаевичъ, тряся головой и поглядывая исподлобья на Елатомскаго, который сидѣлъ у себя на тахтѣ, молча слушалъ и молча о чемъ-то думалъ. — Нѣ-ѣтъ, онъ у насъ напляшется! О! вы... вы еще не знаете, каковъ онъ есть гусь!..

— Не знаю-съ, мы недавно познакомились, — холодно отвѣчалъ Елатомскій.

— Не онъ, такъ любовница его заплатитъ.

— А кто его любовница?

— А вы не знаете?.. Живете въ Одессѣ — и не знаете! Такъ я и невѣрю вамъ!

Въ это время вернулись графъ и Степанъ Степановичъ.

— Ну, пойдемте, Антонъ Исаевичъ, — мы уже сговорились. Если его сіятельству не удастся убѣжать, къ сроку онъ все сполна заплатитъ намъ, и капиталъ — и проценты... Я вамъ, вашему графскому слову, вѣрю, графъ... Извините, что, можетъ быть, невпопадъ побезпокоили. Пойдемте, Антонъ Исаевичъ.

Digitized by Google

Елатомскій поглядѣлъ на графа: взглядъ большихъ, карихъ глазъ его былъ укорительно вопрошающій, одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, какимъ смотритъ дѣвушка на того, кого полюбила, и о комъ вдругъ услыхала чортъ знаетъ что, или что-то такое, о чемъ ей совѣстно спрашивать.

Но графъ, казалось, и не способенъ былъ въ эту минуту обращать вниманіе на своего сосѣда. Улыбающееся лицо его приняло злое выраженіе и холоднымъ блескомъ засвѣтились глаза его.

— Я скорѣй погибну, въ море брошусь, — сказалъ онъ, — чѣмъ отдамся въ руки этимъ мошенникамъ, этимъ негодяямъ! — Такъ за мной шпіонить! Врываться въ частную жизнь мою! Это хуже вашего квартальнаго: тотъ по крайней мѣрѣ не исподтишка, а прямо сказалъ, что надзирать пришелъ... Негодяи! Да, чорта съ два они отъ меня получатъ... Дожидайтесь!.. Гм! Впрочемъ, не стóитъ изъ-за нихъ и крови портить... Чтó вы молчите, Елатомскій? Вы недовольны, что эти плуты сунули носъ свой въ вашу комнату?

— Нѣтъ, — чтó за бѣда! Вѣкъ живи — вѣкъ учись! Появленье этихъ личностей даже поучительно въ нѣкоторой степени.

— Въ нѣкоторой степени даже забавно, не правда ли? — Пусть ихъ слѣдятъ за мной! — А не сдѣлаете ли вы мнѣ великое одолженіе, не возьмете ли вы у меня вотъ этотъ фермуаръ. Видите какой! старинный фасонъ: должно быть, при царѣ Горохѣ какая-нибудь бабушка щеголяла въ немъ. Но бриллианты крупные. Не соблаговолите ли вы мнѣ, у какого-нибудь ювелира, продать его... А онъ, если не ошибаюсь, старой венеціанской работы и стóитъ около 4,500 р.... Уступите его за 4,000 р., а впрочемъ, сколько дадутъ, столько и берите.

Елатомскій вскользь поглядѣлъ на бриллiантовый фермуаръ, какъ на нѣчто, нестоющее вниманія, и отвѣчалъ графу:

— Я не берусь, графъ.

— Отчего? — спокойно спросилъ графъ, укладывая фермуаръ обратно въ его бархатное вмѣстилище.

— А потому, что... Да просто потому, что если я приду продавать его, да еще за безцѣнокъ (а въ такихъ вещахъ я ничего не смыслю), то любой ювелиръ подумаетъ, что я укралъ его, да еще, чего добраго, пошлетъ за полиціей.

— Да, да! Вы правы, — задумчиво отозвался графъ. — Вы правы, — повторилъ онъ съ удареніемъ и поглядѣлъ на Елатомскаго, какъ-бы совѣтуясь съ нимъ: — чтó же дѣлать?

— Да, продолжалъ онъ, васъ тутъ не слѣдуетъ впутывать;

Digitized by Google

вещь эта — моя, была въ прошломъ году мною куплена и подарена на память одной молоденькой женщинѣ, и возвращена мнѣ, такъ какъ я все-таки наслѣдникъ милліоннаго состоянія, и, стало быть, рано или поздно, могу цѣлой дюжиной такихъ фермуаровъ отблагодарить за помощь и великодушіе. Что же мнѣ чиниться! Я и самъ продамъ его... и меня не надуютъ... Прощайте, Елатомскій.

— Постойте, что же вы сдѣлаете съ этими деньгами? Начнете долги ваши выплачивать?—спросилъ Елатомскій.

— Pas si bête—pas si bête, mon cher.—Колодца не затянешь веретеномъ, — стало быть, и затыкать его не слѣдуетъ. — Впрочемъ, я, можетъ быть... и внесу ихъ какъ проценты, т.-е. прежде проценты, а потомъ капиталъ... Но, до свиданья, Елатомскій! Будете вы у моей кузины сегодня?

— Нѣтъ, не буду.

— Ну, какъ хотите.

XXXI.

За часъ до обѣда, Елатомскій зашелъ къ Тотти и усѣлся въ задней комнатѣ съ клеенчатымъ диваномъ, гдѣ на столѣ лежали журналы и газеты. Онъ взялъ послѣдній іюльскій № «Отечественныхъ Записокъ» и сталъ читать статью Бѣлинскаго. Онъ же былъ одинъ изъ самыхъ страстныхъ его поклонниковъ, и когда разъ, въ Москвѣ, въ кофейной Бажанова, актеръ Ленскій, послѣ завтрака съ шампанскимъ, ухватившись за пустую бутылку, произнесъ слѣдующій экспромтъ:

Въ смыслѣ, такъ, не философскомъ,
Съ чѣмъ тебя сравняю я?—
Въ Наблюдателѣ московскомъ —
Философская статья!

Елатомскій, который сидѣлъ въ это время въ другомъ углу той же комнаты, покраснѣлъ и подумалъ: видно, братъ, не про тебя она писана!

Елатомскій, впрочемъ, не могъ не замѣтить, какъ перемѣнился Бѣлинскій съ тѣхъ поръ, какъ перебрался въ Питеръ. Въ статьяхъ его все меньше и меньше попадались отвлеченные философскіе термины. Онъ уже не хватался за то, чтобы популяризировать Гегеля, котораго не читалъ въ подлинникѣ, и выходилъ на дорогу своеобразнаго критика, горячимъ исполненіе-

Digitized by Google

лемъ Пушкина, Гоголя и Лермонтова, порицателемъ Марлинскаго и другихъ, болѣе или менѣе фразистыхъ писателей.

Елатомскій не могъ также не чувствовать, что и онъ, съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ въ Одессу, уже далеко не тотъ, чѣмъ былъ въ Москвѣ; что и Бавинъ—этотъ строгій и цѣломудренный Бавинъ, какъ-бы измѣнилъ себѣ—и уѣхалъ съ женщиной, передъ которой не устоялъ гордо философствующій умъ его. Жизнь,—стоитъ только погрузиться въ ея волны, работаетъ надъ нами по-своему, и дѣлаетъ изъ насъ все то, что можетъ сдѣлать: одного превратитъ въ гимлушку, другого—обсахаритъ, третьяго—пропитаетъ солью, четвертаго—закалитъ, какъ желѣзо.

Елатомскій любилъ нареченную сестру свою Эвину, но уже не такъ, какъ въ Москвѣ. Къ прежнимъ чувствамъ его примѣшался анализъ. Онъ былъ даже не тотъ Елатомскій, который, увидѣвъ хорошенькую Зою у заутрени, пошелъ издали провожать ее, и, быть можетъ, воображалъ себѣ, что нашелъ то, о чемъ мечталъ всю жизнь свою.

Вотъ почему Елатомскій, хоть и прочиталъ статью Бѣлинскаго, задумался вовсе не о содержаніи статьи его, онъ сталъ припоминать и анализировать все, что онъ слышалъ о княгинѣ Корси, и все, что онъ слышалъ изъ устъ ея,—все, что онъ слышалъ о графѣ, и все, что онъ слышалъ изъ собственныхъ устъ его,—и пришелъ къ заключенію, что если вѣрить словамъ, то княгиня сильно имъ заинтересована, чуть не влюблена въ него, но что въ то же время она любитъ графа, что она дала ему этотъ фермуаръ, и что графъ, каналья, проговорился: сначала сказалъ, что фермуаръ—старинный и носила его *кой-нибудь* бабушка, потомъ сказалъ, что онъ купилъ его и подарилъ. «Ну, можетъ-ли это быть, чтобъ для подарка молодой женщинѣ онъ выбралъ вещь стараго фасона, тогда какъ съ тѣхъ поръ ювелирское искусство далеко впередъ ушло, и для котораго тоже существуетъ мода!»

«Просто, этотъ фермуаръ достался княгинѣ по-наслѣдству, и она отдала ему его, какъ своему любовнику. А если послѣднее справедливо, то первое есть не что иное, какъ новѣйство, не заслуживающее ни малѣйшаго довѣрія.»

Потомъ Елатомскій думалъ о томъ, пойдетъ ли онъ въ четвергъ къ Меркуличамъ и что онъ скажетъ Зоѣ.

«Графъ можетъ быстро соображать—я не могу, и невольно задумываюсь и, можетъ быть, по-неволѣ рохля», съ горечью о самомъ себѣ подумалъ Елатомскій.

Въ это время въ магазинъ кое-кто заходилъ съ улицы: иные

Digitized by Google

требовали книгъ, иные бесѣдовали съ синьоромъ Тотти и опять выходили; но никто не заглядывалъ въ читальную комнату. Елатомскій смутно сознавалъ, что въ магазинѣ идетъ болтовня и торговля; но ничего не слышалъ и ни на что не обращалъ вниманія, даже сигара его безпрестанно тухла и, такъ-сказать, безъ всякаго смысла торчала въ губахъ его.

Вдругъ онъ встрепенулся, знакомый хохотъ коснулся ушей его—это былъ хохотъ Хавазова.

— Да что вы мнѣ суете все ту же дребедень на постномъ маслѣ,—голосилъ Хавазовъ.—Нравственность! Очень нужна мнѣ ваша нравственность! Ха-ха-ха! Вы мнѣ что-нибудь въ родѣ Поль-де-Кока, или нѣтъ ли еще чего-нибудь этакъ пенпиантнѣе или позабористѣе? Это что? «Лукреція Флоріани». Ну, это мы и въ подлинникѣ прочтемъ... Чепуха, должно быть, а?

— Прекрасный романъ,—слышится голосъ Тотти.

— Знаемъ мы, все у васъ прекрасный романъ! У васъ, и «Мертвыя души» Гоголя, тоже, чай, прекрасный романъ, или—ха-ха!—поэма! Скажите, пожалуйста,—поэма! Этакихъ-то поэмъ и я настрочу вамъ съ три короба! Что смѣетесь? Право, настрочу... Дайте мнѣ только хорошія деньги—и настрочу.

— Ахъ, скотина! Инда руки чешутся! — проворчалъ про себя Елатомскій.—А что, если онъ войдетъ сюда! Но голосъ и короткіе припадки саркастическаго смѣха скоро замолкли. Послышался другой, тоже знакомый, какъ-бы придавленный, затхлый голосъ.

— А давно у васъ не былъ Елатомскій?

— Да онъ здѣсь, если не ушелъ,—отвѣчалъ Тотти.

За симъ водворилось молчаніе, и минуты черезъ пять Елатомскій увидѣлъ, какъ зашевелилась зеленая портьера, и какъ изъ-за нея выглянула объемистая голова, увѣнчанная въ плечи.

— Можно войти?—спросилъ Сашинъ.

— Не знаю, я не хозяинъ,—отвѣчалъ Елатомскій, полуразвалившись на клеенчатомъ диванѣ.

— Синьоръ Тотти, можно мнѣ войти?

— Отчего же нельзя,—изъ-за прилавка засмѣялся Тотти.

— Да оттого, что тамъ синьоръ Елатомскій, а я никому не люблю мѣшать.—Я не мѣшаю вамъ, Владиміръ Григорьевичъ? Вы одни?

— Нѣтъ, не одинъ,—сухо отвѣчалъ Елатомскій, не улыбнулся, и даже не привсталъ при входѣ Сашина.

— Вы встрѣчаете меня, какъ врага, Елатомскій.

Digitized by Google

— Я не знаю, врагъ вы мнѣ или доброжелатель, да и не желаю знать, Иванъ Ивановичъ.

Сашинъ присѣлъ на кресло, между ногъ поставилъ трость свою, и минуты двѣ-три только одно дыханіе его было слышно въ комнатѣ.

Елатомскій тоже молчалъ и думалъ: уйти ему или не уходить.

— Ужъ не графъ ли Гинкель вашъ другъ? — спросилъ Сашинъ и, не поворачивая головы, повернулъ къ Елатомскому выпуклые, влажные глаза свои.

— У меня нѣтъ друзей.

— Да что и говорить! Любовь слаще всякой дружбы! Вы же, какъ кажется, и умѣете влюблять въ себя.

— Все же лучше, чѣмъ умѣть сочинять доносы.

Глаза Сашина, очевидно, хотѣли выскочить, они стали еще выпуклѣе. Щеки и подбородокъ дрогнули.

— Я скорѣй позволю себѣ руку отрубить, чѣмъ стану заниматься доносами!

— Но съ особеннымъ удовольствіемъ поэмете ту руку, которая напишетъ ихъ. Я понимаю васъ, Иванъ Ивановичъ, и, знаете что? — Не совѣтую вамъ со мной часто встрѣчаться и разговаривать: я на дурномъ счету и даже подъ надзоромъ полиціи. Наши прежнія отношенія могутъ бросить очень невыгодную тѣнь на васъ, и такъ какъ вы, конечно, бережете свою репутацію...

На глазахъ Сашина какъ будто навернулись слезы, и онъ сморгнулъ ихъ.

— Ну, договаривайте, что же вы остановились, Елатомскій? Ужъ принялись рѣзать, такъ рѣжьте до конца. Зачѣмъ щадить вамъ этого толстяка, этого нравственнаго урода, это чучело! Пронимайте его хорошенько, негодяя! Да такъ, чтобъ онъ во-сто лѣтъ этого забыть не могъ!.. Ну, говорите, я буду слушать, что еще вы мнѣ скажете?

— Я все сказалъ, — вполголоса отозвался Елатомскій, свѣсивъ голову и глядя подъ столъ.

Укоризны Сашина повергли его въ недоумѣнье: хохотать ему или сожалѣть его?

— Недавно, — началъ Сашинъ послѣ непродолжительной паузы, — недавно я говорилъ Хавазову: попроси ты, ради Бога, не только на гауптвахту, въ какую-нибудь тюрьму засадить меня... Посудите же сами, Елатомскій, счастливъ ли я, если завидую всякимъ вашимъ невзгодамъ? Вы подъ надзоромъ, — и думаю я про себя: вотъ человѣкъ, значитъ, есть за что надзирать! значитъ,

Digitized by Google

еще не совсѣмъ нуль!—тогда какъ я—нуль и нуженъ себя чувствую, именно нуженъ безвреднымъ и безполезнымъ. Если нѣтъ карточной игры, нѣтъ виста или преферанса, да некого за меня усадить за ломберный столъ, чтобъ составить партію, — то кому я нуженъ? Выходитъ, что я только и нуженъ тѣмъ, кто въ картишки любитъ поиграть. Долженъ ли я ихъ отъ себя отталкивать? вѣдь только для нихъ я и существую! Для женщинъ — я чучело, для молодежи—ни рыба, ни мясо; для ученыхъ, для художниковъ и даже для свѣтскихъ балагуровъ — нуль. И если бы я этого не сознавалъ! А то я сознаю это, страдаю, нью—и даже до-пьяна не могу напиться! Только въ грезахъ, въ полуснѣ начинаю жить... Правда ваша, — продолжалъ онъ тише, какъ-бы боясь, чтобъ его не подслушали, — я знаю того, кто доносилъ, кто клеветалъ на васъ, но какъ могу я негодовать на это, когда у меня своя особенная логика? Да, да. Если вы на меня донесете или меня оклевещете, я буду радъ, я ручку у васъ за это поцѣлую, да... да... ручку... ручку поцѣлую! скажу: спасибо, Елатомскій! Пусть они себѣ воображаютъ, что я человѣкъ такой-сякой, опасный! Пусть хоть на телѣжкѣ съ жандармами порастрясутъ меня. Можетъ быть, это отъ хандры, отъ страшной тоски меня вылечитъ.

И Сашинъ ударилъ себя въ грудь—до такого лиризма довела его горячая исповѣдь.

Елатомскій привсталъ, — казалось, онъ заглянулъ въ потаенной уголокъ души его и жалость взяла въ немъ верхъ надъ желаніемъ посмѣяться надъ тѣми двумя слезинками, которыя Сашинъ выдавилъ своими рѣсницами.

— Васъ сажали подъ арестъ,—продолжалъ Сашинъ,—и что же? разлюбила ли васъ за это Зоя? Нѣтъ, еще, быть можетъ, вдвое, втрое она стала мечтать о васъ. Вы были на гауптвахтѣ, вы подъ надзоромъ полиціи—и что же? Помѣшало ли это вамъ вчера прохаживаться по бульвару, съ женщиной, въ которую влюблены всѣ наши волокиты, красота которой съ ума ихъ сводитъ, и которые не знаютъ съ какой стороны подъѣхать къ ней? Нѣтъ, не помѣшало. Вы были веселы, вы торжествовали, и я вамъ завидовалъ; мало того, я вчера ненавидѣлъ и даже сплетничалъ на васъ Зоѣ. Но отчего я завидовалъ, отчего я ненавидѣлъ васъ, да оттого, что... по какому праву вы такъ счастливы, и по какому безправью я такъ несчастливъ?

— Иванъ Ивановичъ, я вѣрю, что вы несчастны, но не вѣрьте моему вчерашнему лицу, моему важничанью, моей вѣтренности. Я часто хандрю и отчаиваюсь не меньше вашего.

Digitized by Google

— Вы! Да отчего вамъ хандрить! вы молоды, женщины отвращаютъ вамъ свои объятія, старые товарищи васъ любятъ. Вонъ, одинъ изъ нихъ при мнѣ за васъ на дуэль вызывалъ Хавазова... Чего же вы еще хотите?

— Ни въ чьи объятія я не бросаюсь, потому что... Ахъ, да! виноватъ, Иванъ Ивановичъ, съ прошлой осени и до сего дня, я два или три раза былъ на Молдаванкѣ, и тамъ пользовался благосклонностью растрепанныхъ красавицъ. Но у васъ больше денегъ, чѣмъ у меня, стало быть, въ вамъ будутъ еще благосклоннѣе. Вотъ и всѣ мои побѣды, которымъ вы завидуете!.. Наконецъ, какъ вы не можете понять, что человѣкъ безъ средствъ и безъ труда жить не можетъ. А я — что я дѣлаю? Обстоятельства такъ сложились, что умри я сто разъ, и все-таки никто не дастъ мнѣ никакого занятія, никто не задастъ мнѣ никакой задачи, рѣшеніе которой могло бы заинтересовать меня. Я такой же нуль, какъ и вы. Что мнѣ изъ того, что дѣвицы со мной кокетничаютъ или строятъ глазки, когда ни мужемъ, ни любовникомъ я быть не могу.

— Почему?

— Да просто потому, что не хочу, а не хочу оттого, что слишкомъ совѣстливъ; мнѣ кажется, я недостаточно люблю, чтобъ принимать жертвы или собою жертвовать, и слишкомъ бѣденъ для того, чтобъ свить себѣ гнѣздо или, по-простому, дать приличную обстановку любимой женщинѣ. Вотъ, графъ, тотъ не таковъ, тотъ бы и Зою не пощадилъ, если бы съ ней встрѣтился.

— Благородный вы человѣкъ, Елатомскій; но Богъ вамъ судья, если вы считаете меня подлымъ человѣкомъ, не стоющимъ.....

И на глазахъ Сашина навернулись слезы.

Елатомскій всталъ, обнялъ его за толстую шею и въ лобъ поцѣловалъ его.

— Ну, теперь довольно объ этой матеріи, — сказалъ Елатомскій, — я высказался и, надѣюсь, вы поняли, что не стоитъ мнѣ завидовать. Завидуйте лучше Хавазову. Этотъ человѣкъ до старости будетъ хохотать надъ всѣмъ, что истинно, свято и прекрасно, и умретъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что прожилъ такъ, какъ дай Богъ всѣмъ прожить.

— Съ этой минуты, кланусь вамъ, я люблю васъ и уважаю и не завидую.

— Пора обѣдать. Прощайте, Сашинъ. Миръ заключенъ, и не будемъ возвращаться ни къ какимъ объясненіямъ.

Елатомскій пожалъ его руку, взялъ со стола шляпу и вышелъ.

Digitized by Google

«Нѣтъ, все-таки... того... Не я съ собой примирялъ его, а онъ меня примирилъ съ собой, не онъ прослезился, а я... Хоть немножко да не позавидовать—невозможно!» подумалъ про себя Сашинъ—и тяжело вздохнулъ.

XXXIII.

Не разъ, въ этотъ день, припоминалъ Елатомскій разговоръ свой съ Сашинымъ; долго думалъ и наконецъ усумнился въ искренности его признаній. Ну, что-жъ, сообразилъ Елатомскій, онъ завидуетъ, что меня считаютъ опаснымъ либераломъ,— кто же мѣшаетъ ему тотчасъ же превратиться въ напопаснѣйшаго изъ смертныхъ; стóитъ ему только гдѣ-нибудь промурлыкать пóдъ носъ марсельезу или публично, въ какой-нибудь гостинницѣ или кафé, усумниться въ благодѣтельномъ вліяніи крѣпостного права—ну, вотъ онъ и увидитъ, самъ увидитъ, какъ легко добиться у насъ всячесвихъ невзгодъ или кое-какого значенія. Чего же я расчувствовался и сталъ обнимать его!

Забылъ или не зналъ и не сообразилъ Елатомскій, что у Сашина трусость перевѣшивала его чудовое самолюбіе, и что у Сашина на такую выходку не хватило бы силы духа или характера. Такъ, на разу не рискнулъ онъ признаться Зоѣ, что онъ влюбленъ въ нее,—значитъ ли это, что онъ былъ равнодушенъ къ ней?

Если бы Елатомскій все это зналъ, онъ, конечно, не усумнился бы въ искренности Сашина, и Сашинъ былъ бы совершенно въ другихъ отношеніяхъ къ Елатомскому, и никогда не чувствовалъ бы той вражды къ нему, если бы этотъ юнонша не всталъ ему поперекъ дороги, ведущей къ сердцу Зои (хотя дорога эта и не привела бы его къ этому сердцу).

Затѣмъ Елатомскій никакъ не могъ понять, о комъ это упоминалъ Сашинъ, говоря, что изъ-за него кто-то вызвалъ на дуэль Хавазова. Кто бы это могъ быть?

(Только Эвина и могла бы сообщить ему это, но передъ отъѣздомъ такъ коротко было ихъ свиданіе, что она не успѣла даже и вспомнить о такомъ, по мнѣнію Сашина, необыкновенномъ приключеніи).

Вечеромъ того же дня, Елатомскій въ Пале-Роялѣ встрѣтилъ Сашина и узналъ отъ него, что этотъ заступникъ за него былъ пріѣзжій, по фамиліи—Олафьевъ.

Эта новость сильно тронула Елатомскаго. Онъ вспомнилъ,

Digitized by Google

какъ холодно встрѣтилъ онъ стараго товарища, когда тотъ на гауптвахту зашелъ къ нему, и какъ огорчилъ его,—отказавшись занять у него деньги.

Въ сороковыхъ годахъ предложенія Бавина и Олафьева—выслать товарищу денежную помощь при первомъ письменномъ заявленіи, вовсе не составляло какого-нибудь исключенія, да и не составляло особенной добродѣтели. Лишнихъ денегъ было много не только у богатыхъ, но и просто у экономныхъ помѣщиковъ; деньги были не трудовыя, и никто, кромѣ Плюшкиныхъ да Чичиковыхъ, не цѣнилъ ихъ такъ, какъ они въ наше дорогое время цѣнятся.

Елатомскій въ современной намъ, дорогой Одессѣ, едва ли бы могъ жить такъ, какъ онъ жилъ въ то время. Онъ бы зябнулъ зимой и голодалъ бы, и, можетъ быть, износивши свое московское платье, не смѣлъ бы и показываться въ такъ-называемое порядочное общество. Дороговизна отразилась бы и на его характерѣ. Можетъ быть, не сталъ бы онъ препираться и съ Хавазовымъ, но за то, въ глубинѣ души своей, препирался бы съ цѣлымъ обществомъ, и, вмѣсто того, чтобъ иногда благодушествовать, многое бы возненавидѣлъ...

— А какое нынче число?—спросилъ Елатомскій у Сашина, который сидѣлъ на стулѣ около кондитерской Карруты и ѣлъ мороженое. (Онъ въ это время думалъ о томъ, скоро ли получитъ письмо изъ Тифлиса, въ отвѣтъ на свое посланіе).

— Кажется, четырнадцатое, — отвѣтилъ Сашинъ, облизываясь.

«Ба! завтра мои именины,—вдругъ вспомнилъ Елатомскій. —Вспомнитъ ли этотъ день мой батька? Третьяго года въ этотъ день я заѣзжалъ къ нему. Потомъ былъ въ деревнѣ у Игнатьева—ѣздилъ верхомъ,—въ лодкѣ,—ухаживалъ обществомъ Эвиной, ставилъ ее на пьедесталъ и поклонялся ей. — Какъ я въ эти два года состарился!»

— Ну, что?—спросилъ его Сашинъ.

— Ничего,—отвѣчалъ Елатомскій.

— А отчего сегодня не видно нигдѣ этой заѣзжей княгини Корси?

— А я не знаю, отчего ее не видно.

— Хоть бы на нее поглядѣть! Какъ это вы съ ней познакомились?

Елатомскій удовлетворилъ его любопытство: сказалъ ему, какъ онъ познакомился.

— А если вы въ нее влюбитесь?

Digitized by Google

— Что же дѣлать. Влюблюсь, и буду какъ дуракъ страдать.

— А не знаете, на кой чортъ она сюда пріѣхала?

— Я слышалъ, она пріѣхала—получить съ какого-то негоціанта какія-то деньги. Я это слышалъ вскользь, и такъ какъ это не мое дѣло,—не разспрашивалъ.

— А сколько она платитъ графу Гиккелю за то, что онъ на правахъ мужа состоитъ у ней?

Елатомскій покраснѣлъ, и поглядѣлъ на Сашина.

— Спросите у ней или у графа... Я думаю, это такая же сплетня, какъ и то, что я женюсь на Зоѣ.

— А, право, вчера вечеромъ на бульварѣ отъ васъ такъ и разило.

— Чѣмъ?

— Да такъ, чѣмъ-то такимъ любовнымъ — вы такъ гордо смотрѣли по сторонамъ и такъ нѣжно поглядывали на вашу даму и ея бѣлую шею.

— Что вы—завидовали?

— Нѣтъ, желалъ, чтобъ она васъ измучила, истерзала, въ узелъ завязала и сушить повѣсила.

— Вы и сегодня мнѣ того же желаете?

— Гм! Какъ-бы вамъ это сказать, не то, что желаю, а... не мѣшало бы, если бы судьба за сердце Зои отмстила вамъ.

— Когда я уѣзжалъ изъ Москвы, въ меня тоже была влюблена одна Сонечка, очень красивая, умная и сердечная барышня. Я тоже былъ на-волоскѣ отъ признанья, но, убоясь брачныхъ узъ, порѣшилъ удрать. Прощаясь—и я страдалъ, и она страдала. Теперь мнѣ пишутъ,—она тайно обвѣнчалась съ однимъ молодымъ человѣкомъ, очень богатымъ, который женился на ней противъ воли своей матери. Словомъ, цѣлый романъ! Получа это письмо, я подумалъ стихами Пушкина:

Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть,
И равнодушно ей внималъ я.

Теперь у ней медовый мѣсяцъ, и, несомнѣнно, она влюблена въ того, кто съ ней блаженствуетъ. То же, надѣюсь, случится и съ Зоей, если я уѣду, т.-е. она отмститъ мнѣ тѣмъ, что выйдетъ замужъ, а я отмщу ей тѣмъ, что влюблюсь въ другую, — тѣмъ все и кончится. Чѣмъ я виноватъ, что уроки жизни для меня не пропадаютъ даромъ, и что—

Я сердцу не даю пылать и забываться.

Digitized by Google

Вотъ, если я кому завидую, такъ это повтамъ. Стóитъ только помнить ихъ, чтобъ на каждый случай жизни, на каждое душевное настроеніе, самъ собою подсказался стихъ, соотвѣтствующій этому настроенію. Давайте говорить о стихахъ.

Но въ этотъ вечеръ говорить о стихахъ Сашинъ не былъ расположенъ: онъ ужасно боялся, что вотъ-вотъ, сію минуту, явится Хавазовъ и скажетъ ему: «Идемъ къ Рононаки, чуетъ мое сердце, что сегодня мы его вздуемъ»; а потомъ, начнетъ пушить его—за то, что онъ связывается съ такимъ фатишкой и пустозвономъ, какъ этотъ Елатомскій, и онъ, Сашинъ, будетъ молчать, потому-что нельзя же заступиться за человѣка, котораго онъ самъ вчера бранилъ, поддакивая тому же самому Хавазову.

Но вмѣсто Хавазова, зацѣпившись за порогъ, загремѣла сабля—и изъ кондитерской вышелъ полиціймейстеръ.

— А, Елатомскій! Милѣйшій!—воскликнулъ онъ:—какъ поживаете?—Здравствуйте, Сашинъ!

— Слава Богу! — Вы какъ поживаете?—отозвался Елатомскій, приподнимая шляпу.

— Скверно! Дѣлъ по-горло и устаешь, какъ собака.

На свѣжемъ, здоровомъ лицѣ молодого полковника не было ни слѣда усталости.

— Пойдемте, пройдемтесь, что́ вы сидите?

Елатомскій всталъ, и они пошли по направленію къ театру.

— Вы сегодня въ театрѣ?

— Нѣтъ.

— Жаль!

— А что?

— Она сегодня присылала за ложей.

— Кто она?—притворился Елатомскій.

— Кто? Какъ будто не знаете! *Она*, однимъ словомъ—*она!* предметъ и пѣсенъ, и пера, et cetera, et cetera! Не зайдете ли вы къ ней хоть въ ложу?

— Да къ кому?—продолжалъ притворяться Елатомскій.

— Да ну, какой же вы! О комъ же теперь и говорять, какъ не о той очаровательной душкѣ, которая вчера ходила съ вами подъ-руку.

— Не пойду, она не звала меня, а въ креслахъ у меня нѣтъ билета.

— Хотите, я для васъ возьму билетъ?

— Не хочу.

— Да что съ вами?

— Ничего, полковникъ.

Digitized by Google

— Эхъ! Неужели вы такъ ревнивы, и такъ боитесь соперниковъ, что не хотите меня представить ей.

— Если угодно, я спрошу ее, и, можетъ быть, она сама рада будетъ познакомиться съ вами.

— Мнѣ во-что бы то ни стало нужно съ ней познакомиться—до-зарѣзу! Когда вы у ней будете?

— Да не въ такомъ я настроеніи духа, чтобъ быть у ней. Надо любезничать, а я все думаю о квартальномъ,—этотъ квартальный у меня съ ума нейдетъ.

— Какой квартальный!—поморщившись и какъ-бы удивясь, спросилъ полиціймейстеръ.

Елатомскій, по возможности, не горячась, разсказалъ ему вчерашнюю сцену и заключилъ ее угрозой квартальнаго — приходить къ нему, когда вздумается.

Полиціймейстеръ пріостановился и даже побѣдиѣлъ какъ будто отъ негодованія.

— Мегсі, что вы мнѣ сказали!—Я распоряжусь!.. Ну, вотъ мы и пришли... Что, бишь, нынѣче такое?—Чортъ знаетъ что, самъ подписывалъ афишу—и не помню.

И полиціймейстеръ, не выпуская изъ-подъ руки Елатомскаго, подошелъ къ афишѣ, вывѣшенной на стѣнѣ, приставилъ къ глазу лорнетъ и, при свѣтѣ фонаря, борющагося съ потухающимъ днемъ, прочелъ: «Жизнь Игрока» и «Дѣдушка русскаго флота».

— Ну, пьесы не веселыя. Она до конца не высидитъ. Пойдетъ на бульваръ. Будьте хоть на бульварѣ, отецъ родной!

— Cher colonel,—сказалъ по-французски Елатомскій, платя за фамильярность такою же фамильярностью.—Знаете пословицу: qui va piano—va sano.—Не торопитесь и меня не торопите.

— Погодите, Елатомскій... Вы не знаете, скоро ли она уѣзжаетъ?

— Еще не скоро,—въ концѣ августа.

— Ну, такъ помните же, что вы мнѣ обѣщали! Прощайте, милѣйшій!

И сабля его загремѣла по освѣщенному коридору театра, огибающему бенуары.

Digitized by Google

XXXIII.

Елатомскій мысленно подивился проворливости графа, и очень былъ радъ, что такъ кстати объяснился съ полиціймейстеромъ.

На другой день, въ день именинъ своихъ, проснулся онъ довольно рано, — раньше чѣмъ появилась старуха за сапогами, и пошелъ купаться.

Въ купальнѣ засталъ онъ человѣкъ пять одесскихъ гражданъ, или чиновниковъ, трехъ молодыхъ и двухъ старыхъ, двухъ совершенно голыхъ и трехъ облеченныхъ въ простыни и просыхающихъ; кромѣ нихъ, были еще и мальчики, будущіе граждане. Они то спускались въ волны, то выскакивали на лѣсенку, то одѣвались, то опять раздѣвались.

Нѣкоторые изъ этихъ обнаженныхъ и полуобнаженныхъ гражданъ о чемъ-то толковали и озабоченно спорили, изъ рукъ своихъ дѣлали козырьки надъ глазами и глядѣли въ зыблющееся, подъ знойными лучами утренняго солнца холодно-сверкающее море, и даже иногда раскрывали рты свои,—очевидно, тревожились.

— Неужели потонулъ?.. А?...

— А чортъ его знаетъ!

Елатомскій, раздѣваясь, замѣтилъ вдругъ соломенную шляпу, платье и ботинки графа Гиккели...

— Что такое?—не безъ тревоги спросилъ Елатомскій.

— Да, вотъ-съ, никакъ съ часъ тому назадъ уплылъ въ море одинъ купающійся и не видать его, пропалъ...

— Вотъ онъ!—вотъ онъ!—закричалъ одинъ изъ голыхъ.

Елатомскій вскочилъ и сталъ смотрѣть.

Въ саженяхъ тридцати или сорока отъ берега увидѣлъ онъ въ волнахъ мелькающіе взмахи рукъ и черную голову, которую то закрывали, то открывали колеблющіяся гряды волнъ.

Наконецъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ уже можно было ногами дно достать—пловецъ нырнулъ и вынырнулъ на болѣе близкомъ разстояніи отъ берега, пробѣжалъ нѣсколько шаговъ, упалъ, опрокинутый высокимъ валомъ, опять вскочилъ и уже съ увѣренностью сталъ подходить къ купальнѣ.

— Да, это графъ,—убѣдился Елатомскій. Графъ, не говоря ни слова, взошелъ на подмостки и тяжело дыша, какъ усталый, сѣлъ на скамью около вещей своихъ. Онъ былъ не то-что блѣдѣнъ—хуже: онъ былъ теменъ; бронзовый загаръ лица его по-

Digitized by Google

лучилъ какой-то синеватый отливъ: точно онъ окоченѣлъ отъ холода.

— Уфъ!.. это вы, Елатомскій! Совсѣмъ отвыкъ плавать...

— Какъ отвыкли!—раздались кругомъ его голоса.—Мы уже думали того... буркулы пускать, на дно пошли... Ишь вѣдь куда забрались! чай, полверсты промахали... Ишь вѣдь, какъ васъ угораздило!

— Это Елатомскій... тотъ самый...—шепнулъ одинъ обувающійся другому, уже напялившему сапоги свои.

— А!—промычалъ напялившій сапоги.

— Совсѣмъ отвыкъ, — какъ-бы съ сокрушеніемъ повторилъ графъ.

— Ну, молодецъ же вы плавать!—сказалъ Елатомскій.

— Такъ ли я плавалъ!..—сказалъ графъ, совершенно отдышавшись и какъ-бы успокоившись.

Елатомскій молча любовался на его сильные, сухіе мускулы и тонкія ноги, напоминающія Меркурія, вылитаго изъ бронзы, который одной ногою стоитъ на лучистой трубѣ, изображающей дуновеніе, исходящее изъ устъ Эола, а другую поднялъ на вѣтеръ, какъ-бы собираясь улетѣть; — только широкая грудь его была покрыта такими густыми черными волосами, что скорѣй напоминала звѣря, чѣмъ статую.

Вытершись полотенцемъ, графъ совершенно ожилъ, пересталъ вздрагивать и сталъ веселѣе.

— Что, вы рѣдко ходите купаться?—спросилъ онъ Елатомскаго и мокрымъ черепаховымъ гребешкомъ сталъ причесывать свою мокрую курчавую голову.

Вмѣсто отвѣта, Елатомскій бросился въ море и сталъ плавать.

Графъ, съ видомъ знатока, сталъ наблюдать, и замѣтилъ, что Елатомскій далеко не уплываетъ, что онъ плохо держится на водѣ и торопится.

Далеко заходить на глубину Елатомскій не рѣшался,—зналъ мѣру силъ своихъ, и скоро вышелъ.

Графъ былъ уже совершенно одѣтъ, но дожидался Елатомскаго, чтобы идти вмѣстѣ до-дому.

Наконецъ, оба они взяли свои простыни, отворили парусинную дверь и вышли.

Молча взобрались они на гору, прошли мимо балкона княгини Кореи, мимо биржи, и повернули на-право.

— Елатомскій!—заговорилъ графъ своимъ обычнымъ вкрадчиво-веселымъ голосомъ...

Digitized by Google

— А! Вы о чемъ-то собираетесь спросить меня?..—разсѣянно отозвался Елатомскій, шагая рядомъ съ нимъ по каменнымъ тротуарамъ уже сильно разогрѣтыхъ одесскихъ улицъ.

— Извините за нескромный вопросъ... Какую такую дѣвицу сбили вы съ пути, по-просту—связались съ ней?..

— Какую дѣвицу!?.—изумился Елатомскій. — Никакой дѣвицы!..

— Неужели это дочь того самаго Меркулича?..

— Что-о-о?.. Дочь Меркулича!.. Помилуйте, графъ, что вы говорите?.. Чортъ знаетъ, что вы говорите!.. Съ чего вы это взяли?...

— Да это не я... Я въ купальнѣ подслушалъ... Впрочемъ, толковали чуть не вслухъ... и какъ о такомъ фактѣ, который не подлежитъ нималѣйшему сомнѣнію... Приди вы получасомъ раньше...

— Я бы зажалъ ротъ этимъ негодяямъ!..

— Все можно зажать, кромѣ рта, — помните это, Елатомскій....

— Тьфу!.. что за сплетническій городъ!.. Даже отвратительно!.. Ну, что прикажете дѣлать!.. Не только нѣтъ факта,—нѣтъ ни малѣйшаго повода подозрѣвать Зою Меркуличъ... Это очень миленькая, наивная, хорошенькая дѣвушка... Сначала сплетничали, что я за нее сватался, и что она отказала мнѣ; потомъ стали сплетничать, что я женюсь на ней, какъ только получу мѣсто; теперь сплетничаютъ, что я соблазнилъ ее... Какая мерзость!..

— Да что вы волнуетесь!.. Еслибъ можно было, я самъ бы насплетничалъ на этого Меркулича; а не на него, такъ на его жену, а не на жену, такъ на дочь... Я его терпѣть не могу, этого Меркулича... и если есть у него дѣти, то и Меркулятъ его—тоже терпѣть не могу, хоть и не знаю ихъ, хоть и не имѣю о нихъ ни малѣйшаго понятія...

— Но развѣ это не подло клеветать на невинную дѣвушку?...

— Ничуть не подло... Да и кто намъ сказалъ, что она невинная!.. А если она ангелъ чистоты и невинности, такъ это даже и неестественно!.. Ну, съ какой стати у продажнаго подлипалы и мазурика будетъ дочь—ангелъ!.. Это уродство... Этого не слѣдуетъ допускать... И познакомь меня судьба съ этимъ ангеломъ... я бы изъ него сдѣлалъ чорта... или бы замаралъ его самъ, что.. и вы бы на него плюнули!.. Въ прошломъ году этотъ Меркуличъ ходилъ передо мною на заднихъ лапкахъ, корчилъ шута и

Digitized by Google

забавника... вина и фрукты поставлялъ мнѣ на столъ изъ какихъ-то собственныхъ погребовъ своихъ, тогда какъ никакихъ погребовъ у него не было... По его милости въ прошломъ году въ одинъ мѣсяцъ я выпилъ три тысячи бутылокъ вина и съѣлъ десять пудъ одного винограду!.. Разумѣется, я по счету заплатилъ ему... А въ нынѣшнемъ году этотъ же самый негодяй распустилъ слухъ, что я лишенъ правъ наслѣдства и скупилъ часть векселей моихъ, по 40 коп. за рубль, и потомъ первый же подалъ мысль засадить меня въ тюрьму, если къ сроку я не расплачусь съ кредиторами, такъ какъ онъ увѣренъ, что отецъ мой не потерпитъ такого сраму и непремѣнно сполна выплатитъ долги мои. И у такого человѣка будетъ дочь... невинна, какъ ангелъ!.. Уродство!..

— Никакого уродства!..—возразилъ Елатомскій. — Природа любитъ контрасты. У Ивана Грознаго былъ сынъ Ѳедоръ, у Кара-Георгія—кроткая, богобоязненная дочь, у великаго Мильтона дочери были шлюхами, у Гёте — сынъ пьяница... Что же тутъ удивительнаго, что и у Меркулича можетъ быть дочь—хорошая, добрая и честная дѣвушка!..

Графъ отвѣчалъ, что ему нѣтъ дѣла ни до природы, ни до исторіи, и что если онъ графъ, то... природѣ до этого тоже никакого дѣла нѣтъ, и что если онъ мотъ, то вовсе не оттого, что Наполеонъ приходилъ въ Россію, и что послѣ Александра на престолъ вступилъ Николай.

— Ну, это еще вопросъ!.. Пылинка-земля двигается такъ, а не иначе, можетъ быть, только потому, что Оріонъ или Сиріусъ двигаются такъ, а не иначе. Зависимость двухъ отдаленныхъ другъ отъ друга явленій ускользаетъ, не поддается нашему анализу...

— А! это—философія!..—засмѣялся графъ. — Вотъ чего я терпѣть не могу, такъ это—философію!..

Елатомскій понялъ, что глупо вести еще дальнѣйшій споръ,—потому что безплодно. Къ тому же, ему было и не до того, чтобъ вдаваться въ разныя препирательства. Солнце пропекало его... пыль неслась изъ-подъ колесъ экипажей... гдѣ-то звонили къ обѣднѣ; гдѣ-то забилъ барабанъ... Новая сплетня про его отношенія къ Зоѣ бѣсила его... Графъ тоже начиналъ бѣсить его.

— Ну, сказалъ онъ, —я и самъ не большой охотникъ до философіи, можетъ быть—потому, что мало смыслю въ ней... Я съ вами не спорю, графъ... Зайдите, и напьемся чаю... Сегодня

Digitized by Google

я имянинникъ, и ни съ кѣмъ не желаю ссориться... Особливо съ сосѣдями...

Графъ зашелъ къ нему, поздравилъ, и съ удовольствіемъ выпилъ чашку чаю... На Елатомскаго смотрѣлъ онъ какъ на какого-то исключительнаго, еще невиданнаго имъ юношу, еще способнаго вѣрить и въ добродѣтель, и даже въ справедливость; онъ снисходилъ къ нему, какъ нянька снисходитъ къ ребенку, который вѣритъ сказкамъ и готовъ вдаться въ обиду, если кто-нибудь его любимую куклу потихоньку щелкнетъ по-носу. Лучшаго кавалера для своей кузины во всей Одессѣ онъ бы и не могъ найти.

«Этотъ человѣкъ», думалъ онъ, «если и влюбится, будетъ церемониться до тѣхъ поръ, будетъ все идеальничать, пока она не уѣдетъ. Кажется, и княгиня смотрѣла на Елатомскаго съ той же точки зрѣнія, т.-е. какъ на кавалера для нея самаго подходящаго, влюбчиваго, услужливаго и не опаснаго. Не даромъ, допивши чай свой, графъ дружески пожалъ руку Елатомскому и весело сказалъ ему:

— Вотъ къ вамъ несутъ письма съ почты,—авось, хоть они заставятъ васъ позабыть тѣ сплетни, которыя взволновали васъ. До свиданья, Елатомскій!..

«Дуракъ!» мысленно въ слѣдъ ему пробормоталъ наивный юноша. Онъ зналъ, что значитъ клевета... Онъ зналъ, какъ отзывается она на судьбѣ невинной женщины, какъ иногда гонится она по слѣдамъ ея и до конца отравляетъ жизнь.

Печоринъ (сталъ про себя разсуждать Елатомскій), и тотъ вступился за честь княжны Мери и вызвалъ Грушницкаго на дуэль; а этотъ?.. Этому все-равно... Сплетничайте, господа, сказалъ бы онъ Грушницкому и его компаніи: сдѣлайте милость, сплетничайте; мнѣ это пріятно, потому что матушка у Мери набитая дура, и потому что — кто же знаетъ, въ какой степени невинна дочь ея!.. А ваша сплетня не мѣшаетъ мнѣ ни ѣсть, ни пить, ни спать... стало быть, какое мнѣ до нея дѣло!.. Фу, противный!.. Но что же это за письма?.. Ба!—съ Кавказа и отъ отца. Письмо отъ отца я оставлю на закуску, а сначала займусь-ка письмомъ Уютина. Что-то онъ мнѣ настрочилъ?..

Елатомскій затворилъ дверь, чтобъ было попрохладнѣе, раздѣлся, разлегся и сталъ читать:

«Надѣюсь,—между прочимъ писалъ къ нему Уютинъ,—что ты живъ. Какъ тебѣ не стыдно на бульварѣ связаться съ Хавазовымъ. Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра... На-дняхъ наши чиновники давали обѣдъ его превосходительству С. Въ окрестно-

Digitized by Google

стихъ Тифлиса,—среди горъ и виноградныхъ садовъ,—въ старомъ домѣ князя Ч. были накрыты столы. Все было очень просто и совершенно по-семейному. Все время играла полковая музыка; послѣ выпивки начался плясъ и дурачества. Т. плясалъ качучу, толстый Б. полькировалъ съ Л—мъ, задѣлъ локтемъ за сигару, которая торчала во рту нашего юнаго поэта П., и огнемъ этой самой сигары обжогъ ему носъ — такъ, что тотъ сѣлъ верхомъ на лошадь и ускакалъ отъ насъ. Вечеромъ, за чаемъ, я разсказалъ С. твои одесскія похожденія... Онъ очень смѣялся угрозѣ Хавазова сослать тебя въ Сибирь за то, что ты не хочешь у него служить, и такъ какъ онъ терпѣть не можетъ этого Хавазова, то мы и порѣшили какъ можно скорѣе найти тебѣ мѣсто. Итакъ надѣйся».

— «Ну, что же», подумалъ Елатомскій, «хоть надежды и обманчивы, но почему же не надѣяться?..

— «Теперь возьмусь за батьку... Что-то онъ мнѣ пишетъ? Вѣрно сокрушается, что я не при мѣстѣ и ждетъ меня»...

Распечатавъ второе письмо, Елатомскій сталъ читать его и, дочитавъ до конца, упершись глазами въ стѣну и долго оставался неподвиженъ, какъ будто на него нашелъ столбнякъ, или оглушила молнія.

Я. Полонскій.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ ГЛУШЬ

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ МИРОВОГО СУДЬИ.

XIII *).

Весна и осень мировыхъ учрежденій.

Живо запечатлѣлась въ моей памяти слѣдующая сцена изъ недавняго прошлаго: среди клубной залы стоитъ длинный накрытый столъ, вокругъ ходитъ озабоченный распорядитель обѣда, задуманнаго въ память дня открытія мировыхъ учрежденій въ губерніи, и съ видомъ признаннаго знатока обозрѣваетъ сервировку.

Одни изъ гостей поспѣшили составить шумные кружки; другіе, напротивъ того, искали уединенія и, быстро прохаживаясь около стѣнъ, видимымъ образомъ старались не развлекаться и какъ-нибудь не забыть давно сочиненные и твердо выученные спичи. Въ углу, настраивая инструменты, гудѣлъ оркестръ. — Ловко раскланиваясь и любезно пожимая со всѣхъ сторонъ протягиваемыя руки, вошелъ нашъ премьеръ, усѣлся на первое мѣсто и все пошло, какъ по писаному, своимъ обычнымъ, наѣзженнымъ путемъ. Долго сдерживаемые музыканты разомъ припали къ инструментамъ, и дружно грянула увертюра изъ «Цампы». Ораторы, проклиная «Цампу», ловили благопріятный мигъ и, пользуясь тишиной, водворявшейся послѣ шума, время отъ времени поднимаемаго оркестромъ, вскакивали съ своихъ мѣстъ и спѣшили

*) См. „Вѣстникъ Европы", февраль и мартъ 1872 года; февраль и апрѣль 1876 года.

Digitized by Google

какъ можно скорѣе проговорить то, что̀ слѣдовало, то, что̀ было такъ тщательно обдумано задолго до настоящаго торжества. Вкусныя яства стыли, къ большому огорченію гастрономовъ, мысленно проклинавшихъ ораторовъ; оффиціанты неподвижно стояли съ блюдами въ рукахъ, не смѣя двинуться и тщетно усиливаясь понять то, что̀ творилось вокругъ.

Одинъ предлагалъ тостъ въ честь кого-то, кто-то суетился съ подпиской на немедленное устройство пріюта для малолѣтнихъ преступниковъ; кто-то уже вызывался безвозмездно наблюдать за несчастными дѣтьми. Нѣсколько человѣкъ разомъ писали восторженныя телеграммы: «Пьемъ, или поднимаемъ бокалы въ честь...» и проч. и проч. Трудно было представить, куда бы зашло общество и чѣмъ бы все это кончилось, если бы въ эту минуту не приподнялся самъ премьеръ, съ зловѣщей улыбкой Мефистофеля, готоваго окатить холодной водой возгорѣвшуюся гуманными порывами публику. Онъ весьма игриво изобразилъ первые дни наступающей весны, внезапно и на самомъ поэтическомъ мѣстѣ прерванной никѣмъ непредвидѣнной суровой осенью.

«Дай Богъ, чтобы не случилось того же самаго съ нашими мировыми учрежденіями», самоувѣреннымъ звучнымъ голосомъ заключилъ ораторъ. «Пожелаемъ, чтобы переживаемая ими весна, неожиданно и быстро не превратилась въ безцвѣтную осень, что̀ весьма возможно при нашемъ, какъ вамъ извѣстно, м. г., въ высшей степени неустойчивомъ и измѣнчивомъ климатѣ».

Онъ умолкъ, и все притихло, какъ-бы задумавшись надъ только-что выслушаннымъ предсказаніемъ, и встрепенувшіеся и просіявшіе оффиціанты со всѣхъ ногъ бросились разносить забытое мороженое, успѣвшее превратиться въ какую-то непріятную на видъ тюрю.

Послѣ того, кануло въ вѣчность первое, а за нимъ второе и, наконецъ, третье трехлѣтіе служебной дѣятельности мировыхъ судей, и такимъ образомъ явилась полнѣйшая возможность оцѣнить справедливость предсказаній премьера, давнымъ-давно проникнувшагося презрѣніемъ къ заколустью и переселившагося поближе къ Дюссо̀ и Борелю.

Начнемъ съ того, что часть первыхъ мировыхъ судей, значительно посѣдѣвшихъ, успѣвшихъ нажить немало разнообразныхъ огорченій и болѣзней, неразлучныхъ съ удобствами сельскихъ дорогъ, ночлеговъ и переполненныхъ народомъ камеръ, продолжаетъ до сихъ поръ свою дѣятельность, или вслѣдствіе весьма естественнаго страха засѣсть въ своихъ родныхъ Шишовкахъ, Хохловкахъ и Погибёлкахъ, зачастую отрѣзанныхъ не-

Digitized by Google

проходимыми дебрями отъ всего остальнаго міра, и сидѣть съ глазу на глазъ съ ежедневными непреоборимыми хозяйственными дрязгами и запоздавшими, потерявшими всякій интересъ, газетами въ рукахъ, или же, наконецъ, благодаря укоренившейся привычкѣ, въ извѣстные дни приходить въ управу и расписываться въ полученіи мѣсячнаго жалованья.

Стрѣлой пролетѣли первые годы дѣятельности мировыхъ судей, не замѣчавшихъ времени подъ вліяніемъ единодушнаго, почти повсемѣстнаго и, къ сожалѣнію, невозвратимаго увлеченія.

Затѣмъ новымъ, не въ мѣру расходившимся, дѣятелямъ, волей или неволей связаннымъ съ условіями и всѣми случайностями провинціальной жизни послѣдняго времени, пришлось пройти подъ охлаждающіе струи періодическихъ выборовъ, мало отличавшихся отъ выборовъ стараго времени, съ ихъ интригами и партіями; пришлось пережить тяжелый періодъ ликвидацій, внезапно налегшихъ на наши мирныя веси и надѣлившихъ насъ десятками добрѣйшихъ, даже солиднѣйшихъ людей, которые еще вчера съ неоспоримымъ успѣхомъ выступали въ такъ-называемыхъ благородныхъ спектаклях, занимая самую выдающуюся роль въ обществѣ и славясь своими рысаками, поварами, кучерами, псарями и т. д.; теперь они не принадлежатъ болѣе ни къ какому сословію, ни къ какому положенію, или дѣлу, и не сохраняютъ за собою ничего, кромѣ упованія на земскіе корма, или протекцію столичныхъ друзей и родственниковъ. Имъ пришлось близко познакомиться и даже возсѣдать рядомъ на судейскихъ креслахъ съ новыми людьми, для которыхъ не придумано еще вполнѣ точнаго и опредѣлительнаго названія, такъ какъ похожденія ихъ представляютъ нѣчто невиданное въ нашемъ захолустьѣ, это — въ своемъ родѣ герои, а не обыкновенные смертные; пришлось примириться съ постепеннымъ и, наконецъ, полнѣйшимъ охлажденіемъ почетныхъ мировыхъ судей къ предоставленному имъ почету; пришлось столкнуться съ массой разнообразныхъ обстоятельствъ, долженствовавшихъ неминуемымъ образомъ омрачить обаяніе, связанное съ обязанностью мирового судьи и, наконецъ, какъ-бы въ награду за понесенные труды и чрезмѣрную ретивость, пришлось выслушать однажды необъяснимое, ничѣмъ не заслуженное оскорбленіе, вызвавшее сильный переполохъ между судьями и общую отставку, а въ заключеніе—экстренные выборы, то-есть новую сирую, окончательно охладившую первые порывы и стремленія.

Взявшись за перо, чтобы набросать непритязательный очеркъ всѣхъ упомянутыхъ событій, пережитыхъ мировымъ учрежденіемъ

Digitized by Google

въ глуши, на Волгѣ, мы не чувствуемъ ни малѣйшаго призванія обличать, а еще менѣе утрировать вещи или задѣвать кого бы то ни было, а руководствуемся единственнымъ желаніемъ собрать и сохранить нѣкоторые правдивые факты и современныя черты провинціальнаго быта, можетъ быть не безъинтересныя и не безполезныя для будущаго.

Въ памяти еще свѣжо воспоминаніе о томъ нетерпѣливомъ напряженіи, съ которымъ ожидалось въ глуши введеніе уставовъ 1864 года. Считались дни и часы, а общество оказалось въ положеніи дѣтей, накрѣпко запертыхъ гдѣ-нибудь въ отдаленной комнатѣ и съ замираніемъ сердца ожидающихъ рождественской ёлки. И кто только изъ порядочныхъ живыхъ русскихъ людей не принадлежалъ къ числу дѣтей, кто не предавался дѣтской радости и преувеличеннымъ надеждамъ на будущее!

Мы убѣждены, что нисколько не погрѣшимъ противъ истины, нисколько не впадемъ въ риторику, сравнивъ первое время введенія судебныхъ уставовъ въ нашемъ захолустьѣ съ первыми днями давно ожидаемой весны, какъ то сдѣлалъ и вышеупомянутый ораторъ.

Да! это была весна, возвѣстившая новую жизнь и смѣнившая слишкомъ долго затянувшуюся, безотрадную зиму.

Общество отвыкло отъ воздуха и свѣта, засидѣвшись въ замкнутой атмосферѣ тѣснаго, насквозь промерзшаго жилья, съ безсмысленными рисунками на обледенѣвшихъ окнахъ, упорно отстаивавшихъ царившій мракъ и вошедшія въ привычку, въ нравы, апатію и уныніе. И вдругъ, точно какимъ чудомъ, настежь распахнулись обледенѣвшія окна, яркое утро своими розовыми лучами озолотило все окружающее, свѣтъ и солнце забрались въ наиболѣе удаленные и забытые углы, атмосфера переполнилась невыразимымъ счастіемъ и, казалось, самые священные запросы человѣческой души нашли себѣ, наконецъ, отвѣтъ и защиту.

Наступило время ежедневной, тяжелой и въ высокой степени комичной борьбы, доставшейся на долю первыхъ мировыхъ судей; большая часть, такъ-называемыхъ «замѣчательныхъ людей» изъ крестьянъ и благородныхъ купцовъ успѣли познакомиться съ мѣстами заключеній и тюрьмами, а общество наглядными образомъ усвоивало и сроднялось съ такими, повидимому, простыми и общедоступными мыслями, что рукамъ воли давать не слѣдуетъ; что дѣянія, еще вчера считавшіяся милой, забавной шуткой, могутъ повести шутника въ китовку, равно какъ и врожденная многимъ вспыльчивость нрава, до сихъ поръ считавшаяся принадлежностью едвали не каждаго добраго, душевнаго человѣка;

Digitized by Google

что взявши деньги, слѣдуетъ ихъ уплатить, а въ желаніи получить обратно свои деньги нѣтъ и не можетъ быть ничего неблагороднаго и оскорбительнаго для должника, и т. д. и т. д.

Мигомъ преобразился кавказскій ветеранъ, до настоящаго дня сохранявшій костюмъ, посадку и пріемы отчаяннаго джигита и наводившій панику на всю окрестность; выступили на свѣтъ Божій недоступные до того времени кабаки, безнаказанно развращавшіе и разорявшіе народъ, и наступили тяжелые дни для ихъ содержателей и сидѣльцевъ; вереницей потянулись къ судьямъ изувѣченныя бабы съ жалобами на претерпѣнные побои и звѣрства. И такимъ образомъ, тогда точно изъ земли выросъ въ захолустьѣ никому доселѣ невѣдомый «бабій вопросъ».

Бывало, въ страшную стужу и осеннюю непогоду, верстъ за 40, приплетется избитая баба, изнемогая отъ усталости и тяжести намокшаго кафтана. Молчаливая, съ страшнымъ окровавленнымъ лицомъ, опускается она на первый, попавшійся ей, стулъ и, выражая свое горе не словами, а горькими, неудержимыми слезами, упорно ожидаетъ помощи и защиты.

Много такихъ несчастныхъ было отправлено, помимо всякихъ формальностей, къ старшему врачу земской больницы, большому оригиналу и брюзгѣ, въ то же время всегда готовому на защиту слабаго и угнетеннаго. Докторъ, теперь уже покойникъ, не только принималъ и лечилъ искалѣченныхъ бабъ, но, при всей своей врожденной лѣности, находилъ время писать длинныя посланія, полныя участія и состраданія, какъ-будто и его, человѣка, повидимому, не имѣвшаго ничего общаго съ судомъ, тянуло примкнуть къ новому вѣянію. Радостная, во сто разъ преувеличенная, вѣсть о томъ, что наступилъ конецъ безчеловѣчному обращенію съ бабами, живо распространилась по всему захолустью.

— Такъ и поучить не дозволяется?—спрашиваетъ мужикъ.

Слѣдуетъ утвердительный отвѣтъ судьи.

— Значитъ, такой законъ вышелъ, что и своимъ добромъ не дерзни распорядиться.

— Да, вышелъ такой законъ.

Затѣмъ слѣдовали рыданія жены, глубокіе вздохи мужа, продолжительные переговоры, а въ концѣ-концовъ примиренные супруги удалялись, оставляя пріятное заблужденіе, что послѣ всего случившагося наступятъ болѣе разумныя семейныя отношенія, болѣе свѣтлые дни.

Камеры буквально осаждались сосѣдними крестьянами, увѣровавшими въ возможность обрѣсти, наконецъ, судъ скорый, пра-

Digitized by Google

вый и независимый отъ сельскихъ властей; нельзя вспомнить безъ нѣкотораго волненія растерянный видъ просителей, являвшихся съ тѣмъ самымъ робкимъ видомъ, съ которымъ еще надняхъ мерли они, стоя безъ шапокъ по нѣсколько часовъ сряду у подъѣзда присутственнаго мѣста; туда только нелегкая заносила ихъ по дѣламъ, и тамъ всѣ таинственные переговоры съ жрецами Ѳемиды велись чрезъ посредство какого-нибудь быстроногаго писаря съ перомъ за ухомъ; бывало, онъ однимъ прыжкомъ влетитъ на парадную лѣстницу гражданской или уголовной палаты, чтобы пошептаться съ дѣльцомъ-столоначальникомъ и потомъ снова очутится въ крестьянской толпѣ, между тѣмъ какъ предсѣдатель и члены суда возсѣдаютъ на своихъ объемистыхъ креслахъ, важные, недоступные и зорко хранимые саженнымъ вахмистромъ, съ такими грозными усами и баками, о какихъ въ наше время даже трудно составить себѣ приблизительное понятіе. И вотъ, тотъ же самый мужикъ, еще вчера меркнувшій у подъѣзда, попадаетъ въ камеру мирового, его встрѣчаетъ необычайная, даже нѣсколько утрированная въ первое время, предупредительность; къ нему относятся съ участіемъ добраго сосѣда, ему пишутъ прошеніе, съ нимъ толкуютъ цѣлый часъ, его надѣляютъ совѣтами, а онъ переминается съ ноги на ногу, вздыхаетъ, ощупываетъ взятыя на всякій случай и тщательно завязанныя въ платокъ деньги, боится сунуть и не сунуть взятку, и только очутившись на вольномъ просторѣ полей, даетъ полную волю рукамъ и языку, разсуждая вслухъ о новыхъ, непривычныхъ порядкахъ, о новомъ времени, о новыхъ людяхъ.

Большое наслажденіе переживать такое освѣжающее и ободряющее время, но это наслажденіе хватаетъ уже черезъ край, когда на долю человѣка выпала завидная участь быть въ числѣ первыхъ дѣятелей такого періода народной жизни. Какое-то праздничное, отчасти блаженное настроеніе невольнымъ образомъ захватываетъ самыя будничныя и апатичныя натуры, и только этимъ, почти общимъ настроеніемъ можно и должно объяснять необычайную энергію первыхъ мировыхъ судей въ глуши. Тутъ меньше всего виноваты люди и болѣе всего обаятельная прелесть положенія, даже противъ воли выбивающая изъ увязой колеи и на извѣстное время совершенно обновляющая человѣка.

Вотъ почему одушевленіе первыхъ мировыхъ судей представляло нѣчто выходящее изъ круга понятій и привычекъ нашего общества, и даже самыя ошибки и зачастую комичные промахи ихъ, на которые съ такой любовью указывали всѣ ненавистники мировыхъ учрежденій, были вызваны или крайней не-

Digitized by Google

опытностью, или же избытком самого искренняго усердія къ дѣлу.

Все вамъ будто ожило, спѣшило расправить окоченѣвшіе члены и отдаться чувству любви къ правдѣ, къ родинѣ, къ человѣку, и тотъ, кому приводилось день за днемъ наблюдать приближеніе весны гдѣ-нибудь въ глуши, гдѣ никто не мѣшаетъ наблюдать и подмѣчать каждый малѣйшій признакъ желанной гостьи, легкія облака съ ихъ мягкими очертаніями на туманномъ небѣ, первые побѣги зелени, теплый дождь, въ одинъ мигъ измѣняющій будни въ свѣтлый праздникъ, а грязный берегъ проснувшейся рѣки — въ пестрый цвѣтникъ, всюду пробивающіяся, всюду гремящія вешнія воды, кто только имѣлъ случай наблюдать все это, тотъ нисколько не задумается сравнить первые весенніе дни съ чудными днями введенія доступнаго, мягкаго суда, изъ всѣхъ силъ, по крайней мѣрѣ, въ первое время, стремившагося быть скорымъ, можно сказать, изумительно скорымъ и по возможности правымъ.

Не устоять ни одному, даже нѣсколько подержанному и разстроенному, организму противъ невольнаго одушевленія, внушаемаго первыми признаками весны, такъ же точно, какъ ни одинъ живой человѣкъ не могъ не подчиниться захватывающему чисто весеннему обаянію первыхъ дней введенія уставовъ.

Подчиняясь этому весеннему настроенію, начальникъ края сказалъ: «полиція и администрація должны идти рука объ руку съ мировыми судьями», и всѣ исправники и становые стараго закала, опытные дантисты,—давно уже отвыкшіе говорить общечеловѣческимъ языкомъ, безъ прибавленія крѣпкихъ словъ, налету подхватили знаменательныя слова начальника, живо очутились въ своихъ тарантасахъ и телѣгахъ и подняли пыль столбомъ по всему пространству губерніи. Исправникъ обѣщалъ лично присутствовать на всѣхъ разбирательствахъ по полицейскимъ актамъ, т.-е. стремился совершить нѣчто невозможное, такъ-сказать, сверхъ-естественное, такъ какъ ему предстояло въ одно и то же время являться въ разныхъ концахъ уѣзда, между тѣмъ, какъ ближайшій становой, сейчасъ же прицѣпившій кавалерійскіе шпоры, выказалъ такую прыть, что въ концѣ истомилъ сбившихся съ ногъ полицейскихъ сотскихъ и сельскихъ караульщиковъ. Чтобы еще болѣе поразить своей дѣятельностью, онъ въ одно прекрасное утро собралъ всѣхъ бывшихъ на сосѣдней ярмаркѣ хромыхъ, слѣпыхъ и даже выжившихъ изъ ума нищихъ и прислалъ ихъ судьѣ, безъ всякаго акта, но подъ сильнымъ конвоемъ писаря и десятскихъ.

Digitized by Google

Цѣлая толпа калѣкъ и блаженныхъ группами усѣлись на судейскомъ дворѣ, смиренно ожидая рѣшенія своей участи, между тѣмъ, какъ виновникъ переполоха стрѣлой пролетѣлъ съ ярмарки, но дорогѣ завернулъ въ мѣста заключенія, для вящшаго порядка сдѣлалъ внушенія посаженнымъ тамъ татарамъ-конокрадамъ и, наконецъ, заключилъ день горячимъ и въ сущности невѣроятнымъ слѣдствіемъ, по случаю подкинутаго ребенка, слѣдствіемъ, надѣлавшимъ тьму хлопотъ и треволненій всѣмъ бабамъ того селенія, гдѣ производилось дознаніе. Затѣмъ, послѣ нѣкотораго охлажденія первыхъ полицейскихъ порывовъ, въ качествѣ довѣреннаго отъ полиціи, сталъ постоянно являться высокій, ловкій, до крайности смѣтливый сотникъ Китаевъ, служившій по найму и, казалось, болѣе изъ любви къ искусству, нежели изъ какихъ-либо выгодъ; повидимому, онъ былъ страстно преданъ своему дѣлу, т.-е. разыскиванію краденыхъ лошадей, конокрадовъ и неутомимому, доставлявшему очевидное наслажденіе, преслѣдованію мелкихъ воришекъ, хищныхъ сидѣльцевъ питейныхъ заведеній и разнохарактерныхъ бродягъ и нищихъ. Онъ приходилъ въ восторженное состояніе, даже въ лицѣ мѣнялся, повѣствуя о тѣхъ военныхъ хитростяхъ, благодаря коимъ ему удавалось захватить въ расплохъ свои жертвы, и только-что не молился на уставы 64 года, прославляя быстроту и безкорыстіе новаго суда. Все это вмѣстѣ взятое, какъ нельзя болѣе располагало къ Китаеву и даже нерѣдко наводило на мысль о необычайныхъ способностяхъ нашего мужика, которыми только не умѣютъ воспользоваться какъ слѣдуетъ.

До самозабвенія, энергичнымъ оказался и надзиратель удѣльнаго вѣдомства, въ высшей степени тщедушный, болѣзненный и болѣе похожій на человѣческую тѣнь, на движущееся memento mori, нежели на человѣка. Ни проливные осенніе дожди, ни страшныя зимнія мятели, ни весеннія зажоры, ни палящій лѣтній зной, однимъ словомъ, ничто не могло задержать этого самоотверженнаго чиновника, видимымъ образомъ, наравнѣ съ другими захваченнаго новымъ вѣяніемъ и во что бы то ни стало являвшагося на разбирательство въ какой-то крошечной плетеной корзинѣ, кое-какъ державшейся на двухъ палочкахъ. Ревностный надзиратель исполнялъ свой долгъ, рискуя не только погибнуть, но разсыпаться при первомъ толчкѣ воздушной корзины, а во время разбирательствъ приходилъ въ неистовство, сталкиваясь съ лукавствомъ и упорнымъ запирательствомъ крестьянъ-порубщиковъ, въ то же время обнаруживая рѣдкую мягкость и снисходительность при проявленіи сознанія и прямоты въ обвиняемомъ.

Замѣчательно подходилъ къ весеннему періоду новый составъ

Digitized by Google

прокуратуры, впервые появившейся въ захолустьѣ. Прокуроръ и его товарищи представляли рѣдко разлучавшуюся семью, а прокурорскій домъ принадлежалъ къ немногимъ переходящимъ уже въ преданіе домамъ съ постоянно открытыми дверьми, искреннимъ радушіемъ и несокрушимымъ желаніемъ соединить общество, пріютить и угостить всѣхъ и каждаго. Прокуратура, видимымъ образомъ, тоже переживала первую весну, не успѣвъ еще какъ слѣдуетъ войти въ свою роль. Самъ прокуроръ весьма начитанный, сердечный, скоро воспламенявшійся, но въ то же время мягкій и добродушный, носилъ на себѣ несомнѣнные признаки студента конца сороковыхъ годовъ и отличался всѣми недостатками и достоинствами этого, уже исчезающаго типа. Однимъ изъ его товарищей былъ юной малороссъ, всегда сосредоточенный, до крайности ровный, замѣчательно умный и внушавшій къ себѣ безпредѣльное довѣріе; другой товарищъ прокурора — молодой человѣкъ, только-что пріѣхавшій изъ Петербурга, былъ выдающимся и наиболѣе энергичнымъ лицомъ интимнаго кружка и, можетъ быть, потому въ самомъ непродолжительномъ времени заслужилъ никогда уже не покидавшее его названіе либерала.

Въ теченіи своей службы мы имѣли случай наблюдать достаточное количество разнообразнѣйшихъ обвинителей, мѣнявшихся въ захолустьѣ съ такой быстротой, что одно время прокурорская камера напоминала станцію, назначенную для временнаго отдохновенія и перемѣны лошадей. Такимъ образомъ, прокуроръ, назначенный обвинять въ Самарѣ, не успѣвши еще хорошенько разобраться съ своими вещами, уже стремился обвинять въ Харьковѣ или Казани, а достигнувъ желаемаго, въ тайнѣ мечталъ о томъ, чтобы какъ можно скорѣе произнести свои замѣчательныя рѣчи въ Москвѣ или Петербургѣ, гдѣ только и могутъ быть оцѣнены по достоинству его выходящія изъ ряда вонъ способности. Итакъ, мы имѣли возможность наблюдать десятки обвинителей, то равнодушныхъ, ограничившихъ свое участіе въ дѣлахъ съѣзда — стереотипной фразой «полагалъ бы приговоръ утвердить, или отмѣнить», то страстныхъ обвинителей по самой природѣ своей, обожателей «прелестнаго острога», куда съ непонятнымъ, но очевиднымъ наслажденіемъ они готовы запрятать друга и недруга, праваго и виноватаго, то ловкихъ и практичныхъ, а потому съ замѣчательной легкостью перелетѣвшихъ изъ суроваго стана обвинителей въ очаровательныя палестины защитниковъ; но, не взирая на такое разнообразіе встрѣчаемыхъ нами типовъ, либераловъ до сихъ поръ остается въ глазахъ нашихъ единствен-

Digitized by Google

нимъ въ своемъ родѣ и именно такимъ, какимъ слѣдовало быть въ данную минуту.

Можетъ быть, наше мнѣніе ошибочно, но чѣмъ болѣе наблюдаемъ мы провинціальную жизнь, тѣмъ болѣе убѣждаемся въ громадномъ значеніи немногихъ словъ, сказанныхъ однимъ изъ героевъ Тургеневскаго «Дыма» другому герою того же романа:

«Позвольте дать вамъ напутственный совѣтъ,—сказалъ Потугинъ на прощанье Литвинову: — всякій разъ, когда вамъ придется приниматься за дѣло, спросите себя: служите ли вы цивилизаціи въ точномъ и строгомъ смыслѣ этого слова, проводите ли одну изъ ея идей, имѣетъ ли вашъ трудъ тотъ педагогическій, европейскій характеръ, который единственно полезенъ и плодотворенъ въ наше время, у насъ? Если такъ, идите смѣло впередъ: вы на хорошемъ пути и дѣло ваше благое!»

Эти слова могъ сказать только человѣкъ, глубоко изучившій наше захолустье, въ нихъ, по нашему крайнему разумѣнію, заключается вся суть, весь смыслъ провинціальной общественной дѣятельности, и какъ бы ни глумились въ настоящее осеннее время надъ бывшими заключеніями либерала, по замѣчанію практическихъ людей, болѣе похожихъ на лекціи и обличительныя статьи, сколько бы ни называли истины, проповѣдываемыя имъ, азбучными, какъ бы ни были угловаты нѣкоторыя его выходки, —но при всемъ этомъ, волей и неволей, слѣдуетъ признать, что либералъ, со всѣми его невинными увлеченіями, азбучными истинами и лекціями, былъ однимъ изъ немногихъ дѣятелей, служившихъ цивилизаціи, а потому и наиболѣе полезныхъ на своемъ мѣстѣ.

Для либерала не существовало ничтожныхъ дѣлъ, онъ, видимымъ образомъ, готовился, тщательно обдумывая свои заключенія, всегда носившія на себѣ характеръ умной и увлекательной бесѣды о житейскихъ предметахъ, какъ бы ни были они мелочны, и справедливость требуетъ сказать, что никто не умѣлъ до такой степени овладѣть вниманіемъ публики, никто впослѣдствіи времени не привлекалъ въ засѣданія съѣзда такую массу слушателей, какъ все тотъ же, многими забытый, многими порицаемый либералъ.

Всякій либерализмъ, по многимъ причинамъ, далеко не вяжется съ постояннымъ пребываніемъ въ захолустьѣ, и мы не въ состояніи вообразить себѣ такого либерала, даже краснаго, который бы не преобразился въ умѣреннаго послѣ нѣсколькихъ лѣтъ трудовой жизни въ глуши; но въ то же время безпрестанное наблюденіе провинціальной жизни послѣ частыхъ и неизбѣжныхъ колебаній окончательно, безповоротно убѣдило насъ въ томъ,

Digitized by Google

что человѣку, рѣшившемуся поселиться въ глуши и выступить въ качествѣ мѣстнаго дѣятеля, прежде всего, нужно запастись и какъ можно болѣе запастись такъ-называемымъ у насъ либерализмомъ, этимъ невиннѣйшимъ и вполнѣ безопаснымъ качествомъ, при отсутствіи коего человѣкъ неминуемымъ образомъ рискуетъ попасться и погрязнуть въ окружающей, ежеминутно готовой поглотить его трясинѣ.

Отъявленнымъ либераломъ, въ провинціальномъ значеніи этого слова, прослылъ и предсѣдатель съѣзда прежде всего за уединенный, отчасти замкнутый образъ жизни, за ясность и твердость убѣжденій и полное отсутствіе всякихъ замашекъ широкой, барской натуры, и, наконецъ, за то, что пріютилъ, далъ мѣсто секретаря съѣзда и постоянно отстаивалъ даровитѣйшаго человѣка, едва ли еще не въ дѣтствѣ попавшаго въ число неблагонамѣренныхъ, но, вслѣдствіе продолжительнаго пребыванія въ глуши, сдѣлавшагося, если такъ можно выразиться, благонамѣреннѣе самой благонамѣренности.

Особеннымъ человѣкомъ представлялся и адвокатъ, то-и-дѣло появлявшійся на съѣздѣ, человѣкъ не молодой, когда-то пострадавшій за убѣжденія, прошедшій, что называется, огонь, воду и всякія трубы и, не взирая на все это, снова, какъ ни въ чемъ не бывало, выступившій на жизненную борьбу въ старомодномъ, потертомъ фракѣ, вмѣсто доспѣховъ—съ слегка просмотрѣнными уставами подъ мышкой, поэтически взъерошенными волосами на головѣ и юношески блестящими глазами.

Что же сказать о мировыхъ судьяхъ? За ничтожнымъ исключеніемъ, всѣ они, какъ нельзя болѣе походили одинъ на другого, и если бы во всей подробности очертить дѣятельность одного изъ нихъ, то въ этомъ очеркѣ, какъ въ зеркалѣ, отразилась бы дѣятельность всѣхъ остальныхъ. Какъ частные люди, они могли отличаться другъ отъ друга своими индивидуальными особенностями, но какъ судьи, сами того не замѣчая, представляли нѣчто цѣлое, нераздѣльное и близкое какъ по своей слабости въ качествѣ юристовъ, такъ и по своему единственному, но общему достоинству, заключающемуся въ безкорыстномъ и честномъ отношеніи къ дѣлу.

Можно съ увѣренностью сказать, что самыя серьёзныя тяжбы не разбирались въ прежнее время съ такимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ, какъ грошевые иски и часто ничтожныя жалобы, поступившія къ мировымъ судьямъ и на съѣзды. Никто не щадилъ ни здоровья, ни времени, ни труда, и каждый изъ судей, интересуясь дѣлами съѣзда, далеко болѣе нежели собственными,

Digitized by Google

безпрекословно скакалъ изъ одного конца уѣзда въ другой, чтобы только собрать понадобившіяся справки и дополненія.

Большинство дѣлъ съ свидѣтелями разбиралось на мѣстѣ, чтобы не отрывать крестьянъ отъ ихъ занятій, а любимымъ, если не единственнымъ, разговоромъ между судьями были вѣчные толки о текущихъ дѣлахъ и о новыхъ, вызванныхъ практикой, вопросахъ; отмѣна рѣшенія или приговора составляла большое несчастіе; большая часть дѣлъ, поступавшихъ прежде на волостной судъ, перешла въ вѣдѣніе мировыхъ судей, въ весенній періодъ не только не отказывавшихъ въ принятіи, но даже заботившихся объ ихъ увеличеніи.

Въ непродолжительномъ времени явилось даже какое-то, не имѣвшее законнаго основанія, но все болѣе и болѣе входившее въ обычай—подчиненіе волостныхъ судовъ мировымъ судьямъ, даже контроля послѣднихъ надъ первыми, такъ что нѣкоторые изъ судей, при передачѣ дѣлъ на волостной судъ, требовали копій съ постановленныхъ по тѣмъ дѣламъ рѣшеній; находились почетные мировые судьи, долгое время безвозмездно исправлявшіе обязанности участковыхъ и нисколько не уступавшіе имъ въ ревностномъ желаніи какъ можно лучше исполнять свою обязанность.

Этого мало: какъ-то само собою устроилось, что нѣкоторые изъ числа участковыхъ и почетныхъ судей добровольно приняли на себя обязанности членовъ училищнаго совѣта и ревностно занимались распространеніемъ школъ и наблюденіемъ за ихъ успѣхами, что представлялось какъ нельзя болѣе удобнымъ для людей и безъ того въ первое время то-и-дѣло разъѣзжавшихъ по окрестнымъ селамъ и деревнямъ. И можно съ увѣренностью сказать, что распространеніе и улучшеніе школьнаго дѣла въ нашемъ захолустьѣ тѣсно и неразрывно связано съ весеннимъ періодомъ мировыхъ учрежденій.

Захолустье видимо обновлялось, получивъ въ образѣ судейскихъ камеръ и съѣздовъ первыя, въ высшей степени, цивилизующія и облагораживающія общество учрежденія.

Никакихъ ревизій надъ дѣйствіями мировыхъ судей не существовало, да и къ чему были ревизіи, такъ какъ въ весенній періодъ они были бы только излишней и ничѣмъ невызванной формальностью. Зачѣмъ ревизія, когда каждый изъ членовъ съѣзда не спускалъ глазъ съ своего товарища, когда каждый наблюдалъ за всѣми и всѣ надъ каждымъ, а за всѣмъ составомъ съѣзда зорко слѣдила изнывавшая въ бездѣйствіи масса такъ-называе-

Digitized by Google

мыхъ охранителей, ловившая на лету не только каждый фактъ, но каждый слухъ, могущій повредить мировому институту.

Тутъ, въ самый разгаръ весенняго періода, совершилась и надѣлала не мало шуму громкая исторія одного изъ участковыхъ судей, представлявшаго еще рѣдкій въ глуши типъ новаго человѣка, на первый взглядъ одареннаго самыми привлекательными, даже рыцарскими качествами, въ то же время близко граничившими съ способностью не только на всякаго рода обманъ, но и на крупное преступленіе.

И въ старину водились люди съ такими наклонностями, но они были далеко одностороннѣе, проще, и можно съ увѣренностью сказать, что имъ и во снѣ не снились ни тѣ возвышенныя стремленія и несомнѣнно благородные порывы, ни тѣ претензіи на правоту, на роль непонятой жертвы, которыми преимущественно отличаются бубновые валеты и дамы нашего времени.

«Вѣрите ли, когда начинаю разбирательство, точно въ церкви стою...» разсказывалъ судья каждому встрѣчному, что, впрочемъ, нисколько не мѣшало ему соединить свои разъѣзды по дѣламъ службы съ такъ-называемыми «отъѣзжими полями», то-есть съ травлей лисъ и русаковъ по участку.

Вслѣдствіе распространившихся слуховъ, весьма не благопріятныхъ не только для судьи, но и для всего съѣзда, назначена была ревизія, вслѣдъ за коей судья взялъ непродолжительный отпускъ въ Петербургъ, а потомъ уже безъ всякаго отпуска очутился за-границей. Затѣмъ по всему захолустью съ быстротою молніи и потрясающимъ эффектомъ пролетѣла вѣсть о страшномъ событіи, совершившемся въ одномъ изъ наиболѣе людныхъ притоновъ рулетки, а потомъ всѣ узнали, что бывшій судья какимъ-то образомъ очутился въ Южной Америкѣ.

Такъ разыгрался первый дебютъ новаго, еще не виданнаго въ нашемъ захолустьѣ, героя.

Въ то время никому и въ голову не приходило, что примѣръ участковаго судьи найдетъ себѣ подражаніе въ судьѣ почетномъ, а Америка, о которой до сихъ поръ имѣли мы самое смутное представленіе, почерпнутое изъ болѣе или менѣе плохихъ учебниковъ и переводныхъ романовъ Купера, Америка, эта обѣтованная страна жаждущаго земли европейскаго пролетарія, до такой степени приблизится къ намъ, что станетъ предметомъ постоянныхъ обыденныхъ разговоровъ провинціальнаго общества и надежнымъ пріютомъ для нашихъ бывшихъ дѣятелей, друзей и товарищей.

Затѣмъ мы могли бы разсказать нѣчто весьма интересное о

Digitized by Google

ликвидаціяхъ, о мгновенномъ превращеніи богатаго землевладѣльца и ретивѣйшаго почетнаго судьи въ провіантскаго чиновника, стремящагося въ дунайскую армію, но мы боимся излишняго расширенія настоящаго очерка, тѣмъ болѣе, что какъ ликвидаціи, такъ и эмиграція въ сущности нисколько не повліяли на одушевленіе судей, успѣвшее окрѣпнуть и войти въ привычку.

Единственной слабой стороной съѣзда оставалась нѣсколько распущенная и въ началѣ слишкомъ выгодная дѣятельность судебныхъ приставовъ, на что постоянно и справедливо указывало общество, въ то же время не желавшее понять, что тщательное наблюденіе за дѣйствіями приставовъ было даже физически невозможно для предсѣдателя и непремѣннаго члена, въ то же время занимавшихъ должности городскихъ участковыхъ судей, а слѣдовательно, буквально заваленныхъ работой, между тѣмъ какъ учрежденіе отдѣльной должности непремѣннаго члена или предсѣдателя, какъ связанное съ новыми расходами, всегда встрѣчалось неминуемымъ отказомъ въ земскихъ собраніяхъ.

Итакъ, не взирая на мелкія, нерѣдко появлявшіяся на горизонтѣ и быстро исчезавшія облака, ничто не нарушало теченія благотворнаго, весенняго періода, и хотя въ слабыхъ, едва замѣтныхъ чертахъ, но уже можно было отличать несомнѣнные дорогіе, никогда еще не бывалые на Руси, признаки довѣрія къ суду, къ его безкорыстію, скорости и справедливости; въ голову, нѣсколько отуманенную такимъ оборотомъ дѣла, невольнымъ образомъ забиралась мысль о близости того желаннаго момента, когда судьи явятся людьми, пользующимися общей симпатіей, общимъ расположеніемъ, людьми, которымъ останется только разъяснить возникшія недоразумѣнія и водворять миръ и спокойствіе, между тѣмъ какъ двери ихъ камеръ будутъ всегда открыты для массы темнаго люда, жаждущаго совѣта, наставленія, а иногда и защиты отъ своего же начальства; не даромъ крестьяне говорили нѣкоторымъ изъ судей, желавшимъ покинуть мѣста свои: «безъ васъ ужъ очень просто волостнымъ будетъ», другими словами: въ васъ мы теряемъ ближайшаго наблюдателя за дѣйствіями нашего начальства.

Являлась несомнѣнная увѣренность въ томъ, что мы не остановимся на одномъ мѣстѣ, а промахи и упущенія, неразлучные съ новымъ дѣломъ, будутъ приняты во вниманіе, будутъ устранены, и все пойдетъ впередъ по дорогѣ къ лучшему, болѣе практичному, полезному и примѣнимому къ захолустью.

Повидимому, такъ должно было быть, но не такъ вышло въ дѣйствительности. Въ дѣйствительности повторилось то, что не

Digitized by Google

рѣдко случается въ теченіи нашей русской, измѣнчивой весны, когда вдругъ ни съ того, ни съ сего, послѣ теплыхъ чудныхъ дней, неожиданно, безжалостно, и казалось бы совсѣмъ не во время, нагрянетъ суровая, безцвѣтная осень.

Картина быстро измѣняется: весенніе цвѣты поблекли, стала скованная морозомъ рѣка, соловей замолкъ, солнце свѣтитъ, но не грѣетъ; внезапно завывшій вѣтеръ сердито гонитъ длинныя, темно-сѣрыя облака и безпощадно гнетъ къ землѣ едва распустившіяся деревья. Медленно, но безпрерывно, ползущая сырость смѣнила скоро-проходящій весенній дождь; на дорогѣ, всячески искрещенной глубокими, переполненными водой, рытвинами, валяется опрокинувшійся возъ, ни тепла, ни свѣта, ничего ободряющаго, никакой пищи для самаго живого воображенія. Все говоритъ объ одномъ и томъ же, о быстромъ, неизбѣжномъ приближеніи безотрадной зимы, уже бѣлѣвшей на вершинахъ дальныхъ горъ.

Въ этомъ сравненіи момента, переживаемаго въ настоящее время мировыми учрежденіями, съ глухой, мертвой осенью, такъ же мало фантазіи и натяжки, какъ въ сближеніи весны съ первыми годами тѣхъ же учрежденій, не взирая на то, что при поверхностномъ взглядѣ все какъ-будто идетъ по старому и обстоитъ благополучно. Большая часть старыхъ судей продолжаетъ сидѣть на своихъ мѣстахъ, хотя на постарѣвшихъ лицахъ ихъ и замѣчаются признаки апатіи и равнодушія; какъ сельскіе, такъ и городскіе судьи, крайне добросовѣстно относясь къ своей обязанности, могутъ соперничать другъ съ другомъ въ знаніи кассаціонныхъ рѣшеній, хотя вмѣстѣ съ изученіемъ этихъ рѣшеній дѣятельность ихъ замѣтнымъ образомъ съуживалась и съ каждымъ годомъ становилась все болѣе и болѣе формальной. Съ самаго начала своей дѣятельности судьи не созидали еще ничего столь грандіознаго, какъ послѣдній, только-что появившійся наказъ, хотя въ самомъ непродолжительномъ времени сами же судьи испугались своего творенія; количество дѣлъ, разбираемыхъ мировыми судьями, не только не уменьшилось, но значительно увеличилось, хотя это увеличеніе болѣе всего замѣтно относительно полицейскихъ актовъ, съ нѣкоторыхъ поръ точно осенніе листья посыпавшихся въ судейскія камеры. Удѣльное начальство самымъ энергичнымъ образомъ преслѣдуетъ провинившихся крестьянъ и въ своихъ актахъ постоянно настаиваетъ на взысканіи тройного штрафа даже за скошенную въ лѣсахъ траву, хотя новый надзиратель, какъ-бы въ противоположность своему предмѣстнику, никогда не является на разбирательства; очередныя за-

Digitized by Google

сѣданія повторяются съ неизмѣнною аккуратностью, при участіи узаконеннаго числа судей, хотя новый предсѣдатель, человѣкъ выдающійся по своей энергіи и усидчивости, съ болью въ душѣ, помышляетъ о приближеніи печальной необходимости доносить о несостоявшихся съѣздахъ; при съѣздѣ состоитъ все тотъ же либералъ, возвратившійся, наконецъ, изъ захолустья, но продолжительная борьба съ самодурствомъ всемогущаго премьера, тысячи ухабовъ, милліоны толчковъ, прелести перекладной и весеннихъ заморозовъ, неподвижное, годы тянувшееся сидѣніе у окна одного изъ выпачканныхъ сѣрой краской домиковъ уѣзднаго города, внимательное, ежедневное наблюденіе видоизмѣненій огромной лужи, никогда не просыхавшей подъ окномъ, всемогущаго предводительскаго письмоводителя, проѣзжавшаго въ извѣстные часы, на бѣговыхъ дрожкахъ, съ неподвижно-вытянутыми впередъ руками и побѣдоноснымъ видомъ, соборнаго протоіерея, неизмѣннымъ образомъ пробиравшагося послѣ вечерни на стуколку; трехъ пестрыхъ коровъ, вопреки всѣмъ полицейскимъ мѣрамъ, свободно прогуливавшихся по улицѣ,—все это вмѣстѣ взятое сдѣлало свое дѣло, то-есть преждевременно состарило и въ значительной степени преобразило еще недавно полнаго жизни и энергіи либерала.

Итакъ, на первый взглядъ все идетъ по старому, даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можетъ быть лучше, нежели прежде. Такимъ образомъ, конокрадство, этотъ бичъ нашего крестьянина, если и не прекратилось окончательно, то уже встрѣчается какъ явленіе рѣдкое и исключительное; бывшее самодурство и самоуправство вполнѣ замѣнилось стремленіемъ достигать желаемаго путемъ легальнымъ, а самымъ типичнымъ представителемъ такого мирнаго настроенія общества явился бывшій джигитъ нашей мѣстности, оказавшійся геніальнымъ человѣкомъ по части составленія разнообразныхъ условій и взиманія невѣроятныхъ, доселѣ не слыханныхъ въ глуши, процентовъ.

Съ одной стороны, какъ-будто идетъ все къ лучшему, но съ другой—каждый человѣкъ, сколько-нибудь чувствительный къ холоду и ненастью, неизбѣжно сознаетъ не только наступленіе безцвѣтной, суровой осени мировыхъ учрежденій, но и приближеніе мертвящей зимы, чувствуетъ распространеніе тяжелой атмосферы недовольства и противъ воли начинаетъ понимать, что все окружающее значительно охладѣло къ новымъ судебнымъ учрежденіямъ, относясь къ нимъ почти такъ же, какъ нѣкогда относилось къ бывшимъ уѣзднымъ судамъ, уголовнымъ и гражданскимъ палатамъ.

Digitized by Google

Желая по мѣрѣ силъ уяснить ближайшія причины такого переворота и неожиданнаго перехода отъ «весенняго» настроенія къ «осеннему», мы исключительно займемся сельскими мировыми судьями, положеніе коихъ, по нашему наблюденію, представляетъ весьма мало общаго съ положеніемъ ихъ городскихъ товарищей.

Начиная съ того, что городской судья окруженъ самымъ разнохарактернымъ обществомъ, самыми разнообразными интересами, между тѣмъ какъ сельскій, безъ всякаго преувеличенія, такъ-сказать утопаетъ въ морѣ мужиковъ и бабъ, находится съ ними въ ежедневныхъ столкновеніяхъ, никого, кромѣ ихъ, не видитъ и, въ концѣ-концовъ, засидѣвшись въ деревнѣ, вполнѣ проникается исключительно сельскими интересами; городской судья по самому роду своихъ занятій приходитъ въ невольное и безпрерывное соприкосновеніе съ массой разнообразнѣйшихъ дѣлъ, со всѣми существующими уставами и, такимъ образомъ, даже помимо воли и природныхъ способностей, путемъ одной практики, съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе легко достающихся свѣдѣній, между тѣмъ, какъ сельскій судья, занимаясь разбирательствомъ несложныхъ, однородныхъ случаевъ, теряетъ много времени, но рѣдко подвигается впередъ въ качествѣ юриста и законовѣда; занятія городского судьи ограничиваются извѣстными часами и въ то же время онъ пользуется всѣми удобствами и развлеченіями городской жизни, тогда какъ сельскій ежеминутно можетъ быть потревоженъ новымъ просителемъ, съ которымъ приходится толковать слишкомъ долго, чтобы только уяснить суть его словесной жалобы и, къ тому же, сельскій судья при добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу не минуетъ разъѣздовъ по участку, представляющихъ едва ли не самую тяжелую сторону судейской дѣятельности. Затѣмъ городской судья постоянно находится подъ контролемъ общества и всякихъ болѣе или менѣе вліятельныхъ и компетентныхъ лицъ, между тѣмъ какъ сельскій судья контролируется только своей совѣстью, и нѣтъ, да и быть не можетъ предѣла фантазіи, при одной мысли о томъ, что въ состояніи натворить забравшійся подальше въ глушь судья, пока его похожденія и дѣянія всплывутъ, наконецъ, на свѣжую воду.

Но и это еще не все, и для людей правдивыхъ и хорошо знакомыхъ съ положеніемъ вещей въ современной глуши не можетъ представляться ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что если замѣщеніе должности городского судьи не представляетъ и — можно съ увѣренностью сказать — никогда не представитъ особыхъ затруд-

Digitized by Google

ненiй, то въ то же время, при существующемъ, слишкомъ высокомъ цензѣ, при общемъ, почти поголовномъ стремленiи нашихъ землевладѣльцевъ подъ разными предлогами покидать свои Шишовки, Хохловки и Погибѣлки, — прiисканiе сельскаго судьи, маломальски удовлетворяющаго потребностямъ времени, способнаго устоять противъ обступившихъ кругомъ искушенiй, не опуститься до уровня мѣстныхъ понятiй и порядковъ, представляется и съ каждымъ годомъ будетъ представляться дѣломъ далеко не легкимъ, а въ непродолжительномъ времени можетъ быть и невозможнымъ.

Итакъ, мы займемся исключительно близко знакомымъ намъ положенiемъ сельскаго судьи, тѣмъ болѣе, что замѣтное охлажденiе и та атмосфера общаго недовольства, о которой мы говорили выше, все болѣе и болѣе сгущается именно вокругъ судьи сельскаго, естественнымъ образомъ вызывая въ немъ недовольство собой и своимъ, еще недавно дорогимъ, дѣломъ.

Къ сельскому судьѣ преимущественно обращаются истцы безъ письменныхъ доказательствъ ихъ исковъ, мужики и бабы, наниматели и рабочiе и, наконецъ, полицiя, безчисленные акты коей, какъ мы уже сказали выше, въ послѣднее время посыпались на судейскiя головы подобно пожелтѣвшимъ листьямъ, обрываемымъ осенней непогодой. — Между тѣмъ, всѣ эти обращенiя, въ большинствѣ случаевъ, кончаются тѣмъ, что истцамъ отказывается по бездоказательности иска, крестьяне получаютъ обратно свои прошенiя за неподсудностью, рабочiе и наниматели не находятъ желаемаго удовлетворенiя, а часть полицейскихъ актовъ оставляется безъ всякихъ послѣдствiй.

Что же можно ожидать при такомъ порядкѣ вещей какъ не недовольства, недовольства, сотни разъ повторяющагося недовольства.

Что касается до дѣлъ перваго разряда, то въ свое весеннее время мировые судьи весьма мало стѣснялись отсутствiемъ письменныхъ доказательствъ въ денежныхъ искахъ, между безграмотными крестьянами и столь же безграмотными мѣщанами и солдатами, а убѣдившись въ существованiи долга удовлетворяли истца, ссылаясь на благодѣтельную 129 ст. устава гражд. судопр., и рѣшенiя такого рода нерѣдко утверждались съѣздомъ, который прежде всего руководился общимъ и въ большинствѣ случаевъ вѣрнымъ впечатлѣнiемъ, оставляемымъ тяжущимися; но въ скоромъ времени цѣлый рядъ кассацiонныхъ рѣшенiй положилъ предѣлъ убѣжденiю судейской совѣсти, поставивъ въ безвыходное положенiе довѣрчивыхъ заимодавцевъ. Кредиторы быстро сообразили всю выгоду своего положенiя, и чтобы не показывать судьямъ своихъ

Digitized by Google

смущенныхъ и растерянныхъ физіономій, перестали являться на разбирательства. Тогда судьи, какъ люди жизни, а не мертваго формализма, приняли за правило удовлетворять истца въ случаѣ неявки отвѣтчика. Сложилась даже извѣстная формула, долгое время фигурировшая въ заочныхъ рѣшеніяхъ: «а за неявкой и невоспрещеніемъ отвѣтчика—признать искъ доказаннымъ». Но въ скоромъ времени судьи должны были принять къ свѣдѣнію новыя разъясненія, гласившія, что даже двукратная неявка отвѣтчика къ разбирательству дѣла не можетъ служить основаніемъ къ удовлетворенію истца, такъ какъ и при неявкѣ отвѣтчика судъ присуждаетъ истцу требованія, послѣднимъ доказанныя (ст. 145, 146 уст. гр. суд.); слѣдовательно, судъ обязанъ и въ этомъ случаѣ войти въ обсужденіе представленныхъ истцомъ доказательствъ.

Затѣмъ судьи впали въ новую ошибку и потребовали отъ кредиторовъ доказательствъ уплаты долга, въ случаѣ сознанія онаго и голословной ссылки на его возвращеніе. Впрочемъ, такой порядокъ вещей держался не долго, и послѣ новыхъ разъясненій, не допускавшихъ никакихъ изворотовъ, судьи остались съ своей совѣстью и убѣжденіемъ, неприложимыми даже при рѣшеніи иска о какихъ-нибудь двухъ съ полтиной, между тѣмъ какъ потерявшій всякій кредитъ волостной судъ продолжалъ пользоваться неотъемлемымъ правомъ рѣшать по своему убѣжденію иски до 100 рублей сер.

Количество сенатскихъ рѣшеній въ сказанномъ направленіи достигло, наконецъ, громадныхъ размѣровъ, а судьи, путаясь въ нихъ, какъ-бы въ безвыходномъ лабиринтѣ, волей или неволей явились карателями поголовно безграмотнаго, но въ то же время нисколько не виноватаго въ этомъ народа.

Мы сказали выше, что сельскій судья, такъ сказать, утопаетъ въ крестьянскомъ морѣ... Это безпредѣльное море, наводнившее все наше отечество, имѣетъ массу своихъ гражданскихъ интересовъ, а единственнымъ, и казалось бы самымъ желаннымъ прибѣжищемъ крестьянъ въ случаѣ возникшихъ между ними тяжбъ, раздѣловъ и междоусобицъ, признается ихъ собственный волостной судъ.

Здѣсь мы позволимъ себѣ сдѣлать отступленіе и замѣтить, что необъятная громадность нашего отечества, при исключительномъ сосредоточеніи печати въ однихъ столицахъ, порождаетъ крайній хаосъ, сбивчивость и постоянную наклонность къ обобщенію всего касающагося захолустья. Намъ говорятъ, что крестьянское хозяйство въ корнѣ подорвано недостаточнымъ количествомъ земельнаго надѣла; насъ увѣряютъ, что стремленіе

Digitized by Google

крестьянъ къ образованію и количество школъ съ каждымъ годомъ увеличиваются, что волостные суды исполняютъ свое дѣло какъ слѣдуетъ, что ссудо-сберегательныя товарищества процвѣтаютъ все болѣе и болѣе и т. д. и т. д. Да мало-ли что говорятъ намъ, въ чемъ хотятъ насъ увѣрить и съ чѣмъ мы волей или неволей обязаны соглашаться, потому что, можетъ быть, въ одномъ концѣ необъятной Россіи крестьяне дѣйствительно страдаютъ отъ малаго надѣла, въ другомъ школы растутъ какъ грибы, гдѣ-нибудь въ псковской губерніи процвѣтаютъ ссудо-сберегательныя товарищества, а въ ярославской волостные суды какъ слѣдуетъ исполняютъ свое дѣло; можетъ быть все это и правда, такъ же какъ справедливо и то, что крестьянское хозяйство нашей мѣстности слишкомъ еще далеко оттого, чтобы быть окончательно подорваннымъ, что никакой надѣлъ никогда не въ состояніи поднять экономическое благосостояніе селенія, неминуемымъ образомъ обреченнаго на ежегодные пожары и на тьму другихъ непреоборимыхъ неудобствъ; что рвеніе крестьянъ къ образованію есть плодъ досужей фантазіи, и въ нашей мѣстности замѣчается только быстрое умноженіе числа инспекторовъ, между тѣмъ какъ количество школъ остается все то же и даже не можетъ увеличиться; что возникшія у насъ ссудо-сберегательныя товарищества, при всей своей очевидной полезности, но при отсутствіи грамотныхъ и надежныхъ людей неминуемымъ образомъ должны падать и ликвидировать, и, наконецъ, что волостной судъ нашей мѣстности не только не улучшился, но съ каждымъ годомъ падаетъ все ниже и ниже, даже перестаетъ быть смѣшнымъ, становясь пріютомъ страшной язвы нашихъ бывшихъ судовъ, пріютомъ все болѣе и болѣе развивающагося взяточничества и лицепріятія. Но самымъ вѣскимъ доказательствомъ непривлекательности волостныхъ судовъ для мѣстнаго населенія можетъ служить все увеличивающееся стремленіе крестьянъ во что бы то ни стало всякими правдами и неправдами пробиваться къ мировому: отъ добра добра не ищутъ. А между тѣмъ именно въ послѣднее время количество дѣлъ, подсудныхъ мировымъ судьямъ, до такой степени увеличилось, и рѣшенія ихъ по дѣламъ, касающимся однихъ крестьянъ, такъ часто отмѣняются, что волей или неволей приходится выпроваживать просителей и просительницъ изъ крестьянъ.

Само собою разумѣется, что это ежедневное, мѣсяцы, годы продолжающееся выпроваживаніе въ значительной степени отравляетъ и безъ того слишкомъ будничную жизнь сельскаго судьи, какъ и вообще всякое выпроваживаніе горькой, безвыходной нужды,—и намъ никогда не забыть дряхлой крестьянской вдовы,

Digitized by Google

почти помѣшанной и одурѣвшей вслѣдствіе притѣсненій и явной несправедливости сельскихъ властей и волостного суда. Но это еще не все, такъ какъ самый актъ выпроваживанія совершается не такъ легко, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда, такъ какъ мужику или бабѣ почти невозможно разъяснить, почему именно для нихъ и только для нихъ заперты двери судейской камеры, открытыя для всѣхъ остальныхъ сословій; да, наконецъ, встрѣчаются случаи, гдѣ въ сущности весьма тяжелое выпроваживаніе становится окончательно невозможнымъ, такъ какъ изъ объясненій просителя для васъ становится ясно, какъ день, что онъ, по своимъ отношеніямъ къ сельскому начальству и составу волостного суда, ни въ какомъ случаѣ не найдетъ защиты и безпристрастія. Прошеніе принято, что́ даетъ только поводъ другимъ крестьянамъ постоянно ссылаться на такой фактъ и уличать васъ въ непослѣдовательности.

«Чѣмъ же я хуже людей? Положите гнѣвъ на милость! какъ Богъ, такъ и вы!»—умоляетъ мужикъ, на цѣлое утро устроившись въ вашей прихожей.

Вамъ удалось пробраться мимо, вы сдѣлали большой кругъ по хозяйству или продолжительную прогулку, но едва успѣли вернуться домой, какъ въ ушахъ снова раздается: «какъ Богъ, такъ и вы!» Сторожъ ухитрился выжить докучливаго просителя, но онъ сталъ, какъ часовой, у крыльца и при первомъ появленіи вашемъ въ сотый разъ повторяетъ: «какъ Богъ, такъ и вы!»—а въ случаѣ рѣшительнаго отказа — неминуемо явится къ вамъ съ просьбой «перерѣшить дѣло» и съ копіей приговора волостного суда.

Вотъ одна изъ такихъ копій, случайно оставшаяся въ рукахъ нашихъ и далеко не выдающаяся по своей безграмотности и отсутствію смысла:

«Мужа Прасковьи Пастуховой (пустившаго по-міру всю семью и до такой степени исколотившаго жену, что потребовался священникъ), — гласитъ копія,—подвергнуть 5-ти ударамъ розогъ лишь только за то, чтобы онъ съ женою своею обращался во взысканіи съ нея невыполненныхъ ею требованій тогда, когда бываетъ трезвъ, а не пьянъ,—а ее, Прасковью Пастухову, приговорили подъ арестъ при волостномъ правленіи на 6 дней, за то, чтобы она не выходила изъ повиновенія своего мужа, а исполняла бы всѣ его законныя требованія; а когда случится, что бываетъ онъ пьянъ, чтобы воздержалась въ нанесеніи ему грубостей, которыми невольно заставляетъ нанести себѣ побои».

Если же предметомъ иска служитъ хотя бы и незначитель-

Digitized by Google

ная недвижимая собственность, тогда положеніе мужика становится окончательно безвыходнымъ, такъ какъ и волостной, и мировой суды отказываютъ за неподсудностью, а начинать дѣло въ окружномъ судѣ, т.-е. ѣхать въ городъ, взять или, какъ выражаются мужики, «купить адвоката», нести весьма крупныя издержки,— все это въ большинствѣ случаевъ несбыточно для нашихъ крестьянъ, въ сущности выигравшихъ послѣ великой судебной реформы только новую и весьма тяжелую повинность, т.-е. обязанность являться въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей.

Далеко рѣже, нежели въ былое время, приходятъ бабы съ жалобами на жестокое обращеніе мужей, и только небольшое количество исключительныхъ и безпримѣрныхъ по своему звѣрству дѣлъ доходитъ до мировыхъ судей, какъ-бы въ противоположность прошлому, никогда не кончаясь примиреніемъ.

— Косы обрѣзалъ, ухо оторвалъ... ну, пускай, косы выростутъ, а ухо вѣдь не приростетъ,— распухшими, окровавленными губами повѣствуетъ жена.

— Христа-ради, прости!..— молитъ смущенный мужъ.

— Я не Богъ.

— И всего только за рукавъ взялъ и повелъ изъ родительскаго дома,— оправдывается мужъ и снова пристаетъ съ просьбами о прощеніи.

— Я не Богъ...— въ пятый, десятый разъ повторяетъ жена, не поддаваясь ни на какія соглашенія, и настойчиво требуетъ вида на отдѣльное жительство, а получивъ отказъ — поселяется въ родительскомъ домѣ, и слава Богу, если только дѣло кончится новыми побоищами между родителями жены и мужемъ, или прошеніемъ въ такомъ родѣ: «Имѣю честь покорнѣйше просить г-на мирового судью въ томъ, что дочь я отдала въ замужство къ крестьянину Филиппу Сергѣеву, за сына его Николая, въ 1876 году, въ октябрѣ мѣсяцѣ, но, прожившн два года, свекоръ моей дочери и свекровь и все ихъ семейство дочь мою гнали, всячески прижимали, что́ она сдѣлаетъ — поднимали на́смѣхъ. Наконецъ, не стерпя своего сердца, дочь моя пришла ко мнѣ въ возвратъ, на старое жительство, а потому прошу взыскать одежу, исправленную на имя моей дочери: коты, пунцовый сарафанъ, шаль, пологъ, два мѣшка, квашенникъ, три синихъ мужскихъ рубахи и одну пунцовую, два дубленыхъ шубника, а также и хлѣба, сколько присудите, потому что лѣто прошло, а зимой добывать трудно».

Итакъ, слава Богу, если семейный разладъ покончится дракой или прошеніемъ о возвращеніи вещей, а не поджогомъ или

Digitized by Google

убійствомъ, какъ это уже не разъ повторялось на глазахъ нашихъ.

Масса забитыхъ бабъ перебывала въ судейскихъ камерахъ, что только услаждало провозвѣстниковъ новой эры, нисколько не подозрѣвавшихъ въ блаженный весенній періодъ ихъ дѣятельности ни ничтожества средствъ, предоставленныхъ для увѣчеванія общественныхъ недуговъ, ни непредвидѣнныхъ послѣдствій, вызванныхъ даже въ забытой глуши извѣстнымъ рѣшеніемъ правительствующаго сената по дѣлу коллежскаго ассессора Соколовскаго.

А такъ какъ провозвѣстникамъ не предоставлялось даже права выдавать отдѣльныхъ видовъ на жительство тѣмъ бабамъ, положеніе коихъ оказалось бы дѣйствительно безвыходнымъ, то единственнымъ послѣдствіемъ нескончаемыхъ разбирательствъ было множество мировыхъ сдѣлокъ, въ большинствѣ случаевъ нисколько не улучшившихъ и не измѣнившихъ обычный порядокъ вещей.

Сообразивъ, наконецъ, что ничего существенно-полезнаго отъ судьи не дождешься, бабы круто повернули въ другую сторону, и, не доводя дѣла, по выраженію ихъ, до «большого суда», все чаще и чаще стали бросать своихъ мужей, убѣгая подъ защиту и покровительство родителей и родственниковъ.

И вотъ, благодаря увлеченіямъ первыхъ судей, а главнымъ образомъ — массѣ накопившихся безвыходныхъ положеній, мы переживаемъ небывалое, невиданное колебаніе семейнаго очага не только въ городахъ и столицахъ, но въ какихъ-нибудь темныхъ и бѣдныхъ Хохловкахъ, Шишовкахъ и Погибѣлкахъ.

Семейный бытъ крестьянина видимымъ образомъ подрывается, а между тѣмъ такое печальное явленіе не только никого не смущаетъ, но даже вызываетъ общій смѣхъ и веселость... Всѣмъ это кажется весьма комично и забавно, какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ люди особенно склонны радоваться разрушенію государствъ и семейнаго счастія, какъ выразился когда-то лордъ Байронъ.

«Ай, ай, ай! совсѣмъ бабы бояться перестали! Куда захотѣла, туда и полетѣла...»—тужатъ мужики и наперерывъ сообщаютъ кучу новыхъ, еще болѣе поражающихъ фактовъ.

Дожили мы, наконецъ, до того, что въ первобытномъ крестьянскомъ быту проявляются признаки тѣхъ же самыхъ сомнѣній, того же самаго недовѣрія къ прочности семейнаго очага, коими отличаются люди высшаго, такъ-называемаго интеллигентнаго общества. Около мужиковъ только и слышится: «нынѣче женись, да оглядывайся. Нынѣче все по бо́льшей части уходятъ, — не прогнѣвайся!»

Случай свелъ насъ съ однимъ молодымъ крестьяниномъ, за-

Digitized by Google

мѣчательнымъ человѣкомъ по его несчастьямъ. Звали его Ѳедоромъ Ивановымъ, а пережитыя имъ несчастья заключались въ слѣдующемъ: потерялъ онъ мать, оставившую двухъ малютокъ, потомъ брата съ женой, послѣ которыхъ тоже осталась одна дѣвочка, потомъ собственную жену, также покинувшую двухъ сиротъ,—наконецъ, старика-отца, затѣмъ лошадь и коровъ. Послѣ цѣлаго ряда несчастій, слѣдовавшихъ одно за другимъ и въ концѣ разорившихъ весьма зажиточную и домовитую семью, Ѳедоръ остался одинъ и уже кстати на одной, такъ-называемой, сиротской десятинѣ, безъ лошади и коровъ, но за то съ пятью малолѣтними дѣтьми на рукахъ. Самая пылкая фантазія не въ состояніи вообразить себѣ, какимъ образомъ перебивался этотъ человѣкъ, въ одно и то же время исправлявшій обязанности стряпки, прачки, пахаря и воспитателя. Но онъ не только не пропалъ, а еще задумалъ жениться и, волей или неволей, въ сопровожденіи свата явился къ сосѣднему землевладѣльцу съ просьбой выручить, т.-е. уплатить впередъ деньги, слѣдующія за зимнюю молотьбу и необходимыя на свадьбу.

— Это я произвелъ его въ дѣло, обзаконилъ, — объясняетъ сватъ, ловкій, юркій мужикъ, принявшій близко къ сердцу предстоящую попойку: это я ему невѣсту отыскалъ, по его сиротству, страсть какую невѣсту, страсть! а безъ меня-то онъ бы и сейчасъ холостымъ ходилъ.

— Пишите съ женой, съ своей стороны проситъ всегда молчаливый и сосредоточенный Ѳедоръ, замѣтивъ, что землевладѣлецъ уже заноситъ въ хозяйственную книгу новаго молотильщика.

— Постой, постой,—вмѣшивается сватъ, не рядись съ женой, подожди, что будетъ.

— Какъ что будетъ?

— А какъ баба-то, на людей глядя, да рызнетъ отъ тебя на старое жительство.

— И то правда! Пишите безъ жены.

Въ этихъ немногихъ словахъ выразилась вся шаткость современнаго крестьянскаго быта.

Сватъ напророчилъ бѣду, и, спустя три мѣсяца, мы прочли слѣдующее рѣшеніе волостного суда: разсмотрѣвъ жалобу крестьянской жены Екатерины Михайловой о неотдачѣ мужемъ ея Ѳедоромъ Ивановымъ имущества на сумму 65 рублей 85 коп. и принявъ во вниманіе объясненіе Михайловой, что она отъ мужа ушла на проживаніе въ домъ родителей своихъ, потому что съ нимъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ не имѣла и дня спокойствія, опредѣлилъ: указанное Михайловой имущество, исключая шести

Digitized by Google

мужскихъ рубахъ и шести штановъ, отъ крестьянина Ѳедора Иванова отобрать. Но Ѳедоръ Ивановъ не поддался и этому новому несчастію, а подыскалъ адвоката, и перенесъ дѣло въ уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, причемъ адвокатъ доказывалъ присутствію, что рѣшеніе волостного суда должно подлежать отмѣнѣ, такъ какъ оно постановлено въ противность 45, 46, 42, 41, 107 и 108 ст. X т. I части законовъ гражданскихъ.

Ровно 6 мѣсяцевъ разсматривалось настоящее дѣло въ уѣздномъ присутствіи и въ теченіи такого продолжительнаго срока волостной старшина, покровительствовавшій Михайловой, нѣсколько разъ посѣщалъ Ѳедора Иванова, наступая на него съ крикомъ: подавай имѣніе, сейчасъ подавай имѣніе!

— Подавай жену — въ свою очередь крикнулъ, наконецъ, потерявшій терпѣніе мужъ.

— Иди въ арестантскую, ты меня обидѣлъ! — освирѣпѣлъ старшина и поспѣшилъ составить актъ о буйственныхъ поступкахъ крестьянина Ѳедора Иванова.

Итакъ, мы видимъ, что бабьи побѣги учащаются съ каждымъ годомъ, входятъ въ обычай и вызываютъ все болѣе и болѣе подражательницъ, покидающихъ домашній очагъ при первомъ удобномъ случаѣ и уже безъ всякихъ особенно важныхъ причинъ.

Еще на-дняхъ приплелась въ камеру то-и-дѣло охавшая и стонавшая старуха, жена сосѣдняго мельника, въ сопровожденіи дочери, высокой и плотной бабы, съ румянымъ круглымъ лицомъ, тщательно обвязаннымъ платками и тряпицами.

Начались обычныя причитанія:

— Совсѣмъ истиранили нашу сизую голубицу (т.-е. дочь), мы бы рады, чтобы она жила съ мужемъ своимъ въ мирѣ и любви, да никакъ невозможно, день и ночь бьютъ какъ скотину, дайте записку къ доктору и т. д.; но вскорѣ получается докторское свидѣтельство, изъ коего видно, что голубица совершенно здорова, а изъ разсказовъ ближайшихъ сосѣдей оказывается, что никакихъ истязаній и въ поминѣ не было, а сердобольная мать уже вторую дочь разлучаетъ съ мужемъ.

Повстрѣчался и такой случай, сильно поразившій насъ, какъ нѣчто новое и неслыханное въ крестьянскомъ быту. Является молодой парень, тихій, конфузливый и не только грамотный, но даже видимымъ образомъ начитавшійся божественныхъ книгъ. Это былъ поразительный, съ-разу располагающій типъ свѣтлыхъ, чисто-голубиныхъ натуръ, способныхъ изумить внимательнаго наблюдателя сельскаго быта.

Digitized by Google

Парень улыбался какъ-то странно, точно усиливался напускнымъ весельемъ прогнать уже близко подступавшія, уже слышныя въ голосѣ слезы. Изъ отрывистыхъ словъ его можно было понять, что онъ уже два года женатъ и только-что не съ перваго дня своей семейной жизни испытываетъ постоянныя невѣрности жены, оказавшейся чѣмъ-то въ родѣ необузданной сельской Мессалины. Въ заключеніе своего разсказа, парень выразилъ непреклонное желаніе преслѣдовать Мессалину судебнымъ порядкомъ, такъ какъ въ уликахъ и свидѣтеляхъ недостатка не было, и на всѣ мои возраженія повторялъ все одну и ту же фразу: нѣтъ, пусть претерпитъ, пусть претерпитъ, я много страдалъ, много терпѣлъ, пускай же и она сколько-нибудь претерпитъ.

Нѣсколько времени спустя пришелъ тотъ же парень и съ таинственнымъ видомъ объявилъ, что имѣетъ до меня большое дѣло.

Мы удалились въ отдѣльную комнату, а парень, наклонившись къ самому уху, сталъ нашептывать о новыхъ похожденіяхъ Мессалины: «всѣмъ обществомъ накрыли... три ведра стребовали... и старъ, и младъ, всѣ праздновали, почесть цѣлыя сутки кантовали... а я ускакалъ въ городъ къ адвокату... Такъ и такъ говорю, желаю нарушить бракъ... «А тысячу серебряныхъ рублей приготовилъ?».. Нѣтъ, не приготовилъ... «Ну, такъ прежде приготовь, а потомъ нарушай».

Тутъ парень поднялъ такой вопль, что глядя на него намъ невольно пришла мысль о странныхъ особенностяхъ русской натуры: терпѣть такъ терпѣть, плакать такъ ужъ плакать.

Излишне было бы продолжать исторію симпатичнаго парня, довольно сказать, что, съ избыткомъ начитавшись о неистовствахъ турокъ, онъ страстно пожелалъ поступить охотникомъ и, по его выраженію, «помереть за братьевъ христіанъ». Ему и въ голову не приходило колоть и рубить турокъ, онъ желалъ только «помереть» во что бы то ни стало, и достигъ желаемаго, но только ему суждено было сложить голову не на полѣ брани, а покончить жизнь въ одномъ изъ военныхъ госпиталей западнаго края.

Но въ сторону эти обыденныя картины, надъ которыми невольно задумаешься, если только относишься къ нимъ не легко и шутливо и заглянешь въ будущее.

Глухому, но безпрерывному ропоту необъятнаго, со всѣхъ сторонъ окружающаго судью, крестьянскаго моря, вторитъ озлобленное недовольство хозяевъ и рабочихъ, на всѣхъ перекресткахъ клянущихъ судъ скорый, но, по ихъ мнѣнію, безполезный и никого неудовлетворяющій.

На нашихъ глазахъ совершалось быстрое и коренное видо-

Digitized by Google

измѣненіе сельской жизни, окончательно потерявшей свою бывшую прелесть, то-есть, невозмутимость, безпечность и патріархальность. До того, наконецъ, дожили мы, что даже не вѣрится въ существованіе сельскаго затишья или деревенскаго уголка, куда бы можно было убѣжать отъ житейскихъ бурь и треволненій, а главное, гдѣ бы укрыться отъ эпидемій, жадности и наживы во что бы то ни стало.—Но то, что̀ составляетъ обычное и при этомъ тщательно замаскированное явленіе городовъ и столицъ, представляется въ глуши чѣмъ-то новымъ, непривычнымъ и къ тому же слишкомъ откровеннымъ и безцеремоннымъ. Все считается возможнымъ и позволительнымъ, а весьма естественное стремленіе, какъ можно лучше устроить свои дѣла, при отсутствіи знанія, капитала, дорогъ, правильнаго сбыта, дешевизнѣ сельскихъ произведеній и т. д., постепенно, незамѣтнымъ образомъ подталкиваетъ не только людей слабыхъ и ограниченныхъ, не только либераловъ, въ провинціальномъ, то-есть, невиннѣйшемъ значеніи этого слова, но даже такъ-называемыхъ «носителей передовыхъ идей», какъ можно скорѣе и беззастѣнчивѣе воспользоваться крестьянской нуждой, и въ особенности крестьянскимъ пьянствомъ и невѣжествомъ, — этими, едва ли не единственными рессурсами и подспорьями нашего сельскаго хозяина.

Само собою разумѣется, что страсть къ наживѣ, къ извлеченію выгодъ изъ земли, можетъ быть, еще въ бо́льшей степени замѣчается и въ остальной Европѣ, но, по нашему собственному наблюденію, между вкусами и стремленіями нашего сельскаго хозяина, безъ различія сословій, и влеченіями германскаго землевладѣльца существуетъ очевидное, сейчасъ же бьющее въ глаза, различіе.

Не входя въ подробности этихъ особенностей, скажемъ только, что за ничтожнымъ, ничего не выражающимъ исключеніемъ, намъ почти не случалось встрѣтить сельскаго хозяина, занимающагося своимъ дѣломъ по призванію, по страсти къ сельской жизни, къ постоянному улучшенію и украшенію своей Шишовки, Хохловки или Погибѣлки, къ скучнѣйшей вознѣ съ рабочими, всегда чуждыми и отдаленными отъ насъ, но въ то же время, по нашему наблюденію, представляющими нѣчто цѣлое, нераздѣльное и близкое съ хозяиномъ-нѣмцемъ. — Если добавить, что въ нашей мѣстности находится масса имѣній, съ которыхъ получены сотни тысячъ дохода, но ни одного представляющаго что-либо привлекательное, цвѣтущее и выступающее изъ общаго сѣраго, голаго, наводящаго унынiе вида, если сознаться

Digitized by Google

въ отсутствіи всякой привязанности нашихъ землевладѣльцевъ къ своимъ родовымъ Шишовкамъ и Хохловкамъ, если припомнить жалкій видъ тощаго, едва волочащаго ноги рабочаго скота и убогія, нищенскія фигуры рабочихъ, набранныхъ изъ подонковъ крестьянства, — то общая картина будетъ довольно вѣрная и полная.

Вся премудрость и прелесть нашего сельскаго хозяйства заключается единственно въ томъ, чтобы всякими правдами и неправдами, худо ли, хорошо ли засѣять какъ можно болѣе ржи, дающей, при урожаѣ, порядочный доходъ. Но для того, чтобы дѣлать громадные посѣвы, необходима масса рабочихъ, между тѣмъ какъ крестьяне нашей мѣстности, благодаря бо́льшей или меньшей зажиточности, всячески избѣгаютъ скитальческой жизни батрака и забора денегъ впередъ подъ работы.—При такомъ порядкѣ вещей, единственнымъ выходомъ для нашихъ сельскихъ хозяевъ остается наемъ годовыхъ работниковъ въ отдаленной мѣстности или губерніи, отличающейся плохимъ качествомъ земли и чрезмѣрно густымъ населеніемъ, и сдача жнитва татарамъ сосѣдняго уѣзда, въ избыткѣ надѣленнымъ хорошимъ черноземомъ, но по самой природѣ своей неспособнымъ къ трудовой жизни и сельскому хозяйству.

Такимъ образомъ, въ началѣ января мѣсяца, то-есть какъразъ въ то время, когда крестьяне болѣе всего нуждаются въ деньгахъ, являются управляющіе и старосты и, выдавая впередъ большіе задатки, при посредствѣ волостного начальства, заключаютъ весьма выгодныя для своихъ довѣрителей условія, на которыя, даже не читая ихъ, соглашается безграмотный рабочій, или, непонимающій русскаго языка, татаринъ.

Но вотъ наступаетъ время выполненія выгодныхъ условій. Приходитъ лѣто, цѣны на работы растутъ, искушеніе для дешевыхъ рабочихъ съ каждымъ днемъ увеличивается, и тутъ-то, въ самый разгаръ рабочей поры, начинаются побѣги рабочихъ и ловля ихъ землевладѣльцами, управляющими и старостами. Примчится управляющій, и съ видомъ человѣка, только-что вынесшаго кораблекрушеніе, заклинаетъ о помощи и немедленномъ приказаніи становому задержать бѣглецовъ, такъ какъ рожь сыплется и вся хозяйственная машина стала. Происходитъ непріятнѣйшая сцена: «нѣтъ, вы войдите въ мое положеніе!» — вопитъ управляющій. — «Нѣтъ, вы войдите въ мое положеніе!» — возражаетъ судья, и цѣлый часъ длятся ненужныя пререканія, а въ утѣшеніе злополучнаго землевладѣльца остается возможность возбужденія иска о задаточныхъ деньгахъ и убыткахъ.

Digitized by Google

Въ октябрѣ и особенно въ ноябрѣ мѣсяцѣ, отъ нечего дѣлать, начинается сведеніе хозяйственныхъ счетовъ и возбужденіе массы исковъ относительно бѣжавшихъ батраковъ и незвавшихся на жнитво татаръ. — Назначается цѣлый рядъ разбирательствъ, большая часть коихъ не можетъ состояться за невозвращеніемъ обратныхъ повѣстокъ, а раздраженному истцу приходится нѣсколько разъ скакать къ мировому, пока удастся, наконецъ, обрѣсти отвѣтчика, обыкновенно живущаго за 100 и 150 верстъ отъ судейской камеры. — Если же, благодаря счастливой случайности, обѣ стороны, то-есть управляющій и рабочіе, явятся на разбирательство, то не только камера, но и судейскій дворъ буквально наводняется толпами невиданнаго, полуодѣтаго, полудикаго, въ большинствѣ случаевъ ни слова не понимающаго по-русски народа, и за-частую одно дѣло тянется въ теченіи цѣлаго дня, такъ какъ въ прошеніи соединяется безчисленное множество исковъ съ цѣлаго общества, связаннаго круговой порукой.

Страшно даже становится при одномъ воспоминаніи подобныхъ разбирательствъ, когда оказывается, что ни одна изъ сторонъ ничего не помнитъ, не можетъ даже съ увѣренностью назвать количество невыполненныхъ работъ, когда, за отсутствіемъ рабочихъ книжекъ и какихъ бы то ни было письменныхъ доказательствъ, встрѣчные иски и возраженія рабочаго всегда являются бездоказательными, когда въ концѣ-концовъ мировой судья волей или неволей превращается въ какого-то конторщика, обязаннаго, во что бы то ни стало, распутать гордіевъ узелъ взаимныхъ расчетовъ и недоразумѣній между идіотскаго вида татарами и неистовствующими, зачастую безграмотными и безтолковыми, управляющими и старостами.

Затѣмъ слѣдуетъ послѣдній актъ терзаній въ концѣ изнуреннаго и разобиженнаго землевладѣльца или его довѣреннаго, это—взысканіе по исполнительнымъ листамъ, наконецъ-то попавшимъ въ руки и отдающимъ ихъ на произволъ волостного начальства, а главнымъ образомъ волостного писаря, этого всемогущаго и наиболѣе вліятельнаго дѣятеля современной глуши.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что исполнительная часть судейской дѣятельности въ ея послѣдній, т.-е. осенній періодъ становится не только не совмѣстной съ скорымъ судомъ, но одной изъ главныхъ причинъ, парализующихъ полезность и бывшее обаяніе этого суда. Такимъ образомъ, выиграть дѣло по взысканію съ крестьянъ, значитъ почти ничего не получить, и мы нисколько не изумились, когда одинъ изъ наиболѣе откровенныхъ и натер-

Digitized by Google

нѣвшихся управляющихъ, яростно потрясая массой только-что полученныхъ исполнительныхъ листовъ по взысканію съ татаръ и бѣжавшихъ батраковъ, съ неудержимой желчью, объяснилъ намъ всѣ подробности и обычные порядки при подобныхъ взысканіяхъ, а именно какой процентъ слѣдуетъ прежде всего уплатить волостному старшинѣ и какой всемогущему волостному писарю. — Не подлежитъ сомнѣнію, что въ томительномъ и уже слишкомъ долго продолжающемся ожиданіи устава о рабочихъ, сколько-нибудь гарантирующаго какъ нанимателей, такъ и наемщиковъ, въ области нашего сельскаго хозяйства царствуетъ невообразимый, нигдѣ, въ цѣломъ свѣтѣ, несуществующій хаосъ, и всѣ взаимныя отношенія исключительно держатся на томъ, кто кого перехитритъ и обойдетъ, причемъ вся эта безпримѣрная неурядица разражается возгласами и стенаніями о безполезности и бездѣятельности мировыхъ судей и даже очевиднымъ пристрастіи ихъ къ меньшей братіи.

Обращаясь къ судейскимъ архивамъ, заключающимъ въ себѣ массу интереснаго матеріала, мы найдемъ, что въ теченіи продолжительнаго времени въ нашемъ участкѣ имѣлись три, четыре большихъ экономіи, никогда не обращавшихся съ жалобами на рабочихъ, экономіи, возбуждавшія иски такого рода въ крайне ограниченномъ количествѣ, и наконецъ экономіи, отличавшіяся нескончаемыми исторіями и судьбищами съ рабочими. Къ послѣдней категоріи принадлежали всѣ разоренныя имѣнія съ безпорядочнымъ управленіемъ, а также имѣнія, перешедшія въ руки новыхъ землевладѣльцевъ изъ татаръ, евреевъ и бывшихъ управляющихъ, нагрѣвшихъ руки около господскаго добра.

Достаточно отталкивающихъ фактовъ можно отыскать въ судейскихъ архивахъ по части отношеній между нанимателями и рабочими: попадаются такія условія, какихъ не выдумать и не сочинить ни одному, самому ловкому эксплуататору западной Европы; встрѣчается элегантный на видъ джентльменъ, долгое время продовольствовавшій цѣлую артель рабочихъ не только испорченной, но положительно вредной для здоровья солониной, и хотя цѣлый десятокъ свидѣтелей, выставленныхъ обвиняемымъ, и доказывалъ, что испорченная солонина употреблялась для собакъ, то такое же количество свидѣтелей удостовѣряло, что если испорченная солонина и дѣйствительно шла на кормъ собакамъ, то въ то же время постоянно расходовалась и для работниковъ.

Встрѣчается артель въ 50 человѣкъ, въ теченіи всей холодной, ненастной весны вынужденная обѣдать, обсушиваться и ночевать въ тѣсной избѣнкѣ, гдѣ съ трудомъ могли бы помѣститься

Digitized by Google

10 или 15 рабочихъ; выступаетъ на Божій свѣтъ имѣніе съ вѣчно-пустой кассой, вслѣдствіе чего находчивый управляющій не только не является по первому вызову, но даже при явномъ содѣйствіи продажнаго волостного правленія никогда не получаетъ въ свое время посланной повѣстки, вслѣдствіе чего ничтожное дѣло о взысканіи рабочимъ какихъ-нибудь заслуженныхъ 15 — 20 рублей тянется по полугоду и болѣе.

Этотъ послѣдній пріемъ, къ сожалѣнію, все болѣе и болѣе входящій въ обычай у разорившихся землевладѣльцевъ, ставитъ рабочаго въ положеніе, которому даже не придумаешь подходящаго названія, такъ какъ деньги необходимы къ сроку, нужны до зарѣза, а домашніе рабочаго, понуждаемые сборщикомъ, ожидаютъ ихъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ.

Но, выставляя отталкивающіе и позорные для нанимателей факты, мы обязаны указать на факты, способные въ значительной степени охладить самое горячее сочувствіе къ рабочему люду.

Мы не станемъ останавливаться на близко знакомыхъ типахъ, вѣчно странствующихъ сельскихъ рабочихъ, получающихъ задаточныя деньги съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же сбѣжать въ другой конецъ губерніи; мы не будемъ распространяться о существующемъ между обѣднѣвшими крестьянами обычаѣ набирать какъ можно болѣе работы въ разныхъ мѣстахъ и у разныхъ землевладѣльцевъ съ единственною цѣлью провести легковѣрныхъ; мы ничего не скажемъ о татарахъ сосѣдняго уѣзда, подъ видомъ забора денегъ впередъ подъ жнитво, устроившихъ себѣ своего рода заемъ денегъ, на невообразимо тягостныхъ условіяхъ. Все это мы оставимъ въ сторонѣ, ограничиваясь указаніемъ одного изъ болѣе выдающихся случаевъ нашей практики.

31-го мая 1875 года прискакалъ ко мнѣ ближайшій сосѣдъ по имѣнію съ просьбой немедленно разобрать его жалобу на рабочую артель въ 40 или болѣе человѣкъ, только-что заявившую ему твердое намѣреніе немедленно оставить работу, а полчаса спустя я уже сидѣлъ передъ столомъ, поставленнымъ на дворѣ землевладѣльца, а передо мной шумѣла густая толпа рабочихъ.

Землевладѣлецъ, о которомъ идетъ рѣчь, горячо предался мало вознаграждающему сельскому хозяйству, волей или неволей болѣе всего заботясь объ увеличеніи полей и посѣвовъ, а не объ улучшенныхъ способахъ обработки. Преслѣдуя свою цѣль, онъ ежегодно расчищалъ часть негоднаго лѣса и не щадилъ на это никакихъ расходовъ. Въ мартѣ 1875 года заключено имъ

Digitized by Google

формальное условіе (засвидѣтельствованное у нотаріуса) относительно расчистки 20-ти десятинъ лѣса, и тогда же довѣреннымъ артели выдано 400 рублей задатка, съ такимъ разсчетомъ, чтобы расчищенная земля могла немедленно поступить въ паровое поле, увеличивъ посѣвъ ржи, а впередъ уже запроданный по условіямъ лѣсъ и пенька покрыли бы часть огромныхъ затратъ. — Такимъ образомъ, все было впередъ обдумано и разсчитано, деньги съ крестьянъ, раскупившихъ лѣсъ и пеньку получены впередъ, а явившаяся въ первыхъ числахъ мая артель приступила къ работѣ, съ перваго же дня стараясь забирать впередъ какъ можно болѣе хлѣба и денегъ. Еще наканунѣ довѣренные артели всѣми правдами и неправдами выманили 200 рублей, а на другой день явились съ извѣстіемъ, что артель немедленно оставляетъ работу и уходитъ во-свояси.

Разбирательство началось съ того, что артель отказалась выбрать довѣренныхъ, и никто изъ рабочихъ не хотѣлъ назвать своего имени, а когда, наконецъ, все это было улажено, то отвѣтчики, признавая справедливость жалобы истца, значительный переборъ денегъ и хлѣба, даже выполненіе только части принятой по условію работы, въ то же время продолжали настаивать на своемъ намѣреніи: оставить работу и во что бы то ни стало возвратиться домой. До конца выслушавъ рѣшеніе, обязывавшее выполнить принятое обязательство, рабочіе поспѣшили взвалить на плечи свои котомки и, не внимая никакимъ убѣжденіямъ и совѣтамъ, гурьбой хлынули со двора.

Наблюдая выраженіе лицъ, вслушиваясь въ отрывистый говоръ толпы, можно было съ увѣренностью сказать, что большая половина рабочихъ рѣшительно не умѣла понять и объяснить себѣ совершившійся фактъ, то-есть къ чему и для кого потребовалось возмутительное надувательство довѣрчиваго землевладѣльца, зачѣмъ, вопреки здравому смыслу и собственному интересу, оставлена работа, и для какой надобности происходитъ это поспѣшное, неудержимое бѣгство въ слѣдъ за двумя или тремя вожаками, которымъ просто нестерпимо и тошно было высидѣть на одномъ мѣстѣ въ теченіи цѣлаго лѣта.

Рѣшеніе вошло въ законную силу; между землевладѣльцемъ и довѣреннымъ артели была заключена мировая сдѣлка, по которой рабочіе въ непродолжительномъ времени обязались вознаградить убытки и уплатить забранныя впередъ деньги. Съ тѣхъ поръ прошло около 4-хъ лѣтъ, и сосѣдъ, не взирая на всѣ хлопоты, продолжаетъ сидѣть съ исполнительнымъ листомъ въ рукахъ,

Digitized by Google

не получая даже своихъ собственныхъ денегъ, забранныхъ впередъ рабочими.

Хаосъ съ каждымъ годомъ увеличивается, вызывая тьму противорѣчій, недоразумѣній и неизбѣжный, при такомъ порядкѣ вещей, произволъ.

Такимъ образомъ, одинъ изъ судей, обращавшійся къ прокурору съ просьбой о понужденіи исправника къ высылкѣ рабочихъ, получаетъ въ отвѣтъ, что «такъ какъ не существуетъ такого закона, по коему мировой судья имѣлъ бы право принуждать нанявшихся силою выполнить договоръ личнаго найма, то и на обязанности полиціи не можетъ лежать выполненія такого требованія, какъ превышающаго власть оной». Между тѣмъ другой судья того же округа требуетъ объясненій отъ станового, ни на минуту не задумавшагося превысить свою власть, и изъ одной любезности, подъ предлогомъ неимѣнія письменныхъ видовъ, задержать 20-ть рабочихъ, тотчасъ же обращенныхъ въ имѣніе, изъ коего они сбѣжали.

Еще болѣе неурядицы представляется въ томъ случаѣ, если наниматель, преслѣдующій своихъ бѣжавшихъ рабочихъ, обратится къ содѣйствію волостного правленія, не догадавшись приложить приличнаго вознагражденія, такъ какъ онъ почти навѣрно рискуетъ получить обратно свою просьбу съ лаконической надписью старшины слѣдующаго содержанія: «возвращая сію переписку, увѣдомляю васъ, что крестьянинъ такой-то должнымъ себя не призналъ».

Что же, кромѣ глумленія и справедливаго недовольства, можетъ вызвать такое очевидное, испытанное какъ нанимателями, такъ и рабочими, безсиліе суда.

Рядомъ съ неизбѣжнымъ, справедливымъ ропотомъ нанимателей и рабочихъ съ каждымъ годомъ растетъ недовольство полиціи, сильно, но не всегда справедливо негодующей на часто повторяющееся оставленіе безъ послѣдствій ея безчисленныхъ актовъ.

Нѣтъ ничего легче, какъ обличать уѣздную полицію, матеріалу всегда много, онъ неистощимъ и разнообразенъ, но въ то же время обличитель будетъ всегда смущенъ и обезоруженъ сейчасъ же бросающейся въ глаза бѣдностью и недостаточностью средствъ, находящихся въ распоряженіи полиціи, что, впрочемъ, нисколько не мѣшаетъ ея младшимъ агентамъ до сихъ поръ проявлять, повидимому, нимало несовмѣстное съ настоящимъ временемъ невѣжество и грубость пріемовъ. Эта послѣдняя выдающаяся черта невольнымъ образомъ возмущаетъ самаго спокойнаго обитателя захолустья, въ особенности если ему хотя поверхностно пришлось

Digitized by Google

наблюдать сельскую жизнь остальной Европы, пришлось вдумываться, сравнивать и, наконецъ, понять, что кулачная расправа, тасканіе за бороды сельскихъ властей и вѣчное сквернословіе, въ двухъ шагахъ отъ судейскихъ камеръ, съ ихъ часто даже утрированной деликатностью, что все это представляетъ явленіе поражающее, нигдѣ не виданное и содѣйствующее только къ приниженію, отупѣнію и развращенію народа, и безъ того лишеннаго всѣхъ условій, поднимающихъ нравственность европейскаго селянина. Да, наконецъ, кто же изъ коренныхъ обитателей захолустья не сознаетъ, хотя бы про себя, что его безопасное проживаніе въ глуши, проживаніе безъ замковъ и карауловъ, его разъѣзды по глухимъ дорогамъ, все это всегда ограждалось и до настоящаго дня ограждается не полиціей, не ея дѣятельностью, а единственно добрыми качествами мужика.

Справедливость требуетъ сказать, что до сихъ поръ мы никогда не имѣли ни такого добросовѣстнѣйшаго труженика, какъ новый начальникъ края, ни такого безусловно-честнаго и крайне заботливаго уѣзднаго исправника, но та же справедливость обязываетъ добавить, что выдающіяся качества высшей администраціи въ весьма слабой степени отражаются на внутреннихъ порядкахъ далеко раскинувшагося уѣзда.

Единственными блюстителями и хранителями внутренняго спокойствія, порядка и благочинія по прежнему остаются становые, ихъ письмоводители, сотскіе, десятскіе и пожарные старосты. Становые тотчасъ же смекнули, что новое начальство шутить не будетъ, потребуетъ, такъ сказать, вещественныхъ доказательствъ дѣятельности и, поворотивъ паруса сообразно съ вѣтромъ, напустили цѣлую тучу актовъ, въ значительной степени увеличившихъ количество дѣлъ у сельскихъ мировыхъ судей. Составленіе такой массы актовъ не представляло особыхъ трудностей для письмоводителей приставовъ, съ бо́льшими или меньшими литературными претензіями обработывавшихъ безграмотные рапорты волостныхъ правленій, сотскихъ, десятскихъ и т. д. и т. д.

Какъ образчикъ подобныхъ произведеній съ неожиданной развязкой, мы приведемъ одинъ изъ послѣднихъ актовъ по обвиненію крестьянина села Гая, Ивана Солдатова, въ неосторожномъ обращеніи съ огнемъ, вызвавшемъ пожаръ въ названномъ селеніи.

«Потерпѣвшій Иванъ Солдатовъ, говорится въ актѣ, въ ночь этого происшествія (то-есть пожара) находился на своемъ поташномъ заводѣ, а оставались дома сынъ его Алексѣй Ивановъ и работникъ, крестьянинъ села Подгорнаго, Николай Барадулинъ.

Digitized by Google

Изъ разсказа послѣдняго видно, что послѣ ужина онъ съ фонаремъ ходилъ къ лошади въ конюшню, чтобы дать ей корму и, прибавивъ мѣсива, вошелъ въ избу и всѣ легли спать. Сколько послѣ того прошло времени, никто изъ поименованныхъ лицъ объяснить не можетъ, но, услышавъ на улицѣ тревогу, всѣ они встали, и тогда горѣла та самая конюшня, гдѣ стояла лошадь, къ которой работникъ Барадулинъ ходилъ съ фонаремъ. Отчего случился пожаръ, никто не знаетъ, и потерпѣвшій подозрѣнія въ поджогѣ ни на кого не заявилъ, да и не находитъ повода подозрѣвать, потому что никому дурного ничего не сдѣлалъ.

«Сообразивъ вышеизложенное и принимая во вниманіе: 1) что работникъ Николай Барадулинъ ходилъ ночью съ огнемъ въ ту самую конюшню, гдѣ случился пожаръ, и 2) что потерпѣвшій Иванъ Солдатовъ въ ночь пожара находился въ отсутствіи и подозрѣвать умышленнаго поджога не находитъ повода, слѣдуетъ съ полной и несомнѣнной достовѣрностью отнести причину этого пожара къ неосторожному обращенію съ огнемъ крестьянина Ивана Солдатова. А потому постановилъ для привлеченія къ отвѣту по стат. 98 уст. о наказаніяхъ потерпѣвшаго крестьянина Ивана Солдатова, дознаніе это передать г. мировому судьѣ» и т. д. и т. д.

Мы бы могли считать настоящій актъ безпримѣрнымъ по неожиданности вывода, если бы въ рукахъ нашихъ не находилось приговора одного изъ сошедшихъ уже со сцены судей по обвиненію крестьянина Ѳедорова съ прочими въ нарушеніи 29 ст. уст. о наказаніяхъ.

Становой обвинялъ крестьянъ въ неявкѣ по его вызову и ссылался на сельскаго старосту и сотскаго, которые и подтвердили на судѣ, что дѣйствительно передавали крестьянамъ приказъ станового, а тѣ ослушались и не явились. А потому, расчеркнулся судья, основываясь на свидѣтельскихъ показаніяхъ сельскаго старосты и сотскаго, нашелъ обвиненіе недоказательнымъ.

Дорога къ судейскимъ камерамъ окончательно запала у насъ для высшихъ полицейскихъ властей, и долгое время постояннымъ довѣреннымъ полиціи былъ бойкій и, повидимому, страстно преданный дѣлу Китаевъ. Въ концѣ-концовъ онъ такъ набилъ руку, что обвинялъ безпощаднѣе любого прокурора, весьма ловко придумывая и всячески натягивая мотивы къ увеличенію наказанія. Потомъ въ отношеніяхъ обвинителя къ своей обязанности стали замѣчаться признаки нѣкоторой сдержанности и мягкости, а затѣмъ яростный обвинитель на нашихъ глазахъ преобразился въ не менѣе ретиваго защитника, очевиднымъ образомъ вступая

Digitized by Google

въ сдѣлки и извлекая выгоды изъ своего положенія. Наконецъ, слишкомъ явно проворовавшійся обвинитель былъ удаленъ отъ должности, но его примѣръ нашелъ подражателей, и впослѣдствіи времени намъ не разъ случалось встрѣчать сотскихъ-обвинителей, горячо защищавшихъ обвиняемыхъ. Одинъ изъ такихъ непрошенныхъ адвокатовъ, не подозрѣвавшій присутствія полицейскаго чиновника въ камерѣ, былъ застигнутъ на мѣстѣ преступленія въ тотъ самый моментъ, когда изъ всѣхъ силъ распинался за провинившагося крестьянина.

Такой порядокъ вещей съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе низводитъ судейскую камеру на степень какого-то открытаго, всѣмъ доступнаго и еще невиданнаго балагана, а для того, чтобы читатель могъ живѣе вообразить себѣ положеніе сельскаго судьи при разбирательствѣ полицейскихъ дѣлъ, мы позволимъ себѣ воспроизвести одну изъ цѣлой массы подобныхъ, часто повторяющихся сценъ, строго придерживаясь одной правды и дѣйствительности.

Стоитъ глубокая осень. Уже болѣе недѣли, какъ, неизвѣстно куда, пропало солнце. Густая, неподвижная масса, чернильнаго цвѣта, виситъ надъ голыми полями. Лѣниво, но безпрерывно сыплется сверху какая-то тягучая влага. На берегу мутной рѣчки прижался насквозь промокшій, уединенный хуторъ судьи. Около амбаровъ, сараевъ и заборовъ дрогнутъ десятки точно сейчасъ только выкупанныхъ крестьянскихъ лошадей и черными пятнами выступаетъ нѣсколько грязныхъ телѣгъ, съ поднятыми вверхъ оглоблями. Подъ навѣсами, во всѣхъ избахъ, въ камерѣ, даже въ судейской кухнѣ толпится болѣе сотни мужиковъ и бабъ. Въ тѣсной камерѣ царитъ усыпляющій мракъ и вызывающая лихорадку сырость.

Полъ, стѣны, кафтаны, бороды и лица — все это мокро, грязно, уныло, и только полицейскіе сотскіе, усѣвшіеся на переднихъ стульяхъ и выряднвшіеся въ желтые кафтаны, съ свѣтлыми бляхами, пытаются сохранить приличную важность и самовитость.

Вошелъ судья, сѣлъ за столъ, взглянулъ на 22 лежащіе передъ нимъ полицейскіе акта, и на лбу его повисли такія же черныя тучи, какъ на небѣ. Тутъ есть акты: о неосторожномъ обращеніи съ огнемъ, послѣдствіемъ чего былъ пожаръ, происшедшій вслѣдствіе ветхости трубы, или же вслѣдствіе нечистки въ продолжительное время, или еще вслѣдствіе чего-то такого; о невывозкѣ навоза на указанное мѣсто, которое никому и никогда указано не было; о затрудненіи проѣзда крестьянскими

Digitized by Google

срубами по деревнѣ Погибѣлкѣ, по единственной улицѣ коей некому и не зачѣмъ проѣзжать; о нарушеніи устава строительнаго безъ приложенія утвержденнаго плана и какихъ бы то ни было фактическихъ доказательствъ этого нарушенія; о безпатентной торговлѣ виномъ мѣщанкою Рябининой; о неисполненіи караула, о неимѣніи сосудовъ, установленныхъ на случай пожара, и т. д. и т. д.

Водворяется мертвая тишина и начинается чтеніе акта, по обвиненію крестьянина селя Гая, Андрея Батырева, въ неосторожномъ обращеніи съ огнемъ.

«Явившись на пожаръ первымъ послѣ названныхъ выше караульныхъ,—читаетъ судья,—сотскій села Гая, Пирожковъ, удостовѣрилъ, что загорѣлось съ проулка на глазахъ караульныхъ при пожарномъ обозѣ, сверху, немного ниже конька крыши сарая, гдѣ умышленно зажечь самый отчаянный злодѣй не рѣшится, такъ какъ для поджога всего удобнѣе подойти съ огородовъ, откуда поджигатель не могъ быть замѣченъ. По мнѣнію сотника Пирожкова, причиной поджога была неосторожность со стороны одного изъ братьевъ потерпѣвшаго Андрея Батырева—Филиппа, Прохора или Абрама, тѣмъ болѣе, что есть въ народѣ молва, что послѣдній тайно отъ семейныхъ куритъ папиросы.

«Потерпѣвшій Андрей Батыревъ отозвался, что во время происшествія всѣ семейные спали,—самъ онъ на крыльцѣ, братья Филиппъ и Прохоръ—въ горницѣ, а Абрамъ—въ сѣняхъ. Отчего именно загорѣлось—не знаетъ, себя виновнымъ въ неосторожномъ обращеніи съ огнемъ не признаетъ и въ поджогѣ подозрѣвать никого не можетъ. Принимая во вниманіе: 1) что загорѣлось въ такомъ мѣстѣ, гдѣ самый отчаянный злодѣй зажечь не рѣшится, 2) что потерпѣвшій Андрей Батыревъ ни на кого подозрѣнія не заявилъ, за неимѣніемъ къ сему основанія, и, наконецъ, 3) что для совершенія поджога представляется много удобствъ со стороны огорода, не рискуя быть замѣченнымъ, съ полной и несомнѣнной достовѣрностью пожаръ слѣдуетъ отнести къ собственной неосторожности обитателей дома Андрея Батырева. А потому постановилъ дознаніе это, для привлеченія крестьянина Андрея Батырева, какъ старшаго въ семействѣ, къ отвѣту по ст. 98 уст. о наказаніяхъ, передать мир. судьѣ» и т. д.

Во время чтенія вся перезябшая публика начинаетъ дремать и только обвиняемый испуганно хлопаетъ глазами, уставивъ ихъ на судью.

— Ну, что скажете, Пирожковъ?—обращается судья къ довѣренному полиціи.

Digitized by Google

— А!—испуганно вскакиваетъ вздремнувшій обвинитель (видный мужикъ, съ свѣтлой бляхой на груди).—Извѣстно... они все такъ и во вниманіе не берутъ, — не для людей, для нихъ же стараемся, ихъ же бережемъ... — скороговоркой произноситъ обвинитель и проситъ, какъ можно построже наказать обвиняемаго.

Затѣмъ попадается на глаза рапортъ волостного правленія мѣстному становому приставу объ его же, пристава, энергичныхъ дѣйствіяхъ во время пожара, истребившаго до 30 лучшихъ дворовъ села Гая.

«Хотя и были приняты мною, съ прибѣжавшимъ, по первой тревогѣ, волостнымъ писаремъ всѣ мѣры къ немедленному потушенію только-что начавшагося пожара, — гласитъ курьёзный рапортъ,—но сильный, порывистый вѣтеръ отклонилъ всѣ наши дѣйствія къ прекращенію его, пламя мгновенно пожирало одинъ домъ за другимъ, такъ что невозможно уже было подойти къ горящимъ строеніямъ, и только лишь благодаря энергичнымъ дѣйствіямъ вашего высокоблагородія пожаръ былъ остановленъ во всемъ его страшномъ разгарѣ, о чемъ и имѣемъ честь довести до свѣдѣнія вашего высокоблагородія».

Далѣе разбирается дѣло о неявкѣ на призывъ мѣщанина Григорьева.

— Что скажете?—спрашиваетъ судья обвинителя.

— Виноватъ онъ... изъ этого...

— Изъ чего?

— Да куда его требовали?..

Судья объясняетъ.

— Изъ этого виноватъ.

— Что еще скажете?

— Рѣшайте, какъ въ актахъ сказано, свыше барина ничего сказать не могу.

Большинство крестьянъ молча и покорно соглашается съ снотворной болтовней сотскихъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ между довѣренными и какимъ-нибудь, что называется у крестьянъ—«отчаяннымъ мужикомъ» поднимаются пререканія и даже горячій споръ.

— Да ихъ благородіе совсѣмъ и не заходили ко мнѣ на дворъ, да я и въ глаза не видалъ... Сейчасъ сто присягъ приму...—горячится отчаянный мужикъ.

— Кого не видалъ?—спрашиваетъ судья.

— Да станововскаго писаря!

— А развѣ писарь осматривалъ трубы, а не самъ становой?

Digitized by Google

Разбиралось дѣло по обвиненію только-что не цѣлаго селенія въ дурномъ устройствѣ трубъ.

— Извѣстно—писарь! Онъ больше наѣзжаетъ и руководитъ нами, барину ѣхать далеко... барину гдѣ собраться въ этакую даль!—безъ малѣйшаго раздраженія объясняетъ крестьянинъ.

Обвиняется Ѳомичевъ въ причиненіи угрозъ и оскорбленій сидѣльцу питейнаго заведенія.

Изъ акта видно, что Ѳомичевъ, бывши въ питейномъ, произвелъ буйство, обругалъ сидѣльца и даже, какъ сказано въ актѣ, угрожалъ ему, сказавъ: помни это!

«Усматривая въ дѣйствіи крестьянина Ѳомичева,—говорилось въ заключеніи акта,—во-1-хъ, нарушенія ст. 38 уст. о наказан., а во-2-хъ, проступокъ, подходящій подъ дѣйствіе ст. 139 уст. о наказ., и руководствуясь 48 ст. уст. суд. учрежд. постановилъ настоящій актъ передать мировому судьѣ».

Всѣ свидѣтели, выставленные въ актѣ, единогласно утверждали, что Ѳомичевъ ни въ чемъ не виноватъ, и только одинъ изъ нихъ добавилъ, что хотя Ѳомичевъ ни шума, ни драки не производилъ, но замѣтилъ сидѣльцу, что онъ и чарочное, и ведерное вино продаетъ по одной цѣнѣ.

— А чѣмъ же больше и обидѣть сидѣльца? — оживленно перебиваетъ обвинитель, видимо обрадованный тѣмъ, что нашелъ опору для обвиненія. — Сидѣльцу пуще всего, когда его вино похаютъ. Сидѣльцу это за первую обиду.

Публика просыпается, слышутся взрывы сдержаннаго смѣха.

Веселое настроеніе поддерживается появленіемъ дряхлаго старика-караульщика, благодаря ревности станового вторично привлеченнаго къ суду по одному и тому же дѣлу.

Старикъ лѣтъ 70 отличался совершенно нищенскимъ видомъ: высохшая грудь была открыта, крупныя капли падали съ длинныхъ и рѣдкихъ волосъ, вмѣсто глазъ какія-то пятна, едва примѣтныя изъ-за нависшихъ бѣлыхъ бровей.

На вопросъ, признаетъ ли себя обвиняемый виновнымъ въ томъ, что во время принятаго имъ на себя ночного караула совершилась кража сундуковъ изъ солдаткиной кельи, старикъ заговорилъ жалобнымъ голосомъ:

— Я уже осужденный, они меня второй разъ тиранятъ... я насилу приползъ... человѣкъ убогій, бѣднѣющій... у меня ничего нѣтъ... я вотъ пятую недѣлю одну рубашку ношу... не обижайте меня, пожалѣйте сколько-нибудь... Я невинный человѣкъ... вотъ теперь гляжу на тебя, а лица твоего не вижу... и добро бы не

Digitized by Google

страдалъ, а то доподлинно страдалъ и штрафъ уплатилъ... Пожалѣйте сколько-нибудь.

И это былъ ночной караульщикъ, долженствовавшій охранять цѣлое селеніе и отвѣчать за ночныя кражи!

Послѣ заявленія сотскаго, что обвиняемый привлеченъ къ суду по ошибкѣ, старикъ продолжалъ:

— Труды большіе были... Иду, иду, конца не вижу... Господи! за что, за что потревожили!.. большіе были труды...

— Полно, полно, старикъ...—утѣшалъ сотскій: — потрудился, дѣлать нечего... ничего, что потрудился... Богъ труды любитъ, на все Божья воля.

— Такъ-то оно такъ, Богъ терпѣлъ да, видно, и намъ велѣлъ.

Взрывы смѣха то-и-дѣло раздаются въ публикѣ, а веселое настроеніе принимаетъ еще болѣе широкіе размѣры, съ появленіемъ довѣреннаго по обвиненію мѣщанки Рябининой въ безпатентной торговлѣ виномъ.

На сцену выступаетъ маленькій, коренастый малый, съ открытымъ ртомъ, смѣющимися глазами и зачѣмъ-то выстриженной макушкой.

Съ перваго шага, съ перваго слова становилось ясно, что если обвинитель и не былъ окончательно блаженнымъ и юродивымъ, то, во всякомъ случаѣ, принадлежалъ къ разряду тѣхъ всѣми выпучиваемыхъ людей, безъ которыхъ, какъ извѣстно, не можетъ существовать наше общество ни высшее, ни среднее, ни крестьянское, ни одна школа, или артель.

Новый довѣренный видимымъ образомъ не только не тяготился своею ролью, но даже былъ вполнѣ счастливъ, что ему пришлось юродствовать въ такомъ большомъ обществѣ.

— Бабы докладывали мнѣ не разъ...—началъ обвинитель, ухмыляясь и обращаясь то къ судьѣ, то къ публикѣ: — Ларька, мужики пьютъ безпардоннымъ образомъ, мы, говорятъ, окны всѣ побьемъ у Рябинихи. Я говорю: а начальство что скажетъ? пожалуйста, не хлопочите... Куда тебѣ, хвосты подняли... кривомъ закричали: доведи до станового, сейчасъ доведи, не то мы, бабы, соберемся и тебя самого рогами наважемъ.

Въ публикѣ хохотъ, обвинитель ликуетъ и продолжаетъ:

— Я тебѣ про себя разскажу, какъ меня бабы собрались наказывать... Гдѣ это видано? гдѣ показано? А онѣ свое: безпремѣнно наважемъ... если не доведешь до станового... доведи до станового, безпремѣнно доведи!—Ну, и довелъ!

— Итакъ, вы обвиняете мѣщанку Рябинину въ безпатентной торговлѣ виномъ?

Digitized by Google

— Это дѣло ваше, я здѣсь впервые, и мнѣ, признаться сказать, какъ-то бо́язно, никогда въ такомъ дѣлѣ не бывалъ, опять же судовъ большихъ не видалъ.

— Просите наказать?

— Какъ я могу страннаго человѣка наказать... какъ ваша милость распорядится, такъ и будетъ. Я тоже не мало отбивался, не мало просилъ: пошлите сотскаго, такъ нѣтъ—кандидата послали... а я что́ видѣлъ, что́ знаю... Чего я знаю?..—продолжаетъ обвинитель, съ вопросительнымъ лицомъ обращаясь къ публикѣ и вызывая новый взрывъ хохота. Я только и знаю, что бѣгаю на посылкахъ: Ларька, бѣги въ волостную, Ларька, бѣги къ становому, Ларька бѣги съ повѣстками... только и знаю, что бѣгаю, и все мое дѣло въ бѣгахъ... А бабъ прошу унять... не много ли это будетъ, если бабы станутъ насъ наказывать?.. Приношу вамъ мою жалобу... Разберите мое дѣло по законамъ.

Хохотъ усиливается, терпѣніе лопается, и шутъ-обвинитель выпроваживается изъ камеры.

Выступаетъ нѣсколько нищихъ, обвиняемыхъ въ прошеніи милостыни и до такой степени олицетворяющихъ холодъ, голодъ и безмѣрную нужду, что ни одна судейская рука не поднялась бы покарать ихъ, и т. д. и т. д.

Быстро наступаетъ вечеръ... Тускло горятъ свѣчи на столѣ, заваленномъ ворохами исписанной бумаги, а судейское перо все еще продолжаетъ скрипѣть, хотя уже и не съ той бойкостью, какъ съ утра. Человѣкъ десять мужиковъ безцеремонно дремлятъ на стульяхъ, между тѣмъ какъ остальная публика мѣситъ грязь по ступицу и только что не ощупью подвигается ко дворамъ. Вдругъ, въ темномъ углу камеры, раздается громкое храпѣніе, потомъ неожиданный трескъ на-двое развалѣвшагося стула, и на полъ валится громадное тѣло заснувшаго и не въ мѣру выпившаго сотника, безпрерывно отлучавшагося къ своей телѣгѣ для подкрѣпленія.

Слѣдуетъ бурная сцена: судья горячится, вскочившій, весь взъерошенный, сотскій хочетъ что-то сказать, но не можетъ шевелить языкомъ и только мычитъ и машетъ руками, а съ ранняго утра согнувшійся письмоводитель напрягаетъ послѣднія силы и съ ужасающимъ трескомъ извѣщаетъ исправника о случившемся.

Ударило 8 часовъ, судья встаетъ не только усталый, но нѣсколько ошалѣвшій отъ утомленія, съ тяжелой, точно послѣ угара, головой и въ добавокъ съ твердымъ убѣжденіемъ, что полицейскія власти на всѣхъ перекресткахъ будутъ клясть его за массу

Digitized by Google

оправдательныхъ приговоровъ, «совершенно парализующихъ, ставящихъ вверхъ дномъ порядокъ и благоустройство въ уѣздѣ».

Вообще, мы съ прискорбіемъ должны повторить, что въ провинціи мировыя учрежденія переживаютъ ненастные, октябрьскіе дни, и на горизонтѣ не представляется ничего утѣшительнаго, или ободряющаго, ничего кромѣ быстро приближающейся зимы, помимо воли, направляющей всѣ помыслы къ теплому уголку, покойному халату, апатіи и постепенному, отчасти даже пріятному усыпленію.

Это быстрое приближеніе зимы предвѣщается и объясняется совокупностью разнообразныхъ причинъ, такъ или иначе, болѣе или менѣе неблагопріятно отзывающихся на процвѣтаніи мировыхъ учрежденій, долженствовавшихъ, по заблужденію многихъ, исцѣлить наше общество отъ всѣхъ обуявшихъ его золъ и недуговъ.

На первомъ планѣ такихъ неблагопріятныхъ причинъ выступаетъ подавляющая масса народнаго невѣжества и величайшая неурядица сельскаго быта, всей своей тяжестью напирающая на плечи судьи, если только онъ не одеревенѣлъ и не акклиматизировался какъ слѣдуетъ.

Онъ, то-есть сельскій мировой судья, и едвали не онъ одинъ имѣетъ полную возможность наблюдать за дѣятельностью мѣстной полиціи, являющейся предъ нимъ не приглаженной, не въ форменномъ мундирѣ, а по домашнему, то-есть заспанной и немытой.

Въ судейской прихожей хныкающій въ сѣдую бороду старецъ, у котораго по рѣшенію волостного суда отобрана лошадь, будто бы промѣненная имъ «въ безчувственно-пьяномъ образѣ» другому, какъ говорится въ рѣшеніи суда, «вполнѣ достовѣрному мужику», смѣняетъ тётку Акулину, получившую общую извѣстность, благодаря мужу, первому пьяницѣ въ окрестности, пропившему, наконецъ, свои собственныя ворота.

Тётка Акулина нѣсколько разъ прибѣгала къ ненавистному ей волостному суду, но никогда еще не приходила она въ такое неописанное ожесточеніе, какъ послѣ рѣшенія о пропитыхъ мужемъ воротахъ,—рѣшенія, по смыслу коего съ нея же, Акулины—взыскивались какіе-то 3 рубля неустойки.

— «Я найду на васъ другой судъ: царскій, праведный!» грозитъ Акулина—и, тутъ же обозвавъ почтенныхъ судей безстыжими рожами, стремглавъ бѣжитъ къ мировому, чтобы своими воплями и причитаніями отравить его жизнь, а въ заключеніе—только-что не обругать за очевидное и необъяснимое бездѣйствіе.

Digitized by Google

Въ теченіи всего лѣта къ сельскому судьѣ врываются управляющіе и землевладѣльцы, не менѣе тётки Акулины возмущенные бѣгствомъ рабочихъ, а въ зимнее время камера по нѣскольку разъ въ мѣсяцъ наполняется толпами оборванныхъ и голодныхъ мужиковъ, благодаря неправильно истолкованной 209 ст. уст. гражд. судопр., вызванныхъ изъ другого уѣзда, часто за сотни и болѣе верстъ къ отвѣту по условіямъ, не всегда исполнимымъ, особенно когда требуется [1]), «чтобы на хлѣбопашественныхъ и всякихъ работахъ, также и извозахъ въ дорогѣ, на кормешкахъ рабочіе отдыховъ ни себѣ, ни животнымъ самолично не дѣлали, а въ праздничные и воскресные дни не отказывались работать въ видѣ помочи, а прохворные дни отработывали бы вдвое послѣ срока, а въ случаѣ неповиновенія, пьянства, буйства, драки, ссоры, ругательства, неприличнаго съ кѣмъ бы то ни было, подговоръ и подстрекательство къ тому другихъ рабочихъ, а равно и за самовольный прогулъ, повинны за каждый разъ рублю удержки, а за преждевременный уходъ съ работы должны безпремѣнно возвратить нанимателю вдвое полученный задатокъ» — и такъ далѣе, и все это съ двойными и тройными штрафами и съ круговою, другъ за друга, порукою — не только за неисполнившихъ работу, но и за умершихъ.

Условіе нарушено, взятые впередъ за жнитво 3 рубля мигомъ превращаются въ 12 рублей [хозяинъ доказываетъ, что платилъ за жнитво по 6-ти рублей и, согласно условію, требуетъ уплаты вдвое, то-есть 12 руб.] и вотъ уже готово разореніе мужика, соединенное съ зимней прогулкой въ 200 верстъ къ мировому. Все болѣе и болѣе набивается тѣсная камера, неописанный гвалтъ царитъ въ ней съ ранняго утра до глубокой ночи; охрипшій и взмокшій отъ жары истецъ налетаетъ на хилаго, подслѣповатаго и почти голаго татарина, требуя уборки оставшихся отъ прошлаго года 20 десятинъ; тотъ молчитъ и хлопаетъ глазами, между тѣмъ какъ 25 отвѣтчиковъ клянутся въ его невинности, а 25 другихъ настойчиво требуютъ законныхъ, вѣроятно рабочихъ книжекъ [2]), безъ которыхъ ни подъ какимъ видомъ не соглашаются входить въ какія-либо новыя сдѣлки съ истцомъ. Наконецъ, всѣ перестаютъ понимать другъ друга, а солдатъ-сторожъ проситъ позволеніе отлучиться, такъ какъ ему сдѣлалось дурно отъ тѣсноты и неумолкаемаго гама.

---

[1]) Заимствовано изъ условія, постоянно прилагаемаго къ прошеніямъ одного крупнаго землевладѣльца изъ разбогатѣвшихъ управляющихъ.

[2]) Рабочіе постоянно требуютъ законныхъ книжекъ.

Digitized by Google

Какая же весна и какое самоотверженіе въ состояніи устоять противъ такого порядка вещей, если прибавить къ этому нескончаемыя, вошедшія въ привычку, лжесвидѣтельства, ревностную готовность волостного начальства засвидѣтельствовать, чью хотите, несостоятельность, на годъ и болѣе удержать въ своемъ распоряженіи взысканныя по исполнительному листу деньги и, наконецъ, несомнѣнное сознаніе судьи, что при нашихъ разстояніяхъ и сообщеніяхъ онъ нуженъ, доступенъ и существенно полезенъ только для какой-нибудь одной, ближайшей къ нему, волости.

Затѣмъ быстрое приближеніе зимы и неизбѣжный упадокъ провинціальныхъ мировыхъ учрежденій возвѣщается и обусловливается очевиднымъ недостаткомъ въ людяхъ, достойныхъ нести обязанности сельскихъ судей, накопленіемъ вполнѣ акклиматизировавшихся и въ то же время обѣднѣвшихъ землевладѣльцевъ, жаждущихъ судейскаго содержанія; полнымъ охлажденіемъ мѣстной интеллигенціи къ безвозмездному исполненію обязанности почетнаго судьи, охлажденіемъ, выразившимся, наконецъ, тѣмъ, что всѣ землевладѣльцы какого-то уѣзда отказались баллотироваться въ эту должность; поражающимъ легкомысліемъ избирателей, готовыхъ даже, шутки ради, прокатить на вороныхъ самаго полезнаго судью; существеннымъ измѣненіемъ, послѣдовавшимъ во взглядѣ сената на мировыя сдѣлки, ясно выразившемся въ рѣшеніи 1869 г. за № 604-мъ, изъ коего вытекаетъ, что тяжущіеся, окончившіе свое дѣло мировой у судьи, въ случаѣ неисполненія отвѣтчикомъ своихъ обязательствъ, не имѣютъ права на немедленное полученіе исполнительнаго листа, а обязаны вновь предъявлять искъ; ничтожнымъ, сравнительно съ весеннимъ періодомъ, количествомъ мировыхъ сдѣлокъ, ни мало не располагающихъ къ себѣ тяжущихся, въ виду возможности вести два раза одно и то же дѣло, чѣмъ несомнѣнно парализуется самая выдающаяся, желанная и полезная сторона дѣятельности судьи, только-что не окончательно утратившаго самое значеніе судьи «мирового»; быстрымъ увеличеніемъ и безъ того громадной лавины кассаціонныхъ рѣшеній, загнавшихъ судейскую совѣсть въ слишкомъ тѣсное и узкое помѣщеніе и нерѣдко подавляющихъ здравый, практическій взглядъ на дѣло и законное, понятное въ каждомъ порядочномъ человѣкѣ, желаніе быть и оставаться самимъ собой, не отступая отъ своихъ убѣжденій.

Что за зима! какая тутъ зима! — скажутъ многіе: къ чему излишнія и ненужныя ухищренія, когда охлажденіе и апатія большинства мировыхъ судей объясняется весьма просто, давно извѣстнымъ свойствомъ славянской натуры—горячо браться за

Digitized by Google

всякое новое дѣло, увлекаться на первыхъ порахъ, чтобы потомъ быстро остыть, впасть въ уныніе и апатію. Но, по нашему крайнему разумѣнію, такое ходячее, часто повторяющееся и слишкомъ злоупотребляемое мнѣніе должно быть, наконецъ, сдано въ архивъ, чтобы болѣе не вводить въ заблужденіе людей, мало знакомыхъ съ положеніемъ сельскаго обывателя, рѣшившагося, помимо всякихъ лукавыхъ мудрствованій о томъ: полезна ли грамотность для крестьянъ, удовлетворяютъ ли своему назначенію ссудо-сберегательныя товарищества, слѣдуетъ ли надѣвать судейскую цѣпь, наконецъ, помимо всякихъ печатныхъ и словесныхъ соболѣзнованій о колоссальности зла, помимо всего этого,—не сидѣть сложа руки, подобно культурному человѣку, обрисованному Щедринымъ, а, вопреки естественному въ каждомъ человѣкѣ чувству самосохраненія, выступить въ неблагодарной, никому не подсильной и нерѣдко смѣшной роли провинціальнаго дѣятеля, то-есть сельскаго судьи, ревнителя народнаго просвѣщенія, устроителя ссудо-сберегательныхъ товариществъ, и т. д. и т. д.

Тутъ прежде всего поражаетъ мысль, почему именно роковое заключеніе о неустойчивости славянской натуры почти исключительно примѣняется къ провинціальному дѣятелю, оказываясь нисколько не подходящимъ хотя бы къ чиновникамъ контрольнаго или другого вѣдомства, ничѣмъ не связаннаго съ опальнымъ захолустьемъ и, наконецъ, почему даже люди новаго поколѣнія, повидимому, полные энергіи и самоотверженія на пользу меньшей братіи, почему эти люди, съ которыми мы имѣли случай познакомиться въ образѣ юныхъ земскихъ врачей, также точно не выдерживаютъ провинціальной дѣятельности и бѣгутъ, на скорую руку, пріискивая разнообразные предлоги и ссылаясь то на невозможность продолжать научныя занятія, то на притѣсненія управскихъ чиновниковъ, то на одуряющую скуку; послѣднее въ глазахъ нашихъ остается самымъ простымъ и искреннимъ объясненіемъ указаннаго явленія, не представляющаго ничего страннаго и возмутительнаго гдѣ-нибудь въ провинціи, «въ какомъ-нибудь чухломскомъ или сызранскомъ уѣздѣ, гдѣ, по увѣренію одного путешественника, людей даже рветъ подъ-часъ съ тоски и скуки».

Здѣсь мы могли бы разсказать массу случаевъ, нарисовать цѣлый рядъ провинціальныхъ типовъ, взятыхъ прямо изъ жизни и наглядными образомъ убѣждающихъ насъ въ справедливости словъ, сказанныхъ кѣмъ-то, что скука, это—душевная ржавчина, погубившая гораздо болѣе людей, чѣмъ всѣ излишества и страсти, взятыя вмѣстѣ.

Digitized by Google

Да, наконецъ, почему только у насъ на Руси принято говорить: «похоронить себя въ деревнѣ», вмѣсто того, чтобы сказать: «поселиться въ деревнѣ», почему отъ нашей деревни съ ужасомъ открещивается не только городской культурный человѣкъ, но и городская прислуга: кучера, дворники и т. д., ни подъ какимъ видомъ не соглашающіеся ѣхать въ глушь и въ одинъ голосъ указывающіе все на ту же неодолимую скуку.

Каковы же должны быть размѣры сельской скуки, когда ее не въ состояніи выносить даже нервы кучеровъ и дворниковъ! Откладывая до другого, болѣе удобнаго случая обстоятельную бесѣду о положеніи провинціальнаго дѣятеля, мы уже теперь предчувствуемъ вопросы, съ коими въ правѣ обратиться къ намъ читатель, познакомившійся съ настоящимъ очеркомъ, неизбѣжные вопросы о томъ, какъ отвратить приближеніе зимы, прогнать апатію? Какимъ образомъ поддержать мировыя учрежденія, неоспоримо покатившіяся внизъ, по наклонной плоскости, и, наконецъ, какимъ образомъ остановить слишкомъ очевидное, совершающееся на нашихъ глазахъ нравственное и экономическое разстройство опальнаго захолустья?

Рѣшеніе такихъ вопросовъ съ перваго взгляда представляется дѣломъ, какъ нельзя болѣе легкимъ, такъ какъ вѣчное, въ большинствѣ случаевъ одиночное, размышленіе о судьбахъ отечества, размышленіе про себя, въ четырехъ стѣнахъ комнаты, въ послѣднее время сдѣлалось неотвязчивой потребностью русскаго человѣка, во всякое время зараженнаго подобными размышленіями и всегда готоваго осыпать градомъ самыхъ разнообразныхъ совѣтовъ, предложеній и проектовъ—разнообразныхъ, потому, что у каждаго есть свой конёкъ, свое горе, своя дума.

Дайте только малѣйшій толчокъ чрезъ край накопившимся мыслямъ, и на васъ точно изъ рога изобилія посыплется: замѣнить волостной судъ мѣстными всесословно-судебными мировыми учрежденіями, сдѣлать судъ и нотаріатъ какъ можно сподручнѣе и доступнѣе для народа, по возможности расширить аттрибуты мирового института, усиливъ составъ его судьями по назначенію отъ правительства, сдѣлать, по-крайней-мѣрѣ, трехъ-лѣтнюю службу по мировымъ учрежденіямъ обязательной для людей съ высшимъ юридическимъ образованіемъ, а также пригласить мѣстную интеллигенцію волей или неволей нести должность почетнаго судьи, дать уставъ о рабочихъ, приступить къ нѣкоторымъ измѣненіямъ положенія 19-го февраля, начиная съ улучшенія положенія крестьянъ, получившихъ при освобожденіи «въ даръ» четверть

Digitized by Google

надѣла, и кончая безусловнымъ воспрещеніемъ отчужденія крестьянской земли въ постороннія руки, приступить къ устройству доступныхъ ссудосберегательныхъ товариществъ подъ наблюденіемъ оффиціальныхъ лицъ, упразднить податную систему и вообще, насколько возможно, уменьшить крестьянскіе платежи, проложить дороги, поднять нравственность и образованіе полиціи, сократить число кабаковъ, сдѣлать рѣшительный шагъ къ обязательному обученію, очистить сельскіе приходы отъ пастырей нетрезвой жизни и исключительно коммерческихъ наклонностей, и т. д. и т. д., безъ конца...

Вотъ они, хорошо извѣстные, всегда готовые и несомнѣнно правдивые совѣты и предложенія; но если только поразмыслить надъ этимъ изобиліемъ благодѣтельныхъ мѣръ, не въ столичномъ кабинетѣ, даже не въ столичномъ городѣ, за чертой котораго сейчасъ же начинается другой міръ, такъ-сказать, другая Россія, а гдѣ-нибудь въ глуши, въ какой-нибудь Хохловкѣ, Шиповкѣ или Погибѣлкѣ, съ глазу на глазъ съ поголовнымъ невѣжествомъ, вѣчнымъ заревомъ пожаровъ, непрерывными скотскими падежами, безчинствомъ пьяной толпы вокругъ омерзительныхъ кабаковъ, съ соперничествомъ между сельской полиціей и народомъ въ томъ, кто сильнѣе въ сквернословіи и рукопашномъ бою, съ проселочными дорогами, какъ нельзя лучше препятствующими сообщенію захолустья съ городами и торговыми рынками, съ ужасающей бѣдностью, но не всегда понятной, не всегда объяснимой и нерѣдко существующей тамъ, гдѣ, казалось бы, соединяется много условій, исключающихъ крайность и нужду, съ чисто форменнымъ характеромъ сѣвшаго на мель школьнаго дѣла, съ глубокими поклонами мѣстной интеллигенціи при малѣйшемъ поползновеніи завербовать ее въ число безвозмездныхъ земскихъ дѣятелей, съ отсутствіемъ всякихъ стремленій, выходящихъ изъ уровня животныхъ и проч. и проч.,—въ такомъ случаѣ, дѣло принимаетъ совершенно иной оборотъ, и за каждой счастливой мыслью сейчасъ же слѣдуетъ несчастная, за каждымъ полезнымъ, вѣскимъ предложеніемъ, слѣдуетъ еще болѣе вѣское возраженіе, а за каждымъ отраднымъ ожиданіемъ, точно хвостъ, тянется сомнѣніе, граничащее съ полнѣйшимъ отчаяніемъ.

Въ захолустьѣ голова отказывается работать, мимо ушей пропускаются сотни благодѣтельныхъ проектовъ. Теряешь способность надѣяться, ожидать лучшаго, и все понятнѣе становится отвѣтъ одного изъ предсѣдателей губернской управы, представившаго собранію правдивую и мрачную картину положенія края.

Digitized by Google

— Какъ же поправить дѣло?—спросили гласные.

— Не знаю,—отвѣчалъ предсѣдатель.

Въ этихъ немногихъ честныхъ словахъ, какъ нельзя болѣе, отражается душевное настроеніе каждаго безпристрастнаго наблюдателя современной глуши, но въ то же время какой-то неумолкаемый, не дающій покоя, внутренній голосъ то-и-дѣло твердитъ и напоминаетъ о необходимости общей, дружной, обновительной работы, для блага родного края, наперекоръ унынію, апатіи, наперекоръ страшной неурядицѣ, имѣющаго всѣ задатки, всѣ права на великое и счастливое будущее.

Валеріанъ Назарьевъ.

Digitized by Google

МОЛОДЫЕ ПОБѢГИ

ПОВѢСТЬ.

Окончаніе.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ *).

I.

Школа, открытая молодымъ Кошатниковымъ, пошла весьма успѣшно: дѣти посѣщали ее охотно и въ большомъ числѣ. Не малую приманку представляло то, что каждому вновь поступающему ученику и ученицѣ выдавались, смотря по нуждѣ: валеные сапоги, шапки, платки, а нѣкоторымъ даже полушубки. Рѣшено было, чтобы дѣвочки учились вмѣстѣ и одновременно съ мальчиками, и родители не видѣли въ этомъ ничего предосудительнаго, несмотря на то, что въ числѣ школьниковъ были порядочные подростки. Ученье шло почти цѣлый день, съ утра до вечера: черезъ каждые два часа Проскуровъ и Алёна Николавна смѣняли другъ друга и занимались съ дѣтьми по-очередно. Успѣхъ школы чрезвычайно воодушевлялъ, способныхъ къ увлеченію и восторженности, наставниковъ: оба они были просто счастливы, очень подружились между собою и первое время отдавались своему дѣлу такъ, какъ-будто никакого другого и на свѣтѣ нѣтъ. Съ нетерпѣніемъ ожидали они ближайшаго праздника, въ который предполагали открыть воскресный классъ для взрослыхъ. И здѣсь удача превзошла даже ожиданія: въ назначенный

*) См. выше: апрѣль, 548 стр.

Digitized by Google

день наплывъ рабочихъ былъ такъ великъ, что обширная школьная изба не могла помѣстить за-разъ всѣхъ жаждавшихъ премудрости; между ними, впрочемъ, надо правду сказать, было не мало и такихъ, которые шли изъ любопытства, изъ желанія угодить молодому хозяину и изъ смутной надежды получить отъ его щедротъ если не валеные сапоги, такъ хоть, по-крайности, на-чай. Юные педагоги, разумѣется, не предполагали даже возможности подобныхъ побужденій и видѣли въ этомъ наплывѣ народа несомнѣнное доказательство жажды знанія въ массѣ. Александръ Кузьмичъ, пріѣхавшій въ школу съ ранняго утра, хотѣлъ тоже участвовать какъ преподаватель въ воскресномъ урокѣ; но открытіе воскреснаго класса и первый урокъ въ немъ Алёна Николавна отвоевала себѣ, доказывая, что она первая подала мысль о школѣ — и преимущественно воскресной — и что она по праву должна открыть ее: противъ этого никто не сталъ и возражать.

Въ сопровожденіи Кошатникова и Проскурова, Алёна Николавна вышла къ собравшейся передъ школою толпѣ и произнесла къ ней длинную, восторженную рѣчь, въ которой привѣтствовала народъ съ начинающимся пробужденіемъ послѣ тысячелѣтняго сна, объясняла: какой свѣточъ вносятъ въ мракъ окружающей жизни знаніе и наука, какой залогъ скораго освобожденія отъ всѣхъ настоящихъ золъ и бѣдствій представляетъ собою школа и грамотность; внушила однако, что грамотность не есть цѣль, а только орудіе для иныхъ высшихъ цѣлей, и тутъ же обрисовала эти цѣли, — коснулась экономическаго положенія рабочихъ и того, которое должно бы быть и возможно въ будущемъ, и все это заключила указаніемъ на добрыя намѣренія Александра Кузьмича: — Онъ, говорила она, хочетъ возвысить плату, уменьшить число рабочихъ часовъ, допустить васъ къ участію въ прибыляхъ...

— Покорнѣйше благодаримъ, батюшка, Александра Кузьмичъ... Дай Богъ тебѣ много лѣтъ здравствовать!.. — загудѣла толпа.

— Мы оченно согласны служить вашей милости: какъ родителю твоему служимъ, такъ и тебѣ... Ото всей души...

— А это точно, что надбавочку сдѣлать надо!.. Обиденько платите: въ другихъ мѣстахъ, слышно, больше...

— Да штрапы, штрапы, ты съ насъ сними, Александра Кузьмичъ!.. Это первымъ долгомъ: оченно они насъ донимаютъ, штрапы эти... не будь имъ ладно!..

— Да и приказчиковъ поуйми, Александра Кузьмичъ: тѣс-

Digitized by Google

нять, страсть какъ тѣснять, насчитываютъ... прижимки всяки дѣлаютъ!..

— Моему Сенькѣ надбавь, Александра Кузьмичъ: ну, что, мальченко живетъ — сорокъ копѣекъ въ недѣлю?.. не прокормишься...

— А моя-то Катька?.. Да самъ я, братцы, три рубля въ мѣсяцъ живу... мужикъ!.. можно ли то сдумать?..

Алёна Николавна едва могла остановить заявленія расходившейся толпы, насилу могла сосредоточить опять на себѣ ея вниманіе и заставить слушать себя...

Вся краснѣя отъ волненія и сіяющая отъ внутренняго довольства, она, заключивъ свой спичъ приглашеніемъ учиться, пошла въ школу.

— Какъ вы отлично говорили! — сказалъ съ восторгомъ, искренно увлеченный Александръ Кузьмичъ.

— Спасибо!—отвѣчала она, съ чувствомъ пожимая его руку. — Я бы еще имъ многое сказала, но удержалась на первый разъ...

— И то не переложили ли?.. — вопросительно замѣтилъ Проскуровъ.

— Да-а, были мѣстечки, были очень забористыя!.. Я тоже подумалъ!.. —согласился Кошатниковъ.

— Нельзя-съ, нельзя... Безъ этого нельзя: надо было имъ намекнуть, что тутъ не одно ученье грамотѣ... Надо было возбудить ихъ мозги... И кажется, я достигла цѣли... Пускай переживаютъ и думаютъ!.. Мы должны дѣйствовать осторожно, но рѣшительно... Другого такого случая, пожалуй, не скоро дождешься: надо было дать массѣ нервный толчокъ — и я его дала... Можетъ быть, они половины не поняли, но это ничего: пускай подумаютъ!..

— Но какъ говорить-то, Василій Якимычъ, Алёна Николавна?.. Замѣчательно!..—обратился Кошатниковъ къ Проскурову.

— Да, ораторъ, ораторъ вполнѣ!..

— Да, во мнѣ это есть!—съ самодовольной улыбкой соглашалась Алёна Николавна.—Это замѣтили еще въ Петербургѣ, въ кружкáхъ, гдѣ я всегда брала слово: меня любили слушать и хвалили... Я часто убѣждала и тамъ!.. Но, однако, милые товарищи, пора за дѣло...

Алёна Николавна начала урокъ.

Въ толпѣ, передъ которою ораторствовала Алёна Николавна, стоялъ Кирила; въ числѣ первыхъ онъ протерся и въ самую школу. Никто изъ рабочихъ еще не зналъ его. Онъ только на-

Digitized by Google

канунѣ пришелъ на фабрику, переночевалъ въ деревнѣ, собирая справки о Паранѣ и Чернушкинѣ, и вслѣдъ за другими присоединился къ толпѣ, стоявшей около вновь открытой школы. Рѣчь Алёны Николавны заинтересовала его: какъ человѣкъ бывалый, онъ съ-разу понялъ и осмыслилъ ее по-своему, а участіе въ дѣлѣ хозяйскаго сына заставило его мгновенно сообразить, что было бы очень выгодно познакомиться и обратить на себя вниманіе Алёны Николавны. Послѣ отъѣзда Дарьи Тихоновны и Парани, Кирила скоро узналъ, куда онѣ скрылись. Первое время сильно бѣсновался, пьянствовалъ, ничего не хотѣлъ дѣлать, ругалъ и билъ жену безъ всякаго повода, а какъ только отецъ вышелъ изъ старшинъ — совсѣмъ ушелъ изъ дома. Онъ явился сюда не только съ цѣлью розыскать и вновь преслѣдовать Параню, но и наняться въ рабочіе на фабрику, съ тѣмъ, чтобы потомъ добиваться мѣста приказчика. Посредство Алёны Николавны, казалось ему, могло бы помочь ему даже и въ этомъ отношеніи. Онъ рѣшился какъ-нибудь заговорить съ учительницей.

«Надо книжки у нея попросить почитать!» мелькнуло у него въ головѣ. «Про которыя она книжки говорила... такую бы!..»

Онъ протискался впередъ и терпѣливо стоялъ и слушалъ, какъ Алёна Николавна объясняла буквы.

— Какъ вы легко учите... Совсѣмъ не какъ насъ учили: у васъ легко понимать грамотѣ!..—проговорилъ онъ, когда Алёна Николавна подошла близко къ нему.

— А вы развѣ грамотный?—спросила она.

— Сколько угодно: и читать, и писать...

— Что же вы здѣсь слушаете?

— Да оченно мнѣ любопытно: какимъ манеромъ вы обучаете... Такъ зашелъ съ прочими, да и заслушался... Чудесный этотъ манеръ у васъ!.. Наши старинные учителя такъ не умѣютъ: насъ все учили азъ да буки, буки да азъ—ба!.. Скоро ли поймешь?.. По вашему—много легче!..

— Вы здѣшній рабочій?.. — поинтересовалась Алёна Николавна.

— Нѣтъ, еще только наниматься пришелъ... Вотъ завтра въ контору пойду... Да сказываютъ—не очень принимаютъ, а я бы и по письменной части могъ...

Алёна Николавна хотѣла-было отойти, чтобы продолжать урокъ.

— Да я вотъ слушалъ, какъ вы говорили тамъ на улицѣ,— остановилъ онъ ее: — все вы правду говорили, я все понялъ... Другіе прочіе, пожалуй, что и не вникли въ ваши слова, а я

Digitized by Google

все даже понялъ... Именно, что злодѣи, и все отъ нашего невѣжества!.. Вотъ бы вы мнѣ книжку дали почитать, что говорили...

— Ахъ, очень рада!..—встрепенулась Алёна Николавна.— Съ удовольствіемъ!.. Сегодня я до вечера здѣсь пробуду на урокѣ: мнѣ нѣкогда... А вы приходите вечеркомъ ко мнѣ: я живу въ деревнѣ Прислонихѣ, въ избѣ Авдѣя; спросите тамъ только Алёну Николаеву: меня такъ зовутъ... А то Дарью Тихоновну, изъ Онучина: мы вмѣстѣ живемъ... Вотъ, приходите и потолкуемъ... А то вотъ что: подождите меня здѣсь,—я кончу свой урокъ, и пока другіе будутъ учить,—сбѣгаю домой перекусить: вотъ вмѣстѣ со мной и пойдемте... Я и книжку вамъ дамъ...

У Кирила при имени Дарьи Тихоновны даже въ глазахъ зарябило, и онъ едва въ силахъ былъ выговорить:

— Это ужъ на что лучше... Я подожду здѣсь... Не оставьте... Очень желательно почитать: любитель я большой...

— Хорошо, хорошо!..

Алёна Николавна продолжала свой урокъ. Кирила сидѣлъ, но не слушалъ уже ее, а думалъ о Паранѣ:

— Вотъ она, судьба-то!.. Искалъ, разузнавалъ, разспрашивалъ, а вотъ гдѣ не чаялъ, тутъ и получилъ... Нѣтъ, Параня, видно, тебѣ не уйти отъ меня...

Задумавшись, Кирила не замѣтилъ, какъ въ школу вошелъ и протискался черезъ толпу Ѳедя; но голосъ его, когда онъ заговорилъ съ Алёной Николавной, заставилъ Кирилу вздрогнуть и придти въ себя: мелькомъ взглянувши въ ту сторону, гдѣ стоялъ Ѳедя, онъ торопливо и какъ-бы невольно отворотился, стараясь остаться незамѣченнымъ.

— Что это вы опоздали? — спрашивала Алёна Николавна, протягивая Ѳедѣ руку.

— Да я нарочно не торопился... Что же, вѣдь, васъ здѣсь трое: думаю, поспѣю еще, до меня не скоро чередъ дойдетъ... Да еще и нуженъ ли буду сегодня?..

— Кромѣ этого: вамъ слѣдовало бы быть на открытіи... У насъ все отлично сошло: я привѣтствовала нашихъ учениковъ рѣчью... Говорятъ, хорошо сказала!.. Напрасно вы не пришли...

— Ну, что же дѣлать... Жалко!.. Василій Якимычъ тамъ, что ли?..

Онъ указалъ на перегородку.

— Да, тамъ съ Александромъ Кузьмичемъ...

Ѳедя хотѣлъ идти туда.

— Погодите, погодите...—остановила его Алёна Николавна.—

Digitized by Google

Я представляла уже нашимъ ученикамъ себя, Проскурова и Кошатникова: надо, чтобы они знали и васъ...

Ѳедя, чувствовавшій себя во все время рѣчи Алёны Николавны предметомъ общаго вниманія, смутился, стоялъ опустя голову, переминался и поспѣшилъ уйти за перегородку, какъ только учительница кончила.

«Больно ужъ много она говоритъ... Дѣла еще нѣтъ, а она все сказываетъ... Народъ всякій, вѣдь, тутъ...» думалось Ѳедѣ.

Онъ вошелъ за перегородку встревоженный.

— Сколь много народа подобрано у васъ всякаго, разнаго... И все значитъ для нашей науки!.. Значитъ... съ качествами... знающіе... по этой части!..—замѣтилъ одинъ рабочій съ глуповатымъ лицомъ, считая нужнымъ что-нибудь сказать и съ своей стороны. Алёна Николавна не успѣла еще отвѣтить ему, какъ къ ней обратился съ прямымъ уже вопросомъ другой:

— А что, будетъ намъ поддержка какая ни на есть... въ случаѣ чего?..

— Какая поддержка?.. Въ какомъ случаѣ?..—живо переспросила Алёна Николавна.

— А на счетъ всякой нужды?.. Если нужда какая приспѣетъ... денежекъ попросить, али что?.. Можно, чай, къ Александру-то Кузьмичу?..

— Тутъ дѣло идетъ не о личной нуждѣ каждаго, а объ общемъ дѣлѣ... чтобы всѣмъ было хорошо...—съ замѣтнымъ неудовольствіемъ отозвалась Алёна Николавна...—Я вамъ, кажется, объясняла давеча въ своей рѣчи... Впрочемъ, теперь, господа, не время разговаривать: мы отвлекаемся отъ урока... Я буду продолжать...

Кирила, боясь новой встрѣчи съ Ѳедоромъ, потихоньку выбрался изъ школы; онъ рѣшился дожидаться Алёны Николавны на улицѣ. Вслѣдъ за нимъ вышли еще двое изъ соскучившихся учениковъ.

— Ну, что?..— спросилъ одинъ другого.

— Да что, парень... Бойка больно эта дѣвка: за всѣхъ одна отвѣчаетъ!.. Тѣхъ всѣхъ смяла: не могутъ, значитъ, противъ нея!.. Вонъ Александра Кузьмичъ, хозяйскій сынъ, и тому не уважаетъ...

— Значитъ, учена больше... къ этому...

— Нѣтъ, а я все думаю, братецъ ты мой, что́ за чудо за такое: съ чего это все взялось?.. и на какую статью они дѣло это самое наворачиваютъ?.. Ну, пущай училище... Что же?..

Digitized by Google

оно ничего!.. Кому требуется, оно въ пользу!!. А вотъ на-счетъ жалованья-то прибавки и на-счетъ всего прочаго?.. Любимъ, говоритъ, стараемся для васъ!.. Всей душой: что́ угодно!.. Ну, пущай дѣвка-то эта: ей все равно, не свое, чужого не жалко... А вотъ Александра-то?.. Чудное дѣло, съ чего тотъ-то?.. Стоитъ, слушаетъ: стало промежъ нихъ за-одно... только-что разговоръ этотъ отъ нея идетъ, что бойчѣе она ихъ... въ рѣчахъ!.. Такъ думаю, что у нихъ съ отцомъ, съ Кузьмой Иванычемъ, да и съ зятемъ-то, стало быть, не лады: воли ему никакой не даютъ, къ дѣлу не припускаютъ!... вотъ онъ рабочихъ всѣхъ и хочетъ на свою руку переманить, чтобы на тѣхъ не взирали, а на него бы надѣялись!.. Переманиваетъ, значитъ, за себя!.. Не хочетъ ли ужъ свое заведеніе заводить, такъ я полагаю?..

— Такъ, вѣдь, это надо бы ему водки выставить... Безъ водки что́ же тутъ будетъ?.. Ничего не подѣлаетъ!.. А, вѣдь, ничего даже... и званія не было никакого, на-счетъ угощенія хошь бы... И не обѣщалъ, что, молъ, угощу васъ, робята, постарайтеся для меня... Ничего этого!..

— Правда, что... Чудно, провалиться, чудно!.. Ничего даже и не удумаешь...

— Э, да ну ихъ!.. Подёмъ въ трактиръ... Не цѣлы же сутки здѣся проклажаться...

— Подёмъ и есть...

Кирила остановилъ ихъ вопросомъ:

— А что, братцы, хочу я васъ спросить: эта дѣвка-то въ полюбовницахъ, что ли, у хозяйскаго-то сына?..

— А ты что же? Вновѣ, что ли, здѣся?..

— Да я только-что пришелъ наймоваться...

— Отколь будете?..

— Дальній я: верстъ за двадцать за пять...

— Кто ихъ знаетъ!.. Болтаютъ, будто купцы-то ее изъ дома прогнали, что запримѣтили промежъ нихъ... А и то сказать: кто-жъ ихъ душу вѣдаетъ...

— Да съ лица-то она не больно способна... На фабрикѣ-то, чай, много народа: получше ея найдутся?..

— Да какъ не найтись; вонъ, люди и то болтаютъ, что будто она сводитъ Александра-то съ дѣвкой съ одной... Ну, та красива!.. Будто затѣмъ и на деревнѣ живетъ она у этой самой дѣвки... И то можетъ статься... Кто ихъ знаетъ!.. Ты что теперича?.. Подёмъ съ нами въ трактиръ-что ли... Можетъ, угостишь, по новости, для знакомства-ради?..

— Нѣтъ, некогда теперь: дѣло есть... А вдругорядь повстрѣ-

Digitized by Google

таемся, съ нашимъ удовольствіемъ!.. Отчего же!.. Очень можно!.. Будьте знакомы...

Новый слухъ о Паранѣ, былъ ли онъ сплетня или правда, доставилъ Кириллѣ чувство злобной радости.

«Ага, Ѳедька...» думалъ онъ, «увезъ ты ее отъ меня, да, видно, и самому не достанется!.. Извѣстно, коли купеческій сынъ обихаживаетъ, такъ станетъ ли она на тебя смотрѣть... Вотъ это ладно!.. Ужъ коли не мнѣ, такъ по крайности и не тебѣ!..»

Съ этими злорадными думами онъ дождался, наконецъ, Алёны Николавны. Скорымъ шагомъ, сосредоточенно шла она по направленію Прислонихи. На ней былъ простой крестьянскій полушубокъ, голова повязана большимъ платкомъ. Наружнымъ видомъ она ничѣмъ не отличалась отъ крестьянской бабы. Кирилла догналъ ее.

— Я все васъ поджидалъ,—сказалъ онъ,—книжку-то дать обѣщали... Не оставьте...

— А-а, да... Пойдемте, пойдемте... Вотъ кстати и потолкуемъ дорогой.

Между ними живо завязался горячій разговоръ, въ которомъ Кирилла съумѣлъ показать себя передъ Алёной Николавной съ самой выгодной стороны. Лукавый отъ природы, онъ съ-разу понялъ, что́ нужно учительницѣ: прикинулся мрачнымъ, озлобленнымъ, недовольнымъ, готовымъ на все...

Алёна Николавна была въ восторгѣ, что нашла еще новаго и такого энергическаго дѣятеля.

— Я не ожидала, не думала, что вы такъ много понимаете, что у васъ такія идеи... Вамъ надо только еще прочитать кое-что—и вы будете совсѣмъ готовы!.. Я вамъ дамъ нѣсколько такихъ книжекъ: вы будете читать неграмотнымъ вслухъ, а грамотнымъ раздавать... Я надѣюсь, что съ вами у насъ дѣло пойдетъ рѣшительнѣе и быстрѣе... Чернушкинъ какъ-то ужъ черезъчуръ остороженъ, трусливъ: иной разъ онъ просто бѣситъ меня, и заставляетъ думать, что не вполнѣ преданъ нашему дѣлу...

— А вы Чернушкину-то не очень довѣряйте... Я его знаю довольно: онъ прикидывается тихоней, а самъ только и высматриваетъ, гдѣ ему повыгоднѣй!.. Да онъ совсѣмъ и не такой человѣкъ, какъ вы думаете... Какъ разъ продастъ!..

— Да вы почему же его знаете?

— Какъ же мнѣ не знать его...— усмѣхнулся Кирилла, и объяснилъ Алёнѣ Николавнѣ свое родство съ Ѳедей.

Digitized by Google

— Такъ это вашъ отецъ волостной старшина, старикъ?.. Какъ его зовутъ?.. забыла...

— Ѳедотъ Семенычъ... Какъ же, мой отецъ!..

— Ну, батюшка, я понимаю, что у такого отсталаго старика сынъ долженъ быть съ вашимъ направленіемъ...

— Да, а въ Ѳедорѣ онъ души не слышитъ... они и думаютъ за-одно!.. Этотъ самый Ѳедоръ меня и съ отцомъ-то поссорилъ: насплетничалъ ему... на-счетъ всего этого... Ну, тотъ и на дыбы!.. Я, вѣдь, и Параню знаю, и мать ея; и съ ними онъ меня поссорилъ, наговорилъ, навралъ на меня Богъ знаетъ что... Не знаю, какъ теперь вотъ встрѣтиться... Нѣтъ, вы этому Ѳедору не вѣрьте: онъ за грошъ и купитъ и продастъ человѣка...

— Спасибо, что предупредили: это надо принять къ свѣдѣнію... Но, однако, какъ же?... Неужели мы всѣ такъ ошиблись въ немъ?... Правда, онъ мнѣ всегда былъ нѣсколько подозрителенъ своей замкнутостью, молчаливостью, какой-то излишней осторожностью... Но, случалось, онъ увлекался, высказывался... Мы видѣли, что онъ солидаренъ съ нами... Наконецъ, онъ знаетъ вполнѣ всѣ наши намѣренія и цѣли, присутствовалъ постоянно на нашихъ совѣщаніяхъ, знаетъ нашу переписку, читалъ всѣ книжки... Случалось, въ подробностяхъ онъ спорилъ со мною, не соглашался, высказывалъ отсталыя идеи... Ну, я это объясняла его неподготовленностью, недостаткомъ развитія... Но въ общемъ, въ главномъ, въ основномъ, онъ совершенно совпадалъ съ нами... Въ немъ нѣтъ этой энергіи, этой рѣшимости, какъ, вотъ, во мнѣ, напримѣръ,.. или, вотъ, въ васъ... но я объясняла это его характеромъ, темпераментомъ, даже этой его глупой страстью къ Парашѣ... но я никакъ не думала, чтобы онъ... Послушайте однако, какъ же объяснить эту его давнишнюю дружбу съ Проскуровымъ?.. Проскуровъ въ него безусловно вѣритъ...

— Да, вѣдь, я ничего не говорю на-счетъ этого... Можетъ, въ этомъ онъ и точно вѣренъ будетъ... А только такъ-то, какъ довольно онъ мнѣ извѣстенъ, ненадежный онъ человѣкъ: подхалима, тихоня, наговорщикъ... у отца моего деньги выманивалъ, подличалъ передъ нимъ!.. Вотъ я на-счетъ чего!... А, вѣдь, въ этомъ дѣлѣ, можетъ, онъ и вправду... я не знаю...

— Нѣтъ, нѣтъ... Ошиблась я, могъ ошибиться и Проскуровъ... Нужно предупредить всѣхъ, нужно за нимъ наблюдать хорошенько...

— Присматривать-то вы присматривайте за нимъ: это не хуже... А всѣмъ-то говорить я бы не велѣлъ, потому онъ хитрый: кто-нибудь не остережется, видъ только ему покажетъ, онъ

Digitized by Google

сейчасъ догадается, притаится, особливо какъ узнаетъ, что я здѣсь... А лучше помолчите: вы будете присматривать, да и я... Ужъ у меня-то онъ изъ глазъ не вывернется: я его на свѣжую воду выведу!.. Мы, вѣдь, съ нимъ пріятели старинные: вотъ, погодите-ка, что онъ будетъ вамъ про меня разсказывать, и ровно какъ и правду, только не съ того конца: какой я пьяница, и распутникъ, и что въ острогѣ я сидѣлъ, и что подозрѣнье на меня пало, будто я деревню и свой отцовскій домъ спалилъ... А вотъ этого не скажетъ: съ чего это все со мной сталося, какъ отецъ по рукамъ, по ногамъ меня связалъ, всякую волю отнялъ, дышать не давалъ, билъ изъ своихъ рукъ и сѣнъ на міру, да ню-неволѣ, насильно женилъ... А по моему характеру: коли меня вяжутъ, воли, свободы мнѣ не даютъ, я на проломъ пойду, на все полѣзу, хоть съ ножомъ!... Вотъ этого онъ не скажетъ!.. Не разскажетъ, какъ и домъ мой онъ безъ меня разорилъ, пока я въ острогѣ сидѣлъ, какъ у отца деньги выманивалъ, какъ мать мою они съ сестрой, съ супружницей моей, со всѣмъ смяли и въ уголъ забили... И все черезъ подлость, черезъ подхалимство, передъ моимъ старымъ дуракомъ-отцомъ: съ тѣмъ, что хочешь дѣлай, да только слушай его, по его указкѣ и говори, и думай, да кланяйся передъ нимъ!.. Ну, а я не таковъ: по мнѣ дороже всего своя воля, свой царь въ головѣ!... И кланяться я не стану!.. Не то, что на своей одной шкурѣ принялъ, а видалъ довольно, какъ онъ, родитель, мужиковъ порол за всякую малость, какъ загонялъ ихъ, что рта передъ нимъ разинуть не смѣли, какъ изъ-подъ его руки волостные писаря ихъ жали и обирали, какъ онъ всякому начальству и богатымъ купцамъ руку держалъ противъ своего брата... За это, что ли, я буду кланяться?.. Нѣтъ, я вотъ пьяница, распутный, воръ, деревню спалилъ, а я, за своего брата, какъ за самого себя, въ огонь и въ воду полѣзу!.. Вотъ я какой человѣкъ!..

— Послушайте: если вы поступите сюда, на фабрику, и будете дѣйствовать по моимъ указаніямъ, вы можете очень помочь намъ и принести громадную пользу нашему дѣлу... Я вижу, что вы можете пріобрѣсти вліяніе на рабочихъ...

— Нѣтъ, вотъ что, Алёна Николаевна: кабы мнѣ какъ въ приказчики, или въ какіе довѣренные попасть къ купцамъ, вотъ бы я вамъ тогда показалъ себя!.. ужъ услужилъ бы!... потому я и купцу бы глаза отводилъ, и народъ бы мнѣ вѣрилъ больше, не какъ рядовому рабочему... Я не изъ-за жалованья!.. Мнѣ жалованье все равно, какое бы ни положили, хоть самое малое, а мнѣ бы какъ туда, въ центру-то въ самую попасть... Я бы

Digitized by Google

ихъ утѣшилъ!.. А то, простой рабочій, что онъ подѣлаетъ? человѣкъ подначальный, цѣлый день на работѣ, присмотръ за нимъ, да и не послушаютъ его, если въ случаѣ чего... А вотъ приказчикъ, отъ хозяина поставленъ, да начнетъ говорить за рабочихъ!.. то совсѣмъ другой видъ!..

— Это правда!.. Я поговорю съ Александромъ Кузьмичемъ и васъ съ нимъ познакомлю...

Они вошли въ деревню. На улицѣ, по случаю праздника, было много народа. Алёна Николаевна дружелюбно со всѣми раскланивалась, а встрѣчнымъ подавала руку и обмѣнивалась привѣтствіями, стараясь подладиться подъ крестьянскій говоръ и разыграть изъ себя настоящую мужичку. Мужики добродушно, но не безъ лукавства, улыбались, разговаривая съ нею. Нѣкоторыхъ она мимоходомъ упрекала, что не пришли въ школу сегодня и похвастала, что всѣ, кто былъ, знаютъ уже половину азбуки и выучились складывать простыя слова. Деревенскіе ребятишки окружили и провожали ее; она ихъ обнимала, цѣловала, съ иныхъ ради шутки срывала шапки и кидала въ снѣгъ, ее толкали и теребили...

— Пустите, пустите... Некогда, некогда... — говорила она, отбиваясь отъ дѣтей. — Опять надо бѣжать въ школу... Только перекушу, заморю червяка, попарю маленько варевцомъ брюхо, и опять бѣжать...

Она была очень довольна и счастлива.

— Я чувствую себя здѣсь совершенно крестьянской дѣвкой... членомъ народной семьи!.. И посмотрите, какъ меня любятъ!.. — похвастала она Кириллѣ.

— А вотъ и моя изба!..—указала она.

У Кирила замерло сердце: сейчасъ онъ увидитъ Параню и Дарью Тихоновну...

II.

Наканунѣ, вечеромъ, когда Параня, отстоявши свою смѣну, собиралась уходить съ фабрики домой, ее какъ-бы случайно встрѣтилъ Петръ Архипычъ и отозвалъ въ сторону.

— Скажи-ка ты мнѣ, красавица, что ты: въ сорочкѣ, что ли, родилась?—спросилъ онъ ее ласко-шутливымъ тономъ.

— Какъ въ сорочкѣ?...—переспросила Параня.

— Да такъ!... очень ужъ ты счастлива!... Ну-ка, подумай: пишетъ ко мнѣ Кузьма Иванычъ, отписываетъ приказы объ раз-

Digitized by Google

ныхъ дѣлахъ... и тутъ же о тебѣ вспомнилъ!.. подумай!.. Спрашиваетъ: отпиши, хорошо ли работаетъ Параня, старается ли, не дурить ли, съ ребятами не балуется ли?.. Нѣтъ, ты подумай: чего ты стоишь вся-то, а этакой человѣкъ... высокій, можно сказать, человѣкъ, надо всѣми превозвышанный, вдругъ о тебѣ вспомнилъ, интересуется!.. Какъ же это не счастье-то твое особливое?.. Правда, что онъ у насъ благодѣтель извѣстный, и ужъ если начнетъ бѣдному человѣку помогать, такъ помогаетъ до конца... но все-жъ-таки... этакая персона... милліонщикъ!.. все на свѣтѣ ему открыто!.. и вдругъ, при всѣхъ своихъ дѣлахъ и заботахъ, объ тебѣ, нестоющей дѣвочкѣ, вспомнилъ, спрашиваетъ!.. Чувствуешь ли ты это?.. Понимаешь ли, какія это милости?.. взоръ-отъ этотъ одинъ, вниманіе-то отъ этакого... могущественнаго, можно сказать... персона?.. А?..

Параня стояла и слушала молча. На губахъ ея играла невольная улыбка.

— Что же ты ничего не отвѣчаешь?.. А?.. Не чувствуешь ты, что ли, этого благодѣянія?..

— Какъ не чувствовать... Очень остаемся благодарны... завсегда!..

— То-то... Ну, такъ что же мнѣ отписывать-то ему на-счетъ тебя?.. Одобрять, али нѣтъ?.. Какъ полагаешь?.. А?..

Въ голосѣ Петра Архипыча слышалась почти родительская ласка и нѣжность.

— Отписывайте какъ лучше... За что вамъ меня хулить-то?.. Я, кажется, ничего, ни въ чемъ не причинна... Работаю, стараюсь, какъ можно!..

— А съ ребятами-то балуешься, али нѣтъ?..

— Большая мнѣ охота со здѣшними ребятами вязаться!.. Не желаю я... Никто не скажетъ!..

— Что же, одного жениха довольно: съ нимъ, что ли, съ однимъ любишься?..

— Не знаю къ чему вы говорите-то это...

— Врешь, знаешь!.. Развѣ Ѳедоръ-то Чернушкинъ не вмѣстѣ съ вами живетъ?.. вѣдь вмѣстѣ?..

— Такъ что съ того, что вмѣстѣ живетъ?..

— Такъ, скажешь, съ нимъ у васъ ничего и нѣтъ?..

— Чему быть-то?.. Онъ замужъ меня сватается... женихомъ считается...

— Такъ, небось, такъ ты за него и пойдешь?..

— Пойду, коли денегъ будетъ промышлять довольное число...

— А не будетъ?..

Digitized by Google

— Ну, ужъ тогда не знаю... Мамонька, пожалуй, не отдастъ тогда...

— Вотъ бы мнѣ нужно матку-то твою повидать...

— Почто?..

— Поговорить бы съ ней... Прислала бы ты ее во мнѣ... хоть теперь вотъ...

— Пожалуй, пришлю... Да о чемъ вамъ говорить-то нужно съ ней?..

— О чемъ?.. Больно ты любопытна... Извѣстно, о тебѣ: вотъ разспрошу ее, такъ ли же ты дома-то, какъ на фабрикѣ, да накажу ей, чтобы досматривала за тобой хорошенько... не давала бы баловаться-то!.. А то я тебѣ дамъ передъ Кузьмой Иванычемъ аттестатъ хорошій, онъ тебѣ, можетъ, велитъ какое награжденіе сдѣлать, а послѣ, пожалуй, что и окажется: такъ какими я глазами-то на него буду тогда глядѣть?.. Скажетъ: все ты врешь, старый чортъ, душой кривишь!.. Ну, а я къ этому не привыкъ: я служу вѣрой и правдой... чтобы все по истинной совѣсти было!..

— На-счетъ меня не бойтеся: ничего не окажется...

— Ну, смотри, дѣвка...

Петръ Архипычъ погрозилъ пальцомъ.

— А на-счетъ Александра-то Кузьмича? А?..—сказалъ онъ внушительно.

Параня вспыхнула.

— Что на-счетъ его?..

— Да не знаю что... Я ничего не знаю, а только слухъ пошелъ...

— Мало ли что наплетутъ: всего не переслушаешь!.. Этакъ и невѣсть что скажутъ, когда ничего и нѣтъ...

— Да, ладно, ладно, коли нѣтъ ничего, не надо, чтобы и было, а то Боже тебя сохрани, бѣды наживешь!.. Большая бѣда вамъ всѣмъ изъ-за этого будетъ!.. Кузьма Иванычъ, кажется, всѣхъ васъ со свѣта сживетъ, коли что узнаетъ: онъ на-счетъ Александра Кузьмича очень наблюдаетъ, чтобы никакой мерзости этой не было!.. А какъ же губернанка-то наша къ вамъ попала?.. Развѣ не Александръ Кузьмичъ ее къ вамъ прислалъ?..

— Я не знаю, кто прислалъ... А она по знакомству съ Ѳедоромъ у насъ живетъ: онъ мамоньку просилъ, чтобы пустила, что ей жить негдѣ... Да и не то, что просилъ, а такъ, что пускай, говоритъ, живетъ у насъ: лучше чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, все-таки платитъ намъ: для насъ жить посходнѣе...

— Что же она живетъ?.. Что дѣлаетъ-то?

— Да что дѣлаетъ?.. Что ей сдумается: вонъ дереѳенскихъ

Digitized by Google

грамотѣ обучаетъ... когда въ книжку читаетъ, да записываетъ ничто... Что ей дѣлать-то?..

— А Александръ-то Кузьмичъ у васъ часто бываетъ?..

— Ни одинова не бывалъ опослѣ праздника...

— А не врешь ты? правду говоришь?..

— Да ну-ка, чтой-то, Петръ Архипычъ, съ чего мнѣ врать-то?..

— Ну, смотри же, на-счетъ Александры Кузьмича всю блажь изъ головы выкинь... Я тебѣ отъ всей доброй души говорю!.. Чтобы ни разговоровъ, ни переглядокъ никакихъ, и вмѣстѣ чтобы вамъ не быть: онъ подошелъ, а ты прочь отходи, онъ заговорилъ, а ты: да, да нѣтъ!.. да и къ своему дѣлу!.. Ну, ступай, ужъ я о тебѣ, такъ и быть, отпишу хорошо: жди гостинца!.. А матку пришли ко мнѣ... Да какой разговоръ промежъ насъ теперь былъ, чтобы мы только и знали: никому ни слова не говори, ни Чернушкину, никому, развѣ маткѣ... потому Кузьма Иванычъ на смерть не любитъ, коли про его добродѣтель разсказываютъ, да хвастаются... Возненавидитъ того человѣка и ничего ужъ тогда отъ него не жди!.. Ну, ступай съ Богомъ!.. Я ужъ тебя опишу въ лучшемъ видѣ: будешь старика помнить да благодарить!..

Параня и безъ наставленія сама сообразила, что нужно послать родительницу къ приказчику такимъ образомъ, чтобы объ этомъ не знали ни Ѳедя, ни Алёна Николаевна. Она такъ и сдѣлала, разсказавши предварительно матери, наединѣ, весь разговоръ свой съ главнымъ приказчикомъ. Очень тронута была Дарья Тихоновна вниманіемъ благодѣтельнаго милліонера; съ тайной, не высказанной, но видимо радостной мыслью поцѣловала дочь, и съ легкимъ сердцемъ пошла къ Петру Архипычу.

— Вотъ что, стар...—заговорилъ приказчикъ,—хотѣлъ было назвать тебя старухой, что дочь возрастная, да взглянулъ и поперхнулся: сама ты баба, что калачъ бѣлый... не то старуха, а хоть сейчасъ съ любымъ парнемъ молодымъ подъ вѣнецъ веди!..

Дарья Тихоновна осталась очень довольна вступительной шуткой вліятельнаго приказчика, и, самодовольно осклабляясь, скромно отвѣтила:

— Ужъ и то старуха стала, батюшка Петръ Архипычъ!.. Не такой бы мнѣ надо быть, кабы не горе, да не нужда наша сиротская...

— Ну, не все горевать!.. У Бога не безъ милости: можетъ, и про тебя еще у него радость припасена!.. Вотъ ужъ благодѣтеля Богъ и послалъ вамъ, какого и не чаяли!.. Про нашего Кузьму-то Иваныча я говорю...

Digitized by Google

— Да, дай Богъ здоровья, поддержали, не оставили насъ на первыхъ порахъ, завсегда благодарю!.. Конечно, что́ для нихъ эти шесть рублей, можетъ—ровно какъ ничего, а, при нашей бѣдности, дорогого они стоятъ, по здѣшней дороговизнѣ!.. Какъ бы мы тутъ стали жить на четыре-то цѣлковыхъ, безъ этой поддержки, ужъ и не придумаю... Завсегда, завсегда поминаю и благодарю: ужъ истинно благодѣтели!..

— Ну, а вотъ онъ, видишь ты... сказывала, чай, дочка?.. и тамъ объ васъ думаетъ и заботится...

— Сказывала, сударь, она одной мнѣ сказывала... Всплакнула даже я отъ радости, что объ насъ, низкихъ людяхъ, этакіе вправду милліонщики, что которые, можетъ быть, самые первые, назираютъ и безпокоятся!.. Именно, что не стоимъ мы этого!..

— Да, вѣдь, я дочкѣ твоей всего-то не сказалъ... Обо всемъ-то я съ ней и говорить не сталъ, потому, думаю: ну, что́ говорить съ ней, съ дѣвочкой... какъ ни-какъ, а все еще она полнымъ умомъ не собралась!.. Вотъ и велѣлъ тебя прислать... Вѣдь, онъ что объ васъ удумалъ!.. ты съ ума сойдешь отъ радости, какъ я тебѣ все-то скажу!.. Онъ, вѣдь, хочетъ васъ обѣихъ: и тебя, и дочь, къ себѣ въ домъ взять, на ту фабрику!.. чтобы ты жила у него въ ключахъ, въ родѣ какъ ключница, али экономка, а дочь при тебѣ за помощницу!.. Одной-то тебѣ, пожалуй, не управиться, потому дѣло большое... ну, а съ дочкой-то тебѣ и сподручно... Ты вѣдь, сказываютъ, изъ дворовыхъ, при господахъ прежде жила, въ дѣвкахъ?..

— Точно такъ, сударь...

— Ну, такъ вотъ тебѣ какая благодать!.. Радуйся, да Бога благодари!..

— Истинно, Петръ Архипычъ, что даже въ память не могу вдругъ придти: такое вы мнѣ сказали...

— Я тебѣ говорилъ!.. Только вотъ что: съ однимъ уговоромъ, чтобы свадьбу Паранину съ этимъ Чернушкинымъ отмѣнить...

— Что же такъ, сударь?..

— А потому самому, что замужнюю Кузьма Иванычъ въ эту послугу не возьметъ... Да онъ замужнюю прислугу въ домъ и вовсе не беретъ, не любитъ, потому, говоритъ, она къ мужу бѣгать будетъ, и о дѣлѣ своемъ ужъ у нея такой заботы не будетъ... А взять тебя одну опять же не складно: будешь объ дочери думать, въ гости къ ней проситься, либо она къ тебѣ пріѣзжать... Да ужъ и вѣры такой имѣть нельзя: все будетъ думаться, что къ замужней дочери въ домъ хозяйское добро тащишь...

Digitized by Google

— Мы не съ этимъ согласны идти, чтобы тащить... Боже избави!.. а чтобы служить ото всей души, со всей вѣрностью...

— Да, вѣдь, это всѣ такъ говорятъ... Но только объ этомъ и толковать нечего: одну тебя, безъ дочери, онъ не возьметъ, и съ дочерью замужней, али помолвленной, тоже... Да и чего ты будешь думать тутъ о какомъ ни наесть Чернушкинѣ при этакомъ счастьи вашемъ?.. Съумѣете угодить, такъ Кузьма Иванычъ, можетъ, по времени, вздумаетъ: приданое твоей Параньѣ дастъ, да за такого выдастъ: не Чернушкину чета!.. Изъ его-то рукъ всякій за счастіе сочтетъ невѣсту взять!.. Неужто ты не понимаешь этого и не чувствуешь, какія милости тебѣ хотятъ дѣлать?..

— Какъ мнѣ не понять, батюшка Петръ Архипычъ!.. Довольно все понимаю и чувствую... всѣ великія къ намъ милости Кузьмы Иваныча!.. Кажется, ужъ чего больше!.. Но только вотъ въ этомъ я очень обробѣла, Петръ Архипычъ: а ну, какъ моя дочка, по дѣвичьей своей глупости, не согласится отказаться отъ жениха-то?.. Вѣдь ужъ промежъ нихъ все налажено: такъ ужъ они, вѣдь, и ведутся какъ женихъ съ невѣстой, только вотъ и ждали, чтобы маленько онъ пооперился... насчетъ денежекъ!.. что жалованья, молъ, прибавятъ, али къ дѣльцу другому переведутъ... поприбыльнѣе...

— Ничего ему не будетъ: ни жалованья прибавки, ни дѣла другого... А дилехтуръ его не любитъ, такъ, пожалуй, и вовсе съ фабрики-то сгонятъ... Ты объ дѣлѣ-то, о счастьѣ-то своемъ думай, да говори, что тебѣ ровно съ неба валится: его-то не потеряй, а пустяковъ-то этихъ нечего перебирать!.. Паранька мнѣ сама сказала, что, коли, говоритъ, поправки у него въ дѣлахъ не будетъ, такъ ты ее не выдашь за него...

— Да я-то, сударь, не выдамъ, это точно что не выдамъ, да она-то бы сама не ушла, безъ спросу моего: она-то у меня характерна... Вотъ въ чемъ!.. Да и этотъ молодецъ, Ѳедянка-то!.. и отъ этого, пожалуй, не отобьешься: тотъ изъ-за Парани на ножъ полѣзетъ!..

— Съ этимъ-то мы управимся... Этого не бойся... Захотимъ, такъ завтра же не то на фабрикѣ, и близко-то фабрики его не будетъ...

— Нѣтъ, такъ зачѣмъ же обижать парня? Богъ съ нимъ, пускай живетъ!.. Нѣтъ, вы этого не дѣлайте, а то и съ Параней-то ни за что не сладишь: скажетъ, жениха моего напрасно обижаютъ, а мы въ немъ служить пойдемъ!.. Не пойдетъ тогда ни за что...

— Ну, такъ какъ же быть-то?..

— А это надо подумать, да пообождать... Опять же это

Digitized by Google

дѣло такое, Петръ Архипычъ, не минутное, вѣковое, на всю жизнь!.. Тутъ надо подумать, да и подумать... да и потолковать много!.. И не разъ, и не два!.. Я такъ полагаю!.. Это, вѣдь, не то, что въ горничныя, въ услуженіе, али на фабрику наняться: по мысли, такъ живи, а нѣтъ, такъ и на другое мѣсто уйти можно... Это дѣльце-то маленько помудренѣе, Петръ Архипычъ!..

— Такъ что же?.. Ты будешь думать да передумывать, а Кузьмѣ-то Иванычу ждать васъ, коли это ему вздумалось?.. Не написать ли ему это, въ отвѣтъ-то?.. Такъ онъ и меня-то съ вами туда пошлетъ, что и не вспомнишься!.. Онъ и плюнуть-то тогда на васъ полѣнится!..

— Ну, ужъ это какъ будетъ угодно!.. а въ этакомъ дѣлѣ не подумавши, да не поговоривши нельзя...

— Такъ, вѣдь, мнѣ надо же что-нибудь написать ему въ отвѣтъ-то, дура?.. Вотъ съ бабами-то дѣла дѣлать!..

— Да ужъ какъ угодно... Не желательно мнѣ васъ прогнѣвить, а такъ и извольте отписать, что, молъ, подумать и поговорить желаютъ...

— Вотъ тебѣ и разъ: я думалъ, она мнѣ въ ножки съ радости поклонится да побѣжитъ молебенъ служить всѣмъ радостямъ, а она?.. извольте-ка, что разговариваетъ!.. Ты съ ума не сшятила-ли?..

— Меня, батюшка, Петръ Архипычъ, никогда за дуру не почитали... И я отъ своего счастья не отказываюсь, и очень цѣню, и чувствительно благодарна... Но только-что это дѣло такое, сами вы довольно знаете!.. На-обумъ дѣлать не приходится!..

— Такъ только и весь твой отвѣтъ теперь?..

— Только и есть, сударь, а по времени опять можно переговорить съ вами ли, али, можетъ, сами Кузьма Иванычъ наѣдутъ сюда... А только что это отпишите, что я отъ своего счастія не отказываюсь, и очень чувствительно какъ благодарю...

Съ тѣмъ Дарья Тихоновна и ушла.

«Ну, баба!..» подумалъ ей вслѣдъ Петръ Архипычъ. «Министръ-баба!.. Лучше другого приказчика дѣло свое знаетъ!.. Эту на привой не объѣдешь: она свое возьметъ!..»

Воротясь домой, Дарья Тихоновна не могла найти времени въ тотъ же день, чтобы переговорить съ Параней на-единѣ и сообщить о предложеніи Петра Архипыча: Ѳедя весь вечеръ не отходилъ отъ Парани, пользуясь кануномъ праздника; Алёна Николавна также была дома. И мать, и дочь, обѣ тяготились этимъ: одной хотѣлось поскорѣе разсказать, другой узнать по-

Digitized by Google

дробности свиданія съ приказчикомъ; по лицу матери, Параня догадывалась, что случилось что-то очень важное. Вслѣдствіе этого, на слѣдующій день, Параня не пошла на открытіе школы, ни съ Алёной Николаевной, ни съ Ѳедей, отзываясь легкимъ нездоровьемъ.

— Ну что, мамонька, скажи-ка ты мнѣ про вчерашнее-то... Что, почто звалъ онъ тебя? — нетерпѣливо спрашивала Параня, какъ только Чернушкинъ ушелъ въ школу, а она осталась наединѣ съ матерью.

— Да ужъ не знаю, какъ тебѣ и сказать, Параня, — отвѣчала мать. — Звалъ-то онъ меня за больно хорошимъ дѣломъ: Кузьма Иванычъ выходитъ такой намъ благодѣтель, что истинно надо за него намъ Богу молиться: хочетъ насъ съ тобой совсѣмъ счастливыми сдѣлать... Только теперь вся сила въ насъ самихъ, чтобы своего счастія не потерять, а лучше того сказать: вся сила въ тебѣ состоитъ...

— Какъ такъ, мамонька?

Дарья Тихоновна передала дочери предложеніе Кузьмы Иваныча и тѣ условія, на которыхъ онъ его дѣлалъ. Она объяснила причину этихъ условій совершенно такъ же, какъ объяснилъ ихъ ей самой Петръ Архипычъ.

— Ну, такъ вотъ ужъ теперь,—заключила она,—сама видишь, что вся сила въ тебѣ: коли захочешь ты съ Ѳединкой своимъ развязаться, такъ и богата, и счастлива будешь, и матку свою на старости лѣтъ успокоишь, а не захочешь... и опять твое дѣло!.. я тебя не нужу!.. Какъ тебѣ лучше, такъ и дѣлай!..

— А какъ же по тебѣ-то?.. по-твоему-то, какъ лучше?..— осторожно спросила Параня, задумчиво сдвинувши свои черныя брови.

— Нѣтъ, нѣтъ, меня и не спрашивай: я слова не скажу... Я не такая мать!.. Какъ самой лучше, такъ и дѣлай!..

— Такъ почему же ты полагаешь, что тамъ-то ужъ намъ такъ хорошо очень будетъ?..

— А вотъ почему я полагаю: первое, что будемъ мы жить у этакого милліонщика, въ его собственномъ дому, въ ключницахъ, стало мы во всемъ дому, послѣ самого хозяина, какъ самыя главныя, потому все-равно какъ довѣрныя какія, все у насъ на рукахъ будетъ... И жалованье, значитъ, онъ хорошее намъ положитъ должонъ по этому самому: это вѣдь, не то, что въ горничныхъ быть... Вотъ первое!.. А второе: угодить-то мы ему съ тобой съумѣемъ, потрафимъ на него: ужъ постараемся!.. А угодивши милліонщику-то, пріучи-ка его къ себѣ, чтобы онъ безъ тебя

Digitized by Google

ни жить, ни быть не могъ, такъ, вѣдь, онъ озолотитъ: сдѣлаетъ такъ, что и свой домъ тебѣ выстроитъ, да подпишетъ, и капиталъ тебѣ дастъ: по-купечески одѣваться будешь, на своихъ лошадяхъ кататься станешь!.. не то самой въ услуженье идти, а у самой своя прислуга будетъ!.. Все, вѣдь, отъ нихъ можетъ статься, отъ богатыхъ!.. Ему чего стóить тебя осчастливить-то?.. Ничего не стóитъ: у него не убавится изъ-за этого, а ты-то на вѣкъ покойна и довольна!.. Вотъ, вѣдь, чтó бываетъ!.. А то и такъ: Петръ Архипычъ даже и проговаривался, что по времени, можетъ, замужъ тебя выдастъ за стоющаго человѣка, да приданое за тобой дастъ хорошее... Мало ли что богатый человѣкъ можетъ сдѣлать для бѣднаго, коли захочетъ его осчастливить!..

— Да, коли захочетъ!.. А какъ не захочетъ?.. Потѣшится, да и прогонитъ ни съ чѣмъ... Развѣ не бываетъ?..

— Ну такъ, вѣдь, ужъ на это своя голова на плечахъ: надо все удумать да уговорить впередъ... зря-то и птичка вонъ въ руки не дается, и та на прикормокъ идетъ... Такъ тò птичка глупая!.. А мы, слава Богу, съ разумомъ!.. Даромъ-то себя обидѣть не дадимся!..

— А развѣ не бываетъ, что и черезъ золото слезы льются?.— раздумчиво спросила Парася.

— Да, въ пѣсняхъ поется, точно!.. А на яву-то, посмотрика: кто больше плачетъ-то—богатый, али бѣдный?.. Кому лучше на свѣтѣ-то жить: неимущему человѣку, али съ капиталомъ?..

Парася совсѣмъ опустила голову и задумалась. Дарья Тихоновна молчала.

— А какъ же Ѳедя-то?..—вдругъ сказала Парася.—За что же я его-то обижу такъ, безо всякаго?.. Вѣдь, онъ точно меня любитъ, ото всей души, безъ хитрости, безъ обману... Смотри-ка ты: радъ душу-то заложить за меня!.. Какъ же я?.. Вѣдь, я сама дожидать обѣщала?..

— Такъ долго ли еще ждать-то думаешь? Вонъ Петръ Архипычъ говоритъ, что никогда ему здѣсь никакой прибавки не получить, потому его хозяйскій зять не любитъ, а у Александра-то Кузьмича своей воли нѣтъ... ничего подѣлать не можетъ!... А узнаетъ Кузьма Иванычъ, что мы противъ него этакую грубость дѣлаемъ: отъ его благодѣянія изъ-за Ѳединки отказываемся... тогда ужъ и вовсе Ѳединкѣ нечего здѣсь себѣ никакого добра ждать... И выдетъ, что только такъ, даромъ время протянетъ: тебя-то счастья лишитъ, да и себѣ ничего не получитъ!..

Парася ничего не возражала и еще больше задумалась; въ эту минуту она какъ-будто вдругъ на нѣсколько лѣтъ постарѣла:

Digitized by Google

на лбу, между бровями, показались двѣ складки, глаза потухли и приняли какое-то холодное, суровое выраженіе, даже щеки какъ-будто осунулись, и вмѣсто обычнаго румянца на нихъ выступили багровыя пятна. По лицу ея можно было догадываться, что въ душѣ Парани происходила сильная и тяжелая борьба.

— Да ты вотъ что,—хотѣла помочь ей наблюдавшая за нею Дарья Тихоновна:—ты не о Ѳедянинѣ, а объ себѣ думай!.. Что онъ-то тебя любитъ, такъ это при немъ пускай и останется: мало ли народа тебя любило... вонъ и Кирила тоже безъ памяти былъ... да ни съ чѣмъ же ушелъ!.. На это смотрѣть нечего!.. А вотъ сама-то ты какъ къ нему, къ Ѳедянинѣ?.. Думается мнѣ, что не надо бы, кажись, такъ ужъ тебѣ безъ памяти-то его любить, что ни жить, ни быть—за него выдти... А, вѣдь, и то сказать: не знаю, вѣдь, я... что у тебя на сердцѣ... А?.. Скажи-ка ты мнѣ правду-то?..

— Да какую правду-то сказать?.. Я и сама не знаю... Иной разъ жалко мнѣ его: такъ бы, кажись, на шею къ нему и бросилась: радостенъ ужъ очень онъ тогда бываетъ, смотрѣть на него любо... А другой разъ нѣтъ этого, а даже сердце супротивъ него у меня, ровно онъ виноватый какой: и знаю, что вины за нимъ нѣтъ, а во мнѣ вотъ такъ и кипитъ, такъ бы вотъ я все на-зло ему и дѣлала!.. А послѣ и пройдетъ опять, и опять ровно какъ мнѣ его жалко, и любъ онъ мнѣ... Только-что не въ этомъ!.. А то, что парень-то онъ больно ужъ хорошъ!.. стыдно мнѣ передъ нимъ, совѣстно!.. Онъ вонъ какой: совсѣмъ добрый, ничего ему не надо, ничего не жалко: все возьмите, останное!.. А ужъ что́ скажетъ, отъ слова николи не отступится, самый вѣрный человѣкъ!.. Ни на какое богатство онъ и не смотритъ, и не желаетъ, не уважаетъ ему!.. Если бы что и промыслить хотѣлось ему, такъ не про себя, а про меня же!.. А то бы все отдалъ, кому нужда есть... И богатыхъ этихъ онъ гнушается: не по деньгамъ на человѣка смотритъ, а по душѣ, по дѣлу... Отъ богатыхъ-то людей, отъ этихъ, онъ мнѣ сказывалъ, всѣмъ бѣднымъ плохо на свѣтѣ жить!.. Да мало ли онъ что́ мнѣ говорилъ, какихъ словъ... Хорошія все слова говоритъ!.. Слушать—не наслушаешься! и ни съ кѣмъ онъ столь не говоритъ, что со мной, и все къ дѣлу, а не то, чтобы въ баловство какое... И послѣ этакихъ-то словъ его... я на что пойду!.. За его любовь такую, что́ я съ нимъ-то сдѣлаю?!.. Вотъ что, маменька!..

— Ну, Параня, моя вина, что я дала тебѣ слушать да принимать его слова пустыя, а твоя вина, что ты слушала, да мнѣ ничего не сказала!.. Кабы сказала, я сама поговорила бы съ

Digitized by Google

нимъ!.. Про любовь твою къ нему я теперь вижу: извѣстно, вертится около тебя молодой парень, да ласковыя слова говоритъ... тотъ али другой—все одно!.. ну, вотъ тебѣ его и жалко, иной часъ и потянетъ тебя къ нему!.. А подумаешь ты, что этотъ парень, можетъ, жизнь твою заѣдаетъ, что не такой бы по тебѣ жизни надо—ну, и сердце у тебя супротивъ него!.. Эта любовь твоя не страшная: другой подвернется, и къ другому такая же будетъ!.. Пусти къ тебѣ Кирила: вотъ и безпутный парень, и женатый, а и съ тѣмъ то же у тебя будетъ!.. А вотъ насчетъ словъ его... Такъ что ты на слова-то полагаешься?.. Что слова?.. Словъ можно наговорить какихъ угодно... А вотъ онъ на дѣлѣ себя покажи!.. Вотъ обѣщалъ, что десять-то рублей на фабрикѣ тебѣ будутъ платить, а что на дѣлѣ-то вышло?.. Сказывалъ: подождите только маненько да поѣдемте со мной, а деньги будутъ: машинъ понавыдумаю, купцы озолотятъ, мѣсто другое скоро получу и жалованье дадутъ большое... А гдѣ же все это?.. Вотъ они слова-то!.. Еще не то, что прибавки, али капиталовъ большихъ, а жди того, что вовсе и съ фабрики-то прогонятъ!.. Что богатствомъ-то гнушается, да купцовъ бранитъ, такъ это изъ зависти... Извѣстно, что бѣдному человѣку дѣлать, коли ума да обороту нѣтъ, чтобы капиталъ нажить?.. Ну, ругаться!.. Нынче и все такъ: самъ не умѣетъ чего сдѣлать, достать, промыслить, а другіе люди умѣютъ... ну, значитъ, они разбойники, грабители, душегубы!.. Словъ-то этихъ, Паранюшка, нечего слушать, онѣ легки, слова-то, ихъ всякой сказать можетъ!.. Вотъ кабы дѣло было: ну, то другое!.. А слова эти къ сердцу принимать, да въ стыдъ себѣ считать... это дуракомъ надо быть!.. Я тебя, Параня, не нужу: вся твоя воля!.. А только ты, зря, отъ своего счастья не отказывайся, и изъ-за пустыхъ, бездѣльныхъ рѣчей себя не губи... Ты лучше подумай да и подумай: торопиться нечего, поспѣемъ еще съ отвѣтомъ-то... Вижу я, очень купцу-то послуга наша понадобилась... Ну, такъ пускай подождетъ, а мы подумаемъ... А надумаемъ, такъ еще поторгуемся!.. Я и тебя, и себя, зря, на-обумъ, въ кабалу не отдамъ!.. А только что судьба твоя тутъ, на фабрикѣ: это, видать, что судьба!.. Ну, и надо ее ловить, не упускать, а прозѣваешь... послѣ не скоро изымаешь!.. а, можетъ, и спохватишься, что свое счастіе прозѣвала!..

Дарья Тихоновна прекратила на этомъ разговоръ, и съ умысломъ оставила Параню въ борьбѣ съ самой собою. Она, впрочемъ, надѣялась, что результатъ этотъ борьбы будетъ вполнѣ благопріятный, въ интересахъ ея желаній. Въ такомъ состояніи засталъ ихъ Кирила, явившійся вмѣстѣ съ Алёной Николавной.

Digitized by Google

Появленіе его было до такой степени неожиданно и такъ удивило хозяекъ, что онѣ объ не вѣрили своимъ глазамъ и смотрѣли на него, не произнося ни слова, ни звука, точно объ вдругъ онѣмѣли. Это впечатлѣніе замѣтила даже Алёна Николаевна, обыкновенно не замѣчавшая ничего, что не касалось ея самой лично, или ея идей и спеціальныхъ цѣлей.

— Стараго знакомаго къ вамъ привела...—проговорила она, указывая на Кирилу.—Не ждали?...

— Добраго здоровья, Дарья Тихоновна... Парасковья Михайловна...—сказалъ Кирила съ нахальнымъ видомъ, но не безъ внутренняго волненія.—Видать, что не ждали меня!.: Думали, чай, что никогда и не повстрѣчаемся?..

Кирила старался улыбнуться и казаться спокойнымъ, но лицо и глаза его говорили совсѣмъ другое: въ нихъ отражалась и страсть, и злоба, и радость свиданія, и желанье посмѣяться, подразнить, припугнуть даже собою, оторопѣвшихъ женщинъ.

— Здорово живете!...—повторилъ онъ, сверкая своими черными глазами.—Чай, никогда и не вспомянули стараго дружка-пріятеля?.. А я вотъ какъ тутъ,, рожно изъ земли выросъ... Здравствуйте же...

— Здравствуй, здравствуй...—отозвалась первая Параня, скорѣе матери собравшаяся съ духомъ.—Правда, что нашъ атласъ не идетъ отъ насъ!..—прибавила она съ усмѣшкой.

— Какими судьбами попалъ сюда?.. — спросила въ то же время и Дарья Тихоновна.

— Да стосковался по васъ, Дарья Тихоновна!.. — отвѣчалъ Кирила.—Правда, что ни скажетъ Параня, вашъ атласъ!.. Съ вашего примѣра и мнѣ захотѣлось на фабрикѣ, около кунцовъ, счастья поискать: наймоваться пришелъ!..

— Съ женой, или одинъ?... — спросила Параня не безъ ехидства.

— Одинъ, Парасковья Михайловна... Что моей женѣ здѣсь дѣлать?.. Сами знаете: не развязная она баба!... Здѣсь народъ другой требуется: умной, оборотистый, вотъ какъ Дарья Тихоновна, али вы!..

— Скучно ей будетъ тамъ, безъ тебя... — говорила Параня съ той же язвительностью.

— Ничего, привыкнетъ!..

Кирила начиналъ злиться и приготовлялся сказать еще новую колкость Паранѣ, но его перервала Алёна Николаевна.

— Ну, вы еще здѣсь наговоритесь, а мнѣ пора что-ни-

Digitized by Google

будь, Дарья Тихоновна, да въ школу опять пора...—сказала она. Дарья Тихоновна спохватилась.

— Ахъ, батюшки, и самъ-дѣлѣ, вѣдь вы еще не обѣдавши... Сейчасъ, сейчасъ!..—Она начала суетливо приготовлять обѣдъ.

— А книжекъ-то обѣщали, Алёна Николавна...—обратился къ ней Кирила.

— Какже, какже... Возьми.

Она собственноручно вытащила изъ-подъ лавки сундукъ, наполненный книгами, порылась въ немъ, вынула нѣсколько книжекъ и подала Кириѣ.

— Вотъ вамъ... на первый разъ!.. Вы спрячьте ихъ подальше... Понимаете?.. Дома прочитайте сначала одни и побывайте ко мнѣ: мы потолкуемъ тогда...

— Покорнѣйше благодарю, Алёна Николавна... Не безпокойтесь: спрячу... — говорилъ Кирила, и съ серьёзнымъ, озабоченнымъ видомъ положилъ книжки за пазуху, наглухо застегнулъ поддевку и осмотрѣлъ себя. Онъ хотѣлъ показать Алёнѣ Николавнѣ, что понимаетъ, какъ надо беречь данныя книжки и какъ къ нимъ относиться.

Алёна Николавна принялась торопливо обѣдать.

— Вы теперь куда отсюда пойдете? Гдѣ вы живете?—спросила она Кирила.

— Да вотъ пока здѣсь посижу: со старыми знакомыми покалякаю, а послѣ пойду квартиру искать... Я, вѣдь, пока только на ночь приставалъ переночевать: надо постоянную квартиру пріискать гдѣ, здѣсь, поблизости...

— А я съ вами въ школу пойду...—сказала Параня.

— Пойдемъ, пойдемъ!... Вотъ чудесно!... мнѣ ужасно досадно было и давеча, что васъ не было, Параня, на открытіи... Я рѣчь говорила мужичкамъ... Кажется, произвела впечатлѣніе... Народу столько привалило въ школу, что всѣ съ-разу даже не помѣстились...

— А вы тоже граматѣ хотите учиться, Парасковья Михайловна?...—спросилъ Кирила.

— Да она ужъ учится у меня дома,—отвѣчала за Параню Алёна Николавна.—И очень успѣшно: умница большая!... Еще недѣльки три-четыре: свободно читать будетъ...

— Вотъ какъ!... И дома учитесь, и въ школу-то хотите идти...

— Нѣтъ, я не для ученья иду, а такъ... посмотрѣть!... Да дома и дѣлать нечего: скука одной, а тамъ всѣ, и Ѳедя, и

Digitized by Google

Алёна Николаевна... Опять же Ѳедя, можетъ бить, тоже учить будетъ: посмотрю, какъ онъ примется...

— Тамъ и хозяйскій сынъ тоже учить, видно, будетъ, Алёна Николаевна? Или онъ такъ только тамъ?—спросилъ Кирила, какъ-будто простодушно, но Параня поняла, что онъ говорилъ это съ умысломъ и на ея счетъ. Она вспыхнула и разсердилась.

— Какже, будетъ, будетъ и онъ... непремѣнно!... Это необходимо!... Я настаиваю!...—отвѣчала Алёна Николаевна.—Ну, собирайся же, Параня, пойдемъ... Я ужъ кончила...

Кирила злобнымъ взглядомъ провожалъ Параню, которая ушла изъ избы, не простясь, не оглянувшись на него, какъ-будто позабывши даже объ его присутствіи. Онъ остался въ избѣ наединѣ, съ-глазу наглазъ съ Дарьей Тихоновной, но сидѣлъ молча, насупившись, мрачный, озлобленный, и смотрѣлъ неподвижно на дверь, за которою скрылась Параня съ Алёной Николаевной.

Дарья Тихоновна, успѣвшая мимоходомъ заглянуть въ висѣвшее на стѣнѣ зеркальце и поправить на головѣ волосы и платокъ, скоса поглядывала на Кирила, и ждала, чтобы тотъ заговорилъ, но онъ упорно молчалъ. Дарья Тихоновна, наконецъ, не выдержала.

— Зачѣмъ еще, соколъ, отъявился сюда? Чего нужно? — спросила она Кирила шутливо и ласково.

— А вы думали уйдете отъ меня,—спрячетесь такъ, что и не найду?..

— И не думали мы прятаться, а поѣхали за своими дѣлами, куда намъ надобно... А тебѣ-то вотъ, что здѣсь нужно? Ты-то зачѣмъ сюда пожаловалъ?...

— Не за тобой ли думаешь, за кралечкой писаной?...

Кирила презрительно и злобно усмѣхнулся. Дарья Тихоновна обидѣлась.

— А за кѣмъ же? Не за Параньой ли опять?... Такъ ужъ тебѣ, кажись, сказано, что не то, что она, и я-то не по твоему рылу... Проѣзжай-ка мимо, заворачивай оглобли назадъ, откуда пріѣхалъ, — уходи пока Ѳединка не воротился, пока цѣлъ!.. Тебѣ-то я не нужна, а ты-то мнѣ и вовсе... Вишь ты!.. знать-то золотомъ, что ты, гати гатять!.. Убирайся говорятъ, откуда пришелъ!...

— А ты не брыкайся очень то... Со мной, смотри, полегче: я не другіе прочіе... Видишь ты, зазналась: около купцовъ-то, что ли, этакого форса набралась... Около нихъ, что ли, хвостомъ-то завиваешь?...

Digitized by Google

— Ну, а хошь и около купцовъ, такъ что же? Тебѣ какое дѣло?... Опять-таки не твое здѣсь мѣсто... Убирайся...

— Дарья, слушай: у меня двѣсти рублей есть... Вотъ здѣсь въ карманѣ лежатъ: хочешь, сейчасъ покажу?..

— Ну такъ что?.. Есть, да не укралъ, такъ твои... А мнѣ-то что?...

— Хочешь тебѣ ихъ отдамъ, разважись только съ Ѳедянкой, прогони его... А я, можетъ, здѣсь въ приказчики попаду... Какъ бы зажили!... На-счетъ Парани ужъ я самъ, ты только не мѣшай... Пожалуй, пускай она и съ купцами... только чтобы Ѳедянку прочь, чтобы замужъ она за него не шла... Мало тебѣ двухсотъ, весь домъ разорю, испродамъ, всѣ деньги твои, только чтобы Паранька моя была...

— Ахъ, ты дуракъ, дуракъ!.. Сумасшедшій дуракъ!.. полоумный!... Ступай-ка, ступай, по-добру, по-здорову!.. Коли пьянъ, такъ проспись, а тверёзъ — перекстись... Ну, куда ты лѣзешь съ своими двумя сотнями?.. Ну, гдѣ тебѣ Паранькой владать?.. И прежде-то, въ деревнѣ жили, что́ я тебѣ говорила на-счетъ этого?.. вспомни-ка!... А теперь и говорить-то мнѣ съ тобой не охота... И смѣешь ты ко мнѣ, къ матери, съ этакими твоими словами подлыми лѣзть?!.. Да съ чего ты это взялъ? съ чего выдумалъ?.. Убирайся вонъ отселѣ, чтобы нога твоя не была у меня!..

— Такъ та́къ вы нонѣ, Дарья Тихоновна?.. Убирайся вонъ?.. Вотъ какъ!...

— Да, та́къ я нонѣ... Испугать, что ли, ты меня думаешь?.. Такъ не испугаешь, небось: не этакихъ видала!.. Держался бы, держался, дуракъ женатый, за меня: и того бы про тебя слишкомъ... А то, видите, еще за Паранькой тянется!.. Дарья Тихоновна искусственно засмѣялась.

— Да мнѣ тебя-то даромъ не надобно: гроша я мѣднаго за тебя не дамъ... А вижу я теперь, откуда въ тебѣ форсъ этотъ: сладилась видно, сторговалась съ купецкимъ-то сынкомъ, а Ѳедянку про-запасъ держишь, про всякой случай, чтобы имъ, дуракомъ, грѣхъ прикрыть... А тотъ дуралей ничего не видитъ, не понимаетъ... Ну, ладно же, я тебя утѣшу: самъ не видитъ, я наведу!.. Пускай же, коли не мнѣ, такъ и онъ передо мной не бахвалится!.. А ужъ тебѣ... Я тебѣ подстрою, постой!.. Останешься на бобахъ... Погоди!...

Кирила въ бѣшенствѣ выскочилъ изъ избы. Дарья Тихоновна осталась спокойною и даже довольною.

«Добро́ бы ты», думала она, «подбилъ Ѳедянку-то самого

Digitized by Google

отъ насъ отшатнуться... На что бы лучше!.. Чего мнѣ и надобно... А онъ стращаетъ!... Нѣтъ, парень, не перехитрить тебѣ умную бабу!... Простоваты вы всѣ!...»

III.

По окончаніи воскреснаго класса, за чаемъ у Проскурова, къ которому остались Кошатниковъ и Ѳедя съ Параней, Алёна Николавна, среди восторженныхъ разговоровъ о блестящемъ началѣ предпріятія, объ еще болѣе блестящихъ надеждахъ на будущее, вспомнила и сообщила присутствующимъ, что она отыскала новаго прозелита, прозондировала его, открыла въ немъ задатки и способности и успѣла уже ихъ направить извѣстнымъ образомъ. Ѳедя изумился и испугался, когда узналъ, что рѣчь идетъ о Кирилѣ.

— Такъ и ты его видѣла, Параня?—спросилъ Ѳедя.

— Какже, видѣла... Онъ съ Алёной Николавной къ намъ приходилъ...

— Что же ты мнѣ не сказала?..

— Да не угодила... Я оттого и изъ дома-то ушла, что онъ пришелъ...

Ѳедя съ благодарностью взглянулъ на Параню.

— А напрасно вы ему, Алёна Николавна, книжекъ дали и говорили съ нимъ много...

— Почему же?...

— Такъ... Онъ не такой человѣкъ!.. Ему до этого никакого дѣла нѣтъ... Самый онъ негодный человѣкъ, безпутный, пьяница, въ острогѣ сидѣлъ!...

Алёна Николавна насмѣшливо улыбнулась.

— Я отъ васъ ожидала, Чернушкинъ, такой оцѣнки ему... —сказала она.—Вы судите о людяхъ по личнымъ отношеніямъ и по той узкой мѣркѣ условныхъ правилъ нравственности, которая въ моихъ глазахъ ровно ничего не стоитъ... Напротивъ, я предпочитаю людей безнравственныхъ по понятіямъ большинства, людямъ нравственнымъ и благонамѣреннымъ... Вы слышали, кажется, что въ глазахъ вашего хваленаго старшины, отца этого Кирила, и Кузьма Иванычъ—желанный человѣкъ... Мнѣ очень грустно, но, кажется, и вы, Чернушкинъ, придерживаетесь этихъ отсталыхъ взглядовъ. Вы должны знать, что нравственности, какъ отвлеченнаго понятія, не существуетъ: читайте Бокля... А условная нравственность сочиняется только для удобства эксплуатаціи... Это

Digitized by Google

азбучныя истины!.. Я не хочу знать о томъ, какъ ведетъ себя человѣкъ, какъ думаетъ о немъ общество... считаетъ ли его человѣкомъ нравственнымъ, добродѣтельнымъ или негодяемъ... Для меня дорого и важно одно: какія идеи и убѣжденія раздѣляетъ этотъ человѣкъ... Нашъ онъ—или чужой, въ извѣстномъ смыслѣ?.. Скажу болѣе: всѣхъ людей нравственныхъ, такъ-называемыхъ, благонамѣренныхъ, мы, передовики, должны считать своими заклятыми врагами... Да они таковы и есть!.. И если я встрѣчаю человѣка, отъ котораго отворачивается общество, это гнилое, растлѣнное общество, отворачивается какъ отъ негодяя, но если этотъ негодяй понимаетъ меня, сочувствуетъ моимъ идеямъ, готовъ энергически проводить ихъ въ жизнь, то я протягиваю ему руку, называю его другомъ и товарищемъ... И такой человѣкъ, я увѣрена, гораздо больше сдѣлаетъ, чѣмъ другой, самый нравственный, но нерѣшительный, черезъ-чуръ осторожный, старающійся идти такъ, чтобы никого не задѣть, никого не обидѣть, а главное, разумѣется, чтобы не повредить самому себѣ!..

Ѳедѣ показалось, что Алёна Николавна дѣлаетъ неблагопріятные намеки на него: онъ вспыхнулъ, нахмурился, но по свойствамъ своего характера не могъ ни оправдываться, ни возражать.

— А вы вполнѣ убѣдились, Алёна Николавна, — спросилъ Проскуровъ,—что Кирила раздѣляетъ наши убѣжденія, что на него вполнѣ можно положиться?..

— О, безъ сомнѣнія!.. Уже самое его общественное положеніе: этотъ гнетъ и ссора съ отцомъ, нелюбимая жена, отъ которой онъ бѣжалъ, это мнѣніе о немъ большинства, какъ о негодяѣ, его озлобленность, недовольство, говорятъ въ его пользу... Наконецъ, неужели вы думаете, я не прозондировала предварительно всѣ его взгляды, убѣжденія и мнѣнія?.. Онъ очень подходящая намъ личность... Конечно, онъ мало развитъ, чтобы быть непосредственнымъ дѣятелемъ, но онъ будетъ отличнымъ орудіемъ въ нашихъ рукахъ...

— Я его не знаю, но, по разсказамъ Ѳедора, считалъ его самой ничтожной, безсодержательной личностью...

— Напротивъ, онъ весьма не глупъ... Но, вѣдь, я и сказала, что онъ не вполнѣ развитъ, и пока можетъ быть только орудіемъ... Кстати, Александръ Кузьмичъ: онъ подалъ отличную мысль, чтобы сдѣлать его приказчикомъ... Это было бы не дурно, если бы *нашъ* могъ имѣть вліяніе на рабочихъ подъ фирмой приказчика-хозяина... Вы понимаете?.. Нельзя ли бы какъ это

Digitized by Google

устроить?.. Или помѣстить бы его, по-крайней-мѣрѣ, въ контору писаремъ: онъ пишетъ хорошо, по его словамъ...

— Вы знаете, вѣдь, мнѣ трудно... меня не послушаютъ... А вотъ, если бы онъ какъ-нибудь самъ... Я, впрочемъ, подумаю, посмотрю... Можетъ быть и можно будетъ...

— Онъ хитрый!.. Онъ притворился, обманулъ васъ!..—вскричалъ Ѳедя, не выдержавшій болѣе.—Вы ошибаетесь!.. Ему рѣшительно все равно!.. Ему только бы въ приказчики попасть... Онъ обманетъ, продастъ насъ всѣхъ!.. И если только вы примете его, господа, въ нашу кампанію... будете довѣрять ему... въ такомъ случаѣ я ото-всего отказываюсь... не считайте меня больше за товарища!.. Я лучше всѣхъ васъ знаю, что это за человѣкъ...

— Чернушкинъ! — строго замѣтила Алёна Николавна:—во-первыхъ, повторяю вамъ, что вы судите о Кирилѣ въ силу вашихъ личныхъ съ нимъ отношеній, а это не можетъ служить критеріумомъ; во-вторыхъ, вы не имѣете права сами уходить отъ дѣла, которое вамъ довѣрили: это возбуждаетъ подозрѣніе, это заставляетъ чортъ знаетъ что думать о васъ...

— Думайте что хотите, считайте меня чѣмъ вамъ угодно, но я рѣшительно не вѣрю въ такое дѣло, въ которомъ, рядомъ со мной, можетъ участвовать Кирила и отказываюсь отъ него... Я вамъ объявляю рѣшительно... Да и вообще, Алёна Николавна, такъ нельзя... Я давно собирался сказать... Все, что мы ни дѣлаемъ, похоже—кабы на медвѣдя съ однимъ кулакомъ идти... Только людей смѣшить да свои бока даромъ подставлять!.. Что Промптовъ пишетъ, я тому не вѣрю: бумага все терпитъ, а насъ всего только четверо... Его приказовъ слушаться я не намѣренъ!.. Эхъ, да что говорить: вы со мной не согласитесь, вы вонъ какъ обо мнѣ думаете... Ну, и думайте!.. Я знаю себя: я васъ не выдамъ, никому слова не скажу, хоть пытай меня... Но и оставаться вмѣстѣ съ Кирилой не хочу... Пойдемъ домой, Параня... Прощайте...

Ѳедя хотѣлъ уйти, не подавши даже никому руки и остановился въ ожиданіи только Парани, которая медленно собиралась, не понимая хорошенько, что произошло передъ нею, въ чемъ поссорились друзья.

— Ѳедя, погоди-жъ ты,—остановилъ его Проскуровъ:—развѣ такъ можно?.. Я тебя не узнаю... Ты можешь высказывать свое мнѣніе, но такое бѣгство похоже, въ самомъ дѣлѣ, на измѣну...

— Нѣтъ, Василій Якимычъ, вы меня знаете и не подумаете этого... А что же мнѣ дѣлать, если я вижу, что Алёна Николавна меня подозрѣваетъ, а Кирилѣ вѣритъ?.. если я убѣдился,

Digitized by Google

что вся наша затѣя ни къ чему не поведетъ, что мы сами себя руками отдаемъ, пропуская такихъ людей, какъ Кирила!..

— Что же, братъ, видно, по-твоему, къ старой теоріи воротиться хочешь: терпѣть надо?.. Грустно, братъ, мнѣ это!.. Не ожидалъ!.. Скоро ты струсилъ!..

— И вы противъ меня... Ну, Василій Якимычъ, съ вами я послѣ поговорю, а теперь не могу... Не струсилъ я: вы увидите!.. А только такъ нельзя... Прощайте...

— Я этого ожидала: благонамѣренный ретроградъ!..— сказала Алёна Николавна вслѣдъ уходящему Ѳедѣ.

— А вы, дѣйствительно, Алёна Николавна, сдѣлали, можетъ быть, большую ошибку: съ-разу довѣрившись Кирилѣ. Надо было предварительно хорошенько всмотрѣться и испытать его.

— Да, вѣдь, я ему ничего особеннаго не сказала... Дала только книжекъ и велѣла потомъ побывать къ себѣ... Вотъ посмотрю еще, потолкую съ нимъ...

— И вообще намъ надо бы быть поосторожнѣе,—робко замѣтилъ Александръ Кузьмичъ.

— Ну, господа, съ вашей осторожностью, да вотъ съ такими дѣятелями, которые ретируются на первыхъ шагахъ, вы никогда ничего не сдѣлаете...—возразила Алёна Николавна.

— Ѳедора я ворочу къ намъ, вы не безпокойтесь, надо только поговорить съ нимъ, да сдѣлать ему уступку на-счетъ Кирила...—замѣтилъ съ своей стороны Проскуровъ.

Но тѣмъ не менѣе восторженное состояніе союзниковъ значительно охладилось происшедшимъ эпизодомъ и они разстались унылые и недовольные другъ другомъ.

Александръ Кузьмичъ, воротясь изъ школы домой, былъ пораженъ сообщеніемъ Дмитрія Тимоѳеича: онъ получилъ отъ Кузьмы Иваныча письмо, въ которомъ тотъ, между прочимъ, приказывалъ сыну немедленно пріѣхать въ Москву для представленія пріисканной ему невѣстѣ. Александръ зналъ нѣсколько эту будущую свою партію: она была дочь очень богатаго купца, годомъ старше его, некрасивая, сырая, бѣлобрысая дѣвица, за то съ милліоннымъ приданымъ. «Пускай Сашка чувствуетъ», значилось въ письмѣ Кузьмы Иваныча, «сколь я старался для него по моимъ родительскимъ чувствамъ: не по одному разу сходились съ подлецомъ, будущимъ сватушкой, толковать о приданомъ, три пота сошло съ меня, пока къ приданымъ деньгамъ домъ еще въ Москвѣ выморщилъ... Московскіе мазурики: не какъ мы деревенскіе!.. Да Богъ помогъ!.. Высылай его тотчасъ, безотмѣнно, съ полученія сего письма»...

Digitized by Google

Въ глазахъ молодого человѣка зарябило, когда онъ прочиталъ эти строки, въ его воображеніи, вмѣсто невѣсты, умершей вставалъ образъ Параши, въ головѣ мелькали мысли о школѣ, о гражданскомъ подвигѣ, о фиктивномъ бракѣ, о настойчивости, съ которой Ѳедя защищалъ противъ родительской власти свое право выбирать подругу жизни, объ обязанности, которая навязывала ему Алёна Николавна, пожертвовать собою для общей пользы... и мысли эти кружились несвязной вереницей около миловиднаго личика Параши... Вдругъ Александръ Кузьмичъ вспомнилъ, какъ скромный, молчаливый, тихій Ѳедя рѣшительно заявилъ свой протестъ давеча въ школѣ, по поводу Кирила, ушелъ самъ и увелъ съ собою Параню, на которую такъ легко было смотрѣть изъ-за самовара... И въ своей душѣ Александръ Кузьмичъ почувствовалъ энергію сопротивленія... «Не поѣду!» — рѣшилъ онъ мысленно... Не скажусь *имъ*, что велѣно ѣхать, а объявлюсь больнымъ и не поѣду... А тамъ что будетъ!

— Что же, братецъ, когда думаете въ дорожку?—заискивающимъ голосомъ спрашивалъ Дмитрій Тимоѳеичъ.

— Не знаю еще... Не сейчасъ же, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ... Надо собраться, уложиться...

— Да само собой!.. Только что тятенька-то пишутъ, чтобы сейчасъ безотмѣнно?.. Я было и лошадокъ велѣлъ приготовить?..

— Нѣтъ, гдѣ же сегодня?.. Я не могу!.. Не успѣю собраться!..

— Какъ вамъ угодно, братецъ, только бы не прогнѣвить тятеньку...

— Нѣтъ, я не могу сегодня... Не поѣду я сегодня...

— Ну, завтра, такъ завтра... И то въ самомъ дѣлѣ, не горитъ: успѣете... Не на срокъ дѣло...

Но на завтра Александръ Кузьмичъ сказался больнымъ, не выходилъ никуда изъ комнаты и не поѣхалъ. Что выйдетъ изъ этого, онъ самъ не зналъ и не хотѣлъ о томъ думать, онъ просто чувствовалъ потребность борьбы, сопротивленія чужой волѣ, хотя бы временно и пассивно. Какъ слабохарактерный человѣкъ, онъ былъ доволенъ собою уже и за то, что нашелъ въ себѣ силы хоть для такого тупого упорства. Его забавляло и тѣшило то, что отецъ и сестра, видимо не довѣрявшіе его болѣзни, безпрестанно приходили его провѣдывать и высказывали безпокойство о послѣдствіяхъ такого неповиновенія родительскому приказу. Когда на третій день по полученіи письма была послана Кузьмѣ Иванычу телеграмма, что сынъ не можетъ выѣхать по болѣзни, Александръ Кузьмичъ расхрабрился до того, что объ-

Digitized by Google

явилъ сестрѣ о намѣреніи своемъ вовсе не слушаться отца и не жениться на выбранной имъ невѣстѣ. Испугъ сестры при этомъ сообщеніи доставилъ Александру Кузьмичу чувство полнаго самодовольства.

— А что же? Не захочу и не женюсь!..—пугалъ онъ сестру.—Меня никто не можетъ заставить жениться по-неволѣ... И отецъ!.. Что онъ мнѣ сдѣлаетъ?..

— Ай, Сашенька!..—говорила съ ужасомъ Лизавета Кузьминишна.—Да развѣ ты не знаешь тятеньки, какъ ежели что не по немъ?.. Да Боже сохрани!.. Онъ, кажется, и...

— Ничего онъ не можетъ сдѣлать со мной...—храбрился Александръ Кузьмичъ.—Нынче, вонъ, у крестьянъ, такъ и у тѣхъ нѣтъ этого деспотизма... И тамъ сами себѣ выбираютъ невѣстъ, а не женятся на комъ родители приказываютъ...

— Такъ то́ мужики, Сашенька... Что́ мужикъ сдѣлаетъ?.. развѣ побьетъ только сына или дочь?.. А тятенька тебя капитала можетъ лишить... и фабрики тебѣ этой тогда не видать: не подпишетъ за тебя ни за что...

— Ну, и пускай: я не очень льщусь на эти капиталы... Развѣ честнымъ трудомъ они нажиты, а не обманомъ, не обидой?

— Ай, Сашенька, что ты за слова какія говоришь... Даже слушать непріятно!.. И отъ кого ты этихъ словъ набрался вредныхъ?.. Богъ тебя знаетъ... Ужъ не гувернанточкины ли это штуки, думаю я?.. Не она ли тебя подбиваетъ противъ тятеньки?.. Сашенька, да ужъ не думаешь ли ты на ней жениться?.. Не даромъ она, подлая, здѣсь, говорятъ, живетъ, на деревнѣ... Не губи ты себя, Саша, что ты это!.. Ни кожи, ни рожи, ни ума, ни достатка, одинъ форсъ да разговоръ: ровно полоумная какая!.. Да тятенька узнаетъ, такъ, кажется, обоихъ васъ со свѣта сживетъ!.. Да и намъ такъ непріятно... Ужъ какая это пара тебѣ!..

— Слушай, Лиза, да, вѣдь, ты вышла же замужъ противъ тятинькиной воли... Что́ онъ подѣлалъ?.. Ничего же... Поругался, поругался, да и обошелся!..

— Такъ то я... дѣвка была, а не сынъ!.. Да и похвалю, что ли, я себя? не похвалю, не думай!.. То ли бы дѣло, кабы заведеннымъ порядкомъ... Отъ недосмотра это все вышло, что досмотра за мной не было хорошаго, безъ маменьки... Да и смѣнилъ ты: Дмитрій-то Тимоѳеичъ какой человѣкъ-то?.. развѣ этакого ума?.. Вѣдь, онъ вонъ какой: самаго ума большого!.. только одинъ изъянъ въ немъ былъ, что не богатъ... Какъ можно тебѣ это говорить?.. И вздумалъ смѣнить: моя судьба, али твоя?... хошь бы эта гувернанка?.. Я хоть за бѣднаго, да по крайности

Digitized by Google

за человѣка шла, и красавецъ былъ, а эта что?.. ужъ не знаю, къ чему и приравнять-то ее...

— Нѣтъ, Лиза, ты не думай: я на Алёнѣ Николаевнѣ не женюсь... А еще вотъ что тебѣ скажу: она даже совѣтовала мнѣ жениться непремѣнно на богатой, которую отецъ выберетъ, да только я слушать-то ея не хочу... Я хочу самъ себѣ выбрать, а не по чужому указу...

— Ну, Саша, обдумайся, обдумайся, полно... Не накликай даромъ бѣды на себя... Все равно, вѣдь, ужъ тятенька повернетъ по-своему: заставитъ жениться на комъ захочетъ, только что одну муку, да непріятность даромъ себѣ примешь... Право, брось: собирайся-ка да поѣзжай!..

Но Александръ Кузьмичъ еще упирался, и хотя онъ ощущалъ трепетъ при невольно приходящей мысли о встрѣчѣ и объясненіи съ отцомъ, но старался не останавливаться на этой мысли и отдѣлаться отъ нея. Въ то же время онъ чувствовалъ необходимость въ какой-нибудь поддержкѣ его энергіи.

«Алёнѣ Николаевнѣ не надо и говорить», думалъ онъ: «она будетъ настаивать», чтобы я женился, ради общей пользы... Хорошо, если бы Параня узнала, что мнѣ предстоитъ такая богатая партія и я не хочу жениться, не могу... Если бы она догадалась: отчего?.. Да она догадается!.. Развѣ посовѣтоваться съ Ѳедоромъ?.. Онъ, конечно, приметъ мою сторону: онъ самъ въ такомъ же положеніи, тоже идетъ противъ отца... Да, поговорить съ нимъ!.. Онъ докажетъ и Алёнѣ Николаевнѣ, что нельзя требовать отъ человѣка, чтобы тотъ приносилъ себя въ жертву... Онъ, вѣдь, вотъ никого же ихъ не слушаетъ, а хочетъ непремѣнно жениться на Паранѣ...

И Александръ Кузьмичъ, въ качествѣ скучающаго больного, рѣшился послать за Ѳедей, чтобы позвать его побесѣдовать.

IV.

Еще въ воскресенье, въ школѣ, и особенно возвращаясь изъ нея вмѣстѣ съ Параней, Ѳедя замѣтилъ въ своей невѣстѣ что-то особенное, небывалое: она была задумчива, уныла, молчалива и разсѣянна. Въ школѣ онъ зорко слѣдилъ за ея отношеніями къ Александру Кузьмичу и, къ удовольствію, своему замѣтилъ, что Параня почти не обращаетъ на него никакого вниманія, хотя Кошатниковъ и кидалъ на нее втихомолку страстные взгляды; но, повидимому, Параня была столько же равнодушна и невнимательна и къ самому Ѳедѣ.

Digitized by Google

«Неужто же это оттого, что Кирюшку увидѣла?..» думалъ онъ.

Дорогою изъ школы, послѣ нѣсколькихъ вопросовъ, на которые Параня отвѣчала холодно и односложно, Ѳедя спросилъ ее:

— Что ты сегодня какая, Параня?

— Какая еще?..

— Да точно горе, али забота большая у тебя?..

— Не съ чего, кажись, и веселиться-то... Радости-то никакой особливой не вижу...

— Развѣ что Кирюшка-то пришелъ... Не молвилъ ли чего?.. Можетъ, сказать не хочешь?.. осторожно спросилъ Ѳедя, заглядывая въ лицо Паранѣ.

— Отстань ты мнѣ съ твоимъ Кирюшкой?.. Очень онъ мнѣ нуженъ!.. Плевать я на него хотѣла... Вотъ!.. Кирюшка!.. Стану я слова его слушать, да думать о немъ!..

— Такъ что же такое, Параня... солнышко?.. Ужъ вижу, сердце мнѣ сказываетъ: есть ничто у тебя на душѣ... Не таись!... Скажи лучше!..

— Надокучили вы мнѣ всѣ... Глаза бы мои на всѣхъ на васъ не смотрѣли... Вотъ что!..

— И я, Параня?..

Въ голосѣ Ѳеди слышалось оскорбленное чувство.

— Такъ что, и ты развѣ лучше людей?.. Всѣ вы ровно какіе полоумные!.. Говорите невѣдомо что: и не разберешь васъ!.. Сойдетесь, послушать васъ: ровно глумные... Почнете купцовъ, богатыхъ, да господъ ругать, что народъ будто обижаютъ... Бѣдныхъ бы всѣхъ вамъ одѣть, накормить, да богатыми сдѣлать, а тѣхъ всѣхъ разорить... Вздумали грамотѣ всѣхъ обучить... книжки раздаете читать... ровно съ грамоты, да съ книженъ сытъ народъ будетъ?!.. Ну, правда, что шапки да сапоги конямъ дѣтямъ дали: такъ Александру Кузьмичу почему не прокуратить такъ, не баловаться: онъ богатъ!.. А вы-то съ чего тутъ?.. Вонъ Алёна Николавна, смѣхъ сказать, въ одномъ платьишкѣ осталась, рубахъ нѣтъ: мои въ смѣну надѣваетъ, а свои всѣ разотдала... Намедни прослышала: дѣвка ребенка принесла, голый лежитъ, такъ схватила остатки что своего бѣлья было, все перервала на пеленки, да бѣжитъ къ ней, а завернули ребенка-то, перевязать нечѣмъ, такъ, не долго думавши, хвать, кромку отъ подола у платья своего отполоснула... Такъ и испортила одёжу-то: безъ подшивки подолъ-то у платья остался, надѣть нельзя... Да и то сказать: она надѣнетъ!..

Параня засмѣялась.

Digitized by Google

— Что же, Парання, развѣ это не хорошо, развѣ это не отъ доброй души?..

— Знамо отъ доброй души, да что пути-то изъ того?.. самой надѣть нечего, а людей одѣваетъ!.. Всѣхъ не одѣнетъ: годи-то много!..—А ты лучше, что ли, людей-то?.. Такой же... Тоже о чужой нуждѣ хлопочешь, да заботишься, а о своей и не подумаешь!.. Обѣщалъ богатымъ сдѣлаться, деньги наживать, а я прибавки что-то не вижу!... Съ этакимъ купцомъ богатѣйшимъ водишься, что не знаетъ куда деньги дѣвать, а ничего для себя не умѣешь отъ него попользоваться!.. Въ приказчики идти не хочешь: низко, видите ему, не благородно...

— Парання,—перебилъ ее Ѳедя съ упрекомъ въ голосѣ: да, вѣдь, развѣ я тебѣ не толковалъ, не разсказывалъ про все?.. Развѣ ты не знаешь, съ чего я въ приказчики идти не хочу, съ чего денегъ купеческихъ даромъ брать не желаю... отчего за своего брата, бѣднаго рабочаго человѣка, стою?.. Вѣдь, не мало и я, и Алена Николавна толковали тебѣ про это...

— Слышала я, слышала всѣ эти сказки-то ваши... Всѣхъ бѣдныхъ богатыми хотите сдѣлать, да чтобы никто никого не обижалъ, не примималъ... Ну, пускай, это хорошо!.. Да гдѣ вамъ то сдѣлать, коли вы сами про себя промыслить не умѣете?.. Вотъ, вѣдь, ужъ говоришь, что жалѣешь, любишь меня: всѣ уши прожужжалъ про то... Ждать просилъ, пока побогатѣешь... Вотъ жду... А гдѣ твоя забота о томъ, чтобы какъ поскорѣе справиться?.. Ужъ почалъ другое говорить: поди за тебя теперь, за бѣднаго, нужды отвѣдай, да опять жди... Нужду-то ужъ я знаю довольно, а ждать-то отъ тебя путнаго, видно, нечего: не то у тебя въ головѣ!.. Не то нажить, а скорѣй того: съ фабрики тебя прогонятъ... И вотъ тебѣ сказываю, Ѳедоръ Герасимычъ: хоть и жалко мнѣ тебя будетъ, ровно какъ привыкла я къ тебѣ,—и парень ты хорошій, добрый!.. а коли такъ все будетъ... я ждать больше не стану!..

— Что же ты сдѣлаешь?.. Парання!..—съ испугомъ, съ болью, вскрикнулъ Ѳедя.

— Да что сдѣлать?.. Богъ съ тобой!.. Ищи коли про себя кто умнѣе, да лучше, а я въ бѣдность не пойду... Опостылѣла она мнѣ, эта бѣдность самая, низкость эта наша подлая,—что послѣдніе мы люди на свѣтѣ!.. Кричатъ люди въ голосъ, кричишь и ты: красавица да писаная!.. А я стану сама, по доброй волѣ, красоту да молодость свою заѣдать, стоя у стана по цѣлому дню... ночи не досыпать... спину надсажать, ноги отставивать... Нѣту, спасибо!.. Вотъ и то ужъ у меня спина-то

Digitized by Google

нить начала, ноги, руки, съ фабрики-то приду, млѣютъ... а мамонька говоритъ, да и сама вижу: и съ лица я тускнуть стала...

— Параня! — вскричалъ Ѳедя съ отчаяніемъ, чуть не со слезами, — да ты не любишь меня совсѣмъ?.. Я думалъ: хоть немножко жалѣешь, а ты не любишь, не любишь вовсе!.. И жалости въ тебѣ нѣтъ ко мнѣ никакой!..

— Какъ хошь думай... А всякъ самъ себѣ дороже... Я молода: мнѣ пожить, повеселиться хочется, порядиться, побарствовать... А ты меня въ работу, ровно въ хомутъ, затянулъ да такъ на-вѣкъ и оставить хочешь... Не желаю я экой жизни, не желаю!.. Либо дѣлайся богатымъ скорѣй... ну, и женись на мнѣ, коли любишь: небось, вѣрная жена буду, на сторонѣ гулять не стану!.. а въ бѣдность опять не пойду, не пойду!.. И ждать не хочу, надоѣло мнѣ ждать!.. конца нѣту жданью-то этому!..

— Параня!.. Да что же это?.. Кто тебя сомутилъ? кто тебя сбилъ?.. Неужто это... неужто ты и вправду на Александра Кузьмича надѣешься?.. Мать твоя, что ли, это тебя подбиваетъ?..

— Никто меня не подбиваетъ... И про Александра Кузьмича ты не думай: трехъ словъ я съ нимъ не сказала... нечего мнѣ на него надѣяться!.. А что сама я тебѣ говорю: подойдетъ линія хорошая, уйду я отъ тебя вовсе!.. Не вини тогда меня, а себя вини: я ждала тебя, слушалась, сколь силъ моихъ хватало, а больше ждать не хочу... Не умѣешь ты промыслить про меня, приходится, видно, самой про себя промышлять!.. Вотъ и весь сказъ тебѣ!..

— Да ты не на такой ли же промыселъ-то хочешь идти, что́ и мать твоя?.. — проговорилъ Ѳедя глухимъ, сдавленнымъ голосомъ. Его душило горе и обида: онъ чувствовалъ страшную злобу противъ Парани, хотя не переставалъ любить ее.

— Ну, а коли ты меня такой почитаешь, такъ чего лучше: и жениться тебѣ на такой не пригоже, и жалѣть тебѣ меня нечего... Пускай такой и буду!..

Ѳедя спохватился.

— Нѣтъ, нѣтъ, Параня: съ горя я это молвилъ, со зла!.. Не такая ты, я знаю... А что же мнѣ дѣлать?.. Радъ бы я не то что... озолотить бы тебя радъ былъ... Да гдѣ же мнѣ вдругъ взять?.. Не разбоемъ же идти, не ограбить же кого?.. Погоди же хоть немножко: вотъ самъ хозяинъ пріѣдетъ, я ему скажу, что придумалъ на-счетъ машинъ... Долженъ онъ мнѣ заплатить за это... Вотъ и деньги будутъ... Параня, не сердись на меня... что я сказалъ!.. Горьки мнѣ твои слова стали, несносны!..

Digitized by Google

Но что ни говорилъ Ѳедя, Параня не отвѣчала уже ни слова, и, придя домой, почти не смотрѣла на него, едва отвѣчала на его вопросы. Бѣдный Ѳедоръ терзался, не спалъ всю ночь и на другой день едва въ силахъ былъ работать. Во время обѣда они обыкновенно сходились съ Параней, такъ какъ первая ея смѣна на фабрикѣ оканчивалась въ полдень. Ѳедя обыкновенно поджидалъ ее у фабричныхъ воротъ и провожалъ до дому: такъ было и въ этотъ разъ; но они шли рядомъ молча, почти не смотря другъ на друга: Ѳедя печальный, убитый, съ опущенной головой,—Параня сосредоточенная, серьёзная, холодная. Изрѣдка, вскользь и незамѣтно, она взглядывала на Ѳедора, и въ глазахъ ея мелькала какъ будто жалость и состраданіе, но лицо оставалось также непривѣтливо и холодно. Это выраженіе Паранина лица оскорбляло Ѳедю, сковывало ему языкъ, пугало его, какъ угроза, что если онъ заговоритъ, то услышитъ слова окончательнаго разрыва; онъ страдалъ невыносимо. Въ то же время, какъ искренно любящій, онъ готовъ былъ во всемъ оправдать Параню, все ей простить, обвинить себя одного.

«И въ самомъ дѣлѣ, развѣ я не обѣщалъ ей, что разбогатѣю?..» думалъ онъ. «Не просилъ подождать?.. А что сдѣлалъ для нея, какую ей жизнь устроилъ?.. Да еще я же и обидѣлъ ее вчера... Она устала ждать, надоѣла ей фабричная работа... А я-то, я-то что сказалъ ей!.. Скажи ей это кто другой, что бы я сдѣлалъ?.. А самъ говорю!..»

Уже подходя почти къ самому дому, Ѳедя собрался съ духомъ и проговорилъ вслухъ:

— Параня, прости ты меня, не сердись, что я тебѣ молвилъ вчера... Право, я съ горя, съ тоски это сказалъ: не думалъ я того... Не сердись, Паранюшка!..

— Что мнѣ сердиться... Я не сержусь: мнѣ все одно!.. — холодно отвѣчала Параня.—Коли таковская я, такъ и жалѣть тебѣ меня нечего: тебѣ же легче будетъ... Найдешь про себя невѣсту стоющую, честную, не этакую!..

— Параня... да не надо мнѣ никого, кромѣ тебя... Неужто же... неужто и вправду?.. Ой, Параня, смерть моя... тошно мнѣ!.. Нѣту, нѣтъ, не говори этого... Богомъ тебя прошу!..

У Ѳеди оборвался голосъ: онъ не могъ говорить, у него сдавило горло отъ задушенныхъ рыданій. Параня пристально посмотрѣла на Ѳедю, и въ душѣ ея какъ будто пробудилось вдругъ нѣжное, доброе чувство.

— Эхъ, Ѳедя, Ѳедя!..—промолвила она точно невольно:—душевный ты, хорошій!.. Жалко и мнѣ тебя!.. Хоть бы хоть что-

Digitized by Google

нибудь... хоть бы мало-мало какой прибытокъ у тебя былъ, а то и нѣтъ ничего, да и ждать-то нечего... Горькій ты, горькій!.. Ужъ не знаю какъ, что и дѣлать...

— Параня... подожди, подожди, родная!.. Справлюсь я!.. не думай!.. не будешь въ нуждѣ жить за мной... Ждала, подожди еще...

— Да, все жди да жди!.. Да дождешься, пожалуй, что и того хуже будетъ... Нѣтъ, видно, Ѳедя, не я—твоя судьба... И родня вся твоя противъ меня, и отецъ твой благословенья не даетъ, и моя маменька не желаетъ тебя, что бѣденъ... да и тебѣ не такую нужно!.. Откажись ты лучше самъ отъ меня: и мнѣ бы легче было, не думалось бы...

— Нѣту, Параня, нѣту!.. Не быть этому, чтобы не была ты моя... Никому не уступлю тебя, а не то, что отказаться по доброй волѣ... До бѣды дойдетъ... коли кто только задумаетъ отнять тебя... Я вижу, что мать тебя противъ меня подбиваетъ... Не слушай ее, ты не такая!.. Вижу я теперь, все понимаю: это ты не по себѣ говоришь, не отъ своего сердца слова, а тебя мать подбиваетъ, ея наущенье!.. Она тебя на что-нибудь недоброе наущаетъ, черезъ тебя хочетъ богатой сдѣлаться... Не поддавайся, Параня, не слушай ее!.. Безъ нея ты и нужды бы не побоялася... и словъ бы этихъ не говорила... Нехорошая она!..

— Не замай ты матушку... Я твоей родни не трогаю!.. — раздражительно остановила его Параня.—Ни къ чему меня маменька не нудитъ, ничему нехорошему не учитъ, во всемъ моя воля: что́ захочу сама, то и сдѣлаю!.. Сама я бѣдности не хочу, сама подъ неволю даромъ не пойду!.. Не звать бы тебѣ меня на фабрику, не дразнить какъ богатые живутъ, не показывать... въ деревнѣ бы я, можетъ, скорѣе и за тебя, каковъ ты есть, пошла... Вотъ что!..

Минутный проблескъ сочувствія снова исчезъ и на лицѣ, и въ глазахъ, и въ голосѣ Парани: она опять сдѣлалась серьёзна и холодна, а въ душѣ Ѳеди опять поднялась прежняя буря сомнѣній, тоски, горя и какой-то злобы.

Въ такомъ настроеніи онъ отобѣдалъ, или, лучше сказать, просидѣлъ обѣдъ, потому-что кусокъ ему не шелъ въ горло, въ такомъ возвращался, задумчивый и мрачный, послѣ обѣда, на фабрику, какъ вдругъ встрѣтилъ на половинѣ дороги Кирила. Ѳедя отвернулся и хотѣлъ пройти мимо, какъ будто не видалъ, но Кирила остановилъ его.

— Здорово живешь, Ѳедоръ Герасимычъ,—сказалъ онъ дру-

Digitized by Google

жескимъ тономъ.—Чтой-то больно не веселъ?.. Да ты не отворачивайся, не сердись на меня... Ну, что старое поминать!.. Намъ теперь съ тобой ссориться не изъ-за-чего: обоихъ насъ съ тобой одна змѣя ехидная ужалила, давай лучше вмѣстѣ и горе загуливать... Ты подъ меня подкапывался: думалъ увезешь отъ меня, такъ и твоя будетъ... Да нѣтъ, братъ, самъ теперь видишь—не такая она: не по-нашему рылу это кушанье, выходитъ!.. Я ужъ наплевалъ на нее и рукой махнулъ!.. А ты неужто и послѣ этого еще не одумался, все еще, не взирая на то, жениться хочешь?.. Полно на срамъ-то идти!.. Наплюй и ты лучше: вѣдь, всѣ знаютъ... только насмѣхъ себя пустишь!.. Я, вотъ, давно ли здѣсь — всего третій день, а ужъ и то всѣ уши прожужжали...

— Про что ты говоришь?.. — спросилъ Ѳедя, задыхаясь и едва шевеля засохшими губами. Онъ смотрѣлъ на Кирилу помутившимися глазами и видѣлъ его какъ черезъ туманъ. Въ головѣ и въ ушахъ у него стоялъ страшный шумъ и звонъ.

— Ну, вотъ, что тутъ притворяться!.. точно не знаешь?.. — говорилъ Кирила, нахально ухмыляясь.—Вся фабрика въ одинъ голосъ говоритъ, что хозяйскій сынъ купилъ Параньку у матки и живетъ съ ней: у старшаго приказчика и видаются... Видѣли, какъ матка и торговаться-то съ нимъ приходила... Знаютъ, сколь и взяла-то!..

Ѳедя остановился. Онъ едва стоялъ на ногахъ, голова у него кружилась, кровь точно застыла въ жилахъ, въ глазахъ потемнѣло. Нѣсколько мгновеній онъ стоялъ неподвижно, смотря въ упоръ на Кирилу, точно силился разсмотрѣть и узнать незнакомаго человѣка...

— Что, братъ?.. А ты думалъ, не знаютъ, что ли?.. Все знаютъ!.. Видно, шила въ мѣшкѣ не утаишь!.. По матушкѣ, знать, пошла, а ты полагалъ—честная она, безгрѣшная душа?.. Эхъ, простота!..—Кирила хохоталъ. Этотъ наглый смѣхъ точно разбудилъ Ѳедю, словно кто ножомъ пырнулъ его въ самое сердце такъ больно, невыносимо больно...

— Подлецъ!.. — вдругъ вскричалъ онъ — и неожиданнымъ страшнымъ ударомъ кулака окровавилъ Кирила и сшибъ его съ ногъ.

Валяясь въ снѣгу, Кирила кричалъ: караулъ! а Ѳедя, даже не оглянувшись на него, медленно, пошатываясь, почти не сознавая, что онъ сдѣлалъ, пошелъ безъ мысли впередъ, по привычной дорогѣ, въ мастерскую. Здѣсь онъ опустился на скамью, около своего верстака, и, навалившись на него спиною, сидѣлъ нѣкоторое время безъ всякаго дѣла, опустя руки, съ неподвижнымъ

Digitized by Google

взглядомъ; онъ ничего не думалъ, а только какъ будто прислушивался къ невыразимо-болѣзненному чувству, которое сжимало его сердце. Затѣмъ онъ совсѣмъ машинально принялся за свою обычную работу; физическій трудъ мало-по-малу возвратилъ его къ сознанію.

«Что дѣлать?..» думалъ онъ. «Допытаться у нея?.. Нѣтъ, идти къ Александру Кузьмичу: спросить его прямо: правда ли?.. Запрется—узнаю по глазамъ!.. А если правда?.. Если правда?..»

Ѳедя вздрагивалъ и безъ надобности, съ озлобленіемъ начиналъ рубить топоромъ совершенно обдѣланную, выструганную, пригнанную въ дѣло штуку. Вдругъ явился за нимъ посланный отъ Александра Кузьмича. Ѳедя торопливо, какъ былъ съ топоромъ въ рукѣ, безъ кафтана и шапки, пошелъ-было вслѣдъ за посланнымъ; но, сдѣлавши нѣсколько шаговъ, опомнился, бросилъ топоръ и одѣлся.

— Ѳедоръ, что съ тобой?... На тебѣ лица нѣтъ... Здоровъ ли ты?..—спросилъ Александръ Кузьмичъ, взглянувши на вошедшаго Ѳедю.

— Ничего... Здоровъ...—отвѣчалъ тотъ.

— Да что же ты какой?.. Вѣрно, нездоровъ?.. Садись, пожалуйста.

Ѳедя молча сѣлъ.

— Я за тобой послалъ, чтобы посовѣтоваться... сказать тебѣ новость...—продолжалъ Александръ Кузьмичъ, удивленно смотря на Ѳедю.—Да ты скажи мнѣ сначала: не случилось ли чего-нибудь?..

— Вамъ лучше знать!.. Вы мнѣ скажите!..—отвѣчалъ Ѳедя, впиваясь глазами въ Кошатникова.

— Я, братъ, ничего не знаю: третій день изъ дома не выхожу!.. Ты меня пугаешь: растолкуй, пожалуйста!..

— Скажите мнѣ всю правду,—заговорилъ Ѳедя, поднимаясь со стула и подходя вплоть къ самому Кошатникову,—всю правду скажите!.. я по глазамъ узнаю!.. купили вы Параню у матери себѣ въ любовницы?..

— Что ты... Господь съ тобой!.. Ты съ ума сошелъ, Чернушкинъ!..—отвѣчалъ Кошатниковъ, съ испугомъ, невольно отодвигаясь отъ него.

— Всѣ говорятъ... вся фабрика!.. Скажите мнѣ правду... ради Господа, скажите!..—умолялъ Ѳедя, наступая на Александра Кузьмича.—Я ничего вамъ не сдѣлаю... ничего... только скажите...

— Да ты смотри же на меня... Это неправда!.. Богомъ тебѣ божусь, неправда!.. Да развѣ я такой?.. Развѣ бы я могъ?.. Что

Digitized by Google

ты?.. Какъ тебѣ не стыдно, Чернушкинъ: что за подлости ты обо мнѣ думаешь!..

— Нѣтъ, нѣтъ, не думаю!..—вскричалъ Ѳедя, вдругъ оживая.—Нѣтъ, слава Богу, нѣтъ!.. Вижу: вздоръ, сплетня!.. Простите вы меня, Александръ Кузьмичъ. О, разбойникъ этакой, подлецъ! онъ нарочно это выдумалъ!..

— Да кто, кто это тебѣ сказалъ?

— Кирюшка... А отчего же, отчего же она-то мнѣ все это говорила?.. думалъ вслухъ Ѳедя, снова поддаваясь подозрѣніямъ.

— Александръ Кузьмичъ, вы ее ничѣмъ не сманивали, не подговаривали, ни ее, ни мать?.. Я видалъ, вы смотрѣли на нее, а въ умѣ у васъ не было, чтобы сманить ее отъ меня, али виду вы какого-нибудь не давали ли, чтобы въ любовницы ее взять, богатой сдѣлать?..»

— Да нѣтъ же, я тебѣ говорю, нѣтъ: ни съ матерью, ни съ ней, ни съ кѣмъ слова не говаривалъ ни о чемъ такомъ... Да брось ты это... Какъ тебѣ, я говорю, не стыдно думать-то обо мнѣ такъ?..

— Ну, такъ это сама мать надумала: вотъ оттого, что видѣла: вы засматривались на нее, вотъ и придумала... Отъ нея станется!..

— Я было позвалъ тебя о своемъ дѣлѣ потолковать, да, вижу, теперь ты ничего не поймешь, ни о чемъ говорить не можешь...

— Нѣтъ, нѣтъ, теперь ничего, отлегло!.. Я могу все понять.. Говорите...

— Видишь что: отецъ прислалъ письмо, нашелъ мнѣ невѣсту, велитъ пріѣзжать въ Москву, а я не хочу жениться по принужденію—и не слушаюсь, не ѣду... Мнѣ обидно!.. Я не пѣшка, я человѣкъ, мной нельзя такъ распоряжаться!.. Я тогда женюсь, когда самъ захочу: полюблю, или выберу невѣсту самъ... а не по приказу!.. Алёна Николавна говоритъ, что я долженъ жениться на нелюбимой, но богатой, для нашего дѣла, для общей пользы... Но, вѣдь, этого нельзя требовать... Ты какъ думаешь?.. Что я буду за человѣкъ, если мной будутъ помыкать?.. Вѣдь, это подлость!.. Ты какъ думаешь?.. Ты самъ, вѣдь, не слушаешь отца, а женишься противъ его воли... Алёна Николавна про тебя, наоборотъ, говоритъ, что ты бы не долженъ жениться, что тебѣ это будетъ мѣшать... А ты, вѣдь, никого не послушаешься... и для дѣла не откажешься отъ Парани?.. Вѣдь, нѣтъ?.. Ты мнѣ скажи: ты какъ думаешь, какъ я долженъ поступить?.. Слушаться мнѣ отца и Алёны Николавны, или нѣтъ?..

— Да вы изъ-за чего не хотите жениться?.. Вы не изъ-за

Digitized by Google

того, что по неволѣ!.. Вы полюбили кого-нибудь... Вы Параню полюбили!.. Изъ-за нея вы жениться не хотите!..

Чувство ревности и безпокойства опять охватило Ѳедю, тѣмъ болѣе, что Александръ Кузьмичъ, при послѣднихъ словахъ его, вспыхнулъ, видимо смутился, и хотя отвѣчалъ отрицательно, но какими-то несвязными, ничего не значащими фразами.

— Не отдамъ я ее вамъ, Александръ Кузьмичъ, не отдамъ!.. Не любить вамъ ее, какъ я люблю... Это одно баловство въ васъ!.. Позавистовали только на мое счастіе!.. Бросьте вы это, Александръ Кузьмичъ, бросьте!.. Выкиньте ее изъ головы... Не уступлю я ее никому!.. Бѣды надѣлаю!.. То говорилъ: хоть бы по неволѣ женилъ меня отецъ, да фабрику и капиталъ поскорѣе въ руки отдалъ, показалъ бы я тогда, какъ народъ люблю, какъ бѣдныхъ жалѣю, всѣхъ бы кругомъ себя счастливыми сдѣлалъ... ничего мнѣ самому не надо.., не хочу владѣть этакими деньгами!.. А теперь что?.. Приглянулась чужая невѣста, такъ и всѣ свои обѣщанія позабылъ: вѣдь, не женитесь, такъ отецъ остатки скрутитъ по рукамъ, по ногамъ, послѣднихъ денегъ лишитъ... А какъ же школа-то, какъ же все дѣло-то наше?.. Или на все наплевать? пускай все пропадаетъ?.. Зачѣмъ ужъ притворяться, Александръ Кузьмичъ?.. дѣлай начистоту: и дѣвчонку деньгами сманивай, поторгуй у матери: за хорошія деньги она продастъ!.. и женись на купчихѣ богатой, и фабрику получи, а отъ меня, да и отъ всѣхъ насъ долго ли отдѣлаться: дохни только — сейчасъ уберемся... Но только помни, Александръ Кузьмичъ, женись—не женись, а Параню живой я тебѣ не уступлю... Побереги и свою голову!..

Ѳедя, какъ сумасшедшій, выбѣжалъ отъ Кошатникова, оставивъ его въ совершенномъ смущеніи. Нѣкоторыя слова Ѳеди казались ему голосомъ его собственной совѣсти, другія преувеличеннымъ упрекомъ, незаслуженнымъ оскорбленіемъ. Онъ и стыдился, и негодовалъ: негодовалъ на самого себя за свою безхарактерность и слабость, и на своихъ друзей, за то, что они хотѣли его эксплуатировать, видѣли въ немъ только орудіе, а не самостоятельную, дѣятельную личность. Въ немъ пробудилась гордость, чувство собственнаго достоинства.

«Я же вамъ всѣмъ докажу, что я не подлецъ и не тряпка какая-нибудь!..» мысленно ободрялъ онъ самъ себя. «Я не позволю собой распоряжаться всѣмъ и каждому... Пускай мнѣ Параня нравилась, но я не изъ-за нея только не хотѣлъ жениться по-неволѣ, по приказу... а потому, что это—подлость, униженіе!.. И я не женюсь, не послушаю ни отца, ни васъ!.. А чтобы обез-

Digitized by Google

печить школу... и Промптову обѣщалъ денегъ... вотъ что́ сдѣлаю: завтра же скажу, что выздоровѣлъ, что хочу ѣхать, потребую отъ Дмитрія Тимоѳеича тысячи двѣ денегъ, будто на дорогу, на платье, на всякіе жениховы расходы... Ради этого онъ не откажетъ... подумаетъ, что и отецъ не будетъ бранить... Получу деньги, отдамъ ихъ Алёнѣ Николавнѣ, а самъ не поѣду... И пускай тамъ будетъ, что́ будетъ!.. По крайней мѣрѣ, всѣ увидятъ, что я не подлецъ... а хочу быть только самостоятельнымъ, и такимъ же дѣятелемъ, какъ они!.. А Ѳедоръ опомнится, увидитъ, что я не способенъ на такія подлости, какъ онъ говоритъ!.. Онъ раскается въ своихъ словахъ и самъ придетъ прощенія у меня просить!»..

На этихъ мысляхъ Александръ Кузьмичъ успокоился, ободрился и на слѣдующій день объявилъ себя выздоравливающимъ и готовымъ ѣхать въ Москву. Дмитрій Тимоѳеичъ, какъ онъ и ожидалъ, безпрекословно выдалъ ему двѣ тысячи рублей... И онъ, и Лизавета Кузьминишна, боявшіеся, что тятенька объяснитъ непослушаніе Александра ихъ интригой и подговоромъ, чтобы, дескать, не выпускать изъ рукъ фабрики, были очень довольны перемѣной намѣреній братца и всячески старались угодить ему, торопя въ то же время сборами въ дорогу... Но, къ ужасу ихъ, Александръ Кузьмичъ, получивши деньги, сталъ откладывать свой отъѣздъ день за день, вновь ссылаясь на нездоровье.

V.

Кузьма Иванычъ, разсерженный телеграммою зятя, что «братецъ Александра, захворавши, тотчасъ не выѣзжаетъ», былъ вслѣдъ затѣмъ совсѣмъ уже и удивленъ, и до-нельзя взбѣшенъ слѣдующимъ письмомъ отъ Петра Архипыча, которое пришло дня черезъ три послѣ телеграммы.

«Милостивому моему великому, благодѣтель мой и покровителю, Кузьмѣ Ивановичу,

«Отъ преданнаго раба вашего и слуги, Петра Архипова.

«Объ нашихъ дѣлахъ не знаю какъ и осмѣлиться доложить вашему степенству, чтобы недостаточно обезпокоить вашу милость, а только что оченно не хорошо и мнѣ не по мысли, а утаить тѣхъ обстоятельствовъ, по обязанности моей, вашей чести не согласенъ: пущай же пострадаю, а долженъ доказать по всей справедливости. Первое, что насчетъ Александра Кузьмича здоровья—сумнительно мнѣ, чтобы точно были нездоровы, а такъ

Digitized by Google

полагаю, что не желательно имъ теперича, по ихнымъ молодымъ дѣламъ занятіямъ, въ законный бракъ вступить, ужъ не знаю доподлинно по губернанкѣ ли по старой, которая бывшая Алёна Николавна, а теперь въ удаленіи отъ дома на деревнѣ живетъ, либо по этой самой Паранькѣ: слѣжу всячески и не думно мнѣ это покамъ время, а только что совокуплены оныя вмѣстѣ, губернанка съ Паранькой, въ одномъ дому, и мною было говорено достаточно и матери, и Паранькѣ, насчетъ всякаго воздержанія отъ Александра Кузьмича; и женихъ этотъ Ѳедька тутъ, завсегда при нихъ, и ваше намѣреніе, говорилъ, осчастливить ихъ, и въ томъ надѣюсь, только матка—баба лукавая и жадная, до васъ оставила, переговорить желаетъ. А второе ихъ занятіе—училище завели для празднаго народа, сманиваютъ ребятишекъ и даже рабочихъ въ большомъ секретѣ, но я проникъ, и къ чему это, и съ чего взялось, все обстоятельно дознаюсь, а только что есть: и учитель заведенъ, и тамъ съ этой губернанкой свиданіе имѣютъ, и Параньку водили, а Ѳедька при томъ тоже былъ въ учителяхъ. Но окромя того, что оный Ѳедька при томъ былъ и дѣло всенародное, насчетъ Параньки съ Александромъ Кузьмичемъ не полагаю, а больше того думаю, что все это съ запотрою той губернанки заведено: и ходитъ она теперь, и ведетъ себя въ мужицкомъ родѣ, даже въ полушубкѣ,—видно изо всего, что до самаго разврата дошла, что непремѣнно нужно Александра Кузьмича, по невинности и добродѣтели ихной, отъ всѣхъ этихъ предметовъ развратныхъ освободить и сочетать законнымъ бракомъ для общаго благополучія, чтобы, чего Боже сохрани, эта мерзавка губернанка даже до вѣнца съ собой не довела, потому ей, голой, въ этакое высокое родство вступить лестно».

Прочитавши это письмо, Кузьма Иванычъ, какъ грозная буря, поднялся, свился и полетѣлъ въ Старое село. Онъ явился туда совершенно неожиданно, упалъ какъ снѣгъ на голову. Уже одно его появленіе произвело общую панику въ семьѣ: встревожился Дмитрій Тимоѳеичъ, перетрусилась Лизавета Кузьминишна, упалъ духомъ, въ ожиданіи развязки, и Александръ Кузьмичъ. Страхъ былъ тѣмъ болѣе великъ, что, пріѣхавши, Кузьма Иванычъ прошелъ прямо въ свои комнаты, не хотѣлъ видѣть никого изъ родной семьи, а велѣлъ позвать къ себѣ Петра Архипыча и запереся съ нимъ.

— Вотъ, братецъ, надѣлали бѣды: это онъ изъ-за васъ гнѣвается!..—упрекалъ Дмитрій Тимоѳеичъ Александра Кузьмича.

— И что теперь съ тобой будетъ, Саша?..—вторила мужу

Digitized by Google

Лизавета Кузьминишна.—Изъ-за тебя теперь и намъ всѣмъ бѣда будетъ...

— Ничего не будетъ!... Я одинъ отвѣчу!..—храбрился Александръ Кузьмичъ, блѣднѣя.

Пріѣхалъ Кузьма Иванычъ передъ вечеромъ, и вся семья, собравшись въ чайной, ожидала, когда кончится аудіенція Петра Архипыча, и не рѣшалась даже приступать къ чаю, не зная, угодно ли будетъ *самому* выдти, или потребуетъ чаю къ себѣ. Лизавета Кузьминишна, вся красная и потная, сидѣла въ тревогѣ передъ кипящимъ самоваромъ, потихоньку переставляя чашки съ одного мѣста на другое. Дмитрій Тимоѳеичъ, опустивъ на бокъ голову, тихими шагами расхаживалъ по чайной, отъ времени до времени покачивая головой и дотрогиваясь руками до висковъ, точно вспоминая старое, давно-минувшее время, въ которое эти виски отвѣчали за него. Александръ Кузьмичъ сидѣлъ неподвижно, развалясь на стулѣ, вытянувши ноги, и нервно барабанилъ пальцами по столу; онъ старался казаться спокойнымъ, но лицо его было блѣдно и обличало душевную тревогу.

Вдругъ пришли сказать Дмитрію Тимоѳеичу, что пріѣхалъ становой и настойчиво требуетъ, чтобы доложили о немъ немедленно и самому Кузьмѣ Иванычу. Дмитрій Тимоѳеичъ побѣжалъ къ нему: такое смѣлое и настойчивое требованіе со стороны станового о свиданіи съ *самимъ* не могло быть безъ особенно важной причины. Становой былъ такой маленькій человѣкъ для Кузьмы Иваныча, что онъ обыкновенно считалъ за особенную честь, если Кузьма Иванычъ удостоивалъ его позвать къ себѣ, а не то, что требовать, да еще настойчиво—свиданія съ нимъ.

Дмитрій Тимоѳеичъ нашелъ станового въ конторѣ, расхаживающаго изъ угла въ уголъ большими шагами. Это былъ высокій, бѣлокурый господинъ, съ совершенно статскою наружностью, но въ полу-военной формѣ и съ очевиднымъ желаніемъ казаться военнымъ человѣкомъ.

Съ очень озабоченнымъ видомъ поздоровался онъ съ Дмитріемъ Тимоѳеичемъ.

Тутъ же у стѣнки, облокотясь на нее, съ нахальнымъ видомъ, стоялъ Кирила.

— Да какое дѣло-то, вы мнѣ только скажите?—допытывался Дмитрій Тимоѳеичъ у станового.

— Не могу, Дмитрій Тимоѳеичъ, не могу сказать,—отвѣчалъ тотъ,—лично и секретно долженъ переговорить съ самимъ!.. Одно вамъ доложу: дѣло весьма важно и не терпитъ отлагательства!.. Еще, еслибъ самого не было, такъ, въ крайности, можетъ быть,

Digitized by Google

и вамъ бы сказалъ... Но, къ счастію, онъ самъ тутъ: лично долженъ переговорить...

— Да я не знаю теперь, какъ сказать-то ему, только-что пріѣхалъ, отдыхаетъ съ дороги.. Пожалуй, не приметъ, разсердится...

— Ну, какъ угодно: пускай приметъ, потому это дѣло не такое... Послѣ самъ пожалѣетъ, если не приметъ: такъ и скажите!..

— Не знаю, право, какъ и быть... А это кто же, что́ за человѣкъ?.. — спросилъ Дмитрій Тимоѳеичъ, указывая на Кирилу, котораго сначала не замѣтилъ.

— А этотъ человѣкъ... со мной... Онъ тоже пойдетъ со мной къ Кузьмѣ Иванычу....

— Какъ — и онъ? — удивился Дмитрій Тимоѳеичъ.

— И онъ... всенепремѣнно!.. — загадочно отвѣчалъ становой.

— Да, безъ меня нельзя!.. — нахально и многозначительно подтвердилъ Кирила...

— Да вы поскорѣе, пожалуйста, Дмитрій Тимоѳеичъ... а то.. смотрите!..

— Ну, такъ пойдемте... Нечего дѣлать...

— Да послушайте: нельзя ли вамъ такъ насъ провести, чтобы народу насъ поменьше видѣло... Я нарочно вечеромъ пріѣхалъ и безъ колокольчика...

Эта оговорка еще болѣе встревожила Дмитрія Тимоѳеича. Онъ взглянулъ пристально на Кирилу и старался припомнить: гдѣ его видалъ? Онъ вспомнилъ, что видѣлъ его мелькомъ на фабрикѣ, когда Кирила приходилъ къ Петру Архипычу наниматься въ рабочіе и получилъ отказъ, за излишествомъ.

Оставивши станового съ Кирилой въ передней комнатѣ, Дмитрій Тимоѳеичъ не совсѣмъ смѣло подошелъ къ запертой двери въ спальню Кузьмы Иваныча и постучался.

— Какого чорта? Кто тутъ? — послышался сердитый вопросъ, прервавшій разговоръ, предъ тѣмъ происходившій шопотомъ.

— Это я, тятенька... — отвѣчалъ Дмитрій Тимоѳеичъ.

— Что тебѣ?.. — Сказалъ: никому не ходить, никого не нужно!..

— Господинъ становой пріѣхалъ, требуетъ немедленно васъ видѣть...

— Что-о?.. Становой?.. — переспросилъ Кузьма Иванычъ такимъ голосомъ, въ которомъ слышался и гнѣвъ, и удивленіе.

— Говоритъ, по очень важному дѣлу, и сею минутою нужно васъ видѣть...

Digitized by Google

— Мало что: подождетъ до завтра!.. А больно нужно, отбери ты...

— Удивительно, въ самомъ дѣлѣ!.. Никогда этого не бывало!.. — послышался за дверями голосъ Петра Архипыча, поддерживавшаго настроеніе патрона.

— Тятенька-съ...

— Ну, что еще?..

—, Онъ мнѣ не сказываетъ... Говоритъ: только вамъ можно объяснить самолично... и секретно... Такое дѣло!.. Говоритъ, сами жалѣть будете, если не примете его...

— Что за... Ну, ужъ я-жъ его, коли съ пустяками... Веди его коли... Отопри, Архиповъ, да выйди пока... Подожди тамъ... Что еще за чудеса?..

Становой вмѣстѣ съ Кирилой вошли въ спальню Кузьмы Иваныча, гдѣ онъ лежалъ на кушеткѣ въ одной рубахѣ, бесѣдуя съ Петромъ Архипычемъ, и остался такъ, даже не пошевелился при входѣ станового.

— Здравствуйте, Кузьма Иванычъ...

— Здорово, братъ, здорово... Боекъ ты нонѣ сталъ очень что-то... Насильно лѣзешь!..

— Дѣло такое-съ, Кузьма Иванычъ... — увѣренно и многозначительно произнесъ становой. — Теперь позвольте васъ попросить, чтобы въ совершенномъ секретѣ, никто чтобы не подслушивалъ... Дмитрій Тимоѳеичъ, пожалуй, могутъ остаться, но больше чтобы никто...

— Архипычъ, стой тамъ въ передней, чтобы никто не вошелъ... — распорядился Кузьма Иванычъ, и, уже нѣсколько озабоченный предосторожностями станового, привсталъ и сѣлъ на той же кушеткѣ.

— А это что за человѣкъ?.. Этотъ зачѣмъ здѣсь?.. — указалъ онъ на Кирилу.

— А вотъ сейчасъ, все вамъ ясно будетъ: все объясню!.. — отвѣчалъ становой, заглядывая въ сосѣднюю комнату. — Призаперли бы вы ту комнату, Дмитрій Тимоѳеичъ, для всякой осторожности...

Дмитрій Тимоѳеичъ заперъ двери. Петръ Архипычъ тотчасъ же приналъ къ ней ухомъ, но онъ слышалъ только начало секретнаго разговора, пока говорили вслухъ.

— Да ну же... Не мучь!.. Что за оказія: кажется, никакой уголовщины за мной нѣтъ... — говорилъ Кузьма Иванычъ.

— А я пріѣхалъ собственно для вашего предупрежденія... Кузьма Иванычъ... — отвѣчалъ становой. — Во что почтете — не

Digitized by Google

знаю, а дѣло много хуже уголовнаго... Сынокъ вашъ пропасть можетъ!.. Вотъ этотъ человѣкъ доставилъ мнѣ слѣдующіе предметы... Изволите видѣть?..

Тутъ начался разговоръ шопотомъ, и Петръ Архипычъ напрасно напрягалъ свой слухъ. Что происходило за запертыми дверями,—осталось тайною для Петра Архипыча, но чрезъ нѣсколько времени изъ спальной вышелъ Дмитрій Тимоѳеичъ съ испуганнымъ, совсѣмъ разстроеннымъ лицомъ, сопровождая станового и Кирилу, лица которыхъ, напротивъ, сіяли полнымъ довольствомъ. Проходя мимо Петра Архипыча, онъ торопливо сказалъ ему:

— Добѣги, Архипычъ, въ кучерскую... Вели сейчасъ же тройку разгонныхъ закладывать... да живѣе...

Черезъ нѣсколько минутъ въ спальню къ Кузьмѣ Иванычу былъ введенъ зятемъ Александръ Кузьмичъ, на котораго накинулся родитель. Слышались ругательства, проклятія, угрозы, послѣ которыхъ Александръ Кузьмичъ вышелъ отъ отца совсѣмъ растерянный, уничтоженный...

Черезъ часъ, онъ, наскоро собравшись, вмѣстѣ съ сестрою, ускакалъ въ Москву.

Мѣсяцъ спустя, Кузьма Иванычъ давалъ на старой фабрикѣ пиръ, по случаю бракосочетанія сына Александра Кузьмича съ дочерью почетнаго гражданина Евпраксіею Зотовною Лебедкиной, какъ значилось на пригласительныхъ билетахъ, заказанныхъ въ Москвѣ и разосланныхъ по всѣмъ знакомымъ тузамъ-капиталистамъ.

Дарья Тихоновна на этомъ пирѣ исправляла должность экономки, а Параня—ея помощницы. Обѣ онѣ были нарядны и веселы, но дочери Кузьмы Иваныча отъ нихъ отворачивались. Александръ Кузьмичъ нѣсколько разъ сталкивался съ Параней: она пополнѣла и какъ будто немного обрюзгла, но была хороша по прежнему и при встрѣчѣ взглядывала на молодого тѣмъ взглядомъ, отъ котораго и теперь, какъ прежде, кидало его въ жаръ... Но Кузьма Иванычъ только два дня позволилъ молодымъ погостить на старой фабрикѣ и отправилъ ихъ въ Старое село, — гдѣ въ числѣ приказчиковъ Александръ Кузьмичъ увидѣлъ вновь опредѣленнаго, по приказанію отца, — Кирилу Ѳедотова. О Ѳедѣ, Алёнѣ Николаевнѣ и Проскуровѣ тамъ давно не было и слуха.

Новая фабрика, по прежнему, находилась въ рукахъ Дмитрія Тимоѳеича и Петра Архипыча, подъ верховнымъ надзо-

Digitized by Google

ромъ Кузьмы Иваныча. Александру Кузьмичу предоставлено было жить на ней въ качествѣ будущаго хозяина, «пока не соберется вовсе съ умомъ, не забудетъ своихъ прежнихъ глупостевъ и не докажетъ своимъ разсудкомъ и поведеніемъ, что ему можно дать дѣло въ руки»... Впрочемъ, онъ могъ теперь наслаждаться семейнымъ счастіемъ и ѣздить съ женою въ Москву, когда вздумается... Отъ времени до времени онъ получалъ какія-то письма, которыя очень старательно уничтожалъ... Въ дни полученія этихъ писемъ онъ былъ самъ не свой, старался не смотрѣть никому въ глаза и какъ-то недовѣрчиво и робко оглядывался по сторонамъ... Этотъ робкій, какъ-бы испуганный, взглядъ сдѣлался потомъ постояннымъ и остался у него на всю жизнь...

Анна, послѣ того какъ Кирила ушелъ вовсе изъ дома, потерявши всякую вѣру въ снадобья и знахарство Арины Панкратьевны, перешла жить къ отцу; а Ѳедотъ Семенычъ одиноко съ женою доживалъ свой вѣкъ въ маленькой избушкѣ среди пчельника. Большая изба стояла заколоченной. Никогда ни слова не говорилъ старикъ о сынѣ и старался даже не вспоминать о немъ; за то нерѣдко онъ вздыхалъ, вспоминая Ѳедю, и обыкновенно при этомъ приговаривалъ:

— Эхъ, задаромъ пропала золотая головушка!..

Алексѣй Потѣхинъ.

Digitized by Google

ССЫЛКА

НА

САХАЛИНЪ

Въ исторіи нашей ссылки островъ Сахалинъ пріобрѣтаетъ значеніе мѣста ссыльно-каторжной колонизаціи съ 1869 года; съ тѣхъ поръ прошло уже десять лѣтъ, и на островъ Сахалинъ сослано около двухъ тысячъ ссыльно-каторжныхъ преступниковъ. Несмотря на это новое и чрезвычайно важное значеніе острова —свѣдѣнія наши о немъ, какъ о мѣстѣ ссылки, весьма неопредѣленны и отличаются крайнею бѣдностью. Задача настоящей статьи выяснить нѣсколько результаты десятилѣтняго опыта ссыльно-каторжной колонизаціи Сахалина, насколько то позволяютъ намъ имѣющіеся оффиціальные и частные источники.

Ссылка на Сахалинъ вызвана была крайне неудовлетворительнымъ состояніемъ каторжныхъ работъ въ Сибири и необходимостью немедленно озаботиться размѣщеніемъ сосланныхъ въ каторжныя работы при отсутствіи подобныхъ работъ. Самое тяжкое, высшее уголовное наказаніе у насъ существовало только номинально: «каторжныя работы» или вовсе не примѣнялись по отношенію большого числа преступниковъ, или ничѣмъ не отличались отъ обыкновенныхъ работъ.

Причины упадка и дезорганизаціи каторжныхъ работъ весьма разнообразны и сложны, подробное разсмотрѣніе ихъ повело бы насъ слишкомъ далеко; ограничимся нѣкоторыми замѣчаніями.

Прежде всего слѣдуетъ указать на вредныя послѣдствія господствовавшаго у насъ стремленія подчинить цѣли каторжныя чисто

Digitized by Google

финансовымъ, экономическимъ соображеніямъ. Ссылаемые въ Сибирь преступники поступали въ непосредственное и полное распоряженіе лицъ, завѣдывавшихъ казенными и кабинетскими промышленными предпріятіями, у которыхъ на первомъ планѣ были интересы хозяйственные, а потому все, что̀ могло мѣшать успѣшному ходу производства или служило къ уменьшенію выгодъ его, —оставлялось безъ исполненія. Вслѣдствіе этого, въ жертву хозяйственнымъ соображеніямъ приносились всѣ тѣ правила содержанія ссыльно-каторжниковъ, которыя находились въ противорѣчіи съ условіями промышленнаго предпріятія. Такимъ образомъ, исполненіе наказанія «каторжными работами» далеко не соотвѣтствовало смыслу закона; но, кромѣ означеннаго несоотвѣтствія, существовало еще болѣе важное обстоятельство, затруднявшее точное исполненіе судебныхъ приговоровъ надъ тяжкими преступниками, а именно постепенное уменьшеніе числа и размѣровъ производствъ, на которыхъ заняты были ссыльно-каторжные преступники.

Оскудѣніе нерчинскихъ рудныхъ мѣсторожденій и крайняя невыгодность мѣстнаго сребросвинцоваго производства заставили Кабинетъ Его Величества совершенно прекратить разработку нерчинскихъ рудниковъ; далѣе, желѣзодѣлательный Петровскій заводъ, по ограниченности своего производства, также обходился безъ ссыльно-каторжныхъ; казенные винокуренные заводы упразднены; желѣзодѣлательный заводъ проданъ въ частныя руки, и затѣмъ для употребленія въ работу ссыльно-каторжныхъ остались лишь кабинетскіе золотые промыслы и казенные солеваренные заводы, изъ коихъ послѣдніе, въ виду ожидавшагося въ то время примѣненія въ Восточной Сибири новой соляной системы, подлежали упраздненію или передачѣ въ частныя руки.

Такимъ образомъ, вся масса ссыльно-каторжныхъ, за исключеніемъ 800 или 1000 человѣкъ, распредѣленныхъ на солеваренныхъ заводахъ, и небольшого числа ихъ, находящагося въ распоряженіи частнаго владѣльца Николаевскаго завода, была сосредоточена на Карійскихъ золотыхъ промыслахъ, которые могли давать занятіе не болѣе какъ на 1000 человѣкъ и притомъ только въ лѣтніе мѣсяцы; въ остальное же время мѣстная потребность уменьшается болѣе, чѣмъ на половину. Между тѣмъ, въ распоряженіи начальства, за исключеніемъ тысячи неспособныхъ къ работѣ преступниковъ, такъ-называемыхъ, богадельниковъ, находилось слишкомъ *двѣ тысячи* полносильныхъ каторжниковъ, которые, по смыслу закона, должны находиться круглый годъ въ постоянной работѣ. Не имѣя средствъ къ размѣщенію ихъ на Карѣ, и никакой возможности употреблять ихъ въ ра-

Digitized by Google

боту, мѣстное начальство, по необходимости, принимало въ отношеніи къ нимъ такія мѣры, которыя далеко не соотвѣтствовали требованіямъ уголовнаго закона: однихъ оно отправляло въ качествѣ вольнонаемныхъ рабочихъ на Урюмскіе золотые промыслы, а другимъ предоставляло право снискивать себѣ пропитаніе въ предѣлахъ Нерчинскаго округа по ихъ собственному усмотрѣнію.

Что же касается, наконецъ, каторжныхъ работъ на казенныхъ заводахъ Восточной Сибири, то въ этомъ отношеніи необходимо замѣтить, что сосланные туда никогда не были каторжными въ прямомъ значеніи этого слова. Отношенія ихъ къ заводамъ были и есть тѣ же самыя, въ какихъ въ прежнее время состояли приписные къ заводамъ крестьяне. Заводскіе ссыльно-каторжные были обязательными работниками, которые производили за ничтожное вознагражденіе извѣстныя въ пользу завода работы, по выполненіи которыхъ они пользуются совершенною свободою. Содержаніе въ тюрьмѣ и оковы употребляются только въ видѣ наказанія за проступки.

Къ тому же, слабость надзора за каторжными и вообще крайне неудовлетворительное состояніе каторжныхъ работъ въ мѣстности, хотя и отдаленной, но все же сопредѣльной, поддерживали и развили до громадныхъ размѣровъ побѣги и бродяжничество, этотъ хроническій недугъ нашего прошлаго и настоящаго.

Всѣ изложенныя обстоятельства, а также прогрессивное увеличеніе количества тяжкихъ уголовныхъ преступленій и рѣшительное ослабленіе репрессивной силы наказанія послужили основаніемъ къ образованію по Высочайшему повелѣнію 5 декабря 1868 года особаго комитета, на обязанность коего возложено было изысканіе необходимыхъ мѣръ для организаціи каторжныхъ работъ на болѣе правильныхъ началахъ. Означенный комитетъ призналъ необходимымъ ввести ссылку тяжкихъ преступниковъ въ какую-либо отдаленную колонію для употребленія тамъ на принудительныя работы. При выборѣ мѣста новой ссылки, комитетъ остановился на островѣ Сахалинѣ, соединяющемъ въ себѣ весьма благопріятныя условія для достиженія цѣлей правосудія.

Достоинства острова, какъ мѣста ссыльно-каторжной колонизаціи, въ глазахъ комитета были слѣдующія: 1) Географическое положеніе острова Сахалина, отдѣленнаго моремъ отъ крайнихъ предѣловъ Россіи, обезпечиваетъ материкъ со стороны побѣговъ, такъ какъ послѣдніе «крайне затруднены, почти невозможны». 2) Наказаніе получаетъ надлежащую репрессивную силу, такъ какъ ссылка на Сахалинъ можетъ быть признана безвозвратною.

Digitized by Google

3) Островъ Сахалинъ представляетъ мѣстность незаселенную, обширную пространствомъ, и даетъ просторъ дѣятельности каждаго изъ ссыльно-каторжныхъ, рѣшившагося начать новую, трудовую жизнь; съ этой стороны, ссылка на Сахалинъ имѣетъ исправительный характеръ. 4) Съ точки зрѣнія государственной пользы сосредоточеніе ссыльно-каторжныхъ на Сахалинѣ представляется залогомъ для упроченія обладанія нашего островомъ [1]), посредствомъ ссыльно-каторжной колонизаціи, тѣмъ болѣе, что на добровольное заселеніе острова «при незначительныхъ размѣрахъ колонизаціоннаго движенія на Востокѣ» почти нельзя надѣяться. 5) Обширнѣйшія и богатѣйшія (?) каменноугольныя залежи могутъ быть съ выгодою эксплуатируемы въ виду громадной потребности въ углѣ для юртовъ китайскихъ и истощенія японскихъ рудниковъ. 6) Наконецъ, сосредоточеніе всего контингента ссыльно-каторжныхъ на островѣ обѣщало, въ глазахъ комитета, значительно сократить расходы на содержаніе ихъ.

Вотъ, въ общихъ чертахъ тѣ мотивы, на основаніи которыхъ комитетъ принялъ рѣшеніе—избрать островъ Сахалинъ мѣстомъ ссылки; насколько эти мотивы были основательны и насколько оправдывались радужныя надежды комитета на судьбу ссыльно-каторжной колонизаціи въ Сахалинѣ—будетъ показано ниже. Но, принявъ въ принципѣ ссылку на Сахалинъ, комитетъ однако не счелъ возможнымъ, «въ виду недостаточно имѣющихся о Сахалинѣ свѣдѣній» сосредоточить весь 12,000-й контингентъ ссыльно-каторжныхъ, а потому только въ «видѣ опыта» предположено было отправить на островъ небольшую партію ссыльно-каторжныхъ—въ 800 человѣкъ [2]).

Что касается остальной массы преступниковъ, приговариваемыхъ къ каторжнымъ работамъ, то относительно ихъ состоялось рѣшеніе—«впредь до указанія опыта ссылки на Сахалинъ»—удерживать въ каторжныхъ тюрьмахъ въ предѣлахъ Россіи. Это временное состояніе продолжается болѣе девяти лѣтъ, до настоящей

---

[1]) Въ 1868 году островъ Сахалинъ находился въ совмѣстномъ владѣніи русскихъ и японцевъ.

[2]) Эта партія ссыльныхъ застала на островѣ нѣсколько десятковъ ссыльно-каторжныхъ. Мысль о перенесеніи каторжныхъ работъ на островъ Сахалинъ впервые явилась изъ среды самихъ преступниковъ. Въ 1858 году — отцеубійца *Иванъ Лапшинъ*, чувствуя потребность въ уединеніи, трудѣ и молитвѣ, испросилъ у начальства позволеніе переселиться на островъ Сахалинъ для работъ по добыванію каменнаго угля. Онъ велъ жизнь исполненную всевозможныхъ лишеній; цѣлые дни проводилъ онъ за работою. Послѣ этого отъ времени до времени ссыльно-каторжные небольшими партіями присылались на Сахалинъ для добыванія каменнаго угля.

Digitized by Google

минуты. Каторжныя тюрьмы устроены въ Вильно, Илецкѣ, Симбирскѣ, Псковѣ, Тобольскѣ, Перми и въ Херсонской губерніи (тюрьмы: Новобѣлгородская и Новоборисоглѣбская); по послѣднимъ извѣстіямъ въ означенныхъ семи каторжныхъ тюрьмахъ содержатся 2.464 человѣка и въ непродолжительномъ времени ожидается такое скопленіе заключенныхъ въ тюрьмахъ, что помѣщать ихъ будетъ негдѣ. И въ настоящее время онѣ совершенно переполнены: нѣкоторыя изъ тюремъ содержатъ большее количество каторжныхъ преступниковъ, нежели положено по штату. Задача комитета 1868 года была — организовать каторжныя работы, возстановить репрессивную силу уголовнаго наказанія, провести нѣкоторую соразмѣрность между различными мѣрами нашей карательной системы; но означенная задача комитета не только не выполнена, но, напротивъ, мѣры, принятыя правительствомъ, внесли еще большее разстройство въ исполненіе судебныхъ приговоровъ у насъ. «Каторжныя работы» по прежнему не существуютъ для большинства приговариваемыхъ къ каторжнымъ работамъ, такъ какъ правильно организованныя работы существуютъ только въ Илецкой каторжной тюрьмѣ, въ остальныхъ же, или вовсе нѣтъ никакихъ работъ, или занятія имѣютъ такой же случайный характеръ, какъ и во всѣхъ нашихъ тюрьмахъ [1]). Въ виленской и симбирской тюрьмахъ приговоренные къ каторжнымъ работамъ употребляются на нѣкоторыя городскія работы; въ псковскихъ и харьковскихъ тюрьмахъ нѣтъ никакихъ работъ, такъ какъ за таковыя нельзя считать мастерскія для 15 — 20 человѣкъ въ тѣсномъ, подвальномъ помѣщеніи, какъ это мы видѣли въ псковской каторжной тюрьмѣ. Въ илецкой тюрьмѣ ссыльно-каторжные заняты работою въ мѣстныхъ солоникахъ; эта тюрьма пріобрѣла печальную извѣстность своими порядками. Вообще должно сказать, что каторжныя тюрьмы ничѣмъ не отличаются отъ другихъ тюремъ нашихъ; онѣ новыя по названію, но въ нихъ все по старому, искони заведенному порядку: тѣ же общія камеры съ нарами, на которыхъ заключенные проводятъ день и ночь, спятъ, ѣдятъ, пьютъ и отправляютъ всѣ естественныя потребности человѣка, тѣ же «параши», издающія страшное зловоніе, та же абсолютная праздность, то же переполненіе и тѣ же блѣдныя, исхудалыя лица, болѣзненно-

[1]) Въ тобольской каторжной тюрьмѣ, за неимѣніемъ производительныхъ работъ, опредѣлено самимъ закономъ (п. 28 Высоч. утверж. правилъ 28 марта 1870 г.) занимать арестантовъ разряда испытуемыхъ переноскою съ одного мѣста на другое и складываніемъ въ ряды и кучи ядеръ, пересыпкой песка, переноской съ одного мѣста на другое дровъ, кирпича, камней и т. п.

Digitized by Google

горящія глаза... Въ одномъ только измѣненіе: прежде люди по судебному приговору сидѣли въ тюрьмахъ по высшей мѣрѣ годъ и четыре мѣсяца, а въ арестантскихъ ротахъ до 4 лѣтъ; теперь же приговоренные *«къ каторжнымъ работамъ»* сидятъ *«безъ работъ»* по меньшей мѣрѣ отъ 4 до 6 лѣтъ. Для насъ представляются непонятными тѣ соображенія, которыми руководились, устраивая вновь каторжныя тюрьмы по прежнему плану, по прежнему порядку и, притомъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ никакъ нельзя было разсчитывать — дать приговореннымъ къ каторжнымъ работамъ соотвѣтствующія занятія.

Трудно требовать, чтобы въ теченіи десяти и болѣе лѣтъ было исправлено то, что образовалось путемъ историческихъ наслоеній въ теченіи сотенъ лѣтъ; требовать этого — значитъ, желать невозможнаго. Но новыя мѣропріятія должны сдѣлать попытки хотя нѣсколько уклониться отъ традицій и рутины прошлаго, несмотря на самыя непривлекательныя и темныя стороны его.

Вернемся однако къ непосредственному предмету настоящей статьи,—къ вопросу о ссылкѣ на Сахалинъ. Въ силу Высочайше утвержденнаго положенія комитета 18-го апрѣля 1868 года, разрѣшеніе общаго вопроса объ организаціи каторжныхъ работъ поставлено было въ зависимость отъ результатовъ опыта ссылки на Сахалинъ. Къ сожалѣнію, данныя—какъ оффиціальныя, такъ и частныя—для оцѣнки этихъ результатовъ далеко не отличаются полнотою. Въ теченіи *первыхъ двухъ лѣтъ* ссылки на островъ Сахалинъ само правительство, повидимому, не получало никакихъ извѣстій о ходѣ работъ по организаціи ссыльно-каторжной колонизаціи на островѣ Сахалинѣ. На первыхъ же порахъ правительство наше убѣдилось въ необходимости болѣе подробныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній относительно острова, и потому съ 1869 года по 1873 годъ состоялся рядъ командировокъ въ видахъ восполненія пробѣла означенныхъ свѣдѣній. Во-первыхъ, организована была, по Высочайшему повелѣнію, коммиссія (подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Сколкова), для изслѣдованія При-амурскаго края и условій организаціи каторжныхъ работъ на островѣ Сахалинѣ; во-вторыхъ, послана была особая экспедиція подъ начальствомъ чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ г-на Власова, при участіи агронома г-на Мицуля и др.; въ-третьихъ, по порученію губернатора Приморской области, землемѣръ Корзунъ составилъ описаніе о. Сахалина, — и, наконецъ, въ-четвертыхъ, горный департаментъ, вслѣдствіе просьбы сибирскаго начальства,

Digitized by Google

командировалъ горнаго инженера, г-на Кеппена, на островъ Сахалинъ.

Труды означенныхъ лицъ и коммиссій, отчасти изданные, отчасти составляющіе достояніе канцелярій правительственныхъ учрежденій, составляютъ главный матеріалъ для оцѣнки почти десятилѣтняго опыта ссыльно-каторжной колонизаціи острова Сахалина.

Прежде всего слѣдуетъ остановиться на предположеніи комитета, избравшаго островъ Сахалинъ мѣстомъ ссылки, о богатствѣ каменно-угольныхъ залежей на островѣ. Подобное предположеніе было въ то время совершенно гадательно, такъ какъ мы не имѣли еще никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній относительно самыхъ важныхъ вопросовъ, имѣвшихъ связь съ устройствомъ каторжныхъ работъ; почти все, что́ мы имѣемъ въ настоящее время для рѣшенія вопроса о богатствѣ каменно-угольныхъ залежей на островѣ Сахалинѣ, составляетъ результатъ позднѣйшихъ изслѣдованій. Несмотря на существующее разногласіе среди изслѣдователей по этому вопросу (*Носовъ*, «Горный Журналъ», 1860, № 7, стр. 50. — *Дейхманъ*, «Горный Журналъ», 1871, № 3, стр. 519), едва ли можно сомнѣваться въ утвердительномъ рѣшеніи его. Въ этомъ насъ совершенно убѣждаютъ изслѣдованія гг. Кеппена («Островъ Сахалинъ, его каменно-угольныя мѣсторожденія и развивающаяся на немъ каменно-угольная промышленность», Спб., 1875, стр. 6—20, 48—57), Боголюбскаго («Очерки Амурскаго края и острова Сахалина въ геологическомъ и горнопромышленномъ отношеніи», Спб., 1877, стр. 64—75) и Войскова («Островъ Сахалинъ», — «Военный Сборникъ» за 1872 г., № 2, стр. 17—19). Прекрасное и обстоятельное изслѣдованіе каменно-угольныхъ залежей на островѣ Сахалинѣ, сдѣланное въ теченіи 3-хъ лѣтъ г-мъ Кеппеномъ, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ богатствѣ этого минеральнаго топлива на островѣ; сочиненіе Кеппена — драгоцѣнный вкладъ въ научную литературу у насъ. По свидѣтельству г-на Кеппена, изъ четырехъ пластовъ приблизительно можно добыть 25.650,000 пудовъ угля; а развѣдками, произведенными въ 1872 и 1873 годахъ въ окрестности по́ста Дуэ, запасъ каменнаго угля опредѣленъ въ 111.000,000 пудовъ. По отзывамъ другихъ изслѣдователей, «изобильныя каменно-угольныя залежи острова Сахалина представляютъ собой неоцѣнимое богатство, которымъ можно воспользоваться *только* въ отдаленномъ будущемъ» (Боголюбскій, стр. 75); «островъ заключаетъ въ себѣ богатѣйшія залежи камен-

Digitized by Google

наго угля, которыя придаютъ ему значеніе не только въ будущемъ, но и въ настоящемъ» (Войсковъ, стр. 17).

Но если совершенно гадательное предположеніе комитета по организаціи каторжныхъ работъ подтверждалось позднѣйшими добросовѣстными и вполнѣ научными изслѣдованіями, то далеко нельзя этого сказать относительно другихъ предположеній комитета, въ особенности относительно сбыта каменнаго угля. Прежде чѣмъ перейти къ этому вопросу, мы считаемъ не безполезнымъ сказать нѣсколько словъ объ условіяхъ разработки и сбыта сахалинскаго угля до избранія острова Сахалина мѣстомъ ссыльно-каторжной колонизаціи.

Первоначально добываніе каменнаго угля на островѣ Сахалинѣ имѣло совершенно случайный характеръ; такъ, въ іюлѣ 1854 года, шкуна «Востокъ» нагрузилась углемъ, для разработки котораго посланъ былъ лейтенантъ Савичъ съ 10-ю матросами. Въ 1855 году, англичане добывали уголь для своихъ паровыхъ военныхъ судовъ; въ 1856 году, по распоряженію генералъ-губернатора Восточной Сибири, послана была на островъ Сахалинъ команда солдатъ для разработки каменнаго угля. Въ 1857—1859 годахъ каменно-угольныя работы на островѣ производились подъ наблюденіемъ горнаго инженера г. Носова, который принужденъ былъ вскорѣ оставить свои занятія, по недостатку людей и денежныхъ средствъ; съ тѣхъ поръ разработка каменнаго угля перешла въ руки военныхъ начальниковъ, вовсе незнакомыхъ съ условіями добыванія минеральнаго топлива. Работы стали производиться безпорядочно, открытымъ разносомъ, такъ-называемымъ «хищическимъ способомъ». Въ 1861 году прибыла въ постъ Дуэ первая партія ссыльно-каторжныхъ (до 80 человѣкъ) для работъ въ каменно-угольныхъ рудникахъ; сначала они получали по 20 коп. въ сутки и провіантъ, но въ слѣдующемъ году суточная плата была замѣнена задѣльною, которая опредѣлена была въ размѣрѣ 2 коп. за пудъ добытаго угля. Получая по двѣ коп. за пудъ, ссыльные на выручаемыя деньги должны были пріобрѣтать всѣ необходимые для нихъ съѣстные припасы, одежду, обувь и т. д. Назначеніе задѣльной платы имѣло слѣдствіемъ своимъ крайне неправильныя выработки—и затѣмъ прекращеніе вовсе работъ по добычѣ угля. «Лица, завѣдывавшія рудничнымъ производствомъ, — замѣчаетъ г-нъ Кеппенъ, — не имѣя понятія о горномъ хозяйствѣ и считая себя «халифомъ на часъ», заботились только, такъ-сказать, о сегодняшнемъ днѣ»; ссыльнымъ предоставлено было право производить раскопку угля, гдѣ имъ угодно, съ однимъ условіемъ: чтобы

Digitized by Google

мѣсто ихъ работъ не было особенно удалено отъ поста Дуэ. При этихъ условіяхъ штейгеръ, завѣдующій работами, лишенъ былъ физической возможности услѣдить за правильностью выработокъ, а ссыльные, заинтересованные въ возможно бо́льшемъ количествѣ добытаго угля, заботились исключительно о легкости и скорости работъ. Не окончивъ одного пласта, они начинали другой; испытывая затрудненіе въ добываніи большихъ кусковъ угля при незначительной высотѣ выработокъ, они старались разбивать уголь на мелкіе куски, чтобы возможно бо́льшее количество вывезти его на санкахъ изъ штольни. Въ результатѣ оказалось, что «не было ни одного пласта, который не начали бы разработывать, —и, напротивъ того, не было ни единаго пласта, который былъ бы выработанъ окончательно» (Кеппенъ). Благодаря подобной хищнической разработкѣ, многія прекрасныя и богатѣйшія дуэскія каменно-угольныя мѣсторожденія значительно испорчены, и дальнѣйшая разработка требуетъ много работъ по очисткѣ отъ мусора, щебня и сопряжена съ немалою опасностью. Другое послѣдствіе назначенія задѣльной платы было распоряженіе о прекращеніи дальнѣйшихъ работъ съ 1-го октября 1864 года, въ виду того, что количество выработаннаго угля (до 800,000 пудовъ) значительно превышало ежегодный расходъ (до 200,000 пудовъ).

Заработки ссыльныхъ при системѣ задѣльной платы были баснословно велики; нѣкоторые заработывали по 80, 100 и даже 140 рублей въ мѣсяцъ, а въ общей сложности — 64 человѣка ссыльныхъ въ 1863 году заработали болѣе 11,000 руб. Въ 1869 году, согласно Высочайшему повелѣнію 19-го апрѣля этого года, на Сахалинъ прибыла новая партія ссыльно-каторжныхъ въ 800 человѣкъ; съ приходомъ этой партіи измѣнился порядокъ работъ въ рудникахъ: двухъ-копѣечная плата за добычу угля была отмѣнена, и введены общія урочныя безплатныя работы. Что касается количества добытаго угля, то съ 1858 по 1869 годъ добыто, по оффиціальнымъ даннымъ, 1.826,607 пудовъ угля, а отпущено — всего 1.455,404 пуда; наибольшее количество добыто въ 1863 году (611,214 пудовъ угля), а наименьшее—въ 1868 году (272,243 пуда угля). Изъ общаго количества добытаго до 1869 года каменнаго угля 1.227,467 пудовъ угля отпущено на казенныя суда, а остальное количество (227,937 пудовъ угля) отпущено частнымъ лицамъ и на иностранныя военныя суда. (Нѣсколько иныя цифры даютъ намъ частныя свѣдѣнія, см. корресп. «Москов. Вѣдомостей» за 1874 годъ, № 207). До 1862 года каменный

Digitized by Google

уголь на казенныя суда отпускался безплатно, а съ того времени—съ платою по 6 руб. за тоннъ или по 10 коп. за пудъ. На частныя же суда до 1868 года уголь продавался по 10—15 руб. за тоннъ («Москов. Вѣдомости», 1874 годъ, № 207). По свѣдѣніямъ же, сообщаемымъ военнымъ губернаторомъ Приморской области, средняя стоимость угля въ 1862 — 1868 гг. не превышала 6 коп. за пудъ или 3 р. 60 коп. за тоннъ.

Выше было замѣчено, что предположеніе комитета 1868 г. по организаціи каторжныхъ работъ относительно богатства каменно-угольныхъ залежей на островѣ Сахалинѣ вполнѣ подтвердилось позднѣйшими изслѣдованіями; но, очевидно, одного богатства каменнаго угля недостаточно, — этимъ вопросъ далеко не исчерпывается, такъ какъ въ данномъ случаѣ необходимо принять во вниманіе обстоятельство весьма важное, хотя и не находящееся въ неразрывной связи съ вопросомъ о богатствѣ сахалинскихъ каменно-угольныхъ копей. Мы говоримъ объ условіяхъ сбыта добытаго каменнаго угля. Это обстоятельство пріобрѣтаетъ въ нашихъ глазахъ тѣмъ бо́льшую важность, что каменный уголь принадлежитъ къ числу тѣхъ матеріаловъ или товаровъ, которые требуютъ возможно скораго сбыта, такъ какъ въ противномъ случаѣ отъ дѣйствія воздуха онъ легко подвергается порчѣ, понижается въ цѣнѣ и причиняетъ убытки предпринимателю. Производительность арестантскихъ работъ есть одно изъ весьма важныхъ условій всякой правильной карательной системы, а потому съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ едва ли можно оправдать ту карательную систему, которая не принимаетъ въ разсчетъ финансовыхъ соображеній. Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что послѣдніе имѣли преобладающее или исключительное значеніе въ дѣлѣ организаціи наказанія, имѣющаго свои спеціальныя задачи, вытекающія изъ основаній уголовнаго правосудія. Но государство, неся матеріально—и притомъ довольно значительныя—затраты на содержаніе преступниковъ, въ правѣ требовать, чтобы, по крайней мѣрѣ, часть расходовъ изъ государственнаго казначейства была возмѣщена производительностью работъ лицъ осужденныхъ. Вотъ соображенія, по которымъ вопросъ о сбытѣ каменнаго угля пріобрѣтаетъ весьма важное значеніе въ дѣлѣ организаціи каторжныхъ работъ на островѣ Сахалинѣ. Отъ степени успѣшности этого сбыта зависятъ размѣры разработокъ сахалинскихъ каменно-угольныхъ копей, а послѣднія, въ свою очередь, обусловливаютъ количество ссыльно-каторжныхъ, которое можетъ быть занято работами на островѣ Сахалинѣ.

Остановившись при выборѣ мѣста ссылки на островѣ Саха-

Digitized by Google

линѣ правительство наше имѣло въ виду, съ одной стороны, снабжать каменнымъ углемъ суда нашего флота въ Тихомъ-океанѣ, съ другой — большой сбытъ сахалинскаго угля на восточномъ рынкѣ, въ особенности при истощеніи, будто бы, каменно-угольныхъ залежей въ Японіи. Разсчетъ оказался совершенно ошибочнымъ, такъ какъ потребность въ каменномъ углѣ въ сибирской нашей флотиліи не всегда удовлетворялась, сахалинскій уголь имѣлъ чрезвычайно плохой сбытъ, а разработка японскихъ угольныхъ копей не уменьшается, а увеличивается.

Остановимся на первомъ предположеніи комитета 1868 г.— Насколько велика потребность въ каменномъ углѣ судовъ нашего флота въ Тихомъ-океанѣ, и какое число ссыльно-каторжныхъ необходимо для удовлетворенія означенной потребности? Потребность въ каменномъ углѣ на военныхъ судахъ Тихаго-океана весьма ограничена и, судя по нѣкоторымъ даннымъ, не превышаетъ 250 тыс. пудовъ въ годъ; для добыванія означеннаго количества топлива, по отзыву спеціалистовъ, достаточно рабочей силы въ 120—130 человѣкъ, т.-е. почти $^1/_{10}$ часть того числа, которое предположено было сосредоточить въ дуэскихъ каменно-угольныхъ копяхъ. Въ 1871 году на суда нашей эскадры въ Тихомъ-океанѣ отпущено было немногимъ болѣе 100 тысячъ пудовъ каменнаго угля, въ 1872 году заказъ доходилъ до 150 тыс., а въ 1873 году отпущено болѣе 154 тыс. пудовъ угля. Опытъ прошлаго доказалъ, что потребность въ углѣ на судахъ нашей эскадры не могла быть удовлетворена; по словамъ г-на Кеппена, мѣстное начальство, по причинѣ недостатка угля въ Дуэ, вынуждено было въ 1873 году сдѣлать распоряженіе о пріобрѣтеніи угля въ Китаѣ и Японіи для удовлетворенія таковымъ судовъ сибирской флотиліи и эскадры Тихаго-океана (Кеппенъ, стр. 47). По другимъ извѣстіямъ, управляющій морскимъ министерствомъ, генералъ-адъютантъ Лесовскій, возбудилъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ вопросъ по поводу недостатка въ сахалинскомъ каменномъ углѣ: «потребность морского вѣдомства въ каменномъ углѣ отъ дуэскаго мѣсторожденія на островѣ Сахалинѣ, разработываемаго трудомъ ссыльно-каторжныхъ, не могла быть удовлетворена въ 1874 году по недостатку угля», говоритъ оффиціальное представленіе по этому вопросу. Такимъ образомъ, оказывается, что первая и наиболѣе упрощенная задача—снабженіе сахалинскимъ углемъ судовъ нашей флотиліи — далеко не достигнута.

Обратимся теперь ко второму предположенію комитета 1868 г.—относительно возможнаго сбыта сахалинскаго угля на

Digitized by Google

восточномъ рынкѣ. Нечего и говорить, что развитіе нашихъ торговыхъ отношеній чрезвычайно важно какъ съ финансовой, такъ и политической стороны. Великій-океанъ пріобрѣтаетъ все бо́льшее и бо́льшее значеніе, и въ недалекомъ будущемъ можетъ сдѣлаться весьма оживленной ареной всемірной торговли. Событія въ Индо-Китаѣ, энергическое промышленное развитіе Австраліи, революція и позднѣйшія политическія событія и общественныя реформы въ Японіи—все это дѣйствительныя явленія послѣднихъ дней. Съ открытіемъ Суэзскаго канала, съ устройствомъ главнаго порта въ Владивостокѣ, Россія естественно должна стремиться къ упроченію и развитію своего значенія на торговомъ рынкѣ Востока. Потребность въ каменномъ углѣ на Великомъ-океанѣ значительная, и Китай не въ состояніи удовлетворять ей; «при быстро распространяющемся пароходномъ движеніи въ Тихомъ-океанѣ, между Америкой съ одной—и Китаемъ и Японіею съ другой стороны, спросъ на уголь въ этихъ водахъ возрастаетъ (Кеппенъ, 90). При всемъ томъ, сбытъ сахалинскаго угля плохой, и изъ года въ годъ уменьшается; такъ ежегодно съ 1860 г. по 1869 продано частнымъ лицамъ и на иностранныя суда 227,937 пуд. угля, а съ 1869 года по 1873—100,742 пуда; причемъ въ 1869 году продано было 49,170 пуд., въ 1870 году 25,800, въ 1871 году вовсе не было сбыта, въ 1872 году продано—7,086 пуд., а въ 1873 г.—18,766 [1]). Чѣмъ объяснить плохой сбытъ сахалинскаго угля и уменьшеніе этого сбыта въ послѣдніе годы? Едва-ли можно видѣть причину этого явленія въ качествѣ сахалинскаго угля, который, по мнѣнію Кеппена, можетъ «сравняться только съ лучшими сортами англійскаго или шотландскаго угля». По отзыву другого изслѣдователя—сахалинскій уголь по достоинству стоитъ значительно выше японскаго и китайскаго угля. По анализу Макдональда сахалинскій уголь мѣловой формаціи и содержитъ въ себѣ отъ 60 до 70% чистаго углерода (Войсковъ, стр. 18); г. Кеппенъ на основаніи данныхъ 12 анализовъ утверждаетъ, что сахалинскій уголь содержитъ въ себѣ 77,90% чистаго углерода.

По словамъ г. Войскова — въ портахъ Восточнаго-океана сахалинскому углю предпочитаютъ только англійскій, ньюкестль и кардифъ; австралійскій же и японскій уголь продаются гораздо дешевле (Войсковъ, стр. 18); но, по послѣднимъ извѣстіямъ,

[1]) За уголь, отпускаемый на казенныя суда, выручено за періодъ времени съ 1868 г. по 1871 г.—52,800 руб., частнымъ лицамъ продано на сумму — 26,000 руб. Вся выручка—78,800 р. причислена къ государственнымъ доходамъ (оффиціальныя данныя).

Digitized by Google

японскій уголь поднялся въ цѣнѣ и имѣетъ преимущественный сбытъ на восточномъ рынкѣ («Москов. Вѣд.», 1877, № 107). Что касается сравнительныхъ цѣнъ на сахалинскій, японскій, австралійскій и англійскій уголь, то свѣдѣнія по этому вопросу отличаются нѣкоторымъ разнообразіемъ (См. Войскова, ibid.; «Правит. Вѣстн.» 1873 г. № 150; «Москов. Вѣд.» 1874 г. № 207; 1875 г., № 107).

Причины плохого сбыта сахалинскаго угля заключаются главнымъ образомъ въ слѣдующемъ. Во-первыхъ—вопреки предположенію и разсчету правительства добываніе каменнаго угля въ Японіи не только не ослабѣло, а, напротивъ того, въ послѣдніе годы усилилось; при этихъ условіяхъ сахалинскій уголь долженъ былъ выдержать сильную конкурренцію на восточномъ рынкѣ, тѣмъ болѣе, что въ Шанхаѣ, единственномъ мѣстѣ, гдѣ можно было бы ожидать хорошій сбытъ угля, по донесенію нашего генеральнаго консула г. Бютцева, цѣны на уголь очень низки, и иностранный уголь постоянно имѣется въ избыткѣ [1]). Кромѣ того, нужно принять во вниманіе усиливающуюся разработку китайскаго угля, и потому естественно ожидать усиленія конкурренцій для сахалинскаго угля въ китайскихъ портахъ.

Во-вторыхъ — доказанная несостоятельность казеннаго и въ особенности горнаго производства и крайній недостатокъ людей являются серьёзнымъ препятствіемъ успѣшному ходу такого большого промышленнаго предпріятія, какъ разработка и сбытъ сахалинскаго угля.

Въ-третьихъ,— наконецъ, недоступность острова Сахалина, неудобства мѣстъ для стояновъ судовъ затрудняютъ торговое движеніе. «Нельзя не пожалѣть, замѣчаетъ г. Боголюбскій, что при всемъ богатствѣ, заключающемся въ горахъ Сахалина—на немъ нѣтъ нигдѣ хотя бы посредственной гавани для стоянки судовъ и эксплуатированія этихъ богатствъ» (Боголюбскій, стр. 74). И, дѣйствительно, мѣстность въ п. Дуэ, гдѣ производятся каменноугольныя работы, не имѣетъ никакой бухты и на далекомъ пространствѣ открыта всѣмъ вѣтрамъ, которые налетаютъ сильными и неожиданными порывами. При отсутствіи же удобныхъ складовъ нагрузка углемъ сопряжена съ большими затрудненіями и опасностью. По поводу недавняго крушенія парохода «Батракъ» (въ сентябрѣ мѣсяцѣ) около Дуэ—авторъ замѣтки въ «Голосѣ»

[1]) Г. Костыревъ изъ Хакодате въ 1864 г. сообщалъ, что кредитъ дуэскому углю въ Шанхаѣ весьма плохъ, такъ какъ русскія военныя суда покупаютъ англійскій уголь, а иногда австралійскій и формозскій за громадныя цѣны. Это обстоятельство давало возможность англійскимъ купцамъ браковать дуэскій уголь.

Digitized by Google

(1878 г., № 283) пишетъ: «Съ конца августа, совершенно открытый съ трехъ сторонъ, рейдъ Дуэ дѣлается очень опаснымъ мѣстомъ стоянки. Весь Сахалинъ, кромѣ залива Аксевы, гдѣ есть плохая и неудобная бухта Буссе, отличается угрюмыми, неприступными и скалистыми высокими берегами, не имѣющими на всемъ его протяженіи ни одной хорошей якорной стоянки». Вообще, способы нагрузки и условія сплава сахалинскаго угля чрезвычайно неудовлетворительны. Всѣ справедливыя представленія генералъ-адъютанта Сколкова объ увеличеніи числа пристаней для нагрузки баржъ, о заведеніи буксирныхъ торговыхъ баркасовъ, объ устройствѣ мертвыхъ якорей, объ учрежденіи постоянныхъ складовъ въ нашихъ азіатскихъ гаваняхъ — остались голосомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Крайнія затрудненія какъ въ распредѣленіи каторжныхъ по тюрьмамъ, такъ и въ содержаніи ихъ, а также требованія морского министерства о расширеніи разработокъ каменнаго угля — побудили правительство наше озаботиться скорѣйшимъ устройствомъ каторжныхъ работъ на Сахалинѣ; въ видахъ этого — 19 сентября 1875 года заключенъ былъ контрактъ съ г. Бутковскимъ и К° объ отдачѣ дуэскихъ каменно-угольныхъ копей въ аренду на 12 лѣтъ. Мы не станемъ входить въ разсмотрѣніе условій этого контракта (противъ него направлена корреспонденція изъ Владивостока, см. «Москов. Вѣд.», 1877 г., № 36; см. также Боголюбскаго, стр. 78); замѣтимъ только, что г. Бутковскій обязался пользоваться исключительно трудомъ каторжныхъ въ числѣ 400 человѣкъ, за работу которыхъ контрагентъ платитъ отъ 30 до 70 к. въ день, смотря по разряду работъ.

Мореходное сообщеніе между островомъ Сахалиномъ и восточнымъ портомъ чрезвычайно бѣдно и неудовлетворительно; русское общество пароходства и торговли беретъ дороже иностранныхъ судовъ, а г. Бутковскій и К°, обязавшіеся завести срочное пароходство на Тихомъ-океанѣ, не сдѣлалъ этого до настоящаго времени, и даже до конца навигаціи 1877 года не поставилъ ни одного парохода! (См. «Биржев. Вѣд.», 1878 г., № 85); наконецъ, 29-го сентября погибло у поста Дуэ «почти единственное чисто русское судно» — пароходъ «Батракъ» (См. «Голосъ», 1878 г., № 283) [1]).

На этомъ мы закончимъ разсмотрѣніе вопроса о сбытѣ каменнаго угля на Сахалинѣ. Результатъ весьма неутѣшительнаго

---

[1]) Кромѣ него, въ водахъ Тихаго-океана имѣется *одинъ только* морской русскій пароходъ „Курьеръ“ Филипеуса, остальные только по флагу русскіе.

Digitized by Google

свойства. Невольно является вопросъ, зачѣмъ же и добывать уголь, когда некуда сбыть его? А если оставить разработку сахалинскаго угля или уменьшить его до minimum'а, то только весьма незначительное число ссыльно-каторжныхъ можетъ быть занято въ каменно-угольныхъ рудникахъ. Куда же дѣть остальныхъ ссыльно-каторжныхъ? Они предназначены къ *заселенію* острова; вотъ, къ разсмотрѣнію этой-то стороны ссыльно-каторжной колонизаціи мы и перейдемъ.

Исторія ссылки на Западѣ приводитъ къ убѣжденію, что то или другое географическое положеніе колоніи, степень отдаленности ея, малонаселенность, обширность свободныхъ земель, наконецъ, минеральное богатство далеко не исчерпываютъ тѣхъ условій, которыя необходимы для успѣха ссыльно-каторжной колонизаціи; въ интересахъ послѣдняго необходимы болѣе или менѣе благопріятныя климатическія и сельско-хозяйственныя условія. Ограничимся указаніемъ съ одной стороны на сѣверную Америку и Австралію, въ исторіи англійской ссылки, и съ другой стороны, на Гвіану—въ исторіи французской ссылки. Климатическія и сельско-хозяйственныя условія острова Сахалина были почти совершенно упущены изъ вниманія комитетомъ 1868 года, хотя исправительное значеніе ссылки, возможность для ссыльныхъ обратиться къ новой жизни по отбытіи срока каторжныхъ работъ—имѣлось въ виду.

Свѣдѣнія относительно климатическихъ и почвенныхъ условій Сахалина представляютъ значительное противорѣчіе; съ одной стороны, мы имѣемъ мнѣніе г. Мицуля (Очеркъ острова Сахалина въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Спб. 1873 г.), который утверждаетъ, что общее количество годной для обработки земли въ южной части Сахалина до 420 тысячъ десятинъ, что климатъ острова вообще можно назвать здоровымъ, что почва во многихъ мѣстахъ черноземная, а въ бо́льшей части суглинистая, что флора «отличается разнообразіемъ формъ и роскошнымъ ростомъ», что «обширные луга съ роскошною растительностью даютъ возможность развить скотоводство въ обширныхъ размѣрахъ» и т. д. Однимъ словомъ, изъ описанія г. Мицуля можно вынесть впечатлѣніе, что островъ Сахалинъ чуть не рай земной! Мнѣніе г. Мицуля, бывшаго членомъ правительственной экспедиціи, послужило основаніемъ для заключенія послѣдней, что устройство земледѣльческихъ колоній на островѣ не только возможно, но и вполнѣ обезпечено естественными богатствами острова и выгодно въ экономическомъ отношеніи. Съ другой стороны, мы имѣемъ цѣлый рядъ отзывовъ, рисующихъ островъ Сахалинъ

Digitized by Google

въ сельско-хозяйственномъ отношеніи далеко не въ такомъ радужномъ свѣтѣ, какъ г. Мицуль. Горный инженеръ г. Лопатинъ говоритъ, что на островѣ «луговыхъ пространствъ очень мало, что хорошіе урожаи бываютъ *только* въ первые годы засѣвовъ, почва по долинамъ рѣкъ болотиста и т. д. (Отчетъ с.-петербургскаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества 1868 г., стр. 11). Одно оффиціальное лицо, бывшее въ командировкѣ на островъ Сахалинъ, замѣчаетъ: «плодородіе почвы посредственное. Лѣса не представляютъ богатыхъ матеріаловъ; луга оказываютъ обильную растительность только къ югу... скотоводства нѣтъ... овцеводство непримѣнимо по отсутствію степныхъ мѣстностей». Г. Боголюбскій замѣчаетъ, что «суровая и дикая природа Сахалина является препятствіемъ къ заселенію... туземцы занимаются рыболовствомъ» (Боголюбскій, стр. 65, 75 и др.). По словамъ одной изъ комиссій по организаціи каторжныхъ работъ (семидесятыхъ годовъ), «каждый клочокъ обработанной земли, въ большинствѣ случаевъ, будетъ добытъ изъ-подъ лѣса или болота, т.-е. послѣ тяжелой борьбы съ природой».

Авторъ одной изъ статей, по поводу ссылки на островъ Сахалинъ, говоритъ: «Сахалинъ не представляетъ благопріятныхъ условій жизни: климатъ сырой, суровый, почва сама по себѣ не безплодная, но *вслѣдствіе климата* малопроизводительна; въ районѣ расположенія мѣстнаго батальона не вызрѣваютъ даже огурцы («Голосъ», 1873 г., № 148). По отзыву Войскова, наконецъ, органическая *природа Сахалина не можетъ быть богата и разнообразна по самому климату острова*... Суровость климата увеличивается чрезвычайно его сыростью, туманами и обиліемъ дождей лѣтомъ и снѣга зимой. Климатъ Сахалина не отличается много отъ климата архангельской губерніи» (Войсковъ, стр. 18—19).

Такимъ образомъ, по однимъ даннымъ оказывается, что островъ Сахалинъ представляетъ всѣ естественныя благопріятныя условія для успѣха колонизаціи острова, по другимъ—напротивъ. Найти истину трудно, но самая наличность подобныхъ противорѣчивыхъ отзывовъ указываетъ на необходимость дальнѣйшихъ изслѣдованій Сахалина въ топографическомъ и сельско-хозяйственномъ отношеніи.

Недостатокъ опредѣленныхъ и точныхъ свѣдѣній относительно климатическихъ и сельско-хозяйственныхъ условій острова Сахалина заставляетъ насъ при разрѣшеніи вопроса о колонизаціи острова обратиться къ тѣмъ опытамъ заселенія, которые были произведены съ 1868 года. Результатъ этихъ опытовъ совершенно отрицатель-

Digitized by Google

наго характера; большая часть попытокъ заселенія острова оканчивалась тѣмъ, что какъ ссыльные, такъ и свободные поселяне просили у начальства позволеніе оставить негостепріимный и угрюмый островъ и поселиться въ приморскомъ краѣ.

Изъ отчета правительственной экспедиціи мы узнаемъ, что въ 1862 г., изъ 8 человѣкъ свободныхъ поселенцевъ, только половина спустя два года поселилась около устья р. Александровки, проложивъ себѣ путь огнемъ и мечомъ и завоевывая съ величайшимъ трудомъ каждый клочокъ земли. Въ 1868 году, 25 семействъ (болѣе 100 человѣкъ) крестьянъ тобольской и иркутской губерній изъявили желаніе поселиться на островѣ Сахалинѣ. Они были надѣлены землею и лѣсомъ въ изобиліи и для перваго обзаведенія получили земледѣльческія орудія и рабочій скотъ; сверхъ того, каждый поселенецъ долженъ былъ получать по 3 ф. хлѣба въ день. Такимъ образомъ, образовалось селеніе Такой (см. «Голосъ», 1873, № 148).

Чѣмъ же увѣнчался этотъ опытъ заселенія острова? Начать съ того, что сѣмена оказались недоброкачественными, и отъ посѣвовъ своихъ крестьяне не могли даже собрать на сѣмена, а весь почти рабочій скотъ *„вслѣдствіе неблагопріятныхъ климатическихъ причинъ“* палъ въ первые же годы (см. «Русскій Міръ», 1877 г., № 7). Изъ 42 быковъ, предназначенныхъ для поселенцевъ, 25 погибло *отъ недостатка корму* еще до распредѣленія ихъ между поселенцами; лошади же послѣднихъ застряли въ Николаевскѣ и были проданы съ аукціона за дороговизною корма, а взамѣнъ ихъ впослѣдствіи куплены были другія лошади, хуже прежнихъ, такъ что три лошади были поселенцами вовсе забракованы по негодности для полевыхъ работъ. Урожай на засѣянныхъ поляхъ оказался настолько незначительнымъ, что крестьяне ходатайствовали въ 1870 году о продленіи выдачи пайка еще на 2 года. Въ исторіи колонизаціи ссыльными Дуэской долины повторились тѣ же явленія, и между прочимъ случился весьма характерный фактъ: вмѣсто сѣмянъ гречихи, поселенцамъ розданъ былъ переродокъ гречихи, такъ-называемая «дикуша», которая была засѣяна, и поля заросли дикушей въ видѣ сорной травы.

Лучшими фермами считаются Уитовская и Александровская (около п. Дуэ); тѣмъ не менѣе, по словамъ г. Мицуля, въ Уитовской фермѣ «рабочаго скота нѣтъ», и «она не можетъ служить образцомъ для вновь устраиваемыхъ фермъ». Въ Александровской фермѣ «многія отрасли сельско-хозяйственной дѣятельности неразвиты» или «по недостатку сѣмянъ», или «по недоброка-

Digitized by Google

чественности ихъ»; далѣе, «скотоводство не получало должнаго развитія», «рыбная ловля не организована, и порціонная рыба для ссыльно-каторжныхъ доставляется изъ Николаевска и т. д. И въ этой, по отзыву самого г. Мицуля, лучшей мѣстности острова окончившіе сроки каторги обратились въ 1872 году къ губернатору Приморской области съ просьбой объ отправленіи ихъ въ Николаевскъ, такъ-какъ «неимѣніе посторонних заработковъ лишаетъ ихъ всякой возможности заниматься хлѣбопашествомъ» (Мицуль, стр. 102). То же явленіе повторилось и въ другихъ мѣстахъ; такъ, поселенцы долины Тавоя обратились съ просьбой позволить имъ переселиться на материкъ. «Въ довершеніе несчастія,—говоритъ корреспондентъ «Русскаго Міра»,—наводненіемъ 1875 года уничтожено послѣднее ихъ хозяйство. Въ настоящее время они перебрались въ штабъ мѣстнаго батальона и ждутъ не дождутся, когда имъ позволятъ переселиться въ Южно-Уссурійскій край» («Русскій Міръ», 1877, № 7).

Нельзя не обратить вниманіе на то обстоятельство, что порціонная рыба доставляется изъ Николаевска, когда, по общимъ отзывамъ, у береговъ Сахалина рѣдкое обиліе рыбы (см. Буссе, «Вѣстн. Евр.», 1872 г., октябрь.; Войскова, стр. 18; «Голосъ», 1873, № 148 и др.), и рыболовство составляетъ коренной промыселъ мѣстнаго населенія. Японцы съ одного сельдянаго промысла на Сахалинѣ получаютъ около 300 тысячъ рублей (295,806 р. 40 к.) (см. отчетъ по изслѣдованію острова Сахалина, стр. 29).

Такимъ образомъ, опытъ колонизаціи о. Сахалина не удался, и поучительная исторія вѣковыхъ усилій русскаго правительства колонизовать обширныя незаселенныя мѣста обогатилась новыми фактами, еще разъ указавшими на существованіе извѣстныхъ общихъ причинъ, дѣлавшихъ тщетными всѣ попытки колонизаціи. Подробное выясненіе этихъ причинъ — благодарная задача будущаго изслѣдователя нашей ссылки.

При выборѣ острова Сахалина мѣстомъ ссылки имѣлось, между прочимъ, въ виду, что географическое положеніе острова, отдаленность его отъ территоріи—гарантируетъ возможность побѣговъ со стороны ссыльно-каторжныхъ; мѣстное начальство Восточной Сибири въ виду этого обстоятельства сдѣлало распоряженіе ссылать бѣжавшихъ и пойманныхъ бѣглыхъ на островъ. Но и этотъ разсчетъ, подобно другимъ, не оправдался въ дѣйствительности, такъ-какъ случаи побѣговъ довольно часты; дѣло въ томъ, что Татарскій проливъ, отдѣляющій островъ отъ материка, замерзаетъ и, съуживаясь между гилянскимъ селеніемъ

Digitized by Google

Погиби и мысомъ Лазарева до 7 верстъ, представляетъ возможность пройти зимою по льду. Увеличеніе числа бѣглыхъ каторжниковъ въ Америкѣ служитъ подтвержденіемъ того, что островъ Сахалинъ не гарантируетъ каторгу нашу со стороны побѣговъ; «очевидно, что для каторжниковъ побѣгъ въ Америку ни откуда не возможенъ (?), кромѣ какъ съ Сахалина, доступнаго со всѣхъ сторонъ иностраннымъ судамъ» (см. корресп. «Моск. Вѣд.», за 1873 г., № 67). Американскіе китобои всегда охотно принимали бѣглыхъ изъ Ботани-бея; охотно будутъ принимать и на Сахалинѣ» — говоритъ другой корреспондентъ. («Моск. Вѣд.», 1875 г., № 67). По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ 1870 году бѣжало болѣе 16% содержащихся въ п. Дуэ преступниковъ.

Въ дѣлѣ организаціи карательныхъ мѣръ въ Россіи, благодаря необыкновенно обширной территоріи ея, вопросъ о переселеніи арестантовъ получаетъ особенное значеніе. Кому неизвѣстны всѣ мытарства и неудобства пѣше-этапнаго порядка передвиженія арестантовъ? Медленность передвиженія отъ одного этапа къ другому, кандалы, тѣснота этапныхъ помѣщеній, перенесеніе всѣхъ стихійныхъ невзгодъ, отсутствіе медицинской помощи и больницъ на дорогѣ; кромѣ того, цѣлый рядъ нравственныхъ страданій среди разнообразнаго и преступнаго общества— вотъ тяжелая и мрачная картина пѣше-этапнаго передвиженія арестантовъ. Заслуга настоящаго царствованія въ дѣлѣ облегченія положенія заключенныхъ въ Россіи, это—замѣна пѣше-этапнаго передвиженія перевозкой по желѣзнымъ дорогамъ. Но въ Сибири, начиная отъ Томска, прежній пѣше-этапный порядокъ сохраняется со всѣми его, часто неизбѣжными, недостатками. По оффиціальнымъ даннымъ, ссыльно-каторжные, распродавъ на пути всю казенную одежду, бѣлье и обувь, остаются почти голыми, едва прикрытыми кое-какими рубищами. Въ Нерчинскѣ нѣкоторыя проходящія партіи сами себя довольствовали и имѣли передвижную лавочку, гдѣ все можно было достать, не исключая и водки; въ Красноярскѣ, ревизовавшіе каторгу лица (въ 1872—73) —нашли оживленную, открытую торговлю среди пересыльныхъ, даже «съ обжорнымъ рядомъ». На этапахъ мужчины и женщины иногда помѣщаются вмѣстѣ и цинизмъ половыхъ сношеній не знаетъ границъ...

Островъ Сахалинъ—самая отдаленная окраина нашихъ владѣній на Востокѣ, а потому понятно, что путь на Сахалинъ, самый продолжительный по-времени, совмѣщаетъ наибольшую сумму всѣхъ неудобствъ пѣше-этапнаго передвиженія. «Почти каждый сосланный изъ Европейской Россіи достигаетъ Сахалина

Digitized by Google

только черезъ $1^1/_2$ и даже два года съ мѣста отправленія; столь длинный путь съ пѣше-этапнымъ слѣдованіемъ отъ Томска до Срѣтенска, на протяженіи свыше 4 тысячъ верстъ, вредно отзывается на дѣтяхъ семействъ, добровольно слѣдующихъ за ссыльными. Около половины дѣтей умираетъ на дорогѣ» (см. Отчетъ по изслѣдованію острова Сахалина, стр. 64).

О доставкѣ ссыльно-каторжныхъ на Сахалинъ, начиная отъ Срѣтенска, мы имѣемъ чрезвычайно скудныя извѣстія. Въ 1869 г. для доставки преступниковъ на Сахалинъ были употреблены находящіяся въ Срѣтенскѣ (на Амурѣ) баржи, первоначальное назначеніе которыхъ заключалось въ сплавѣ хлѣбныхъ припасовъ и другихъ матеріаловъ. Баржи эти не имѣли подъ палубой оконъ, и свѣжій воздухъ могъ проникать туда чрезъ посредство двухъ люковъ, которые во всякую непогоду должны быть открыты, «въ противномъ случаѣ», по словамъ одного изъ лицъ высшей мѣстной администраціи, «пребываніе подъ палубой значительнаго числа людей сдѣлалось бы положительно невозможнымъ. При такомъ устройствѣ баржъ нѣтъ никакой возможности избѣгнуть въ арестантскомъ помѣщеніи значительной сырости и мокроты, а слѣдовательно и вреднаго вліянія на здоровье арестантовъ». Къ сожалѣнію, несмотря на откровенное признаніе, со стороны администраціи, непригодности баржъ для перевозки людей—эти суда, безъ всякихъ приспособленій, были употреблены въ дѣло. Опасенія администраціи оказались вполнѣ основательными. Баржи, нагруженныя людьми, оказались настолько ветхими, что не могли выдержать плаванія на разстояніи трехъ тысячъ верстъ и были замѣнены на пути другими. При осмотрѣ въ Николаевскѣ первой партіи ссыльно-каторжныхъ (250) оказалось, что всѣ предрасположены къ цынгѣ, 20% заболѣло цынгою, а двое умерли отъ этой болѣзни. Для иллюстраціи этого факта слѣдуетъ прибавить еще, что на постройку баржъ и на расходы на пути слѣдованія ссыльно-каторжныхъ отъ карійскихъ промысловъ до Николаевска отпущено было 6,400 руб., что запасы заготовленнаго провіанта оказались настолько дурного качества, что выброшены были за бортъ; ссыльные во все время пути принуждены были питаться сухарями и солониной.

Неудобства существующаго способа доставки ссыльно-каторжныхъ на Сахалинъ вызвали въ 1875 году проектъ передвиженія ихъ моремъ, чрезъ Суэзскій каналъ, причемъ имѣлось въ виду какъ сокращеніе времени пути (вмѣсто $1^1/_2$ — 2 лѣтъ — только полгода), такъ значительное уменьшеніе расхода правительства на доставку ссыльно-каторжныхъ. Министерство финан-

Digitized by Google

совѣ и другія высшія правительственныя сферы отнеслись весьма сочувственно къ этому дѣлу, но, несмотря на эти, повидимому, благопріятныя условія, проектъ сданъ въ архивъ. Въ нѣкоторыхъ органахъ нашей печати проектъ передвиженія ссыльно-каторжныхъ встрѣтилъ цѣлый рядъ возраженій (см. «Голосъ», 1873, № 177; «Моск. Вѣд.», 1875, № 67); при этомъ указаны были различныя случайности мореходнаго сообщенія, какъ-то: возможность блокады береговъ, аварій и крушеній, возможность зимовокъ по непредвидимымъ обстоятельствамъ, необходимость содержать большой караулъ и т. д. Но всѣ эти возраженія, основанныя, по бо́льшей части, на возможности различныхъ случайностей, представляются мало убѣдительными въ виду всѣхъ тѣхъ выгодъ, которыя представляетъ передвиженіе ссыльно-каторжныхъ моремъ. Не говоря о томъ, что время передвиженія сокращается на треть, Сибирь перестанетъ быть страной этаповъ и бродяжничества, силы и здоровье пересыльныхъ сохранятся для работъ въ мѣстахъ каторги, количество побѣговъ уменьшится и т. д. Но, высказываясь въ пользу мореходнаго передвиженія арестантовъ, ссылаемыхъ на Сахалинъ, слѣдуетъ оговориться, что въ данномъ случаѣ, какъ и во всякомъ хорошемъ предпріятіи, все зависитъ отъ выполненія этой мѣры; разумѣется, если ссыльно-каторжныхъ запрутъ на $^1/_2$ года въ тѣсныхъ маленькихъ каютахъ безъ всякой работы и движенія, то преимущества морского передвиженія ссыльно-каторжныхъ на Сахалинъ окажутся сомнительными сравнительно съ нынѣ-существующей системой пересылки арестантовъ.

Что касается дѣйствительнаго положенія ссыльно-каторжныхъ на Сахалинѣ, то въ этомъ отношеніи свѣдѣнія наши весьма скудны. Оффиціальныя данныя почти не говорятъ о санитарномъ положеніи ссыльныхъ, о бытѣ и обстановкѣ ихъ, о способахъ снабженія пищею, одеждою и т. д.; частныя же свѣдѣнія еще менѣе даютъ намъ матеріала для выясненія положенія ссыльно-каторжныхъ на Сахалинѣ.

Каторжные на Сахалинѣ распредѣлены въ двухъ пунктахъ: въ средней полосѣ острова въ постѣ Дуэ и въ южной—у поста Корсакова и п. Косунай. Въ 1872 году въ первомъ пунктѣ находилось 459 человѣкъ, а на югѣ—428. У п. Дуэ преступники занимаются главнымъ образомъ рудничными и земледѣльческими работами, а сосланные на югъ, кромѣ строительныхъ работъ, заняты проведеніемъ дороги отъ п. Корсакова къ мѣсту водворенія русскихъ поселенцевъ, расположенныхъ въ 90 верстахъ отъ поста, въ Такойской долинѣ.—Вообще говоря, трудъ

Digitized by Google

преступниковъ, сосланныхъ на Сахалинъ, пріуроченъ къ четыремъ родамъ занятій: рудничному, земледѣльческому, дорожному и строительному. Коммиссія по организаціи работъ нашла возможнымъ дать занятіе ссыльно-каторжнымъ всѣхъ трехъ разрядовъ; какъ извѣстно, ссылка соединяется съ принудительными каторжными работами, которыя, по самому свойству своему, бываютъ трехъ родовъ: работы въ рудникахъ, въ крѣпостяхъ и на заводахъ. Такъ какъ на островѣ Сахалинѣ нѣтъ ни крѣпостей, ни заводовъ, то эти два разряда работъ предположено замѣнить другими соотвѣтствующими занятіями. Работы въ крѣпостяхъ предполагалось замѣнить строительными и дорожными работами, а работы на заводахъ, главная тяжесть которыхъ, по смыслу закона, заключается въ принудительности и безвозмездности ихъ, предположено замѣнить работами полевыми и ремесленными на Сахалинѣ. Насколько осуществились въ дѣйствительности изложенныя предположенія о распредѣленіи ссыльно-каторжныхъ по разрядамъ—мы не имѣемъ свѣдѣній.

Вначалѣ всѣ ссыльно-каторжные помѣщались въ военныхъ казармахъ вмѣстѣ съ чинами мѣстныхъ войскъ; въ 1872 году трудомъ ссыльно-каторжныхъ выстроены были деревянныя зданія, но послѣдніе, по одному извѣстію, скорѣе похожи на сараи, нежели на тюрьмы. Въ п. Корсаковѣ мужчины помѣщаются въ выстроенныхъ ими казармахъ, а женщины, за неимѣніемъ особаго помѣщенія, въ зданіи пекарни. При недостаткѣ надлежащихъ помѣщеній для преступниковъ они живутъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ казармахъ, на вольныхъ квартирахъ, или «въ своихъ домахъ, превращая каторгу въ поселеніе». Жизнь каторжныхъ на Сахалинѣ вообще имѣетъ мало общаго съ тою, которую должны вести приговоренные судомъ къ каторжнымъ работамъ, къ высшему уголовному наказанію. Требуемое закономъ раздѣленіе преступниковъ на разряды *испытуемыхъ* и *исправляющихся*, что весьма важно въ исправительномъ значеніи, вовсе почти не соблюдается на островѣ Сахалинѣ. Несмотря на то, что въ интересахъ справедливости и закона—лица, приговоренныя къ одному и тому же наказанію, должны нести правильное и равномѣрное наказаніе, мы этого не видимъ въ дѣйствительности. Одни изъ каторжныхъ, болѣе смѣтливые и ловкіе, ведутъ жизнь свободныхъ людей или отдаются въ услуженіе въ качествѣ домашней прислуги, а другіе, напротивъ, несутъ всѣ лишенія и невзгоды русской каторги [1]). Далѣе — въ то время,

[1]) Чрезвычайно характерна судьба одного ссыльно-каторжнаго, еврея — Айзика Шапиры: переведенный въ п. Дуэ, Шапира сталъ заниматься торговлею водкой. Въ

Digitized by Google

какъ одни отправляютъ сравнительно легкія и случайныя работы въ лѣсахъ и на поляхъ, другіе, попавшіе, быть можетъ, совершенно случайно на работы въ каменно-угольныя копи въ Дуэ, оборванные и нерѣдко голодные, исполняютъ весьма тяжелыя работы; ползая на груди и колѣняхъ, они таскаютъ изъ копей уголья на тачкахъ или въ небольшихъ корзинкахъ.

Изъ числа сосланныхъ въ каторжныя работы женщинъ — весьма незначительное число употребляется на работы, которыя заключаются въ мытьѣ половъ и бѣлья, уборкѣ сѣна, заготовленіи вѣниковъ и собираніи мака, грибовъ и ягодъ. Что же касается остальныхъ, то онѣ или ничего не дѣлаютъ, или отдаются въ услуженіе.

«Женщины, подобно мужчинамъ, почти вездѣ раздавались въ услуги лицамъ управленія, не исключая и холостыхъ надзирателей, а также передавались каторжнымъ и поселенцамъ подъ предлогомъ устройства ихъ хозяйства»; находящіеся въ каторгѣ женщины распадаются на двѣ категоріи: однѣ дѣлаются домоправительницами, иныя ходятъ въ шелкахъ и бархатѣ, пользуются всевозможными удовольствіями, а другія, попавшія, по прихоти судьбы, на каторжную кухню, представляютъ «отвратительный типъ низко павшихъ женщинъ». Въ п. Корсаковѣ «часть женщинъ назначалась въ прислугу чиновникамъ и офицерамъ», а также, по выраженію завѣдующаго работами капитана Тяжелова, «служила необходимымъ предметомъ для удовлетворенія естественныхъ потребностей войскъ». Изложенные факты говорятъ сами за себя, а потому едва-ли есть надобность прибавлять что-либо къ нимъ. Продолжается ли и въ настоящее время система раздачи ссыльно-каторжныхъ въ услуженіе частнымъ и оффиціальнымъ лицамъ, мы не знаемъ, но въ 1872 году со стороны генералъ-губернатора Восточной Сибири Синельникова послѣдовало предписаніе, воспрещавшее отдавать преступниковъ въ услуженіе.

Одежда и съѣстные припасы для ссыльно-каторжныхъ заготовляются въ забайкальской и амурской областяхъ. Снабженіе каторжныхъ одеждой и продовольствіемъ по бо́льшей части неудовлетворительно. Офицеры и чиновники, командируемые для

1870 г. онъ обвинялся въ растлѣніи 5-ти-лѣтней дѣвочки, но дѣло, несмотря на существованіе поличнаго и улик, было затушено. Но 1871 года—Айзикъ Шапиръ лишенъ былъ свободы; новый начальникъ поста, Романовичъ, зачислилъ его въ работы, и когда тотъ пожелалъ откупиться, то былъ закованъ въ кандалы. Какимъ почетомъ пользовался каторжникъ Шапира, указываетъ слѣдующій случай: на вопросъ Романовича: гдѣ Шапира?—ему отвѣчали, что *они ушли чай пить домой!*

Digitized by Google

заготовленія — даже при полномъ усердіи и добросовѣстности — далеко не всегда обладаютъ достаточнымъ знаніемъ и опытностью для снабженія ссыльно-каторжныхъ добропорядочными продуктами. Заготовленные предметы продовольствія для каторжныхъ доставляются въ Николаевскъ часто не во-время, не въ полномъ количествѣ и нерѣдко совершенно испорченными, такъ что приходится выбрасывать многіе предметы, чаще всего солонину, цѣлыми десятками бочекъ, какъ это было въ 1872 году. Транспортировка предметовъ довольствія на Сахалинъ по бурному Татарскому проливу, при отсутствіи хорошихъ гаваней и на убогихъ и ветхихъ судахъ, сопряжена съ большою опасностью; нерѣдко предметы заготовленія попадаютъ въ Влади-Костончиль въ Японію, а населеніе Сахалина терпитъ нужду во всемъ необходимомъ, пока не подвезутъ новыхъ продуктовъ зимой, на собакахъ, изъ Николаевска. Такъ случалось въ 1872 и 1873 годахъ (см. корресп. «Моск. Вѣд.», 1875 г., № 96).

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ «одежда отпускается не вполнѣ и неправильно». Въ теченіи бо́льшей части года каторжнымъ выдается солонина, но иногда, за недостаткомъ и этого продукта для полныхъ порцій, мѣстныя власти вынуждены уменьшать ихъ на половину. Въ какомъ положеніи находится продовольствіе ссыльно-каторжныхъ въ Дуэскихъ рудникахъ, прекрасно характеризуетъ слѣдующій фактъ: для освѣщенія рудниковъ употребляется такой сравнительно дорогой матеріалъ, какъ стеариновыя свѣчи, между прочимъ, потому, что «казенная пища крайне недостаточна»; ссыльно-каторжные крадутъ *всё съѣдомое*, что ни попадется подъ руку, а потому «употребленію въ пищу подвергнулись бы, безъ сомнѣнія, не только всякаго рода масла и жиры, но даже «сальныя свѣчи!» (см. Кеппенъ, стр. 35).

Что касается санитарнаго положенія приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ на островѣ Сахалинѣ, то почти всѣ свѣдѣнія наши въ этомъ отношеніи ограничиваются сообщеніемъ д-ра Синцевскаго («Здоровье», 1875, № 16), который пишетъ: «рогатаго скота нѣтъ, лошадей въ посту двѣ клячи. По оффиціальному отзыву завѣдующаго ссыльно-каторжными, *помѣщеніе для нихъ весьма неудовлетворительно*. Когда вы подходите къ острожному дому, то васъ поражаетъ угрюмость и непривѣтливость зданія, притомъ видимо разрушающагося», «надъ нарами протянуты веревки, гдѣ просушиваютъ свое платье ссыльно-каторжные». Камеры настолько переполнены, по словамъ г. Синцевскаго, что арестанты по недостатку наръ спятъ на полу и подъ нарами. «Въ этомъ помѣщеніи холодно. Воздухъ промозглый,

Digitized by Google

напоминающій воздухъ анатомическаго института, и когда мнѣ приходилось среди ночи бывать здѣсь вмѣстѣ съ начальникомъ сахалинскаго отряда, пишетъ г. Синцевскій, то онъ положительно не могъ выносить этого воздуха». Тутъ же среди камеры стоитъ день и ночь «параша». Въ женскомъ отдѣленіи ссыльно-каторжныя еще больше стѣснены, да вдобавокъ—висятъ дѣтскія люльки, и тутъ же сушатъ пелёнки. Въ три года 15 человѣкъ умерли отъ чахотки. Привозимые изъ Николаевска медикаменты оказываются испорченными, а въ травахъ и корняхъ были черви. Отношеніе заболѣвшихъ ссыльно-каторжныхъ къ общему числу ихъ было въ 1874 году, какъ 227,2:100, т.-е. каждый арестантъ заболѣвалъ болѣе нежели два раза въ день; отношеніе умершихъ къ общему числу выражается въ слѣдующей пропорціи: 11,7:100, т.-е. 11,7% [1]). По разсчету д-ра Синцевскаго, нынѣшнее ссыльно-каторжное поселенье должно вымереть въ 8½ лѣтъ!

Наиболѣе распространенною болѣзнью оказывается цынга; изъ 64 человѣкъ воинской команды, находившейся въ экспедиціи Буссе въ 1854 году—47 было больныхъ, большая часть цынгою (*Буссе*, Русскіе и японцы на Сахалинѣ. «Вѣстн. Евр.». 1872 г., окт., стр. 538; также декабрь 1871 г., стр. 668). Въ настоящее время, рѣдкій изъ поселенцевъ и каторжныхъ не болѣнъ цынгою. «Голосъ», 1873 г., № 148).

По окончаніи срока каторги ссыльно-каторжные находятся въ самомъ безвыходномъ положеніи; такъ «въ постѣ Дуэ, они, не находя себѣ пропитанія, сожалѣютъ о прежней каторжной жизни, и начальникъ поста вынужденъ принимать этихъ людей на солдатскія кухни, чтобы не допустить ихъ до голода, а вслѣдствіи этого до отчаянія». «Въ постѣ Корсаковѣ выпущенный изъ каторги преступникъ не могъ найти ни прокармливающаго труда, ни другихъ средствъ къ жизни и просилъ мѣстное начальство снова зачислить его въ какую-нибудь работу». Вообще говоря, положеніе освобождаемыхъ изъ каторги преступниковъ

---

[1]) Если мы сравнимъ приведенный въ статьѣ г. Синцевскаго процентъ смертности среди ссыльно-каторжныхъ, находящихся въ п. Корсаковѣ, съ средними цифрами смертности въ заграничныхъ мѣстахъ заключенія, то указанный процентъ смертности среди ссыльно-каторжныхъ на Сахалинѣ получитъ для насъ особенное освѣщеніе. Обыкновенная средняя смертность въ заграничныхъ тюрьмахъ по Эстерлену — 2,5—3% и только въ самыхъ худшихъ она доходитъ до 4—6% (Oesterlen, Handbuch der medicinischen Statistic, Tübingen, 1874, S. 289—293). Въ весьма не многихъ, да и то нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, процентъ смертности достигалъ 12 и 15% (См. *Baer*, Die Gefängnisse-Strafanstalten und Straf-System in hygienischen Beziehung, Berlin, 1871, S. 211; изслѣдованія автора: „Тюремная литература или тюрьмовѣдѣніе", въ „Юридич. Вѣстникѣ" за 1876 г., стр. 51—52).

Digitized by Google

несравненно хуже жизни каторжныхъ, вслѣдствіе чего, разумѣется, ослабляется всякое значеніе каторги, предназначенной служить высшимъ уголовнымъ наказаніемъ у насъ, а вмѣстѣ съ этимъ парализуется въ преступникѣ всякое стремленіе къ скорѣйшему освобожденію путемъ хорошаго поведенія въ каторгѣ.

Относительно управленія каторжными работами вообще слѣдуетъ замѣтить, что оно ни по организаціи, ни по составу не можетъ быть терпимо долѣе. Управленіе всѣми каторжными работами внѣ предѣловъ Европейской Россіи раздѣлено между министерствами внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и Кабинетомъ Его Императорскаго Величества. Управленіе министерства внутреннихъ дѣлъ въ свою очередь подраздѣляется на управленіе работами на Карійскихъ пріискахъ и другихъ ближайшихъ мѣстахъ, и на управленіи каторжными работами, находящимся въ Приморской области и на Сахалинѣ. Во главѣ каждаго изъ управленія состоитъ по одному штабъ-офицеру. Смотрители каторжныхъ тюремъ въ Сибири, въ большинствѣ случаевъ, недостаточно развиты, мало знакомы съ дѣломъ и вяло къ нему относятся вслѣдствіе скудности вознагражденія за службу. «Есть мѣстности, — говоритъ одно изъ ревизовавшихъ каторгу лицъ, — гдѣ убогая обстановка этихъ чиновниковъ, если бы они не позволяли себѣ злоупотребленій, не могла бы сравниться съ обезпеченнымъ бытомъ иныхъ каторжниковъ. Что касается собственно управленія каторжными работами на Сахалинѣ, то оно носитъ общій характеръ всего управленія сибирской каторги. Грубый произволъ, умственная неразвитость, полное непониманіе дѣла, невѣжество, злоупотребленія и нравственная распущенность — вотъ общія черты большей части лицъ, стоявшихъ во главѣ управленія сахалинской каторгой. Одинъ начальникъ поста, управлявшій имъ около 7 лѣтъ, капитанъ Николаевъ былъ изъ крѣпостныхъ, отданный своимъ помѣщикомъ въ солдаты; приступая къ наказанію за грубость одного изъ каторжниковъ — Николаевъ заранѣе объявилъ ему, что онъ не останется живъ, и дѣйствительно преступникъ умеръ тотчасъ послѣ наказанія. Николаевъ преданъ суду и самъ осужденъ въ каторжныя работы. Другой начальникъ, съ одной стороны, своею слабостью превратилъ казармы каторжныхъ въ кабакъ и вертепъ разврата, а съ другой — своею жестокостью вызвалъ нѣсколько преступленій со стороны каторжниковъ и побѣги къ японцамъ. Наконецъ, — третій начальникъ каторги на Сахалинѣ распорядился обратить женское отдѣленіе каторжной тюрьмы въ домъ терпимости».

Отсутствіе единства управленія, по мнѣнію одного изъ пред-

Digitized by Google

ставителей высшей администраціи у насъ, является главною причиною недостаточнаго развитія работъ въ Дуэ, гдѣ управленіе раздѣлено между тремя лицами: завѣдующимъ рудниками горнымъ инженеромъ, начальникомъ ссыльно-каторжныхъ и начальникомъ поста, наряжающимъ команду для конвоированія преступниковъ на работы. Постоянныя пререканія, при отсутствіи любви и интереса къ дѣлу, разумѣется, не могутъ способствовать успѣшному ходу дѣла. Установленіе единства администраціи, бо́льшая матеріальная обезпеченность лицъ служащихъ и вообще коренная реформа управленія каторгою составляетъ предметъ первой и неотложной необходимости.

Говоря о неудовлетворительномъ составѣ управленія каторжными работами на Сахалинѣ, слѣдуетъ замѣтить, что трудно требовать иного порядка при настоящихъ условіяхъ жизни на Сахалинѣ; условія эти настолько неблагопріятны, что для маломальски образованнаго человѣка необходимо много самоотверженія, дабы рѣшиться поселиться тамъ на болѣе или менѣе продолжительное время, не говоримъ—навсегда [1]). «Общественной жизни на островѣ нѣтъ никакой и, по условіямъ климата, физическаго строя и географическаго положенія не можетъ быть. Почта приходитъ на Сахалинъ три раза въ годъ: два раза на судахъ, привозящихъ провіантъ, и разъ зимою, на собакахъ изъ Николаевска» («Голосъ», 1873, № 148). По этому поводу одинъ изъ корреспондентовъ замѣчаетъ: «Робинзонъ съ Пятницею не ждали такъ появленія на горизонтѣ корабля, какъ мы иногда ждемъ прихода или отхода почты» («Голосъ», 1873, № 58). Матеріальный гнетъ подавляетъ всякое проявленіе общительности; пудъ пшеничной муки стоитъ 16 р., мяса — 40 р., сахара — 42 р.! Наиболѣе дешевый продуктъ—спиртные напитки, да и то стоютъ 3 р.

На всемъ островѣ,—говоритъ г. Войсковъ,—чувствуется недостатокъ въ предметѣ первой необходимости—въ хлѣбѣ; «нельзя сомнѣваться, что населеніе Сахалина всегда будетъ нуждаться въ привозномъ хлѣбѣ». Въ настоящее время не только мука́, но и солонина привозится на островъ изъ Европейской Россіи, кругомъ свѣта. Въ 1871 году — пудъ ржаной муки, выгруженной

[1]) „О непривѣтливости острова", пишетъ г. Ядринцевъ, „ходятъ слухи, что чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, командированный на островъ Сахалинъ, принужденъ былъ жить въ банѣ (гдѣ же живутъ послѣ этого каторжные?), а одинъ агрономъ, посланный для изслѣдованія острова, съѣлъ свою собственную собаку". („Голосъ", 1874 г., № 343). Эти факты подтверждаются и другими, неподлежащими сомнѣнію свѣдѣніями.

Digitized by Google

съ судна «Анна Грей» въ п. Муравьева, стоилъ правительству болѣе 5 рублей. «Несмотря на то, что 4-ый линейный баталіонъ и взводъ артиллеріи находится на Сахалинѣ болѣе пяти лѣтъ,—пишетъ одинъ изъ мѣстныхъ жителей,—жизнь на островѣ нисколько не улучшилась. Дороговизна страшная! Свѣжаго мяса никто почти не знаетъ; въ пищу употребляется солонина и рыба, которая ловится въ большомъ количествѣ. Почтовыя сношенія тѣ же, что и пять лѣтъ тому назадъ» (см. «Русскій Міръ», за 1877 г., № 7; «Москов. Вѣд.», за 1877 г., № 11).

Въ заключеніе настоящаго очерка намъ остается сказать нѣсколько словъ относительно финансовой стороны дѣла. Необходимость заставляетъ автора быть особенно краткимъ по этому вопросу—по той простой причинѣ, что для сужденія о ссылкѣ на островъ Сахалинъ съ финансовой стороны нѣтъ ни частныхъ, ни оффиціальныхъ свѣдѣній. Все, что мы знаемъ — это то, что въ 1869 году ассигновано было единовременно на препровожденіе партіи ссыльныхъ на островъ, на первоначальное обзаведеніе ихъ на мѣстѣ ссылки и содержаніе въ теченіи года—120,000 руб., и что ежегодно сахалинская каторга стоитъ государственному казначейству 74,887 р., причемъ собственно на управленіе затрачивается 10,000 р. с.

Какой же слѣдуетъ выводъ на основаніи всего изложеннаго въ настоящемъ очеркѣ относительно опыта ссыльно-каторжной колонизаціи острова Сахалина?

Прежде всего является несомнѣннымъ то заключеніе, что островъ Сахалинъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть мѣстомъ ссылки всего контингента ссыльно-каторжныхъ, въ числѣ 10—12,000 ч., что имѣлось въ виду правительствомъ въ концѣ 60-хъ годовъ; всѣ данныя говорятъ противъ мысли сосредоточить громадную массу преступниковъ на дикомъ, бѣдномъ природой островѣ, и съ этой стороны опытъ ссыльно-каторжной колонизаціи имѣетъ рѣшительное значеніе.

Что же касается другихъ предположеній правительственныхъ коммиссій, предположеній, связанныхъ съ опытомъ ссыльно-каторжной колонизаціи острова, то всѣ имѣющіяся данныя приводятъ къ совершенно отрицательнымъ выводамъ. Хотя богатство каменноугольныхъ залежей на Сахалинѣ внѣ сомнѣнія, но условія сбыта его таковы, что расширеніе разработки угля представляется предпріятіемъ непроизводительнымъ и прямо убыточнымъ.

Пересыльная часть въ Сибири извѣстна своими порядками и представляетъ мрачную картину людскихъ лишеній и страданій;

Digitized by Google

пересылка на островъ Сахалинъ, въ самую отдаленную окраину нашего обширнаго отечества, совмѣщаетъ въ себѣ наибольшую сумму страданій, лишеній и болѣзней пересыльныхъ арестантовъ... Побѣги ссыльныхъ, почти невозможные въ глазахъ правительственныхъ коммиссій, продолжаются и на островѣ Сахалинѣ.

Колонизація острова потерпѣла рѣшительную неудачу, и съ этой стороны представляетъ новую, поучительную страницу печальной исторіи колонизаціи у насъ.

Опытъ колонизаціи острова Сахалина еще разъ наводитъ на мысль: не пора ли намъ отказаться отъ всякихъ колонизаціонныхъ попытокъ на Востокѣ? Оглянемся нѣсколько назадъ и постараемся опредѣлить ту непрерывную линію, которая проходитъ красною нитью черезъ всю исторію колонизаціи Сибири въ теченіи 200 лѣтъ.

Бросая общій взглядъ на историческія судьбы ссылки, какъ карательной колонизаціи, нельзя не замѣтить, что правительство наше имѣло въ виду достичь четыре цѣли: *политическую*—для закрѣпленія границъ; *полицейскую*—для устраненія дальнѣйшихъ безпорядковъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ совершались преступленія; *хозяйственную* — для извлеченія выгодъ отъ воздѣланія впустѣ лежащихъ угодій, и, наконецъ,—*финансовую*—въ видахъ удешевленія способовъ исполненія наказанія.

Ни одна изъ этихъ задачъ не была достигнута, и всѣ попытки заселить ссыльными ту или другую мѣстность оказывались безуспѣшными. Вотъ нѣкоторые факты изъ исторіи ссыльной колонизаціи въ Сибири.

Въ 1733 году ссыльными заселенъ былъ *Охотскъ* съ цѣлью развитія хлѣбопашества—хлѣбъ погибалъ на стеблѣ, поселенцы бѣдствовали: одни остались на содержаніи казны, другіе — разбѣжались.

Въ 1738 и 1744 годахъ поселены были въ южной части *Камчатки* крестьяне, взятые въ зачетъ рекрутскаго набора; хлѣбопашество и здѣсь не утвердилось, а поселенцы обратились къ звѣриной и рыбной ловлямъ.

Въ 1761—1765 годахъ губернаторъ *Чичеринъ* приступилъ къ заселенію *Барабинской степи*. Тысячи поселенцевъ и крестьянъ легли тутъ костьми. Мрачныя преданія остались между старожилами Западной Сибири объ этомъ заселеніи.

До 1800 года повторился цѣлый рядъ неудачныхъ попытокъ заселенія свободныхъ мѣстъ *на Ленѣ, Амурѣ, въ Забайкальѣ* и пограничной линіи въ киргизскія степи, *по рѣкамъ—Бухтармѣ и Иртышу*.

Digitized by Google

Съ 1760 года началось поселеніе въ *Иртышской крѣпости* каторжныхъ женщинъ, съ дозволеніемъ крестьянамъ жениться на нихъ; женщины эти вели распутную жизнь въ деревняхъ и редутахъ.

Въ 1799 году сдѣлана неудачная попытка поселенія *въ Сибири* десяти тысячъ отставныхъ солдатъ.

Въ 1807 году, памятный Сибири полковникъ Лоскутовъ устроилъ *въ Нижнеудинскомъ и Нерчинскомъ округахъ* нѣсколько селеній, напоминавшихъ военныя поселенія, созданныя графомъ Аракчеевымъ. Губернаторъ Сперанскій вынужденъ былъ предать Лоскутова суду, поселенцы разбѣжались, колоніи разрушились.

Въ 1829 — 1839 годахъ на счетъ правительства устроено было 27 поселеній *въ Енисейской и Иркутской губерніяхъ;* число поселенцевъ возрасло до 64 тысячъ человѣкъ, но въ 40-хъ годахъ колонисты разбрелись, деревни опустѣли, а красивые дома разваливаются.

Съ 1857 года устраивается колонизація *на Амурѣ;* правительство затратило на нее десятки милліоновъ и, несмотря на плодородіе почвы, жители Амура до настоящаго времени дорогой цѣною покупаютъ привозный хлѣбъ дурного качества.

Наконецъ — опытъ колонизаціи *острова Сахалина* съ 1869 года даетъ тѣ же результаты: оканчивающіе срокъ каторги чуть съ голоду не умираютъ, а свободные поселенцы спѣшатъ убраться съ этого, по мнѣнію нѣкоторыхъ, «богатаго природой и растительностью» острова. Всѣ предметы самой первой необходимости, какъ-то: хлѣбъ, соль, рыба и т. д., доставляются на островъ съ материка.

Такимъ образомъ, оказывается, что всѣ наши колонизаціонныя попытки въ Сибири потерпѣли неудачу; въ исторіи ссыльной колонизаціи Сибири едвали можно указать хоть одну мѣру правительства, давшую сколько-нибудь удовлетворительные результаты. Я не стану останавливаться на выясненіи въ подробности причинъ этого общаго явленія, такъ какъ это выходитъ изъ предѣловъ настоящей статьи, но самъ по себѣ фактъ неудачи всѣхъ нашихъ колонизаціонныхъ попытокъ неотразимъ и въ высокой степени поучителенъ. Исторія колонизаціи преступниками незаселенныхъ мѣстъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что всегда и вездѣ заселеніе преступниками новаго края, будучи сопряжено съ большими затрудненіями и громадными матеріальными затратами, чрезвычайно рѣдко приводило къ удовлетворительнымъ результатамъ. Въ мѣстностяхъ неудобныхъ по климатическимъ и топографическимъ

Digitized by Google

условіямъ — ссыльная колонія гибла въ самомъ началѣ; при благопріятныхъ же условіяхъ ссыльные образовали свободныя колоніи и отдѣлялись отъ метрополіи (напримѣръ, Сѣверная Америка) или отказывали въ дальнѣйшемъ пріемѣ ссыльныхъ (напримѣръ, Австралія). Что касается нашей ссыльной колонизаціи, то главныя причины ея неудачи, мнѣ кажется, заключаются прежде всего въ крайне неудовлетворительномъ составѣ нашей сибирской администраціи и неблагопріятныхъ климатическихъ и топографическихъ условіяхъ края, не говоря о такихъ явленіяхъ, какъ безсемейность преступниковъ, нравственная ихъ непригодность къ культурѣ, непривычка и отвращеніе многихъ къ тяжелымъ земледѣльческимъ занятіямъ, непригодность для живого дѣла колонизаціи казеннаго управленія и т. д. Поселенный въ мѣстность новую и вовсе незнакомую ему, — ссыльный на первыхъ же порахъ долженъ вступать въ ожесточенную борьбу съ суровой природой нашего сѣвера и востока. «Не встрѣчая удобствъ ни въ климатѣ, ни въ обстановкѣ, поставленный въ новыя, непривычныя условія жизни, принужденный бороться изъ-за средствъ существованія съ величайшими препятствіями, ссыльный, конечно, находится въ худшихъ условіяхъ (труда), чѣмъ на родинѣ, а потому и самая страна и трудъ въ ней возбуждаютъ въ немъ только отвращеніе и предубѣжденіе» (Ядринцевъ. Общ. въ тюрьмѣ и ссылкѣ, стр. 585). Нельзя не согласиться съ почтеннымъ изслѣдователемъ нашей ссылки. Дѣйствительно, если на родинѣ, въ Россіи, гдѣ болѣе благопріятна обстановка для честной трудовой жизни, человѣкъ предпочелъ путь преступленія труду, то одно переселеніе его въ мѣстность дикую, необработанную и незаселенную, конечно, не заставитъ его работать и вести честную и трудовую жизнь. Всѣ силы и способности его будутъ направлены къ тому, чтобы оставить ненавистное ему мѣсто принудительнаго заселенія.

Едва ли кто станетъ отрицать, что колонизація ссыльными незаселенныхъ мѣстъ на востокѣ не имѣетъ будущаго, что исторія прошлаго не оставляетъ на этотъ счетъ сомнѣнія; суровая и бѣдная природа, отсутствіе образованной администраціи, принудительность колонизаціи и внутренняя антипатія, несочувствіе къ дѣлу колонизаціонныхъ элементовъ — всегда представляли и будутъ представлять неопреодолимыя препятствія самымъ благимъ предначертаніямъ и планамъ правительства. Намъ рѣшительно слѣдуетъ разъ навсегда отказаться отъ всякихъ колонизаціонныхъ попытокъ; для этого у насъ пока нѣтъ ни матеріальныхъ, ни нравственныхъ средствъ, ни физически благопріятныхъ условій на

Digitized by Google

окраинахъ нашего обширнаго отечества. Можно пожелать, чтобы неудавшаяся попытка колонизаціи острова Сахалина была послѣднею въ этомъ родѣ, чтобы мы отрѣшились отъ традицій и иллюзій прошлаго и посмотрѣли на дѣло съ болѣе положительной и объективной стороны *).

Въ нашей литературѣ много было говорено и за и противъ сибирской ссылки; это старый, избитый вопросъ, давно занимающій криминалистовъ и публицистовъ. Новѣйшія научныя изслѣдованія и практика на Западѣ осудили эту мѣру уголовнаго правосудія, признавъ ее неудобною по многимъ причинамъ. Главное неудобство этой мѣры, на мой взглядъ, въ ея кратковременности. Конечно, всякое уголовное наказаніе до извѣстной степени относительно и временно, такъ какъ самое уголовное право, какъ право общественное, видоизмѣняется по мѣрѣ развитія и измѣненія общественныхъ отношеній и понятій; но существованіе ссылки, какъ мѣры уголовнаго правосудія, находится въ зависимости отъ обстоятельствъ чисто случайнаго характера. Дѣло въ томъ, что колоніи могутъ принимать отъ метрополіи преступниковъ только до тѣхъ поръ, пока онѣ представляютъ незаселенную, дикую мѣстность, но разъ въ ней зародились начатки гражданственности, образовалось свободное поселеніе, установились извѣстныя общественныя отношенія — дальнѣйшая ссылка представляется мѣрой опасной, насильственной и несправедливой по отношенію къ колоніи. Прекращеніе же ссылки сопряжено съ большими затрудненіями; правительство, какъ это указываетъ исторія англійской ссылки, не всегда обладаетъ даромъ предвидѣнія могущихъ послѣдовать событій и, очень легко поддаваясь соблазнительнымъ и кажущимся удобствамъ ссылки, часто забываетъ, что эти удобства имѣютъ временный характеръ, когда ссылать некуда будетъ. Англія не разъ испытала минуты чрезвычайно критическаго положенія (такъ, напримѣръ, въ 1776 г. и 1849—1851 гг.), затрудняясь размѣщеніемъ преступниковъ, ссылавшихся прежде въ колоніи. Въ подобныя минуты принимаются поспѣшныя мѣры, взоры правительства и общества обращаются на тюрьмы, несо-

*) Почтенный авторъ, безъ сомнѣнія, разумѣетъ не очень отдаленное прошлое, говоря о нашей неспособности къ колонизаціи, такъ какъ въ общей исторіи мы едва ли найдемъ другой примѣръ такихъ колонизаторскихъ способностей, какія представилъ русскій народъ въ своемъ прошедшемъ, когда онъ овладѣвалъ всѣмъ европейскимъ востокомъ и Сибирью. Трудъ покойнаго проф. Ешевскаго, напечатанный у насъ лѣтъ десять тому назадъ, представилъ изумительную картину такой русской колонизаціи.—*Ред.*

Digitized by Google

мнѣнное преимущество и удобство которыхъ нельзя не видѣть въ томъ, что эта мѣра уголовнаго правосудія не зависитъ отъ обстоятельствъ совершенно случайнаго характера и подлежитъ усовершенствованію.

Ссылка на Сахалинъ явилась у насъ также при чрезвычайныхъ условіяхъ; полный упадокъ и дезорганизація каторжныхъ работъ, грозившіе серьёзною опасностью благосостоянію и безопасности Сибирскаго края, совершенно нарушили установленную закономъ связь между различными частями нашей карательной системы и дискредитировали значеніе высшаго уголовнаго наказанія. Правительство было поставлено въ необходимость немедленно озаботиться пріисканіемъ средствъ, которыя могли бы установить нѣкоторое равновѣсіе въ нашей карательной системѣ, и вернуть каторжнымъ работамъ то значеніе, которое онѣ должны были имѣть по смыслу закона. При такой неотложности и спѣшности дѣла рѣшеніе правительственной коммиссіи не могло быть строго обдумано и взвѣшено, а потому и ссылка на Сахалинъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, чисто кабинетныхъ рѣшеній, судьба которыхъ всегда одинакова: дѣйствительная жизнь съ неумолимою строгостью и послѣдовательностью раскрываетъ всю несостоятельность подобныхъ рѣшеній и указываетъ ихъ истинное значеніе.

Послѣ изложенныхъ нѣсколько выше замѣчаній относительно существенныхъ неудобствъ ссылки, какъ мѣры уголовнаго правосудія, нельзя не отнестись съ особеннымъ сочувствіемъ къ мысли ограничить до minimum'а размѣры ссылки у насъ. Закончившая въ настоящее время свои занятія коммиссія тюремнаго преобразованія при государственномъ совѣтѣ, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря К. К. Грота, пришла къ ряду заключеній въ указанномъ направленіи; ссылку на житье въ Сибирь и другія отдаленныя не-сибирскія губерніи, а также ссылку на поселеніе на Кавказъ проектируется вовсе отмѣнить. Ссылку на поселеніе предположено оставить только за нѣкоторыя преступленія, не изобличающія особенной нравственной испорченности преступника; лишеніе правъ не будетъ составлять непремѣннаго условія ссылки на поселеніе въ Сибирь; сроки причисленія ссыльныхъ къ крестьянскимъ и мѣщанскимъ обществамъ сокращены. Особеннаго вниманія заслуживаетъ постановленіе коммиссіи, по которому предлагается принять мѣры къ ограниченію и, если возможно, къ совершенной отмѣнѣ въ мѣстностяхъ, гдѣ введено въ дѣйствіе судебное преобразованіе, принадлежащаго крестьянскимъ

Digitized by Google

и мѣщанскимъ обществамъ права отдавать порочныхъ своихъ членовъ въ распоряженіе правительства.

Что касается каторжныхъ работъ, то устройство ихъ и поселеніе отбывшихъ срокъ наказанія предполагается проектомъ комиссіи, по преимуществу, въ Сибири, а потому вопросъ о каторжныхъ работахъ и ссылкѣ на островъ Сахалинъ сохраняетъ вполнѣ печать современности, и нельзя не пожелать, чтобы для устройства каторжныхъ работъ избрано было другое, болѣе удобное мѣсто.

Дм. Тальбергъ.

Кіевъ, 1879.

Digitized by Google

ПОЦЦО ДИ БОРГО

И

ФРАНЦІЯ

ВЪ НАЧАЛѢ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX-го ВѢКА.

Окончаніе.

II *).

Французы, желавшіе утвержденія существующаго порядка вещей безъ новыхъ революцій, съ необыкновеннымъ восторгомъ привѣтствовали новое министерство, которое начало называться по имени самаго виднаго изъ своихъ членовъ, Мартиньяка; они думали, что въ падшемъ министерствѣ Виллеля реакція истощила послѣднія силы, что явная невозможность поддерживать подобное министерство вразумила Карла X-го и людей къ нему близкихъ, убѣдила ихъ въ необходимости примириться съ новою Франціею, этимъ примиреніемъ утвердить династію и спасти страну отъ дальнѣйшихъ потрясеній. Мы видѣли, что и Поццо имѣлъ много причинъ быть довольнымъ перемѣною; но онъ не могъ предаваться восторгамъ; проницательность, умѣнье наблюдать заставляли его играть печальную роль Кассандры. Онъ зналъ, что король недоволенъ новымъ министерствомъ, терпитъ его только по необходимости, а у короля была не такая натура,

*) См. выше: мартъ, 82 стр.

Digitized by Google

чтобъ онъ, изъ высшихъ соображеній, могъ мириться съ тѣмъ, что ему было непріятно. Поццо повторялъ въ своихъ донесеніяхъ: «Не имѣя довѣрія къ новымъ министрамъ и жалѣя старыхъ, король продолжаетъ сношеніе съ прежнимъ президентомъ совѣта (Виллелемъ). Это потайное вліяніе произвело величайшее зло. Оно произвело расколъ между роялистами, часть которыхъ предпочла соединиться съ либералами, чѣмъ дожидаться возвращенія Виллеля. Большинство палаты, такимъ образомъ, стало принадлежать къ лѣвой сторонѣ, усиленной меньшинствомъ правой, и министерство поставлено между обѣими безо всякой дѣйствительной поддержки. Нѣтъ страны, въ которой было бы больше второстепенныхъ талантовъ, чѣмъ во Франціи; но и нѣтъ страны болѣе бѣдной талантами первостепенными, которымъ народы ввѣряютъ управленіе въ обстоятельствахъ трудныхъ. Отсутствіе такихъ талантовъ есть одна изъ главныхъ причинъ шаткости власти».

Но если Поццо скорбно отзывался объ опасностяхъ, грозящихъ новому министерству именно потому, что дорожилъ имъ, дорожилъ Лафероннэ, министромъ иностранныхъ дѣлъ, приверженцемъ франко-русскаго союза, то, разумѣется, враждебныя Россіи державы работали изо всѣхъ силъ противъ министерства Мартиньяка, поддерживали его враговъ, поддерживали короля въ нерасположеніи къ нему, въ нерасположеніи вообще къ новой Франціи. Поццо признавалъ въ Каннингѣ отъявленнаго врага Россіи, что было совершенно справедливо. Но смерть Каннинга и замѣна его герцогомъ Веллингтономъ нисколько не были выгодны для Россіи, потому что противоположность политическаго взгляда и личная вражда Каннинга съ Меттернихомъ препятствовали сближенію Англіи съ Австріею, тогда какъ теперь при Веллингтонѣ этого препятствія больше не было. Австрійскій посолъ въ Парижѣ, графъ Аппони прямо присоединяется къ партіи, враждебной министерству, къ партіи герцогини беррійской и ея двора, герцога Блака и всѣхъ приверженцевъ старой Франціи, которыхъ обыкновенно называли ультра-роялистами; вмѣстѣ съ Аппони къ этой партіи примыкали посланники неаполитанскій и сардинскій, нунцій папскій. Назначеніе новаго воспитателя для герцога бордоскаго стало опять важнымъ вопросомъ для партіи, ибо съ этимъ ребенкомъ связана была будущность Франціи. Король, разумѣется, выбралъ своего, барона Дамà; когда онъ объявилъ объ этомъ назначеніи министрамъ, тѣ отвѣчали глубокимъ молчаніемъ. Тогда Карлъ X призвалъ къ себѣ въ кабинетъ Лафероннэ и спросилъ, что значитъ такое молчаніе; министръ отвѣ-

Digitized by Google

чалъ, что у него и товарищей его не было другого средства для выраженія своего неудовольствія, ибо Дама былъ членомъ прежняго министерства и его назначеніе будетъ считаться дѣломъ Виллеля; политическія мнѣнія и религіозный фанатизмъ Дама, увѣренность публики, что онъ членъ іезуитской конгрегаціи, и убѣжденіе въ ничтожности его способностей породятъ вредныя предубѣжденія противъ герцога Бордоскаго. Такой отвѣтъ, разумѣется, не могъ побудить короля смотрѣть благопріятно на свое министерство. Англійскій посланникъ не участвовалъ въ придворныхъ интригахъ для сверженія министерства; но у герцога Веллингтона было въ рукахъ другое сильное орудіе, посредствомъ котораго онъ могъ дѣйствовать на рѣшенія французскаго короля: французскимъ посланникомъ въ Лондонѣ былъ князь Полиньякъ, любимецъ Карла X. У Веллингтона, какъ и у Меттерниха, была одна цѣль—сверженіе настоящаго французскаго министерства, безъ чего нельзя было отвлечь Францію отъ Россіи; Австрія для достиженія этой цѣли внушала прямо Карлу X о необходимости возстановить старый порядокъ, бывшій до революціи; англійскій министръ, разумѣется, не могъ дѣлать такихъ внушеній; но онъ также выставилъ себя приверженцемъ монархическихъ принциповъ во Франціи. Кн. Полиньякъ, обольщенный ласками Веллингтона, человѣка, который не находилъ себѣ ровни въ Европѣ, вошелъ въ его виды относительно французскаго министерства, тѣмъ болѣе, что эти виды совпадали съ его собственными честолюбивыми видами: онъ вовсе не хотѣлъ смѣнять министерство Мартиньяка на министерство Виллеля; онъ самъ хотѣлъ стать во главѣ новаго министерства, или, по крайней мѣрѣ, войти въ него министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Тяжело было положеніе Поццо въ 1828 году, когда друзья Россіи старались распространить по Европѣ преувеличенные слухи о затруднительномъ положеніи русскаго войска въ Турціи. Въ концѣ года Аппони прочелъ Лаферонне депешу Меттерниха, гдѣ говорилось, что для прекращенія Восточной войны необходимо собрать конгрессъ изъ представителей воюющихъ сторонъ и главныхъ государствъ Европы. Благодаря настоящимъ обстоятельствамъ можно съ успѣхомъ дѣйствовать на русскаго императора: русская армія въ полномъ разложеніи, физическомъ и нравственномъ, генералы потеряли головы, раздѣлились въ мнѣніяхъ, самъ императоръ въ унынін; турки усиливаются войскомъ и мужествомъ; зимою они возьмутъ Варну, великій визирь поклялся въ этомъ головою и собралъ 150,000 войска; въ будущую кампанію 300,000 турокъ бросятся на русскія владѣнія,

Digitized by Google

опустошая все передъ собою. — Съ другой стороны, Полиньякъ пріѣхалъ въ Парижъ и пробовалъ склонить короля на соглашеніе съ Англіею и Австріею; но Карлъ X не уступилъ внушеніямъ любимца и сказалъ ему: «Я хочу остаться въ союзѣ съ Россіею; если императоръ Николай нападетъ на Австрію, то я буду дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ; но если Австрія нападетъ на Россію, то я сейчасъ же двину противъ нея войско. Быть можетъ, война съ Австріею будетъ мнѣ полезна, потому что прекратитъ внутреннія смуты и займетъ націю».

Въ началѣ 1829 года сильный ударъ для Поццо: Лаферронэ опасно заболѣлъ, принужденъ былъ оставить министерство и уѣхать въ Ниццу. Полиньякъ употребилъ всѣ средства, чтобъ занять его мѣсто, но понапрасну; король, видя сильное сопротивленіе министерства и палаты, отложилъ на этотъ разъ проведеніе своего любимца въ министры, и назначилъ временно Порталиса завѣдывать иностранными сношеніями. Но Поццо не могъ на этомъ успокоиться, и писалъ отъ 6-го февраля: «Принимая во вниманіе страшный ударъ, грозившій нашему вліянію вслѣдствіе потери Лаферронэ, волненіе, произведенное этимъ событіемъ, обстоятельства критическія во всѣхъ отношеніяхъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, при которыхъ это несчастіе случилось, желаніе короля видѣть преемникомъ Лаферронэ кн. Полиньяка и выгоды, которыя герцогъ Веллингтонъ хотѣлъ извлечь изъ этого случая, соображая состояніе дѣлъ въ эту минуту,—очевидно, что тріумфъ нашихъ противниковъ не былъ полный, но и нашъ успѣхъ далеко невѣренъ, особенно по отношенію къ Греціи. Герцогъ Веллингтонъ имѣетъ надъ королемъ (Карломъ X) большую власть, которою онъ пользуется ежедневно, благодаря близости обѣихъ столицъ другъ къ другу. Недовольный своимъ внутреннимъ положеніемъ, этотъ монархъ жалѣетъ о любимыхъ людяхъ, не питаетъ никакого довѣрія и мало уважаетъ тѣхъ, которыхъ принужденъ видѣть министрами въ настоящее время. Герцогъ Веллингтонъ льститъ и ободряетъ эти чувства въ виду того, что кн. Полиньякъ, назначенный министромъ, будетъ посредникомъ ихъ тайныхъ сношеній. Изъ этой путаницы, изъ этого ложнаго положенія происходятъ противорѣчія между обѣщаніями, данными мнѣ въ Парижѣ, и нерѣшительнымъ языкомъ, которымъ французскіе агенты говорятъ въ Лондонѣ. Что касается до народнаго чувства, то оно никогда не выражалось такъ сильно въ пользу Россіи, какъ теперь. Такъ-называемые чистые роялисты и конгрегація съ яростію объявили себя противъ насъ и стали пропо-

Digitized by Google

вѣдывать ученія Австріи и Англіи. Этой непонятной нелѣпости было достаточно, чтобъ всѣ остальныя стали на нашу сторону».

Долго оставлять иностранныя дѣла во временномъ завѣдываніи было нельзя, и король назначилъ настоящимъ министромъ герцога Лаваля Монморанси, человѣка недалекаго, едва могущаго говорить, полуслѣпого и полуглухого. Это назначеніе, разумѣется, сильно опечалило Поццо: онъ видѣлъ въ немъ ясное намѣреніе короля искать первой возможности передать министерство Полиньяку. Но въ то же время Поццо писалъ: «Планъ кн. Меттерниха обратить все вниманіе государей на опасное положеніе Франціи очевидно имѣетъ цѣлію отвлечь вниманіе императорскаго (русскаго) кабинета отъ турецкихъ дѣлъ. Эта Франція дѣйствительно служитъ препятствіемъ для Австріи и Англіи вооружиться противъ Россіи. Франціи боятся, когда она хорошо управляется, ибо тогда она слѣдуетъ своей настоящей политикѣ, которая состоитъ въ союзѣ съ Россіею. Ея боятся, когда она грозитъ революціею, ибо въ этомъ случаѣ, безъ содѣйствія Россіи, другія государства не имѣютъ надежды ее сдержать». Карлъ X говорилъ Поццо: «Я не понимаю герцога Веллингтона: онъ не перестаетъ мнѣ твердить, что война Россіи съ турками спутала все; а я не перестаю ему отвѣчать, что война была вызвана султаномъ и утверждать противное, значитъ,—клеветать; потомъ я ему повторялъ, что лучшее средство поскорѣе все покончить и самымъ справедливымъ образомъ—это внушить султану, чтобъ онъ договаривался съ русскимъ императоромъ, приготовился потерять что-нибудь, потому что онъ виновникъ войны и потому, что онъ оказался слабѣе; наконецъ, установить между нами греческое дѣло и представить его въ Константинополь какъ рѣшенное безповоротно. Безъ этого мы не дойдемъ никогда до конца, и наше положеніе будетъ ежедневно усложняться. Кн. Меттернихъ еще непонятнѣе. Онъ бьетъ тревогу по всей Европѣ и представляетъ, что Франція наканунѣ революціи, и, между тѣмъ, всѣми силами содѣйствуетъ продолженію двойной борьбы на Востокѣ, тогда какъ для сдержанія революціонеровъ лучшее средство — это возстановленіе мира, единеніе, которое послѣдуетъ тогда между правительствами, и сильное положеніе, въ какомъ они тогда непремѣнно станутъ. Австрія сильно ошибется, если думаетъ извлечь выгоды изъ смутъ и событій, которыя она такъ любитъ предвидѣть и такъ остерегается предупреждать. Если она нападетъ на Россію, то у меня 200,000 войска выступятъ противъ нея, и когда мы согласимся съ императоромъ (Николаемъ), то будемъ предписывать законы всякому,

Digitized by Google

кто вздумаетъ противиться нашему союзу. Впрочемъ, Франція можетъ меньше другихъ бояться внутреннихъ безпорядковъ; она уже подверглась страшнымъ опытамъ, которые прошли и не возобновятся. Въ австрійской монархіи все подвергается величайшей опасности и малѣйшія нововведенія получаютъ характеръ настоящихъ революцій. Вы должны быть скандализованы преніями въ палатѣ депутатовъ. Я согласенъ, что она никогда не была составлена изъ людей болѣе мелкихъ. Я вижу здѣсь гораздо больше враждебнаго тщеславія, чѣмъ силы дѣлать зло, и палата могла бы быть направлена и сдержана твердостію министровъ, если бы они оказались твердыми. Это люди, которые вообще желали бы мнѣ хорошо служить; но это трудно въ томъ положеніи, въ какомъ они находятся. Прежнее министерство, которое было гораздо сильнѣе—износилось, настоящее уже истощило свои силы».

Послѣдними словами Карлъ X-ый показывалъ ясно, что считалъ необходимымъ перемѣнить министерство; онъ давалъ знать, что министерство Мартиньяка не будетъ смѣнено прежнимъ министерствомъ Виллеля, которое, по словамъ короля, износилось. Но это нисколько не могло успокоить Поццо, который зналъ, что новое министерство будетъ министерствомъ Полиньяка. Такъ и случилось. Опять раздался голосъ, предсказывавшій бѣду.

Отъ 8 августа Поццо писалъ: «сперва Полиньякъ хотѣлъ собрать около себя людей, не принадлежащихъ къ крайнимъ партіямъ; но ни одинъ порядочный человѣкъ не хотѣлъ соединиться съ нимъ; тогда онъ рѣшился набрать себѣ другихъ товарищей, т.-е. принудить короля къ рѣшенію, не допускающему никакой остановки, отдающему судьбу династіи и настоящіе интересы Франціи на жертву неизвѣстности и волненіямъ, послѣдствій которыхъ нельзя исчислить. У меня нѣтъ средствъ выразить чувства презрѣнія и негодованія, вызванныхъ такими отчаянными рѣшеніями. Люди благонамѣренные, утомленные рѣзкими выходками крайней лѣвой, уже присоединились къ монархической конституціонной системѣ, льстя себя надеждою, что эта система по искреннему убѣжденію принята государемъ; эти люди должны теперь выбирать одно изъ двухъ: или поддерживать министерство антинаціональное во всѣхъ отношеніяхъ, или примкнуть къ реакціи; реакція непремѣнно низвергнетъ министерство, но съ такою силою и стремительностію, границы которыхъ неизвѣстны. Убѣжденіе, что герцогъ Веллингтонъ могущественно содѣйствовалъ этой перемѣнѣ министерства и что кн. Меттернихъ былъ тутъ не безучастенъ, усиливаетъ общее негодованіе и становится уже неизсякаемымъ источникомъ

Digitized by Google

подозрѣній и соображеній, какія только воображеніе людей, дѣйствительно встревоженныхъ и неблагонамѣренныхъ враговъ Бурбонской династіи, могутъ представить разуму или легковѣрію публики. Изъ всѣхъ газетъ, только двѣ поддерживаютъ настоящее министерство (Gazette du Soir и Quotidienne). Другія съ яростію громятъ и позорятъ его вообще и въ подробностяхъ. Ихъ вліяніе на умы неизмѣримо среди народа подозрительнаго, неумѣющаго принудить себя къ спокойному изслѣдованію дѣла, когда ему представляютъ и даже преувеличиваютъ предметы его ненависти или предубѣжденія». Въ концѣ 1829 года Поццо уже зналъ, что готовятся противуконституціонныя мѣры, зналъ, что есть партія, открыто поддерживаемая австрійскимъ посломъ и убѣжденная, что не только возможно, но и легко распустить палату, если она выскажется противъ настоящаго министерства, и замѣнить ее новою палатою, составленною изъ депутатовъ, выбранныхъ не на основаніи закона, а королевскаго указа (ordonnance), опредѣляющаго способъ избранія такимъ образомъ, что выборъ падетъ на людей угодныхъ монарху. Прусскій посланникъ баронъ Вернеръ открылъ Поццо, что гр. Аппони говорилъ ему объ этомъ, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ въ случаѣ крайняго сопротивленія палатъ министерству. Когда прусскій министръ указалъ на возможныя слѣдствія такой опасной мѣры, Аппони отвѣчалъ, что не видитъ тутъ никакой опасности, дѣло кончится такъ же спокойно, какъ и распущеніе національной парижской гвардіи.

Весною 1830 года противники стояли другъ противъ друга и разсчитывали свои средства. Въ случаѣ распущенія палаты и новыхъ выборовъ, либералы и конституціонисты всѣхъ оттѣнковъ предполагали, что они возвратятся въ палату усиленные еще новыми союзниками. Съ своей стороны, Полиньякъ разсчитывалъ, что роялисты, приверженцы настоящаго кабинета, получатъ большинство. Если это ожиданіе не сбудется, вопросъ приметъ болѣе угрожающій характеръ. Полиньякъ сказалъ Поццо, что въ такомъ случаѣ король прибѣгнетъ къ мѣрамъ внѣ-законнымъ, которыя Франція готова принять съ покорностію. По мнѣнію Поццо, враги короля вовлекали его въ такое положеніе. Поццо далъ знать, что въ Англіи сильно безпокоятся, относительно окончанія французскихъ дѣлъ. По этому поводу Поццо писалъ: «герцогъ Веллингтонъ выдвинулъ кн. Полиньяка, чтобъ противопоставить его Россіи. Англійское правительство хотѣло достигнуть двухъ непримиримыхъ вещей: слабости Франціи и утвержденія Бурбоновъ. Средства къ достиженію первой уничтожаютъ второе. Франція

Digitized by Google

такая большая страна, волновать которую нельзя безнаказанно. Надобно гораздо болѣе бояться ея бѣшенства, чѣмъ ея мудрости».

Наконецъ, русскій посолъ имѣлъ печальное утѣшеніе видѣть всѣ свои предсказанія исполненными. Знаменитые указы или ордонансы Карла X-го, о которыхъ Полиньякъ говорилъ, что Франція готова принять ихъ съ покорностію, повели къ революціи: старшая линія Бурбоновъ должна была оставить Францію; королемъ сдѣлался Людовикъ-Филиппъ Орлеанскій. Положеніе Поццо стало самымъ тяжелымъ: оставаясь вѣренъ своей дипломатической задачѣ, вѣренъ мысли Александра I-го, считая необходимымъ въ интересахъ Россіи и Европы поддерживать добрыя отношенія между Россію и Франціею, Поццо видѣлъ, что обстоятельства съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе стремятся къ противоположному. Съ одной стороны іюльская революція произвела сильное раздраженіе, затронувъ консервативные принципы русскаго правительства и лишивъ Россію, въ особѣ Карла X-го, государя, который считался вѣрнымъ союзникомъ ея; это раздраженіе не могло не высказаться относительно переворота, относительно новаго короля-похитителя; съ другой стороны, прежнее расположеніе къ Россіи общественнаго мнѣнія во Франціи, которымъ такъ хвалился Поццо, перемѣнилось при видѣ явной противоположности политическихъ началъ между Россіей и Франціей, а тутъ польское возстаніе, крики сочувствія, раздавшіеся ему въ Парижѣ въ палатѣ и на улицахъ, усиливали враждебность между двумя, недавно столь близкими державами, въ высшей степени: отсюда дѣятельность Поццо во Франціи послѣ іюльской революціи представляетъ тяжкую борьбу, въ успѣшности которой онъ самъ не имѣлъ никакой надежды.

Мы видимъ, какъ Поццо отзывался о Людовикѣ-Филиппѣ, къ характеру котораго потомъ не могъ питать никакого уваженія и довѣрія. Тотчасъ послѣ революціи герцогъ Орлеанскій пожелалъ имѣть съ Поццо тайное свиданіе; онъ началъ увѣреніями, что не хочетъ королевскаго титула, но боится, что его принудятъ быть королемъ. Поццо, разумѣется, отвѣчалъ увѣщаніями не соглашаться ни подъ какимъ видомъ на принятіе престола. «Несмотря на эти увѣренія», писалъ Поццо, «очевидно онъ имѣетъ въ виду корону. Сестра, имѣющая на него большое вліяніе, побуждаетъ его къ этому; восторжествовавшая партія также этого желаетъ. Отреченіе короля и дофина приведетъ герцога въ безпокойство; но его приверженцы не обратятъ на это вниманія. Существуетъ значительная партія въ обѣихъ палатахъ, желающая прекратить революцію провозглашеніемъ герцога регентомъ до

Digitized by Google

совершеннолѣтія герцога Бордоскаго. Противники грозятъ ей новою революціею, если она будетъ настаивать на своемъ, особенно если очутится въ большинствѣ».

Какъ слѣдовало ожидать, Людовикъ-Филиппъ *принужденъ былъ* принять корону. 26 іюля ночью онъ пригласилъ Поццо въ Палерояль. Поццо нашелъ его исполненнымъ страховъ и надеждъ. Онъ опять сталъ повторять, что не имѣлъ никогда въ виду престола, часто предупреждалъ Карла X-го относительно опасностей, грозящихъ имъ всѣмъ, но всегда безуспѣшно; онъ велъ себя такъ, чтобы не быть принужденнымъ эмигрировать со своимъ многочисленнымъ семействомъ въ случаѣ несчастія и никогда не думалъ мѣнять своей во всѣхъ отношеніяхъ счастливой жизни на жизнь среди безпокойства и опасностей безчисленныхъ; онъ пожертвовалъ собою спасенію родной страны, оставленной безъ главы, въ минуту разложенія и страшныхъ безпорядковъ; онъ имѣетъ нужду въ снисхожденіи Европы, чтобы поддержать его въ мирѣ, особенно имѣетъ нужду въ благосклонности императора, которому предается безусловно. Поццо имѣлъ также разговоръ съ англійскимъ посломъ, лордомъ Стюартомъ. Заговоривши о возможности европейской войны, въ случаѣ, если французы захотятъ выдти изъ своихъ границъ, Стюартъ сказалъ, что вѣроятно первое столкновеніе будетъ у нихъ съ Англіей по поводу Алжира, ибо правительство, которое произойдетъ изъ новаго порядка вещей, не захочетъ и не будетъ въ состояніи отказаться отъ этого завоеванія. Поццо зналъ, что Стюартъ находился въ постоянной перепискѣ съ Карломъ X-мъ и совѣтовалъ ему ѣхать медленнѣе, чтобъ какъ можно позднѣе оставить Францію въ надеждѣ на какую-нибудь случайность въ его пользу. 26 іюля Стюартъ сказалъ Поццо, что надѣется на роялистское движеніе въ Вандеѣ, и желалъ бы, чтобъ Карлъ X-й поселился на островѣ Жерзеѣ по удобству сношеній съ этой провинціей. Стюартъ прибавилъ, что небольшая междоусобная война во Франціи была бы желательна.

Поццо не разсчитывалъ ни на какія случайности въ пользу Карла X-го; онъ думалъ, что дѣло старшей линіи Бурбоновъ покончено, и, не имѣя никакихъ симпатій къ Людовику-Филиппу, обращался, однако, къ нему, какъ представителю монархическаго начала во Франціи, зорко вглядывался въ трудности и опасности его положенія, и приходилъ къ заключенію, что монархическая Европа не должна увеличивать этихъ трудностей и опасностей. «И по достиженіи короны, герцогу Орлеанскому будетъ трудно утвердить королевскую власть во Франціи. Тѣ самые люди, которые хотятъ ея, такъ сильно ее обрываютъ, что рискуютъ со-

Digitized by Google

всѣмъ ее уничтожить. Тѣ, которые ея не хотятъ и мечтаютъ о республикѣ, будутъ стараться подкапывать ее тысячами способовъ. Въ этой борьбѣ Европа должна желать меньшаго зла, т.-е. должна желать, чтобы власть новаго короля установилась, и французское правительство утвердилось подъ формами монархическими. Содѣйствіе другихъ государей необходимо для полученія этого результата; если они откажутъ въ своемъ содѣйствіи — война неизбѣжна, и первымъ слѣдствіемъ войны будетъ поднятіе народа массою и кровавая республика. Въ противномъ случаѣ борьба будетъ происходить политически между монархіею Орлеановъ и республикою Лафайета или журналистовъ и школьниковъ. Возможно, что споры будутъ сильные, не доходя до схватки; во всякомъ случаѣ борьба будетъ происходить между французами, раздѣленными въ интересахъ и мнѣніяхъ. Новый король слабъ по характеру и потому, что видитъ себя обязаннымъ уступать тѣмъ, которые дали ему корону; притомъ онъ склоненъ къ демократіи, и готовъ на всякое пожертвованіе, когда находитъ, что нужно успокоить тѣхъ, которые ему ее навязываютъ. Семейство его привыкло къ тому же и молодой герцогъ Орлеанскій больше другихъ. Свыкшись съ молодежью школъ, гдѣ онъ воспитывался, онъ тщеславится тѣмъ, что спускается ниже своего положенія и приравнивается къ своимъ соученикамъ, неопытнымъ и гордымъ вслѣдствіе проповѣди равенства. Пребываніе въ Палероялѣ при настоящихъ обстоятельствахъ неприлично и вредно для королевской фамиліи. Это мѣсто, знаменитое ужасами, уже 40 лѣтъ служитъ очагомъ всѣхъ возмущеній и сточною ямою всѣхъ безнравственностей. Новый король и его семейство день и ночь осаждаются толпами, которыя празднуютъ оргіи, поютъ революціонныя пѣсни и занимаются отвратительными прокламаціями и рисунками. По временамъ эти люди заявляютъ желаніе видѣть государя, который никогда не отказывается удовлетворять ихъ наглымъ докукамъ. Я далъ замѣтить, какъ было бы прилично перемѣнить мѣстопребываніе и переѣхать въ Тюльери. Король не согласился, говоря, что тюльерійскій дворецъ приноситъ несчастіе. Но дѣло въ томъ, что онъ боится навлечь на себя порицаніе толпы».

Извѣстія о состояніи Парижа послѣ іюльскаго переворота, доходившія въ Петербургъ, имѣли слѣдствіемъ приказаніе императора своему послу—выслать всѣхъ русскихъ изъ Парижа и не давать французамъ паспортовъ въ Россію. Поццо нашелъ невозможнымъ немедленно исполнить это приказаніе, ибо такое исполненіе было бы равносильнымъ прекращенію всѣхъ сношеній съ

Digitized by Google

Франціею, равносильнымъ объявленію войны; Поццо обѣщалъ исполнить приказаніе постепенно. Поццо не приступалъ къ исполненію и другого приказанія—покинуть домъ русскаго посольства потому, что Австрія, Пруссія и Англія признали королемъ Людовика-Филиппа, и нельзя было ожидать, чтобы Россія одна, безъ союзниковъ, объявила себя противъ новаго порядка вещей во Франціи. «Въ такомъ положеніи,—писалъ Поццо,—ожидая дальнѣйшихъ рѣшеній его императорскаго величества, я счелъ обязанностію продолжать выжидательный образъ дѣйствія, ничего не предупреждать, не компрометтировать, и держать себя въ готовности исполнять приказанія государя».—Письмо, присланное императоромъ австрійскимъ въ отвѣтъ на письмо Людовика-Филиппа, показалось въ Парижѣ удовлетворительнымъ, только замѣтили нѣкоторую сухость и выраженія, въ которыхъ выступало требованіе, чтобъ Франція поняла *сохраненіе мира,* какъ понимала его Австрія и сообразовалась съ этимъ. Письмо прусскаго короля удовлетворило болѣе: оно было дѣйствительно наполнено дружественными выраженіями, хотя въ сущности не отличалось отъ вѣнскаго.

Наконецъ, пришло письмо русскаго императора. Министръ графъ Молэ пригласилъ къ себѣ Поццо и объявилъ ему, что король въ страшномъ горѣ, не найдя въ письмѣ императора обычныхъ между государями дружественныхъ и благожелательныхъ формъ; просмотрѣна была вся переписка между государями русскими и французскими со временъ реставраціи, и найдено, что ихъ величества не только употребляли обычную форму: M. mon frère, но и подписывались: Votre bon frère et ami; ощущеніе этого выраженія пріязни и учтивости служитъ доказательствомъ, что императоръ не расположенъ поддерживать ни той, ни другой. Поццо отвѣчалъ, что этикетъ, строго соблюденный его величествомъ императоромъ, былъ слѣдствіемъ положенія дѣлъ во Франціи и событій, породившихъ его; отвѣтъ императора совпалъ съ эпохою, когда Бельгія явно возстала, Германія взволновалась, Испанія подверглась нападенію, Италія и остальная Европа угрожаются тѣмъ же; всѣ эти бѣдствія произошли отъ вступленія на французскій престолъ короля Филиппа, и потому невозможно раздѣлять идей и фактовъ, такъ тѣсно связанныхъ вмѣстѣ и употребить обычныя дружественныя формы среди нововведеній самыхъ гибельныхъ, какія когда-либо колебали соціальный міръ; е. и. в-ство, признавши титулъ на фактѣ короля французовъ, этимъ самымъ призналъ, что политическія сношенія между двумя государями и государствами возстановлены, въ ожиданіи, что пове-

Digitized by Google

деніе короля и его правительства относительно другихъ государствъ дастъ возможность возобновить формы, выражающія пріязнь и довѣріе. На другой день Поццо поѣхалъ къ Молэ, чтобы узнать, какое впечатлѣніе произвело письмо въ совѣтѣ. Молэ сказалъ ему, что впечатлѣніе было очень сильное, но когда король, несмотря на то, что былъ огорченъ самымъ прямымъ и личнымъ образомъ, объявилъ, что доволенъ письмомъ, то всѣ другіе должны были присоединиться къ его мнѣнію. — На другой день, по приглашенію Молэ, Поццо отправился incognito въ Палерояль; король тотчасъ вышелъ къ нему, и въ сильномъ волненіи, почти со слезами на глазахъ, началъ изъясняться, какъ было ему прискорбно, что императоръ отказался отвѣчать на дружественныя формы, въ которыхъ онъ отнесся къ его и. в-ству. Поццо повторилъ ему то, что говорилъ и Молэ, только подробнѣе. «Господи! — отвѣчалъ на это Людовикъ-Филиппъ,—вѣдь не я же лишилъ престола Карла X-го; самъ онъ захотѣлъ погубить себя, несмотря на предостереженія и совѣты Франціи и цѣлой Европы. Что касается герцога Бордоскаго, то не было никакой возможности выставить его права на престолъ среди страшнаго волненія, господствовавшаго тогда и продолжающагося теперь; если бы я назвалъ его въ тотъ день, когда былъ въ парижской ратушѣ, то былъ бы растерзанъ въ куски вмѣстѣ съ нимъ, если бы и онъ тутъ случился. Призывъ меня на престолъ былъ движеніемъ непреодолимымъ и принятіе мною короны актомъ необходимости, безъ котораго терроръ начался бы въ ту же минуту въ Парижѣ и страшная смута въ остальной Франціи и Европѣ; я бы считалъ себя счастливымъ, еслибъ могъ убѣдить императора въ этой истинѣ. Что касается бельгійскихъ событій, то я ими огорченъ, я отъ нихъ несчастливъ не менѣе кого-нибудь другого. Мои приказанія препятствовать собранію войска противъ Испаніи были нарочно, слѣдовательно— преступно, не исполнены; я принялъ рѣшеніе противодѣйствовать проектамъ новыхъ якобинцевъ. У меня предполагаютъ власть, которой у меня нѣтъ; я могу употреблять ту власть, которую мнѣ даютъ, и погибну въ ту самую минуту, когда меня заподозрятъ въ желаніи пріобрѣсть другую власть».

Дѣло о письмѣ прекратилось этими объясненіями; но вспыхнуло польское возстаніе. Поццо обратился къ французскому министру иностранныхъ дѣлъ съ вопросомъ—возмущеніе польской арміи произведетъ ли перемѣну въ мирной системѣ, которую французскій кабинетъ постоянно проповѣдывалъ? Министръ отвѣчалъ, что французское правительство рѣшилось продолжать си-

Digitized by Google

стему мира; оно начало военныя приготовленія, будучи вызвано положеніемъ иностранныхъ державъ, но теперь оно будетъ продолжать вооруженіе съ меньшею силою, ибо не боится болѣе скораго разрыва, который могъ бы произойти, не случись польской смуты. Король, при свиданіи съ Поццо, подтвердилъ слова министра, прибавивъ: «я никогда не хотѣлъ войны, ибо она не согласовалась съ дѣйствительными интересами Франціи, также и съ моими собственными, какъ государя только-что получившаго престолъ». Во Франціи въ началѣ не ждали ничего хорошаго для поляковъ отъ возстанія, отъ котораго только погибнутъ виновники его. «Всѣ видятъ,—писалъ Поццо,—что Россія не можетъ оставаться европейскимъ государствомъ, допустивъ малѣйшую изъ претензій инсургентскихъ; скажу болѣе—оставляя малѣйшій слѣдъ политическихъ препятствій, которыя она сама себѣ создала въ минуту великодушія. Во Франціи убѣждены, что Россія желаетъ войны съ нею, несмотря на успокоительныя объясненія, которыя были даны по этому поводу, и что продолженіемъ мира Франція обязана препятствіямъ, встрѣченнымъ Россіею. Король боится войны, потому что республиканская партія найдетъ въ ней средство къ усиленію. Король и его кабинетъ не переставали увѣрять меня, что съ удовольствіемъ увидятъ скорое возстановленіе спокойствія въ Польшѣ, и не станутъ никоимъ образомъ вмѣшиваться въ эту борьбу». Несмотря на эти увѣренія, генералъ Себастіани обратился къ Поццо съ вопросомъ, не найдетъ ли онъ какого-нибудь неудобства въ томъ, если король обратится къ Пруссіи и Австріи съ предложеніемъ употребить добрыя услуги для дружественнаго улаженія Россіи съ польскими инсургентами. Поццо отвѣчалъ, что императоръ останется навсегда свободнымъ въ своихъ движеніяхъ и въ своихъ мѣрахъ и что другіе государи должны успокоиться на мудрости и милосердіи его в-ства относительно собственныхъ подданныхъ. Въ другой разъ Себастіани представилъ польское дѣло съ такой стороны, что царство польское, хотя и подъ властію императора, существовало на особыхъ правахъ; его существованіе и конституція составляли часть публичнаго права Европы, слѣдовательно, если бы захотѣли сдѣлать въ нихъ какія-нибудь измѣненія, то другія государства имѣли право воспротивиться этому, какъ посягновенію на statu quo, установленное договоромъ, находящимся между актами вѣнскаго конгресса; быть можетъ, Англія будетъ того же мнѣнія, и нѣтъ причины думать, чтобъ Австрія и Пруссія смотрѣли на дѣло иначе. Поццо отвѣчалъ, что если Себастіани хотѣлъ выставить такой взглядъ или одинъ самъ собою, или

Digitized by Google

по согласію съ кѣмъ бы то ни было, онъ, посолъ, можетъ его предупредить заранѣе, что совершенно напрасно было бы доводить такое мнѣніе до свѣдѣнія его и. в-ства, потому что оно будетъ отвергнуто рѣшительно какъ странная претензія, будетъ отвергнуто подъ всѣми возможными формами.

Наступилъ 1831 годъ. Получивъ извѣстіе, что французскій посланникъ въ Петербургѣ Мортемаръ подалъ свои вѣрющія грамоты, Поццо подалъ свои новому королю, послѣ чего обѣдалъ у Людовика-Филиппа: по его словамъ, нельзя было выразить всего того уваженія и вниманія, какія были ему при этомъ оказаны. Себастіани перемѣнилъ тонъ, и объявилъ Поццо, что не скроетъ отъ него ни малѣйшаго шага, который будетъ сдѣланъ какимъ-нибудь агентомъ польскаго революціоннаго правительства; что въ послѣдніе дни Волицкій, недавно пріѣхавшій изъ Варшавы, былъ у него, просилъ помощи деньгами и выраженіями сочувствія Франціи къ дѣлу инсургентовъ; но онъ, Себастіани, отвѣчалъ ему, чтобъ инсургенты не ждали никакой помощи, ни прямой, ни косвенной, онъ совѣтуетъ имъ вести себя такъ, чтобъ могли заслужить снисхожденіе императора. Молодой Валевскій, отъѣзжая въ Польшу, былъ также у него съ вопросомъ, можетъ ли онъ, пріѣхавши въ Варшаву, подать своимъ соотечественникамъ надежду на нѣкоторую подпору со стороны французскаго правительства, и что онъ долженъ сказать кн. Чарторыйскому. Себастіани увѣрялъ Поццо, будто отвѣчалъ и ему то же, что первому и не подалъ никакой надежды. По донесеніямъ Поццо, въ Парижѣ въ это время было не болѣе 38 поляковъ, которые собирались въ неопредѣленное время, и въ одно изъ такихъ собраній Волицкій привелъ всѣхъ въ отчаяніе, объявивъ, что неблагодарная Франція отказывается помогать ихъ дѣлу, которое потому должно погибнуть.

Но успокоительныя увѣренія министра иностранныхъ дѣлъ не вели ни къ чему, потому что въ палатѣ депутатовъ были другія рѣчи. Генералъ Ламаркъ говорилъ здѣсь 27-го января: «Пойдемъ ли мы одни вызывать на борьбу сѣверный колоссъ? Но этотъ колоссъ не можетъ долго двигаться безъ помощи Англіи. Твердыя рѣчи и искусные переговоры могутъ вывести его на путь справедливости и умѣренности. Если бы Англія и Франція, которыя имѣютъ общій интересъ въ этой великой борьбѣ, захотѣли вмѣшаться прямымъ образомъ, то нѣсколько линейныхъ кораблей, нѣсколько фрегатовъ, нѣсколько транспортовъ, пройдя Дарданеллы и Босфоръ, вошли бы въ Черное море, привели бы въ трепетъ его берега, истребили бы Севастополь и его эскадру,

Digitized by Google

Одессу и ея магазины». Такія рѣчи могли сильно раздражать, тѣмъ болѣе что на сдерживающую силу правительства нельзя было нисколько полагаться. Нѣтъ ни замысла, ни непосредственной причины къ возстанію противъ новаго короля, писалъ Поццо, но этотъ государь, съ своей стороны, нисколько не укрѣпляетъ своего положенія. Онъ ограничивается преодолѣніемъ трудностей настоящаго дня или сдѣлками съ ними, принимая толчки страстей и партій и не управляя ни одною. Настоящее министерство представляетъ собраніе посредственностей, руководимыхъ частными интересами. Президентъ Лафиттъ, человѣкъ легкомысленный, не пользующійся уваженіемъ, тщеславный, гоняющійся за популярностію, стремится изъ непослѣдовательности въ непослѣдовательность и не внушаетъ ни довѣрія, ни уваженія. Полное банкротство, которому онъ подвергся, отняло у него кредитъ финансовый и политическій за-разъ. Генералъ Себастіани, не привязанный исключительно ни къ какой партіи, желаетъ угодить всѣмъ партіямъ, служить имъ всѣмъ поодиночкѣ. Таланты его посредственные, значенія у него нѣтъ почти никакого; онъ хитеръ, безъ достаточнаго уваженія къ своему слову, безъ принциповъ. Маршалъ Сультъ—человѣкъ снѣдаемый честолюбіемъ и корыстолюбіемъ. Онъ сталъ военнымъ министромъ съ потребностію удовлетворить партіи движенія и ничего не пощадилъ для этого. Во главѣ этого совѣта находится король, желающій мира и не противящійся мѣрамъ, которыя могутъ повести къ войнѣ.

За раздражающими словами въ палатѣ слѣдовали раздражающія дѣйствія на улицахъ. Когда разнеслись вѣсти о побѣдѣ русскихъ войскъ надъ поляками, 13-го февраля толпа бросала камнями въ домъ русскаго посла и разбила окна; толпа изъ 800 школьниковъ, съ трехцвѣтнымъ знаменемъ, покрытымъ чернымъ крепомъ, съ иммортельками въ петлицахъ, послѣ рѣчи предъ Лафайетомъ, прошла съ крикомъ мимо дома, занимаемаго Поццо. Трауръ былъ по убитыхъ въ сраженіи полякамъ. Министры иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ и морской, пріѣхали къ Поццо съ выраженіями сожалѣній и увѣреніями, что будутъ приняты всѣ мѣры для обезпеченія посольскаго дома. Король и герцогъ Орлеанскій прислали съ тѣмъ же своихъ адъютантовъ.

До сихъ поръ можно было слабому королю отговариваться слабостію министерства. Но теперь министерство измѣнилось: вмѣсто ничтожнаго Лафитта, президентомъ явился сильный характеромъ Казиміръ Перье. Въ началѣ марта король говорилъ Поццо, что министерство, какъ оно измѣнилось подъ президентствомъ Казиміра Перье, есть единственная плотина, которую онъ мо-

Digitized by Google

жетъ противопоставить революціонному потоку, и если бы плотина прорвалась прежде образованія будущей палаты, то онъ, король, былъ бы первою жертвою; что судьба Франціи, его собственная и миръ Европы зависятъ отъ новыхъ выборовъ, и, несмотря на довѣріе, которое онъ питаетъ къ умѣреннымъ чувствамъ націи, онъ не можетъ однако не опасаться дѣятельности и ловкости крамольнаго меньшинства въ подобныхъ обстоятельствахъ. Въ это свиданіе Поццо нашелъ Людовика-Филиппа робкимъ и обезкураженнымъ больше обыкновеннаго. Относительно измѣненій въ министерствѣ, Поццо писалъ, что они были вызваны нудящею необходимостію. Ежедневныя жертвы, которыя Лафиттъ считалъ себя обязаннымъ приносить требованіямъ анархистовъ палаты и площади, его естественная привязанность къ партіи, съ которою онъ составлялъ заговоръ съ начала реставраціи, легкомысліе и непослѣдовательность его характера, приводили правительство къ совершенному разложенію. Ко всѣмъ этимъ неудобствамъ присоединялась связь, существовавшая между королемъ и банкиромъ — первымъ министромъ, хотя и банкротомъ, ихъ сообщничество во множествѣ публичныхъ и частныхъ дѣлъ и, слѣдовательно, неуваженіе, которое пало на того и на другого въ высшей степени. Невозможность идти далѣе по такимъ дорогамъ и крики всѣхъ честныхъ людей принудили короля и министра разстаться, и послѣдняго уступить свое мѣсто человѣку, въ которомъ умѣренная партія признавала способность установить власть на правильныхъ и дѣйствительныхъ началахъ. Прежде чѣмъ принять должность, Перье вытребовалъ указомъ право собирать совѣтъ, приготовлять здѣсь дѣла въ отсутствіе королевское, и потомъ представлять королю докладъ для полученія его одобренія. Такая предосторожность сочтена была необходимою для предупрежденія зла и смуты, происходившихъ изъ этихъ совѣтовъ кабинета, собиравшихся часто по два раза въ день, гдѣ монархъ разсуждалъ постоянно самъ и рѣдко позволялъ другимъ обсуждать дѣла, и гдѣ желаніе сообразоваться съ видами короля производило между министрами двуличность и раздѣленіе. Король покидалъ совѣтъ и удалялся къ своей камариллѣ, которою Палерояль осквернетъ больше, чѣмъ когда-либо былъ Тюльери. Дѣла здѣсь разсматриваются сызнова, такъ-что неизвѣстно, гдѣ находится настоящая власть и правительственная дѣятельность.

Но какъ бы то ни было, и новое министерство не могло привести къ соглашенію русскихъ интересовъ съ французскими, и оно, въ угоду либеральной партіи, считало нужнымъ вмѣшиваться въ польскія дѣла, чего не могла допустить Россія. Для

Digitized by Google

того, чтобы ослабить раздраженіе русскаго правительства, снять въ его главахъ вину съ Франціи, а, съ другой стороны, чтобы испугать Россію, показавши, что у нея нѣтъ союзниковъ и между самодержавными государями, Себастіани 29 марта прочелъ Поццо ноту, которую подали польскіе эмиссары Платеръ и Княжевичъ; въ этой нотѣ Поццо замѣтилъ мѣсто, изъ котораго было ясно, что Австрія внушала полякамъ, хотя и непрямымъ образомъ, что она готова присоединиться къ другимъ державамъ для предложенія своего посредничества между Россіею и Польшею. Къ этому Себастіани прибавилъ, что уже два мѣсяца тому назадъ получено извѣстіе, что Меттернихъ не перестаетъ ратовать противъ раздѣла Польши, выставляя это событіе, какъ неисправимую ошибку Кауница. Въ то же время русскій посолъ въ Лондонѣ кн. Ливенъ сообщилъ Поццо о своихъ подозрѣніяхъ, что Меттернихъ хочетъ вмѣшаться въ польскія дѣла. Поццо узналъ также, что Талейранъ занимается сочиненіемъ разныхъ проектовъ о Польшѣ.

Но въ Петербургѣ хорошо понимали, что если австрійскій канцлеръ и не упуститъ случая сдѣлать непріятность Россіи, то этотъ случай все же созданъ не въ Вѣнѣ, а въ Парижѣ, что іюльская революція измѣнила естественныя дружественныя отношенія между Россіею и Франціею, взволновала Европу, подняла Польшу, и теперь, чтобъ быть послѣдовательною, Франція должна будетъ всегда стоять за польское возстаніе, слѣдовательно будетъ всегда высказываться противъ Россіи. Въ Петербургѣ поэтому не могли не раздражаться и не высказывать своего раздраженія, тѣмъ болѣе, что молчаніе могли принять за робость. Лѣтомъ въ одномъ изъ нумеровъ «Journal de S.-Pétersbourg» появилась статья о литовскомъ возстаніи, съ указаніями на французскую іюльскую революцію и ея слѣдствія. Статья произвела сильное впечатлѣніе на французское министерство; Перье, въ чрезвычайномъ волненіи, объявилъ Поццо, что статья будетъ принята въ Парижѣ какъ оскорбленіе короля, какъ манифестъ, объявляющій войну Франціи; что такой актъ не могъ быть сдѣланъ безъ умысла, что въ немъ іюльская революція представлена причиною всѣхъ безпорядковъ, волнующихъ Европу; что въ статьѣ говорится объ обязанности Россіи изгладить всѣ бѣдствія, причиненныя либерализмомъ; объявляется, что императоръ начинаетъ исполнять эту миссію среди грома оружія и съумѣетъ выполнить ее совершенно, какъ скоро демонъ анархіи будетъ изгнанъ изъ собственнаго царства. «Этими словами, — говорилъ Перье, — императоръ объявляетъ, что послѣ подавленія польскаго мятежа Россія станетъ въ

Digitized by Google

чей всеобщей коалиціи противъ Франціи. Французская печать и многочисленные приверженцы войны и республики ухватятся за этотъ документъ и не преминутъ выставить его какъ главное обвиненіе противъ министерства, обманутаго ложными увѣреніями въ мирѣ, или измѣнившаго интересамъ отечества». Поццо отвѣчалъ, что журналъ, въ которомъ помѣщена статья, журналъ — не оффиціальный; что въ статьѣ дѣло идетъ о революціонной пропагандѣ, которая стремится разрушить всѣ троны и тронъ самого Людовика-Филиппа; что дѣло идетъ не о томъ, чтобъ идти низвергать Людовика-Филиппа, но уничтожить бѣдствія, которыя мятежъ причинилъ подданнымъ императора. Перье сказалъ на это, что объясненій, представленныхъ Поццо, публика не узнаетъ, а статьи читаетъ. «Чтобъ успокоить эту публику въ «Монитерѣ» появилась замѣтка: «Въ Journal de S.-Pétersbourg» помѣщена статья отъ 28 мая; статья такого рода, что необходимо требуетъ объясненій скорыхъ, откровенныхъ и полныхъ. Эти объясненія потребованы». Дѣйствительно въ «Journal de S.-Pétersbourg» была напечатана объяснительная статья къ той, которая такъ встревожила Перье. Но на первомъ планѣ стояли объясненія гораздо важнѣе объясненій по газетнымъ статьямъ. Въ концѣ іюня Поццо, узнавъ, что французскій кабинетъ занимается представленіями, какія хочетъ сдѣлать русскому императору въ пользу поляковъ, объявилъ министерству, что представленія эти не будутъ выслушаны и произведутъ дѣйствіе совершенно противоположное своей цѣли; Россія не уступитъ ни внушеніямъ, ни угрозамъ, одиночнымъ или коллективнымъ. Но вдругъ послѣ этого Поццо прочелъ въ газетахъ слѣдующія строки: «Переговоры, начатые Франціею по поводу Польши, обѣщаютъ результаты самые удовлетворительные». Такъ какъ не было начато никакихъ переговоровъ, а слѣдовательно не могло быть и результатовъ, то Поццо обратился къ министерству съ запросомъ; ему отвѣчали, что рѣшились на такое объявленіе для произведенія хорошаго впечатлѣнія наканунѣ выборовъ, а другой цѣли не было. Казиміръ Перье и Себастіани признались, что, принужденные необходимостію — продолжать свои добрыя услуги для прекращенія кровопролитія въ Польшѣ, они пригласили Англію присоединиться къ нимъ, чтобъ склонить императора къ принятію мѣръ, наиболѣе соотвѣтствующихъ этой цѣли. Самъ король объявилъ Поццо, что ему нельзя въ тронной рѣчи промолчать о Польшѣ, къ которой Франція выражаетъ такое сочувствіе.

Людовикъ-Филиппъ нѣсколько разъ повторялъ Поццо: «Я плотина, которая останавливаетъ потокъ: безъ меня этотъ потокъ

Digitized by Google

залилъ бы Европу». Но понятно, что Поццо, смотря на поведеніе короля, на мѣры, въ которыхъ такъ наивно признавались его министры, не могъ считать плотины очень крѣпкою; понятно, что въ Россіи не могли проникнуться уваженіемъ къ новому французскому правительству, считать вражду Людовика-Филиппа опасною, а союзъ возможнымъ и полезнымъ. Поццо писалъ: «Палата депутатовъ должна произнести свое рѣшеніе на счетъ наслѣдственнаго пэрства. Этотъ вопросъ жизненный относительно наслѣдственности трона. Шесть мѣсяцевъ король смотрѣлъ на него съ этой точки зрѣнія, и министры объявляли, что открыто будутъ его поддерживать. Достаточно было нѣсколькихъ газетъ и нѣкотораго голоса публики, который успѣли возбудить, чтобъ заставить Людовика-Филиппа и его министровъ отказаться отъ проведенія наслѣдственности. Если бы выборы обѣщали палату болѣе умѣренную и благоразумную, онъ не принялъ бы къ сердцу польскихъ интересовъ и нынѣшній годъ, какъ не принималъ ихъ прошлый; но боясь, что депутаты оппозиціи заберутъ себѣ много значенія, онъ предпочитаетъ скомпрометтировать себя передъ Россіею, чѣмъ навлечь на себя упреки въ томъ, что слишкомъ передъ нею преклоняется. Такъ смотрятъ на дѣло Перье и Себастіани, которые надѣются избѣжать войны съ нами, не совѣстясь доставлять намъ нѣкоторыя затрудненія». Но французскому правительству было въ пору имѣть въ виду только собственныя затрудненія. Когда польскіе агенты хотѣли сдѣлать заемъ во Франціи, онъ не состоялся, потому что правительство отказалось гарантировать ссуды частныхъ людей.

Въ тронной рѣчи король сказалъ, что предложилъ свое посредничество и вызвалъ посредничество великихъ державъ, что онъ хотѣлъ остановить кровопролитіе, охранить южную Европу отъ заразы (холеры) и особенно обезпечить Польшѣ ея національность. Какъ обыкновенно бываетъ, Людовикъ-Филиппъ, желая сказать угодное палатѣ и въ то же время не раздражать Россіи, не достигъ ни той, ни другой цѣли. Аплодисменты не были очень громки, ибо хотѣли, чтобъ сказано было больше. Съ другой стороны, Поццо нашелъ въ словахъ короля злонамѣренность, сантиментальное притворство и макіавеллизмъ. Онъ спросилъ у министровъ, что разумѣлось въ рѣчи подъ словами: польская національность? Ему отвѣчали, что фраза относилась къ Польшѣ, какою она была по вѣнскому договору. Поццо сказалъ на это, что императорскій кабинетъ не согласится никогда, чтобъ какая-нибудь держава вмѣшалась въ дѣло Польши, какъ бы Польшу ни называли, королевствомъ или національю. Узнавши, что коммиссія

Digitized by Google

адреса въ палатѣ депутатовъ намѣрена высказаться въ пользу признанія Польши, Поццо объявилъ Перье и Себастіани, что хотя онъ аккредитованъ при королѣ, а не при палатахъ, однако не можетъ не смотрѣть на подобный поступокъ палаты, какъ на предвѣстіе разрыва между Россіею и Франціею. Министры отвѣчали, что они употребятъ всѣ свои силы, чтобъ воспрепятствовать палатѣ высказаться такимъ образомъ, и въ случаѣ неудачи скорѣе выйдутъ изъ министерства, чѣмъ допустятъ такую враждебную демонстрацію. Король подтвердилъ это объявленіе министровъ.

Англія, Австрія, Пруссія не приняли предложенія Франціи представить Россіи свое посредничество въ дѣлахъ польскихъ. Несмотря на то, 19 августа Поццо далъ знать въ Петербургъ, что французскій кабинетъ снова обратился въ Лондонъ съ предложеніемъ сдѣлать, не теряя времени, представленія фельдмаршалу Паскевичу, дабы спасти Варшаву—или отъ ужасовъ приступа, или отъ ужасовъ голода. Сообщая объ этомъ Поццо, Себастіани прибавилъ, что это была *только одна лишняя бумага въ процессъ;* прибавлялась она съ цѣлью доказать палатѣ депутатовъ и націи, что правительство не пренебрегло никакимъ находившимся въ его власти средствомъ для отклоненія бѣдствій, которыя должны были родиться отъ сопротивленія поляковъ. Поццо, разумѣется, долженъ былъ повторить обычный отвѣтъ, что Россія отвергаетъ безусловно всякое вмѣшательство.

Чрезъ нѣсколько времени старый дипломатъ опять былъ оскорбленъ явленіемъ, выходившимъ изъ обычныхъ формъ. Генералъ Себастіани прочелъ съ трибуны палаты депутатовъ нѣсколько мѣстъ изъ депешъ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Петербургѣ (Bourgoing). Собственно эти мѣста не заключали въ себѣ ничего, что могло бы подвергнуться неодобренію императорскаго кабинета, но публичность, имъ сообщенная, разсуждалъ Поццо, должна служить предостереженіемъ—ничего не сообщать представителямъ Франціи, что по существу своему должно оставаться тайною, ибо каждый разъ, какъ министръ сочтетъ согласнымъ съ своимъ личнымъ интересомъ сдѣлать употребленіе изъ этихъ сообщеній предъ палатою, то онъ не будетъ удержанъ отъ этого никакимъ другимъ соображеніемъ.

Наконецъ, Варшава была взята, польскія волненія прекращены. Описывая впечатлѣнія, произведенныя на Парижъ этими событіями, Поццо говорилъ: «Парижъ проведетъ нѣсколько времени спокойно послѣ пароксизма, имъ испытаннаго; но причина новаго волненія будетъ существовать всегда. Король упалъ въ

Digitized by Google

мнѣнія всѣхъ партій; правда, ни одна партія не имѣетъ достаточно силъ для господства, тогда какъ всѣ вмѣстѣ своею оппозиціею содѣйствуютъ параличу правительственнаго дѣйствія. Никто не основываетъ своихъ идей, своихъ надеждъ или своихъ интересовъ на твердости настоящаго положенія. Однако никто также не идетъ прямо противъ него, ибо нѣтъ никакого плана новаго правительства, которымъ бы можно было замѣнить настоящее. Республика есть синонимъ анархіи; сынъ Наполеона служитъ болѣе предлогомъ, чѣмъ намѣреніемъ; Генрихъ V-й еще слишкомъ страдаетъ отъ непопулярности своихъ и возрастъ его препятствуетъ провозглашенію его вождемъ, — такъ что эти различныя партіи движутся, но не идутъ къ извѣстной цѣли и тревожатъ правительство, не думая его ниспровергнуть. Власть, такимъ образомъ поставленная, можетъ продолжать существованіе и не будучи сильною. Власть Людовика-Филиппа менѣе всего сильна, ибо лицо, облеченное ею, далеко не пользуется уваженіемъ. Невозможно выразить личнаго неуваженія, которое постигаетъ короля день ото-дня все болѣе и болѣе. Это паденіе можетъ не препятствовать его существованію, но оно страшно вредитъ его авторитету. Происхожденіе новой монархіи, природа самозванныхъ учрежденій, которыя ее условливали, природная надменность всякой популярной революціи, слабость авторитета противъ демагоговъ, нетерпѣливыхъ и неспособныхъ остановиться, бѣшенство трибуны и печати и характеръ монарха — робкій, неопредѣленный и площадной — дѣлаютъ изъ всего этого сборища что-то неспособное къ общенію съ древними государствами Европы. Людовикъ-Филиппъ чувствуетъ, что его терпятъ какъ неизбѣжную необходимость, но онъ не смѣетъ льстить себя надеждою, что его считаютъ способнымъ внушать ту степень довѣрія, благодаря которой государи постоянно сообщаютъ другъ другу свои надежды и опасенія и вмѣстѣ ведутъ свои дѣла. Изъ всѣхъ государствъ, которыя причиняютъ ему наиболѣе безпокойства, Россія на первомъ планѣ; я думаю даже, что онъ не свободенъ отъ ненависти и недоброжелательства къ ней. Эти чувства раздѣляются революціонною толпою и всѣми вождями. Печать возбуждаетъ и усиливаетъ это расположеніе: она выдумываетъ клеветы — самыя ужасныя, и факты — самые безразсудные, къ которымъ, несмотря на то, относятся съ полнымъ довѣріемъ. Противъ насъ высказаны самыя страшныя злоумышленія, прямо проповѣдуются возмущеніе и убійство. Люди, власть имѣющіе, не смѣютъ тронуть этихъ проповѣдниковъ. Такое злоумышленіе не вредитъ нашимъ интересамъ, — оно даже возвышаетъ наше достоинство; но мы

Digitized by Google

должны смотрѣть, какъ на своихъ враговъ, на всѣхъ тѣхъ, кто имѣетъ какое-нибудь вліяніе здѣсь, будь то правительство, или оппозиція».

Такимъ образомъ, самъ Поццо объявилъ невозможною ту связь между Россіею и Франціею, для утвержденія которой былъ отправленъ въ Парижъ императоромъ Александромъ I-мъ. Отозваніе Поццо и послѣдовавшій затѣмъ полу-разрывъ между Россіею и Франціею былъ необходимымъ послѣдствіемъ приведеннаго донесенія Поццо, — донесенія не голословнаго, но обставленнаго выпуклыми фактами.

С. Соловьевъ.

Digitized by Google

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Май, 1879.

I.

— *В. Гольцевъ*, Государственное хозяйство во Франціи XVII вѣка. Москва, 1878.
— *Н. Карѣевъ*, Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка. Москва, 1879.

Обѣ названныя выше книги принадлежатъ къ числу тѣхъ произведеній, которыя въ послѣднее время, благодаря дѣятельности нашихъ молодыхъ ученыхъ (гг. Посникова, М. Ковалевскаго, Чупрова, Янжула, Муромцева и др.), все чаще и чаще стали появляться въ нашей литературѣ—произведеній строго научныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ полныхъ практическаго интереса, одинаково удачныхъ и по выбору тэмы, и по ея обработкѣ. Исторія Франціи въ XVII и XVIII в. представляетъ много сторонъ, изученіе которыхъ важно не для однихъ только французовъ, много точекъ соприкосновенія съ прошедшимъ и настоящимъ—а слѣдовательно и съ будущимъ—другихъ европейскихъ государствъ, не исключая и Россіи. Къ очерку государственнаго хозяйства во Франціи при Генрихѣ IV, Людовикѣ XIII и Людовикѣ XIV, г. Гольцевъ безъ всякой натяжки могъ присоединить, въ видѣ параллели, очеркъ государственнаго хозяйства въ московскомъ царствѣ XVII-го вѣка; эта параллель могла бы быть проведена и дальше, могла бы дойти, по нѣкоторымъ вопросамъ, даже до нашего времени. Г-нъ Карѣевъ, говоря о крестьянскомъ вопросѣ во Франціи XVIII-го вѣка, не останавливается непосредственно на исторіи его у насъ въ Россіи; но аналогія между обоими предметами часто такъ велика, что бросается въ глаза сама собою. Мы далеки отъ мысли, чтобы каждый ученый трудъ долженъ былъ имѣть публицистическую подкладку или давать матеріалъ для практическихъ выводовъ; но если

Digitized by Google

этотъ элементъ входитъ въ составъ книги, нисколько не умаляя ея научнаго достоинства, то значеніе ея, по крайней мѣрѣ для большинства читателей, увеличивается несомнѣнно.

Въ предисловіи къ своей книгѣ г. Гольцевъ, совершенно основательно настаивая на необходимости и важности *историческаго* элемента въ наукѣ о финансахъ или о государственномъ хозяйствѣ, опредѣляетъ содержаніе этой науки слѣдующимъ образомъ: „изученіе послѣдовательныхъ измѣненій въ расходахъ и экономическомъ законодательствѣ государства, въ его доходахъ и финансовомъ устройствѣ — иначе говоря, *государство въ исторіи съ экономической точки зрѣнія*". Сообразно съ этимъ, онъ дѣлитъ свое изслѣдованіе на три главныя части: первая обнимаетъ экономическое законодательство и государственные расходы, вторая—финансовое управленіе и государственные доходы, третья—высшія финансовыя учрежденія и право налоговъ. Въ четвертой, добавочной части разсматривается, съ тѣхъ же точекъ зрѣнія, государственное хозяйство московскаго государства. Въ теоретическомъ отношеніи далеко не безспорнымъ кажется намъ соединеніе въ одно цѣлое такихъ разнородныхъ предметовъ, какъ экономическое законодательство и государственные расходы, или даже включеніе перваго изъ нихъ въ составъ науки о финансахъ или о государственномъ хозяйствѣ. Собирая доходы, производя расходы, опредѣляя, тѣмъ или другимъ путемъ, количество и родъ ихъ, организуя финансовое управленіе, государство дѣйствуетъ какъ хозяинъ въ полномъ смыслѣ слова, и между всѣми отраслями этой дѣятельности существуетъ такая тѣсная связь, которая оправдываетъ или, лучше сказать, дѣлаетъ необходимымъ совокупное обозрѣніе ихъ, какъ одного цѣлаго. Объ экономическомъ законодательствѣ, т.-е. о регламентаціи государствомъ, въ бо́льшей или меньшей степени, экономической жизни народа, нельзя сказать того же самаго; здѣсь государство ограничивается косвеннымъ вліяніемъ, ничего непосредственно не предпринимаетъ, а только направляетъ или поощряетъ, сдерживаетъ или стѣсняетъ частную предпріимчивость. Мѣсто для изученія этого вліянія — скорѣе въ политической экономіи, чѣмъ въ наукѣ о финансахъ. Еще менѣе основанія связывать экономическое законодательство именно съ государственными расходами; оно имѣетъ по крайней мѣрѣ столько же отношенія къ государственнымъ доходамъ, изъ числа которыхъ таможенный сборъ, напримѣръ, часто соединяетъ въ себѣ характеръ фискальный съ покровительственнымъ. Мы не придаемъ, впрочемъ, большого значенія этимъ замѣчаніямъ, потому что признаемъ, согласно съ г. Гольцевымъ, что отдѣльныя отрасли государствовѣдѣнія и обществовѣдѣнія не имѣютъ въ настоящее время рѣзко и строго опредѣленныхъ границъ, что наука

Digitized by Google

о государственномъ хозяйствѣ тѣсно примыкаетъ съ одной стороны къ политической экономіи, съ другой—къ общему ученію о государствѣ. Вопросъ о точномъ разграниченіи наукъ или отдѣловъ одной и той же науки есть преимущественно вопросъ практическаго удобства, и разрѣшеніе его въ томъ или другомъ смыслѣ не имѣетъ большого вліянія на достоинство научнаго труда. Мы возбудили его только потому, что г. Гольцевъ, не ограничиваясь примѣненіемъ своей программы къ настоящему своему изслѣдованію, видитъ въ ней вообще лучшій способъ систематическаго дѣленія науки о государственномъ хозяйствѣ.

XVII-й вѣкъ застаетъ Францію только-что начинающею поправляться послѣ разоренія, въ которое ее повергли религіозныя войны. Короткіе промежутки мира и правильнаго (относительно) управленія смѣняются, въ продолженіи всего столѣтія, длинными періодами войнъ, внутреннихъ смутъ и административныхъ безпорядковъ и злоупотребленій. Собственно говоря, сколько-нибудь легко дышалось народу во все это время только при Генрихѣ IV-мъ, послѣ окончательнаго утвержденія его власти. При Кольберѣ было много внѣшняго блеска, но мало истиннаго благосостоянія. Немногія, сравнительно, мѣры, шедшія въ пользу народа, парализовались уступками, которыя сильный, но далеко не всемогущій министръ долженъ былъ дѣлать расточительности короля, его страсти къ завоеваніямъ и роскоши. Государственные расходы, въ началѣ XVII-го вѣка не превышавшіе десяти милліоновъ, уже въ 1679 г. составляли болѣе ста милліоновъ ливровъ [1]). Еще важнѣе, чѣмъ увеличеніе расходовъ, было измѣненіе въ распредѣленіи ихъ по предметамъ. При Генрихѣ IV-мъ, въ 1609 г., расходъ на пути сообщенія—самый производительный и полезный изъ тогдашнихъ государственныхъ расходовъ, такъ какъ на народное образованіе и народное здоровье не тратилось въ то время ничего или почти ничего—составлялъ около 8% всего государственнаго бюджета (круглыми цифрами—1.150,000 ливровъ изъ 14.700,000); расходъ на постройки, между которыми были и общеполезныя — около 4½% (633,000 л.). Благодаря этому, число проѣзжихъ дорогъ при Генрихѣ IV-мъ значительно возросло, качество ихъ улучшилось, такъ что по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, конечно, преувеличенному, для путей сообщенія сдѣлано было все возможное и оставалось только поддерживать сдѣланное. Въ первые годы послѣ смерти Генриха, правительство слѣдуетъ его пре-

[1]) При этомъ слѣдуетъ, однако, принять въ соображеніе упадокъ цѣнности денегъ. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ г. Гольцевымъ, ливръ временъ Генриха IV-го стоилъ 3 фр. 66 сант. на монету тридцатыхъ годовъ нашего столѣтія; ливръ 1628 г. 2 фр. 40 с.; 1640 г.—2 фр. 1 с.

Digitized by Google

давіямъ, но непроизводительные расходы — въ особенности, кромѣ военныхъ издержекъ, пенсіи и подарки придворнымъ и любимцамъ короля [1]),—растутъ съ такою быстротою, что для расходовъ производительныхъ остается все меньше и меньше мѣста. Пятнадцать лѣтъ спустя, на пути сообщенія тратится уже, вмѣсто милліона, около 10 тысячъ ливровъ. При Людовикѣ XIV-мъ, во время управленія Кольбера, въ мирный 1663-й годъ тратится на пути сообщенія около 150,000 л., при бюджетѣ въ 47 милліоновъ (1/300/0), въ военный 1673-й годъ—около 40,000, при бюджетѣ въ 98 милліоновъ (менѣе 1/1000/0!). Въ 1675-мъ году, наконецъ, они не стоютъ правительству ни одного су. Во все время управленія Кольбера (1662—1683) израсходовано было болѣе двухъ милліардовъ франковъ, изъ которыхъ армія поглотила болѣе 1.100 милліоновъ, пенсіи, подарки и т. п. — почти 175 милліоновъ; на пути сообщенія и на сооруженіе лангедокскаго канала израсходовано, въ тотъ же промежутокъ времени, менѣе 12 милліоновъ. Неудивительно, что къ концу XVII-го вѣка большая часть мостовъ и наиболѣе важныя дороги Франціи, по свидѣтельству современниковъ, стали непроѣзжими; неудивительно также, что масса народа впала въ ту нищету, въ то полу-дикое состояніе, которыя увѣковѣчены знаменитымъ описаніемъ ла-Брюйера и протестами Вобана и Буагильбера.

Для покрытія громадныхъ непроизводительныхъ расходовъ постоянно увеличивались налоги, почти всей тяжестью своею ложившіеся на массу населенія, т.-е. на бѣднѣйшіе его классы. Не перечисляя главныхъ видовъ налога, соперничествовавшихъ между собою въ обременительности и несправедливости [2]), мы остановимся только на двухъ фактахъ, весьма характеристичныхъ. Къ числу привилегій высшихъ классовъ во Франціи, при старомъ порядкѣ вещей, принадлежало, какъ извѣстно, освобожденіе, болѣе или менѣе полное, отъ прямыхъ налоговъ; но менѣе извѣстно то, что попытки отмѣнить эту привилегію были дѣлаемы уже при Людовикѣ XIV-мъ. Само собою разумѣется, что онѣ были вызваны не чувствомъ справедливости, не стремленіемъ облегчить положеніе народа и смягчить неравенство между отдѣльными его слоями: въ основаніи ихъ ле-

---

[1]) Уже въ 1609 г. эти двѣ статьи, вмѣстѣ взятыя, составляли около 25% всего бюджета (3,740,000 л.); но въ оправданіе Генриха IV-го нужно замѣтить, что ему приходилось платить многимъ изъ бывшихъ лигёровъ, за ихъ покорность.

[2]) Большинство нашихъ читателей знакомо, безъ сомнѣнія, съ сочиненіемъ Тэна: „Les origines de la France contemporaine", въ первомъ томѣ котораго (отдѣлъ 5-й, „le Peuple") начертана съ поразительною яркостью картина французской податной системы и практики въ XVIII-мъ вѣкѣ. При Людовикѣ XIV-мъ положеніе дѣлъ, въ главныхъ чертахъ, было точно такое же.

Digitized by Google

жалъ исключительно финансовый и политическій мотивъ — необходимость найти во что бы то ни стало новыя средства для пополненія опустѣвшей казны и для продолженія военныхъ дѣйствій. Въ 1695 г. введена была, въ видѣ временной мѣры, поголовная подать (capitation)—нѣчто въ родѣ класснаго налога, теперь существующаго въ Пруссіи и проектированнаго-было недавно нашею податною комиссіею. Всѣ французы, за исключеніемъ бѣднѣйшихъ, были раздѣлены на двадцать два класса, по общественному положенію. Къ первому классу былъ отнесенъ дофинъ (наслѣдникъ престола), платившій 2,000 л.; низшимъ размѣромъ налога было 20 су. Въ предисловіи къ ордоннансу, установлявшему поголовную подать, король почти извинялся за ея введеніе, мотивировалъ ее опасностью, угрожающею Франціи, обѣщалъ отмѣнить ее послѣ войны и не прибѣгать болѣе къ подобнымъ мѣрамъ. Несмотря на всѣ эти объясненія и обѣщанія, дворянство и духовенство встрѣтили новый налогъ съ величайшимъ негодованіемъ, между тѣмъ какъ парижская прислуга, обиженная исключеніемъ ея изъ числа французовъ, помогающихъ государству въ трудную минуту, требовала распространенія на нее поголовной подати. Черезъ три съ небольшимъ года поголовная подать была отмѣнена, но въ 1701 г., при началѣ войны за испанское наслѣдство, опять возстановлена и, вопреки обѣщанію, не отмѣнена послѣ утрехтскаго мира. Дворянство, духовенство, судебное сословіе, наиболѣе зажиточная часть буржуазіи съумѣли освободиться отъ поголовной подати вполнѣ или почти вполнѣ, между тѣмъ какъ народъ платилъ ее все въ бо́льшемъ и бо́льшемъ размѣрѣ [1]). Та же исторія повторилась съ другимъ всесословнымъ налогомъ—десятичнымъ сборомъ (dixième — не называемъ его десятиной, такъ какъ этимъ выраженіемъ переводится обыкновенно слово dîme, т.-е. сборъ десятой части въ пользу духовенства), потомъ уменьшеннымъ на половину (vingtième). Это былъ настоящій подоходный налогъ, распространенный сначала безъ изъятія на всѣхъ и на все. Онъ былъ установленъ въ 1710 г., когда положеніе Франціи было почти отчаянное, когда непріятель вступалъ уже въ ея предѣлы. Король долго не рѣшался на эту мѣру;

---

[1]) Заимствуемъ у г. Карѣева, сочиненіе котораго въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ служитъ какъ-бы продолженіемъ книги г. Гольцева, слѣдующія данныя по этому предмету. Восемьдесятъ лѣтъ спустя послѣ установленія поголовной подати тѣ дворяне, которымъ не удалось освободиться отъ нея совершенно, платили только 1/4 или даже 1/8 первоначальнаго сбора—а для лицъ низшихъ сословій размѣръ сбора увеличился въ 10 разъ! По вычисленію средняго сословія въ одной изъ провинцій, передъ революціей, дворяне платили въ видѣ капитаціи около одной сотой части своего дохода, а крестьяне—около одной одиннадцатой. А между тѣмъ, на крестьянинѣ лежало еще множество другихъ налоговъ, отъ которыхъ былъ свободенъ дворянинъ.

Digitized by Google

чтобы убѣдить его, потребовалось одобрительное мнѣніе Сорбонны, признавшей все имущество частныхъ лицъ собственностью государства. Колебанія Людовика XIV-го понятны: „введеніемъ подоходной подати, на началѣ равенства всѣхъ подданныхъ—говоритъ г. Гольцевъ — феодально-монархическій міръ отрекся отъ своихъ принциповъ, въ первый разъ призналъ себя побѣжденнымъ. Сенъ-Симонъ сообщаетъ, что подобнаго рода проекты появлялись и прежде: Вобанъ, Буатильберъ видѣли въ поимущественной и подоходной подати спасеніе государства; но, прибавляетъ знаменитый герцогъ, финансисты тогда дрожали, министровъ бросило въ краску, съ какимъ проклятіемъ предложеніе было отклинуто! А теперь это *кровавое дѣло* (sanglante affaire) уже не предложеніе: Циклопъ-Демарэ (Демарэ — тогдашній министръ финансовъ) и бюро людоѣдовъ — финансовый совѣтъ—провели налогъ, который долженъ пасть даже на потомковъ Карла-Великаго, раскрыть ихъ дѣйствительныя средства или жестоко наказать за неправильную оцѣнку имущества. Духовенство также возстало противъ *dixième*, и король, объявивъ, что церковныя земли, какъ назначенныя на издержки богослуженія и пропитанія бѣдныхъ, свободны, въ принципѣ, отъ всякихъ податей, удовольствовался чрезвычайнымъ добровольнымъ даромъ (don gratuit) въ восемь милліоновъ. Примѣру духовенства послѣдовали многія корпораціи, города, даже цѣлыя провинціи, откупившіеся отъ новаго налога единовременнымъ взносомъ. Кто изъ привилегированныхъ лицъ не достигъ совершеннаго изъятія отъ налога, тотъ съумѣлъ, по крайней мѣрѣ, значительно понизить для себя его цифру. По словамъ Тэна, принцы крови платили, въ послѣдней четверти XVIII-го вѣка, менѣе 200,000 ливровъ, вмѣсто 2.400,000; уменьшеніе нормальнаго размѣра на половину было, въ рядахъ дворянства, общимъ правиломъ.

Несмотря на крайнее напряженіе платежныхъ силъ народа, правительство Людовика XIV-го постоянно нуждалось въ деньгахъ и не стѣснялось въ выборѣ средствъ для добыванія ихъ. Къ числу самыхъ обыкновенныхъ рессурсовъ принадлежала продажа должностей, ухудшеніе монеты, отчужденіе государственныхъ имуществъ, наконецъ—заключеніе займовъ. Кольберъ былъ горячимъ противникомъ этого послѣдняго средства, и въ первыя десять лѣтъ его управленія ему удалось обойтись безъ займовъ; но когда началась война съ Голландіей, въ государственномъ совѣтѣ побѣдило противоположное мнѣніе перваго президента Ламуаньона, и былъ назначенъ новый выпускъ рентъ. По окончаніи засѣданія совѣта Кольберъ обратился къ Ламуаньону съ горькими упреками, настаивая на томъ, какъ опасно открывать королю, съ характеромъ Людовика XIV-го, полную воз-

Digitized by Google

можность производить неограниченныя траты. „Вы отвѣтите за это передъ націей и потомствомъ“, заключилъ Кольберъ. Послѣдствія оправдали его опасенія. Въ концѣ XVI-го столѣтія государственный долгъ Франціи составлялъ менѣе 300 милліоновъ ливровъ; при Генрихѣ IV-мъ онъ значительно уменьшился, а въ годъ смерти Людовика XIV-го, несмотря на нѣсколько банкротствъ, дошелъ, по разсчету однихъ писателей, почти до трехъ, по разсчету другихъ—до двухъ милліардовъ ливровъ. Чтобы помѣстить нѣкоторые изъ займовъ, правительство устраивало лотереи; въ предисловіяхъ къ эдиктамъ говорилось, что король желаетъ этимъ способомъ дать своимъ подданнымъ случай просто и пріятно обогатиться. Иногда правительство обращалось и къ принудительному распредѣленію выпускаемыхъ рентъ. Всего интереснѣе и оригинальнѣе былъ слѣдующій маневръ: когда въ концѣ царствованія Людовика XIV-го кассовые билеты (одинъ изъ видовъ неутвержденнаго займа) упали до 30% ихъ нарицательной цѣны, „Демарэ составляетъ планъ заманчивой лотереи и *забываетъ* этотъ планъ на столѣ. Лакеи спѣшатъ продать барскій секретъ капиталистамъ; тѣ бросаются на кассовые билеты (забытый на столѣ проектъ допускалъ уплату ими за билеты фантастическаго займа). Кассовые билеты быстро поднимаются въ цѣнѣ. Самуилъ Бернаръ (банкиръ), посвященный въ тайныя намѣренія генеральнаго контролера, пускаетъ въ обращеніе цѣлую массу новыхъ, негласно приготовленныхъ билетовъ. Проектъ лотереи бросается, разумѣется, подъ столъ, *бернардинки* (les bernardines) теряютъ половину своей цѣны, сотни людей разорены — но въ казнѣ явились хоть на нѣсколько часовъ столь нужныя ей деньги“.

Отличительными чертами финансоваго управленія, приводившаго къ такимъ результатамъ, были полный произволъ и полная безконтрольность; мѣстное самоуправленіе ограничивается все больше и больше; генеральные штаты съ 1614 г. не созываются; декларація 1673 г. лишаетъ парламенты права отказывать въ регистраціи, т.-е. въ принятіи къ исполненію, королевскихъ эдиктовъ; попытки парижской счетной палаты положить предѣлъ назначенію пенсій остаются безуспѣшными. Списокъ доходамъ и расходамъ (état au vrai) составляетъ тайну короля и генеральнаго контролера; государственный совѣтъ сохраняетъ только значеніе совѣщательнаго учрежденія. Сумма расходовъ, дѣйствительно произведенныхъ, почти постоянно превышаетъ смѣту—въ 1670 г. на восемь, въ 1671 г. на пятнадцать, въ 1675 г. на двадцать милліоновъ,—а между тѣмъ на пути сообщенія тратится меньше и безъ того уже скудной ассигновки. Отчетность запутана до крайности, для раскрытія злоупотребленій учреждаются чрезвычайные суды, но попадаются только мелкіе воришки, а болѣе круп-

Digitized by Google

ные грабители отодвигаются лишь на нѣкоторое время въ сторону отъ двора или получаютъ помилованіе за опредѣленную сумму денегъ, идущую на пополненіе государственныхъ доходовъ. Въ заключеніе своего историческаго очерка, г. Гольцевъ приводитъ слѣдующія слова одного французскаго писателя: „où manque un contrôle législatif périodique, indépendant, minutieux, il n'y a pas de finances".

Очеркъ хозяйства московскаго государства въ XVII-мъ вѣкѣ по необходимости вышелъ у г. Гольцева менѣе яркимъ и опредѣленнымъ, чѣмъ очеркъ французскаго государственнаго хозяйства той же эпохи; это объясняется меньшею полнотою наличнаго матеріала, особенно цифроваго, статистическаго. Первыя уцѣлѣвшія свѣдѣнія о государственныхъ расходахъ Россіи относятся, напримѣръ, лишь къ 1710-му г. Главное различіе между Россіей и Франціей XVII-го вѣка заключается, съ одной стороны, въ мѣрѣ природныхъ и пріобрѣтенныхъ богатствъ, уже тогда несравненно болѣе значительной во Франціи, чѣмъ въ Россіи; съ другой стороны, въ степени развитія государственнаго и сословнаго строя, сложнаго и уже довольно утонченнаго во Франціи, грубаго и сравнительно простого въ Россіи. Сходство между обоими государствами г. Гольцевъ видитъ прежде всего во внѣшней судьбѣ ихъ; начало XVII-го столѣтія было для Россіи такимъ же временемъ крайняго истощенія и разоренія, какъ конецъ XVI-го столѣтія для Франціи; затѣмъ слѣдуютъ и тамъ, и тутъ изнурительныя войны, требующія тяжелыхъ жертвъ отъ народа. Производительно расходуется въ Россіи еще меньшая часть государственныхъ доходовъ, чѣмъ во Франціи; для путей сообщенія не дѣлается, можно сказать, ничего, такъ что, при обильномъ урожаѣ въ одной части государства, въ другой части свирѣпствуетъ голодъ, за невозможностью перевозки хлѣба. Возвышать налоги въ такой пропорціи, какъ это дѣлалось во Франціи, не позволяетъ народная бѣдность, но правительство всячески старается увеличить свои средства: то объявляетъ нѣкоторые товары заповѣдными, то налагаетъ двойную пошлину на всѣ предметы торговли, то ухудшаетъ монету, то приравниваетъ мѣдныя деньги къ серебрянымъ, то возвышаетъ непомѣрно налогъ на соль. Большихъ займовъ правительство заключить не можетъ, за неимѣніемъ кредита; но когда представляется удобный случай, оно прибѣгаетъ и къ этому средству — занимаетъ 20,000 рублей у англійскаго посольства въ 1619 г.; проситъ денегъ въ займы, въ 1618 г., у персидскаго шаха; въ 1657 г. — у венеціанской республики. Экономія въ расходованіи полученныхъ съ большимъ трудомъ денегъ въ Россіи была такъ же не въ модѣ, какъ и во Франціи; сытный дворъ, по словамъ Котошихина, выдавалъ ежедневно около 100 ведеръ вина, отъ 400 до 500 ведеръ пива и меду; кормовый дворъ отпускалъ ежедневно до 3,000

Digitized by Google

блюдъ; на царскихъ конюшняхъ содержалось до 40,000 лошадей. „Московскій государь", говоритъ г. Гольцевъ, „не имѣя возможности раздавать пенсіоны, какъ дѣлалъ французскій король, кормилъ, поилъ и одѣвалъ своихъ придворныхъ". Контроля въ Россіи было не больше, чѣмъ во Франціи. Земскіе соборы въ XVII в. еще созывались, но, „утверждая чрезвычайные налоги на чрезвычайные случаи, не имѣли нималѣйшаго контроля надъ употребленіемъ полученныхъ такимъ образомъ суммъ". Административный контроль, какъ тамъ, такъ и здѣсь, рѣшительно не достигалъ своей цѣли.

Мы говорили до сихъ поръ только о тѣхъ отдѣлахъ книги г. Гольцева, которые касаются финансовъ въ собственномъ смыслѣ слова. Обзоръ экономическаго законодательства, торговой и промышленной политики французскаго правительства отличается меньшею отчетливостью и полнотою, можетъ быть именно потому, что связь его съ главнымъ содержаніемъ книги болѣе внѣшняя, чѣмъ внутренняя. Всего интереснѣе здѣсь параллель, проведенная г. Гольцевымъ между мѣрами Кольбера и Петра Великаго. Подобно тому, какъ Кольберъ опредѣлялъ длину и ширину ткани, ея цвѣтъ, рисунокъ, добротность, Петръ Великій предписываетъ и какъ приготовлять юфть, и какой ширины дѣлать полотно, повелѣваетъ готовить въ Вологдѣ *хорошую* икру, запрещаетъ, подъ опасеніемъ жестокаго истязанія, строить рѣчныя суда по старой формѣ. Схожи, по замѣчанію г. Гольцева, оказались и послѣдствія: нѣкоторыя отрасли производства привились въ странѣ, но со смертью Петра, какъ и со смертью Кольбера, искусственно вызванное развитіе пріостановилось, многія мануфактуры погибли, а вредъ отъ крайностей регламентаціи чувствовался еще долго.

Сочиненіе г. Карѣева превосходитъ книгу г. Гольцева многосторонностью изслѣдованія и самостоятельностью выводовъ, не уступая ей по важности поднятыхъ вопросовъ. Эпоха Людовика XIV-го разработана французскими писателями съ такою подробностью и полнотою, что г. Гольцеву по неволѣ приходилось бо́льшею частью только пользоваться ихъ трудами и соглашаться съ ихъ заключеніями; о предметѣ, избранномъ г. Карѣевымъ, нельзя сказать того же самаго. Авторъ часто долженъ былъ обращаться къ первымъ источникамъ, изучать не только напечатанные, но и неизданные еще матеріалы, просматривать рукописи, хранящіяся во французскомъ государственномъ архивѣ и парижской національной библіотекѣ. На этомъ пути ему угрожала опасность запутаться въ мелочахъ, нагрузить свою книгу массой фактическихъ деталей, важныхъ, можетъ быть, для французскихъ ученыхъ, но лишенныхъ всякаго значенія для огром-

Digitized by Google

ваго большинства русскихъ читателей. Г-нъ Карѣевъ съумѣлъ избѣжать этой опасности; кое-гдѣ изложеніе его могло бы быть покороче, но, вообще говоря, существенное строго отдѣлено имъ отъ несущественнаго, и книга его читается съ большимъ интересомъ. Она обнимаетъ собою промежутокъ времени между вступленіемъ на престолъ Людовика XVI-го и разгаромъ революціи (1774—93), затрогивая предъидущую эпоху лишь въ случаѣ необходимости. Задачу свою самъ г. Карѣевъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „я ограничился изслѣдованіемъ, во-первыхъ, взаимныхъ отношеній между крестьянами, съ одной стороны, и сеньорами, буржуазіей, королевской властью—съ другой; во-вторыхъ, изображеніемъ общаго состоянія земледѣльческаго сословія; въ-третьихъ, разсмотрѣніемъ постановки крестьянскаго вопроса и его рѣшенія". Изъ трехъ главныхъ предметовъ изслѣдованія г. Карѣева—положенія крестьянъ въ государствѣ, результатовъ такого положенія и реформы—мы остановимся на послѣднемъ, какъ наименѣе извѣстномъ; замѣтимъ только, что въ отдѣлѣ, посвященномъ положенію крестьянъ въ государствѣ, особеннаго вниманія заслуживаетъ глава о взаимныхъ отношеніяхъ буржуазіи и крестьянства. Большинство авторовъ, писавшихъ о до-революціонной Франціи, занимались преимущественно вопросомъ объ отношеніи крестьянъ къ правительству, дворянству и духовенству; вопросъ объ отношеніи ихъ къ буржуазіи сравнительно менѣе разработанъ, и подробное разсмотрѣніе его составляетъ одну изъ заслугъ г. Карѣева.

„Если бы мы стали искать во французской литературѣ прошлаго вѣка"—говоритъ г. Карѣевъ—„выраженія: *крестьянскій вопросъ*, то поиски наши оказались бы тщетными; крестьянскій вопросъ, какъ таковой, какъ вопросъ о крестьянскомъ сословіи, его бытѣ, нуждахъ, интересахъ и т. п., не существовалъ. Я не хочу сказать этимъ, чтобы публицистика, общество, правительство совершенно игнорировали крестьянство; напротивъ, никогда, можетъ быть, имъ во Франціи не занимались столько, какъ въ послѣдней половинѣ XVIII-го вѣка; но замѣчательно то, что занимались сельскимъ населеніемъ бо́льшею частью, такъ-сказать, попутно, при разсмотрѣніи другихъ общественныхъ вопросовъ, такъ что элементы, которые могли бы составить изъ себя крестьянскій вопросъ, не выдѣлялись изъ другихъ вопросовъ, чтобы соединиться въ одинъ, крестьянскій". Объясненіемъ этого факта, по мнѣнію г. Карѣева, служитъ прежде всего абстрактный, апріорный характеръ французской литературы и вообще французской мысли въ XVIII-мъ вѣкѣ, такъ мѣтко и ярко обрисованный, съ разныхъ точекъ зрѣнія, Токвилемъ и Тэномъ. Отыскивая вездѣ и во всемъ такъ-называемый естественный законъ или порядокъ (ordre naturel) и дѣлая затѣмъ изъ него—т.-е. изъ предположеній, за

Digitized by Google

него принимаемыхъ,—строго логическіе выводы, теоретики (а теоретиками въ это время были почти всѣ) мало обращали вниманія на факты дѣйствительной жизни. Французскій крестьянинъ былъ для нихъ только человѣкомъ вообще, а не человѣкомъ даннаго времени, даннаго мѣста, данныхъ условій. Главной лабораторіей новыхъ идей были, притомъ, кружки свѣтскихъ людей, слишкомъ далеко стоявшіе отъ народа, чтобы знать и любить его. Они говорили о немъ то свысока, какъ о грубой черни, то съ филантропически-сантиментальными возгласами, какъ объ объектѣ будущихъ благодѣяній просвѣщеннаго общества. Во второй половинѣ XVIII-го вѣка во Франціи вошла въ большую моду агрономія; сочиненія, посвященныя сельскому хозяйству, стали появляться въ большомъ количествѣ и находили много читателей, но они трактовали только о земледѣліи, а не о земледѣльцахъ, о средствахъ улучшить обработку земли, а не положеніе людей, ее обрабатывающихъ. Не только сельско-хозяйственныя общества, но и провинціальныя собранія, когда имъ случалось обратить вниманіе на земледѣліе, останавливались почти исключительно на техническихъ вопросахъ, упуская изъ виду тѣ препятствія къ поднятію уровня земледѣлія, которыя коренились въ феодальномъ общественномъ строѣ. Такъ какъ большинство тогдашнихъ агрономовъ стояло за крупное хозяйство, то стремленія ихъ часто шли прямо въ разрѣзъ съ настоящими интересами крестьянъ. Ошибочно было бы видѣть охранителей этихъ интересовъ и въ физіократахъ: они также стояли за земледѣліе, а не за земледѣльцевъ, если понимать подъ этимъ выраженіемъ людей, собственными руками обрабатывающихъ землю. Именемъ „laboureurs"—единственнаго, въ глазахъ физіократовъ, производительнаго класса,—они называли безразлично и землевладѣльцевъ, и фермеровъ, и батраковъ. Они стремились къ увеличенію производства, а вопросомъ о распредѣленіи занимались весьма мало. Низкая рабочая плата была въ ихъ глазахъ даже желательна, въ видахъ легкаго накопленія капиталовъ, необходимыхъ для правильнаго веденія сельскаго хозяйства. Глава школы, Кенэ, прямо высказывался въ пользу крупныхъ хозяйствъ и рекомендовалъ отдачу земель не бѣднымъ крестьянамъ, а богатымъ фермерамъ. По его системѣ мелкіе фермеры должны были превратиться въ батраковъ, работающихъ на крупныхъ фермеровъ. Какъ реакція противъ меркантилизма, физіократія проповѣдывала безусловную свободу конкуренціи и устраняла всякое вмѣшательство государства въ устройство экономическихъ отношеній. Причину народной бѣдности она видѣла исключительно въ фискальномъ гнетѣ. Подъ вліяніемъ физіократовъ Мирабо-отецъ отказался отъ своего прежняго мнѣнія о причинахъ обѣднѣнія Франціи, выраженнаго въ такой формѣ: „большія щуки

Digitized by Google

опустошаютъ пруды, крупные собственники давятъ мелкихъ". Подъ тѣмъ же вліяніемъ происходили попытки замѣнить метеріи (половничество) фермами, не только въ смыслѣ перевода арендной платы на деньги, но и въ смыслѣ замѣны нѣсколькихъ мелкихъ метерій одною крупной фермой. Конечно, теоріи физіократовъ встрѣчали отпоръ въ литературѣ, но отпоръ этотъ не былъ такъ силенъ, какъ обыкновенно думаютъ. Даже тѣ писатели, которыхъ считаютъ предшественниками современнаго соціализма — Руссо, Мабли, Бриссо, — шли далеко только въ теоріи, не считали для себя обязательнымъ выводить изъ своихъ смѣлыхъ положеній какіе-либо практическіе выводы, и думали не столько о вліяніи на дѣйствительную жизнь, сколько о литературномъ успѣхѣ. Однимъ изъ самыхъ сильныхъ противниковъ физіократическаго ученія былъ Неккеръ; онъ стоялъ за мелкую собственность, за мелкое хозяйство, доказывалъ недостаточность и даже опасность полной экономической свободы, необходимость правительственнаго вмѣшательства; но положительная сторона его системы гораздо слабѣе критической,—никакихъ средствъ къ устраненію констатированныхъ имъ бѣдъ онъ не предлагаетъ. Практическія указанія по этому предмету можно найти скорѣе всего въ сочиненіяхъ мало извѣстныхъ писателей, напр., Фэге (Faiguet), доказывавшаго пользу ассоціацій [1]); но они оставлялись безъ вниманія, потому что общее направленіе эпохи было враждебно общинѣ, ассоціаціи. Противъ остатковъ общиннаго землевладѣнія велась цѣлая война; корпораціи рабочихъ казались несовмѣстными съ единствомъ націи, учредительное собраніе запретило ихъ декретомъ 14 іюня 1791 г.

Таково было положеніе вопроса, когда въ 1789 году были созваны генеральные штаты. Неудивительно, что въ громадной массѣ брошюръ, предшествовавшихъ ихъ созыву и послѣдовавшихъ за нимъ, весьма немногія, сравнительно, посвящены спеціально положенію крестьянъ, и изъ этихъ немногихъ далеко не всѣ написаны съ знаніемъ дѣла. Къ числу наиболѣе замѣчательныхъ произведеній этого рода относится мемуаръ Клико-Блервака: „О средствахъ улучшить положеніе земледѣльцевъ, поденщиковъ и рабочихъ людей, живущихъ въ деревнѣ",—доказывающій, что для достиженія этой цѣли мало одной перемѣны въ системѣ налоговъ, и стоящій за мелкую собственность противъ крупной, за кустарные промыслы (выражаясь терминомъ намъ знакомымъ) противъ фабричной промышленности.

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ своей книги (гл. 2, стр. 143—147) г. Карѣевъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о земледѣльческихъ ассоціаціяхъ, существовавшихъ въ то время въ Оверни.

Digitized by Google

Въ нѣкоторыхъ другихъ брошюрахъ встрѣчаются возраженія противъ исключительно-политическаго характера реформъ, предлагаемыхъ большинствомъ писателей. „Къ чему послужитъ мудрая конституція народу, превратившемуся отъ голода въ скелеты?—спрашиваетъ авторъ памфлета: „Les quatre cris d'un patriote“;—голосъ свободы ничего не говоритъ сердцу несчастнаго, умирающаго съ голода“. Съ разныхъ сторонъ предлагается также организація сельскаго населенія въ особое, четвертое сословіе. Предложеніе это, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, не было лишено основанія; интересы горожанъ часто не совпадали съ интересами крестьянъ,—часто даже были имъ противоположны. Между тѣмъ, въ процедурѣ, предшествовавшей выборамъ, и въ самыхъ выборахъ вліяніе горожанъ, какъ людей болѣе развитыхъ, оттѣсняло крестьянъ на задній планъ и часто даже совершенно заглушало ихъ голосъ. Изъ отдѣльныхъ деревенскихъ наказовъ или инструкцій (cahiers) въ общій наказъ избирательнаго округа часто переходило весьма немногое,—иногда не переходило почти ничего. „Три четверти наказовъ“, говорится въ одной тогдашней брошюрѣ, „были перехвачены и подмѣнены, и во многихъ провинціяхъ по этому поводу начаты процессы“. Но и помимо этого, деревнямъ не легко было выразить въ наказахъ свои потребности и свои страданія, указать средства къ устраненію послѣднихъ и къ удовлетворенію первыхъ. Пользуясь неразвитостью деревенскихъ жителей, ихъ старались склонить на свою сторону — то дворяне, то горожане, и усилія тѣхъ или другихъ приводили иногда къ желанной цѣли. Болѣе надежными союзниками крестьянъ являлись иногда сельскіе священники, но безусловно разсчитывать и на нихъ было нельзя. Когда составленіе наказа попадало въ руки деревенскаго законника, общія мѣста демократической декламаціи слишкомъ легко получали въ немъ преобладаніе надъ серьёзнымъ изложеніемъ и разборомъ крестьянскихъ нуждъ. Въ тѣхъ случаяхъ, наконецъ, когда деревенскіе наказы составлялись внѣ всякихъ вліяній со стороны, они служили, главнымъ образомъ, выраженіемъ желаній, надеждъ, жалобъ самостоятельныхъ хозяевъ, а не батраковъ. Иногда, конечно, и послѣднимъ удавалось возвысить голосъ, причемъ обнаруживалось разногласіе между ними и хозяевами. Такъ, напримѣръ, бѣднѣйшіе жители деревень очень дорожили правомъ собирать колосья, оставшіеся въ полѣ послѣ жатвы (droit de glanage), а хозяева находили существованіе его для себя убыточнымъ; сообразно съ этимъ, въ наказахъ встрѣчаются и жалобы на нарушеніе права собирать колосья, и просьбы объ его уничтоженіи.

Когда генеральные штаты, обратившіеся въ учредительное собраніе, увидѣли себя лицомъ къ лицу съ крестьянскимъ вопросомъ,

Digitized by Google

условія для разрѣшенія его были не особенно благопріятны. Литературой, какъ мы видѣли, онъ былъ разработанъ недостаточно и не всесторонне; наказы не восполнили этого пробѣла; настоящихъ представителей крестьянства, сельскаго сословія—въ средѣ собранія почти не было. Самой жгучей частью вопроса представлялась отмѣна феодальнаго строя, едва задѣтаго реформами Тюрго,—реформами, бо́льшая часть которыхъ была, притомъ, взята назадъ вслѣдъ за ихъ осуществленіемъ. Основная мысль неисполненныхъ проектовъ Тюрго перешла, впрочемъ, въ большинство тѣхъ наказовъ, которые требовали коренного переворота въ поземельныхъ отношеніяхъ. Мысль эта заключалась въ томъ, что нѣкоторыя изъ числа феодальныхъ правъ должны быть отмѣнены безъ выкупа, другія — выкуплены заинтересованными въ томъ лицами. Тюрго предполагалъ допустить для однихъ правъ второй категоріи выкупъ обязательный, для другихъ — факультативный; это различіе въ наказахъ не дѣлается, нѣкоторые изъ нихъ стоятъ вообще за обязательный выкупъ (всѣхъ правъ, выкупу подлежащихъ), другіе — вообще за выкупъ факультативный. За отмѣну безъ выкупа всѣхъ вообще феодальныхъ правъ —за исключеніемъ развѣ тѣхъ, которыя основаны на документахъ— высказываются только немногіе наказы. Въ главныхъ чертахъ, такимъ образомъ, программа для законодательной дѣятельности по этому вопросу была набросана, но въ подробностяхъ она не была выяснена, и установленіе ея было тѣмъ труднѣе, что феодальныя права вообще отличались большою запутанностью, а юристы, до тѣхъ поръ почти одни изучавшіе ихъ, были чуть не поголовно горячими ихъ защитниками и не допускали мысли объ ихъ отмѣнѣ. Между тѣмъ обстоятельства не позволяли медлить разрѣшеніемъ вопроса. Волненіе въ средѣ сельскаго населенія возникло еще задолго до созыва генеральныхъ штатовъ, утихло во время выборовъ, подъ вліяніемъ надеждъ, ими возбужденныхъ, и возобновилось съ удвоенной силой, когда первые мѣсяцы дѣятельности штатовъ прошли безъ всякаго видимаго результата для народа. Своего апогея движеніе, извѣстное подъ названіемъ второй жакеріи или „guerre aux châteaux", достигло во второй половинѣ іюня, послѣ взятія Бастиліи. Испуганное дворянство рѣшилось принять на себя инициативу реформы,— отсюда знаменитая ночь 4-го августа. Собраніе, застигнутое въ расплохъ, могло, однако, разрѣшить вопросъ только въ принципѣ. Декретъ 11-го августа, соединившій въ одно цѣлое резолюціи 4-го числа, провозгласилъ полное уничтоженіе феодальнаго строя (l'assemblée nationale détruit entièrement le régime féodal); часть феодальныхъ правъ была отмѣнена безъ выкупа, другая часть объявлена подлежащею выкупу, но граница между тѣми и другими не была

Digitized by Google

опредѣлена съ полною точностью, и порядокъ выкупа не былъ указанъ. Эта работа была возложена собраніемъ на особый комитетъ, получившій названіе феодальнаго, а въ комитетѣ исполнена преимущественно двумя юристами: Тронше и Мерленомъ. Она потребовала много времени, именно вслѣдствіе недостатка предварительныхъ трудовъ. Плодомъ ея явились декреты 15-го марта и 3-го мая 1790 г., изъ которыхъ первый классифицировалъ права, отмѣняемыя съ выкупомъ или безъ выкупа, а второй установлялъ способъ и цѣну выкупа. Бо̀льшая часть спорныхъ вопросовъ, возникавшихъ по поводу классификаціи правъ, были разрѣшены декретомъ 15-го марта въ пользу сеньоровъ. Еще менѣе благопріятенъ для крестьянъ былъ второй декретъ, до крайности затруднявшій выкупъ. Прежде всего выкупъ не былъ признанъ обязательнымъ; онъ былъ обусловленъ согласіемъ обѣихъ сторонъ. Крестьяне, до тѣхъ поръ солидарные (т.-е. отвѣтственные другъ за друга) въ отбываніи повинностей, могли и выкупить ихъ только солидарно Наконецъ, выкупная сумма должна была быть уплачена за-разъ, и притомъ какъ за постоянныя феодальныя права (droits fixes — напримѣръ, оброкъ за землю), такъ и за случайныя (droits casuels — напримѣръ, lods et ventes, т.-е. пошлина въ пользу сеньора при переходѣ земли отъ одного владѣльца къ другому). Неудивительно, что оба декрета были встрѣчены съ большимъ неудовольствіемъ и не только не смягчили, но, напротивъ, усилили сословную вражду. Крестьяне видѣли въ нихъ явное отступленіе отъ основного начала, провозглашеннаго въ августѣ 1789 г., и часто не хотѣли имъ повиноваться; въ иныхъ мѣстахъ дворяне пользовались ими, чтобы по-прежнему притѣснять крестьянъ. Агитація противъ декретовъ, становясь все сильнѣе и сильнѣе, перешла и въ литературу; къ этому времени относится сочиненіе Мишалле, направленіе котораго достаточно выясняется его заглавіемъ: „Les droits féodaux dévoilés. Ouvrage dans lequel on prouve que la plupart des droits féodaux et surtout les lods doivent être abolis sans indemnité". Самымъ сильнымъ двигателемъ въ пользу отмѣны декретовъ 1790 г. явились политическія соображенія—съ одной стороны, стремленіе наказать эмигрантовъ, которые почти всѣ принадлежали къ числу бывшихъ сеньоровъ, съ другой стороны—желаніе привязать массу народа къ новому порядку вещей. Подъ вліяніемъ этихъ соображеній, законодательное собраніе лѣтомъ 1792 г. значительно уменьшило число правъ, подлежащихъ выкупу (исключивъ изъ нихъ, напримѣръ, всѣ droits casuels, кромѣ основанныхъ на формальныхъ документахъ) и возложило на бывшихъ сеньоровъ обязанность доказывать принадлежность имъ какихъ-либо феодальныхъ правъ, вопреки старинному правилу (nulle terre sans seigneur), установлав-

Digitized by Google

шему предположеніе въ пользу сеньора. И на этомъ революціонное законодательство не остановилось; національный конвентъ, декретомъ 17-го іюля 1793 г., отмѣнилъ безъ вознагражденія всѣ оставшіяся еще въ силѣ феодальныя права, сохранивъ выкупъ лишь для чисто земельныхъ рентъ, не-феодальнаго происхожденія. Одна сторона — и весьма существенная — крестьянскаго вопроса получила, такимъ образомъ, разрѣшеніе, благопріятное для крестьянства; но причину этому, повторяемъ, слѣдуетъ искать въ политическихъ страстяхъ, а не въ экономическихъ взглядахъ революціоннаго времени. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ образъ дѣйствій всѣхъ революціонныхъ законодательныхъ собраній, не исключая и конвента, при продажѣ національныхъ имуществъ; ни одно изъ нихъ не позаботилось о томъ, чтобы часть этихъ имуществъ перешла въ руки безземельныхъ рабочихъ, чтобы образовалось возможно бо́льшее число мелкихъ собственниковъ, хотя мысль о такомъ употребленіи національныхъ имуществъ была заявляема неоднократно,— между прочимъ, и со стороны реакціонеровъ, видѣвшихъ въ ней способъ внести раздоръ въ ряды своихъ противниковъ. Конвентъ предложилъ-было продавать конфискованныя земли эмигрантовъ лишь небольшими участками,—но предположеніе это не осуществилось. Предписанный конвентомъ, поголовный раздѣлъ общинныхъ земель между членами общины былъ выгоднѣе для бѣднаго люда, чѣмъ причисленіе ихъ къ національнымъ имуществамъ, но, конечно, гораздо менѣе выгоденъ, чѣмъ оставленіе ихъ въ общинномъ владѣніи, съ періодическими передѣлами. Послѣдняя мѣра была предложена малоизвѣстнымъ членомъ конвента, Суэ (Souhait), но проектъ его былъ оставленъ конвентомъ безъ всякаго вниманія. Еще раньше, при уничтоженіи церковной десятины, раздавались голоса, предлагавшіе продолжать взиманіе десятины въ пользу націи; учредительное собраніе предпочло подарить ее собственникамъ, причемъ цѣнность подарка оказывалась прямо пропорціональной богатству лица, его получающаго.

Съ окончательнымъ паденіемъ феодальнаго строя г. Карѣевъ связываетъ прекращеніе существованія крестьянскаго вопроса во французской публицистикѣ. Феодальный порядокъ былъ замѣненъ новымъ, выгоднымъ для новыхъ властителей Франціи, т.-е. для буржуазіи. Вспоминала она о крестьянахъ только тогда, когда—какъ напримѣръ, въ худшія минуты реставраціи — видѣла въ нихъ союзниковъ противъ угрожающей реакціи со стороны стараго порядка. Настоящее положеніе крестьянина ее не интересовало. „Въ соціальной наукѣ", говоритъ г. Карѣевъ, „съ легкой руки Сэя водворилось ученіе, выдвинувшее на первый планъ понятія *капитала и индустріи*,

Digitized by Google

вмѣсто физіократической *земли и господства природы*, и принявшее принципъ *laisser faire, laisser passer* не въ смыслѣ экономическаго *selfgovernment* отдѣльныхъ личностей, какъ это сдѣлали англійскіе экономисты, а въ смыслѣ идеи не стѣсняемой дѣятельности капитала. Благодаря этому и другимъ обстоятельствамъ, крестьяне были совершенно почти забыты высшими классами общества, а публицистика первой половины XIX-го вѣка, можно сказать, даже игнорировала ихъ существованіе. Только введеніе всеобщей подачи голосовъ и замѣчаемое усиленіе дробленія мелкой собственности на невозможно маленькіе участки заставили французовъ (въ послѣднее время) еще разъ обратиться къ деревнѣ. Таково, въ главныхъ чертахъ, содержаніе послѣдняго отдѣла сочиненія г. Карѣева. Изъ числа подробностей, по необходимости оставленныхъ нами въ сторонѣ, упомянемъ только объ одной, ярко выставляющей на видъ односторонность извѣстной книги Тэна о революціи. Описывая положеніе дѣлъ, созданное во Франціи реформами учредительнаго собранія, Тэнъ изображаетъ провинціальное дворянство беззащитной, кроткой и великодушной жертвой сельскихъ и городскихъ демагоговъ; каждый изъ цитируемыхъ имъ документовъ добавляетъ что-нибудь къ этой картинѣ, а оборотной стороны ея мы совсѣмъ не видимъ. Оказывается, что Тэнъ упустилъ изъ виду одинъ весьма важный источникъ—сборникъ отвѣтовъ на вопросы, разосланные въ 1790 г. въ провинціи аббатомъ Грегуаромъ. Главнымъ предметомъ этихъ вопросовъ были особенности мѣстныхъ нарѣчій (patois), но нѣкоторые изъ нихъ касались настроенія крестьянъ. Общій характеръ отвѣтовъ — вовсе не демократическій во что бы то ни стало; они нисколько не идеализируютъ народъ, обличаютъ его въ недостаткѣ патріотизма, въ своекорыстіи и т. п., и, слѣдовательно, не могутъ быть разсматриваемы, какъ произведеніе духа партіи. И что же?—Составители отвѣтовъ утверждаютъ, что лица бывшихъ привилегированныхъ сословій сами виноваты, если терпятъ непріятности со стороны крестьянъ; что оскорбленіямъ подвергались немногіе дворяне, да и то лишь самые ожесточенные и неосторожные, что крестьяне и муниципальные чиновники дѣйствуютъ въ высшей степени сдержанно, даже въ отношеніи къ тѣмъ изъ бывшихъ привилегированныхъ, которые возводятъ въ систему нарушеніе общественнаго спокойствія [1]). Само собою

[1]) Въ статьѣ о книгѣ Тэна, напечатанной въ „Вѣстникѣ Европы“ (1878 г. № IX), г. Герье упоминаетъ объ отвѣтахъ на вопросы Грегуара, но видитъ въ нихъ аргументъ не противъ, а въ пользу Тэна, такъ какъ они подтверждаютъ выводъ его объ анархіи, господствовавшей во Франціи 1789—90 г. Съ этимъ едва ли можно согласиться, вина Тэна заключается не въ искаженіи, а въ умолчаніи фактовъ, и въ этомъ отношеніи вышеупомянутые отвѣты служатъ противъ него доказательствомъ весьма вѣскимъ.

Digitized by Google

разумѣется, что эти свидѣтельства не опровергаютъ достовѣрности другихъ, противоположныхъ; они доказываютъ только, что нельзя окрашивать все совершавшееся въ 1789—92 г. сплошь одною краской, и что Тэнъ, въ своемъ обвинительномъ актѣ противъ французской революціи, забылъ основное юридическое правило: „audiatur et altera pars".

Крестьянскій вопросъ настолько близокъ намъ въ настоящемъ, что относиться хладнокровно и равнодушно къ его прошедшему, даже у другихъ народовъ, для русскаго писателя почти немыслимо. На чьей сторонѣ симпатіи г. Карѣева — это ясно изъ всего сказаннаго нами до сихъ поръ; но это не мѣшаетъ ему оставаться вѣрнымъ строго исторической точкѣ зрѣнія и стремиться къ объясненію фактовъ, а не къ произнесенію оправдательныхъ или обвинительныхъ приговоровъ. Неопредѣленность декрета 11-го августа 1789 г., непрактичность декретовъ 15 марта и 3 мая 1790 года г. Карѣевъ видитъ такъ же хорошо, какъ и Тэнъ; но, вмѣсто того, чтобы негодовать, подобно Тэну, противъ учредительнаго собранія, онъ ограничивается указаніемъ причинъ, отъ которыхъ зависѣли его ошибки. Личный составъ собранія, непреодолимое давленіе внѣшнихъ обстоятельствъ, крайняя запутанность и сложность вопроса, подлежавшаго немедленному разрѣшенію, недостаточная его разработка въ наукѣ и литературѣ—все это вмѣстѣ взятое дѣлало иной исходъ едва ли возможнымъ. Справедливо ли, затѣмъ, упрекать учредительное собраніе—какъ это дѣлаетъ Тэнъ—за неразрѣшеніе крестьянскаго вопроса тѣмъ путемъ, какимъ онъ, семьдесятъ лѣтъ спустя, былъ разрѣшенъ въ Россіи, имѣвшей въ виду столько различныхъ опытовъ и, между прочимъ, опытъ самого учредительнаго собранія? Приписывая неосторожности и непрактичности собранія послѣдующія волненія крестьянъ и эксцессы ихъ противъ землевладѣльцевъ, Тэнъ не видитъ въ этомъ, однако, обстоятельства уменьшающаго вину крестьянъ; онъ обвиняетъ ихъ съ такимъ же жаромъ, какъ и учредительное собраніе. Г-нъ Карѣевъ поступилъ какъ нельзя болѣе правильно, воздержавшись отъ подобныхъ обвиненій. Дѣятельность учредительнаго собранія, со всѣми ея послѣдствіями, вдвинута имъ въ длинную цѣпь фактовъ, начинающуюся гораздо раньше революціи и тѣсно связанную съ общимъ настроеніемъ эпохи.

Digitized by Google

II.

— *Стихотворенія Н. А. Некрасова.* Посмертное изданіе въ четырехъ томахъ. С.-Петербургъ, 1879.

Посмертное изданіе стихотвореній Н. А. Некрасова—весьма цѣнное пріобрѣтеніе для многочисленныхъ поклонниковъ поэта. Оно заключаетъ въ себѣ все то, что́ было предназначено для печати самимъ авторомъ и безпрепятственно можетъ появиться въ свѣтъ въ настоящее время. Въ основаніе изданія положенъ хронологическій порядокъ [1]), такъ что читатели могутъ, съ одной стороны, слѣдить за развитіемъ дарованія поэта, съ другой—уяснить себѣ обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ написано имъ то или другое стихотвореніе. Въ послѣднемъ отношеніи большимъ пособіемъ служатъ какъ біографія Некрасова, составленная г. Скабичевскимъ, такъ и примѣчанія г. Пономарева, часто основанныя на замѣткахъ самого поэта.

Въ составъ новаго изданія вошли не только всѣ пьесы, помѣщенныя въ изданіи 1873—74 г. и въ „Послѣднихъ Пѣсняхъ“ 1877 г., но и многія другія, въ разное время появившіяся въ журналахъ, а также нѣсколько пьесъ, нигдѣ до сихъ поръ не напечатанныхъ. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ слѣдующія два четверостишія, написанныя, очевидно, незадолго до смерти Некрасова и бросающія яркій свѣтъ на внутреннюю его жизнь.

Скоро—примѣты мои хороши!
Скоро покину обитель печали:
Вѣчные спутники русской души—
Ненависть, страхъ—замолчали...

—

Усталъ я, усталъ... мнѣ время уснуть!
О, Русь! ты несчастна—я знаю;
Но все-жъ, озирая мой пройденный путь,
Я къ лучшему шагъ замѣчаю.

Поэма: „Затворница“ написана на ту же тэму, какъ и поэма: „Мать“, отрывки изъ которой появились въ „Послѣднихъ Пѣсняхъ“. Мы узнаемъ изъ примѣчанія, что поэтъ написалъ „Затворницу“ въ

[1]) Нарушенъ этотъ порядокъ только напечатаніемъ нѣкоторыхъ стихотвореній отдѣльно, въ видѣ приложеній (въ IV-мъ томѣ), согласно съ желаніемъ самого Некрасова; но приложенія также сгруппированы по годамъ, къ которымъ каждое изъ нихъ относится.

Digitized by Google

январѣ 1877 г.; онъ былъ въ то время уже очень боленъ и торопился, все боялся, что не успѣетъ кончить, — даже велѣлъ-было напечатать хотъ въ такомъ видѣ, чтобы быть спокойнымъ; но потомъ, по мѣрѣ силъ, разработалъ подробнѣе поэму и отложилъ „Затворницу“. Многія мѣста ея перешли буквально въ поэму „Мать“; нѣкоторыя черты, однако, остались неповторенными, такъ-что обѣ пьесы взаимно дополняютъ одна другую. Въ „Затворницѣ“ уцѣлѣло вполнѣ одно четверостишіе, изъ котораго въ „Матери“ исключенъ одинъ, существенно важный (второй) стихъ:

Несчастна ты, о, родина! я знаю —
Весь край въ плѣну, весь трепетомъ объятъ,
Но край, гдѣ я люблю и умираю,
Тотъ бѣдный край несчастнѣй во-сто-кратъ.

Нѣкоторыя стихотворенія Некрасова были напечатаны въ прежнихъ изданіяхъ въ сокращенномъ видѣ, сравнительно съ тѣмъ, какъ они первоначально появились въ журналахъ. Въ примѣчаніяхъ къ настоящему изданію многія изъ пропущенныхъ мѣстъ возстановлены— и это большая заслуга со стороны издательницы, такъ какъ между ними встрѣчаются превосходныя мѣста. Укажемъ, для примѣра, на пять строфъ, выпущенныхъ изъ поэмы: „Унынiе“, при перепечаткѣ ея въ „Послѣднихъ Пѣсняхъ“. Окончаніе пятой строфы въ особенности важно для характеристики поэта:

Народъ! народъ! мнѣ не дано геройства
Служить тебѣ—плохой я гражданинъ;
Но жгучее, святое безпокойство
За жребій твой донесъ я до сѣдинъ!
Люблю тебя, пою твои страданья,
Но гдѣ герой, кто выведетъ изъ тьмы
Тебя на свѣтъ?... На смѣну колебанья
Твоихъ судебъ чего дождемся мы?...

Читателямъ Некрасова, безъ сомнѣнія, памятно одно изъ лучшихъ его стихотвореній, озаглавленное: „Неизвѣстному другу, приславшему мнѣ стихотвореніе: Не можетъ быть“ и начинающееся словами: „Умру я скоро“. Къ этому стихотворенію самъ поэтъ сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе: „Не выдуманный другъ, но точно неизвѣстный мнѣ. Получилъ, помнится, 4 марта 1866 г. [1]). Гдѣ-нибудь

[1]) Если память Некрасова не измѣнила ему относительно времени полученія стихотворенія, то приходится признать, вопреки общепринятому мнѣнію, что оно не было вызвано извѣстными *обидными* стихами, произнесенными Некрасовымъ въ апрѣлѣ или маѣ 1866 года. Въ отвѣтѣ Некрасова есть ясный намекъ на эти стихи („У лиры звукъ невѣрный исторгала—Моя рука“). Несомнѣнно, по поводу ихъ нами-

Digitized by Google

въ бумагахъ найдете эту пьесу, превосходную по стиху. Ее слѣдуетъ помѣстить въ примѣчаніи". Воля поэта исполнена издательницей. Съ оцѣнкой, данной имъ стихотворенію неизвѣстнаго автора, нельзя не согласиться, но не менѣе формы въ немъ замѣчательно и содержаніе. Мы слышимъ въ немъ отголосокъ той самой ноты, которая звучитъ въ большинствѣ стихотвореній, посвященныхъ памяти Некрасова.

Мнѣ говорятъ, что ты душой суровъ,
Что лишь въ словахъ твоихъ есть чувства пламень,
Что ты жестокъ, что стихъ твой весь любовь,
А сердце холодно какъ камень!
Но отчего-жъ весь міръ сильнѣй любитъ
Мнѣ хочется, стихи твои читая?
И въ нихъ обманъ, а не душа живая!?...
Не можетъ быть!"

Весьма любопытны приведенные въ примѣчаніяхъ отзывы критиковъ о стихотвореніяхъ Некрасова, преимущественно перваго его періода. Около имени Некрасова рано завязалась борьба между представителями различныхъ критическихъ направленій. Эстетики, защитники искусства для искусства — Алмазовъ, Эдельсонъ, Ап. Григорьевъ — порицали преобладаніе въ поэзіи Некрасова тенденціозности, пессимизма, часто видѣли въ ней неудачную поддѣлку подъ народную рѣчь; всѣхъ дальше шелъ въ своихъ нападкахъ Алмазовъ, находившій, напримѣръ, что стихотвореніе: „Блаженъ незлобивый поэтъ"—не только изъ-рукъ-вонъ плохо по стиху, но и возбуждаетъ непріятное чувство, какъ написанное на извѣстную тэму, по извѣстному поводу. Двѣ пьесы Некрасова даже Алмазовъ, однако, считалъ истинно-поэтическими: „Когда изъ мрака заблужденья" и „Если мучимый страстью мятежной". Эдельсонъ и Ап. Григорьевъ судили о Некрасовѣ безпристрастнѣе, чѣмъ Алмазовъ, да и чѣмъ нѣкоторые новѣйшіе критики. Эдельсонъ отрицалъ права Некрасова на имя народнаго поэта, но признавалъ, что первыя стихотворенія его производили неотразимое впечатлѣніе на современниковъ, уже не ослабѣвавшее. Ап. Григорьевъ, какъ человѣкъ увлекающійся, то называлъ стихотворенія Некрасова *больничными*, *исправительными*, непоэтическими, искусственно-напряженными, имѣющими только претензію на ядовитость, то восклицалъ: „живутъ, да еще какъ живутъ до сихъ

сано стихотвореніе Некрасова: „Ликуетъ врагъ, молчитъ въ недоумѣньи". Въ примѣчаніи къ этому стихотворенію сказано, что „Некрасовъ постоянно считалъ тѣ *обвденные* стихи *вынужденными*, признавалъ въ нихъ печальную необходимость, называлъ ихъ невѣрнымъ звукомъ, чернымъ пятномъ. Въ бумагахъ его они не сохранились, вѣроятно потому, что онъ во время болѣзни пересматривалъ свои бумаги, рвалъ ихъ безпощадно, а сестра его жгла ихъ въ каминѣ".

Digitized by Google

поръ самыя первыя пѣсни Некрасова; какъ *ударили* онѣ разъ *по сердцамъ съ невѣдомою силой*, такъ и до сихъ поръ ударяютъ". Крайностямъ эстетической критики соотвѣтствуютъ крайности критики публицистической; въ „Русскомъ Словѣ", напримѣръ, кто-то назвалъ „Тишину" забытыми стишками, которымъ мѣсто развѣ въ отдѣлѣ юмористическомъ. Писаревъ относилъ „Филантропа" къ числу лучшихъ стихотвореній Некрасова. Отзывы Бѣлинскаго и Добролюбова о поэзіи Некрасова также приведены въ примѣчаніяхъ; первый съ-разу оцѣнилъ ее, какъ только Некрасовъ вышелъ на свою настоящую дорогу; второй, какъ сотрудникъ издаваемаго Некрасовымъ журнала, могъ упомянуть о немъ только одинъ разъ, мимоходомъ, но въ немногихъ словахъ совершенно вѣрно опредѣлилъ его значеніе. Ошибся Добролюбовъ, къ счастью, только въ одномъ: онъ находилъ (въ 1860 г.), что обстоятельства помѣшали развитію въ талантѣ Некрасова того направленія, которое съ двухъ разныхъ сторонъ, послѣ Пушкина, пробивалось у насъ въ Кольцовѣ и Лермонтовѣ. Позднѣйшая обстановка дѣятельности Некрасова была еще менѣе благопріятна — однако онъ шелъ все дальше и дальше именно по тому пути, на который указывалъ Добролюбовъ. Приведемъ въ заключеніе, какъ курьёзъ, слѣдующій отзывъ „Отечественныхъ Записокъ" 1863 г. (когда въ нихъ господствовала эстетическая критика): „Недостатки г. Некрасова—не его личные недостатки, а литературной партіи. Вездѣ, гдѣ онъ успѣвалъ отъ нея освободиться, онъ и по глубинѣ чувства, и по энергіи стиха, становился первымъ нашимъ современнымъ лирикомъ". Повтореніе этой старой пѣсни о зависимости Некрасова отъ литературной партіи и о вредномъ вліяніи ея на его дарованіе мы слышали еще недавно, уже послѣ смерти поэта.

Въ концѣ примѣчаній мы находимъ нѣсколько отрывковъ, найденныхъ въ бумагахъ Некрасова и напечатанныхъ первоначально въ „Отечественныхъ Запискахъ" (1879 г., № 1), съ слѣдующимъ поясненіемъ: „Неизвѣстно, представляются ли эти наброски случайно пришедшими поэту на мысль стихами, записанными на случай надобности, или это слѣды какихъ-либо замысловъ, оставшихся невыполненными". Авторъ статьи „Отечественныхъ Записокъ" и составитель примѣчаній упустили изъ виду, что одинъ изъ этихъ отрывковъ:

И жизнь кишитъ надъ грудами развалинъ,
Исполнена корыстнаго труда,
А я стою бездѣйственъ и печаленъ
И медленно сгораю со стыда—

есть не что иное, какъ варіантъ первыхъ строкъ стихотворенія:

Digitized by Google

„Поэту", напечатаннаго въ „Послѣднихъ Пѣснях" (Посмертн. изд., т. III, стр. 390):

Любовь и трудъ—подъ грудами развалинъ!
Куда ни глянь—предательство, вражда,
А ты молчишь—бездѣйственъ и печаленъ,
И медленно стараешь со стыда".

Для слѣдующаго изданія стихотвореній Некрасова можно пожелать—помимо главнаго, т.-е. возможности пополнить независящіе отъ воли издателей пробѣлы — только бо́льшей подробности біографическихъ свѣдѣній о второй половинѣ жизни поэта. Намъ кажется также, что портретъ, помѣщенный въ книгѣ г. Голубева: „Николай Алексѣевичъ Некрасовъ", гораздо лучше передаетъ типическія черты лица позднѣйшаго Некрасова, чѣмъ портретъ, приложенный къ настоящему изданію. Мы не предлагаемъ замѣны послѣдняго первымъ, такъ какъ выборъ издательницы основанъ на указаніи самого поэта; но хорошо было бы, по нашему мнѣнію, включить въ новое изданіе оба портрета, изъ которыхъ одинъ показываетъ намъ Некрасова въ цвѣтѣ лѣтъ, полнымъ жизни, а другой — измученнымъ, разбитымъ, какъ-бы перестрадавшимъ все то, что́ отразилось въ его произведеніяхъ.

III.

— *Angelo de Gubernatis*, Dizionario biografico degli scrittori contemporanei. Fascicolo primo. Firenze, 1879.

„Біографическій словарь современныхъ писателей", предпринятый А. де-Губернатисомъ, посвящаетъ всего больше вниманія, какъ и слѣдовало ожидать, представителямъ итальянской литературы, но отличается вообще довольно большою полнотою, даже въ области такихъ мало извѣстныхъ въ Италіи литературъ, какъ шведская, норвежская, венгерская, румынская, польская и, наконецъ, наша, русская. Въ первомъ выпускѣ (A—Bac) помѣщены біографіи одиннадцати русскихъ писателей: Д. Аверкіева, И. С. Аксакова (съ портретомъ), И. Е. Андреевскаго, Аничкова, Н. Анненкова (ботаника), П. В. Анненкова, М. Антоновича, В. Антоновича, Апухтина, Н. Ахшарумова и П. Д. Боборыкина, — и ни въ одной изъ нихъ мы не нашли явныхъ фактическихъ ошибокъ. Можно замѣтить только, что количество свѣдѣній, сообщаемыхъ о писателѣ, не всегда соотвѣтствуетъ дѣйствительному значенію его въ русской литературѣ. О роли, которую игралъ г. М. Антоновичъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, не сказано ни слова, а гг. Апухтину и Н. Ахшарумову от-

Digitized by Google

ведено столько мѣста, сколько едва ли досталось бы имъ даже въ русскомъ словарѣ, составленномъ по масштабу г. де-Губернатиса. О г. Н. Ахшарумовѣ мы читаемъ слѣдующее: „онъ не переставалъ служить мужественно и вѣрно прогрессу отечественной литературы, то посредствомъ повѣстей или романовъ, то посредствомъ критическихъ статей, полныхъ вкуса, любви къ истинному и прекрасному, и какъ нельзя болѣе безпристрастныхъ. Но всѣ эти качества не могли доставить ему большого успѣха, такъ какъ литературный лагерь былъ наводненъ цѣлымъ войскомъ новаторовъ, старавшихся обратить литературу исключительно въ служебное орудіе гражданскихъ мотивовъ. Не смущаясь этимъ, Ахшарумовъ продолжаетъ держаться избраннаго имъ пути, не ведущаго къ легкимъ торжествамъ, но упрочивающаго за нимъ уваженіе и любовь здравомыслящихъ людей, не ослѣпленныхъ духомъ партіи". Не меньше посчастливилось въ Италіи и г. Апухтину, за которымъ признается „чрезвычайный талантъ"; холодность публики къ его послѣднимъ произведеніямъ объясняется слишкомъ продолжительнымъ его молчаніемъ, и въ заключеніе выражается надежда, что ему удастся вновь завоевать утраченныя симпатіи. Даже на долю г. Аверкіева достается лестный отзывъ; стихъ его, правда, признается монотоннымъ, слогъ — тяжелымъ, но за то его драмы „имѣютъ большое историческое значеніе (un singulare valore storico) и славятся точнымъ воспроизведеніемъ выводимыхъ ими на сцену нравовъ". Нужно предположить, что бо́льшая часть статей о русскихъ писателяхъ доставлена г. де-Губернатису горячимъ патріотомъ, желавшимъ показать итальянцамъ нашу литературу въ самомъ выгодномъ свѣтѣ.

Изъ числа статей, посвященныхъ писателямъ другихъ національностей, всего больше выдаются статьи объ Абу, Аккерманнъ, Ожье и Ауербахѣ. Особенно интересна статья объ Аккерманнъ, благодаря приведеннымъ въ ней отрывкамъ изъ неизданной еще автобіографіи этой писательницы [1]). Мы узнаемъ отсюда, что она родилась въ Парижѣ въ 1813 г. и, будучи еще молодой дѣвушкой, довольно долго жила въ Берлинѣ, гдѣ и вышла замужъ за Аккермана, сначала готовившагося въ пасторы, но скоро убѣдившагося, что его образъ мыслей несовмѣстенъ съ духовнымъ званіемъ [2]). Послѣ двухлѣтней, какъ нельзя болѣе счастливой супружеской жизни, она овдовѣла и поселилась въ Ниццѣ, гдѣ провела болѣе двадцати лѣтъ, въ полномъ уединеніи, занимаясь наукой и философіей, читая въ

[1]) О замѣчательныхъ, слишкомъ мало у насъ извѣстныхъ стихотвореніяхъ Аккерманнъ говорилось въ одной изъ библіографическихъ статей „Вѣстника Европы", за 1876 г.

[2]) Сама Аккерманъ въ ранней молодости была ревностной католичкой.

Digitized by Google

подлинникѣ греческихъ лирическихъ поэтовъ. Это чтеніе сдѣлалось исходной точкой ея возобновленнаго поэтическаго творчества (она писала стихи и въ ранней молодости, но затѣмъ совершенно бросила поэзію, такъ что мужъ ея даже не зналъ объ ея дарованіи); нѣсколько позже она стала вдохновляться исключительно философскими тэмами. Вотъ какъ она сама характеризуетъ свою писательскую дѣятельность: „жизнь моя была не весела, но въ ней нѣтъ ничего, что̀ оправдывало бы мои жалобы и проклятія. Я не испытала сильной борьбы, горькихъ разочарованій. Судьба дала мнѣ то, чего я всего больше желала — досугъ и свободу. Результаты новѣйшихъ научныхъ изслѣдованій никогда меня не смущали; я была къ нимъ приготовлена, я даже ожидала ихъ. Скажу болѣе: сознаніе, что моя личность—только мимолетное явленіе среди вѣчныхъ колебаній бытія, наполнило меня какою-то мрачною радостью. Но если я легко мирилась съ своей личной судьбой, то совсѣмъ другія чувства овладѣвали мною, когда я думала о человѣчествѣ. Его бѣдствія, его печали, его напрасныя стремленія внушали мнѣ глубокую скорбь. Разсматриваемый издали, сквозь призму моихъ уединенныхъ размышленій, человѣческій родъ казался мнѣ героемъ жалкой драмы, разыгрываемой въ углу вселенной, въ силу слѣпыхъ законовъ, передъ лицомъ равнодушной природы, драмы, развязка которой — небытіе (le néant). Объясненіе ея, предлагаемое обычными вѣрованіями, принесло человѣчеству только новый мракъ, новыя мученія. Отсюда моя ненависть къ нимъ и къ распространителямъ ихъ, болѣе или менѣе убѣжденнымъ, но всегда заинтересованнымъ въ ихъ поддержаніи. Негодованіе и сожалѣніе не позволяли мнѣ молчать; я возвышала голосъ отъ имени коллективнаго человѣка (т.-е. человѣчества), я влагала ему въ уста вопли, отражающіе въ себѣ весь ужасъ его существованія“. Теперь Аккерманъ живетъ въ Парижѣ; сочиненія ея плохо расходятся въ публикѣ, но цѣнятся по достоинству въ небольшомъ кругѣ ея поклонниковъ (i suoi pochi, ma eletti ammiratori).

Обширное предисловіе къ словарю почти все наполнено автобіографіей г. де-Губернатиса, не только сообщающаго читателямъ названія и содержаніе всѣхъ своихъ сочиненій, имена всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ, но повѣряющаго имъ и свои дѣтскія шалости, и свои юношескія политическія увлеченія, и свои семейныя радости, съ нѣкоторыми, быть можетъ даже излишними подробностями. Къ сожалѣнію, издатель не могъ отвести въ своемъ словарѣ знаменитѣйшимъ писателямъ нашего времени столько же мѣста.

На-дняхъ мы получили второй выпускъ словаря, продолжающій букву *B*, и останавливающійся на имени Луціана Бонапарта. Въ

Digitized by Google

немъ можно встрѣтить слѣдующія русскія имена: Бартеневъ, редакторъ „Русскаго Архива"; проф. казан. Бодуинъ де-Куртенэ; проф. Березинъ; акад. Безобразовъ; проф. Бестужевъ-Рюминъ; археол. Бычковъ (по ошибкѣ: Быковъ); Благосвѣтловъ, редакторъ „Дѣла"; ректъ. варш. унив. Благовѣщенскій; историкъ М. И. Богдановичъ. Издатель, повидимому, не всегда ограничивается сообщенными ему фактическими свѣдѣніями, и нерѣдко сопровождаетъ сообщеніе ихъ собственными соображеніями. Приведемъ для образчика одинъ примѣръ; такъ, въ біографіи г. Благосвѣтлова, издатель отдавъ справедливость его личнымъ качествамъ (dotato di molta energia, ricco di varie conoscenze, libero da ogni scrupolo, и т. п.), вслѣдъ затѣмъ выговариваетъ: „ma acciecato dallo spirito di partito, non conosceva misura nei suoi odii e nelle sue imprecazioni—peccato di esagerazione che ora egli espia, и т. д., и т. д. Намъ кажется, что такіе отзывы по меньшей степени излишни въ словарѣ, составленномъ на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ, быть можетъ, самими авторами, и желающемъ сохранить свой объективный и чисто-фактическій характеръ.—К. К.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е мая, 1879.

Второе апрѣля. — Указъ сенату о назначеніи и правахъ генералъ-губернаторовъ. — Новыя полицейскія распоряженія, и постановленія петербургскаго генералъ-губернатора. — Преобразованіе медико-хирургической академіи. — Отмѣна пріема семинаристовъ въ университеты. — Комиссія для отмѣны подушныхъ сборовъ.—Комиссія для пересмотра таможеннаго тарифа.

Въ то относительно краткое время, какое существуетъ нашъ журналъ, намъ приходится второй разъ говорить о событіи, болѣе чѣмъ глубоко прискорбномъ. Одна всенародная радость, при извѣстіи о новомъ избавленіи Государя Императора отъ опасности жизни, и повсемѣстный восторгъ, нашедшій себѣ далекое эхо какъ среди другихъ правительствъ, такъ и представителей общественнаго мнѣнія всѣхъ политическихъ оттѣнковъ, могли нѣсколько облегчить тяжелый гнетъ, удручавшій каждаго въ тотъ черный день второго апрѣля, когда пронеслась въ городѣ роковая вѣсть о событіи, по истинѣ злосчастномъ въ жизни народовъ. Если нельзя совершить простого убійства безъ того, чтобы тѣмъ самымъ не возмутить глубоко общественной совѣсти, если исторія учитъ насъ безпрерывно тому, что такъ-называемыя политическія убійства отмѣчены въ исторіи народовъ только какъ эпохи остановки или даже и обратнаго движенія, — то что́ же пришлось бы сказать о покушеніи на жизнь монарха, тягчайшемъ изъ всѣхъ преступленій уже по одному тому, что его нельзя разсматривать иначе, какъ въ той или другой степени покушеніе на самую народную жизнь, на ея болѣе или менѣе далекое будущее? То, чему учитъ вѣковой опытъ исторіи, понимается инстинктивно и непосредственно общественными и народными массами, и вотъ почему на нашихъ глазахъ второго апрѣля повторилось все то, чему намъ довелось быть свидѣтелями четвертаго апрѣля. Мы говорили тогда (1866 г., т. II, „Историч. Хрон.“, стр. 4) и теперь

Digitized by Google

должны повторить то же самое: „Такой народъ заслужилъ прошедшія благодѣянія и достоинъ новыхъ заботъ и попеченій о его счастьи. Забудемъ же иное сказанное у насъ, что̀ такъ естественно въ минуту тяжкихъ огорченій, и будемъ помнить однѣ молитвы и народныя слезы, которыми народъ такъ краснорѣчиво написалъ самъ свою внутреннюю жизнь за это послѣднее, пережитое нами время. Все это было такъ живуче, такъ реально, что предъ нимъ все остальное исчезаетъ, какъ дымъ; а дымъ, если въ нашемъ обществѣ и явились бы его признаки,— ничего такъ не боится, какъ свободы и простора, въ которомъ ему суждено расходиться безслѣдно".

Такъ говорили мы тринадцать лѣтъ тому назадъ, въ первые дни и часы теперь уже пережитого нами длиннаго ряда годовъ, не зная тогда ни ихъ продолжительности, ни направленія тѣхъ новыхъ теченій, которыя приметъ русло народной жизни; но теперь мы еще болѣе считаемъ долгомъ искренне исповѣдывать нашу прежнюю вѣру, такъ какъ Государь Императоръ, при своемъ обращеніи къ господамъ сенаторамъ, изволилъ сказать: „Необходимо будетъ принять для общаго блага чрезвычайныя мѣры, направленныя къ искорененію зла", но вслѣдъ затѣмъ прибавилъ: „Не слѣдуетъ падать духомъ; надо продолжать идти своею дорогою, честно исполняя свой долгъ служенія Россіи; Я надѣюсь, что наши труды увѣнчаются успѣхомъ, и что мы увидимъ Россію спокойною и счастливою".

Да будетъ такъ! и да послужатъ эти августѣйшія слова руководительною нитью для однихъ, и маякомъ для всего общества въ теченіи того порядка вещей, который угодно было и самой Верховной власти назвать только временнымъ. Понятно, что въ такую эпоху печать не можетъ пользоваться Высочайше дарованнымъ ей правомъ „обсуживать какъ отдѣльные законы и цѣлое законодательство, такъ и распубликованныя правительственныя распоряженія", даже и при соблюденіи предписанныхъ закономъ условій: Inter arma silent Musae; это — общее правило. Но тѣмъ не менѣе для печати, какъ и для общества, обязательно „не падать духомъ", все-таки „идти своею дорогою, честно исполняя свой долгъ служенія Россіи". Ни въ какомъ случаѣ печать не должна увеличивать раздраженія, и доходить, напримѣръ, до того, чтобы искать объясненія смутъ въ какой-нибудь иностранной интригѣ, какъ это, къ сожалѣнію, дѣлалось нѣкоторыми органами печати въ эти, и безъ того печальные дни. Надо предполагать, что и само правительство не ждетъ подобныхъ услугъ отъ печати; по крайней мѣрѣ, въ „Agence Russe" былъ помѣщенъ энергическій протестъ противъ мысли о томъ, что во всѣхъ нашихъ внутреннихъ безпорядкахъ видна рука дипломатическихъ или аристократическихъ подстрекательствъ.

Digitized by Google

Впрочемъ, въ той же газетѣ, которую у насъ считаютъ полуоффиціальною, мы читаемъ образчикъ другихъ намёковъ, менѣе оригинальныхъ, но которые можно развѣ оправдывать извѣстнымъ изреченіемъ: „коею мѣрою мѣрите, тою возмѣрится и вамъ". Всѣмъ памятно, что послѣ 4-го апрѣля, между прочимъ, винили во всемъ школьный порядокъ, который вслѣдствіе того и подвергся радикальнымъ измѣненіямъ; если примѣнить тогдашніе взгляды къ нашему времени и подумать, что все нынѣшнее поколѣніе отъ 20 до 30 лѣтъ прошло уже съ 1866 года чрезъ реформированную школу, то о нынѣшнихъ школьныхъ порядкахъ можно сдѣлать еще болѣе рѣзкое заключеніе. И „Agence Russe" весьма послѣдовательно говоритъ: „Мы видимъ теперь результаты педагогическаго образованія, *втиснутаго у насъ до излишества въ классицизмъ*, производящій не столько истинныхъ ученыхъ, сколько недоучекъ, остановившихся на полдорогѣ и сбитыхъ съ пути въ такую эпоху ихъ жизни, когда достаточно имѣютъ познаній, чтобы разрушать, и недостаточно — чтобы созидать". Можно было бы сказать, что газета права въ томъ отношеніи, что она къ нынѣшнему школьному порядку примѣнила тотъ же пріемъ, какой былъ примѣненъ къ прежнему; но она грѣшитъ въ другомъ отношеніи, она опять переноситъ педагогическіе вопросы на политическую почву, между тѣмъ какъ школа должна стоять внѣ всякой политики: это—нейтральная и священная почва. Намъ также не было бы ничего проще, какъ настаивать въ такую минуту на „излишествѣ классицизма", о чемъ мы такъ много говорили въ свое время, хотя—должно сознаться — и остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ; но мы никогда не позволимъ себѣ того пріема, котораго не одобряли у своихъ противниковъ, защитниковъ классицизма. Если мы возставали противъ „педагогическаго образованія, втиснутаго у насъ до излишества въ классицизмъ", то единственно въ силу вышеупомянутаго принципа, а именно, что школа, какъ и церковь, должна стоять внѣ всякой политики, и только въ этомъ смыслѣ, а не въ какомъ-нибудь другомъ, мы могли опасаться оправданія своимъ взглядамъ въ ближайшемъ будущемъ.

Прежде нежели перейти къ нашему обычному обозрѣнію, остановимся коротко на перечнѣ тѣхъ постановленій, которыя должны служить основаніемъ временнаго порядка, введеннаго въ послѣднее время какъ въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ, такъ и въ принадлежащихъ къ нимъ губерніяхъ. Первымъ изъ нихъ по времени представляется повелѣніе объ особыхъ мѣрахъ къ пресѣченію уклоненія отъ прописки видовъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Одессѣ,

Digitized by Google

Ялтѣ и петербургской губерніи. Это повелѣніе состоялось еще 27 февраля, и помѣщено въ оффиціальной газетѣ 5 апрѣля. Имъ предписывалось приступить къ приведенію въ извѣстность всѣхъ лицъ, проживающихъ въ названныхъ мѣстностяхъ, безъ прописки своихъ видовъ, какъ въ домахъ частныхъ, такъ и въ домахъ казенныхъ и придворнаго вѣдомства. Мѣстнымъ начальникамъ, а именно: градоначальникамъ и губернаторамъ, предоставлено право налагать и взыскивать, въ административномъ порядкѣ, съ домовладѣльцевъ, содержателей гостинницъ и меблированныхъ комнатъ штрафы за недонесеніе полиціи о живущихъ безъ прописки видовъ въ размѣрѣ отъ 50 до 500 рублей, за каждый случай нарушенія установленнаго порядка прописки. Дворники же и швейцары за такое нарушеніе имѣютъ быть устранены отъ своихъ мѣстъ съ воспрещеніемъ занимать ихъ впредь. Самихъ же лицъ, которыя окажутся незаписанными, опредѣлено задерживать до выясненія ихъ личности, и затѣмъ сообщать о нихъ шефу жандармовъ или министру внутреннихъ дѣлъ, и если они окажутся только виновными въ упущеніи, подвергать ихъ отвѣтственности въ установленномъ порядкѣ.

Указъ 5 апрѣля сенату о назначеніи трехъ временныхъ генералъ-губернаторовъ и о предоставленіи какъ имъ, такъ и бывшимъ уже тремъ генералъ-губернаторамъ особыхъ правъ, начинался слѣдующими словами: „Событія послѣдняго времени съ очевидностью указываютъ на существованіе въ Россіи если не многочисленной, то упорной въ преступныхъ заблужденіяхъ своихъ, шайки злоумышленниковъ, стремящейся подорвать всѣ основы государственнаго и общественнаго быта. Не ограничиваясь распространеніемъ путемъ печати, въ разсылаемыхъ тайно прокламаціяхъ, самыхъ возмутительныхъ ученій, клонящихся къ ниспроверженію догматовъ религіи, союза семейственнаго и правъ собственности, злодѣи эти неоднократно покушались на жизнь высшихъ сановниковъ Имперіи и другихъ лицъ, облеченныхъ правительственною властью. Наконецъ, рядъ злодѣйствъ завершился преступнымъ покушеніемъ на цареубійство“. Затѣмъ, въ указѣ 5 апрѣля упоминалось о необходимости прибѣгнуть къ исключительнымъ временнымъ мѣрамъ. Мѣры, установленныя въ указѣ, заключались въ назначеніи въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ временныхъ генералъ-губернаторовъ, съ чрезвычайными правами, которыя предоставлены тѣмъ же указомъ временно и генералъ-губернаторамъ въ Москвѣ, Кіевѣ и Варшавѣ. Этимъ шести генералъ-губернаторамъ въ названныхъ городахъ и принадлежащихъ къ нимъ губерніяхъ, а также нѣкоторыхъ смежныхъ мѣстностяхъ, подчинены всѣ мѣстныя гражданскія управленія, въ томъ размѣрѣ, какъ послѣднія подчиняются главнокомандующему арміею въ губерніяхъ и областяхъ, объ-

Digitized by Google

явленныхъ на военномъ положеніи. Учебныя заведенія всѣхъ вѣдомствъ также подчинены генералъ-губернаторамъ по предметамъ, относящимся до охраненія порядка и общественнаго спокойствія. Генералъ-губернаторамъ предоставлено: высылать административнымъ порядкомъ всѣхъ лицъ, которыхъ пребываніе въ данныхъ мѣстностяхъ они признаютъ вреднымъ; подвергать личному задержанію, по своему усмотрѣнію, всѣхъ лицъ, несмотря на званіе и состояніе, въ тѣхъ случаяхъ, когда они признаютъ это необходимымъ; пріостанавливать или вовсе воспрещать изданіе журналовъ и газетъ, направленіе которыхъ будетъ генералъ-губернаторами признано вреднымъ, и „вообще принимать тѣ мѣры, которыя по мѣстнымъ обстоятельствамъ они признаютъ необходимыми для охраненія спокойствія во ввѣренномъ имъ краѣ".

Сверхъ того, генералъ-губернаторы получили право предавать лицъ гражданскаго вѣдомства военному суду, съ примѣненіемъ къ нимъ наказаній, установленныхъ для военнаго времени, за всѣ виды преступленій государственныхъ или противъ порядка управленія, а также и за другія преступленія, предусмотрѣнныя общими уголовными законами, когда это будетъ признаваемо генералъ-губернаторами необходимымъ въ видахъ огражденія порядка и спокойствія. По дѣламъ этого рода имъ присвоиваются права, предоставленныя военными постановленіями главнокомандующему арміею въ военное время.

Это послѣднее постановленіе указа, 5 апрѣля, было дополнено приказомъ военнаго министра, отъ 8 апрѣля, въ которомъ опредѣлено, на основаніи особаго повелѣнія, примѣненіе къ военному суду надъ гражданскими лицами постановленій о судѣ въ военное время, съ указаніемъ нѣкоторыхъ особыхъ условій судопроизводства и правилъ о сокращенномъ порядкѣ судебнаго разсмотрѣнія подобныхъ дѣлъ. Дѣла о гражданскихъ лицахъ, преданныхъ военному суду, должны производиться въ военно-окружныхъ судахъ, съ тѣмъ, чтобы временные члены, полагаемые въ этихъ судахъ, назначались каждый разъ особо по распоряженію генералъ-губернаторовъ и исключительно изъ штабъ-офицеровъ. Подсудимымъ дозволяется избирать себѣ защитниковъ только изъ среды состоящихъ при военныхъ судахъ кандидатовъ на военно-судебныя должности. Въ случаяхъ очевидности преступленія, предоставляется генералъ-губернаторамъ предавать обвиненныхъ суду и безъ предварительнаго слѣдствія. На заключенія по слѣдствію или дознанію военному прокурору дается день; на предложеніе имъ военному суду обвинительнаго акта—день; черезъ день по полученіи акта, судъ даетъ дѣлу ходъ; свидѣтели, которые не могутъ явиться въ теченіи трехъ дней—не вызываются; подробный приговоръ изготов-

Digitized by Google

ляется въ сутки послѣ провозглашенія его сущности; для жалобъ и протестовъ на приговоръ предоставляются сутки; на усмотрѣніе генералъ-губернатора предоставляется—препровождать дѣло съ жалобою въ главный военный судъ или открыть на мѣстѣ особое присутствіе для разсмотрѣнія жалобы, или же „не давая дѣлу направленія въ кассаціонномъ порядкѣ, окончательно конфирмовать приговоръ суда".

Временными генералъ-губернаторами, высочайшимъ приказомъ 7 апрѣля, назначены: въ Петербургѣ генералъ-адъютантъ Гурко, вмѣстѣ съ тѣмъ назначенный и помощникомъ главнокомандующаго войсками гвардіи и петербургскаго округа; въ Харьковѣ—генералъ-адъютантъ графъ Лорисъ Меликовъ; въ Одессѣ—генералъ-адъютантъ Тотлебенъ, съ оставленіемъ его временно въ должности главнокомандующаго дѣйствующею арміею. На слѣдующій день, 8 апрѣля, въ полицейской газетѣ, были распубликованы три обязательныхъ постановленія генерала Гурко. Первымъ изъ нихъ предписывается, чтобы передъ каждымъ домомъ на улицѣ находился днемъ и ночью дворникъ, подъ опасеніемъ для домовладѣльцевъ штрафа до 500 рублей, а для дворниковъ—штрафа въ 25 рублей или ареста до 7 дней, во второй же разъ—высылкѣ изъ города. Во второмъ постановленіи предписывается оружейнымъ магазинамъ въ теченіи недѣли представить подробныя вѣдомости всему находящемуся въ нихъ и ихъ складахъ, и запрещается продавать огнестрѣльное и холодное оружіе и боевые припасы иначе, какъ по предъявленіи покупателемъ именного разрѣшенія отъ градоначальника, которое и оставляется въ магазинѣ. За неисполненіе положены штрафы до 500 р., во второй разъ—такой же штрафъ, конфискація всего находящагося въ магазинѣ оружія и запрещеніе торговать имъ. Такому же штрафу подвергаются владѣльцы тѣхъ магазиновъ, въ которыхъ окажется оружія или припасовъ болѣе, чѣмъ показано въ вѣдомости. Наконецъ, въ третьемъ постановленіи предписано и всѣмъ частнымъ лицамъ заявить полиціи о находящемся у нихъ огнестрѣльномъ оружіи, съ тѣмъ, что на храненіе его у себя они должны получить личное право отъ градоначальника; за нарушеніе этого постановленія — полагается штрафъ до 500 р. или, при несостоятельности, арестъ на 5 мѣсяцевъ и конфискація оружія.

Для публициста, слѣдящаго за явленіями текущей жизни, выборъ предметовъ обсужденія всегда опредѣляется независимо отъ его воли. Въ обыкновенное время онъ обязанъ говорить о крупнѣйшихъ изъ явленій, о тѣхъ, на которыхъ наиболѣе останавливается вниманіе общества. Тутъ выборъ предметовъ указываетъ ему сама жизнь. Въ настоящую минуту, выборъ предмета для публициста точно также не

Digitized by Google

зависитъ отъ его воли, но только на этотъ разъ онъ не можетъ служить и эхомъ общественныхъ голосовъ, не можетъ говорить о томъ, что на умѣ у каждаго; въ его распоряженіи остаются факты и вопросы болѣе второстепенные, и во всякомъ случаѣ чуждые внутренней политики. Впрочемъ, мы переживаемъ такое время, что даже и подобные, второстепенные вопросы въ глазахъ общества быстро получаютъ окраску политическую. Такъ, даже на такой чисто-педагогическій вопросъ, какъ преобразованіе одного высшаго училища, или на вопросъ чисто-экономическій объ отмѣнѣ подушныхъ сборовъ, общество, въ моменты тревожные, расположено смотрѣть не съ точки зрѣнія чисто-педагогической—или чисто-экономической, какъ то было бы естественно, но именно съ точки зрѣнія политической. Можно только пожелать, чтобы такія ненормальныя условія скорѣе исчезли, такъ чтобы сферы обсужденія раціонально спеціализировались. Можно пожелать, чтобы, напримѣръ, въ вопросѣ учебномъ всѣ видѣли на первомъ планѣ только интересы педагогическіе, а интересы высшаго порядка и болѣе общаго характера могли бы обсуждаться съ полною искренностью въ прямой ихъ постановкѣ, а не косвенно, въ видѣ намѣковъ, по поводу какихъ-либо техническихъ вопросовъ, не имѣющихъ по своему существу ничего общаго съ политикой.

Излагая мотивы, принятые въ руководство для преобразованія медико-хирургической академіи, на основаніяхъ, изложенныхъ въ правительственномъ сообщеніи 24 прошлаго марта, газета „Голосъ" сообщала именно, что въ число такихъ мотивовъ вовсе не входили цѣли политическія. Упоминая о слухахъ, „дававшихъ поводъ предполагать въ ожидаемомъ преобразованіи какія-то мѣропріятія противъ революціонной пропаганды, нарушающей въ настоящее время спокойствіе всего общества", газета „Голосъ" извѣщала, что при преобразованіи академіи имѣлись цѣли иныя, что „высшее учебное заведеніе имѣетъ свои, совершенно другія задачи". Указывая на молодыхъ людей, работающихъ для своего медицинскаго образованія, при матеріальной обстановкѣ, которая способна отнять энергію и у болѣе возмужалыхъ людей, газета сообщала слѣдующее: „дать этимъ труженикамъ полную возможность сдѣлаться научно-образованными, полезными дѣятелями для своего отечества—вотъ настоящій смыслъ только что утвержденныхъ мѣропріятій".

Нельзя не признать вполнѣ раціональнымъ такой взглядъ, что преобразованіе училища должно предприниматься исключительно въ интересахъ успѣховъ преподаванія, судьбы самихъ учащихся и того дѣла, которому они призваны служить, то-есть въ интересахъ совершенно чуждыхъ области политической. При нашихъ замѣчаніяхъ на нѣкоторыя частности преобразованія академіи мы и будемъ руковод-

Digitized by Google

ствоваться исключительно этими интересами чисто-педагогическаго свойства.

Сущность преобразованія заключается въ томъ, что посредствомъ постепеннаго въ теченіи двухъ лѣтъ закрытія двухъ низшихъ курсовъ академіи, все преподаваніе въ остающихся трехъ курсахъ будетъ посвящено спеціально-медицинскимъ предметамъ. Приготовительное же изученіе предметовъ естествовѣдѣнія, необходимыхъ для слушанія медицины въ академіи, будетъ происходить на первыхъ двухъ курсахъ университетскихъ факультетовъ, медицинскихъ или естественныхъ. Комплектъ учащихся въ военно-медицинской академіи полагается сперва въ 500, затѣмъ въ 650 человѣкъ, которые будутъ считаться на государственной службѣ съ званіемъ „кандидата медицины", должны носить форменную одежду и подчиняться вполнѣ общему порядку, установленному въ военномъ вѣдомствѣ для другихъ военныхъ академій. Такимъ образомъ, медицинская академія приравнивается къ академіямъ генеральнаго штаба, инженерной, артиллерійской и юридическої. Но полнаго уравненія, конечно, не можетъ быть уже потому, что для поступленія въ медицинскую академію надо будетъ пройти половину университетскаго срока, между тѣмъ какъ въ военныя академіи принимаются лица, окончившія военныя училища. Итакъ, сами подготовительныя заведенія слишкомъ различны по степенямъ, и притомъ въ однихъ все устройство основано на военной дисциплинѣ и особенностяхъ военнаго призванія, между тѣмъ, какъ въ другихъ, т.-е. въ университетахъ, устройство и духъ совершенно гражданскіе. Замѣтимъ мимоходомъ, что и названіе „кандидатовъ медицины", которое присвоивается состоящимъ въ комплектѣ медицинской академіи, взамѣнъ названія „студентовъ", менѣе всего согласуется именно съ ихъ будущимъ университетскимъ происхожденіемъ. Въ университетахъ званіе кандидата считается ученой степенью, которая дается по окончаніи полнаго курса и представленіи диссертаціи, такъ что соотвѣтствуетъ скорѣе званію лекаря, которое пріобрѣтается въ концѣ курса академіи, чѣмъ положенію студента, перешедшаго со второго курса университета на первый курсъ преобразованной академіи.

Главныя цѣли, принятыя для этого преобразованія, слѣдующія: 1) доставить учащимся вполнѣ обезпеченную обстановку учебными пособіями, необходимыми для полученія серьёзнаго медицинскаго образованія и обезпеченное, посредствомъ стипендій, матеріальное положеніе; 2) довести ежегодное число оканчивающихъ курсъ въ академіи и поступающихъ на службу по военному вѣдомству по меньшей мѣрѣ до 150 человѣкъ. Оказывается, что средствомъ для достиженія той и другой цѣли должно служить уменьшеніе общаго

Digitized by Google

числа слушателей въ академіи. Но не ошибается ли „Голосъ“ въ своемъ разсчетѣ?

Обратимся къ цифрамъ. Нынѣшнее число слушателей въ академіи превышаетъ вдвое число ихъ на медицинскомъ факультетѣ московскаго университета (890 чел.) и равняется числу слушателей всѣхъ остальныхъ пяти медицинскихъ факультетовъ, вмѣстѣ взятыхъ. При большомъ числѣ слушателей академіи, учебно-вспомогательныя учрежденія ея, какъ изъясняется въ мотивахъ, „перестали удовлетворять, по меньшей мѣрѣ, одной трети желающихъ серьёзно заниматься молодыхъ людей“. На третьемъ курсѣ теперь до 270 слушателей, и это оказывается обременительнымъ, такъ какъ если бы ихъ было даже гораздо менѣе, именно 150 чел., то и тогда „каждому студенту приходилось бы заниматься подъ руководствомъ профессора діагностикой всего 90 минутъ въ теченіи года, состоящаго изъ 27 лекціонныхъ недѣль“. Въ хирургическомъ отдѣленіи для участія при операціяхъ и наложеніи повязокъ, на каждаго студента, въ группѣ 25 чел., приходится въ годъ только около 68 минутъ быть руководимымъ профессоромъ. На IV курсѣ теперь до 250 чел., на V до 230 чел., но если бы ихъ было только по 150 чел., и тогда каждому пришлось бы имѣть, во всѣхъ клиническихъ отдѣленіяхъ вмѣстѣ, въ своемъ кураторствѣ только $5^1/_2$ больныхъ въ годъ на IV курсѣ и до 10 больныхъ въ годъ на V курсѣ—„число крайне недостаточное“, какъ сказано въ изложеніи мотивовъ.

Надо быть врачемъ, конечно, чтобы судить, сколько минутъ непосредственнаго профессорскаго руководства при практическихъ занятіяхъ могутъ быть достаточны въ годъ для каждаго студента. Но когда намъ предлагаются, для убѣжденія, ариѳметическія данныя, то мы во всякомъ случаѣ способны дѣлать исключительно-ариѳметическія сравненія между этими данными; для этого уже не требуется спеціальныхъ знаній. Предположимъ, что 150 слушателей третьяго курса постоянно присутствуютъ при діагностической работѣ подъ руководствомъ профессора. Если на каждаго изъ нихъ приходится въ годъ всего полтора часа личнаго занятія діагностикой подъ наблюденіемъ профессора, то вѣдь для него не проходитъ же безслѣдно присутствіе при такомъ же распознаваніи каждаго изъ товарищей. А если на одного изъ 150 слушателей приходится по полтора часа въ годъ личной работы этого рода, то на всѣхъ 150 приходится, сверхъ того, $223^1/_2$ часа въ годъ присутствія при руководствѣ профессора такою же работой его товарищей. Итакъ, во всякомъ случаѣ, нельзя сказать, чтобы каждый студентъ всего и занимался въ годъ распознаваніемъ болѣзней по признакамъ, подъ наблюденіемъ профессора, „всего 90 минутъ“ въ году. То же самое примѣнимо въ

Digitized by Google

большей или меньшей мѣрѣ и къ другимъ цифровымъ отношеніямъ, указаннымъ въ изложеніи мотивовъ. Если же остановиться на томъ, что при нормѣ 150 слушателей 90 минутъ въ годъ личнаго распознаванія, подъ руководствомъ профессора или кураторства надъ 5½ больными и хотя бы 10 больными въ годъ слишкомъ недостаточно, то спрашивается, какое же именно число минутъ и число больныхъ было бы для этого достаточнымъ? Двойное? И то едва ли. Почему 180 минутъ, т.-е. три часа въ годъ, были бы совершенно достаточны, если 1½ часа крайне недостаточны? Почему кураторство надъ 11 (вмѣсто 5½) больными въ годъ было бы совершенно достаточно на IV курсѣ, если кураторство надъ 10 больными въ годъ на V курсѣ уже теперь прямо признается крайне недостаточнымъ?

А вѣдь для удвоенія этихъ цифръ, пришлось бы еще сократить на половину норму 150 чел. въ курсѣ, допускаемую мотивами, такъ что, вмѣсто нынѣшнихъ 270, 250 и 230 чел. на высшихъ курсахъ, было бы на каждомъ изъ нихъ всего по 75 человѣкъ. Но въ такомъ случаѣ, какимъ же образомъ можно было бы разсчитывать на ежегодный выпускъ изъ академіи на военно-медицинскую службу 150 чел., по меньшей мѣрѣ, т.-е. на достиженіе другой главной цѣли нынѣшняго преобразованія? Не вѣрнѣе ли было бы увеличить время, приходящееся на каждаго студента для практическихъ работъ подъ руководствомъ профессоровъ, увеличеніемъ учебнаго времени въ академіи? Почему же лекціонный годъ въ академіи ограничивается всего 27 недѣлями, т.-е. почему въ году полагается всего *полгода* учебнаго времени? Вмѣсто уменьшенія числа слушателей, не естественнѣе ли было бы увеличить учебное время и чрезъ это возвысить процентныя отношенія практическихъ работъ, приходящіяся на каждаго студента, подъ наблюденіемъ профессоровъ?

Въ мотивахъ объяснено, что и при нынѣшнемъ числѣ слушателей ежегодные выпуски до войны доставляли всего среднимъ числомъ по 111 врачей, изъ которыхъ только 64 поступали на военную службу. Но трудно понять, какимъ образомъ, если въ академіи, вмѣсто 1,500 слушателей будетъ только 500, ежегодный выпускъ изъ нея съ 111 возрастетъ на 150? Несомнѣнно, что если вся дорого-стоющая академія, съ своимъ огромнымъ штатомъ преподавателей и своими богатыми учебно-вспомогательными пособіями будетъ существовать только для 500 челов., то каждый изъ нихъ можетъ ими воспользоваться нѣсколько больше, чѣмъ нынѣ (хотя едва ли втрое противъ нынѣшняго); но что, если отношеніе выпусковъ къ общему числу слушателей останется прежнее? Въ такомъ случаѣ, если изъ 750 челов., бывшихъ нынѣ на трехъ высшихъ курсахъ, выпускалось ежегодно 111 челов., то изъ 500 будетъ выпускаться всего 90 челов.

Digitized by Google

Тогда вторая главная цѣль преобразованія—увеличеніе числа врачей не была бы достигнута.

Правда, на это могутъ возразить, что преобразованіе предпринято исключительно въ интересахъ военнаго вѣдомства. А такъ какъ вмѣсто 64 врачей, поступавшихъ нынѣ въ военную службу, получились бы 90, то хотя общая цифра выпускаемыхъ врачей и понизилась бы на треть, но военное вѣдомство все-таки было бы въ выигрышѣ. Однако оцѣнка и этого результата будетъ зависѣть отъ того, какимъ количествомъ средствъ онъ будетъ достигнутъ. Эти средства представляются стипендіями, такъ какъ всѣ 500 слушателей, составляющіе комплектъ академіи, будутъ получать стипендіи. Но вѣдь стипендіи существуютъ и нынѣ. По статьѣ 3-й „главныхъ началъ“ преобразованія академіи, въ комплектъ военно-медицинской академіи поступаютъ изъ студентовъ III, IV и V курсовъ, всѣ получающіе нынѣ академическія стипендіи, какъ обязанные за то служить въ военномъ вѣдомствѣ. Число ихъ дополняется изъ желающихъ тѣхъ же курсовъ по выбору начальства академіи, по мѣрѣ учрежденія новыхъ стипендій и перечисленія въ академію военно-медицинскихъ стипендій изъ университетовъ“. Итакъ, средства представляются: *прежними* стипендіями, существовавшими въ академіи и университетахъ и — *новыми* стипендіями, которыя предполагается учреждать. Но сохраненіе прежнихъ стипендій, очевидно, не увеличиваетъ выпуска врачей въ армію; насколько онъ можетъ возрасти въ академіи отъ перечисленія въ нее военныхъ стипендій изъ университетовъ, настолько онъ долженъ упасть въ университетахъ. Итакъ, увеличеніе выпуска врачей въ армію можетъ быть достигнуто единственно учрежденіемъ новыхъ стипендій, — и результатъ былъ бы совершенно тотъ же. Во всякомъ случаѣ, сокращеніе числа слушателей академіи на двѣ трети и переводъ остальныхъ изъ нихъ въ университеты едва ли можетъ содѣйствовать увеличенію общаго числа военныхъ врачей.

Итакъ, единственной цѣлью преобразованія остается дать большее удобство меньшему числу людей для пользованія тѣми учебными пособіями, которыя нужны высшимъ тремъ курсамъ. Но въ академіи есть не мало учебныхъ пособій, назначенныхъ для первыхъ двухъ курсовъ, для изученія естественныхъ наукъ. Таковы музеи. Если первыми меньшему числу людей будетъ пользоваться удобнѣе — хотя замѣтимъ, изъ 1,500 челов. можетъ оказываться гораздо болѣе людей способныхъ, чѣмъ изъ 500 челов. — за то вторыми, т.-е. музеями академіи, не будетъ уже пользоваться никто.

Вотъ тѣ замѣчанія о частностяхъ преобразованія академіи, которыя мы позволимъ себѣ сдѣлать главнымъ образомъ потому, что

Digitized by Google

преобразованіе еще только предпринято, и что новое положеніе объ академіи имѣетъ еще быть выработано. При выработкѣ его, казалось бы также необходимо, чтобы военно-медицинское начальство озаботилось точной редакціей того правила, отъ котораго зависитъ вся судьба молодыхъ людей, имѣющихъ нынѣ оставить академію въ случаѣ непереведенія на слѣдующій курсъ, хотя бы по болѣзни. Въ статьѣ 2-й „главныхъ основаній“ сказано, что „не выдержавшимъ переходнаго экзамена и пробывшимъ въ курсѣ не болѣе одного года предоставляется право перейти на медицинскіе факультеты университетовъ“; но прибавлено: „на основаніи существующихъ въ нихъ правилъ“. Это не довольно ясно: или студенту академіи предоставляется право перейти въ университетъ просто въ силу того, что онъ былъ принятъ въ академію; въ такомъ случаѣ, слова „на основаніи существующихъ въ нихъ правилъ“—излишни. Или же студенту академіи предоставляется перейти въ университетъ съ соблюденіемъ общихъ условій пріема въ университеты, т.-е. съ представленіемъ гимназическаго аттестата, а въ такомъ случаѣ студенту не предоставляется никакого права.

Каковы будутъ научные успѣхи въ академіи, по преобразованіи ея, можетъ показать только будущее. Въ настоящее время несомнѣнно только одно, а именно, что вслѣдствіе этой мѣры число медицинскихъ слушателей уменьшится въ ближайшіе годы, такъ какъ въ академіи, вмѣсто 1,500 челов., будетъ всего 500—600 челов. Съ этимъ совпадетъ уменьшеніе общаго числа и университетскихъ слушателей вслѣдствіе другой, недавно объявленной мѣры, а именно—прекращенія доступа духовнымъ семинаристамъ въ университеты на льготныхъ правахъ.

Когда вслѣдъ за введеніемъ въ гражданскихъ гимназіяхъ новаго устава 1871 года, число слушателей въ университетахъ стало съ году на годъ падать, то признано было возможнымъ, въ видахъ пополненія университетовъ, допустить пріемъ въ нихъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій на особыхъ правилахъ. Имъ однимъ была предоставлена льгота—подвергаться пріемному экзамену въ самихъ университетахъ. Практическое назначеніе этой мѣры было совершенно ясно, но въ теоріи ее не легко было оправдать. Если бы допустить, что духовныя семинаріи стоятъ на одномъ уровнѣ преподаванія съ гимназіями, то уравненіе ихъ въ правахъ по отношенію къ университету было бы понятно. Но въ томъ-то и дѣло, что этого не было. Это было извѣстно всѣмъ, и признавалось самимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, которое считало недостаточнымъ семинарскій аттестатъ, не сравнивало его съ такъ-называемымъ „аттеста-

Digitized by Google

томъ зрѣлости" и допускало семинаристовъ въ университеты не иначе, какъ по особому пріемному экзамену. Но, въ такомъ случаѣ, почему же для семинаристовъ допущено было исключеніе изъ общаго правила, почему имъ предоставлялось держать пріемный экзаменъ прямо въ университетѣ, а не подвергаться, наравнѣ съ воспитанниками всѣхъ прочихъ заведеній, „испытанію зрѣлости" въ гимназіяхъ?

Въ теоріи такая льгота семинаристамъ не могла быть оправдываема, но практическое назначеніе ея, повторяемъ, было вполнѣ ясно. Оно заключалось въ томъ, чтобы пополнять университеты, во что́ бы то ни стало, лишь бы устранить тотъ фактъ, что подъ вліяніемъ новаго гимназическаго устава университеты стали бы приходить въ запустѣніе. Но понятно, что когда какая-либо мѣра принимается не въ строгомъ согласіи съ прочими мѣрами, а только въ виду особенной, практической цѣли,—она легко можетъ быть и отмѣняема, какъ только прежняя практическая цѣль уступитъ мѣсто новой. Уменьшеніе числа студентовъ университетовъ, вслѣдствіе новой мѣры, будетъ весьма чувствительно, такъ какъ, благодаря допущенной доселѣ льготѣ, число поступавшихъ въ университеты семинаристовъ было весьма велико, на что́ мы и обращали вниманіе въ свое время, при обсужденіи ежегодныхъ отчетовъ по министерству народнаго просвѣщенія. Въ нѣкоторыхъ университетахъ семинаристы составляли даже большинство всего числа поступавшихъ, въ иныхъ — треть и четверть. Итакъ, въ этомъ самомъ размѣрѣ общее число имѣющихъ вновь поступать въ университеты теперь должно уменьшиться.

Въ силу повелѣнія 20-го марта, на семинаристовъ распространяются общія правила для поступленія въ университеты и другія высшія учебныя заведенія всѣхъ вѣдомствъ—для лицъ, неокончившихъ курсъ въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія. Такимъ образомъ, начиная съ слѣдующаго учебнаго года, 1879—1880, прекращается доступъ въ университеты и другія высшія учебныя заведенія духовныхъ семинаристовъ, если они не подвергнутся испытанію зрѣлости въ гимназіяхъ или выпускному экзамену въ реальныхъ училищахъ, наравнѣ со всѣми лицами, которыя не окончили курса въ гимназіяхъ или реальныхъ училищахъ. Временное исключеніе въ пользу семинаристовъ допущено только одно: они будутъ приниматься и впредь еще въ историко-филологическіе институты и ярославскій лицей на льготныхъ основаніяхъ. Но это исключеніе не противорѣчитъ общему результату, какой должна произвести нынѣшняя мѣра: уменьшеніе числа учащихся въ университетахъ въ среднемъ размѣрѣ хоть на треть, да еще уменьшеніе слушателей въ техническихъ училищахъ, вслѣд-

Digitized by Google

ствіе новой мѣры, будетъ столь значительно, что допущеніе семинаристовъ въ малолюдные историко-филологическіе институты не ослабитъ общаго результата. Но какъ же можетъ выразиться въ числахъ послѣдствіе обѣихъ мѣръ, о которыхъ мы говорили,—преобразованія медицинской академіи и прекращенія семинаристамъ доступа въ университеты? Такъ какъ, вмѣсто нынѣшнихъ $1^1/_2$ тыс. слушателей въ академіи, будетъ всего 500—600, то остальное число отчасти представится увеличеніемъ числа студентовъ въ университетахъ, но никакъ не на всю разницу въ 1000 человѣкъ. Дѣло въ томъ, что, во-первыхъ, въ самой медицинской академіи число семинаристовъ было весьма велико —и имъ доступъ въ университеты прекращенъ; во-вторыхъ, не всѣ же, кто по обстоятельствамъ могъ поступить въ петербургскую медицинскую академію, будутъ въ состояніи поступать въ университеты иныхъ городовъ. Начать съ того, что въ самомъ петербургскомъ университетѣ медицинскаго факультета нѣтъ. Итакъ, мы должны допустить, что до половины всего числа 1000 чел., которые окажутся въ слѣдующіе годы въ недочетѣ въ академіи противъ нынѣшняго числа ея студентовъ, не поступятъ въ университеты. Затѣмъ, общее число учащихся въ семи университетахъ имперіи, включая варшавскій, составляетъ около $6^3/_4$ тыс. чел. Допустивъ, что, вслѣдствіе закрытія семинаристамъ доступа въ университеты, число поступающихъ въ нихъ сократится, въ среднемъ размѣрѣ, на одну треть, — получимъ, что, вмѣсто нынѣшняго общаго числа студентовъ академіи и университетовъ $8^1/_4$ тыс. чел., черезъ нѣсколько лѣтъ окажется 500 чел. въ академіи и 4.500 тыс. чел. въ университетахъ, а всего — 5 тыс. чел. Сокращеніе весьма значительное.

Само-собою разумѣется, что число поступающихъ въ университеты съ аттестатами гимназій будетъ все-таки постепенно возростать; но возростаніе это совершается столь медленно, что оно долго не уравновѣситъ того сокращенія общаго числа студентовъ университетовъ и академіи, какое произведено будетъ нынѣ принятыми мѣрами. При всемъ томъ, мы должны однако замѣтить, что и уменьшеніе числа студентовъ академіи и университетовъ, хотя бы оно и состоялось въ предположенной нами, для примѣра, нормѣ, а именно съ $8^1/_4$ тыс. на 5 тыс. чел., все-таки не понизитъ числа студентовъ до такой степени, какъ то могло бы сдѣлать возстановленіе мѣры 1849 г.—объ ограниченіи числа студентовъ въ каждомъ университетѣ 300-ми. Такая мѣра, вмѣстѣ съ преобразованіемъ академіи, понизила бы общее число студентовъ академіи и университетовъ съ $8^1/_4$ тыс. прямо до 2.700 человѣкъ.

Обратимся теперь къ предположеніямъ и указаніямъ рода экономическаго. Въ послѣднее время тѣхъ и другихъ составлено замѣт-

Digitized by Google

ное число — и притомъ весьма важныхъ. На этотъ разъ мы остановимся только на назначеніи двухъ законодательныхъ коммиссій, имѣющихъ цѣлью: одна—отмѣну системы подушныхъ сборовъ, другая—измѣненія въ нашемъ таможенномъ тарифѣ.

Повелѣніе 23-го марта о назначеніи коммиссіи для обсужденія предположеній относительно подушныхъ сборовъ прямо ставитъ коммиссіи цѣлью—„*отмѣну* сборовъ, взимаемыхъ въ пользу государственнаго казначейства по подушной системѣ“ и изысканіе „для замѣны ихъ — другихъ источниковъ государственныхъ доходовъ“. Итакъ, на этотъ разъ предположено уже не „преобразованіе“ подушныхъ сборовъ, съ переименованіемъ ихъ въ подворные и поземельные, какъ было предположено въ томъ проектѣ податной коммиссіи, который разсматривался земствомъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Теперь предполагается уже изысканіе другихъ источниковъ государственныхъ доходовъ для замѣны подушныхъ сборовъ. Слѣдуетъ, стало-быть, предположить, что цѣлью нынѣ образованной въ министерствѣ финансовъ коммиссіи должно служить обсужденіе такого общаго налога, въ который могли бы войти прежніе подушные сборы съ податныхъ сословій, но который уже надалъ бы не на одни эти, а на всѣ сословія въ государствѣ. Впрочемъ, нѣкоторыя газеты поняли порученіе, данное коммиссіи, въ такомъ смыслѣ, что бремя подушныхъ платежей будетъ просто снято съ податныхъ сословій, а казна вознаградитъ себя, пріискавъ доходы изъ какихъ-то новыхъ источниковъ. Чтобы уяснить дѣло, достаточно напомнить, что подушные сборы составляютъ болѣе 100 милл. руб. Изъ какихъ же новыхъ источниковъ замѣнить такую сумму? Въ бюджетъ 1879 г. введено цѣлыхъ пять новыхъ налоговъ и возвышеній прежнихъ налоговъ—и наибольшее, что отъ нихъ ожидается, это—всего 21 милл. рублей.

Уже изъ этого сопоставленія явствуетъ, что въ дѣйствительности, и по отмѣнѣ подушныхъ сборовъ, доставляемая ими казначейству сумма должна, главнымъ образомъ, взиматься все-таки съ рабочей массы. Средствомъ для отмѣны подушныхъ сборовъ будетъ избранъ, вѣроятно, все-таки поразрядный налогъ. Но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что низшей степенью поразряднаго налога все-таки останется налогъ съ ручного труда. Установленіе подоходнаго налога въ Россіи мы всегда разумѣли, какъ средство для достиженія слѣдующихъ цѣлей: 1) привлеченія къ платежу налога движимыхъ капиталовъ и высшаго труда; 2) нѣкотораго *облегченія* (вѣроятно, весьма малаго) податного бремени рабочей массы на всю ту сумму, какая можетъ получиться отъ обложенія движимыхъ капиталовъ и труда высшихъ профессій; и 3) отмѣны *наименованія* подушныхъ сборовъ.

Digitized by Google

Иного читателя такая постановка вопроса можетъ, пожалуй, совершенно охладить къ самому вопросу. Цѣли эти слишкомъ мелки сравнительно съ предполагавшейся имъ возможностью — такъ-себѣ просто взять, да и освободить крестьянскую массу отъ подушныхъ казенныхъ сборовъ. Но мы уже не разъ указывали на очевидный фактъ, что въ странѣ, бѣдной капиталомъ и оборотами, а богатой только числомъ населенія, подать поголовная, въ какой бы формѣ и подъ какимъ бы она наименованіемъ ни взималась, не можетъ быть отмѣнена. Вопросъ однако вполнѣ заслуживаетъ разсмотрѣнія и для достиженія тѣхъ второстепенныхъ цѣлей, какія приведены нами выше.

Во-первыхъ, привлеченіе движимыхъ капиталовъ и высшаго труда къ платежу налога требуется справедливостью. Свобода денежной и фондовой торговли отъ налога, въ то время, когда всякая иная торговля несетъ налоги, полная льгота спекуляціи — въ то время, какъ земледѣліе обременено налогами до крайняго предѣла,—это явленія ненормальныя. Высшій трудъ также долженъ подлежать налогу, хотя въ этомъ отношеніи необходимо было бы для казенныхъ служебныхъ окладовъ установить минимумъ, который подвергался бы тому же размѣру налога, какъ низшая изъ допущенныхъ разрядовыхъ ступеней.

Во-вторыхъ, если бы новыя средства, добытыя этими путями, могли быть таковы, что дали бы возможность разсчитать податное бремя для рабочей массы (въ видѣ низшаго поразряднаго оклада) хоть на одну десятую ниже нынѣшней суммы подушныхъ сборовъ, то и это все-таки было бы полезно,—и это стоило бы сдѣлать. Допустимъ, что обложеніе движимыхъ капиталовъ и высшаго труда (т.-е. сборъ съ высшихъ разрядовъ) дало бы въ годъ хоть милл. 10—15 руб. Это дало бы возможность разсчитать окладъ низшаго разряда такъ, чтобы онъ былъ на 10—15% ниже нынѣшней суммы подушной подати и государственнаго земскаго сбора, падающихъ на ревизскія души. Облегченіе было бы хотя и небольшое, но все-таки было бы облегченіе.

Въ-третьихъ, самая отмѣна *наименованія* подушныхъ сборовъ, замѣненныхъ такимъ образомъ низшимъ окладомъ поразряднаго налога, имѣла бы все-таки юридическое значеніе; она дала бы возможность устранить изъ законовъ различеніе между *податными* и неподатными сословіями, устранить терминологію, которая противорѣчитъ принципу равенства передъ закономъ.

Но болѣе этого такъ-называемая отмѣна подушныхъ сборовъ, при помощи поразряднаго налога, не могла бы произвесть ничего, ни въ смыслѣ экономическомъ, ни въ смыслѣ политическомъ. Въ

Digitized by Google

смыслѣ экономическомъ для народа важно только реальное уменьшеніе платежнаго бремени, хотя бы на 25 коп. съ ревизской души, а вовсе не замѣна способа взиманія *съ души* — какимъ-либо инымъ способомъ взиманія. „Изслѣдованія положительно доказываютъ,—говоритъ г. Трироговъ въ статьѣ, напечатанной въ нашемъ журналѣ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ [1]),—что ни подушныхъ спеціальныхъ сборовъ и, слѣдовательно, ни подушныхъ спеціальныхъ недоимокъ—не существуетъ фактически, а показываются они только въ книгахъ уѣздныхъ казначействъ, по усмотрѣнію гг. сельскихъ писарей или казначейской канцеляріи. Въ каждомъ рублѣ или лучше—въ каждой копѣйкѣ, внесенной домохозяиномъ сборщику податей, *нераздѣльно* содержатся всѣ сборы и подати, какъ равно и въ недонесенной копѣйкѣ заключается недоимка всѣхъ податей и сборовъ". Податная душа и податная десятина представляютъ единицы различныя, но подушная подать есть то же самое, что поземельный налогъ. На этомъ тождествѣ для крестьянина податей разныхъ наименованій, коль скоро онѣ падаютъ на его личный трудъ, необходимо настаивать, чтобы не предаваться иллюзіи, будто „отмѣна" подушныхъ сборовъ съ оставленіемъ полнаго бремени ихъ подъ инымъ именованіемъ могла бы имѣть значеніе и въ политическомъ смыслѣ — устраняя предлогъ для какихъ-либо вредныхъ внушеній народу. И съ этой цѣлью полезнѣе реальное уменьшеніе платежнаго бремени хотя бы на 25 коп. съ души, чѣмъ одна отмѣна наименованія подушныхъ сборовъ, безъ всякаго уменьшенія реальнаго размѣра платежей. Поэтому мы убѣждены, что назначенная нынѣ коммиссія будетъ стремиться именно не только къ отмѣнѣ самаго названія, но и къ нѣкоторому облегченію податного бремени для рабочей массы, насколько на то получится новыхъ средствъ отъ привлеченія къ налогу движимыхъ капиталовъ и труда высшихъ профессій.

Другой коммиссіи, учрежденной повелѣніемъ 30 марта, подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта, Г. П. Небольсина, порученъ пересмотръ существующихъ постановленій о таможенныхъ пошлинахъ и льготахъ по привозу изъ-за границы металловъ и металлическихъ издѣлій. Итакъ, предстоитъ пересмотръ нашего тарифа. По времени, можно сказать, пора было пересмотрѣть его: 11 лѣтъ отдѣляли тарифъ 1868 отъ тарифа 1857 г., и ровно такой же срокъ будетъ отдѣлять новый тарифъ отъ нынѣ дѣйствующаго. Но будетъ ли нынѣ пересмотръ тарифа совершенъ въ томъ же направленіи, какъ въ предшествующій разъ — вотъ вопросъ, на который трудно

1) Податная десятина, „Вѣстн. Европ.", ноябрь, 1878, стр. 62—101.

Digitized by Google

отвѣчать съ увѣренностью. Мы даже не знаемъ, предположенъ ли общій пересмотръ тарифа или только введеніе въ немъ частныхъ измѣненій спеціально по отношенію къ привозу изъ-за границы металловъ и тѣмъ необходимостямъ, какія могутъ возникнуть собственно отсюда.

Нельзя не замѣтить, что пересмотръ нашего тарифа предпринимается во время неблагопріятное для интересовъ потребителей. По всей континентальной Европѣ пронеслось вѣяніе обновленнаго протекціонизма. Даже въ Великобританіи стали въ послѣднее время вновь раздаваться голоса въ такомъ смыслѣ, что законы Пиля о безпошлинномъ ввозѣ хлѣба разорили англійское земледѣліе. Но въ Англіи, по крайней мѣрѣ, и сами жалующіеся такимъ образомъ не предполагаютъ возможности обложенія привознаго хлѣба вновь пошлиною, признавая, что на первомъ планѣ все-таки стоитъ интересъ потребителей, то-есть рабочей массы, и что касаться этого интереса, стремиться къ вздорожанію хлѣба—невозможно.

Не то мы видимъ на континентѣ. Здѣсь главнымъ иниціаторомъ возстановленія протекціонизма является самъ „великій канцлеръ", князь Бисмаркъ. Съ тѣхъ поръ, какъ ему удалось побѣдить Австрію и Францію, кн. Бисмаркъ дѣйствительно считаетъ себя способнымъ рѣшать самыми простыми средствами труднѣйшіе вопросы и совершать своими приказами какіе угодно перевороты, какъ въ мірѣ нравственномъ, такъ и въ мірѣ экономическомъ. Но не всѣ вещи такъ просты, какъ сравненіе состоянія военныхъ силъ одного государства съ состояніемъ ихъ въ другомъ государствѣ. А вѣдь всѣ политическіе успѣхи Бисмарка и вся его обусловленная ими репутація геніальности, которая теперь, повидимому, ему самому не даетъ покоя, основались на томъ, что онъ убѣдился въ превосходствѣ прусской арміи надъ австрійскою и надъ арміею второй имперіи, и имѣлъ смѣлость дѣйствовать рѣшительнымъ образомъ на основаніи этого сознанія. Убѣжденіе это принадлежало не ему одному. Даже французскіе офицеры Трошю и Стоффель высказывали мысль, что армія второй имперіи малочисленнѣе прусской и система мобилизаціи несравненно хуже прусской. Но надо было имѣть смѣлость, рѣшительность, чтобы дѣйствовать на основаніи такого убѣжденія, не говоря уже о личномъ авторитетѣ, необходимомъ для сообщенія своего убѣжденія главѣ государства. Итакъ, эта смѣлость и рѣшительность — вотъ все, что создало успѣхи Бисмарка и его репутацію геніальности. Правда, что въ сферѣ отношеній междугосударственныхъ, такія качества, какъ смѣлость и рѣшимость на рискъ, на основаніи хотя бы очень вѣроятнаго для всѣхъ факта, составляютъ качества первостепенныя.

Digitized by Google

Но не такъ въ тѣхъ областяхъ, которыя соприкасаются съ міромъ нравственнымъ и съ наукою. Здѣсь смѣлость и рѣшительность изслѣдователя и вершителя являются качествами далеко не первостепенными. Вотъ почему въ попыткѣ передѣлать германскій католицизмъ въ „національный", а потомъ въ предпріятіи борьбы съ католичествомъ, полицейскими мѣрами, подъ видомъ „борьбы за культуру", Бисмаркъ испыталъ полную неудачу, и нынѣ уже самъ зоветъ клерикаловъ на помощь противъ новыхъ враговъ — соціалистовъ. Борьбу съ соціализмомъ канцлеръ предпринялъ столь же легко и тѣми же пріемами, но покамѣстъ отъ этой борьбы въ Пруссіи пострадала интеллигенція болѣе, чѣмъ соціализмъ. Въ сферѣ промышленности и торговли великій канцлеръ берется за дѣло такъ же рѣшительно и все при помощи столь же простыхъ средствъ, выражающихся словами: „запретить", „отплатить", „наказать". Онъ предпринялъ таможенныя репрессаліи, которыя должны обратиться, главнымъ образомъ, на Россію. Его возмущаетъ мысль, что, несмотря на пять милліардовъ полученной контрибуціи, Германія въ послѣднія 7 лѣтъ стала приходить въ экономическій упадокъ. Онъ хочетъ „поднять" ея промышленность административными мѣрами, какъ онъ поднялъ политическое могущество Пруссіи. Для достиженія этой цѣли и притомъ въ возможно-краткій срокъ, по-военному, великій канцлеръ предпринялъ удовлетворить въ одно время жалобы всѣхъ сторонъ, т.-е. какъ прусскаго казначейства, такъ и представителей промышленности разныхъ родовъ и вмѣстѣ сельскаго хозяйства. А такъ какъ интересы всѣхъ этихъ сторонъ многоразличны и въ значительной мѣрѣ взаимно-противорѣчивы, то въ умѣ канцлера составилась первоначально такая странная комбинація отдѣльныхъ проектовъ, что ее нельзя было подвести ни подъ какую изъ существующихъ экономическихъ теорій. Логика въ ней и состояла главнымъ образомъ только въ постоянномъ примѣненіи словъ: запретить, отплатить, наказать, возвысить и т. п. Запрещеніемъ и возвышеніемъ онъ желалъ удовлетворить въ одно время и казну, и владѣльцевъ каменноугольныхъ разработокъ, и владѣльцевъ металлическаго производства, и владѣльцевъ механическихъ заводовъ; но оказалось, что то, что выигрываетъ одна изъ этихъ отраслей производства, то другая теряетъ. Сельское хозяйство онъ предпринялъ удовлетворить возвышеніемъ пошлины на ввозный хлѣбъ и скотъ, а казну, между прочимъ, введеніемъ табачной монополіи. Но то и другое нарушало интересы германской же торговли. Короче, уже теперь, когда нѣкоторыя экономическія мѣры дѣйствительно предложены имъ сейму, оказывается, что онѣ далеко не могутъ имѣть того всеобъемлющаго значенія, какое, повидимому, придавалъ сперва кн. Бисмаркъ своимъ

Digitized by Google

величавымъ планамъ, и едва ли могутъ создать экономическое величіе Германіи въ „кратчайшее по возможности время".

Но тѣмъ не менѣе, мѣры эти таковы, что онѣ затрогиваютъ интересы странъ, сосѣднихъ съ Германіей, а отсюда происходитъ то, что и въ этихъ странахъ стали подумывать о встрѣчныхъ мѣрахъ „покровительства". Однимъ словомъ, духъ протекціонизма въ настоящій моментъ временно торжествуетъ вновь на континентѣ Европы, такъ что то либеральное направленіе, которое стало господствовать въ таможенной международной политикѣ со времени знаменитаго англо-французскаго торговаго трактата 1860 года, уступаетъ мѣсто новому или, лучше сказать, старому направленію. Начинаютъ воскресать идеи меркантилизма и предпринимается между-государственная борьба à coups de tarifs, которая должна быть безплодна по самому своему существу, какъ всякія репрессаліи, вызывающія репрессаліи съ другой стороны.

Вотъ, въ какое неблагопріятное время предпринимается у насъ на этотъ разъ пересмотръ таможеннаго тарифа. Очень можетъ быть, что онъ и предпринимается только съ частной цѣлью—репрессалій противъ предпринимаемыхъ Германіею таможенныхъ мѣръ, направленныхъ въ значительной мѣрѣ именно противъ Россіи. Въ такомъ случаѣ репрессаліи эти могутъ, пожалуй, начаться именно на привозимыхъ изъ-за границы принадлежностяхъ желѣзнодорожнаго подвижного состава, и вообще металлическихъ издѣліяхъ. Для ограниченія пріобрѣтенія паровозовъ за границею у насъ въ послѣднее время уже приняты были нѣкоторыя мѣры. Законъ 1877 года, предоставляя премію 2,400 — 3,000 р. нашимъ заводамъ за каждый приготовляемый ими паровозъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, вмѣнилъ желѣзнодорожнымъ обществамъ, вновь утверждаемымъ, въ обязанность пріобрѣтать паровозы и вообще весь грузовой вагонный подвижной составъ не иначе, какъ въ Россіи. Въ добавленіе къ этому, въ нынѣшнемъ году состоялся приказъ по министерству путей сообщенія, запретившій и наемъ подвижного состава заграницею, какъ замаскированное пріобрѣтеніе его. Могутъ быть предприняты дальнѣйшія запретительныя мѣры и относительно другихъ машинъ и металлическихъ издѣлій вообще. Если такое и другія тому подобныя частныя измѣненія тарифа будутъ дѣлаемы съ спеціальной цѣлью репрессалій, то-есть временнаго отпора таможенныхъ мѣръ, направленныхъ противъ Россіи, то о нихъ ничего нельзя сказать. Таможенная война, какъ и всякая иная, можетъ имѣть свои особыя необходимости, и иное изъ того, что при нормальномъ теченіи жизни было бы нераціонально, можетъ казаться практичнымъ въ видѣ временнаго средства для понужденія Германіи

Digitized by Google

къ отмѣнѣ такихъ мѣръ, которыя угрожаютъ въ особенности сельскохозяйственнымъ интересамъ губерній царства польскаго.

Но вѣдь частное и временное измѣненіе таможеннаго тарифа — вещь довольно опасная. Во-первыхъ, всякія существенныя измѣненія здѣсь не могутъ, по необходимости, дѣлаться на короткое время, тарифъ не можетъ подвергаться частнымъ колебаніямъ, такъ какъ и торговые и промышленные обороты требуютъ извѣстнаго времени и совершаются въ виду данныхъ условій тарифа. Самые размѣры внутренняго производства могутъ быть искусственно поднимаемы на время подобными измѣненіями, и затѣмъ быстрое возвращеніе къ прежнему порядку можетъ вызывать частные кризисы въ отрасляхъ производства, до которыхъ колебанія это касаются. Во-вторыхъ—и это всего важнѣе—таможенный тарифъ, хотя и не представляетъ чего-либо совершенно цѣльнаго, органически связаннаго, однако почти всякое существенное измѣненіе въ тарифѣ отзывается на нѣсколькихъ соприкасающихся, хотя вовсе и не солидарныхъ между собою отрасляхъ промышленности, и мѣра, принятая въ пользу одной изъ нихъ, тотчасъ создаетъ неравенство отношеній между ними и вызываетъ жалобы.

Такъ, оставаясь въ сферѣ, ближайшей къ металлическому производству, предположимъ, что принята отдѣльная мѣра, обложенъ пошлиною привозный каменный уголь, съ спеціальной цѣлью развитія разработки русскихъ залежей и по ходатайству ихъ владѣльцевъ. Но эта мѣра тотчасъ вызоветъ жалобы всѣхъ заводчиковъ вообще, которыхъ производство основано на каменномъ углѣ и между прочимъ—тѣхъ, которые производятъ желѣзо, чугунъ, сталь. Эти представители металлическаго производства укажутъ, какъ на несправедливость, на то, что въ то же самое время въ пользу заводовъ механическихъ сохраняется льгота безпошлинной выписки изъ-за границы металловъ. Они потребуютъ, чтобы эта льгота была отмѣнена. Но тогда механическіе заводчики станутъ доказывать, что при такой жертвѣ съ ихъ стороны, они будутъ не въ состояніи сколько-нибудь выдерживать иностранную конкурренцію. А вслѣдъ за возвышеніемъ пошлины съ машинъ поднимутся цѣны на машины—и тогда уже всѣ фабрики, дѣйствующія машинами, потребуютъ возвышенія покровительства своимъ издѣліямъ. Такимъ образомъ, въ результатѣ оказалось бы общее возвышеніе пошлинъ съ привозныхъ издѣлій.

И дѣйствительно, всѣхъ этихъ противорѣчивыхъ интересовъ и не примиришь ничѣмъ, кромѣ общаго возвышенія тарифа. А вѣдь каждый изъ этихъ интересовъ громко вопіетъ о себѣ, каждый имѣетъ представителей, которые допускаются въ финансовыя административныя сферы. Такъ и нынѣшней коммиссіи предоставлено приглашать

Digitized by Google

въ свои засѣданія „экспертовъ", а эти лица прежде всего эксперты — по части своихъ выгодъ. Одинъ только интересъ своихъ представителей не имѣетъ, это—тотъ, на которомъ должно отозваться общее возвышеніе тарифа, это—интересъ потребителей. Да и не одни только фабриканты по части техническаго производства, а всякіе промышленники склонны постоянно жаловаться на иностранное соперничество и требовать искусственнаго себѣ поощренія и на счетъ тѣхъ же потребителей. Если послушать ихъ всѣхъ, то пошлина можетъ быть удержана въ прежнемъ размѣрѣ и даже уменьшена только на такіе продукты, которыхъ Россія вовсе не производитъ, такъ что удешевленіе ихъ не угрожаетъ ни чьимъ выгодамъ. Таковъ чай. Но тутъ вступится казначейство и не безъ основанія напомнитъ, что главная цѣль таможенныхъ тарифовъ все-таки всегда была—доставленіе наибольшаго дохода казначейству, а покровительственные виды уже только впослѣдствіи привились къ этой главной цѣли. Между тѣмъ, пошлина съ чая одна доставляетъ казначейству четвертую часть всего таможеннаго сбора. Итакъ, и ея невозможно убавить, а скорѣе потребно возвысить.

Но вѣдь давно ли и возвышены, въ дѣйствительности, всѣ пошлины по ввозу, давно ли наше внутреннее производство получило вновь такое огульное возвышеніе покровительства, какого не можетъ дать ему никакое измѣненіе нормъ тарифа? Покровительство домашнимъ продуктамъ и издѣліямъ возвысилось разъ оттого, что всѣ ввозные предметы возросли въ цѣнѣ отъ паденія цѣнности рубля, въ размѣрѣ 10% всего въ два года; во второй разъ покровительство возросло отъ взиманія пошлинъ золотомъ по нарицательной цѣнѣ, что составило возвышеніе пошлинъ на половину. Такимъ образомъ, всѣ иностранные продукты вздорожали въ среднемъ размѣрѣ процентовъ на 15 своей прежней цѣны. Вѣдь это одно, въ смыслѣ покровительства, составило *удвоеніе*, такъ какъ съ общей цѣнности товаровъ, обложенныхъ пошлиной и ввезенныхъ въ 1875 году,—402 мил. р., поступило пошлины 60 мил. р., т.-е. 15 процентовъ; стало быть, если цѣна иностранныхъ товаровъ нынѣ возвысилась на 15 процентовъ противъ тогдашней, то средній размѣръ покровительства русскимъ продуктамъ оказывается уже въ 30%.

Спрашивается: какое же еще нужно нашимъ производителямъ возвышеніе покровительства, и возможно ли допустить именно теперь еще новое возвышеніе тарифа, когда и безъ того покровительство за послѣдніе два года удвоилось? Неужели же интересъ потребителей вовсе не имѣетъ значенія и можетъ быть подвергаемъ неопредѣленнымъ утѣсненіямъ въ пользу заводчиковъ, фабрикантовъ и промышленниковъ? Кому же, поставимъ мы вопросъ въ Некрасовской

Digitized by Google

формѣ, „хорошо жить на Руси“ и при нынѣшнихъ условіяхъ, если не имъ именно, и даже имъ однимъ? Трудовая масса достаточно обременена налогами,—въ этомъ всѣ согласны; люди такъ-называемыхъ либеральныхъ профессій страдаютъ отъ паденія кредитнаго рубля, потому что заработки вообще не поднимаются въ уровень съ вздорожаніемъ продуктовъ; люди, живущіе опредѣленными окладами и съ процентами съ бумагъ, несутъ на себѣ всю тягость этого вздорожанія. Одни заводчики, промышленники и торговцы въ Россіи процвѣтаютъ. Имъ горя мало отъ паденія рубля, вздорожаніе продуктовъ имъ идетъ прямо въ пользу. Увеличеніе кредитнаго обращенія для нихъ же выгодно: оно облегчаетъ ссуды и даетъ средство на расширеніе производства и торговли. Однимъ словомъ, всѣ экономическіе недостатки, отъ которыхъ страдаетъ масса, до нихъ не касаются, а если касаются, то къ ихъ же выгодѣ.

Каково жить въ Россіи потребителю всякаго продукта? Крестьянинъ ѣстъ хлѣбъ свой (если такового хватитъ до весны), но за то этотъ хлѣбъ онъ произвелъ въ убытокъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ доходъ съ земли не покрываетъ массы платежей. За водку, за соль, которые крестьянинъ покупаетъ, онъ платитъ акциза гораздо болѣе, чѣмъ сколько стоютъ сами эти продукты. Чиновникъ, офицеръ изъ 500 — 1,000 руб. дохода долженъ на одну свою собственную одежду издержать въ годъ 100 — 150 руб. по меньшей мѣрѣ, благодаря тому покровительству отечественной производительности, которое заставляетъ его платить за каждый аршинъ сукна и за каждую пуговицу вдвое болѣе, чѣмъ онъ платилъ бы безъ этого тягчайшаго изъ всѣхъ нашихъ налоговъ (для средняго класса). Отъ всякаго комфорта въ устройствѣ жилища, отъ всякихъ общественныхъ удовольствій, отъ малѣйшихъ прихотей въ пищѣ за своимъ семейнымъ столомъ, средній русскій гражданинъ образованнаго сословія долженъ въ общемъ правилѣ отказываться. Все это доступно ему только въ видѣ рѣдкихъ исключеній, такъ какъ все это для него разорительно. Вздумаетъ онъ принесть дѣтямъ десятокъ апельсиновъ — покровительство „отечественной производительности“ заставляетъ его платить 50 коп., вмѣсто 30-ти, которыя онъ заплатилъ бы, если бы производство отечественныхъ огурцовъ не было защищаемо отъ конкурренціи мессинскихъ апельсиновъ. Сигарку ли онъ выкуритъ, она стоитъ вдвое дороже, чѣмъ бы стоила безъ покровительства доморощенной махорки (сигарный фабрикантъ платитъ за выписываемый табакъ въ листахъ 4 руб. 40 к. съ пуда, а импортеръ иностранныхъ сигаръ 88 рублей съ пуда). Соберется ли два раза въ годъ въ театръ, онъ платитъ 1 р. 70 к. за перчатки, изъ каковой цѣны треть идетъ на покровительство; конечно, онъ но-

Digitized by Google

жетъ пріобрѣсть перчатки за 80 коп., но тѣ — дороже, такъ какъ ихъ не донесешь цѣльными до театра.

Отъ всего этого зависитъ, что въ Россіи для огромнаго большинства массы народа и образованнаго общества недоступенъ никакой комфортъ, никакія общечеловѣческія потребности сколько-нибудь улучшать и украшать свой вседневный бытъ, а отъ этого не мало зависитъ, въ свою очередь, и неряшливость, равнодушіе къ лучшему устройству жилья, т.-е. къ тому стремленію, которое на Западѣ сильно поддерживаетъ интересъ къ своему очагу и къ самой жизни семейной. Благодаря тѣмъ же условіямъ, т.-е. благодаря непомѣрности всѣхъ нашихъ переплатъ для процвѣтанія нашей „отечественной производительности", въ большихъ городахъ у насъ даже семьи, получающія тысячи три-четыре рублей дохода въ годъ, живутъ безъ всякаго сравненія хуже, чѣмъ заграницей живетъ семья на то же количество франковъ. Удивляться ли послѣ этого, что даже люди богатые такъ и рвутся пожить хоть нѣсколько мѣсяцевъ заграницей? Ихъ гонятъ вовсе не „модный абсентеизмъ", не „слѣпое поклоненіе Западу", не „оторванность отъ родной почвы" — какъ насъ въ томъ силятся увѣрить приверженцы другого рода протекціонизма — того, что хочетъ заборомъ иностраннаго и запретомъ его, создать у насъ какія-то „самобытныя нравственныя силы", совершенно такъ, какъ создавались самобытно линючіе ситцы отечественнаго производства, — просто-на-просто — заграницей, даже несмотря на невыгодность курса, дешевле доставить себѣ тотъ комфортъ, который у насъ приходится все еще считать излишествомъ.

И вотъ, при такихъ-то условіяхъ, наши фабриканты, заводчики и производители всякаго рода, единственные люди, кому еще, сравнительно говоря, „хорошо жить на Руси", получивъ въ послѣдніе два года удвоеніе покровительства, оказываемаго имъ тарифомъ 1868 г., требуютъ теперь еще пересмотра его, въ смыслѣ огульнаго возвышенія! Остается надѣяться, что просвѣщенному государственному дѣятелю, которому поручено предсѣдательство въ новой коммиссіи, человѣку съ обширными экономическими свѣдѣніями, удастся отклонить подобныя домогательства и по возможности спеціализировать пересмотръ тарифа.

Единственный пересмотръ его, въ смыслѣ повышенія, какой дѣйствительно могъ бы вызываться обстоятельствомъ времени, заключался бы развѣ въ томъ, чтобы увеличить обложеніе сырыхъ и необработанныхъ продуктовъ, выписываемыхъ фабрикантами, какъ то и сдѣлано недавно относительно хлопка-сырца. Это было бы раціональнымъ послѣдствіемъ взиманія пошлинъ золотомъ, которое ото-

Digitized by Google

звалось на сырыхъ продуктахъ безъ всякаго сравненія менѣе чувствительно (по низкой нормѣ ихъ обложенія), чѣмъ на ввозныхъ издѣліяхъ. Но какъ бы то ни было, будемъ надѣяться, что при пересмотрѣ тарифа будетъ принятъ въ соображеніе и тотъ первостепенный интересъ, котораго въ коммиссіи не станутъ защищать никакіе „эксперты"—интересъ потребителей.

РАЗЪЯСНЕНІЕ.

Печатается на основаніи ст. 44-й прилож. къ ст. 4-й (примѣч.) уст. ценз. св. зак. т. XIV-го, по продолж. 1875 года, по требованію министерства народнаго просвѣщенія.

Въ октябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы" за 1878 годъ, въ отдѣлѣ хроники, составитель этого отдѣла, коснувшись вопроса о пользѣ инспекціи народныхъ училищъ, возникавшаго въ харьковскомъ земствѣ, и направляя рѣшеніе сего вопроса въ отрицательномъ смыслѣ, въ доказательство безполезности оной, ссылается, между прочимъ, на письмо мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ, Неклюдова, къ предсѣдателю тамошней губернской управы по этому предмету, говоря при этомъ: „Г. Неклюдовъ самъ прямо объявляетъ, что учрежденіе инспекціи не принесло осязательныхъ результатовъ, не улучшило положенія народнаго образованія, и школы остаются въ такомъ же плачевномъ состояніи, въ какомъ находились онѣ до инспекторовъ". Газета „Голосъ", въ № 319-мъ за тотъ же 1878 годъ, въ отдѣлѣ: „Литературная лѣтопись", передавая нѣкоторыя мѣста изъ упомянутой хроники „Вѣстника Европы" и повторяя приведенное заявленіе, приписываемое симъ журналомъ инспектору Неклюдову, прибавляетъ: „Изъ признаній г. Неклюдова видно, что существующіе инспекторы не могутъ физически посѣщать школъ и руководить ученьемъ, потому что съ нихъ требуется ихъ начальствомъ сложная канцелярская работа, неимѣющая ничего общаго съ интересами народнаго образованія, и что эта послѣдняя работа, поглощающая все время инспекторовъ, безусловно обязательна".

Между тѣмъ, оказывается, что какъ заявленіе о безполезности инспекціи, приписываемое г. Неклюдову въ „Вѣстникѣ Европы", такъ и признаніе въ физической невозможности для инспекторовъ посѣщать школы и руководить ученіемъ въ нихъ, единственно по причинѣ лежащей на нихъ сложной канцелярской работы, приписываемое инспектору Неклюдову въ „Голосѣ", совсѣмъ не принадлежатъ

Digitized by Google

сему инспектору, въ чемъ читатель можетъ убѣдиться изъ помѣщаемыхъ ниже: а) копіи съ представленія директора народныхъ училищъ харьковской губерніи попечителю округа, отъ 25-го января 1879 года, и б) письма инспектора Неклюдова къ предсѣдателю управы, 6-го декабря 1877 года, о которомъ упоминается въ „Вѣстникѣ Европы" и „Голосѣ".

Копія съ представленія директора народныхъ училищъ харьковской губерніи г. попечителю харьковскаго учебнаго округа, отъ 25-го января 1879 года, за № 47-мъ:

Вслѣдствіе предложенія отъ 16-го декабря 1878 года, я имѣю честь почтительнѣйше донести вашему превосходительству слѣдующее: въ 1876 году, харьковская губернская земская управа обратилась въ дирекцію училищъ съ просьбою указать ей, для доклада губернскому земскому собранію, какія мѣры могли бы быть приняты губернскимъ земствомъ для развитія народнаго образованія въ губерніи? Я счелъ себя обязаннымъ придти въ этомъ случаѣ на помощь управѣ и указалъ ей слѣдующія, наиболѣе соотвѣтствовавшія потребностямъ, мѣры: а) открытіе 11-ти женскихъ двухклассныхъ училищъ, по одному въ каждомъ уѣздѣ; b) ассигнованіе суммы для заимообразныхъ выдачъ сельскимъ обществамъ на постройку школьныхъ помѣщеній; c) устройство краткосрочныхъ педагогическихъ курсовъ; d) учрежденіе склада учебныхъ книгъ и пособій; e) содержаніе стипендіатовъ въ учительскихъ семинаріяхъ; f) выдачу членамъ училищныхъ совѣтовъ открытыхъ листовъ для безплатнаго взиманія лошадей на земскихъ станціяхъ, при разъѣздахъ для осмотра сельскихъ училищъ, и, наконецъ, g) принятіе на счетъ земства содержанія четырехъ инспекторовъ, въ видахъ усиленія педагогическаго контроля за школьною дѣятельностью, такъ какъ бывшихъ въ то время двухъ инспекторовъ отъ правительства было крайне недостаточно для правильнаго обзора школъ и руководства учебными занятіями въ цѣлой губерніи. Всѣ эти мѣры были одобрены и приняты губернскимъ земскимъ собраніемъ, за исключеніемъ только послѣдней, возбудившей весьма шумныя пренія и самые энергическіе протесты со стороны нѣкоторыхъ гласныхъ. Въ этихъ протестахъ и возраженіяхъ въ рѣзкой формѣ было высказано, что инспекторы — это не болѣе, какъ агенты правительства съ полицейскимъ характеромъ, что они не могутъ принести пользы дѣлу народнаго образованія, что учителя и школы вовсе не нуждаются ни въ надзорѣ за ними, ни въ руководствѣ и, наконецъ, что управленіе школами должно всецѣло принадлежать земству, которое, поэтому, всегда будетъ протестовать противъ инспекторовъ, назначаемыхъ правительствомъ. Въ виду такихъ враждебныхъ и совершенно неосновательныхъ заявленій, явилась необходимость представить земскому собранію дополнительныя свѣдѣнія по разсматриваемому вопросу. Это и было сдѣлано инспекторомъ училищъ, Неклюдовымъ, исправлявшимъ въ то время мою должность. Онъ отправилъ предсѣдателю земской управы письмо, въ которомъ старался разъяснить значеніе и роль инспектора въ дѣлѣ развитія народнаго образованія, неудовлетворительное состо-

Digitized by Google

ніе начальныхъ училищъ въ харьковской губерніи, какъ со стороны матеріальной обстановки, такъ равно и со стороны преподаванія, и вытекающую отсюда многосложность занятій инспектора, которая, въ свою очередь, обусловливала необходимость увеличенія числа этихъ должностныхъ лицъ. Это письмо, представлявшее совершенно правдивую картину положенія дѣла и не заключавшее никакихъ противорѣчій съ дѣйствительностью, было напечатано въ журналѣ земскаго собранія и, такимъ образомъ, сдѣлалось доступнымъ періодической печати. Въ журналѣ „Вѣстникъ Европы“ за 1878 годъ появилась статья, касавшаяся, между прочимъ, развитія народнаго образованія и, по взгляду на дѣло, вполнѣ солидарная съ вышеприведенными мнѣніями гласныхъ харьковскаго губернскаго земства. Въ ней проводится тотъ взглядъ, что управленіе народными училищами должно быть передано земству, а всякое вмѣшательство правительства способно только тормазить развитіе народнаго образованія. Для доказательства вѣрности такого взгляда, авторъ статьи позволилъ себѣ воспользоваться письмомъ инспектора Неклюдова и, цитируя его, въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ, не задумался извратить смыслъ письма до послѣдней степени и вообще поступилъ самымъ недостойнымъ образомъ. Такъ, напримѣръ, авторъ статьи приписываетъ инспектору Неклюдову мнѣніе, будто бы учрежденіе инспекціи не принесло никакой пользы дѣлу народнаго образованія и школы остаются въ такомъ же плачевномъ состояніи, въ какомъ онѣ были до инспекторовъ. Между тѣмъ, это мнѣніе принадлежитъ вовсе не инспектору Неклюдову, а земскимъ дѣятелямъ; инспекторъ же взялъ это мнѣніе какъ положеніе, для того только, чтобъ опровергнуть его, что онъ, дѣйствительно, и старался сдѣлать въ своемъ письмѣ. Въ другомъ мѣстѣ письма, инспекторъ Неклюдовъ, желая опровергнуть выраженное въ земскомъ собраніи мнѣніе о томъ, что инспекторы существуютъ лишь для полицейскаго надзора и почти даромъ получаютъ жалованье, счелъ за лучшее перечислить и объяснить земству всѣ занятія и обязанности инспекторовъ. Авторъ же статьи и этимъ воспользовался для своей цѣли и вывелъ заключеніе, будто бы инспекторы и потому еще непригодны для народныхъ школъ, что учебное начальство всегда будетъ заваливать ихъ канцелярскими работами, неимѣющими никакого отношенія къ дѣлу народнаго образованія. Такое заключеніе, совершенно неправильное и ни на чемъ неосновательное, менѣе всего можетъ найти для себя опору въ письмѣ инспектора Неклюдова и должно быть отнесено всецѣло къ непосредственнымъ измышленіямъ автора статьи. Обязанности и занятія инспекторовъ, дѣйствительно, перечислены въ письмѣ коллежскаго совѣтника Неклюдова, но единственная цѣль этого перечисленія заключалась въ томъ, чтобъ показать земству, что оно не знаетъ обязанностей инспектора и судитъ о нихъ неправильно, что инспекторамъ скорѣе много дѣла, чѣмъ мало, что многосложность ихъ занятій, въ томъ числѣ и переписка, прямо обусловливается состояніемъ дѣла народнаго образованія и отношеніемъ къ нему земства и обществъ (а вовсе не требованіями учебнаго начальства, какъ предположилъ авторъ статьи) и что, наконецъ, та же многосложность за-

Digitized by Google

нятій, въ свою очередь, обусловливаетъ необходимость увеличенія числа инспекторовъ.

Спустя нѣсколько времени, фельетонистъ газеты „Голосъ" воспользовался содержаніемъ упомянутой выше статьи и съ чужого голоса повторилъ все сказанное въ этой статьѣ и въ томъ же извращенномъ видѣ.

Почтительнѣйше представляя на благоусмотрѣніе вашего превосходительства все вышеобъясненное мною, я считаю долгомъ присовокупить, что четырехлѣтняя служба моя съ инспекторомъ Неклюдовымъ даетъ мнѣ полную возможность высказаться въ его пользу и удостовѣрить, что мнѣніе, приписанное ему авторомъ статьи „Вѣстника Европы" и повторенное въ газетѣ „Голосъ", не имѣетъ ничего общаго съ образомъ мыслей инспектора Неклюдова, которому столько же ясны роль и значеніе инспекціи въ дѣлѣ народнаго образованія, сколько дороги и самые интересы этого дѣла. Подлинное подписалъ директоръ *Жаворонковъ*.

Копія съ письма инспектора народныхъ училищъ харьковской губерніи Неклюдова, адресованнаго на имя предсѣдателя харьковской губернской земской управы Бекарюкова, 6-го декабря 1877 года, за № 878-мъ:

Милостивый государь, Захаръ Ивановичъ.

Въ одномъ изъ засѣданій харьковскаго губернскаго земскаго собранія настоящей сессіи имѣетъ быть разсмотрѣнъ, между прочимъ, докладъ губернской земской управы о мѣрахъ къ распространенію народнаго образованія въ губерніи. Пользуясь этимъ случаемъ, я позволяю себѣ представить вашему вниманію нѣкоторыя соображенія, вызванныя ближайшимъ знакомствомъ съ содержаніемъ упомянутаго доклада.

Въ числѣ мѣръ для развитія дѣла народнаго образованія, указанныхъ г. директоромъ училищъ и приведенныхъ въ докладѣ управы, упоминается, между прочимъ, выдача членамъ училищныхъ совѣтовъ открытыхъ листовъ на право безплатнаго взиманія лошадей на земскихъ станціонныхъ пунктахъ. Эта мѣра, повидимому, одобрена управою, хотя съ значительнымъ ограниченіемъ, которое выражается тѣмъ, что управа, съ своей стороны, находитъ полезнымъ выдавать безплатные билеты для взиманія лошадей только *земскимъ* членамъ училищныхъ совѣтовъ. Я не могу догадаться, что́ именно лежитъ въ основаніи такого ограниченія, но совершенно отчетливо понимаю тѣ затрудненія, которыя могутъ и должны возникнуть отъ различнаго положенія лицъ, служащихъ одному и тому же дѣлу, исполняющихъ однѣ и тѣ же обязанности. Весьма естественно ожидать, что, при такомъ условіи, остальные члены училищныхъ совѣтовъ совсѣмъ откажутся отъ поѣздокъ въ училища, и тогда одно изъ двухъ: или посѣщеніе всѣхъ вообще училищъ въ каждомъ уѣздѣ ляжетъ всею своею тяжестью на земскихъ только членовъ, какъ лицъ, имѣющихъ средства для поѣздокъ, или же, если земскіе члены предпочтутъ раздѣленіе труда между всѣми членами, то бо́льшая часть училищъ будетъ внѣ наблюденія и осмотра со стороны совѣта. Между тѣмъ,

Digitized by Google

посѣщеніе училищъ со стороны лицъ, могущихъ, такъ или иначе, быть имъ полезными, имѣетъ весьма важное значеніе въ дѣлѣ развитія народнаго образованія. Для примѣра, достаточно указать на то лишь обстоятельство, что члены училищныхъ совѣтовъ должны производить испытанія на льготу при отбываніи воинской повинности. Эта льгота весьма интересна для крестьянина, она съ перваго раза стала надежнымъ двигателемъ школьнаго дѣла, и вотъ, благодаря только тому, что не *земскіе* члены будутъ лишены преимуществъ, какими станутъ пользоваться члены *земскіе*, она оказывается сомнительною мѣрою для развитія народнаго образованія, она парализована, такъ какъ большинство учащихся, не будучи подвергнуто испытанію на льготу, лишается этой, дорогой для него льготы.

Далѣе г. директоръ училищъ мотивировалъ выдачу членамъ совѣта безплатныхъ билетовъ, съ одной стороны, общею неудовлетворительною обстановкою школъ, а съ другой—недостаточностью контроля надъ школами со стороны дирекціи училищъ, или, правильнѣе, крайнею ограниченностью силъ послѣдней (одинъ инспекторъ на пять-шесть уѣздовъ, на 200—250 школъ). Это заявленіе о недостаточности контроля, вполнѣ необходимаго при настоящемъ положеніи дѣла, осталось безъ всякаго отзыва со стороны управы, и въ ея капитальномъ докладѣ ничего не говорится по поводу этого обстоятельства.

Я позволяю себѣ остановиться именно на этомъ пунктѣ, такъ какъ считаю его весьма важнымъ и заслуживающимъ особеннаго вниманія.

Въ средѣ членовъ земскихъ учрежденій довольно распространено мнѣніе о неудачномъ и непроизводительномъ устройствѣ нынѣшняго управленія народными училищами вообще, о безполезности и совершенной непригодности для дѣла народнаго образованія инспекторовъ училищъ въ частности. Такое мнѣніе, сколько мнѣ извѣстно, основывается, прежде всего, на томъ соображеніи, что управленіе народными школами должно быть сосредоточено въ тѣхъ учрежденіяхъ, отъ которыхъ зависитъ самое существованіе школъ, а затѣмъ, питается и поддерживается убѣжденіемъ, что учрежденіе инспекціи не принесло осязательныхъ результатовъ, не улучшило положенія дѣла народнаго образованія и школы остаются въ такомъ же плачевномъ состояніи, въ какомъ находились онѣ и до инспекторовъ.

Мнѣ кажется, что, говоря о полезности или безполезности какого бы то ни было учрежденія, не всегда возможно руководствоваться единственно результатами дѣятельности этого учрежденія въ извѣстный только періодъ времени. Хороши или дурны эти результаты, но они могутъ быть дѣломъ случая, могутъ обусловливаться цѣлымъ рядомъ благопріятныхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Въ настоящемъ случаѣ это особенно справедливо. Я полагалъ бы поэтому, что, для правильнаго рѣшенія вопроса о полезности или безполезности инспектора для развитія дѣла народнаго образованія, необходимо принять въ соображеніе весь кругъ обязанностей этихъ лицъ, въ связи съ условіями, которыя остаются неизмѣнными для инспекторовъ и составляютъ, такъ сказать, естественную и обязательную для нихъ обстановку. Разсматривать же этотъ вопросъ съ иной точки зрѣнія, руководясь, напримѣръ, крайне поверхностнымъ наблюденіемъ резуль-

Digitized by Google

татовъ дѣятельности одного-другого лица, да еще въ самый краткій періодъ времени, не обращая при этомъ никакого вниманія на упомянутыя условія, значило бы, мнѣ кажется, становиться на весьма непрочную и крайне неблагодарную почву.

Въ чемъ же, въ самомъ дѣлѣ, заключаются обязанности инспекторовъ народныхъ училищъ? По смыслу инструкціи, изданной для этихъ должностныхъ лицъ, равно какъ и дѣйствующаго въ настоящее время положенія о народныхъ училищахъ, инспекторъ есть, прежде всего, *руководитель учителей въ ихъ школьныхъ занятіяхъ*. Я считаю необходимымъ остановиться на этой главной роли инспектора, въ виду того обстоятельства, что въ земскомъ собраніи, при обсужденіи вопроса объ увеличеніи числа инспекторовъ на земскія средства, раздавались голоса не только противъ инспекторовъ, какъ „правительственныхъ надсмотрщиковъ" вообще, но и противъ необходимости руководить учебною дѣятельностью учителей—въ частности. Нуженъ ли, въ самомъ дѣлѣ, руководитель для школьнаго дѣла? Весьма многіе у насъ понимаютъ дѣло народнаго образованія очень просто: выучилъ ребятъ разбирать кое-какъ печатное слово, нацарапать свою фамилію, класть на счетахъ, да читать наизусть двѣ-три молитвы—и дѣло сдѣлано въ совершенствѣ. Если руководствоваться такимъ взглядомъ на дѣло, то, пожалуй, дѣйствительно можно обойтись безъ инспектора, руководителя и съ совершенно спокойною совѣстью признать его лишнимъ для дѣла. Но если посмотрѣть на задачу народной школы иначе, если предъявить ей болѣе серьёзныя требованія, если потребовать отъ нея воспитательнаго вліянія на дѣтей, заботъ о всестороннемъ развитіи ихъ и, наконецъ, сообщенія имъ полезныхъ знаній, то я убѣжденъ (думаю, что это убѣжденіе раздѣлятъ со мною и всѣ тѣ, кто близко знакомъ съ дѣйствительностью), что школьная задача не только не придется по плечу нашимъ сторублевымъ учителямъ, загнаннымъ въ школу горькою нуждою, но будетъ она не подъ силу и людямъ, приготовлявшимся къ школьной дѣятельности, напримѣръ, воспитанникамъ учительскихъ семинарій, если на помощь къ нимъ не придетъ лицо, способное просмотрѣть школьную работу, отнестись къ ней критически, поправить ошибки, указать пробѣлы и недосмотры—однимъ словомъ, поставить дѣло такъ, какъ оно должно стоять. Оставьте нашихъ молодыхъ учителей (я имѣю въ виду лучшихъ изъ нихъ) безъ руководства, они непремѣнно потеряются на первыхъ же порахъ, потому что дѣло ихъ очень сложное и трудное, требующее напряженнаго вниманія, привычки наблюдать за самимъ собою, умѣнья анализировать школьныя явленія и собственную дѣятельность, наконецъ, опыта. Всѣхъ этихъ качествъ не дадутъ и не могутъ дать учительскія семинаріи своимъ воспитанникамъ, приготовляя ихъ къ школьной дѣятельности, и вотъ откуда является необходимость имѣть при школахъ инспектора-руководителя. Итакъ, главная роль инспектора—руководство школьною дѣятельностью—вызвана дѣйствительною потребностью и опровергать это можетъ только тотъ, у кого есть задняя мысль или кто не знаетъ, какъ стоитъ дѣло народнаго образованія и не вѣдаетъ, какъ оно должно стоять. Руководство занятіями—это главная роль инспектора, но, къ сожалѣнію, она не единственная. Тѣ же законоположенія, на какія я указалъ выше,

Digitized by Google

обязываютъ его заботиться о томъ, чтобъ устранять, по возможности, изъ школы все то, что̀ есть въ нихъ неудобнаго, уродливаго, что, однимъ словомъ, стоитъ на пути ея развитія и совершенствованія. Нельзя, конечно, осуждать законоположеніе за такую надбавку, такъ какъ она развязываетъ, по крайней мѣрѣ, руки инспектору, даетъ ему возможность дѣйствовать при всякой погодѣ, а не сидѣть, сложа руки, въ ожиданіи хорошей. Но та же самая надбавка и затрудняетъ и осложняетъ работу инспектора. Законоположеніе имѣло въ виду, конечно, отдѣльные случаи, предполагало, что инспектору достаточно указать на то или другое неудобство, чтобъ оно не имѣло уже болѣе мѣста, а на практикѣ эта надбавка разрослась до ужасающихъ размѣровъ: инспекторъ, по случайнымъ и непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, завѣдующій школами цѣлой половины губерніи, по такимъ же непредвидѣннымъ и совершенно ужъ независящимъ отъ него обстоятельствамъ, дѣлается вдругъ единственнымъ лицомъ (законоположеніе, конечно, не разсчитывало на это), заботящимся обо всѣхъ, безъ исключенія, нуждахъ школы, а вдобавокъ, каждый грошъ въ пользу школъ, каждая книжка, стекло въ окнѣ, вязанка соломы—все достается ему не иначе, какъ съ боя, путемъ продолжительныхъ домогательствъ, утомительныхъ переговоровъ и переписокъ, а иногда просто униженія. Оставить эту область безъ вниманія или даже отнестись къ ней поверхностно — невозможно, и не потому уже, что то или другое законоположеніе обязываетъ дѣйствовать въ этомъ направленіи, а просто потому, что если оставить школьную обстановку, какъ она есть, и не напрягать всѣхъ силъ къ ея улучшенію, такъ во многія школы инспектору, какъ руководителю учебною частью, незачѣмъ, пожалуй, и заглядывать. И вотъ, второстепенныя обязанности, въ силу случайныхъ, но неотразимыхъ обстоятельствъ, выдвигаются на первый планъ, пріобрѣтаютъ первенствующее значеніе, а главная роль инспектора отступаетъ на второе мѣсто и парализуется.

Но этимъ еще не исчерпываются занятія инспектора.

На немъ лежатъ и другія обязанности, а именно: онъ долженъ составлять всевозможныя отчетности по дѣлу народнаго образованія, онъ собираетъ и доставляетъ сложныя статистическія свѣдѣнія, онъ пріискиваетъ, назначаетъ, переводитъ и увольняетъ учителей, ему необходимо участвовать въ разрѣшеніи дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію училищныхъ совѣтовъ, ему нужно бывать на испытаніяхъ, производимыхъ на льготу по воинской повинности, онъ же завѣдуетъ дѣлопроизводствомъ училищныхъ совѣтовъ, онъ управляетъ низшими учебными заведеніями, неподчиненными училищному совѣту, онъ долженъ, наконецъ, вести обременительную переписку, доходящую до 1,000 нумеровъ бумагъ въ годъ, изъ которыхъ каждая не только составляется и переписывается на-бѣло собственною рукою инспектора, но тою же рукою запечатывается въ конвертъ и нерѣдко относится самимъ инспекторомъ на почту, потому что инспектору канцеляріи не положено. Все это обязанности, конечно, не главныя, не первостепенной важности, но игнорировать ихъ, или ихъ значеніе, невозможно, съ одной стороны, потому, что всѣ онѣ имѣютъ своимъ предметомъ развитіе дѣла народнаго образованія, а, съ другой—онѣ безусловно обязательны для инспектора, то въ виду законоположеній, то въ силу теченія

Digitized by Google

неблагопріятныхъ обстоятельствъ, какъ, напримѣръ, бездѣйствіе училищныхъ совѣтовъ, не всегда правильное отношеніе къ школамъ земства и почти всегда неразумное отношеніе къ нимъ сельскихъ обществъ и сельскихъ властей и т. п. Если засимъ принять въ соображеніе, что опредѣленныя занятія въ сельскихъ школахъ начинаются съ октября, а оканчиваются уже въ апрѣлѣ, если не въ мартѣ, что бо́льшая часть обязанностей, которыя я назвалъ второстепенными, совпадаетъ съ учебнымъ періодомъ въ народныхъ школахъ, то много ли, спрашивается, останется въ распоряженіи инспектора времени собственно для осмотра школъ и руководства учителей въ ихъ занятіяхъ? За исключеніемъ праздничныхъ дней, а также времени на переписку, для которой часто необходимо возвращаться домой послѣ непродолжительнаго отсутствія, останется никакъ не болѣе 60—70 учебныхъ дней. А между тѣмъ, на долю одного инспектора Харьковской губерніи приходится до 150-ти разныхъ учебныхъ заведеній, да и это только съ нынѣшняго года, когда правительство прибавило третьяго инспектора, а еще въ прошломъ году, при двухъ инспекторахъ, число училищъ у каждаго изъ нихъ заходило за 200. Нѣтъ ничего удивительнаго, что, при такихъ условіяхъ, инспекторъ едва въ состояніи осмотрѣть 40—50 школъ въ теченіи года. А гдѣ же мѣсто руководству учителей, требующему также времени? Вотъ, милостивый государь, въ какомъ положеніи находятся инспекторы народныхъ училищъ. Я увѣренъ, что это положеніе не было вамъ извѣстно. Позвольте же мнѣ теперь спросить, возможно ли по настоящей дѣятельности инспекторовъ, поставленныхъ, какъ вы видѣли, въ самыя неблагопріятныя условія, судить вообще о полезности или безполезности этихъ должностныхъ лицъ для дѣла народнаго образованія, справедливо ли затѣмъ утверждать, руководствуясь тою же дѣятельностью, что инспекторъ лицо безполезное для школы, что онъ не улучшилъ положенія дѣла народнаго образованія и что школы остаются въ прежнемъ плачевномъ состояніи.

Министерство народнаго просвѣщенія, предлагая учрежденіе инспекціи для народныхъ училищъ, имѣло въ виду поставить особаго инспектора въ каждый уѣздъ, опредѣляя, такимъ образомъ, для одного лица, среднимъ числомъ, 30 школъ. Министерству, конечно, представлялось очевиднымъ, что только при этомъ числѣ и при другихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ дѣятельность инспектора станетъ въ нормальныя условія и будетъ достигать своей цѣли. Я предоставляю вамъ, милостивый государь, судить, какъ далекъ этотъ первоначальный планъ министерства отъ дѣйствительности, только-что очерченной мною. Съ другой стороны, было бы крайнимъ противорѣчіемъ истинѣ утверждать, что инспекторы, даже въ настоящемъ, случайно ограниченномъ числѣ и при томъ обиліи работы, на какое я указалъ, не приносятъ пользы. Та же самая работа, осложненная, въ силу неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ, до послѣднихъ предѣловъ и исполняемая при полномъ напряженіи силъ, прямо противорѣчитъ этому.

Итакъ, учрежденію или лицу, искренно расположенному къ дѣлу народнаго образованія, слѣдуетъ не бросать въ инспекцію камнемъ, какъ это сдѣлали въ собраніи, а напротивъ — похлопотать о томъ,

Digitized by Google

чтобъ поставить инспекцію въ болѣе благопріятныя условія, при которыхъ дѣятельность ея не встрѣчала бы на каждомъ шагу капитальныхъ препятствій, не осложнялась бы, какъ она осложняется теперь. Условія же эти могли бы осуществиться, хотя отчасти, съ принятіемъ мѣръ, указанныхъ дирекціей, а именно съ благоустройствомъ школъ, съ одной стороны, и возможнымъ увеличеніемъ числа инспекторовъ—съ другой.

Оканчивая это письмо, имѣющее цѣлью разъясненіе дорогого мнѣ дѣла, я позволяю себѣ надѣяться, что вы, милостивый государь, будете столько обязательны, не откажетесь представить содержаніе его вниманію земскаго собранія. Подписалъ: Примите увѣреніе и проч. Ст. Неклюдовъ, инспекторъ училищъ Харьковской губерніи.

Примѣчаніе. Въ такомъ видѣ письмо было составлено инспекторомъ впервые. При перепискѣ же его, для отправленія по адресу, въ немъ сдѣланы нѣкоторыя незначительныя сокращенія, неизмѣнившія, впрочемъ, нимало настоящаго смысла письма.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.

5/17 апрѣля, 1879.

Африканскія колоніи и война съ зулусами.

— „Poor fellow's! ну, что-жъ дѣлать, нельзя быть всегда побѣдителями!“

Вотъ стереотипная почти фраза, безпрестанно повторяемая у насъ въ послѣдніе два мѣсяца, съ того дня, какъ принеслась громовая вѣсть о пораженіи при Изандулѣ. Нѣсколько сотенъ храбрецовъ, искрошенныхъ негритянской арміей, возбуждаютъ искреннее состраданіе; но скромность далеко не соотвѣтствуетъ даннымъ обстоятельствамъ, и скорѣе оскорбленная гордость звучитъ въ такихъ фразахъ, какъ приведенныя выше. Да! разумѣется, нельзя быть всегда побѣдителями! Это—истина, старая какъ міръ, и англійскій народъ еще разъ убѣдился въ ней собственнымъ печальнымъ опытомъ. Но нельзя быть безнаказанно громадной державой, владѣющей территоріями на всемъ земномъ шарѣ; слава и величіе даются не даромъ, и, захотѣвъ разыгрывать роль римской имперіи, слѣдуетъ ожидать время отъ времени пораженій, на манеръ Варра.

Исторія англійскихъ колоній въ южной Африкѣ, исторія довольно сложная, но ее слѣдуетъ знать для того, чтобы понять нескончаемыя

Digitized by Google

войны съ кафрами и зулусами. Можно во всякомъ случаѣ набросать главныя черты этой исторіи: она поучительна для великаго вопроса о колоніяхъ вообще, а мы можемъ встрѣтить въ англійскихъ владѣніяхъ всевозможные виды колонизаціи.

Извѣстно, что почти вся южная оконечность Африки, начиная съ мыса Доброй-Надежды до 26 град. южной широты (со времени присоединенія Трансваальской территоріи) принадлежитъ Великобританіи. Но подобно тому, какъ въ Канадѣ французы были піонерами цивилизаціи, такъ и здѣсь—голландцы приготовили путь англичанамъ, которые овладѣли мысомъ Доброй-Надежды лишь въ началѣ нынѣшняго столѣтія; трактаты 1815 г. подтвердили ихъ завоеванія въ 1795 и 1806 гг. Долгое время голландское населеніе было безусловно господствующимъ; въ 1829 г., когда кафровъ оттѣснили за рѣку Кейскамму на западъ, многочисленные эмигранты прибыли изъ Англіи на призывъ колонистовъ и поселились на новоприобрѣтенныхъ территоріяхъ, и такимъ образомъ образовали восточную часть колоніи—болѣе англійскую, чѣмъ западная.

Такъ шли дѣла безъ всякой перемѣны въ томъ или иномъ смыслѣ, среди затрудненій, какія встрѣчало англійское правительство, съ одной стороны, отъ кафровъ, съ другой—отъ голландскихъ колонистовъ или боеровъ, какъ ихъ называютъ, и которымъ очень не по-сердцу было это завоеваніе. Привыкши глядѣть на туземцевъ почти какъ на рабовъ, они весьма недружелюбно относились къ миролюбивой и гуманной политикѣ, какой держались англичане относительно послѣднихъ. Уничтоженіе рабства въ 1838 г. нанесло имъ послѣдній ударъ; тогда-то многіе изъ нихъ покинули колонію и основали на сѣверовостокѣ „Свободное государство Оранжевой рѣки“ и „Трансваальскую республику“. Мы сейчасъ вернемся къ нимъ.

Что касается кафровъ, то въ 1850 г. колонисты вели съ ними уже пятую войну, стоившую имъ 2 милліона фунтовъ стерлинговъ и четыреста людей. Нѣсколько лѣтъ спустя, случилось обстоятельство, непонятное для тѣхъ, кто плохо знакомъ съ исторіей суевѣрія и не знаетъ, до какой степени умопомраченія могутъ доходить люди. Между кафрами вдругъ распространилось пророчество, въ силу котораго эти знаменитые воины должны были вернуть свою прежнюю славу и могущество, и все это не помощью живыхъ, но помощью мертвыхъ. Они вернутся съ того свѣта: въ пещерахъ найдены будутъ большія стада рогатаго скота, и хлѣбъ самъ собой родится въ изобиліи. Но только слѣдовало имѣть вѣру—еще бы!—и въ доказательство ея—убить весь существующій скотъ, истребить все зерно и сѣять его вновь. Это исполнено было въ точности, и вскорѣ въ землѣ кафровъ наступилъ голодъ; жертвой его пало 50,000 кафровъ. „Съ этихъ

Digitized by Google

поръ, — говоритъ Антони Троллопъ, у котораго я заимствую этотъ разсказъ,—серьёзныя войны съ кафрами больше не возобновлялись и воинственность племени угасла" [1]). Это понятно послѣ такой удачи. Но откуда взялось пророчество? Дѣло происходило въ 1857 г., въ тотъ моментъ, когда возстаніе сипаевъ въ Индіи призывало всѣ военныя силы Великобританіи. Возможно, что это пророчество—англо-саксонскаго изобрѣтенія: такъ, по-крайней-мѣрѣ, думаетъ Троллопъ.

Самымъ крупнымъ событіемъ въ колоніяхъ послѣ этого самоубійства кафровъ — было открытіе алмазныхъ копей близъ сліянія Вааля съ Оранжевой рѣкою. Вскорѣ колонисты ринулись туда толпами, и „алмазныя копи" или, точнѣе, „grigua land wert" были присоединены въ 1871 году къ англійской коронѣ. Приложивъ сюда колонію Наталь и землю кафровъ, слывущую независимой, но совершенно напрасно, мы получимъ на всей этой южной оконечности Африки, включая сюда и территорію Оранжевой рѣки, оставшуюся во владѣніи голландцевъ,—мы получимъ, говорю я, цифру въ 2.276,000 жителей. Эта цифра распредѣляется приблизительно слѣдующимъ образомъ:

Англичанъ.	120,000
Голландцевъ (боеровъ) . .	220,000
Туземцевъ.	1.936,000

Изъ этого мы ясно видимъ, что имѣемъ здѣсь дѣло съ колоніей совершенно оригинальнаго характера. Это не колонія въ настоящемъ смыслѣ этого слова,—колонія, составленная исключительно изъ англичанъ, имѣющихъ дѣло съ горстью тупоумныхъ туземцевъ, какъ то было нѣкогда въ англійской Америкѣ и существуетъ теперь въ Австраліи. Съ другой стороны, это и не простой военный гарнизонъ, какъ на островѣ Мальтѣ или въ Гибралтарѣ. Во всякомъ случаѣ и по какимъ бы то ни было причинамъ, англійскій элементъ, существующій тамъ уже три четверти вѣка, не развился такъ, какъ этого бы слѣдовало ожидать.

Совсѣмъ тѣмъ нашъ переселенецъ можетъ найти на мысѣ Доброй-Надежды всѣ учрежденія своей родины. Съ 1854 г. обязательная троица —„King, Lords and Commons" — дарована капской колоніи въ видѣ двухъ выборныхъ палатъ, причемъ губернаторъ отправляетъ званіе монарха. Онъ имѣлъ даже право безусловнаго veto съ выборомъ министровъ помимо палатъ. Въ 1872 г. эти преувеличенныя прерогативы были отмѣнены, министры стали представителями большинства въ парла-

---

[1]) *A. Trollope.* South Africa. London. Chapman, 1878. 2 vol., t. I p., 43. Превосходная книга, если оставить въ сторонѣ вопросы о туземныхъ расахъ, нравахъ и пр., которыхъ авторъ не касается.

Digitized by Google

ментѣ, и губернаторъ поставленъ былъ въ положеніе конституціоннаго короля; причемъ статсъ-секретарь колоніи въ Лондонѣ удерживалъ право veto, принадлежащее коронѣ, но вышедшее изъ употребленія въ метрополіи. Избирателемъ считается каждый владѣлецъ участка земли или дома, стоимостью въ 25 фунтовъ стерлинговъ, или тотъ, кто заработываетъ 50 ф. стерл. въ годъ, т.-е. 10 шиллинговъ въ недѣлю и пищу. Между тѣмъ, многіе изъ туземцевъ отвѣчаютъ этимъ условіямъ, и предвидится моментъ, когда имъ можно будетъ завладѣть всѣми избирательными списками. Вотъ одинъ изъ важныхъ фактовъ, заставляющихъ опасаться за будущность колоніи. Но надо теперь поговорить о кафрахъ и зулусахъ, доселѣ столь мало извѣстныхъ, не смотря на ихъ достоинства.

Мы встрѣчаемъ ихъ по обѣ стороны колоніи Наталь: кафровъ на югъ, а зулусовъ на сѣверъ отъ нея; въ самомъ Наталѣ имѣется слишкомъ 300,000 человѣкъ, принадлежащихъ къ племени зулусовъ. Авторитетные путешественники, какъ, напримѣръ, французъ Левальянъ и нѣмецъ Лихтенштейнъ, посѣтившіе южную Африку три четверти столѣтія тому назадъ, были поражены наружностью кафровъ, и нашли, что это племя гораздо ближе подходитъ къ европейскому типу, нежели къ негритянскому. Въ книгѣ Левальяна можно видѣть красивое изображеніе кафра съ кожей бронзоваго цвѣта, но правильными чертами и прелестной улыбкой, открывающей чудесные зубы. Что касается „прекраснаго пола“, то если отказаться отъ предразсудка насчетъ цвѣта кожи, прибавляетъ путешественникъ, то многія женщины изъ племени кафровъ могутъ считаться хорошенькими рядомъ съ европеянками [1]). Позднѣйшій путешественникъ, Вудъ, зашелъ еще дальше въ выраженіи своего восторга. По его словамъ, каждый кафръ, это движущаяся статуя, и каждый художникъ былъ бы счастливъ избрать его моделью для своей мастерской. И въ подтвержденіе своего мнѣнія приводитъ тотъ же фактъ, что одинъ американскій квакеръ, увидѣвъ Аполлона Бельведерскаго, призналъ въ немъ вѣрную копію съ торса одного индійца Могаука [2]).

Такимъ образомъ, образовалась легенда, въ силу которой жители земли кафровъ оказывались не неграми, но самыми красивыми людьми въ мірѣ. Еще позднѣе, Стенли, описывая нѣкоторыхъ туземцевъ, придворныхъ короля Мтезы, совершенно дикихъ негритянъ, изображаетъ ихъ настоящими красавцами, нисколько не похожими на обычный негритянскій типъ. Но если такъ, то куда же дѣвался этотъ типъ? значитъ, его не существуетъ вовсе? Или же слѣдуетъ

---

[1]) *Levaillant*, Voyage en Afrique. 1790. tom. II, p. 336.

[2]) *Wood*, Natural History of Man, p. 12.

Digitized by Google

величать, какъ того желаютъ нѣкоторые изъ вѣжливости, именемъ *эвіоповъ* всѣ эти африканскія племена, надѣленныя темно-смуглой кожей, такъ какъ отрицается, что она черная?

Вѣрно то, что, за исключеніемъ готтентотовъ и бушменовъ, принадлежащихъ къ низшимъ племенамъ, всѣ эти черноглазыя африканскія расы, съ курчавыми волосами, съ продолговатой головой и слегка выдающейся нижней челюстью, съ приплюснутымъ носомъ, всѣ эти расы, говорю я, принадлежатъ къ негритянскому виду и распредѣляются на два большихъ разряда: 1-й, *негровъ Судана*, обнимающихъ населеніе центральной Африки, Гвинеи и пр.; 2-й, *негровъ а-банту*, или просто — *а-банту*, населяющихъ главнымъ образомъ южную Африку, вплоть до экватора и повыше его.

А-банту или *банту* южной африканской оконечности интересуютъ насъ въ данную минуту. Они распредѣляются на четыре большихъ семьи: 1-я, *ама-ксоза* или кафровъ; 2-я, *ама-зулу;* 3-я, *бечуановъ;* 4-я, *ова-нерреро* или *дамары* [1]). Оставимъ въ сторонѣ двѣ послѣднихъ, не участвующихъ въ настоящей борьбѣ.

Ама-ксоза и *ама-зулу* двѣ очень близкихъ разновидности, извѣстныхъ сначала подъ названіемъ *кафровъ*—арабское слово, обозначающее *невѣрный, язычникъ*. Португальцы усвоили его, и такимъ образомъ, какъ это часто бываетъ, слово послужило источникомъ для обозначенія иниой расы. Какъ бы то ни было, но ама-ксоза поселились всѣхъ раньше; они населяютъ въ настоящее время независимую землю кафровъ, и имъ присвоивается исключительно названіе *кафровъ*. Дни ихъ повидимому сочтены; въ 1877—78 г. происходила шестая война съ кафрами, и по всей вѣроятности она будетъ и послѣдняя. При этомъ сопротивленіе со стороны туземцевъ не было серьёзно и не настолько интересно, чтобы стоило утомлять читателя его подробностями. Ама-ксоза уже болѣе не страшны для англичанъ.

Не таково положеніе *ама-зулу* или просто *зулусовъ*. Но подобно тому, какъ исторія кафровъ тѣсно связана съ исторіей капской колоніи, такъ и исторія зулусовъ связана съ исторіей Наталя. Эта территорія, расположенная на восточномъ берегу африканской оконечности между 29 и 31 град. южной широты, обязана своимъ названіемъ португальцу Васко-да-Гама, который открылъ ее въ 1497 г. въ день Рождества, откуда и происходитъ ея имя: „terra natalis". Затѣмъ о ней ничего не было слышно до начала нынѣшняго столѣтія, когда основали голландцы въ ней нѣсколько поселеній. Въ 1813 г. въ ней поселился одинъ англичанинъ съ нѣсколькими соотечествен-

[1]) *G. Fritsch, Die Eingeborenen Süd-Africas.* Breslau. 1872. Съ атласомъ. Наилучшее сочиненіе для того, чтобы познакомиться съ антропологіей этихъ племенъ.

Digitized by Google

никами. Но все это не имѣло значенія: первая серьёзная попытка колонизаціи произведена опять-таки боерами, которымъ опротивѣло англійское владычество, и они стали эмигрировать массами. Диковинная вещь, несомнѣнно, было видѣть въ полномъ разгарѣ XIX столѣтія этихъ европейскихъ, цивилизованныхъ колонистовъ, превратившихся въ настоящихъ номадовъ и везущихъ въ тяжелыхъ колымагахъ, запряженныхъ быками, свои семьи и свое имущество черезъ громадныя пространства. Можно было подумать, что мы вернулись ко временамъ массагетовъ, о которыхъ говоритъ Геродотъ и которые проводили жизнь на своихъ телѣгахъ, или же къ той, еще болѣе отдаленной эпохѣ, совпадающей съ исторической зарей, когда первобытные народы кочевали по всему Старому Свѣту.

Земля Наталь не принесла имъ счастія: имъ пришлось оспаривать почву у страшныхъ зулусовъ, и они пали ихъ жертвой во множествѣ. Наконецъ, благодаря своей настойчивости, они завладѣли территоріей и готовились учредить республику въ родѣ тѣхъ, какія существовали на Оранжевой рѣкѣ и въ Трансваалѣ, когда „Colonial-Office“, опираясь на нѣсколькихъ англійскихъ поселеніяхъ, выше упомянутыхъ, рѣшило, что и Наталь также британская колонія.

Голландцы сопротивлялись: капское правительство, всегда склонное глубоко презирать силы своихъ противниковъ, выслало противъ нихъ отрядъ въ 300 человѣкъ. Половина его взята была въ плѣнъ, другая — осаждена въ его собственномъ лагерѣ и доведена до послѣднихъ крайностей голода. Но сила всегда остается за большими арміями: дѣло было только отсрочено — и въ 1842 году голландцы должны были признать англійское преобладаніе. Но согласіе царствовало не долго, и злополучные боеры не замедлили снова усѣсться на свои фургоны и окончательно отправились въ Трансвааль, гдѣ капское правительство все-таки не оставило ихъ въ покоѣ. Въ настоящее время всѣ 22,000 бѣлаго населенія въ Наталѣ почти всѣ исключительно англичане — и это является страннымъ контрастомъ съ Капской колоніей, гдѣ преобладаетъ элементъ голландскій. Колонія управляется вице-губернаторомъ; въ настоящее время этотъ постъ занятъ сэромъ Генри Бульверомъ, и при немъ состоитъ исполнительный совѣтъ, состоящій изъ пяти членовъ; кромѣ того, существуетъ еще законодательный совѣтъ, состоящій изъ пятнадцати выборныхъ членовъ, изъ пяти членовъ исполнительнаго совѣта и изъ восьми другихъ, назначаемыхъ губернаторомъ. Такимъ образомъ, это „Crown Colony“ въ полномъ смыслѣ этого слова, несмотря на пятнадцать выборныхъ членовъ и кажущееся большинство, предоставленное выборнымъ членамъ.

Digitized by Google

У *ама-зулу* есть своя собственная территорія въ 15,000 квадр. миль пространства, лежащая непосредственно на сѣверъ отъ Наталя. Ихъ насчитываютъ около 300,000 и они образуютъ значительную отрасль негровъ-банту, къ которымъ принадлежатъ также, какъ мы выше сказали, ама-ксоза или туземцы Земли-Кафровъ, такъ что если послѣднихъ непремѣнно хотятъ называть кафрами или лучше того кафрами-ксоза, то первыхъ совершенно основательно можно назвать *кафрами-зулу*. Они похожи другъ на друга и физически, и нравственно; языкъ ихъ тоже сходенъ между собой, и зулусы, столько же, сколько и ксозы Земли-Кафровъ, подходятъ подъ вышеупомянутыя описанія. Но путешественники, такъ сильно восхищавшіеся красотой этихъ племенъ, должно быть, видѣли все въ наилучшемъ свѣтѣ въ наилучшемъ изъ міровъ. Правда, что оно и естественно, когда только-что разстался съ готтентотами и бушменами — самыми безобразными изъ людей; они неотразимо подчинились вліянію контраста. Наглядѣвшись вдоволь на готтентотскихъ Венеръ, которымъ не совсѣмъ пристало прозвище „Callipyge“, они пришли въ восторгъ при видѣ кафрскихъ женщинъ, а зулусы показались имъ Аполлонами.

Но никакія иллюзіи на этотъ счетъ невозможны, если мы дадимъ себѣ трудъ изучить головы этихъ людей на прекрасныхъ фотографіяхъ, приложенныхъ къ вышеупомянутому сочиненію Фриче. Бываютъ исключенія, и изрѣдка попадается профиль почти европейскій, что́ объясняется сосѣдствомъ бѣлыхъ,— лобъ также менѣе низокъ, чѣмъ у низшихъ негритянскихъ расъ. Но широко разставленные глаза, толстѣйшія губы и въ особенности сильно приплюснутый носъ характеризуютъ это племя, члены котораго хотя и храбры, но тѣмъ не менѣе отвратительны. Нельзя также отрицать, что они дѣятельны, сильны и хвастливы. Они живутъ въ низкихъ, круглыхъ хижинахъ, группирующихся обыкновенно въ кругахъ, и такая группа хижинъ или Kraals напоминаетъ кучу большихъ ульевъ. Какъ и всѣ другіе негры, они практикуютъ полигамію и покупаютъ себѣ женъ за извѣстное число головъ рогатаго скота; прекрасный полъ пользуется нѣкоторыми привилегіями, несмотря на тяжелый трудъ, которому подчиненъ.

Это племя величаетъ себя именемъ *A-bantu bakwa Zulu*, т.-е. народъ, происшедшій отъ Зулу [1]), такъ-называемаго вождя и предка племени. На дѣлѣ исторія ихъ начинается съ нынѣшняго столѣтія, когда король, по имени Чака, истребилъ нѣсколько сосѣднихъ племенъ и основалъ военное могущество зулусовъ. Брату его и преем-

[1]) „Fritsch“, loc. cit., стр. 119.

Digitized by Google

нику, Дингаану, пришлось воевать съ голландцами въ Наталѣ, гдѣ онъ перебилъ бо́льшую часть ихъ. Другой братъ, Панда, царствовалъ затѣмъ; этотъ былъ хорошій человѣкъ и добродушный монархъ, и перешелъ отъ жизни къ смерти, не удививъ міръ никакимъ подвигомъ.

Не то ждало *Кетчвайо* [1]). Провозглашенный въ 1872 году королемъ земли зулусовъ, съ согласія англичанъ, этотъ новый государь на первыхъ же порахъ обнаружилъ стремленіе идти по стопамъ великихъ воиновъ — Чака и Дингаана. Вскорѣ въ Наталѣ распространился слухъ, что онъ безпощадно побиваетъ своихъ подданныхъ: два или три зулуса, обращенныхъ въ христіанство, были, дѣйствительно, умерщвлены, послѣ чего миссіонеры, проживавшіе въ этой странѣ, сочли за лучшее оставить ее.

Антони Троллопъ — въ своемъ сочиненіи „South-Africa", t. I, p. 311 — разсказываетъ, что, находясь въ Питеръ-Марицбургѣ (столицѣ Наталя), онъ познакомился съ одной молодой дамой филантропкой и однимъ зулусомъ, изъ ея друзей, который ѣздилъ къ Кетчвайо за объясненіями. Онъ добрался до чернаго короля и сказалъ ему слѣдующее: „король, зачѣмъ прогналъ ты миссіонеровъ и казнилъ обращенныхъ? Объясни намъ это, потому что въ Наталѣ мы очень огорчены худыми слухами, которые ходятъ на твой счетъ". Кетчвайо охотно далъ требуемыя объясненія. Онъ совсѣмъ-молъ не прогонялъ миссіонеровъ; это глупые люди, никуда не годные, по его мнѣнію: они испугались и сами убѣжали. Онъ всегда обращался съ ними очень дружелюбно—и вотъ вдругъ они уѣхали, даже не простясь съ нимъ. Разумѣется, онъ ихъ не прогонялъ, но разъ они уѣхали сами, то пускай больше не возвращаются. Что касается убійствъ, то онъ не виноватъ: въ его королевствѣ есть худые люди, какъ и во всякихъ другихъ. Обращенныхъ убили — и онъ очень объ этомъ сожалѣетъ. Что касается обращенія въ христіанство всѣхъ его подданныхъ, то миссіонеры лучше сдѣлаютъ, если займутся сначала обращеніемъ въ христіанство солдатъ Питеръ-Марицбурга.

Правдива эта исторія или нѣтъ, но она согласуется съ дальнѣйшими дѣйствіями Кетчвайо—и, право, трудно представить себѣ, какого рода возраженіями можно побить эти весьма серьёзные аргументы. Новый предлогъ къ распрямъ усложнилъ дѣло. Извѣстно, что англійское правительство сочло необходимымъ въ 1877 году присоединить голландскую Трансваальскую республику, и это совершилось усиліями сэра Теофила Чептона, состоящаго въ настоящее время

[1]) Повидимому, это и есть самая точная ореографія его имени, которое англичане пишутъ Цетивайа, Сетивайо и проч.

Digitized by Google

вице-губернаторомъ этихъ новыхъ британскихъ владѣній. Между тѣмъ голландцы Трансваальской республики давно уже враждовали съ зулусами изъ-за земель, лежащихъ на берегу Поиголо, на которыя заявляли притязанія эти послѣдніе. Капское правительство добросовѣстно признало справедливость притязаній зулусовъ и готовилось объявить объ этомъ. Но тѣмъ временемъ неудовольствіе Кетчвайо возросло. Нѣсколько его воиновъ вторглись прошлаго іюля на англійскую территорію, захватили двухъ женщинъ своего племени, искавшихъ на ней убѣжища, — и, какъ полагаютъ, умертвили ихъ. Когда отъ короля потребовали, чтобы онъ выдалъ виновниковъ, тотъ отказался и предложилъ внести 50 фунтовъ стерлинговъ пени. Дѣло затянулось на нѣкоторое время,—но вдругъ, не посовѣтовавшись съ правительствомъ метрополіи, сэръ Бартль Фреръ, верховный комиссаръ и губернаторъ Капской колоніи, послалъ къ Кетчвайо ультиматумъ, въ которомъ требовалъ отъ него, чтобы онъ выдалъ виновныхъ, преобразовалъ управленіе и распустилъ армію. Мѣсяцъ спустя, 11-го января 1879 года, такъ какъ никакого отвѣта не было получено, генералъ-лейтенантъ лордъ Чемсфордъ назначенъ былъ главнокомандующимъ всѣхъ южно-африканскихъ войскъ ея величества — и война началась.

У зулусовъ существуетъ весьма сильная военная организація. Справедливо говорятъ, что крайности сходятся: эти дикари давно уже стоятъ на томъ пунктѣ, къ которому пришли только теперь цивилизованные европейцы, т.-е. что каждый долженъ быть солдатомъ. Мальчиковъ вербуютъ въ армію, когда они достигнутъ 15-лѣтняго возраста и обучаютъ военному дѣлу: всѣ они вооружены лукомъ, который называютъ *assagai*, а также и современнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, которымъ снабжены, повидимому, въ достаточномъ количествѣ; число этихъ воиновъ простирается до 40 или 50 тысячъ.

Войска, которыми могли располагать англичане, состояли изъ 6,600 англичанъ и 7,000 туземцевъ; они были распредѣлены на четыре отряда, разставленныхъ на границѣ, отдѣляющей Наталь отъ страны зулусовъ, и 11-го января утромъ вступили на непріятельскую территорію.

Цѣлью похода былъ *Краалъ* Кетчвайо, расположенный въ центрѣ его владѣній.

Первая колонна, образуя крайній правый флангъ, сосредоточилась въ фортѣ Вильямсона, близъ устьевъ рѣки Тугела, которая протекаетъ между Наталемъ и страной зулусовъ. Вторая стояла нѣсколько выше въ фортѣ Бухананъ. Третья колонна, подъ командой полковника Глайна, и съ ней вмѣстѣ лордъ Чемсфордъ, главно-

Digitized by Google

командующій, проникли въ территорію зулусовъ по близости отъ Трансваальской границы: она насчитывала около 4,000 человѣкъ.

Этотъ отрядъ постигло бѣдствіе, надолго отмѣтившее 22 января, какъ несчастный день для Англіи. Тутъ мы имѣемъ новое доказательство того, какъ трудно писать исторію въ то время, какъ она происходитъ. Въ настоящую минуту невозможно получить точныхъ свѣдѣній: правда, что на то есть весьма существенная причина, а именно, главныхъ свидѣтелей нѣтъ въ живыхъ. Вотъ, однако, что можно вывести изъ частныхъ разсказовъ и оффиціальныхъ сообщеній. Лордъ Чемсфордъ и полковникъ Глайнъ, найдя нужнымъ отправиться впередъ съ главной частью отряда, оставили лагерь на зулуской территоріи, неподалеку отъ рѣки Буффало, въ мѣстѣ, называемомъ Изандула или, вѣрнѣе сказать, на основаніи самыхъ послѣднихъ документовъ—Изандлана. Кажется несомнѣннымъ, что полковникъ Дёрнфордъ, которому поручено было охраненіе лагеря, не принялъ ни одной изъ предосторожностей, употребляемыхъ въ этомъ случаѣ. При немъ находились шесть ротъ 24-го пѣхотнаго полка, 104 кавалериста, 800 туземцевъ и двѣ пушки. Силъ было во всякомъ случаѣ достаточно для стойкаго сопротивленія, котораго, однако, не было оказано, что бы тамъ ни говорили.

Я далекъ отъ мысли набросить хотя бы малѣйшую тѣнь сомнѣнія на храбрость англійскихъ войскъ и въ особенности тѣхъ злополучныхъ солдатъ, которые такъ жалко погибли отъ руки дикарей. Я отъ всего сердца сочувствую горести несчастныхъ матерей и невѣстъ въ Бирмингемѣ и Варвикширѣ, которыя такъ горько оплакиваютъ своихъ сыновей и своихъ женіховъ, служившихъ въ 24-мъ полку. Но лучшія войска бываютъ парализированы и обезсилены, если ихъ застигнутъ врасплохъ, а это-то самое, повидимому, и случилось. Внезапно, когда не было принято рѣшительно никакихъ предосторожностей, среди самаго полнаго безпорядка, маленькій отрядъ увидѣлъ себя окруженнымъ многочисленнымъ войскомъ зулусовъ. Послѣдніе подошли незамѣтно, благодаря тому, что не было разставлено часовыхъ, благодаря также многочисленнымъ холмамъ, покрывающимъ эту мѣстность. То былъ не отдѣльный отрядъ, а цѣлая громадная армія, цѣлыя тучи черныхъ воиновъ, постоянно возростающія и вскорѣ окружившія горсть англичанъ, грозя раздавить ихъ. Послѣдніе взялись, конечно, за оружіе, но ряды не успѣли сомкнуться, какъ непріятель уже налетѣлъ на нихъ, не удостоивая прибѣгать къ ружьямъ, а пуская въ ходъ копья, играющія здѣсь роль штыковъ—и вскорѣ побѣда осталась за нимъ. Туземцы англійской арміи первые обратились въ бѣгство и окончательно разстроили

Digitized by Google

ряды англичанъ, которые по призыву офицеровъ успѣли вновь сомкнуть ихъ лишь затѣмъ, чтобы быть перебитыми [1]).

Кавалеристы ускакали въ томъ единственномъ направленіи, какое еще оставалось свободнымъ: да и здѣсь путь былъ прегражденъ рѣкой и многіе погибли въ ея волнахъ. На полѣ битвы легло около тысячи англичанъ, почти вся наличная сила отряда: двѣ пушки, тысяча ружей, 250 ящиковъ съ боевыми снарядами, тысяча головъ скота достались въ руки побѣдителей.

„Рѣзня эта напомнила собой битву при Инкерманѣ, — говоритъ одна газета,—когда мы потеряли 39 офицеровъ и 600 солдатъ".

Извѣстіе объ этомъ пораженіи пришло въ Лондонъ 12 февраля, какъ разъ наканунѣ того дня, какъ парламентъ готовился возобновить свои засѣданія, прекратившіяся съ Рождества. Читатели помнятъ, что сессія открылась, въ противность обычаю, въ декабрѣ мѣсяцѣ, по случаю афганской войны. На этотъ разъ рѣчь шла не о побѣдѣ, и лордъ Биконсфильдъ, въ приличныхъ данному случаю выраженіяхъ, разсказалъ о печальныхъ событіяхъ въ Африкѣ. Оппозиція не замедлила открыть аттаку противъ правительства, какъ этого и слѣдовало ожидать. Удивительное дѣло! Гладстонъ не подалъ признака жизни, и сэръ Чарльзъ Дилькъ повелъ либеральныя силы на приступъ.

27 марта, онъ открылъ пренія и предложилъ вотировать порицаніе министерству. Формула порицанія гласила: — палата хотя и готова поддерживать правительство ея величества во всѣхъ необходимыхъ мѣрахъ для обороны владѣній ея величества въ южной Африкѣ, сожалѣетъ о томъ, что ультиматумъ, долженствовавшій немедленно повести къ войнѣ, былъ посланъ безъ разрѣшенія отвѣтственныхъ, коронныхъ министровъ, и что предпринята наступательная война безъ крайней необходимости и безъ достаточной подготовки; кромѣ того, палата сожалѣетъ о томъ, что послѣ порицанія, выраженнаго правительствомъ ея величества верховному коммиссару въ депешѣ отъ 19 марта 1879 г., управленіе дѣлъ все еще находится въ его рукахъ" („Times", 28 марта 1879 г.). Эта формула вполнѣ резюмируетъ мотивы недовольства оппозиціи.

---

[1]) Одинъ корреспондентъ пишетъ изъ Наталя „Эдинбургскому Обозрѣнію": „лагерь не представлялъ одного цѣлаго: фуры, палатки были разбросаны въ безпорядкѣ, и зулусы надвигались какъ приливъ, не останавливаясь ни на минуту, молча, до тѣхъ поръ, пока не окружили нашихъ со всѣхъ сторонъ. Тогда они испустили громкій крикъ и бросились на лагерь: черезъ пять минутъ не оставалось ни одного человѣка въ живыхъ". „Edinburgh Review", April, 1879, p. 364. Сотня людей, на которыхъ позднѣе напали зулусы въ числѣ 3-хъ или 4-хъ тысячъ человѣкъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ лагеря и которые успѣли опомниться, стойко защищали позицію и дали время главному отряду подоспѣть на выручку.

Digitized by Google

Сэръ Бартль Фреръ, верховный комиссаръ, о которомъ идетъ рѣчь, посланъ въ Капскую колонію правительствомъ лорда Биконсфильда. Бывшій важный чиновникъ въ Индіи, онъ надѣлалъ нѣкотораго шума въ 1873 г., когда велъ переговоры съ Занзибарскимъ султаномъ объ отмѣнѣ торга невольниками. Онъ самый ярый филантропъ и вмѣстѣ съ тѣмъ горячій приверженецъ системы „imperial policy", которую приписываютъ лорду Биконсфильду. Онъ въ свою очередь заговорилъ по случаю войны съ зулусами о „peace with honour", совсѣмъ некстати повторивъ такимъ образомъ своего учителя. Но какъ же согласить филантропію съ этимъ воинственнымъ азартомъ и опустошительной войной? Капскій губернаторъ отвѣтитъ, что онъ хочетъ цивилизовать, обратить въ христіанство зулусовъ. Отвѣтъ этотъ, конечно, отзывается іезуитизмомъ, но уже не въ первый разъ филантропы и проповѣдники свободы негровъ ведутъ съ ними истребительную войну.

Итакъ, въ этомъ отношеніи ораторы и газеты оппозиціи тысячу разъ правы. Цивилизація тутъ рѣшительно не при чемъ, по крайней мѣрѣ, что касается зулусовъ: послѣдніе являются непреодолимымъ препятствіемъ колонизаціи. Въ этомъ отношеніи боеры правы: надо или чтобы бѣлые убирались, или чтобы зулусы исчезли, по крайней мѣрѣ, въ качествѣ военной и опасной силы. Вотъ все, что можно сказать, и этого достаточно. Но съ другой стороны, сэръ Бартль Фреръ могъ бы и не торопиться: опасности неминуемой не представлялось. Лавры лорда Литтона не давали ему спать: у него былъ свой Ширъ-Али въ особѣ Кетчвайо, и онъ также захотѣлъ побѣдъ: на дѣлѣ же ему досталось одно только пораженіе.

Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что кабинетъ совсѣмъ не былъ доволенъ тѣмъ, что сэръ Бартль Фреръ навязалъ ему новую войну въ тотъ моментъ, какъ въ ней не было ровно никакой надобности. Кабинетъ сдѣлалъ ему очень рѣзкій выговоръ, но не захотѣлъ, однако, уволить его и очень твердо настоялъ на томъ, чтобы не только губернаторъ Капской колоніи, но и главнокомандующій лордъ Чемсфордъ остались на своемъ постѣ.

Пренія разгорѣлись 31 марта: 306 голосовъ высказались за правительство и 246 противъ него,—цифры, значительно отличающіяся отъ тѣхъ, которыя мы отмѣчали въ различныхъ случаяхъ въ преніяхъ по восточнымъ дѣламъ. Тогда нерѣдко бывало, что правительственное большинство доходило до 100—130 голосовъ и больше—и рядомъ съ этими цифрами нынѣшніе 60 голосовъ кажутся весьма жиденькими.

Но какой глава кабинета не удовольствуется ею? Кромѣ того, и это весьма важно: такое же точно большинство 60 голосовъ имѣло

Digitized by Google

министерство шесть лѣтъ тому назадъ, на другой день послѣ выборовъ. Въ преніяхъ по восточнымъ дѣламъ за него высказывалась не только его партія, но и часть либераловъ. Теперь же въ африканской войнѣ онъ остался только съ одной своей партіей. Я настаиваю на этомъ обстоятельствѣ, потому что въ голосованіи 31 марта было усмотрѣно многими иностранными газетами признакъ близкаго паденія министерства. Это заблужденіе: болѣе счастливый, чѣмъ маршалъ Макъ-Магонъ, лордъ Биконсфильдъ „отбудетъ свои семь лѣтъ", если захочетъ удержать парламентъ до его легальнаго срока. Впрочемъ, вы можете быть увѣрены, что онъ не сдѣлаетъ глупости—вызвать новые выборы въ ту минуту, когда у Англіи существуетъ пропасть затрудненій на всѣхъ пунктахъ земного шара.

Прежде всего необходимо покончить съ зулусами, а эта задача разростается съ каждымъ днемъ въ очень тревожныхъ размѣрахъ. Послано уже десять тысячъ войскъ, и этого, кажется, врядъ ли достаточно. Отецъ короля зулусовъ уже сдался англичанамъ съ своими женами и приверженцами. Онъ былъ бы, конечно, очень радъ заполучить престолъ вмѣстѣ съ британскимъ протекторатомъ.

А пока Кетчвайо отлично обороняется, и положеніе дѣлъ становится день-ото-дня болѣе критическимъ. Я упомянулъ выше о трехъ наступательныхъ отрядахъ: два центральныхъ, отряды полковниковъ Глайна и Дорнфорда участвовали частію въ дѣлѣ при Изандулѣ—и послѣдній убитъ. Первый отрядъ, образовавшій правый флангъ, прошелъ по непріятельской территоріи до Экоу (Ekowe), находящагося въ 40 миляхъ отъ устьевъ Тугелы, подъ командой полковника Пирсона. Послѣдній не успѣлъ отступить послѣ пораженія и въ настоящую минуту всѣ взоры тревожно устремлены на Экоу, гдѣ полковникъ окруженъ вотъ уже два мѣсяца съ своимъ маленькимъ отрядомъ — 13,000-ми зулусовъ. Экспедиціонный отрядъ, состоящій изъ 3,000 европейскихъ солдатъ и 2,500 туземцевъ, идетъ къ нему на помощь по приказанію лорда Чемсфорда. Прибудетъ ли онъ во́ время, чтобы выручить его? Вопросъ этотъ будетъ разрѣшенъ въ тотъ моментъ, когда эта корреспонденція будетъ напечатана; но до тѣхъ поръ тревога будетъ сильная. Сегодня (5 (17) апрѣля), получены извѣстія: Экоу стоитъ на обширной равнинѣ, и осажденный отрядъ установилъ сигналы, которые видны отрядомъ, идущимъ на выручку на далекомъ разстояніи. Полковникъ Пирсонъ возвѣщаетъ, что у него 150 больныхъ, 50 раненыхъ, и что не болѣе 500 человѣкъ изъ его отряда будутъ въ состояніи сражаться, когда наступитъ моментъ идти въ бой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сообщаетъ о присутствіи 35,000 зулусовъ, поджидающихъ экспедиціонный корпусъ.

Но мало того: четвертая колонна, образующая крайній лѣвый

Digitized by Google

флангъ маленькой наступательной арміи и сосредоточенный на сѣверѣ въ Утрехтѣ, въ Трансваалѣ, подъ командой полковника Вуда, тоже жестоко пострадалъ. Нѣсколько времени тому назадъ, зулусы подстерегли и разгромили обозъ съ рогатымъ скотомъ въ окрестностяхъ Люнеберга. Въ настоящее время получено извѣстіе о весьма серьёзной схваткѣ, въ которой участвовалъ весь отрядъ полковника Вуда. Надо было выбить генерала зулусовъ, *Умбелини*,—новую знаменитость,—изъ занятой имъ позиціи. Позиція была дѣйствительно взята, но зулусы снова отвоевали ее, послѣ ожесточенной борьбы. Ободренные успѣхомъ, они напали на лагерь, куда удалились англичане, но на этотъ разъ были отражены. Здѣсь прокричали о большой побѣдѣ; скажемъ просто, что англичане спаслись отъ новаго и жестокаго избіенія. У англичанъ убито 80 человѣкъ, въ томъ числѣ семеро офицеровъ. Все это очень серьёзно, и лордъ Чемсфордъ, кажется, рѣшительно предназначенъ увеличить собой списокъ генераловъ, которымъ подобаетъ красоваться въ штабѣ „Герцогини Гернльштейнской".

Въ Индіи дѣла продолжаютъ обстоять благополучно со стороны Афганистана, тамъ по крайней мѣрѣ нѣтъ пораженій. Но и нѣтъ за то побѣдъ; войска стоятъ неподвижно въ Джеллалабадѣ, Кандагарѣ и въ Корумской долинѣ. Въ настоящее время „научная граница" добыта, лордъ Биконсфильдъ объявилъ въ своей рѣчи, сказанной въ палатѣ лордовъ 13 февраля: остается только удержать ее. Ширъ-Али умеръ 21 февраля, и ему наслѣдовалъ сынъ его Якубъ-ханъ. Сначала полагали, что новый эмиръ поспѣшитъ просить мира; но до сихъ поръ ни о чемъ такомъ не слышно и поговариваютъ о походѣ на Кабулъ, чтобы подписать тамъ окончательный трактатъ. Но рѣшится ли этимъ все дѣло и не придется ли пройти до Герата? — это вопросъ открытый.

Но это еще не все: афганская война еще не кончена, а уже готова новая „бирманская" война. Ихъ же было двѣ: первая въ 1824—26 гг., а вторая — въ 1852 — 53 гг., и имѣли онѣ результатомъ присоединеніе къ остъ-индской имперіи англійской Бирманіи, такъ-что собственно Бирманская имперія оттѣснена теперь въ глубь материка. Послѣдній король умеръ въ прошломъ сентябрѣ, не назначивъ преемника. Любимая жена заставила немедленно провозгласить своего сына Ти-бау-менга. За нѣсколько дней до его провозглашенія всѣ принцы королевской крови созваны были во дворецъ. Между тѣмъ, въ обычаяхъ Бирманской имперіи принято, что новый государь долженъ умертвить всѣхъ своихъ соперниковъ. Новый государь и его мать были слишкомъ большіе патріоты для того, чтобы отступить отъ этого обычая, и нѣсколько братьевъ и кузеновъ монарха

Digitized by Google

отправлены на тотъ свѣтъ келейнымъ образомъ. Но самые умные изъ нихъ не послѣдовали за приглашеніемъ, между прочимъ, двое сыновей покойнаго короля. Изъ нихъ одинъ, Нгунгъ-Янъ-Менгъ считался всѣми, какъ вѣроятный преемникъ своего отца. Эти два молодыхъ человѣка искали убѣжища у англійскаго резидента, и тотъ принялъ ихъ подъ свое покровительство и помогъ имъ убѣжать. Не безъ труда: потому что „королева-мать", требовавшая сначала ихъ выдачи, затѣвала затѣмъ ни болѣе, ни менѣе какъ аттаку на жилище англійскаго резидента. Съ тѣхъ поръ на британской территоріи нашли убѣжище еще трое другихъ братьевъ, такъ что у вице-короля имѣется подъ рукой пять королей, въ случаѣ если бы нынѣ царствующій имѣлъ глупость объявить войну. Этотъ юный государь, успѣвшій отдѣлаться отъ сорока изъ своихъ братьевъ и кузеновъ, повидимому, и спитъ и видитъ, какъ бы истребить также и тѣхъ пятерыхъ, которые отъ него убѣжали. Однако надѣятся, что дѣло на этомъ покончится. Правительство протестовало противъ его дѣйствій, но не особенно настойчиво. И если при существующихъ обстоятельствахъ вспыхнетъ война, то ее начнетъ сама Бирманская имперія, а это невѣроятно.

Но покончилъ ли я, наконецъ, со всѣми колоніальными затрудненіями? Представьте, нѣтъ; мнѣ надо еще поговорить объ Австраліи, затѣмъ о Канадѣ, гдѣ маркизъ де-Лорнъ, новый губернаторъ, впутался въ какія-то затрудненія. Но это не спѣшно и можетъ быть отложено до другого раза, тѣмъ болѣе, что мнѣ нужно заняться египетскими дѣлами, имѣвшими, впрочемъ, довольно забавную развязку.

Извѣстно, что хедивъ согласился допустить опеку иностраннаго министерства, которому поручено было улучшить финансы страны и ликвидировать долгъ—задача немалая! Какъ кажется, онъ не смогъ вынести испытанія до конца, и въ началѣ текущаго апрѣля мѣсяца безъ церемоніи прогналъ министерство: англичанина Вильсона и француза де-Блиньера.

Комичнѣе всего то, что онъ представляетъ ихъ какъ глупцовъ, наносящихъ вредъ Египту, осмѣливаясь толковать про банкротство! Банкротство! Скажите пожалуйста, что̀ выдумали! И еще собираются принимать мѣры и не платить по майскимъ купонамъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что не желаютъ разорить страну и пр. и пр. Хедиву надоѣли всѣ эти глупцы, которые бы разорили Египетъ, если бы только Египетъ можно было разорить. Онъ прогналъ ихъ и уплатитъ по майскимъ купонамъ!

Надо сознаться, что штука ловко подведена. Исмаилъ-паша уплатитъ по купонамъ; но какъ? Злые языки говорятъ, что онъ потре-

Digitized by Google

буетъ, чтобы подати были внесены до сбора жатвы и что ростовщики дадутъ деньги къ вящшей невыгодѣ несчастныхъ феллаховъ, вынужденныхъ продать жатву на корню и по низкой цѣнѣ. Мало того, хедивъ выставляетъ себя патріотомъ и правовѣрнымъ мусульманиномъ, исполняющимъ волю народа, освобождая его отъ гяуровъ. Въ Каирѣ лѣтъ уже двѣнадцать какъ существуетъ нѣчто въ родѣ палаты депутатовъ или делегатовъ, и она, за-одно съ улемами и другими вліятельными лицами, поднесла адресъ хедиву, умоляя его призвать въ совѣтъ туземныхъ министровъ и присвоить палатѣ тѣ прерогативы, которыми пользуются европейскіе парламенты въ дѣлахъ финансовыхъ и другихъ. Она обѣщаетъ доставить необходимыя суммы для уплаты по купонамъ объединеннаго долга,—1 мая по 5% на 100 и заемъ 1864 г.

Въ настоящую минуту положеніе Англіи довольно плачевное. Совсѣмъ тѣмъ Вильсонъ и де-Блиньеръ упорствуютъ и не подали еще въ отставку.

Султанъ, какъ говорятъ, готовъ низложить Исмаила-пашу, если Англія того потребуетъ. Но это одни только слухи, и „Times“ начинаетъ поговаривать, что если египетская нація стоитъ за хедива, то дѣлать нечего. Въ сущности положеніе дѣлъ и затруднительно, и нелѣпо. На континентѣ стараются подыскать таинственныя причины; говорится: *dov'è la donna!* т.-е. ищите женщину! но здѣсь давно уже привыкли говорить: ищите Россію! и люди ухитряются видѣть какія-то московскія интриги на днѣ египетской катавасіи! Пока хедивъ, повидимому, взялъ верхъ надо всѣми, и ему нѣчего опасаться Англіи въ настоящую минуту: если только послѣдняя не захочетъ повліять на султана и вызвать низложеніе непокорнаго хедива.

Но Англіи и султану много дѣла и безъ того. Подходитъ моментъ, когда долженъ рѣшиться вопросъ о восточной Румеліи, а никто не знаетъ—чего держаться.

Въ депешѣ, посланной отъ 26 января въ Петербургъ, маркизъ де-Солбёри ясно высказывалъ намѣреніе англійскаго кабинета настаивать на точномъ выполненіи берлинскаго трактата. Онъ жаловался, въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ, на дѣйствія русскихъ въ Румеліи и, словомъ, развивалъ ту идею, которую сэръ Генри Эллiотъ выразилъ бы слѣдующей категорической фразой: „въ крайнемъ случаѣ, мы окажемся болѣе рьяными турками, чѣмъ сами турки, и болѣе рьяными европейцами, чѣмъ сами европейцы“.

Совсѣмъ тѣмъ дѣло затягивается: проекты слѣдуютъ за проектами, но ни на одномъ пока еще не остановились окончательно. Мысль о смѣшанной оккупаціи, повидимому, оставлена, и кажется,

Digitized by Google.

что всего лучше замедлить выступленіе турецкихъ войскъ, долженствующихъ занять Балканы.

Какъ бы то ни было, но мы видимъ, что при всей этой вознѣ съ зулусами, съ Афганистаномъ и Египтомъ и съ Румеліей, кабинету и парламенту не придется сидѣть сложа руки во время каникулъ [1]).

Понятно, что такія обстоятельства не могутъ улучшить экономическаго положенія дѣлъ, и оно все еще плачевно. Всѣ отрасли торговли и промышленности страдаютъ: прибавьте къ этому, что зима была особенно продолжительна, такъ что если нищета и не такъ велика, какъ была три мѣсяца тому назадъ, но мы далеко еще не вернулись къ нормальному порядку.

Въ Лондонѣ нѣсколько рабочихъ механиковъ сдѣлали забастовку, и, что́ гораздо важнѣе, рудокопы въ Дургемѣ, на сѣверѣ, тоже пріостановили работы, не соглашаясь на пониженіе заработной платы, предложенное хозяевами. Дѣйствіе этого продолжительнаго кризиса сказывается очень серьёзно и на среднихъ классахъ: такъ, со всѣхъ сторонъ раздаются жалобы на *подоходный налогъ*, который въ нынѣшнемъ году почти удвоился для многихъ людей, что́ не помѣшало оказаться дефициту въ бюджетѣ, независимо отъ 2.500,000 ф. ст. лишнихъ расходовъ, которыхъ будетъ стоить война съ зулусами и другія.

Горизонтъ, слѣдовательно, все еще не прояснился, и женитьба герцога Коннаута на 3-ей дочери принца Фридриха-Карла прусскаго прошла почти незамѣченной среди всеобщей скуки. Принцъ Артуръ, герцогъ Коннаутъ, родился въ 1850 г.; онъ предпослѣдній сынъ королевы Викторіи. Бракосочетаніе происходило въ Виндзорѣ 14 марта, и вскорѣ послѣ того королева уѣхала въ Италію. Печальное торжество, совершившееся среди двойного траура, частнаго и общественнаго, одного: по случаю смерти принцессы Алисы, другого—по случаю изандульской рѣзни.

R.

---

[1]) Не считая острова Матаконъ, о которомъ я чуть-было не позабылъ и гдѣ возникло недоразумѣніе между Англіей и Франціей. Дѣло идетъ о ничтожномъ островкѣ, лежащемъ на восточномъ берегу Африки, неподалеку отъ англійскихъ владѣній Сіерра-Леоне (между 9-мъ и 10-мъ град. сѣверной широты). Французы основали на континентѣ, прилегающемъ къ острову во время отлива, поселеніе въ 1865 г. Недавно они заняли и островокъ. По этому случаю былъ запросъ въ англійскомъ парламентѣ съ цѣлью протеста противъ этого занятія. Весьма вѣроятно, что дѣло уладится полюбовно.

Digitized by Google

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

16/28 апрѣля, 1879.

XLVIII.

Два литературныя торжества: В. Гюго и Ренанъ.

Два событія занимали собою умы парижанъ въ эти послѣдніе дни: первое представленіе „Ruy-Blas'a" въ „Comédie Française" и торжественный пріемъ Ренана въ академію. Было много шуму, восторженныхъ овацій, печать пѣла гимны національному генію и дошли до того, что утверждали, будто такія событія должны утѣшать насъ въ нашихъ пораженіяхъ: они обезпечиваютъ наши будущія побѣды! Всѣ воспарили въ заоблачный міръ идеала: можно было подумать, что поэзія спѣшитъ вытѣснить всякую науку. Больно было мнѣ въ эти дни, унынiе и ужасъ охватили меня: неужели мы вновь будемъ изображать собою des enfants sublimes? Мой патріотизмъ вѣритъ лишь въ силу истины,—я выскажу то, что́ думаю.

Прежде всего замѣчу, что весь этотъ вопросъ былъ ясно поставленъ въ „République Française". Привожу то, что́ тамъ сказано: „Парижъ только-что былъ свидѣтелемъ и далъ міру зрѣлище двухъ великихъ интеллектуальныхъ празднествъ, которыя составятъ славу и украшеніе просвѣщенной и либеральной Франціи, столь доблестно представляемой нашимъ дорогимъ и великимъ городомъ.

„Пріемъ Эрнеста Ренана въ академію, возобновленіе „Рюи-Блаза" въ „Comédie Française" могутъ по справедливости считаться двумя событіями, которыми намъ позволительно гордиться... Между нами есть молодые люди, которые ищутъ дороги; они идутъ куда глаза глядятъ, гонялись за новизной, и хвастаются съ наивностью неопытности, что превзошли своихъ предшественниковъ въ безпредѣльной области искусства, вступающаго въ борьбу съ природой. Да, это правда: нѣкоторые изъ нихъ, невѣрно оцѣнивъ свои силы, объявили войну идеалу, но они будутъ побѣждены; имъ можно навѣрняка предсказать такое пораженіе послѣ того вечера въ „Comédie Française".

Надо пояснить эти замысловатыя журнальныя фразы съ тѣмъ, чтобы онѣ стали понятны. Молодые люди, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, писатели натуральной школы, тѣ, которые усвоили себѣ научное направленіе нашего вѣка, и орудіемъ своимъ избрали экспериментальный методъ. Журналистъ свидѣтельствуетъ, что эти писатели

Digitized by Google

объявили войну идеалу, и предсказываетъ, что они будутъ побѣждены лиризмомъ, романтической риторикой. Ничего не можетъ быть проще: въ одинъ прекрасный вечеръ публика привѣтствовала красивые стихи Виктора Гюго: значитъ—научное движеніе нашего вѣка остановлено; значитъ—экспериментальный методъ упраздненъ. И человѣкъ, написавшій это, сотрудникъ республиканской газеты, претендующій на то, что онъ помогалъ окончательному торжеству во Франціи республикѣ, основанной на наукѣ!

Въ свою очередь, Ренанъ, въ началѣ своей вступительной рѣчи, желая польстить академіи и позабывъ о своихъ былыхъ похвалахъ Германіи, сказалъ слѣдующее: „Вы не довѣряете культурѣ, отъ которой человѣкъ не дѣлается ни добрѣе, ни любезнѣе. Я также сильно опасаюсь, чтобы расы,—весьма серьёзныя, конечно, такъ какъ насъ упрекаютъ въ легкомысліи,—не обманулись въ своихъ надеждахъ привлечь симпатіи міра совсѣмъ иными путями, чѣмъ тѣ, какими до сихъ поръ это достигалось. Наука педантическая, въ своей обособленности, литература, лишенная всякой веселости, угрюмая политика, высшее общество, лишенное блеска, дворянство, лишенное остроумія, дворяне, незнакомые съ вѣжливостью, великіе полководцы, чуждые громкихъ словъ, полагаю, не скоро изгладятъ воспоминаніе о старинномъ французскомъ обществѣ, обществѣ блестящемъ, вѣжливомъ и желавшемъ нравиться".

На это берлинская „Національная Газета" отвѣчала: „европейскія націи ведутъ непрерывную борьбу: кто не идетъ впередъ, тотъ скоро будетъ опереженъ. Всякая нація, которая вздумаетъ уснуть на завоеванныхъ лаврахъ, присуждена къ паденію и смерти. Эту истину французская нація должна научиться повторять себѣ. Но для этого ей нужны люди серьёзные, а не льстецы... Мы считаемъ прежде всего нашимъ искреннимъ другомъ того, кто предостерегаетъ насъ отъ вещи, которой мы боимся пуще всего на свѣтѣ: туманной пустоты и невѣрной оцѣнки нашихъ соперниковъ въ матеріальной и интеллектуальной сферѣ. Мы по опыту знаемъ ихъ неизбѣжныя послѣдствія".

Что же! по-моему, патріотизмъ долженъ заставить каждаго француза задуматься надъ этими двумя цитатами. Я говорю не о напускномъ патріотизмѣ, драпирующемся въ знамя и сочиняющемъ оды и кантаты; я говорю о патріотизмѣ людей знанія и науки, желающихъ достичь величія націи практическими способами. Да! Ренанъ правъ; въ нашемъ прошломъ и въ нашемъ настоящемъ много славы; но вникните въ эти страшныя слова: „кто не идетъ впередъ, тотъ скоро будетъ опереженъ". Вѣдь это похоронный звонъ вѣковъ, гонимыхъ новымъ духомъ. Завтра начнется двадцатый вѣкъ, трудный

Digitized by Google

родамъ котораго помогаетъ научный переворотъ! Завтра восторжествуетъ научный методъ, духъ истины, преобразующій общества! и если мы хотимъ, чтобы „завтра" принадлежало намъ, мы должны быть новыми людьми, идущими впередъ путемъ метода, логики, науки и знанія дѣйствительности. Рукоплескать риторикѣ, восторгаться идеаломъ—все это одни только нервы; женщины плачутъ, когда слышатъ музыку. Въ настоящее время намъ нужна трезвая правда для того, чтобы быть побѣдоносными и на будущее время, какъ мы были въ прошломъ.

Вотъ что́ я стараюсь доказать Я желалъ бы внушить ненависть къ фразерству и витанію въ пустотѣ. Насъ, людей, вѣрящихъ только въ факты, изучающихъ всѣ задачи жизни по документамъ, насъ обвиняютъ въ цинизмѣ и обзываютъ развратителями. Пора доказать всѣмъ, что истинные развратители это—риторы, и что за каждымъ витаніемъ въ идеальныхъ сферахъ слѣдуетъ роковое паденіе въ грязь.

I.

Народы чествуютъ своихъ великихъ людей. Они повсемѣстно выказываютъ благодарность знаменитымъ писателямъ, оставляющимъ по себѣ безсмертные литературные памятники. Гомеръ и Виргилій живутъ на развалинахъ Греціи и Рима. Точно такъ и поэтическій памятникъ, созданный Викторомъ Гюго, будетъ вѣчно жить, и нашему вѣку выпадетъ на долю слава этой чудной постройки рѣчи, которая установитъ французскій языкъ и сохранитъ его позднѣйшимъ вѣкамъ. Въ этомъ отношеніи онъ, какъ поэтъ, заслуживаетъ всяческихъ овацій и ему сто́итъ воздвигать статуи. Онъ великъ среди самыхъ великихъ. Онъ былъ удивительнымъ риторомъ, и останется безспорно королемъ лирическихъ поэтовъ.

Но это только одна сторона дѣла. Рядомъ съ формой, ритмомъ, словами, рядомъ съ чисто лингвистическимъ твореніемъ существуетъ еще и философія произведенія. Она приноситъ истину или заблужденіе, она результатъ извѣстнаго метода и роковымъ образомъ становится силою, толкающею вѣкъ впередъ или назадъ. Если *я* восхищаюсь Викторомъ Гюго, какъ поэтомъ, я критикую его какъ мыслителя, какъ воспитателя. Его философія кажется мнѣ не только темной, противорѣчивой, опирающейся на чувства, а не на факты, но я нахожу ее также и опасной, дурно вліяющей на публику, увлекающей ее лирической ложью, забивающей здравый смыслъ романтическими восторгами.

И мы видѣли это на представленіи „Рюи-Блаза", возбудившемъ

Digitized by Google

такой сильный восторгъ. Рукоплескали поэту, ритору. Онъ обновилъ языкъ, онъ написалъ стихи, сверкающіе какъ золото, и звучные, какъ бронза; ни въ одной литературѣ я не знаю болѣе широкой, болѣе искусной поэзіи, съ болѣе сильнымъ лирическимъ порывомъ, болѣе яркихъ красокъ и бо́льшей одушевленности. Но никто, разумѣется, не рукоплескалъ философіи и правдѣ произведенія. Если устранить толпу суровыхъ почитателей, тѣхъ, кто считаетъ Виктора Гюго человѣкомъ универсальнымъ, столь же великимъ мыслителемъ, какъ и поэтомъ,—то всѣ остальные пожимаютъ нынѣче плечами передъ неправдоподобностью „Рюи-Блаза". На эту драму приходится смотрѣть какъ на волшебную сказку, по которой авторъ развелъ поэтическіе узоры. Какъ только мы взглянемъ на нее съ точки зрѣнія исторіи и логики, какъ только мы постараемся извлечь изъ нея практическія истины, факты, документы, такъ немедленно попадаемъ въ дикій хаосъ ошибокъ и лжи, барахтаемся въ пустотѣ лирическаго безумія. Удивительнѣе всего, что Викторъ Гюго задумалъ прикрыть символъ подъ лиризмомъ „Рюи-Блаза". Надо прочитать предисловіе, чтобы видѣть, какимъ образомъ въ головѣ автора этотъ лакей, влюбленный въ королеву, олицетворяетъ народъ, влюбленный въ свободу, между тѣмъ какъ донъ-Саллюстій и донъ-Цезарь де-Базанъ представляютъ дворянство умирающей монархіи. Извѣстно, что символы очень послушны; ихъ можно пихать всюду, куда угодно, и придать имъ такой смыслъ, какой хочется. Но только въ настоящемъ случаѣ символъ смѣется надъ здравымъ смысломъ. Ну, можно ли видѣть народъ въ Рюи-Блазѣ, въ этомъ фантастическомъ лакеѣ, учившемся въ коллежѣ, писавшемъ оды, прежде чѣмъ надѣть ливрею, отроду не бравшемъ въ руки никакого инструмента, грѣющемся на солнцѣ и влюбляющемся въ герцогинь и въ королевъ, вмѣсто того, чтобы учиться какому-нибудь ремеслу. Рюи-Блазъ — цыганъ, забулдыга, лишній человѣкъ; никогда не былъ онъ народомъ. Впрочемъ, допустимъ на минуту, что онъ народъ, посмотримъ, какъ онъ дѣйствуетъ, куда стремится онъ. Тутъ начинается невыразимая чепуха. Народъ, подвигаемый дворянствомъ, любить королевъ, народъ, дѣлающійся министромъ и теряющій время на то, чтобы произносить рѣчи, народъ, убивающій дворянство и затѣмъ самъ отравляющійся. Что это за галиматья такая? что́ сталось съ пресловутымъ символомъ? Если народъ убьетъ и себя, послѣ того какъ онъ упразднилъ дворянство, то обществу наступитъ конецъ. Тутъ мы видимъ ничтожество этой нелѣпой интриги, которая дѣлается совсѣмъ сумасбродной, какъ только поэтъ задумаетъ придать ей серьёзный смыслъ. Не буду настаивать далѣе на нелѣпостяхъ „Рюи-Блаза" съ точки зрѣнія здраваго смысла и простой логики. Какъ лирическая поэма, повторяю,

Digitized by Google

это произведеніе несравненно; но въ немъ отнюдь не слѣдуетъ искать ясныхъ идей, фактовъ, аналитическаго и экспериментальнаго метода, опредѣленнаго философскаго взгляда. Это—музыка, и ничего больше.

Перехожу ко второму пункту. „Рюи-Блазъ", говорятъ, представляетъ собой паренiе въ идеалѣ, отсюда всякаго рода драгоцѣнные эффекты: онъ возвеличиваетъ душу, подвигаетъ на славныя дѣла, освѣжаетъ и подкрѣпляетъ. Что за бѣда, что все это ложь! Онъ отвлекаетъ насъ отъ будничной жизни и уноситъ на вершины. Наконецъ-то дышешь свободно, вдали отъ безнравственныхъ произведеній натуральной школы. Мы касаемся тутъ самаго щекотливаго мѣста въ нашей распрѣ. Не забираясь въ самый корень вопроса, посмотримъ, какія добродѣтели и сколько чести заключаетъ въ себѣ „Рюи-Блазъ". Надо прежде всего устранить донъ-Саллюстія и донъ-Цезаря; первый—сатана, какъ говоритъ Викторъ Гюго; что касается второго, то, несмотря на его рыцарское уваженіе къ женщинѣ, онъ отличается весьма сомнительной нравственностью. Перейдемъ къ королевѣ. Эта королева очень дурно поступаетъ, избирая себѣ любовника. Я знаю, что она скучаетъ, и что мужъ ея виноватъ въ томъ, что онъ слишкомъ много времени проводитъ на охотѣ, но право, если бы всѣ женщины, которыя скучаютъ, брали любовниковъ, то ни одна семья не обошлась бы безъ измѣны супружеской вѣрности. Наконецъ, возьмемъ самого Рюи-Блаза; онъ не что иное какъ проходимецъ и въ жизни дѣйствительной попалъ бы на скамью подсудимыхъ. Какъ! этотъ лакей принимаетъ королеву изъ рукъ донъ-Саллюстія; онъ соглашается участвовать въ обманѣ, который долженъ казаться зрителямъ тѣмъ безчестнѣе, что донъ-Цезарь, нищій, другъ воровъ, клеймитъ его въ двухъ великолѣпныхъ тирадахъ; но этого мало: онъ крадетъ имя, которое ему не принадлежитъ, и носитъ его цѣлый годъ, обманываетъ королеву, цѣлый дворъ, весь народъ; и все это онъ совершаетъ, чтобы нарушить супружескую вѣрность; и онъ же настолько понимаетъ предательство, гадость, грязь своего поведенія, что кончаетъ тѣмъ, что отравляется. Да, этотъ человѣкъ мошенникъ и развратникъ! Моя душа совсѣмъ не возвеличивается въ его обществѣ. Я скажу даже, что моя душа наполняется отвращеніемъ, потому что я, помимо воли, иду дальше стиховъ поэта, какъ скоро попробую возстановить факты и отдать себѣ отчетъ въ томъ, чего онъ не договариваетъ: я вижу тогда этого лакея въ объятіяхъ королевы, а это ничуть не добродѣтельно. Въ сущности „Рюи-Блазъ"—чудовищное приключеніе, отзывающееся будуаромъ и кухней. Какъ бы Викторъ Гюго ни уносился въ своей драмѣ на лирическія вершины, но подкладка ея грязная. Если бы даже повѣрить возможности такихъ событій, то все же эта исторія не только сумасбродна, но и гадка;

Digitized by Google

она не подвигаетъ на подвиги, потому что всѣ дѣйствующія лица творятъ одни гадости или пошлости. Она не освѣжаетъ и не укрѣпляетъ потому, что начинается грязью, а кончается кровью. Таковы факты. Теперь, перейдя къ стихамъ, мы должны сказать, что они часто выражаютъ самыя прекрасныя чувства въ мірѣ. Донъ-Цезарь отпускаетъ фразы объ уваженіи, съ какимъ слѣдуетъ относиться къ женщинамъ; королева отпускаетъ фразы о святости любви; Рюи-Блазъ говоритъ фразы о министрахъ, обворовывающихъ государство. Все фразы, фразы! о! фразъ столько, сколько душѣ угодно! Или, быть можетъ, только стихамъ предоставляется возвышать душу? Боже мой! И вотъ къ этому-то я и веду рѣчь: здѣсь дѣло идетъ лишь о риторической добродѣтели и риторической чести. Романтизмъ, лиризмъ все пріурочиваетъ къ словамъ. Слова громкія, гиперболическія, напыщенныя. Не поразительно ли это: въ поступкахъ—безуміе и грязь, на словахъ—благородная страсть, гордая добродѣтель, высшая честность. Подъ этимъ нѣтъ никакой почвы; это словоизверженія, шумиха словъ. Вотъ вамъ весь романтизмъ.

Я не разъ уже разбиралъ романтическій переворотъ, и излишне было бы снова пускаться въ историческій обзоръ этого движенія. Но я желаю подчеркнуть тотъ фактъ, что оно было чисто риторическимъ бунтомъ. Роль Виктора Гюго—роль, впрочемъ, весьма значительная—ограничилась обновленіемъ поэтическаго языка, созданіемъ новой риторики. Въ 1830 году битвы происходили на почвѣ словаря. Классическій языкъ умиралъ отъ анеміи; романтики влили ему въ жилы новую кровь, пустивъ въ ходъ слова неизвѣстныя или пренебрегаемыя, яркіе образы — и болѣе широкую и болѣе живую манеру ощущать и передавать ощущенія. Но если мы устранимъ вопросъ о языкѣ, то увидимъ, что романтики не отдѣлялись отъ классиковъ; какъ эти послѣдніе, они оставались деистами, идеалистами, приверженцами символизма; какъ эти послѣдніе, они наряжали живыя существа и вещи, переносили ихъ въ условную сферу, признавали догматы, общія правила. И даже слѣдуетъ прибавить, что лиризмъ вовлекъ новую школу въ такія несообразности, что она оставила далеко за собой старую, классическую школу. Поэты 1830 года расширили литературную область, пожелавъ ввести въ нее человѣка, взятаго во всѣхъ его проявленіяхъ, съ его смѣхомъ и слезами, отведя роль природѣ, давно уже выдвинутой на первый планъ Руссо. Но они исказили отвоеванныя вольности,—они страннымъ образомъ злоупотребляли ими, возносясь надъ людьми и надъ природой; вмѣсто того, чтобы изучать природу, описывать ее съ точностью, какъ среду, гдѣ дѣйствуютъ ихъ герои, они населяли ее собственными бреднями, легендами и кошмарами. Точно такъ и от-

Digitized by Google

носительно людей: они хвалились, что берутъ человѣка цѣликомъ, съ его тѣломъ и душой, и первымъ дѣломъ переносили человѣка въ заоблачное пространство и превращали его въ фикцію. Тогда роковымъ образомъ вышло то, что классики, съ ихъ застывшимъ и окаменѣлымъ міромъ, оказались болѣе человѣчными, болѣе близкими къ истинѣ, болѣе логическими и законченными, нежели романтики—съ ихъ обширными горизонтами и новыми элементами жизни, вводимыми ими. Переворотъ, произведенный лирическими поэтами, долженъ былъ привести къ этому. Лиризмъ въ литературѣ—это поэтическій восторгъ, не подчиняющійся никакому анализу, граничащій съ безуміемъ. Это очень красивый порывъ и очень красивый языкъ, но во всемъ этомъ нѣтъ ни капли правды. Итакъ, Викторъ Гюго только лирическій поэтъ; все въ немъ отзывается геніальной риторикой—его рѣчь, философія и мораль. У него одинъ только наборъ словъ и ритмъ. И не ищите ничего подъ этими словами и ритмомъ, потому что, повторяю, вы найдете самый невѣроятный хаосъ, ошибки, противорѣчія, напыщенныя ребячества, выспренній мерзости, какъ мы видѣли въ „Рюи-Блазѣ".

Въ настоящее время, когда изучаешь литературное движеніе начала нынѣшняго столѣтія, то романтизмъ является логическимъ дебютомъ великаго натуралистическаго движенія. Не безъ причины лирическіе поэты явились первыми. Съ общественной точки зрѣнія, ихъ появленіе можно объяснить потрясеніями, происходившими въ революціи и при имперіи; послѣ рѣзни, поэты утѣшали себя мечтами. Но они явились, главнымъ образомъ, потому, что имъ предстояло совершить великое дѣло. Это дѣло и было обновленіе языка. Надо было пересоздать старинный языкъ, преобразовать его, ввести новыя слова и образы, создать цѣлую риторику для выраженія новаго общества, и одни только лирическіе поэты могли быстро произвести такой трудъ. Романтики пришли кстати; они завоевали свободу формы, создали орудіе, которымъ долженъ былъ воспользоваться вѣкъ. Такимъ образомъ, великія государства создаются на полѣ битвы.

Далѣе мы увидимъ, какое государство долженствовало основаться вслѣдствіе романтической битвы. Риторика побѣдила; идея могла выражаться и формулироваться, благодаря новому языку. И тутъ-то слѣдуетъ привѣтствовать въ Викторѣ Гюго мощнаго работника, создавшаго этотъ языкъ. Если онъ очень слабъ, какъ драматургъ, романистъ, критикъ, философъ,—за то онъ всегда и вездѣ геніальный риторъ. Вотъ причина его владычества — прошлаго и настоящаго. Онъ создалъ языкъ, онъ овладѣлъ вѣкомъ—не путемъ идей, но путемъ словъ; идеи нашего вѣка, идеи, руководящія имъ, — это науч-

Digitized by Google

ный методъ, экспериментальный анализъ, реализмъ; слова — это богатства выраженій, обновленныхъ или за-ново придуманныхъ, великолѣпные образы, красивые обороты рѣчи, ставшіе общеупотребительными. Конечно, словамъ теперь отводится подобающее имъ мѣсто и роль ихъ второстепенная — и вотъ почему я говорю, что Викторъ Гюго́ не нашего вѣка человѣкъ, такъ какъ онъ принесъ только риторику безъ идеи. Въ началѣ движенія риторика всегда подавляетъ идею, потому что бьетъ сильнѣе. Это всемогущество слова сдѣлало Виктора Гюго королемъ. Онъ съ юности облекся въ порфиру, которою обязанъ формѣ своихъ произведеній. На-ряду съ нимъ, Бальзакъ, принесшій идею вѣка, экспериментальный методъ, кажется раздѣтымъ; ему едва кланяются. Къ счастью, позднѣе идея всегда отдѣлывается отъ риторики, упрочивается и воцаряется. Къ этому пришли и мы. Викторъ Гюго́ остается великимъ поэтомъ,—величайшимъ изъ лирическихъ поэтовъ. Но вѣкъ отступился отъ него, научная идея восторжествовала. Въ „Рюи-Блазѣ" мы рукоплещемъ ритору. Философъ и моралистъ вызываютъ у насъ улыбку.

II.

Перейдемъ теперь къ пріему Эрнеста Ренана во французскую академію. Этотъ пріемъ былъ тоже литературнымъ праздникомъ. Тутъ торжествовала свобода мысли—это слѣдуетъ отмѣтить прежде всего. Чтобы быть понятнымъ, я долженъ отдѣлить Ренана легендарнаго отъ Ренана дѣйствительнаго.

Припомнимъ изданіе въ свѣтъ „la Vie de Jésus". Оно произвело дѣйствіе удара грома. Ренанъ былъ неизвѣстенъ массѣ публики. Онъ пользовался репутаціей ученаго человѣка, замѣчательнаго лингвиста, но въ очень небольшомъ кружкѣ спеціалистовъ. И вдругъ фигура его выросла передъ цѣлой Франціей съ страшными чертами антихриста. Его изображали, какъ сатану, съ двумя рогами и хвостомъ. Особенно сильный переполохъ произошелъ въ средѣ духовенства; всѣ сельскіе священники зазвонили въ колокола и принялись проклинать его въ своихъ проповѣдяхъ; епископы пустились издавать окружныя посланія и брошюры; папа поблѣднѣлъ подъ своей тіарой. Разсказываютъ, что іезуиты сожигали изданія „la Vie de Jésus", по мѣрѣ ихъ появленія, и это обезпечивало ихъ неисчерпаемую продажу. Въ публикѣ волненіе усиливалось въ виду такого испуга духовенства. Многіе крестились при имени Ренана, непослушныхъ дѣтей пугали его именемъ, и люди индифферентные невольно заинтересовывались имъ, а смѣлые умы охотно придавали ему колоссальное значеніе. Онъ дѣ-

Digitized by Google

лался великаномъ отрицанія. Если прибавить къ этому, что онъ слылъ за растриженнаго попа, то мы получимъ законченную фигуру непокорнаго архангела, новѣйшаго сатаны.

Таковъ былъ легендарный Ренанъ, и такимъ онъ долго оставался для массы публики. Если мы обратимся къ Ренану дѣйствительному, то будемъ изумлены. Въ немъ ученый остается спеціалистомъ, но превращается въ поэта. Представьте себѣ натуру вѣрующаго, человѣка созерцательнаго, выросшаго среди тумановъ на одномъ изъ бретонскихъ береговъ. Онъ былъ воспитанъ въ строго-католическомъ духѣ; первое желаніе его было быть священникомъ, и его воспитаніе, его образованіе предназначало его къ духовной карьерѣ. Онъ пріѣхалъ въ Парижъ и поступилъ въ семинарію, пропитанный религіозностью, со всѣми вѣрованіями своей расы и той среды, гдѣ онъ выросъ. Здѣсь вдругъ въ немъ началось броженіе, парижскій ли воздухъ повліялъ на него? проснулись ли дремавшія въ немъ природныя способности, но только въ немъ поднялась работа критической мысли. Послѣ того патеръ въ немъ умеръ. Повторилась вѣчная исторія: первый трепетъ сомнѣнія, затѣмъ мучительная борьба, наконецъ, окончательный разрывъ съ прежними вѣрованіями. Ренанъ оставилъ семинарію и бросился въ изученіе языковъ. Но кто въ немъ не умеръ—это идеалистъ, спиритуалистъ. Всѣ вѣрованія его дѣтства и юношества нашли себѣ новый исходъ въ поэзіи. Тутъ мы видимъ весьма любопытный случай тираническихъ требованій извѣстнаго темперамента: онъ не могъ быть больше священникомъ, онъ будетъ поэтомъ, и его темпераментъ найдетъ себѣ удовлетвореніе во что бы то ни стало. Безъ сомнѣнія, натура менѣе религіозная, выросшая въ менѣе пасмурной средѣ пошла бы до конца на пути науки, и все тѣснѣе и тѣснѣе ограничивала бы формулу своего отрицанія. Ренанъ долженъ былъ остановиться на полъ-дорогѣ, вѣчно сожалѣя объ утраченной вѣрѣ и смутно наслаждаясь сомнѣніемъ въ собственномъ сомнѣніи. Это превращеніе вѣры въ поэзію характеризуетъ его. Онъ больше не вѣрующій, но онъ и не ученый. Я вижу въ немъ человѣка переходнаго. По-моему, романтическое вліяніе сказалось и тутъ.

Да! Ренанъ пантеистъ изъ школы романтиковъ. Я не стану вдаваться въ разборъ философскихъ вопросовъ, не буду разбирать его теорію медленнаго образованія высшихъ людей, группы интеллектуальныхъ мессій, царствующихъ на землѣ въ силу своихъ дарованій. Для меня достаточно, что онъ деистъ, какъ и Викторъ Гюго, и что его вѣрованія, хотя въ нихъ и болѣе послѣдовательности, тѣмъ не менѣе являются фантазіями лирическаго поэта, столь же удаленными отъ догматовъ вѣры, сколько и отъ указаній науки. Ни вѣрующій, ни ученый поэтъ—вотъ его опредѣленіе. Онъ витаетъ созерцатель-

Digitized by Google

нымъ въ туманѣ. Идеи у него никогда не отличается опредѣленностью и ясностью. Чувствуешь, какъ онъ долженъ думать! Но думаетъ ли онъ такъ? этого нельзя знать, потому что онъ избѣгаетъ ясныхъ выводовъ. И если, оставивъ философа, мы обратимся къ писателю, то находимъ романтика во всей его прелести и силѣ. Конечно, это не высокопарный слогъ Виктора Гюго, щегольство антитезами, наборъ громкихъ словъ и яркихъ образовъ. Это скорѣе медовая рѣчь Ламартина, слогъ—нѣжный, какъ ласка, и набожный, какъ молитва. Фразы какъ-бы преклоняютъ колѣни и изнемогаютъ отъ восторга въ облакахъ ладона, среди мистическаго полусвѣта пестрыхъ оконъ. Съ разу понимаешь, что Ренанъ вошелъ въ готическій соборъ романтизма и остался въ немъ не какъ вѣрующій, но какъ писатель.

Итакъ, вотъ Ренанъ легендарный, и вотъ Ренанъ дѣйствительный. Надо прибавить, что одни только упрямцы, ярые католики, придерживающіеся готовыхъ идей, продолжаютъ считать Ренана антихристомъ. Годы прошли, и люди поняли, наконецъ, что „la Vie de Jésus“ не что иное, какъ милая поэма, прикрывающая романтическими цвѣтами нѣкоторыя изъ евангельскихъ истинъ. Не всѣ истины собраны въ ней, потому что художникъ сдѣлалъ выборъ между ними и разукрасилъ ихъ нѣжными красками фантазіи. Чтобы понять методу Ренана, стоитъ сравнить его книгу съ книгой нѣмца Штрауса, отличающуюся рѣзкостью своихъ выводовъ и доказательствъ; здѣсь мы имѣемъ дѣло съ ученымъ, слогъ котораго отличается безыскусственностью и который гонится лишь затѣмъ, чтобы доказать свою мысль. Поэтому въ настоящее время въ глазахъ большинства „страшный“ Ренанъ сталъ милымъ Ренаномъ. На него стали смотрѣть, какъ на мелодиста, который, конечно, очень дурно сдѣлалъ, что выбралъ непочтительную тэму для своей музыки, но тѣмъ не менѣе написалъ очень пріятную музыку. И именно мелодисту французская академія открыла свои двери. Я къ этому и велъ свою рѣчь и утверждаю, что академія привѣтствовала стилиста, а не ученаго. Это празднество устроено также въ честь лирическаго поэта.

Необходимо быть строгимъ въ наше время, когда вездѣ царитъ лицемѣріе и кумовство; только строгостью можно сдѣлать націю мужественной. Безъ сомнѣнія, академія, принявъ Ренана, сдѣлала прекрасный выборъ, такой, какой ей рѣдко удастся. Ренанъ, познанія котораго весьма обширны, вмѣстѣ съ тѣмъ превосходнѣйшій изъ нашихъ прозаиковъ. Въ литературномъ отношеніи одинъ его мизинецъ стоитъ десяти академиковъ, выхваченныхъ наудачу изъ рядовъ ученой компаніи. Но я не согласуюсь съ тѣми, кто увидитъ въ его избраніи торжество новѣйшей научной формулы въ академіи. Повторяю, ряды академиковъ раскрылись для поэта — и только.

Digitized by Google

Истинной смѣлостью было бы избрать Ренана, вскорѣ послѣ громкаго успѣха „la Vie de Jésus“. Въ настоящее время онъ пробилъ двери своимъ писательскимъ талантомъ и садится на академическое кресло не сатаной, украшеннымъ хвостомъ и рогами, но дамскимъ любимцемъ. Никто его больше не боится, и онъ сталъ даже убѣжищемъ религіозныхъ душъ, которыхъ тревожитъ и отпугиваетъ сухая наука. А если такъ, то нѣчего поднимать такой гвалтъ о либерализмѣ академіи. Она приняла писателя,—прекрасно!

Что мнѣ показалось особенно характеристичнымъ въ рѣчи Ренана, это—его отношеніе къ научнымъ открытіямъ. Онъ относится къ нимъ какъ идеалистъ съ гибкимъ умомъ, пользующійся всѣмъ рѣшительно, чтобы питать и развивать свои мечты. Необходимо привести отрывокъ изъ его рѣчи. „Небо, такое, какимъ намъ его показываютъ данныя новѣйшей астрономіи, гораздо любопытнѣе чѣмъ массивный сводъ, усѣянный блестящими точками и опирающійся на столбахъ, какимъ довольствовались наивные вѣка..... Если порою я сожалѣю о девяти хорахъ ангеловъ, обнимавшихъ орбиты семи планетъ, и о хрустальномъ морѣ, разстилавшемся у подножія Всевышняго, за то утѣшаюсь мыслью, что то безконечное пространство, куда погружается наше небо, есть дѣйствительно безконечное пространство, въ тысячу разъ болѣе величественное въ глазахъ истиннаго созерцателя, чѣмъ всѣ лазурные круги рая, который изображалъ Анжелико де Фіезоле..... Насколько глубокіе взгляды химика и кристаллографа на этомъ превосходятъ смутное понятіе о матеріи, которымъ питалась схоластическая философія!... Торжество науки есть въ сущности торжество идеализма....“ Замѣтьте это восклицаніе: оно типично. Это восклицаніе поэта, который, каждый разъ какъ вы отодвигаете предѣлы неизвѣстнаго, согласенъ слѣдовать за вами, но лишь съ тѣмъ, чтобы забраться мечтать въ тотъ таинственный уголокъ, куда вы еще не проникали. Какъ самъ Ренанъ утверждаетъ дальше въ своей рѣчи, ученый допускаетъ неизвѣстное, абсолютное, идеальное лишь какъ задачу, которой онъ будетъ искать разрѣшенія.

Новое доказательство, что Ренанъ не ученый, потому что ему необходимъ таинственный уголокъ, и чѣмъ больше съуживаете вы этотъ уголокъ, чѣмъ дальше относите его въ безконечное, тѣмъ бо́льшее восхищеніе выкажетъ онъ, потому что, скажетъ онъ, грезы его станутъ отъ того еще туманнѣе и возвышеннѣе. Такимъ-то образомъ „торжество науки есть торжество идеализма“. Мнѣ эта фраза уже давно знакома, потому что я слышалъ часто, какъ ее произносили въ видѣ самаго рѣшительнаго аргумента. Она является убѣжищемъ идеалистовъ, не отрицающихъ новѣйшія науки. Такъ какъ

Digitized by Google

они надѣятся, что нѣкоторыя стороны жизни всегда останутся тайной, то съ каждымъ открытіемъ они переносятъ дальше свой идеалъ, утѣшая себя тѣмъ, что въ концѣ-концовъ у нихъ все же останется такой пунктъ, изъ котораго ихъ не выбьютъ. Ренанъ—одинъ изъ поэтовъ идеала, шествующихъ по стопамъ ученыхъ, волоча ноги и пользуясь каждой остановкой, чтобы нарвать цвѣтовъ.

И замѣтьте, что главнымъ своимъ успѣхомъ — я говорю про успѣхъ его у массы публики—онъ обязанъ своей риторикѣ. Въ Германіи, Штраусъ, державшійся сухой аргументаціи, привлекъ вниманіе лишь спеціалистовъ ученыхъ и богослововъ; толпа свѣтскихъ и просто образованныхъ людей не заинтересовалась имъ нисколько. Напротивъ того, у насъ Ренанъ, далеко не проявившій такого духа отрицанія, но изукрасившій свой сюжетъ риторическими цвѣтами, восхитилъ всю публику. Новое доказательство всемогущества формы. Успѣхъ „la Vie de Jésus“ однороденъ съ успѣхомъ „Ruy-Blas'a“; фраза, звукъ, краски, ароматъ дѣйствуютъ на людей посредствомъ всѣхъ пяти чувствъ. Это дѣйствіе чисто физическое. Когда риторъ обладаетъ геніемъ, онъ безспорный властелинъ надъ толпой; онъ дѣйствуетъ на нихъ физически и увлекаетъ ихъ за собой, куда ему вздумается. Ученый разгонитъ публику въ то время, какъ поэтъ приведетъ въ восторгъ даже своихъ противниковъ. Это объясняетъ безумный успѣхъ романтизма въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія. И по сіе время мы безъ памяти рукоплещемъ лирическимъ тирадамъ, когда онѣ коснутся нашего слуха.

Однако надо же громко заявить, что гвалтъ, вызываемый формою, миноletенъ. Писателю отводятъ должное ему мѣсто, но пожимаютъ плечами надъ мыслителемъ и ученымъ. И заслуженная кара постигаетъ робкіе умы, не рѣшавшіеся до конца высказать свою мысль, и ловкихъ людей, воображавшихъ, что достигнутъ своей цѣли, угождая всѣмъ и каждому. Да! эти ухищренія честолюбцевъ, эта манера высказывать только пріятныя и закутанныя въ красивыя фразы истины, это искусное равновѣсіе, которое нельзя назвать ложью, но которое и не есть истина, вся эта лицемѣрная тактика обращается противъ тѣхъ, кто къ ней прибѣгаетъ изъ разсчета или по характеру. Въ одинъ прекрасный день, послѣ всѣхъ этихъ овацій, они оказываются одинокими, правда, весьма знаменитыми, осыпанными почестями и наградами, но за ними остается только слава искусныхъ музыкантовъ, когда они могли бы претендовать на неувядаемую славу великихъ мыслителей и великихъ ученыхъ.

Я самъ не буду дѣлать выводовъ. Я нашелъ въ одной газетѣ весьма строгое сужденіе, которое меня очень поразило, и передаю его безъ комментаріевъ: „Такой человѣкъ, какъ Ренанъ, долженъ

Digitized by Google

былъ бы вліять на свою эпоху, а онъ лишенъ всякаго вліянія. Къ нему не относились серьёзно.... Тщетно затрогивалъ онъ самые жгучіе вопросы: его рѣшеніе не было признано; всѣ видѣли одну игру и забаву тамъ, гдѣ философъ, ученый, желалъ бы, чтобы къ нему отнеслись съ полнымъ и серьёзнымъ вниманіемъ. Въ немъ не умретъ только писатель; о немъ скажутъ, что ему извѣстны были всѣ тайны языка и что въ средѣ музыкантовъ нашего времени онъ умѣлъ покрывать всѣ мѣдные инструменты серебристыми трелями своего гобоя.:... Потомство помѣститъ его среди самыхъ знаменитыхъ безполезностей, среди тѣхъ, которые въ вѣкъ возрожденія и труда избрали себѣ долею сладкіе досуги и сельскую дремоту".

III.

По ироніи судьбы, почти всегда бываетъ такъ, что вновь избранному академику, обязанному восхвалять умершаго академика, приходится выполнять эту обязанность относительно человѣка, діаметрально ему противоположнаго. То же самое повторилось и теперь: Ренану, ритору, поэту, пришлось разукрашивать своими цвѣтистыми фразами жизнь и произведенія Клода-Бернара, ученаго, вся сила котораго заключалась въ экспериментальномъ методѣ. Зрѣлище это настолько любопытно, что надъ нимъ стоитъ остановиться. Къ тому же, мнѣ хочется выставить высокій и суровый образъ Клода-Бернара на ряду съ Викторомъ Гюго и Ренаномъ. Такимъ образомъ, столкнутся лицомъ къ лицу наука и риторика, реализмъ и идеализмъ. Мнѣ необходима эта точка опоры. Послѣ того я сдѣлаю свои выводы.

Всего забавнѣе то, что мнѣ самому тутъ нечего дѣлать. Самъ Ренанъ доставитъ мнѣ въ своей вступительной рѣчи всѣ цитаты, какія могутъ понадобиться. Я найду въ ней массу рѣшительныхъ аргументовъ въ пользу реализма. Мнѣ стоитъ только анализировать фразы и комментировать ихъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Прежде всего я вкратцѣ разскажу жизнь Клодъ-Бернара. Онъ родился въ небольшой деревушкѣ, Сенъ-Жюльенъ, близъ Виллафраншъ, въ домикѣ винодѣла, и на всю жизнь сохранилъ о немъ нѣжныя воспоминанія. Рано лишившись отца и воспитанный матерью, онъ учился первоначально у деревенскаго священника, затѣмъ поступилъ въ коллежъ Виллафраншъ, затѣмъ началъ свою карьеру помощникомъ аптекаря въЛіонѣ. Онъ мечталъ въ тѣ времена о славѣ литературной. „Онъ за все брался, снискалъ нѣкоторый успѣхъ на ліонскомъ театрѣ однимъ водевилемъ, котораго ни за что не хотѣлъ впослѣдствіи давать, и пріѣхалъ въ Парижъ, при-

Digitized by Google

везя въ чемоданѣ трагедію въ пяти дѣйствіяхъ и письмо". Письмо было къ С.-Маркъ-Жирардену, который отсовѣтовалъ ему пускаться въ литературу. Тутъ Клодъ-Бернаръ попалъ на настоящій путь. Онъ встрѣтилъ Маженди, и сталъ его любимымъ ученикомъ. Ему пришлось долго и отчаянно бороться. Извѣстны его удивительные труды, его открытія, расширившія рамки физіологіи. Тутъ я предоставляю слово Ренану: „награда не скоро увѣнчала эту долгую жизнь, которая, по правдѣ сказать, могла обойтись безъ нея, такъ какъ въ самой себѣ носила свою награду. Нашему собрату пришлось пережить тяжкіе первые шаги въ жизни ученаго; онъ познавалъ и ея запоздалыя пріятности. Академія наукъ, Сорбонна, Collège de France, Музей считали за честь завербовать его себѣ. Ваше товарищество оказало ему верхъ своихъ милостей, присвоивъ ему тотъ титулъ, къ какому можетъ стремиться человѣкъ, преданный умственному труду. Личная воля императора Наполеона III призвала его въ сенатъ".

Остановлюсь на этомъ; этого біографическаго отрывка достаточно, чтобы провести параллель между Клодъ-Бернаромъ и Ренаномъ. Замѣтьте точку отправленія: оба учились у священника, но только первый выросъ на залитомъ солнцемъ холмѣ, тогда какъ послѣдній провелъ дѣтство на туманномъ берегу океана. И разница въ характерѣ съ разу опредѣлилась: Ренанъ, натура поэтическая и религіозная, мечтаетъ быть священникомъ, и позднѣе, несмотря на весьма обширныя познанія, несмотря на свое отрицаніе, не можетъ отдѣлаться отъ самаго туманнаго идеализма. Клодъ-Бернаръ, одаренный точнымъ умомъ, съ разу предается экспериментальной наукѣ и преслѣдуетъ только одну цѣль: найти истину, переходя отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Особенно характеристичной нахожу я литературную попытку послѣдняго. Его трагедія плоха, риторъ въ немъ ничтоженъ. Онъ запутался въ литературной формулѣ, причемъ его способности: наблюдательность, анализъ, логика—ни къ чему не служатъ ему. Онъ чуждъ классической литературы и такъ же бы былъ чуждъ и романтической, и единственнымъ убѣжищемъ для него можетъ служить наука. Самъ Ренанъ говоритъ это: „эпоха болѣе благопріятствовала плохой литературѣ, чѣмъ изслѣдованіямъ, которыя не давали случая нанизывать красивыя фразы". Эти строки вызываютъ улыбку: невольно приходитъ на мысль, что Ренанъ съумѣлъ нанизать красивыя фразы по поводу такихъ изслѣдованій, которыя, казалось бы, вовсе не пригодны для лирическаго слога.

Но онѣ ясно показываютъ причины, почему Клодъ-Бернаръ ударился въ науку.

Прежде всего займемся вопросомъ о слогѣ. Ренанъ неодно-

Digitized by Google

кратно возвращается къ этому вопросу и превосходно разбираетъ его. Привожу его слова: „истинный аналитическій методъ, предполагая твердыя и здравыя сужденія, влечетъ за собой солидныя качества слога. Иныя изъ докладныхъ записокъ Летронна и Эжена Бюрнуфа, повидимому, вполнѣ чуждыя всякихъ заботъ о формѣ, тѣмъ не менѣе являются въ своемъ родѣ мастерскими произведеніями. Правиломъ для научнаго слога является ясность, совершенная приспособленность къ предмету, полное забвеніе своего я, безусловное самоотверженіе. Но это же правило вообще годится для того, чтобы хорошо писать о чемъ бы то ни было. Лучшій писатель тотъ, кто пишетъ о великомъ предметѣ и забываетъ самого себя, выставляя на первый планъ свой предметъ". И нѣсколько дальше: „писатель! да! несомнѣнно онъ былъ писателемъ, и превосходнымъ писателемъ, потому что никогда не заботился о томъ, чтобы имъ быть. У него было главное качество писателя, а именно: не думать о томъ, что пишешь, а только о томъ, что́ пишешь. Его слогъ—это сама его мысль, и такъ какъ мысль эта всегда великая и сильная, то и слогъ его великій, солидный и сильный. Риторика ученаго—прекрасная риторика, потому что опирается на точности слога, правдиваго, трезваго, соотвѣтствующаго тому, что́ предстоитъ выразить, то-есть, вѣрнѣе сказать, на логикѣ, единственной, вѣчной основѣ хорошаго слога". Еще дальше: „надо вернуться къ нашимъ учителямъ „Port-Royal", чтобы найти такую трезвость, такое отсутствіе всякаго желанія блестѣть, такое пренебреженіе къ пріемамъ пошло-литературнымъ, когда стараются скрасить приторными украшеніями сухость предмета".

Я, быть можетъ, не рѣшился бы осудить романтическую риторику въ такихъ строгихъ выраженіяхъ. Ренанъ, увлекаемый истиной, забываетъ „приторныя украшенія", которыми онъ скрасилъ „сухость" „la Vie de Jésus". Какъ далеки мы отъ „Ruy-Blase", когда говоримъ о логикѣ, какъ о „единственной вѣчной основѣ хорошаго слога". Вотъ орудіе истины, орудіе нашего вѣка.

Но перехожу къ самой сущности вопроса: къ войнѣ, которую ведетъ наука съ идеаломъ, съ неизвѣстнымъ. Великая роль Клодъ-Бернара заключается въ этомъ: онъ бралъ природу у самаго источника, онъ разрѣшалъ вопросы путемъ опыта и съ каждымъ шагомъ впередъ отодвигалъ границу неизвѣстнаго. Послушаемъ самого Ренана: „самая возвышенная философія являлась результатомъ этого свода фактовъ, наблюденныхъ съ неумолимой строгостью. Высшимъ закономъ вселенной Бернаръ признаетъ то, что́ онъ называетъ *опредѣленностью* (*déterminisme*), т.-е. неумолимую связь явленій, причемъ никакой сверхъ-естественный факторъ не измѣняетъ ихъ результата.

Digitized by Google

Нѣтъ, вѣдь, какъ это часто утверждали, двухъ порядковъ наукъ: одинъ—отличающійся безусловной точностью, другой, находящійся подъ вѣчнымъ страхомъ разстройства, вносимаго таинственными силами".

То великое неизвѣстное въ физіологіи, которое допускалъ еще Биша, ту капризную силу, которая, какъ утверждали, противится законамъ матеріи и превращаетъ жизнь въ нѣкотораго рода чудо, Клодъ-Бернаръ безусловно отвергаетъ. „Темное понятіе о причинѣ,— говоритъ онъ, — должно быть отнесено къ происхожденію вещей... оно должно уступить мѣсто въ наукѣ понятію объ отношеніи и объ условіяхъ". Нѣсколько дальше Ренанъ прибавляетъ: „Клодъ-Бернаръ хорошо зналъ, что вопросы, затрогиваемые имъ, касаются высшихъ задачъ философскаго порядка. Это его нисколько не смущало. Онъ не считалъ позволительнымъ для ученаго заботиться о послѣдствіяхъ, которыя могутъ получиться изъ его изслѣдованій. Онъ не принадлежалъ ни къ какой сектѣ. Онъ искалъ истины—вотъ и все". Въ этомъ и заключается весь новѣйшій анализъ. Изучаютъ природу и человѣка, классифицируютъ документы и шагъ за шагомъ подвигаются впередъ, примѣняя экспериментальный и аналитическій методъ, но никто не беретъ на себя смѣлости сдѣлать выводъ, потому что изслѣдованіе еще не окончено, и никому неизвѣстно его послѣднее слово.

И, переходя изъ области научной въ область литературную, повторяю, что натуралистическая формула въ литературѣ тожественна съ натуралистической формулой въ наукѣ и въ особенности въ физіологіи. Тутъ производится тоже изслѣдованіе жизненныхъ явленій въ сферѣ фактовъ—личныхъ и общественныхъ. Духъ вѣка руководитъ всѣми умственными проявленіями; романистъ, изучающій нравы, дополняетъ физіолога, изучающаго органы. Тутъ опять Ренанъ за-одно со мной. Послушаемъ его: „хотя Клодъ-Бернаръ не распространялся объ общественныхъ вопросахъ,—но онъ былъ слишкомъ высокаго ума, чтобы не примѣнять къ нимъ свои общіе принципы. Завоевательный характеръ науки допускался имъ и въ сферу наукъ гуманныхъ. „Дѣятельная роль экспериментальныхъ наукъ не ограничивается, — говорилъ онъ,—науками физико-химическими и физіологическими; она простирается и на историческія и нравственныя науки. Люди поняли, что недостаточно оставаться косными зрителемъ добра и зла, пользуясь первымъ и сторонясь отъ второго. Новѣйшая нравственность стремится къ болѣе высокой роли: она изыскиваетъ причины, желаетъ объяснить ихъ и вліять на нихъ; она хочетъ, словомъ, господствовать надъ добромъ и зломъ; порождать и развивать первое, бороться со вторымъ, чтобы искоренить и уничтожить его".

Digitized by Google

Вотъ великія слова, и они заключаютъ въ себѣ всю возвышенную и строгую мораль современнаго реальнаго романа, который имѣютъ глупость обвинять въ непристойности и безнравственности. Расширьте еще роль экспериментальныхъ наукъ, распространите ее на изученіе страстей и изображенія нравовъ—и вы получите наши романы, доискивающіеся до причинъ, объясняющіе ихъ, накопляющіе человѣческіе документы, для того, чтобы можно было овладѣть средой и человѣкомъ настолько, чтобы развивать элементы добра и искоренять элементы зла. Мы дѣлаемъ такое же дѣло, какъ и ученые. Невозможно основывать какое бы то ни было законодательство на лганьѣ идеалистовъ. Напротивъ того, на основаніи правдивыхъ документовъ, собираемыхъ натуралистами, можно будетъ, безъ сомнѣнія, со временемъ учредить лучшее общество, которое будетъ жить по логикѣ и разуму. Съ той минуты, какъ мы даемъ истину, мы нравственны.

Поглядите, какую картину набрасываетъ Ренанъ о трудахъ ученаго: „Онъ проводилъ свою жизнь въ темной лабораторіи „Collège de France", и тамъ, среди самыхъ неприглядныхъ зрѣлищъ, вдыхая атмосферу смерти, съ руками въ крови, онъ ловилъ самыя сокровенныя тайны жизни и истины, выходившія изъ этого печальнаго убѣжища, озаряя всѣхъ, кто умѣлъ ихъ видѣть". Клодъ-Бернаръ самъ говорилъ: „Физіологъ не свѣтскій человѣкъ; онъ ученый, онъ человѣкъ, поглощенный научной идеей, которую онъ преслѣдуетъ. Онъ не слышитъ крика животныхъ, не видитъ крови, которая течетъ, онъ видитъ только идею, видитъ организмы, скрывающіе отъ него задачи, которыя онъ хочетъ разрѣшить. Подобно тому, и хирурга не останавливаютъ вопли и рыданія, потому что онъ занятъ своей идеей и видитъ лишь цѣль своей операціи. Подобно тому, и анатомъ не сознаетъ, что онъ находится среди ужасной обстановки; подъ вліяніемъ научной идеи, онъ съ наслажденіемъ слѣдитъ за нервной ниточкой въ вонючемъ и разлагающемся трупѣ, который для всякаго другого человѣка былъ бы предметомъ отвращенія и ужаса".

Въ виду такой картины да простятъ и намъ, романистамъ натуральной школы, что изъ любви къ истинѣ мы слѣдимъ порою съ наслажденіемъ за безпутствами, на какія наталкиваетъ страсть личность, испорченную до мозга костей! Пусть не упрекаютъ насъ за ужасающія картины, за кровь, проливаемую нами, за слезы, отъ которыхъ мы не оберегаемъ читателя. Изъ нашихъ печальныхъ убѣжищъ мы надѣемся выпустить истины, которыя озарятъ тѣхъ, кто съумѣетъ ихъ видѣть.

Таковъ величественный образъ Клодъ-Бернара. Онъ представи-

Digitized by Google

тель новѣйшей науки съ ея презрѣніемъ къ риторикѣ, съ ея энергическимъ и методическимъ анализомъ, чуждымъ всякихъ уступокъ мечтамъ или неизвѣстному. Словомъ, этотъ человѣкъ воплощеніе истины, доказанной путемъ опыта. И за то какое рѣшительное вліяніе оказываетъ онъ на свою эпоху! Каждое изъ его открытій расширяетъ предѣлы человѣческаго ума. Вокругъ него тѣснятся ученики, онъ оставитъ документы, надъ которыми будутъ работать будущія поколѣнія. А теперь взгляните на уединеніе, царствующее вокругъ Ренана, ритора, идеализировавшаго свои ученые труды и открытія. Очевидно, мы имѣемъ въ немъ кудесника, запоздалаго мечтателя; сила вѣка сосредоточивается въ Клодѣ-Бернарѣ. Великолѣпный поэтическій порывъ, лиризмъ Виктора Гюго есть тоже не что иное, какъ прекрасная музыка, рядомъ съ открытіями Клодъ-Бернара. Въ то время какъ лирическій поэтъ все путаетъ, увеличиваетъ заблужденіе, расширяетъ область неизвѣстнаго и даетъ полную волю всѣмъ бреднямъ своей фантазіи, физіологъ ограничиваетъ область лжи и все меньше и меньше оставляетъ мѣста людскому невѣжеству, чествуетъ разумъ и справедливость. И въ этомъ-то и заключается единственная и истинная нравственность; въ этомъ зрѣлищѣ слѣдуетъ черпать великіе примѣры и великія мысли.

IV.

Посмотримъ теперь, что такое экспериментальный методъ современной науки въ примѣненіи къ литературѣ. Во-первыхъ, я допускаю аргументъ лириковъ: наука сама по-себѣ, а поэзія сама по-себѣ. Конечно, да! и я не хочу упразднять поэтовъ. Единственное мое желаніе — это отвести имъ должное мѣсто и доказать, что не они, слава Богу, руководятъ вѣкомъ и пользуются привилегіей нравственности и патріотизма.

Въ первые дни міра поэзія была мечтой науки у младенческихъ народовъ. Изъ двухъ способностей человѣка: чувствовать и понимать, первая создаетъ поэтовъ, а вторая—ученыхъ. Возьмите человѣка въ колыбели, у него дѣйствуютъ только чувства—и онъ восторгается надо всѣмъ; онъ не понимаетъ дѣйствительности, онъ грезитъ о ней. Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ онъ растетъ, въ немъ просыпается любознательность; умъ его бродитъ въ потемкахъ, онъ строитъ гипотезу на гипотезѣ, онъ составляетъ себѣ объ окружающей средѣ болѣе или менѣе величественное понятіе. Въ этотъ возрастъ онъ поетъ; вселенная для него не что иное, какъ необъятный идеалъ, и онъ изощряетъ на ней свою способность пониманія. Затѣмъ являются нѣкоторыя

Digitized by Google

точныя свѣдѣнія, идеалъ его съуживается, и наконецъ онъ помѣщаетъ его въ отдаленныхъ небесахъ и въ земныхъ причинахъ жизни. И вотъ, исторія человѣчества подобна исторіи этого человѣка. Идеалъ зарождается въ насъ еще въ эпоху нашего первоначальнаго невѣдѣнія. По мѣрѣ того, какъ развивается наука, идеалу приходится отступить. Я не хочу вдаваться въ философскія прѣнія или утверждать, что наука со временемъ совершенно упразднитъ неизвѣстное. Намъ нечего заботиться объ этомъ; наше дѣло заключается въ томъ, чтобы непрерывно идти впередъ въ завоеваніяхъ истины съ тѣмъ, чтобы признать, если понадобится, окончательные выводы. Наша распря съ идеалистами опирается на одномъ единственномъ пунктѣ: мы исходимъ изъ опыта, а они изъ абсолюта. Итакъ, наука, въ сущности, есть разсудочная поэзія; ученый—поэтъ, замѣняющій гипотезы воображенія точнымъ изученіемъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ предметовъ. Въ наше время весь вопросъ сводится къ вопросу о темпераментѣ: у однихъ мозгъ такъ устроенъ, что они находятъ болѣе величественнымъ и здоровымъ усвоивать себѣ древнія грезы и разсматривать вселенную сквозь призраки, вызываемые разстройствомъ нервовъ; другіе полагаютъ, что единственнымъ здоровымъ состояніемъ для отдѣльной личности, какъ и для цѣлой націи, это—понять окружающій насъ міръ, установить наши мнѣнія и ходъ человѣческихъ дѣлъ на прочной почвѣ истины. Одни—лирическіе поэты, романтики, другіе—писатели натуральной школы. И будущее зависитъ отъ того: какой путь изберутъ грядущія поколѣнія.

Сколько глупостей говорятъ въ послѣднее время о натуралистической формулѣ! Въ печати изъ нея создали какую-то глупѣйшую теорію, будто бы лично мнѣ принадлежащую. Тщетно старался я въ послѣдніе три года объяснять, что я не новаторъ, что у меня въ карманѣ не имѣется никакого изобрѣтенія. Моя роль—роль критика, изучающаго свое время и показывающаго, съ доказательствами на лицо, въ какомъ направленіи, по его мнѣнію, идетъ вѣкъ. Я нашелъ натуралистическую формулу въ восемнадцатомъ столѣтіи; и даже, если хотите, начало ея идетъ отъ сотворенія міра. Я показалъ, что ее великолѣпно примѣняли въ нашей національной литературѣ Стендаль и Бальзакъ. Я говорилъ, что нашъ современный романъ продолжаетъ дѣло этихъ учителей, и привелъ на первомъ планѣ Гюстава Флобера, Эдмонда и Жюля де Гонкуръ, Альфонса Додэ. Слѣдовательно, отвуда могли взять, что я изобрѣлъ теорію для своего собственнаго употребленія. Какъ нелѣпо выдавать меня за гордеца, претендующаго навязать свою риторику, основывающаго на своихъ произведеніяхъ все прошлое и все будущее французской литературы!

Digitized by Google

Право, это верхъ ослѣпленія или недобросовѣстности. Выслушаютъ ли меня теперь, поймутъ ли, что экспериментальный методъ Клодъ-Бернара не что иное, какъ формула писателей натуральной школы? Эта научная формула выражаетъ собою весь нашъ вѣкъ. Она принадлежитъ не мнѣ; я не такой безумецъ, чтобы присвоивать себѣ результаты вѣковыхъ трудовъ человѣческаго генія. Я даже не изобрѣлъ слова „натурализмъ"; его встрѣчаешь у нашихъ философовъ, у Тэна въ особенности, который часто употребляетъ его въ томъ смыслѣ, какой я ему придаю. Монтань задолго до меня говорилъ о необходимости натурализировать искусство. Итакъ, все мое скромное дѣло ограничилось лишь указаніемъ на совершившійся переворотъ, отдѣленіемъ его отъ романтическаго періода, расчищеніемъ почвы, на которой идетъ борьба между идеалистами и натуралистами, наконецъ, предсказаніемъ побѣды послѣднихъ. Внѣ этихъ теоретическихъ разсужденій, я никогда не выдавалъ себя за что-либо иное, кромѣ борца, убѣжденнаго въ истинѣ.

Да! наша натуральная формула есть экспериментальная формула физіологовъ, химиковъ и физиковъ. Примѣненіе этой формулы въ нашей литературѣ началось еще въ прошломъ столѣтіи съ первымъ лепетомъ новѣйшихъ наукъ. Толчокъ былъ данъ, начался всеобщій анализъ. Я уже двадцать разъ дѣлалъ историческій обзоръ этого громаднаго переворота, подготовляющаго будущіе пути человѣчества. Онъ обновилъ исторію и критику, отвлекши ее отъ эмпиризма схоластическихъ формулъ; онъ преобразилъ романъ и драму, начиная съ Дидро и Руссо до Бальзака и его послѣдователей. Возможно ли отрицать факты? Повторяю, натурализмъ—это совсѣмъ не я; это каждый писатель, который вольно или невольно изучаетъ вселенную путемъ экспериментальнаго анализа, отвергая абсолютъ, нераціональный идеалъ. Натурализмъ—это Дидро, Руссо, Бальзакъ, Стендаль и двадцать другихъ. Изъ меня дѣлаютъ нелѣпую каррикатуру, выдавая меня за первосвященника, за главу школы. У насъ нѣтъ особой религіи, слѣдовательно никто не священнодѣйствуетъ. Что касается нашей школы, то она слишкомъ обширна, чтобы подчиняться главѣ. Она не то, что романтическая школа, воплотившаяся въ личной фантазіи, въ геніѣ одного поэта. Она живетъ не риторикой, а, напротивъ того, научной формулой, и поэтому въ тотъ день, когда мы захотимъ избрать себѣ главу, мы изберемъ скорѣе ученаго въ родѣ Клодъ-Бернара. Если выше я приводилъ такія длинныя цитаты изъ Ренана, то именно для того, чтобы путемъ доказательствъ, заимствованныхъ у идеалиста, показать, что сила вѣка заключается въ наукѣ, въ натурализмѣ. Клодъ-Бернаръ, вотъ нашъ собратъ, человѣкъ научной

Digitized by Google

формулы, свободный отъ всякой риторики, такой, какимъ его изобразилъ самъ авторъ „la Vie de Jésus".

Позвольте мнѣ привести личный анекдотъ. Однажды я давалъ эти объясненія одному журналисту, очень умному человѣку,—повторяю ему, что никогда не питалъ я глупаго честолюбія разыгрывать роль главы школы. Я прибавилъ, что, не восходя къ Бальзаку, у меня есть въ современной литературѣ старѣйшіе, болѣе знаменитые, чѣмъ я, и имѣющіе больше права присвоить себѣ названіе учителя. Пока я говорилъ, у журналиста лицо вытянулось и приняло разочарованное и скучающее выраженіе. Онъ, до той поры весьма интересовавшійся натурализмомъ, перебилъ меня, восклицая: „Какъ, только-то! ну, это вовсе не забавно!" Восклицаніе очень мѣткое! Если признать, что я разсудительный человѣкъ, что у меня нѣтъ въ карманѣ новой религіи, дѣло перестаетъ быть забавнымъ! Если признать, что натурализмъ не воплощается въ площадномъ риторѣ, а принимаетъ размѣры умственнаго движенія цѣлаго вѣка, онъ не заслуживаетъ, чтобы имъ занимались.

Вѣдь многіе хотѣли и до сихъ поръ хотятъ видѣть—и это верхъ глупости—въ натурализмѣ площадную риторику. Сколько я ни протестовалъ, сколько ни повторялъ, что за мои личныя попытки отвѣтствую я одинъ, а не цѣлая формула; тѣмъ не менѣе повторяютъ, что я выдумалъ натурализмъ, чтобы выдать „Assommoir" за Библію. Эти люди ничего не видятъ, кромѣ риторики. Слова, слова, и все одни слова, дальше словъ они никакъ не могутъ пойти. Нѣтъ сомнѣнія, что я человѣкъ миролюбивый, но у меня является сильная охота задушить людей, говорящихъ при мнѣ: „Ахъ! натурализмъ —это площадное слово!"

Да нѣтъ же! кто вамъ это сказалъ? Я убиваюсь, толкуя, что натурализмъ заключается не въ словахъ,— что сила его въ томъ, что онъ — научная формула. Сколько разъ мнѣ нужно повторять, что онъ не что иное, какъ изученіе одушевленныхъ и неодушевленныхъ предметовъ, путемъ экспериментальнаго анализа, внѣ всякой идеи объ абсолютѣ. Вопросъ о риторикѣ идетъ уже затѣмъ. Мы поговоримъ о немъ, если хотите.

Выше я объяснилъ, какимъ образомъ, на мой взглядъ, романтики спеціально совершили дѣло риторовъ надъ языкомъ. Расширеніе словаря являлось необходимостью, потому что новому обществу нуженъ новый языкъ. Лично я сожалѣю иногда, что это дѣло выпало на долю лирическимъ поэтамъ, видя, сколько пустозвонства и трескотни внесли они въ слогъ. Намъ придется работать долгіе годы, прежде чѣмъ мы распредѣлимъ эти матеріалы какъ слѣдуетъ и создадимъ языкъ столь же солидный, какъ и богатый. Всѣ мы, писа-

Digitized by Google

тели второй половины текущаго столѣтія, являемся въ отношеніи слога сынами романтиковъ. Это безспорно. Они сковали инструментъ и завѣщали его намъ, и мы имъ ежедневно пользуемся. Лучшіе изъ насъ обязаны своей риторикой поэтамъ и прозаикамъ 1830 года.

Но кто же не понимаетъ въ настоящее время, что царство риторовъ кончено. Передавъ намъ инструментъ, они роковымъ образомъ исчезаютъ. Во всякой большой мастерской сначала запасаются инструментами,—затѣмъ работники принимаются за дѣло. Мы, явившіе вторымъ поколѣніемъ въ нашемъ столѣтіи,—мы пришли въ свое время для примѣненія нашей формулы. Путь расчищенъ, вопросъ о языкѣ насъ больше не останавливаетъ, — мы располагаемъ полной свободой и полной возможностью заняться всеобщимъ изслѣдованіемъ. Теперь наступила эпоха опредѣленныхъ понятій, когда идея выдѣляется отъ формы. Форму, завѣщанную намъ романтиками, мы должны уравновѣсить и привести къ строгой логикѣ, сохранивъ все ея богатство; идея все больше и больше торжествуетъ въ настоящее время, когда она высвободилась изъ лирическаго тумана; она представляетъ собой научную формулу, примѣненную ко всему,—къ политикѣ такъ же, какъ и къ литературѣ.

Итакъ, повторяю еще разъ, натурализмъ есть не что иное, какъ формула, экспериментальный и аналитическій методъ. Вы—натуралистъ, если употребляете этотъ методъ, каковъ бы ни былъ вашъ слогъ. Стендаль такой же натуралистъ, какъ и Бальзакъ, хотя сухость его рѣчи отнюдь не похожа на эпическую, можно сказать, картинность языка Бальзака; но оба дѣйствовали путемъ опыта и анализа. Я могъ бы привести писателей нашей эпохи, совершенно противоположнаго литературнаго темперамента, но которые сходятся на натуралистической формулѣ. Вотъ почему натурализмъ не школа, въ узкомъ смыслѣ этого слова, и вотъ почему у него нѣтъ опредѣленнаго главы,—потому что онъ предоставляетъ полную свободу всякой индивидуальности. Онъ не заключается, какъ романтизмъ, въ риторикѣ одного человѣка, въ безумномъ припадкѣ одной группы. Онъ представляетъ собой литературу, доступную для всѣхъ личныхъ усилій, — онъ заключается въ переворотѣ, совершившемся въ человѣческомъ умѣ въ наше время. Насъ не приглашаютъ писать извѣстнымъ образомъ, копировать извѣстнаго учителя; намъ предлагаютъ изслѣдовать и классифицировать человѣческіе документы, открыть свой уголокъ истины, благодаря методу.

Итакъ, вотъ что̀ такое натурализмъ: формула, свободная отъ формы. Писатель является сначала просто ученымъ. Его личность, какъ художника, заявляетъ себя уже впослѣдствіи, въ слогѣ. Онъ и составляетъ искусство. Намъ повторяютъ нелѣпый аргументъ, что

Digitized by Google

мы никогда не воспроизведемъ рабски природу. Разумѣется! Мы всегда примѣшаемъ къ ней нашу личность, нашу манеру передавать вещи. Но только существуетъ цѣлая бездна между писателемъ, руководящимся натуралистической формулой въ своихъ изслѣдованіяхъ, переходящимъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному,— и тѣмъ, который, признавая идеалистическую формулу, хочетъ переходить отъ неизвѣстнаго къ извѣстному. Если мы не передаемъ вамъ рабски природы, за то, по крайней мѣрѣ, мы изображаемъ вамъ правдивую природу, тогда какъ другіе усложняютъ уклоненія ихъ личной оптики всѣми заблужденіями воображаемой природы, которую они эмпирически признаютъ за истинную. Въ сущности, мы требуемъ отъ нихъ, чтобы они изучали міръ путемъ анализа, не отрекаясь отъ своего художественнаго темперамента. Мы скорѣе воюемъ съ ними какъ ученые, нежели какъ художники.

Существуетъ ли болѣе широкая школа? Ограничиваясь нашей эпохой, скажемъ, что если романтики принесли съ собой риторику, то мы примѣняемъ формулу нашего вѣка. Ихъ дѣло давно окончено, наше—только еще начинается. Я знаю, что идея беретъ верхъ надъ формой, а потому думаю, что языкъ успокоится, уравновѣсится, послѣ безумной и оглушительной фанфары 1830 года, бывшей, конечно, необходимой. Мы, несчастные, обречены повторять эту музыку, но дѣти наши освободятся отъ нея. Я желаю, чтобы они выработали себѣ тотъ научный слогъ, о которомъ Ренанъ отзывается съ такой похвалой. То былъ бы дѣйствительно мощный слогъ правдивой литературы, — слогъ, чуждый моднаго жаргона, классически солидный и широкій. До тѣхъ поръ мы будемъ втыкать султаны въ наши фразы, потому что того требуетъ наше романтическое воспитаніе. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы подготовимъ будущее, накопивъ возможно больше человѣческихъ документовъ и доведя анализъ такъ далеко, какъ только намъ позволитъ нашъ инструментъ. Давно уже тому назадъ я сдѣлалъ слѣдующее опредѣленіе: „художественное произведеніе — это уголокъ природы, наблюденный сквозь извѣстный темпераментъ“. Кончаю, повторяя, что мы признаемъ всѣ темпераменты, всѣ слоги, лишь бы за ними скрывался уголокъ вѣрно схваченной природы. Таковъ натурализмъ, или, если это слово пугаетъ и если желаютъ болѣе полнаго опредѣленія,—такова формула новѣйшей экспериментальной науки, примѣненная къ литературѣ.

Digitized by Google

V.

Возвращаюсь къ тому, съ чего началъ. У насъ восторгаются звучными стихами „Ruy-Blas'a"; выдаютъ гимнъ Ренана за послѣднее слово новѣйшей философіи и науки, и со всѣхъ сторонъ убаюкиваютъ публику лиризмомъ, набиваютъ ей голову фразами, разстраиваютъ нервную систему этой музыкой, до такой степени, что она, наконецъ, начинаетъ думать, что нравственность и патріотизмъ заключаются единственно лишь въ красивыхъ риторическихъ фразахъ. Республиканская газета пишетъ: „нѣкоторые господа, неправильно оцѣнивающіе свои силы, объявили войну идеалу, но они будутъ побѣждены". Эхъ! не мы объявили войну идеалу, а все наше столѣтіе, вся наука за послѣднія сто лѣтъ. Значитъ, столѣтіе будетъ побѣждено, Клодъ Бернаръ и всѣ его предшественники и всѣ его ученики будутъ побѣждены. Право, можно подумать, что бредишь, встрѣчая такія дѣтскія заявленія въ газетѣ, считающей себя серьёзнымъ органомъ. Само собой разумѣется, пусть привѣтствуютъ великаго поэта въ Викторѣ Гюго, и изящнаго прозаика въ Ренанѣ, чего лучше! Но пускай не говорятъ публикѣ: „вотъ хлѣбъ, которымъ вы должны питаться, чтобы быть сильными; питайтесь идеаломъ и риторикой, чтобы быть великими". Это совѣтъ убійственный; отъ идеала и риторики умираютъ, а живутъ наукой. Мы будемъ тѣмъ честнѣе и тѣмъ счастливѣе, чѣмъ больше экспериментальная наука ограничитъ область идеала, абсолюта, неизвѣстнаго,—какъ хотите называйте.

Пойду дальше. Ренанъ затронулъ горестный вопросъ, вопросъ о нашихъ пораженіяхъ въ 1870 г. Онъ сравниваетъ насъ съ нашими побѣдителями и обвиняетъ ихъ въ томъ, что у нихъ умъ не такой утонченный, и превозноситъ вѣжливость и веселость стариннаго французскаго ума. Если бы это было только комплиментомъ академіи, то его можно было бы найти остроумнымъ. Но мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ убѣжденіями Ренана, который въ длинномъ письмѣ снова проводитъ параллель между двумя націями, одной, чья любезность покорила міръ, другой, чья военная угловатость, угрюмый характеръ отталкиваютъ народы, поклоняющіеся граціи. Я не стану разбирать того, что происходитъ въ Германіи въ настоящее время, и согласенъ въ томъ, что намъ не слѣдуетъ мѣнять свой характеръ, да впрочемъ, это было бы очень хитро сдѣлать. Если Ренанъ хочетъ сказать, что мы должны оставаться вѣжливыми, веселыми, говорунами и пріятными собесѣдниками, — пожалуй. Но если онъ старается намекнуть, что риторика и идеалъ единственныя орудія, которыми можно завое-

Digitized by Google

вать міръ, и что мы будемъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе слѣпо подчинимся старинной французской культурѣ, представляемой академіей, то я скажу, что онъ выражаетъ мнѣніе весьма опасное для націи. Слѣдуетъ говорить во всеуслышаніе, что мы были побиты въ 1870 г. духомъ науки. Нѣтъ сомнѣнія, что бонапартизмъ привелъ насъ безъ достаточной подготовки—къ войнѣ, которой не хотѣла страна. Но развѣ въ былое время Франція не побѣждала при обстоятельствахъ еще болѣе невыгодныхъ, когда у нея не было ни войска, ни денегъ? Очевидно, что старинной французской культуры, рьяности натиска, безумной храбрости—было достаточно, чтобы обезпечить побѣду. Въ 1870 г. мы разбились о методическій способъ веденія войны народа болѣе неповоротливаго и менѣе храбраго, чѣмъ мы; мы были раздавлены массами, которыми логично распоряжались; мы спасовали передъ примѣненіемъ научной формулы къ искусству вести войну,—не говоря уже о болѣе сильной артиллеріи, чѣмъ наша, о лучше приспособленномъ оружіи, о болѣе совершенной дисциплинѣ, о разумномъ пользованіи желѣзными путями. Итакъ, я повторяю, что въ виду нашихъ пораженій, отъ которыхъ мы страдаемъ и по сіе время, истиннымъ патріотизмомъ будетъ понять, что наступили новыя времена, и признать силу науки, вмѣсто того, чтобы мечтать о какомъ-то возвратѣ назадъ въ литературные боскеты идеала. Насъ побилъ научный духъ,—вооружимся научнымъ духомъ. Нѣчего сожалѣть о великихъ полководцахъ, говорившихъ громкія слова,. если громкія слова не въ силахъ отнынѣ обезпечить побѣды.

Итакъ, вотъ почему идеалисты обвиняютъ въ недостаткѣ патріотизма насъ, натуралистовъ, людей науки. Оказывается, мы не пишемъ одъ, не прибѣгаемъ къ громкимъ словамъ. Романтическая школа сдѣлала изъ патріотизма простой вопросъ риторики. Чтобы быть патріотомъ, достаточно въ драмѣ или въ другомъ какомъ-нибудь литературномъ произведеніи какъ можно чаще повторять слово „отечество", размахивать знаменемъ, писать тирады о смѣлыхъ подвигахъ. Если вы это дѣлаете, то всѣ увѣряютъ, что вы возвышаете духъ націи и подготовляете возмездіе.

Но вѣдь это значитъ дѣйствовать на нервы, а не на умъ, не на сознаніе. Роль, которую играютъ эти риторы патріотизма, можетъ сравниться съ военной музыкой, играющей въ то время какъ солдаты дерутся; она возбуждаетъ, опьяняетъ ихъ, внушаетъ имъ большее или меньшее презрѣніе къ опасности. Но это нервное возбужденіе имѣетъ лишь относительное или временное вліяніе на побѣду. Побѣда въ наше время все болѣе и болѣе обусловливается техническимъ геніемъ полководца, примѣненіемъ къ войнѣ научной формулы. Просмотрите исторію всѣхъ великихъ полководцевъ... Итакъ, ведите

Digitized by Google

нашу молодежь учиться къ ученымъ, а не къ поэтамъ, если вы хотите, чтобы молодежь была мужественна. Безуміе лиризма можетъ породить только героическихъ безумцевъ, а намъ нужны солдаты бодрые, здоровые, душой и тѣломъ, идущіе къ побѣдѣ съ математической точностью. Сохраните музыку риторовъ, но знайте, что это только музыка. Настоящіе патріоты—это мы, мы, желающіе, чтобы Франція была ученая, свободная отъ лирическихъ декламацій, возвеличенная поклоненіемъ истинѣ: въ политикѣ, какъ и въ литературѣ, въ политической экономіи, какъ и въ военномъ искусствѣ.

А теперь обращаюсь къ вопросу о нравственности. Я показалъ выше, что честные люди не пустили бы къ себѣ въ гостиную ни одного изъ героевъ „Рюи-Блаза“. Въ немъ дѣйствуютъ одни негодяи, авантюристы и преступныя жены. Весь романтическій репертуаръ влачится въ грязи и въ крови, не имѣя даже оправданія въ томъ, что вся эта мерзость вѣрна съ дѣйствительностью. Нравственность идеалистовъ витаетъ въ воздухѣ, она заключается въ правилахъ, примѣняемыхъ къ отвлеченностямъ. Идеалъ является общимъ мѣриломъ, догматомъ добродѣтели; и вотъ почему многіе добродѣтельны въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ они считаются католиками, т.-е. не практикуя на дѣлѣ того, во что будто бы вѣрятъ. Я не хочу называть личностей, но какая постыдная комедія разыгрывается позади этой вывѣсочной нравственности. Я замѣтилъ, что развратники щеголяютъ самыми строгими нравственными принципами. Но за этими громкими словами сколько грязи: отцы, дѣлящіе любовницъ съ сыновьями, мать, вѣшающаяся на шею всѣмъ друзьямъ дома! Или же мы видимъ строгихъ дамъ, превозносящихъ идеалъ до головокруженія и безпрерывно впадающихъ въ прозу измѣны супружеской вѣрности! Или же публицистовъ, защищающихъ семью въ своихъ газетахъ до такой степени, что не допускаютъ ни одного рискованнаго слова, и въ то же время наживающихъ деньги во всѣхъ финансовыхъ плутняхъ, грабящихъ на-право и на-лѣво, удовлетворяя всѣмъ своимъ стремленіямъ къ наживѣ и честолюбію. Для этихъ молодцовъ идеалъ, это—завѣса, подъ покровомъ которой они могутъ все себѣ позволить. Во имя идеала они хотятъ заказать ротъ всякой непріятной для нихъ истинѣ; идеалъ превращается въ полицію, въ запрещеніе касаться иныхъ сюжетовъ, въ оковы для простонародья, чтобы оно оставалось смирнымъ въ то время, какъ хитрецы, съ скептической улыбкой, съ избыткомъ разрѣшаютъ себѣ то, что запрещаютъ другимъ. Какъ ничтожна эта догматическая мораль, которой изступленно апплодируютъ въ театрѣ, какъ какой-нибудь танцовщицѣ, и которую забываютъ, какъ только повернутся къ ней спиной. Выходя изъ театра, человѣкъ не дѣлается

Digitized by Google

ни лучше, ни хуже; онъ остается вѣренъ своимъ порокамъ, и міръ идетъ своимъ чередомъ. Все, что̀ не основано на изученіи фактовъ, что̀ не доказано опытомъ, не имѣетъ никакого практическаго значенія.

Насъ обвиняютъ въ отсутствіи нравственности, насъ, писателей натуралистовъ, и, разумѣется, намъ чужда эта чисто-риторическая нравственность. Мы стоимъ за ту нравственность, которую такъ мѣтко характеризовалъ Клодъ-Бернаръ: „современная нравственность изыскиваетъ причины, желаетъ объяснить ихъ и воздѣйствовать на нихъ; она хочетъ, словомъ, овладѣть добромъ и зломъ, создать и развить первое и бороться со вторымъ, чтобы искоренить его и уничтожить“. Вся возвышенная и строгая философія нашихъ натуралистовъ великолѣпно резюмируется въ этихъ нѣсколькихъ словахъ. Мы изыскиваемъ причины общественнаго зла; мы занимаемся анатоміей классовъ и индивидовъ, чтобы объяснить безпорядочныя уклоненія, проявляющіеся въ обществѣ и въ человѣкѣ. Это часто заставляетъ насъ работать надъ испорченными субъектами, описывать людскую дрянность и людское безуміе. Но мы собираемъ за то документы, необходимые для того, чтобы, ознакомившись съ ними, овладѣть добромъ и зломъ. Вотъ что̀ мы видѣли, наблюдали и объяснили съ полной искренностью; затѣмъ дѣло законодателей—создавать добро и развивать его, бороться со зломъ, чтобы искоренить и истребить его. Ни какое дѣло не можетъ быть нравственнѣе нашего, такъ какъ на немъ долженъ созидаться законъ. Мы, конечно, не произносимъ тирадъ о добродѣтели, которыя никого ни къ чему не обязываютъ! Мы дѣятельные работники, осматривающіе зданіе, указывающіе на подгнившія бревна, на внутреннія трещины, на расшатавшіеся камни, на всѣ безпорядки, которыхъ не видно снаружи, но которые могутъ повлечь разрушеніе всего зданія. Развѣ эта работа не полезнѣе, не серьёзнѣе, не достойнѣе, чѣмъ плачъ на утесѣ съ лирой въ рукахъ и ободреніе людей громкими фанфарами? Мы предпочитаемъ правдивые факты громкимъ словамъ; мы считаемъ, что самыми прекрасными дѣйствіями будутъ самыя логическія.

И если провести параллель между произведеніями романтическими и произведеніями натуральной школы, то я долженъ сказать, что идеалъ порождаетъ всѣ опасныя бредни; идеалъ бросаетъ молодыхъ дѣвушекъ въ объятія перваго встрѣчнаго; идеалъ заставляетъ женъ измѣнять мужьямъ. Стоитъ только сойти съ почвы дѣйствительности, чтобы тотчасъ же удариться въ самыя чудовищныя дѣла. Возьмите романы и драмы романтической школы, изучите ихъ съ этой точки зрѣнія; вы найдете въ нихъ самыя позорныя утонченности разврата, самыя поразительныя аберраціи тѣла и духа. Конечно, все это великолѣпно драпируется, но я утверждаю, что это-то

Digitized by Google

и дѣлаетъ ихъ опасными, потому что читатель увлекается ими какъ позволительнымъ и пріятнымъ развлеченіемъ. Въ произведеніяхъ натуральной школы это лицемѣріе порока, тайно поощряемаго—невозможно. Эти произведенія могутъ привести въ ужасъ, но они не могутъ развратить. Истина никого не можетъ сбить съ толку. Насъ зовутъ развратителями, но это—глупая ложь. Развратители—это идеалисты, которые лгутъ.

И сказать ли: если насъ такъ не любятъ, то именно за то, что мы многимъ мѣшаемъ наслаждаться втихомолку. Трудно разстаться съ чувственнымъ раемъ, съ герметически запертыми окнами. Туда входили потайной дверью и находили тамъ, среди бѣлаго дня, темныя помѣщенія, освѣщенныя люстрами.

Мы разрушаемъ этотъ вертепъ—и, разумѣется, на насъ за это сердятся.

А теперь мнѣ остается сдѣлать выводъ. Я кончу, сказавъ, какое, по моему мнѣнію, положеніе занимаетъ Франція въ современной Европѣ, и въ чемъ должно заключаться ея дѣло. Мы долго царили надъ націями, отчего же происходитъ то, что наше вліяніе въ настоящее время какъ будто ослабѣваетъ? А оттого, что послѣ громового удара, произведеннаго нашей революціей, мы не взялись рѣшительно за серьёзный трудъ, какого требовали отъ насъ новыя времена. Безъ сомнѣнія, нашей расѣ присущъ творческій геній, открывающій истину и заставляющій признать ее, но намъ недостаетъ терпѣливаго метода, логическаго примѣненія закона, энергически выраженнаго въ моментъ кризиса. Мы совершенно способны воздвигнуть маякъ, освѣщающій міръ, но на другой же день принимаемся бредить какъ поэты, распространяемся въ лирическихъ словоизверженіяхъ, пренебрегаемъ фактами въ погонѣ за какимъ-то небывалымъ идеаломъ. Вотъ почему мы, которымъ слѣдовало бы стоять на высотѣ, послѣ тѣхъ сѣмянъ истины, которыя мы непрерывно сѣяли,—мы унижены въ настоящее время, подавлены расами болѣе тяжеловѣсными, но болѣе методичными. Но путь намѣченъ передъ нами, если мы хотимъ снова занять первенствующее мѣсто въ мірѣ. Намъ стоитъ только ревностно предаться наукѣ. Прочь лиризмъ, прочь громкія, но безсодержательныя слова! Давайте намъ факты, документы! Владычество надъ міромъ будетъ принадлежать той націи, которая будетъ отличаться самой точной наблюдательностью и самымъ вѣрнымъ анализомъ. И замѣтьте, что при этомъ могутъ быть пущены въ ходъ всѣ тѣ качества нашей расы, о которыхъ говоритъ Ренанъ; совсѣмъ не требуется быть угрюмымъ, лишеннымъ остроумія и веселости, испортить свои завоеванія педантизмомъ и военной угловатостью. Мы будемъ только сильнѣе, когда изберемъ орудіемъ

Digitized by Google

своимъ науку, и употребимъ ее для торжества свободы съ тѣмъ великодушіемъ характера, которое намъ свойственно. Пусть наше молодое поколѣніе пойметъ меня: патріотизмъ заключается въ этомъ, и примѣняя научную формулу повсюду, она со временемъ снова завладѣетъ всѣмъ, что было утрачено нами.

Эмиль Зола.

ДВѢ БРОШЮРЫ О СРЕДНЕАЗІАТСКОЙ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ.

Года два тому назадъ появилась въ печати небольшая брошюра, очевидно, составляющая часть болѣе обширнаго труда, о возможности сооруженія желѣзной дороги въ степяхъ Средней Азіи—въ направленіи, которое по настоящее время считалось незаслуживающимъ изслѣдованія.

Помимо политическаго интереса, связаннаго со всякимъ новымъ разъясненіемъ особенностей нашихъ средне-азіатскихъ степей, брошюра эта имѣетъ значеніе и въ чисто-научномъ отношеніи. При дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ тѣхъ земель, факты и наблюденія, сообщенные ею, облегчатъ во многомъ трудъ будущихъ изслѣдователей.

Первая часть труда содержитъ въ себѣ сравненіе оренбургскаго и екатеринбургскаго направленій средне-азіатскихъ желѣзныхъ дорогъ, и ему предпослано объясненіе причинъ, побудившихъ предпринять новое изслѣдованіе степи въ новыхъ направленіяхъ. Приступая къ розысканіямъ путей въ степи, лица, посвящавшія себя этому дѣлу, отнеслись къ нему безъ предвзятой мысли, и совершенно раціонально въ принципѣ признали идеально-прямую линію между Оренбургомъ и Ташкентомъ—самымъ выгоднымъ направленіемъ. Оставалось только разслѣдовать, какія соображенія и причины могутъ заставить изслѣдователя отклониться отъ этого пути, такъ какъ въ киргизской степи не существуетъ промышленныхъ центровъ, могущихъ, само-по-себѣ, повліять на направленіе желѣзныхъ дорогъ. Нѣсколько поѣздокъ, предпринятыхъ въ разныхъ направленіяхъ—въ томъ числѣ, и въ мѣста еще совершенно не изслѣдованныя въ отношеніи желѣзныхъ дорогъ—показали, что проведеніе дороги, близкое къ идеально-прямой, не только не встрѣчаетъ особенныхъ физическихъ трудно-

Digitized by Google

стей, но во многихъ отношеніяхъ удобнѣе дальнихъ обходовъ. Самымъ важнымъ результатомъ было фактическое опроверженіе предвзятаго мнѣнія о непроходимости песковъ Кара-Кумовъ. Эти Кара-Кумы, относительно изслѣдователей, играли роль какого-то пугала. Необходимо было однако разсмотрѣть это пугало ближе, и—главное—со всѣхъ сторонъ, а не только съ казоваго конца его, въ смыслѣ песковъ,—т.-е. орскоказалинскаго почтоваго тракта, извѣстнаго всѣмъ проѣзжающимъ въ Ташкентъ. По повѣркѣ оказалось, что легендарные сыпучіе пески Кара-Кумъ, строго говоря, совсѣмъ не сыпучи—и вообще самаго безобиднаго характера. И прежде люди, близко знакомые со степью, хорошо знали проходимость Кара-Кумовъ, но голоса ихъ оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и заглушались любительскими разсказами о мнимыхъ ужасахъ этого пути, о перенесенныхъ лишеніяхъ и т. п. Вся эта пыль поднималась охочими изслѣдователями, проскакавшими на курьерскихъ по тракту и получившими двойные прогоны.

Доказавъ въ особой запискѣ о Кара-Кумахъ проходимость и неподвижность кара-кумскихъ песковъ, брошюра не ограничилась констатированіемъ этого факта, но подвергла точному изслѣдованію другую сторону дѣла, а именно — исторически-статистическое значеніе двухъ конечныхъ пунктовъ на окраинѣ степи: Троицка и Оренбурга. Такъ какъ, при предложенномъ инженерами путей сообщенія направленіи, черезъ Екатеринбургъ и Троицкъ на Ташкентъ,—Оренбургу, посредствомъ соединительной вѣтви, предоставлялась второстепенная роль, то надлежало разсмотрѣть основательно значеніе этихъ пунктовъ. И вотъ тѣ доводы, которые побудили брошюру предпочесть Оренбургъ.

Согласно изысканіямъ, сдѣланнымъ инженерами путей сообщенія, за исходную точку средне-азіатской желѣзной дороги былъ принятъ Екатеринбургъ, лежащій на южно-сибирскомъ направленіи, а не Оренбургъ — конечный и наиболѣе выдающійся къ Средней Азіи пунктъ русской желѣзно-дорожной сѣти. Это положеніе придаетъ екатеринбурго-троицко-тургайскому направленію значеніе главной торговой артеріи изъ Россіи въ Туркестанъ. Что же касается Оренбурга, то къ нему трассирована вѣтвь, которая идетъ по параллели и у истока рѣки Тэкэ соединяется почти подъ прямымъ угломъ съ главною екатеринбурго-ташкентскою линіею. Изъ этого можно заключить, что при проектированіи линіи отъ Екатеринбурга до Ташкента съ вѣтвью, дающей кружный путь отъ Ташкента къ Оренбургу, не было принято въ соображеніе выдающееся значеніе этого послѣдняго города.

Между тѣмъ, многія причины заставляютъ заключить, что Орен-

Digitized by Google

бургу должно быть отдано предпочтеніе передъ Екатеринбургомъ и Троицкомъ, а слѣдовательно, пути черезъ Оренбургъ — первенствующее значеніе.

Для разрѣшенія этого вопроса, слѣдуетъ выяснить значеніе Оренбурга и Троицка, какъ главныхъ городовъ транзитнаго движенія между Россіей и Туркестаномъ, и сравнить во всѣхъ отношеніяхъ оренбургское направленіе, пересѣкающее Кара-Кумы, съ екатеринбургскимъ, черезъ Троицкъ и Тургай. Торговля Россіи съ Средней Азіей непосредственно никогда не шла на Екатеринбургъ.

Съ первой половины прошлаго вѣка, со времени основанія Оренбурга и проложенія оренбургской пограничной линіи, начались дѣятельныя торговыя сношенія Россіи съ Тураномъ, причемъ бо́льшая часть этой торговли направилась черезъ Оренбургъ, а меньшая — черезъ Троицкъ, всегда оставляя Екатеринбургъ въ сторонѣ.

Для средне-азіатской торговли установилось два главныхъ караванныхъ пути, существующихъ и донынѣ: одинъ, восточный, — изъ Кокана и Ташкента, черезъ Тургай, на Троицкъ, и другой, западный, самый оживленный, — изъ Хивы и Бухары, черезъ Казалинскъ, на Оренбургъ.

Торговля отдала предпочтеніе оренбургскому пути передъ троицкимъ, потому что онъ короче, провозная плата на немъ дешевле и караваны ходятъ круглый годъ.

Отъ Бухары, центра туранской торговли, до Нижняго путь черезъ Оренбургъ на 300 верстъ короче, чѣмъ черезъ Троицкъ.

Провозная плата 20 лѣтъ назадъ была среднимъ числомъ съ пуда: лѣтомъ на 64 коп. или на 29%, а зимою на 46 коп. или 17,5% дешевле. Въ 1877 г. троицкіе купцы и городской голова г-нъ Дмитріевъ заявили, что даже до открытія оренбургской желѣзной дороги доставка средне-азіатскихъ товаровъ на нижегородскую ярмарку черезъ Оренбургъ всегда обходилась по крайней мѣрѣ на 25 коп. съ пуда дешевле, чѣмъ черезъ Троицкъ.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ отъ мѣстныхъ жителей и начальника николаевскаго уѣзда Л. Е. Сипайлова, на троицкомъ пути сильные бураны останавливаютъ движеніе каравановъ на полгода, съ ноября до мая.

Въ прежнее время, когда въ степи мы были слабы, оба эти пути представляли для каравановъ одинаковую опасность отъ грабежей и разбоевъ.

Въ это безпокойное для оренбургскаго транзита время часть товаровъ была искусственно отвлечена отъ Оренбурга на Троицкъ, особенно со времени усмиренія бунта султана Кенисары въ восточной части степи. Но и тогда троицкій транзитъ не имѣлъ перевѣса

Digitized by Google

надъ оренбургскимъ, что̀ видно изъ слѣдующихъ оффиціальныхъ свѣдѣній упраздненной оренбургской таможенной линіи:

	ЧЕРЕЗЪ ОРЕНБУРГЪ:	ЧЕРЕЗЪ ТРОИЦКЪ:
Съ 1840 г. по 1849 г. . . .	8.831,000 р.	7.236,000 р.
Средній въ годъ	883,000 „	723,000 „

Такимъ образомъ, общій оборотъ за 10 лѣтъ черезъ Оренбургъ превышалъ оборотъ черезъ Троицкъ на 1.594,000, или средній оборотъ въ годъ — на 159,000 руб.

По мѣрѣ умиротворенія киргизской степи и занятія Туркестана, русско-средне-азіатская торговля стала сильно возрастать — и Оренбургъ, принимавшій въ немъ самое живое участіе, быстро развилъ и поднялъ свои обороты, далеко оставивъ за собою Троицкъ. Это доказываютъ слѣдующія оффиціальныя свѣдѣнія таможенъ:

	ЧЕРЕЗЪ ОРЕНБУРГЪ:	ЧЕРЕЗЪ ТРОИЦКЪ:
Въ 1857 году	3.111,000 р.	1.760,000 р.
„ 1862 „	6.072,000 „	2.672,000 „
„ 1867 „	15.274,000 „	3.802,000 „

Слѣдовательно, въ послѣдній годъ существованія оренбургской таможенной линіи, когда уже твердо стояли въ Средней Азіи, обороты Оренбурга превысили обороты Троицка на $11^1/_2$ милл. руб.

Сравнивая средніе торговые обороты сороковыхъ годовъ съ оборотами 1867 года, видно, что общій оборотъ Оренбурга возросъ абсолютно въ 17, а Троицка только въ 5 разъ [1]), или общій оборотъ Оренбурга относительно Троицка въ теченіи почти четверти вѣка увеличился приблизительно въ $3^1/_2$ раза [2]).

Независимо отъ этого, фактически доказано постоянное преобладаніе Оренбурга надъ Троицкомъ, какъ административнаго центра, находящагося по кратчайшему пути изъ Россіи въ Ташкентъ и изъ котораго и въ настоящее время снабжается всѣмъ необходимымъ, за исключеніемъ продовольствія, 40-тысячная армія въ Туркестанскомъ краѣ. Въ трехлѣтній періодъ, съ 1874 до 1877 года, отправ-

---

[1])

	ЧЕРЕЗЪ ОРЕНБУРГЪ:	ЧЕРЕЗЪ ТРОИЦКЪ:
По привозу	въ $14^1/_2$ разъ	въ 4 раза.
„ вывозу	„ 21 „	„ 7 „

Для сравненія принятъ средній оборотъ сороковыхъ годовъ, потому что въ теченіи этого періода торговля не возрастала, а только колебалась.

[2]) За неимѣніемъ положительныхъ данныхъ, невозможно точно опредѣлить движеніе торговли послѣ 1867 года. Нѣтъ, однако, основанія предполагать, что торговля съ того времени упала. По отзыву же оренбургскихъ и азіатскихъ купцовъ, общая сумма оборотовъ Оренбурга въ 1873 году достигла значительной цифры.

Digitized by Google

лено въ Туркестанъ и обратно черезъ линіи: оренбургскую — 24,141 чел. и 9.692 лош., сибирскую—18,885 чел. и 5,387 лош.

Слѣдовательно, въ теченіи трехъ лѣтъ черезъ оренбургскую линію прошло болѣе: людей—5,256 или на 21,7%, и лошадей—4,035 или на 44,4%.

Екатеринбургскій путь оставляетъ далеко въ сторонѣ низовья Сыръ-Дарьи. Между тѣмъ, сыръ-дарьинскій бассейнъ можетъ разсчитывать въ будущемъ на колонизацію и культурное развитіе. Многіе, въ числѣ которыхъ Н. А. Сѣверцовъ, полагаютъ, что Сыръ возможно развести на арыки, дать воду сухимъ рукавамъ его древней дельты (Яны и Куванъ)—и, ожививъ такимъ образомъ пустынное аму-сыръ-дарьинское междурѣчье, превратить его въ плодородный оазисъ, какъ то было при арабахъ въ XII-мъ вѣкѣ. Это мнѣніе раздѣляетъ главный начальникъ Туркестанскаго края — К. П. фонъ-Кауфманъ.

Такими особенно благопріятными условіями края, быть можетъ, воспользуются для устройства на орошенныхъ мѣстностяхъ казачьихъ поселеній, которыя несомнѣнно усилятъ русское вліяніе въ Средней Азіи.

Независимо отъ такого предположенія, за направленіемъ, примыкающимъ къ Сыру у Кара-Тугая, остается то преимущество, что оно, не уклоняясь замѣтно отъ прямой линіи изъ Оренбурга въ Ташкентъ, выходитъ на судоходную часть Сыръ-Дарьи. Обстоятельство это даетъ возможность, пользуясь Сыромъ и Араломъ, связать помощью сильныхъ пароходовъ желѣзную дорогу Средней Азіи съ ея историческимъ воднымъ путемъ—рѣкою Аму. Напротивъ, екатеринбургское направленіе выходитъ на Сыръ выше Джаманъ-Дарьи, совершенно неудобной для судоходства части р. Сыра.

Илецкій соляной бассейнъ, признанный Гумбольдтомъ и Мёрчисономъ однимъ изъ богатѣйшихъ даровъ природы въ мірѣ (99,8% хлористаго натра), при трассировкѣ екатеринбургскаго пути, оставленъ въ 62 верстахъ въ сторонѣ отъ его вѣтви Оренбургъ-Тэкэ. Линія же каратугайская проходитъ мимо него только въ 30 верстахъ. Слѣдовательно, во второмъ случаѣ солевозная вѣтвь будетъ болѣе чѣмъ вдвое короче.

Оренбурго-Каратугайское направленіе пересѣкаетъ безплодное пространство киргизской степи на протяженіи около 500 верстъ (отъ р. Орь до Кара-Тугая), а екатеринбурго-троицкое на протяженіи болѣе 800 верстъ (отъ соленаго озера Уркачъ до Джалпакъ-Тала). Это подтверждаетъ начальникъ тургайскаго уѣзда Я. П. Яковлевъ, живущій въ степи болѣе 20 лѣтъ. Слѣдовательно, послѣднее направленіе проходитъ по почти неспособнымъ къ культурѣ мѣстамъ болѣе чѣмъ на 300 верстъ.

Digitized by Google

Извѣстно, что бураны и снѣжные заносы на троицко-ташкентскомъ пути значительно сильнѣе, нежели на пути изъ Ташкента въ Оренбургъ. Помимо того, каратугайская линія обезпечена отъ сильныхъ снѣжныхъ заносовъ тѣмъ, что она проходитъ по водораздѣламъ (на пространствѣ 1/3 пути между Оренбургомъ и Сыръ-Дарьею), съ которыхъ по показаніямъ мѣстныхъ жителей, снѣгъ сдувается въ низменности. Ихъ показанія подтверждаются существованіемъ на водораздѣлахъ тебеневочныхъ мѣстъ [1]). Послѣднія же, по условіямъ киргизскаго хозяйства, возможны только въ мѣстностяхъ, гдѣ снѣгъ настолько не глубокъ, что позволяетъ табунамъ добывать подножный кормъ.

Въ дальнѣйшемъ своемъ направленіи, каратугайская линія, вступая въ Кара-Кумы, совершенно обезпечена отъ снѣжныхъ заносовъ, за отсутствіемъ въ этихъ мѣстахъ бурановъ.

Отъ песчаныхъ же заносовъ въ Кара-Кумахъ путь вполнѣ и навсегда будетъ огражденъ сохраненіемъ растительности предупредительными мѣрами противъ уничтоженія ея кочевниками и ихъ стадами, на извѣстномъ пространствѣ по обѣимъ сторонамъ будущей дороги.

При проведеніи средне-азіатской желѣзной дороги, вода должна имѣть рѣшающее вліяніе на выборъ направленія, такъ какъ въ степяхъ встрѣчаются мѣста, или вовсе лишенныя воды, или скудно надѣленныя горько-солоноватою водою. На глинисто-солонцеватыхъ почвахъ вода находится изрѣдка, на большой глубинѣ и дурного качества. По екатеринбургскому направленію, такая мѣстность тянется почти отъ Тургая до Сыра вдоль голодной степи. На оренбургскомъ же направленіи, это неблагопріятное условіе положительно устранено песчаной почвой Кара-Кумовъ, гдѣ вода находится повсемѣстно въ изобиліи, хорошаго качества и близко отъ поверхности. Остальное протяженіе обоихъ путей снабжено прѣсною водою въ достаточномъ количествѣ.

При постройкѣ и эксплуатаціи средне-азіатской дороги, лѣсной матеріалъ и топливо могутъ быть подвозимы съ Урала и верховій Сыра. Но разница въ удобствахъ доставки и дешевизнѣ лѣса и дровъ будетъ, несомнѣнно, на сторонѣ оренбургскаго направленія.

Часть вѣтви екатеринбургскаго направленія, пролегающая долиною Урала, особенно въ предѣлахъ Губерлинскихъ горъ, проведена по мѣстности, пересѣченной множествомъ рѣчекъ и овраговъ, впадающихъ въ Уралъ слѣва и несущихъ весною громадную массу воды.

---

[1]) Тебеневою называютъ обычай заставлять скотъ отыскивать кормъ подъ снѣгомъ.

Digitized by Google

Эти условія потребуютъ большого числа водопропускныхъ сооруженій, чтобы предохранить полотно дороги отъ разрушительнаго вліянія водъ.

На оренбурго-каратугайскомъ пути уменьшаются расходы по сооруженію трубъ, мостовъ, выемокъ и насыпей тѣмъ, что этотъ путь, въ первой трети своего протяженія (отъ Оренбурга до р. Иргиза) пролегаетъ по водораздѣламъ, съ ровною поверхностью. Весеннія воды, стекая съ гребня водораздѣловъ, а въ Кара-Кумахъ, уходя въ песокъ, не могутъ причинить вреда дорогѣ. При проведеніи пути возвышенными мѣстами и песками, нѣтъ надобности опасаться разрушительнаго дѣйствія подземныхъ ключей.

На мнѣніе о техническихъ затрудненіяхъ и дороговизнѣ постройки дороги собственно въ каракумскихъ пескахъ можно возразить, что, при пересѣченіи Кара-Кумовъ дорогою на небольшомъ протяженіи, эта дороговизна, впрочемъ, очень сомнительная, щедро вознаградится: сокращеніемъ всего пути противъ екатеринбургскаго, избѣжаніемъ дорогихъ работъ и построекъ, неминуемыхъ на его вѣтви (въ долинѣ Урала) и при переходѣ, къ югу отъ Тургая, черезъ множество глубокихъ овраговъ, сухихъ руселъ и особенно черезъ четыре чинка, до 30-ти саженъ вышиною каждый (обрывистые берега древняго моря).

Кромѣ того, на пути Нижній-Екатеринбургъ-Троицкъ придется возводить большіе мосты черезъ Волгу и Каму и перевалить черезъ уральскій хребетъ, а по оренбургскому — построить только одинъ капитальный мостъ черезъ Уралъ, такъ какъ сызранскій мостъ черезъ Волгу уже въ работѣ и будетъ оконченъ въ 1880 году.

Дороговизна значительныхъ мостовыхъ сооруженій увеличитъ поверстную стоимость дороги, а это, въ свою очередь, отразится, либо приплатою гарантій, либо возвышеніемъ тарифа. Въ послѣднемъ случаѣ торговля съ Среднею Азіей будетъ стѣснена.

При взглядѣ на карту видно, что Оренбургъ лежитъ почти на прямой, соединяющей Москву съ Ташкентомъ, тогда какъ Екатеринбургъ составляетъ вершину треугольника, основаніемъ которому служитъ линія Москва-Ташкентъ. Слѣдовательно, путь Москва-Оренбургъ-Ташкентъ наглядно представляется далеко кратчайшимъ противъ пути Москва-Екатеринбургъ-Ташкентъ. Это подтверждается слѣдующими цифрами.

От Москвы до Ташкента:

Черезъ Екатеринбургъ, Тургай	около	3,630	верстъ.
„ Оренбургъ, Тургай	„	3,320	„
„ Оренбургъ, Кара-Тугай	„	3,120	„

Такимъ образомъ, путь отъ Москвы до Ташкента черезъ Оренбургъ, Кара-Кумы и Кара-Тугай короче Оренбурго-Тэкэ-тургайскаго приблизительно на 200, а екатеринбургскаго слишкомъ на 500 верстъ.

Digitized by Google

При проведеніи желѣзной дороги по обоимъ упомянутымъ направленіямъ, разстоянія до нѣкоторыхъ важнѣйшихъ пунктовъ, лежащихъ на окраинахъ Россіи, по отношенію къ транзиту, выразятся въ слѣдующихъ цифрахъ верстъ транзитныхъ путей по кратчайшимъ линіямъ:

	От Ташкента	
	черезъ Оренбургъ	черезъ Екатеринбургъ
Къ Петербургу. . .	3,720 в.	4,238 верстъ.
„ Таганрогу . . .	3,780 „	4,884 „
„ Ригѣ.	4,037 „	4,612 „
„ Вержболово. . .	4,121 „	4,695 „
„ Волочиску. . .	4,178 „	4,988 „
„ Севастополю. . .	4,262 „	5,064 „
„ Одессѣ. . . .	4,399 „	5,192 „

Изъ этихъ данныхъ видно, что, въ смыслѣ кратчайшаго транзита, оренбургское направленіе передъ екатеринбургскимъ имѣетъ преимущество по всѣмъ путямъ, приблизительно на слѣдующее число верстъ.

Къ Петербургу.	на	518 верстъ.
„ Вержболово.	„	574 „
„ Ригѣ.	„	575 „
„ Волочиску.	„	802 „
„ Севастополю. . . .	„	802 „
„ Одессѣ.	„	802 „
„ Таганрогу.	„	1,104 „

Ко всѣмъ этимъ пунктамъ транзитный путь черезъ Оренбургъ-Кара-Тугай короче пути черезъ Оренбургъ-Тэкэ-Тургай на 200 верстъ.

Чтобы средне-азіатское сырье, особенно хлопокъ, вытѣснило заграничный ввозъ въ Россію сырья того же достоинства, необходимо возможно болѣе сократить разстоянія, отдѣляющія Ташкентъ отъ всѣхъ важнѣйшихъ торговыхъ и промышленныхъ пунктовъ имперіи.

Чтобы соединить Москву рельсами съ Ташкентомъ, необходимо выстроить вновь:

а) по правительственному проекту:

отъ Нижняго до Екатеринбурга	1,261	верстъ.
„ Екатеринбурга до Ташкента. . . .	1,959	„
„ Оренбурга до истока р. Тэкэ. . . .	640	„
Всего около. . .	3,860	верстъ.

б) а по каратугайскому пути:

отъ Оренбурга до Ташкента.	1,700	верстъ.
то-есть приблизительно	на 2,160	в. менѣе.

Въ виду того, что южно-сибирскій путь имѣетъ самостоятельное значеніе и высочайше разрѣшенъ къ постройкѣ (30-го декабря 1875 г.), а потому можетъ быть сооруженъ независимо отъ соединенія Екате-

Digitized by Google

ринбурга съ Ташкентомъ, часть его (1261 в. отъ Нижняго до Екатеринбурга) можно исключить изъ счета верстъ средне-азіатской дороги, подлежащихъ къ постройкѣ. Но и тогда постройка по оренбурго-каратугайскому пути, сравнительно съ екатеринбурго-тургайскимъ и его вѣтвью, будетъ на 900 верстъ менѣе.

Согласно предположенію министерства путей сообщенія, вопросъ о дорогѣ въ Среднюю Азію поставленъ какъ-бы въ зависимость отъ необходимости связать ее съ южно-сибирскимъ направленіемъ. Не имѣя въ своемъ распоряженіи достаточнаго количества фактовъ, чтобы уяснить необходимость такой связи, но допуская, что она основана на вѣскихъ соображеніяхъ, нельзя не замѣтить слѣдующаго.

Если необходимо соединеніе средне-азіатской линіи съ южно-сибирской, то было бы предпочтительнѣе сдѣлать это по кратчайшему и выгоднѣйшему направленію, а именно: изъ Оренбурга, вдоль западнаго склона Уральскаго хребта, черезъ Бугульчанъ, Стерлитамакъ и Уфу, нѣсколько западнѣе Красноуфимска, гдѣ эта соединительная западно-уральская вѣтвь примкнетъ къ южно-сибирскому направленію. Приблизительная длина ея 550 верстъ [1]). При постройкѣ западно-уральской вѣтви вмѣстѣ съ оренбурго-каратугайской дорогою, взамѣнъ екатеринбурго-ташкентскаго пути съ вѣтвью Оренбургъ-Тэкэ, экономизируется 350 верстъ противъ проекта министерства путей сообщенія. Мѣстность, по которой пройдетъ западно-уральская вѣтвь, вся способна къ земледѣлію, чрезвычайно производительна, богата лѣсами и сплошь занята исключительно осѣдлымъ населеніемъ. Горнозаводская промышленность въ Башкиріи, около Уфы и Красноуфимска войдетъ въ раіонъ полезнаго дѣйствія дороги. Для нѣкоторыхъ заводовъ, въ особенности мѣдиплавильныхъ, представится возможность перевозить къ топливу руды изъ оренбургскаго уѣзда. Путь, касаясь р. Бѣлой и частью слѣдуя параллельно ей, разовьетъ и поддержитъ на рѣкѣ сплавъ, выгодный для отдаленныхъ заводовъ.

Сдѣланныя сравненія показываютъ, что Оренбургъ всегда былъ главнымъ посредникомъ торговыхъ, административныхъ и военныхъ сношеній Россіи съ Среднею Азіей.

Направить торговлю, перевозку военныхъ тяжестей, войскъ и почты по желѣзной дорогѣ на Троицкъ, никогда неигравшій роль Оренбурга, не только будетъ неестественно, какъ показываетъ исторія, но вовлечетъ государственное казначейство въ тяжкіе расходы, которые будутъ пожертвованы исключительно во вредъ торговлѣ съ Среднею Азіей и достиженію военныхъ и политическихъ цѣлей на Востокѣ. Между Ташкентомъ и Москвою придется переплачивать за

[1]) Разстояніе опредѣлено частію по почтовому дорожнику, частію по масштабу.

Digitized by Google

излишній пробѣгъ грузовъ черезъ Тургай, Троицкъ и Екатеринбургъ болѣе чѣмъ за 500 верстъ, а между Ташкентомъ и ближайшими пограничными пунктами Пруссіи и Австріи и портами Балтійскаго, Чернаго и Азовскаго моря отъ 500 до 1,100 верстъ.

Такимъ образомъ, при подробномъ сравненіи путей черезъ Оренбургъ и черезъ Екатеринбургъ, въ торговомъ, административномъ, военномъ, политическомъ и экономическомъ отношеніи, а также въ отношеніи постройки и эксплуатаціи, всѣ выгоды оказываются на сторонѣ оренбурго-каратугайскаго направленія.

Поэтому, оренбурго-каратугайскій путь слѣдуетъ признать естественною магистральною линіею для соединенія Россіи съ Туркестаномъ.

Южно-сибирскій и средне-азіатскій желѣзные пути составляютъ двѣ линіи, независимыя другъ отъ друга и имѣющія каждая самостоятельное значеніе первостепенной важности—не только русское, но и міровое. Одинъ, въ ближайшемъ будущемъ, соединитъ Россію съ Сибирью, а впослѣдствіи съ Китаемъ и Японіей, служа транзитнымъ путемъ въ Европу. Другой, свяжетъ Россію съ Среднею Азіей и, со временемъ, можетъ быть, составитъ звено великаго транзитнаго пути между Европой, Индіей и Индо-Китаемъ [1]). Оба пути отъ Москвы, главнаго узла русскихъ желѣзныхъ дорогъ, расходясь подъ угломъ, направятся къ своимъ конечнымъ цѣлямъ: черезъ Екатеринбургъ къ крайнему Востоку азіатскаго материка, а черезъ Оренбургъ—къ южной его оконечности.

А потому, подчинять начертаніе какой-либо изъ этихъ линій соображеніямъ, зависящимъ отъ другой, значитъ поставить ихъ въ искусственную и вредную для дѣла взаимную зависимость.

Въ виду всего вышеизложеннаго, слѣдуетъ направленіе Екатеринбургъ-Тургай-Ташкентъ съ вѣтвью Оренбургъ-Тэкэ (2,600 верстъ) замѣнить линіею Оренбургъ-Кара-Тугай-Ташкентъ (1,700 верстъ). Считая поверстную стоимость постройки въ 50,000 рублей металлическихъ (расходъ при постройкѣ оренбургской желѣзной дороги), осуществленіе перваго проекта будетъ стоить 130.000,000 рублей, второго — 85.000,000 руб. Слѣдовательно, замѣною линій по правительственнымъ изысканіямъ линіею Оренбургъ-Кара-Тугай-Ташкентъ получится экономія въ 45.000,000 металлическихъ рублей, государственное казначейство будетъ избавлено отъ ежегодной уплаты гарантіи въ 2.295,000 рублей, и цѣль правительства—связать рельсами Среднюю Азію съ Россіей—вполнѣ будетъ достигнута.

---

[1]) Южно-сибирскій и средне-азіатскій пути свяжутъ со временемъ 330 милліоновъ европейцевъ съ 680 милліонами азіатцевъ.

Digitized by Google

Съ приведенными нами въ сокращеніи доводами и заключеніемъ брошюры нельзя не согласиться вполнѣ. Но нельзя не упомянуть и объ одной невыгодной сторонѣ проведенія желѣзной дороги въ Среднюю Азію, впрочемъ касающейся въ одинаковой степени всѣхъ безъ исключенія направленій. Мы понимаемъ подъ этимъ необходимость, при продолженіи существованія запретительнаго таможеннаго тарифа, устройства въ Азіи таможенной линіи. Дѣло это встрѣтитъ весьма большія затрудненія, а при отсутствіи желѣзнодорожныхъ сообщеній съ Азіею, промышленность наша громадностью разстояній, совершенно гарантирована съ этой стороны отъ конкурренціи западныхъ товаровъ. При существованіи желѣзной дороги, особенно продолженной до границы англійскихъ владѣній, надо полагать, что контрабанда разовьется въ весьма широкихъ размѣрахъ. Надъ этимъ обстоятельствомъ можно призадуматься, поставивъ вопросъ такимъ образомъ: слѣдуетъ ли Россіи отказаться отъ усовершенствованныхъ путей сообщенія съ своими колоніями въ угоду московской фабричной промышленности, или эта послѣдняя должна сократить свою дѣятельность, насколько она обусловливается запретительнымъ тарифомъ? Впрочемъ, наша подмосковная мануфактура и теперь въ сущности живетъ на счетъ плательщиковъ податей, которымъ въ такомъ случаѣ придется приплачивать только на содержаніе еще одной таможенной линіи.

Несомнѣнно однако, что если принять дѣйствительныя мѣры къ охраненію границы на такихъ громадныхъ разстояніяхъ, то, конечно, это предпріятіе обойдется дороже всѣхъ выгодъ производства.

Обратимся теперь собственно къ разслѣдованіямъ брошюры, произведеннымъ въ пескахъ Кара-Кумовъ.

Вообще о свойствахъ всей массы каракумскихъ песковъ, занимающихъ по своему пространству непослѣднее мѣсто въ ряду азіатскихъ песчаныхъ пространствъ, существуютъ въ обществѣ весьма неясныя понятія. Большинство представляетъ ихъ себѣ передвижными, сыпучими, легко поддающимися дѣйствію вѣтровъ, безводными и весьма трудно проходимыми. Только немногіе, ближе знакомые съ киргизскою степью, не раздѣляютъ общаго мнѣнія. Но на дѣлѣ теперь оказывается, что вообще всѣ Кара-Кумы, и особенно пройденная въ брошюрѣ часть ихъ, по своимъ свойствамъ рѣзко отличаются не только отъ прочихъ песковъ Средней Азіи, исключая Барсуковъ, но даже и отъ западной своей окраины.

Собранные въ поѣздку факты подтверждаютъ это мнѣніе.

Часть киргизской степи, приблизительно между 45° и 48° сѣверной широты и 31° и 34° восточной долготы (отъ Пулкова), почти вся занята песками, извѣстными подъ общимъ названіемъ Кара-Кумовъ.

Это пространство составляетъ лишь небольшую часть той гро-

Digitized by Google

мадной котловины, которую Гумбольдтъ призналъ дномъ отчасти высохшаго внутренняго моря и назвалъ Арало-Каспійской низменностью.

Основная почва упомянутаго четырехъ-угольника, занятаго Кара-Кумами, глинисто-солонцеватая, образовавшаяся отъ размыва водою и наносовъ глинъ, составлявшихъ берега древняго моря.

Въ сѣверовосточной части разсматриваемаго пространства пески разбросаны небольшими, разорванными площадями. Въ юговосточной встрѣчаются только изрѣдка и притомъ небольшіе острова песковъ. Напротивъ, западная половина сплошь завалена безпорядочными массами бугристыхъ песковъ и только мѣстами между ними видна глинистая подпочва. Кромѣ песковъ и глинъ, попадаются каменистыя гряды.

Кара-Кумы въ общей массѣ представляютъ сравнительно позднѣйшаго времени осадки, образовавшіеся въ горько-соленой водѣ, которые, съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ атмосферныхъ водъ и вѣтровъ, постепенно приняли характеръ бугристыхъ песковъ.

По нашему мнѣнію, основанному на личномъ знакомствѣ съ киргизскою степью, исключеніе по времени образованія составляетъ только часть ихъ, подходящая къ Сыръ-Дарьѣ, между урочищемъ Майли-Башъ и фортомъ № 2. Эта часть, по своему крупнозернистому виду и залегающимъ подъ нею формаціямъ, должна быть отнесена къ болѣе древнимъ отложеніямъ.

Мы полагаемъ, что находимыя въ кара-кумскихъ пескахъ раковины Cardium и Mytilus, въ настоящее время еще живущія въ Аралѣ, свидѣтельствуютъ объ ихъ морскомъ происхожденіи и опровергаютъ объясненіе Эверсмана о происхожденіи этихъ песковъ, вслѣдствіе вывѣтриванія мергеля и икрянника (Roggenstein) на самомъ мѣстѣ ихъ залеганія.

Видѣнные Леманомъ остатки морскихъ водорослей и камыша, вполнѣ сохранившіеся подъ песчаными буграми, служатъ не только подтвержденіемъ нашего взгляда о морскомъ происхожденіи каракумскихъ песковъ, но и доказательствомъ того, что они составляютъ продуктъ моря менѣе отдаленной эпохи. Послѣднее обстоятельство подтверждается еще болѣе тѣмъ, что югозападная часть каракумскихъ песковъ продолжаетъ образоваться и въ настоящее время. На сѣверовосточномъ берегу Арала, у залива Сары-Чеганакъ, море, на нашихъ глазахъ, постоянно и постепенно отступая, оставляетъ песокъ, который, подъ вліяніемъ атмосферныхъ причинъ, способствовавшихъ топографическому образованію и остальной части Кара-Кумовъ, отчасти уже принялъ и продолжаетъ принимать бугристый характеръ, общій всѣмъ Кара-Кумамъ.

Digitized by Google

Вновь образующіеся пески въ сравненіи съ остальною массою, отложившеюся прежде, представляются совершенною пустыней, лишенною растительности. Отсутствіе ея не позволяетъ пескамъ укрѣпиться настолько, чтобы сопротивляться вѣтрамъ. Поэтому здѣсь они неподвижны. Эти сыпучіе пески киргизы называютъ батпакъ-кумъ, въ отличіе отъ плотныхъ песковъ, называемыхъ ими конгръ-кумъ. Но по мѣрѣ удаленія отъ Аральскаго моря на сѣверовостокъ замѣчается въ пескахъ растительность, ближе къ морю—рѣдкая, а далѣе къ востоку—болѣе густая. Это явленіе заставило обратить вниманіе на самое свойство каракумскихъ песковъ. Химическое, качественное и механическое изслѣдованіе песка, взятаго на пути, показало, что въ немъ, кромѣ кремнезема, положительно содержатся въ смѣси глиноземъ, хлористый натръ и другія соли; присутствіе же извести не было открыто. Такая смѣсь, по своимъ составнымъ частямъ, способна питать растенія, и потому дѣлается понятнымъ существованіе растительной жизни въ каракумскихъ пескахъ, которые вслѣдствіе этого, по крайней мѣрѣ по пройденному пути, должны быть признаны почвенными, а не сыпучими песками.

Глинисто-солонцеватая равнина, не занятая песками, настолько выщелочена, что на ней развивается растительность, хотя еще рѣдкая и бѣдная, состоящая изъ разныхъ видовъ кустарниковъ, соленыхъ и горькосоленыхъ травъ. Эти солянки, очевидно, принимали дѣятельное участіе въ процессѣ выщелачиванія. Въ котловинахъ равнины встрѣчаются соленыя грязи, или мокрые солонцы (по-киргизски — соръ) съ большимъ содержаніемъ соли, которая въ сухое время появляется мѣстами на поверхности въ видѣ бѣлаго налета, напр., Тентякъ-Соръ. Иногда эти соры, покрытые тонкою, сухою корою и потому кажущіеся глазу безопасными, до такой степени бываютъ глубоки и вязки, что попадающіе въ нихъ по неопытности или неосторожности люди, лошади и скотъ засасываются грязью и погибаютъ, напр. Саркэ-Соръ (въ переводѣ—кровавый солонецъ). Наконецъ, попадаются довольно часто различной величины высохшія озера, съ отлогими песчаными или глинистыми берегами, иловато-глинистымъ, горизонтальнымъ, плотнымъ, абсолютно гладкимъ и такимъ твердымъ дномъ, что лошадь и колеса не оставляютъ на немъ ни малѣйшаго слѣда. Небольшія трещины въ днѣ бываютъ очень рѣдко и притомъ ближе къ берегамъ. Снѣговыя воды, которыхъ въ той части степи немного, держатся въ этихъ озерахъ не долго и затѣмъ испаряются. Въ распутицу и дожди дно дѣлается скользкимъ какъ ледъ, но никогда не превращается въ вязкую грязь. Растительность, самая бѣдная, попадается исключительно въ трещи-

Digitized by Google

ихъ. Эти мѣста киргизы называютъ такырами. Такова въ общихъ чертахъ равнина, на которой разбросаны пески Кара-Кумовъ.

Песокъ на буграхъ мельче, нежели въ ложбинахъ, что произошло, вѣроятно, отъ слѣдующихъ причинъ. Когда море отошло, легкія песчинки и глинистыя пылинки, поднимаемыя въ пространство порывами вѣтровъ, осаживались не одновременно, болѣе тяжелыя изъ нихъ прежде, легкія—позже. Впослѣдствіи, передвиженію подвергался верхній болѣе легкій слой, который постепенно и образовалъ существующіе въ настоящее время бугры.

Мѣстами, на пройденномъ пути, встрѣчаются группы бугровъ и отдѣльные бугры особаго характера. Они образовались изъ песковъ окружающей ихъ мѣстности, растительность которой, по словамъ киргизовъ, была почти совершенно уничтожена скотомъ и людьми. Поверхность такихъ бугровъ имѣетъ видъ неправильныхъ конусовъ, всегда съ округленною вершиной и болѣе или менѣе крутою боковою поверхностью. Они, какъ говорятъ кочевники, стоятъ на постоянныхъ мѣстахъ твердо, неподвижно, и только ихъ боковыя поверхности и вершины мѣняютъ свои очертанія подъ вліяніемъ вѣтровъ. Такіе бугры, лишенные растительности и встрѣчающіеся довольно рѣдко, въ сравненіи съ прочими могутъ быть признаны въ полномъ смыслѣ сыпучими. Киргизы называютъ ихъ урмэ, а русскіе назвали барханами, напр., въ Кара-Кумахъ, большая группа барханов Кинтъ-Чарылъ. Иногда въ барханѣ, въ песокъ котораго лошадь уходитъ по колѣно, виднѣются верхушки засыпанныхъ кустовъ.

Мѣстами, въ котловинахъ между барханами, попадаются живые кусты съ почти совершенно оголенными корнями среди песчаной воронки. Образованіе ея можно объяснить разложеніемъ силы вѣтра. При встрѣчѣ вѣтра съ кустомъ, сопротивленіе его, въ извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ, разлагая силу вѣтра, обращаетъ часть ея на выдуваніе песка вокругъ корня, вслѣдствіе чего и образуется воронка. Бугры по сторонамъ лежавшей на пути песчаной ложбины не превышаютъ 3—4 саженъ.

Вода хорошаго качества, почти совершенно прѣсная, находится въ пескахъ повсемѣстно на самой незначительной глубинѣ, отъ 1-го до 3-хъ аршинъ. Этимъ свойствомъ Кара-Кумы главнымъ образомъ отличаются отъ бо́льшей части прочихъ средне-азіатскихъ песковъ, въ которыхъ вода попадается очень рѣдко, въ небольшомъ количествѣ, непріятна на вкусъ и добывается съ весьма значительной глубины, иногда доходящей до 12—18 саженъ, какъ, напр., въ пескахъ Кызылъ-Кумовъ.

Колани (кудукъ) съ хорошею водою на пути кочевокъ существуютъ вездѣ и въ пройденной ложбинѣ встрѣчаются очень часто, иногда

Digitized by Google

по нѣсколько въ рядъ. Вода, до-суха вычерпанная изъ копани, быстро возобновляется и потому недостатка въ ней никогда не бываетъ.

Въ глинисто-солонцеватой твердой почвѣ равнины, на которой лежатъ Кара-Кумы, вода попадается только на большой глубинѣ (отъ 2 до 4 саженъ) и притомъ, по горькосоленому вкусу, едва годная для употребленія. По пройденному пути, копани въ твердой почвѣ равнины роются рѣдко. Киргизы въ нихъ не нуждаются, потому что всегда могутъ подойти къ окраинамъ какихъ-либо песковъ и имѣть вкусную воду, добытую на самой небольшой глубинѣ.

Среди бугристыхъ песковъ, иногда попадаются твердые солонцы, со дна которыхъ бьютъ горькосоленые ключи, наприм., въ пескахъ Акъ-Кайнаръ-Кумовъ. Вода ихъ разливается по сорамъ ручьями, теряющимися въ пескахъ. Она годна лишь для водопоевъ.

Между Кара-Кумами и Джингикз-Кумами, на восточномъ склонѣ возвышенности Кайнаръ-Вулакъ, есть неизсякаемый родникъ прѣсной воды. Киргизы имъ пользуются для орошенія небольшихъ бахчей [1]) подъ дыни и арбузы.

Изъ сравненія вкуса воды въ пескахъ и твердой почвѣ равнины можно заключить, что первые изъ нихъ содержатъ очень мало солей и гораздо менѣе, нежели вторые. Такой выводъ совершенно логично вытекаетъ изъ того соображенія, что пески подвергались большому промыванію и выщелачиванію атмосферною водою сравнительно съ глинистыми осадками, трудно для нея проницаемыми. Вода, выщелачивая песокъ, по всей вѣроятности, была причиною скопленія солей въ низкихъ мѣстахъ равнины, которыя потому, надо полагать, обратились въ соленыя грязи (соры).

Растительность въ районѣ бугристыхъ песковъ разнообразна.

Сдѣлавъ краткій обзоръ растительности этихъ песковъ, брошюра приводитъ нѣсколько удачныхъ примѣровъ вліянія искусственно сохраненной растительности на прочность песковъ, и дѣлаетъ такой выводъ.

Приведенные примѣры подтверждаютъ важное значеніе растительности для сохраненія внѣшняго вида Кара-Кумовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ясно показываютъ, до какой степени внутренній составъ песчаной почвы обезпечиваетъ за Кара-Кумами существованіе растительной жизни. Въ этомъ обстоятельствѣ и слѣдуетъ искать причину, что Кара-Кумы, несмотря на искусственное уничтоженіе въ нихъ растительности, не обратились въ сплошную сыпучую пустыню, а стоятъ въ общей своей массѣ твердо и неподвижно. Подтвержденіемъ этого могутъ служить факты, собранные во время поѣздки.

[1]) Бахчи—азіатскіе огороды.

Digitized by Google

Эти факты, не важные въ отдѣльности, составляютъ въ группѣ довольно вѣскій аргументъ въ пользу неподвижности Кара-Кумовъ. Къ числу ихъ относятся слѣдующіе.

Въ пескахъ были найдены на мѣстахъ произрастанія корни многолѣтнихъ растеній, иногда длинные (до ½ аршина), иногда узловатые, формы неправильнаго шара, діаметромъ до 4 вершковъ (корень кызылъ-джузгена), но всегда чрезвычайно плотные. Присутствіе ихъ показываетъ, что въ пескахъ жили и живутъ растенія, развивавшіяся въ продолженіи многихъ лѣтъ.

У самой окраины песковъ Аиръ-Кызылъ-Кумовъ и Иргизъ-Кумовъ, прилегающихъ къ Кара-Кумамъ съ сѣверной стороны, киргизы заводятъ постоянныя зимовки (кстау), состоящія изъ глиняныхъ и земляныхъ хатъ съ пристройками. Со времени постройки первыхъ зимовокъ, 11 лѣтъ назадъ, жители не замѣчали, чтобы пески сдвигались съ мѣстъ или засыпали ихъ жилища.

Внутри и на окраинахъ песковъ Наръ-Кызылъ-Кумовъ и Джимбура-Кумовъ, также прилегающихъ къ Кара-Кумамъ—съ сѣвера, киргизы съ 1875 года начали заводить зимовки. Уходя съ зимовокъ въ апрѣлѣ и возвращаясь въ октябрѣ, они находятъ оставленные запасы топлива незасыпанными. Во время поѣздки, въ концѣ сентября, можно было убѣдиться не только въ этомъ, но даже и въ томъ, что вообще слѣды кочевокъ остаются незанесенными пескомъ. Ясныя и отчетливыя тропинки, слѣды расположенія кибитокъ, черные слѣды костровъ, мѣста, на которыхъ стоялъ скотъ и проч.,—служатъ достаточнымъ тому доказательствомъ.

Находящіяся внутри песковъ соленыя грязи, носящія названія, данныя еще прежними поколѣніями, напр., въ Кара-Кумахъ, Буканъ-Бай-Соръ, показанный на картѣ 1843 года, а также солонцы, такыры и копани, изъ которыхъ, по преданію туземцевъ, нѣкоторыя вырыты болѣе 100 лѣтъ назадъ, напр., копани Мансуръ, въ Джингикэ-Кумахъ, остаются незанесенными. Если послѣднія иногда случается видѣть засыпанными почти до краевъ, то это происходитъ преимущественно отъ обваловъ за отсутствіемъ срубовъ. Песчаные заносы не принимаютъ въ этомъ почти никакого участія и не только не уничтожаютъ слѣды копаней, но даже не способны закрыть сколько-нибудь замѣтнымъ слоемъ песокъ, выброшенный изъ копаней.

Верблюжьи тропы иргизо-казалинскаго караваннаго пути, проложенныя частію по окраинѣ песковъ Наръ-Кызылъ-Кумовъ, около которыхъ приходилось проѣзжать, и сами пески сохранились, по словамъ старыхъ киргизовъ-проводниковъ, совершенно въ томъ же видѣ и разстояніи другъ отъ друга, въ какомъ были 30 лѣтъ назадъ.

Digitized by Google

Встрѣченная на пути въ Кара-Кумахъ, въ 5 верстахъ отъ ихъ южной окраины, киргизская могилка, расположенная на вершинѣ бархана и покрытая 7 лѣтъ назадъ кучкою сухого кызылъ-джузгена, остается донынѣ совершенно открытою.

Наконецъ, рога и черепъ сайгака (Antilope saiga), верблюжьи кости, содержащія лишь одни нерастворимые минеральные остатки, а также сухіе корни и части стволовъ долговѣчныхъ растеній (саксаула и кызылъ-джузгена) были найдены на поверхности песковъ.

Вывѣтренное состояніе костей, корней и стволовъ даетъ основаніе полагать, что они продолжительное время лежали на пескѣ, не будучи имъ занесены. Съ другой стороны, въ существующихъ описаніяхъ Кара-Кумовъ нигдѣ не упоминается о нахожденіи тамъ животныхъ остатковъ, сохранившихся вслѣдствіе защиты ихъ заносами отъ окружающаго воздуха.

Всѣ вышеприведенные факты: слѣды кочевокъ и тропъ, солонцы, копани и разбросанные на поверхности предметы, найденные незасыпанными, а также растительность, дающая возможность киргизамъ кочевать, доказываютъ, что признавать передвиженіе кара-кумскихъ песковъ массою и, слѣдовательно, Кара-Кумы пустынею — нѣтъ никакого основанія.

Климатъ въ Кара-Кумахъ тотъ же, что́ и въ остальной части киргизской степи. Ранняя, дружная весна, начинающаяся въ концѣ марта, продолжается недолго, и уже въ концѣ мая наступаютъ жары иногда свыше 40° R. Въ это время степь покрывается своимъ весеннимъ нарядомъ. Нѣкоторые виды растеній совершенно высыхаютъ, оставляя только корень въ глубинѣ почвы. Другіе, приспособляясь къ засухѣ и потерявъ часть своей зелени, начинаютъ цвѣсть (Calligonum caput medusae). Особенно солянки и горькія травы, именно во время сильнѣйшихъ жаровъ, достигаютъ наибольшаго развитія; наприм., Alhagicamelorum отличается веселымъ зеленымъ цвѣтомъ стеблей и листьевъ и яркокрасными цвѣтами. Только осенью эта часть степи принимаетъ однообразный, сѣрый оттѣнокъ. Весьма рѣдкіе дожди почти совсѣмъ не освѣжаютъ раскаленнаго воздуха. Послѣ жаркихъ дней, весьма часто слѣдуютъ весною и осенью холодныя ночи, причемъ разница между средними температурами дня и ночи громадна. Лѣтомъ, вслѣдствіе сильнаго нагрѣванія песковъ, разница эта не такъ значительна—южные горячіе вѣтры (керимъ-салъ) никогда не обращаются въ теббады—ураганы. Въ половинѣ сентября начинаются постоянные заморозки, но дни продолжаютъ быть теплыми. Въ октябрѣ погода дѣлается холоднѣе и сопровождается восточнымъ рѣзкимъ вѣтромъ. Снѣга выпадаетъ немного, на 4 — 6 вершковъ. Мятели хотя и случаются, но не имѣютъ характера степ-

Digitized by Google

ныхъ бурановъ. Холода, особенно во второй половинѣ зимы, доходятъ до 30° R. При наступленіи весеннихъ теплыхъ дней снѣга стаиваютъ очень скоро и вешнія воды быстро уходятъ въ песокъ, рѣдко образуя рытвины и промоины. Грязи собственно въ пескахъ никогда не бываетъ.

Судя по этимъ климатическимъ условіямъ, можно думать, что Кара-Кумы съ одинаковымъ удобствомъ проходимы во всѣ времена года. Это подтверждаютъ мѣстные кочевники. Настоящая поѣздка, въ повозкахъ, безъ дороги, во время которой средняя часть Кара-Кумовъ была пройдена безъ особыхъ затрудненій, въ свою очередь даетъ весьма выгодное понятіе объ ихъ сравнительной проходимости. Въ подтвержденіе этого не лишнимъ будетъ привести мнѣніе извѣстнаго знатока Востока М. И. Венюкова. Онъ отдаетъ пескамъ предпочтеніе не только предъ сухими солончаками, которые при вѣтрѣ, въ жаркую погоду, отдѣляютъ множество ѣдкой пыли, а при дождяхъ обращаются въ грязь, но и передъ твердоглинистыми степными пространствами. Наконецъ, неоднократные переходы пѣхоты и конницы съ орудіями и обозами не только черезъ Кара-Кумы, но и южные пески Средней Азіи показываютъ, что отзывы о крайне-трудной проходимости этихъ песковъ болѣе чѣмъ преувеличены.

Разбираемая нами брошюра была точно также оцѣнена и однимъ изъ лучшихъ знатоковъ Средней-Азіи: именно, покойный Н. В. Хаыковъ въ письмѣ своемъ къ одному изъ друзей въ Петербургѣ, отъ 15 (27) іюня 1878 года [1]), призналъ ее вполнѣ согласною съ его путевыми замѣтками.

Еще ранѣе того, Хаыковъ подробно писалъ, отъ 27 мая, объ этой же самой брошюрѣ, и по ея поводу выражался такъ:

„Я съ величайшимъ любопытствомъ изучилъ этотъ трудъ, важный въ государственномъ смыслѣ и поучительный въ научномъ отношеніи. Факты, добытые въ ней изслѣдованіемъ свойствъ песка Кара-Кумовъ, мастерски сгруппированные, ясно доказываютъ, что обширная площадь, занимаемая этими песками, не представляетъ никакого основанія считать ихъ неудобными для проведенія черезъ нихъ желѣзной дороги. Экономическія же данныя, искусно подобранныя въ брошюрѣ, доказываютъ выгоды проведенія сказанной дороги, именно въ этомъ направленіи,—такъ что этими двумя выводами, вполнѣ рѣшается задача, выраженная заголовкомъ брошюры.

„Со времени описанія песковъ Кара-Кумовъ геодезистами Гладышевымъ и Муравинымъ, мѣстность эта подвергалась частнымъ описаніямъ Мейндорфа, Эверсмана, Лемана и др., но, сколько я помню,

[1]) См. „Вѣстникъ Европы", 1878 г., кн. 12-ая.

Digitized by Google

нигдѣ не выставлено съ такою ясностью двухъ естественныхъ свойствъ этихъ песковъ, непозволяющихъ смѣшивать ихъ съ песками *сыпучими*. А именно: присутствіе въ нихъ многолѣтнихъ растеній и незаносимость ими построекъ.

„Я самъ былъ лично въ Кара-Кумахъ дважды, въ концѣ іюня 1841 и въ концѣ мая 1842 года. Въ 1841 году хивинская и бухарская миссіи, раздѣлившіяся только на Сыръ-Дарьѣ, прошли западною частью песковъ, были сопровождаемы значительнымъ воинскимъ прикрытіемъ съ двумя пушками, и, кромѣ того, я и полковникъ Никифоровъ имѣли тарантасы. Но я не помню, чтобы мы гдѣ-нибудь, кромѣ перехода чрезъ солонецъ Тентякъ-Соръ, встрѣтили значительное затрудненіе отъ вязкости грунта. Въ 1842 году, возвращаясь изъ Бухары, я прошелъ по восточной части песковъ Кара-Кумовъ, направляясь съ переправы на Сыръ-Дарью у Майлибаша къ озерамъ Сары-Купа, и тутъ почва была еще тверже.

„Что же касается до мнѣнія Ф. Лесепса, то я возьму смѣлость замѣтить, что я засѣдалъ съ нимъ въ 1876 въ комитетѣ, образованномъ при здѣшнемъ (парижскомъ) географическомъ обществѣ для обсужденія географическихъ подробностей вопроса о средне-азіатской желѣзной дорогѣ и имѣлъ случай убѣдиться въ туманности его свѣдѣній о географіи Средней-Азіи. Къ тому же, Лесепсъ не инженеръ. Онъ искусный, настойчивый и энергическій дипломатъ, сломившій всѣ преграды, воздвигнутыя ему лордомъ Пальмерстономъ, но техническая часть предпріятія въ родѣ прорытія Суэзскаго канала, дѣло не его. Въ 1876 году, объ Екатеринбургѣ не было и помину. Лесепсъ защищалъ только невозможную идею о веденіи дороги чрезъ Кабулъ и Хайберское ущелье; если же впослѣдствіи онъ присоединилъ къ этому Екатеринбургъ, то удивительнаго въ этомъ ничего нѣтъ, такъ какъ городъ этотъ, по своему сосѣдству съ нижне-тагильскими заводами Демидова, часто посѣщался французскими инженерами и извѣстенъ французамъ нѣсколько болѣе прочихъ мѣстъ восточной Россіи".

Упомянутая брошюра нашла себѣ недавно продолженіе, вслѣдствіе предпринятой осенью 1878 года новой поѣздки; появившаяся вслѣдъ затѣмъ вторая брошюра нѣсколько видоизмѣнила прежнее направленіе желѣзной дороги въ смыслѣ почти совершенно прямой линіи отъ города Оренбурга до урочища Кара-Тугай на Сыръ-Дарьѣ.

На этотъ разъ болѣе точному изслѣдованію подверглось пространство между Оренбургомъ и Кара-Кумами, причемъ оказалось возможнымъ проложить путь черезъ сѣверную оконечность Мугоджарскихъ горъ, совершенно удобно проходимыхъ и изобилующихъ

Digitized by Google

прѣсною водою. Этимъ способомъ весь путь до Кара-Тугая еще значительно сокращается. Независимо отъ этого, экспедиціею сдѣланы опыты облѣсенія и укрѣпленія песковъ, результаты которыхъ, конечно, обнаружатся только въ будущемъ году. Съ цѣлью изученія этого дѣла одинъ изъ членовъ экспедиціи, профессоръ Сорокинъ, отправился во Францію для изслѣдованія предпринятыхъ французами въ Ландахъ такого рода работъ, давшихъ, какъ извѣстно, блестящіе результаты.

Затѣмъ опредѣлено, что по этому направленію потребуется строить мосты только черезъ рѣки: Уралъ 200, Куралы 20, Каргалы 40, Орь 25, Талдыкъ 50 и Читъ-Иргизъ 40 саж., что, принимая во вниманіе значительность пройденнаго разстоянія, весьма немного.

Въ заключеніе брошюра говоритъ: „на основаніи вышеприведенныхъ результатовъ экспедиціи, слѣдовало бы средне-азіатскую желѣзную дорогу вести кратчайшимъ путемъ отъ Оренбурга на Кара-Тугай. Далѣе она естественно направится правымъ берегомъ Сыра въ богатую и населенную мѣстность Туркестанскаго края. При этомъ, слѣдуя теченію рѣки, можно будетъ часть дороги, вдоль Джаманъ-Дарьи, проложить по дамбѣ, преградивъ ею доступъ воды въ разливъ Кара-Узякъ. Этимъ достигнутся двѣ цѣли: во-первыхъ, Джаманъ-Дарья (средняя часть Сыръ-Дарьи) углубится, или вода настоящаго разлива направится въ сухое русло Сыра (Яны-Дарья) и ороситъ покинутыя поля; и, во-вторыхъ, обширное и вредное болото Кара-Узякъ обратится въ плодородную мѣстность съ регулированнымъ орошеніемъ".

Хотя это въ общемъ совершенно вѣрно, но съ заключеніемъ о томъ, что вода вслѣдствіе запруды Кара-Узяка направится въ Яны-Дарью, едва ли можно согласиться, такъ какъ истокъ Яны-Дарьи значительно выше по теченію развѣтвленія Кара-Узяка, но вполнѣ справедливо то, что Джаманъ-Дарья будетъ обильна водою, а это весьма важно для судоходства, такъ какъ мелководіе ея и служитъ главнымъ препятствіемъ для свободнаго плаванія.

Экспедиція ранней весной нынѣшняго года предполагаетъ продолжать изслѣдованіе дальнѣйшаго направленія средне-азіатской желѣзной дороги. Она намѣрена прослѣдить путь черезъ Ташкентъ, Самаркандъ, верховья Аму-Дарьи до Баліанскаго ущелья по направленію къ Кабулу и Пешаверу. Кромѣ того, экспедиція имѣетъ намѣреніе спуститься по Аму-Дарьѣ на мѣстныхъ судахъ отъ Балха до Хивы, для изученія этой рѣки въ отношеніи судоходства. Оттуда она прослѣдитъ сухое русло Аму-Дарьи (Куня-Дарья и Узбой), до ея прежняго впаденія въ Каспій. Одновременно съ этимъ, предполагается сдѣлать съемку и нивеллировку сухихъ руслъ Сыра и Аму

Digitized by Google

отъ Перовска до Красноводска и собрать свѣдѣнія о сохранившихся на нихъ берегахъ остаткахъ древней культуры.

Окончивъ эти работы, можно будетъ придти къ заключенію, насколько осуществима мысль Петра, выраженная въ наказѣ 14 февраля 1716 года князю Бековичу Черкасскому: „...Осмотрѣть прилежно теченіе опой рѣки (Аму), тако же и плотины, ежели возможно оную воду паки обратить въ старый токъ, къ тому же прочія устья запереть, которыя идутъ въ Оральское море... Отпустить купчину по Аму-Дарьѣ рѣкѣ въ Индію, наказавъ, чтобы изъѣхалъ ее пока суды могутъ итти"...

На этомъ наказѣ Петръ написалъ: „господамъ сенату съ лутчаю ревностію сіе дѣло, какъ наискоряя, отправить, понеже зѣло нужно".

Л. М.

ГИГІЕНИЧЕСКІЙ КОНГРЕССЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

Гигіена новорожденныхъ.

I.

Всемірныя международныя выставки, имѣя всесвѣтное культурное значеніе и привлекая на эти грандіозныя и поучительныя зрѣлища интеллигенцію всѣхъ странъ міра, оказываютъ немалую пользу наукѣ.

Культурный прогрессъ образованныхъ народовъ какъ нельзя лучше выражается, наглядно, на этихъ выставкахъ, повторявшихся, въ послѣднее время, со времени первой всемірной выставки въ Лондонѣ, довольно часто, въ массѣ разнообразныхъ произведеній изъ области промышленности, техники и искусства. Но блестящая сторона всѣхъ чудесъ, выставляемыхъ при роскошной обстановкѣ, къ тому же, на показъ міру, невольно должна навести мыслящаго и наблюдательнаго человѣка и на иныя мысли, тѣсно связанныя съ культурными вопросами современнаго общества и, вмѣстѣ съ тѣмъ, невольно охлаждающія чувства самодовольства, при созерцаніи этихъ чудесъ... Эти сотни и тысячи рукъ, трудами которыхъ все это создано и искусству которыхъ мы на словахъ такъ щедро платимъ дань, обезпечиваютъ ли онѣ матеріальное и нравственное благосостояніе тѣхъ, кому при-

Digitized by Google

надлежать? Эта ослѣпляющая глаза роскошь и бьющая на эффектъ обстановка, выдерживаетъ-ли какое-нибудь сравненіе съ безвыходнымъ положеніемъ нищенствующаго труженика-рабочаго, съ его 14-ю часовыми ежедневными тяжелыми трудами? Вноситъ-ли въ жизнь ему и его полусытой семьѣ какую-нибудь нравственную отраду этотъ культурный прогрессъ, это всемірное состязаніе народовъ на аренѣ промышленнаго и техническаго преуспѣянія?...

На это можетъ дать отвѣтъ лишь наука.

Нельзя, поэтому, не назвать счастливою мысли, побудившей преимущественно врачей, этихъ неизмѣнныхъ друзей человѣчества, и людей, интересующихся судьбами его, воспользоваться удобнымъ случаемъ. Чтобы судить о дѣйствительномъ благосостояніи людей и о томъ, насколько прогрессируетъ общество, слѣдуетъ лишь знать, какими условіями они пользуются для сохраненія главнѣйшаго, а для бѣдныхъ единственнаго достоянія—*здоровья*. Чтобы ознакомиться, на основаніи фактовъ, съ этими условіями, всего лучше познакомиться съ мнѣніями компетентныхъ людей, выслушать ихъ живыя рѣчи и дать возможность обмѣняться свѣдѣніями по общественнымъ вопросамъ первой важности.

Вотъ почему конгрессы, созываемые по различнымъ отраслямъ знанія, одновременно съ устройствомъ всемірныхъ выставокъ, должны быть привѣтствуемы со стороны общества весьма сочувственно; выводы людей науки и людей, призванныхъ къ общественной дѣятельности, близко стоящихъ, или, лучше сказать, соприкасающихся къ быту народа, не могутъ не быть, рано или поздно, услышаны, а законы науки безнаказанно игнорированы. Невѣдѣніе или нежеланіе знакомиться съ основными требованіями, на каковыхъ зиждется благосостояніе людей и цѣлыхъ обществъ, очень скоро обнаруживается рядомъ явленій, крайне прискорбныхъ, и съ этою патологіей общественныхъ недуговъ бо́льшей части европейскихъ государствъ не мѣшаетъ знакомиться не только ученымъ и спеціалистамъ, но болѣе всего—людямъ государственнымъ.

Гигіеническій международный конгрессъ, засѣдавшій въ августѣ мѣсяцѣ минувшаго года въ Парижѣ, въ Трокадеро и въ залахъ, уцѣлѣвшихъ отъ пожара, Тюльери, обсуждавшій въ продолженіи десяти дней (съ 1—10 августа) доклады по вопросамъ: *о гигіенѣ новорожденныхъ, о порчѣ воды въ рѣкахъ, о гигіенѣ жизненныхъ припасовъ, о жилищахъ бѣдныхъ, о промышленной гигіенѣ и о профилактикѣ прилипчивыхъ и заразительныхъ болѣзней* — не въ состояніи былъ, разумѣется, умалить нималѣйше ни настроенное торжественно расположеніе духа парижанъ, ни уменьшить эстетическихъ наслажденій публики, собравшейся изъ цѣлаго міра для созерцанія красотъ

Digitized by Google

и чудесъ, собранныхъ на Марсовомъ полѣ и въ Трокадеро, на пространствѣ 720,000 слишкомъ квадратныхъ метровъ... Тѣмъ не менѣе, вопросы, предложенные конгрессу на обсужденіе, имѣютъ такое громадное общественное значеніе, и то, что приходилось слышать на засѣданіяхъ его, затрогивало такъ близко общественное сознаніе и благосостояніе людей, что труды его не преминутъ принести должные плоды, хотя бы по нѣкоторымъ изъ этихъ вопросовъ.

Что касается вопроса о гигіенѣ новорожденныхъ, которому мы посвящаемъ нашу статью,—то этотъ вопросъ, какъ затрогивающій самыя больныя мѣста современнаго общества, послужилъ поводомъ къ обнаруженію въ высшей степени поучительныхъ данныхъ, и между многими фактами, имѣющими общественное значеніе и достаточно выясненными статистикой,—одинъ въ особенности заслуживалъ того, чтобы на немъ остановиться съ глубокимъ вниманіемъ.

Какъ-бы въ разрѣзъ съ успѣхами человѣчества на пути гражданскаго и нравственнаго усовершенствованія нашего вѣка, съ сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія, коэффиціентъ смертности дѣтей, до истеченія перваго года жизни, не уменьшался, а, напротивъ, постоянно увеличивался, а изъ сопоставленія смертности законно- и незаконнорожденныхъ, оказалось, что смертность между послѣдними въ два раза превышаетъ коэффиціентъ смертности первыхъ; причемъ выяснилось, что преждевременная гибель этихъ несчастныхъ, ни въ чемъ не повинныхъ существъ представляетъ какъ-бы исключеніе изъ общаго правила, такъ сказать „физіологическій“ парадоксъ. Извѣстно, что смертность между законнорожденными обыкновенно уменьшается съ наступленіемъ второй недѣли;—казалось-бы, что природа, для которой задачи пріумноженія рода человѣческаго остаются тѣ же и для дѣтей рожденныхъ въ бракѣ и внѣ брака, не могла быть столь несправедливою къ „дѣтямъ любви“, появленіе которыхъ на свѣтъ Божій обусловливается ея же могучими требованіями... А между тѣмъ, въ дѣйствительности, обнаружено несомнѣнно, что съ наступленіемъ спасительной для законнорожденныхъ второй недѣли эта недѣля дѣлается гибельною для незаконнорожденныхъ, такъ-какъ смертность между ними не уменьшается, а, напротивъ, *увеличивается*.

Громадную смертность дѣтей вообще до истеченія перваго года, и въ особенности новорожденныхъ до истеченія первой недѣли, старались объяснять нѣжностью ихъ организаціи, нѣкоторыми свойственными періоду новорожденнаго ребенка физіологическими условіями, предрасположеніями къ легкому заболѣванію, наслѣдственною болѣзненностью, діэтетическими погрѣшностями и массою другихъ еще враждебныхъ условій, изъ числа которыхъ—бѣдность и невѣжество стояли и стоятъ еще, разумѣется, и нынѣ въ числѣ первыхъ.

Digitized by Google

Пролетаріатъ и безвыходность положенія молодыхъ женщинъ, незамужнихъ матерей, мало или совершенно не огражденныхъ закономъ отъ сластолюбія мужчинъ и несущихъ на своихъ плечахъ всю тяжкую отвѣтственность за проступки молодости, — проступки, въ которые онѣ бываютъ вовлечены въ силу той же бѣдности, съ одной стороны, и безнаказаннаго соблазна—съ другой, — подвергался неоднократнымъ и многостороннимъ обсужденіямъ какъ со стороны ученыхъ, такъ равно, нерѣдко, и правительственными учрежденіями всѣхъ странъ, — но почти каждый разъ лица и учрежденія, власть имѣющія, благоразумно проходили молчаніемъ этотъ докучливый вопросъ, непрошеннымъ образомъ предлагавшійся отъ времени до времени съ академическихъ или парламентскихъ трибунъ. Разумѣется, молчаніе было выраженіемъ безсилія, а между тѣмъ, указанія и выводы людей науки не могли не тревожить общественной совѣсти...

По примѣру бывшаго въ 1876 году международнаго гигіеническаго конгресса въ Брюсселѣ, и парижскій конгрессъ призывался къ обсужденію золъ, подтачивающихъ общественныя основы и въ числѣ этихъ золъ поставилъ вопросъ о гигіенѣ новорожденныхъ на первомъ мѣстѣ. Докладчиками по этому вопросу отъ имени особой коммиссіи были: Бержеронъ, Бертиллонъ и Маржоленъ [1]).

Мы предпошлемъ здѣсь общіе выводы, почерпнутые нами изъ этого доклада.

Въ октябрѣ 1865 г. мало-извѣстный провинціальный врачъ, Моно де-Монсошъ, запискою, адресованною въ Парижскую медицинскую академію, обратилъ вниманіе сперва этого ученаго учрежденія, а потомъ и администраціи, на увеличившуюся, чрезмѣрно, эмиграцію кормилицъ въ Парижъ, отразившуюся вредно какъ на сельскіе нравы, такъ равно усилившую значительно смертность дѣтей среди сельскаго населенія.

Долговременное отсутствіе хозяекъ дома, оставляющихъ хозяйство и дѣтей на попеченіе мужей, родственниковъ, или даже сторонникъ людей, и стремящихся изъ деревень во всепоглощающую столицу Франціи, вызываетъ разстройство семейнаго быта, ослабляетъ узы супружескихъ отношеній и служитъ, бо́льшею частью, средствомъ къ разгулу остающихся дома мужей на сбереженія женъ, поступающихъ, матеріальныхъ выгодъ ради, въ кормилицы. Разсчитывая на хорошія заработки послѣднихъ—первые предпочли — ничего-недѣланіе и кутежи—трудной работѣ земледѣльца, такъ что сельское населеніе

[1]) Congrès international d'Hygiène de Paris 1878. I-re question. „*Hygiène de nouveau né*".

Digitized by Google

стало не досчитываться много рукъ, оторванныхъ отъ работъ, на которыхъ и зиждется все благосостояніе его.

Эмиграція эта совпадаетъ обыкновенно съ временемъ, когда оставленныя дѣти всего болѣе нуждаются въ материнскомъ молокѣ и въ попеченіи. Послѣдствія подобнаго отношенія матерей къ дѣтямъ своимъ не нуждаются въ комментаріяхъ. Брошенныя на произволъ, грудныя дѣти, за малыми исключеніями, лишь доживаютъ до времени возвращенія домой виновницъ ихъ дней!

Но даже и въ тѣхъ не малочисленныхъ случаяхъ, когда матери, спѣша въ Парижъ для той-же цѣли, не рѣшаются оставлять своихъ малютокъ и берутъ ихъ съ собою, судьба послѣднихъ также не завидна... Во время пути, независимо отъ многоразличныхъ, частью предвидѣнныхъ, а частью и непредвидѣнныхъ случайностей, отзывающихся гибельно на здоровьѣ дѣтей, слишкомъ требовательнымъ и безпокойнымъ изъ нихъ предлагается не столько грудь матери, сколько сосокъ и наркотическія средства. Затѣмъ, возвращаясь, при удачѣ, изъ Парижа, снова къ себѣ, не рѣдко съ двумя и тремя даже пріемышами, принятыми на вскормленіе, эти кормилицы-промышленницы не въ состояніи удовлетворять болѣе ни законнымъ требованіямъ ввѣренныхъ ихъ попеченію юныхъ парижанъ или парижанокъ, ни даже еще болѣе законнымъ требованіямъ собственнаго ребенка.

Послѣдствія подобнаго промысла не замедлили выразиться въ краснорѣчивыхъ цифрахъ: оказалось, что во многихъ провинціяхъ Франціи умираетъ дѣтей, до истеченія перваго года жизни, 90%, т.-е. говоря литературнымъ языкомъ, изъ ста французскихъ гражданъ и гражданокъ, узрѣвающихъ, впервые, прелестное солнце, озаряющее богатую и цивилизованную родину ихъ, въ живыхъ лишь остается 10, дальнѣйшее существованіе которыхъ и въ послѣдующіе годы ихъ жизни представляется проблемою, далеко не рѣшеніемъ... При впечатлительности французовъ, факты, обнаруженные Моно, быстро сдѣлались достояніемъ публики, и вслѣдъ затѣмъ въ стѣнахъ медицинской академіи въ Парижѣ стали дѣлаться сообщенія за сообщеніями, полныя не меньшаго драматизма, устами уже не маловѣстныхъ врачей, но извѣстными авторитетами. Выяснилось до очевидности, что изъ числа 20.000 дѣтей, посылаемыхъ приблизительно изъ Парижа для вскармливанія въ живописныя села и поселки Франціи, умираетъ ежегодно до истеченія перваго года жизни 15.000 или 75% и что, затѣмъ, изъ общаго числа ежегодно же рождающихся въ той же столицѣ, именно 54.000, въ живыхъ, до истеченія года, остается лишь половина или 50%, и что, наконецъ, средній выводъ % смертности дѣтей во всей Франціи, въ теченіи того же періода жизни, колеблется между 18,2—21,7%. Цифры эти, столь поучительныя для

Digitized by Google

Франціи и вызвавшія переполохъ въ общественномъ мнѣніи, для насъ, врачей Россіи, не новость; даже похожденія кормилицъ-промышленницъ, о которыхъ столь краснорѣчиво и съ такимъ гражданскимъ негодованіемъ говоритъ Моно́-де-Монсонъ въ своемъ мемуарѣ,—для насъ тѣмъ менѣе новы...

Санитарная комиссія московскаго губернскаго земскаго собранія въ 1867 г., слѣдовательно, двумя годами лишь позже Моно́, въ докладѣ, напечатанномъ въ газетѣ „Москва“ [1]), вотъ какъ изображаетъ грустное положеніе грудныхъ младенцевъ московскаго воспитательнаго дома, которые отдаются кормилицамъ-крестьянкамъ на воспитаніе:

„Бросивъ собственныхъ дѣтей и привлеченныя корыстью, онѣ являются въ воспитательный домъ, откуда, по прошествіи мѣсяца и болѣе, возвращаются съ пріемышами на подводахъ въ свои селенія, но нѣкоторыя изъ нихъ, уже за заставою Москвы, перепродаютъ питомцевъ другимъ женщинамъ, и сами опять отправляются за другими дѣтьми; или же, вывезенныя за заставу и брошенныя извощиками, принуждены возвращаться въ свои селенія пѣшкомъ, съ грудными младенцами на рукахъ, иногда въ ненастное или зимнее время. По прибытіи въ деревню, крестьянки снова перепродаютъ пріемышей въ третьи и даже въ четвертыя руки; такимъ образомъ, питомцы воспитательнаго дома въ подмосковныхъ селеніяхъ составляютъ особый родъ возмутительнаго промысла, напоминающаго собою языческія времена или первобытное состояніе народовъ. Во всякомъ случаѣ, остается-ли пріемышъ въ первыхъ рукахъ или попалъ въ третьи и четвертыя руки, его ожидаетъ, бо́льшею частью, одинъ конецъ—*смерть*, если только она не случилась на пути слѣдованія отъ Москвы до селенія“.

Картина, нарисованная московскимъ докладчикомъ Шлиппе, не менѣе назидательна картины Моно́; по нашему мнѣнію, краски перваго еще болѣе ярки,—тѣмъ не менѣе общественное мнѣніе у насъ не выходило изъ обычнаго намъ оптимизма, или, вѣрнѣе сказать, индифферентизма, несмотря на то, что и у насъ на первомъ съѣздѣ земскихъ врачей въ бессарабской губерніи „выяснился“, говоря словами доклада—„поразительный фактъ смертности дѣтей, *превышающій* въ однѣхъ мѣстностяхъ число рожденій, въ другихъ,—доходящій до 90%... Замѣчательно совпадаютъ дальнѣйшіе выводы московской санитарной комиссіи съ выводами Моно́. „Въ приходахъ“, сказано въ докладѣ,—„гдѣ число умершихъ воспитанниковъ незначительно, противъ числа умершихъ младенцевъ, принадлежащихъ собственно приходу,—тамъ является значительная прибыль въ народонаселеніи;

[1]) №№ 134, 135, 136 и 137 (1867 г.).

Digitized by Google

гдѣ число питомцевъ восходитъ до половины общаго числа умирающихъ, тамъ прибыль гораздо менѣе и даже убыль; гдѣ же смертныхъ случаевъ между воспитанниками превышаетъ число умирающихъ младенцевъ своего прихода, тамъ значительная убыль; другими словами: гдѣ приносъ питомцевъ сильнѣе, тамъ болѣе умираетъ своихъ младенцевъ и болѣе убыли въ народонаселеніи; гдѣ питомцевъ мало, тамъ мы видимъ приращеніе въ народонаселеніи. „Мы уже согласны"—говоритъ далѣе докладчикъ Шлиппе—„видѣть не столько вреда въ томъ, что кормилицы вывозятъ изъ дому каждая по три питомца и болѣе, чтобы продавать ихъ въ другія руки, сколько вреда видимъ въ томъ именно, что крестьянки, изъ-за корысти, кидаютъ собственныхъ дѣтей, морятъ ихъ. Пусть-бы для нихъ убыль собственныхъ дѣтей восполнялась пріемышами, но и этого нѣтъ".

Дальнѣйшія пренія въ парижской медицинской академіи, по поводу сообщеній Монд, Бертиллона и другихъ врачей, привели къ разоблаченію еще и иныхъ обстоятельствъ, вліяющихъ на смертность младенцевъ. Такъ, д-ръ Лоаръ указалъ на вредъ, происходящій для новорожденныхъ отъ обязательнаго правила представлять ихъ на третій день послѣ рожденія въ управленія мэровъ и проч. Къ чести французской интеллигенціи слѣдуетъ отнести тотъ фактъ, что къ дальнѣйшему безпристрастному изученію причины поражающей смертности дѣтей не встрѣтилось на пути никакихъ непредвидѣнныхъ тормазовъ, и что оно повело къ одновременному констатированію, если не убыли, то застоя въ приращеніи населенія; равно и въ отношеніи пониженія коэффиціента общей смертности, Франціи пришлось стать ниже Швеціи, а въ отношеніи коэффиціента смертности дѣтей занять мѣсто лишь послѣ Норвегіи, Швеціи, Даніи и Бельгіи; и хотя къ поясненію этого прискорбнаго для Франціи явленія, въ которой и успѣхи науки, цивилизація и положеніе народнаго хозяйства находятся на высокой степени развитія, и указано было на политическія неурядицы въ началѣ пятидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, тѣмъ не менѣе, теряя ежегодно 120 тысячъ гражданъ, до истеченія перваго года жизни, мириться французамъ съ такими выводами статистики было тяжело.

Каждый образованный человѣкъ знакомъ, разумѣется, съ тѣми условіями, вслѣдствіе которыхъ періодъ новорожденнаго младенца принадлежитъ къ самому опасному въ отношеніи сохраненія жизни; извѣстно между прочимъ, что коэффиціентъ смертности въ первые восемь дней жизни новорожденныхъ уступаетъ лишь проценту смертности въ періодѣ старческой дряхлости; въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, въ этихъ встрѣчающихся крайностяхъ, многіе видятъ естественное выраженіе несовершенства человѣческаго рода и непроч-

Digitized by Google

ности человѣческаго существованія. Тѣмъ не менѣе, для нашего вѣка, столь богатаго фактами генія человѣка, гордаго новыми пріобрѣтеніями въ области знанія, промышленности, искусствъ, не безъ основанія, быть можетъ, тщеславящагося своимъ политическимъ и общественнымъ прогрессомъ,—сознаніе, что новорожденный имѣетъ менѣе шансовъ на продленіе своего существованія въ теченіи первой недѣли жизни, чѣмъ 90-лѣтній старецъ, а для просуществованія лишь одного, перваго года—менѣе чѣмъ 80-лѣтній старикъ, не можетъ принадлежать къ сознанію успокоительному и убѣждающему въ дѣйствительномъ прогрессѣ общественнаго строя.

Мы сказали выше, что мысль—созвать гигіеническій конгрессъ въ тотъ всемірный центръ, въ которомъ всѣ европейскіе и не-европейскіе народы спѣшили блеснуть естественными богатствами своихъ странъ, даровитостью, трудолюбіемъ, прилежаніемъ и несомнѣнными, поражающими завоеваніями въ области знанія реальнаго, основаннаго на добытыхъ наукою открытіяхъ, — была счастливою мыслью. Тѣмъ бо́льшимъ диссонансомъ звучали голоса докладчиковъ, напоминавшихъ делегатамъ всѣхъ странъ, собравшимся въ большомъ числѣ на конгрессъ о томъ, что ежели человѣкъ и смертенъ, то онъ несомнѣнно родится для жизни, и что законы естественные, которыми обезпечивается умноженіе рода человѣческаго и его относительное благосостояніе на землѣ, не могутъ подлежать рѣзкимъ исключеніямъ, въ виду того, что во всѣхъ другихъ проявленіяхъ природы мы замѣчаемъ, нерѣдко, изумительную предусмотрительность и цѣлесообразность! Слѣдовательно, ненормальная смертность въ данной странѣ или повышеніе смертности даетъ полное право искать объясненія этого печальнаго явленія въ несовершенствѣ общественныхъ условій жизни и въ погрѣшностяхъ противъ общественной, частной и нравственной гигіены. Въ этомъ убѣждаютъ цифры.

Въ конституціонной Швеціи за время съ 1751 по 1875 г. смертность упала съ 26,6% (pro mille) на 18,3%; слѣдовательно, на каждыя пять лѣтъ приходится пониженіе смертности на 0,33%; во Франціи же въ періодъ времени съ 1870—1875 г. смертность возрасла до 24,4%, между тѣмъ какъ въ періодъ съ 1850—1855 она равнялась 23,8%. Сравнивая этотъ послѣдній періодъ съ періодами времени 1841—1845 и 1860—1865 гг., въ теченіи которыхъ коэффиціентъ смертности равнялся 22,5%—22,2%, нельзя не придти къ заключенію объ увеличившейся смертности въ этой странѣ, хотя она, благодаря своимъ неистощимымъ естественнымъ и народнымъ средствамъ, могла бы занять первенствующее мѣсто въ отношеніи самаго меньшаго коэффиціента смертности; между тѣмъ мы видимъ, что она стоитъ ниже Швеціи. Нельзя при этомъ не упомянуть, говоря о

Digitized by Google

статистикѣ смертности дѣтей, что къ цифрамъ и выводамъ послѣдней слѣдуетъ относиться лишь съ крайнимъ скептицизмомъ, такъ какъ цифры эти не даютъ еще понятія о дѣйствительной смертности ихъ.

Во Франціи внесеніе въ метрическія книги обязательно въ теченіи первыхъ трехъ дней, слѣдовательно, умершіе до истеченія этого срока, вовсе не регистрируются, т.-е. вовсе не попадаютъ въ списки умершихъ; говоря объ этомъ пробѣлѣ, докладчикъ Бертиллонъ указываетъ на Англію, по законамъ которой новорожденныхъ можно не вносить въ метрики до шести недѣль; въ статьѣ, помѣщенной имъ въ Dictionnaire encyclopédique des Sciences médicales—онъ объясняетъ продолжительность этого срока, установленнаго во вредъ правильности выводовъ статистики смертности дѣтей, практичностью англичанъ, избѣгающихъ непроизводительной денежной затраты за внесеніе въ метрики, на случай возможной смерти ребенка, ранѣе шести недѣль. О мертворожденныхъ и дѣйствительно умершихъ до рожденія не упоминается ни во Франціи, ни въ Англіи, т.-е. въ странахъ, въ которыхъ статистика всего болѣе разработана. Такъ, гдѣ дѣло ведется безъ недомолвокъ, статистика смертности приводитъ къ совершенно инымъ выводамъ. Въ Норвегіи, Швеціи и Даніи мертворожденными считаютъ лишь тѣхъ младенцевъ, которые въ дѣйствительности родились съ признаками несомнѣнной смерти, удостовѣренной судебно-медицинской экспертизой. Такъ какъ подобныхъ удостовѣреній, съ цѣлью констатированія факта наступленія смерти до рожденія младенца, не существуетъ нигдѣ, кромѣ скандинавскихъ государствъ, то поэтому и нельзя, не впадая въ погрѣшности, сравнивать между собою коэффиціента смертности новорожденныхъ въ различныхъ странахъ. Даже въ Бельгіи, въ странѣ, серьёзно относящейся къ задачамъ гигіены, подобныхъ удостовѣреній не встрѣчается, а поэтому и выводы ея остаются неточными въ вопросѣ коэффиціента смертности новорожденныхъ, до истеченія первой недѣли жизни. Вотъ какіе выводы мы встрѣчаемъ въ Швеціи. До истеченія перваго мѣсяца на 1000 новорожденныхъ умираетъ 47; на второмъ мѣсяцѣ коэффиціентъ смертности=16,6; въ третьемъ=13,8; въ четвертомъ=11,2; и, наконецъ, въ послѣдующіе мѣсяцы до истеченія перваго года на 1000 новорожденныхъ умираетъ лишь 5,5. Изъ этого проистекаетъ, что уменьшеніе смертности особенно значительно съ наступленіемъ втораго мѣсяца, болѣе значительно даже, нежели при сравненіи перваго мѣсяца съ двѣнадцатымъ.

Сравнивая счисленіе, по недѣлямъ, видно, что въ Швеціи на первой недѣлѣ, изъ 1000 умираетъ 21, т.-е., что самая большая смертность новорожденныхъ приходится именно на эту недѣлю; въ

Digitized by Google

теченіи второй, она значительно уменьшается (11,43% на 1000); на третьей она понижается еще болѣе (9,2%), на четвертой также (5,53%) и т. д., такъ что въ среднемъ выводѣ смертность на второй недѣлѣ уменьшается на половину. Но для правильнаго сужденія о средней продолжительности жизни новорожденныхъ и этихъ данныхъ недостаточно, а потому, благодаря почину д-ра Берга, который за семилѣтній періодъ (съ 1860—1866 г.) дѣлалъ счисленія по днямъ до первой недѣли, и, затѣмъ, по мѣсяцамъ до перваго года, статистика смертности новорожденныхъ обѣщаетъ на будущее время быть болѣе точною и выводы ея менѣе погрѣшительными. Изъ сказаннаго нельзя не придти къ убѣжденію, что въ этомъ отношеніи даже статистика западно-европейскихъ государствъ, кромѣ Скандинавіи, не отличается точностью, и что какія-либо сравненія смертности съ западной Европой и въ Россіи дѣлаются въ высшей степени затруднительными.

Тѣмъ не менѣе, изъ почтеннаго труда профессора Янсона [1]) проистекаетъ, что наше отечество, занимая одно изъ первыхъ мѣстъ по смертности вообще, занимаетъ *безусловно*, также, *первое мѣсто* по смертности дѣтей, и что у насъ на 1000 родившихся живыми умираетъ на первомъ году 260,8, а въ пермской губерніи смертность доходитъ до 438,2%. Такая необыкновенно значительная смертность, къ тому же, при болѣе чѣмъ сомнительномъ собираніи статистическихъ свѣдѣній, знакомомъ у насъ каждому врачу, можетъ быть почти приравнена къ коэффиціенту смертности подкидышей во Франціи, такъ какъ между послѣднею категоріею дѣтей смертность, въ этой странѣ, колеблется между 500—700, и во всякомъ случаѣ не доходитъ до 90%—поразительной смертности, выясненной первымъ съѣздомъ бессарабскихъ врачей. Есть, правда, примѣры еще большей смертности; такъ въ Египтѣ и Сенегалѣ смертность дѣтей среди поселившихся тамъ европейцевъ доходитъ до 900 на 1000 или даже 1000 на 1000!

Всѣ выводы эти, разумѣется, склонны нѣсколько обезцвѣтить пышные дифирамбы, сочиняемые въ честь прогресса нашего вѣка; но что же остается сказать предъ цифрами еще болѣе внушительными, о смертности незаконнорожденныхъ дѣтей? Очевидно, что излишекъ не въ пользу послѣднихъ, въ сравненіи съ законнорожденными, не лежитъ отнюдь въ юридическомъ отличіи ихъ; законы естественные не дѣлаютъ между ними никакого отличія; въ воспитательныхъ домахъ смертность между законными не представляетъ

[1]) Сравнительная статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ, т. I. Спб.

Digitized by Google

особенныхъ уклоненій, въ сравненіи съ смертностью между младенцами на незаконной половинѣ; дѣло иное внѣ воспитательныхъ домовъ. Такъ, во Франціи, на 100 умершихъ законнорожденныхъ приходится отъ 190—200 незаконнорожденныхъ; въ Швеціи и Бельгіи 147, въ Даніи 126, въ в. г. Баденскомъ 120, въ Баваріи 112. Если для незаконнорожденныхъ надбавить еще 50‰, какъ это думаетъ Вертиллонъ, умершихъ въ силу тѣхъ неблагопріятныхъ условій, въ которыхъ, въ большинствѣ случаевъ, пребываютъ незамужнія родильницы, то еще остается 20‰ излишка, и этотъ излишекъ смертности нельзя, по словамъ докладчика, иначе объяснить, какъ насильственнымъ лишеніемъ жизни незаконнорожденныхъ. Между тѣмъ, оффиціальная уголовная статистика Франціи, въ періодъ времени съ 1860—1865 г. свидѣтельствуетъ не объ увеличеніи, но объ уменьшеніи дѣтоубійствъ во Франціи; кажущееся, быть можетъ, уменьшеніе это совпадаетъ, повидимому, вообще съ уменьшеніемъ незаконнаго прироста населенія, въ особенности рѣзко выразившагося въ періодъ времени съ 1860—1875 (съ 76,000—67,105). Слѣдовательно, мы имѣемъ дѣло не съ дѣтоубійствомъ въ смыслѣ судебно-медицинскомъ, но, если такъ можно выразиться, съ культурнымъ уничтоженіемъ дѣтей.

Сказанное можно провѣрить нижеслѣдующими цифрами.

По выводамъ статистики принято, что на 15,02 живыхъ дѣтей рождается одинъ мертвый ребенокъ; во Франціи maximum мертворожденныхъ на 1000 живыхъ законнорожденныхъ едва доходитъ до 42; число же мертворожденныхъ внѣ брака, на то же число, т.-е. на 1000 жив., съ пятидесятыхъ годовъ, постепенно возрастало и дошло, въ періодѣ времени съ 1870—1875 г. до 83,8 на 1000 родившихся живыми; слѣдовательно, для Франціи приходится 20—30 преступленій, не открываемыхъ правосудіемъ, выражающихся, однако, въ общей массѣ незаконнорожденныхъ, ежегоднымъ недочетомъ отъ 1,500—2,000 дѣтей, неизвѣстно по какой причинѣ исчезающихъ съ лица земли! Далѣе, въ теченіи второй недѣли, когда смертность между новорожденными уменьшается на половину, какъ мы это видѣли выше, въ отношеніи незаконнорожденныхъ, напротивъ, смертность значительно увеличивается; въ суммѣ, Франція ежегодно, изъ общей массы незаконнорожденныхъ, доходящей до 70,000, не досчитываетъ: 1) до 2,000 мертворожденныхъ, смерть которыхъ, однако, до рожденія никѣмъ и никѣмъ не подтверждается; 2) до 1,400 умирающихъ при переходѣ во вторую недѣлю; этотъ излишекъ для незаконнорожденныхъ на тысячу, остающихся живыми въ сравненіи съ законнорожденными, относится для городовъ какъ 19,16:45,8—54,5 и для деревень какъ 28,8: 65,2—70,15; приводя эти цифры и

Digitized by Google

говоря объ этомъ физіологическомъ парадоксѣ съ сожалѣніемъ, Бертиллонъ высказываетъ убѣжденіе, что излишекъ смертности для этихъ несчастныхъ дѣтей связанъ съ гнуснымъ преступленіемъ—*оставленіемъ новорожденныхъ безъ пищи*, которые, питаясь, такъ сказать, въ теченіи первыхъ семи дней жизни собственнымъ своимъ тѣломъ, погибаютъ въ началѣ второй недѣли; и въ 3) до 205 официально признанныхъ лишеніемъ насильственно жизни. Итого 3,100 преждевременно и насильственно прекращенныхъ существованій ежегодно изъ числа 70,000 незаконнорожденныхъ, которымъ и въ дальнѣйшемъ періодѣ ихъ существованія представляется мало шансовъ къ сохраненію жизни.

Что же касается maximum'a и minimum'a смертности въ теченіи перваго года жизни для подкидышей, то до 1789 г. обыкновенный коэффиціентъ смертности=90% (т.-е. 900 изъ 1000); въ 1860 г. для департаментовъ Сены и Лоары онъ доходилъ до 874 на 100, и до послѣднихъ дней смертность между ними колеблется между 500—700 на ту же 1,000 родившихся.

Ежели къ этому присовокупить, что послѣднія цифры относятся къ младенцамъ уже бывшимъ у груди, то сколько же погибаетъ изъ числа тѣхъ, которымъ этого блага не выпадало на долю?

При такой несоразмѣрной смертности приростъ населенія дѣлается сомнительнымъ, а съ уменьшеніемъ народонаселенія благосостояніе падаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и гаснутъ жизненныя силы народа.

II.

„Смертность болѣе 17 человѣкъ на 1,000, говоритъ д-ръ Фарръ, есть такой коэффиціентъ, который не зависитъ отъ природы человѣка и долженъ быть приписанъ причинамъ случайнымъ, противъ которыхъ можно бороться, и которыя могутъ быть побѣждены только средствами правильной гигіены". Сравнивая смертность въ различныхъ государствахъ по послѣднимъ статистическимъ даннымъ, мы видимъ, что этого идеала достигла лишь Шотландія, въ которой смертность сельскаго населенія, по даннымъ за 10 лѣтъ до 1875 г., составляетъ только 16,9% pro mille, что Данія и Швеція, въ которыхъ умираютъ 18 и 19 изъ 1,000, занимаютъ уже второе мѣсто. Россія между всѣми европейскими государствами, включая сюда даже Испанію и Румынію, имѣетъ наивысшій коэффиціентъ смертности, что совершенно объясняется тѣмъ пренебреженіемъ, въ какомъ у насъ находится народная гигіена. Нашъ средній коэффиціентъ смертности=37,3%, и на 1,000 родившихся живыми—умираетъ на первомъ году

Digitized by Google

260,8 дѣтей. Между тѣмъ, наше отечество обладаетъ неисчерпаемыми естественными источниками богатства, и послѣ освобожденія крестьянъ и введенія земскаго управленія, кто могъ бы усумниться въ предстоящемъ быстромъ возвышеніи значенія гигіены въ жизни народной?

Двадцать лѣтъ тому назадъ, въ началѣ нашего медицинскаго поприща, и почти наканунѣ великаго историческаго событія—освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, въ трудѣ, напечатанномъ въ „Московской Медицинской Газетѣ“ и озаглавленномъ: „Гигіеническая сторона крестьянскаго вопроса“ [1]), разематривая условія жизни нашего сельскаго населенія, къ которому въ то время, будучи сельскимъ врачомъ въ одной изъ центральныхъ губерній Россіи, мы стояли близко, мы, между прочимъ, выразили мысль, что радикальнаго излеченія нашего народа отъ традиціонныхъ погрѣшностей противъ гигіены слѣдуетъ ждать лишь отъ измѣненія условій его быта и отъ образованія; что принудительныя мѣры абсурдны, и что безъ образованія, безъ школъ, трудно предположить, чтобы разумныя гигіеническія правила въ общественной и частной жизни могли бы быть вызваны сознательною потребностью самого народа и примѣнены вообще къ быту его, тѣмъ болѣе домашнему.

Опытъ прожитыхъ, съ того времени, двухъ десятковъ лѣтъ, къ сожалѣнію, оправдалъ это предположеніе.

Съ другой стороны, ухудшеніе экономическихъ условій быта народа непосредственно вліяя на бѣдность массъ, увеличивая нищету, увеличиваетъ невѣжество, а вмѣстѣ съ тѣмъ и повышаетъ коэффиціентъ смертности. Въ вятской губерніи земство ежегодно израсходуетъ на медицинскую часть 300,000 руб., между тѣмъ съ 1858—1874 г. приростъ населенія въ губерніи уменьшился 1,15 проц.; за этотъ же промежутокъ времени, недоимки въ губерніи возросли, а количество собираемаго ежегодно хлѣба послѣдовательно уменьшилось.

Кто не знаетъ, какъ часто у людей бываютъ обязанности, заставляющія замолкнуть требованія со стороны ихъ здоровья, и какъ часто предъ требованіями послѣдняго глохнутъ врожденныя имъ лучшія нравственныя стороны. Явленіе это всѣмъ вообще понятно и общепзвѣстно. Несмотря на то, третій докладчикъ по вопросу о гигіенѣ новорожденныхъ, д-ръ Мармолевъ задаетъ себѣ самому, въ докладѣ своемъ, нижеслѣдующій вопросъ: какъ объяснить извращеніе природы женщины, рѣшающейся бросить, иногда и посягнуть на жизнь своего ребенка, въ то время, какъ животныя, и даже самки

[1]) №№ 41, 42, 43 и 44. 1858 г.

Digitized by Google

неразвитыя, прилагаютъ всѣ свои силы, всѣ наличныя инстинктивныя способности, чтобы защитить своихъ дѣтенышей отъ угрожающей имъ не рѣдко опасности, и доходящія въ этомъ инстинктѣ до самоотверженія, носящаго почти печать высокаго сознанія долга?— и тутъ же поясняетъ, что это извращеніе встрѣчается исключительно лишь у людей, потому что животнымъ не знакомы ощущенія стыда, горя и безысходнаго отчаянія.

Такое разрѣшеніе вопроса не-ново, оно столь же поверхностно, что, говоря, словами другого француза, беллетриста Эм. Зола, — что свѣтской и богатой женщинѣ материнство является лишь предлогомъ для щегольства роскошью...

Если почтенный докладчикъ говоритъ о стыдѣ и отчаяніи, овладѣвающими незамужнею, неопытною, первородящею матерью въ критическій моментъ рожденія ею, послѣ тщательнаго скрыванія беременности незаконнаго ребенка, то онъ, стоя на судебно-медицинской почвѣ, можетъ лишь объяснить тѣ 265 дѣтоубійствъ, которыя ежегодно записываются въ анналы французской уголовной статистики; не вѣдь остаются еще 1,400, слишкомъ, незаконнорожденныхъ дѣтей, умирающихъ, вопреки общему закону смертности новорожденныхъ, въ теченіи второй недѣли у такихъ матерей, которыя не скрываютъ ни предъ кѣмъ ни своей беременности, ни родовъ и для которымъ аффекты стыда и отчаянія гораздо менѣе имѣютъ значенія, нежели голодъ, заставляющій ихъ вполнѣ сознательно бросить дѣтей своихъ на произволъ судьбы. Это не дѣтоубійство, это не тотъ особенный видъ преступленія, въ защиту котораго раздался впервые голосъ такого генія и знатока сердца человѣческаго, каковымъ былъ поэтъ Шиллеръ.

Почти всѣ акушеры согласны съ тѣмъ, что новорожденные, въ теченіи первыхъ 24 часовъ, не имѣютъ слишкомъ большей потребности въ пищѣ; слѣдовательно, смерть отъ голоданія не можетъ наступить въ томъ періодѣ, когда мать находится еще въ состояніи невмѣняемости, вслѣдствіе возбужденія, страха или другихъ аффектовъ. Во Франціи, гдѣ существуетъ и понынѣ драконовскій законъ, гласящій:

Art. 300. „Est qualifié infanticide le meurtre d'un nouveau né"—и

Art. 302. „Tout coupable d'infanticide sera puni de mort",— дѣтоубійство, — нынѣ таковое, въ спеціальномъ смыслѣ и во всей остальной западной Европѣ, потеряло характеръ судебно-психіатрическій. Эстерленъ приводитъ доказательства, что въ Европѣ изъ всего числа рождающихся $^1/_{10}$ часть составляютъ незаконнорожденные; беременность внѣ супружества ни кѣмъ болѣе, за рѣдкими исключеніями развѣ, не скрывается, и въ нашъ просвѣщенный вѣкъ

Digitized by Google

—въ вѣкъ фиктивныхъ браковъ, нѣтъ мѣста болѣе глубоко потрясающимъ душу женщины аффектамъ. Все сводится болѣе на общественно-экономическую почву, и даже въ Германіи „производительницы ангеловъ", какъ мѣтко охарактеризовали штетинцы женщинъ, принимающихъ дѣтей для вскармливанія, получили чуть не право гражданства. На международномъ конгрессѣ, бывшемъ въ 1874 г. въ Глазговѣ, и, вслѣдъ за тѣмъ, на гигіеническомъ конгрессѣ въ 1876 г. въ Брюсселѣ, были сообщены факты; подтверждающіе это мнѣніе и въ отношеніи Англіи и Голландіи.

Въ Англіи существуютъ многочисленныя общества погребенія умершихъ, или погребальныя кассы, изъ которыхъ выдаютъ не только пособія на погребенія, но и денежныя преміи изъ излишка доходовъ членамъ этихъ обществъ, теряющихъ кого-либо изъ ихъ семействъ.

Когда однако означенныя преміи стали требоваться, прогрессивно увеличиваясь, прибѣгнули къ статистикѣ, которая не замедлила выяснить до очевидности, что смертность дѣтей въ семьяхъ участниковъ кассъ стала значительно превышать коэффиціентъ смертности дѣтей жителей тѣхъ же мѣстностей, не считавшихся членами похоронныхъ обществъ. Фактъ этотъ подтвердилъ и голландецъ д-ръ Ванъ-Каппеле и въ отношеніи Голландіи.

Слѣдуетъ ли и справедливо ли было бы, послѣ того, взваливать всю тяжесть преступленія по вопросу истребленія дѣтей на однихъ лишь женщинъ, которымъ навязываютъ задачи не по силамъ, обязывая ихъ, въ то же время, къ добродѣтели, на которую указывать съ убѣжденіемъ врядъ ли можетъ пресловутая культура нашего XIX вѣка? Не лучше ли обратиться къ исторіи, къ этому единственному источнику истины, всѣми признаваемой потому, вѣроятно, что, имѣя лишь косвенное отношеніе къ эпохѣ настоящей, преданія ея теряются въ давно прошедшемъ времени... Исторія насъ именно учитъ, что экономическій принципъ, въ силу котораго прибѣгали не только къ единичному, но къ истребленію въ массѣ новорожденныхъ, въ силу нужды и недостатка средствъ въ пропитанію, практиковался прежде у народовъ, стоявшихъ на высокой степени образованія и практикуется нынѣ у тѣхъ, которые еще пребываютъ въ первобытномъ состояніи. Въ Сѣверной Америкѣ, у кинстеносовъ, въ Южной Америкѣ у гуаносовъ, по свидѣтельству Мекензи, въ Африкѣ, въ Дагомеѣ и Нгуру, въ Азіи среди индійскихъ туземцевъ, въ Китаѣ, въ Японіи, у чукчей и камчадаловъ, — дѣти или убиваются непосредственно послѣ рожденія, или бросаются на произволъ, при затрудненіи пропитывать ихъ. Кромѣ того, убійство дѣтей-уродовъ было узаконено въ древней Греціи и Римѣ; изъ данныхъ, собранныхъ

Digitized by Google

Гриммомъ, обычай этотъ былъ не чуждъ племенамъ германскимъ, скандинавскимъ, а также и славянскимъ.

Изъ интереснаго очерка исторіи обращенія съ дѣтьми Кулишера [1]) мы убѣждаемся, что заботы и издержки на воспитаніе производились по воззрѣніямъ первобытныхъ людей съ разсчетомъ; издержки, требуемыя вскормленіемъ и воспитаніемъ, числятся на воспитываемомъ субъектѣ, какъ долгъ, и такой кредитъ не оказывается первобытными людьми тому, кто, предположительно, оказывается несостоятельнымъ; во-вторыхъ, истребленіемъ вновь являющихся членовъ, удерживается равновѣсіе между числомъ членовъ данной общественной группы и тѣми средствами пропитанія, которыя, въ извѣстное время, находятся въ ея распоряженіи. Въ силу этого экономическаго принципа, по свидѣтельству Вайтцъ-Герланда, убиваются на островѣ Таити и нынѣ до $^2/_3$ изъ числа рождающихся дѣтей, въ особенности дѣвочекъ, и жители его не только не стыдятся подобнаго образа дѣйствія, но даже удивлялись европейцамъ, порицавшимъ этотъ варварскій обычай. Кому неизвѣстно, что римская республика широко примѣняла аристотелевскій принципъ, состоявшій въ томъ, чтобы число нарождающагося поколѣнія было приведено въ соотвѣтствіе съ наличными средствами пропитанія,—и Сенека, говоря о цѣлесообразности убіенія уродливыхъ и рождающихся хилыми дѣтей, присовокупляетъ, что они, римляне, поступаютъ такъ не изъ гнѣва и досады, а руководствуясь правилами разума:—„Non ira, sed ratio est, a sanis inutilia secernere“...

Не подлежитъ сомнѣнію, что каннибализмъ народовъ, стоящихъ на такой низкой степени нравственнаго развитія и знаменитый политико-экономическій принципъ Аристотеля, въ состояніи вселить ужасъ и отвращеніе въ средѣ гуманнаго и цивилизованнаго современнаго общества; но, если картины мрачнаго историческаго былого вселяютъ эти чувства, то выводы современной намъ статистики, по вопросу насъ занимающему,—тоже не отличаются ничѣмъ отраднымъ... Вѣдь факты, обнаруженные на двухъ нами вышеприведенныхъ международныхъ конгрессахъ, гораздо безнравственнѣе, нежели обычаи, нескрываемые, таитянъ; законныя заботы о пропитаніи лишь, будь онѣ даже и предосудительны, не могутъ же быть поставлены въ параллель личной корысти!

Legoyt [2]) и Давидъ Джонстонъ [3]) доказываютъ съ цифрами въ ру-

[1]) „Слово“, 1878 г., ноябрь.

[2]) Des chertés en France et de leur influence sur le mouvement de la population.

[3]) Johnston D. A general medical and statistical hystory of the present condition of public charity in France. 1829.

Digitized by Google

кахъ—первый, что вздорожаніе всѣхъ жизненныхъ потребностей непосредственно вліяетъ на уменьшеніе числа браковъ и увеличеніе, слѣдовательно, числа незаконнорожденныхъ дѣтей,—и второй подтверждаетъ этотъ фактъ не только для Парижа, но и для Стокгольма, Страсбурга, Марселя, Дрездена, Штутгарта, Берлина, Гамбурга, Палермо и даже для нашей Финляндіи.

Изъ сопоставленія числовыхъ данныхъ, приведенныхъ этими авторами для различныхъ европейскихъ столицъ и большихъ городовъ, приходится убѣждаться, что тамъ, гдѣ всего болѣе господствуютъ наружный блескъ и изысканная утонченность нравовъ,—тамъ всего чаще даетъ себя знать крайняя бѣдность со всѣми ея прискорбными послѣдствіями, не исключая и истребленія дѣтей, разумѣется, не явнымъ, но, что́ гораздо хуже, скрытнымъ, ускользающимъ отъ правосудія, образомъ.

По странному стеченію обстоятельствъ, или, можетъ быть, въ силу исторической логики фактовъ, конгрессу въ Парижѣ приходилось дебатировать объ этихъ непригляднихъ общественныхъ явленіяхъ то среди чудесъ всемірной выставки, въ Трокадеро, то въ уцѣлѣвшемъ отъ пожара тюльерійскомъ зданіи, подъ пепелищемъ котораго погребены большая часть изъ тѣхъ заблужденій французскаго народа, которыя получили выраженіе въ седанскомъ погромѣ.

Вмѣсто того, чтобъ признать полноправность женщинъ, открыть имъ путь для общественнаго труда, освободить ихъ отъ оковъ узкихъ воззрѣній на ихъ человѣческія и гражданскія права, усилить средства ихъ образованія и установить законную отвѣтственность отцовъ, оставляющихъ незамужнихъ матерей и прижитыхъ ими съ послѣдними дѣтей на произволъ судьбы, не подводя незаконное, гражданское, сожительство подъ статьи уголовнаго кодекса, остающіяся лишь угрозою, и то для женщинъ,—въ недавнее еще очень время нѣкоторые моралисты старались доказывать, что увеличеніе числа незаконнорожденныхъ находится, будто бы, въ связи съ увеличеніемъ числа воспитательныхъ домовъ.

Воспитательные дома, по мнѣнію ихъ, снимая заботу попеченія съ родителей незаконныхъ дѣтей, какъ-бы потворствуютъ и поощряютъ незаконныя отношенія между мужчинами и женщинами. Противъ этихъ воззрѣній возсталъ, въ первой четверти этого столѣтія во Франціи, Маркъ [1]), а въ началѣ шестидесятыхъ годовъ писалъ противъ того же Моро-Кристофъ [2]); первый указалъ, что не безправ-

[1]) Dictionnaire de sciences médicales, Paris, 1812—1822.

[2]) Du problème de la misère et de la solution chez les peuples anciens et modernes. Paris, 1851.

Digitized by Google

ственныя женщины увеличиваютъ контингентъ незаконнорожденныхъ, а лишь *бѣдныя*, и что крайнія матеріальныя лишенія заставляютъ даже и законныхъ родителей подавлять естественное чувство любви къ дѣтямъ и принуждаютъ оставлять послѣднихъ на произволъ, или помѣщать въ воспитательные дома, что̀ почти одно и то же. На эту же точку зрѣнія ставитъ вопросъ и Мòро. По его словамъ, въ госпиталь парижскаго воспитательнаго дома доставляется, ежегодно, свыше 4000 подкидышей, изъ числа которыхъ 400 законнорожденныхъ; лишь нужда и бѣдность бросаетъ дѣтей въ негостепріимныя стѣны пріютовъ; на 30,000 новорожденныхъ онъ считаетъ 10,000 незаконныхъ дѣтей, и изъ числа послѣднихъ 7000 родятся въ госпиталяхъ Парижа.

Предъ тѣмъ, чтобы бросить камень въ мать, или даже въ отца, —говоритъ почтенный Мóро, пусть устранятъ пролетаріатъ, освободятъ женщину отъ непосильной работы, уничтожатъ законы, затрудняющія супружество, ограничатъ роскошь, высокомѣріе богатыхъ и знатныхъ и общественную безнравственность...

Къ сожалѣнію, наука и тѣ непреложныя истины, которыя отъ нея одной исходятъ для блага человѣчества, прививаются туго людямъ и медленно лишь входятъ въ общественное сознаніе; исторія воспитательныхъ домовъ, какъ и исторія многихъ другихъ учебныхъ и учебно-воспитательныхъ учрежденій, полны фактами, краснорѣчиво свидѣтельствующими о воззрѣніяхъ и теоріяхъ, ничего съ наукой общаго не имѣющихъ, а посему, и грѣшившихъ, наперекоръ логикѣ, предъ основною цѣлью, ради которой учрежденія эти, съ затратою нерѣдко огромныхъ средствъ, возникали.

Чтобы уменьшить число подкидышей, вздумали сперва во Франціи уничтожить тайну при пріемѣ дѣтей въ воспитательные дома; мѣра эта увеличила дѣтоубійство; перемѣщеніемъ, во-вторыхъ, дѣтей, отдаваемыхъ на прокормленіе деревенскимъ кормилицамъ, въ другіе департаменты, т.-е. удаленіемъ ихъ отъ мѣста родины, что̀ не замедлило отразиться на коэффиціентѣ смертности младенцевъ, и, наконецъ, послѣдовательнымъ закрытіемъ секретныхъ родильныхъ домовъ, начавшимся съ 1833 г., уже не столько въ видахъ общественной нравственности, сколько экономіи ради,—Франція дошла въ вопросѣ гигіены новорожденныхъ до состоянія, съ которымъ читатель могъ ознакомиться изъ этого очерка. Викторъ Лефранкъ, предсѣдательствовавшій въ правительственной коммиссіи, назначенной для закрытія секретныхъ домовъ, основывалъ защиту этой ни теоріею, ни практикою не оправдываемой мѣры нижеслѣдующею аргументаціею:

„Единственною побудительною причиною, существеннымъ оправданіемъ“,—говоритъ онъ въ докладѣ, представленномъ имъ правитель-

Digitized by Google

ству—„существованія секретныхъ домовъ—это сохраненіе жизни ребенка; цѣль эта, однако, далеко не достигается. Секретный пріемъ дѣтей дѣйствительно подаетъ надежду на полное сохраненіе тайны, но для достиженія этой цѣли требуется тайна при рожденіи, беременности и даже при выборѣ повѣренныхъ лицъ; во время родовъ всѣ эти предосторожности гибельно вліяютъ на дѣтей, а затѣмъ, пережившіе эти предосторожности, отдаются въ воспитательные дома, —не менѣе гибельныя учрежденія". Вопросъ о выгодахъ и невыгодахъ существованія секретныхъ домовъ разсматривался въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, безъ участія, разумѣется, врачей, въ 1849, 1850, 1853 и 1856 годахъ, но безъ всякаго успѣха для дѣла. Очень характерны слова знаменитаго Тьера, сказанныя имъ въ законодательномъ собраніи въ 1856 г. по поводу рѣшенія закрыть секретные дома.

„Благодаря добрымъ намѣреніямъ",—говорилъ онъ, — „желаютъ уничтожить секретные дѣтскіе пріюты, стало быть ихъ нужно снова возстановить". Благодаря продажности администраціи, алчности и скаредности представителей послѣдняго наполеоновскаго режима, правительство Наполеона III не только не удовольствовалось закрытіемъ секретныхъ дѣтскихъ пріютовъ въ 32 департаментахъ, но даже отняло и тѣ ничтожныя субсидіи, которыя до того выдавались незамужнимъ матерямъ изъ суммъ государства. Даже и благотворительнымъ частнымъ учрежденіямъ, въ принципахъ общественной нравственности, было это воспрещено....

А между тѣмъ въ той же Франціи постановленіемъ 28-го іюня 1793 года подкидыши были признаны *дѣтьми отечества* и, вмѣстѣ съ тѣмъ, матерямъ предлагалась денежная помощь, если только онѣ, не будучи замужемъ, заявляли о своей беременности.

Цѣль возбужденнаго на гигіеническомъ конгрессѣ въ Парижѣ вопроса о гигіенѣ новорожденныхъ, резюмируя данныя трехъ докладовъ, представленныхъ его обсужденію, клонилась, повидимому, къ возстановленію секретныхъ домовъ, хотя это мнѣніе не всѣ члены коммиссіи раздѣляли. Маржоленъ доказываетъ, что съ уничтоженіемъ послѣднихъ отнята возможность у молодыхъ женщинъ скрывать проступки молодости; что въ 1873 году въ парижскихъ тюрьмахъ содержались въ одиночномъ заключеніи 3,400 женщинъ: изъ нихъ, 663 осужденныхъ на заключеніе за дѣтоубійство, 50 — за уничтоженіе плода и 28—за сообщничество въ послѣднемъ преступленіи; что въ послѣднія 15 лѣтъ въ 487 уголовныхъ дѣлахъ, возникшихъ по обвиненію въ преднамѣренномъ уничтоженіи плода, привлечено было къ отвѣтственности 1,143 лица разнаго сословія, — но что всѣ эти цифры далеко не знакомятъ со всѣми совершающимися преступле-

Digitized by Google

ніями этого рода, такъ какъ до судебнаго преслѣдованія дѣло доходитъ въ относительно весьма рѣдкихъ случаяхъ; изгнаніе плода есть своего рода спеціальность, считающая не мало своихъ адептовъ—въ Парижѣ—въ числѣ которыхъ, кромѣ повивальныхъ бабокъ, встрѣчаются, къ сожалѣнію, и врачи, если не непосредственно, то косвенно принимающіе участіе въ этомъ гнусномъ преступленіи.

Несмотря, однако, на благую цѣль, имѣвшуюся въ виду, докладчики далеко не исчерпали вопроса—и, по нашему мнѣнію, ратуя за возстановленіе секретныхъ пріютовъ для дѣтей (*тура*), впали — по крайней мѣрѣ, что̀ касается Маржолена—въ односторонность, тѣмъ болѣе бросавшуюся въ глаза, что о декретѣ 1811 года, изданнаго Наполеономъ I, не упомянуто ни однимъ словомъ, и что, говоря о секретныхъ пріютахъ, нынѣ вновь желанныхъ, послѣдніе не могли быть предметомъ доклада безъ упоминанія вообще о всѣхъ трехъ видахъ воспитательныхъ домовъ, подробно исчисленныхъ въ этомъ весьма замѣчательномъ декретѣ.

На основаніи этого декрета, всѣ дѣти, принятыя въ воспитательные дома, раздѣлялись на три класса: на дѣтей подкидышей, на дѣтей брошенныхъ и бѣдныхъ сиротъ. Всѣ три класса дѣтей должны были приниматься въ пріюты на счетъ благотворительныхъ заведеній и на счетъ общинъ или департаментовъ. Какъ подкидыши, такъ и брошенныя дѣти, до освобожденія ихъ изъ попечительства, находились подъ опекою административныхъ коммиссій, которыя, по гражданскому кодексу, пользовались правами отцовъ и матерей или опекуновъ.

Несмотря на эти достойныя всякаго уваженія постановленія и на то, что суммы на содержаніе питомцевъ назначались главнымъ общиннымъ совѣтомъ, вслѣдствіе предложенія префекта, въ сороковыхъ годахъ больше половины мѣстныхъ администрацій не давали никакой одежды питомцамъ, даже на бѣлье для новорожденныхъ. Въ особенности не посчастливилось турамъ; постепенное увеличеніе числа питомцевъ повлекло, какъ слѣдовало этого и ожидать, за собою увеличеніе издержекъ на ихъ содержаніе.

Правительство Луи-Филиппа пришло въ ужасъ отъ огромныхъ расходовъ, и тогда же предписано было префектамъ и генеральнымъ совѣтамъ не послѣдовать злоупотребленія, но принять необходимыя мѣры для уменьшенія наплыва питомцевъ. Уничтоженіе туровъ и перемѣщеніе дѣтей, о которомъ мы упоминали выше, не составляли еще административныхъ мѣръ для уменьшенія приноса дѣтей,—предприняты были и другія не менѣе стѣснительныя; а именно: дозволено было принимать дѣтей не иначе, какъ по протоколу полицейскаго комиссара; выдача пособія обставлена была тою же полицей-

Digitized by Google

скою процедурою; акушеркамъ воспрещено было класть дѣтей въ туры. Когда вслѣдъ за этими ограниченіями открылся свободный входъ беременнымъ женщинамъ въ родильный домъ Парижа, безъ удостовѣренія ихъ личности, и рожденныя ими дѣти могли оставаться въ воспитательномъ домѣ, то потребовалось ограниченіе и относительно послѣднихъ, и это выразилось постановленіемъ, въ 1845 г., главнаго совѣта домовъ призрѣнія, въ силу котораго отъ поступавшихъ беременныхъ требовались свидѣтельства, удостовѣрявшія въ томъ, что онѣ жили въ Парижѣ не менѣе года, и что не имѣютъ средствъ родить на квартирахъ. Между тѣмъ, въ пятидесятыхъ годахъ смертность въ парижскомъ воспитательномъ домѣ, доходившая между новорожденными до 18 на 100, дискредитировала въ глазахъ правительства и это учрежденіе, и вышеупомянутыя стѣснительныя мѣры оказались недостаточными. Въ 1853 г. правительство Наполеона III, въ лицѣ сенскаго префекта Пьетри, запретило полицейскимъ коммиссарамъ снабжать свидѣтельствами беременныхъ не иначе, какъ по предварительному истребованію отъ нихъ различныхъ документовъ, которыхъ онѣ, разумѣется, имѣть не могли и въ особенности представить подобные документы въ отношеніи рожденныхъ ими дѣтей, которыхъ онѣ намѣревались помѣстить въ воспитательный домъ...

Но въ то время, когда правительство и словомъ, и дѣломъ старалось уменьшить издержки на содержаніе найденышей и ограничивало всѣми возможными мѣрами свободный и безпрепятственный пріемъ приносимыхъ дѣтей, оно, въ то же время, обращалось въ парижскую медицинскую академію съ вопросами о причинахъ смертности дѣтей вообще, и о мѣрахъ къ предотвращенію ея. На основаніи этихъ вопросовъ въ 1866—67 гг. въ академію были внесены различные проекты. Академики находили, между прочимъ, необходимымъ: подчинить кормилицъ надзору врачей; совѣтовали выдавать денежное вспомоществованіе бѣднымъ матерямъ вообще, не дѣлая различія между замужними и незамужними, предлагали составить коммиссію для изслѣдованія причинъ смертности дѣтей, а равно и указывали на важность распространенія обществъ для покровительства дѣтямъ (Société protectrice de l'enfance).

Затѣмъ, предлагали инструкціи, которыя заключали бы въ себѣ правила для ухода за грудными младенцами и проч.

Но всѣ эти благіе совѣты, разумѣется, остались безъ послѣдствій, и въ докладѣ о нихъ ничего не упоминается. Но что всего страннѣе, въ самой коммиссіи, участвовавшей въ составленіи этого доклада, представленнаго конгрессу, произошли разногласія: такъ Ланью высказывается противъ возстановленія туровъ, предполагая,

Digitized by Google

что вспомоществованіе матерямъ было бы лучшею гарантіею къ уменьшенію дѣтоубійствъ, и Вашеръ, становясь на сторону перваго, старается доказать, что въ то время, когда смертность въ пріютахъ достигаетъ между дѣтьми до 50% — она съ 1860 г. понизилась до 20% въ тѣхъ департаментахъ, въ которыхъ выдаютъ вспомоществованія матерямъ. Такимъ образомъ, мнѣніе о возстановленіи туровъ не было принято коммиссіею, и отвѣтственность за это предложеніе оставлена всецѣло на докладчикѣ Маржоленѣ.

Дальнѣйшія пренія, происходившія на конгрессѣ, не привели также ни къ какому положительному выводу. Противниками возстановленія секретныхъ родильныхъ домовъ явились Ланью, Делоннэ, Бодаръ, Пасси, Лапланшъ и др.; сторонниковъ было также немного, и такъ какъ конгрессъ не имѣлъ права постановлять рѣшенія, то приходилось выслушивать множество сообщеній, интересныхъ, быть можетъ, въ гигіеническомъ отношеніи, но не касавшихся вопроса по существу. Множество призванныхъ и непризванныхъ ораторовъ говорили, напр., о вредѣ, проистекающемъ для дѣтей отъ слишкомъ ранняго выполненія надъ ними обряда крещенія, о вредѣ отъ прибавленія къ молоку дву-углекислой соды; говорилось о непосильной работѣ беременныхъ женщинъ на заводахъ и фабрикахъ, о злоупотребленіяхъ рожками, совершаемыхъ бабками; нападали на нецѣлесообразность съ задачами питанія различныхъ суррогатовъ молока; предлагались наставленія матерямъ и проч.

Болѣе близкое отношеніе къ вопросу бо́льшаго ознакомленія съ причинами смертности дѣтей, имѣли пренія о пробѣлахъ въ собираніи статистическихъ свѣдѣній.

Брошаръ указалъ на необходимость болѣе точнаго собиранія статистическихъ свѣдѣній о дѣтяхъ, отдаваемыхъ на прокормленіе; Іонсенъ и Кудеро́ представили таблицы для регистраціи смертности новорожденныхъ; Матэй высказалъ желаніе, чтобы мертворожденные не включались въ одну графу съ умершими послѣ родовъ. Предложеніе это поддерживали Бертиллонъ и Луніе, и предсѣдатель секціи, Руссель, предложилъ занести это заявленіе въ протоколъ засѣданія.

Этимъ и ограничились пренія по вопросу о гигіенѣ новорожденныхъ, представляющему такой глубокій общественный интересъ.

Едва ли нужно было бы присовокупить, что средства, предложенныя на послѣднемъ парижскомъ конгрессѣ, какъ и все то, что говорилось и прежде о мѣрахъ къ предупрежденію смертности между новорожденными, какъ односторонніе и преслѣдующіе лишь явленія, но не корень зла, ничего въ будущемъ обѣщать не могутъ. Громкія фразы объ извращеніи природы женщинъ, объ упадкѣ нравственности—останутся не болѣе какъ фразами; уменьшатъ ли или увеличатъ число дѣтскихъ пріютовъ и воспитательныхъ домовъ—мѣра эта

Digitized by Google

немного наклонить вѣсы на сторону справедливости и долга, лежащаго не на однихъ лишь женщинахъ, а на цѣломъ обществѣ. Эмиль Золя [1]) вѣрно рисуетъ положеніе простой, деревенской женщины: „если не всѣ деревенскія женщины,—говоритъ онъ,—рожаютъ на вольномъ воздухѣ, у изгороди или у стога сѣна, то бо́льшая часть ихъ не пользуется достаточнымъ уходомъ; ребенокъ для родителей бремя... подростя онъ посылается въ школу для того, чтобы избавиться отъ него въ теченіи дня; но лишь минетъ ему 10 — 12 лѣтъ, родители берутъ его уже оттуда, чтобы извлекать пользу отъ этихъ слабыхъ рукъ... Единственный интересъ работника — это дневной заработокъ; женщина—это рабочій волъ; мужъ глава всему—и смерть къ такой женщинѣ приходитъ какъ избавленіе. И деревенская, и городская работница одинаковы, въ 15 лѣтъ уже созрѣваютъ для порока въ мастерскихъ и артеляхъ, въ силу тѣхъ тяжелыхъ житейскихъ условій, которыя тяготятъ надъ нею почти со дня рожденія".

Изъ этихъ словъ видно, что во Франціи, въ особенности на сѣверѣ, быть поселяниномъ немногимъ отличается отъ условій быта нашихъ крестьянокъ, которыхъ мы коснулись выше, говоря о гигіенической сторонѣ крестьянскаго вопроса.

Тѣмъ не менѣе есть много высокихъ примѣровъ самоотверженія женщинъ, даже при самыхъ злосчастныхъ условіяхъ ихъ жизни; неравенство же правъ предъ закономъ, совершенная беззащитность въ тѣхъ правовыхъ отношеніяхъ, въ которыхъ замѣшаны нравственные мотивы, заставляющіе скрывать ошибки молодости, тяжелыя условія брака, полная зависимость отъ семьи, при невозможности добывать самостоятельно средства къ жизни, тяжелый гнетъ общественнаго мнѣнія, тяготѣющій надъ женщиной при стремленіи ея къ индувидуальной свободѣ, и въ то же время индифферентизмъ къ судьбѣ ея, оставленіе ея и ея ребенка на произволъ въ самую критическую минуту жизни,—не убѣждаетъ ли это каждаго мыслящаго и безпристрастнаго человѣка, что отвѣтственность за дѣтоубійство, за оставленіе дѣтей безъ призрѣнія ихъ матерями, за голоданіе дѣтей, за насильственное изгнаніе плода,—должно брать на себя всецѣло само общество и государство, а не бѣдная, придавленная горемъ, стыдомъ, а всего чаще голодомъ, незамужняя мать!

Гигіена новорожденныхъ, по нашему мнѣнію, составляетъ, поэтому, вопросъ общественной гигіены въ самомъ широкомъ значеніи ея, далеко не исчерпанный на парижскомъ гигіеническомъ конгрессѣ.

Д-ръ мед. І. В. Бертенсонъ.

[1]) «Вѣстн. Евр.», ноябрь, 1878 г.

Digitized by Google

ЗАМѢТКА.

Всеобщая и русская почтовая статистика за 1877 г.

Въ первые мѣсяцы нынѣшняго года вышло знакомое уже нашимъ читателямъ изданіе почтоваго вѣдомства: „Почтовая Статистика“ за 1877 годъ, и изданіе Международнаго почтоваго бюро: „Statistique générale du service postal dans les pays de l'union générale des postes“ — за тотъ же 1877 годъ. Первое изданіе даетъ намъ возможность заключить, путемъ сравненія отчетнаго года съ предыдущими, о ходѣ почтоваго дѣла въ Россіи и о его современномъ положеніи; международное изданіе указываетъ, какое мѣсто занимаетъ Россія, среди всѣхъ прочихъ государствъ, по степени развитія почтоваго дѣла, т.-е. сношенія людей между собою,— одного изъ важнѣйшихъ признаковъ, свидѣтельствующаго о бо́льшей или меньшей степени напряженности культуры. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, можно сказать, что почтовая статистика сдѣлается со временемъ однимъ изъ важныхъ документовъ, и историкъ отведетъ ей не послѣднее мѣсто въ числѣ своихъ источниковъ, тѣмъ болѣе, что она говоритъ безпристрастно и безаппеляціонно. Къ сожалѣнію, въ нынѣшнемъ выпускѣ международной почтовой статистики нѣтъ данныхъ для двухъ весьма важныхъ странъ—Великобританіи и Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, вѣроятно, не успѣвшихъ доставить своевременно свои отчеты.

Съ нынѣшняго года, а именно съ 20 марта (1 апрѣля), Международное почтовое бюро пріобрѣтаетъ, вслѣдствіе ратификаціи конвенціи о „Всемірномъ Почтовомъ Союзѣ“, новое значеніе, какъ Международное бюро всемірнаго почтоваго союза — первый примѣръ единенія почти всѣхъ государствъ, хотя и по одной спеціальной функціи, но имѣющее свое, такъ-сказать, правительство, власть котораго, въ предѣлахъ своей дѣятельности, обнимаетъ весь земной шаръ. Конвенція заключена „на неопредѣленное время“; этимъ выраженіемъ слѣдовало бы и въ дипломатіи замѣнить торжественное: „на вѣчныя времена“, которыми украшаются обыкновенно мирные договоры, не выдерживающіе иногда и десятка лѣтъ. Никто не можетъ оставить союза, не заявивъ о томъ за годъ впередъ. Въ моментъ открытія союза въ немъ считалось 29 почтовыхъ штатовъ съ ихъ колоніями (почти всѣ болѣе крупныя единицы, кромѣ самой крупной по населенію—Китая). Каждый почтовый штатъ, въ отношеніи внутрен-

Digitized by Google

няго почтоваго законодательства, сохраняетъ полную независимость „во всемъ, что̀ не предусмотрѣно постановленіями, заключающимися въ этой конвенціи", но въ прочемъ — всѣ одинаково должны подчиняться конвенціи, и на случай недоумѣній или пререканій, которыя въ политическихъ дѣлахъ ведутъ къ войнѣ, установлено то вышеупомянутое *Международное бюро всемірнаго почтоваго союза*, „которое дѣйствуетъ подъ высшимъ надзоромъ швейцарскаго почтоваго управленія, и издержки на содержаніе коего распредѣляются между всѣми союзными почтовыми управленіями".

Это — первый и такой любопытный опытъ всемірнаго соглашенія государствъ для мирнаго веденія дѣла, что на устройствѣ его стоитъ остановиться и сказать о немъ нѣсколько подробнѣе. Международное бюро имѣетъ своею главною обязанностью — собирать, разрабатывать, публиковать и разсылать всякаго рода свѣдѣнія, до международнаго почтоваго дѣла касающіяся; кромѣ того, оно излагаетъ свое мнѣніе по тѣмъ спорнымъ вопросамъ, по которымъ спорящія стороны къ нему обратятся, и разсматриваетъ предположенія объ измѣненіи актовъ конгресса, сообщаетъ проекты измѣненія, — и вообще занимается производствомъ изслѣдованій и работъ, которыя ему будутъ поручены въ интересахъ почтоваго союза. Однимъ словомъ, это — постоянная коммиссія, наблюдающая за ходомъ почтоваго дѣла въ промежуткѣ между конгрессами, которые должны обязательно собираться каждыя пять лѣтъ, если $^2/_3$ членовъ не потребуютъ того раньше срока. Въ совѣщаніяхъ конгресса всякая страна имѣетъ одинъ голосъ; дѣла рѣшаются въ опредѣленныхъ случаяхъ или единогласіемъ, или абсолютнымъ большинствомъ, — или, наконецъ, двумя третями голосовъ. Въ случаѣ разногласія, столь естественнаго во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ, вопросъ рѣшается не матеріальною силою спорящаго, а „третейскимъ судомъ" — также хорошій прецедентъ для рѣшенія всѣхъ международныхъ недоумѣній и пререканій. Каждое изъ почтовыхъ управленій, причастныхъ къ спорному дѣлу, выбираетъ другого члена союза, не причастнаго къ дѣлу; постановленіе произносится по большинству голосовъ, а въ случаѣ раздѣленія — посредники выбираютъ третье почтовое управленіе, также къ дѣлу не причастное.

Изданіе Международнаго почтоваго бюро за 1877 годъ состоитъ изъ значительной массы цифръ, самаго разнообразнаго содержанія; постараемся извлечь изъ этой общей массы одни важнѣйшія данныя, которыя для ясности изобразимъ сначала въ формѣ сравнительной таблицы, притомъ только для десяти государствъ, представляющихъ собою наибольшее, среднее и наименьшее развитіе почтовыхъ операцій:

Digitized by Google

СТРАНА:	Площадь въ тысяч. кв. киломъ.	Населеніе въ милл.	Общее число закрыт. писемъ въ милл.	Общ. число открыт. писемъ въ милл.	На 1 чел. открыт и закр. писемъ.	Общ. число нумеровъ газетъ въ милл.
Австрія	300	21,7	148	25	9,2	63
Бельгія.	29	5,3	58	9	13,8	63
Германія.	539	42,7	491	88	14,5	384
Италія	296	27,5	151	12	6,4	25
Россія	22,178	89	81	2	0,908	76
Румынія	153	5	4	0,1	1,2	3
Франція.	528	36,9	376	30	11,7	189
Швейцарія.	41	2,6	24	0,2	20,7	22
Швеція.	444	4,74	40	5	6,4	46
Японія	379	34	24	8	0,95	9

Изъ таблицы видно, что населеніе, напримѣръ, Германіи, въ 42 милл., потребляетъ путемъ почты 384 милліона нумеровъ газетъ; по цифрѣ нашего населенія можно было бы ожидать болѣе чѣмъ двойного потребленія, до 760 милліоновъ, но на дѣлѣ у насъ потребляется $^1/_{10}$ часть, т.-е. 76 милл.; то же должно сказать и о числѣ сношеній между населеніемъ: сравнительно съ Германіею намъ слѣдовало бы имѣть 28 писемъ на 1 человѣка въ годъ, а на дѣлѣ мы не имѣемъ и одного письма на 1 человѣка. Германія опять уступаетъ такой небольшой странѣ, какъ Швейцарія, гдѣ приходится 20 писемъ на 1 человѣка.

Въ тѣхъ же статистическихъ данныхъ Международнаго почтоваго бюро мы получаемъ также и картину напряженія почтовой дѣятельности въ различныхъ странахъ, отъ которой, конечно, также много зависитъ сила почтовыхъ сношеній: въ Германіи, напримѣръ, на 42 милл. жителей выставлено 50,000 почтовыхъ ящиковъ, и на каждыя 5,000 населенія приходится 1 почтовая контора; у насъ, при населеніи вдвое бо́льшемъ, имѣется по всей Россіи 6,500 почтовыхъ ящиковъ, и на каждыя почти 25,000 населенія 1 почтовая контора. Съ другой стороны, въ Германіи почтовая армія всякаго рода службы превышаетъ 60,000 человѣкъ, при 170 милл. франк. прихода и 160 милл. фр. расхода, что̀ дало въ 1877 г. превышенія въ приходѣ около 10 милл. франковъ; а въ Россіи, почтовая армія едва превышаетъ 13,500 человѣкъ, при 51 милл. фр. прихода и 58 милл. фр. расхода, что̀ дало въ 1877 г. превышенія въ расходѣ, т.-е. дефицита, свыше $6^1/_2$ милл. франковъ. Если почтовая армія въ 60,000 человѣкъ вызываетъ расходъ въ 160 милл. фр., то по этому расходу наша армія въ 13,500 человѣкъ (менѣе четвертой части) должна была бы обойтись менѣе чѣмъ въ 40 милл. франковъ; но въ дѣйствительности она обходится почти на 20 милл. фр. относительно дороже: 58 милл., вмѣсто приблизительныхъ 38 милліоновъ.

Для объясненія такого отступленія отъ нѣмецкой нормы расходовъ мало было бы ссылаться на то, что вообще нѣмецкое хозяй-

Digitized by Google

ство ведется при болѣе экономическихъ условіяхъ, что въ послѣднее время вообще у насъ все стало дороже,—главная причина разницы все-таки заключается въ томъ обстоятельствѣ, на которое мы подробно указывали въ прошедшемъ году (мартъ, 1878 г., стр. 404 и слѣд.), а именно: въ нашемъ почтовомъ балансѣ есть одинъ неправильный пріемъ, оговоренный нынѣшній разъ вполнѣ ясно самими составителями отчета за 1877, но тѣмъ не менѣе не исправленный въ таблицахъ „Финансоваго результата". Въ доходѣ не показана стоимость казенной корреспонденціи, названной „безплатною", между тѣмъ какъ въ правильномъ хозяйствѣ нѣтъ ничего безплатнаго, и даже хозяинъ, живущій въ своемъ домѣ, вовсе не живетъ безплатно, такъ какъ лишается той платы, которую ему уплачивалъ бы всякій жилецъ; съ другой стороны, въ расходѣ стоимость почтоваго гона не только для почты, но и для пассажировъ, какъ частныхъ, такъ и казенныхъ, занесена въ цѣлости насчетъ почтоваго вѣдомства.

Не будемъ повторять сказаннаго нами по этому поводу въ прошедшемъ году, съ предложеніемъ проекта мѣръ, которыя можно было бы принять для возстановленія у насъ правильной отчетности по почтовому хозяйству; все это болѣе относится къ вопросамъ государственнаго контроля, чѣмъ такого техническаго вѣдомства, какъ почтовое; ограничимся теперь однимъ фактическимъ изображеніемъ финансоваго результата почтовой дѣятельности за 1877 г., если допустить правильный пріемъ отчетности.

Въ 1877 году составители отчета, сдѣлавъ ниже оговорку относительно его неточности, изображаютъ финансовые результаты въ такихъ цифрахъ:

Доходъ	12.840,684 р.
Расходъ	14.527,637 р.
Передержано . .	1.686,953 р.

Итакъ, отъ почтоваго хозяйства мы получили дефицита болѣе чѣмъ въ 1½ милліона! Сами составители отчета признаютъ эту цифру неправильною, а слѣдовательно, они должны допустить, что и весь разсчетъ неправиленъ: „Хотя—говорится въ отчетѣ — общая цифра расходовъ превышаетъ доходъ, но для *правильнаго* сужденія о степени производительности въ 1877 г. почтовой операціи" слѣдуетъ исключить изъ общей суммы стоимости приплаты за содержаніе лошадей на станціяхъ (6.432,518 руб.) около двухъ третей, т.-е. слишкомъ 4 милліона; уже при этомъ одномъ окажется, что почтовое хозяйство не только не принесло дефицита, но дало хорошій дивидендъ почти въ 2½ милліона рублей. Кромѣ того, составители отчета глухо ссылаются на существованіе „безплатной" казенной корреспонденціи; а какъ она была велика въ 1877 году?—Публика въ 1877 году отправила внутри государства 55 милліоновъ пи-

Digitized by Google

семъ (противъ 1876 г., болѣе на 14 милл.), вѣсомъ почти на 60 милліоновъ лотъ, или 46,875 пудъ, и заплатила почтовому вѣдомству за то около $4^1/_2$ милліоновъ рублей. Въ то же самое время казна отправила всего только $23^1/_2$ милліона писемъ (противъ 1876 г., болѣе на $1^1/_2$ милліона), но они представляли собою не нормальный вѣсъ, подобно частнымъ письмамъ, т.-е. не $23^1/_2$ милліона лотъ, а почти 80 милліоновъ (противъ 1876 г., на 5 милл. лотъ меньше) т.-е. 63,333 пудъ, и должна была бы заплатить свыше 5 милліоновъ рублей. Если не считать отправленныхъ казенныхъ цѣнныхъ посылокъ и безъ цѣны, также безплатно, то и въ такомъ случаѣ предпринимательскій доходъ отъ почтоваго дѣла, вмѣстѣ съ вышеупомянутыми $2^1/_2$ милліонами, простирался въ 1877 году до $7^1/_2$ м. рублей, т.-е., по нынѣшнему курсу, до 17 милл. франковъ, а вовсе не далъ $6^1/_2$ милл. фр. дефицита, какъ то показано въ статистикѣ Международнаго почтоваго бюро.

Но оставимъ сравненіе нашего почтоваго дѣла и его хозяйства съ его же колоссальными размѣрами и высокими качествами на Западѣ, и ограничимся болѣе справедливымъ сравненіемъ современнаго положенія почтоваго дѣла у насъ съ тѣмъ, что оно представляло лѣтъ десять тому назадъ. Тутъ мы должны будемъ признать несомнѣнный и огромный успѣхъ, даже въ теченіи одного самаго послѣдняго десятилѣтія. Предъ нами лежатъ цифры 1868 года и 1878 года; за приблизительную точность послѣднихъ мы можемъ ручаться. Въ 1868 году почтовый доходъ доходилъ до 7.575,718 р.; въ 1878 году эта цифра почти удвоилась, достигнувъ 13.474,000 руб. Конечно, такая цифра дохода свидѣтельствуетъ о необычайномъ для такого короткаго времени, какъ десять лѣтъ, развитіи почтовыхъ операцій; но при этомъ обращаетъ на себя выгодное вниманіе то обстоятельство, котораго мы не встрѣчаемъ ни въ какомъ вѣдомствѣ: содержаніе центральныхъ учрежденій почтоваго вѣдомства въ эти 10 лѣтъ значительно понизилось, а стоимость мѣстныхъ учрежденій, которыя и несутъ на себѣ всю детальную и тяжелую работу, чрезвычайно возросло, какъ въ томъ можно убѣдиться изъ сопоставленія слѣдующихъ цифръ:

	въ 1868 г.	въ 1878 г.
Личный составъ департамента . . .	104,306 р.	82,800 р.
„ „ мѣстныхъ учрежденій.	1.240,804 „	3.572,500 „

Въ 1868 г. мѣстныхъ учрежденій, мѣстъ пріема и выдачи корреспонденцій было 2,153, а въ 1878 г. число ихъ достигло 4,117, т.-е. почти удвоилось; содержаніе же мѣстныхъ учрежденій къ 1878 году не только удвоилось, но даже утроилось, при пониженіи стоимости центральныхъ учрежденій. О такомъ развитіи дѣла можно сказать, что оно шло вполнѣ правильно и образцово: вознагражденіе за трудъ,

Digitized by Google

съ успѣхомъ дѣла, должно особенно увеличиваться въ низшихъ инстанціяхъ, а не въ высшихъ, такъ какъ, напримѣръ, успѣшное слѣдованіе письма по адресу зависитъ не столько отъ обезпеченія центральнаго начальства, сколько отъ хорошаго жалованья, которымъ оплачивается трудъ простого письмоносца.

То же мы видимъ и въ сравненіи хозяйственныхъ расходовъ департамента и мѣстныхъ учрежденій:

	въ 1868 г.	въ 1878 г.
Департаментъ	43,887 р.	88,700 р.
Мѣстныя учрежденія. . . .	869,335 „	1.316,700 р.

Мы не знаемъ, найдемъ ли мы аналогическія явленія въ развитіи другихъ нашихъ учрежденій, а именно—такое же пониженіе въ стоимости центральныхъ учрежденій, при возрастаніи расходовъ на мѣстныя учрежденія, какъ то представляетъ намъ почтовое вѣдомство; но въ нынѣшнемъ году въ нашихъ почтовыхъ операціяхъ мы встрѣтили еще другое явленіе, прямо обратное тому, что̀ совершилось во всѣхъ другихъ нашихъ операціяхъ: въ то время, когда возросли всѣ сборы и налоги, одинъ почтовый сборъ въ нынѣшнемъ году еще понизился на 1 копѣйку (съ 8 на 7), что̀ составитъ въ годъ, при 55 милл. простыхъ писемъ, свыше полумилліона рублей; до сихъ поръ пониженіе почтовой таксы сопровождалось увеличеніемъ количества корреспонденціи и соотвѣтственнымъ тому увеличеніемъ денежнаго сбора; безъ сомнѣнія, то же самое случится и теперь.

А.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА

Пересмотръ таможеннаго тарифа въ Германіи.

Германскій имперскій сеймъ, возобновивъ свои засѣданія послѣ пасхальныхъ каникулъ, приступилъ къ разсмотрѣнію проектовъ о новыхъ налогахъ. Первая истекшая половина его сессіи была посвящена обсужденію бюджета; изъ вопросовъ чисто-политическаго характера особенно выдался только вопросъ о карательной власти, какую правительство предлагало установить для стѣсненія свободы парламентскаго слова, главнымъ образомъ, конечно, съ цѣлью отнять у соціалистовъ возможность дѣлать заявленія, хотя бы въ сеймовомъ залѣ. Но предложенія прусскаго правительства чрезъ союзный со-

Digitized by Google

вѣтъ въ этомъ смыслѣ не встрѣтили поддержки ни съ чьей стороны, и сеймъ ограничился выраженіемъ готовности поддерживать усиліе самого своего президента для охраненія дисциплины во время преній. Итакъ, эта попытка прусскаго правительства окончилась полной неудачею.

Теперь, по возобновленіи сессіи, сейму предстоитъ заняться труднѣйшей частью выпавшей ему нынѣ задачи—обсудить обширные финансово-экономическіе проекты союзнаго совѣта, которые представляютъ собой въ сущности личную попытку князя Бисмарка поднять искусственными мѣрами промышленность и сельское хозяйство Германіи, и вмѣстѣ доставить имперскому казначейству новыя значительныя финансовыя средства. Предложеніе это заключается въ проектѣ новаго таможеннаго тарифа, въ проектѣ дополнительнаго обложенія табака и въ проектѣ новаго пивоваренаго налога. О двухъ послѣднихъ проектахъ мы упоминаемъ только мимоходомъ, такъ-какъ для русскихъ читателей, и вообще внѣ Германіи, гораздо интереснѣе ознакомиться съ новымъ направленіемъ германской таможенной политики. Мы уже говорили, во „Внутреннемъ обозрѣніи", что таможенная борьба съ сосѣдними государствами, предпринимаемая германскимъ канцлеромъ, представляетъ собою новый элементъ реакціи, вносимый княземъ Бисмаркомъ въ жизнь европейскихъ государствъ, такъ-какъ на томъ пути, какой онъ теперь избралъ, онъ неизбѣжно встрѣтится съ отвѣтными репрессаліями со стороны другихъ державъ. При этомъ мы указали, въ нѣсколькихъ словахъ, на ту психологическую особенность „великаго канцлера", которая побуждаетъ его съ замѣчательной легкостью предпринимать рѣшеніе самыхъ многоразличныхъ и сложныхъ вопросовъ все однѣми и тѣми же, весьма простыми средствами, какія представляются словами „запретить", „отплатить" и т. п. Итакъ, здѣсь намъ предстоитъ охарактеризовать самую сущность оригинальныхъ „боевыхъ" плановъ германскаго канцлера въ области политики таможенной.

Князь Бисмаркъ, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, не разъ давалъ замѣтить, что онъ занимается изученіемъ экономическихъ вопросовъ. Складъ его ума таковъ, что ему не требуется долгаго ученья, прежде чѣмъ въ немъ возникаетъ готовность предпринять весьма смѣлыя рѣшенія. Нѣсколькихъ спеціальныхъ записокъ и нѣсколькихъ разговоровъ съ экспертами кн. Бисмарку достаточно, чтобы умъ его немедленно такъ сказать „мобилизировался" и явился въ состояніи полной Schlagfertigkeit. По всему своему направленію, Бисмаркъ неминуемо долженъ былъ склониться не къ принципу фритредерства, который въ сущности заключается въ пассивности, но именно къ протекціонизму, къ принципу активной борьбы и осчастливленія послушной массы правительственною регламентаціей. Но, какъ и слѣ-

Digitized by Google

довало ожидать, первоначально его наиболѣе занимала мысль объ увеличеніи, путемъ возвышенія тарифа, финансовыхъ средствъ имперіи. Такъ, въ рѣчи, произнесенной въ имперскомъ сеймѣ 22-го ноября 1875 года, онъ высказывалъ убѣжденіе, что слѣдовало бы найти новыя финансовыя средства въ возвышеніи пошлинъ на предметы роскоши, и при этомъ даже выразилъ такое мнѣніе, что требовалось бы возвышеніе не съ цѣлью покровительства, а именно съ цѣлью поднять доходъ,—съ цѣлью чисто-финансовою. Онъ говорилъ, что „всѣ тѣ таможенныя статьи, которыя не представляютъ собой главнаго финансоваго интереса, можно было бы выкинуть за бортъ (т.-е. не заботиться о нихъ), а ограничиться возвышеніемъ пошлинъ на какія-нибудь 15 главныхъ ввозныхъ статей, что́ и дало бы все требующееся возрастаніе таможеннаго дохода".

Съ теченіемъ времени убѣжденіе его однако измѣнилось, и измѣнилось именно въ смыслѣ протекціонистскомъ, въ смыслѣ необходимости оказанія сплошного „покровительства" *всей* германской производительности, обезпеченія за нею по крайней мѣрѣ всего германскаго рынка и т. д. Повторимъ, что это было совершенно естественно. Для дѣятельнаго, подвижнаго и смѣлаго ума Бисмарка, принципъ laisser faire и laisser passer долженъ былъ представляться мало увлекательнымъ. Все настроеніе Бисмарка таково, чтобы ничего не laisser faire и ничего не laisser passer, кромѣ того, что́ онъ самъ найдетъ необходимымъ, самъ рѣшитъ и самъ прикажетъ. Наоборотъ, принципъ облагодѣтельствованія массъ посредствомъ искусственныхъ мѣръ, посредствомъ регламентаціи фатально увлекаетъ такихъ людей. Недаромъ Бисмаркъ отчасти сочувствовалъ Лассалю. По тому же влеченію, онъ болѣе и болѣе проникался иллюзіями протекціонизма.

Окончательное убѣжденіе кн. Бисмарка и вмѣстѣ практическій приступъ его къ осуществленію нынѣ предпринятаго поворота въ таможенной системѣ выразились въ письмѣ къ союзному совѣту, которое онъ подписалъ въ Фридрихсруэ 15-го прошлаго декабря (1878). Еще 12-го декабря онъ внесъ въ союзный совѣтъ предложеніе о назначеніи коммиссіи для пересмотра таможеннаго тарифа. Въ письмѣ 15-го декабря, онъ давалъ свои указанія, которыя просилъ союзный совѣтъ передать этой коммиссіи на ея „сужденіе" (Erwägung). Мы представимъ обзоръ этого письма.

Въ первой части его, Бисмаркъ стоитъ все еще на почвѣ чисто-финансовыхъ, камеральныхъ интересовъ,—главная забота его—возвышеніе таможеннаго дохода. Но во второй части письма, онъ уже прямо ставитъ цѣлью пересмотра тарифа—покровительство внутренней производительности. „На первомъ планѣ", говоритъ онъ, „мнѣ представляется интересъ финансовой реформы: облегченіе бремени прямыхъ податей посредствомъ возвышенія тѣхъ имперскихъ доходовъ,

Digitized by Google

которые основываются на налогахъ косвенныхъ". Здѣсь Бисмаркъ указываетъ, что въ тѣхъ государствахъ, которыя опередили Германію въ политическомъ и экономическомъ развитіи, расходы покрываются преимущественно изъ таможенныхъ пошлинъ и косвенныхъ налоговъ вообще, а въ гораздо меньшей степени—изъ налоговъ прямыхъ. Онъ дѣлаетъ далѣе нѣсколько вѣрныхъ критическихъ замѣчаній о свойствѣ прямыхъ налоговъ. „Прямой налогъ", говоритъ онъ, „который взимается съ каждаго плательщика въ опредѣленномъ окладѣ и въ случаѣ нужды взыскивается съ него принудительно, по свойству своему, гораздо болѣе утѣснителенъ, чѣмъ всякій налогъ косвенный, норма поступленія котораго съ каждаго отдѣльнаго плательщика зависитъ единственно отъ размѣровъ потребленія плательщика, при чемъ и налогъ этотъ уплачивается имъ въ самой цѣнѣ покупаемыхъ или обложенныхъ налогомъ предметовъ". Бисмаркъ указываетъ далѣе, что въ бо́льшей части Германіи бремя прямыхъ налоговъ, включая земское обложеніе (Communalabgaben) достигло до размѣровъ утѣснительныхъ, которые въ смыслѣ хозяйственномъ оправдываемы быть не могутъ. Въ особенности терпятъ отъ тягости прямыхъ налоговъ, по его отзыву, средніе классы населенія, тѣ, въ которыхъ доходъ на семью не превышаетъ 6 т. марокъ. Они платятъ свыше силъ и страдаютъ отъ прямыхъ налоговъ еще болѣе, чѣмъ низшіе классы.

Но для того, чтобы возможно было облегчить бремя прямыхъ налоговъ въ размѣрахъ, чувствительныхъ для этихъ классовъ, требуется — по мнѣнію кн. Бисмарка—пересмотръ таможеннаго тарифа на возможно-широкомъ основаніи. Чѣмъ болѣе возвысится доходъ таможенный, тѣмъ болѣе значительныя облегченія могутъ послѣдовать въ области прямыхъ налоговъ. Здѣсь кн. Бисмаркъ объясняетъ, что возвышеніе таможенныхъ пошлинъ предпринимается не съ цѣлью увеличить все податное бремя, лежащее на странѣ. Размѣры этого бремени опредѣляются не стремленіемъ неопредѣленно возвышать доходъ, но данною потребностью, то-есть суммою расходовъ имперіи. Въ виды ея правительства никогда не можетъ входить полученіе бо́льшаго дохода, чѣмъ тотъ, который обусловленъ потребностью въ покрытіи расходовъ, а эта потребность опредѣляется въ согласіи правительства и сейма, при обсужденіи ежегодныхъ бюджетовъ. *Поэтому* (desshalb) всякое возвышеніе дохода отъ косвенныхъ налоговъ *должно* имѣть неизбѣжнымъ послѣдствіемъ, что изъ суммы, выручаемой отъ прямыхъ налоговъ или отъ такихъ косвенныхъ поступленій, которыя не желательно сохранять, отпадетъ въ облегченіе плательщиковъ или въ пользу земства вся та часть, которая окажется лишнею противъ условленной съ народнымъ представительствомъ цифры расходовъ. Пересмотръ таможеннаго тарифа, по словамъ кн. Бисмарка, направ-

Digitized by Google

лень не къ отягощенію народа, а къ перенесенію части наиболѣе тяжкаго податного бремени на источники косвенные.

Изъ этого изложенія оказывается, какъ будто даже не только не протекціонистскія стремленія, но даже и не финансовыя затрудненія побуждаютъ канцлера къ возвышенію таможенныхъ пошлинъ. Цѣлью его служитъ, повидимому, только преобразованіе податной системы, облегченіе прямыхъ податей, и таможенный тарифъ является тутъ только для нихъ замѣны. Но на самомъ дѣлѣ, такъ какъ въ имперскомъ бюджетѣ оказываются дефициты, то, стало быть, всѣ разсужденія о „перенесеніи бремени", объ „отпаденіи" въ пользу плательщиковъ части его, не имѣютъ никакого практическаго значенія. Требуется еще сперва поднять сумму доходовъ до суммы расходовъ „опредѣляемыхъ въ согласіи съ представительствомъ". Стало быть, во всякомъ случаѣ, теперь возвышеніе таможенныхъ пошлинъ предлагается не какъ средство для преобразованія податной системы, но именно какъ увеличеніе бремени налоговъ.

Далѣе, авторъ письма, однакоже, остается все еще на почвѣ соображеній чисто-финансовыхъ. И вотъ, согласно съ этимъ, кн. Бисмаркъ, послѣ приведенныхъ увѣреній, и предлагаетъ, примѣрно, обложеніе въ 5 процентовъ цѣнности *всѣхъ* ввозныхъ предметовъ. Цѣнность всего ввоза въ Германію за 1877 г. опредѣлилась цифрою 3,877 милліоновъ марокъ; въ этой цифрѣ заключалось на 2,853 милліона марокъ такихъ предметовъ, которые доселѣ пошлинѣ не подлежали. Исключивъ изъ этой послѣдней суммы половину ея, приходящуюся, примѣрно, на цѣнные металлы въ деньгахъ и другіе предметы, не могущіе подлежать пошлинѣ и впредь, а также на нѣкоторые сырые продукты, непроизводимые въ самой Германіи, но потребные для ея промышленности, а потому не подлежащіе и впредь обложенію,— получается, по исчисленію канцлера, примѣрная цифра 1,400 милл. марокъ, которая представляетъ цѣнность нынѣ не платящихъ ввозныхъ предметовъ, могущихъ впредь оплачивать хотя 5-ти-процентную пошлину. Это одно уже составило бы 70 милл. марокъ.

Повторяемъ, что, предлагая такую крутую мѣру, какъ обложеніе *всѣхъ* предметовъ ввоза, съ цѣлями полученія 70 милл. марокъ дохода, канцлеръ, все-таки, остается на почвѣ чисто-финансовыхъ соображеній. Нужны деньги и ихъ слѣдуетъ добыть, а съ этой цѣлью и предлагается тотъ принципъ, которому канцлеръ придумалъ оригинальное, чисто-прусское названіе: „Princip der Zollpflichtigkeit aller über die Gränze eingehenden Gegenstände". Названіе это весьма напоминаетъ прусскій принципъ allgemeine Wehrpflichts, какъ-будто въ доказательство, что въ дѣлѣ финансовомъ авторъ проекта видитъ спасеніе единственно въ тѣхъ же средствахъ, какъ въ дѣлѣ междугосударственной политической борьбы. Но этотъ принципъ провоз-

Digitized by Google

главенъ былъ кн. Бисмаркомъ для всѣхъ неожиданно и вызвалъ въ Германіи прежде всего удивленіе, именно какъ нѣчто неслыханное, нѣчто такое, о чемъ никто не думалъ, не гадалъ. Канцлеръ, конечно, предвидѣлъ такое впечатлѣніе и постарался смягчить его; вотъ этимъ-то только и объясняются всѣ тѣ вступительныя разсужденія, которыми онъ силился убѣдить публику, что возвышеніе таможенныхъ пошлинъ *должно неизбѣжно* повлечь къ облегченію прямыхъ налоговъ. Такое облегченіе невозможно потому, что есть дефицитъ, а дефицитъ поддерживается возрастающими расходами. Но канцлеръ счелъ нелишнимъ завернуть свой поразительный сюрпризъ въ обложку пріятныхъ, хотя и совершенно неопредѣленныхъ обѣщаній.

Но, вѣдь, для возвышенія доходовъ могутъ быть придумываемы и иныя средства, чѣмъ пересмотръ тарифа, а въ особенности столь неожиданное для Германіи и рискованное по своей смѣлости средство, какъ введеніе „общеобязательной таможенной повинности для всѣхъ предметовъ ввоза". Почему же канцлеръ остановился именно на этомъ средствѣ? Истинную его мысль мы и узнаемъ, переходя ко второй части его письма, съ самаго того мѣста, въ которомъ онъ говоритъ, что мѣра эта, представляя выгоды съ точки зрѣнія финансовой, „которой я придаю наибольшее значеніе [1]), не можетъ быть оспариваема и съ точки зрѣнія экономической". Послѣ этихъ словъ, талантливый, но слишкомъ увлекающійся авторъ, переходитъ къ объясненію „общеобязательной таможенной повинности" съ экономической точки зрѣнія, и тогда мы тотчасъ убѣдимся, что ему дороже всего именно эта, а не финансовая точка зрѣнія. Короче, что, при пересмотрѣ тарифа, онъ задается, главнымъ образомъ, мыслью о покровительствѣ германской производительности.

Здѣсь князь Бисмаркъ, объявивъ, что не намѣренъ обсуждать по существу вопросъ о свободѣ торговли, замѣчаетъ, что въ дѣйствительности, въ сосѣднихъ съ Германіею странахъ, еще существуетъ покровительство и замѣчается стремленіе къ возвышенію его, и потому онъ считаетъ нелишнимъ и въ экономическомъ смыслѣ, чтобы въ Германіи было оказано хоть небольшое предпочтеніе мѣстнымъ продуктамъ передъ иностранными, въ видѣ возвышенія существующихъ, или установленія новыхъ пошлинъ на нѣкоторые предметы ввоза. Затѣмъ, онъ старается доказать, что тяжесть ихъ падетъ не столько на германскихъ потребителей, сколько на иностранныхъ производителей. Здѣсь протекціонистская цѣль пересмотра тарифа высказывается уже совершенно открыто: „обезпечить всей внутренней

[1]) Впрочемъ, въ нѣмецкомъ политическомъ языкѣ, какъ и въ нашемъ газетномъ, форма столь неряшлива, что даже Бисмаркъ „придаетъ *вѣсъ—точкѣ* зрѣнія".

Digitized by Google

производительности преимущество (Vorzug) на отечественномъ рынкѣ передъ производительностью иностранною".

Сюрпризъ, приготовленный Германіи ея канцлеромъ въ этихъ предположеніяхъ, получилъ названіе „подарка на Рождество" (Weihnachtsbescherung). Такія предположенія были сюрпризомъ именно потому, что съ 1865 года германская таможенная политика вступила на путь постепеннаго приближенія къ свободной торговлѣ. Теперь, канцлеръ отрекается отъ этого пути и ссылается на прусское таможенное законодательство 1818 года, въ которомъ осуществлялся принципъ общаго обложенія всѣхъ ввозныхъ продуктовъ и на позднѣйшую систему устроеннаго Пруссіею германскаго таможеннаго союза, которая основалась на томъ же принципѣ. Но дѣло въ томъ, что какъ таможенное законодательство 1818 года въ Пруссіи, такъ и система цольферейна, хотя и не допускали безпошлиннаго ввоза, кромѣ сырыхъ продуктовъ и еще нѣкоторыхъ исключеній, но зато сами по себѣ были все-таки значительными шагами на пути свободы торговли, такъ какъ ими обусловилась въ свое время отмѣна сперва внутреннихъ таможенныхъ заставъ въ Пруссіи, а потомъ — между государствами соединившимися въ цольферейнъ. Теперь же Бисмаркъ предлагаетъ реакцію въ смыслѣ прусскаго тарифа 1818 года, безъ всякаго за это вознагражденія для германской торговли.

Во всякомъ случаѣ, большинство въ рейхстагѣ принадлежитъ приверженцамъ принципа свободы торговли, съ которыми прусское, а потомъ германское правительство, и шли рука объ руку съ 1865 года. Имъ, конечно, не могли понравиться реакціонные проекты Бисмарка. Онъ счелъ нужнымъ смягчить ихъ рѣзкость, и пригласивъ къ обѣду нѣсколькихъ членовъ сейма 16 февраля, развилъ передъ ними свою программу, и здѣсь, между прочимъ, указывалъ на пользу охраненія интересовъ германскаго сельскаго хозяйства, такъ какъ въ его проекты входитъ обложеніе пошлиною ввознаго хлѣба и скота, что̀ должно поднять въ цѣнѣ мѣстные продукты. Это соображеніе могло, конечно, убѣдить только землевладѣльцевъ, но не представителей торговли и даже не заводчиковъ, которые должны были сообразить, что возвышеніе цѣны на хлѣбъ означаетъ возвышеніе заработной платы, что̀ при нынѣшемъ кредитѣ и слабости заказовъ въ Германіи особенно неудобно. Князь Бисмаркъ любитъ прикрашивать свои суровыя мѣропріятія добродушными шуточками. Такъ и теперь, онъ увѣрилъ своихъ гостей, что его предложенія 15 декабря представляютъ разнообразный рождественскій базаръ, на которомъ выставлено много прекрасныхъ вещей, сверхъ тѣхъ „чортиковъ" въ банкахъ, которыхъ напрасно многіе пугаются. Но это увѣреніе, повидимому, не убѣдило его собесѣдниковъ, такъ какъ при прощаніи онъ сказалъ имъ: „сожалѣю, что мой рождественскій базаръ вамъ, кажется, не

Digitized by Google

совсѣмъ понравился".—„Что-жъ дѣлать", возразилъ одинъ изъ присутствовавшихъ:—„ваша свѣтлость выставили слишкомъ много чортиковъ". Подъ именемъ „чортиковъ" здѣсь главнымъ образомъ и подразумѣвались пошлины на ввозный лѣсъ, хлѣбъ, скотъ и нѣкоторые необработанные или полуобработанные продукты.

Между тѣмъ, еще за четыре дня до этой бесѣды, послѣдовало уже открытіе сессіи имперскаго сейма, и въ тронной рѣчи находилось слѣдующее мѣсто: „я почитаю своимъ долгомъ озаботиться, чтобъ по крайней мѣрѣ германскій рынокъ былъ охраненъ для сбыта національной производительности, насколько это согласно съ общими нашими интересами, и чтобы, согласно тому, наше таможенное законодательство *вновь приблизилось* къ началамъ, оправдавшимся опытомъ (bewährte Grundsätze), на которыхъ основывалась успѣшная дѣятельность цольферейна въ продолженіи почти полувѣка, и отъ которыхъ отклонилась въ существенныхъ чертахъ наша торговая политика съ 1865 года".

Къ пасхѣ коммиссія союзнаго совѣта по пересмотру таможеннаго тарифа окончила свои работы, а между тѣмъ имперскій сеймъ окончилъ 13 апрѣля первую часть своей сессіи — разсмотрѣніе бюджета, и опредѣлилъ возобновить сессію 28 апрѣля. Такимъ образомъ, депутатамъ представилось три недѣли, чтобы приготовиться къ обсужденію предложеній объ измѣненіи тарифа и о новыхъ налогахъ. Между тѣмъ, канцлеръ препроводилъ 4 апрѣля къ президенту имперскаго сейма проектъ новаго тарифа при письмѣ, въ которомъ извѣщалъ, что коммиссія окончила свое дѣло и что препровождаемый проектъ получилъ утвержденіе союзнаго совѣта. Нѣсколько позднѣе разосланы были депутатамъ и „мотивы" проекта. Въ самомъ проектѣ тарифа оказался еще новый сюрпризъ, который произвелъ большое впечатлѣніе. Параграфъ 5-й гласитъ: „товары, идущіе изъ государствъ, которыя относятся къ германскимъ судамъ или товарамъ менѣе благопріятно, чѣмъ къ другимъ иностраннымъ, или облагаютъ германскіе продукты значительно выше, чѣмъ ихъ сходные товары обложены въ Германіи, могутъ быть, если тому не препятствуютъ договоры, облагаемы дополнительно въ двойномъ размѣрѣ нынѣ установленныхъ для нихъ пошлинъ. Такое добавочное обложеніе этихъ товаровъ установляется въ согласіи съ союзнымъ совѣтомъ — королевскимъ повелѣніемъ". Мѣра эта сама по себѣ чисто боевая, драконовская; достаточно, чтобы, напр., въ Россіи какой-либо ввозный продуктъ былъ обложенъ выше, чѣмъ въ Германіи, для того, чтобы германское правительство подвергло русскій товаръ *тройному* (существующая пошлина и двойная прибавочная) размѣру установленной пошлины. Сверхъ того, этотъ параграфъ—какъ, впрочемъ, всѣ пред-

Digitized by Google

ложенія кн. Бисмарка—клонятся къ предоставленію имперскому правительству настоящей диктатуры, на этотъ разъ въ дѣлѣ таможеннаго законодательства. Ему предполагается дать право утроять налогъ безъ всякаго обсужденія въ парламентѣ и совершенно независимо отъ его воли, такъ какъ, въ силу этого закона, сеймъ не имѣлъ бы права и отмѣнить частнаго распоряженія, сдѣланнаго на этомъ основаніи.

Любопытно будетъ посмотрѣть, какой пріемъ окажетъ германское представительство всѣмъ этимъ крутымъ и крайне-оригинальнымъ предположеніямъ „великаго канцлера". Но уже и теперь (въ половинѣ апрѣля) имѣется достаточно признаковъ, что оппозиція противъ нихъ будетъ не малая. Насчитываютъ уже до пятисотъ число петицій, присланныхъ противъ проекта таможеннаго тарифа городами, торговыми палатами и разными другими корпораціями и обществами. Имперскому сейму придется разобрать не только новый тарифъ и пространныя къ нему приложенія, но и сотни петицій, имъ вызванныхъ, да еще громадный матеріалъ, относящійся къ сложному закону о новомъ обложеніи табака и проектъ новаго налога съ пивоваренія.

Что касается спеціально новаго тарифа, то онъ вызвалъ рѣшительныя возраженія не только со стороны представителей торговли, чего естественно было ожидать, но и съ разныхъ сторонъ, въ пользу которыхъ онъ разсчитанъ. Такъ, противъ него раздались протесты со стороны представителей множества второстепенныхъ отраслей промышленности, возникшихъ съ 1865 года и получившихъ большое развитіе; этимъ отраслямъ, по отзыву протестующихъ, новый тарифъ угрожаетъ просто уничтоженіемъ. Даже представители интересовъ сельскаго хозяйства, принадлежащіе къ протекціонистской, такъ-называемой „аграрной" партіи, недовольны новымъ тарифомъ; они видятъ несправедливость въ томъ, что въ ихъ пользу установляется съ ввозныхъ земледѣльческихъ продуктовъ пошлина всего въ 3% цѣнности, между тѣмъ какъ металлической производительности даруется охранная пошлина на предметы ввоза въ 10—20%.

Изъ множества протестовъ укажемъ на петицію берлинскаго магистрата, направленную противъ обложенія ввознаго хлѣба и скота, такъ какъ она имѣетъ отношеніе къ вывозу изъ Россіи. Тамъ объясняется, между прочимъ, что, вслѣдъ за отмѣной пошлины съ помола, въ Берлинѣ возникла огромная по размѣрамъ промышленность—мельницъ, снабженныхъ всѣми техническими усовершенствованіями и перемалывающими ввозный хлѣбъ, въ особенности рожь, для всей Германіи и даже для отпуска муки въ другія государства. Берлинскія мельницы въ послѣдніе годы перемалывали по 300 тыс.

Digitized by Google

килогр. ржи. Въ 1877 году онѣ употребили 80 милл. килогр. ржи, преимущественно русской; въ 1878 болѣе 89 милл. килограммовъ. Введеніе пошлины на ввозный хлѣбъ должно сильно повредить этой промышленности Берлина, возвысивъ цѣну ржи и измѣнивъ весь характеръ торговли его въ Германіи, въ смыслѣ уменьшенія заказовъ въ странѣ и заграницею на берлинскую муку. Тѣ же самыя соображенія приводятся въ петиціи берлинскаго магистрата и противъ пошлины на привозный скотъ; она должна имѣть послѣдствіями уменьшеніе ввоза, задержку на границѣ, возвышеніе цѣнъ и измѣненіе всего характера торговли по этой части. Вслѣдствіе того, берлинскій магистратъ проситъ сеймъ безусловно отвергнуть всякія предложенія о пошлинѣ на привозные хлѣбъ и скотъ.

Пренія сейма по этому предмету еще впереди, но если бы случилось, что таможенная политика князя Бисмарка восторжествуетъ, то этотъ фактъ весьма сильно содѣйствовалъ бы къ поднятію той общей „нелюбви“ къ Германіи, на которую самъ канцлеръ не разъ жаловался. Уже по самому своему географическому положенію, по сравнительной недавности и несовершенству своей фабрикаціи, по относительной безплодности прусскихъ земель, по тягости государственныхъ повинностей, сравнительно съ достатками населенія, Германія—а въ особенности Пруссія — представляется огромной полосой убыточнаго для сосѣдей комиссіонерства и вредной для нихъ контрафакціи, полосой, которая отдѣляетъ Востокъ—производителя большихъ хлѣбныхъ запасовъ—отъ крайняго Запада—главнаго потребителя хлѣбныхъ продуктовъ и главнаго производителя фабричныхъ издѣлій. Для запада Европы—Англіи и Франціи—Германія представляется страной контрафакціи, которая поддѣлываетъ ихъ продукты и вытѣсняетъ ихъ своимъ тарифомъ, такъ какъ дешевѣйшіе ихъ сорта не могутъ конкуррировать съ германской ихъ поддѣлкой или подражаніемъ. Дѣйствительно, значительная часть фабричной производительности въ Германіи основалась сначала на контрафакціи и доселѣ держится дешевизною продуктовъ, достигаемой ухудшеніемъ ихъ качества. Для Востока же, производящаго большіе запасы хлѣба, въ особенности для Россіи, Германія представляется громадною конторой убыточныхъ посредниковъ, экспедиторовъ, эксплуатирующихъ отпускную торговлю Россіи подъ формою комиссіонной платы или перекупки. Постройка желѣзныхъ дорогъ, оттянувъ отпускъ нашихъ южныхъ портовъ къ портамъ прусскимъ, еще увеличила убыточное для насъ посредничество Германіи въ нашихъ дѣлахъ съ главнымъ рынкомъ русскаго отпускного хлѣба—Англіею. Недоставало только одного — попытки увеличить барыши отъ этого посредничества въ видѣ установленія новыхъ пошлинъ и возвышенія прежнихъ. Такимъ

Digitized by Google

образомъ, Германія можетъ только усилить нерасположеніе къ себѣ, какъ къ странѣ, которой промышленная роль сводится, главнымъ образомъ, къ безплодному для міра барышничеству. А такъ какъ самая политика государствъ руководится à la longue — реальными интересами народовъ, то это не могло бы обѣщать Германіи ничего хорошаго.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Мы получили нижеслѣдующее письмо, которое и помѣщаемъ, какъ поправку, не принимая и нынѣшній разъ на себя никакой отвѣтственности за точность сообщаемыхъ фактовъ.

„М. Г. Въ апрѣльской книжкѣ издаваемаго вами журнала за настоящій 1879-й годъ, помѣщенъ отвѣтъ редакціи на письмо г-на *Стараго жителя Тулы*, въ которомъ авторъ занялся составленіемъ формулярныхъ списковъ нѣкоторыхъ директоровъ народныхъ училищъ Московскаго учебнаго округа, а въ томъ числѣ и директора Тульской губерніи.

„Позвольте мнѣ, м. г., для возстановленія истины, исправить тѣ погрѣшности, которыя сдѣлалъ г-нъ Старый житель Тулы, исчисляя служебную дѣятельность директора; а именно:

„1) Гардемариномъ Бѣломорскаго флота онъ быть не могъ потому, что такого флота не существуетъ, а былъ морскимъ офицеромъ.

„2) Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ служилъ не одинъ, а два раза.

„3) Помощникомъ окружного начальника нигдѣ никогда не служилъ.

„4) Участковымъ мировымъ судей служилъ выборный срокъ и забаллотированъ не былъ.

„Кромѣ того: г-нъ *Старый житель Тулы* пропустилъ въ формулярѣ слѣдующее:

„1) Дѣятельность его членомъ Тамбовскаго комитета по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ, въ которомъ состоялъ членомъ редакціонной коммиссіи и правителемъ дѣлъ.

„2) Службу въ той же Тамбовской губерніи посредникомъ полюбовнаго размежеванія земель, мировымъ посредникомъ и почетнымъ мировымъ судьей.

„3) Занятія въ званіяхъ: гласнаго уѣзднаго и губернскаго земскихъ собраній, члена училищнаго совѣта, учредителя и попечителя нѣкоторыхъ училищъ и, наконецъ, его литературную дѣятельность, которая, впрочемъ, въ формуляръ не входитъ.

«Новый житель Тулы».

Digitized by Google

Мы получили отъ преосвященнаго Аѳанія, митрополита Виддинскаго, предсѣдателя бывшаго болгарскаго народнаго собранія, слѣдующую телеграмму на имя А. Н. Пыпина, которая не могла быть помѣщена въ апрѣльской книгѣ, за позднимъ ея прибытіемъ:

„Трново, 24 марта 1879.

„Вашими трудами по болгарской исторіи и литературѣ, защитой болгарскаго народа передъ многочисленными недругами и клеветниками въ печати по вопросамъ о правахъ и характерѣ современныхъ болгаръ, вашимъ неизмѣннымъ и безкорыстнымъ сочувствіемъ болгарскому народу—вы пріобрѣли право на глубокое уваженіе и искреннюю благодарность всѣхъ болгаръ. Исполняя желаніе болгарскаго населенія въ княжествѣ, народное собраніе благодаритъ васъ за всѣ вышепоименованныя услуги и приноситъ вамъ свои собственныя почтенія.—*Предсѣдатель народнаго собранія, Виддинскій Антимъ*".

ПОПРАВКА

Въ апрѣльской книгѣ:

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
818	15 сн.	эскамотированіе	эскамотированіе
820	7 „	безпоповцевъ	поповцевъ.

М. Стасюлевичъ.

Digitized by Google

РУИНА

Историческая монографія

1663 — 1687 гг.

Окончаніе первой части.

IX *).

Рада у Дорошенка подъ Лисянкою. — Запорожцы требуютъ вывода царскихъ ратныхъ людей изъ Кодака.—Отвѣтъ Шереметева.—Тревога въ лѣвобережной Украйнѣ отъ Дорошенка.—Недовольство Бруховецкимъ.—Бесѣда Бруховецкаго съ царскимъ дьякомъ. — Прибытіе въ Украйну воеводъ. — Внезапный указъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій. — Переговоры о мирѣ Россіи съ Польшей. — Нащокинъ. — Покушеніе Дорошенка. — Переписчики. — Бунтъ переяславскихъ казаковъ въ богушевской слободѣ.—Убійство полковника Ермолаенка.—Нападеніе Дорошенка и татаръ на лѣвую сторону.—Татары подъ Прилуками.—Дорошенко уводитъ татаръ на поляковъ. — Пораженіе Маховскаго.—Разрывъ Дорошенка съ Польшею.—Мысль о подданствѣ Турціи.—Омерзеніе къ Бруховецкому въ народѣ.

На правой сторонѣ Днѣпра Дорошенко сначала заявлялъ себя благожелателемъ польскаго короля; вскорѣ онъ увидѣлъ, что съ такимъ настроеніемъ не пріобрѣтетъ народнаго признанія за собою власти, неправильно захваченной. Чтобы расположить къ себѣ народъ, надобно было, по народному желанію, самого себя объявить врагомъ поляковъ, и вотъ февраля 22 онъ собралъ генеральную раду подъ Лисянкою; на этой радѣ было присуждено потребовать отъ ляховъ, чтобы они вышли изъ Украйны, а потомъ заключить дружественный договоръ съ крымскимъ ха-

*) См. выше: май, стр. 5.

Digitized by Google

номъ и просить его покровительства казакамъ. По приговору этой рады, Дорошенко написалъ въ Бѣлую-Церковь польскому коменданту, чтобы ляхи уходили въ Польшу. Такое требованіе не было исполнено: поляки въ Бѣлой Церкви не чувствовали себя настолько слабыми, чтобы послушаться перваго приглашенія; напротивъ, послѣ того, они стали гонять на работу бѣлоцерковскихъ мѣщанъ и поселянъ дѣлать земляной городъ и даже самихъ казаковъ посылали на работу [1]). Дорошенко хотѣлъ залучить на свою сторону Запорожскую Сѣчь, подущалъ запорожцевъ домогаться вывода царскихъ ратныхъ людей изъ Кодака. Опасеніе попытокъ Дорошенка подчинить своей власти лѣвобережную Украйну побудило обязывать пріѣзжающихъ съ правой стороны Днѣпра на лѣвую по торговымъ дѣламъ—записываться и проживать въ малороссійскихъ городахъ царской державы не иначе, какъ на устроенныхъ для того съѣзжихъ дворахъ, которыми завѣдывали приставленные отъ воеводъ дворяне изъ великороссіянъ. Боязнь, чтобъ не являлись эмиссары Дорошенка, побудила тогда московское правительство недружелюбно посмотрѣть на существованіе въ Кіевѣ школъ. Царскій указъ того времени гласилъ, что лучше было бы школъ въ Кіевѣ не заводить, но Шереметевъ писалъ, что нельзя переводить кіевскихъ школъ въ иное мѣсто, потому что кіевляне почтутъ себѣ то въ великое оскорбленіе. Тогда дозволено было въ этихъ школахъ учиться только подданнымъ царя, изъ непріятельскихъ сторонъ отнюдь никого не принимать.

Печальное положеніе правобережной Украйны подвигало жителей покидать свое отечество. За прошлогоднею войною во многихъ селеніяхъ не сѣяли и не пахали полей, съ наступленіемъ зимы настала дороговизна и великая скудость. Поселяне толпами уходили или въ Запорожье, или на лѣвую сторону Днѣпра и уже не возвращались назадъ, а выискивали себѣ иное новоселье. Въ іюнѣ 1666 года Бруховецкій доносилъ государю, что съ правой стороны Днѣпра бѣгутъ люди съ семьями для поселенія подъ высокою державою московскаго государя, спасаясь отъ великаго голода. «Хотя,—выражался гетманъ,—властолюбцы не позволяютъ имъ переселяться, но не могутъ удержать, потому что никому не хочется помирать голодною смертью». Переселенцы говорили, что имъ совершенно невозможно жить на правой сторонѣ Днѣпра, потому-что поляки, хотя ихъ было тогда и немного, грабятъ, разоряютъ и ругаются надъ ними.

[1]) А. Ю. и З. Р., VI., 82, 88, 97.

Digitized by Google

Но и въ краѣ, управляемомъ Бруховецкимъ, и послѣ возвращенія его изъ Москвы, какъ до его поѣздки туда, не было внутренняго довольства. Ненависть къ нему росла по мѣрѣ утвержденія его власти. Въ обращеніи съ подчиненными онъ сталъ теперь грубъ, надмененъ. Приходъ къ нему тяжекъ,—говорили про него казаки. Лукавъ онъ былъ и лживъ; ни въ чемъ нельзя было на него положиться, никакъ не возможно было къ нему примѣниться: сегодня онъ къ человѣку добръ и милостивъ, а завтра придерется, поколотитъ, закуетъ въ кандалы, забьетъ въ колодки, или, что̀ казалось всего страшнѣе, въ Москву зашлетъ. Казакамъ не нравилось до омерзѣнія и его боярство, и возведеніе въ дворянское достоинство старшинъ и полковниковъ. «У насъ,—твердили они—съ предковъ бояръ и дворянъ не бывало, всѣ мы равны, а онъ заводитъ новый образецъ, и вольности наши отъ насъ отходятъ». Недовольство противъ гетмана питалось и поддерживалось поборами, а ихъ тягость увеличивалась отъ наглости и алчности довѣренныхъ отъ гетмана особъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недовольные говорили: «убѣжимъ въ Запорожье; за нами изъ разныхъ городовъ и мѣстечекъ стекутся люди въ Запорожьѣ, а оттуда пойдемъ всѣ на гетмана и свинемъ его съ гетманства». Еще не успѣли въ Малороссію съѣхаться всѣ воеводы съ ратными людьми, а уже непріязнь и къ нимъ стала высказываться голосно. Казаки называли великороссіянъ злодѣями и жидами; полковники, разсердившись, не стѣснялись передъ великороссійскими начальными людьми и говорили такія угрожающія слова: «вотъ казаки заведутъ гиль (мятежъ) и васъ всѣхъ отсюда погонятъ». Тѣ казацкіе старшины, которые получили дворянское достоинство, не только не смѣли чваниться имъ, но должны были притворяться передъ казацкою громадою, что не дорожатъ новоприобрѣтеннымъ саномъ. Переяславскій полковникъ Ермолаенко твердилъ: «мнѣ дворянство не надобно; я по старому казакъ». Замѣчалъ онъ, что пожалованный ему Домонтовъ приноситъ мало доходу, но при этомъ прибавлялъ: — мнѣ взять съ нихъ нечего, да мнѣ и не надо: у насъ съ предковъ того не повелось, чтобъ жаловали намъ владѣнья. Этотъ человѣкъ, передъ воеводою переяславскимъ Вердеревскимъ, упрекалъ гетмана за корыстолюбіе, жаловался, что изъ ратуши ему надобно все доставлять, что̀ онъ прикажетъ. Но самъ полковникъ не изъятъ былъ отъ жадности. По извѣстію Вердеревскаго, во всемъ переяславскомъ полку, ему и его полковымъ старшинамъ шла десятая рыба съ рыбныхъ промышленниковъ, а изъ ратуши, по всякъ день, вино, пиво, медъ и всякій харчъ. Вердеревскій до-

Digitized by Google

носилъ, что замѣчаетъ въ переяславскомъ полковникѣ признаки шатости, а Ермолаенко Бруховецкому писалъ доносы и на переяславцевъ, и на Вердеревскаго. Гетманъ передъ царскимъ дьякомъ Евстратомъ Фроловымъ такъ описывалъ вообще малороссіянъ: «Мнѣ Ермолаенко доноситъ, что въ Переяславѣ выростаетъ злой умыселъ на смуту отъ какихъ-то своевольныхъ людей, которые до бунтовъ и до шарпанины охочи, работать и землю пахать и собою жить лѣнивы, а это все идетъ изъ Запорожья. Я крѣпко тому запобѣгаю, чтобъ огонь далѣе не разгорѣлся, но уразумѣваю, что такіе голоса проявляютъ казаки оттого, что видятъ въ малороссійскихъ городахъ при воеводахъ малолюдствіе. Пусть бы великій государь указалъ въ нашихъ городахъ ратныхъ людей прибавить! А то, вѣдь, люди у насъ худоумные и не постоянные, одинъ какой-нибудь плевосѣятель возмутитъ многими тысячами; хотя сами сгинутъ, а до лиха дойдутъ и успокоивать ихъ будетъ трудно, затѣмъ что непріятель подъ бокомъ, да и запорожцы стоютъ непріятеля. Они желательны, какъ бы добрыхъ людей разорять и, нашарпався чужихъ набытковъ (награбивши чужого достоянія), всякому бы старшинство доступить; а на Запорожьѣ нынѣ болѣ заднѣпрянъ. Да и съ духовенства не всякому надобно довѣрять: горазды они ссорить и возмущать отъ латинской своей науки, коли на кого нелюбіе положатъ».

Вѣрно понималъ Бруховецкій дѣйствительное положеніе малороссійской общественной жизни своего времени. Теперь передъ великороссіяниномъ обличалъ онъ тотъ коварный путь, по которому прошедши, достигъ самъ верховной власти въ малороссійскомъ краѣ.

Воеводы, назначенные въ малороссійскіе города, приходили съ небольшимъ числомъ ратныхъ: съ миргородскимъ воеводою пришло всего 30 человѣкъ. Бруховецкій жаловался на это, не находилъ удобнымъ также и то, что воеводы: миргородскій, лубенскій и прилуцкій, пріѣхали безъ семействъ и тѣмъ самымъ какъ будто показывали, что прибыли на короткое время на-легкѣ. «А было бы хорошо»,—замѣчалъ Бруховецкій въ своей грамотѣ къ царю—«если бы они пріѣхали съ семьями и со всѣмъ домоводствомъ. Тогда жители здѣшніе, видя на всемъ воеводствѣ ихъ цѣлое житье, отъ того лучше крѣпились бы и въ отчаянье не приходили».

Въ концѣ мая, Бруховецкій выслалъ полковниковъ черниговскаго Дёмка Многогрѣшнаго и стародубскаго Леска Остренина къ Гомелю противъ польскаго полковника Мурашки, который то-и-дѣло что безпокоилъ сѣверные предѣлы Малороссіи. За

Digitized by Google

ними вслѣдъ гетманъ велѣлъ отправиться Дмитрашкѣ Райчѣ [1]) съ своими хоругвями волоскаго товарищества; туда же направилъ Бруховецкій пѣхотныя сборныя сотни, которыя самовольно столпились на пограничьи Украйны со стороны Запорожья: гетманъ опасался, чтобъ эти своевольцы, искавшіе вообще какого-нибудь удалаго подвига, сталкавшись съ запорожцами, не затѣяли произвести безпорядковъ въ Малороссіи, а потому поспѣшилъ дать имъ занятіе по ихъ нраву. Вдругъ въ іюнѣ мѣсяцѣ явился къ гетману царскій гонецъ съ указомъ прекратить военныя дѣйствія противъ Польши и никакихъ задоровъ и зацѣпокъ съ поляками не чинить.

Въ Бѣлоруссіи, въ селѣ Андрусовѣ происходили съѣзды уполномоченныхъ со стороны Польши и Россіи съ цѣлію заключить миръ. Еще въ 1664 году, послѣ похода короля подъ Глуховъ, начались попытки къ установленію мира. Лѣтомъ этого года съѣзжались послы двухъ воюющихъ державъ въ мѣстечкѣ Дуровичѣ, ничего не постановили и разошлись. Ограничились тогда только восьмимѣсячнымъ перемиріемъ и назначили съѣхаться снова на слѣдующій годъ въ іюлѣ. Заключеніе полнаго мира съ-разу оказалось и тогда невозможнымъ: поляки презирали московскую силу, были охмѣлены славою своихъ успѣховъ и не хотѣли мириться иначе, какъ возвративъ себѣ все, что въ несчастныхъ обстоятельствахъ должны были потерять. Сношенія о мирѣ съ Москвою начались потомъ снова не ранѣе весны 1666 года. Теперь поляки должны были сдѣлаться нѣсколько податливѣе, такъ какъ у нихъ вспыхнуло междоусобіе короля съ Любомирскимъ. Замѣчательно, что Любомирскій, тотъ самый, который одержалъ вмѣстѣ съ Чарнецкимъ чудновскую побѣду надъ Шереметевымъ и русскими войсками, теперь искалъ союза съ московскимъ царемъ противъ польскаго короля и предлагалъ своего сына въ службу царю московскому въ тѣхъ видахъ, что московскій государь дастъ ему въ Украйнѣ два города съ обязательствомъ защищать край противъ татаръ и поляковъ. Изъ такой попытки не вышло ничего, но это обстоятельство показываетъ, что московская сторона поставлена была гораздо лучше, чѣмъ прошлый годъ. Къ сожалѣнію, вести дѣло примиренія съ Польшею поручено было царскому любимцу Аѳанасію Лаврентьевичу Ордыну-Нащокину съ товарищами Богданомъ Нащокинымъ и дьякомъ Григорьемъ Богдановымъ. Ордынъ-Нащокинъ принадле-

[1]) Онъ, какъ видно, не былъ прежде отправленъ въ заднѣпровскую Украйну по приказанію малороссійскаго приказа, вѣроятно послѣ отчисленному.

Digitized by Google

жалъ къ тѣмъ немногимъ московскимъ людямъ, которые нѣсколько окропились брызгами западной образованности. Ордынъ-Нащокинъ отличался расположеніемъ къ полякамъ и готовъ былъ уступить Польшѣ многое, если не все, чего требовали поляки. Онъ казаковъ ненавидѣлъ и презиралъ. О достоинствѣ собственнаго народа Нащокинъ имѣлъ такое неуважительное мнѣніе, что считалъ большимъ благодѣяніемъ для Россіи имѣть въ войскѣ польскихъ плѣнниковъ на службѣ, признавая польскихъ воиновъ достойнѣе русскихъ. Притомъ онъ находился подъ вліяніемъ благочестія; ему претила война христіанскихъ народовъ между собою; желанною его цѣлію было когда-нибудь устроить союзъ христіанскихъ державъ противъ мусульманъ. Царь Алексѣй Михайловичъ, хотя былъ лично друженъ съ этимъ человѣкомъ, но во взглядахъ своихъ не совсѣмъ съ нимъ сходился. Благочестивый православный царь ставилъ себѣ идеаломъ независимое торжествующее положеніе православной церкви; онъ не желалъ сдаваться на уступки полякамъ, опасаясь именно того, чтобы храмы православные и монастыри не попали подъ власть католичества. «Собакѣ недостойно ѣсть единаго куска православнаго», выражался онъ, разумѣя владѣніе поляковъ западно-русскимъ краемъ, гдѣ оставалось въ силѣ православное богослуженіе. Царь Алексѣй Михайловичъ поручалъ Нащокину дѣйствовать, ради образа Пресвятой Богородицы и какихъ-то чудесъ «содѣявшихся отъ него въ видѣніи орла» [1]). Онъ соглашался уступить Польшѣ и Украйну праваго берега, но пытался оставить за собою Кіевъ и пять или шесть верстъ въ окружности отъ него, чтобы подъ его царскою властію оставались православные монастыри. Съ такими предвзятыми желаніями приступили къ переговорамъ съ поляками, и тогда-то посланъ былъ указъ въ гетманщину прекратить всякія зацѣпки съ поляками. Сообразно этому указу, Бруховецкій послалъ универсалъ къ отправленнымъ подъ Гомель полковникамъ и приказывалъ всѣмъ разойтись по домамъ своимъ; вмѣстѣ съ тѣмъ по всей Малороссіи давалъ приказаніе нигдѣ не задираться съ ляхами, а всѣмъ торговымъ людямъ дозволялъ свободный въѣздъ въ Малороссію и выѣздъ изъ нея [2]). Но трудно было исполнить царскую волю и прекратить драки по всей Украйнѣ, такъ какъ съ правой стороны Днѣпра ихъ прекращать не думали. Чигиринцы и черкассцы, соединясь съ татарами и съ нѣкоторыми поляками, переправились черезъ Днѣпръ и дѣлали набѣги подъ

[1]) Соловьевъ, т. XI, стр. 229—248.
[2]) А. Ю. и З. Р., VI, 110.

Digitized by Google

Миргородъ, Горошинъ, Баромлю; на правой же сторонѣ Днѣпра они безпокоили Каневъ, признававшій еще власть лѣвобережнаго гетмана; потомъ и самъ Дорошенко, присоединивши къ своимъ казакамъ чигиринскихъ ляховъ, состоявшихъ подъ командою коменданта Жебровскаго и своихъ постоянныхъ союзниковъ татаръ, переправился черезъ Днѣпръ въ селѣ Вороновкѣ за 15 верстъ отъ Кременчуга и отправилъ подъ Кременчугъ своихъ сборныхъ людей; но противъ нихъ въ Кременчугѣ были казацкіе полки гадяцкій и миргородскій, а къ нимъ примкнулъ Косаговъ съ царскими ратными людьми: они прогнали заднѣпрянъ и татаръ. Дорошенко послѣ такой неудачи ушелъ на судахъ за Днѣпръ и послалъ къ польскому королю извѣстіе, что вотъ теперь пришло время чинить промыселъ надъ малороссійскими городами лѣвой стороны Днѣпра, потому что люди тамъ живутъ въ оплошку; онъ просилъ прислать войска. Король отвѣчалъ, что уже съ царемъ начались переговоры о мирѣ, и война пріостановлена. Это разсердило Дорошенка. «Мнѣ», говорилъ онъ тогда, «дано гетманство не отъ польскаго короля, а отъ крымскаго хана, такъ пусть же и надежда у меня будетъ на хана». Съ тѣхъ поръ у Дорошенка возникла мысль искать опоры для Украйны въ мусульманскомъ мірѣ. Не повинуясь болѣе королевской волѣ, онъ писалъ крымскому хану, призывая на помощь орду, чтобъ очистить Кременчугъ отъ казаковъ Бруховецкаго. Не безъ основанія Бруховецкій представлялъ тогда государю, что если распустить всѣ полки въ чаяніи примиренія съ Польшею, и если такимъ образомъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра не будетъ войска въ сборѣ, то непріятель можетъ большими силами напасть на малороссійскій край.

И тѣ казаки, которые отправлены были къ Гомелю, не спѣшили уходить назадъ по гетманскому приказу: польскіе уполномоченные, ѣхавшіе на мирные переговоры, присылали къ Нащокину жалобу, что, хотя по договору войска съ обѣихъ сторонъ должны быть разведены, однако подъ Гомелемъ стоятъ царскіе подданные казаки обозомъ, и устраиваютъ шанцы, а около Слуцка воюютъ, другіе казаки письма пословъ перехватываютъ и все больше и больше прибываетъ къ нимъ военной силы. Снова отправленъ былъ посланецъ къ гетману съ подтвердительнымъ указомъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій; снова Бруховецкій 27 іюня послалъ своимъ полковникамъ приказаніе разойтись; но 5 іюля полномочные послы опять донесли въ Москву, что казаки воюютъ около Кричева и около Слуцка, Глуска, Турова и Пинска; польскіе коммиссары указывали на это явленіе,

Digitized by Google

какъ на нарушеніе посольскаго договора и крестнаго цѣлованія съ московской стороны. Тогда къ гетману посланъ былъ стряпчій Иванъ Свіязевъ; онъ повезъ третій царскій указъ — отправить вмѣстѣ съ московскимъ посланцемъ гетманскихъ посланцевъ произвести сыскъ надъ ослушниками и издать универсалъ, воспрещающій подъ страхомъ смертной казни дѣлать зацѣпки съ ляхами. Черезъ нѣсколько времени Бруховецкій отвѣтилъ, что онъ посылалъ универсалы къ полковникамъ, отправленнымъ подъ Гомель, и тѣ прекратили всякіе задоры.

Но въ другомъ концѣ не прекращались непріятельскія дѣйствія. Послѣ неудавшагося покушенія овладѣть Кременчугомъ, казаки, подчиненные Дорошенку, съ ляхами и татарами, нѣсколько разъ въ іюнѣ и іюлѣ нападали на лѣвую сторону и уводили плѣнныхъ изъ селъ и деревень. Въ то же время Дорошенко разсылалъ къ жителямъ лѣваго берега Украины универсалы, уговаривая народъ отступить отъ московскаго государя, который будто бы хочетъ отдать ихъ польскому королю; народъ волновался отъ такихъ универсаловъ. И запорожцевъ продолжалъ Дорошенко привлекать въ союзъ къ себѣ.

Итакъ, хотя и готово было состояться мирное соглашеніе между Россіею и Польшею, но Малороссія не освобождалась отъ необходимости военной обороны: московское правительство сознавало это, притомъ же если начинались мирные переговоры съ поляками, то они не были еще начаты съ ихъ союзникомъ, крымскимъ ханомъ, а потому приказано гетману отправить своихъ казаковъ въ Запорожье, гдѣ былъ уже Косаговъ, и воевать противъ крымскихъ татаръ. Московское правительство запрещало посылать войско на правую сторону Днѣпра, но оно дозволяло давать отпоръ, если съ правой стороны начнутъ дѣлаться нападенія. Въ іюлѣ Бруховецкій писалъ въ малороссійскій приказъ, что заднѣпряне знать не хотятъ о томъ, что́ полномочные двухъ державъ толкуютъ о мирѣ, да и сами ляхи, затѣвая примиреніе, только обманываютъ русскихъ. Въ доказательство справедливости своихъ словъ Бруховецкій послалъ въ Москву перехваченныя письма и просилъ прислать побольше московскихъ ратныхъ силъ для занятія ими городковъ, близкихъ къ непріятельской сторонѣ: Кременчуга, Миргорода, Лубенъ, Переяслава и Канева.

Въ іюнѣ прибыли въ Малороссію изъ Москвы переписчики, которые должны были переписать во всѣхъ полкахъ жителей и составить переписныя книги, по которымъ воеводы собирали бы доходы, слѣдуемые въ царскую казну. Переписчики эти были все стольники. Они явились сначала въ Гадячъ къ Бруховецкому,

Digitized by Google

а гетманъ, принявши и угостивши ихъ честно, разослалъ ихъ по городамъ, придавши каждому изъ нихъ по́-двое своихъ казацкихъ чиновниковъ въ помощь для произведенія переписи. Одинъ изъ такихъ московскихъ стольниковъ возбудилъ неудовольствіе гетмана тѣмъ, что доставилъ ему царскую грамату, оторвавши отъ ней печать. Гетманъ жаловался въ приказъ на такой поступокъ, толкуя его невниманіемъ къ своей гетманской особѣ. Но этотъ самый стольникъ Хлоповъ, которому досталось производить перепись въ Глуховѣ, оказался самымъ исполнительнымъ изъ всѣхъ и получилъ особую похвалу отъ государя, которая передана была Бруховецкому для сообщенія Хлопову.

Въ то время какъ московское правительство требовало прекращенія враждебныхъ дѣйствій въ Малороссіи, а гетманъ извѣщалъ, что малороссіянамъ нельзя оставаться въ совершенномъ мирѣ, въ Малороссіи произошло важное внутреннее смятеніе. Переяславскіе казаки, высланные на заставу въ Богушевскую слободу, лежащую надъ Днѣпромъ противъ Черкасъ, взбунтовались, убили своего полковника Данила Ермолаенка, самовольно избрали въ полковники другого и порѣшили идти на Переяславъ противъ государева воеводы и московскихъ ратныхъ людей. О поступкѣ ихъ узнали стоявшіе у Канева другіе полковники, кіевскій Дворецкій, каневскій Лизогубъ и лубенскій Богданъ Щербакъ; они дали знать гетману. Впору узналъ о мятежническомъ замыслѣ и переяславскій воевода; онъ велѣлъ зажечь «мѣсто» (посадъ) и заперся въ верхнемъ переяславскомъ городкѣ или замкѣ. Гетманъ сообщилъ въ Москву, что этотъ бунтъ учинился по наущенію польскаго коменданта въ Бѣлой-Церкви и по кознямъ Дорошенка. Для усмиренія мятежа имъ отправлены были полковники: гадячскій Семенъ Остренко, нѣжинскій Гвинтовка, лубенскій Щербакъ, прилуцкій Горленко, миргородскій Апостоленко и полтавскій Витязенко съ ихъ полками; при гетманѣ въ Гадячѣ остался только стародубскій полковникъ Остренинъ, воротившійся изъ-подъ Гомля. И по этому поводу тогда же просилъ Бруховецкій присылки изъ Москвы великороссійскихъ ратныхъ силъ, потому что не рѣшался идти самъ на бунтовщиковъ съ одними казаками, опасаясь, чтобъ казаки, идущіе съ нимъ, также не взбунтовались и его самого не убили. По замѣчанію Бруховецкаго переяславцы пустились на такое лихое дѣло именно потому, что не видали близко отъ себя царскихъ ратныхъ людей; у мятежниковъ была надежда, что Дорошенко пришлетъ къ нимъ на помощь своихъ казаковъ, а ханъ крымскій — своихъ татаръ и, кромѣ того, къ нимъ начнетъ приставать поспольство изъ всѣхъ

Digitized by Google

малороссійскихъ городовъ, — разгорится большой огонь, а у московской стороны силы будутъ убавляться, тѣмъ болѣе, что уже и безъ того калмыки, недавно приведенные въ Малороссію, ушли во-свояси какъ только узнали, что Москва хочетъ мириться съ Польшею. Дѣйствительно, опасенія Бруховецкаго, что изъ переяславскаго событія разгорится большой огонь, стали повидимому оправдываться. Въ близкихъ къ Переяславу городкахъ жители принимали присланныхъ отъ Дорошенка людей и съ ними запирались въ замкахъ. Въ Москвѣ узнали инымъ путемъ, что переяславское возмущеніе началось съ подговора запорожцевъ, возбуждавшихъ малороссіянъ тѣмъ, что Москва на нихъ налагаетъ новыя подати. Спрошенный по этому поводу Бруховецкій началъ было оправдывать запорожцевъ, но вскорѣ долженъ былъ донести въ Москву, что запорожцы дѣйствительно раздражены противъ пожалованныхъ дворянскимъ достоинствомъ полковниковъ и угрожаютъ самому гетману за его боярскій санъ, намѣреваясь прислать отрядъ въ 200 человѣкъ, чтобы гетмана какимъ-нибудь хитрымъ способомъ поймать.

На просьбу гетмана о присылкѣ царскихъ ратныхъ силъ ему отвѣчали, что нельзя въ скорости собрать изъ бѣлогородскихъ и сѣвскихъ полковъ и послать въ Малороссію, изъ опасенія непріятельскаго вторженія въ другихъ краяхъ. Высланъ былъ только въ Кіевъ съ отрядомъ князь Барятинскій, а въ малороссійскіе города посланъ былъ на смѣну Протасьеву стольникъ Данило Лихачевъ, и съ нимъ велѣно быть ратнымъ людямъ изъ Путивля. Къ счастью, противъ переяславскаго бунта принялъ впору мѣры Шереметевъ, выславши въ Переяславъ своего товарища, стольника князя Щербатова съ двумя тысячами человѣкъ; къ нему присоединенъ былъ тотъ грекъ Константинъ Могилевскій или Мигалевскій (?), о которомъ говорили мы выше. Князь Щербатовъ занялъ Переяславъ, а Могилевскій взялъ и сжегъ городокъ Бубновъ [1]), истребилъ мятежниковъ и прибылъ къ Переяславу. Такимъ образомъ, было схвачено нѣсколько главнѣйшихъ мятежниковъ и отправлено въ Кіевъ; другихъ поймали казаки Бруховецкаго.

Въ сентябрѣ присланъ былъ къ Шереметеву царскій указъ отправить всѣхъ взятыхъ мятежниковъ переяславскаго полка въ Гадячъ, а въ Кіевѣ оставить только двухъ и учинить имъ смертную казнь въ тотъ самый день, въ какой казнятъ остальныхъ въ Гадячѣ. Всѣмъ воеводамъ въ Малороссіи указано ловить разбѣ-

[1]) Мѣстечко золотоношскаго уѣзда, полтавской губерніи, при рѣкѣ Днѣпрѣ.

Digitized by Google

жавшихся мятежниковъ и отсылать къ гетману. Посланному по этому дѣлу московскому гонцу Бруховецкій жаловался на Вердеревскаго: не прислалъ онъ къ нему схваченныхъ бунтовщиковъ, напротивъ, посаженные въ тюрьмы, они — неизвѣстно какъ — изъ-подъ караула убѣжали. «Я думаю,—говорилъ при этомъ гетманъ,—надобно бы разорить всѣ города, которые взбунтовались и будутъ взяты государевыми людьми, и чтобы впередъ въ тѣхъ городахъ жильцовъ не было». Вѣроятно, Бруховецкій, говоря это, разумѣлъ подъ городами укрѣпленные замки въ городахъ (мѣстахъ). Конечно, говорилъ онъ такъ, подлѣзываясь Москвѣ и соображая, что ей будетъ пріятно отъ него это слышать.

Мятежники переяславскіе, оставшіеся въ цѣлости послѣ взятія въ плѣнъ княземъ Щербатовымъ ихъ главныхъ товарищей, заперлись въ Барышевкѣ [1]), но принуждены были оттуда скоро выдти, преслѣдуемые княземъ Щербатовымъ. Они ушли въ Золотоношу. Князь Щербатовъ двинулся туда, осадилъ ихъ въ Золотоношѣ и держалъ до октября.

Въ то время, когда мятежники сидѣли осажденными въ Золотоношѣ, ихъ убѣжавшіе коноводы были у Дорошенка и просили поспѣшить къ нимъ на выручку. У Дорошенка тогда подъ рукою не доставало собственныхъ силъ, и онъ послалъ въ Крымъ къ хану, сообщая ему, что именно теперь настало удобное время нанести московской сторонѣ пораженіе, принудить лѣвобережную Украйну къ отступленію отъ московскаго царя и подчинить ее верховной власти Турціи. Дорошенко увѣрялъ хана, что все казачество не терпитъ Бруховецкаго и отступится отъ него, какъ только увидитъ въ своемъ краѣ орду. Ханъ по этому призыву отправилъ къ Дорошенку 30,000 орды съ своими братьями султанами Нуреддиномъ, Маметъ-Гиреемъ и Салометъ-Гиреемъ. Татары пришли въ Чигиринъ около перваго октября [2]). Вмѣстѣ съ ними появились въ Украйнѣ турецкіе аги и янычары: турецкій султанъ, со словъ крымскаго хана, уже начиналъ считать Украйну своимъ будущимъ достояніемъ, такъ какъ Дорошенко присягнулъ передъ ханомъ не служить ни польскому королю, ни московскому государю, а вмѣстѣ съ ордою воевать и москалей, и ляховъ [3]). По прибытіи союзниковъ, Дорошенко раздѣлилъ ихъ силы на двѣ половины: одну съ Салометъ-Гиреемъ и мурзами отправилъ за Днѣпръ, другую—съ султанами Нуредди-

[1]) Нынѣ мѣстечко переясл. уѣзда, полтавской губерніи, при рѣкѣ Трубежѣ.
[2]) Лѣт. Сам., 48.
[3]) А. Ю. и З. Р., IV, 158.

Digitized by Google

комъ и Маметъ-Гиреемъ—оставилъ при себѣ въ Чигиринѣ, намѣреваясь съ ними идти послѣ того, какъ впередъ посланные получатъ успѣхъ на лѣвой сторонѣ. Число отправленныхъ на лѣвую сторону, по извѣстіямъ однихъ, простиралось до пятнадцати тысячъ, по извѣстіямъ другихъ—только до десяти. Съ татарами послалъ Дорошенко и два полка подчиненныхъ ему казаковъ. Дорошенко зналъ, что въ лѣвобережной Малороссіи нѣтъ въ сборѣ большого войска, а потому велѣлъ своимъ союзникамъ разбиться на загоны и въ-розсыпную воевать села и деревни. Татары, перешедши Днѣпръ, пустились въ разныя стороны: одни бросились къ Голтвѣ [1]), другіе—опустошали окрестности Переяслава, третьи—напали на Прилуки. Прилуцкій полковникъ, Лазарь Горленко, былъ тогда съ своимъ полкомъ въ отсутствіи, а царскій воевода, Кирилло Загряжскій, имѣлъ при себѣ одного прапорщика, да 50 человѣкъ солдатскаго строя, и съ такимъ малолюдствомъ не могъ дать отпора. Татары не посмѣли взять Прилукъ, но безнаказанно опустошили поселенія прилуцкаго полка и доходили даже до Нѣжина и Борзны, а прилуцкій воевода, сидя въ городѣ, не могъ высылать даже партій для провѣдыванія вѣстей и не зналъ, гдѣ и что разорили татары и много ли въ полонъ увели ясыру. Къ счастью, это былъ кратковременный набѣгъ. Набрали татары множество плѣнниковъ, награбили все, что попадалось, потомъ погнали ясыръ къ Днѣпру и переправились съ нимъ на правый берегъ.

Между тѣмъ самъ Дорошенко, не хотѣвшій признавать надъ Украйной не только московской власти, но еще болѣе польской, повелъ своихъ союзниковъ, двухъ оставшихся съ нимъ султановъ, съ ихъ ордами по направленію къ Польшѣ. Подъ Брацлавомъ разбилъ онъ польскаго полковника Стралковскаго съ семнадцатью хоругвями, потомъ направился на Подоль: тамъ явилось тогда польское войско, подъ начальствомъ Маховскаго, съ намѣреніемъ принуждать къ повиновенію Польшѣ непокорный край. Уже Маховскій взялъ Иванъ-городъ [2]) и велѣлъ перебить запершихся въ немъ русскихъ. Тутъ на него бросился Дорошенко съ татарами. Маховскій повернулъ къ Брацлаву. Дорошенко погнался за нимъ, догналъ, разбилъ въ прахъ, взялъ въ плѣнъ и отдалъ татарамъ съ большею частью предводимаго имъ отряда, состоявшаго изъ тридцати хоругвій [3]). Съ этого событія, какъ за-

[1]) Мѣстечко кобелякскаго уѣзда, полтавской губерніи, на рѣкахъ Псёлѣ и Голтвѣ.

[2]) Мѣстечко гайсинскаго уѣзда, подольской губерніи, при рѣкѣ Кубличѣ.

[3]) Лѣт. Сам., 48.—А. Ю. и З. Р., VI, 160.

Digitized by Google

мѣчаетъ малороссійскій лѣтописецъ, Дорошенко отрѣзался отъ Польши и гласно заявлялъ мысль не повиноваться болѣе польскому королю, но поддаться турецкому королю, съ тѣмъ, чтобъ стать удѣльнымъ владѣтелемъ всей Украйны, подобно валахскому господарю, и въ этихъ-то видахъ вступилъ въ переговоры съ ханомъ. Дорошенко надѣялся склонить казаковъ на свою сторону приманкою политической самостоятельности Украйны [1]) и разсылалъ универсалы прельщать этимъ толпу. Въ городкѣ Торговицѣ, признававшемъ власть Дорошенка, онъ велѣлъ дѣлать деньги отъ ханскаго имени и раздавалъ ихъ казакамъ, чтобъ тѣмъ удобнѣе привлекать къ своей мысли казацкую громаду. Онъ снова посылалъ въ Корсунь и въ Бѣлую-Церковь къ находившимся тамъ польскимъ комендантамъ приказаніе очистить эти городки, а жителей малороссійскихъ побуждалъ выгонять оттуда поляковъ силою. Бѣло-церковскій комендантъ долженъ былъ отбиваться отъ жителей, поддавшихся убѣжденіямъ Дорошенка, сжегъ мѣстечко и заперся въ замкѣ.

Подъ предлогомъ поступать по волѣ своего гетмана, Дорошенка, стали составляться своевольныя купы (шайки). Въ околицѣ самаго Кіева они обирали по дорогамъ торговцевъ (и уже тогда притономъ удалыхъ сталъ дѣлаться Хвастовъ, впослѣдствіи мѣстопребываніе славнаго Палія). Тѣ изъ народа, которые искали спокойнаго житья, убѣгали для переселенія на лѣвую сторону; такимъ образомъ, въ это время опустѣли городки: Богуславъ, Синица и Ольшанка. Новые порядки, вводимые Брюховецкимъ на лѣвой сторонѣ въ угоду Москвѣ, никакъ не могли приходиться по вкусу малороссіянамъ, но многое еще не было ими понято на опытѣ. Мѣщане съ перваго раза не раскусили воеводскаго управленія и говорили великороссіянамъ, что съ радостью готовы платить царскія подати, лишь бы избавиться отъ управленія казацкаго. Когда прибывали въ первый разъ воеводы, малороссіяне дразнили казацкихъ старшинъ и говорили имъ: «вотъ, наконецъ, Богъ избавляетъ насъ: впередъ грабить насъ и домовъ нашихъ разорять не будете!» Но гетмана равно всѣ не терпѣли уже потому, что самое ненавистное для нихъ казацкое управленіе исходило не отъ кого другого, какъ отъ того же гетмана. И казацкая громада не видѣла за нимъ никакихъ доблестей, внушающихъ уваженіе. «Что это за гетманъ? — говорили о немъ казаки — запершись сидитъ въ городѣ, что въ лукошкѣ. Хорошо было бы — шелъ къ войску и всякій промы-

[1]) А. Ю. и З. Р., VI, 160.

Digitized by Google

селъ чинилъ надъ непріятелемъ, а то за гетманомъ только и дѣла, что вѣдьмъ сжечь» [1]). Бруховецкій предъ великорусскими посланниками безстыдно свалилъ съ себя на другихъ упреки въ корыстолюбіи и утѣсненіи подчиненныхъ; въ грамотахъ, посылаемыхъ въ Москву, онъ безпрестанно доносилъ на великороссійскихъ воеводъ, находившихся въ Малороссіи, писалъ, что отъ насильствъ и обидъ, чинимыхъ воеводами и московскими ратными людьми, малороссіяне покидаютъ дома свои и семьи, убѣгаютъ въ Запорожье, распространяютъ недовольство своими разсказами, и черезъ то возбуждается повсемѣстное смятеніе и шатость. Тѣмъ же способомъ не щадилъ онъ и своихъ казацкихъ начальныхъ людей. На нѣжинскаго полковника Гвинтовку доносилъ онъ въ приказъ, будто Гвинтовка, будучи въ Москвѣ, не хотѣлъ прилагать руки къ статьямъ, поданнымъ гетманомъ; — когда гетманъ стоялъ еще въ Каневѣ и посылалъ Гвинтовку подъ Чигиринъ, онъ, не слушаясь гетмана, назадъ воротился и говорилъ: «нигдѣ того не ведется, чтобъ свой своего воевалъ!» когда же потомъ гетманъ посылалъ Гвинтовку въ Переяславъ противъ мятежниковъ, — онъ показывалъ доброжелательство къ бунтовщикамъ; за это гетманъ посадилъ его подъ караулъ въ Гадячѣ; а на его мѣсто въ Нѣжинѣ полковникомъ назначилъ другого — Артема Мартыновича. Полковнику Могилевскому, греку, послѣ укрощенія переяславскихъ мятежниковъ, гетманъ дозволилъ расположиться съ своею ватагою близъ Сосницы и Мена, потомъ чернилъ его, доносилъ, что казаки этой ватаги прибираютъ къ себѣ наймитовъ изъ поспольства, и тѣ самовольно именуютъ себя казаками. Доносилъ гетманъ и на духовныхъ лицъ: «то дѣло богомерзкое и богомстительное, что пастыри наши безчинно и не по правиламъ святыхъ отецъ живутъ, а какъ отъ патріарха московскаго на митрополію въ Кіевъ присланъ будетъ митрополитъ», то всѣ пакости на Украйнѣ перестанутъ. Болѣе всего старался Бруховецкій своими доносами вредить епископу Меѳодію, который въ 1667 году былъ приглашенъ въ Москву по возникавшему дѣлу о судѣ надъ патріархомъ Никономъ. Въ февралѣ этого 1667 года гетманъ сообщалъ, что всячески увѣщеваетъ запорожцевъ быть вѣрными царю и жить въ братолюбіи съ великороссійскими ратными людьми, но мѣшаетъ этому «двоедушная духовная особа преосвященный Меѳодій,

[1]) Намъ неизвѣстно значеніе послѣдняго обвиненія. Вѣроятно, было тогда нѣсколько процессовъ о волшебствѣ, кончавшихся казнями, столь повсемѣстными въ тотъ вѣкъ. Есть темное извѣстіе о томъ, что Бруховецкій приказалъ сжечь полковницу Гострую, но подробностей объ этомъ событіи мы не знаемъ.

Digitized by Google

поджигая запорожцевъ на всякое зло и дѣйствуя на нихъ чрезъ генеральнаго судью Петра Забѣлу». Такъ, гетманъ, донося на Меѳодія, старался очернить передъ московскимъ правительствомъ и другое значительное лицо въ Малороссіи. «Было бы всего лучше,—писалъ Бруховецкій о Меѳодіѣ,—еслибъ онъ, поѣхавши въ Москву, тамъ бы и остался или въ какомъ-нибудь иномъ мѣстѣ государь жить ему указалъ, а то вотъ теперь, какъ онъ заѣхалъ, иной свѣтъ здѣсь безъ него становится». Бруховецкій своими доносами набрасывалъ подозрѣніе и на такія лица, которыя не могли имѣть прямого значенія въ управленіи Малороссіи: такъ онъ представлялъ опаснымъ, что покойнаго Богдана Хмельницкаго жена и дочь отступившаго отъ царя Гуляницкаго пріѣхали въ Кіевъ и остановились въ Печерскомъ монастырѣ. Бруховецкій раздражалъ противъ себя и поспольство, посягая на его матеріальныя выгоды, онъ доносилъ на воеводъ, что они дозволяютъ посполитымъ людямъ въ селахъ курить вино, тогда какъ однимъ казакамъ дозволялось имѣть винокурни. Такихъ мелочныхъ доносовъ со стороны гетмана было писано множество, и понятно, что онъ ими наживалъ себѣ недоброжелателей и возбуждалъ противъ себя неудовольствіе въ большой массѣ жителей.

X.

Перемиріе Россіи съ Польшею.—Посольство стольника Ладыженскаго къ крымскому хану.—Убійство Ладыженскаго запорожцами.—Розыскъ и переписка по этому дѣлу.—Недоразумѣнія казаковъ съ воеводою въ Полтавѣ.—Розыскъ, произведенный въ Полтавѣ Кикинымъ.

Наконецъ, состоялось давно затѣянное дѣло примиренія Россіи съ Польшею. Послѣ іюньской пріостановки военныхъ дѣйствій, уполномоченные обѣихъ державъ продолжали дѣлать между собою съѣзды и долго не могли согласиться, разъѣзжались, сносились съ своими правительствами, съѣзжались опять, и такъ тянулось дѣло до новаго 1667 года. На сторонѣ Польши стало опять болѣе надеждъ и поводовъ для упорства, чѣмъ на сторонѣ Москвы. Государство московское находилось не въ блестящемъ положеніи: финансы были истощены и запутаны, монеты было мало, и новой не дѣлали, жалованье служилымъ раздавалось сибирскими мѣхами, вмѣсто денегъ; мѣха нужно было продавать иногда ниже цѣны, по какой цѣнились они при отдачѣ служилымъ, и въ самыхъ мѣхахъ былъ недостатокъ, войско было плохо обучено, содержать его было трудно, предводители то-и-дѣло

Digitized by Google

жаловались, что ихъ подчиненные самовольно бѣгутъ со службы; крѣпости были въ упадкѣ; народъ страдалъ отъ поборовъ и корыстолюбія властей; воеводы и дьяки, посылаемые управлять городами и областями, заботились только о собственной наживѣ, механизмъ управленія расшатался; самъ верховный владыка государства угрязъ въ мелочной набожности, мало знакомился съ текущими дѣйствительными нуждами народа, успокоивая совѣсть свою тѣмъ, что соблюдалъ церковный уставъ, тѣшился церковнымъ богослуженіемъ и раздавалъ милостыню нищимъ изъ казны, собранной съ обнищавшаго народа. Человѣкъ добрый, искренно желавшій добра всѣмъ, онъ поддавался вліянію тѣхъ, которые были къ нему близки, пользовались его довѣріемъ и добротою и нерѣдко обманывали его. Дѣлопроизводство было въ рукахъ лукавыхъ дьяковъ, гонявшихся за своими мелочными выгодами; вездѣ господствовали лицемѣріе и тупоуміе. Не было у московскаго государства ни союзниковъ, ни доброжелателей. У Польши, напротивъ, была тогда союзницею татарская сила, страшная своимъ опустошительнымъ способомъ веденія войны. Уже не могло быть болѣе рѣчи объ удержаніи того положенія, какое принята-было Россія въ половинѣ XVII вѣка, при Богданѣ Хмельницкомъ, когда между Польшею и Россіею ставился вопросъ: кому изъ нихъ первенствовать между собою? Теперь не думали болѣе не только объ удержаніи всего великаго княжества Литовскаго, но даже и о сохраненіи за собою всей Украйны, добровольно отдавшейся подъ власть Москвы. Трудно было Москвѣ домогаться этого, такъ какъ Москва сама своею безтолковою политикою произвела въ Украйнѣ смуту, которая разложила общество на двѣ партіи—желавшихъ и нежелавшихъ пребывать въ государственной связи съ Москвою. Мало-по-малу, но скоро, нежелавшіе создали себѣ идеалъ самобытнаго независимаго существованія; однако, за недостаткомъ въ народѣ умственныхъ и нравственныхъ способовъ къ достиженію такого идеала, метались малороссіяне то въ ту, то въ другую сторону, цѣпляясь за надежду то на поляковъ, то на татаръ и турокъ. Московское правительство, чувствуя ослабленіе силъ своего государства, уперлось только на томъ, чтобъ удержать хотя небольшую часть изъ того, что ему добровольно отдалось. Такимъ образомъ, Москва не прочь была оставить за Польшею всю правую сторону Днѣпра, а для себя ограничиться пріобрѣтеніемъ лѣвой, которой значительная часть принадлежала уже ей давно, и только послѣ смутнаго времени, при отцѣ царствовавшаго государя, была утрачена. Благочестивому царю Алексѣю Михайловичу хотѣлось удержать

Digitized by Google

на правой сторонѣ хотя Кіевъ съ окрестностями на пять или на шесть верстъ, даже хотя бы временно, лѣтъ на пять, въ надеждѣ, что обстоятельства измѣнятся въ теченіи этого времени. Польскіе уполномоченные не соглашались и на это; и царь рѣшался уже, наконецъ, пожертвовать Кіевомъ. Но тутъ Дорошенко, объявивши себя открытымъ врагомъ Польши и заключивши договоръ съ ханомъ, навелъ татаръ, которые стали опустошать польскія области и, такимъ образомъ, изъ недавнихъ союзниковъ Польши, вдругъ стали ея врагами. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался русскій уполномоченный Ордынъ-Нащокинъ и выговорилъ у польскихъ коммиссаровъ уступку Кіева, впрочемъ, только на два года. Поляки надѣялись, что въ теченіи этого срока они успѣютъ передѣлать въ Украйнѣ все на свой ладъ, и непостоянная орда снова станетъ дѣйствовать въ ихъ видахъ. Такимъ образомъ, 13 января 1667 года было заключено перемиріе на 13 лѣтъ до іюня 1680 года [1]). Все-таки Москва должна была приплатиться подаркомъ польскимъ коммиссарамъ: имъ дали по десяти тысячъ злотыхъ, а главному изъ нихъ—референдарю Брестовскому—вдвое. Какъ видно, польскіе государственные люди уже въ то время склонны были принимать подарки отъ чужихъ державъ за веденіе дѣлъ, хотя бы и противъ выгодъ своего собственнаго отечества [2]).

---

[1]) Полное собр. зак., I, 657—675.

[2]) Выписываемъ изъ договора мѣста, относящіяся до Малороссійскаго края:

Пунктъ 3. А которые городы и земли отъ Коруны польской и великаго княжества Литовскаго завоеваны суть, и оставають во владѣніи и въ державѣ его царскаго величества, се есть Смоленскъ со всею сѣверскою землею, съ городами и съ уѣздами, которые отъ того краю отъ Витебского и отъ Полотского, и отъ Лифляндъ, отъ Лютинского уѣздомъ до Смоленска, то-есть Дорогобужъ, Бѣлая Невль, Себежъ, Красное, такожъ и Велижъ, хотя издавна до воеводства витебского належащій съ своими мѣстами и съ уѣздами, а съ другого краю, гдѣ есть сѣверскіе городы, около Чернигова всѣ городы и земли, какими ни есть провищами и урочищами названіе, оставались имѣютъ всѣ въ сторонѣ его царского величества; а къ сторонѣ его королевского величества отъ Днѣпра, что подъ Кіевомъ, и черезъ весь тотъ край до Путивльского рубежа никакого города, и ни мѣста, и ни волости во владѣніи, въ нынѣшнія перемирныя лѣта, отъ нынѣшняго времени и дня, належати не будетъ, не переходя однакожъ рубежей воеводствъ полотского, витебского и мстиславского, такожъ и повѣтовъ оршанского, мозырского, рѣчицкого и браславского, такожъ и лифляндского рубежа, такъ какъ въ себѣ тѣ рубежи, и къ давнымъ своимъ очертаніи до войны имѣли, и со всѣми уѣздами, деревнями и волостьми съ обѣихъ сторонъ Днѣпра и Двины рѣкъ, и съ ихъ будучими, до тѣхъ же воеводствъ и повѣтовъ, которые въ державѣ его королевской милости и Рѣчи-Посполитой оставаются належащими, опричь Велижа, которой для покою святаго отъ воеводства витебского отлученъ, и въ сторону его царского величества симъ договоромъ до перемирныхъ лѣтъ оставленъ есть, и низъ Днѣпра, что именуются Запороги, и тамошніе казаки,

Digitized by Google

По заключеніи договора съ поляками въ силу того же договора, въ мартѣ изъ Москвы отпущенъ былъ въ Крымъ гонцомъ стольникъ Ефимъ Лодыженскій, вмѣстѣ съ крымскимъ гонцомъ Мугаметъ-Агою, который отъ хана пріѣзжалъ къ царю съ предложеніемъ начать переговоры о мирѣ. Лодыженскій съ товарищемъ своимъ подъячимъ Скворцовымъ ѣхалъ на Полтаву, взялъ отъ тамошняго воеводы Волконскаго провожатыхъ рейтаровъ и слѣдовалъ къ переправѣ на Днѣпрѣ у Переволочны. Переѣхавши

въ какихъ они тамъ оборонахъ, островахъ и поселеніяхъ своихъ живутъ, имѣютъ быть въ послушаніи, подъ оборономъ и подъ высокою рукою обоихъ великихъ государей нашихъ, на общую ихъ службу отъ наступающихъ, отъ чего Боже сохрани, бусурманскихъ силъ; однакожъ тѣмъ всѣмъ, всякаго чину жителемъ, которые въ сторонѣ его царскаго величества, въ мѣстахъ черезъ сіи договоры до подлинного времени уступленныхъ, останутъ, вольное имѣютъ быть во всѣхъ тѣхъ мѣстѣхъ употребленіе вѣры святой католической, безъ всякаго въ отправованіи богомолія своего въ домахъ своихъ затрудненія, а взаимъ тѣмъ всѣмъ всякаго чина русскимъ людемъ, которые въ сторону его королевскаго величества въ мѣстахъ черезъ сіи договоры уступлены оставаютъ, вольное имѣетъ быть употребленіе вѣры греческой, безъ всякаго въ отправованіи службы Божіей затрудненія, и въ тѣхъ же всѣхъ, черезъ сіи договоры, оставающихся въ сторонѣ его царскаго величества мѣстахъ и земляхъ, какъ отъ Коруни польской въ Украйнѣ, такожъ и отъ великаго княжества Литовскаго, никакихъ новыхъ городовъ на новыхъ мѣстахъ во время того перемирья строить, и ни изъ тѣхъ же мѣстъ уступленныхъ изъ городовъ и мѣстъ и волостей, никакого чину людей до государства московскаго, съ поселеній своихъ выводити его царское величество не велитъ.

4. И то укрѣпляемъ, что никакая надъ казаки украинскими по ту сторону Днѣпра, отъ Переяславля будучими, месть чинена быти не имать, за то, что нѣкоторые въ сторону его королевскаго величества и Рѣчи-Посполитой поддавались, а тѣхъ казаковъ по другой сторонѣ рѣки Днѣпра отъ Кіева будущихъ, его царское величество отъ присяги, себѣ на подданство учиненной, освобождаетъ, и въ оборону свою принять, и до мѣстъ и городовъ, тамъ будущихъ, вступатися во все время сего перемирья не будетъ и не велитъ; а противъ того, и его королевское величество тѣхъ казаковъ по другой сторонѣ рѣки Днѣпра, отъ Переяславля будущихъ, въ оборону свою принимати и до мѣстъ и городовъ тамъ будущихъ, вступатися въ тѣ перемирныя лѣта не будетъ и не велитъ.

7. А самой городъ Кіевъ съ тѣми же монастырями Печерскими и съ иными въ Кіевѣ оставленными околицами, такожъ и съ служками съ старыми, съ которыми напередъ сего Кіевъ въ сторону царскаго величества принятъ и съ живностію въ то время тамъ же будучею, въ сторону его королевскаго величества и Рѣчи-Посполитой имѣетъ быть отданъ и очищенъ до первой о вѣчномъ покоѣ комиссіи, въ тѣхъ перемирныхъ лѣтахъ припадающей, се есть въ два года, отъ нынѣшняго договора считаючи, дастъ Господь Богъ, въ пришломъ 1669 году въ мѣсяцѣ апрѣлѣ въ 15 день, по новому календарю приподающемъ; однакожъ, до того очищенія Кіева и отданія онаго въ сторону его королевскаго величества и Рѣчи-Посполитой, имѣетъ быти отъ великихъ государей нашихъ межъ собою черезъ посланниковъ съ любительными грамотами обсылка, чтобъ съ одной стороны о отдачи, а съ другой стороны, о принятіи не безъ вѣдома бію, которыя обсылки, хотя бы и не были, однакожъ городъ Кіевъ въ сторону его королевскаго величества и Рѣчи-Посполитой за

Digitized by Google

Днѣпръ пришелъ генералъ поѣхалъ впередъ, а Лодыженскій, ѣдучи за нимъ позади, 4 апрѣля, увидѣлъ за собою полтораста казаковъ запорожскихъ, зимовавшихъ въ малороссійскихъ городкахъ и на весну возвращавшихся въ Сѣчу. Они ѣхали вслѣдъ за Лодыженскимъ, а 6 апрѣля обминули его и поѣхали впередъ. На

срокъ, противъ описанія нынѣшняго, возвращенъ и уступленъ быти повиненъ, которой тотъ Кіевъ, черезъ тѣ два года показѣется въ державѣ его царскаго величества будетъ имѣть, имѣти крѣпкую съ войска его царскаго величества оборону, какъ противъ бусурманъ, такожъ и противъ своевольныхъ казаковъ, гдѣ и живности и запасовъ воинскихъ до обороны по надобью его царское величество давати велитъ, а за то никакой при уступленіи того Кіева награды отъ его королевскаго величества и отъ Рѣчи-Посполитой, его царское величество потребовати не будетъ.

9. А что съ стороны розной красоты и вещей костельныхъ и церковныхъ, Господу Богу на хвалу посвященныхъ, яко-жъ всякая утварь святости, и мощи, нижняя части дерева креста Господня, въ Люблинѣ взятыя и разныхъ образовъ и украсъ костельныхъ и церковныхъ, то все, что ни есть, въ государствѣ его царскаго величества обрѣтатися будетъ могло, не далѣй одного году за обсылкою великихъ нашихъ государей возвращено будетъ; а о колоколахъ изъ панства его королевскаго величества и Рѣчи-Посполитой, до государства его царскаго величества московскаго вывезенныхъ, на первой коммиссіи черезъ великихъ съ обѣихъ сторонъ полномочныхъ пословъ до удовольствія договоръ учиненъ быти имѣетъ.

18. И то постановили есмь, чтобъ обои великіе государи послали до хана крымскаго и въ своихъ грамотахъ сей утвержденный покой ему объявили, чтобъ для сосѣдства ханъ крымскій съ своими ордами былъ съ нашимъ великимъ государемъ въ общей дружбѣ и въ любительныхъ ссылкахъ, а отъ войны достаточно переставъ, понеже великіе государи наши ужъ межъ собою въ братской любви пребываютъ; а буде ханъ крымской тѣмъ возгордитъ и въ сосѣдствѣ общимъ пріятелемъ быти не похочетъ, и войны своей достаточно не престанетъ, тогда какъ въ Украйнѣ, какъ и въ Кіевѣ и въ Запорогахъ и въ иныхъ Украйныхъ городѣхъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Днѣпра обои войска, такъ Корумы польскія и великаго княжества Литовскаго, какъ и государства его царскаго величества московскаго, съ Украйными тамошними людьми противъ орды и хановыхъ силъ всегда готовы быти имѣютъ и отпоръ давати, какъ общему непріятелю, будутъ; также и въ Запорогахъ и на Дону споворчной и оборонной промыслъ надъ бусурманы не престанетъ. А есть ли бы ханъ крымской по тому обѣщенію хотѣлъ третьимъ быть съ великими государи нашими въ пріятствѣ: тогда о способѣхъ успокоенія въ заходящихъ разностяхъ, обои великіе государи наши межъ собою совѣщутся, и чтобъ до общаго пріятства дойти могли, радѣніе учинятъ.

19. Также для совершеннаго объявленія великіе государи наши пошлютъ пословъ своихъ къ цесарю турскому, объявляючи, какъ пограничному сосѣду, о семъ покоѣ учиненномъ, чтобъ цесарь турской, прежнее пріятство подтвердивъ, хану крымскому приказалъ въ сосѣдствѣ спокойно пребывати, и жестоко заказалъ, чтобъ до войны напрасно, случая, не давалъ. И когда-бъ заданіемъ причины отъ орды до войны съ ханомъ и съ татары обоимъ великимъ государемъ нашимъ пришло, отъ чего бы и салтанъ турской вступаючись за орду въ войнѣ противъ тѣхъ обоихъ великихъ государей нашихъ, или противъ единаго изъ нихъ возстати имѣлъ: тогда общими силами и войски отпоръ бусурманомъ во всякой потребѣ, съ обѣихъ сторонъ свои силы соединяючи, обои великіе государи наши давать будутъ.

Digitized by Google

урочищѣ Первой-Пришибѣ у рѣчки Базавлука напали они на крымскаго гонца, опередившаго съ своими татарами русскаго гонца. Запорожцы убили крымскаго гонца съ тринадцатью товарищами, побрали ихъ лошадей и все ихъ имущество, а семь татаръ ускользнули отъ бойни и прибѣжали только съ двумя лошадьми къ московскому гонцу подъ защиту. Лодыженскій продолжалъ съ ними свой путь и прибылъ въ Сѣчу 8 апрѣля. Московскій гонецъ заявилъ запорожскому кошевому Ждану-Рогу о несчастіи, постигшемъ ѣхавшаго обратно изъ Москвы крымскаго гонца, требовалъ сыскать и казнить убійцъ. Кошевой сказалъ:

— У насъ въ Сѣчи этихъ воровъ нѣтъ, и такое лихое дѣло сталось безъ вѣдома кошевого начальства.

Вслѣдъ затѣмъ явилось въ Сѣчь 30 человѣкъ изъ той полуторастасотенной партіи казаковъ, которые ѣхали двое сутокъ съ Лодыженскимъ, догнавши его на дорогѣ. Это былъ казакъ Иванъ Соха съ товарищами; они не приставали къ разбою.

Лодыженскій требовалъ, чтобъ его отпустили продолжать свое порученіе. Но апрѣля 10-го запорожцы собрались на раду и порѣшили на ней, отобрать у гонца и письма и деньги; съ нимъ были: государева казна въ «легкихъ поминкахъ» крымскому хану и царское жалованье, посланное къ плѣнному боярину Василію Борисовичу Шереметеву, была съ нимъ также царская грамота къ хану и письма къ находившемуся при ханѣ царскому посланнику Якушкину. Запорожцы все пересмотрѣли, но писемъ, отнятыхъ у гонца, не читали. Гонцу было сказано, что его тотчасъ не отпустятъ, потому что о томъ нѣтъ въ Сѣчѣ ни царскаго указа, ни гетманской грамоты.

Итакъ, волею-неволею Лодыженскому пришлось оставаться въ Сѣчѣ, и онъ самъ не зналъ, какъ долго ему тамъ быть.

12 апрѣля, задержанный гонецъ отправилъ извѣстіе къ Бруховецкому, но кошевой съ своей стороны послалъ гетману письмо, въ которомъ оправдывалъ себя и увѣрялъ, что крымскаго гонца убили воры безъ вѣдома кошевого начальства.

Лодыженскій, оставаясь въ Сѣчѣ, былъ свидѣтелемъ, какъ въ Сѣчь пріѣзжали посланцы отъ Дорошенка. Кошевой по этому поводу собиралъ раду; на ней обсуждались предложенія Дорошенка и составлялся отвѣтъ, но великороссіяне, задержанные въ плѣну, не могли подлинно узнать, о чемъ у запорожцевъ идетъ дѣло. Только запорожцы намеками говорили рейтарамъ: государевы люди московскіе въ малороссійскихъ городахъ на залогахъ стоятъ; мы ихъ всѣхъ выведемъ, чтобъ въ нашихъ малороссій-

Digitized by Google

сихъ городахъ не было на заставахъ ни одного царскаго ратнаго человѣка [1]).

Въ Москвѣ, получивши нежданную вѣсть о Лодыженскомъ, тотчасъ отправили къ гетману въ посольство стольника Василія Кикина. Онъ повезъ царскій указъ: послать въ Запорожье вѣрныхъ и досужихъ людей и приказать кошевому Жданову-Рогу и всему запорожскому товариществу сдѣлать розыскъ о совершившемся убійствѣ ханскаго гонца, узнать, не было ли воромъ подсылки отъ Дорошенка, преступниковъ казнить смертію, а Лодыженскаго и оставшихся въ живыхъ татаръ, товарищей убитаго ханскаго гонца, возвративъ имъ ихъ имущество, отпустить въ Крымъ съ провожатыми до перваго татарскаго города Шекерменя.

Мая 18-го пріѣхалъ Кикинъ къ Бруховецкому въ Гадячъ. Прочитавши царскій указъ, гетманъ отправилъ въ Сѣчь гадячскаго полковаго есаула Ивана Донца сообщить кошевому царскую волю.

— Все это дѣло проклятаго Дорошенка,—говорилъ Кикину Бруховецкій,—онъ подсылаетъ въ Запорожье своихъ посланцевъ; хочется ему притянуть войско къ своему дѣлу! Опасаюсь, какъ бы онъ лукавствомъ своимъ не прельстилъ кошевого! И къ намъ присылаются «прелестныя» письма и отъ Дорошенка и отъ крымскаго хана Адиль-Гирея: приглашаютъ старшину и все посполство къ соединенію съ собою.

Въ Сѣчѣ, между тѣмъ, еще до пріѣзда туда гетманскаго посланца Донца, 12-го мая свинули съ кошевого атаманства Жданa-Рога, избрали новаго атамана и тогда заговорили на радѣ, какъ поступить съ задержаннымъ царскимъ гонцомъ.

— Надобно сыскать тѣхъ, что крымскаго гонца убили,—сказалъ низложенный съ атаманства Жданъ-Рогъ.

— А какъ ихъ сыскивать?—отвѣчали казаки.—Самъ ты про нихъ вѣдаешь! Вѣдь мурзина рухлядь у тебя-то въ курени!

У низложеннаго съ атаманства Жданa-Рога произвели обыскъ и нашли лукъ, саадачное лубье (колчанъ) и шапку мисюрку (желѣзную).

— Вотъ оно — мурзино! — говорили казаки. — Жданъ-Рогъ объяснялъ: «это мнѣ принесли казаки въ подарокъ, а гдѣ они достали, про то мнѣ не сказали!»

Казаки не учинили надъ Жданомъ-Рогомъ никакой расправы и, какъ видно, не разыскивали, отъ какихъ казаковъ принесены подарки Жданову-Рогу.

---

[1]) А. Ю. и З. Р., VI, 185.

15-го мая запорожцы на радѣ рѣшили отпустить царскаго гонца съ провожавшими его рейтарами, а разомъ съ нимъ отпустить въ Крымъ и татаръ, товарищей убитаго ханскаго гонца. Ихъ всѣхъ посадили въ лодки, а за ними отрядили такие въ лодкахъ, какъ-бы провожаючи ихъ, сорокъ человѣкъ запорожцевъ; отправился съ ними и самъ новый кошевой Остапъ Васютенко. Плыть Днѣпромъ доводилось имъ только пять верстъ, а потомъ надобно было ѣхать сухопутьемъ; для этого выслали впередъ къ Каменному перевозу (отстоявшему семь верстъ отъ Сѣчи) лошадей съ прапорщикомъ рейтарскаго строя Пеннинымъ, съ тридцатью рейтарами и съ семью казаками.

Какъ только Лодыженскій успѣлъ отплыть по Днѣпру версты двѣ, кошевой Остапъ Васютенко (другое прозвище его было Черемисъ) съ товарищами послѣдовалъ за нимъ въ лодкахъ. Догнавши его, запорожцы приказали Лодыженскому со всѣми плывшими съ нимъ причалить и выходить на берегъ. Великороссіяне, видя, что ихъ немного, повиновались. Казаки сняли съ нихъ платье и даже рубахи и приказали имъ нагишомъ стать въ кругъ, а сами стали около нихъ съ пищалями. «Бѣгите въ воду въ Днѣпръ!» — крикнули на нихъ казаки. Великороссіянамъ некуда было дѣваться; они стали прыгать въ воду. Тогда казаки стрѣляли по нимъ изъ пищалей. Пуля попала въ Лодыженскаго; онъ первый пошелъ ко дну; прочіе усилили свое плаваніе, но казаки вступили въ лодки, пустились за ними и стали ихъ бить: убили переводчика, бывшаго при царскомъ гонцѣ, убили рейтарскаго поручика Алексѣя Снѣтина, убили пять солдатъ, четырехъ посольскихъ татаръ и двухъ боярскихъ людей Лодыженскаго. Прочіе: подъячій, прапорщикъ, трое солдатъ, нѣсколько людей боярскихъ, бѣлогородскій станичникъ Переверзевъ и одинъ посольскій татаринъ успѣли доплыть до берега; только подъячему дали веслом такой ударъ по головѣ, что онъ, достигши до берега, упалъ за-мертво на землю, а очнувшись, съ трудомъ поплелся за своими товарищами. Всѣ пошли нагишомъ въ Сѣчу. Другіе, которые изъ Сѣчи отправились съ рейтарскимъ прапорщикомъ Пеннинымъ къ Каменному перевозу и взяли лошадей для гонца и его свиты, были настигнуты казаками; ихъ ограбили, отняли у нихъ лошадей, и они пѣшкомъ пришли въ Сѣчь. Только двое бывшихъ съ ними посольскихъ татаръ успѣли верхомъ ускакать по степи къ крымскимъ городкамъ.

Изъ Сѣчи отпустили подъячаго и всѣхъ спасшихся отъ смерти великороссіянъ въ Полтаву. Но пока они пробыли въ Сѣчи, то услыхали отъ казаковъ такія слова: «намъ быть въ

Digitized by Google

соединеніи съ Дорошенкомъ. Полтавскій полковникъ съ нами въ пріятствѣ. Мы на томъ порѣшили, чтобы всѣхъ царскихъ ратныхъ и начальныхъ людей вывести вонъ изъ малороссійскихъ городовъ и чтобъ у насъ въ малороссійскомъ краѣ никакихъ воеводъ съ отцовъ и съ родичей нашихъ не было».

«Многія непристойныя слова запорожскіе казаки тогда произносили», прибавилъ переданавшій воеводѣ въ Полтавѣ эти свѣдѣнія подъячій Скворцовъ.

23-го мая извѣстилъ своего боярина и гетмана кошевой Остапъ Васютенко, что въ «Сѣчи убили до смерти царскаго гонца, стольника Ефима Лодыженскаго, и пограбили все, что съ нимъ было, но кто это сдѣлалъ, по какому поводу и когда, о томъ въ писемъ кошевого къ гетману не было ничего сказано. Бруховецкій, получивши неожиданное извѣстіе, хотѣлъ-было писать универсалы во всѣ полки, чтобы шли противъ мятежниковъ, но, какъ объяснялъ Кикину, раздумалъ, опасаясь измѣны между казаками. Это все — говорилъ онъ Кикину — устроилъ прежній кошевой Жданъ-Рогъ для своей бездѣльной корысти и для грабежа.

Посланный гетманомъ Иванъ Донецъ пріѣхалъ въ Сѣчу на Троицынъ день, 26-го мая. Запорожцы собрали раду. Прочитали письмо гетмана, въ которомъ требовалось сыска преступниковъ. Тутъ поднялась разноголосица и перебранка между казаками «старшинными», т.-е. бывшими въ Сѣчѣ лѣтъ по пяти, по десяти и болѣе, и казаками-новичками, пришедшими туда недавно, большею частію изъ правобережной Украйны. Старинные казаки говорили новичкамъ: «все зло отъ васъ изъ-за Днѣпра пришло!» Новички обратились къ Донцу, показывали ему бумаги, отнятыя у Лодыженскаго.

— «Видишь», — толковали новички — «государь московскій помирился съ польскимъ королемъ, а все для того, чтобъ наше Запорожье снесть. Вотъ за это-то и стольника и татаръ потопили!»

Кошевой «тайнымъ обычаемъ» сказалъ Донцу: «уйди къ себѣ въ курень, а то какъ-бы тебя здѣсь не убили!»

Донецъ ушелъ изъ рады. Черезъ нѣсколько времени пришелъ къ нему кошевой со старшинами, сказалъ, что рада окончилась, но не сообщилъ Донцу, чтобъ какой-нибудь приговоръ состоялся на радѣ о сыскѣ преступниковъ, чего домогался гетманъ. «Не знаемъ» — говорилъ кошевой — «что съ этими своевольниками дѣлать! Много ихъ нашло тутъ на Запорожьѣ. Ни меня, ни старшинъ не слушаютъ. Во всемъ полагаюсь на государево изволеніе».

Digitized by Google

Кто-то изъ старшинъ говорилъ: «пущій бунтовщикъ—Страхъ. Онъ утопилъ Ефима. Его было-поймали и приковали къ пушкѣ, а онъ напоилъ караульщика и чуть не убилъ его, да сломалъ съ цѣпи замокъ и ушелъ невѣдомо куда».

Тутъ сообщили запорожцы, объявившіе себя выходцами изъ турецкаго городка Исламъ-Кермени, что при нихъ къ туркамъ пришелъ запорожецъ, утопившій Лодыженскаго и татаръ, и турки велѣли его повѣсить.

Этотъ казакъ—сказали старшины—не кто иной какъ Страхъ, родомъ изъ Кальниболота.

Продержавъ гетманскаго посланца два дня въ Сѣчѣ, кошевой отпустилъ его съ письмомъ къ гетману.

Бруховецкій отправилъ самого Ивана Донца въ Москву вмѣстѣ съ двумя письмами (отъ 21-го и 29-го мая), присланными отъ кошевого къ гетману.

«Убійство гонца—писалъ кошевой:—совершено своевольными людьми безъ вѣдома кошевого начальства; но въ статьяхъ, взятыхъ у убитаго, увидали мы, что насъ, какъ дѣтей яблокомъ, тѣшитъ царь бумажными листами, чтобъ мы его царскому величеству вѣрно служили, а самъ великій государь, взявъ братское желательство съ королемъ польскимъ, тотчасъ съ тѣмъ же и къ хану отзывается, и обѣщаетъ насъ умалить. Уже и началось то, что царь-государь обѣщалъ: для какой-то причины бѣдныхъ людей, отъ войны разоренныхъ, зѣло утѣсняютъ. Стольникъ Лодыженскій смерть принялъ за то, что въ городкахъ нашихъ люди великія обиды отъ нихъ (великороссіянъ) терпятъ. Изволь же, ваша вельможность, въ любви съ нами жить, а его царскому величеству учинить извѣстіе, чтобы указано было ратнымъ людямъ перестать чинить въ городахъ нашихъ вимыслы, а будетъ не перестанутъ, храни Боже, чтобъ не загорѣлся бо́льшій огонь». Давалось обѣщаніе покарать убійцъ, когда найдутся, «только бы царь-государь за преступленіе этихъ убійцъ не держалъ гнѣва на всѣхъ запорожцевъ». Если же будетъ иначе, кошевой приводилъ гетману такую угрозу: «когда человѣкъ хочетъ ниву пахать, то прежде терніе изъ земли вымечетъ; подобно тому предки наши, не щадя здоровья своего, но претерпѣвая все, что приходилось претерпѣть, выдергивали изъ отчизны терніе, чтобъ намъ она уродила свободу; и намъ свобода дороже всего на свѣтѣ; да и рыбамъ, и птицамъ, и звѣрямъ и всякому созданію мила она. Какъ намъ не скорбѣть, когда за наши заслуги хотятъ насъ въ неволѣ держать?»

Бруховецкій, отправляя въ Москву Донца, въ своей грамотѣ

Digitized by Google

къ царю указывалъ, что «смуту разносятъ убѣжавшіе въ Запорожье мужики, не хотячи отдавать уставныхъ даней въ царскую казну, а тутъ еще возбуждаютъ смятеніе и тѣ, что убѣжали въ Запорожье отъ великихъ насильствъ и обидъ, причиняемыхъ воеводами». Гетманъ указывалъ на необходимость усмирять мятежи великорусскимъ войскамъ, на своихъ же казаковъ разныхъ полковъ, гетманъ не надѣялся: между ними, по его словамъ, такихъ не мало было, что сами сдѣлаться могутъ зачинщиками.

Въ Москвѣ Донецъ сообщалъ, между прочимъ, что въ Запорожьѣ гнѣваются на гетмана главнымъ образомъ за то, что онъ билъ государю челомъ о воеводахъ, ратныхъ людяхъ и переписчикахъ.

Іюня 26-го дана была Донцу отвѣтная царская грамота къ гетману. «Узнали мы»—говорилось въ ней—«что въ малороссійскихъ городахъ лихіе люди составляютъ злые совѣты о денежныхъ и хлѣбныхъ сборахъ на продовольствіе ратныхъ людей и въ тягость себѣ то ставятъ, что на ихъ же оборону наши царскіе люди въ городахъ живутъ. Переписчики посланы не на раздраженіе, а на успокоеніе украинскаго народа, притомъ посланы они по единомышленному челобитію вашему же, гетмана, полковниковъ, сотниковъ, казаковъ и черни, въ чемъ мы, великій государь, вамъ и всему посполству повѣрили и нынѣ надѣемся безъ всякаго оскорбленія народа въ Украйнѣ содержать и прокормить нашихъ ратныхъ людей, присланныхъ къ вамъ къ оборонѣ и защитѣ». Бруховецкому внушалось держать совѣтъ съ Шереметевымъ о средствахъ какъ сдерживать легкомысленныхъ людей и безъ отягощенія народнаго прокормить царскихъ ратныхъ въ малороссійскихъ городахъ.

Несчастное приключеніе съ Лодыженскимъ совпало съ другимъ дѣломъ, полтавскимъ. 9-го іюня Кикинъ, находясь въ Гадячѣ, получилъ царскій указъ ѣхать въ Полтаву для сыска. Между полтавскимъ воеводою Волконскимъ и полтавскимъ полковникомъ Витязенкомъ, а разомъ и между служилыми великороссіянами съ одной стороны, и мѣстными казаками и посполствомъ съ другой, возникли недоразумѣнія и споры. Полтавцы жаловались, что воеводы и ратные люди берутъ съ нихъ неправильные поборы, творятъ надъ ними насильства, отнимаютъ казацкія мельницы; а воевода съ своей стороны жаловался, что полковникъ живетъ съ нимъ не въ совѣтѣ, не допускаетъ собирать слѣдуемыхъ въ царскую казну пошлинъ съ пріѣзжихъ лю-

Digitized by Google

дей и ставитъ свои караулы на ярмаркахъ и слободахъ. Кикинъ въ Полтавѣ учинилъ дознаніе: оказались безпорядки въ управленіи и дѣлопроизводствѣ. Воевода бралъ въ казну денежный и медовый оброки не только съ посполитыхъ, но и съ казаковъ, отого, что во время произведенной переписи записаны были въ поспольство такіе, что были на самомъ дѣлѣ казаками. Въ Украйнѣ былъ таковъ обычай: люди назывались разными прозвищами; у иного было три и четыре такихъ прозвищъ, по-отцу, по-тестю, по-женѣ; случилось, что переписчики, по сходству прозвищъ, ошибкою записали казаковъ въ посполитые, и тѣ же самые казаки подъ другими прозвищами попали въ казацкіе списки, а во время производства переписи были на службѣ въ Кременчугѣ, а иные въ Запорожьѣ и лично не могли подавать о себѣ свѣдѣній. Переписчикъ, живя въ Полтавѣ, по уѣзду не ѣздилъ, а посылалъ вмѣсто себя подъячихъ, и послѣдніе, торопясь, записывали казаковъ мужиками за-очно, не въ состояніи будучи разспросить ихъ самихъ, кѣмъ они себя признаютъ; мужики же нарочно передъ подъячими называли этихъ казаковъ мужиками для своего облегченія, чтобъ эти казаки, за-одно съ ними, отбывали повинности. И теперь эти казаки били челомъ о возвратѣ взятаго съ нихъ неправильно оброка. Полковникъ и казаки жаловались, что воевода беретъ взятки съ торговыхъ людей на ярмаркѣ и тѣмъ отгоняетъ купцовъ, а воевода жаловался, что полковникъ и полковые старшины грозили бить до смерти сборщиковъ государевыхъ ярмарочныхъ пошлинъ. Когда Кикинъ по этому дѣлу началъ наводить справки и разспрашивать разныхъ лицъ, то многіе изъ малороссіянъ наединѣ представляли ему въ дурномъ свѣтѣ кто полковника, а кто воеводу, но тутъ же говорили, что не станутъ повторять этого гласно, дабы не навлечь гнѣва тѣхъ, кого обличали.

Въ іюлѣ, по возвращеніи Кикина изъ Полтавы въ Гадячъ, гетманъ отпустилъ его къ государю съ челобитьемъ отдать запорожцамъ ихъ вину въ виду того, чтобъ они къ Дорошенку и хану крымскому не пристали.

Digitized by Google

XI.

Дорошенко наводитъ татаръ на Польшу. — Недачныя польскія посольства въ Турцію и Крымъ. — Коронный гетманъ Собѣсскій въ Подгайцахъ.—Битва съ Дорошенкомъ и татарами.—Польское войско въ осадѣ.—Сѣрко подвигаетъ запорожцевъ на Крымъ. — Разоренія въ Крыму. — Тревога между татарами.— Подгаецкій договоръ. — Неискренность Дорошенка.—Надежды на Турцію.— Письма къ Дорошенку Иннокентія Гизеля.—Братъ Дорошенка Григорій.—Сношенія Шереметева съ Дорошенкомъ.—Дубенскій у Дорошенка.—Письмо Дорошенка Шереметеву.—Увѣренія Дорошенка въ расположеніи къ Москвѣ.—Митрополитъ Тукальскій. — Стряпчій Тяпкинъ. — Переговоры Тяпкина съ братомъ Дорошенка.—Письмо Дорошенка къ Тяпкину.—Расположеніе къ Дорошенку народа на лѣвой сторонѣ.—Тревожное состояніе лѣвобережной Украйны.

Давши надежду на поступленіе въ подданство Турціи, Дорошенко просилъ хана, какъ турецкаго данника, двинуть свою орду на Польшу. Пораженіе Маховскаго было уже первымъ явленіемъ возобновленной вражды татаръ съ Польшею за казацкое дѣло. Польскій король, предупреждая дальнѣйшія намѣренія хана и Турціи, пытался уладить съ ними дружелюбнымъ способомъ и отклонить отъ доброжелательства къ Дорошенку. Въ Турцію отправленъ былъ посломъ знаменитый нѣкогда канцлеръ Радзіевскій. Сообщая туркамъ о заключеніи Андрусовскаго договора, этотъ посолъ присовокуплялъ, что у короля есть тайное желаніе искоренить все казачество, и собственно для того-то и миръ у него заключенъ съ Москвою, чтобъ разомъ истребить всѣхъ казаковъ и тѣхъ, что перешли подъ власть царя, и тѣхъ, что остались у короля подъ властью [1]). Радзіевскій, сообразно своей инструкціи, доказывалъ турецкому правительству, что братство казаковъ съ татарами представляетъ опасность и для самой Порты, такъ какъ казаки и теперь, какъ бывало уже прежде, будутъ вмѣстѣ съ татарами дѣлать разоренія въ турецкихъ областяхъ безъ вѣдома короля. Онъ просилъ турецкое правительство запретить константинопольскому патріарху сноситься съ казаками подъ предлогомъ религіозныхъ дѣлъ: можетъ патріархъ писать только къ лицамъ духовнымъ въ Польшѣ [2]). Не много дней спустя, Радзіевскій умеръ скоропостижно въ Константинополѣ. Оставшійся по кончинѣ Радзіевскаго, секретарь посольства Высоцкій, довершилъ переговоры и заключилъ между Портою и Польшею, такъ-называемый, «вѣчный» миръ, въ которомъ, однако,

---

[1]) А. Ю. и З. Р., VI., 242. Показаніе священника бирнаго тогда въ Царьградѣ.

[2]) Дѣла польской коронной метрики въ Арх. иностр. дѣлъ. Связка 22.

Digitized by Google

сильнѣе были обязательства со стороны Польши, чѣмъ со стороны Турціи. Польша обязывалась не принимать людей, ушедшихъ изъ вассальныхъ государствъ, подвластныхъ Портѣ, а заковавши доставлять ихъ до Счастливыхъ врать и запретить казакамъ запорожскимъ безпокоить турецкія области. Съ своей стороны, султанъ обѣщалъ запретить хану крымскому и татарамъ, состоящимъ подъ главенствомъ падишаха, причинять вредъ польскимъ областямъ, и если татары уже набрали тамъ ясыръ, то обязанъ отпустить всѣхъ польскихъ полоненниковъ по требованію короля, кромѣ принявшихъ чужую вѣру. Дозволялось обывателямъ Польши для торговли ѣздить по турецкимъ владѣніямъ, не платя мыта нигдѣ, кромѣ Константинополя и Адріанополя, но непремѣнно по давнимъ дорогамъ, а не прокладывать новыхъ. Но этотъ миръ не имѣлъ ни прочности, ни важнаго значенія на продолжительныя времена [1]). Въ Крымъ отправили изъ Польши посломъ Самуила Кобылецкаго, но тотъ не имѣлъ никакого успѣха; его отправили изъ Польши съ пустыми руками, а татарамъ хотѣлось отъ поляковъ денегъ, и ханъ ропталъ, что король уже нѣсколько лѣтъ не платитъ Крыму жалованья, которое татары называли данью. Дорошенко, напротивъ, завлекалъ татарское корыстолюбіе надеждою на поживу польскою добычею. Поэтому-то домогательства Дорошенка въ Крыму взяли верхъ надъ польскими. На миръ Польши съ Турціею и на запрещеніе султана въ Крыму немного обращали вниманія. Осенью 1667 года высланъ былъ изъ Крыма въ Украйну султанъ Калга Шерифъ-Гирей; съ нимъ были: султанъ Нуреддинъ, шесть салтановъ изъ рода Гиреевъ и много мурзъ. По свидѣтельству польскаго историка, съ ними тогда вышло орды до восьмидесяти тысячъ, а у Дорошенка казаковъ было до двадцати четырехъ тысячъ [2]). Но числа эти явно преувеличены, какъ и вообще польскіе источники рѣдко не преувеличиваютъ числа непріятелей своего отечества. Какъ бы то ни было, соединенныя силы орды двинулись на Польшу по призыву Дорошенка. Татары, по своему обычаю, тотчасъ же расыпались загоны для грабежа и захвата плѣнниковъ.

Янъ Собѣсскій, теперь возведенный въ званіе короннаго гетмана, услыхавши, что орда идетъ на Подолье, двинулся съ войскомъ въ Подгайцы, мѣстечко, принадлежавшее Потоцкимъ, укрѣпленное валами и рвами. Здѣсь онъ опустилъ нѣсколько отрадовъ по сторонамъ въ Покутье, на Львовскій трактъ и на

[1]) Ibid. Грамота султанская подписана по магометанскому времясчисленію мѣсяца сефера XV года 1078 (15 іюля, 1667).

[2]) His. J. K., II, 428.

Digitized by Google

Полѣсье, а самъ съ остальнымъ войскомъ рѣшился встрѣтить непріятеля въ Подгайцахъ. Паны, считавшіе себя опытными въ военномъ дѣлѣ, упорали его за раздробленіе силъ. Но гетманъ объяснялъ, что онъ поступилъ такъ для того, чтобъ татары, видя въ разныхъ мѣстахъ польскія войска, подумали о чрезвычайномъ количествѣ военныхъ силъ у поляковъ; притомъ гетманъ разсчитывалъ, что татары не увѣрятъ и разсыпятся въ загоны, а потому нужно будетъ стражать ихъ въ разныхъ мѣстахъ. Главная сила татаръ и Дорошенко съ казаками приблизились къ Подгайцамъ. Собѣскій вышелъ съ войскомъ показать непріятелямъ, что напали они не на трусовъ. Битва длилась до солнечнаго заката. Поляки бились храбро, и татары потеряли много своихъ воиновъ. Послѣ солнечнаго заката татары собрали трупы своихъ убитыхъ, свезли въ деревню и, наклавши ихъ въ хатахъ, зажгли хаты: для нихъ, какъ для мусульманъ, было ужасно оставлять своихъ мертвыхъ на полѣ безъ погребенія.

Послѣ этой первой стычки, татары не стали вступать въ битвы съ польскимъ войскомъ, а придумали всею громадою своихъ военныхъ силъ осадить поляковъ и побѣдить ихъ голодомъ. Прошло, такимъ образомъ, нѣсколько дней безъ боя; только удальцы съ обѣихъ сторонъ показывали свою личную отвагу и храбрость на герцахъ. Поляки разсказывали, что они тогда выдумывали разныя выходки, чтобъ напугать татаръ, которыхъ считали глуповатыми; такъ, напримѣръ, чтобъ непріятель думалъ объ изобиліи у нихъ огнестрѣльнаго оружія, они кидали ночью на непріятеля бочонки, обмазанные смолою, воображая, что татары примутъ ихъ за бомбы, или — снявши въ деревняхъ съ хатъ трубы, укрѣпляли на колесахъ, ставили на валахъ своихъ окоповъ и стрѣляли изъ ружей, вложивши ружья въ эти трубы: татарамъ показывалось, что на нихъ палятъ изъ пушекъ и осыпаютъ ихъ картечью. Попавшіеся въ плѣнъ польскіе слуги говорили татарамъ, что къ польскому войску, стоящему въ Подгайцахъ, на соединеніе идетъ отъ Львова польскій гетманъ князь Вишневецкій съ двадцатью тысячами незамореннаго войска, а затѣмъ ждутъ еще и короля, который съ большою силою уже переправился черезъ Вислу [1]).

Такія уловки не слишкомъ много принесли пользы полякамъ, но дѣлу въ ихъ пользу дало новый оборотъ событіе, начатое и совершившееся никакъ не по ихъ замыслу.

Замыслилъ Дорошенко отдать Малороссію въ протекцію Турціи съ тѣмъ, чтобы съ помощью турокъ и татаръ отдѣлаться отъ

---

[1]) Ibidem, 448.

Digitized by Google

ненавистнаго Андрусовскаго договора, не могъ раздѣляться съ сочувствіемъ всѣми казаками ни въ Украйнѣ, ни въ Запорожьѣ. Казаки слишкомъ долго и слишкомъ кровавo боролись съ мусульманами, не говоря уже о томъ, что вообще продолжительная дружба христіанъ съ поклонниками Магомеда была дѣломъ невозможнымъ въ тотъ вѣкъ гдѣ бы то ни было. Славный запорожскій богатырь Сѣрко, непримиримѣйшій врагъ Крыма, сообразивши, что, по выходѣ орды съ ханомъ въ Полыпу, Крымъ на время опустѣетъ, поспѣшилъ въ Сѣчу и началъ собирать братчиковъ. Недавно еще Сѣрко поссорился съ запорожцами; но легко было съ запорожцами поссориться, легко было и помириться. Прежняя размолвка была уже забыта. По голосу славнаго Сѣрка тотчасъ набралось запорожцевъ нѣсколько тысячъ. Сѣрко говорилъ имъ такъ: «Вотъ теперь, братцы, настало время расправиться съ татарами, помститься надъ нашими недругами и вывести изъ басурманской неволи нашихъ крещеныхъ братій. Бусурманы ушли въ Дорошенку воевать противъ ляховъ. Дворы ихъ остались почти пустыми; въ Криму не ждутъ насъ. Много у нихъ всякаго добра, награбленнаго у нашего же народа; все перейдетъ въ наши руки; много возьмемъ добычи, и потомъ раздѣлимся, и славы лыцарства добудемъ великаго! Я ляховъ недругъ; ляхи—паны, они утѣсняли вольность нашу, угнетали народъ нашъ православный; но и татары намъ тоже не друзья, а еще горшіе враги. Ляхи нашу худобу поѣдаютъ, а татары кровь нашу пьютъ. Посмотрите, орда опустошила домовки наши, дѣтьми и женами нашими наполнили татары свои улусы, а сколько они людей нашего казацкаго народа въ неволю запродали на галеры и сколько ихъ перебили! Съ бусурманами намъ достойно воевать; самъ Богъ велитъ напасть на противниковъ и отмстить за униженіе имени Іисуса Христа, за сожженіе церкви, за поруганіе святыни. Идемте, братцы, я вамъ передъ вести буду!»

Запорожье поголовно потянулось въ Перекопу съ своимъ кошевымъ, которымъ былъ, послѣ низложеннаго Васютенка, Иванъ Рогъ. Городокъ Перекопъ взяли казаки, сожгли посадъ, и открывши себѣ входъ въ средину полуострова, раздѣлились на двѣ половины: съ одной былъ кошевой Рогъ, съ другой—Сѣрко. По извѣстіямъ плѣнныхъ татаръ, въ обѣихъ половинахъ было болѣе двухъ тысячъ, а поляки говорили, будто Сѣрко поднялъ тогда на войну до двадцати тысячъ казачества. Кошевой Рогъ съ сѣчевиками взялъ мѣстечко Арбаутухъ; запорожцы безъ милосердія истребили въ немъ всѣхъ жителей, разсыпались по селамъ и то же дѣлали вездѣ; имущества забирались, дворы жгли,

Digitized by Google

всѣхъ рубили, не было спуска ни женщинамъ, ни дѣтямъ. Сѣрко съ другою половиною бросился въ Кафу и напалъ на улусъ Ширинбея: то былъ могучій владѣлецъ въ Крыму, вассалъ хана; казаки все сожгли, всѣхъ истребили, стада и табуны уводили и взяли въ плѣнъ живьемъ Ширинбеева семилѣтняго сына съ его нянькою [1]).

По всему Крыму поднялся страшный переполохъ; татары покидали свои жилища и спѣшили въ горы. Самъ ханъ, находившійся тогда въ своей столицѣ въ Бахчисараѣ, убѣжалъ на берегъ моря, сѣлъ на судно и укрылся на азіатскомъ берегу съ своимъ дворомъ, женами и наложницами, а весь свой юртъ оставилъ на произволъ судьбы. Казаки, однако, не достигли тогда до Бахчисарая; они боялись, чтобъ Калга, находившійся при Дорошенкѣ, услыхавши, что дѣлается въ Крыму, не воротился, не ударилъ бы на казаковъ и не загородилъ бы имъ обратнаго пути черезъ Перекопскій перешеекъ. Отягченные добычею, казаки повернули назадъ и благополучно возвратились въ свою Сѣчу. Самыми важными трофеями ихъ похода было множество освобожденныхъ христіанскихъ невольниковъ, а такими подвигами казаки всегда особенно славились и считали ихъ главнымъ своимъ призваніемъ въ войнахъ съ невѣрными.

Набѣгъ Сѣрка и Рога на Крымъ принесъ полякамъ большую пользу, хотя никто не могъ сказать, чтобъ запорожцы сверпили его съ намѣреніемъ помогать полякамъ [2]).

Когда вѣсть о посѣщеніи Крыма Сѣркомъ дошла до Калги и мурзъ, бывшихъ съ Дорошенкомъ, большое негодованіе поднялось тогда противъ казачества. Мурзы стали подозрѣвать искренность самого Дорошенка, не въ соумышленіи ли съ нимъ и его старшиною ходили въ Крымъ запорожцы; но Калга передъ мурзами сталъ защищать своего союзника: братъ за преступленіе брата не долженъ отвѣчать, говорилъ онъ. Дорошенко, тѣмъ не менѣе, не могъ уже слишкомъ полагаться въ данное время на прочность побратимства съ татарами, раздраженными за казацкій набѣгъ. Много татаръ тогда же ушло въ Крымъ; Дорошенко съ часу на часъ опасался, чтобъ орда не взволновалась и не принудила своихъ султановъ помириться съ ляхами, даже и цѣною выдачи ляхамъ казацкаго гетмана. Дорошенко, предупреждая бѣду, самъ первый послалъ коронному гетману предложеніе помириться и обѣщалъ склонить къ примиренію Калгу съ султа-

[1]) А. Ю. и З. Р., VII, 1.
[2]) Н. J. K. II, 446.

Digitized by Google

ками и мурзами. Собѣскій согласился, сообразивъ, что не безопасно раздражать до крайности обоихъ враговъ. Дорошенко легко убѣдилъ Калгу мириться съ Собѣскимъ послѣ того, какъ татары, узнавши, что дѣлается въ ихъ отечествѣ, разбѣгались изъ стана. Собѣскій отправилъ къ татарамъ узнать расположеніе ихъ вождей ротмистра Рощица, у котораго былъ братъ, принявшій мугамеданскую вѣру. Рощицъ привезъ извѣстіе, что татары между собою такъ говорили тогда: «видно, Богъ насъ покаралъ за то, что мы пошли воевать на своихъ прежнихъ побратимовъ-поляковъ; за то Богъ и наслалъ на нашъ край казаковъ».

Прежде поляки вступили въ переговоры съ татарами. Калга отъ имени хана присягнулъ считать друзьями союзниковъ польскаго короля, врагами—его непріятелей. Гетманъ Собѣскій обѣщалъ приложить стараніе, чтобъ выплачено было слѣдуемое хану жалованье, и извинялся, что исправный платежъ его былъ въ послѣднее время задержанъ по причинѣ смутъ, господствовавшихъ въ Польшѣ. Султанъ именемъ ханскимъ обязывался не пускать въ предѣлы Рѣчи-Посполитой татарскихъ загоновъ изъ всѣхъ ордъ, подвластныхъ хану, и освободить всѣхъ польскихъ плѣнниковъ, находившихся въ Крыму, между ними и Маховскаго; коронный гетманъ именемъ короля обѣщалъ также поступить и съ татарскими плѣнниками. Наконецъ, Калга обязался на возвратномъ пути съ ордою не распускать по сторонамъ загоновъ.

По окончаніи договора съ татарами, составленъ былъ договоръ съ Дорошенкомъ, состоявшій изъ взаимныхъ обѣщаній. Онъ гласилъ такъ: Дорошенко обѣщалъ покориться власти польскаго короля и просить его принять все войско запорожское въ милость Рѣчи-Посполитой, а Собѣскій обѣщалъ выпросить у короля всеобщую амнистію казакамъ, но съ условіемъ, чтобъ они впередъ не искали протекціи у иныхъ монарховъ, а повиновались бы единому законному своему королю, и воротили захваченныя имѣнія какъ королевскія, такъ и панскія. По просьбѣ Дорошенко коронный гетманъ обѣщалъ приказать бѣлоцерковскому коменданту Стахурскому не дѣлать обидъ русскимъ людямъ, возвратить захваченныя церковныя вещи и вывести часть своего отряда изъ Бѣлой-Церкви для облегченія мѣстныхъ жителей. Наконецъ, Собѣскій обѣщалъ именемъ короля и Рѣчи-Посполитой не нарушать привилегій русскаго духовенства. Окончательное установленіе по всѣмъ вопросамъ, касавшимся недоразумѣній между казаками и Польшею, могло быть дѣломъ сейма, и для этой цѣли Дорошенко пошлетъ своихъ пословъ на сеймъ въ Варшаву [1]).

[1]) Лѣт. Велички, II, 152—158. Н. Ј. К., II, 448.

Digitized by Google

Со стороны Дорошенко не было тутъ ни малѣйшей измѣнности. Онъ тогда примирялся съ коронным гетманомъ только потому, что видѣлъ раздраженіе своихъ союзниковъ татаръ, взволнованныхъ внезапнымъ извѣстіемъ о набѣгѣ Сѣрка и Рога. Не думалъ Дорошенко входить въ продолжительную дружбу съ поляками, а тѣмъ менѣе подчинять польскому королю Украйну. Народъ украинскій былъ слишкомъ озлобленъ противъ поляковъ и расположенъ былъ скорѣе подчиниться бусурманской державѣ, чѣмъ католической Польшѣ. У Дорошенка, какъ и у многихъ тогдашнихъ малороссіянъ, была одна задушевная мысль—сдѣлать Украйну самобытной державой. Но послѣ андрусовскаго договора съ такою задушевною мыслію невозможно уже было опираться ни на Москву, враждуя съ Польшею, ни на Польшу, отступая отъ Москвы; объ заявили себя враждебно національнымъ стремленіямъ казаковъ; приходилось противодѣйствовать разомъ двумъ державамъ—и московской, и польской, а между тѣмъ внутри Украйны отнюдь не было ни согласія, ни ясности стремленія. Искателямъ самобытности представлялось тогда единственнымъ средствомъ ухватиться за что-нибудь третье, за такое сильное, чтобы оно хотя временно могло равно дѣйствовать и противъ московскаго государства, и противъ Польши за Украйну: такимъ третьимъ для Дорошенка тогда являлась Турція. Это была единственная могучая сосѣдняя держава, не имѣвшая повода дружить ни съ Польшею, ни съ Москвою—и притомъ держава съ большими военными силами; она, казалось, одна могла пособить Украйнѣ. Не ужасала Дорошенка отдача христіанской Украйны въ подданство мусульманскому государю. Примѣръ молдавскихъ и валахскихъ государей, данниковъ Турціи, ласкалъ его надеждами, что Украйнѣ сжиться съ Турціей было возможнѣе, чѣмъ съ московскимъ государствомъ и съ Польшею. Надѣялись, что Турція оставитъ Украйну подъ ея собственнымъ мѣстнымъ управленіемъ, не нарушая ни вѣры, ни обычаевъ, и довольствуясь только нѣкотораго рода вассальною зависимостію. Разумѣется, такой планъ имѣлъ только кажущуюся вѣрность въ будущемъ. Не всѣ казаки, какъ мы уже замѣчали, раздѣляли съ Дорошенкомъ его склонность къ Турціи, и народъ малороссійскій вообще ни за что не согласился бы очутиться подъ властію турецкаго падишаха, по давнему преданію считая такую власть тяжелымъ бусурманскимъ ярмомъ.

Народъ въ правобережной Украйнѣ, какъ и въ лѣвобережной, въ большинствѣ своемъ расположенъ былъ къ соединенію съ Москвою. И Дорошенко, слѣдуя за влеченіями своего народа, не

Digitized by Google

прочь былъ сойтись съ Москвою и подчиниться «восточному царю». Его лично въ данное время располагало и то, что братъ его Григорій, взятый въ плѣнъ въ Москву, по ходатайству вселенскихъ патріарховъ былъ обласканъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и хвалился этимъ въ своихъ письмахъ къ брату гетману [1]). Въ сентябрѣ (15-го числа) кіево-печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель, человѣкъ глубоко уважаемый въ Малороссіи за свое благочестіе и ученость, увѣщавалъ, что Дорошенко имѣетъ намѣреніе отдаваться въ протекцію Турціи, пытался отклонить его, и указывалъ на то, что «бусурмане, по закону своему, должны искоренять христіанъ, и отого-то подъ ихъ обороною христіанскіе народы греческіе, словенскіе и многіе выгублены, и самый народъ русскій во всѣ концы земли въ неволю запроважены и безъ милости мучимъ». Отъ имени православной церкви и всего духовенства архимандритъ обращался къ гетману съ такимъ моленіемъ: «извольте, ваша милость, склониться лучше по прежнему подъ державу и оборону его царскаго пресвѣтлаго величества, и ваша милость себѣ вся желаемая у его величества подлинно получишь; умилитеся надъ христіанами, не отдавайте ихъ и самого себя въ работу бусурманамъ». Братъ гетмана Григорій былъ отпущенъ, и Петръ Дорошенко, благодаря царя за эту милость, просилъ отпустить еще и жену Григорія и другихъ плѣнниковъ, находившихся въ московскомъ государствѣ. Въ декабрѣ Шереметевъ отправилъ къ Дорошенку посланцемъ Василія Дубенскаго извѣстить гетмана объ освобожденіи плѣнныхъ малороссіянъ и вмѣстѣ затѣмъ поручилъ своему посланцу побесѣдовать съ гетманомъ и узнать его настроеніе.

У Дубенскаго съ гетманомъ велся такой разговоръ. Дубенскій, отъ имени пославшаго его, увѣщевалъ гетмана, чтобъ онъ отсталъ «отъ погибельной агарянской прелести» и какъ христіанинъ служилъ бы обоимъ христіанскимъ государямъ московскому и польскому.

— Я, — отвѣчалъ Дорошенко, — желаю быть съ православными христіанами вкупѣ, и, будучи подъ высокою государевою рукою, голову покладать противъ непріятеля, только отстать отъ татаръ намъ нельзя — вотъ почему: сталось у насъ постановленіе съ польскимъ коронным гетманомъ Собѣскимъ: будетъ съ королевскимъ величествомъ на сеймѣ договоръ. Надобно подождать, что постановится на сеймѣ. Коронный гетманъ обѣщалъ, что мнѣ отдана будетъ Бѣлая-Церковь, но до сихъ поръ она мнѣ не отдана и

[1]) А. Ю. и З. Р. VI, 218.

Digitized by Google

если послѣ сейма ляхи мнѣ Бѣлой-Церкви не отдадутъ, такъ я доступать ее буду самъ съ татарами.

Дубенскій сказалъ:—Боярину Петру Васильевичу извѣстно стало, что татары собираются приходить войною на малороссійскіе городы его царскаго величества: великій государь желаетъ чтобъ ты, гетманъ, помня Бога и святую христіанскую вѣру, не посылалъ татаръ христіанскихъ церквей разорять и крови проливать, и самъ бы отлучился отъ совѣта съ ними. За это ты примешь милость отъ Всемогущаго Бога и освободишь душу свою отъ вѣчныя погибели.

— Слышу,— сказалъ Дорошенко,— боярину Шереметеву извѣстно, что хотятъ приходить татары войною въ малороссійскіе государевы города, а мнѣ такой вѣдомости нѣтъ, и безъ моего вѣдома татары въ государевы города не пойдутъ войною. У нихъ и у меня есть непріятели и поближе. Непріятели эти—ляхи. Служили мы, казаки, польскому королю многіе годы, а выслужили то, что ляхи церкви Божіи обратили въ унію. Даетъ король мнѣ, гетману, и старшинамъ на всякія вольности привилегіи, потомъ пришлетъ своихъ поляковъ и нѣмцевъ, а тѣ отнимаютъ у насъ всякія вольности и православныхъ христіанъ мучатъ, бьютъ; съ насъ, гетмана и старшинъ, осмачки хлѣбные и всякіе поборы собираютъ; во многихъ городахъ церкви Божіи обругали и пожгли, а иныя обратили въ костелы. Православному христіанину этого терпѣть невозможно. Мы, гетманъ, и всѣ казаки будемъ стоять за православную христіанскую вѣру, а войною татаръ въ государевы городы не пошлю; если говорю неправду, то пусть въ то время разольется моя гетманская кровь. Только въ мирѣ съ татарами намъ никакъ не быть нельзя. Мы съ ними живемъ близко. Устанутъ татары разорять насъ и въ царскіе городы учнутъ войною ходить; коли-жъ мы будемъ съ татарами жить въ мирѣ, такъ и государевы малороссійскіе города съ нами будутъ въ цѣлости. И теперь я татаръ удерживаю. Желаю, чтобъ вѣра православная ширилась по всему свѣту, а мнѣ хочется быть подъ рукою его царскаго величества. Я не хочу ни боярства, ни чего другого, кромѣ государевой милости, да чтобъ вольности наши и права казацкія были вольны.

Стали обѣдать. Подали заздравную чашу въ честь государя. Дорошенко поднялъ ее и сказалъ: «дай мнѣ, Господи, за великаго государя кровь свою пролить и голову положить».

Въ это мгновенье раздался залпъ изъ ружей и пальба изъ пушекъ.

Тутъ же Дорошенко прибавилъ: «у великаго государя съ

Digitized by Google

королевскимъ величествомъ учинился миръ и по договору хотятъ Кіевъ отдать полякамъ, но этого не будетъ: мы за Кіевъ головы свои положимъ, а ляхамъ Кіева не отдадимъ!»

Дубенскій, по приказу своего боярина, велъ бесѣду съ митрополитомъ Тукальскимъ и съ архимандритомъ Хмельницкимъ, уговаривалъ ихъ, чтобъ они съ своей стороны склоняли Дорошенка имѣть расположеніе къ московскому государю и отступить отъ союза съ бусурманами. Оба обѣщали. Оба недавно, въ 1667 году были освобождены изъ заточенія въ Маріенбургѣ и поспѣшили на родину съ враждебными чувствами къ полякамъ [1]). У нихъ обоихъ былъ тотъ же завѣтный идеалъ, какъ и у Дорошенка—самобытность Украйны. И они, какъ гетманъ, склонялись къ мысли о турецкой протекціи, видѣли въ этомъ средство выбиться изъ-подъ польской власти, а къ московскому государству относились съ осторожностію и недовѣрчивостію.

«Ты—писалъ къ Шереметеву Дорошенко черезъ Дубенскаго —совѣтуешь мнѣ отступить отъ дружбы съ агарянами. Не самъ собою, а по волѣ его королевскаго величества, нашего милостиваго государя, это дѣло началось. Король съ ханомъ побратался и присягнулъ держать совершенную дружбу съ татарами; такъ и намъ, слугамъ королевскимъ, невозможно разорять этого братства. Нѣсть рабъ болѣе господина своего». Дорошенко сослался на Гадячскій договоръ съ поляками, а въ этомъ договорѣ указано было сохранять братство, заключенное съ крымскимъ ханомъ [2]). Такимъ образомъ, гетманъ, въ сношеніяхъ съ московскими чиновными людьми, то грозилъ громить вмѣстѣ съ татарами польскаго короля, то союзъ свой съ татарами оправдывалъ волею того же короля.

Митрополитъ Іосифъ писалъ боярину Шереметеву сдержанѣе: онъ не дозволилъ себѣ ни малѣйшаго намека, что будетъ совѣтовать гетману подчиниться царю, не написалъ ни слова о разлученіи съ татарами, а говорилъ только о великомъ радѣніи гетмана въ службахъ обоимъ государямъ и московскому царю, и польскому королю.

Нѣсколькими днями позже Дубенскаго пріѣхалъ въ Чигиринъ новый посланецъ Шереметева, Чекаловскій, собственно для провѣдыванія вѣстей. Этому посланцу наговорилъ Дорошенко еще

---

[1]) Современники увѣряютъ, что послѣ ихъ освобожденія поляки, по прозванію Тетери, снова хотѣли ихъ посадить въ заточеніе, и это побудило ихъ почти бѣгствомъ убраться въ Украину: прежде убѣжалъ Хмельницкій, за нимъ уѣхалъ и Тукальскій, и принялъ управленіе митрополіею. (Л. Сам., 50).

[2]) А. Ю. и З. Р. VI, 288.

Digitized by Google

болѣе пріятныхъ для Москвы словъ. «Я почти надѣюсь,—говорилъ онъ,—что при Божіей помощи, за моимъ стараніемъ не только что сей бокъ Украйны, гдѣ мы теперь живемъ, будетъ отданъ подъ высокую руку его царскаго величества, но Перемышль, Ярославль, Галичъ, Львовъ, Володимиръ, всѣ эти головные города княжества русскаго и весь край въ предѣлахъ княжества русскаго будутъ присоединены къ давней столицѣ къ богоспасаемому Кіеву, и отданы подъ высокую и крѣпкую руку его царскаго величества. Только я бы совѣтовалъ его царскому величеству съ ханомъ крымскимъ оставаться въ братерствѣ, хоть онъ и поганинъ: тогда бы не только Украйна вся спокойно прожила, но изъ царскихъ сопостатовъ никто и помыслить ничего противнаго его царскому величеству не посмѣлъ бы». И митрополитъ Тукальскій, съ которымъ видѣлся Чекаловскій, говорилъ ему въ такомъ смыслѣ, какъ и гетманъ. Видно было, что Дорошенко съ Тукальскимъ всегда совѣтывались о томъ, въ какомъ тонѣ имъ говорить съ прибывавшими въ Чигиринъ московскими посланцами.

Вслѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ въ Переяславъ изъ Москвы стряпчій Василій Тяпкинъ. Ему поручено было склонять Дорошенка отступиться отъ союза съ бусурманами и подчиниться волѣ московскаго государя. Тяпкинъ отправилъ въ Чигиринъ царскую грамоту, которая была написана такъ, что казаки могли понять его въ смыслѣ приглашенія поступить въ подданство московскому государю. Дорошенко собралъ раду изъ полковниковъ и значныхъ казаковъ и велѣлъ писарю прочитать письмо. «Мы рады,—сказалъ гетманъ,—быть подъ высокодержавною рукою великаго государя, только бы намъ гнѣва отъ польскаго короля не было, а больше того боимся крымскаго хана: какъ онъ узнаетъ, что царскіе послы къ намъ ѣздятъ для умирительныхъ дѣлъ, такъ пришлетъ орду и велитъ пустошить и сожигать наши города и мѣста».

«Ни за что, ни за что нельзя намъ отлучиться отъ бусурмана»,—кричали бывшіе на радѣ.

Дорошенко отправилъ для переговоровъ съ Тяпкинымъ въ Переяславъ своего брата Григорія и писаря Лукаша Бускевича; тогда гетманъ написалъ къ Тяпкину письмо, замѣчательное по упрекамъ, которые дѣлались въ немъ отъ всего казачества московскому правительству за его поведеніе съ самаго присоединенія Малороссіи:

«Припомню тебѣ кое-что (выражался въ этомъ письмѣ Доро-

Digitized by Google

ненко) на счетъ того, къ чему ты хочешь склонить меня и сущихъ со мною. Уже прежде другіе такъ поступали, но не принесли никакой пользы ни себѣ, ни своимъ подручнымъ. Кто показалъ больше усерднаго служенія какъ гетманъ Богданъ Хмельницкій: онъ разумомъ своимъ и подручными себѣ силами и Бѣлую Русь и всю Литву со стольнымъ городомъ Вильною подъ власть великаго государя отдалъ, и во Львовъ и въ Люблинъ царскихъ ратныхъ людей ввелъ; онъ и до самаго отхода своего отъ жизни сей вѣрно работалъ царскому величеству. Кто съ тѣмъ же гетманомъ посовѣтовалъ города и села, паче же стольный святый Кіевъ со всѣми мощами святыхъ поддать не въ турецкое государство, а въ христіанское его царскаго величества, кто какъ не бывшій при Хмельницкомъ писарь Иванъ Выговскій? А какая была имъ благодать за то? Первому такая, что въ комиссіи подъ Вильною посланнымъ отъ него комиссарамъ московскіе послы не дали съ собою мѣсть, но въ поруганіе ихъ привели при цесарскомъ послѣ и при польскихъ комиссарахъ, и тѣмъ до смерти Хмельницкаго обидѣли! Второго — утвердили въ Переяславлѣ гетманомъ, а потомъ тайными писаніями подвинули противъ него другихъ названныхъ гетмановъ — Пушкаря, Безпалаго, Барабаша, Силку и возбудили междоусобную брань въ православномъ войскѣ! А въ недавнемъ прошломъ, договоръ съ поляками постановили прямо на погибель нашу, на части насъ разодрали, и уговорились, что оба монарха будутъ насъ смирять, значитъ искоренять! Хвалитесь, что война перестала, а какая польза изъ того для церкви православной? Въ Витебскѣ ни одного храма православные имѣть не вольны; въ Полоцкѣ одна была церковь и та сожжена, а другой строить не велятъ. То же и въ другихъ городахъ, отлученныхъ отъ державы его царскаго величества! Вы привыкли считать насъ за безумный скотъ, сами безъ насъ усовѣтовали какіе городы оставить себѣ, какіе уступить, тогда какъ эти городы достались вамъ не вашею силою, а Божіею помощью и нашимъ кровнымъ мужествомъ. Мы хоть и овцы, только Христовы овцы, кровью его искупленныя, а не безсловесныя. Часто слышится отъ вашихъ московскихъ людей такое сужденіе: воленъ-де король какую хочетъ вѣру имѣть въ своемъ государствѣ, воленъ благочестивыя церкви передѣлывать въ уніятскія и въ костелы. Да не будетъ такъ! не дастъ еще Господь Богъ насъ въ рабство! Его королевское величество знаетъ, что предки наши, какъ равные съ равными и вольные съ вольными съ поляками во едино тѣло сложились, подъ единымъ государемъ, волею себѣ выбраннымъ и присягою

Digitized by Google

утвержденнымъ. А того ига, что честность твоя совѣтуешь намъ, ни отцы наши, ни мы не обыкли носить. Честность твоя совѣтуешь намъ отступить въ подданство царскаго величества отъ державы королевской: не являйся разорителемъ закона коммиссаровъ обоихъ народовъ. Писано 2 генваря, 1668 года».

Въ такомъ же смыслѣ были и объясненія Григорія Дорошенка съ Тяпкинымъ. Григорій Дорошенко упрекалъ московское правительство, зачѣмъ не допустило казацкимъ депутатамъ находиться при совѣщаніяхъ, происходившихъ между польскими и московскими послами о перемиріи; зачѣмъ дозволило выбирать въ начальственные уряды неприродныхъ казаковъ; говорилъ, что союзъ съ татарами казакамъ нуженъ, чтобъ ихъ оборонять отъ ляховъ, изъявлялъ страхъ, что если московскій государь пойдетъ въ Кіевъ подъ предлогомъ Богу молиться, то станетъ своими войсками помогать ляхамъ противъ казаковъ; наконецъ, послѣ всего посланцы Дорошенка сказали:

«Мы всѣ заднѣпровской стороны казаки хотимъ быть по первому подданству и по присягѣ подъ высокодержавною рукою его царскаго величества, только чтобъ у насъ въ городахъ и мѣстечкахъ воеводъ и залоги (гарнизоны) и всякихъ чиновъ начальниковъ московскихъ не было; оставили бы за нами не нарушенными вольности и права казацкія: гетману надъ всею Малою Россіею обѣихъ сторонъ Днѣпра быть бы одному Петру Дорошенку, поборовъ и всякихъ податей съ мѣщанъ и со всякихъ тяглыхъ людей никакихъ не имать. Гетману же Брюховецкому можно прожить о себѣ: онъ пожалованъ превысокою совершенною честью и многими маетностями, поэтому ему уступить свое гетманство Дорошенку можно».

Произнося такое желаніе, Григорій Дорошенко и Бускевичъ просили не писать этихъ словъ въ оффиціальныхъ пунктахъ, чтобы о томъ преждевременно не разошлось въ народѣ.

Тяпкинъ въ Переяславѣ присмотрѣлся къ состоянію умовъ въ народѣ и привезъ въ Москву неутѣшительныя свѣдѣнія. На лѣвой сторонѣ Днѣпра все болѣе и болѣе начиналъ народъ любить Дорошенка; это было время самой высшей популярности Петра Дорошенка. Надѣялись отъ него желанныхъ перемѣнъ. Вообще потолкавшись между малороссіянами, Тяпкинъ понялъ, что народъ не благожелательствовалъ тогда безусловно московской власти. Больше всѣхъ городовъ малороссійскихъ уважалъ Тяпкинъ Переяславъ, и о переяславцахъ изрекъ такой приговоръ: «въ Переяславѣ нѣтъ ни одного добраго человѣка ни изъ какихъ чиновъ, всѣ бунтовщики и лазутчики великіе, ни въ

Digitized by Google

однимъ словѣ вѣрить никому нельзя». По его мнѣнію, обратить на истинный путь малороссіянъ въ то время возможно было только присылкою многочисленнаго великороссійскаго войска. «Если бы,—замѣчалъ Тяпкинъ,—въ Переяславлѣ было ратныхъ тысячи три, а мало что двѣ, такъ малороссіяне стали бы тогда страшны (т.-е. осторожны) и вѣрны, а то царскихъ ратныхъ людей очень мало, да и тѣ босы и голодны и бѣгутъ врозь, а переяславскій воевода Алексѣй Чириковъ,—человѣкъ больной и безпечный. Буде ратныхъ людей въ Переяславъ не прибавять, а прежнихъ не накормять и не одѣнуть, то некому будетъ содержать такого многолюднаго города, а между тѣмъ во всей Малой Россіи поднимается великій мятежъ».

Положеніе Переяслава, какъ близкаго къ задѣпровской Украйнѣ города, давало ему именно въ тѣ дни большое значеніе: переяславскіе жители казаки и мѣщане вели частыя сношенія съ правобережными, а съ праваго берега приходили въ Переяславъ гости, старавшіеся внушить жителямъ неудовольствіе къ своему положенію и надежды на Дорошенка. Недавно еще въ Переяславлѣ былъ бунтъ и многіе, спасшись въ то время отъ казни, теперь снова составляли горючій матеріалъ для народнаго волненія. Небольшое число царскихъ ратныхъ, не превышавшее трехсотъ, не могло скоро забыть угрожавшей имъ бѣды отъ мятежниковъ и со дня на день ожидало новой тревоги; царскіе ратные сидѣли въ замкѣ, запершись отъ многихъ тысячъ казаковъ и черни, наполнявшихъ Переяславль. Что говорилъ Тяпкинъ о малороссіянахъ пожившій въ Переяславлѣ, почти то же, вѣроятно, сказалъ бы онъ и послѣ посѣщенія другого города. Сильно тревожилъ повсюду малороссіянъ слухъ, будто Москва отдаетъ ляхамъ Кіевъ, а этотъ городъ имѣлъ для всѣхъ священное значеніе не только церковное, но и національное, такъ что въ то время говорили: куда Кіевъ, туда и весь малороссійскій край! Въ Переяславлѣ Тяпкина безпрестанно осаждали вопросами: «отдадутъ ли Кіевъ ляхамъ?» Тяпкинъ зналъ хорошо, что по Андрусовскому договору Кіевъ оставленъ подъ властью московскаго государя только на короткое время, а по прошествіи этого времени Россія обязывалась возвратить его снова полякамъ; но Тяпкинъ тѣмъ не менѣе увѣрялъ малороссіянъ, что Кіевъ «вѣчными часы» будетъ принадлежать великому государю. Мало чѣмъ менѣе отдачи Кіева ляхамъ тревожилъ малороссіянъ въ эти дни другой слухъ: будто у царя съ королемъ состоялся уговоръ отбирать у казаковъ принадлежавшія костеламъ вещи, захваченныя во время предшествовавшихъ войнъ въ качествѣ военной добычи. Если бъ такъ

Digitized by Google

случилось на самомъ дѣлѣ, то пришлось бы отыскивать эти вещи въ третьихъ и четвертыхъ рукахъ; пошла бы ужасная путаница. Во всѣхъ отношеніяхъ примиреніе въ Андрусовѣ было противно малороссіянамъ; они чувствовали и видѣли, что ихъ завѣтныя надежды разбиваются въ прахъ, Украйна дѣлается добычею двухъ государствъ, которыя по своимъ соображеніямъ раздирають ее, дѣлять между собою пополамъ, не спрашивая, желаетъ или не желаетъ того украинскій народъ: ему, этому народу, не только не даютъ повода лелѣять мысль о державной самобытности своего отечества, но даже не дозволяютъ считать себя отличнымъ народомъ. Противъ такого отношенія сосѣднихъ государствъ къ Малороссіи словомъ и дѣломъ возсталъ Дорошенко и черезъ то любили его тогда малороссіяне, и сохранилъ бы онъ такое обаяніе до конца, еслибъ его связи съ мусульманами не привели къ печальнымъ послѣдствіямъ, вооружившимъ противъ него народъ. Но тогда еще его сношенія съ Турціею и татарами не оказывались явно губительными, и успѣхъ его казался несомнѣненъ въ покушеніи овладѣть лѣвою стороною Днѣпра.

Бруховецкій, напротивъ, со дня на день ощущалъ фальшивое положеніе, въ которомъ очутился, думая прислужиться Москвѣ и утвердить свою власть надъ малороссійскимъ краемъ при московскомъ покровительствѣ. Малороссіяне стали испытывать чуждое имъ великороссійское управленіе. Мѣщане и посполитые должны были вносить подымовныя деньги съ домовъ, подати съ воловъ и лошадей [1]), медовый доходъ съ пчеловодства, съ мельницъ, оранды съ виноторговли; эти поборы собирали новые люди и новыми способами; вся тягость этихъ способовъ, давно уже безпокоившая народъ великороссійскій, теперь падала и на малороссіянъ. Обдирательства, взятки, грубое обращеніе, чѣмъ отличались великороссійскіе приказные люди,—все это появлялось въ Малороссіи, конечно, съ крайнею наглостію, какъ въ покоренной странѣ, а положеніе края было не таково, чтобы сборы эти могли производиться удобно, правильно и безобидно. Не было въ Малороссіи ни безопасности, ни спокойствія, безпрестанные татарскіе набѣги опустошали страну; села и деревни лишались внезапно цвѣта своихъ жителей, уводимыхъ въ плѣнъ; хозяева не успѣвали отстраиваться и поправляться, какъ подвергались опять прежнимъ набѣгамъ и разореніямъ; земледѣлецъ трудился и не зналъ, кому достанутся плоды трудовъ его; при совершенномъ урожаѣ, его поля вытаптывались татарскими конями, сожигался

[1]) А. Ю. и З. Р., VI, 214.

Digitized by Google

его дворъ, и онъ шатался, не зная, гдѣ преклонить голову, и если не успѣвалъ убѣгать куда-нибудь, то умиралъ съ голоду; край благодатнѣйшій, который въ прежнія времена удивлялъ своимъ изобиліемъ, приходилъ въ обнищаніе и запустѣніе. Когда совершилась перепись — вездѣ требовали льготъ, и по соображеніямъ нѣкоторыя мѣста тогда же были изъяты отъ налоговъ. Такъ, въ Нѣжинѣ не брали податей съ воловъ и лошадей, ограничиваясь подымовнымъ налогомъ. Со всѣхъ сторонъ подавались челобитныя о такихъ изъятіяхъ, и вообще оказывалось, что царской казнѣ мало приходилось пользы съ малороссійскаго края.

Но не одни воеводы и сборщики составляли тягость для поспольства: и казацкое начальство давало себя ему знать. У гетмана были тогда полки, не имѣвшіе опредѣленнаго мѣста; то были, напримѣръ, «купы», собравшіяся на правомъ берегу Днѣпра и перешедшія на лѣвый; между ними были не только малороссіяне, но и чужеземцы, волохи, сербы, поляки, приходившіе на службу въ гетманщину. Ихъ располагали «належѣ», т.-е. назначали такія мѣста, гдѣ поселяне обязаны были давать имъ помѣщеніе, конскій кормъ, шубы, рукавицы. Въ батуринскомъ уѣздѣ расположены были тогда казаки Дмитрошки Райча (котораго потомъ Бруховецкій сдѣлалъ переяславскимъ полковникомъ) съ сотникомъ Симашкою. Около Полтавы стояло «належѣ» до пяти-тысячъ казаковъ, дожидавшихся весны, чтобъ идти въ походъ. Около Мена и Сосницы стоялъ полкъ Могилевскаго; около Остра и Нѣжина казаки полѣсскаго полка, приведенные Децикомъ. Такія казачьи «купы» переводились изъ одного угла въ другой и вездѣ дозволяли себѣ разнаго рода произволъ и насилія надъ поспольствомъ; въ тѣ времена всякій поступокъ казался дозволителенъ, если не было вблизи силы, которая внушала страхъ наказанія. Народный ропотъ возрасталъ; всѣ ненавидѣли, проклинали Бруховецкаго со всѣмъ тѣмъ, что отъ него исходило. Мѣщане и крестьяне тяготились воеводскимъ управленіемъ, отъ котораго прежде они, недовольные управленіемъ казацкимъ, ждали себѣ облегченія; казаки не могли примириться съ боярскимъ саномъ гетмана и дворянскимъ достоинствомъ старшины и видѣли въ этомъ замыселъ уничтожить казацкое равенство. Недовольно было и малороссійское духовенство ожиданіемъ московскихъ перемѣнъ, склонялось къ митрополиту Іосифу Тукальскому, пріятелю Дорошенки, и не терпѣло Меѳодія, московскаго подпалу. Большую силу между духовными имѣлъ тогда Иннокентій Гизель: игумены и братія всѣхъ малороссійскихъ монастырей уважали его и готовы были поступать, какъ онъ скажетъ, а онъ

Digitized by Google

былъ изданна въ дружбѣ съ Тукальскимъ. Тапкинъ, указывая на него, какъ на сильнаго человѣка между духовными, совѣтовалъ московскому правительству «обвеселять» печерскаго архимандрита царскою милостивою грамотою.

XII.

Бруховецкій ищетъ средствъ самосохраненія отъ народной ненависти. — Его сношенія съ Дорошенкомъ и Тукальскимъ.—Рада у Бруховецкаго въ Гадячѣ.—Мысль о подданствѣ Турціи. — Рада въ Чигиринѣ у Дорошенка. — Посланцы Бруховецкаго на этой радѣ.—Епископъ Меѳодій недоволенъ Москвою.—Иннокентій Гизель у Меѳодія.—Примиреніе Меѳодія съ Бруховецкимъ.—Разрѣшеніе посполитымъ вступать въ казаки.—Народныя возстанія въ городахъ.—Дѣло подъ Остромъ.—Бруховецкій изгоняетъ изъ Гадяча воеводу и царскихъ ратныхъ людей. — Коварство Бруховецкаго съ ними.—Расправа съ великороссіянами въ разныхъ городахъ. — Царскія грамоты. — Возмутительныя воззванія Бруховецкаго.—Посольство въ Турцію.—Дорошенко вступаетъ на лѣвую сторону Днѣпра. — Ромодановскій въ Котельвѣ. — Дорошенко и Бруховецкій въ Опашнѣ.—Убійство Бруховецкаго.—Погребеніе его тѣла въ Гадячѣ.

Бруховецкій былъ одинъ изъ тѣхъ мелкихъ эгоистовъ, которые, увлекаясь представляющимися выгодами, хватаются за все, что кажется имъ ближе и потому легче, мало думаютъ о далекихъ послѣдствіяхъ, а потомъ, когда увидятъ, что обманулись, такъ же легко и круто поворачиваютъ въ противную сторону. Бруховецкій сознавалъ, что введеніе московскихъ порядковъ возбуждаетъ къ нему ненависть, и онъ думалъ, что народъ перестанетъ его ненавидѣть лишь только онъ, своими поступками, покажетъ, что не угождаетъ московскому правительству въ ущербъ своей націи. Москвы онъ никогда не любилъ; онъ только подличалъ и пресмыкался передъ нею, надѣясь, что она всегда можетъ охранить его, но его надежды не совсѣмъ оправдывались. Москва не слишкомъ скоро и не слишкомъ сочувственно готова была угождать ему въ такой мѣрѣ, какъ онъ угождалъ ей; враги могли его извести, прежде чѣмъ Москва рѣшилась бы спасать его. Для Москвы въ сущности было все равно: того ли другого ли захотятъ казаки себѣ гетманомъ, лишь бы этотъ гетманъ былъ вѣренъ и покоренъ московскому правительству. Дозволяя на вольной радѣ избирать гетмана, Москва всякаго утвердила бы, кого на радѣ выберутъ, и всякаго отставила бы и отдала на казнь, когда бы не взлюбила его вольная рада. Что дозволено было излюбленному выборомъ Бруховецкому сдѣлать съ Самкомъ и Васютою Золотаренкомъ, то дозволили бы сдѣлать и съ самимъ Бруховецкимъ въ

Digitized by Google

угоду другому излюбленному новымъ выборомъ. Это зналъ и понималъ Бруховецкій. Дорошенко былъ опасенъ для Бруховецкаго. Воевать съ нимъ было трудно, потому что лѣвобережные казаки могли передаться Дорошенку. Бруховецкій рѣшился войти въ союзъ и дружбу съ Дорошенкомъ; гетманъ-боярин завелъ тайныя сношенія съ правобережнымъ гетманомъ! Когда онѣ возникли—не знаемъ, но въ то время какъ Дорошенко велъ переговоры съ Дубенскимъ и Тяпкинымъ, велись у него сношенія и съ Бруховецкимъ черезъ посредство іеромонаха, по прозвищу Якубенка. Дорошенко письменно и словесно черезъ своего посланца передавалъ Бруховецкому, что охотно уступитъ ему гетманское достоинство, лишь бы Украйна обѣихъ сторонъ Днѣпра была въ соединеніи подъ одною властію и казачество не было бы разорвано [1]). Писалъ къ Бруховецкому и митрополитъ Іосифъ Тукальскій, что Дорошенко отнюдь не стоитъ за гетманскій санъ и готовъ уступить его Бруховецкому, ради цѣлости и независимости отечества. Такихъ присылокъ отъ митрополита къ лѣвобережному гетману было нѣсколько: Іосифъ писалъ, что у московскаго царя съ польскимъ королемъ составленъ договоръ всю Украйну мечемъ и огнемъ разорить; Бруховецкій повѣрилъ этому вымыслу и сталъ повторять его другимъ [2]).

У Бруховецкаго въ Гадячѣ происходила рада января 1-го числа. Съѣхались къ гетману для поздравленія съ новымъ годомъ полковники: нѣжинскій — Артемъ Мартыновичъ, черниговскій — Иванъ Самойловичъ, переяславскій — Дмитрашко Райча, прилуцкій — Лазарь Горленко, полтавскій — Костя Кублицкій, миргородскій—Григорій Апостоленко, и кіевскій — Василій Дворецкій; были здѣсь и войсковые судьи Петръ Забѣла и Павелъ Животовскій и войсковой писарь Ѳедекъ Михаленко. «Меня Москва подвела» — говорилъ гетманъ — «подговорили пріѣхать въ столицу, а тамъ взяли и держали въ неволѣ и заставили насъ согласиться на то, чего мы и не хотѣли». Полковники и старшины вторили гетману: они хотя и не любили его, но всѣ были недовольны вмѣшательствомъ воеводъ въ управленіе краемъ. На этой радѣ порѣшили: предложить воеводамъ царскимъ, чтобъ они съ своими ратными людьми убирались изъ края по-добру по-здорову, а если не пойдутъ добровольно, то прогонять ихъ и бить. Бруховецкій увѣрялъ, что его посланцамъ въ приказѣ говорили: царю Малая Россія не надобна и онъ отдастъ ее полякамъ вмѣстѣ съ Кіевомъ.

---

[1]) Лѣт. Самов., 51.

[2]) А. Ю. и З. Р., VII, 86.

Digitized by Google

«Вотъ», — говорилъ Бруховецкій, — «и Василій Тяпкинъ, что сюда недавно пріѣзжалъ, сказывалъ тоже, что у царя съ королемъ положено отдать Польшѣ Кіевъ и съ нимъ Малую-Россію, только не теперь это сдѣлаютъ, а сегодня немного, чтобъ народъ не потревожить. Говорятъ, царь собирается въ Кіевъ пріѣхать, будто Богу молиться, но это слухъ только такой пускаютъ, а царь совсѣмъ не затѣмъ къ намъ ѣдетъ, чтобъ молиться. Еще прежде царя придетъ сюда Нащокинъ съ московскимъ войскомъ. У москалей съ ляхами въ договорѣ постановлено съ обѣихъ сторонъ смирять насъ, непослушныхъ: затѣмъ-то царь сюда съ войскомъ идетъ, чтобъ жителей Малой-Россіи выгубить и казачество искоренить! Самъ Нащокинъ проговорился моимъ посланцамъ, сказалъ: «его царскому величеству ваша Малороссія не надобна; мы и Кіевъ ляхамъ уступимъ!»

Кто-то изъ старшинъ сказалъ: «ты бы, гетманъ, послалъ къ царскому величеству спросить, чѣмъ такимъ проступились и провиноватились мы передъ нимъ, и за что насъ хотятъ искоренять?»

«Что къ нимъ посылать!» сказалъ Бруховецкій: «они правды не скажутъ, а намъ уже и такъ видно, что у нихъ на умѣ недоброе, когда договорились съ ляхами на томъ, чтобъ съ обѣихъ сторонъ ослушниковъ усмирять».

Полковники не совсѣмъ довѣряли и опасались, не испытываетъ ли гетманъ ихъ расположеніе къ Москвѣ? Бруховецкій замѣтилъ это недовѣріе, сбилъ съ шеи крестъ, поцѣловалъ его и увѣрялъ всѣхъ, что говоритъ искренно.

Изъ полковниковъ одинъ переяславскій Дмитрашка Райча былъ вполнѣ подготовленъ къ новому предпріятію и сдѣлался сторонникомъ Дорошенка: къ этому онъ приведенъ былъ своею женою, вдовою Васюты Золотаренка, которой братъ чернецъ жилъ при Дорошенкѣ. Прочіе полковники и старшины увлеклись страхомъ, такъ какъ о дурныхъ замыслахъ московскаго правительства давно уже ходили слухи въ народѣ. Рѣшили, не признавать власти ни царя московскаго, ни короля польскаго, а обратиться къ государю турецкому и отдаться подъ высокую его руку, какъ подстрекалъ ихъ всѣхъ Дорошенко.

Послѣ этой рады Бруховецкій отправилъ лубенскаго полковника Гамалѣю, генеральнаго обознаго Безпалаго и канцеляриста Кашперовича въ Турцію — предлагать султану въ подданство Малую-Россію съ тѣмъ, чтобъ султанъ обязался защищать новыхъ подданныхъ отъ притязаній Россіи и Польши [1]). Бруховецкій

[1]) Лѣт. Сам., 51. — Лѣтописное повѣств. о Мал.-Рос. Ригельмана, стр. 105.

Digitized by Google

выговаривалъ себѣ право быть вассальнымъ княземъ Украйны подъ главенствомъ Турціи, на подобіе Седмиградскаго князя, и сидѣть на княжескомъ престолѣ въ Кіевѣ. Въ то же время Степанъ Гречаный, бывшій войсковой писарь, отправился за тѣмъ же дѣломъ въ Крымъ къ хану [1]).

Въ январѣ 1668 года въ Чигиринѣ у Дорошенка происходила рада: были тамъ казацкіе старшины, полковники и полковыя начальныя лица правой стороны Днѣпра; были тамъ духовные сановники и въ числѣ ихъ митрополитъ Іосифъ и архимандритъ Гедеонъ Хмельницкій, былъ тамъ ханскій посланникъ, были посланцы изъ Сѣчи, пріѣхавшіе принести присягу отъ всего товарѝства на покорность Дорошенку; наконецъ, были тамъ посланцы съ лѣваго берега Днѣпра—одинъ отъ епископа Меѳодія какой-то чернецъ,—другой отъ Бруховецкаго—какой-то знатный казакъ. Свидѣтелемъ этой рады былъ шляхтичъ Сѣнножатскій, освободившійся изъ турецкой неволи и возвращавшійся на родину черезъ Чигиринъ, но онъ не умѣлъ назвать по имени того, кто былъ тогда посланцемъ отъ Бруховецкаго. Бруховецкій уже не первый разъ отправлялъ къ Дорошенку своего тайнаго посланца. Въ этотъ разъ, въ присутствіи многихъ другихъ, Дорошенко не говорилъ уже его посланцу, что готовъ уступить Бруховецкому гетманское достоинство; напротивъ, толковалъ о томъ, чтобы вся Украйна была въ полномъ единеніи, хотя бы даже находилась разомъ подъ двумя гетманами, но о личности Бруховецкаго отзывался онъ тогда вовсе неуважительно. «Бруховецкій», говорилъ Дорошенко,—«человѣкъ худой и непородистый, зачѣмъ принялъ на себя такое бремя и отдалъ казаковъ Москвѣ со всѣми податьми? того отъ вѣка у насъ не бывало!»

— «Его неволею взяли къ Москвѣ со всею старшиною и тамъ заставили ихъ подписать все чего хотѣли»,—отвѣчалъ посланецъ въ оправданіе своего гетмана и лѣвобережныхъ старшинъ.—И на этой радѣ, какъ на той, что́ происходила у Бруховецкаго, положили отрѣзаться отъ московскаго государства и отъ Польши и поддаться Турціи, въ надеждѣ вассальной самобытности подъ ея властію. Хмельницкій при этомъ говорилъ, что откопаетъ отцовскіе скарбы и употребитъ ихъ на плату татарамъ, лишь бы избавить Украйну отъ московскаго царя и отъ польскаго короля.

Епископъ Меѳодій былъ въ Москвѣ, куда звали его участвовать, вмѣстѣ съ другими духовными сановниками, въ судѣ

[1]) А. Ю. и З. Р., VII, 93. Лѣт. Самов., изд. 1878, стр. 99.

Digitized by Google

надъ патріархомъ Никономъ, и недавно воротился очень недовольнымъ изъ царской столицы. Мало давали ему соболей, мало «корму» присылали; не оказывали ему такой почести, какъ прежде: это дѣлалось оттого, что въ Москвѣ считали его человѣкомъ совсѣмъ уже окрѣпшимъ въ подданствѣ, а не такимъ, котораго нужно ласкать и баловать, чтобы къ себѣ прикрѣпить. Вернувшись въ Украйну, онъ остановился жить въ своемъ Нѣжинѣ, — жилъ открыто, дѣлалъ пиры, приглашалъ на нихъ и малороссіянъ, и великороссіянъ, и, не стѣсняясь, такъ рѣзко порицалъ великороссійскихъ бояръ и архіереевъ, что однажды нѣжинскій воевода, Ржевскій, ушелъ отъ обѣда, не пожелавши слушать непріятныхъ для него отзывовъ объ его землякахъ. «Все у нихъ дурно,—говорилъ епископъ,—и вельможные паны ихъ, и архіереи, и всякихъ чиновъ люди—такіе грубые, противные: никогда больше не поѣду въ эту столицу».

Бруховецкій давно уже находился въ непріязни съ епископомъ,—теперь, задумавши отступить отъ Москвы, онъ разсчелъ полезнымъ примириться и снова подружиться съ Мееодіемъ, тѣмъ болѣе, какъ услышалъ, что епископъ не съ прежнимъ дружелюбіемъ относится къ Москвѣ. Посредникомъ въ дѣлѣ такого примиренія избралъ гетманъ печерскаго архимандрита Иннокентія Гизеля, хотя и съ послѣднимъ давно уже былъ не совсѣмъ въ ладахъ. Онъ послалъ приглашать къ себѣ въ Гадячъ архимандрита. «Я хоть и не хотѣлъ, а боячись казаковъ, радъ-не-радъ, долженъ былъ ѣхать—и поѣхалъ», говорилъ впослѣдствіи Иннокентій.

— За что,—спрашивалъ его Бруховецкій,—печерская братья меня не любитъ и Бога за меня не молитъ?

— Мы,—отвѣчалъ Гизель,—зла на тебя не имѣемъ, а только неласку твою видимъ: казаки маетности монастырскія опустошаютъ, подданныхъ нашихъ бьютъ, коней и воловъ, и всякій скотъ и хлѣбъ крадутъ, иноковъ благочестивыхъ безчестятъ. Мы къ тебѣ о томъ писали, а ты писанье наше слезное презрѣлъ.

— Это,—сказалъ гетманъ,—все оттого, что полковники васъ обижали и на васъ наговаривали, а я имъ вѣрилъ; теперь же вѣрить больше не стану. А ты, отецъ архимандритъ, помири меня съ епископомъ Мееодіемъ; пусть бы онъ оставилъ противъ меня всякую злобу. Мы бы стали промежъ собою любовно жить, въ совѣтѣ, и тогда во всемъ краѣ малороссійскомъ люди пребывали бы въ покоѣ.

Иннокентій Гизель изъ Гадяча отправился въ Нѣжинъ, къ гостепріимному епископу, передалъ ему о своемъ свиданіи съ

Digitized by Google

Бруховецкимъ и, съ своей стороны, убѣждалъ Меѳодія примириться съ гетманомъ.

Раздраженный противъ Москвы, Меѳодій былъ какъ нельзя болѣе радъ, услышавши такое предложеніе. Онъ отправился въ Гадячъ. Примиреніе съ гетманомъ состоялось наилучшимъ образомъ. Въ утвержденіе взаимной дружбы гетмана съ епископомъ, сынъ Меѳодія женился на племянницѣ Бруховецкаго. Бруховецкій сообщилъ епископу свои опасенія на-счетъ похода въ Украйну Нащокина съ царскою ратью. Меѳодій далъ новому свату такой совѣтъ: «надобно тебѣ, гетманъ, выходить на границу и не впускать въ Украйну московскихъ бояръ съ войскомъ, а не то— Москва тебя схватитъ и отдастъ въ подарокъ ляхамъ, какъ Барабаша когда-то отдали Выговскому».

Полковники, бывшіе на радѣ у Бруховецкаго въ день новаго года, по возвращеніи въ свои полки, принялись возбуждать своихъ подчиненныхъ противъ московской власти и приготовлять ихъ къ изгнанію воеводъ и ратныхъ царскихъ людей. Сперва они таились отъ великороссіянъ, такъ какъ и на радѣ условлено было хранить замыселъ въ тайнѣ отъ великороссіянъ до поры до времени. Одинъ только прилуцкій полковникъ, Лазарь Горленко, не исполнилъ взаимнаго уговора и сообщилъ нѣжинскому воеводѣ, Ржевскому, о томъ, что происходило на радѣ. Прочіе разослали универсалы, которыми дозволялось не платить въ царскую казну податей, не исполнять воеводскихъ приказаній и посполитымъ, по своему желанію, записываться въ казаки: послѣднее дозволеніе было чрезвычайно по вкусу малороссійскому посполству; съ эпохи Богдана Хмельницкаго у каждаго посполитнаго малороссіянина вольный казакъ былъ идеаломъ, и стремленіе сдѣлаться казакомъ вездѣ прорывалось при всякомъ удобномъ случаѣ.

Кіевскій воевода, главный между царскими воеводами, посаженными въ малороссійскихъ городахъ, началъ получать отъ воеводъ тревожныя донесенія одно за другимъ. 5-го января написалъ ему изъ Острa воевода Рагозинъ, что въ козелецкомъ повѣтѣ крестьяне, «лучшіе» (т.-е. зажиточнѣйшіе) люди, не хотятъ вносить въ казну слѣдуемаго съ нихъ хлѣба и записываются въ казаки. Вслѣдъ затѣмъ прислалъ извѣстіе прилуцкій воевода, Загряжскій, что по гетманскому указу, объявленному прилуцкимъ полковникомъ, въ пригородкахъ: Красномъ [1]), Ичнѣ [2]),

[1]) Село прилуцкаго уѣзда, полтавской губерніи, при рѣкѣ Супоѣ.

[2]) Мѣстечко борзенскаго уѣзда черниговской губерніи, при рѣкѣ Ичнѣ.

Digitized by Google

Карабутовѣ [1]), Сребномъ [2]), мѣщане и крестьяне объявили себя казаками, рѣшительно отреклись отъ всякихъ взносовъ въ царскую казну и хотѣли побить посланныхъ для сбора государевыхъ людей. Между тѣмъ у Загряжскаго было всего 38 солдатъ и 23 драгуна, при многолюдствѣ казаковъ въ Прилукахъ. Затѣмъ получены въ Кіевѣ извѣстія отъ переяславскаго воеводы, Алексѣя Чирикова, и отъ миргородскаго—Приклонскаго, сообщавшія, что въ полкахъ переяславскомъ и миргородскомъ повсюду посполиты заявляютъ, что не будутъ взносить никакихъ поборовъ и самовольно поступаютъ въ казаки. Запорожцы пришли въ пригородки и села миргородскаго полка, въ которыхъ были устроены оранды (продажа вина на откупѣ), били орандарей (откупщиковъ), разграбили погреба,—а миргородскій войтъ и бурмистръ говорили ратнымъ людямъ: «будьте съ нами за-одно, не то вашему воеводѣ и вамъ жить у насъ только до масляницы». Миргородскій воевода, Приклонскій, писалъ, что у него ратныхъ людей всего 35 человѣкъ, и уже одна мѣщанка предупреждала, что малороссіяне хотятъ ихъ всѣхъ побить. Изъ Нѣжина 27-го и 29-го января воевода Ржевскій доносилъ Шереметеву, что нѣжинскій полковникъ, Артемъ Мартыновичъ, объявилъ казакамъ, что, по приказу гетмана, можно всѣхъ изъ посполъства принимать въ казаки, а когда воевода сдѣлалъ замѣчаніе полковнику, тотъ сказалъ: «въ Малороссіи люди вольные, можно мужикамъ вписываться въ казаки, потому что нынѣче намъ люди надобны».

Вслѣдъ затѣмъ вѣсти о такихъ же отказахъ взноса въ царскую казну поборовъ и о самовольномъ поступленіи посполитыхъ въ казаки получилъ Шереметевъ отъ воеводъ: сосницкаго—Лихачева, батуринскаго—Клокачева и глуховскаго—Кологривова. Новгородъ-Сѣверскій воевода Квашнинъ, отъ 30-го января, а потомъ отъ 4-го февраля, извѣщалъ, что въ городъ вошли, по гетманскому приказу, какіе-то казаки, жители тотчасъ пристали къ нимъ и, вмѣстѣ съ ними, угрожаютъ побить царскихъ ратныхъ людей. 8-го февраля, изъ Глухова воевода Кологривовъ извѣщалъ Шереметева, что въ городъ Глуховъ пришло 1,500 конныхъ и пѣшихъ запорожцевъ, а жители тотчасъ стали съ нимъ совѣтоваться, какъ выгонять воеводу съ царскими ратными людьми; у воеводы ратныхъ было 341 человѣкъ — и съ ними онъ устоять не надѣялся. Стародубскій воевода Игнатъ

---

[1]) Село константиновскаго уѣзда, черниговской губерніи, при рѣкѣ Ромнѣ.

[2]) Сребное — мѣстечко прилуцкаго уѣзда, полтавской губерніи, при рѣкѣ Лисогорѣ.

Digitized by Google

Волконскій, отъ 5-го февраля, сообщилъ Шереметеву, что стародубскій полковникъ измѣнилъ государю, поставилъ изъ казаковъ стражу около города, гдѣ сидѣлъ воевода, и приказалъ не пропускать къ нему на помощь ратныхъ людей, хватать и приводить къ себѣ гонцовъ, ѣдущихъ къ воеводѣ или посылаемыхъ отъ него. Волконскій извѣщалъ, что съ нимъ всего 250 человѣкъ и пороха мало: защищаться трудно.

Малороссіяне стали враждовать тогда не только съ царскими ратными людьми, но и со всѣми людьми великороссійскаго происхожденія. Ѣхали крестьянскія великорусскія подводы съ запасами въ Кіевъ. Въ Батуринѣ, у городскихъ воротъ, напали на нихъ малороссіяне, отняли возы и лошадей, а четырехъ крестьянъ убили до-смерти; прочіе убѣжали, но подвергались въ другихъ мѣстахъ насиліямъ: въ Королевцѣ и въ селахъ около этого городка ихъ раздѣвали до-нага, стояли у нихъ надъ шеями съ топоромъ, обыскивали ихъ, не везутъ ли они писемъ,—говорили имъ: «коли писемъ у тебя нѣтъ—живъ будешь, а коли письма найдемъ — голову тебѣ отсѣчемъ!» Малороссійскіе мужики, по наущенію запорожцевъ, подосланныхъ Бруховецкимъ, безстѣнчиво кричали: «вотъ пришла пора всѣмъ намъ быть вольными казаками и во всѣхъ малороссійскихъ городахъ надобно вырубить воеводъ и царскихъ ратныхъ людей». Черниговскій воевода Андрей Толстой послалъ съ царскою казною капитана; на него напали малороссіяне, отняли царской казны 2,700 рублей, а солдатъ, бывшихъ при казнѣ, изрубили; вслѣдъ затѣмъ, въ половинѣ февраля, черниговскій полковникъ Самойловичъ съ полками черниговскимъ и полтавскимъ осадилъ воеводу въ маломъ городѣ (замкѣ) и безпокоилъ его безпрерывною пальбою изъ пушекъ и ручного ружья. Толстой послалъ въ Москву отписку, которую посланецъ засунулъ въ свой посохъ, чтобъ уйти отъ обысковъ.

Къ городу Остру явился бывшій кіевскій полковникъ Дворецкій и новый кіевскій полковникъ Ивановъ съ казаками кіевскаго полка; начали они чинить жестокіе приступы къ городу (замку), а остерскіе жители тотчасъ перешли на ихъ сторону. Воевода Рагозинъ отбивался съ третьяго часа дня (съ 8-ми утра) до ночи. Государевы ратные люди овладѣли половиною Острога и сожгли ее; Дворецкій со своими казаками и остряпами удержался въ другой половинѣ, устроилъ раскаты, шанцы и подкопы и сталъ сильно тѣснить великороссіянъ. Но прибывшимъ отъ Шереметева стрѣльцамъ удалось взять и раскопать нѣсколько казачьихъ шанцевъ, сжечь всѣ раскаты (башни), устроенные мало-

Digitized by Google

россіянами, зажечь еще часть города, остававшуюся въ цѣлости, и доставить сидѣвшему въ замкѣ Рагозину порохъ и другіе снаряды. Весенняя распутица помѣшала присылкѣ новой подмоги изъ Кіева. Четвертая часть города Острa находилась еще въ рукахъ Дворецкаго.

Такія событія совершались въ лѣвобережной Украйнѣ въ теченіи первыхъ трехъ мѣсяцевъ 1668 года. Въ городѣ Гадячѣ гетманъ Бруховецкій старался нѣсколько времени не подать великороссіянамъ, находившимся близъ него, повода къ подозрѣніямъ, но сталъ разсылать въ разныя стороны универсалы, извѣщая народъ, что московскій царь заключилъ съ ляхами уговоръ погубить казаковъ и далъ польскому королю десять милліоновъ злотыхъ для найма иноземнаго войска на истребленіе казаковъ; въ видахъ самозащиты гетманъ побуждалъ изгонять и избивать враговъ своихъ, великороссійскихъ ратныхъ людей. По этимъ возбужденіямъ гетмана, въ Гадячъ стала стягиваться военная казацкая сила. Тогда воевода Евсевій Огаревъ обратился къ гетману и спрашивалъ: что этому за причина?

Гетманъ отвѣчалъ:

— Мнѣ стало вѣдомо, что вышла изъ Крыма татарская орда и стоитъ подъ Чернымъ-Лѣсомъ; для этого я и войско собираю. Я уже написалъ о томъ великому государю и въ Бѣлгородъ къ князю Барятинскому писалъ.

Скоро набралось въ Гадячѣ до восьми тысячъ казаковъ. Царскимъ ратнымъ людямъ съ каждымъ часомъ становилось все тревожнѣе. Городъ Гадячъ былъ совсѣмъ почти неукрѣпленъ.

8 февраля, въ воскресный день, воевода Евсевій Огаревъ съ великороссійскими полковниками рейтарскаго строю Яганомъ (Іоганномъ) Гульцемъ и солдатскаго строю Дирикомъ Граффомъ отправился къ Бруховецкому челомъ ударить, — въ праздникъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ. Прежде Иванъ Мартыновичъ для почета самъ встрѣчалъ царскихъ начальныхъ людей, а теперь не вышелъ; вмѣсто гетмана, вышелъ къ нимъ карликъ гетманскій, по имени Лучка, и сказалъ: гетманъ ушелъ къ обѣднѣ въ церковь, вонъ — тамъ, подъ горою. Воевода Огаревъ смекнулъ, что тутъ есть неладное, и приказалъ своему деньщику узнать: точно ли гетманъ въ церкви? Деньщикъ пошелъ въ церковь и, вернувшись, доложилъ, что гетмана тамъ нѣтъ. Тогда Огаревъ пошелъ въ церковь къ обѣднѣ самъ, а его полковники, неправославные нѣмцы, разошлись по квартирамъ.

Немного времени спустя, къ полковнику Ягану пришли сказать, что гетманъ хочетъ видѣть его и говорить съ нимъ наединѣ.

Digitized by Google

Яганъ Гульцъ отправился къ гетману. Бруховецкій сказалъ ему: пріѣхали ко мнѣ запорожцы, кошевой и полковникъ Соха, а съ ними и товарищей много, и говорили они мнѣ: не любо намъ то, что у насъ въ малороссійскихъ городахъ сидятъ воеводы царскаго величества и чинятъ людямъ многіе налоги и обиды. Я самъ о томъ знаю и уже писалъ его царскому пресвѣтлому величеству, но до сихъ поръ указа не было. Весь народъ недоволенъ, мятется. Вы, полковники, соберите свои полки и уходите изъ города. Этакъ лучше будетъ!

Яганъ Гульцъ отвѣчалъ: «изволь объ этомъ сказать воеводѣ и другимъ моимъ товарищамъ».

— Не хочу я посылать за воеводою,—сказалъ Бруховецкій и сталъ воеводу бранить.—Я,—продолжалъ онъ, — говорю это вамъ только оттого, что мнѣ васъ жаль. Буде вы изъ города не пойдете, васъ всѣхъ казаки побьютъ.

— Намъ нельзя противиться,—сказалъ Яганъ,—пойдемъ какъ прикажешь, лишь бы твои казаки насъ не побивали.

Бруховецкій всталъ, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и сказалъ:

— Вотъ тебѣ крестъ святой, наши казаки никакихъ задоровъ не учинятъ, лишь бы ваши ратные люди вышли смирно изъ города.

Полковникъ отправился къ воеводѣ и разсказалъ ему обо всемъ. Огаревъ пригласилъ другого товарища, полковника солдатскаго строя Дирика Граффа, да полуполковника рейтарскаго строя Готфрида Эренстра и пошелъ съ ними къ Бруховецкому.

Гетманъ сначала поломался и не велѣлъ ихъ пускать къ себѣ, но они поставили на своемъ и таки-добились доступа къ гетману.

Онъ имъ сказалъ:

— Воевода и вы, полковники, я вамъ приказываю выступить изъ города,—слышите? а коли не пойдете, такъ знайте, васъ казаки всѣхъ побьютъ.

Гетманъ не сталъ болѣе съ ними разводить рѣчей. Воевода и полковники съ полуполковникомъ собрали другихъ царскихъ начальныхъ людей и стали совѣтъ держать, какъ имъ поступать.

— Намъ ничего не остается, какъ уходить,—сказалъ Евсевій Огаревъ,—насъ мало, всѣхъ, и конныхъ и пѣшихъ, человѣкъ двѣсти [1]), а у нихъ набралось тысячъ восемь народа; крѣпости въ Гадячѣ никакой нѣтъ, отсидѣться и удержаться намъ нельзя

[1]) По отпискѣ Огарева въ январѣ, за мѣсяцъ до роковаго событія, у него было служилыхъ всякихъ чиновъ 649 человѣкъ.

Digitized by Google

никакъ, и сами пропадемъ, и царскому дѣлу корысти никакой не будетъ!

Рѣшили уходить. Но только-что воевода, собравши всѣхъ ратныхъ, сталъ направлять ихъ за городъ, казаки начали заступать имъ путь и затворять передъ ними городки и ворота. Бруховецкій не только уже не таился болѣе со своею измѣною, но явно глумился и поругался надъ государевыми слугами. Потребовавши, чтобъ ратные ушли добровольно, онъ вслѣдъ затѣмъ приказалъ казакамъ не пропускать ихъ. Началась свалка. Государевы ратные люди не нападали, а только защищались и отбивались. На челѣ казаковъ, заграждавшихъ путь ратнымъ людямъ, былъ Иванъ Бугай. Онъ нанесъ ударъ по головѣ Огареву. Раненый воевода съ своими людьми успѣлъ выскочить за городъ; за то другихъ безъ пощады изрубливали казаки: погибло такимъ образомъ 70 стрѣльцовъ и 50 солдатъ [1]). Изъ тѣхъ, что успѣли уйти впередъ, тридцать не были настигнуты казаками, но поморозили себѣ руки, ноги, головы и померли на дорогѣ; другихъ казаки увели обратно въ городъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и воевода Огаревъ. По его просьбѣ, отвели его къ гадячскому протопопу, а тотъ позвалъ «цилюрика», человѣка, имѣющаго претензію лечить раненыхъ. Схватили жену Огарева, опростоволосили, поругались надъ нею, водили по городу и отрѣзали ей одинъ сосецъ на груди. Одинъ изъ нѣмцевъ, служившихъ тогда же въ царскомъ войскѣ, разсказывалъ, что въ этотъ страшный день добродушный хозяинъ, у котораго онъ жилъ, зная объ участи, ожидавшей царскихъ ратныхъ людей, укрылъ своего постояльца и держалъ въ погребѣ три дня, пока не улеглась народная злоба, потомъ выпроводилъ его въ городъ Каменное [2]), отстоявшій отъ Гадяча за три мили. Двухъ полковниковъ Гульца и Граффа и полуполковника Эренстра отдали подъ стражу атаману Ивану Берлятнику и тотъ ихъ разослалъ по городамъ.

Выгнавши коварнымъ способомъ изъ Гадяча воеводу и царскихъ ратныхъ людей, Бруховецкій хотѣлъ такимъ же способомъ выпроводить ихъ и изъ другихъ малороссійскихъ городовъ. Гетманъ разослалъ къ воеводамъ увѣщательныя письма, чтобъ они добровольно сдавали города и уходили: гетманъ обѣщалъ, что задерживать насильно ихъ не станутъ. Прежде всѣхъ сдался прилуцкій воевода Загряжскій, — за нимъ вслѣдъ сосницкій Лахачевъ, батуринскій Клокачевъ, глуховскій Кологривовъ. Всѣхъ

[1]) А. Ю. и З. Р., VIII, 56; VII, 46—47.

[2]) Харьков. губ., лебед. уѣзда, при р. Пслѣ.

ихъ отвезли въ Бруховецкому въ Гадячъ; они сидѣли тамъ нѣсколько времени въ оковахъ, а потомъ отправлены въ лубенскій Мгарскій монастырь. Стародубскаго воеводу Волконскаго казаки убили. Воеводы миргородскій и полтавскій сначала думали-было держаться, но скоро увидѣли невозможность устоять противъ возставшаго народа и сдались. Ихъ впослѣдствіи отвезли въ Чигиринъ къ Дорошенку. Черниговскому воеводѣ Андрею Толстому предлагалъ черниговскій полковникъ Самойловичъ послѣдовать примѣру другихъ воеводъ: «гетманъ уже отступилъ отъ Москвы и вошелъ въ союзъ съ Дорошенкомъ, такъ великороссійскимъ воеводамъ и ратнымъ царскимъ людямъ нечего дѣлать въ Малороссіи» —писалъ Самойловичъ.—Толстой не послушался его, приказалъ выжечь въ Черниговѣ большой городъ, или мѣсто, заперся въ маломъ городѣ, или замкѣ и рѣшился защищаться до послѣдней крайности. И Бруховецкій писалъ къ нему, совѣтуя покинуть замокъ съ пушками и всякимъ оружіемъ и уходить въ свою сторону, въ противномъ случаѣ грозилъ самъ лично двинуться къ Чернигову. Толстой ни на что не склонялся и удержался до конца; въ періодъ возмущенія въ одномъ Черниговѣ воевода не былъ изгнанъ, какъ то сдѣлалось въ другихъ городахъ.

Въ Москвѣ чрезъ отписки Шереметева знали о безпорядкахъ въ Малороссіи еще прежде, чѣмъ гетманъ расправился въ Гадячѣ съ Огаревымъ и его ратными людьми.

Въ Москвѣ думали сначала, что причиною волненія—страхъ, чтобы, въ силу мирнаго договора съ Польшею, не отдали Кіева Польшѣ и не воротили ей чего-нибудь еще другого въ Малороссіи. Незнаніе, на чемъ подлинно состоялся договоръ Москвы съ Польшею, давало народному воображенію возможность создавать себѣ страшные призраки, и, соображая это, московское правительство хотѣло отправить особаго посланца, чтобъ онъ прочиталъ договорныя статьи на большомъ съѣздѣ. Но скоро затѣмъ въ Москвѣ стало вѣдомо, что народъ волнуется по поводу воеводъ и сбора налоговъ въ царскую казну. Теперь составлена была къ гетману грамота, въ которой правительство предоставляло полковникамъ, бурмистрамъ и войтамъ собирать съ народа все, что̀ слѣдовать будетъ на содержаніе ратныхъ людей, а воеводамъ сборщиковъ отъ себя уже не разсылать. Въ грамотѣ дѣлалось замѣчаніе, что если бы отъ всего малороссійскаго народа было подано челобитье объ освобожденіи отъ воеводскихъ властей, то оно было бы милостиво принято. 18 февраля, когда въ Москвѣ узнали о томъ, что̀ за десять дней передъ тѣмъ произошло въ Гадячѣ, послѣдовала царская грамота къ епископу Меѳодію, и

Digitized by Google

въ этой грамотѣ уже писалось, что Бруховецкій не только отступилъ отъ подданства царю, но и отъ христіанской вѣры и пролилъ кровь тѣхъ ратныхъ людей, которые его оберегали, что эта кровь «ему, какъ второму Іудѣ, разсадитъ утробу». Въ Москвѣ писали тогда къ Меѳодію, еще не зная, что Меѳодій съ Бруховецкимъ одного поля ягода; этому Меѳодію повѣрялось всякими способами отклонять народъ отъ козней «шатостныхъ людей, замышлявшихъ запроводить народъ малороссійскій въ бусурманскую неволю».

Въ то самое время прибылъ въ Москву польскій посолъ разсуждать о союзѣ двухъ христіанскихъ державъ, Польши и Россіи, противъ невѣрныхъ. Этотъ посолъ былъ Беніовскій, столь извѣстный своимъ коварствомъ въ прежнихъ сношеніяхъ Польши съ Малороссіей при Выговскомъ. Довѣрчивость къ прочности такого союза Польши съ Россіею была тогда въ Москвѣ такъ велика, что въ царской грамотѣ Меѳодію говорилось какъ-бы о несомнѣнномъ дѣлѣ, что, въ силу заступленія московскаго царя, съ польской стороны уже не будетъ болѣе насилія въ вѣрѣ украинцамъ, лишь бы они отстали отъ «бусурманской прелести».

Бруховецкій, разорвавши съ Москвою, разсылалъ не только по малороссійскимъ городамъ гетманскаго управленія, но и въ слободскіе полки воззванія, возбуждавшія вражду къ москалямъ. «Польскіе и московскіе послы,—говорилъ въ своихъ воззваніяхъ гетманъ, — заключили между двумя державами миръ на томъ, чтобы съ обѣихъ сторонъ, какъ съ московской, такъ и съ польской, разорить нашу милую Украйну и опустошить ее въ конецъ, истребивши въ ней всѣхъ жителей, и старыхъ, и малыхъ. Узнавши о такомъ замыслѣ, мы все-таки не захотѣли выгонять отъ себя москалей саблею, но думали безъ кровопролитія проводить ихъ въ цѣлости до московскаго рубежа; однако, они, москали, сейчасъ выявили скрытую въ себѣ злобу къ нашему народу, не пошли по указанной имъ дорогѣ, а бросились съ оружіемъ на христіанъ, а народъ, защищая себя, сталъ бить ихъ—и такъ постигла ихъ та участь, какой они желали намъ: мало ихъ живыхъ отъ насъ ушло». Всѣхъ увѣщевалъ Бруховецкій выгонять отъ себя москалей, гдѣ только они есть, и вмѣстѣ съ тѣмъ уворялъ жителей нѣкоторыхъ городовъ и селъ за то, что они завели у себя междоусобія: кто на кого прежде злобствовалъ, тотъ увидалъ теперь удобное время вылить свою злобу; гетманъ уговаривалъ всѣхъ забыть всякую недружбу къ своей братіи и обратиться противъ зломыслящихъ москалей.

Гетманъ не ограничился даже однимъ народомъ малороссій-

Digitized by Google

скаго происхожденія, а затѣвалъ привлечь къ своимъ замысламъ и донскихъ казаковъ, вѣроятно, уже слыша о возникавшихъ на Дону волненіяхъ, изъ которыхъ вскорѣ сложился Разинскій бунтъ. Донцы хотя въ большинствѣ были по происхожденію великоруссы, но ихъ связывало съ Малороссіей то, что они были казаки и потому не терпѣли надъ собою тяготѣнія царскихъ властей. На этомъ-то основаніи обратился и къ нимъ Бруховецкій, расточая самую безстыдную ложь. Такъ, въ своемъ воззваніи къ донцамъ, онъ извѣщалъ, будто москали заслали своего верховнаго пастыря патріарха Никона въ заточеніе за то, что удерживалъ ихъ отъ латынской ереси, что москали сами приняли унію и позволили въ церквахъ своихъ служить ксендзамъ, что Москва стала уже писать не русскимъ, а латинскимъ письмомъ.

Между тѣмъ Бруховецкій работалъ для своихъ замысловъ и въ другой сторонѣ. 2 апрѣля, Гамалѣя прибылъ въ Адріанополь и представился султану съ своими товарищами. Турецкія власти приняли новыхъ подданныхъ радушно и милостиво. Посламъ Бруховецкаго сказали: «по своему неизреченному милосердію, султанъ принимаетъ всѣхъ прибѣгающихъ къ его императорскому порогу и охраняетъ подъ крылами своей обороны отъ всякихъ оскорбленій. Всѣ прежде добровольно поступавшіе въ подданство оттоманской державѣ не видѣли отъ ней никакой несправедливости. Наша великолѣпная держава какъ изначала была могущественнѣйшею въ свѣтѣ и непобѣдимою, такою остается понынѣ и, при помощи высочайшаго Бога, пребудетъ такою до страшнаго суднаго дня». Каймаканъ великаго визиря тотчасъ же извѣстилъ польскаго канцлера, что народъ казацкій поступилъ подъ защиту цесарскаго могущества, но цесарь принялъ его не иначе, какъ воспретивши казакамъ дѣлать нападенія на Польшу, съ которою недавно Турція заключила вѣчный миръ [1]). Такъ какъ лѣвобережная Украйна поступала въ подданство Турціи изъ-подъ московской, а не изъ-подъ польской власти, то ея принятіе не должно было ни въ какомъ случаѣ казаться полякамъ нарушеніемъ мирнаго договора.

Въ маѣ султанъ снарядилъ въ Украйну двухъ чаушовъ: одинъ назначался собственно къ Дорошенку, другой къ лѣвобережному гетману. Посылаемый къ Бруховецкому имѣлъ отъ султана полномочіе заключить съ гетманомъ договоръ, по которому гетманъ со всѣмъ войскомъ запорожскимъ и со всею лѣвобережною Украйною отдавался турецкому падишаху въ подданство.

---

[1]) Польск. корон. метр. снош. съ Турціею, связка 23.

Digitized by Google

Вскорѣ затѣмъ ханъ крымскій присылалъ къ Бруховецкому своего агу съ увѣреніемъ, что явится на помощь гетману татарская орда [1]).

Но Бруховецкій не могъ уже никакою ложью потушить въ народѣ разгорѣвшуюся къ себѣ ненависть. Малороссіяне, недовольные введеніемъ воеводъ и сборами съ народа, производимыми черезъ лицъ великорусскаго происхожденія, не могли забыть, что эту новизну ввелъ въ ихъ отечествѣ не кто другой, какъ Бруховецкій. Притомъ самъ гетманъ былъ звѣрски жестокъ. Лѣтописцы въ примѣръ его жестокости указываютъ, между прочимъ, что незадолго до своей измѣны приказалъ онъ всенародно сжечь живьемъ полковницу Гострую, по выраженію лѣтописца, «за малую вину» [2]). Ненавидѣли Бруховецкаго старшины и полковники, хотя и были соучастниками его отступленія отъ Москвы. Они (неизвѣстно—кто именно и черезъ кого) послали тайно къ Дорошенку, просили его прибыть на лѣвую сторону Днѣпра и принять гетманскую власть вмѣсто Бруховецкаго [3]). Дорошенко прежде письменно увѣрялъ Шереметева, что хотя у него много войска казацкаго и татарскаго, но онъ никуда не двинетъ его безъ причины и отнюдь не затѣетъ кровопролитія на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Но то писалось съ цѣлію отвести глаза и обмануть бдительность кіевскаго воеводы [4]). Получивши тайное приглашеніе отъ старшинъ лѣвобережныхъ, онъ отправилъ отрядъ казаковъ къ Демьяну Многогрѣшному, который недавно изъ черниговскаго полковника сдѣлался генеральнымъ асауломъ и, конечно, былъ однимъ изъ тѣхъ, а можетъ быть—и главнымъ изъ тѣхъ, что приглашали Дорошенка. Всѣдъ затѣмъ самъ Дорошенко съ войскомъ перешелъ Днѣпръ и направился на Гадячъ.

Прошелъ великій постъ, настала пасха, въ тотъ годъ очень ранняя: день Благовѣщенія приходился на святой недѣлѣ. Этотъ годъ былъ тѣмъ необыкновененъ, что, спустя мѣсяцъ послѣ пасхи, еще не росла трава, не растаялъ снѣгъ и стояли зимніе холода. Это замедлило вступленіе въ Украйну великороссійскаго войска, которое подъ начальствомъ Ромодановскаго шло усмирять смуту, поднятую Бруховецкимъ. Не ранѣе какъ въ маѣ прибылъ Ромодановскій къ Котельвѣ, пограничному городку гадячскаго полка, но нашелъ тамъ уже порядочную казацкую «залогу». Брухо-

[1]) Ibidem, 93.
[2]) Лѣт. Грабянки, 197.
[3]) Лѣт. Самовидца, 51. А. Ю. и З. Р., VII, 92.
[4]) А. Ю. и З. Р., VII, 42.

Digitized by Google

вецкій заранѣе распорядился укрѣпить городки, пограничные къ великороссійскому краю.

Въ маѣ же явились къ Бруховецкому татары подъ начальствомъ мурзы Челибея. Гетманъ подарилъ Челибею 7,000 червонныхъ, рыдванъ съ лошадьми и двухъ русскихъ дѣвокъ; потомъ раздѣлилъ прибывшую орду — одну часть ея взялъ съ собою въ походъ, другую оставилъ въ Гадячѣ.

Но вотъ, вслѣдъ затѣмъ явились посланцы отъ Дорошенка и отъ митрополита Тукальскаго. Прежде эти господа подущали Бруховецкаго отступить отъ Москвы и лелѣяли обѣщаніями, что Дорошенко готовъ уступить Бруховецкому гетманство одному, лишь бы обѣ части Украйны были соединены; теперь и гетманъ, и митрополитъ приглашали Бруховецкаго снять съ себя гетманское достоинство, уступивъ одному Дорошенку, а Дорошенко, по своей милости, обѣщалъ Бруховецкому оставить въ пожизненное владѣніе Гадячъ съ пригородками [1]).

Трудно было болѣе поругаться надъ честолюбцемъ, какъ отправить къ нему такое неожиданное предложеніе. Бруховецкій пришелъ въ бѣшенство и излилъ свою ярость на Дорошенковыхъ казаковъ, приказавши ихъ посадить въ кандалы, а самъ двинулся съ войскомъ какъ-бы для того, чтобы защищать Малороссію отъ Ромодановскаго и требовалъ, чтобъ къ нему поспѣшали казацкіе полки, а имъ онъ уже прежде приказалъ идти въ себѣ на соединеніе. Бруховецкій не зналъ, что уже почти всѣ полки передались Дорошенку.

Дорошенко двигался на востокъ по лѣвобережной Украйнѣ и остановился подъ Голтвою; тамъ простоялъ онъ нѣсколько дней и, наконецъ, 29-го мая принялъ присланныхъ къ нему воеводъ и начальныхъ царскихъ ратныхъ людей, взятыхъ въ малороссійскихъ городахъ и посаженныхъ до его прихода въ лубенскомъ Мгарскомъ монастырѣ. Сперва Дорошенко потребовалъ, чтобъ они присягнули ему въ вѣрности. Царскіе слуги отказали наотрѣзъ. Тогда Дорошенко приказалъ отправить ихъ въ Чигиринъ подъ карауломъ [2]). Узнавши, что Бруховецкій идетъ противъ Ромодановскаго, Дорошенко двинулся на перерѣзъ пути Бруховецкаго и достигъ Опошни въ то время, какъ Бруховецкій остановился у Зенькова. Тутъ Дорошенко прислалъ къ Бруховецкому десять сотниковъ и черезъ нихъ требовалъ, чтобъ Бруховецкій отдалъ добровольно Дорошенку свою булаву,

[1]) Ibidem, 93.

[2]) Ibidem, VIII, 57.

Digitized by Google

бунчукъ, знамя и всю «гармату» (артилерію) [1]). Побѣжденный Бруховецкій приказалъ взять этихъ сотниковъ подъ караулъ и отослать въ Гадячъ, а самъ двинулся къ Опошнѣ (30 съ небольшимъ верстъ отъ Зеньковa). Дошелъ онъ до Опошни. Тутъ заволновалось казачество и закричало: «мы за гетманство Бруховецкаго биться не станемъ». Приступили къ Бруховецкому старшины и стали укорять его: «мы тебя въ гетманы выбрали, чаяли отъ тебя всего добраго, а ты ничего хорошаго не учинилъ, только одно кровопролитіе отъ тебя сталось. Сдавай гетманство!»

Чернь бросилась грабить возы его, точно такъ, какъ бросалась когда-то подъ Нѣжиномъ и на возы Сомка и Золотаренка, когда провозглашала гетманомъ Ивана Мартыновича. Бруховецкій убѣжалъ въ свой шатеръ, думая улизнуть отъ неминуемой гибели, но тутъ передъ нимъ явился посланецъ отъ Дорошенка. По одному извѣстію [2]) то былъ брацлавскій сотникъ Дрозденко, по другому [3])—чигиринскій сотникъ по имени Савва.

Бруховецкій сѣлъ на кресло въ своемъ гетманскомъ шатрѣ. Посланецъ Дорошенка сказалъ: «иди, зоветъ тебя къ себѣ гетманъ!» и схватилъ рукою за кресло, на которомъ сидѣлъ Бруховецкій.

Подлѣ Бруховецкаго стоялъ запорожскій полковникъ Чугай: онъ былъ давній пріятель Ивана Мартыновича и теперь прибылъ къ нему служить съ нѣсколькими стами человѣкъ сѣчеваго товарищества. Не утерпѣлъ онъ такого обращенія съ своимъ старымъ другомъ гетманомъ: онъ ударилъ посланца Дорошенкова мушкетнымъ дуломъ въ бокъ и повалилъ на землю [4]). Но на гетманскій наметъ ринулась толпа; раздались крики и ругательства; двое сотниковъ схватили Бруховецкаго за руки и потащили къ Дорошенку.

Правобережный гетманъ стоялъ на курганѣ, носившемъ названіе Сербинской могилы: тамъ были схоронены сербы, служившіе Выговскому и погибшіе тогда въ битвѣ противъ Пушкаренка.

Увидя Бруховецкаго, Дорошенко сказалъ ему: «зачѣмъ ты отвѣчалъ мнѣ грубо и не хотѣлъ добровольно отдать своей булавы, когда тебя не хочетъ имѣть гетманомъ казацкое товарищество?»

---

[1]) Ibidem, VII, 93.
[2]) Лѣт. Величка, II, 163.
[3]) А. Ю. З. Р., VIII, 57.
[4]) Лѣт. Величка, II, 163.

Digitized by Google

Бруховецкій не отвѣчалъ ему ни слова. Тогда Дорошенко приказалъ увести его и приковать къ пушкѣ: то былъ обычный пріемъ наказанія у казаковъ.

Но Дорошенко, отдавши такой приказъ, произвелъ движеніе рукой, которое поняла по-своему свирѣпая толпа: бросились на Бруховецкаго, изорвали и истерзали на немъ платье до того, что онъ остался нагишомъ, били его ружейными дулами, рогатинами, дубинами и забили до смерти, «какъ бѣшеную собаку» [1]). Запорожцы, пришедшіе съ атаманомъ Чугаемъ, выбивались изъ силъ, чтобъ сколько-нибудь остановить народную злобу и направить ее на Дорошенка [2]). Ничто не могло спасти Бруховецкаго, онъ лежалъ уже мертвымъ, весь синій отъ побоевъ. «Я не виненъ въ его смерти, — говорилъ Дорошенко,—я никому не велѣлъ убивать его!»

Послѣ того, какъ волненіе стало нѣсколько утихать, братъ Дорошенка, Андрей, приказалъ поднять тѣло убитаго гетмана, положить на возъ, подостлавши сѣна; такъ, Андрей Дорошенко повезъ его въ Зеньковъ; тамъ положили тѣло въ гробъ и отвезли въ Гадячъ. Тѣло бывшаго боярина и гетмана было до того изуродовано, что близкіе люди и самая жена гетмана едва могли узнать, чей трупъ привезли тогда въ Гадячъ. Его похоронили по христіанскому обряду съ подобающими его сану почестями въ церкви Богоявленія, въ Гадячѣ, имъ же самимъ построенной.

Бруховецкій былъ достойнѣйшимъ явленіемъ своей эпохи, такъ удачно прозванной «руиною», разумѣя здѣсь руину не только матеріальнаго, но и нравственнаго быта въ краѣ. Жадный, свирѣпый, коварный, лживый, не имѣвшій въ жизни никакого идеала, кромѣ грубаго личнаго эгоизма, онъ не отличался ни проницательностію, ни умѣньемъ управлять обстоятельствами, которыми пользовался только хватаясь за нихъ, когда они представлялись въ данное время ему подходящими. Взнесенный на верхъ величія междоусобіями, онъ наткнулся на московскую политику, растерялся и кончилъ свое поприще постыднѣйшимъ образомъ. Тогдашняя московская политика, по отношенію къ Малороссіи, приняла за правило содѣйствовать тому, что, казалось, вело къ тѣснѣйшему соединенію малороссійскаго народа съ великороссійскимъ, и потому стала ласкать малороссіянъ, заявлявшихъ передъ Москвою такое стремленіе. Въ Малороссіи нашлись лица, ураз-

[1]) А. Ю. З. Р., VII, 93.

[2]) Лѣт. Величка, II, 163.

Digitized by Google

умѣвшія, какъ можно угодить Москвѣ и черезъ то самимъ возвыситься. Филимоновичъ былъ первый, который поднялся такимъ путемъ. За нимъ послѣдовалъ Бруховецкій. Самъ ли онъ задумалъ предать малороссійскій край великорусскому управленію, или мысль эта дана была ему въ Москвѣ — не знаемъ, но мы видѣли, что и онъ самъ, и старшины, съ нимъ бывшіе, награждены были почестями и выгодами за то, что допустили введеніе великорусскаго порядка въ управленіи Малороссіею съ нарушеніемъ старины. Оказалось, однако, что тогда такія нововведенія были скороспѣлы и неприложимы къ жизни. И черезъ эти нововведенія, и черезъ свое тиранство Бруховецкій озлобилъ до того малороссійскій народъ, что могъ держаться на гетманствѣ развѣ только при всегдашней помощи отъ великорусской военной силы. Но на Москву представлялось мало надежды, когда московская политика произвела роковой поворотъ въ судьбѣ малороссійскаго народа, предавая половину малороссійскаго края, по Андрусовскому договору, ненавистному для малороссіянъ польскому господству, и возникло въ народѣ опасеніе, что и другую половину малороссійскаго края отдадутъ туда же. Потерялъ Бруховецкій голову,—ударился въ противное—въ измѣну тому, что̀ облагодѣтельствовало и возвысило его! И онъ погибъ ужаснымъ, но достойнымъ своей безнравственности способомъ. Въ народной памяти онъ не оставилъ по-себѣ ничего, кромѣ ненависти и презрѣнія, а потомъ — вѣчнаго забвенія.

Н. Костомаровъ.

Digitized by Google

ДЕШЕВЫЙ ГОРОДЪ

ХРОНИКА-РОМАНЪ.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ.

Окончаніе *).

I.

«Вотъ и подарокъ мнѣ для дня моего ангела!» подумалъ Елатомскій, окончивъ чтеніе отцовскаго письма. «Такъ вотъ какъ!.. Старикъ мой женился... и подарилъ меня мачихой... Да еще какой мачихой!.. Двадцати-двухъ-лѣтней толстомясой дурой, отъ которой бывало путнаго слова нельзя было добиться!.. Я ее знаю, эту племянницу нашей дьяконихи, эту коротышку въ ситцевомъ платьѣ на праздникахъ и босоногую въ будни... Отецъ мой радуется, что нашелъ себѣ жену, которая съумѣетъ ему и щи сварить, и квасъ заварить, и чулки заштопать, и бѣлье выстирать, и платки подрубить... вотъ какія онъ нашелъ въ ней великія добродѣтели! Какъ будто у него нѣтъ, и не было никогда ни стряпухи, ни прачки... Что за нелѣпость! Шестидесятилѣтній, сѣдой старикъ женится на молодой, здоровенной дѣвкѣ изъ разсчета, что она будетъ щи да кашу варить ему! Или это только такъ, для того только и говорится, чтобъ прикрыть свою страстишку и законнымъ бракомъ завершить свои неудачныя, амурныя поползновенья... Или его подвели такъ, чтобъ онъ на старости лѣтъ сдѣлалъ такую глу-

*) См. выше: май, 40 стр.

Digitized by Google

ность. И я долженъ писать къ нему, и поздравлять!.. И даже радоваться его радости! Небось, какъ услыхалъ, что я женюсь, пришелъ въ негодованіе!..»

Ясно, что не за наслѣдство свое испугался Елатомскій, и что нестолько дворянская, сколько эстетическая струнка была въ немъ затронута.

А въ это время, на другомъ концѣ города, а именно, на одесской пароходной пристани, Зоя прощалась съ своимъ отцомъ, отъѣзжающимъ въ Крымъ, и молча стояла подъ зонтикомъ, рядомъ съ своею матерью Вѣрой Георгіевной.

На пароходѣ, у борта, подъ раскинутымъ тентомъ, стоялъ Трофимъ Евлампіевичъ, въ картузѣ, съ плетеной флажкой, повѣшенной черезъ плечо и кричалъ имъ:

— Чего пришли?! Экъ, не сидится! И безъ васъ уѣду... Зоя! не забудь отослать мои туфли къ башмачнику... Да ту мебель, что въ сараѣ, прикажите чаще выколачивать, а то моль заведется... моль, моль... Экъ его, какъ оретъ!.. ничего не слыхать, разсердился онъ на паровой свистокъ, отвернутый рукою машиниста. Пронзительный свистъ былъ такъ силенъ, что Зоя сдѣлала движенье, чтобъ зажать себѣ уши, и чуть-было не уронила въ воду своего зонтика.

Наконецъ, пароходъ, съ махающими платками и шляпами, зашипѣлъ, задвигалъ своими колесами и, медленно повернувшись носомъ къ открытое море, сталъ уходить и вытягивать дымъ свой по-вѣтру... Толпа, стоявшая на пристани, перестала махать удаляющимся пассажирамъ и стала расходиться.

Вѣра Георгіевна, вмѣстѣ съ Зоей, тоже прошли мо́лоломъ на берегъ, гдѣ стояли извозчики, и зонтиками защищаясь отъ пыли, стали подниматься на гору...

Убѣдившись, что для страсти Зои нѣтъ уже поворота, и что только Елатомскій можетъ, рано или поздно, спасти ее, Вѣра Георгіевна повѣрила въ силу неизбѣжной судьбы и, вмѣсто того, чтобы кричать на Зою, спорить съ ней или читать наставленья, молча стала ея тайною союзницей. Зоя это тотчасъ же почувствовала (влюбленныя сердца чутки!) и стала жарче и чаще обнимать мать свою; но какъ ни мучила ее совѣсть, не созналась ей во лжи... Мало того, клеветала ей на себя самымъ безбожнымъ образомъ, а прячась или уходя изъ дому, какъ-бы подтверждала тѣ сплетни, которыя, въ видѣ слуха, не разъ уже доходили не только до ушей Клары Петровны, но и до ушей ея матери.

Такъ эти оба существа, мать и дочь, прониклись одной

Digitized by Google

мыслью, еще не вполнѣ имъ сознанной и ни разу не высказанной, мыслью, что въ жизни ихъ Елатомскій есть *нѣчто*, тогда какъ все прочее—*ничто* (въ нравственномъ смыслѣ слова), что отъ Елатомскаго зависитъ ихъ будущее существованіе, будущія минуты ихъ горя или ихъ радости.

— Мама,—сказала Зоя,—въ календарѣ стоитъ, что 15-ое іюля — день св. вел. кн. Владиміра, — не именинникъ ли Елатомскій?

— Именинникъ,—сказала мать.

Зоя замолчала и задумалась. Вѣра Георгіевна тоже задумалась.

«У него теперь въ Одессѣ ни друзей, ни родныхъ», пришло обѣимъ въ голову. «Никто даже и не вспомнитъ и не догадается, что онъ именинникъ. Неужели же и мы не вспомнимъ?»

И вотъ, какъ-то само собой, случилось такъ, что онѣ порѣшили купить букетъ цвѣтовъ и послать ему... Богъ знаетъ, кому изъ нихъ первой пришло это въ голову. Зоѣ казалось, что матери, а матери казалось—что Зоѣ. Ясно, что никакого спора не могло и быть, оставалось только придумать, гдѣ достать букетъ и какъ, и когда, и съ кѣмъ послать его.

Итакъ, не безъ цѣли Вѣра Георгіевна, вмѣстѣ съ Зоей, пошла проводить своего супруга. Онѣ не знали навѣрное, уѣдетъ онъ или его остановятъ дѣла, и онъ останется. Это не разъ случалось съ Трофимомъ Евлампіевичемъ: скажетъ, бывало, что уѣзжаетъ и вернется послѣ обѣда домой. Почему и отчего—Господь его вѣдаетъ. Вѣра Георгіевна рѣдко осмѣливалась спрашивать, а Трофимъ Евлампіевичъ, какъ уже извѣстно, считалъ ее дурой, и не любилъ въ своей семьѣ откровенничать; развѣ иногда, за обѣдомъ, при какомъ-нибудь гостѣ, вслухъ разсказывалъ про себя, да про дѣла свои, и, разумѣется, чернилъ другихъ и въ самомъ выгодномъ свѣтѣ изображалъ доброту и простоту свою, т.-е. нежеланье пользоваться промахами дураковъ такъ, какъ бы они того стоили...

Былъ уже второй часъ дня... Елатомскій все еще находился подъ вліяніемъ письма своего родителя... хандрилъ.... и думалъ: «ну, ужъ мачиха! Только о кислыхъ щахъ, да о соленыхъ огурцахъ и можно будетъ съ нею бесѣдовать. Да что?.. Развѣ я когда-нибудь вернусь туда! Прощай, родина!..»

Въ комнатѣ съ закрытой дверью было пасмурно и такъ тихо, что сверчокъ сталъ поскрипывать, а крысы или крысята попискивать подъ поломъ... думали вѣрно, что хозяина дома нѣтъ.

Елатомскій по временамъ казался дремлющимъ, лежалъ съ

Digitized by Google

закрытыми глазами и, казалось, не только забылъ о своихъ одесскихъ невзгодахъ,—забылъ идти къ Каррутѣ въ кондитерскую и, по старой привычкѣ, выпить чашку кофе... Мысль о княгинѣ иногда вертѣлась въ головѣ его...

Стукъ, стукъ! Кто-то осторожно постучался въ дверь его.

«Кого это чортъ принесъ!» подумалъ Елатомскій.— Онъ нехотя всталъ, сгорбившись, какъ усталый, прошелъ черезъ комнату и отворилъ дверь. И прежде чѣмъ пересталъ онъ жмуриться отъ яркости полуденнаго свѣта, внезапно ударившаго по глазамъ его, какъ уже въ рукѣ своей почувствовалъ ощущенье холодноватаго фарфора и не безъ изумленья ощутилъ своимъ обоняньемъ запахъ цвѣтовъ, которые, машинально, къ самому носу поднесла ему собственная рука его.

— Что это! Кто принесъ?—спросилъ онъ мальчугана, съ еврейскимъ типомъ лица, безъ шапки и въ стоптанныхъ башмакахъ на босую ногу, мальчугана, котораго не разъ видалъ онъ на дворѣ играющимъ съ дѣвчонками.

— Я не знаю кто. Двѣ барыни — подай, сказали... Тутъ живетъ такой баринъ... онъ тебѣ за это что-нибудь дастъ... Вотъ и всѣ. А я не знаю, кто такія...

Елатомскій далъ ему злотъ или пятиалтынный и, вернувшись въ комнату, поставилъ на столъ голубой, фарфоровый кувшинчикъ и букетъ изъ розъ, гвоздики, левкоя, геліотропа и незабудокъ.

— Я ихъ догоню, я поблагодарю ихъ.

Елатомскій на-скоро одѣлся и, не притворивши двери, выбѣжалъ на улицу.

Меркуличей — Вѣру Георгіевну и Зою, догналъ онъ почти-что у самаго дома ихъ, и кто бы могъ подумать — сердце его сжалось, точно онъ чего-то испугался. Онѣ шли, не оборачиваясь. Онъ замедлилъ шаги свои... и, наконецъ, остановился въ нерѣшительности... Онъ не ихъ боялся, ему было страшно и стыдно обнаружить передъ ними свое волненіе.

— Нѣтъ, лучше я вечеромъ зайду къ нимъ и поблагодарю ихъ... Онѣ одни обо мнѣ вспомнили... Даже отецъ, на радостяхъ, позабылъ поздравить меня въ письмѣ своемъ. Лучше я зайду къ нимъ, — порой межъ волка и собаки... да... да... лучше вечеромъ! Ясно, что и Вѣра Георгіевна участвовала въ этомъ подаркѣ... Зайду къ нимъ въ послѣдній разъ и выскажу имъ все, все... даже на сплетни намекну и попрошу ихъ быть какъ можно осторожнѣе!..

Digitized by Google

II.

Въ сумерки того же дня, Елатомскій былъ уже на дворѣ Меркуличей и сидѣлъ на ступенькахъ невысокаго крылечка ихъ одноэтажнаго домика.

Напрасно Зоя и Вѣра Георгіевна приглашали его войти въ домъ,—онъ упрямился и говорилъ имъ:—нѣтъ, нѣтъ, ни за что!.. хоть убейте! Мнѣ и здѣсь хорошо. Зачѣмъ мнѣ забираться туда, куда не слѣдуетъ... И я правъ, и вы будете правы—буквально исполните приказаніе Трофима Евлампіевича... и въ домѣ я у васъ не буду.

— Да кто вамъ это сказалъ, Владиміръ Григорьевичъ?..

— Кто бы ни сказалъ, Вѣра Георгіевна... я вѣрю... Зачѣмъ вамъ принимать человѣка, который и служить у Хавазова не хочетъ, и въ карты съ нимъ играть не желаетъ... который и на гауптвахтѣ сидѣлъ за свои продерзости и... знаете что еще я вамъ сообщу... Я человѣкъ опасный и состою подъ надзоромъ полиціи.

Вѣра Георгіевна хоть и не поняла, что̀ значитъ состоять подъ надзоромъ, но всплеснула руками... а Зоя взяла его за руку и проговорила:—Мнѣ это все равно... только самоваръ на столѣ... Пойдемте въ комнату. Пойдемте, пойдемте, милый Владиміръ Григорьевичъ!

— Нѣтъ... вынесите столъ на дворъ, и будемъ мы чай пить на воздухѣ... и бесѣдовать... А въ домъ—ни за что, Зоя Трофимовна!

Такъ все и сдѣлалось, какъ пожелалъ Елатомскій. Съ помощью кухарки и горничной вынесли столъ на дворъ, поставили его между сараемъ и пирамидальнымъ тополемъ, единственнымъ украшеніемъ этого двора, притащили три стула и два табурета, затѣмъ вынесли кипящій самоваръ, фыркающій во всѣ стороны, точно онъ отплевывался съ непривычки кипѣть подъ открытымъ небомъ; принесли на подносѣ чайникъ, уже съ завареннымъ чаемъ, и прочія принадлежности. Зоя распоряжалась и то вбѣгала въ сѣни, то сквозь открытыя окна въ кухнѣ слышался голосокъ ея... Она не то, что распоряжалась, она была въ какомъ-то нервномъ возбужденьи, и такъ у нея билось сердце, что ей не сидѣлось на мѣстѣ.

Вѣра Георгіевна тоже, очевидно, была очень рада появленію рѣдкаго гостя. Увидѣвъ его, она долго жала ему руку и конфузилась, когда онъ за букетъ цвѣтовъ благодарилъ ее. Она, обма-

Digitized by Google

нутая дочерью, смотрѣла на него, какъ на зятя... какъ на счастливаго обладателя ея милой, ея любимой старшей дочери, и сердце ея тоже тревожно билось, но она сидѣла на мѣстѣ и уже разливала чай. Меньшія дочери ея были тутъ же, онѣ то присаживались и наблюдали, то вставали и ходили по двору... Имъ было тоже весело. Идея пить чай на дворѣ, при свѣчахъ, веселила ихъ. Никогда еще такой поэтической идеи не пришло въ голову ихъ прозаическому папенькѣ. Зимой—думалъ онъ—холодно, а лѣтомъ на воздухѣ отекаютъ свѣчи; а на даму налетаетъ всякая мушкара и ничего хорошаго не выходитъ. Къ тому же, почтенный Трофимъ Евдамціевичъ у себя дома былъ рабомъ привычекъ и не любилъ нарушать ихъ безъ особенной, крайней необходимости.

Быстро наступила темная, безлунная, тихая ночь. Люля и Юлія, напившись чаю, уже прислушивались къ разговорамъ. Имъ очень хотѣлось знать, что будутъ говорить Зоя и Елатомскій; но юный гость вовсе не любезничалъ, онъ былъ просто нервно веселъ, шутилъ, разсказывалъ о Москвѣ, о своемъ студенчествѣ, о своихъ товарищахъ, или заставлялъ Зою выговаривать безъ запинки «спитъ колпакъ да не по волпаковски», или «курилъ турка трубку; клюетъ курка крупку» и очень былъ радъ, что она этого никакъ не можетъ выговорить, не запинаясь или не останавливаясь.

Иногда, волей-неволей, глаза ихъ встрѣчались, такъ какъ Зоя ни на кого, кромѣ его, не смотрѣла, и такъ какъ Елатомскому, въ этотъ грустный для него день, пріятно было видѣть лучи и звѣзды, не такія холодныя и безотвѣтныя, какъ лучи и звѣзды, шевелящіеся надъ нимъ въ бездонномъ мракѣ безлуннаго неба.

Наконецъ, та веселость или, такъ-сказать, та юношеская рѣзвость, съ какою онъ велъ свои бесѣды, мало-по-малу истощилась, и на Елатомскаго опять стала находить не то прежняя грусть, не то какая-то неловкая натянутость. И всѣ это почувствовали: никто не хотѣлъ говорить того, что было у него на-сердцѣ.

Вѣра Георгіевна встала и ушла въ домъ, не безъ умысла,—ей показалось, что она лишняя и мѣшаетъ двумъ молодымъ влюбленнымъ.

Ея меньшія дочери выбѣжали за ворота—имъ хотѣлось поговорить о чемъ-то наединѣ, другъ дружкѣ сообщить свои наблюденія, а встати и на прохожихъ позѣвать.

— Я знаю,—оставшись съ Зоей вдвоемъ, говорилъ, между прочимъ, Елатомскій—я знаю, что вы меня любите...

Digitized by Google

— Такіе какъ и вы меня, съ увѣренностію пролепетала Зоя, сидя на другомъ концѣ круглаго стола, съ двумя неподвижно, въ неподвижномъ воздухѣ горящими свѣчками.

Елатомскаго поразилъ отвѣтъ Зои, онъ помолчалъ, поглядѣлъ на нее и потупился.

— Я предупреждалъ и предупреждаю васъ...

— Ну да... да... Что вы бѣдны, что вы подъ какимъ-то тамъ надзоромъ... Что вы не можете еще жениться... Знаю, знаю... и—и не хочу слышать.

— А знаете вы, что про насъ съ вами сплетничаютъ?

— Не боюсь... во-отъ ужъ не боюсь! Пусть сочиняютъ, что хотятъ, пусть хоть скажутъ, что я ваша... ваша... Мнѣ все-равно... Я даже рада!

Глаза Зои загорѣлись; но, несмотря на ея колебанья выговорить слово «любовница», ни малѣйшей дрожи не слышно было въ ея голосѣ.

«Неужели эта слеливая дѣвочка сильнѣе меня?» подумалъ Елатомскій, любуясь на оживленное его присутствіемъ, нѣсколько похудѣвшее, и какъ-бы осмысленное страстью личико Зои.

Долго не хотѣлось уходить Елатомскому, но въ половинѣ одиннадцатаго онъ всталъ, пожалъ руку вернувшейся Вѣрѣ Георгіевнѣ и протянулъ руку Зоѣ.

— Пора домой,—сказалъ онъ.

— Ну, уходите!—пролепетала Зоя—она надула губки и не двигалась съ мѣста—точно застыла вся.

— Прощайте, спасибо что зашли,—вздохнувъ проговорила Вѣра Георгіевна.

Елатомскій поклонился имъ, надѣлъ шляпу и пошелъ къ воротамъ.

Но не успѣлъ онъ отворить калитки, какъ Зоя, запыхавшись, догнала его.

— Владиміръ Григорьевичъ!

— Что прикажете?

— Владиміръ Григорьевичъ! — повторила она еще тише, трепетно умоляющимъ голосомъ.

— До свиданья, Зоя.

Но руки ея, какъ двѣ змѣи, обвились вокругъ головы его, и ея поцѣлуй прозвучалъ на губахъ его. Это былъ первый поцѣлуй и на виду у матери.

Елатомскій такъ былъ озадаченъ, сконфуженъ и встревоженъ, что хотѣлъ разсердиться, т.-е притвориться разсерженнымъ, — и не могъ.

Digitized by Google

— Я никого, ничего не боюсь...—шептала Зоя, прижимая горячимъ лицомъ къ груди его.—Я ужъ знаю судьбу свою.... И мама знаетъ... Прощайте... до свиданья... до скораго свиданья... Если вы у насъ не будете—я буду у васъ... Слышите!.. Я... я... сама...

Что могъ на это сказать Елатомскій? Онъ молча поцѣловалъ ей руку и вышелъ за ворота, съ пылающимъ лицомъ и вздрагивающими, какъ-бы подкашивающимися колѣнями.

Ночь была такъ темна, что и при уличномъ фонарѣ нельзя было разглядѣть ни выраженія глазъ его, ни разгорѣвшихся щекъ.

А за воротами все еще прохаживались сестрицы Зои, пользуясь тихой, темной точью и главное—отсутствіемъ папеньки.

Онѣ только-что толковали между собою, что будь онѣ постарше, да не носи еще этихъ противныхъ, коротенькихъ платьевъ, то непремѣнно бы у Зои онѣ отбили Елатомскаго.

— Ну, какъ бы ты его *отбила*?—спросила Люлинька.

— А ты бы какъ?—спрашивала Юля.

— А! Я ужъ знаю какъ. Я ужъ знаю одинъ секретъ...

— И!.. Ты ничего еще не знаешь. Вотъ я такъ знаю.

— И вы еще не спите?!—самъ не зная, зачѣмъ и почему, спросилъ ихъ Елатомскій, выходя на улицу.

Дѣвочки, сквозь темноту, уставили на него глаза свои и не отвѣчали ни слова.

Елатомскій ушелъ и скоро затихли по тротуару удаляющіеся шаги его.

Боже мой! чего бы не наговорила Вѣра Георгіевна своей дочери, если бы она вѣрила ея невинности... Теперь же, до того естественнымъ показалось ей ея поведеніе, что она не сказала ни слова, только долго, простоволосая, подъ открытымъ окномъ, сидѣла она въ темнотѣ, понѣсши увядшую голову на увядшую грудь свою.

Долго въ эту ночь никто, кромѣ прислуги, не могъ заснуть въ домѣ Меркуличей—не одни веселыя мысли были навѣяны этимъ неожиданнымъ визитомъ Елатомскаго и его недомолвками.

Да и Елатомскій долго не могъ заснуть. Дверь его настежь была отворена—было такъ душно, что онъ думалъ, не будетъ ли хоть грозы и выходилъ на балконъ поглядѣть, не собираются ли тучи, не мелькаетъ ли гдѣ-нибудь мгновенное зарево молніи; небо было хотя и темно, но эта густая тьма пропускала, какъ-бы процѣживала слабые лучи далеко мерцающихъ звѣздочекъ.

Въ эту ночь Елатомскій никакъ не могъ оправиться: онъ

Digitized by Google

образа Зои—онъ витала вокругъ него, льнула къ нему, ея невидимые поцѣлуи и ласки жгли его. Онъ ясно сознавалъ въ эту ночь, что ея отсутствіе для него тяжело и мучительно, что раздвоилась жизнь его, и что цѣлой половины (лучшей или худшей половины—это все равно) недостаетъ ему... что гармонія нарушена, и что, стало быть, онъ не шутя влюбленъ въ эту глупую дѣвочку? И это злило его... И онъ бы опять удралъ куда-нибудь, хоть обратно въ Москву, лишь бы заглушить въ себѣ это сознанье, это невыносимое чувство.

Онъ хотѣлъ писать Умтину на Кавказъ и зажегъ было свѣчу, но ничего не писалось... Онъ бросилъ перо, раздѣлся, легъ на свой тюфякъ, потушилъ свѣчу и въ подушку погрузилъ свою голову.

— Душно, ужасно душно!—вздыхалъ онъ, сбрасывая съ себя простыню, которая служила ему вмѣсто одѣяла, да и та казалась ему тяжела и тепла, какъ войлокъ.

Вдругъ, почудилось ему—скрипнула калитка. Онъ поднялъ голову. Нелѣпая фантазія, что это—Зоя, вдругъ охватила его горячую голову, и сердце его замерло.

Но, по балкону, мимо растворенной настежь двери, осторожно, ровнымъ шагомъ, прошли двѣ тѣни, или, лучше сказать, одна двойная тѣнь, шелестящая женскимъ платьемъ и слабо поскрипывающая мужскими ботинками.

«Это графъ и княгиня!» подумалъ Елатомскій. «Счастливецъ!—онъ смѣетъ, онъ можетъ, я—не могу и не смѣю».

Онъ слышалъ, какъ стукнула дверь, ведущая въ комнату къ графу и какъ минуты три, четыре спустя, объ его стѣну по ту сторону шаркнула и треснула зажигательная спичка (въ то время еще не умѣли дѣлать спичекъ безъ треску и онѣ только-что входили въ употребленіе).

«Какъ, однакоже, они неосторожны и какъ они оба меня обманываютъ!» подумалъ Елатомскій. «При первомъ же свиданьи, при первой же ея попыткѣ со мной кокетничать, я намекну ей, что я все знаю, и что она меня не одурачитъ!—Дудки, не одурачитъ!»

Мысли его приняли нѣсколько другое направленіе. Онъ всталъ и хлопнулъ дверью такъ, чтобъ они слышали, что онъ затворился, и чтобъ они догадались, что онъ не зналъ и видѣлъ ихъ.

Не зналъ, даже и подозрѣвать не могъ Елатомскій, что не красавица съ русыми волосами, стройной грудью и упругимъ станомъ, а бѣдная, съ коричневыми тѣнями вокругъ черныхъ глазъ,

Digitized by Google

и высохшими губами—Чертилина—въ это время была у него по сосѣдству, и что сколько могла эта старуха принести съ собой золота, столько она и принесла его въ карманахъ своего темнаго, старомоднаго платья.

III.

Елатомскій всталъ на другой день съ легкой лихорадочной дрожью и съ головной болью, но чтобъ не встрѣчаться съ графомъ рано вышелъ изъ дому.

Заходилъ къ знакомымъ. Зашелъ въ тотъ домъ, гдѣ онъ весной давалъ уроки, и узналъ, что его ученикъ еще не вернулся съ Лимана, куда онъ вмѣстѣ съ семьей уѣхалъ купаться въ соленомъ озерѣ. Затѣмъ обѣдалъ безъ аппетита, и въ «Палеройлѣ», черезъ горничную, получилъ записку отъ княгини Корси.

«Если вздумается вамъ сегодня навѣстить меня, милый Елатомскій,—писала она по-французски,—я буду рада видѣть васъ... Но приходите не раньше 10 часовъ. Вы меня совсѣмъ забыли. До свиданья. Вашъ другъ—Аделаида».

— Что прикажете отвѣчать?—сказала Марина.

— Скажите, что я постараюсь.

— Вы меня не узнаете, баринъ?

Елатомскій поглядѣлъ на нее.

— Ахъ, да... да... вы приносили мнѣ кофе, когда я прошлой осенью остановился въ подворьѣ. Тогда я думалъ, что вы жидовка, а вы русская оказались... Помню, помню...

Марина была некорошa собой, но темное, нѣсколько еврейское лицо ея было симпатично, особливо глаза—кроткіе и безхитростные. Елатомскій даже вспомнилъ, что онъ ей нравился.

— Ну что,—спросилъ онъ—хорошо тебѣ у княгини?

— Хорошо-съ... она добрая...

— То-то вы такъ похорошѣли, что васъ узнать нельзя...

— Я, баринъ, только одного боюсь.

— Чего-же?

— Да какъ же—уѣдутъ и ничего не заперто... придутъ иногда съ гулянья поздно—не разбудятъ... Сами кого-нибудь выпустятъ отъ себя—хотъ бы васъ примѣрно—дверь не запрутъ... Долго ли до грѣха?

— Да вѣдь еще, кромѣ тебя, есть у васъ человѣкъ—Августъ.

— Да развѣ можно на него надѣяться. Онъ, какъ подастъ вечеромъ чай, уйдетъ въ погребокъ, да и танцуетъ тамъ до двухъ

Digitized by Google

часовъ, или пиво пьетъ... Да и плутъ больной руки... на всѣ руки плутъ.

— Какъ же ты нашла здѣсь меня?

— Да я была у васъ, баринъ... Еще на дворѣ встрѣтила такую хорошенькую барышню... Она башмачника искала знакомаго... Черноглазенькая такая... Увидала меня, спросила: не васъ ли я ищу? Я сказала, что васъ... Такая хорошенькая барышня, видно по всему, что ваша знакомая...

— Да почему же видно? Мало ли заходятъ къ намъ на дворъ!

— Да... сейчасъ видать, что знакомая. Вотъ, говоритъ, его дверь... Можетъ быть, онъ и дома... и назвала васъ... Я вошла, ну, и вижу, что васъ дома нѣтъ... Здѣсь ужъ я нечаянно васъ встрѣтила.

— Ну, такъ скажи княгинѣ, что я постараюсь сегодня вечеромъ быть у ней.

Марина, не простясь, повернулась и пошла прочь, своей сдержанно торопливой, робкой походочкой.

Она была въ шляпкѣ и скорѣй похожа была на бѣдную провинціальную барышню, чѣмъ на горничную.

(Елатомскій въ Москвѣ еще ни одной горничной не видѣлъ въ шляпкѣ). «Шляпка вздоръ, но не такъ сильно крѣпостничествомъ пахнетъ» — думалъ про себя Елатомскій.

Это онъ думалъ раньше, чѣмъ говорилъ съ горничной княгини, и узналъ отъ нея, что Зоя была на томъ самомъ дворѣ, гдѣ онъ квартируетъ — ибо кому же, какъ не Зоѣ, *хорошенькой и черноглазенькой*, придти на этотъ дворъ, будто бы искать какого-то башмачника — какъ будто мало въ Одессѣ башмачниковъ!

Елатомскій не зналъ — жалѣть или радоваться тому, что въ это время онъ не былъ дома; но не могъ не подивиться той смѣлости, какую обнаруживаетъ ни чѣмъ непобѣдимая страсть ея; тому фанатизму, съ какимъ она, несмотря на все его благоразуміе, вѣритъ любви его.

Великій Шекспиръ сказалъ: «бѣды не ходятъ одиноко, но толпою»... Почти то же самое можно сказать и объ удачахъ и о любви... Случалось ли кому замѣчать, что, какъ скоро въ такого-то NN или MM влюбится одна,—непремѣнно, тотчасъ же или вслѣдъ за ней, влюбится и другая, и третья. Есть годы въ жизни нѣкоторыхъ мужчинъ, когда любовь къ нимъ дѣвицъ и женщинъ становится какъ-бы эпидемической, а что всего страннѣе, есть красавцы, которыхъ никто никогда не любилъ, и есть

Digitized by Google

весьма некрасивые, поразительно-невзрачные экземпляры мужского рода, изъ-за которыхъ женщины ссорятся. Стало быть, ничего нѣтъ мудренаго, что герой мой Елатомскій, двадцати-трехъ лѣтъ, едва успѣлъ сбросить съ себя маску моднаго въ то время печоринства, какъ уже почувствовалъ, что многихъ, какъ нѣкій магнитъ, онъ влечетъ къ себѣ.

Будь онъ чувственный юноша, да поменьше совѣстливъ, да побольше дерзокъ, не зачѣмъ было бы ему и посѣщать полусвѣта. Жизнь тогдашняго общества вся, всѣми своими нервами и соками ушедшая въ романическія мечты и стремленія, показалась бы ему такимъ разливаннымъ моремъ страстей, холоднаго, разсчетливаго волокитства, разврата, измѣнъ, опасныхъ приключеній, сумасбродныхъ грезъ и амурныхъ шалостей, — что онъ могъ бы утопить въ ней всѣ лучшія сокровища души своей, всѣ свои сомнѣнья, всю жажду труда и полезной дѣятельности, и думать о какой-то правдѣ, мечтать — о какой-то будущности русскаго народа, котораго онъ также не зналъ, какъ его и до сихъ поръ не знаютъ многіе — у Елатомскаго не хватило бы и времени.

Елатомскій несомнѣнно понравился княгинѣ Аделандѣ. Но что такое была эта княгиня?

Княгиня — была такой же продуктъ сороковыхъ годовъ, какъ и Печоринъ, съ тою разницей, что она была женщина. Она не была ни жорандисткой, ни идеалисткой, ни матеріалисткой, словомъ, не придерживалась никакой теоріи. Въ 16 лѣтъ она могла еще полюбить глубоко и искренно, но рано выданная замужъ за стараго человѣка, который явно не нуждался въ любви ея, и, брошенная въ свѣтъ со всѣми его блестками и обманами, она на мелочи размѣняла свое любящее сердце. Скоро почувствовала пустоту жизни, и наполнять эту пустоту стало ея заботой. — А! — думала она иногда... — этотъ дуракъ, этотъ важный и надутый дипломатъ, думаетъ, что онъ такъ уменъ, что несомнѣнно побѣдитъ меня! Онъ будетъ у ногъ моихъ, я заставлю его страдать, поссорю его съ его же пріятелемъ, онъ будетъ драться, онъ будетъ рвать на себѣ волосы... и... мнѣ будетъ весело... Пока я молода, я не должна скучать. Дайте мнѣ наивную душу отрока, чтобъ я могла надышаться ароматомъ его свѣжести и потомъ бросить... Дайте мнѣ скрягу, и я заставлю его бросать деньги... Словомъ, не физически, но нравственно это была куртизанка... Немногіе могли случайно воспользоваться ея слабостью, но и эти немногіе на другой же день понимали, что торжество ихъ, не болѣе какъ торжество минуты... Подобно Эвиной, она вовсе

Digitized by Google

не пропагандировала свободной любви, она была хуже, она вовсе не признавала никакой любви... Любовь, — говорила она — это фейерверкъ. Тотъ никогда не обожжется, кто умѣетъ пускать его, но за то, кто умѣетъ, для того это занимательное зрѣлище!

И при такомъ фальшивомъ настроеніи всѣхъ лучшихъ качествъ души своей, она казалась такъ простодушна, такъ мила, такъ любезна и, что всего опаснѣе, казалось — вотъ-вотъ, не сегодня такъ завтра — вся растаетъ, увлечется, какъ пятнадцатилѣтняя дѣвочка, забудетъ и мужа, и своихъ друзей, и толки свѣта и все на свѣтѣ.

И сотни праздныхъ молодыхъ людей и многоопытныхъ Печо́ринныхъ не разъ поддавались такимъ иллюзіямъ и удалялись изъ ея общества, съ горькимъ чувствомъ неизгладимаго разочарованія.

Одинъ графъ Гиккель раскусилъ ее, и хотя это былъ единственный знакомый и даже дальній родственникъ, единственный кавалеръ, котораго она нашла въ Одессѣ, она и пробовать не захотѣла съ нимъ кокетничать или увлекать его...

Ихъ сблизили ихъ взгляды на жизнь, на эту *пустую и жалкую шутку*. Онъ и безъ любви интересовалъ ее, онъ хотѣлъ бѣжать отъ долговъ, и вопросъ, какъ онъ это сдѣлаетъ, занималъ ее. Но еще болѣе занималъ ее другой вопросъ: что́ если графъ бѣжитъ, кто тогда будетъ, въ этой скучной Одессѣ, кавалеръ ея? Кто займетъ ее? Кто своимъ волокитствомъ наполнитъ день ея. Чья пламенная страсть развеселитъ ее?

Къ величайшей ея досадѣ, она чувствовала, что безтактно она повела себя по отношенію къ Елатомскому. — Кокеткой, отъявленной кокеткой ему показалась! И все шло не такъ, и говорить съ нимъ она должна была бы иначе... Кто же зналъ, что онъ все замѣчаетъ, все взвѣшиваетъ... что онъ не совсѣмъ глупъ... qu'il n'est pas si bête, comme il en a l'air!..

Почти двое сутокъ не видя Елатомскаго и даже не встрѣчаясь съ нимъ, она написала ему пригласительную записку и... дала себѣ слово нѣсколько иначе съ нимъ вести себя... Онъ ей нравился, потому-что въ это время не только Зоя, даже горничная Марина была неравнодушна къ нашему юношѣ. Такая ужъ видно на него полоса нашла... «Вѣды не ходятъ одиноко, но толпою».

Настала ночь, темнѣе прошлой ночи; было наволочно, подувалъ свѣжій вѣтерокъ,—тихо шевелясь, шушукали на бульварѣ пыльныя акаціи своими сухими, съёжившимися на солнцѣ листьями. Гуляющихъ было мало.

Digitized by Google

Елатомскій пошелъ на бульваръ. На Ришельевской улицѣ онъ встрѣтилъ, если не графа, то тѣнь его—фигуру точно въ такомъ же холстинномъ сюртучкѣ на распашку и въ соломенной широкопольной шляпѣ.

«Это онъ отъ княгини», подумалъ Елатомскій. — Теперь онъ ушелъ, и она можетъ принять меня. Но пока нѣтъ еще десяти часовъ, зачѣмъ же я пойду къ ней раньше времени»...

Онъ вошелъ въ тѣнь бульвара и повернулъ направо. Головѣ его было немного легче, но страшную усталость и какъ-бы разбитость во всѣхъ членахъ ощущалъ Елатомскій... Слегка пошатываясь, не спѣша шелъ онъ... и вдругъ, шагахъ въ шести, впереди себя увидѣлъ — съ одной изъ скамеекъ встала дама и кавалеръ, повидимому, военный.

Въ просвѣтъ между деревьями запалъ свѣтъ уличнаго фонаря, и показалось Елатомскому, что впереди его мелькнула бѣлая бедуинка и на головѣ красная греческая феска и золотая кисточка.

«Это княгиня», подумалъ Елатомскій и несмотря на усталость, ускорилъ шаги свои. Но едва онъ поравнялся съ ними, какъ дама въ бедуинкѣ быстро отшатнулась отъ своего кавалера въ сторону къ Елатомскому и пролепетала ему шопотомъ: сидите у лѣстницы и ждите меня, я сію минуту вернусь.

Елатомскій пріостановился... двѣ тѣни ушли и исчезли... Потемнѣло ли у него въ глазахъ, или они повернули на маленькую дорожку и скрылись въ темнотѣ, за темными деревьями.

Елатомскій ни о чемъ не думалъ, даже не слишкомъ удивился приказанію княгини ожидать ее, сѣлъ около лѣстницы на скамью, оперся спиной на задокъ ея, вытянулъ ноги, снялъ и поставилъ около себя свою шляпу.

Долго ли, коротко ли сидѣлъ Елатомскій, онъ и самъ не зналъ... На него напало какое-то равнодушіе... Онъ даже и княгини не ожидалъ, точно во снѣ слышался ему ея сладкій шопотъ или шелестъ коварныхъ устъ ея, даже о своемъ намѣреньи въ 10 часовъ вечера зайти къ ней позабылъ Елатомскій.

— Ну, теперь пойдемте... Извините, если такъ долго я заставила васъ ожидать себя.

Точно сквозь сонъ прозвенѣлъ надъ нимъ тихій, пѣвучій голосокъ Аделаиды, и рука ея нѣжно прикоснулась къ плечу его.

Елатомскій машинально повиновался ей, всталъ, взялъ ее подъ руку и повелъ.

— Вы теперь мой кавалеръ, мой единственный!

— А куда же дѣвался тотъ?..—началъ-было Елатомскій.—

Digitized by Google

Ахъ! извините, княгиня. Онъ вспомнилъ, что шляпа его осталась на скамеечкѣ.

— Я забылъ шляпу.

Княгиня не только не стала шутить надъ его разсѣянностью, даже не улыбнулась.

— Ну, что—нашли шляпу?

— Нашелъ.

Минутъ черезъ десять она была уже на своемъ балконѣ.

— Мой Августъ куда-то пропалъ. Марина — тоже, должно быть, спать легла или ушла на rendez-vous. Некому и самовара поставить... Подождите, Елатомскій, авось, кто-нибудь вернется.

— Что дѣлать, будемъ ждать,—сказалъ Елатомскій.

Разговоръ не клеился... Княгиня сѣла въ свое раздвижное кресло, и, скрестивъ пальцы и закинувъ назадъ свою голову, о чемъ-то задумалась.

Вдругъ она встала, вышла, зажгла свѣчу въ своей спальнѣ и воротилась съ биноклемъ.

Какъ бѣлая, воздушная тѣнь, складками своего платья касаясь колѣнъ Елатомскаго, стояла она у рѣшетки балкона и черезъ бинокль глядѣла куда-то въ темное море.

— Видите вы этотъ огонекъ направо?—сказала она.—Гдѣ этотъ огонекъ?

— Это, должно быть, фонарь на суднѣ въ карантинной гавани.

— А какъ вы думаете, откуда вѣтеръ — съ моря или съ сѣвера?

— Вотъ ужъ не знаю!

— Ну, давайте разговаривать.

— О чемъ же?—Мнѣ не здоровится и я не обѣщаюсь быть съ вами любезнымъ.

— Зачѣмъ мнѣ ваша любезность... Неужели вы думаете, что я нуждаюсь въ ней... Немножко вашей дружбы—и уже за это я безконечно буду благодарна вамъ.

— У васъ есть другъ, княгиня, — къ чему же вамъ моя дружба?—Скажите по-совѣсти.

— Такъ какъ я вообще ни чьей любви не стою, то хоть дружбы не лишайте меня, Елатомскій!

— Любви вы больше стоите, чѣмъ дружбы, и любимы и любите...

— Кѣмъ же, кѣмъ, Елатомскій?

— Графъ Гинкель,—не безъ усилія выговорилъ юноша. Ему

Digitized by Google

не хотѣлось вдаваться въ откровенности или уличать ее—не въ такомъ онъ былъ настроеніи духа, чтобъ уличать...

— А! графъ Гинкель, — улыбнулась она (улыбка слышна была въ ея голосѣ). — Какой же онъ скрытный!.. я и не подозрѣвала...

«Какая геніальная притворщица!» подумалъ про себя Елатомскій.

— Постойте, который часъ?—есть у васъ часы?

— Нѣтъ, нѣтъ у меня часовъ—я ихъ продалъ...—нѣсколько рѣзко, какъ-бы съ досадой, отвѣчалъ Елатомскій.

Княгиня изъ-подъ корсажа вынула свои часики и прислушалась—идутъ ли они или остановились.

— Кажется, идутъ; но я ничего не вижу, у васъ молодые глаза, поглядите, сколько минутъ прошло. И она поднесла ему свои часики, и уже не только складки бѣлаго платья—ея колѣно слегка прикоснулось къ ногѣ его.

— У меня такіе же глаза, какъ и у васъ — вѣдь мы ровесники! Да и зачѣмъ вамъ знать, который часъ? — счастливые часовъ не наблюдаютъ.

Елатомскій отставилъ свою ногу и услыхалъ слѣдующую фразу изъ устъ ея:

— Жаль, что счастливые не только часовъ—ничего не наблюдаютъ...

— А я, какъ шелъ къ вамъ,—встрѣтилъ графа.

— А!.. заинтересовалась княгиня: — вы встрѣтили графа! и начала его разспрашивать—гдѣ и какъ?

Елатомскій разсказалъ ей—гдѣ и какъ.

— Отчего же вы его не окликнули?

— Зачѣмъ?

Княгиня усмѣхнулась, хотя и эту усмѣшку трудно было въ темнотѣ разглядѣть на лицѣ ея.

— А какой славный, дорогой фермуаръ видѣлъ я у него на-днях.

— А! фермуаръ! знаю, онъ и мнѣ заносилъ его показывать.

— Кажется, онъ хотѣлъ продать его.

— Разумѣется, продать. Зачѣмъ ему фермуаръ! — спокойно отвѣчала княгиня... и опять, приложивъ къ глазамъ бинокль свой, стала смотрѣть куда-то въ темное море.

«Нѣтъ», подумалъ Елатомскій, «никакими намеками не проймешь ее! И если она волнуется, то не отъ фермуара, а чортъ ее знаетъ отчего. Впрочемъ, какъ актриса — она божественно играетъ роль свою».

Digitized by Google

— Елатомскій, видите вы тамъ огонекъ... не правда ли, ихъ два теперь... не правда ли?—вдругъ среди тишины, заговорила она обрадованнымъ голосомъ, уронила бинокль, и какъ дитя, захлопала въ ладоши... Ну, теперь, теперь будемъ чай пить... Боже мой! Боже мой! Каково?.. А?..

— Что съ вами! чему вы рады, княгиня? Или вы хотите совершенно заинтересовать меня? Къ чему?

— Пойдемте въ гостиную... Сейчасъ я велю зажечь лампу... Какъ темно, возьмите свѣчу... Марина, это вы? Зажгите лампу... Вернулся ли Августъ.. а?.. Подайте камфорку, мы сами зажгемъ спиртъ, скипятимъ воду и заваримъ чай...

Княгиня стала весела и разговорчива, и, между прочимъ, начала увѣрять его, что бинокль ея—бинокль волшебный,—что, при помощи кабалистическихъ словъ, она видѣла въ него берега Босфора, Константинополь и его мечети, турецкія кофейни, огоньки въ домахъ и... и одного молодого человѣка, который былъ на краю погибели—на волоскѣ отъ смерти и былъ спасенъ совершенно неожиданнымъ для него образомъ... Что она очень обрадовалась, что все такъ благополучно кончилось и не утерпѣла захлопать въ ладоши отъ радости.—А вы что думали?

— Я ничего не думалъ... Вотъ вы теперь сочиняете сказку... Неужели же и надъ вашей сказкой вы прикажете мнѣ задуматься!

— Въ этой сказкѣ есть смыслъ — и не завтра, такъ послѣзавтра вы его разгадаете.

Затѣмъ княгиня скипятила воду, заварила чай, принесла свои любимые пряники, и затѣмъ была такъ родственно проста и такъ весело любезна, что Елатомскій простился съ ней совершенно ею очарованный.

«Нѣтъ, не стану винить ее! Не стану и графа винить», возвращаясь домой, думалъ Елатомскій. «Для минутнаго блаженства, что̀ можетъ быть дороже этой княгини, для постоянной, инстинктивной привязанности и любви, что̀ можетъ быть дороже Зои?!»

Такъ какъ это былъ канунъ субботы, то на дворѣ своемъ, въ окнахъ, онъ засталъ иллюминацію: евреи праздновали шабашъ;.. далеко по-двору, сквозь окна и плохо притворенныя двери слышалось молитвенное бормотанье ихъ; даже привратникъ, который отперъ ему калитку, тотчасъ же, не обращая на него вниманія, отошелъ въ уголъ, плотнѣе завернулся въ какую-то попону, уперся головой въ стѣну, и сталъ бормотать, покачиваясь изъ стороны въ сторону.

Digitized by Google

«Неужели это просто обычай—одна форма, безъ всякаго содержанія!» подумалъ Елатомскій. Онъ самъ заперъ калитку, вошелъ на лѣстницу и такъ какъ сталъ накрапывать дождикъ, постоялъ на балконѣ, прежде чѣмъ вошелъ въ свою душную и темную комнату.

IV.

На другой день, по-утру, Елатомскій не слыхалъ какъ вошла старуха. Съ тою же тяжестью въ головѣ очнулся онъ, когда уже гулъ выстрѣла изъ полуденной пушки прокатился надъ городомъ.

Дверь комнаты настежъ была отворена, на столѣ стоялъ потухшій самоварчикъ, на-полу—вычищенные сапоги, на стулѣ—рукомойникъ.

Онъ накинулъ на себя халатъ и сталъ умываться.

Въ это время по балкону прошли рябоватый и толстенькій Степанъ Степановичъ Балалайкинъ и высокій, тонкій и желтый Антонъ Исаевичъ Брыщевскій. Очевидно, они прошли въ квартирку, занимаемую графомъ. Елатомскій не обратилъ бы на нихъ никакого вниманія, но, скрыпнувъ дверью и поговоривъ о чемъ-то, оба гостя появились вдругъ на порогѣ его комнаты.

— Вотъ онъ навѣрное знаетъ!—сказалъ Антонъ Исаевичъ, протягивая указательный палецъ свой на Елатомскаго, который въ это время, умывшись тепловатой водицей, вытиралъ полотенцемъ лицо свое.

— Мы не побезпокоимъ васъ, — разставляя руки и слегка подавшись впередъ, вкрадчиво спросилъ его Степанъ Степановичъ.

— Извините, я только-что всталъ,—сказалъ Елатомскій.

— Извините, — сказалъ Балалайкинъ, выступая впередъ и уставя на Елатомскаго добрые, голубые глаза свои,—не можете ли вы дать намъ кой-какія свѣдѣнія на-счетъ нашего милаго графа, куда онъ спрятался! Намъ уже стало почти досконально извѣстно, что нѣтъ его ни у княгини Корси, ни у этой госпожи Чертилиной, ни на бульварѣ, ни въ Палеройлѣ, ни въ сигарной лавочкѣ, ни въ греческой кофейной, ни на базарѣ... Нигдѣ! даже удивительно, право!

Пока онъ все это произносилъ, вытирая фуляровымъ платкомъ свою потную лысину, Антонъ Исаевичъ успѣлъ уже снова заглянуть въ незапертую комнату графа и обревизовать ее.

Digitized by Google

— А вотъ и еще новый сюрпризикъ! — послышался его вкрадчиво-грубый голосъ. — Пожалуйте-ка сюда!... Не угодно ли вамъ, господинъ Елатомскій, полюбоваться. Пожалуйте-ка, пожалуйте за мной на минуточку!

— Я еще не одѣтъ,—съ неудовольствіемъ проговорилъ озадаченный Елатомскій.

— Ничего что не одѣты. Здѣсь и дѣвки ходятъ почти-что совсѣмъ не одѣтыя. Не церемоньтесь, пожалуйста. Пожалуйте въ его комнату... пожалуйте!

«Что за чортъ!» подумалъ Елатомскій. «Ну, что тамъ такое?»..

— А вотъ, изволите видѣть, его одежа, вотъ она и шляпа его лежитъ—вотъ она! Гдѣ же онъ самъ? А?

— Должно быть, въ чужомъ платьѣ ушелъ,—замѣтилъ болѣе спокойный и разсудительный Степанъ Степановичъ.

— Не уйдетъ, — гнѣвно подхватилъ Антонъ Исаевичъ.—У самой Москвы нагонимъ его, каналью! Не это, теперь... не объ этомъ... не!.. Кто принесъ, и вотъ тутъ на стулѣ положилъ его одежу, тогда какъ вчера со двора вышелъ онъ въ этомъ самомъ платьѣ? Кто?!

На дворѣ въ это время уже собралась куча евреевъ, изъ оконъ выглянули еврейки, дѣти ихъ тоже изъ разныхъ угловъ повысунули свои курчавыя головы и тоже глазѣли на балконъ.

— Кто, спрашивается, могъ всю эту штуку продѣлать! А?— горячился Антонъ Исаевичъ...—Онъ далъ подписку не выѣзжать изъ города, стало быть, если вы помогли ему, вы, вы будете за него отвѣчать! вы, да, вы, милостивый государь! Васъ вмѣсто его засадимъ мы въ острогъ... вотъ что!

Елатомскій поблѣднѣлъ.

— Какъ вы смѣете такъ мнѣ грозить? — закричалъ онъ на Антона Исаевича.

Но Антонъ Исаевичъ не смутился: онъ махалъ руками, кричалъ, грозилъ, и, очевидно, былъ въ азартѣ. Къ счастью, Степанъ Степановичъ ухватилъ его за руку и мягкимъ голосомъ сталъ его уговаривать.

Елатомскій ушелъ въ свою комнату одѣваться, онъ уже хотѣлъ-было затворить и запереть дверь свою, но рябой и голубоглазый Степанъ Степановичъ подошелъ къ нему съ самымъ добродушнымъ видомъ и, слегка дотронувшись до его груди, заговорилъ мягко и вкрадчиво.

— Вы намъ только скажите, только намекните... Мы отъ васъ ничего другого и не просимъ и даже не желаемъ. Даже,

Digitized by Google

если угодно... это между нами, разумѣется,—если угодно... заплатимъ вамъ... по... по чистой совѣсти.

Тутъ мягкій голосъ Степана Степановича оборвался, до того взбѣшеннымъ показалось ему блѣдное лицо Елатомскаго.

— Да если бы я и зналъ, — крикнулъ Елатомскій, — куда вашъ графъ провалился или куда улизнулъ, если бы даже и зналъ! Съ чего вы взяли, что я за ваши деньги выдалъ бы вамъ чужую тайну! Какъ вы смѣли предлагать мнѣ такую сдѣлку! Да десяти тысячъ, сотни тысячъ я не возьму отъ васъ!

— Слышите! — заоралъ Антонъ Исаевичъ, размахивая руками, и обращаясь съ балкона къ евреямъ, столпившимся на дворѣ.

— Слышите, онъ знаетъ и говоритъ, что за десять тысячъ не скажетъ намъ, куда бѣжалъ графъ... будьте свидѣтелями.

Въ толпѣ, на дворѣ, шушуканье жидовъ превратилось въ безпрерывное громкое бормотанье на непонятномъ жаргонѣ. Съ заломленными на-затылокъ картузами и шляпами, они стояли другъ къ другу бородами и тоже махали руками и начинали о чемъ-то спорить... Пришелъ грекъ-хозяинъ и, не зная въ чемъ дѣло, объявилъ во всеуслышанье, что графъ заплатилъ ему впередъ и ничего не долженъ.

— Идемте сію минуту въ часть,—закричалъ Елатомскій,— или, нѣтъ, лучше къ полиціймейстеру. Сію минуту! Какъ вы смѣете подозрѣвать меня въ мошенничествѣ и грозить мнѣ, тогда какъ я такъ же знаю о побѣгѣ графа, какъ и вы...

«Цо-цо-цо!» слышалось со двора...

Елатомскій на-скоро одѣлся и, не шутя, принялъ намѣреніе тотчасъ же идти къ самому полиціймейстеру.

Когда онъ уже надѣлъ свою шляпу и вышелъ на балконъ, Степанъ Степановичъ опять подошелъ къ нему...

— Извините,—сказалъ онъ, — дѣло еще не раскрыто. Можетъ быть, просто графу вздумалось попроказничать... и скрывается гдѣ-нибудь въ такомъ мѣстѣ... онъ вездѣ бываетъ; изъ чего же зря затѣвать такую исторію!

— Не я, а вы со мной затѣяли такую исторію!

— Вотъ вы, — понижая голосъ, сказалъ рябой, — вы не нынче—завтра, можетъ быть, будете зятемъ нашего друга Трофима Евлампіевича, ибо, какъ честный человѣкъ, мы увѣрены, что вы женитесь... А знаете, что у этого Меркулича тысячъ на семь векселей на этого самаго графа... Изъ какихъ же благъ, посудите, будетъ онъ терять... Вѣдь онъ же не даромъ ихъ получилъ, какъ и всѣ мы, грѣшные... Значитъ, ужъ изъ одного

Digitized by Google

родственнаго расположенія, неужели вы не можете намъ—ну—хоть намекнуть, куда могъ дѣваться вашъ сосѣдъ и благопріятель...

Елатомскій строго поглядѣлъ ему въ глаза и только могъ одно сказать:

— Пойдемте со мной къ полиціймейстеру!

V.

Полиціймейстеръ только-что вернулся домой отъ генералъ-губернатора, разстегнулся, отстегнулъ саблю, ослабилъ галстухъ, велѣлъ набить себѣ трубку и затянулся съ видимымъ удовольствіемъ.

Но не успѣлъ онъ выпустить изъ-подъ усовъ двухъ-трехъ колечекъ изъ волнующагося голубого дыма, какъ дежурный деньщикъ доложилъ ему, что какой-то Елатьба желаетъ его видѣть...

Полиціймейстеръ поморщился, прошелся по комнатѣ—и вышелъ въ пріемную.

— А... ну, вотъ, какой же вы Елатьба! Дуракъ!—обратился онъ къ дежурному:—не умѣешь докладывать! Пойдемте ко мнѣ, милѣйшій; не хотите ли затянуться? А я, батюшка, только-что вернулся. Этакая жара стоитъ... пыль. Поливать городъ нечѣмъ: воды нѣтъ, — фу!

«Цѣлое море», подумалъ про себя Елатомскій, и комфортабельно усѣлся около туалетнаго зеркала, передъ которымъ, въ парижской баночкѣ, стояла венгерская помада для усовъ, лежали щетки и щеточки, гребни и гребенки, духи и бритвенница.

— Ну, что?—началъ полковникъ:—позволила *она* вамъ меня познакомить съ ней?.. А? Смотрите, не кривите душой... Знаемъ мы, какъ вы ей куры-то строите, по ночамъ у ней засиживаетесь, знаемъ!

— А знаете, какая исторія сейчасъ со мной приключилась?.. съ тѣмъ и пришелъ, чтобъ разсказать вамъ. Надѣюсь, что хоть вы заступитесь...

— Что за исторія! — поглядывая въ зеркало и крутя свой усъ, проговорилъ полковникъ.

Елатомскій разсказалъ ему все, что съ нимъ приключилось, и какъ на него взваливаютъ новую напраслину.

— То-то у васъ глаза такіе, точно вы больны, — сказалъ полиціймейстеръ, и вдругъ лицо его отуманилось. — Какъ же

Digitized by Google

это?.. какъ же мнѣ до сихъ поръ объ этомъ никто не донесъ! Это вовсе не пустяки, тутъ много заинтересованныхъ. Если онъ бѣжалъ,—какъ же я-то, я этого не знаю? Это, это странно! Вы только сами посудите. Былъ я сейчасъ у генералъ-губернатора, только отъ него сію минуту... а онъ, знаете, шутить не любитъ... и вдругъ... я ничего не знаю, ни о чемъ не докладываю!.. а онъ узнаетъ — и другіе ему доложатъ. Если онъ бѣжалъ и это правда... то... я... я... я... всѣхъ подниму ихъ на ноги!..

Какъ онъ подниметъ всѣхъ на ноги, Елатомскому было совершенно невѣдомо, но для него было ясно, что разсказъ его не шутя встревожилъ блюстителя порядка, и что въ прелестныхъ глазахъ его замелькало что-то недоброе...

— Конечно, вы тутъ не виноваты, но очень можетъ быть, что васъ тоже позовутъ къ допросу... и возьмутъ съ васъ подписку о невыѣздѣ изъ Одессы.

— Какъ подписку о невыѣздѣ! что вы, полковникъ, помилуйте! я собираюсь къ намѣстнику на Кавказъ... и вдругъ — подписку о невыѣздѣ.

— Да ужъ это такая форма. Можетъ быть, мы и возьмемъ съ васъ подписку, — можетъ быть, не возьмемъ... Гдѣ же вы были вчера вечеромъ?

— На бульварѣ. Я встрѣтилъ княгиню, которая шла подъ руку съ какимъ-то неизвѣстнымъ мнѣ мужчиной, въ военной фуражкѣ, и затѣмъ, по ея приглашенію, былъ у нея и пилъ чай.

— Кто же это былъ въ военной фуражкѣ?

— Не знаю... Я даже подумалъ—не вы ли?

— Да вѣдь вы же его видѣли?

— Видѣлъ, но было такъ темно, что я не могъ разглядѣть лица его.

— Да вѣдь вы же съ нимъ пили чай?

— Нѣтъ, не желая мѣшать княгинѣ кокетничать съ кѣмъ ей угодно, я ушелъ, и когда потомъ она позвала меня — при ней уже не было ея кавалера.

— Гмъ!

Полиціймейстеръ позвонилъ. Вошелъ дежурный.

— Позвать ко мнѣ частнаго пристава Бастанжоглова!

— Мы сейчасъ же допросимъ васъ, г-нъ Елатомскій, и потомъ вы свободны. Въ этомъ дѣлѣ нужно пользоваться всякимъ, даже ничтожнѣйшимъ показаніемъ... Вотъ вы говорили о фуражкѣ... Кто бы это могъ быть? Можетъ быть, графъ.

— Нѣтъ, графа я встрѣтилъ за нѣсколько минутъ на улицѣ.

— Все это, милѣйшій, надо записать, все это необходимо

Digitized by Google

для протокола... О! вы еще дѣлъ не знаете... Съ чего же и начинается слѣдствіе, какъ не съ допросовъ.

«Чортъ меня дернулъ идти и жаловаться!» подумалъ Елатомскій. Онъ не могъ уже не замѣтить, что изъ блистательнаго бонъ-вивана, полковникъ вдругъ превратился въ озабоченнаго чиновника, даже застегнулся, и по отношенію къ нему принялъ тонъ отчасти оффиціальный, отчасти покровительственный.

— Мы и княгиню еще допросимъ,— не безпокойтесь! Она, вѣрно, знаетъ... Вотъ и будетъ случай познакомиться...

— Княгиня, можетъ быть, только сегодня и узнала о его побѣгѣ, а можетъ быть — до сихъ поръ пребываетъ въ неизвѣстности...

— Да, какъ не такъ! въ неизвѣстности!.. Можетъ быть, за тѣмъ и пріѣхала, чтобъ его выручить... помочь ему бѣжать; а тутъ—отвѣчай! Скажутъ, чего смотритъ полиція! Я вѣдь лучше васъ знаю нашего-то Ѳедорова. Предпишетъ найти этого графа въ двадцать-четыре часа... А какъ его найдешь? Онъ, можетъ быть, въ чужомъ платьѣ, съ чужимъ паспортомъ изъ города выѣхалъ!..

Елатомскій долженъ былъ отправиться въ часть и заявить все то, что знаетъ о графѣ Гиккелѣ. Его задержали до четырехъ часовъ пополудни. Больной вернулся онъ домой и напился чаю, чтобъ вызвать испарину. Пока онъ пилъ чай, полиція сдѣлала опись вещамъ, оставшимся послѣ графа, и запечатала дверь его.

Полиціймейстеръ отправился къ генералъ-губернатору съ донесеніемъ, затѣмъ заѣзжалъ къ княгинѣ Корси, не засталъ ее и оставилъ ей свою карточку.

Насталъ вечеръ. Съ соборной колокольни раздавался благовѣстъ; народъ шелъ отъ всенощной; на бульварѣ собралось одесское фешенебельное общество. Съ моря поднималась туча, но гроза была еще далека, вѣтеръ спалъ и акаціи спали... Все было тихо въ природѣ, но много толковъ и говору было между одесситами.

— Я одно могу вамъ сказать, полковникъ,—говорила княгиня полиціймейстеру, который сидѣлъ уже рядомъ съ ней на скамеечкѣ,—что Елатомскій тутъ не при чемъ. Это такая наивная душа. Графъ ни за что не сталъ бы посвящать его въ свои хитрыя намѣренья. Онъ и меня только увѣрялъ, что уйдетъ. Вчера въ девятомъ часу мы вмѣстѣ вышли, и я съ нимъ простилась на улицѣ — и, признаюсь вамъ, очень удивилась,

Digitized by Google

когда онъ сказалъ мнѣ: «Adieu, Princesse! мы съ вами больше не увидимся: я или застрѣлюсь, или уйду, куда глаза глядятъ». Да! онъ былъ моимъ единственнымъ кавалеромъ въ Одессѣ,—я съ дѣтства его знаю и мнѣ очень жаль его.

— А кто этотъ военный, съ которымъ вы гуляли?

— Какой военный?—удивилась княгиня.

— Елатомскій *донесъ* мнѣ, что онъ видѣлъ васъ съ какимъ-то военнымъ.

— Какъ это глупо съ его стороны! Я встрѣтилась на бульварѣ съ повѣреннымъ моего мужа... и переговорила съ нимъ о дѣлахъ... Правда, онъ былъ въ сюртукѣ и въ фуражкѣ, но какой же онъ военный? Вотъ лучше спросите эту барыню, не знаетъ ли она, куда бѣжалъ графъ.

Въ это время по бульвару двигалась старуха Чертилина, въ своемъ темномъ платьѣ и шляпкѣ съ измятыми лиловыми лентами. Она опиралась на зонтикъ, глядѣла себѣ подъ ноги и ни на кого не обращала ни малѣйшаго вниманія.

— О! однако же, какія вы злыя! — сказалъ княгинѣ полиціймейстеръ укоризненно-заигрывающимъ голосомъ, и съ ловкостью военнаго человѣка, брящая саблей, подошелъ къ старухѣ и спросилъ ее:

— Не знаете ли вы, madame Чертилина, куда бѣжалъ графъ Гиккель? Весь городъ только объ этомъ и говоритъ.

Старуха остановилась, выпрямилась, посмотрѣла на него испытующими глазами и громко проговорила:

— Если вы полиціймейстеръ—да ничего не знаете, почемъ я знаю, куда сбѣжалъ этотъ мерзавецъ!

Полковникъ покраснѣлъ.

— Я думалъ отъ васъ получить кой-какія свѣдѣнія.

— Никакихъ свѣдѣній вы отъ меня не получите.

И старуха тѣмъ же шагомъ двинулась впередъ, только блѣдное лицо ея сдѣлалось еще мрачнѣе, еще невозмутимѣе.

— Да развѣ у *насъ* есть полиція! Да развѣ вся Одесса не скопище бѣглыхъ и всякихъ каторжниковъ! — чуть не на весь бульваръ рычалъ Хавазовъ. — Все, все распущено! Удивляюсь, какъ памятникъ Дюка Ришельё не унесли еще!

— Вѣроятно, онъ преспокойно лежитъ подъ кроватью какой-нибудь барыни,—заявилъ Сашинъ, на этотъ разъ нисколько не безпокоясь ни о графѣ, ни о полиціи.

— Однако скоро и дождь пойдетъ, — не пора ли и честь знать, по домамъ идти,—замѣтили нѣкоторые.

— Ишь, ишь подсѣлъ! экой волокита этотъ полиціймейстеръ!

Digitized by Google

Ха-ха-ха! Не успѣлъ убѣжать графъ... какъ онъ уже тутъ какъ тутъ? Ха-ха-ха! — хохоталъ Хавазовъ тоже чуть не на весь бульваръ.

Туча подошла, стали падать крупныя капли дождя, шлепая по дорожкамъ, шляпамъ и скамейкамъ. Только дождь этотъ и могъ унять толки о побѣгѣ графа или съ бульвара разнести ихъ по салонамъ, кофейнямъ и клубамъ.

VI.

На третій же день узнали въ Одессѣ, что графъ сошелъ къ морю, гдѣ-то около таможни, и, несмотря на окликъ часовыхъ, успѣлъ раздѣться, броситься въ море и доплыть до карантинной гавани, гдѣ и былъ вытащенъ на судно подъ турецкимъ купеческимъ флагомъ; что на другой же день, на разсвѣтѣ, отъ уходящаго въ море греческаго корабля отдѣлилась гичка, сняла его съ турецкаго судна, и благополучно въ турецкомъ платьѣ переправила его на свою палубу; что на графѣ былъ кожаный поясъ, набитый червонцами и что онъ непремѣнно бы утонулъ, если бы матросы не услыхали его крика въ волнахъ и если бы ему не подали во-время помощи.

Все это узналось евреями въ греческой кофейной отъ матросовъ того же самаго турецкаго судна, который, выдержавъ карантинъ, вошелъ въ одесскій портъ, нагруженный пряностями, турецкимъ мыломъ, оливковымъ масломъ, табакомъ, сандаломъ и кипарисовымъ деревомъ.

Такимъ образомъ, графъ Гикель преблагополучно отправился въ Грецію.

Одесскіе кредиторы просто, какъ говорится, рвали на себѣ волосы, поняли они, отчего графъ безпрестанно упражнялъ себя въ плаваніи и всячески ругали себя и другъ друга за то, что на эти его упражненія не обращали ни малѣйшаго вниманія.

Но за то въ другихъ, въ высшихъ кругахъ графъ сталъ героемъ дня. Даже Хавазовъ пересталъ ругаться, назвалъ его молодцомъ, и кричалъ: такъ и надо ихъ, мошенниковъ, этихъ скупщиковъ чужихъ векселей! Ишь, надѣялись, что папенька за него расплатится! а онъ взялъ, да не будь дуракъ и оставилъ ихъ съ носомъ. Ха-ха! молодецъ! Это не то, что вы, Иванъ Ивановичъ. Вы и въ водѣ не тонете и утопиться даже не можете, а все-таки такой штуки ни за что бы не выкинули! Гдѣ вамъ! храбрости бы не хватило! Молодецъ, молодецъ, этотъ графъ! А

Digitized by Google

вотъ, что вашъ Елатомскій навѣрное зналъ и не донесъ, вотъ за это я бы его на цукундеръ! Нечего сказать, хорошъ гусь! Хоть бы къ этой самой княгинѣ поддѣлался, благо она такая до нашего брата охотница — а то и того нѣтъ! Дрянь, дрянь, этотъ вашъ Елатомскій!

Но гдѣ же Елатомскій? Его не было въ субботу на бульварѣ, ни въ воскресенье, ни даже въ понедѣльникъ; француженка, читающая романы за стойкой кафе-ресторана Карруты, не видѣла свѣтлыхъ очей его. Онъ не приходилъ ни кофе пить, ни обѣдать, ни просто посидѣть съ сигарой во рту подъ навѣсомъ и позѣвать на гуляющихъ. Ужъ и онъ не бѣжалъ ли куда-нибудь по примѣру графа Гиккеля?

Не сглазила ли его Клара Петровна, которая въ воскресенье утромъ пришла съ работой къ Меркуличамъ и такъ была взволнована и такъ чѣмъ-то обижена, что спицы, которыми вязала она шерстяную синяго цвѣту безрукавку, безпрестанно вываливались изъ рукъ ея.

Ясно, что и до ушей Клары Петровны дошли кой-какіе слухи!—Да кто же послѣ этого замужъ-то ее возьметъ!—потряхивая букольками, со слезами на глазахъ, говорила Клара Петровна Вѣрѣ Георгіевнѣ, растравляя и безъ того еще свѣжія раны материнскаго сердца. И никакъ не могла понять Клара Петровна, отчего Вѣра Георгіевна проситъ ее лучше и не говорить о такомъ щекотливомъ предметѣ, что Елатомскій человѣкъ благородный, что онъ недавно былъ у нихъ и что она въ немъ увѣрена.

— Ахъ, Вѣра Георгіевна, милая моя! вы точно ребенокъ. Какъ же это можно на мужчинъ такъ надѣяться, какъ будто вы ихъ не знаете! Да я сама видѣла, какъ онъ сидѣлъ на балконѣ съ какой-то молодой барыней и такъ разсыпался передъ ней, такъ разсыпался! Завитой, въ перчаткахъ, франтомъ такимъ, что я глазамъ своимъ не вѣрила! Что ему Зоя, когда онъ, гордецъ, Богъ знаетъ, что о себѣ воображаетъ да думаетъ! Ахъ, я ли не любила Зою! и что же я теперь должна думать! неужели я должна бросить вашъ домъ, Вѣра Георгіевна. Это для меня было бы ужасно, Вѣра Георгіевна, этого я не вынесу!

И на долю Зои достались тѣ же жалобы, тѣ же наставленія и тѣ же слезы...

Правда, Зоя также немного прослезилась къ великому утѣшенію Клары Петровны, но потомъ, когда та пересолила или уже слишкомъ пересахарила свою дружбу къ ней, Зоя сказала:

— Тётя, я вѣрю, что вы меня любите, но я рѣшилась пострадать ради Елатомскаго, потому что я сама была виновницей его

Digitized by Google

страданій... какъ и почему, это ужъ мое дѣло. Вы уже тутъ ничего со мной не подѣлаете. Пусть меня бранятъ, бьютъ, хоть на крестѣ распинаютъ, а замужъ я выйду или за Елатомскаго, или ни за кого. Только вы не мѣшайтесь не въ свое дѣло... моему горю вы уже не поможете, а только еще хуже его растравите.

— Зоя, Зоя, ты ли это! Взгляни на себя, родимая ты моя! Такая ли ты была, Зоя, Зоинька!

Но Зоя уходила въ свою комнату и тамъ на постелѣ, въ тѣсномъ уголкѣ, пряталась за своими ширмами.

Послѣ обѣда Клара Петровна усѣлась въ гостиной раскладывать гранъ-пасьянсъ, уложивъ предварительно въ узелокъ свою работу и повязавъ себѣ зубы, которые стали ныть у ней, послѣ того какъ она посидѣла на сквозномъ вѣтру, да еще вишневаго варенья отвѣдала.

Вдругъ вошли дѣвочки и спросили:

— Гдѣ же Зоя, мама?

— Гдѣ-нибудь, гдѣ же ей быть? можетъ быть, по двору ходитъ...

— Да ея давно уже нѣтъ!

— Ахъ, да... она вѣрно пошла за отцовскими туфлями. Она вчера хотѣла идти... да я сказала... что въ субботу жиды не работаютъ и лавочки заперты... Такъ это вѣрно она теперь пошла... за отцовскими туфлями.

Вѣра Георгіевна проговорила все это спокойно, даже старалась улыбаться... но она притворялась: мысль, что Зоя пошла *къ нему*, тисками сжала ей сердце... къ тому же она страшно боялась, чтобы какъ-нибудь младшимъ дочерямъ ея или ея другу Кларѣ Петровнѣ та же самая мысль какъ-нибудь не залѣзла въ голову...

Клара Петровна молча продолжала раскладывать гранъ-пасьянсъ.

Дѣвочки выбѣжали на дворъ и даже за ворота, поглядѣть—нейдетъ ли Зоя.

Вдругъ зашумѣло въ воздухѣ и хлынулъ ливень.

Клара Петровна посмотрѣла на окна и продолжала раскладывать свой гранъ-пасьянсъ.

— Какъ же это—такой дождь!.. Боже мой! Погляжу, взяла ли она хоть зонтикъ! Промокнетъ вся!—стала безпокоиться Вѣра Георгіевна.—Этакая право сумасшедшая!..

Клара Петровна подержала руку у щеки, и въ шумѣ дождя, стучавшаго въ стекла, послышался ея слабый укоризненно-обиженный голосъ...

Digitized by Google

— Не притворяйтесь, голубушка Вѣра Георгіевна, вы знаете, гдѣ она? О, я не такъ глупа... я все вижу... все слышу и все понимаю.

Вѣра Георгіевна бросилась въ кресла, подняла брови къ потолку, сморщила свой маленькій лобикъ, и слезы покатились по впалымъ, безцвѣтнымъ щекамъ ея.

— Если онъ такой... — горячо произнесла Клара Петровна, бросая карты, — то Трофимъ Евлампіевичъ этого такъ не оставитъ... Нѣтъ, онъ его притянетъ... На это и законы есть, Вѣра Георгіевна... Это не шутка.

— Да, это не шутка! — тихо пробормотала себѣ подъ носъ Вѣра Георгіевна. — Только ради Бога ничего не говорите при моихъ дѣвочкахъ... будьте осторожнѣе... Я такъ боюсь, такъ боюсь!

Видно объ онѣ не придерживались мысли, высказанной графомъ и раздѣляемой княгиней Корси — не думали, что любовь есть не что иное какъ прелестная шалость. «L'amour c'est une folie, mais c'est une jolie folie».

VII.

Въ то же самое воскресенье Елатомскій, вмѣсто обѣда, напившись чаю, полюбовался на голубой кувшинчикъ и полупоблекшія розы, подарокъ Зои Меркуличъ, потомъ прилегъ на свою тахту и сталъ думать: а что если и въ самомъ дѣлѣ возьмутъ съ меня подписку о невыѣздѣ!.. убѣгу ли я какъ графъ или останусь?... А что если я заболѣю! Холодокъ все еще подираетъ по кожѣ и голова тяжела, такъ что... всего лучше мнѣ выспаться. Главное скверно то, что у меня аппетита нѣтъ... Вечеромъ пойду къ доктору Веденскому, спрошу его, что мнѣ дѣлать, принять ли хины или... или... я ужъ и не знаю что... хины принять или пойти къ княгинѣ... къ княгинѣ... и... такъ и такъ—сказать ей. Она мнѣ покажетъ, куда спрятался графъ, въ ея спальномъ шкапчикѣ или въ Константинополѣ. Тьфу... чортъ знаетъ какой сумбуръ лѣзетъ въ голову! Нѣтъ, мнѣ надо выспаться.

Елатомскій перевернулъ подушку и съ закрытыми глазами погрузилъ въ нее свою голову.

Проспавъ около часу, онъ вдругъ раскрылъ глаза... и очень удивился: изъ камина выглядываетъ рябая, добродушно-плутоватая физіономія Степана Степановича, подмигиваетъ ему и такъ улы-

Digitized by Google

бается, что ротъ его растягивается до ушей. — Какъ это васъ угораздило? — спросилъ его Елатомскій.

— А графа-то мы нашли, нашли! — мямлитъ Степанъ Степановичъ. Вдругъ, откуда ни возьмись, въ комнату врывается Антонъ Исаевичъ: пѣна у рта, глаза горятъ какъ у волка... Онъ бьетъ по лысинѣ Степана Степановича: чорта съ два, гдѣ ты нашелъ его, каналью, гдѣ ты нашелъ его! А? — Степанъ Степановичъ ласковымъ голосомъ упрашиваетъ своего пріятеля не бить его и всячески старается уйти въ каминъ; но голова его такъ велика, что онъ никакъ не можетъ просунуть ее назадъ — однимъ словомъ, завязъ, — и Антонъ Исаевичъ можетъ сколько ему угодно колотить его по гладко-зачесанной лысинѣ.

«Вотъ-такъ комедія!» подумалъ про себя Елатомскій. Однако же, какъ они смѣютъ въ моей комнатѣ?... Ба .. это не моя комната... это кутузка... Вотъ въ томъ углу и арестантъ сидитъ... понимаю»...

— Вы больны, — спрашиваетъ его нѣжный, трепетный голосъ, и чья-то рука къ его лбу прикладываетъ свѣжую ладонь свою.

Елатомскій догадывается, что это Зоя, и никакъ понять не можетъ, какимъ образомъ эта милая Зоя забралась въ такое отдѣленіе, куда сажаютъ только пьяныхъ и гдѣ такъ скверно воняетъ. — Напрасно, — говоритъ Елатомскій, — напрасно вы пришли сюда.

— Вы меня гоните, — говоритъ Зоя, и Елатомскій чувствуетъ, что ея пальчики берутъ его за руку.. — Да какъ же, — говоритъ онъ, — развѣ вы не видите, его раздѣваютъ и сію минуту начнутъ пороть. А съ меня уже взяли подписку... достаньте мнѣ только лѣстницу, и я знаю, что́ я сдѣлаю.

— Онъ боленъ, у него горячка... и никого нѣтъ, никто не знаетъ! Боже мой! Боже мой!

— Дамъ тягу... — закрывъ глаза, пробормоталъ Елатомскій... Зоя!.. Милая...

— Это я... я... милый, милый мой! дорогой мой Владиміръ Григорьевичъ! — Она обрадовалась, что онъ узналъ ее и назвалъ милой.

— Я вижу, что это вы, вы ангелъ и я люблю васъ... А ужъ какъ онъ забрался туда, этого я никакъ не могу понять!.. Да какъ же! — взлѣзъ на потолокъ и тоже гримасничаетъ. Сашинъ! отдайте цвѣты... отдайте говорю вамъ, отдайте! — раскрывая мутные глаза и тяжело дыша, бормоталъ Елатомскій.

Зоя развязала ему галстукъ, осторожно сняла съ него са-

Digitized by Google

ноги, замѣтила прорѣхи на нитяныхъ носкахъ, покрыла ноги его одѣяломъ, которое она нашла свернутымъ въ одномъ изъ ближайшихъ стѣнныхъ шкапчиковъ, поправила подушку, сѣла въ его ногахъ и заплакала.

— Такъ-вотъ каковъ мой первый визитъ къ нему! Заболѣлъ и, быть можетъ, даже не успѣлъ послать за-докторомъ... такъ боленъ... такъ боленъ... и даже нѣкому раздѣть его... и всю ночь онъ будетъ одинъ, и никто не подойдетъ, никто не спроситъ... никто лекарства или питья не подастъ ему!..

Слезы какъ ручьи бѣжали по лицу ея. Она и не замѣтила, какъ похолодѣло и потемнѣло въ воздухѣ... и когда вдругъ явилась у нея мысль бѣжать домой, разсказать все матери и привести къ нему лекаря, воздухъ зашумѣлъ, и хлынулъ ливень. Его крупныя капли такъ и забарабанили по деревяннымъ доскамъ длиннаго балкона; на-дворѣ послышались неясные крики женщинъ, испугавшихся за развѣшанное по веревкамъ бѣлье свое.

Елатомскій раза два раскрывалъ глаза, но не узналъ Зои... Свѣжесть отъ дождя, проникшая въ его душную комнату, казалось благотворно подѣйствовала на больного: онъ крѣпко заснулъ и только изрѣдка слабо и невнятно бредилъ.

Наступили сумерки. Ливень перешелъ въ обыкновенный дождь. Въ комнатѣ Елатомскаго стало почти темно. Зоя, повѣсивъ головку, все еще держала его за горячую, сухую руку, и то крестилась и шептала молитву, то мысленно страдала за мать свою и воображала себѣ, что̀ говоритъ теперь о ней Клара Петровна, и какъ она бранитъ ее и поноситъ.

Но зачѣмъ же Зоѣ вздумалось вдругъ посѣтить Елатомскаго именно въ такой день, когда у нихъ въ гостяхъ была Клара Петровна. Что дѣлать! Зоя, по свойственному ей упрямству, хотѣла непремѣнно исполнить свое слово и быть у него во-что бы то ни стало, и такъ какъ Клара Петровна цѣлый день наговаривала на нее матери и пилила ее, точно ревновала ее къ Елатомскому, она была раздражена и рѣшилась доказать ей, что тамъ, гдѣ истинное чувство, тамъ ничего не значатъ слова ея. Улучивъ минуту, она хотѣла сбѣгать къ Елатомскому для того только, чтобъ положить ему на столъ письмецо которое написала она ему прошлой ночью, ибо была увѣрена, что Елатомскаго (который дома не обѣдаетъ) около шести часовъ вечера не только въ воскресенье дома нѣтъ, — никогда дома нѣтъ, и что днемъ, какъ она сама видѣла, дверь въ его комнату постоянно настежъ отворена, даже въ его отсутствіе. Она хотѣла

Digitized by Google

тотчасъ же вернуться бѣгомъ назадъ, и поглядѣть, какой эффектъ произведетъ она на Клару Петровну своимъ отсутствіемъ и что она подумаетъ: не махнетъ ли эта Клара Петровна на нее рукой, также какъ на нее махнула рукой собственная мать ея. Ей въ сущности только того и хотѣлось, чтобъ всѣ махнули на нее рукой и сказали: «Ну! Богъ съ ней!»

Зоя была страстная дѣвушка, и мать не могла дать ей никакого отрезвляющаго воспитанія; но никогда не представлялось Зоѣ возможнымъ, чтобъ, безъ торжественной клятвы на ней жениться или безъ сватовства, Елатомскій могъ бы посягнуть на обладаніе красотой ея. Инстинктивно поняла она, что Елатомскій ни на какую подлость не способенъ, и что если бы даже она сама захотѣла ему отдаться, не любя ея, онъ не принялъ бы этой жертвы. Она думала, что передъ Богомъ лучше всего сознаніе своей невинности, а для того, чтобы понять, что̀ значатъ въ жизни дѣвушки клеветы и сплетни, она была еще слишкомъ неопытна. Ей даже казалось, что эти-то клеветы и помогутъ ей сблизиться съ Елатомскимъ, онѣ-то и дадутъ ей возможность заразить его сердце своею страстью и своимъ постоянствомъ покорить его. Можетъ быть, она и была отчасти права, но права только потому, что мать у нея была кроткая, запуганная, несчастная Вѣра Георгіевна, что эта мать боялась своего Трошки и что этотъ Трошка, или Трофимъ Евлампіевичъ, давно уже отучилъ ее быть съ нимъ откровенной или искренной. Не разъ въ домѣ своемъ Зоя слышала фразу: каждый порядочный человѣкъ обязанъ жениться на дѣвушкѣ, которую соблазнитъ. А развѣ Елатомскій не порядочный? Ясно, что онъ непремѣнно женится, если увлечется ея чарами. — Вообще съ дѣтства никто при Зоѣ (ни семья, ни прислуга, ни гости) не стѣснялся въ выборѣ своихъ разсказовъ, пересудовъ и скандальныхъ сплетенъ. Что̀ же мудренаго, что не только Зоя, но и молодыя сестрицы ея, въ коротенькихъ платьицахъ, знали кой-какіе секреты — и толковали ихъ по-своему.

Ужъ, конечно, не отецъ, не мать, не прислуга и не пропись-ная мораль спасали влюбленную Зою отъ паденія, а ея собственная вѣра и чуткость, а главное — личность Елатомскаго, въ натурѣ котораго хорошія и дурныя качества были такъ уравновѣшены, что юношеская пылкость и чувственность не перевѣшивали другихъ сторонъ его характера, а въ томъ числѣ и самосохраненія.

Наступила ночь или темный вечеръ. Зоя зажгла свѣчу и все еще не придумала, что̀ ей дѣлать? Наконецъ, рѣшилась она

Digitized by Google

прежде всего сходить домой и успокоить мать свою, но Елатомскій вдругъ застоналъ во снѣ и сталъ всхлипывать. Видно было, что сонный онъ плачетъ и горько плачетъ: хотя изъ закрытыхъ глазъ его и не бѣжали слезы, но судорожно вздрагивали плечи, и лицо его выражало собой такую грусть, такое страданіе, что у Зои сжалось сердце и она осталась при немъ точно прикованная, потерявшая всякую способность соображать и думать.

Вдругъ она вздрогнула: въ дверяхъ показалась высокая фигура съ краснымъ воротникомъ и въ трехугольной шляпѣ.

Вошелъ полицейскій, снялъ шляпу, отряхнулъ ее отъ дождевыхъ капель, кашлянулъ, повелъ густыми бровями и разинулъ ротъ, словно также испугался, при тускломъ свѣтѣ нагорѣвшей свѣчки разглядѣвши фигуру дѣвушки.

— А гдѣ же самъ баринъ?—спросилъ онъ.

Зоя встала и указала ему рукой на спящаго; она едва держалась на ногахъ. Въ квартальномъ она узнала знакомаго ея папеньки. Онъ ходилъ когда-то въ ихъ домъ и даже года три тому назадъ, сидя у нихъ вечеромъ, разсказывалъ ей и ея сестрамъ сказки о Бовѣ Королевичѣ и о Петрѣ—Золотые Ключи.

— Спитъ?—спросилъ ее, осклабясь, квартальный.

— Нѣтъ, онъ въ жару... у него горячка.

— Горячка!—удивился гость.—А вы... а ты кто такая, сударушка? А!

— Зоя Меркуличъ.

— Меркуличъ!—удивился квартальный.—Зоя?

Онъ не повѣрилъ, поднялъ свѣчу, поднесъ ее къ самому личику Зои, встрѣтилъ испуганный, страшный какъ смерть, взглядъ черныхъ глазъ ея и, удивившись, что это дѣйствительно Зоя, пожалъ плечами и растопырилъ руки.

— Слава Богу, что вы пришли, — задыхаясь, заговорила Зоя.—Ради Бога, помогите, привезите доктора... или онъ умретъ безъ всякой помощи.

— Да... да... непремѣнно. Это даже наша обязанность. Господи, Боже мой! Кто бы это могъ подумать! Я и зашелъ-то случайно. Былъ тутъ у одного жидка, вижу огонекъ, думаю, зайду засвидѣтельствовать... да ужъ кстати и извиниться... Кажется, и не нагрубилъ и никакого озорства не сдѣлалъ, а получилъ нахлобучку. Вотъ, я и забрелъ, и вдругъ—такая оказія! Господи! Да я сюда жену свою пришлю за нимъ приглядѣть. Да... да... въ жару, такъ и горитъ, такъ и пышетъ... Вы-то... по какому здѣсь случаю... сударыня... А?

Digitized by Google

— Теперь, Агаѳонъ Петровичъ (кажется такъ васъ зовутъ?) я пойду... мамаша меня ждетъ... Я хотѣла ее привесть сюда, да дождь помѣшалъ, такой проливной ливень былъ, да и страшно было его одного въ потемкахъ или съ зажженой свѣчой оставить. Я же сюда въ первый разъ зашла.

— Ну ужъ, хоть и не въ первый! — присаживаясь, произнесъ квартальный.

— Ей-Богу же въ первый разъ, Агаѳонъ Петровичъ. — Думала, что его дома нѣтъ...

— Да ужъ не божитесь, милочка, мнѣ вѣдь это, по правдѣ сказать, все одно. Какое мнѣ дѣло? А вотъ, на-счетъ доктора... или тамъ сидѣлки какой-нибудь, такъ это я похлопочу. На-счетъ этого вы уже не безпокойтесь.

— Такъ вы его не оставите, Агаѳонъ Петровичъ, такъ кажется зовутъ васъ?

— Такъ, такъ, голубушка. А гдѣ же теперь Трофимъ Евлампіевичъ, папенька-то вашъ. А?

— Въ Крыму.

— Гм! въ Крыму... — Говорятъ, онъ тамъ знатное имѣнье купилъ себѣ.

— Не знаю...

— Не знаете... Какъ же это вы не знаете? — Купилъ, говорятъ.

— Я сейчасъ домой пойду, Агаѳонъ Петровичъ, и скажу мамашѣ, что вы похлопочете, а завтра я вмѣстѣ съ ней навѣщу его...

Зоя накинула на голову шелковый платочекъ (шляпки она не взяла съ собой), и вышла, но тотчасъ же вернулась и вызвала на балконъ Агаѳона Петровича...

— Никому не скажите то, что я скажу вамъ?—скороговоркой шепнула она ему на-ухо, ухватясь за его жесткую, волосастую руку, съ короткими, какъ-бы обгрызанными ногтями.

— А что такое?

— А вотъ что... Елатомскій за меня сватался, а я ему отказала, а когда онъ выздоровѣетъ, я скажу ему, что согласна за него замужъ, понимаете? Стало быть, похлопочите о немъ, какъ о женихѣ моемъ, Агаѳонъ Петровичъ! А на-счетъ доктора, то лучше всего съѣздите за докторомъ Введенскимъ, онъ ему пріятель... Понимаете?

— Да ужъ я давно все понимаю, будьте спокойны, Зоя Трофимовна!

Digitized by Google

Зоя сбѣжала съ балкона, юркнула въ калитку и, не разбирая ни лужъ, ни грязи, побѣжала домой.

— Будь ты моя дочь, я бы тебя вышколилъ,—проговорилъ про себя квартальный.—Ишь ты... въ первый разъ зашла... Присмотру за тобой нѣтъ, оттого ты и погуливаешь, а свертишься... и по рукамъ пойдешь... Вотъ что!

Не безъ морали, значитъ, былъ Агаѳонъ Петровичъ.

Засимъ этотъ неуклюжій квартальный для Елатомскаго оказался отцомъ роднымъ, принявъ въ немъ самое искреннее участіе. (Онъ же видѣлъ изъ-за угла, собственными глазами видѣлъ, какъ около театра самъ полиціймейстеръ шелъ съ нимъ подъруку и съ нимъ по-пріятельски разговаривалъ). Онъ тотчасъ же зашелъ къ хозяину и сообщилъ ему, что жилецъ его боленъ... что онъ можетъ умереть, и чтобъ онъ послалъ къ нему или жену, или служанку, да велѣлъ бы непремѣнно покурить уксусомъ. Затѣмъ, на свой собственный счетъ онъ нанялъ извощика и поѣхалъ къ Веденскому. На его квартирѣ ему сказали, что докторъ въ гостинницѣ «Лондонъ», въ 1-мъ №. Квартальный немедленно поѣхалъ въ эту гостинницу, вызвалъ его изъ перваго № и увезъ его вмѣстѣ съ собой къ больному Елатомскому. Говорятъ, будто бы онъ ровно ничего не заплатилъ извозчику, но это—говорятъ, можетъ быть только потому, что извозчикъ, отъѣзжая отъ воротъ, гдѣ жилъ Елатомскій, долго ругался... но кого онъ ругалъ въ эту темную и дождливую ночь,—покрыто мракомъ неизвѣстности.

VIII.

Докторъ нашелъ, что у Елатомскаго не тифъ, а просто горячка, нѣсколько желчнаго свойства, но настолько сильная, что еще нельзя предвидѣть, чѣмъ она кончится. На ночь онъ велѣлъ старухѣ класть холодные компрессы на голову больного, и сказалъ, что онъ заѣдетъ завтра и пропишетъ лекарство... Нечего кажется и говорить о томъ, что Елатомскаго раздѣли, уложили на тюфякъ, накрыли одѣяломъ, и что во всемъ этомъ не малое участіе принималъ квартальный Агаѳонъ Петровичъ. Мы уже сказали, что для Елатомскаго онъ просто сталъ отецъ —даже освидѣтельствовалъ карманы сюртука его и, найдя въ его бумажникѣ всего только 13 руб. 60 коп.,—искренно пожалѣлъ объ его скудныхъ средствахъ къ существованію. — «А еще женихъ?» — подумалъ онъ укоризненно, вспоминая торопливый

Digitized by Google

лепетъ Зои или новую ложь ея, сказанную въ оправданіе упрямаго сердца.

На пятый или на шестой день своей болѣзни, утромъ, въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда къ Елатомскому вернулось сознанье, онъ прежде всего не повѣрилъ глазамъ своимъ: на стулѣ, у его тахты, сидѣлъ Олафьевъ, тотъ самый Олафьевъ, который приходилъ къ нему на гауптвахту и, если вѣрить Сашину, заступаясь за него, чуть-было не вызвалъ на дуэль Хавазова.

Олафьевъ показался Елатомскому призракомъ, какимъ-то выходцемъ съ того свѣта, до того онъ былъ худъ и зеленъ. Сидѣлъ онъ, вытянувъ ноги, сложа на груди руки, и повѣсивъ длинный, меланхолическій носъ свой, съ полузакрытыми вѣками, точно спалъ или былъ погруженъ въ глубокую задумчивость.

— Олафьевъ!—тихо и нерѣшительно окликнулъ его Елатомскій.

Олафьевъ откинулъ назадъ свою голову, раскрылъ глаза и улыбнулся, т.-е. вытянулъ свои узкія, безцвѣтныя губы.

— Я-съ... Вамъ лучше?.. Я давно уже думаю, что вамъ лучше... Кстати, вотъ лекарство, велѣно вамъ принять, какъ только очнетесь.

— Кто велѣлъ?

— Веденскій.

— Это онъ лечилъ меня?.. А?

— Онъ.

— Вы съ Кавказа?

— Нѣтъ... Я тоже былъ боленъ—купался, схватилъ ревматизмъ, едва двигался, и съ тѣхъ поръ валялся въ Одессѣ.

— А откуда это вязаное одѣяло, красное съ чернымъ?

— Это она принесла.

— Она!.. Кто она?

— Я не спросилъ...

— А давно она была здѣсь?

— Она здѣсь каждый день была.

— Княгиня?

— Княгиня! Гм!—не похоже... А вы примете лекарство... или не примете?

— Давайте... А представьте, какой мнѣ сейчасъ сонъ приснился, Олафьевъ... Будто я иду по льду, а не холодно, солнце такъ и печетъ... Вдругъ, можете себѣ представить, вдругъ... (Фу! лекарство какое, солено-сладкое!) Иду я, иду, вдругъ—бултыхъ! провалился!.. можете себѣ представить?—и очутился гдѣ-то подъ водой. А ледъ надъ головой тоненькій-претоненькій,

Digitized by Google

точно стеклышко—насквозь все видно—даже вижу, какъ облака плывутъ... И вдругъ, вижу я... на льду сидитъ Зоя.

— Ну вотъ, ее зовутъ — Зоя! — вдругъ какъ-бы ожилъ Олафьевъ.—Теперь я вспомнилъ—это она была у васъ—Зоя.

— И вы ее видѣли?

— Видѣлъ.

— Какая она добрая! Боже мой!—и Елатомскій грустно посмотрѣлъ на новое одѣяло, которое прикрывало его ноги, и оглянулся на голубой кувшинчикъ съ засохшими розанами.

— Гм! любитъ!—лаконически произнесъ Олафьевъ, и опять погрузился въ задумчивость.

Елатомскій тоже замолчалъ и погрузился въ задумчивость.

— Скажите, кто же посылалъ деньги въ аптеку? и не знаете ли вы, сколько разъ былъ у меня этотъ докторъ?—Нужно расплатиться съ нимъ.

— Что вы сказали?

— Я сказалъ, что нужно расплатиться съ докторомъ.

— Погодите, пусть прежде вылечитъ.

— Да я здоровъ.

— Лежите...

Елатомскій хотѣлъ привстать, но почувствовалъ такую слабость, что опять свалился... и въ глазахъ у него потемнѣло.

Олафьевъ помолчалъ съ минуту, и опять въ улыбку вытянулъ свои губы.

— Ха! Онъ хотѣлъ тоже и отъ хандры меня вылечить!

— Отъ хандры!—Это и я васъ, пожалуй, вылечу...

— Вы?.. А что вы за это возьмете?

Елатомскій усмѣхнулся. Вспомнилъ-ли онъ странный характеръ гостя, его богатство, или свое раскаянье, что онъ не занялъ у него денегъ?

— Двѣсти или хоть сто рублей... сказалъ онъ, закрывая глаза.

— Дешево... Гм!..

Олафьевъ засунулъ руку въ боковой карманъ, вынулъ кучу депозитокъ и, отсчитавъ двѣсти рублей, положилъ ихъ на Елатомскаго, или, лучше сказать, на полосатое одѣяло Зои.—Возьмите деньги впередъ—и лечите.

Елатомскій усталыми глазами поглядѣлъ на Олафьева.

— За деньги я ничего не дѣлаю, Олафьевъ. Я пошутилъ... Но я боленъ... и взаймы возьму... у васъ, на всякій случай. А если умру—напишите отцу, онъ заплатитъ вамъ.

«А что», вдругъ подумалъ Елатомскій, «во снѣ это мнѣ

Digitized by Google

приснилось, что старикъ мой женился на этой толстомясой дѣвкѣ... или... на яву...»

Онъ силился припомнить что-то и задремалъ.

А Олафьевъ принялъ ту же полудремотную позу, т.-е. сложилъ на груди руки и вытянулъ ноги. Только лицо его стало свѣтлѣе, и сонная улыбка какъ-бы застыла на губахъ его.

«Я увезу его туда, на Кавказъ. Безъ друга я съ ума сойду... Мнѣ нуженъ другъ»,—ворочались мысли въ мозгу его какъ тяжелое колесо въ машинѣ, поднимающее и опускающее пудовыя гири. «Да, безъ друга... близкаго друга, я съ ума сойду... или руки наложу на себя... такъ скверно быть существомъ больнымъ и никому не нужнымъ. Онъ не поѣдетъ... она не пуститъ... Зоя... Гм! ужъ не гречанка ли? Никогда еще такихъ глазъ не встрѣчалъ я... Удивительная игра природы... Нельзя жить безъ иллюзій... Источникъ ихъ—глаза женщины. Какъ еще молода, почти ребенокъ, и уже любитъ! Онъ не хандритъ, потому что ѣсть иллюзія... а у меня? Нѣтъ... нѣтъ... пожалуйста, Олафьевъ, не скрывай ты отъ себя своихъ собственныхъ мыслей... Будь ты бѣденъ Олафьевъ, вотъ такъ, какъ этотъ Елатомскій, никто бы, даже эта московская швея, и та бы не стала за тобой ухаживать... Я ее озолотилъ—и она предпочла мнѣ какого-то юнкера... Я чуть съ ума не сошелъ, а она! Если бы я отдалъ ей все свое состояніе, она бы непремѣнно отравила меня... непремѣнно бы... чтобъ я не нуждался въ ней, такъ какъ она во мнѣ нуждалась... Хищное созданіе! — кошка въ видѣ хорошенькой женщины! Неправда, кошки привыкаютъ къ дому. У нея не было и этой добродѣтели. Я купилъ ей домикъ, теперь, слышу, она продала его. Можно ли жить безъ привязанностей? Попробую. Всякая моя привязанность, даже дружба выходитъ изъ границъ, не знаетъ мѣры. Я требователенъ и подозрителенъ. Я люблю и молчу... я страдаю... и молчу... Что говорить? За меня говоритъ конецъ... Я убитъ готовъ человѣка и весь леденѣю, когда теряю послѣднюю вѣру... Давно, самъ не знаю за что, еще въ университетѣ полюбилъ я Елатомскаго... и—вдругъ соперница!.. Какая-то Зоя! Развѣ онъ промѣняетъ меня на эту Зою, если бы даже я ему и двѣсти тысячъ далъ... Не промѣняетъ. Она страдаетъ, боится, что умретъ бѣднякъ, у котораго денегъ нѣтъ, который живетъ — умѣетъ жить въ этой душной конурѣ и не жалуется на судьбу свою... Какая рѣдкая дѣвушка!.. Можетъ быть, она не умна, можетъ быть глупа и не воспитана, но у ней великое сердце... Она спросила меня, люблю ли я Елатомскаго?... Я удивился... Да, люблю... «Ну, такъ и я васъ люблю», отвѣчала

Digitized by Google

она... Я еще больше удивился... Это она не шутила... это не салонный разговоръ... это горячка наболѣвшаго сердца... это сама искренность...»

— Елатомскій, вы спите? Спитъ!.. — «Опять маленькій жаръ... А я и забылъ сказать ему, что у него былъ австрійскій консулъ и велѣлъ сообщить ему, чтобъ онъ немедленно переѣзжалъ къ нему на дачу, какъ только начнетъ онъ поправляться, что ему нуженъ чистый воздухъ, что онъ за нимъ экипажъ пришлетъ или заѣдетъ... Значитъ, не я одинъ люблю Елатомскаго. Ахъ, какъ бы хотѣлось, чтобъ я одинъ—одинъ въ цѣломъ свѣтѣ любилъ его... Надо будетъ сказать ему про этого консула... Хорошій должно быть человѣкъ... такое доброе, озабоченное лицо и... о политикѣ поговорилъ со мной. Но я былъ себѣ на умѣ... я не сказалъ ему, что далеко еще Россіи до русской политики... Что нашъ канцлеръ... это Меттернихъ... и что цѣль его вытравить изъ насъ все живое, всякую мысль, всякую самостоятельность... иначе сказать атрофировать мозгъ Россіи... Онъ и самъ это знаетъ... зачѣмъ я буду говорить ему... я ничего не сказалъ. Онъ уѣхалъ, убѣдившись, что я идіотъ или невѣжда. — Отчего это никакъ нельзя не думать... даже во снѣ человѣкъ думаетъ... а я не сплю... у меня и по ночамъ безсонница».

Все это въ видѣ отрывочныхъ фразъ двигалось въ головѣ его въ продолженіи двухъ часовъ по крайней мѣрѣ, и всѣ эти мысли ничѣмъ, никакимъ проблескомъ не отражались на длинномъ, некрасивомъ лицѣ его. Все та же сонная улыбка была на губахъ или это была не улыбка, а просто механически вытянутыя губы, слегка вверхъ приподнявшія углы свои.

IX.

Елатомскій выздоравливалъ, но тщетно ожидалъ онъ появленія Зои. Только горничная приходила отъ Меркуличей—узнавать объ его здоровьѣ, и онъ письменно благодарилъ ихъ за вниманіе. Отъ княгини тоже приходила горничная Марина, но въ этотъ день онъ былъ безъ памяти, и даже не зналъ, что эта красавица вспоминала объ его существованіи.

Но что же сдѣлалось съ Зоей?

Нигдѣ во всей Россіи не было столько европеизма или западной окраски, какъ въ этомъ южномъ, дешевомъ и привольномъ русскомъ городѣ; но нигдѣ, можетъ быть, не было и столько

Digitized by Google

восточныхъ или азіатскихъ понятій о жизни, и въ особенности о женщинахъ, какъ въ этой же Одессѣ.

Достаточно было разойтись молвѣ: что такая-то женщина или дѣвица одна посѣщаетъ холостого человѣка, или одна ходитъ по городу, чтобъ греки, армяне и даже евреи, торговцы, факторы, уличные шатуны и даже сводники тотчасъ вообразили себѣ, что это *гулящая*, что это какъ нѣчто отпавшее отъ семьи, ни на что больше и не годно, какъ на то, чтобы торговать собой.

«Почему же къ одному? Почему же не къ другому и не къ третьему? не все ли равно!» Вотъ ихъ обыкновенная логика. Женская душа—потемки для восточнаго человѣка, также какъ и для русскаго невѣжды.

Зою, какъ хорошенькую дѣвушку, зналъ весь греческій базаръ... Также какъ и отца ея знали всѣ мелкіе дѣльцы, знали какъ старожила, какъ человѣка ловкаго, съ которымъ совѣтывались и тягались, входили въ сдѣлки, котораго хотѣли перехитрить и подъ-часъ ненавидѣли, какъ ловкаго соперника.

Бѣдной, невинной и неопытной Зоѣ, въ которой, съ того дня, какъ впервые она рѣшилась посѣтить Эвину, заговорило чувство личной независимости и жажда самостоятельно распоряжаться судьбой своей,—бѣдной Зоѣ, отъ этой азіатчины въ послѣдніе дни проходу не стало... За ней слѣдили, поджидали у воротъ, приставали къ ней на улицахъ и не стыдились даже въ нумера приглашать ее.

Негодующая, встревоженная, блѣдная, прибѣгала она домой и встрѣчала мать свою, такую же блѣдную, встревоженную и въ слезахъ... въ кроткихъ и любящихъ слезахъ, молча умоляющихъ ее пощадить себя.

Зоя рѣшилась не выходить, чуть не заболѣла, и еслибъ не узнала она, наконецъ, что Елатомскій выздоравливаетъ, что онъ уже съ постели всталъ и самъ написалъ милую, благодарственную записку ей и ея матери, она бы съ ума сошла, у себя за ширмами, выслушивая насмѣшливые намеки и колкости отъ милыхъ сестрицъ своихъ... Даже учитель ихъ, скромный семинаристъ, и тотъ сталъ дѣлать ей глазки; Зоя же по-неволѣ иногда должна была оставаться въ той же комнатѣ, гдѣ сестры ея склоняютъ, спрягаютъ и во время уроковъ другъ съ другомъ ссорятся.

Какъ была не похожа судьба Зои на судьбу княгини Корси, вращающейся въ житейской пустотѣ, какъ ей угодно и гдѣ угодно.

Княгиня Аделаида долго напрасно ожидала Елатомскаго и не утерпѣла, послала къ нему записку, въ которой всего было

Digitized by Google

три строки, но въ этихъ трехъ строкахъ было все нужное для того, чтобъ дрогнуло молодое сердце, или чтобъ каждый юноша прибѣжалъ къ ней, съ неясною надеждою или съ нетерпѣніемъ рѣшить загадку.

И вдругъ, пронеслась новость, что у Елатомскаго тифъ и что Елатомскій при смерти.

Княгиня была добра и все, что̀ было въ ней добраго, заговорило въ ней... Она прослезилась при мысли, что умретъ такой молодой, такой еще свѣжій, не избалованный избалованными женщинами юноша, и даже способный не шутя, не ради какихъ-нибудь гордыхъ или честолюбивыхъ замысловъ, полюбить ее...

Она была увѣрена, что она его влюбитъ, что она заставитъ его плакать у ногъ своихъ. И вдругъ—боленъ... при смерти...

На что же онъ нуженъ ей, если боленъ, если не она, а смерть въ эту минуту ждетъ его!..

Цѣлый день была не въ духѣ эта милая, обворожительная женщина.

Вечеромъ, на бульварѣ, она сказала полиціймейстеру, что на другой день, въ два часа пополудни, она будетъ ждать его.

Полиціймейстеръ растаялъ, онъ очень ловко извинился, что подсылалъ къ ней француженку и предлагалъ ей 500 рублей. Онъ тѣмъ извинялъ дерзкій поступокъ свой, что совершенно не зналъ ея... тѣмъ, что никогда еще въ Одессѣ не было такой очаровательной женщины.

Княгиня сказала, что она его прощаетъ и сказала искренно... Она все и всѣхъ прощала; пороки людей давно уже перестали возмущать ее.

— Княгиня! — разсыпался полковникъ, — вы великодушны, вы поняли, что часто люди теряютъ умъ при видѣ такой красоты, какъ ваша, вы въ правѣ были на меня разсердиться; но скажите по совѣсти, разсердились бы вы, если бы я прислалъ къ вамъ милліонъ... Разсердилась ли бы за это самая добродѣтельная изъ добродѣтельнѣйшихъ женщинъ!

— Не знаю,—отвѣчала княгиня...—надо это испытать, прежде чѣмъ отвѣтить... Привезите мнѣ завтра милліонъ, вотъ я и увижу, разсержусь я на васъ или не разсержусь.

На другой день послѣ этого разговора, цѣлый часъ употребилъ полковникъ на то, чтобъ умыться, выбрить подбородокъ свой, надѣть чистое бѣлье, причесать свои волосы, подвить усы, и ровно въ два часа поднялся на лѣстницу, гдѣ жила княгиня.

— Княгини дома нѣтъ,—сказала горничная, которая что-то

Digitized by Google

гладила въ стеклянной галереѣ и про себя мурлыкала какую-то заунывную пѣсенку.

— Какъ дома нѣтъ, — удивился полковникъ, — ну, такъ я подожду ее.

— Она уѣхала въ Крымъ, — отвѣчала Марина, поставивъ ребромъ утюгъ, потеревъ ладонь объ ладонь и уже потомъ взглянувъ на полковника.

— Въ Крымъ! какъ въ Крымъ? Когда?

— Да никакъ ровно въ 10 часовъ, взяли человѣка, чемоданы и поѣхали на пароходъ.

Полковникъ позеленѣлъ отъ гнѣва, досады и оскорбленнаго самолюбія.

Сверкая глазами и стуча по ступенькамъ концомъ своей сабли, спустился онъ съ лѣстницы, сѣлъ въ свои дрожки и крикнулъ: пошелъ!

Не столько для того, чтобъ насолить полковнику, сколько для того, чтобы себя разсѣять, княгиня перешла съ берега на ютъ и пустилась въ море.

Около трехъ недѣль, переходя съ парохода на пароходъ, странствовала княгиня по Черному морю... Была въ Севастополѣ, въ Ялтѣ, въ Ѳеодосіи, въ Керчи, въ Сухумъ-Кале, въ Редутъ-Кале и обратно въ Керчи, Ѳеодосіи и такъ далѣе.

Въ это время успѣла она затронуть не малое количество сердецъ, бьющихся подъ жилетами мичмановъ, лейтенантовъ, капитанъ-лейтенантовъ и проч. и проч.... Эти будущіе защитники Севастополя, все это время ею только и бредили, только и слышалось изъ устъ ихъ: Аделаида! Аделаида! душка! чортъ! ангелъ! — и все что хотите!

Если случайно, по-пути, встрѣчались пароходы, идущіе съ Кавказа и съ южнаго берега Крыма и если на одномъ изъ нихъ была эта Аделаида, эта душка, этотъ чортъ, этотъ ангелъ и все что хотите, пассажиры и не подозрѣвали, какой они подвергались опасности, мало того, что иногда въ честь ея поднимались флаги, пароходы сближались такъ, что съ борта на бортъ можно было разговаривать, и затѣмъ гнались въ перегонку и уже тогда, конечно, не скупились на силу паровъ и испытаніе паровыхъ котловъ было настоящее, не шуточное испытаніе... Когда въ Ялтѣ или Ѳеодосіи княгиня сходила на берегъ и шла купаться, съ парохода исподтишка направлялись телескопы и зрительныя трубки, чтобъ только видѣть, какъ эта *душка* купается. И княгиня это знала, и, казалось, думала: любуйтесь мной падали, господа; я не сержусь, любуйтесь, если это доставляетъ вамъ

Digitized by Google

такое удовольствіе! Одинъ молоденькій мичманъ (царство ему небесное—онъ убитъ на Малаховомъ курганѣ), разъ ночью, уцѣпившись за веревку, прикрѣпленную къ боканцамъ, спустился за бортъ и повисъ надъ темной, опѣнённой бездной, для того только, чтобъ заглянуть въ окошечко дамской каюты и полюбоваться на бѣлыя плечи раздѣвавшейся на ночь Аделаиды—этой душки, этого чорта, этого ангела.

Все это очень пошло, скажутъ иные... Что дѣлать! жизнь на всѣ вкусы вырабатываетъ свои явленія... Мичманъ рисковалъ своей жизнью изъ-за такихъ пустяковъ, но кто знаетъ, не рискуй онъ жизнью изъ-за такихъ пустяковъ, онъ и на Малаховомъ курганѣ оказался бы трусомъ—то кипѣла кровь, то былъ *силъ избытокъ*.

Княгиня была въ восторгѣ отъ заботливости и вѣжливаго ухаживанья за нею гг. морскихъ офицеровъ. Для нихъ же ея пребываніе на ютѣ или въ каютъ-компаніи было то же, что ночлегъ золотой тучи *«на груди утеса великана»*. Всюду, гдѣ этотъ великанъ погружалъ на дно тяжелый якорь свой, она могла умчаться *«по лазури весело играя»* и только *«влажный слѣдъ»* на смугломъ, обвѣтренномъ лицѣ какого-нибудь одинокаго моряка, въ послѣдній разъ и навсегда провожающаго ее задумчивыми глазами на берегъ, оставался единственнымъ слѣдомъ ея пребыванія среди черноморскихъ волнъ, то подъ лучами золотого южнаго солнца, то подъ грозовыми тучами, то при фонаряхъ и качающихся лампахъ, въ виду неугасимыхъ созвѣздій ночи.

Но разсѣялась-ли княгиня? Эта поэзія похвалъ и увлеченій наполнила ли чѣмъ-нибудь пустоту души ея? Едва ли. Правда, самолюбіе ея было польщено, но развѣ можно чѣмъ-нибудь удовлетворить ненасытное человѣческое самолюбіе! По прежнему холодно было ея сердце и только отъ праздности, въ минуты жаркаго отдохновенья, иногда мечталось ей, что Елатомскій, одинъ Елатомскій могъ бы еще заставить ее страдать и любить такъ, какъ она способна была любить въ шестнадцать лѣтъ, въ дѣвственный періодъ ея недолгой, молодой и уже многоопытной жизни. Изъ всѣхъ молодыхъ людей, которые въ этотъ годъ попадали въ лучистую атмосферу красоты ея, одинъ Елатомскій былъ холоднѣе всѣхъ, стало быть, болѣе всѣхъ достоинъ ея вниманія... Быть можетъ, его уже и на свѣтѣ нѣтъ! думала княгиня... Жаль! Она томно задумывалась, но загадочно грустные, лазурью полные глаза ея въ это время глядѣли на кого-нибудь изъ юныхъ пассажировъ перваго класса и... Богъ знаетъ, какія мечты пробуждали въ душѣ его!

Digitized by Google

X.

Елатомскій сталъ быстро поправляться, и радостное чувство выздоровленія поселило въ немъ жажду новой жизни, жажду иныхъ впечатлѣній.

Но два письма получилъ онъ—и милой, близкой ему стариной они на него повѣяли. Недавніе слѣды этой старины еще были живы въ душѣ его и не успѣли потускнуть.

Прежде всего онъ ухватился за письмо отъ Нины, нареченной сестры своей.

«Здравствуй, Елатомскій! добрый другъ и братъ мой. Ты вѣрно бранишь меня, зачѣмъ я до сихъ поръ не дала тебѣ вѣсточки. Но что дѣлать. Въ орловской губерніи, въ селѣ N, или въ имѣніи Бавиныхъ, прожила я не долго,—по пріѣздѣ же цѣлые сутки ожидала буку, такъ какъ въ верстахъ 60-ти отъ своего родного гнѣзда онъ выскочилъ изъ тарантаса и сказалъ, что придетъ пѣшкомъ, и чтобъ я одна ѣхала... Семейство буки, сестра и братъ, приняли меня радушно, и такъ долго и такъ мило пришлось намъ говорить, что я забывала мою усталость и сонъ на умъ не шелъ. Только въ старикѣ-дядѣ, да въ тёткахъ чувствовалось какое-то подозрѣніе, отчего я пріѣхала одна и какъ рѣшилась ѣхать безъ горничной дѣвушки. Сосѣди и сосѣдки тоже, какъ кажется, посмотрѣли на меня, какъ на нѣчто неестественное. Разумѣется, пошли разныя сплетни, когда узнали отъ Аксена, что я изъ Одессы ѣхала съ его бариномъ. Не думай, братъ, чтобъ я пренебрегала людскимъ мнѣніемъ, я знаю, что les apparences sont contre moi, и что всякая мысль, которою живетъ общество — для него свята и имѣетъ силу, и не частнаго лица дѣло вносить въ него раздоръ. Я все терплю и понимаю, какъ справедливое возмездіе за мою смѣлость; но въ сущности я счастлива и тѣмъ, что любима, и тѣмъ, что, иногда, заставляю думать и того, кто совсѣмъ отвыкъ отъ всякой думы или отродясь ничего не думалъ. Пишу къ тебѣ изъ Москвы... Какъ досадно, что я не посовѣтовала тебѣ писать во мнѣ въ Москву—poste restante. Здоровъ ли ты, братъ? Какъ выносишь тяжесть жизни и чѣмъ теперь занята голова твоя. Встрѣчаешь ли Зою? Какъ жаль, что я такъ поздно съ ней познакомилась. Кажется, славная душа... хорошая почва для всего хорошаго. Что любовь? Живетъ еще, или какъ сѣмя растенія, брошенное на невоспріимчивую почву, исчезло? Жаль мнѣ тебя. Не легко тебѣ выстрадать независимость, но не грусти въ одиночествѣ, не

Digitized by Google

поддавайся строгости противорѣчій, вынеси все, какъ истинный человѣкъ, и чтобы не очерствѣла душа твоя! Когда ты будешь дѣйствительнѣе, чѣмъ сама дѣйствительность, тогда мысль твоя сдѣлается живымъ сообщеніемъ съ людьми. Дай только Богъ, чтобы здоровье твое вынесло. Помнится мнѣ, братъ, ты разъ сказалъ мнѣ, что любовь чаще всего пустоцвѣтъ, что въ чувствахъ ничего нѣтъ прочнаго, и что ради ихъ не стоитъ жертвовать своей свободой. Нѣтъ, Елатомскій! Кто, любя, береть не одно счастье, но и всю горечь жизни, всѣ невзгоды, и все вынесетъ, какъ человѣкъ добрый и крѣпкій, тотъ освящаетъ любовь свою, и только съ такою любовью можно бороться съ дѣйствительностью, которая сильна. Никакое своеволіе противъ общественнаго порядка не устоитъ, если человѣкъ не будетъ твердъ духомъ и чистъ сердцемъ. Мы—я и Адріанъ,—не уклонились отъ любви и союза, какъ отъ мысли, связующей общество и отъ обычаевъ, принятыхъ обществомъ. Это грустная случайность, игра жизни, всего того, что мы сами съ собой дѣлаемъ, и что съ нами дѣлаютъ. Такая доля наша. Всякій спрашиваетъ: да какъ же и что же дѣлать? И кто изъ насъ отвѣтитъ: вотъ вамъ что надо. И кто будетъ такъ смѣлъ, чтобъ играть словами? Будемъ терпѣть по-человѣчески. Все наше разъединеніе или безсиліе до времени. Придетъ все, потому что всѣмъ чувствуется, что что-то не такъ, чего-то недостаетъ... А недостаетъ главнаго — не достаетъ единодушія.

«Прощай, милый, добрый братъ, люби меня по прежнему, для тебя я не измѣнюсь никогда, потому что ничего исключительнаго для себя ты отъ меня не требовалъ. А меня здѣсь всякій тянетъ къ себѣ поближе, да и говоритъ, что я измѣнилась. Прощай, живи съ Богомъ, вѣрь, что Творецъ не даромъ вызвалъ насъ изъ небытія.

«Бука по прежнему тебя любитъ и только съ тобой позволяетъ мнѣ откровенничать. Онъ тебѣ кланяется. Докторскій экзаменъ свой, какъ кажется, хочетъ бросить къ чорту и теперь сильно занимается математикой.

«Прощай и не забывай сестру твою—Нину».

Странное, неопредѣленное впечатлѣніе письмо это произвело на Елатомскаго. Дружескій, любящій тонъ его вызывалъ на такую же любовь, на такую же дружбу. Но разсужденія ничего не говорили уму его. Онъ никакъ понять не могъ, съ какой именно точки зрѣнія смотритъ на него Нина и чего отъ него ожидаютъ. Ну, что такое напримѣръ, подумалъ онъ—«будь дѣй-

Digitized by Google

ствительнѣе, чѣмъ сама дѣйствительность». Если тутъ скрывается хоть какая-нибудь идея, такъ вѣдь нужно еще двадцать страницъ, чтобъ объяснить ее... Да и вздоръ это! «Никто не можетъ быть выше своего времени — можно только стоять на высотѣ его», сказалъ профессоръ Рѣдкинъ, когда разъ изъ любопытства я затесался на его лекцію. Но быть дѣйствительнѣе, чѣмъ сама дѣйствительность! этого, я думаю, и на томъ свѣтѣ не будетъ. Этого я не понимаю... О! сестра, сестра! Ты, кажется, еще дальше стала отъ этой дѣйствительности, которую хочешь одолѣть. Отвлеченный умъ Бавина несомнѣнно произвелъ какую-то путаницу въ головѣ твоей! Когда ты просто говорила мнѣ о независимости каждой личности, о томъ, что́ лишаетъ или не даетъ простора ея развитію, о тѣхъ цѣпяхъ, которыя мѣшали тебѣ сберечь твой умъ и твое сердце, о законности наслажденья жизнью,—я еще понималъ тебя, и даже тебѣ сочувствовалъ. Но теперь, теперь ты приводишь мысль о союзѣ съ обществомъ. Съ какимъ?—съ тѣмъ, отъ котораго ты сама отвернулась, или съ народомъ?—или народъ—не общество?

Хоть бы ради дѣйствительности, заглянула ты въ крестьянскую избу. Хоть единою стороной твоей мысли соприкоснулась бы съ той дѣйствительностью, въ которую заглянулъ Григоровичъ, въ которую проникаетъ Тургеневъ, которую такъ безпощадно обнажаетъ Гоголь.

Напишу ей все, что́ я думаю. Боже мой! Я подъ надворомъ, стало быть, каждая строка моя прочтется и будетъ истолкована по-своему.

Ну, теперь Игнатьевъ. Что-то этотъ Игнатьевъ пишетъ мнѣ? Давно ни строчки я отъ него не получалъ; впрочемъ, вѣдь и я уже давно ни строчки не писалъ къ нему:

«Дружище Владиміръ! Пишу къ тебѣ, потому что попался листикъ почтовой бумаги, да и кусочекъ сургуча нашелся на твое счастье. Ты думаешь, что я въ деревнѣ? Да, какъ не такъ! Остался въ Москвѣ возиться съ больными, да готовить диссертацію—дуй ее горой! Живу въ Кунцевѣ; хожу въ Москву по образу пѣшаго хожденія... А знаешь-ли ты, что сестра твоя Нина въ Москвѣ? Полагаю, что знаешь. Она остановилась подъ Новинскимъ, и по дорогѣ, изъ лабораторіи, я захожу къ ней. Ночью возвращаюсь домой на дачу. Узналъ, что ты здоровъ, сдѣлался забіякой и нецензурные фельетоны пишешь въ «Одесскій Вѣстникъ». Ну, что́ тебѣ сказать о Москвѣ? Да что сказать! Съ тѣхъ поръ, какъ вышла книжонка въ листокъ, подъ

Digitized by Google

заглавіемъ: «Стружки»—изъ-за далекаго намека на городскую думу надѣлавшая такого шуму и захваченная полиціей, въ Москвѣ ничего, хоть шаромъ покати... никакихъ событій! Даже Мочаловъ замолкъ. Даже Сенковская куда-то уѣхала. Ахъ, да! Читалъ-ли ты стихи Ключникова, которые написалъ онъ вернувшись домой отъ Щепкина, куда Мочаловъ пріѣхалъ изъ театра пьяный и городилъ всякую чушь? Стихи, отъ которыхъ нашъ великій трагикъ рыдалъ, какъ ребенокъ. Я съ весны собирался ихъ послать тебѣ, да кто-то у меня взялъ ихъ—и поминай какъ звали.

«Нина познакомила меня съ *своимъ* букой. Очень онъ мнѣ понравился—но молчаливъ и грустенъ. Кажется мнѣ, что-то не ладно, братъ; боюсь, не пробѣжала-ли черная кошка между ними... Она виновата. Знаетъ, что—бука, и не щадитъ его скромности, такъ сказать, публично гордится имъ и его привязанностью. Всѣхъ считаетъ своими друзьями, и со всѣми откровенничаетъ, вызывая каждаго на то, чтобъ онъ высказывался. Была она у своихъ и вернулась въ слезахъ. Мужа не видѣла, заперся въ кабинетѣ, старшая дочь такъ и не вышла, только самая меньшая, которой она привезла конфектъ и куклу, была очень рада, что *мама сдѣлала ей визитъ*, и показывала ей свои игрушки. Бавинъ, какъ кажется, бросаетъ свою юриспруденцію и будетъ заниматься исключительно одной философіей и математикой. Проситъ меня пройти съ нимъ тригонометрію. Не знаю—успѣю-ли.

«Ну, кажется, довольно съ тебя. Слишкомъ ужъ расписался, точно обрадовался, что почтовый листъ бумаги нашелъ.

«Если ты все еще безъ мѣста—пріѣзжай въ Москву. Хоть мы и въ трущобѣ живемъ, а встрѣтимъ тебя, какъ слѣдуетъ, уже заказали къ твоему пріѣзду турецкій барабанъ и мѣдную трубу... Знаемъ, какъ нужно знаменитыхъ людей встрѣчать. Ну, вотъ, будь доволенъ, не скоро ты отъ меня дождешься другого посланія. На досугѣ и это можешь перечитывать. Прощай.

«Твой—Игнатьевъ».

О, чудакъ, чудакъ! милѣйшій изъ чудаковъ!—съ особеннымъ чувствомъ воскликнулъ Елатомскій.

XI.

Не успѣлъ Елатомскій увлечься московскими воспоминаніями, какъ послышались неспѣшные шаги и на порогѣ его комнаты появился Олафьевъ.

— Будемъ кататься?—спросилъ Олафьевъ.

Digitized by Google

— А не пыльно?—спросилъ Елатомскій, запрятывая въ карманъ письма друзей своихъ.

— Пыльно.

— Поѣдемъ лучше послѣ обѣда, вечеромъ. И знаете куда? въ гости. Вы отвезите меня на дачу Ланжерона къ австрійскому консулу, и я васъ тамъ познакомлю съ женой его.

— Съ нѣмкой?

— Нѣтъ, съ русской—она русская.

— Я не люблю знакомиться.

— А я взялся васъ отъ хандры лечить — стало быть слушайтесь.

Олафьевъ помолчалъ.

— А эта... эта была у васъ? Зоя?

— Зачѣмъ!.. Я уже не такъ боленъ, чтобъ она могла навѣщать меня...

— А можетъ быть... сердце... того... болитъ!

— Сердце болитъ! А пусть его болитъ! Стóитъ обращать на него вниманіе. Оно всегда болитъ и «любитъ оттого, что не любить оно не можетъ».

— И вы у ней не были?

— Признаться сказать — былъ, и не засталъ дома, куда-то Богу молиться уѣхала... А... знакомые шаги! Иванъ Ивановичъ!

На балконѣ остановился Сашинъ—и переводя духъ, и испуганно выпуча глаза, глядѣлъ въ комнату, гдѣ бесѣдовали двое пріятелей. Казалось, онъ былъ въ нерѣшимости—входить ему или не входить.

— Вы живы?—спросилъ онъ Елатомскаго.

— Какъ видите.

— А въ комнатѣ у васъ не осталось этихъ міазмовъ проклятыхъ... Говорятъ, у васъ тифозная горячка была.

— Ну, отъ тифа такъ легко не поправляются.

— Такъ значитъ, я могу войти?

— Если не боитесь.

— Уфъ!.. Смерти-то я не очень боюсь, а вотъ тифа, признаюсь вамъ, весьма опасаюсь... Прескверная эта вещь — тифъ!

Сашинъ вошелъ и былъ отрекомендованъ Олафьеву.

На Олафьева Сашинъ поглядѣлъ какъ-бы съ нѣкоторымъ опасеніемъ. Ему было непріятно, что онъ засталъ его у Елатомскаго.

— Кажется, я видѣлъ васъ за табль-д'отомъ въ гостинницѣ «London».

— Можетъ быть,—сухо отвѣчалъ Олафьевъ.

Digitized by Google

— Скажите, Елатомскій, что такое писали вы въ Тифлисъ?

— Ахъ, Боже мой! Мало ли я что писалъ. Какой нескромный вопросъ вы мнѣ предлагаете, Сашинъ.

— Да я не изъ любопытства,—покраснѣлъ Сашинъ, присаживаясь.—Я изъ любознательности, и ужъ совсѣмъ не для того, что вы думаете.

— Что я думаю?

— А помните, что вы мнѣ сказали въ читальной комнатѣ у Тотти.

— Да вѣдь мы ужъ объяснились и заключили миръ. Зачѣмъ же обращаться къ старому?

— А затѣмъ, чтобъ вы помнили, Елатомскій, какъ иногда можно обидѣть человѣка.

— Да вѣдь вы же меня простили, если я, какъ вы говорите, чѣмъ-то обидѣлъ васъ.

— Какъ простилъ! Вы у меня не просили прощенія.

— Значитъ, и не обижалъ, если не просилъ.

— Нѣтъ, вы меня тогда кровно обидѣли.

— Ну, такъ по правдѣ сказать, Иванъ Ивановичъ, я рѣшительно не помню и десятой доли изъ того, о чемъ мы съ вами тогда бесѣдовали. Помню только, что заключили миръ и даже поцѣловались

— Я... я... нѣтъ, я васъ не цѣловалъ!

— Потомъ вечеромъ того же дня мы встрѣтились въ Палероялѣ, сидѣли рядомъ, и ни о какой обидѣ съ вашей стороны даже и намека не было.

— Да я не съ тѣмъ и пришелъ къ вамъ, чтобъ обижаться. Я пришелъ васъ навѣстить, а не обижаться; но все же, кто хоть разъ въ жизни назвалъ меня доносчикомъ, тотъ навсегда всадилъ въ меня такую занозу, что я этого не могу забыть, я ночи не сплю, такъ эта ваша заноза, это слово ваше для меня чувствительно...

— Помилуйте, Иванъ Ивановичъ, не вы ли мнѣ завидовали, что я сидѣлъ въ заключеніи, не вы ли говорили мнѣ: пожалуйста, Елатомскій, донесите на меня, я у васъ ручку за это поцѣлую...

— Я—ручку! я вамъ это говорилъ, Елатомскій!—заволновался всѣмъ своимъ туловищемъ самолюбивый Сашинъ.

— Да.

— «Поцѣлую ручку!»

— Да, это были ваши слова.

— Я скорѣй сто разъ умру, чѣмъ буду руки у васъ цѣловать или у кого бы то ни было! Да-съ!

Digitized by Google

Сашинъ ударилъ себя въ грудь и налился кровью.

Елатомскій былъ самъ непріятно пораженъ тѣмъ оборотомъ, который принялъ ихъ разговоръ и необычайной запальчивостью Сашина.

— Ну,—сказалъ онъ, пожавъ плечами,—значитъ, уши меня обманули и я вру.

— Вы всегда были моимъ врагомъ и никогда, ни одного слова правды я не слыхалъ отъ васъ,—тяжело проговорилъ Сашинъ.

— А если я врагъ вашъ, то напрасно же, господинъ Сашинъ, вы такъ милостивы и великодушны, что сдѣлали мнѣ честь, пришли навѣстить меня... Униженіе паче гордости.

— Я, въ сущности, не затѣмъ, чтобъ унижаться или васъ навѣщать... Я не молоденькая, неопытная дѣвочка, и знаю, что никакого удовольствія не доставлю вамъ моимъ посѣщеніемъ. Я просто хотѣлъ сказать вамъ, что вы...

— Замолчите, Сашинъ! Если вы осмѣлитесь выговорить то слово, которое у васъ на умѣ, я убью васъ, — дрожа какъ въ лихорадкѣ произнесъ Елатомскій.

Онъ очень хорошо понялъ, о какой хорошенькой и неопытной дѣвочкѣ намекалъ ему незваный гость, и какая грязная мысль при этомъ копошилась въ головѣ его.

Олафьевъ слушалъ весь этотъ разговоръ, стоя у стѣнки и все время искоса поглядывалъ на Сашина своими щёлками. Зрачки его едва мелькали изъ-подъ опущенныхъ красноватыхъ вѣкъ. Къ впалымъ щекамъ его медленно приливала кровь и выступала на нихъ неровными, розовыми пятнами.

— Нѣтъ, ужъ вы ничѣмъ меня теперь не испугаете!—горячо забормоталъ Сашинъ, который, не спуская глазъ съ Елатомскаго, совершенно забылъ о присутствіи Олафьева. Ненависть бушевала въ груди его и клокотала накипѣвшая желчь. — Я ничего не боюсь!.. Тяжело мнѣ дышать однимъ съ вами воздухомъ!.. Вы—развратитель!.. Вы лжецъ!!

— Милостивый государь!—отдѣлившись отъ стѣны, и дѣлая шагъ впередъ, произнесъ Олафьевъ.—Мой другъ Елатомскій не можетъ быть ни развратителемъ, ни лжецомъ, и если вы сію же минуту не возьмете назадъ своихъ словъ и не извинитесь, я сегодня же буду имѣть честь послать къ вамъ моего секунданта. Надѣюсь, что Елатомскому извѣстно ваше мѣстожительство.

Сашинъ вытаращилъ на него глаза свои, хотѣлъ что-то сказать, но что-то залепеталъ, замахалъ руками, точно обороняясь отъ какого-то внезапно нахлынувшаго на него ужаса, — заша-

Digitized by Google

тался и грохнулся на полъ, прежде чѣмъ Елатомскій успѣлъ подхватить его.

— Что съ нимъ?—спросилъ Олафьевъ.

— Ужъ не умеръ ли онъ со страху!—сказалъ испуганный и блѣдный Елатомскій.

Минуты черезъ двѣ онъ уже былъ у хозяина и сообщилъ ему, что одинъ изъ гостей его упалъ въ обморокъ. Нашелъ на дворѣ какого-то еврея (того самаго, что подглядывалъ за графомъ), далъ ему рубль и попросилъ его тотчасъ ѣхать за частнымъ докторомъ.

Черезъ четверть часа пріѣхалъ докторъ. Сашину пустили кровь. Долго не шла она, наконецъ, показалась каплями,—явилась слабая надежда на его выздоровленіе. Съ помощью хозяина, Олафьева, жида и двухъ извозчиковъ, съ трудомъ подняли тяжеловѣснаго и безчувственнаго Сашина, перенесли его въ коляску, въ которой пріѣхалъ Олафьевъ, и отвезли домой.

Пока возились съ нимъ, на дворѣ и у воротъ толпилась кучка народа.

Елатомскій, проводивъ своего неожиданнаго врага и сдавъ его съ рукъ на руки отставному солдату, который служилъ у Сашина въ качествѣ камердинера, тотчасъ же вернулся домой, гдѣ Олафьевъ ожидалъ его, сѣлъ на стулъ, оперся локтями на столъ и заплакалъ. Это былъ нервный припадокъ — въ родѣ истерики.

Къ вечеру Олафьевъ отвезъ его къ себѣ въ нумеръ, гдѣ онъ и ночевалъ.

На другой день утромъ, оба пріятеля сѣли въ коляску и отправились на дачу Ланжерона, къ австрійскому консулу.

XII.

Нигдѣ, конечно, Елатомскій не могъ найти себѣ такого нравственнаго успокоенія, какъ въ той атмосферѣ, которая окружала обитателей ланжероновской дачи. Комфортабельная безъ роскоши, уютная безъ изнѣживанья, размѣренная жизнь австрійскаго консула и семьи его,—жизнь, выработанная западной образованной буржуазіей, въ рамки которой никоимъ образомъ не улеглась бы русская широкая натура, съ ея непосѣдливой тоской и безшабашной удалью, для Елатомскаго, послѣ катастрофы съ несчастнымъ Сашинымъ, была не то, чтобъ совершенно цѣлебна, но, какъ добраго человѣка, располагала его къ довѣрчивости и дру-

Digitized by Google

жескимъ интимнымъ бесѣдамъ съ людьми иного закала—практическими и, въ то же время, не лишенными поэтическаго чутья, любви къ природѣ и къ благовоспитаннымъ людямъ. Только къ благовоспитаннымъ—житейская мудрость не допускала иныхъ людей въ ту атмосферу, которая окружала обитателей ланжероновской дачи...

Три дня и три ночи провелъ на этой дачѣ Елатомскій, на берегу моря среди простора и зелени...

Олафьевъ каждый день посѣщалъ его и гулялъ съ нимъ по окрестностямъ. Консулъ былъ съ нимъ очень любезенъ, молодая жена его—мила и старалась разговорить Олафьева, но почему-то чудилось ему, что вызовъ его на дуэль, который такъ сразилъ Сашина, былъ, въ глазахъ ея, грѣхомъ, который слѣдуетъ замаливать, и Олафьевъ весь, какъ улитка, уходилъ въ скорлупу свою и только улыбался.

— Чувство не должно исключать благоразумія,—говорила, между прочимъ, молодая хозяйка.

— Если чувство не должно исключать благоразумія, — сказалъ ей Елатомскій, одинъ-на-одинъ бесѣдуя съ ней утромъ въ бесѣдкѣ, гдѣ она занималась живописью и въ сѣромъ фартучкѣ, съ палитрой въ рукахъ, старалась уловить на кисть серебристую лазурь спокойнаго моря или перламутровую мягкость облаковъ, что, впрочемъ, не мѣшало ей бесѣдовать съ гостемъ... — если такъ, то вы знаете, по-слухамъ, семью Меркулича и знаете, что я далеко не равнодушенъ къ Зоѣ, и что же вы скажете?—какой совѣтъ дадите мнѣ?

— Уѣхать.

— А сплетни? — онѣ вѣдь никуда не уѣдутъ... онѣ остануться.

— Онѣ улягутся, когда вы уѣдете.

— А если клевета доведетъ ее до отчаянья, до самоубійства?..

— А если этотъ бракъ доведетъ васъ до отчаянья и до самоубійства?..

Елатомскій дрогнулъ: одно слово «бракъ» уже было ему ненавистно—и вдругъ ему пророчатъ отчаянье, которое можетъ до самоубійства довести его...

— Вы молоды и бѣдны, — она также бѣдна, и если вы ее похитите или тайно женитесь, — отецъ ничего не дастъ за ней. Что же будетъ съ вами, если пойдутъ дѣти, прежде чѣмъ будетъ у васъ мѣсто или средства кормить ихъ. Намъ будетъ очень тяжело разстаться съ вами и потерять васъ изъ виду; вы очень милый молодой человѣкъ, но—уѣзжайте съ Богомъ!

Digitized by Google

— Но куда же? — скрестивъ пальцы такъ, что они хрустнули, вполголоса воскликнулъ Елатомскій. — Къ отцу? нѣтъ, у него медовый мѣсяцъ,—зачѣмъ мѣшать ему! На Кавказъ?.. но, какъ вы думаете, можно ли на сто или на полтораста рублей доѣхать до Тифлиса?

— Да... я думаю...

— Олафьевъ! Другъ мой любезный! — такъ встрѣтилъ онъ входящаго Олафьева. — Когда ты ѣдешь на Кавказъ? (Онъ съ тѣхъ поръ, какъ ночевалъ у него, незамѣтно перешелъ съ «вы» на «ты»).

— Въ слѣдующій понедѣльникъ, утромъ, отходитъ пароходъ «Тамань»,—отвѣчалъ Олафьевъ, поклонившись и пожавъ руку, протянутую ему молодой хозяйкой.

— Ну, такъ и я съ тобой, Олафьевъ!

Олафьевъ просіялъ.

Хозяйка оглянулась на лицо его.

— Такъ мы и васъ ужъ не увидимъ больше, m-r Олафьевъ? —сказала она.

— Да... мнѣ давно пора ѣхать, — переминаясь съ ноги на ногу и чему-то усмѣхаясь, пробормоталъ Олафьевъ и вышелъ въ садъ,—морю, кустамъ и птицамъ повѣдать свои думы...—«Я тамъ буду не одинъ... Мнѣ не будетъ такъ страшно... Ну, радъ я, радъ, очень радъ»...

Въ отвѣтъ ему зачирикала какая-то птичка, но чему она была рада—Господь ее вѣдаетъ...

— Странный человѣкъ вашъ Олафьевъ, — сказала хозяйка, снова принимаясь за кисть и вглядываясь въ свою работу.— Онъ такъ глубоко запряталъ свою душу, что даже и по догадкамъ трудно судить о ней. Мнѣ кажется, онъ несчастливъ, не потому, чтобы случилось съ нимъ какое-нибудь несчастье, а потому, что онъ не вѣритъ въ возможность счастья...

— Да...—отвѣчалъ Елатомскій,—когда-то я спорилъ съ нимъ: онъ утверждалъ, что все на свѣтѣ зло, и только зло; теперь я и самъ готовъ согласиться съ нимъ: и чувство — зло, и разсудокъ—зло, и нищета, и богатство, и умъ, и глупость—все зло!

Хозяйка отложила свои кисти и поглядѣла на Елатомскаго, какъ-бы не довѣряя искренности словъ его и, въ то же время, подозрѣвая, что онъ самъ готовъ повѣрить словамъ своимъ.

— Да,—сказала она,—одинъ Богъ благо: безъ Бога все зло... Какъ безъ солнца все тьма и холодъ, такъ и безъ Бога.

— Богъ! Богъ! это—абсолютная истина. Это не про насъ,—

Digitized by Google

отвѣчалъ Елатомскій. — Истины никогда мы не найдемъ и никогда не уразумѣемъ Бога.

— Да... если пойдемъ искать — не увидимъ и не уразумѣемъ, потому что никогда не дойдемъ; когда же мы вѣримъ въ эту истину — она сама доходитъ до насъ, какъ лучи отъ солнца. Впрочемъ, извините, я не проповѣдница... Такъ пришлось къ слову,—сказала, что́ думаю...

Елатомскій не даромъ когда-то интересовался исторіей Востока. Онъ сталъ ей доказывать, что слѣпая вѣра въ условную истину была постояннымъ источникомъ заблужденій и страданій человѣческихъ. Но чѣмъ больше онъ говорилъ на эту тэму, тѣмъ она меньше его слушала. Наконецъ, она опять взялась за палитру, обернулась лицомъ къ морю и стала писать.

— Ну... хорошо!—сказала она, съ нѣкоторымъ, едва замѣтнымъ оттѣнкомъ досады или нетерпѣнья.—Пусть заблужденья! Я знаю только, что безъ этихъ заблужденій не было бы исторіи, и мы съ вами были бы дикарями, даже хуже дикихъ, потому что у нихъ тоже есть зачатки религіи... Впрочемъ, замолчимъ объ этомъ, я не люблю разговоровъ на эту тэму. Знаю, что скептицизмъ—это въ духѣ времени,—самый дешевый и общедоступный ядъ... Я не мѣшаю и не могу помѣшать отравляться этимъ ядомъ, кому угодно, только я... не хочу его... Когда вы будете въ Тифлисѣ, напишите, понравится ли вамъ этотъ край... и если увидите графиню Ш—ль, поклонитесь ей отъ меня.

Она съ умысломъ оборвала разговоръ, для нея непріятный, и дала ему другое направленіе.

Елатомскій на это нисколько не досадовалъ. Онъ самъ былъ не охотникъ пускаться въ богословскія пренія. Онъ не осуждалъ ее за это излишнее нравственное самосохраненіе, какъ не осуждалъ бы жены рыболова, которая, вмѣсто того, чтобы лазить по скаламъ, да перебираться черезъ пропасти,—въ виду этихъ самыхъ горъ, съ ихъ холодными и неприступными вершинами, сидитъ на порогѣ своей рыбацкой хаты, чинитъ неводъ или укачиваетъ своего ребенка, напѣвая старинную волыбельную пѣсенку.

Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что отецъ молодой хозяйки былъ англичанинъ и что русская мать ея, сестра Юматовой, была христіанкой, одною изъ самыхъ искреннихъ, и умерла какъ святая...

Digitized by Google

XIII.

О побѣгѣ графа и отъѣздѣ княгини Елатомскій узналъ вскорѣ послѣ своего выздоровленья, и тоже подумалъ: «молодецъ этотъ Гиккель!» Вспомнилъ онъ свой послѣдній вечеръ, проведенный у княгини, ея таинственное загадочное поведеніе съ биноклемъ, ея вопросы объ огонькѣ въ карантинной гавани, и ея сказку, смыслъ которой онъ тогда не понялъ,—и все это стало ему понятно, когда разъяснилось передъ нимъ это маленькое и все-таки для Одессы и ея дѣльцовъ довольно громкое событіе.

«Вотъ женщина!» подумалъ Елатомскій. «Графъ могъ не доплыть, могъ ночью потонуть и даже трупъ его не выплылъ бы на поверхность, удерживаемый на днѣ его кожанымъ поясомъ съ червонцами,—и что же? Она, влюбленная въ него барыня, спокойно смотритъ въ бинокль, да еще при этомъ кокетничаетъ съ другимъ, точно ей все равно. Если бы у меня въ этотъ вечеръ не болѣла голова и не стучало въ вискахъ, — не знаю, какъ бы вынесъ я воздушныя прикосновенья колѣнъ ея. Удивительная барыня! Теперь, я думаю, подъ предлогомъ отъѣзда въ Крымъ, умчалась она по слѣдамъ его и уже давно съ нимъ на берегахъ Босфора, въ Аѳинахъ или чортъ знаетъ гдѣ,—можетъ быть, на горѣ Синаѣ».

Очевидно, что о сношеніяхъ графа съ Капитолиной Алексѣевной Чертилиной ничего не зналъ Елатомскій: сплетни о связи ихъ такъ и не дошли до ушей его.

Вернувшись съ дачи Ланжерона, Елатомскій хотѣлъ переѣхать въ просторный нумеръ гостинницы, занимаемый Олафьевымъ, но еще одну ночь рѣшился переночевать въ своей квартирѣ, которая, послѣ удара съ Сашинымъ, наводила на него какое-то уныніе, а послѣ своего пребыванія на дачѣ — казалась душной, мрачной и ни въ чему веселому не располагающей. Онъ раздѣлся и легъ, не безъ умысла заперевъ дверь свою: во-первыхъ, у него уже были деньги,—во-вторыхъ, ему хотѣлось, чтобы завтра въ 8 часовъ утра стукъ старухи разбудилъ его.

Онъ легъ, но образъ Зои не давалъ ему ни сна, ни покоя. Онъ вспомнилъ разсказъ доктора, что онъ уже нашелъ его безъ сапогъ. «Кто же снялъ съ него сапоги, когда онъ лежалъ и бредилъ? Неужели Зоя?.. Что должна была она чувствовать, когда пришла къ нему и нашла его безъ памяти?.. И что съ ней? Не больна ли она? Какъ всѣ эти сплетни и намеки отразятся на

Digitized by Google

судьбѣ ея?.. Боже мой! какой я буду скотъ, какой я буду подлецъ, если не прощусь съ ней!..

«Хорошо быть благоразумнымъ, наверху человѣческаго благополучія, — и какъ имъ трудно быть, когда все кругомъ хаосъ, разладъ и безобразіе, когда даже любовь и та — или глупость, или преступленье!.. Но пора спать... Пора спать».

Но не прошло и получаса, какъ Елатомскій вскочилъ, зажегъ свѣчу, въ одной рубашкѣ присѣлъ къ столу, откупорилъ пузырекъ съ чернилами и сталъ писать:

«Милая Зоя Трофимовна!

«Не смѣю быть у васъ... не смѣю лично поблагодарить васъ за ваше расположеніе и за то самоотверженіе, которыя оказали вы въ первые дни моей болѣзни, не боясь ни клеветъ, ни сплетней людей пустыхъ и досужихъ. Не смѣю просить васъ простить меня и за то, что, можетъ быть, я былъ невольною причиною этихъ клеветъ и сплетенъ, несмотря на всю мою осторожность, несмотря на всю чистоту и святость нашихъ отношеній. И нѣтъ у меня силъ придти и сказать вамъ: прощайте, Зоя,—я ѣду на Кавказъ искать судьбы моей, ѣду въ понедѣльникъ, въ тяжелый день, съ тяжелымъ чувствомъ на сердцѣ. Повѣрьте, что никого не жаль мнѣ въ Одессѣ, кромѣ васъ, — только съ вами разстаюсь я съ болью въ душѣ, хотя эта боль и не доводитъ меня до отчаянья. Не отчаявайтесь и вы, если вы меня любите. Весьма возможно, что счастье улыбнется мнѣ, и я вернусь и встрѣчусь съ вами при другихъ условіяхъ. Тогда отъ васъ будетъ зависѣть дать мнѣ позволенье просить вашей руки и вашего согласія; но не теперь, не въ эту тяжелую для меня минуту. Будемъ надѣяться на время,—оно одно испытаетъ насъ, оно одно подскажетъ вамъ, можете или не можете вы забыть меня, и стою ли я вашей любви—или не стою. Прощайте. Передайте вашей мамѣ мой поклонъ, благодарность за гостепріимство—и за все, за все... Не забывайте вамъ преданнаго —

«В. Елатомскаго.

«6-го августа, 1847 года».

Елатомскій запечаталъ это письмо, загасилъ свѣчу и думалъ успокоиться... Говорятъ, ничего нѣтъ лучше, какъ высказаться, чтобъ отдѣлаться отъ тоски или тревоги, насъ одолѣвающей. Но и въ темнотѣ, наполненной легкимъ сургучнымъ запахомъ, не скоро заснулъ Елатомскій.

«Непремѣнно... непремѣнно — я самъ завтра же занесу это

Digitized by Google

письмо. Это письмо, во-первыхъ, можетъ оправдать ее въ глазахъ матери или отца, если и до нихъ дойдутъ тѣ же сплетни, которыя дошли до Сашина; во-вторыхъ, съ этимъ письмомъ она успокоится и будетъ ждать меня. Долгое ожиданье — лучшее лекарство отъ страсти: привыкнуть къ разлукѣ — значитъ, ея не чувствовать. Она еще можетъ полюбить другого и выдти замужъ. Если она въ маменьку — добрая жена изъ нея выйдетъ, кроткая, заботливая, преданная. Она не образована — бѣдная Вѣра Георгіевна: по-русски едва читаетъ; но кто знаетъ, сколько природнаго ума, можетъ быть, таится въ ней! Зоя такъ же не образована, но развѣ не принялась она читать съ удвоеннымъ усердіемъ, съ тѣхъ поръ, какъ со мной познакомилась? Развѣ Эвина нашла ее дурой? Итакъ, дай ей Богъ счастья! и — впередъ, впередъ, Елатомскій! Excelsior!»

Не скоро можно заснуть съ такими разсужденіями и юношескими порывами.

Былъ уже пятый часъ по-полуночи, громко въ третій разъ запѣли пѣтухи (они особенно громко кричатъ или поютъ на югѣ) и уже затихъ сверчокъ, такъ какъ въ щель его запала капелька бѣлаго утра, когда задремалъ Елатомскій.

И въ этотъ же самый часъ — на другой улицѣ, въ другихъ стѣнахъ, вѣчнымъ сномъ заснулъ Иванъ Ивановичъ Сашинъ.

Ему уже было легче и онъ подавалъ надежды на выздоровленіе, пока едва сознавалъ свое положеніе. Вдругъ умъ его просіялъ: онъ испугался своихъ воспоминаній, испугался паче смерти — простоналъ и умеръ.

Грустно подумать, что добрый и неглупый человѣкъ повѣрилъ базарной сплетнѣ и умеръ, быть можетъ, увѣренный, что Елатомскій все лѣто надувалъ его — и былъ въ связи съ Зоей. Не затѣмъ-ли онъ и пришелъ къ нему, чтобъ высказать ему все свое негодованіе и какъ съ фальшивымъ человѣкомъ навсегда разстаться съ нимъ.

Но, можетъ быть, не пошелъ бы Сашинъ къ Елатомскому, если бы Хаказовъ на это глупое посѣщенье не подтолкнулъ его. «Сходите-ка вы... къ вашему-то другу... къ этому Елатомскому-то. Чортъ его дери!» въ то же утро говорилъ ему Хаказовъ, двигая скулами и красный какъ мѣдь отъ досады и озлобленья. «Да спросите его, что такое обо мнѣ писалъ онъ въ Тифлисъ. Если онъ на эти штуки пустился, передъ графомъ или передъ его клевретами вздумалъ чернить меня — я ему покажу!.. Я этого такъ не оставлю. Чтобъ какой-нибудь студентишка, мальчишка могъ портить мою карьеру! Этого я не оставлю — онъ можетъ

Digitized by Google

сколько ему угодно безчестить семью Мерзуличей, — хоть со всѣми тремя дочерьми его свяжись — мнѣ до этого дѣла нѣтъ — но этого я такъ не оставлю».

Стало быть, Сашинъ хотѣлъ и Хавазову угодить по своей безхарактерности, и въ случаѣ, если Елатомскій оправдается (чему онъ не вѣрилъ), предупредить его и сказать, что Хавазовъ можетъ такую сдѣлать ему пакость, отъ которой онъ не скоро оправится, и чтобъ Елатомскій на счетъ своихъ писемъ былъ осторожнѣе.

Хавазова же паче всего влило одно совершенно непонятное для него обстоятельство — одесскія власти стали получать изъ Тифлиса письма, гдѣ Елатомскій рекомендовался имъ, какъ молодой человѣкъ, вполнѣ благонадежный, и гдѣ прямо говорилось, что графъ-намѣстникъ въ этомъ Елатомскомъ принимаетъ самое живое участіе.

Думалъ-ли Сашинъ, поднимаясь по ступенькамъ на балконъ Елатомскаго, что страсть къ Зоѣ, оскорбленное самолюбіе, негодованіе и неожиданный вызовъ до такой степени взволнуютъ застоявшуюся кровь его, что она ударитъ ему въ голову и будетъ палачомъ его! И зналъ-ли онъ, бѣдный, что эти ступеньки вели его въ могилу и что скоро вѣчную память запоютъ надъ нимъ?

XIV.

Елатомскій только на другой день къ вечеру узналъ о смерти Сашина, и о томъ, будто бы умеръ онъ отъ солнечнаго удара. Ему было грустно. Долго, чуть не до полуночи, сидѣлъ онъ на бульварѣ и никто изъ проходящихъ мимо въ темнотѣ не замѣчалъ его.

«Получила-ли Зоя письмо мое?» думалъ Елатомскій. «Откликнется-ли она? Дай Богъ, чтобъ и не откликалась! — зачѣмъ?»

Въ темнотѣ, по дорожкѣ послышалось позвякиванье шпоръ и сабли.

Прошелъ полиціймейстеръ, съ какимъ-то военнымъ подъ руку.

— Нѣтъ... Какова шельма эта княгиня! — говорилъ полиціймейстеръ. — Принесите, говоритъ, завтра милліонъ, и я погляжу — разсержусь-ли я или не разсержусь... А? каково канальство? И до сихъ поръ еще нѣтъ ея... Говорятъ, въ Крыму...

И уже ни слова дальше не могъ разобрать Елатомскій — только полиціймейстерскій веселый смѣхъ долеталъ до ушей его...

Digitized by Google

Видно, полковникъ принадлежалъ къ числу тѣхъ счастливыхъ людей, которыми неудача въ волокитствѣ скоро забывается, потому что каждая новая хорошенькая «шельма» можетъ утѣшить ихъ.

«А... познакомились! прислала милліонъ — губа-то не дура!» между прочими мыслями проскользнуло въ головѣ Елатомскаго и нисколько его не огорчило. Образъ княгини, какъ образъ всякой красоты, привлекательный для всякаго возраста, былъ привлекателенъ и для нашего двадцати-трехъ-лѣтняго юноши, но къ нему, къ этому образу—что-то прильнуло (въ родѣ кусочка жиру) и... уже никакой мечты не шевелилъ онъ въ душѣ его...

Что, если бы зналъ Елатомскій, сколько непріятностей надѣлала ему ложь Зои и ея самооклеветаніе? Какъ бы онъ отнесся къ ней? Во всякомъ случаѣ, не было-бы написано и отдано ей то письмо, которое рано утромъ самъ отнесъ онъ и у воротъ передалъ кухаркѣ Меркуличей, прежде чѣмъ Меркуличи встали съ своихъ постелей... Нечего и говорить, что кухарка получила при этомъ три рубля на водку — и хотѣла даже ручку у него поцѣловать за такую пріятную неожиданность.

Ничего, ни о какой лжи, ни о самооклеветаньи не зналъ и не вѣдалъ Елатомскій. И не вѣдалъ онъ, какое впечатлѣніе произведетъ письмо его на Зою и мать ея.

А впечатлѣніе было невообразимое. Оно пришло какъ разъ на другой день послѣ письма изъ Крыма отъ Трофима Евлампіевича, такого письма, которое, какъ обухомъ по головѣ, ихъ обѣихъ ударило — и жену, и дочь. Нѣжный супругъ писалъ къ женѣ своей, что до него въ Крымъ дошли слухи о поведеніи Зои, и что если она связалась съ Елатомскимъ, то пусть и идетъ къ нему на содержаніе — что онъ знать ее не хочетъ, а такъ какъ этотъ Елатомскій помогалъ бѣжать графу Гиккелю, и тѣмъ лишилъ его семи-тысячъ, то онъ и не дастъ ни копѣйки своей дочери—и пусть она кормится, чѣмъ хочетъ и какъ хочетъ. Затѣмъ Трофимъ Евлампіевичъ изъявлялъ свое непремѣнное желаніе—чтобы Зои не было въ домѣ, когда онъ воротится. Однимъ словомъ, это было одно изъ тѣхъ писемъ, которыя не одну — а сотни, тысячи дѣвушекъ толкнули на путь разврата, и окончательно загубили ихъ.

Это письмо навело ужасъ и отчаянье на Вѣру Георгіевну. Зоя сначала поблѣднѣла какъ смерть, потомъ разрыдалась и призналась матери, что ни разу до болѣзни Елатомскаго она нигдѣ на-единѣ не видалась съ нимъ, что она лгала на себя, лгала на него и достойна такого гнѣва, такого позора! Зоя лгала

Digitized by Google

вала, но въ глубинѣ души ея зарождалась одна утѣшительная мысль—мысль эта была подсказана страстью и, если выразить ее словами, облеклась бы въ слѣдующія фразы: «Отецъ самъ толкаетъ меня къ нему въ объятья — хорошо же! Я пойду къ нему и скажу: теперь я нищая, отверженная, униженная, — неужели и вы меня отвергнете? И вы меня унизите? Вѣдь кромѣ вашей любви — ничего уже нѣтъ для меня въ цѣломъ мірѣ. Я буду вашей рабой, вашей служанкой, только не гоните меня отъ себя!...»

И вдругъ—новый ударъ!—Елатомскій пишетъ, что въ понедѣльникъ, т.-е. черезъ день, покидаетъ онъ Одессу и ѣдетъ на Кавказъ.

Письмо это сотни разъ было читано Зоей и про себя, и шепотомъ матери, и каждое слово его было изучено, разобрано, истолковано... покрыто поцѣлуями и слезами облито.

Никогда еще Елатомскій такъ высоко не стоялъ въ глазахъ Вѣры Георгіевны, какъ послѣ признаній Зои и прощальнаго письма его; пока плакала и терзалась дочь ея, ходя по двору или у себя за ширмами, Вѣра Георгіевна сидѣла у себя въ спальной и никогда еще глупѣе и деревяннѣе не было лицо Вѣры Георгіевны, но въ маленькомъ мозгу ея зрѣли замыслы—она искала для своей Зои спасительнаго выхода и—нашла его.

«Пусть», думала она, «отецъ, когда вернется, не найдетъ ее, пусты!»

Затѣмъ она встала, достала изъ туалета ключикъ, отперла нижній ящикъ своего комода, выложила все серебро свое (когда-то доставшееся ей по-наслѣдству отъ дяди и нетронутое уже разбогатѣвшимъ Трофимомъ Евлампіевичемъ), завязала его въ салфетку, накинула на голову бѣлый шалевый платокъ, и вышла изъ дому.

XV.

Наканунѣ своего отъѣзда на Кавказъ, въ воскресенье, получивъ отъ полиціи удостовѣреніе, что препятствій въ выѣзду не имѣется, Елатомскій, вмѣстѣ съ Олафьевымъ, отобѣдалъ у Каруты, расплатился съ кондитершой, крѣпко пожалъ руку молодой француженкѣ и, закуривъ сигару, пошелъ проститься съ книгопродавцемъ Тотти.

Въ книжномъ магазинѣ никого изъ покупателей не было, но самого Тотти засталъ онъ съ невѣстой на колѣняхъ. Анчико

Digitized by Google

всполошившей дѣвушки покрылось ярким румянцем, но самъ Тотти, какъ итальянецъ, нисколько не смутился — и, смѣясь, сказалъ Елатомскому: вамъ, небось, завидно!... Ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ быть женихомъ, синьоръ Елатомскій!

Простившись съ Тотти и съ его невѣстой, и даже обѣщавшись писать къ нему, Елатомскій зашелъ въ нумеръ гостиницы, уложилъ въ чемоданъ принесенное прачкой бѣлье и набилъ сигарами перекидную черезъ плечо дорожную сумку, купленную имъ въ англійскомъ магазинѣ, который въ этотъ годъ ликвидировалъ дѣла свои, какъ-бы провидя, что одесское порто-франко доживаетъ свои послѣдніе годы, а на политическомъ горизонтѣ — со стороны Франціи, уже показались зловѣщія тучи. Революціонный 1848 годъ былъ на носу и, быть можетъ, только король французовъ Луи-Филиппъ его не предчувствовалъ.

Были сумерки, когда Елатомскій, вмѣстѣ съ Олафьевымъ, отправились на бульваръ, какъ на единственное мѣсто, гдѣ не было пыли, и гдѣ легче дышалось.

Переходя улицу, идущую вдоль бульвара, оглянулся онъ влѣво и среди домовъ, которыхъ фасады ему видѣлись въ профиль, къ удивленію своему увидѣлъ, на знакомомъ ему балконѣ, бѣлый обликъ знакомой ему женщины.

«Ба! она вернулась...» подумалъ про себя Елатомскій. — Надо и съ ней проститься... Дружище, Олафьевъ! посиди на бульварѣ, я зайду къ княгинѣ Корси, и на прощанье засвидѣтельствую ей свое почтенье.

На лѣстницѣ онъ узналъ отъ горничной, что княгиня вернулась утромъ и спрашивала ее: живъ ли онъ... и видѣла ли она его.

Не княгиня, мало того, что спрашивала горничную, видѣла ли она Елатомскаго, она, только-что переодѣлась и напилась кофе, сама прошлась по главнымъ улицамъ города — въ надеждѣ встрѣтить своего будущаго кавалера, ей какъ-бы въ наслѣдство оставленнаго графомъ Гинкелемъ; но такъ случилось, что нигдѣ она его не встрѣтила, и такъ ей было досадно, что она подумала: «Ужъ не влюблена ли я въ него... Чего добраго!»

Радостно вскрикнула княгиня, когда увидѣла своего единственнаго кавалера, и чуть не бросилась обнимать его, по крайней мѣрѣ сдѣлала такое движенье, что Елатомскому показалось: вотъ, вотъ, сію минуту повиснетъ она у него на шеѣ; — но этого не случилось... Она схватила только его за-руку и спросила: живъ ли онъ, и не тѣнь ли его предстала ей?

Digitized by Google

— А! вы себѣ не можете и вообразить, какъ я рада вамъ... Я точно дѣвочка пятнадцати-лѣтъ — даже совѣстно... можно ли такъ обрадоваться! Вы увидѣли меня на балконѣ и тотчасъ же зашли ко мнѣ... О! спасибо! спасибо вамъ, милый Елатомскій! Садитесь... Вы похудѣли... но вы стали еще интереснѣе...

Глаза ея свѣтились радостью влюбленной, голосъ звенѣлъ какъ струна, уста улыбались. Свѣтло-каштановые волосы мягкими волнами лежали частью на обнаженныхъ плечахъ, частью были заброшены за спину.

— А я пришелъ засвидѣтельствовать вамъ мое почтенье, и проститься съ вами, княгиня, — сказалъ Елатомскій:—завтра я уѣзжаю.

Княгиня измѣнилась въ лицѣ, и ея улыбка застыла.

— Вы уѣзжаете?

— Да.

— Я только-что пріѣхала, и вы — вы уже уѣзжаете... Куда?..

— На Кавказъ.

— Да какъ же вы смѣете?

Елатомскій улыбнулся...

— Нѣтъ, — сказала она, сажая его возлѣ себя на диванъ, —Нѣтъ, вы не уѣдете.

— Да я уже и билетъ взялъ и уложился и... даже... простился со всѣми, княгиня.

— И все-таки вы не уѣдете, Елатомскій... Это—безбожно... безбожно!.. Я такъ спѣшила, такъ хотѣла видѣть васъ... Нѣтъ, ради меня, неужели ради меня вы не останетесь?

Елатомскій покупался... Ничего подобнаго не ожидалъ онъ... сердце его ёкнуло...—оно чувствовало когти, которые прячутся въ мягкихъ бархатныхъ лапахъ, для того, чтобъ улучить минуту, и, какъ несчастнаго мышенка, схватить и задушить его.

— Странно, княгиня... для чего я нуженъ вамъ?—проговорилъ онъ, не поднимая глазъ.

— Вы мнѣ нужны, какъ солнце, какъ воздухъ. Видите, какъ я смѣла. Но не все ли равно, что вы обо мнѣ будете думать, если я сама о себѣ не думаю... Неправда ли, Елатомскій?.. Вы не будете такъ жестоки... Вы... останетесь...

Княгиня была въ высшей степени возбуждена его упрямствомъ, но его смущенье не успокаивало ее за чужбинѣ, она не сомнѣвалась въ успѣхѣ, не сомнѣвалась въ новомъ торжествѣ своемъ.

— Да? Елатомскій... да? да?

Digitized by Google

— Нѣтъ...

Княгиня отшатнулась отъ него и надула губки.

— Ну, хоть на недѣлю...—помолчавъ, сказала она.—На одну недѣлю, отложите вы вашъ отъѣздъ... Зачѣмъ вамъ спѣшить, не все ли вамъ равно—завтра или черезъ десять дней наднѣнете вы вашъ противный вицъ-мундиръ, обзаведетесь портфелью и превратитесь въ чиновника, словомъ—перестанете быть такимъ, — вотъ такимъ, какъ я знаю васъ. Вѣдь будь на васъ оффиціальное клеймо, не будь вы такой свободный, такой независимый... вѣдь я... я бы и не стала васъ упрашивать,... А то, не все ли вамъ равно, завтра или черезъ недѣлю... Кажется, не Богъ знаетъ какой жертвы я отъ васъ прошу, Елатомскій!

— Да, все равно... но не лучше ли мнѣ ѣхать завтра: чѣмъ скорѣе—тѣмъ лучше—одинъ конецъ.

— Для васъ одинъ конецъ, для меня—другой...

— Я долженъ ѣхать... или я задохнусь здѣсь... для меня здѣсь нѣтъ воздуха.

— Я также думала, какъ и вы. — Услыхавъ, что вы при смерти, — я поѣхала скитаться по-морю, успѣла побывать и на берегахъ Кавказа, и все-таки вернулась... Я думала, что я могу разсѣяться... Нѣтъ... нѣтъ... О! если бы вы знали, какъ я иногда тоскую, какъ мнѣ тяжело, какъ невыносимо мнѣ тяжело, Елатомскій!

Княгиня закрыла руками разгорѣвшееся лицо свое и въ этой позѣ была обворожительна, какъ статуя безнадежности, если только есть на свѣтѣ такая статуя.

— Три недѣли я хотѣла забыть—забыться...

— Чего нельзя забыть въ три недѣли — можно забыть въ три мѣсяца...—запинаясь, проговорилъ Елатомскій.

— Вы думаете?

Она отняла руки отъ лица и поглядѣла на него вопросительно, какъ-бы сомнѣваясь—онъ ли это проговорилъ.

Но Елатомскій всталъ, обошелъ столъ, протянулъ ей руку и сказалъ: прощайте?

— Поѣдемте со мной — сказала княгиня, если ужъ вамъ такъ здѣсь тяжело и хочется путешествовать.

— Куда?

— Куда прикажете—въ Италію, въ Швейцарію, въ Парижъ, въ Лондонъ... Мнѣ все равно.

— Если бы я былъ богатъ—я бы сказалъ вамъ—поѣдемте, но путешествовать на вашъ счетъ... это... это по меньшей мѣрѣ —унизительно.

Digitized by Google

— Ахъ, я и забыла! Вы никогда не казались мнѣ бѣднымъ... Это вздоръ — что я предложила вамъ... Я могла мечтать объ этомъ, но мало ли о чемъ я мечтаю... Вѣдь только мечтами и живетъ человѣкъ. Простите мнѣ эту глупую фантазію... но... неужели вы не останетесь до другого понедѣльника... Неужели?

— Не могу... — рѣшительнымъ голосомъ сказалъ Елатомскій. — Онъ разомъ вспомнилъ и обѣщаніе свое, данное Олафьеву, и свое письмо къ Зоѣ, и свое прощаніе съ знакомыми — и въ душѣ его уже громко раздавался тотъ свистъ, та язвительная насмѣшка, которая будетъ сопровождать его, когда онъ и во вторникъ, и въ среду и въ четвергъ появится на улицахъ Одессы, ведя подъ-руку княгиню Корси — точно прикованный къ ея юбкѣ — какъ невольникъ къ тріумфальной колесницѣ побѣдителя. Къ тому же, ему все еще казалось, что онъ подъ надзоромъ, и что останься онъ еще хоть одинъ день, непремѣнно случится съ нимъ какая-нибудь новая пакость, и уже его не выпустятъ.

Княгиня рѣшилась на послѣднее средство, на одно изъ тѣхъ средствъ, къ которому рѣдко, почти никогда не прибѣгаютъ кокетки, которыя знаютъ себѣ цѣну, и еще не перестали уважать себя.

Она встала, поглядѣла ему въ глаза и произнесла взволнованнымъ голосомъ:

— Я *ваша* — если вы завтра не уѣдете...

Сказавъ это, она отвернулась и вся пылающая вышла въ другую комнату.

Елатомскій остался посреди гостиной — какъ-бы со всѣхъ сторонъ охваченный пламенемъ.

Минутъ пять стоялъ онъ, точно потерявъ всякую способность двигаться.

Цѣлую недѣлю упоенья, сладкаго забытья и блаженныхъ грёзъ на груди такой красавицы вычеркнуть изъ жизни! — не прочесть самой пламенной, самой поэтической страницы, вырвать ее, прежде чѣмъ она оставитъ въ душѣ его неизгладимое впечатлѣніе! Это не легко... И не легко было Елатомскому бороться съ самимъ собой — устоять передъ такимъ соблазномъ.

Но — онъ вспомнилъ графа — и мысль, что она одна изъ тѣхъ, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ обойтись безъ любовника, и что — Боже избави! — онъ въ эту недѣлю привяжется къ ней всѣмъ существомъ своимъ и будетъ ею брошенъ, какъ выжатый лимонъ — мысль эта спасла его. Онъ взялъ со стола

Digitized by Google

шляпу и спустился съ лѣстницы, пріостанавливаясь на каждой ступенькѣ, и какъ-бы раздумывая—не вернуться ли?

На бульварѣ, едва только вышелъ онъ на дорожку, подъ сѣнь акацій, встрѣтился ему Олафьевъ и спросилъ его: ну, что, простились?

— Пойдемте домой, Олафьевъ... сію минуту я совершилъ или великую глупость, или великій подвигъ.

— Что такое?

— Сію минуту чуть-было не отложилъ своей поѣздки.

— Какъ?

— Да ужъ такъ.

— Нѣтъ... Это было бы не простительно, даже, въ нѣкоторомъ смыслѣ слова—неблагородно, растягивая ротъ въ улыбку и растягивая рѣчь свою возразилъ Олафьевъ: я и на прошлой недѣли уѣхалъ бы.

— Послушайте, Елатомскій! — приподнявшись съ одной изъ скамеекъ, спросилъ его полиціймейстеръ,—вы завтра уѣзжаете?

— Завтра.

— Получили мѣсто?

— Мнѣ пишутъ, что мѣсто ждетъ меня... — прилгалъ Елатомскій.

— Надѣюсь, что вы ничего противъ меня не имѣете?

— Ничего, полковникъ... помилуйте!

— Вы сейчасъ отъ княгини?

— Да, я простился съ ней.

— Гм!.. А вы не боитесь, что я безъ васъ приволокнусь за ней. А?

— Да какое же мнѣ до этого дѣло! Дай вамъ Богъ успѣха! Вы не то, что я—охулки на руку не положите.

— Знаемъ мы васъ, скромниковъ! Не даромъ говорятъ: въ тихомъ омутѣ черти... Ха-ха!.. милѣйшій! Ну... прощайте... Счастливаго пути... Не забывайте насъ, грѣшныхъ.

Полиціймейстеръ уже слышалъ, что графъ Воронцовъ принимаетъ въ немъ особенное участіе... такъ, по-крайней-мѣрѣ, писали о немъ лица, близко къ нему стоящія. Елатомскій же, у котораго ни о какихъ такихъ письмахъ даже и подозрѣнія не было, наивно удивился любезности полковника и подумалъ не безъ горечи: «вотъ, онъ бы остался, да еще бы и хвастался!»

— А были вы на похоронахъ у Сашина, — спросилъ впереди его одинъ молодой человѣкъ другого.—Говорятъ, что Елатомскій убилъ его... Правда?

Digitized by Google

— Нѣтъ, онъ... того... гм...—началъ бурчать другой, уходя и помахивая хлыстикомъ.

Елатомскій пріостановился и поглядѣлъ на небо... Яркая звѣздочка, какъ глазъ влюбленной Зои, заглянула въ нему въ душу, и широкая тѣнь Сашина, влюбленнаго въ Зою, пронеслась передъ нимъ въ синемъ воздухѣ.

— Пойдемте, Олафьевъ. Завтра я пораньше переберусь на пароходъ, чтобъ ни съ кѣмъ не встрѣчаться... Дешевый городъ Одесса, да воздухъ его должно быть такой, что такіе непрактическіе люди, какъ я, не могутъ дышать имъ безнаказанно!

XVI.

На другой день, пароходъ «Тамань» въ 11 часамъ утра разводилъ пары свои.

На пристани, на палубѣ, и на ютѣ, подъ раскинутымъ тентомъ, уже сновала разнокалиберная публика: отъѣзжающіе и провожающіе, старики, дамы, дѣти, купцы, франты и носильщики. Въ раскрытый трюмъ, съ помощью скрипучаго блока, опускались и размѣщались ящики изъ досокъ съ клеймами, ящики съ дамскими платьями, похожіе на гроба, чемоданы и чемоданчики. Словомъ, была толкотня и говоръ.

Только подъ раскинутымъ тентомъ, на широкой, неподвижной скамьѣ, задомъ къ буткѣ или тому возвышенію, подъ которымъ спускается лѣстница въ каюты, и лицомъ къ рулевому колесу, ясная, невозмутимо-покоющаяся въ сіяніи собственной красоты своей, сидѣла княгиня Корси. Уже знакомые ей—лейтенантъ и другіе, служащіе на пароходѣ и даже нѣкоторые изъ юныхъ пассажировъ, услуживали ей какъ царицѣ; кто подвигалъ къ ногамъ ея скамеечку, кто подчивалъ шоколадомъ и бисквитами, кто упрашивалъ ее ѣхать хоть до Севастополя и, казалось, княгиня была весела и довольна судьбой своей. Слѣды безсонной ночи едва были видны на томномъ лицѣ ея; голубыя тѣни подъ глазами еще болѣе придавали имъ блеска и той ласковости, которая поселяла надежду и жажду цѣловать ей нѣжныя ручки, какъ-бы самимъ Господомъ Богомъ созданныя для того только, чтобы ласковое прикосновеніе ихъ напоминало рай.

Но вопросъ: зачѣмъ она пріѣхала? Неужели для того, чтобъ проводить Елатомскаго, который такъ оскорбилъ ее? — Ну да, именно для того, чтобы проводить его, пожелать ему счастливаго пути и пожать ему руку; а то, чего добраго, этотъ юноша еще

Digitized by Google

вообразить себѣ, что она страдаетъ по немъ, плачетъ и не можетъ утѣшиться, какъ Калипсо, qui ne pouvait se consoler du départ d'Ulisse. Нѣтъ, такой смѣшной она не хочетъ быть въ глазахъ его! Довольно того, что вчера до полуночи она рвалась и металась, точно въ самое сердце ядовитый скорпіонъ ужалилъ ее.

Къ утру она была уже такъ спокойна, что даже похвалила Елатомскаго за то, что онъ не повѣрилъ ей.

По этому одному легко догадаться, что могла бы она совершить, если бы еще на цѣлую недѣлю остался съ ней Елатомскій. Онъ вовсе не былъ человѣкомъ сильной воли и несокрушимаго характера, а она?—вся жизнь ея съ 17 лѣтъ была рядомъ романическихъ эпизодовъ и торжествующаго женскаго властолюбія. Что значили передъ ней тогдашніе Печорины? Развѣ сердца, которыя умѣла она разбивать или мучить, похожи были на сердечко княжны Мери или на сердечко полудикой, неопытной Бэлы, для которой великосвѣтскій герой показался лучше, богаче и умнѣе оборваннаго черкеса.

Останься Елатомскій, и еще Богъ вѣдаетъ, была ли бы она съ нимъ: развѣ она не могла бы сказать ему: о! я люблю васъ, очень люблю, но вы меня не поняли. Я васъ такъ высоко цѣню, такъ высоко вы стоите въ моихъ глазахъ, что я не хочу на такое короткое время быть вашей любовницей. Фи! роль жалкаго любовника предоставьте другимъ, Елатомскій! Много пошлаго и жалкаго въ этой роли — явнаго прислужника днемъ и тайнаго обладателя!

Не даромъ сама княгиня, проснувшись утромъ, подумала: «нѣтъ! хорошо ты сдѣлалъ, Елатомскій! то-ли дѣло море, горы, даже бури и опасности!»

Но не странно-ли! уже пробило два звонка, уже слышался жестяной, рѣзко-повторяющійся машинный стукъ поднимаемаго со дна тяжелаго якоря; уже пары просились наружу и съ потрясающимъ гуломъ вырывались всякій разъ, когда открывался клапанъ; уже шесть минутъ, всего шесть минутъ осталось до отплытія, а Елатомскаго все нѣтъ какъ нѣтъ! не было его ни на ютѣ, ни на палубѣ, ни на пристани—нигдѣ!

Напрасно княгиня, вставъ съ мѣста и оборачиваясь, искала его глазами, потомъ на минуту сошла въ общую каюту и опять поднялась на палубу, — напрасно: Елатомскаго и слѣда нигдѣ не было.

«Неужели онъ остался въ Одессѣ!» — подумала она, переходя по мосткамъ съ парохода на пристань (и только-что перешла

Digitized by Google

она, какъ уже эти мостки, наверкая, поѣхали назадъ и тотчасъ же были убраны). Ясно, что съ парохода сошла она послѣднею, и что уже никто не войдетъ на палубу.

«Неужели ради меня онъ остался!» еще разъ подумала княгиня Аделаида, садясь въ экипажъ, и распуская зонтикъ свой, улыбнулась.

Закрывшись отъ солнца, она уже соображала, какъ она его встрѣтитъ и какъ она съ нимъ поведетъ себя.

— Вы меня помучили вчера, г. Елатомскій,—теперь берегитесь!

Олафьевъ давно уже былъ на ютѣ и, прикрывшись легкимъ пледомъ, сидѣлъ неподвижно; онъ казался спокойнымъ, совершенно равнодушнымъ къ толпѣ, и только одна княгиня въ нѣкоторой степени возбудила его вниманіе, такъ какъ она при немъ спросила у капитана: не знаетъ ли онъ Елатомскаго?.. и когда тотъ отвѣчалъ ей, что не знаетъ—поглядѣла на пристань.

Пароходъ уже зашумѣлъ своими колесами, и, вспѣнивъ воду, двинулся въ путь; на ютѣ и палубѣ все уже приходило въ обычный порядокъ. Общество раздѣлилось на группы; ютъ, который похожъ былъ на базаръ, превратился въ салонъ комфортабельной гостинницы, съ расхаживающими кавалерами, облокотившимися на бортъ блѣдноликими дѣвицами и съёжившимися въ креслахъ почтенными старушками; уже Одесса опускала въ синія волны нижнія ступеньки своей колоссальной лѣстницы; уже пароходные повара рѣзали куръ и готовили завтракъ, а капитанъ-лейтенантъ и мичманъ стояли наверху между двумя кожухами и изрѣдка слышался свистокъ команды ихъ, заглушаемый шумомъ воды и морского вѣтра.

Но куда же дѣвался Елатомскій?

Безъ всякаго умысла, онъ обманулъ княгиню своимъ отсутствіемъ; онъ даже и вообразить себѣ не могъ, что эта женщина явится провожать его.

Послѣ двухъ-трехъ ночей безсонницы и всякихъ нравственныхъ треволненій, онъ, просто на-просто, часа за полтора до 11-ти забрался на пароходъ, сдалъ свой багажъ, спросилъ, гдѣ его каюта, снялъ съ себя дорожный мѣшочекъ, взлѣзъ на верхнюю койку, подложилъ себѣ подъ голову подушку, накрылся пледомъ и подумалъ: еще полтора часа до отхода и въ эти полтора часа я еще успѣю выспаться. Засимъ онъ, едва прилегъ, заснулъ какъ убитый.

Олафьевъ, отыскивая себѣ помѣщеніе и случайно отодвинувъ

Digitized by Google

дверь каюты подъ № 4, нашелъ Елатомскаго спящимъ, и не захотѣлъ будить его. И хорошо сдѣлалъ.

Елатомскій, не слыхалъ ни стукотни погъ, ни свиста паровъ, ни шума колесъ, ни звяканья въ буфетѣ, проспалъ завтракъ и проснулся къ обѣду... въ 4 часа пополудни.

«А! мы уже двинулись въ путь»,—подумалъ онъ,—«наконецъ-то! Теперь, что хотите говорите... хоть увѣряйте, что я убилъ Сашина или что я хочу государственный порядокъ разрушить—не боюсь...»

Онъ живо привелъ въ порядокъ костюмъ свой, поглядѣлъ въ зеркальце, причесался, надѣлъ полотняный картузъ и вышелъ.

Въ общей каютѣ уже накрывали два стола, вокругъ которыхъ хлопотали оффиціанты.

Чувствуя волчій аппетитъ, Елатомскій спросилъ у буфетчика:

— Что это—завтракъ?

— Завтракъ былъ въ 1 часъ — это обѣдъ,—отвѣчалъ тотъ съ досадой на странный вопросъ.

— Да который же часъ теперь?

— Пятый.

— Эге!..—удивился Елатомскій.

XVII.

Елатомскій въ первый разъ былъ на пароходѣ среди открытаго моря, и то поэтическое чувство, которое охватило его ночью, когда онъ впервые подъѣзжалъ къ Одессѣ и сойдя съ жидовской таратайки впервые услыхалъ шумъ Чернаго моря, снова на нѣсколько часовъ овладѣло существомъ его. И какъ тогда, среди пустыни, онъ былъ радъ, что пріѣхалъ, такъ и теперь онъ былъ радъ, что уѣхалъ.

Неизвѣстность будущаго иногда такъ заманчива въ годы нашей юности, не лишенной воображенья, что нерѣдко порыванье впередъ скоро заставляетъ забывать насъ покинутое нами прошлое, и ничто такъ не залечиваетъ ранъ, нанесенныхъ сердцу, какъ это *„смутное влеченье чего-то жаждущей души“*.

Это чувство, конечно, не мѣшало Елатомскому сойтись съ пароходнымъ обществомъ и перезнакомиться съ моряками-офицерами.

Былъ уже вечеръ. Солнце закатилось. Море потемнѣло. Надъ блѣдной полосой зари засвѣтилась звѣздочка...

Digitized by Google

— Гм! Странно! — усмѣхнулся Олафьевъ, сидя рядомъ съ Елатомскимъ и вытянувъ ноги.

— Что странно?

— Вонъ тамъ, на носу — стояла какая-то дѣвушка — и мнѣ показалась — точно Зоя. Сходство удивительное.

— Что вы! Неужели?.. Я сейчасъ пойду поглядѣть... Неужели такое сходство!

И, завернувшись въ плэдъ, онъ отправился. Но на-носу, въ сумеркахъ, два купчика играли въ шашки, стояла какая-то мѣщанка съ ребенкомъ, матросъ чистилъ золой что-то мѣдное. Черномазая дѣвочка, лѣтъ четырнадцати, сидѣла на тумбочкѣ и доѣдала булку.

«Неужели эта черномазая показалась ему похожею на Зою?» подумалъ Елатомскій и пошелъ обратно.

Въ проходѣ остановился онъ надъ отверстіемъ, гдѣ помѣщалась машина, гдѣ качались два какихъ-то цилиндра, впуская и выпуская изъ себя толстые, стальные поршни. И долго смотрѣлъ онъ на дно этого громаднаго желѣзнаго ящика и слушалъ, какъ тамъ что-то сипѣло, шаркало и глухо гудѣло... По временамъ отворяли печь, и какъ изъ ада выходила ярко-красная полоса свѣта, окрашивая заревомъ какія-то человѣческія фигуры, сгребающія каменный уголь, лѣстницы и стальныя части могущественной машины, съ качающимися цилиндрами и двигающимися поршнями.

Елатомскій и послѣ ужина не пошелъ спать. Онъ только уложилъ друга своего Олафьева; у него отъ легкой качки стала кружиться голова и онъ боялся морской болѣзни.

Къ счастію, Елатомскій выносилъ эту легкую качку... по крайней мѣрѣ онъ бодрился, ходилъ широкими шагами по опустѣвшему юту, взлѣзалъ на подмостки, соединявшіе два кожуха, курилъ, и, казалось, былъ очень доволенъ.

Почему бы,—думалъ онъ,—не поступить мнѣ во флотъ или не поѣхать куда-нибудь въ кругосвѣтное плаваніе? — Не во сто ли разъ это лучше, чѣмъ сидѣть въ канцеляріи и корпѣть надъ бумагами, надъ какими-то дѣлами... И какъ это глупо, какъ глупо!—слишкомъ 5000 лѣтъ, какъ помнитъ себя человѣчество, а не только не можетъ обойтись безъ бумажныхъ дѣлъ, напротивъ—чѣмъ больше живетъ, тѣмъ больше съ этими дѣлами возится! тѣмъ больше въ нихъ нуждается, — существовать безъ нихъ не можетъ!—Глупо!

Былъ уже двѣнадцатый часъ ночи, когда онъ, ни о чемъ

Digitized by Google

не думая, или Богъ знаетъ о чемъ думая,—отправился на носъ парохода.

Ему, впрочемъ, почему-то почудилось, что носъ парохода не имѣетъ боковой качки, что онъ только поднимается и опускается, и что, стало быть, тамъ его не закачаетъ.

Вотъ уже переступилъ онъ якорную цѣпь, чуть не наступилъ на спящаго мужичка, подмостившаго себѣ подъ-голову какой-то мѣшечекъ, и оглянулся...

Дрогнуло его сердце — вдругъ увидѣлъ онъ тѣнь дѣвушки, стоящей къ нему спиной, обѣими руками облокотившейся на бортъ. Ночной, свѣжій вѣтеръ шевелилъ ея волосы, на шеѣ висѣлъ черный платокъ, съѣхавшій съ головы и на груди удерживаемый пальцами, которые, очевидно, прятались въ его складкахъ.

«Ужъ не та ли, похожая на Зою?» подумалъ Елатомскій,— подошелъ къ тому же борту, также облокотился и заглянулъ ей въ профиль, освѣщенный мѣсяцемъ.

Дѣвушка быстро оглянулась на него, вздрогнула всѣмъ тѣломъ, и, опустивъ голову, тихо заплакала, — рука ея поднялась къ глазамъ; легкій платокъ превратился въ парусъ и съѣхалъ еще ниже на спину.

— Зоя?! — тихо произнесъ Елатомскій, все еще неувѣренный, но уже блѣдный отъ тисковъ, которыми сжалось его сердце.

— Я не съ вами.... я... я... одна...—пролепетала дѣвушка.

— Какъ... вы?.. это вы... Зоя!

Зоя обернула къ нему заплаканное лицо свое, но не только не бросилась обнимать его—не протянула ему даже руки своей.

— Не думайте... Елатомскій... ничего дурного. Не думайте, что я бѣжала или ушла изъ дому безъ позволенія матери. Мать сама благословила меня, сама первая сказала мнѣ—поѣзжай — тебѣ теперь уже нельзя оставаться въ Одессѣ, не только чужіе клеймятъ и позорятъ, самъ отецъ гонитъ тебя изъ дому. Уѣзжай въ Тифлисъ, — сказала мнѣ мать.... Тамъ поступи гдѣ-нибудь... мѣсто гувернантки или няни себѣ найди... Елатомскій о тебѣ похлопочетъ... Но если бы вы знали, какъ мнѣ было горько, какъ было страшно. Ахъ, если бы потонуть!

Молча выслушалъ ее Елатомскій и, отыскавъ подъ складками развѣвающагося платка ея холодную руку, пожалъ ее...

— Разумѣется... я все готовъ для васъ... все, все. Располагайте мной. Въ Тифлисѣ есть хорошіе люди, и они примутъ въ васъ самое искреннее участіе. Не плачьте, Зоя!

Digitized by Google

— Не думайте, Елатомскій, что я хочу стѣснять васъ или насильно навязываюсь вамъ на шею... Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Правда, я безумно люблю васъ... но... нѣтъ, нѣтъ... Прочтите вотъ это письмецо, которое я взяла съ собой, чтобы вамъ показать его.

— Чье письмецо?..

— Письмо моего папá. Прочтите и подумайте, могла ли бы я остаться въ Одессѣ?

— Я сейчасъ пойду и гдѣ-нибудь у лампы прочту его. Вы не уйдете? Вы дождетесь меня, Зоя?

Зоя въ отвѣтъ только пожала ему руку, и Елатомскій ушелъ отыскивать свѣта, чтобы прочесть это—уже извѣстное намъ посланіе Трофима Евлампіевича, въ которомъ онъ изъявлялъ свое желаніе не застать Зою у себя въ домѣ, такъ какъ онъ и видѣть ее не хочетъ.

У Елатомскаго дрожали руки, когда, развернувъ это письмо, онъ сталъ читать его въ общей каютѣ 1-го класса, среди спящихъ пассажировъ, загнутыхъ вверхъ локтей, бѣлыхъ колпаковъ и байковыхъ одѣялъ, — при свѣтѣ лампы, которая одна, какъ отвѣсъ, казалась неподвижной, тогда какъ все кругомъ качалось и двигалось.

— О, мерзавецъ!—прочитавъ письмо, про себя проворчалъ вспыльчивый Елатомскій:—толкаетъ самъ дочь свою въ пропасть...

И хватаясь руками за перила и за стѣны, опять поднялся онъ вверхъ по чугунной лѣстницѣ и, разставляя ноги, чтобъ не упасть, и шагая черезъ протянутыя ноги спящихъ, Елатомскій благополучно добрался до корабельнаго носа и молча Зоѣ воротилъ письмо ея.

Онъ не хотѣлъ при дочери ругать отца и молчалъ.

Зоя, тоже молча, разорвала отцовское письмо и черезъ бортъ бросила его въ море.

Видно и ей не хотѣлось, чтобы оно когда-нибудь, кому-нибудь попалось на глаза. Только другъ, единственный другъ ея, Елатомскій, могъ прочесть его и оцѣнить по достоинству.

— Хорошо, что вы ушли, — началъ Елатомскій,—что бы ожидало васъ, если бы вы остались! Но, милая Зоя, не лучше ли вамъ будетъ въ 1-мъ классѣ? Неужели здѣсь покойно вамъ? Пойдемте, я хочу посмотрѣть, гдѣ вы здѣсь помѣстились. — Зоя взяла за-руку Елатомскаго и по витой чугунной лѣстницѣ спустилась съ нимъ къ буфету второго класса. Съ нижней ступеньки заглянули они въ общую столовую и при свѣтѣ лампы увидѣли тамъ у стола какого-то толстяка съ краснымъ лоснящимся лицомъ, который, наливъ себѣ кружку пива, подносилъ

Digitized by Google

ее къ жирнымъ губамъ своимъ. Онъ былъ въ однихъ брюкахъ и въ бисерныхъ помочахъ, сверхъ рубашки, съ разстегнутымъ воротомъ.

— Вернемтесь, — сказалъ Елатомскій, и тотчасъ же свѣжій ночной вѣтеръ снова пахнулъ имъ въ лицо и заволновалъ платокъ, которымъ Зоя покрыла свою голову.

Она оглянулась. Дымъ отъ пароходной трубы тянулся влѣво отъ кормы, и красныя искры змѣйками вились въ синемъ воздухѣ ночи.

А передъ ними мѣсяцъ выплывалъ изъ тучки, полосовалъ даль моря, озарялъ блѣдное личико Зои и цѣлую кучу рабочихъ, спящихъ на палубѣ.

— Переходите въ 1-й классъ, тамъ вамъ будетъ покойнѣе, — настаивалъ Елатомскій.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что, Владиміръ Григорьевичъ, ни за что, ни за что! Мнѣ и здѣсь спокойно, даже лучше, чѣмъ у меня дома за ширмами. Я знаю, что вы со мной, что вы недалеко—и—приходи буря, не испугаюсь.

— Не простудитесь, — сказалъ Елатомскій и закрылъ ея плечики одной половинкой своего большого сѣраго пледа. Такимъ образомъ, оба они очутились въ одномъ и томъ же пледѣ, оба, тѣснясь другъ къ другу, сѣли на деревянную рѣшетку и стали разговаривать.

Елатомскій понялъ наконецъ, почему Зоя упрямится и боится перваго класса. Она можетъ встрѣтить тамъ знакомыхъ или такихъ, которые могутъ узнать ее. Ея отецъ все еще на южномъ берегу Крыма, стало быть, можетъ случайно пронюхать о бѣгствѣ дочери и сдѣлать скандалъ, вообразитъ, что она увезена Елатомскимъ и наговоритъ ему при всѣхъ кучу непріятностей.

Елатомскій понялъ, что Зоя права, что она не только права —умница!—и что онъ глупъ, потому-что ничего такого заранѣе и сообразить не могъ. Выслушавъ Зою, онъ тотчасъ же далъ ей совѣтъ, чтобъ она не выходила изъ женской каюты,—ни въ Севастополѣ, ни въ Ялтѣ... и оба рѣшили, что до Ялты они будутъ какъ можно рѣже видѣться, чтобы никому не дать ни малѣйшаго подозрѣнія.

О любви не было говорено ни слова, но она слышалась въ трепетѣ ея голоса и въ пожатіяхъ руки его.

Никогда еще Елатомскій не былъ такъ беззавѣтно счастливъ, какъ въ эту вѣтренную ночь, возлѣ цѣпей и подтянутаго якоря.

— Пора, вы устали,—сказала Зоя.

Digitized by Google

— Возьмите съ собой мой плэдъ и закутайте имъ ваши ноги... Мнѣ не холодно... а завтра я зайду за нимъ.

На прощанье они поцѣловались, такъ, какъ будто всю жизнь свою цѣловались, какъ-будто безъ этого поцѣлуя было бы и дико и неестественно разстаться имъ.

Елатомскій былъ среди другой обстановки, и среди другой обстановки видѣлъ Зою. Ничто не напоминало ему окружающей пошлости... Онъ дышалъ другимъ воздухомъ и иначе, совершенно иначе была настроена самолюбивая, чуткая къ мелочамъ жизни душа его.

Много значитъ въ жизни обстановка. Мѣняясь,—она не мѣняетъ характеровъ, но можетъ вызывать то лучшія, то худшія ихъ стороны. Что же мудренаго, что на этотъ разъ Елатомскій былъ самимъ собою—жилъ минутой настоящаго, радъ былъ, что отдѣлался отъ прошлаго, и въ эту ночь не думалъ о будущемъ.

XVIII.

Въ Севастопольской гавани, Елатомскій вмѣстѣ съ Олафьевымъ съѣзжали на пристань, ходили по-городу, заходили въ морскую библіотеку и съ ея балкона любовались заливомъ, стопушечными кораблями, и тѣми твердынями, которыя еще были грозны и казались несокрушимыми.

Въ Ялтѣ оправдались опасенія Зои. Тамъ, минутъ за двадцать до отплытія парохода, на его палубѣ появился Меркуличъ, одѣтый совершеннымъ помѣщикомъ, въ коричневомъ пиджакѣ и съ такимъ же коричневымъ отъ загара, ястребинымъ лицомъ.

Онъ былъ говорливъ и веселъ, но когда увидѣлъ Елатомскаго, сидящаго близъ рулевого колеса на приступочкѣ,—очень изумился, слегка раскрылъ ротъ и захлопалъ глазами.

Съ минуту колебался онъ, подойти ли ему къ этому юношѣ или не подходить... Но любопытство взяло верхъ—и онъ подошелъ къ нему... Елатомскій въ эту минуту смотрѣлъ на величавую панораму лѣсистыхъ горъ съ облакомъ, которое висѣло на ихъ каменныхъ зубцахъ въ видѣ оборваннаго вуаля,—и притворился, что не замѣчаетъ Меркулича.

— Вы куда?..—рѣшился заговорить Меркуличъ.

Мысль о Зоѣ въ эту минуту шевелилась въ мозгу его и подталкивала его на то, чтобъ поразспросить этого ловкаго малаго, который соблазнилъ дочь его.

Digitized by Google

— Ба! это вы, Трофимъ Евлампіевичъ? Не ожидалъ—давно вы въ Крыму?

— Да уже и домой собираюсь... А вы развѣ не знали, что я въ Крыму?

— Не зналъ...

— Мѣсто получили? А?

— Ѣду на службу, состоять при намѣстникѣ.

— Какъ—состоять при намѣстникѣ!—изумился Меркуличъ.

— Да такъ...

Меркуличъ поглядѣлъ на него и пожалъ плечами.

«Чудеса!» выражало собою это пожатіе плечъ да и вся его физіономія.

Елатомскій поглядѣлъ на него и не утерпѣлъ, чтобъ не усмѣхнуться—онъ понялъ, что Меркуличъ Богъ знаетъ что вообразилъ себѣ при его фразѣ—«состоять при намѣстникѣ», и не вѣрилъ его такому, не совсѣмъ обыкновенному, счастію...

— Это немножко выгоднѣе, чѣмъ состоять при Хавазовѣ...—присовокупилъ, какъ-бы разсуждая съ самимъ собою, Елатомскій.

— Да ужъ это, конечно, что выгоднѣе,—выпячивая животъ и закладывая руки за спину, проговорилъ Меркуличъ.

— А что Зоя?..—сморщивъ переносицу и сдвинувъ брови, точно какъ-будто разсуждая съ самимъ собою, спросилъ Меркуличъ.

— А не знаю,... я передъ отъѣздомъ не видѣлъ ее.

— Не видѣли?

— Не видѣлъ.

— Такъ и не попрощались?

— Къ сожалѣнію, да... Слышалъ я, будто Вѣра Георгіевна и Зоя, услыхавши, что я боленъ—а у меня была горячка и я былъ безъ памяти—заходили узнавать о моемъ здоровьѣ; но—я не видѣлъ ихъ. Затѣмъ, разумѣется, когда я выздоровѣлъ, я благодарилъ ихъ письменно; но зачѣмъ же непремѣнно прощаться—что общаго между мной и вашей дочерью?

«Экъ я вру!» подумалъ про себя Елатомскій.

«Выведу же я его на чистую воду», подумалъ про себя Меркуличъ.

— А какъ вы думаете—мнѣ, какъ ея отцу, ея батькѣ, такъ-сказать,—слѣдуетъ или не слѣдуетъ знать, зачѣмъ это дочь моя, какъ я слышалъ, къ вамъ ходить повадилась?!.. что тутъ было между вами общаго?

— Это вы слышали?

— Слышалъ.

Digitized by Google

— Ну, такъ плюньте вы въ глаза тому негодяю, который вамъ это сказалъ.

Меркуличъ опѣшилъ... Елатомскій же глядѣлъ ему прямо въ глаза, безъ малѣйшаго смущенія...

— Объ этомъ говоритъ вся Одесса, сударь вы мой!

— Ну, не даромъ же я уѣхалъ, если такъ. Не только вся Одесса—говори это вся Русь святая—такъ я и ей скажу: ври, ври, да знай-же мѣру и не клевещи даромъ на невинную дѣвушку... Вотъ Сашинъ, тотъ тоже вздумалъ-было подозрѣвать—и Господь Богъ покаралъ его.

— Какъ покаралъ?

— Да такъ—упалъ и умеръ.

— Сашинъ умеръ!

— Да... умеръ ударомъ... Третьяго-дня были похороны, кажется, третьяго-дня... да... третьяго-дня... Но... если вы съ нами на Кавказъ, я сообщу вамъ подробности...

— Какъ! я не на Кавказъ...

— Ну, такъ прощайте—пароходъ отходитъ.

Меркуличъ заторопился. Елатомскій первый на прощанье протянулъ ему руку и для того, чтобы скорѣе отъ него отдѣлаться, и оттого, что былъ собою доволенъ, доволенъ тѣмъ, что озадачилъ негодяя, хоть и прилгалъ ему насчетъ своей закавказской службы, и оттого, наконецъ, что у Елатомскаго негодованіе никогда не переходило въ настоящую ненависть: это были вспышки его молодого, еще студенческаго сердца, о которыхъ онъ легко забывалъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Къ тому же, Меркуличъ, выгнавъ Зою изъ дому, помогъ ему провести такую незабвенную ночь подъ однимъ съ нею пледомъ, на вольномъ вѣтру, среди неукротимаго моря... Уже за одно это можно было протянуть руку Меркуличу.

Меркуличъ посмотрѣлъ на свои часы, сошелъ на палубу, тамъ встрѣтилъ какого-то господина съ дамой, простился съ ними, сошелъ въ яликъ—послѣдній, отходящій отъ парохода на пристань—и совершенно въ другомъ настроеніи духа вышелъ на ялтинскій берегъ. Онъ былъ мраченъ, на что-то сердился и нѣчто пугливое мелькало въ глазахъ его.

«А что, если эта дѣвка и въ самомъ дѣлѣ ни въ чемъ не виновата!.. Такъ только, побаловалась, пококетничала... всѣ онѣ таковы,—ужъ такая натура ихъ дурацкая».

И мысль,—что сдѣлаетъ жена, и что подумаетъ Зоя, когда получатъ онѣ ошеломляющее письмо его, стала его не шутя безпокоить.

Digitized by Google

На «Таманѣ» зашипѣлъ паръ и колеса двинулись. «Тамань» пошелъ на Ѳеодосію и Керчь.

— Ну, слава Богу!—съ облегченнымъ сердцемъ вздохнулъ Елатомскій.

Тотчасъ же побѣжалъ онъ къ Зоѣ во второй классъ, вывелъ ее изъ-подъ люковъ и духоты на свѣжій воздухъ и, стоя съ нею рядомъ, восторженно любовался красотой южнаго берега, мимо котораго они плыли, среди совершенно голубыхъ волнъ и, какъ жемчугъ, смѣшанный съ брилліантами, разсыпающейся пѣны.

Немногіе могутъ наслаждаться природою въ одиночествѣ — иногда это довольно грустно. Но Елатомскій былъ уже не одинъ, ему было весело—онъ не думалъ о будущемъ.

XIX.

Подоблачные лѣса и морщинистыя скалы ушли назадъ, позеленѣла бирюзовая голубизна воды, приближались безконечные покатые холмы, окружающіе Ѳеодосію, съ цѣлымъ рядомъ неуклюжихъ вѣтренныхъ мельницъ, съ ихъ вершинъ махающихъ своими крыльями. Пароходъ остановился въ Ѳеодосійскомъ заливѣ саженяхъ въ ста отъ купаленъ, къ которымъ шли длинные съ берега подмостки, и въ виду купающихся особъ обоего пола. Елатомскій, Олафьевъ и Зоя переправились на берегъ, и такъ какъ пароходъ остановился на цѣлыхъ полтора часа по крайней мѣрѣ, Елатомскій пошелъ купаться, а Олафьевъ и Зоя прошлись по городу, видѣли домъ Айвазовскаго и усѣлись на бульварчикѣ, который тянулся у самаго берега и заканчивался какой-то древней, безымянной развалиной.

Елатомскій еще на пароходѣ познакомилъ Олафьева съ Зоей (такъ какъ Зоя, по его настоянію, перешла въ дамскую каюту перваго класса) и даже шепнулъ своему пріятелю: пожалуйста, строй ей куры, а то всѣ замѣтятъ, что я влюбленъ въ нее. Зоя не была свѣтской дѣвушкой, и это тотчасъ же всѣ замѣтили, когда въ первый разъ вошла она на *ют* (возвышенное пространство между кормой и нижней палубой), вошла робко, ни на кого не глядя, и какъ-бы не рѣшаясь въ какую сторону направить ей шаги свои (смѣлыя въ любви, рѣдко бываютъ смѣлы въ обществѣ). Красота ея, въ особенности глаза, тотчасъ обратили на нее всеобщее вниманіе. Одна фешенебельная старушка въ сѣдыхъ локонахъ поглядѣла на нее въ лорнетъ. Одна молодая дама

Digitized by Google

очистила ей около себя мѣстечко. Молодые люди переглянулись. Олафьевъ покраснѣлъ.

Оставшись съ ней на-единѣ, Олафьевъ подумалъ: «ну, теперь буду ей куры строить», и началъ съ вопроса:

— Вы, кажется, вмѣстѣ съ нами въ Тифлисъ ѣдете?

— Въ Тифлисъ.

— Гм! Вы никогда не были на южномъ берегу?

— Никогда-съ... никогда не была.

— Гм! Вы меня узнали?

— Да, я узнала васъ... вы товарищъ Владиміра Григорьевича.

— А помните, что́ вы сказали мнѣ?

— Не помню...

Олафьевъ усмѣхнулся.

— А я помню. Вы мнѣ сказали, что если я люблю Елатомскаго, то...

— То я очень благодарна вамъ. Это?

Олафьевъ помолчалъ, не переставая ухмыляться, и снова началъ.

— Нѣтъ, вы не то мнѣ сказали!

— Не помню. Онъ былъ такъ боленъ а я такъ была разстроена... ничего сообразить не могла...

— Гм! оттого-то я и повѣрилъ вамъ.

— Отчего?

— Не соображали, значитъ говорили то, что́ думали.

Зоя стала припоминать что̀ такое она ему сказала... и ничего не припомнила.

— Я и не отрекаюсь отъ своихъ словъ. Знаете, есть минуты, когда бы и хотѣлось притвориться... и никакъ! Легче солгать, чѣмъ притвориться... но я все-таки не помню...

— А вы умѣете лгать?

— О! это я умѣю!—весело произнесла Зоя и веселыми глазами поглядѣла на этого чудака, который сидѣлъ около нея и то посматривалъ на море, то себѣ на кончики сапоговъ, и ни разу не взглянулъ на свою собесѣдницу.

И Олафьевъ погрузился въ задумчивость, можетъ быть, мысленно рѣшалъ задачу: умѣетъ ли лгать эта семнадцатилѣтняя, маленькая дѣвушка или не умѣетъ? и если умѣетъ, то ясно, что всѣ женщины насквозь пропитаны ложью,—таковъ неизбѣжный законъ природы... «Всѣ люди смертны,—Кай человѣкъ, значитъ, и онъ смертенъ». Всѣ женщины лгутъ, Зоя такая же женщина, стало быть, и она такая же лгунья. Положимъ, она лгать не умѣетъ, но она говоритъ, что *умѣетъ*, значитъ—лжетъ.

Зоя съ нетерпѣніемъ стала дожидаться Елатомскаго и, зави-

Digitized by Google

дѣвъ его выходящимъ изъ купальни, встала и пошла къ нему на-встрѣчу. Олафьевъ посмотрѣлъ на часы и тоже всталъ.

Черезъ полчаса они были уже на пароходѣ, и пока оффиціанты накрывали столы къ обѣду—раздался свистокъ, зашипѣли пары, заклокотала пѣна—и пароходъ двинулся по направленію къ Керчи.

XX.

Кто въ ясную погоду видѣлъ съ палубы, на разстояніи 10—20 верстъ, панораму Кавказскихъ горъ, вѣнчанныхъ льдомъ и снѣгами, тотъ, конечно, пойметъ какими глазами на эту колоссальную картину, на цѣлый рядъ пронизывающихъ облака вершинъ смотрѣли пассажиры «Тамани», а въ томъ числѣ и Елатомскій и Зоя, которые никогда отъ роду не видали ничего подобнаго. А кто никогда не былъ на Черномъ морѣ и никогда не видалъ Кавказа, тотъ все-равно не пойметъ восторга ихъ.

Какъ бы ни было мало человѣческое общество, въ немъ такъ или иначе непремѣнно отразятся нравы и недостатки, привычки и взгляды всякаго, самаго большого человѣческаго общества. Началось съ того, что Зоя стала предметомъ ухаживанья и волокитства, не потому, чтобъ всѣ въ нее влюблялись, а просто потому, что молодымъ людямъ нечего было дѣлать—они скучали, и очень были рады, что у Зои глаза такіе великолѣпные, и такой красивый профиль и такія свѣжія губки, что смотрѣть пріятно, а говорить комплименты и заставлять краснѣть — еще пріятнѣе.

Елатомскому не на долго удалось прикидываться совершенно равнодушнымъ къ ней. Къ нему пристали: — помилуйте, говорили ему, какъ вамъ не грѣхъ! сами волочитесь, а намъ не даете. Мы вамъ не мѣшаемъ, пожалуйста, пожалуйста и вы не мѣшайте намъ.

Въ женской каютѣ скоро узнали ея фамилію, узнали, что она дочь человѣка, который въ Крыму скупаетъ виноградники, стало быть человѣка богатаго; съ какой же стати ѣхать ей одной въ Тифлисъ, да еще искать мѣста гувернантки! Нѣтъ, что-нибудь да не такъ! Этотъ молодой человѣкъ съ карими глазами и въ сѣромъ пледѣ что-то ужъ черезъ-чуръ интименъ съ ней—подойдетъ, скажетъ ей два-три слова и тотчасъ же отойдетъ. Нѣтъ, это что-нибудь да значитъ!

И такимъ образомъ Зоя и въ маленькомъ пароходномъ обществѣ не избѣжала догадокъ, сплетенъ и предположеній.

Digitized by Google

Къ счастью Зои, одна молодая дамочка, какая-то Марья Ивановна Баталина, ѣхавшая на Кавказъ къ мужу, приняла въ ней искреннее участіе, и настолько симпатично, тепло и заботливо относилась къ ней, что Зоя подчинилась ея внушеніямъ и никогда не оставалась на палубѣ позднѣе другихъ дамъ, иногда уходила вмѣстѣ съ Марьей Ивановной, т.-е. раньше другихъ, и такимъ образомъ, на ночь, послѣ 11 часовъ, къ немалому удовольствію Елатомскаго, съ носомъ оставляла волокить и добрыхъ малыхъ. Елатомскій же, волей-неволей, долженъ былъ не только выслушивать разныя на ея счетъ замѣчанія, но не смѣлъ явно заступиться, когда его увѣряли, что Зоя съ тѣмъ и ѣдетъ на Кавказъ, чтобы поймать себѣ женишка, такъ какъ холостыхъ офицеровъ тамъ великое множество, а русскихъ женщинъ мало; или что Зоя не изъ числа недоступныхъ, и что ничего нѣтъ легче, какъ поймать ее въ сѣть, какъ рыбку, на медленномъ огнѣ поджарить, и сдѣлать еще вкуснѣе.

— А можетъ быть подавитесь,—возражалъ Елатомскій.

— Только дѣти давятся — отвѣчали ему... — А что вы не равнодушны къ ней, и что у васъ есть какіе-то шуры-муры, такъ это мы видимъ... Шила въ мѣшкѣ не утаишь.

— Какіе тутъ шуры-муры! Меня просто еще въ Одессѣ просила мать—наблюсти за ней, вотъ я и наблюдаю.

— Дудки! Знаемъ мы васъ, какъ вы наблюдаете! Былъ одинъ «Московскій Наблюдатель» да и тотъ провалился.

Олафьевъ, конечно, не принималъ участія ни въ волокитствѣ, ни въ разныхъ смѣхотворныхъ проказахъ. Но, кто бы могъ это думать,—ревновалъ Елатомскаго къ Зоѣ. Ему казалось, что любовь его къ ней отобьетъ у него друга, овладѣетъ всѣмъ существомъ его, такъ что для дружбы у Елатомскаго не останется въ душѣ ни одного свѣжаго мѣстечка. Олафьевъ такъ рѣдко сходился съ людьми одного съ нимъ возраста, такъ мало въ жизни своей имѣлъ друзей и пріятелей, окруженный лакеями въ стиблетахъ и цвѣтныхъ жилетахъ съ металлическими пуговицами, что всякій разъ, когда находилъ человѣка себѣ по-сердцу, человѣка, который казался ему другомъ, прилѣплялся къ нему всѣми силами души своей, готовъ былъ все отдать ему, но былъ требователенъ и подозрителенъ. Конечно, никто не подозрѣвалъ въ немъ ни этой силы привязанности, ни этой требовательности, которая—увы! чаще всего способна была не столько привлекать, сколько отталкивать въ тѣ рѣдкія минуты, когда эта требовательность прорывалась въ минуты неловкой или конфузливой откровенности... Не изъ этихъ ли свойствъ Олафьева вытекала

Digitized by Google

значительная доза его хандры и боязливаго отношенія къ людямъ?..

Все время, пока пароходъ въ продолженіи сутокъ обходилъ крѣпости, расположенныя на восточномъ берегу Кавказа: Геленджикъ, Головинское, крѣпость Святого-Духа и Гагры, въ виду кавказскихъ громадъ, погода была благопріятная, ясная и почти безвѣтренная, и много въ это время наслушался Елатомскій разсказовъ и анекдотовъ, до такой степени характерныхъ по отношенію къ тому времени, что все дальше и дальше уходилъ онъ отъ вѣяній или преданій студенчества... Эвина—забывалась, Бавинъ—казался еще страннѣе, еще дальше отъ дѣйствительной жизни, безконечной въ своихъ прихотливыхъ и подчасъ невѣроятныхъ явленіяхъ. Онъ слышалъ разсказы и о той *барабанщицѣ* въ Коби, у которой останавливались сыики богатыхъ и титулованныхъ папенекъ, проѣздомъ въ армію или на службу въ Тифлисъ, и за одну ласку которой они готовы были отдавать ей—и заводскихъ лошадей своихъ, и дорогіе бобровые воротники съ своихъ шинелей, и серебряныя вещи, и деньги... считать каждый часъ, проведенный у этой солдатки — сладчайшими часами своей молодости, и даже забывать, что къ извѣстному сроку ожидаютъ ихъ. И о томъ, какъ въ крѣпости Гагры нельзя вечеромъ оставаться въ комнатѣ при свѣчѣ безъ закрытыхъ ставень, потому что въ освѣщенныя окна изъ окрестныхъ горъ летаютъ пули, и что, несмотря на это, были случаи, когда женщины покидали это гнѣздо съ великимъ сожалѣніемъ. И о томъ, какъ и гдѣ погибъ Марлинскій (на этотъ самый лѣсъ ему указывали пальцемъ). И о томъ, какъ Лермонтовъ разъ пріѣзжалъ на военный корабль и какъ адмиралъ совѣтовалъ своимъ офицерамъ быть съ нимъ какъ можно осторожнѣе, ничѣмъ не раздражать его и—Боже избави! не показаться ему ни смѣшными, ни пошлыми... Такъ боялись его поэтической проницательности, его холоднаго ума и его безпощадной насмѣшки.

Наканунѣ прибытія въ Редутъ-Кале, за часъ до обѣда, Елатомскій вызвалъ Зою изъ каюты, взялъ ее подъ-руку и провелъ на другой, носовой конецъ парохода, къ той самой рѣшетчатой скамьѣ, гдѣ четыре ночи тому назадъ онъ пригрѣвалъ ее своимъ пледомъ и въ первый разъ поцѣловалъ ее.

Говоря съ ней, онъ раскаявался, зачѣмъ перевелъ ее въ первый классъ; спрашивалъ ее, отчего она такъ блѣдна и какъ будто разстроена, и, наконецъ, спросилъ — хочетъ ли она пріѣхать въ Тифлисъ въ качествѣ его невѣсты?

Зоя вдругъ просіяла, въ ея черныхъ глазкахъ навернулись

Digitized by Google

слезы радости, и если бы не посторонніе, она бросилась бы обнимать его.

Въ это время, передъ носомъ парохода, играли дельфины: они выскакивали изъ волнъ, дѣлали дугу въ воздухѣ и исчезали въ безднѣ...

Черезъ часъ Елатомскій сидѣлъ уже рядомъ съ Зоей за обѣденнымъ столомъ въ каютъ-компаніи противъ Олафьева, и былъ молчаливо грустенъ; но когда стали подавать жаркое, велѣлъ оффиціанту откупорить бутылку шампанскаго.

Скоро хлопнула пробка—и три бокала запѣнились: одинъ бокалъ у Елатомскаго, другой—у Зои, третій у Олафьева.

Елатомскій чокнулся черезъ столъ съ Олафьевымъ и сказалъ ему:

— Дружище Олафьевъ, поздравь меня, я женюсь—и вотъ моя невѣста.

— Какъ? Что?.. Что такое? Ба! пронеслось съ одного конца стола до другого.

Марья Ивановна уставила на Зою добрые глаза свои и, казалось, радовалась ея радости, и зарумянилась оттого, что увидала румянецъ на ея блѣдномъ личикѣ.

Олафьевъ въ улыбку растянулъ ротъ свой, поздравилъ Елатомскаго, потупился и велѣлъ подать еще полдюжины шампанскаго.

Капитанъ привсталъ и сказалъ, что очень радъ, что на его пароходѣ совершилось такое событіе, и что онъ тоже не прочь выпить.

Какой-то курскій помѣщикъ чему-то вдругъ захохоталъ, но опомнился—и съ удивленіемъ выпучилъ глаза свои.

У всѣхъ въ рукахъ появились бокалы и они запѣнились.

Зоя подошла чокнуться съ Марьей Ивановной и шепнула ей на ухо: «ну, теперь я все разскажу вамъ, все, все!»

Когда всѣ развеселились и раскраснѣлись отъ духоты, вина, и этой, по мнѣнію нѣкоторыхъ, забавной нечаянности, — въ ту минуту, когда уже подавали кофе, случилась другая нечаянность.

Вдругъ послышался глухой грохотъ, тарелки подпрыгнули, зазвенѣло стекло, гости пошатнулись, одни ударились спиной объ стѣну, другіе чуть не клюнулись носомъ. Наверху раздался чей-то крикъ... Поднялась суматоха.

Зоя упала на грудь Елатомскаго и прижалась къ нему своей головкой. Дамы поблѣднѣли.

— Что такое?—спросилъ капитанъ—(казалось, онъ уже понялъ въ чемъ дѣло).

Digitized by Google

— Ничего-съ! Маленькій шквалъ налетѣлъ,—отвѣчалъ выбѣжавшій и тотчасъ же назадъ вбѣжавшій въ каюту мичманъ.

Веселое лицо его тотчасъ же успокоило все общество.

— Велите убирать тентъ — сказалъ пожилой капитанъ, и мѣшковато, не торопясь, пошелъ на палубу. Тутъ-съ — сказалъ онъ,—мимоходомъ, Елатомскому, такое мѣсто-съ... около этой Абхазіи — постоянно... шквалы-съ... потому что ущелья, знаете...

Публика тоже, вся до единаго человѣка, высыпала на чистый воздухъ. Палуба была мокра.

Волна, гонимая шкваломъ, очевидно перекинулась черезъ бортъ и залила палубу.

— Вотъ еще новое для насъ впечатлѣніе; кавказскіе вѣтры поздравляютъ насъ,—сказалъ Зоѣ Елатомскій, останавливаясь съ нею недалеко отъ печки, дышущей жаромъ, позади закрытаго трюма.

На ютѣ убирали тентъ, который вырывался изъ рукъ и хлопалъ по воздуху...

Раздавался свистокъ—ждали новаго шквала, но онъ прошелъ стороной, темно-лиловой грядой на синихъ волнахъ обозначая свое шествіе.

Къ 9-ти часамъ вечера показались подозрительныя облака и подулъ сильный вѣтеръ... Боковая качка тоже усилилась.

Судя по барометру, лейтенантъ пророчилъ маленькую бурю или волненье.

— Чего добраго—говорилъ онъ,—не придемъ мы въ Редутъ-Кале.

— Почему-же?—спросилъ Елатомскій.

— Да потому, что придется лавировать и какъ можно подальше уходить отъ береговъ. Вы не боитесь, Зоя Трофимовна?

— Немножко боюсь,—отвѣчала Зоя и крѣпко, крѣпко сжала ту руку, которая очутилась въ эту минуту въ рукѣ ея.

На томъ же мѣстѣ, гдѣ былъ обѣдъ, уже появилась морская карта; что такое говорилъ капитанъ своимъ подчиненнымъ съ озабоченными лицами, ни Елатомскій, ни Зоя не поняли— ихъ такъ сильно раскачивало, что, то Зоя старалась поддержать его, то Елатомскій старался поддержать ее. Наконецъ, у него стала кружиться голова, и Зоя до завтрашняго утра простилась съ нимъ.

Digitized by Google

XXI.

Было два часа ночи. Елатомскій лежалъ у себя въ каютѣ лицомъ кверху и не спалъ, не могъ спать... Это была ужасная ночь для людей непривыкшихъ къ морю.

— Дзинь-дзинь! дзинь!

— Который-то часъ? Господь его вѣдаетъ... не разберешь по этимъ стклянкамъ!

А вѣтеръ усиливается, такъ и валитъ пароходъ съ боку на бокъ, качка страшная!

Въ шумѣ волнъ исчезаетъ шумъ колесъ и стукъ машины;— одно только сотрясенье чуть слышное и мѣрное, какъ тактъ, какъ пульсъ, смутно даетъ вамъ знать, что поршни работаютъ по прежнему... Мѣсяцъ, изрѣдка выбрасывая лучи свои изъ-за разорванныхъ, летучихъ облаковъ, сыплетъ колючія, золотыя блестки на взволнованное море и освѣщаетъ мокрую палубу, фантастически загроможденную ящиками, мѣшками, экипажами въ чехлахъ, клѣтками, узлами и цѣлымъ ворохомъ людей, которыхъ трудно отличить отъ мѣшковъ и на которыхъ то-и-дѣло спотыкаешься.

Всѣхъ закачало. Одинъ только лейтенантъ бодро расхаживалъ по мокрымъ доскамъ и каждый шагъ его тяжелымъ стукомъ раздается надъ потолочными перекладинами каютъ, гдѣ въ два яруса лежатъ пассажиры, завернутые въ байковыя одѣяла свои, точно въ саваны. Иные лежатъ нераздѣтые и въ сапогахъ, потому что морская болѣзнь не даетъ имъ возможности улежать на одномъ мѣстѣ.

И Елатомскій былъ одѣтъ, только галстукъ стащилъ съ себя и куда-то забросилъ.

Вотъ онъ вскочилъ... блѣдный, зеленый, растрепанный, вотъ бѣжитъ онъ одной рукою хватаясь за грудь, другою за столы, скамьи и стѣны. Вотъ онъ кое-какъ одолѣваетъ лѣстницу, цѣпляется за бортъ и вѣтеръ сердито свиститъ и воетъ въ ушахъ его, волна обдаетъ лицо его солеными брызгами: на, дескать! вотъ тебѣ за это! И кажется ему, помутившимся глазамъ его, что и мѣсяцъ, и облака и гдѣ-то промелькнувшая звѣздочка заодно съ фонарями и крутящимися искрами въ какой-то неестественной, дикой пляскѣ раскачиваются и бѣгаютъ по небу.

«Боже мой! когда-то все это кончится!» думаетъ Елатомскій.

Онъ вернулся въ каюту... Ушибъ себѣ локоть... и легъ...

«Что теперь Зоя? Каково ей? боится ли она... или муже-

Digitized by Google

ственно переносить свои страданія?» думалъ Елатомскій. «И я, несчастный, игрушка случайности, безъ денегъ и съ неизвѣстнымъ будущимъ, навсегда соединяю съ судьбой ея судьбу свою!..

Въ буфетѣ звенитъ стекло, въ деревянныхъ перегородкахъ, за зеркаломъ слышенъ скрипъ, какъ будто кто-то желѣзнымъ ногтемъ по чему-то жесткому царапаетъ.

И этотъ непріятный, несносный скрипъ такъ и тянетъ за душу...

«Итакъ,—я женюсь!.. вотъ какъ!» думаетъ Елатомскій.... «Давно-ли я былъ такъ силенъ духомъ, что отказался отъ обладанья красивой, умной и независимой женщиной, и не прошло недѣли съ тѣхъ поръ, какъ уже я женюсь! Бѣдная Зоя оказалась сильнѣе меня... я оказался человѣкомъ безхарактернымъ».

Несносный скрипъ за перегородкой дѣлается тише, тише, короче, еще короче, затихаетъ на одну секунду, и потомъ опять—опять! Такъ и слышно, какъ набѣгаетъ девятый валъ... вотъ онъ случится въ маленькое, круглое окошечко каюты, крѣпко-накрѣпко завинченное. Пугливо шевелится зеленоватый огонёкъ въ висячей задрожавшей лампѣ; со стола въ общей каютѣ что-то падаетъ... Кто-то вскочилъ и бѣжитъ... Тьфу, какіе противные звуки слышны тамъ на верху—кто тамъ давится!?!

«Я безхарактеренъ!» думаетъ Елатомскій: «но развѣ эта буря меня пугаетъ?.. Развѣ я боюсь за ничтожную жизнь мою?—Нѣтъ.—Но... пусть-ка этотъ пароходъ съ сильными рычагами, съ четырьмя-стами лошадиныхъ силъ, попробуетъ идти не качаясь, не скрипя и не вздрагивая!.. Сила воли! Развѣ есть у человѣка воля? Развѣ я женюсь потому, что мечталъ быть женихомъ, мечталъ о семейномъ благополучіи—знаемъ мы это благополучіе! Я женюсь, потому что нѣтъ у меня воли, потому что не идеи, не убѣжденья, а случайности играютъ мной».

И, закутавшись въ одѣяло, Елатомскій припоминаетъ исторію своего знакомства съ Зоей.

«Не моя воля, но—развѣ не моя вина? Зачѣмъ я не поступилъ такъ, какъ подсказалъ мнѣ Тургеневъ своимъ Андреемъ Колосовымъ... Зачѣмъ съ-разу не прекратилъ я всякихъ сношеній съ семействомъ Меркуличей?.. Зачѣмъ игралъ огнемъ, находилъ отраду въ страсти, которую не одобрялъ разсудокъ мой? О, презрѣнный разсудокъ! что ты значишь тамъ, гдѣ зарождается страсть? Что значитъ умнѣйшій изъ капитановъ корабля—когда ураганъ срываетъ снасти—и дѣлаетъ тщетными всѣ его усилія... Случайность спасаетъ иногда корабль и сотни пассажировъ... но спасутъ-ли меня случайности. Что если... тамъ, въ Тифлисѣ... уз-

Digitized by Google

наютъ... назовутъ меня дуракомъ и никакого мѣста, никакого жалованья не дадутъ мнѣ... Бѣдная Зоя!..

— Елатомскій, Елатомскій! Вы спите? — хрипитъ курскій путешественникъ, и въ дверяхъ каюты большая голова его обрисовывается, какъ черный силуэтъ на мутно-освѣщенномъ фонѣ.

— Это вы?

— Елатомскій, послушайте, мы не потонемъ?

— А почемъ я знаю.

— Что если потонемъ?

— Что же дѣлать!

— Помилуйте, что за пріятность!

Въ это время наверху что-то шлепнулось, должно быть, кто-то поскользнулся и упалъ. Въ завываньяхъ вѣтра смутно послышался голосъ капитана: «закрѣпить!» — раздался свистокъ.

— У... какъ хотите — я не могу!

— Не шлёпнитесь!

Въ общую каюту вошелъ молоденькій мичманъ. Нѣкоторые изъ мертвецовъ, закутанныхъ въ шерстяныя одѣяла, воскресли, подняли головы и обратились къ нему съ разспросами.

— Какая это буря, — отвѣчалъ мичманъ: — только кожухъ немного повредило. Такія-ли бываютъ бури!

— Да помилуйте — хрипитъ курскій помѣщикъ, — всю утробу выворотило на изнанку... Это чортъ знаетъ что!!

«А у меня сердце выворотило на изнанку», подумалъ про себя Елатомскій, «и если бы не это проклятое шампанское — ничего-бы! — даже и морской болѣзни бы не было»...

XXII.

Къ утру вѣтеръ замѣтно упадаетъ, и пароходъ, раскачиваясь, перестаетъ скрипѣть и охать.

На востокѣ, полосы тучъ уже идутъ въ перемежку съ полосами розовой зари,.. и облака потеряли летучесть дыма — они ползутъ и по мѣстамъ расплываются — какъ-бы очищая дорогу для солнца. Морскіе валы замѣтно начинаютъ покрываться морщинами — хорошій признакъ: явно, что сильный вѣтеръ пересталъ разглаживать свинцовую поверхность ихъ. Стукъ машины раздается явственнѣе, и уже ясно слышенъ среди затихающаго волненія. Коммиссаръ отворяетъ маленькое окошечко своей каюты и смотритъ на машиниста, сидящаго на люкѣ закрытаго трюма. Машинистъ смотритъ на коммиссара. Коммиссаръ за-

Digitized by Google

мѣтно доволенъ переменной погоды. Лицо машиниста, несомнѣнно англичанина, никогда—ни въ бурю, ни въ ясный день, ни даже передъ бутылкой рома—не измѣняетъ своего выраженія.

Дзинь-дзинь! дзинь! дзинь! дзинь!

Коммиссаръ смотритъ на часы и о чемъ-то по-русски спрашиваетъ англичанина.

Англичанинъ, не выпуская изо-рта сигары, отзывающейся тютюномъ, издаетъ какой-то звукъ, въ родѣ утвердительнаго *ое!* и начинаетъ широкой ладонью слегка потирать желудокъ свой.

По ту сторону желѣзной печи, орошенной каплями застывшаго пара, кто-то громко и протяжно зѣваетъ.

Слыша этотъ многознаменательный, предразсвѣтный зѣвокъ, коммиссаръ повязываетъ манишку.

Машинистъ увѣренъ, что будетъ хорошій день, и туловище его заранѣе начинаетъ чувствовать испарину. Съ необычайнымъ терпѣніемъ дожидается онъ рюмки джину, несмотря на то, что во всей природѣ только джинъ и способенъ прохлаждать его.

Проснувшійся поваръ начинаетъ ловить ускользнувшую изъ-подъ кошолки курицу... и двое фабричныхъ, въ затрапезныхъ халатахъ, лежа на сырыхъ мѣшкахъ подъ рогожей, начинаютъ трунить надъ нимъ.

Не успѣлъ коммиссаръ выпить и пройтись по палубѣ, какъ уже огромный самоваръ, еще съ вечера привинченный за горло и за ноги, начинаетъ чадиться и понемногу закипаетъ, къ немалому удовольствію солдатки, которая грудью кормитъ ребенка, и которая, вѣроятно, чаю пить не будетъ.

Солнце поднимается; на ютъ, съ распущенными волосами, выбѣгаетъ Зоя.

— Вашъ женихъ спитъ, какъ убитый,—говоритъ ей какой-то господинъ въ плащѣ.

— Фитиль!—раздается голосъ мичмана. Матросъ въ сѣрой куртвѣ бѣжитъ съ жестянкой, въ которой день и ночь тлѣетъ конецъ лохматой веревки.

Пароходная жизнь кое-гдѣ выходитъ изъ своего ночного оцѣпенѣнія.

— Скоро-ли пріѣдемъ?—спрашиваетъ Зоя Олафьева.

— Скоро-ли пріѣдемъ?—спрашиваетъ Олафьевъ матросика съ фитилемъ.

— Не знаю... часа черезъ два-три.

— Никогда не пріѣдемъ, — шутитъ мичманъ. — Неужели вамъ съ нами скучно, Зоя Трофимовна?—Онъ любуется живописнымъ безпорядкомъ черныхъ косъ ея и пожимаетъ ей холодную

Digitized by Google

ручку.—Неужели вы рады покинуть насъ? Прикажите, и я велю разбудить вамъ этого счастливчика Елатомскаго.

— Нѣтъ,—мнѣ сказали—онъ очень страдалъ ночью; не мѣшайте ему спать.

И Зоя уходитъ въ каюту, кокетливо размахивая концами развѣвающейся косы своей.

— Какая милашка! — говоритъ мичманъ, вздыхая и обращаясь къ Олафьеву.

Олафьевъ усмѣхается... Его радуетъ мысль, что онъ будетъ шафером въ свадьбѣ своего друга, и что онъ поможетъ имъ: на судьбу ихъ будетъ имѣть самое благодатное вліяніе, потому что подарить имъ домъ въ Москвѣ или 300 десятинъ земли,— для него ничего не стóитъ.

XXIII.

Очнувшись, Елатомскій услыхалъ гулъ выпускаемаго пара, а все тѣло его почувствовало, что пароходъ стоитъ и качается какъ-то иначе... Какъ-бы чего испугавшись, онъ заглянулъ въ окошечко и увидалъ въ дали передвигающуюся то вверхъ, то внизъ, черную полоску земли, что-то такое напоминающее берегъ.

Онъ отворилъ дверь въ общую каюту—и увидѣлъ, что она почти пуста, на столѣ стоитъ недопитый стаканъ чаю; на постеляхъ, уже превращенныхъ въ диваны, лежатъ пожитки, плэды перетянуты ремнемъ, подушки связаны съ одѣялами... Наверху идетъ суматоха.

«Пріѣхали!» подумалъ Елатомскій... Сердце его сильно билось... Какая-то непонятная ему тоска, соединенная съ нервной дрожью, захватывала грудь его... Смутно припоминался ему сонъ, который онъ видѣлъ... казалось, будто къ нему приходила мать его и благословляла... Смутно припоминался ему весь вчерашній день... шампанское... Зоя... дружескіе тиски случайныхъ пріятелей, ихъ улыбки... и шквалъ... этотъ шквалъ, который такъ кстати разогналъ ихъ и освободилъ его отъ поздравленій и пожеланій, какъ ему казалось, не совсѣмъ искреннихъ... «Должно быть, у меня вчера было такое глупое лицо»...—думалъ Елатомскій, торопливо умываясь, одѣваясь и не находя своего галстука...

— Елатомскій! чтó-же вы? Я ужъ шелъ будить васъ, — заговорилъ Олафьевъ, войдя въ общую каюту, подбоченившись и ухмыляясь.

Digitized by Google

«Вотъ и онъ ухмыляется», подумалъ Елатомскій. — Сейчасъ, сейчасъ! сію минуту!

— А Зоя Трофимовна встала на зарѣ и уже на зарѣ приходила искать васъ.

Елатомскій внутренно готовъ былъ въ эту минуту растерзать себя за то, что онъ одинъ оказался такимъ соней, такимъ ветошкой.

— Сейчасъ, сейчасъ!..

Минутъ черезъ пять Елатомскій былъ уже наверху и встрѣтилъ Зою.

— Я не спалъ всю ночь, — сказалъ онъ ей и поцѣловалъ ей руку (ей хотѣлось, чтобъ онъ поцѣловалъ ее). Она поглядѣла ему въ глаза съ безпокойствомъ, ибо увидала въ глазахъ его тревогу, а на лицѣ смущеніе.

— А ваша невѣста—молодецъ! — сказала ему Марья Ивановна: — качка на нее не дѣйствовала, и она могла бы спать; но ухаживала за другими дамами, и молилась Богу.

Елатомскій только крѣпче пожалъ руку Зои и не сказалъ ни слова.

Вокругъ парохода въ это время качались и сновали баркасы, съ гологрудыми гребцами, въ мингрельскихъ кружкахъ на головѣ, вмѣсто шапки, въ запачканныхъ фескахъ, въ черкесскихъ папахахъ, и всѣ такіе смуглолицые, такіе горлодёры, съ такими сильными и размашистыми жестами. Эти баркасы или большія лодки съ опущенными парусами, качались на волнахъ, какъ орѣховыя скорлупки, то поднимаясь чуть не до самаго борта, то опускаясь ниже лѣстницы... Длинные шесты, безпрестанно упирающіеся въ желѣзную обшивку «Тамани», спасали ихъ отъ столкновенія... Поочереди подъѣзжали эти баркасы къ опущенной лѣстницѣ (къ траппу) и мускулистыя голыя руки, протягиваясь вверхъ, ловили или подхватывали кладь и тяжелые чемоданы, и легкіе узелки, и все это скидывали на дно баркаса и потомъ точно также тѣ же руки подхватывали пассажировъ и сажали ихъ.

Елатомскій вспомнилъ, что изъ трюма онъ не взялъ еще вещей своихъ, а между тѣмъ за Зоей пришелъ лейтенантъ и сказалъ ей: садитесь въ казенный баркасъ, присланный отъ начальника карантинной гавани — онъ самый удобный. Марья Ивановна! Зоя Трофимовна, пожалуйте!

— Олафьевъ,—проведите Зою,—сказалъ Елатомскій,—я еще долженъ отыскать чемоданъ свой. Чортъ знаетъ, что за сумматоха! Да гдѣ же этотъ Редутъ-Кале, скажите на милость?

Digitized by Google

— Онъ едва видѣнъ, мы за двѣ версты отъ него,—отвѣчалъ лейтенантъ. — Ближе подойти невозможно. Видите, какая зыбь.

— Зоя, до свиданья! Я посмотрю, какъ ты сядешь въ лодку. Возьми вотъ и этотъ дорожный мѣшокъ мой.

И Елагомскій видѣлъ, какъ дюжія руки почти на лету подхватили его невѣсту, и какъ вдругъ опустилась лодка и какъ-зашаталась и едва не упала Зоя. Онъ видѣлъ, какъ, усѣвшись на скамью, она, блѣдная и трепещущая, глядѣла вверхъ, какъ бы стараясь уловить и понять выраженіе лица его. Елагомскій съ минуту ничего не видѣлъ, кромѣ глазъ ея и силился на прощаніе улыбнуться ей.

XXIV.

Расколыхавшіяся волны подъ напоромъ ночного юго-западнаго сильнаго вѣтра, который, какъ увѣряли моряки, былъ однимъ только краешкомъ настоящей бури, пронесшейся черезъ всю середину Чернаго моря, были такъ высоки, что Зоѣ и Марьѣ Ивановнѣ и даже Олафьеву съ непривычки было жутко. Не даромъ Зоя приподняла свои плечики, кутаясь въ черный платокъ, не даромъ Марья Ивановна хваталась рукой за края баркаса и не даромъ Олафьевъ былъ зеленъ, какъ недозрѣлый лимонъ, хотя онъ ничѣмъ не обнаруживалъ своей трусости.

Но и у него душа ушла въ пятки, когда волны моря встрѣтились съ волнами набѣгающей на нихъ рѣки Хопи, когда между ними началась борьба или свалка и образовала такъ-называемую толчею (или толкотню) волнъ. Нужно было очень искусно править рулемъ, чтобъ попадать въ разрѣзъ волнъ и не дать имъ захлестнуть или опрокинуть судна.

Но, слава Богу, баркасъ миновалъ опасное мѣсто, поднялъ парусъ и такъ какъ вѣтеръ былъ съ моря, стало-быть попутный, какъ стрѣла понесся вдоль рѣки, и наши повеселѣвшія дамы увидѣли Редутъ-Кале,—оригинальный городокъ, весь состоящій изъ какихъ-то деревянныхъ клѣтокъ, вмѣсто домовъ, на сваяхъ, окруженныхъ плотами и множествомъ мачтъ или привязанныхъ къ нимъ баркасовъ.

Въ городѣ не видать было ни церкви, ни одного, сколько-нибудь выдающагося зданія. Самый комфортабельный домъ, т.-е. съ окнами, былъ домъ карантиннаго начальника и его канцеляріи, да еще сносный домъ, — трактиръ, неподалеку отъ базарной площади, и гребцы не даромъ повернули къ нему носъ своего баркаса.

Digitized by Google

Зоя, поддерживаемая Олафьевымъ, весело взобралась сначала на другой порожній баркасъ, потомъ по доскѣ, перешла на ступеньку лѣстницы и вошла на широкій балконъ, сквозь доски котораго, внизу, свѣтилась зеленая вода, а сверху, сквозь щели, свѣтилось голубое небо. Съ балкона этого открывался видъ вдоль всей рѣки и весело было видѣть, какъ десятки парусовъ, гуськомъ, одинъ за другимъ, какъ лебеди, съ вытянутыми шеями, неслись вдоль этой водяной улицы.

Въ этомъ трактирѣ отвели имъ два чуланчика, одинъ для Олафьева и поджидаемаго Елатомскаго, другой—для Зои и Маріи Ивановны.

Камердинеръ Олафьева, котораго на пароходѣ не было видно, снялъ съ барина сапоги съ подмоченными подошвами и подалъ ему сухіе. Дамы тоже должны были похлопотать о своемъ туалетѣ. Неопытная Зоя во всемъ подражала милой Маріи Ивановнѣ, тоже раскрыла свой чемоданчикъ, достала новый воротничокъ, новые подрукавники и спрятала кожаную сумку Елатомскаго, гдѣ лежалъ его университетскій дипломъ, около десятка сигаръ, коробочка съ шоколатомъ и около 90 рублей серебромъ и золотомъ. — О, да я богаче его! не безъ гордости подумала Зоя. Зоѣ казалось, что она очень богата, у нея было около 500 рублей. — Не даромъ же ея мать продала серебро свое.

Олафьевъ вышелъ на заднее крылечко и увидѣлъ толпу на базарѣ, ословъ съ перекидными мѣшками, имеретинъ, грузинъ, армянъ, татаръ, пестроту одежды, лохмотья, кинжалы въ серебрѣ, длинныя ружья въ чахлахъ изъ верблюжьей шерсти, навьюченныхъ и осѣдланныхъ лошадей, а на заднемъ планѣ лавочку, откуда выглядывалъ туронъ съ сѣдой бородой и съ мундштукомъ, котораго дымокъ по временамъ заволакивалъ широкое лицо его. Немного лѣвѣе увидѣлъ онъ четырехугольное отверстіе въ стѣнѣ, откуда, расширивъ ноздри, высовывалась голова оленя.

Такъ прошло съ полчаса.

— Олафьевъ! Гдѣ же Елатомскій? — раздался за нимъ голосъ Зои.

— Не знаю.

— Меня безпокоитъ его отсутствіе.

— Вѣроятно, онъ на пароходѣ замѣшкался.

— Пойдемте кофе пить.

Олафьевъ пошелъ съ нею на балконъ и принялся за кофе.

Въ это время съ балкона увидѣла она—плыветъ въ баркасѣ знакомое лицо съ парохода, а именно курскій путешественникъ.

Digitized by Google

— Постойте, постойте! — закричала Зоя, — къ намъ, къ намъ... Гдѣ Елатомскій?

Путешественникъ оглянулся, невеселыми глазами поглядѣлъ на нее, хотѣлъ что-то сказать, махнулъ рукою и поплылъ далѣе.

— Ради Бога, Олафьевъ, узнайте, что́ случилось! — и, поблѣднѣвъ какъ полотно, Зоя схватила его за руку.

Олафьевъ взглянулъ на нее и также поблѣднѣлъ:

— Что можетъ случиться? — проговорилъ онъ.

Прошло еще четверть часа. Зоя скорыми шагами ходила по балкону, и злилась, и чуть не плакала, что нельзя бѣжать ей по этой рѣкѣ, бѣжать къ морю и разспрашивать.

Марья Ивановна, которая долго ее утѣшала, и та стала безпокоиться.

Но вотъ, на лодкѣ къ трактиру подъѣхалъ какой-то чиновникъ, съ офицерскими ухватками, перешелъ перекладину и, споткнувшись на лѣстницѣ, тяжело ступилъ на балконъ.

— Уфъ! — вздохнулъ онъ, снимая фуражку съ зеленымъ околышемъ. Потъ лилъ съ него градомъ... сюртукъ былъ разстегнутъ, манишка смята.

— Не случилось ли чего? — обрывающимся голосомъ несмѣло спросила его Марья Ивановна.

Таможенный чиновникъ сѣлъ, опять тяжело вздохнулъ и началъ:

— Да что́ случилось?.. скверность случилась!.. У одного баркаса... волной вышибло руль... онъ и перевернулся... Давно не было такого случая... Чортъ возьми!

— А люди... люди... — спросила Марья Ивановна.

— Однихъ кой-какъ спасли... другихъ поѣхали спасать... ничего не знаю... Знаю только, что на этомъ баркасѣ были казенныя деньги — и ко дну пошли.

Олафьевъ вскочилъ, сказалъ дамамъ, что онъ сейчасъ беретъ лодку и сейчасъ же поѣдетъ разузнавать, въ чемъ дѣло и былъ ли на этомъ баркасѣ Елатомскій.

Въ немъ проснулась энергія, онъ былъ неузнаваемъ, кричалъ, требовалъ баркаса сейчасъ же, сію минуту, давалъ тройную цѣну, болѣе чѣмъ запрашивали, и кончилось тѣмъ, что нашлось множество охотниковъ везти его — хоть на пароходъ.

Таможенный чиновникъ и не предполагалъ, что дѣвушка, которая глядѣла на него во всѣ глаза, пока онъ досадовалъ о потопленіи казенныхъ денегъ, была невѣстою одного изъ тѣхъ, которые остались на пароходѣ и котораго ждали съ нетерпѣніемъ.

Digitized by Google

Увидѣвъ лицо ея, онъ смутился.

— Господинъ! — закричалъ онъ Олафьеву,—который уже сидѣлъ въ баркасѣ, — возьмите меня, вотъ я только рюмку водки выпью и поѣду съ вами. Вы еще здѣшнихъ мѣстъ не знаете, и не всѣ поймутъ васъ, что вы будете спрашивать.

Такъ онъ и уѣхалъ съ Олафьевымъ.

Зоя всплеснула руками и зарыдала.

XXV.

На другой день, кордонные казаки нашли трупъ Елатомскаго въ двухъ верстахъ отъ Редута, въ камышахъ, на песчаной отмели.

Дали знать въ Редутъ.

Олафьевъ, вмѣстѣ съ полицейскимъ, съ карантиннымъ начальникомъ перебрался въ лодкѣ черезъ рѣку, и, окруженный скачущими имеретинами, верхомъ на татарской лошади, отправился самъ удостовѣриться, дѣйствительно ли это трупъ его друга.

Увы, не доскакавши и десяти саженъ, несмотря на свою близорукость, онъ тотчасъ же узналъ несчастнаго юношу.

Туча комаровъ вилась надъ мертвымъ, посинѣвшимъ лицомъ его... на вискѣ чернѣла запекшаяся кровь, видно, волны ударили его о камень головой и, быть можетъ, этимъ сократили его предсмертную борьбу и страданія.

Олафьевъ слѣзъ съ лошади, подошелъ, и слезы покатились по впалымъ щекамъ его.

Въ это время Зоя лежала въ чуланчикѣ — металась, рвала на себѣ волосы, была безъ чувствъ, стонала и бредила...

Она не видала трупа, который, завернувши въ дорогой персидскій коверъ, Олафьевъ перевезъ въ Редутъ, не видала, какъ священникъ на грузинскомъ языкѣ, подъ открытымъ небомъ, отпѣвалъ его, и какъ дымокъ изъ ручной кадильницы вился вокругъ его бѣднаго, на-скоро сколоченнаго гроба.

Елатомскаго похоронили на берегу моря, и только добрая Марья Ивановна да Олафьевъ поклонились сырой землѣ, которая навсегда отъ людскихъ очей сокрыла этого юношу.

Въ ночь послѣ похоронъ, сидя у больной, обезумѣвшей Зои и по совѣту врача помогая ей, долго не спала Марья Ивановна.

Digitized by Google

А въ это время за стѣной явственно слышались два разговаривающихъ голоса,—тихій, старческій, дребезжащій, съ небольшими разстановками и басъ—молодой, лѣнивый и сонный.

— Вотъ, слушай,—говорилъ первый голосъ,—ходилъ Богъ по землѣ, шелъ вдоль той дороги, гдѣ у насъ камыши-то растутъ... знаешь ты, что́ камыши-то значитъ или не знаешь?

— Знаю.

— Знаешь, ну, и хорошо, что знаешь, спи теперь.

— Да не могу я спать... спи!.. Ты усыпи меня, а потомъ уже и говори: спи!..

— Экой ты!.. ну, хорошо... Ну, жилъ-былъ... Я тебѣ тапереча другое стану сказывать. Жилъ-былъ царь, вздумалъ царь построить себѣ дворецъ изъ костей. Дай, говоритъ, построю я себѣ изъ костей дворецъ. Велѣлъ по всему государству кости собирать и класть въ озеро, чтобы мокли, и навалили костей цѣлое озеро и стали ихъ мочить.

— Ну, что же дальше-то?

— Ну, и мокнуть.

— Что?

— Мокнуть! али ты не слышишь?

— Только-то?

— Чего-жъ тебѣ! и теперь еще мокнутъ, еще не вымокли, а когда вымокнутъ, тогда я скажу, что будетъ. Теперь спи... Богъ на то ночь далъ.

— А сказку Богъ на что далъ?

— И сказку! все отъ Бога, братецъ ты мой. Ну, не мѣшай же ты мнѣ спать, сдѣлай такую милость. Когда я начну спать, ты меня ни за какія тысячи не разбудишь.

Я. Полонскій.

Digitized by Google

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАНСЛАВИЗМЪ

I. Вопросъ о всѣ-славянскомъ литературномъ языкѣ.

Въ статьяхъ «Вѣстника Европы» прошлаго года [1]) мы старались изложить со всѣмъ безпристрастіемъ вопросъ о панславизмѣ, какъ онъ представлялся самимъ руководящимъ лицамъ славянскаго міра, и иностраннымъ правительствамъ, и писателямъ. Мы воздержались отъ вывода, который и невозможенъ: панславизмъ не есть выяснившееся движеніе, это — теорія, идеалъ, порывъ, которые возникали у людей, искавшихъ лучшаго будущаго среди тяжелаго положенія славянскихъ народностей, — и едва ли не именно тамъ идеалы были шире и упованія сильнѣе, гдѣ дѣйствительность была мудренѣе. Въ настоящемъ положеніи панславянскихъ стремленій дѣлать выводъ значило бы предсказывать: послѣднее не входило въ нашъ планъ. Теперь видна только дилемма: быть или не быть.

Но есть въ панславизмѣ одна сторона, на которой мы намѣрены были остановиться подробнѣе, и именно та, гдѣ онъ представляетъ, быть можетъ, наиболѣе реальныхъ основаній. Это — панславизмъ литературный, въ двухъ, иногда сливающихся, направленіяхъ: въ смыслѣ *объединенія интеллектуальнаго*, объединенія мѣстно-народныхъ національныхъ и образовательныхъ интересовъ; и въ смыслѣ *установленія* одного *обще-славянскаго литературнаго языка*.

Этотъ вопросъ издавна представлялся тѣмъ писателямъ, которые вообще размышляли о старомъ единствѣ или новомъ сближеніи славянскихъ народностей. Онъ возвращался каждый разъ, когда

[1]) См. сент., окт., ноябрь и декабрь, 1878: „Панславизмъ въ прошломъ и настоящемъ".

Digitized by Google

говорилось о панславизмѣ. И въ самомъ дѣлѣ, вопросъ чрезвычайно важный, и одинъ изъ самыхъ основныхъ. Если міру славянскому суждено быть тѣмъ цѣлымъ по факту и сознанію, какимъ хотятъ видѣть его панслависты,—очевидно, что ему крайне необходимо найти и установить точки соприкосновенія въ области національныхъ идей, и, какъ могущественное средство къ этому,—создать обще-славянскій литературный языкъ. До тѣхъ поръ, пока для сообщеній, хотя бы литературныхъ, между двумя родственными племенами нуженъ переводчикъ, ихъ сближеніе будетъ крайне затруднительно — медленно и неполно: онѣ будутъ не совсѣмъ чужими, но и не близкими между собою. Племенное чувство будетъ оставаться на степени неопредѣленнаго инстинкта, который подверженъ будетъ всякимъ случайностямъ; истинное знаніе другъ друга, взаимная племенная справедливость, т.-е. вѣрная оцѣнка того, что каждое племя считаетъ своимъ самымъ дорогимъ интересомъ, будетъ удѣломъ лишь немногихъ людей, которымъ дается это только цѣной особаго труда, спеціальнаго изученія,—какъ могло бы быть (и бывало) удѣломъ даже совсѣмъ посторонняго племени человѣка. Истинная, сознательная связь между народами можетъ образоваться не тѣми только шумными политическими и военными событіями,—какъ, напр., послѣдняя война, — которыя производятъ великіе, и частію благодѣтельные, перевороты въ судьбѣ народовъ, но, за отсутствіемъ извѣстныхъ сторонъ, остаются неполнымъ выраженіемъ исторической потребности; эта связь должна бы создаваться въ то же время съ другой стороны — трудомъ образовательнымъ, сближеніемъ народовъ въ высшихъ интересахъ человѣческаго развитія, въ знаніи, литературѣ, которыя, съ обыкновенной точки зрѣнія военныхъ людей и дипломатическихъ канцелярій, представляются, какъ нарочно, — совершеннымъ пустякомъ, или даже мѣшающимъ, вреднымъ элементомъ. Тѣсная, непоколебимая солидарность можетъ происходить не изъ дипломатическаго разсчета, не изъ соображеній частно-народнаго честолюбія, выгадывающаго себѣ помощь единоплеменниковъ, не изъ однихъ потребностей данной минуты, даже не изъ историческихъ воспоминаній, которыя вообще служатъ только тогда, когда ими нужно подогрѣть уже существующее (потому что во множествѣ случаевъ и для множества лицъ онѣ остаются пустымъ звукомъ или дѣломъ книжнымъ); такая солидарность можетъ исходить лишь изъ постояннаго между-племеннаго общенія, равенства интересовъ, родственности образовательныхъ стремленій,—а для этого требуется общность умственной и нравственно-общественной дѣятельности. Органомъ этой

Digitized by Google

дѣятельности бываетъ—литература [1]), а литературная связь родственныхъ племенъ возможна лишь на одномъ условіи, именно, что литература одного изъ племенъ должна стать для остальныхъ центромъ, пріобрѣсти значеніе общаго выраженія, словомъ, въ средѣ родственныхъ племенъ *одинъ* языкъ долженъ стать общимъ литературнымъ языкомъ всей расы.

Въ связи съ этимъ, необходимость общаго литературнаго языка (въ какой бы ни было степени и формѣ) оказывается и съ другой стороны. По своей внѣшней исторіи славянство исконно стоитъ въ враждебномъ отношеніи къ германству,—послѣднее, съ тѣхъ вѣковъ, какіе только знаетъ исторія, стремилось къ захвату славянскихъ земель, которыя были нужны для его собственнаго разселенія. Оттолкнутое романскимъ западомъ, поглощенное и ассимилированное имъ во Франціи, Испаніи, Италіи, смѣшавшееся съ нимъ въ Британіи, оно имѣло болѣе открытый путь на востокъ, въ земли, занятыя славянствомъ. Тысячу лѣтъ назадъ, западная граница славянскихъ поселеній доходила, какъ говорятъ, до Рейна, теперь она стоитъ почти на Вислѣ. Къ чистому покоренію, истребленію или насильному онѣмеченію славянства, совершившемуся на пространствѣ нынѣшней сѣверной Германіи, присоединялось, почти на всемъ пространствѣ остального западнаго славянства, дѣйствующее и донынѣ онѣмеченіе другого рода — посредствомъ подчиненія славянства нѣмецкой политической власти, посредствомъ нѣмецкой школы, литературы, языка, промышленности, нравовъ и проч. Западное славянство, состоявшее изъ некрупныхъ племенъ и разрозненное, не могло противопоставить этому вліянію равносильнаго отпора и, увлекаемое въ потокъ нѣмецкой исторической жизни и цивилизаціи, волей-неволей поставляло своихъ дѣятелей на службу той самой силѣ, которая гнетущимъ образомъ дѣйствовала на его собственныя народности. Такъ, славянство поставляло на службу германскаго интереса своихъ полководцевъ и генераловъ, ученыхъ, писателей, промышленниковъ и пр., и съ ними народную массу, какъ военную и рабочую силу. Нынѣшніе славянскіе патріоты, печалясь объ этомъ положеніи вещей, не разъ принимались отыскивать великихъ славянскихъ мужей среди нѣмецкихъ знаменитыхъ именъ, и старались возвратить своему племени славу, «узурпированную» нѣмцами: они пробовали доказывать, что Гуттенбергъ, Лессингъ

[1]) Раньше мы объясняли, что при этомъ нужно разумѣть только литературу нормально существующую, т.-е. свободную; только при этомъ условіи и по степени нормальности ея внутренняго положенія она можетъ быть и истинно національной, и имѣть силу въ другихъ племенахъ.

Digitized by Google

и т. п. были славяне,—но хотя бы они и доказали это, результатъ остается печальный: эти умственныя силы работали въ нѣмецкой формѣ и въ пользу германства.

На нашъ взглядъ, въ этомъ вліяніи германства не было такого преступленія его, какимъ оно представляется патріотамъ ультраславянскимъ. Кто же въ этомъ виноватъ? Всѣ эти патріоты признаютъ и жалуются на историческій порокъ славянства—его раздоры, мелкія несогласія, неумѣнье сплотиться для цѣльнаго, согласнаго дѣйствія,—надо же принять и результаты этого порока, и не негодовать черезъ мѣру на нѣмцевъ, когда въ очень многомъ виноваты только сами. Исторія не знаетъ идиллій и сантиментальныхъ романовъ, и если славянскіе историки и археологи описываютъ древнія и новыя славянскія патріархальныя добродѣтели, то этихъ послѣднихъ оказывается еще не довольно для историческаго значенія народа. Нужна еще реальная общественно-національная и образовательная сила. Мы опасаемся, что *эта* сила и до сей минуты еще не велика въ славянскомъ мірѣ.

Какъ бы то ни было, славянское возрожденіе, и въ западныхъ, южныхъ племенахъ, и въ Россіи, заявляетъ себя постоянно и настойчиво, какъ стремленіе дать развитіе именно тѣмъ національнымъ способностямъ и свойствамъ, какія до сихъ поръ не могли вполнѣ высказаться, у однихъ—подъ давленіемъ нѣмцевъ (или мадьяръ, итальянцевъ), у другихъ — подъ истребительнымъ игомъ турокъ, у третьихъ—подъ гнетомъ «петербургскаго періода». Но если до сихъ поръ славянство не въ состояніи было заявить своей самостоятельности, причина этому была, между прочимъ, въ крайней разбросанности славянскихъ умственныхъ силъ: раздѣленныя на нѣсколько разныхъ литературъ, тратившія себя на обработку нѣсколькихъ особыхъ нарѣчій, онѣ, разумѣется, не могли и думать о томъ, чтобы равняться съ литературой столь сплоченной и могущественной, какъ нѣмецкая или другая изъ главныхъ европейскихъ. Много труда уходило у славянъ на элементарныя потребности десятка частныхъ литературъ: объемъ почти всѣхъ ихъ былъ такъ ограниченъ, что уже это одно не допускало появленія широкой дѣятельности, сильнаго научнаго или поэтическаго таланта,—потому что такой талантъ непремѣнно искалъ бы себѣ болѣе обширнаго поприща, а дома не имѣлъ бы себѣ достаточной пищи, ни опоры. Подчиненное политическое положеніе большинства племенъ было другимъ препятствіемъ для сильнаго литературнаго развитія: какъ бы ни были сильны врожденныя дарованія писателя, ихъ возрастаніе и дѣятельность неизбѣжно управляются положеніемъ народности, ея общественной обстановкой,

Digitized by Google

политическими условіями. Умственная дѣятельность выростаетъ въ мѣрку данныхъ условій, и, если не ограничивается элементарно-педагогическими вопросами своей среды, то уходитъ только на свою ближайшую защиту, т.-е. собственно на защиту самаго существованія народа, на подготовку возможности для его настоящаго развитія. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы большинство этихъ частныхъ литературъ могли думать о серьёзномъ сопротивленіи вліяніямъ сильнѣйшей литературы (т.-е. особенно нѣмецкой): для нѣсколько высшаго научнаго и поэтическаго развитія подобная литература постоянно будетъ нуждаться въ болѣе богатомъ источникѣ, образованіе — даже мимо политической необходимости — будетъ неизбѣжно двуязычное (какъ у всѣхъ австрійскихъ и прусскихъ славянъ), и славянинъ останется открытъ господству сильнѣйшаго соперника.

Очевидно, что уже для этой первоначальной борьбы славянства за существованіе необходимо, чтобы его умственныя національныя силы получили какое-нибудь сосредоточеніе. Но оно вдвойнѣ необходимо, когда славянскій патріотизмъ помышляетъ сказать свое собственное, новое слово въ общечеловѣческой цивилизаціи (извѣстно, что крайніе славянскіе патріоты думаютъ ни болѣе, ни менѣе, что славянская цивилизація смѣнитъ ложныя, отживающія и «гніющія» цивилизаціи Европы). Это новое слово не могутъ сказать одни чехи, или поляки, или сербы и т. д.; по мнѣнію славянъ, этого слова не могутъ сказать — безъ ихъ сильнаго участія — даже русскіе, единственно могущественный народъ славянства. Для выраженія цѣлаго славянскаго племенного содержанія, славянскаго національнаго «генія», необходимо соединенное, солидарное дѣйствіе племенныхъ умственныхъ силъ — и, слѣдовательно, необходимы общая почва и средства дѣйствія — обще-славянская литература и обще-славянскій, всѣмъ славянамъ доступный и ими самими употребляемый (въ основныхъ вещахъ, по крайней мѣрѣ) литературный языкъ.

Это стремленіе, скажемъ впередъ, кажется намъ совершенно естественнымъ въ смыслѣ идеала; славянское возрожденіе должно искать литературнаго единства, если только хочетъ стать не чистой мечтой, а настоящимъ дѣломъ — поднять національную самобытность славянскаго міра; если это возрожденіе должно стать не однимъ отрывочнымъ и недолговѣчнымъ провинціализмомъ, а дѣйствительнымъ фактомъ и исторической силой, и «великое славянское будущее» не однимъ празднословіемъ кабинетныхъ ученыхъ и національныхъ фантастовъ.

Но какъ мы видѣли относительно общей теоріи панслa-

Digitized by Google

визма, что тенденція объединительная встрѣчается съ настойчивымъ консервативнымъ отпоромъ частныхъ племенныхъ единицъ,— такъ и въ вопросѣ о единствѣ литературы и литературнаго языка далеко нѣтъ единодушія. Въ самомъ дѣлѣ, хотя всѣми почти чувствуется необходимость этого единства, но достиженіе его окружено трудно одолимыми препятствіями. Прежде всего какимъ образомъ, не говоримъ — цѣлыя племена, но образованное общество разныхъ племенъ пріобрѣтетъ такое знаніе одного языка (напримѣръ, русскаго), чтобы не только читать, но и *писать* на немъ? Какъ ни ограниченно большинство славянскихъ литературъ, привязанность къ своему слову бываетъ такъ велика, что покидать его хотя для родственной, но все-таки чужой рѣчи будетъ всегда не легко. Прибавляются и другія обстоятельства. Большею частью, у самихъ западныхъ славянъ думали, что роль обще-славянскаго литературнаго языка выпадетъ русскому; но для многихъ эта перспектива не кажется пріятной: съ мыслью о русскомъ языкѣ соединяется мысль о русской политической силѣ, вліяніи и преобладаніи, а эта сторона дѣла для многихъ представляется вовсе не желательной. А кромѣ того, нѣкоторые изъ славянскихъ народовъ, а именно чехи — и также отчасти поляки — думаютъ, что они не только не уступаютъ русскимъ въ просвѣщеніи, но даже очень ихъ превосходятъ — такъ, что отказъ отъ своего языка для русскаго былъ бы не только униженіемъ, но и культурной ошибкой и вредомъ. Эта идея, конечно, покажется у насъ черезъ-чуръ странной, но ее находятъ возможнымъ защищать и донынѣ, ссылаясь на разные факты въ нашемъ просвѣщеніи...

Способъ литературнаго объединенія представлялся опять различно: однимъ казалось, что объединеніе должно быть только «взаимностью», т.-е. что утвердятся четыре-пять главныхъ славянскихъ литературъ, и что славянскіе читатели будутъ изучать кромѣ своего еще три-четыре славянскихъ нарѣчія и читать книги, на нихъ писанныя: славянскія нарѣчія представятъ тогда подобіе знаменитыхъ четырехъ діалектовъ древняго греческаго языка. Другимъ казалось мудрено, чтобы славянскіе читатели — которымъ для цѣлей образованія нужно было бы еще знать чужіе европейскіе языки: нѣмецкій, французскій или англійскій — могли стать такими лингвистами, что въ массѣ это просто превышало бы человѣческую возможность. Они думали гораздо болѣе естественно, что обще-славянскимъ литературнымъ языкомъ можетъ сдѣлаться только одно изъ славянскихъ нарѣчій, которое, по тѣмъ или другимъ основаніямъ, получитъ преобладающее значе-

Digitized by Google

ніе. Нѣкоторые, наконецъ, полагали, что можетъ быть устроенъ особый смѣшанный литературный языкъ, который бы искусственно соединилъ въ себѣ разнообразіе нарѣчій; это были, конечно, чудаки — и ихъ идеи никогда не имѣли успѣха: общимъ языкомъ могъ стать только живой литературный языкъ, имѣющій литературу и на ней опирающійся.

Наконецъ, представлялся послѣдній вопросъ: какое изъ славянскихъ нарѣчій должно стать общимъ литературнымъ языкомъ? Почти всѣмъ, рѣшавшимъ въ теоріи этотъ вопросъ, было ясно, что такимъ можетъ сдѣлаться только языкъ большого племени, уже владѣющій значительной литературой, и для большей части разсуждавшихъ такимъ языкомъ представляется русскій,—но не единогласно. Западныхъ славянъ затрудняло въ русскомъ языкѣ кирилловское письмо, которое — особенно людямъ стараго поколѣнія — казалось очень мудренымъ и недостаточнымъ; далѣе, многимъ изъ нихъ, особенно у чеховъ, русская литература (какъ сейчасъ было замѣчено) представлялась очень небогатой — а также очень мало свободной — а, напримѣръ, чешская образованность — самой развитой изъ славянскихъ, и право русскаго языка стать обще-славянскимъ подвергалось молчаливому сомнѣнію. Иные, въ предположеніи, что обще-славянскій литературный языкъ создастся лишь въ долгій періодъ племеннаго сближенія (это предположеніе, не лишенное своихъ основаній, выводилось изъ аналогіи образованія европейскихъ литературныхъ языковъ), отыскивали корень будущаго языка не въ русскомъ, а, напримѣръ, въ словацкомъ, какъ въ серединномъ между западными и восточными нарѣчіями; въ сербо-хорватскомъ, какъ особенно легкомъ и благозвучномъ; наконецъ, и въ южно-русскомъ.

Наконецъ, частныя народности вовсе не думаютъ, чтобы съ введеніемъ обще-славянскаго литературнаго языка, если бы оно случилось, упразднялись права мѣстныхъ нарѣчій. Полагается, что при общемъ языкѣ сохранятся также всѣ тѣ частныя литературы, которыя представляютъ теперь смѣшеніе языковъ,—безъ сомнѣнія, не легко одолѣваемое самими спеціалистами.

Какъ же рѣшается это противорѣчіе между двумя теченіями, центростремительнымъ и центробѣжнымъ? Въ этомъ вопросѣ о языкѣ повторяется цѣлый вопросъ о панславизмѣ.

Digitized by Google

II. Въ старину.

Ультра-славянская школа, которая преимущественно развилась именно у насъ — въ лицѣ славянофильства — и которая, во многихъ случаяхъ, не мало смущала своими идеями остальныхъ славянъ,—не сомнѣвалась, что спасеніе славянства, мимо политической стороны дѣла, заключается въ принятіи русскаго языка, какъ литературнаго (а на первый разъ—въ принятіи русской кирилловской азбуки), и главное—въ принятіи или въ «возвращеніи» къ православію. Теорія была бы прекрасна, если бы была исполнима. Но въ томъ и бѣда, что она считала слишкомъ легко устранимой тысячелѣтнюю исторію западнаго славянства, прошедшую въ раздѣленіи съ славянскимъ Югомъ и Востокомъ и наложившую на національный характеръ славянскаго Запада свои рѣзкія неизгладимыя черты, когда и славянскій Востокъ набирался своихъ.

Краеугольнымъ камнемъ этого взгляда является дѣятельность Кирилла и Меѳодія. Это были въ древности первые и единственные дѣятели все-славянскіе, такъ какъ ихъ труды одинаково принадлежали славянамъ и южнымъ, и западнымъ и восточнымъ; они дали имъ христіанство греческое, но на языкѣ народномъ, и такимъ образомъ на порогѣ исторической жизни славянства стали предвозвѣстниками его духовнаго единства. Въ этомъ заключается и ихъ *современное* значеніе. «И для южныхъ, и для западныхъ славянъ, — говоритъ Гильфердингъ, — они болѣе чѣмъ историческіе дѣятели, основатели ихъ просвѣщенія; они также знамя славянскаго самосознанія и единенія, и потому-то память ихъ чтится въ особенности у тѣхъ именно племенъ, которымъ ближе къ сердцу идея ихъ славянства, ихъ славянскаго братства: таковы на югѣ болгаре, на западѣ чехи, моравцы, словаки, хорваты, словенцы».

Въ самомъ дѣлѣ, возникновеніе перваго славянскаго христіанства и письменности даетъ поводъ къ идеальному представленію о старомъ единствѣ и къ надеждамъ на его возвращеніе. Но *исторія*, т.-е. вся совокупность историческихъ условій, окружавшихъ славянскія племена и съ которыми имъ нужно было вѣдаться, съ самаго начала уничтожили это единство: такимъ образомъ, и въ ту пору оно не было достаточно сильно, чтобы выдержать эти условія. Фактъ проповѣди Кирилла и Меѳодія былъ, въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ уединенный, да и тогда не вполнѣ универсальный: проповѣдь «греческаго» христіанства (когда церкви

Digitized by Google

еще не были раздѣлены) дѣлалась подъ іерархическою властью Рима,—и это обстоятельство даетъ теперь католическо-славянскимъ историкамъ поводъ пропагандировать церковное единеніе въ католическомъ духѣ, когда славянофилы пропагандируютъ его въ православномъ; рядомъ съ кирилловскомъ письмомъ (до сихъ поръ не выяснено, въ какихъ именно съ нимъ отношеніяхъ) стояла глаголица; тогда же входило въ употребленіе латинское письмо, которое вскорѣ стало общимъ письмомъ всего западнаго славянства, приписаннаго къ римской церкви.

Тогда же, вслѣдъ за панславянской дѣятельностью Кирилла и Меѳодія, началось, вмѣстѣ съ историческимъ дѣленіемъ, и литературное дѣленіе славянскихъ племенъ, которое продолжается и до нашихъ дней. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ политическая исторія племенъ,—составлявшихъ цѣлое развѣ только на арійской родинѣ, — разбрасывалась безъ внутренней связи на громадныхъ пространствахъ юго-востока, отдѣльныя нарѣчія обособлялись болѣе и болѣе. Вплоть до XIX столѣтія—за однимъ только исключеніемъ — въ средѣ этихъ нарѣчій развивались отдѣльныя литературы, мало помнившія о другихъ родственныхъ племенахъ, мало или ничего не знавшія объ ихъ литературѣ, ограниченныя своими насущными дѣлами, потребностями данной минуты и своего спеціальнаго положенія.

Племенныя связи, конечно, не совсѣмъ отсутствовали: они поддерживались въ племенахъ, которыя сближались тѣснѣйшимъ родствомъ, сосѣдствомъ, общимъ вѣроисповѣданіемъ, общей опасностью отъ одного врага. Такъ, Русь сѣверная и южная никогда не забывали другъ о другѣ; сербы и болгары были всегда болѣе или менѣе близки къ Руси—у нихъ сохранялось вмѣстѣ наслѣдіе Кирилла и Меѳодія, греческое православіе и традиція кирилловской письменности; чехи были почти не раздѣльны съ словаками, и около эпохи Гуса, раньше и позже, оказывали литературное вліяніе на поляковъ; въ періодъ реформаціи, протестантизмъ словинскій (хорутанскій) и хорватскій думалъ работать не только въ кругѣ своего племени, но и для другихъ славянъ [1]). Нашъ Несторъ, какъ извѣстно, имѣлъ точное свѣдѣніе о славянскихъ племенахъ, и дѣлалъ замѣчаніе о единствѣ языка славянскаго и русскаго; лѣтописцы и писатели другихъ племенъ знали,

[1]) Не приводимъ здѣсь подробностей, которыя желающій найдетъ въ книгѣ г. Первольфа: „Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до XVIII вѣка“, Спб. 1874, гдѣ собрано много фактовъ подобныхъ частныхъ сближеній между славянскими племенами и литературами,—не доходившихъ, впрочемъ, никогда до цѣльнаго и широкаго значенія.

Digitized by Google

хотя очень неясно, о распространеніи славянскаго народа и иногда съ гордостью на это ссылались. Первые славянскіе ученые, занявшіеся языкомъ, начинали уже отчетливѣе понимать племенное родство, и знаменитый словинецъ, Адамъ Богоричъ, издавшій грамматику въ концѣ XVI вѣка, съ сочувствіемъ и гордостью говоритъ о родственныхъ племенахъ и указываетъ, что изъ его книги легко можно увидѣть родство славянскаго языка съ московскимъ, русскимъ (южнымъ), польскимъ, чешскимъ, лужицкимъ, далматинскимъ и хорватскимъ. Писатели сербо-далматинскіе тѣхъ же и позднѣйшихъ временъ, подъ вліяніемъ классическо-итальянской образованности болѣе приготовленные къ историческому пониманію, чаще другихъ возвращаются къ племеннымъ воспоминаніямъ, которыя и являются и въ произведеніяхъ рагузинскихъ поэтовъ, и въ сочиненіяхъ далматинскихъ историковъ, какъ Черва, Мавро Орбини и пр., еще съ конца XV столѣтія. Послѣдній задумалъ еще въ тѣ времена составить исторію всѣхъ славянъ (1601 г.), которая, при Петрѣ Великомъ переведена была подъ надзоромъ Ѳеофана Прокоповича рагузинцемъ Савою Владиславлевичемъ (1722). Славянскіе историки XVI и XVII вѣка любили баснословить о происхожденіи славянскаго народа, но въ баснословіи уже высказывалось неясное ожиданіе, что общность происхожденія должна внушать славянамъ взаимный интересъ, сочувствіе, а пожалуй и помощь.

Въ періодъ, когда господствовали это баснословіе и эти первыя догадки о какой-то связи славянскихъ племенъ, тѣмъ болѣе замѣчательно явленіе человѣка, который не только ясно предчувствовалъ національно-политическую и образовательную солидарность славянства, но и предпринялъ для ея осуществленія замѣчательныя историко-политическія и литературныя работы. Это былъ знаменитый сербо-хорватъ Юрій Крижаничъ. Продолжая преданіе сербо-далматинской литературы, которая впервые вспоминала обще-славянскія связи, Крижаничъ выработалъ свою цѣлую теорію національнаго освобожденія и возвеличенія славянства, въ союзѣ съ Россіей, и подъ ея ближайшимъ руководствомъ, какъ сильнѣйшей и самобытной славянской державы.

Оригинальна самая судьба этого *перваго панслависта*. Онъ не былъ извѣстенъ въ свое время такъ, какъ онъ сталъ извѣстенъ теперь. Его сочиненія были только недавнимъ открытіемъ: въ свое время они остались безъ всякаго общественнаго вліянія, потому что и не были вовсе извѣстны; его проекты не были приняты, но труды его, раскрывая передъ нами замѣчательную

Digitized by Google

личность, даютъ и знаменательную историческую черту славянскихъ племенныхъ связей.

Не будемъ останавливаться долго на личности и трудахъ Крижанича, которые вызвали и у насъ нѣсколько изслѣдованій, даже особую книгу, и которые столько разъ поминались уже въ послѣдніе годы по поводу новѣйшихъ славянскихъ событій. Довольно сказать, что Крижаничъ, родомъ изъ хорватскаго дворянства, выбралъ себѣ церковное поприще, учился въ Вѣнѣ, Болоньѣ, Римѣ; заинтересовался вопросомъ о соединеніи церквей, въ Римѣ познакомился съ русскими (уніатскими) духовными, и, расширяя постепенно свои вопросы и изученія, онъ дошелъ до такихъ общихъ идей объ исторической жизни славянства, которыя охватили все его существо и опредѣлили его судьбу. Именно, изучая славянскую исторію, славянскія церковныя отношенія, онъ съ прискорбіемъ и досадой видѣлъ всеобщее (кромѣ Россіи) униженіе славянства подъ игомъ чужеземцевъ, которое сами славяне поддерживали своей безхарактерностью. Онъ рѣшился бороться съ этими недостатками славянства, высказать свои идеи тамъ, гдѣ онѣ могли получить дѣйствительную силу. Все южное и западное славянство было тогда (въ половинѣ XVII вѣка) подъ игомъ — свободны оставались Польша и Россія. Но первая не внушала Крижаничу симпатіи: ея состояніе казалось ему уже тогда безнадежно анархическимъ, и онъ не возлагалъ на нее никакихъ надеждъ. Оставалась Россія. Крижаничъ, католическій священникъ, отправляется въ Россію, пишетъ (вѣроятно) здѣсь обширные политическіе трактаты о положеніи славянства, о славянскомъ значеніи Россіи, посвящая ихъ царю Алексѣю Михайловичу. Неизвѣстно до сихъ поръ, что́ было съ Крижаничемъ въ Россіи, куда онъ попалъ въ нее въ смутную эпоху; но его книги бывали «на верху у государя»; тогда и послѣ онѣ бывали въ библіотекахъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, свѣтскихъ и духовныхъ. Кромѣ своей общей политической теоріи, яснаго панславистическаго характера, онъ писалъ также по тогдашнему жгучему вопросу — о расколѣ, въ такомъ смыслѣ, въ какомъ можно было ожидать отъ человѣка истинно просвѣщеннаго: онъ объяснялъ, что вѣра и спасеніе не заключаются въ буквѣ или иномъ неточномъ переводѣ, что недостойно изъ-за грамматическихъ ошибокъ разорять духовную любовь; ему не нравилось въ раскольникахъ внѣшнее формалистическое благочестіе, соединившееся съ неправильной, даже прямо развратной жизнью. Въ вопросѣ о соединеніи церквей, Крижаничъ возымѣлъ мысль совершенно оригинальную и вполнѣ національно-славянскую, которую впору было

бы уразумѣть и въ настоящее время. «Глупо поступаетъ тотъ,— говоритъ панславянскій патріотъ, — кто вмѣшивается въ чужіе споры, изъ которыхъ не можетъ выдти для него никакой пользы». Славянамъ нѣтъ надобности вмѣшиваться въ споръ двухъ церквей о первенствѣ; имъ все равно, что «патріархъ цареградскій и папа римскій по этой причинѣ другъ съ другомъ спорятъ, дерутся и таскаются за бороды», и надо лучше помнить и стараться о своемъ племенномъ соединеніи.

Старая Москва была слишкомъ сонная, слишкомъ привыкла къ дѣдовскимъ обычаямъ, «старинѣ и пошлинѣ», и не привыкла къ критикѣ, чтобы замыслы Крижанича, широкіе и идеалистическіе, могли найти въ ней хоть какой-нибудь отголосокъ. Неизвѣстно какъ, но черезъ два года по пріѣздѣ въ Москву «попъ Юрко Сербляninъ» былъ уже сосланъ въ Сибирь, гдѣ прожилъ цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ (1661—1676). Здѣсь онъ продолжалъ работать, и между прочимъ написалъ книгу,—по поводу которой онъ долженъ быть поставленъ первымъ писателемъ, поднявшимъ сознательно вопросъ о славянскомъ литературномъ единствѣ. Книга называлась «Граматично изказаніе объ русскомъ језику» (1666 г.).

Еще живя въ Римѣ, лѣтъ за двадцать-пять передъ тѣмъ, Крижаничъ заинтересовался вопросомъ о славянскомъ литературномъ языкѣ; изучая церковныя книги русскихъ уніатовъ, онъ приходилъ къ заключенію, что хорватскій книжный языкъ очень испорченъ, и думалъ объ его исправленіи; но его планы потомъ расширились и, отправляясь въ Россію съ своими панславянскими замыслами, онъ думалъ, между прочимъ, объ исправленіи «нашего славянскаго языка», для котораго онъ хотѣлъ составить грамматику и словарь.

Своего цѣлаго предпріятія онъ выполнить не успѣлъ; осталось только «Граматичное изказаніе», притомъ написанное въ Сибири безъ всякихъ пособій.

Крижаничъ вообще писалъ страннымъ языкомъ, смѣсью русскаго съ хорватскимъ и съ другими примѣсями, между прочимъ, съ имъ самимъ составленными словами. Въ предисловіи къ грамматикѣ онъ объясняетъ причину этого и проситъ читателя не удивляться, что его языкъ не сходенъ съ обыкновеннымъ русскимъ. Дѣло въ томъ, что онъ хотѣлъ, чтобы его языкъ былъ понятенъ и русскимъ, и славянамъ южнымъ, и чехамъ, и полякамъ. «И потому, — говоритъ онъ (передаемъ его слова на нынѣшнемъ языкѣ), — я рѣшилъ говорить такъ (*будто мысли общимъ языкомъ*), чтобы всѣмъ было понятно. Иностранцы здѣсь никакой

Digitized by Google

вѣтъ, ни въ словахъ, ни въ составѣ рѣчи. А формы и окончанія словъ я выбралъ такія, которыя наиболѣе извѣстны, или многимъ нашимъ нарѣчіямъ обычны». У него была такимъ образомъ мысль, что надо искать «общаго языка». Въ связи съ этимъ, въ изслѣдованіи о «русскомъ» языкѣ онъ имѣлъ въ виду не собственно русскій, а вообще славянскій языкъ. По его теоріи, русскій языкъ именно и есть самый старшій и главный: на него прежде всего переведены были священныя книги, онъ—основное начало, изъ котораго произошли всѣ остальныя «отмѣны» языка, т.-е. нарѣчія. Всѣ славянскія племена произошли отъ русскаго: одна вѣтвь (имѣвшая частное имя «*славянъ*» и раздѣлившаяся потомъ на три королевства—болгарское, сербское и хорватское), направилась на югъ, въ земли византійской имперіи; такъ какъ эта вѣтвь постоянно воевала съ греками и римлянами, то послѣдніе знали больше ея имя (славяне) и неправильно примѣнили его къ цѣлому племени, которое было собственно *русское*. Другія вѣтви русскаго племени пошли на западъ, и тамъ основали королевства чешское и польское. «Несомѣнно,—говоритъ Крижаничъ, — что русское племя и имя есть всѣмъ остальнымъ вершина и корень. И потому, когда хотимъ обнять общимъ именемъ и разумѣть всѣ наши шесть поколѣній и всѣ шесть язычныхъ отмѣнъ (т.-е. шесть главныхъ славянскихъ племенъ и нарѣчій), то не подобаетъ звать ихъ новѣйшимъ славянскимъ, а скорѣе предавнимъ и кореннымъ русскимъ именемъ. И такимъ образомъ не русская *отмѣна* есть плодъ славянской; а напротивъ, славянская, чешская, лешская отмѣна суть отродки русскаго языка. И наипаче тотъ языкъ, которымъ мы пишемъ книги, не есть, и не можетъ по правдѣ зваться славянскій, а напротивъ—русскій книжный, или древній языкъ». Это не только потому, что остальныя племена и языки произошли отъ русскаго, но и потому, что древній «славянскій» языкъ всего больше похожъ на нынѣшній русскій, чѣмъ на какое-нибудь другое нарѣчіе...»

Такимъ образомъ, русскій языкъ представлялся Крижаничу какъ основной славянскій, даже всеславянскій языкъ: онъ—прямой преемникъ древняго славянскаго, въ немъ источникъ другихъ нарѣчій, изъ него только можетъ выдти исправленіе порчи послѣднихъ, какъ отъ Россіи только можетъ явиться помощь для самихъ славянскихъ народовъ.

Въ своей грамматикѣ онъ съ этой точки зрѣнія и трактуетъ русскій языкъ, желая сдѣлать его общедоступнымъ славянству и примѣшивая нѣкоторыя подробности изъ другихъ нарѣчій. Объ этихъ послѣднихъ онъ судитъ очень неблагопріятно. Всѣ славян-

Digitized by Google

сія племена, кромѣ русскаго, покорились или иначе подчинились иноземцамъ и испортили, погубили свой языкъ: «одно потеряли треть, другое половину своего отеческаго языка, и каждый день еще больше теряютъ». Крижаничъ вѣрно понялъ, какъ много образованіе языка зависитъ отъ его политическаго положенія. «Гдѣ у какого народа нѣтъ книжныхъ писателей,—говоритъ Крижаничъ, — ни королевскихъ приказовъ, и народнаго устроенія или законодательства на собственномъ языкѣ, тамъ по необходимости языкъ портится и погибаетъ; а гдѣ царственное дѣло и народное законодательство устроено на своемъ языкѣ, тамъ языкъ привыкаетъ быть болѣе обильнымъ и день ото дня болѣе стройнымъ. Поэтому-то у болгаръ нечего и искать;—тамъ языкъ такъ изгубленъ, что отъ него едва остается слѣдъ. У ляховъ половина словъ примѣшена изъ другихъ различныхъ языковъ. Въ чешскихъ книгахъ обрѣтается языкъ болѣе чистый, чѣмъ ляшскій; но и онъ тоже не мало искаженъ. А сербы и хорваты такъ изгубили свою дѣдовскую рѣчь, что кромѣ домашнихъ вещей ни о какой другой вещи не могутъ сотворить никакой годной бесѣды,—какъ объ нихъ нѣкто написалъ: хорваты-де и сербы всѣми языками говорятъ, а ничего не говорятъ. Потому что первое слово у нихъ русское (т.-е. славянское), второе—венгерское, третье—нѣмецкое, четвертое — турецкое, пятое—греческое, или волошское, или арбанасское». Крижаничу очень не нравится и бѣлорусскій языкъ (конечно, въ тогдашнихъ бѣлорусскихъ книгахъ), много черпающій изъ такого мутнаго источника, какъ польскій языкъ; не нравятся ему и «кіевскія книги», которыхъ онъ не можетъ читать «безъ омерзѣнія». Самъ русскій языкъ тоже не безъ порчи, однако, въ немъ все-таки словъ годныхъ гораздо больше, чѣмъ у хорватовъ или гдѣ-нибудь у другихъ славянъ,—и это потому, что у русскихъ всѣ царскія, законодательныя и народныя дѣла производятся на своемъ языкѣ. Но нигдѣ нѣтъ такихъ правильныхъ удареній, такого чистаго произношенія, и внѣшность языка такъ не близка къ древнему, какъ у хорватовъ,—а именно въ небольшомъ уголкѣ хорватской земли, между Купою и Уною рѣками, въ уѣздахъ Бихача города, — т.-е. на собственной родинѣ Крижанича.

Какъ мы сказали, сочиненіе Крижанича не есть грамматика тогдашняго книжнаго или живого русскаго языка, — а именно того, имъ самимъ теоретически построеннаго, въ который онъ примѣшалъ также нѣкоторые элементы ино-славянскіе и который, по его мнѣнію, долженъ былъ представлять наилучшее собраніе

Digitized by Google

свойствъ истиннаго славянскаго языка и послужить объединенію всѣхъ другихъ нарѣчій.

Бодянскій, издававшій грамматику Крижанича тридцать лѣтъ тому назадъ, находилъ чрезвычайно замѣчательнымъ явленіемъ для своего времени эту попытку создать изъ многочисленныхъ родственныхъ нарѣчій одинъ общій языкъ, тѣмъ болѣе, что и въ исполненіи, въ проведеніи своей системы, въ сравненіи нарѣчій и т. д. Крижаничъ высказалъ много тонкихъ и вѣрныхъ замѣчаній о славянскомъ языкѣ. Новѣйшіе филологи относятся къ труду Крижанича гораздо болѣе требовательно и очень умѣряютъ похвалы.

Нечего говорить о томъ, что мысль Крижанича—будто возможно создать искусственный языкъ изъ матеріала, хоть бы имѣющагося на лицо,—совершенно ошибочна, потому-что языкъ создается не теоретическими соображеніями, а живымъ историческимъ развитіемъ. Можно угадывать направленіе развитія, можно работать для него въ извѣстномъ смыслѣ, но эта работа все-таки останется только единичнымъ вкладомъ въ общее историческое движеніе языка. Критиковать Крижанича поэтому совсѣмъ излишне. Но слѣдуетъ отмѣтить въ его трудѣ тѣ стороны, которыя даютъ ему историческое значеніе. Прежде всего, замѣчательно его общее стремленіе — защищать племенную самобытность славянства, внушать мысль о необходимости его единства; его забота о созданіи общеславянскаго языка, хотя неудавшаяся и въ той формѣ невозможная для исполненія, въ высшей степени характеристична и замѣчательна, потому что общій литературный языкъ дѣйствительно составляетъ капитальную потребность славянства, conditio sine qua non его политической и культурной солидарности, даже возможности его существованія въ будущемъ. Понять это—въ половинѣ XVII вѣка, хорвату, который живетъ въ какой-то странной ссылкѣ въ Сибири, и въ этихъ условіяхъ дѣлается проповѣдникомъ русскаго первенства въ славянскомъ мірѣ, есть нѣчто очень оригинальное, высокое и трагическое.

Именно трагическое было въ судьбѣ этого человѣка, носившагося двѣсти лѣтъ тому назадъ съ мыслями, которыхъ славянскій міръ до сихъ поръ еще не постигъ, и не къ своей пользѣ.

Кромѣ этого общаго стремленія, другіе частные взгляды Крижанича также очень любопытны для своего времени. Даже теперь поучительно его мнѣніе, что славянство могло бы не мѣшаться въ споры церкви цареградской и римской, предоставивъ ихъ главамъ «таскаться за бороды» по его наглядному выраженію. Напереворъ тогдашней крайней нетерпимости славянъ

Digitized by Google

православныхъ и католиковъ, которая на мѣсто родственной связи ставила братоубійственную ненависть, выгодную только врагамъ обѣихъ сторонъ, и въ противоположность новѣйшей славянофильской теоріи, возводящей эту нетерпимость въ принципъ, Крижаничъ думалъ, что славяне разныхъ вѣръ должны бы соединяться въ братскій союзъ для ихъ общихъ дѣлъ и для защиты своей независимости отъ племенныхъ враговъ. Мы всегда думали, что разжиганіе теологическаго спора (особенно, когда на дѣлѣ мы не можемъ даже въ этой сферѣ провести послѣдовательно своей мысли, а тѣмъ менѣе дать ей реальное выраженіе) мало способно внушить «братскія» чувства въ славянствѣ иного исповѣданія и, напротивъ, можетъ раздѣлить его еще больше въ такое время, когда оно должно бы быть собрано для настоятельной племенной борьбы. Это—точка врѣнія: fiat justitia, pereat mundus, которая особенно сомнительна, когда въ опредѣленіи «справедливости» дѣйствуетъ не столько доказательство, сколько просто требованіе слѣпой вѣры.

Далѣе, нужно особенно отмѣтить у Крижанича его мнѣнія о первенствѣ русскаго языка. Онъ не зналъ, конечно, исторіи славянскаго языка, какъ она извѣстна теперь, и русскій языкъ не былъ родоначальникомъ остальныхъ нарѣчій; но Крижаничъ вѣрно указывалъ, что преемство старославянскаго языка и литературы съ наибо́льшимъ правомъ должно быть приписано именно русскому языку, который отъ XIV—XV вѣка, съ паденіемъ болгарскаго и сербскаго царствъ, съ паденіемъ южно-славянской православной письменности, остался единственнымъ представителемъ стараго преданія. Въ настоящее время, разумѣется, не могутъ быть повторены аргументы Крижанича; но сущность его мысли повторялась, какъ увидимъ, и въ наше время.

Послѣ Крижанича, сколько извѣстно, запросъ о славянскомъ литературномъ единствѣ не былъ, до нашего вѣка, высказанъ никѣмъ съ такой опредѣленностью и сознаніемъ. Но мысль о цѣльности славянскаго племени, съ XVI вѣка, съ дубровницкихъ писателей, съ южно-славянскихъ протестантовъ, начинаетъ высказываться все чаще; западно-славянскія исторіи и космографіи, русскіе хронографы вспоминаютъ о другихъ славянскихъ племенахъ; иностранцы также начинаютъ замѣчать близкую родственность, соединяющую славянскій міръ, и сначала въ видѣ любопытнаго факта, потомъ болѣе сознательно говорятъ (какъ, напр., аббатъ Фортисъ въ концѣ XVIII вѣка) о громадной области

Digitized by Google

славянскаго языка, гдѣ отъ Адріатическаго моря до Камчатки славяне могутъ понимать другъ друга. Еще не было теоріи національности, и никто еще не думалъ о сліяніи крупныхъ племенныхъ массъ, но данныя для выводовъ подобнаго рода уже намѣчались и указывались. Чрезвычайно любопытный фактъ въ этомъ отношеніи представляетъ, съ русской стороны, много разъ указанный интересъ къ славянству у Петра Великаго. Онъ, котораго такъ много осуждали за нарушеніе русскихъ народныхъ началъ, въ этомъ случаѣ обнаружилъ національнаго пониманія несравненно болѣе, чѣмъ кто-нибудь изъ его предшественниковъ; онъ съ любопытствомъ читалъ исторію славянскихъ народовъ, вызывалъ къ себѣ на службу славянъ, какъ людей, которымъ близокъ русскій языкъ, питалъ замыслы объ освобожденіи южнаго славянства. Остается еще не выяснено, изъ какихъ источниковъ и возбужденій явились эти славянскіе интересы Петра Великаго, напр., могли ли здѣсь имѣть свою долю писанія Крижанича, которыя, какъ извѣстно, бывали и у царя Алексѣя «на верху», и въ рукахъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ того времени, свѣтскихъ и духовныхъ. Съ конца XVIII вѣка, въ началахъ того славянскаго возрожденія, о которыхъ мы прежде говорили, одной изъ первыхъ и постоянно повторяющихся мыслей бывало припоминаніе о цѣлой великой славянской семьѣ, къ которой хотѣла возвратиться и примкнуть каждая забытая и угнетенная народность: въ этомъ припоминаніи сказывалась и племенная гордость иного племени, настоящее котораго было такъ безотрадно, и ожиданіе, что сила семьи окажетъ, наконецъ, помощь или нравственную, или матеріальную, или ту и другую. Говорилось, что славянскіе народы составляютъ одно племя, что ихъ рѣчь такъ сходна, что они легко могутъ понимать другъ друга и взаимно содѣйствовать своему просвѣщенію. Въ дѣйствительной жизни было еще слишкомъ мало фактовъ, которые давали бы право говорить объ этой общей просвѣтительной работѣ, но мысль и идеалъ забѣгали впередъ, и у первыхъ дѣятелей славянскаго возрожденія уже возникало опредѣленное сознаніе о необходимости обще-славянскаго литературнаго языка.

III. Юнгманнъ и Шафарикъ.

Имя Юнгманна, знаменитое въ исторіи славянскаго, въ частности чешскаго возрожденія, — мы, къ сожалѣнію, въ томъ увѣрены, — очень мало знакомо большинству русскихъ читателей.

Digitized by Google

Чеховъ, если имъ попадется на глаза наше замѣчаніе, оно удивитъ или даже исполнитъ негодованіемъ; но мы (ужъ если зашла объ этомъ рѣчь) настаиваемъ на немъ, потому что оно дастъ имъ мѣрку того, какъ еще не велика «славянская взаимность» двухъ обществъ. Но негодованіе мы просили бы чеховъ умѣрить, — потому что сами они, въ другихъ случаяхъ, столь же мало знаютъ русскую литературу и русскую жизнь.

Итакъ, Іосифъ Юнгманнъ (1773—1847) — имя знаменитое, и по справедливости. Это одинъ изъ крупнѣйшихъ дѣятелей и основателей чешскаго возрожденія — поэтъ, ученый профессоръ, искусный публицистъ въ защиту народнаго языка, наконецъ въ особенности авторъ двухъ произведеній такого рода, какія составляютъ первѣйшую потребность возрождающихся литературъ: исторіи чешской литературы и чешскаго словаря. Его исторія литературы, чисто фактическая, почти одинъ систематическій каталогъ, составленный чрезвычайно добросовѣстно, была очень важна какъ инвентарь чешской литературной старины, которую на первыхъ шагахъ новой литературы надо было извлечь изъ забвенія. Словарь Юнгманна — такое произведеніе, какія составляются обыкновенно цѣлыми академіями или учеными обществами; у насъ — еще нѣтъ такого словаря.

Не по примѣру многихъ другихъ кабинетныхъ ученыхъ, Юнгманнъ былъ живой просвѣщенный человѣкъ, усердно занимался не только стариной, но и современной (т.-е. конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія) западной литературой, особенно англійской, какъ преимущественно самобытной, сильной и свободной. Онъ переводилъ изъ нея стихотворенія Драйдена, Гольдсмита, Грея, Попа. Изъ нея явился источникъ его перваго обширнаго литературнаго труда — перевода «Потеряннаго Рая» Мильтона. По поводу этого труда Юнгманнъ въ первый разъ высказалъ свою мысль о возможности и необходимости обще-славянскаго литературнаго языка.

Эта мысль въ то время вообще ходила въ умахъ, — у чеховъ, гдѣ, кромѣ Юнгманна, ту же идею имѣлъ одинъ изъ старѣйшихъ писателей чешскаго возрожденія, Пухмайеръ (1804); у поляковъ, гдѣ намекалъ на нее ученый епископъ Янъ Косаковскій (въ рѣчи 1803) и знаменитый Линде; у словинцевъ, гдѣ знаменитый ученый Копитаръ говоря о литературѣ славянскихъ нарѣчій, высказывалъ (1808) ожиданіе, что эти нарѣчія, какъ нѣкогда діалекты греческаго языка, быть можетъ срастутся нѣкогда въ одинъ общій литературный языкъ. Но, кажется, всѣхъ опредѣленнѣе привязанъ былъ къ этой мысли Юнгманнъ.

Digitized by Google

Новая чешская литература только-что начиналась. Враги ея видѣли въ ней только жалкую попытку возстановить дѣло совсѣмъ погибшее; первый кружокъ ея друзей, старѣйшихъ писателей новой литературы, думалъ, что она можетъ существовать только въ формахъ языка, господствовавшаго въ такъ-называемый «золотой вѣкъ», во времена Рудольфа (конецъ XVI и начало XVII вѣка), и упорно оспоривалъ тѣхъ, которые думали, что языку слѣдуетъ развиваться съ теченіемъ времени и ходомъ образованности. Юнгманнъ рѣшился стать противъ авторитетовъ, во главѣ которыхъ былъ знаменитый Добровскій: онъ видѣлъ, что языкъ стараго періода не могъ быть достаточенъ для выраженія новѣйшихъ понятій, и переводы его изъ новыхъ европейскихъ поэтовъ и изъ Мильтона должны были служить для развитія чешскаго литературнаго языка. Въ переводѣ «Потеряннаго Рая» (сдѣланномъ въ 1800—1804 годахъ, но изданномъ только въ 1811), Юнгманнъ попробовалъ одно нововведеніе, разсчитанное на объединеніе славянскаго литературнаго языка. Большой знатокъ стараго языка, умѣвшій владѣть его запасомъ, Юнгманнъ вводилъ въ свой трудъ и слова ино-славянскія, именно русскія и польскія. Въ предисловіи къ книгѣ Юнгманнъ такъ объясняетъ присутствіе этихъ словъ, взятыхъ изъ другихъ славянскихъ нарѣчій: «Не желай, дорогой соотечественникъ, чтобы возвышенная поэзія была унижена обыденнымъ языкомъ; привыкай лучше, какъ славянинъ, къ славянскому и *желай* вмѣстѣ съ людьми разумными, чтобы и мы, чехи, постепенно шли на встрѣчу *общему литературному языку* для славянской рѣчи».

Подобнымъ образомъ Юнгманнъ употреблялъ инославянскія слова въ своемъ переводѣ «Аталы» Шатобріана, вышедшемъ, безъ имени переводчика, еще въ 1805 г.

Въ 1845 году Юнгманнъ, уже 72-хъ-лѣтній старикъ, писалъ свои «Записки», отрывочныя замѣтки, съ автобіографическими воспоминаніями, теоретическими размышленіями и т. п., отражающими гуманную личность просвѣщеннаго, свободно-мыслящаго патріота. Здѣсь онъ, черезъ многіе годы, возвратился къ тому же предмету — общеславянскому языку, въ отрывкѣ, который, по его краткости, можемъ привести цѣликомъ:

«Старѣйшіе сосѣди наши нѣмцы — говоритъ Юнгманнъ — могли бы намъ служить примѣромъ въ важнѣйшихъ предметахъ народности, въ наукѣ и всякомъ искусствѣ. Основаніе обѣихъ народностей очень сходно. Сѣверозападная часть нѣмецкаго народа отличается отъ юговосточной столько же, какъ славянская сѣверовосточная отъ западной. Но съ какой разницей! У нихъ одно

Digitized by Google

нарѣчіе верхне-саксонское господствуетъ какъ письменный языкъ во всѣхъ областяхъ ихъ земли, хотя въ самой жизни въ народѣ до сихъ поръ употребляются другія нарѣчія. Нѣмецъ благоразумно разсуждаетъ: хоть я пишу по-саксонски, все же пишу по-нѣмецки, а дома говорю какъ умѣю и хочу. Не такъ разсуждаетъ славянинъ. Полякъ говоритъ: если буду писать по-русски, перестану быть полякомъ, и такъ каждый говоритъ свое. У нѣмцевъ, различіе вѣроисповѣданія ни мало не мѣшаетъ употребленію одного и того же языка и литературы; у славянъ, раздѣленіе вѣроисповѣдное кладетъ непереходимыя границы между родными братьями. Нѣмцы, имѣя одно латинское письмо, хотя недостаточное для ихъ языка и, слѣдовательно, весьма несовершенное, но, стремясь къ единству, удовлетворяются имъ и дѣлаютъ съ нимъ чудеса. Славяне, раздѣленные на двѣ части и письмомъ, тамъ греческимъ (кирилловскимъ), здѣсь латинскимъ, да и тутъ употребляя свое письмо различно одни отъ другихъ, какъ русскіе и сербы, поляки и чехи и т. д., вездѣ ползутъ врозь, одни другихъ чуждаются. Взаимность ихъ литературъ, нѣсколько пробужденная въ новое время, есть слабое, мало дѣйствительное подобіе нѣмецкаго единства.

«Какъ много лучше было бы по примѣру нѣмцевъ — употреблять какое-нибудь одно нарѣчіе за письменный языкъ, который бы вѣчно и сильно обогащался и облагораживался другими нарѣчіями. — Такова была моя мысль и желаніе, высказанныя въ предисловіи къ первому изданію «Потеряннаго Рая»,—схвативъ которыя противъ меня, мстительный Янъ Неѣдлый тайно выставилъ полиціи какъ опасныя и тѣмъ подвергъ меня трехлѣтнему тайному полицейскому слѣдствію, отъ котораго я довольно невредимо и счастливо избавился только законнымъ исполненіемъ своихъ служебныхъ обязанностей и безупречной жизнью.

«А все-таки я не могу думать иначе. По моему мнѣнію, если у нѣмцевъ при единствѣ литературы и письменнаго языка можетъ сохраняться особое правленіе въ разныхъ частяхъ, тамъ прусское, здѣсь австрійское, тутъ баварское, виртембергское и т. д., то почему бы и у славянъ, употребляющихъ одинъ письменный языкъ, не могли бы сохраниться различные политическіе отдѣлы — русскихъ, сербовъ, австрійскихъ, прусскихъ, турецкихъ славянъ? То пугало панславизма, котораго боятся или дѣлаютъ видъ, что боятся, наши непріятели, есть выдумка себялюбія и ненависти, и притомъ ненависти неумной и слѣпой, которая любуется своимъ пангерманствомъ, и не хочетъ дозволить намъ ничего, даже издалека съ этимъ сходнаго, и притомъ не сты-

Digitized by Google

дится публично провозглашать свой злой умыселъ — держать насъ въ вѣчномъ раздѣленіи и подчинить себѣ! Я — искренній, любящій свою народность чехъ, но всеславянскому литературному языку я готовъ принести въ жертву и чешскій языкъ, зная, что, какимъ бы нарѣчіемъ мы ни писали, все-таки остались бы славянами. Если бы высокія власти сдружились съ этой мыслью и дали намъ то, къ чему призвала насъ природа!»

Мы привели эти слова, какъ мнѣніе одного изъ значительнѣйшихъ и разумнѣйшихъ представителей чешскаго возрожденія. Было уже твердое убѣжденіе въ необходимости литературнаго объединенія, доходившее до готовности жертвовать своимъ частнымъ нарѣчіемъ, которое, однако, было одно изъ самыхъ богатыхъ литературою.

На дѣлѣ, цѣль была еще слишкомъ далека. Чешская литература имѣла свои настоятельныя потребности, которымъ прежде всего надо было удовлетворить — требовалось пока вообще пробуждать сознаніе своей народности, такъ что было еще напрасно и безплодно задаваться идеей литературнаго единства цѣлаго племени. Но у многихъ руководящихъ дѣятелей чешской литературы второго, третьяго, четвертаго десятилѣтія нашего вѣка, даже мимо этой мысли о литературномъ единствѣ, по самой силѣ вещей высказываются мнѣнія, которыя имѣли къ ней несомнѣнное отношеніе. Не только понято было, что въ національныхъ изученіяхъ необходима солидарность, и знаніе другого племени можетъ быть чрезвычайно важно для уразумѣнія своего; но являются и попытки явнаго литературнаго сближенія. Таково, напр., такъ-называемое «руссофильство» многихъ чешскихъ писателей того времени, — изъ котораго непріятели ихъ дѣлали даже противъ нихъ пунктъ обвиненія. Руссофилами были, напр., Ганка, Линда, такъ сильно подозрѣваемые теперь въ сочиненіи «Суда Любуши»; Челяковскій, въ изданной недавно перепискѣ котораго мы встрѣчаемъ не только употребленіе русской азбуки для чешскаго языка (что могло бы очень порадовать Гильфердинга), но и прямо — русскій языкъ, насколько Челяковскій могъ изучить его по книгамъ. Это происходило въ двадцатыхъ годахъ. Линда, Ганка и, какъ мы видѣли, самъ Юнгманнъ любили вставлять въ свой языкъ русскія слова — это должно было и обогащать языкъ, и сближать славянскія нарѣчія.

Но въ особенности надо упомянуть о Шафарикѣ. Въ другомъ мѣстѣ мы говорили объ этомъ величайшемъ ученомъ панславистѣ тѣхъ временъ, который, съ первой поры своей дѣя-

Digitized by Google

тельности, имѣлъ въ виду цѣльное славянство, его древности, этнографію и литературу. Ему не могъ не представиться тотъ же вопросъ, котораго онъ и касается различнымъ образомъ уже въ своей «Исторіи славянскаго языка и литературы по всѣмъ нарѣчіямъ» (1826). Шафарикъ ясно видѣлъ необходимость объединенія, но не меньше ясны были ему и вся трудность дѣла по этнографическому разнообразію славянства и его крайнему историческому разброду. Въ общей картинѣ славянскаго литературнаго движенія (§ 6) онъ отдается свѣтлымъ надеждамъ на высокую историческую роль племени въ будущемъ; онъ ждетъ, что одушевленіе къ просвѣщенію народа, вызывающее все новыхъ дѣятелей въ возрождающемся славянствѣ, приведетъ, наконецъ, послѣ сумрачнаго утра къ ясному солнечному дню—«для миролюбиваго племени, во всей жизни котораго звучитъ такъ много отголосковъ юношески-поэтической Греціи» и что «этому племени недостаетъ еще только ступени эстетическаго и научнаго образованія, на какой нѣкогда стояли греки, чтобы приблизиться къ нимъ въ осуществленіи идеи чистой человѣчности».

Но у Шафарика при идеалистическомъ взглядѣ было еще сколько положительнаго знанія, что онъ не увлекался идеаломъ до забвенія фактовъ. Онъ едва ли не первымъ сказалъ, что «нарѣчіе, которое приняли святые братья-апостолы для перевода писанія, готово было, какъ позднѣе тосканское въ Италіи, и верхне-саксонское въ Германіи, стать навсегда письменнымъ языкомъ славянъ и по крайней мѣрѣ такимъ образомъ составить духовное единство между раздѣленными частями такъ широко распространившейся націи», — но онъ не считалъ этого единства уже существовавшимъ фактомъ (какъ послѣ дѣлали славянофильскіе писатели); и напротивъ, указывалъ, что раздоръ между восточной и западной церковью на первыхъ же порахъ далъ дѣлу совсѣмъ другой оборотъ и разрушилъ прекрасную надежду. Двойное вѣроисповѣданіе ввело и двойную азбуку (послѣ, у славянъ-протестантовъ была также латинская азбука). «Здѣсь,—замѣчаетъ Шафарикъ, — по человѣческой вѣроятности, не легко надѣяться на новое соединеніе», — хотя съ другой стороны, что «каждая изъ этихъ славянскихъ половинъ гораздо больше многихъ иныхъ европейскихъ народовъ, у которыхъ, однако, процвѣтаютъ языкъ и литература».

Представивши таблицу разнообразныхъ славянскихъ азбукъ, употреблявшихся въ разныхъ нарѣчіяхъ [1]), Шафарикъ замѣчаетъ:

[1]) Надо замѣтить, что, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, азбуки были гораздо разнообразнѣе, чѣмъ теперь. Съ тѣхъ поръ чешская азбука упростилась, и принятое въ

Digitized by Google

«При этихъ обстоятельствахъ очень трудно удержаться отъ всякихъ пожеланій, но еще труднѣе высказать такое пожеланіе. Въ совѣтѣ Провидѣнія рѣшено было, что славяне должны уподобиться не одноствольной пальмѣ, а развѣсистому, дающему большую тѣнь дубу, раздѣленному на величайшее множество вѣтвей, что оно должно расцвѣтать такимъ многообразнымъ способомъ и приносить плоды разнаго рода. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, развѣтвленность славянскаго племени и языка есть даже преимущество, которое, правда, можетъ на нѣсколько столѣтій задержать общее развитіе націи, но за то нѣкогда тѣмъ лучше поведетъ къ цѣли, устраняя одностороннее развитіе силъ или направленіе ихъ къ одному пункту. Неутомимое стремленіе впередъ отдѣльныхъ вѣтвей въ образованіи языка и народа и взаимное пользованіе наличными общими богатствами языка есть, конечно, ближайшее желаніе, какое можно теперь имѣть. Потомъ къ нему присоединилось бы другое—охотно встрѣчать упрощеніе и объединеніе славянскихъ письменныхъ системъ, устроенныхъ на латинскій и нѣмецкій ладъ, объединеніе, которое должно быть достигаемо съ теченіемъ времени безъ насильственныхъ реформъ; но еще не думая теперь же о соединеніи латинскаго и кирилловскаго алфавита, и о введеніи какъ одного общаго однообразнаго правописанія, такъ и общаго книжнаго языка,—настоящей пасиграфіи въ двоякомъ смыслѣ слова [1]). Но если болѣе горячему слависту позволено будетъ безпритязательно высказать благочестивыя желанія, то, признаюсь, что, по моему глубокому убѣжденію, кирилловская азбука больше удобна для пасиграфіи у славянъ, чѣмъ латинская, и что поэтому первой въ этомъ отношеніи принадлежитъ преимущество».

Шафарикъ возвращается къ вопросу и съ другой стороны. Заканчивая, въ той же книгѣ, изслѣдованіе о Кириллѣ и Меѳодіѣ,—о томъ, какъ произошли славянскія письмена, какому племени могъ

ней дополненіе латинскаго алфавита діакритическими знаками принято у хорватовъ, словинцевъ, лужичанъ, — тогда какъ прежде каждое нарѣчіе, употреблявшее латинскую азбуку, составляло для славянскихъ звуковъ, ею не выражаемыхъ, свои особыя различныя комбинаціи.

[1]) „Странно, — прибавляетъ Шафарикъ въ примѣчаніи, — что въ то время, какъ Гротефендъ предлагаетъ кирилловскую азбуку для обозначенія разнообразныхъ звуковъ въ восточныхъ языкахъ, а Клапротъ въ своей Asia Polyglotta дѣйствительно принимаетъ для этой цѣли буквы ѫ, ѭ и ч, нѣкоторые славянскіе филологи все еще ищутъ знаковъ для этихъ славянскихъ звуковъ".

Бывали потомъ примѣры, что нѣкоторые, если не филологи, то грамотѣи, вводили въ латинскій алфавитъ кирилловскія буквы, но такое механическое смѣшеніе азбукъ не кажется намъ дѣломъ удачнымъ.

Digitized by Google

принадлежать языкъ, такъ-называемый церковно-славянскій,— онъ говоритъ: «Но какъ бы то ни было, — трудная этимологія и еще болѣе темная исторія оставляетъ насъ объ этомъ въ неизвѣстности, — для ревностнаго слависта всегда останутся памятнымъ девизомъ золотыя слова Бантке: «дай Богъ, чтобы церковно-славянское нарѣчіе, какъ первый — или, по крайней мѣрѣ, древнѣйшій — намъ извѣстный источникъ славянскаго языка, изучаемо и узнано было всѣми славянскими народами, не ради единства церковнаго, но для высшаго научнаго образованія, для сохраненія славянской народности, чтобы мы не обнѣмечились, не обтатарились, не отуречились (я прибавлю: не офранцузились и не омадьярились), чтобы мы не отпали отъ общаго источника народности, которая, несмотря на десяти-вѣковыя бури, не изсякла». Поэтому усилія нашихъ наиболѣе уважаемыхъ филологовъ о возстановленіи и чистотѣ этого языка, который съ теченіемъ времени и на чужбинѣ, конечно, принялъ много чуждаго, составляютъ истинную заслугу для цѣльной литературы славянскихъ народовъ»...

Въ заключеніе, приведемъ еще одну мысль Шафарика, которая не была имъ высказана въ печати, но стала извѣстна изъ переписки, изданной по его смерти. Вопросъ о литературномъ единствѣ славянскаго міра, очевидно, сильно занималъ уже первыхъ дѣятелей славянскаго возрожденія. Въ томъ же 1826 году, Шафарикъ, не рѣшавшій вопроса въ своей книгѣ, писалъ къ одному изъ друзей слѣдующія знаменательныя слова: «какое славянское нарѣчіе и которая славянская азбука будутъ все-славянскими, будетъ рѣшать уже не перо, — это рѣшитъ только мечъ: потоки крови проведутъ черты, — тамъ, гдѣ потечетъ ихъ всего больше, тамъ возникнетъ все-славянская рѣчь и алфавитъ!» Эти слова свидѣтельствуютъ, что идеализмъ Шафарика относительно славянства не была та жидкая и скучная сантиментальность, какой было много и въ его время, и въ наше, и въ которой, подъ видомъ «славянской мысли» или «славянскаго чувства», такъ часто фигурируетъ простое и дешевое самохвальство. Шафарикъ видѣлъ ясно, что вопросъ славянской самобытности и единства есть трудный, трагическій вопросъ исторіи: въ самомъ дѣлѣ, славянство такъ вплетено въ судьбы центральной и южной Европы, что выдѣленіе его въ самостоятельное національное цѣлое можетъ быть лишь плодомъ отчаянной, кровавой борьбы, и законодательствовать будетъ то «нарѣчіе», которое проявитъ наиболѣе энергіи (не одной матеріальной, но и нравственной) въ защитѣ обще-славянскаго цѣлаго. Въ послѣдніе годы мы были свидѣтелями одного

Digitized by Google

эпизода этой борьбы. Мы видимъ, что вопросъ однако все еще чрезвычайно далекъ отъ рѣшенія.

IV. Янъ Колларъ.

Въ 1837 году вышла въ Пештѣ нѣмецкая брошюра Коллара: «Ueber die literarische Wechselseitigkeit zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten der slawischen Nation» (о литературной взаимности между различными племенами и нарѣчіями славянской націи). Это былъ умноженный нѣмецкій переводъ статьи, напечатанной сначала Колларомъ въ чешско-словацкомъ журналѣ: «Hronka». Самая мысль объ этомъ предметѣ была высказана имъ еще ранѣе, въ «Изслѣдованіи объ именахъ и пр. славянъ», 1830 г. Колларъ, словацкій евангелическій пасторъ въ Пештѣ (1793—1852), уже пользовался въ славянскомъ литературномъ мірѣ большой славой, какъ авторъ поэмы: «Дочь Славы», исполненной восторженнаго славянскаго патріотизма, воспоминаній о свободномъ и славномъ славянскомъ прошедшемъ, призывовъ къ національному возрожденію.

Нѣмецкая брошюра Коллара получила очень большую извѣстность въ славянскомъ западномъ мірѣ; на нее не упускали ссылаться и иностранные писатели, толковавшіе о «панславизмѣ»: послѣ «Дочери Славы», это было новое явное доказательство дѣйствительнаго существованія панславизма, открытая его программа, — а для австрійскихъ (нѣмецко-венгерскихъ) противниковъ славянскаго движенія, эта книжка была настоящей уголовной уликой противъ славянскихъ дѣятелей, и прежде всего противъ самого автора.

Враги догадывались, что книжка дастъ оружіе славянскому дѣлу, возбужденіемъ національнаго самосознанія. Какъ чешскимъ панславистамъ — которыхъ австрійское правительство обвиняло въ «руссофильствѣ», иногда въ то же время изображая ихъ и передъ русскимъ правительствомъ, какъ людей политически опасныхъ, — Коллару пришлось испытать не мало непріятностей и настоящихъ преслѣдованій, когда, съ тридцатыхъ годовъ, уже разгоралось венгро-хорватское столкновеніе и венгры видѣли въ словакахъ другого не безопаснаго врага. Но книжка Коллара о славянской взаимности, какъ увидимъ, была, по содержанію, совершенно невинна, и политически не только не заключала чего-нибудь опаснаго, но, напротивъ, внушала самое консервативное уваженіе къ предержащимъ властямъ.

Digitized by Google

Колларъ былъ не менѣе горячій славянскій патріотъ, чѣмъ Юнгманнъ и Шафарикъ, но это была иная натура и отчасти иная школа. Тѣ были люди строго ученые; ихъ національное чувство не забывало объ историческихъ фактахъ, насущной дѣйствительности, — ихъ желанія и ожиданія о славянскомъ будущемъ были глубоко искреннія и теплыя, но, тѣмъ не менѣе, условныя: критика и знаніе указывали имъ трудности, лежащія на пути къ желанному идеалу, и настоящій размѣръ этихъ трудностей, — понятно, что они не рѣшались на опредѣленную теорію славянскаго возрожденія, на пророчества. Не таковъ былъ Колларъ. Это былъ прежде всего — поэтъ: правда, что для пониманія той поэмы, которая составила его славу и вліяніе, по его собственному мнѣнію нуженъ былъ цѣлый томъ объясненій и комментаріевъ (потому что читатель не приготовленный не могъ иначе найтись въ массѣ историческихъ напоминаній, какими переслипана поэма), но читатель, тѣмъ не менѣе, чувствуетъ здѣсь истинную поэзію. Въ фантазіи поэта возсоздавалось, какъ живое, славянское прошедшее; онъ прилежно изучалъ судьбы своего племени, сроднился съ образами его героевъ, и то, что — для человѣка непосвященнаго — можетъ показаться придуманнымъ ученымъ аппаратомъ, — онъ, въ поэтическомъ простодушіи, прямо вставлялъ въ свою поэму, не думая о затрудненіи читателя. Послѣ онъ спохватился и издалъ томъ комментаріевъ. И опять только истинное поэтическое чувство могло внушить тѣ лирическіе эпизоды, гдѣ онъ обращался къ современникамъ — и, видя ихъ холодность къ національному преданію и защитѣ его въ настоящемъ, возбуждалъ ихъ энергическими воззваніями. «Дочь Славы» доставила не мало цитатъ славянскимъ и панславистскимъ патріотамъ. Далѣе. Колларъ былъ человѣкъ образованный, очень начитанный въ славянскихъ предметахъ, но и историческая и археологическая критика слишкомъ часто ему измѣняла; онъ зналъ, болѣе или менѣе, что дѣлается въ европейскомъ литературномъ мірѣ, но въ теоретическихъ его взглядахъ не было того критическаго свободомыслія, какое было, болѣе или менѣе, у Юнгманна и Шафарика. Онъ былъ протестантскій проповѣдникъ, искренній и убѣжденный, и это отразилось на его поэзіи, на складѣ его національно-патріотическихъ идей. Въ политическомъ отношеніи, онъ — консерваторъ, преклоняется предъ существующей властью, требуетъ покорности (по его теоріи слѣдовало, что, напримѣръ, и турецкіе славяне должны были повиноваться своимъ властямъ); протестантство выразилось въ немъ проповѣдью гуманной нравственности, мирнаго просвѣщенія, которое одно удовлетворитъ

Digitized by Google

всѣмъ духовнымъ стремленіямъ народовъ и примирить національныя вражды и несправедливости. Наконецъ, какъ мы замѣтили, Колларъ, хотя имѣлъ обширныя знанія о славянствѣ, не владѣлъ исторической критикой въ той степени, какъ владѣютъ ею настоящіе ученые. Это, конечно, помогало его фантазіи, но не его ученымъ изслѣдованіямъ о славянской старинѣ, которыми онъ также занимался.

Въ такихъ условіяхъ складывались теоретическія представленія Коллара о славянствѣ. Практическая жизнь прибавляла къ этому горечь сознанія о политическомъ безправномъ положеніи славянства, которое ему приходилось видѣть очень близко, на судьбѣ его собственнаго, словацкаго, народа и, наконецъ, на самомъ себѣ. Въ натурѣ, по преимуществу поэтической, религіозно-гуманной, создалось въ этихъ обстоятельствахъ то особенное, романтически-народное, религіозно-филантропическое направленіе, гдѣ славянская старина являлась идеализированной, украшенной народными добродѣтелями, гдѣ горячее желаніе видѣть славянство свободнымъ умѣрялось и смягчалось религіозной покорностью путямъ Провидѣнія, и національная гордость утѣшалась вѣрой, что это Провидѣніе не напрасно испытывало такъ долго славянъ, что оно, въ концѣ-концовъ, готовитъ имъ высокое назначеніе въ судьбахъ человѣчества.

Не одинъ Колларъ создавалъ такое представленіе о судьбахъ славянства, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ выразителей этой теоріи, — которую, между прочимъ, не трудно усмотрѣть въ представленіяхъ о славянствѣ у перваго поколѣнія русскихъ славистовъ, заставшихъ полный разгаръ славянскаго возрожденія и почерпавшихъ теорію прямо изъ ея источника, и у перваго поколѣнія славянофиловъ. Направленіе это было по преимуществу идеалистическое. Исходный пунктъ славянскаго «возрожденія» было обращеніе къ народности, и все «народное» стало предметомъ сочувствій, изученія, культомъ: здѣсь полагался источникъ будущаго развитія, и «народное» ставилось какъ образецъ и идеалъ; литература народная ставилась выше «искусственной», въ «народѣ» полагалась сокровищница идей, поэтической красоты, съ которой не могутъ сравниться произведенія придуманной, личной, часто ложной и извращенной поэзіи. Изъ тогдашнихъ философско-историческихъ теорій извлечена была мысль о культурной преемственности племенъ: былъ востокъ съ его цивилизаціей; его смѣнилъ міръ античный, греки и римляне, потомъ средне-вѣковые романцы и германцы, — славяне еще не заявили себя на всемірно-

Digitized by Google

историческомъ поприщѣ, но, очевидно, они были на очереди. Къ этому будущему надо готовиться: славянскіе народы были разъединены исторіей; они должны воссоединиться, а для того узнать другъ друга, изучить свои племенныя особенности, изучить тѣ задатки своего характера и быта, на которыхъ должна основаться ихъ будущая историческая роль. Вотъ высшая причина, побуждающая ихъ къ сближенію, къ *славянской взаимности*.

Книжка Коллара была съ великимъ сочувствіемъ принята въ славянскомъ литературномъ мірѣ, вскорѣ она была переведена на разныя славянскія нарѣчія — и «взаимность» надолго стала лозунгомъ для славянскихъ патріотовъ. Причина ея успѣха и популярности была въ томъ, что она именно отвѣчала созрѣвавшей потребности западнаго славянскаго міра. Не скажемъ, чтобы эта потребность была ясно сознана; напротивъ, въ ней еще не было ничего опредѣлившагося; фактическія взаимныя славянскія сношенія были еще такъ слабы, что изъ нихъ трудно было вывести какое-нибудь прочное основаніе для будущаго; эти сношенія ограничивались небольшимъ кругомъ любителей, которые знали другъ друга наперечетъ, и относились только къ народнымъ изученіямъ, этнографіи, исторіи, языку; о томъ, какъ могутъ взаимно помочь себѣ славянскія литературы въ другихъ областяхъ, въ общихъ вопросахъ научнаго знанія, въ области поэтической, — не было, и не могло тогда быть, никакой идеи; не было также никакой опредѣленной мысли о томъ, какъ славянское объединеніе можетъ быть примирено съ отдѣльнымъ развитіемъ частныхъ литературъ, которыя для каждой возрождавшейся народности были любимымъ дѣтищемъ, надеждой будущаго. Такимъ образомъ, общее въ стремленіяхъ славянства заключалось въ упомянутой народной романтикѣ и въ начинавшемся сознаніи, что славянскія племена и литературы, разсѣянныя географически, раздѣленныя давней исторіей, въ отдѣльности слабыя, могутъ найти силу только во взаимномъ сближеніи, въ союзѣ.

Колларъ не рѣшилъ вопроса объ этомъ союзѣ, но онъ въ первый разъ поставилъ его въ печати: отсюда къ нему примкнули сочувственные голоса во всѣхъ славянскихъ литературахъ. Болѣе опредѣленное рѣшеніе, чѣмъ давалъ онъ, безъ сомнѣнія не было бы встрѣчено съ такимъ единодушнымъ одобреніемъ, какое досталось его книжкѣ,— да въ то время трудно было бы и пытаться на такое рѣшеніе.

Главныя мысли Коллара состояли въ слѣдующемъ.

Такъ-называемая литературная взаимность есть одно изъ самыхъ утѣшительныхъ явленій, развившихся въ жизни много-

Digitized by Google

племеннаго славянскаго народа. Въ первый разъ послѣ многихъ вѣковъ славянскіе народы увидѣли въ себѣ одинъ великій народъ, пробуждаютъ въ себѣ національное чувство и стремятся къ тѣснѣйшему сближенію. Они отвергаютъ старое раздѣленіе, бросаютъ оковы предразсудковъ, ищутъ потерянныхъ правъ природы и разума, чтобы возвыситься до той братской любви, которая одна можетъ преобразовать и сдѣлать счастливыми несчастные народы. Необходимость взаимной связи между ними очевидна. Мысль объ этомъ еще нова, но заслуживаетъ усерднаго вниманія каждаго славянскаго патріота.

Въ чемъ же должна состоять славянская взаимность, какъ она наилучшимъ образомъ можетъ быть достигнута, и что славянству доставитъ?

Прежде всего, Колларъ указываетъ—въ чемъ она *не* состоитъ: онъ отвергаетъ своимъ разсужденіемъ тѣ обвиненія, какія тогда взводились съ разныхъ сторонъ на славянское движеніе, какъ на политическій панславизмъ. «Взаимность,—говоритъ Колларъ,—не состоитъ въ политическомъ соединеніи всѣхъ славянъ, ни въ демагогическихъ смутахъ, ни въ революціонномъ мятежѣ противъ властей и государей, изъ чего происходятъ только безпорядокъ и несчастіе. Литературная взаимность можетъ быть и тамъ, гдѣ народъ [1]) находится подъ многими скипетрами, раздѣленъ на много государствъ, королевствъ, княжествъ или республикъ. Взаимность возможна и тамъ, гдѣ въ народѣ есть нѣсколько религій, церквей и исповѣданій, гдѣ есть различіе азбуки и письменъ, климата и земли, нравовъ и обычаевъ. Она не опасна свѣтскимъ властямъ и государствамъ, не касаясь границъ и земель, подчиненія подданныхъ тому или другому властителю и другихъ, тому подобныхъ политическихъ обстоятельствъ, оставаясь довольна существующимъ положеніемъ вещей, примѣняясь ко всѣмъ формамъ правленія, ко всѣмъ способамъ общественной жизни, оставляя, какъ есть, право и законы чужихъ земель, словомъ, живя съ каждымъ владѣтелемъ въ мирѣ, съ каждымъ сосѣдомъ въ дружбѣ». Государство есть соединеніе разныхъ земель и народовъ подъ однимъ главой; славяне могутъ быть такъ же раздѣлены, какъ раздѣлены сами нѣмцы и т. д.

Съ другой стороны, Колларъ устраняетъ и мысль о полномъ литературномъ объединеніи, по его мнѣнію, невозможномъ, и защищаетъ право отдѣльныхъ нарѣчій. «Взаимность не заклю-

[1]) Подъ словомъ „народъ“ (нація) Колларъ разумѣетъ цѣлое славянство; отдѣльные славянскіе народы называетъ—племенами.

Digitized by Google

чается и въ томъ, чтобы славянскія нарѣчія обобщились или насильственно смѣшаны были въ одну главную рѣчь и въ одно литературное нарѣчіе, какъ о томъ начали мечтать нѣкоторые слависты. Славянскія нарѣчія отчасти уже слишкомъ удалились другъ отъ друга грамматически, чтобы естественно могли слиться или быть скованы въ одну рѣчь; отчасти, филологически, нѣкоторыя изъ нихъ уже такъ развиты и обогащены прекрасными книгами, что отъ человѣческой слабости, тщеславія и самолюбія невозможно ожидать, чтобы какое-нибудь племя пожертвовало своей самобытностью, какова бы она ни была, отреклось отъ добытыхъ доселѣ сокровищъ, такъ-сказать, забыло о нихъ и отъ нихъ открестилось. Большинство славянъ съ врожденной, вѣками освященной любовью привязано къ своимъ нарѣчіямъ, и въ своей отдѣльной образованности и литературѣ зашло уже слишкомъ далеко, чтобы могло уступить».

Число славянскихъ нарѣчій, которыя участвовали бы въ «литературной взаимности», Колларъ опредѣляетъ такъ. «Не высоко ученый, но стоящій, однако, на первой ступени образованности и просвѣщенія славянинъ пусть знаетъ только *четыре*, нынѣ существующія и наиболѣе воздѣланныя нарѣчія, на которыхъ пишутся и печатаются книги, именно русское, иллирское (сербохорватское), польское и чешско-словацкое. Болѣе ученый и образованный славянинъ другого разряда вникаетъ и въ меньшія нарѣчія, какъ, напр., въ русскомъ — малорусское, въ иллирскомъ — хорватское, виндское, болгарское, въ польскомъ — лужицкое и т. д. Славянинъ третьяго разряда или ученый, филологъ и историкъ, пусть знаетъ всѣ славянскія нарѣчія безъ исключенія, живыя и вымершія, воздѣланныя и еще не воздѣланныя, чистыя и смѣшанныя съ другими языками, малыя и широкораспространенныя, господствующія и подчиненныя, глагольской, кирилловской, латинской азбукой или швабахомъ [1]) печатанныя... Односторонніе дѣтскіе годы славянскаго народа уже миновали; духъ нынѣшняго славянства налагаетъ на насъ иную, высшую обязанность, именно: считать всѣхъ славянъ какъ братьевъ одной великой семьи, и создавать взаимную славянскую литературу... Знаніе разныхъ славянскихъ нарѣчій было и до сихъ поръ есть даже между учеными славянами такъ рѣдко и такъ ограниченно, что, желая быть вразумительными для другихъ славянскихъ братьевъ о какомъ-нибудь важномъ предметѣ, мы должны прибѣгать къ чужой, не-сла-

[1]) Швабахомъ у западныхъ славянъ называется нѣмецкій готическій или лонгинный шрифтъ или письмо.

Digitized by Google

вянской рѣчи. Поэтому Добровскій свои все-славянскія сочиненія писалъ по-нѣмецки или по-латыни; поэтому и настоящее разсужденіе, *по желанію многихъ славянъ*, должно было явиться на нѣмецкомъ языкѣ».

Колларъ смягчаетъ далѣе свою мысль, говоря, что онъ не требуетъ полнаго знанія четырехъ нарѣчій, умѣнья на нихъ говорить и писать,—но, по крайней мѣрѣ, чтобы славянинъ могъ понять рѣчь другого славянина и понять главныя произведенія родственной литературы. — Онъ ищетъ примѣровъ взаимности у другихъ народовъ: правда, главныя европейскія литературы находятся совсѣмъ въ иномъ положеніи, но образованный англичанинъ, французъ, нѣмецъ всегда знаетъ нѣсколько иностранныхъ языковъ и изучаетъ ихъ произведенія; а главную параллель съ славянствомъ представляютъ греки. Колларъ настаиваетъ на сходствѣ четырехъ греческихъ діалектовъ съ четырьмя главными славянскими нарѣчіями и убѣжденъ, что славянское литературное развитіе смѣло можетъ идти тѣмъ же путемъ. Какъ у грековъ ихъ четыре діалекта сводились къ двумъ вѣтвямъ: эоло-дорической и іонійско-аттической, такъ славянскія нарѣчія сводятся къ двумъ главнымъ отраслямъ: русско-сербской и польско-чешской. Сходства древнихъ грековъ съ славянствомъ Колларъ отыскиваетъ даже въ мелкихъ подробностяхъ, напр., въ томъ, что «Геракъ» есть то же что Ярославъ, «Клеопатра»—Властимила и т. п.

Возникновеніе мысли о взаимности есть дѣло нашего времени. Каждый вѣкъ имѣетъ свою задачу; въ пятнадцатомъ столѣтіи не могли явиться Карамзинъ или Добровскій; въ нашъ вѣкъ «взаимность» является какъ историческая задача. «Наученные печальными судьбами и испытаніями долгихъ вѣковъ, раздражаемые чужой насмѣшкой, поумнѣвшіе отъ собственнаго вреда, побуждаемые любопытствомъ, языкознаніемъ, исторіей и другими учеными трудами, привязанные открытіями драгоцѣнныхъ древностей, привлекаемые обнародованіемъ прекрасныхъ народныхъ пѣсенъ, славяне въ послѣднее время начали осматриваться, узнавать свои достоинства и недостатки, счастье и несчастье, прошедшее, настоящее и будущее, вслѣдствіе чего прежняя темная догадка стала у нихъ общимъ сознаніемъ: что всѣ они составляютъ все-таки одинъ народъ и имѣютъ одну рѣчь; славяне сосчитали себя, и увидѣли, что они всѣхъ многочисленнѣе въ Европѣ, этимъ счетомъ пріобрѣли свѣдѣніе о своей силѣ, которая опять пробудила въ нихъ то врожденное людямъ чувство, которое тайнымъ стыдомъ научаетъ сильнаго, что противно природѣ стоять ему за слабымъ и за нимъ идти, и убѣждаетъ его

Digitized by Google

вырваться изъ униженія, для него постыднаго и человѣчеству вреднаго. Не великъ народъ, не велика отвѣтственность; великъ народъ, велика и отвѣтственность передъ судомъ свѣта». Такъ мало-по-малу пробудилось въ славянствѣ взаимное сочувствіе, и потребность единства духовнаго, хотя бы внѣшнимъ образомъ они оставались раздѣлены. Это—явленіе духа времени; и эти явленія тѣмъ отличаются, что если внѣшнія обстоятельства мѣшаютъ ихъ голосу высказаться въ одномъ мѣстѣ, то тысяча другихъ явится въ другомъ мѣстѣ.—Первыя мысли о взаимности высказаны были словаками, и не безъ причины. «У кого что-нибудь есть, тотъ довольствуется тѣмъ, что̀ есть, и не думаетъ идти дальше; но у кого ничего нѣтъ, хочетъ имѣть много, имѣть все. Татранскіе словаки до сихъ поръ не имѣли въ литературѣ почти ничего собственнаго; поэтому они первые протянули руки, чтобы обнять все славянство. Ихъ нарѣчіе въ грамматическомъ и географическомъ отношеніи есть средоточіе всѣхъ славянскихъ нарѣчій; такъ какъ и Татры (отрасль Карпатъ въ Венгріи) составляютъ и останутся колыбелью всѣхъ славянъ. Поэтому, между словаками въ Венгріи, мысль о взаимности возникла если не раньше, то всего живѣе, какъ и расширилась всего быстрѣе и глубже». (Дѣйствительно, ревностнѣйшіе защитники объединенія были словаки—самъ Колларъ, Шафарикъ, Кузмани, впослѣдствіи Штуръ, и др.). Затѣмъ Колларъ указываетъ русскихъ, сербскихъ, хорватскихъ, польскихъ дѣятелей славянской взаимности, историковъ и археологовъ, но съ сожалѣніемъ замѣчаетъ, что «трехъ знаменитѣйшихъ славянскихъ поэтовъ нашего времени, русскаго—Пушкина, сербскаго—Милутиновича, польскаго—Мицкевича, не вдохновлялъ геній этой взаимности, чтобы, стоя на почвѣ русской, сербской и польской, а головами возносясь въ славянскій эѳиръ, могли быть видимы цѣлымъ народомъ».

Стараясь осмотрѣть предметъ со всѣхъ сторонъ, Колларъ говоритъ дальше объ «отсутствіи взаимности, народномъ себялюбіи и литературномъ отщепенствѣ»; объ «отношеніяхъ взаимности къ частному патріотизму отдѣльныхъ славянскихъ племенъ»; о томъ, что и великія славянскія племена, и дѣйствительно или мнимо прекраснѣйшія и наиболѣе распространенныя нарѣчія имѣютъ причину склоняться къ этой взаимности; объ «отношеніи взаимности къ изученію (славянами) старыхъ и новыхъ языковъ»; о томъ, «чѣмъ были доселѣ славяне безъ этой взаимности»; о «важномъ значеніи взаимности для великаго предназначенія славянъ, опредѣляемаго имъ ходомъ времени и исторической смѣной народовъ»; о «способности славянъ къ исполненію этого

Digitized by Google

предназначенія путемъ взаимности»; далѣе, онъ устраняетъ разныя ошибки и недоумѣнія относительно взаимности; объясняетъ «пользу взаимности для славянскаго народа вообще»; указываетъ внѣшнія препятствія къ взаимности и препятствія внутреннія; наконецъ, «пути и пособія къ этой взаимности».

Было бы слишкомъ долго входить въ подробности этихъ разсужденій. Характеръ понятій Коллара долженъ быть ясенъ изъ предыдущихъ подробностей. Основаніе его идей есть народность, племенная особенность славянства; въ наше время она представляется славянскому міру сознательно, и отсюда проистекаетъ инстинктивное, глубокое сочувствіе славянскихъ племенъ другъ къ другу, которое должно болѣе и болѣе возрастать, для того, чтобы славянство могло, наконецъ, сознать себя единымъ народомъ и исполнить свое историческое назначеніе. Это назначеніе указывается исторіей.

«Жизнь человѣчества, — говоритъ Колларъ, слѣдуя тогдашнимъ философско-историческимъ теоріямъ,—есть развитіе разума, или развитіе въ человѣкѣ внутренняго свѣта. Народы — формы, въ которыхъ человѣчество развивается и получаетъ свое выраженіе. Поэтому цѣль человѣчества — всегда идти впередъ; но оно мѣритъ свои пути не шагами, часами и милями, а долгими путями—вѣками, эпохами. Запасъ знаній, открытій, изобрѣтеній, опытовъ, которые добываетъ себѣ народъ или вѣкъ, остается, по ихъ исчезновеніи, для иного народа, который опять ихъ расширяетъ, движетъ впередъ и отдаетъ будущему. Народу позднѣйшему, какъ младшему явленію человѣчества, не нужно начинать сначала, останавливаться на всѣхъ ступеняхъ образованности, на которыхъ остановились предшествовавшіе народы; ему надо только развивать дальше жизнь предшественниковъ и вести къ высшему совершенствованію». Образованность съ каждымъ вѣкомъ принимаетъ новый видъ; старѣніе свѣта есть его обновленіе, и пусть народъ, которому предстоитъ дѣйствовать, постарается понять ходъ исторіи. «Судьба народовъ пусть не будетъ слѣпо предоставлена случаю и стремленію событій; но пусть разумъ, какъ первое и возвышеннѣйшее орудіе божественнаго міроправленія, направляется съ кораблемъ, несущимъ судьбу, черезъ волны къ опредѣленной цѣли».

Этотъ новѣйшій, младшій народъ—славяне. Свой выводъ Колларъ подтверждаетъ размышленіями о ходѣ европейской цивилизаціи (собственно литературы) и ея современномъ состояніи. Въ литературѣ онъ видитъ господство внѣшняго эффекта, безграничный байронизмъ, въ философіи (нѣмецкой) мечтательность

Digitized by Google

или горячечную фантазію и проч.—видимые признаки устарѣнія, которому нужны обновляющіе элементы. Историческая преемственность указываетъ всѣ эти элементы въ славянскомъ мірѣ. По своему нравственному складу, по исторической судьбѣ, по географическому распредѣленію, славянскій міръ болѣе свободенъ отъ той особой національной односторонности, которая отличаетъ другіе европейскіе народы; онъ способнѣе къ дѣятельности примиряющей, и потому онъ имѣетъ данныя принять преемство цивилизаціи и вести дальше ея задачу, которая состоитъ въ развитіи и осуществленіи человѣчности.

Укажемъ еще разсужденіе Коллара о томъ, что взаимность необходима даже сильнѣйшимъ славянскимъ племенамъ и лучшимъ или считающимся лучшими нарѣчіямъ. Онъ хочетъ разубѣдить тѣхъ, кто бы думалъ, что сильное племя можетъ не нуждаться во взаимности, т.-е. въ союзѣ съ племенами слабыми, или же, при случаѣ, можетъ просто господствовать надъ ними. Очевидно, что главнымъ образомъ должно было подразумѣваться здѣсь племя русское...

«Не только сознаніе самобытнаго отечества,—говоритъ Колларъ,—и мысль объ ариѳметическомъ числѣ и политической силѣ, о дѣйствительной или мнимой бо́льшей красотѣ, обработанности и благозвучіи нарѣчій, можетъ повести племя одного народа къ тому мнѣнію: мнѣ не нужно другихъ, я могу одинъ имѣть литературу и мнѣ не зачѣмъ учиться братскимъ нарѣчіямъ. Но и меньшими племенами, когда они сравниваютъ себя съ еще меньшими, менѣе образованными или слабѣйшими племенами и народцами, овладѣваетъ иногда такая гордость коренного народа и высокомѣрная исключительность. Такое мнѣніе о ненужности для себя другихъ, можетъ возникнуть не только у русскаго, если онъ будетъ равнять себя съ полякомъ, но и у поляка, если онъ будетъ равнять себя съ русскими или чехами, у чеха—съ лужичанами или краинцами, и даже у тѣхъ, если они станутъ сравнивать себя съ кашубами. Такой славянинъ, влюбленный только въ свое нарѣчіе, не цѣнитъ ничего, кромѣ своего, и жалѣетъ, какъ гуронъ или карибъ всѣхъ славянъ, что они не говорятъ и не пишутъ его нарѣчіемъ, которое, по его мнѣнію, изъ всѣхъ есть самое прекрасное и совершенное, и заслуживаетъ стать общимъ языкомъ всѣхъ славянъ...

«Важное дѣло — сознаніе своего достоинства у отдѣльнаго племени; но еще важнѣе—сознаніе своего достоинства у цѣлаго народа.... Отдѣльныя племена не могутъ взять на себя и исполнить великія задачи, которыя имѣетъ цѣлый народъ... потому что

Digitized by Google

только цѣлые народы (націи), только великія нераздѣльныя, однородныя массы людей могутъ вліять на человѣчество, могутъ быть творцами новыхъ временъ, учителями и двигателями образованности. Для отдѣльныхъ племенъ было бы слишкомъ притязательно думать объ исполненіи задачи, которая трудна для цѣлаго великаго народа. Люди, такимъ образомъ пренебрегающіе взаимностью, пусть подумаютъ, что имѣютъ обоюдуострый мечъ, которымъ съ одной стороны наносятъ удары и вредятъ себѣ и своему племени, а съ другой—цѣлому своему народу, а въ немъ и всему человѣчеству. Человѣкъ, племя, народъ, которые кромѣ себя ничего больше не любятъ, не могутъ, наконецъ, любить и самихъ себя. И многочисленнѣйшее, сильнѣйшее славянское племя, русское, имѣетъ довольно причинъ—присоединиться къ остальнымъ славянамъ, и тѣмъ сохранить чистоту своего славянства такъ сильно затронутую—здѣсь тысячами окружающихъ ее азіатскихъ ордъ, тамъ другими, въ Россіи и около живущими народами, и при взаимности ее обновлять, освѣжать и усилить. Только очень близорукій русскій могъ бы считать своихъ соотечественниковъ за однихъ настоящихъ и чистыхъ славянъ. Самое цвѣтущее изъ славянскихъ нарѣчій, если хочетъ такимъ быть и остаться, не можетъ, какъ цвѣтокъ, удалиться отъ своего корня,—иначе засохнетъ и увянетъ. Красивые языки и нарѣчія не всегда имѣютъ хорошихъ писателей. Богъ самъ не далъ писать священнаго писанія на нарѣчіи аттическомъ, а на эллинскомъ». Такимъ образомъ Колларъ еще не думалъ, чтобы русскій народъ и языкъ имѣли какое-нибудь рѣшительное преимущество надъ остальнымъ славянствомъ; онъ находилъ даже, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ русскій языкъ могъ бы поисправить свое славянство, поучившись у чеховъ, словаковъ и иллировъ,—такъ что чешскій переводчикъ книжки Коллара счелъ нужнымъ замѣтить (впрочемъ, много позднѣе), что однако по изученію остального славянства русскіе въ вопросѣ «взаимности» стоятъ на первомъ мѣстѣ.

Остановимся наконецъ на тѣхъ практическихъ средствахъ, которыми, по мнѣнію Коллара, можно и должно было содѣйствовать распространенію взаимности.

«1. *Славянскія книжныя лавки* во всѣхъ главныхъ городахъ нашихъ племенъ, именно въ Петербургѣ, Варшавѣ, Краковѣ, Львовѣ, Прагѣ, Вѣнѣ, Пештѣ, Бѣрнѣ (Брюннѣ), Бѣлградѣ, Загребѣ и проч., чтобы книги, изданныя на другихъ нарѣчіяхъ, могли быть покупаемы скоро и дешево. Теперь, если кто [1]) зака-

[1]) Т.-е. въ западныхъ славянскихъ земляхъ.

Digitized by Google

жетъ себѣ какую-нибудь польскую или русскую книгу черезъ нынѣшнія книжныя лавки, долженъ обыкновенно ждать полгода или годъ, пока она придетъ, да еще заплатить за нее вдвое или втрое противъ ея обычной цѣны,—такъ какъ-де сношенія очень рѣдки, а потому трудны и дороги...

«2. *Мѣна* книгами между писателями различныхъ племенъ. Издатели газетъ, журналовъ и т. д. пусть посылаютъ другъ другу и мѣняются своими произведеніями...

«3. *Учрежденіе каѳедръ* школьнаго преподаванія славянскихъ нарѣчій, чтобы ученики и молодые славяне могли учиться хотя начаткамъ и получить возбужденіе къ дальнѣйшимъ занятіямъ... Въ школьныхъ книгахъ и хрестоматіяхъ для юношества пусть помѣщаются образцы и разсказы о знаменитыхъ славянахъ всѣхъ племенъ и нарѣчій (какъ и сдѣлано было въ одной подобной книжкѣ самого Коллара). Желательно было бы также имѣть славянскаго Плутарха; такія жизнеописанія знаменитыхъ славянъ волшебнымъ образомъ дѣйствуютъ на юношество. Если уже примѣръ нѣсколькихъ людей, данный изъ исторіи одного племени, можетъ дѣйствовать на насъ и возбуждать насъ къ благороднымъ дѣламъ, то чего не сдѣлаютъ примѣры разнообразнѣйшихъ добродѣтелей, собранныхъ изъ всѣхъ племенъ и изъ исторіи цѣлаго народа! Въ святынѣ такого пантеона и предъ чарующей силой такихъ образовъ исчезнетъ кастовый духъ отдѣльныхъ племенъ, или скорѣе возвысится и прояснится въ исполинскій духъ, носящій въ сердцѣ своемъ цѣлый народъ.

«4. Всеобщій, на всѣхъ нарѣчіяхъ, славянскій *литературный журналъ*, гдѣ бы каждая новая славянская книга была указана и разсмотрѣна на томъ же нарѣчіи, на которомъ писана... Въ этомъ взаимномъ ученомъ журналѣ должны были бы принимать участіе и сообща дѣйствовать писатели и критики изъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Нѣтъ сомнѣнія, что подобный журналъ при такомъ большомъ и далеко распространенномъ обществѣ удержался бы долго. Литература есть гласное видимое мышленіе народа: журналы—языкъ, которымъ народъ говоритъ къ себѣ...

«5. *Публичныя и частныя библіотеки,* устроенныя такъ, чтобы въ нихъ находились книги всѣхъ нарѣчій и давались въ чтеніе. Литературная взаимность такъ размножитъ славянскія книги, что частному лицу невозможно будетъ всего купить. Много людей должны соединить свои силы и деньги для одной цѣли. Въ каждой такой библіотекѣ должны бы особенно быть лучшія грамматики и словари каждаго нарѣчія...

Digitized by Google

«6. *Сравнительные грамматики и словари* всѣхъ нарѣчій, чтобы легче можно было изучать формы и матеріалъ нарѣчій. Въ особенности рекомендуемъ хорошія этимологическія сочиненія, которыми чрезвычайно облегчается взаимное изученіе нарѣчій, потому что корни словъ указываютъ намъ пра-языкъ или основу нарѣчій въ первобытной его простотѣ, и во всѣхъ нарѣчіяхъ они одни и тѣ же... «Кто усвоилъ себѣ полное (филологическое) знаніе хотя одного нарѣчія (говоритъ приводимый Колларомъ авторъ одной славянской грамматики), тотъ не будетъ имѣть причины жаловаться, что славянскій языкъ въ каждой деревнѣ—иной, а напротивъ, увидитъ, что онъ вездѣ—одинъ, и что самыя отдаленныя нарѣчія, болѣе или менѣе отличныя одно отъ другого, не черезчуръ далеки, а все-таки понятны»...

«7. Далѣе, собираніе и обнародованіе *народныхъ пѣсенъ и пословицъ*, гдѣ различіе и отдаленность между нарѣчіями еще не такъ велики, какъ въ ученомъ слогѣ. Къ этому считаемъ также полезными переводы сочиненій и книгъ съ одного нарѣчія на другое, имѣющіе ту пользу, что они ведутъ ко всестороннему знанію славянскихъ племенъ, не нарушаютъ нашего эстетическаго чувства, не дѣлаютъ насилія и не уродуютъ нашей рѣчи и народности.

«8. *Устраненіе чуженародныхъ словъ и формъ*, принятіе настоящихъ и чисто-славянскихъ, и тѣмъ обусловливаемое *приближеніе къ идеалу все-славянскаго языка*, т.-е. такой рѣчи, которую бы легко понималъ каждый славянинъ всякаго племени. Славянскія рѣчи пусть обогащаются только славянскими, рѣчами однородной звучности и однороднаго построенія. Ни въ какомъ европейскомъ языкѣ чужія слова не бываютъ такъ рѣзки и непереваримы, какъ въ славянскомъ; онѣ искажаютъ и унижаютъ достоинство народа, подрываютъ и убиваютъ любовь къ нему и къ его рѣчи. Чужія слова и обороты отчуждаютъ славянина, отгоняютъ нарѣчіе отъ нарѣчія, племя отъ племени; изученіе братскихъ рѣчей дѣлается непріятнымъ и затрудняется. Чешская и польская рѣчь въ особенности затоплены и перемѣшаны чуженароднымъ, и потому требуютъ прилежнаго очищенія, первая отъ германизмовъ, вторая отъ германизмовъ, латинизмовъ, галлицизмовъ...

«9. Однородное философское (т.-е. научно опредѣленное), на духѣ славянской рѣчи основанное *правописаніе*, на которомъ могли бы сойтись всѣ славяне, по крайней мѣрѣ тѣ, которые употребляютъ однородное письмо, латинское и кирилловское. На славянское правописаніе не должны бы имѣть вліяніе языкъ

Digitized by Google

мадьярскій, или итальянскій, или нѣмецкій. Пестрота правописаній отнимаетъ не только много времени на ихъ изученіе, но пугаетъ читателя и сбиваетъ съ толку [1]... Словомъ, чтобы достигнуть этой взаимности, мы должны снять и уровнять всѣ дѣлящіе насъ холмы, заполнить всѣ ямы и пропасти, или по крайней мѣрѣ выстроить черезъ нихъ мосты, чтобы могли подать другъ другу руки и вездѣ легко проходить».

Въ заключительномъ параграфѣ своей книжки Колларъ дѣлаетъ еще послѣднее воззваніе о литературной взаимности.

«Въ свѣтѣ этой взаимности славянскій народъ и всѣ его племена и нарѣчія, всѣ его судьбы и дѣла представятся намъ совсѣмъ иначе, чѣмъ до сихъ поръ. Только ею положено будетъ славянамъ основаніе для народной литературы въ самомъ настоящемъ и возвышеннѣйшемъ смыслѣ этого слова; только съ ея помощью упадетъ китайская стѣна, одинокая жизнь и дѣятельность, мелочная хлопотня съ книжонками отдѣльныхъ племенъ и нарѣчій; окончатся плоховатыя литературныя предпріятія и общества, которыя, едва родившись, умираютъ за недостаткомъ воздуха и простора. Только въ этой взаимности мы, славяне, почувствуемъ свое начало и общность, и пусть не думаетъ каждое племя, чтобы оно купило эту выгоду слишкомъ дорого. Болѣе умная часть славянъ меньше думаетъ о вещахъ, которыя насъ дѣлятъ и удаляютъ другъ отъ друга, чѣмъ о вещахъ, которыя насъ соединяютъ. Потоки едва несутъ бревна и доски на своихъ волнахъ; Волга и Дунай несутъ большія суда, гдѣ ихъ воды сливаются въ рѣку. Отъ этой взаимности не потерпятъ ущерба и нѣкоторыя нарѣчія; каждое племя сохранитъ при ней свою особность, останется при своемъ нарѣчіи и литературѣ, но будетъ знать произведенія другихъ племенъ... Такимъ образомъ, здѣсь еще есть прекрасное поле для каждаго славянина, который искренно желаетъ добра цѣлому народу... Здѣсь нужно, чтобы всѣ благороднѣйшіе люди народа подали себѣ руки къ этому по-истинѣ святому союзу; потому-что истинное неблагочестіе есть та, остающаяся до сихъ поръ холодность и безучастіе, даже часто равнодушіе или враждебность славянъ другъ

---

[1]) Колларъ приводитъ образчики того, до чего доходило правописаніе, устроенное по образцамъ чужой письменности. Образчики дѣйствительно ужасные. Таково, напр., бывало правописаніе католическихъ сербо-хорватовъ, употреблявшихъ латинское письмо по итальянскому или венгерскому способу; они писали, напр., scgliesc вм. шлешь, šleš (по нынѣшнему чешскому правописанію, принятому теперь и хорватами); kgniscnizi, вм. knižnici, книжници; oghgnjem вм. ogněm, огнемъ; gghgnjevno вм. gněvno, гнѣвно, и т. п.

Digitized by Google

противъ друга. Это—то неблагочестіе, которое такъ сильно осуждалъ римлянинъ, если дѣти не льнули къ отцу и матери, или братья и родственники другъ друга не уважали. Около этого общаго, ясно свѣтящаго очага народной чести пусть соберутся всѣ, кто умѣетъ чувствовать и мыслить, и пусть стараются каждаго къ этому привлечь. Тяжелая отвѣтственность лежитъ на насъ, на нашемъ времени, нашемъ народѣ, который долженъ рѣшить судьбу долгой будущности... Не тотъ, кто между (отдѣльными) славянами первый, величайшій, сильнѣйшій, а тотъ, кто наиболѣе всѣмъ взаимный и съ другими племенами и нарѣчіями всего больше связанъ, кто жизнь и самобытность меньшихъ и слабѣйшихъ наиболѣе чтитъ и цѣнитъ: только тотъ въ наше время достоинъ хвалы и прекраснаго имени *славянина*»...

Мы остановились подробнѣе на книжкѣ Коллара, какъ на самомъ замѣчательномъ и цѣльномъ трудѣ въ литературѣ по разбираемому предмету—тѣмъ болѣе, что хотя книжка эта и была у насъ переведена въ одномъ журналѣ, лѣтъ сорокъ тому назадъ, но и тогда была мало замѣчена, а потомъ основательно забыта, между тѣмъ о ней постоянно припоминается, когда заходитъ рѣчь о славянскомъ литературномъ объединеніи. Въ западномъ славянскомъ мірѣ, какъ мы замѣтили, она произвела сильное впечатлѣніе: многимъ казалось, что искомое средство противъ славянскаго разъединенія найдено. Позднѣе, другіе въ этомъ очень усумнились.

Въ самомъ дѣлѣ, теорія Коллара оставляетъ очень много недоумѣній. Онъ ставитъ весь вопросъ слишкомъ платонически. Онъ имѣлъ, конечно, основанія устранять (какъ онъ это дѣлаетъ въ самомъ началѣ) обвиненія въ политическомъ панславизмѣ: эти обвиненія были тогда серьёзно опасны и были еще съ начала столѣтія поводомъ къ разнымъ стѣсненіямъ славянской литературы въ Австріи. Онъ имѣлъ бы полное право, т.-е. достаточные резоны считать панславизмъ политическій (какъ въ самомъ-дѣлѣ и считали многіе изъ передовыхъ западныхъ славянъ) — неисполнимой мечтой, и притомъ вредной, потому что она раздражала враговъ; вѣроятно онъ и дѣйствительно думалъ, что «взаимность» можетъ нисколько не касаться политики и возможна при «всѣхъ» правительствахъ: но его представленіе о «взаимности» только съ точки зрѣнія народной романтики, теоретическаго гуманизма, только въ области литературы, было конечно

Digitized by Google

далеко не полное, и не выяснило цѣлаго вопроса. На дѣлѣ, политическій элементъ не могъ не присутствовать въ славянскомъ возрожденіи, и дѣйствительно присутствовалъ. И напримѣръ, какая «взаимность» была возможна для болгаръ, пока бы они не освободились отъ турецкаго владычества; не была ли чешская литература, при первыхъ слабѣйшихъ признакахъ (археологической) «взаимности», стѣсняема той властью, которая, по мнѣнію Коллара, должна была дать полную возможность литературныхъ связей съ единоплеменниками, и не побуждало ли это одно къ мысли о политической самозащитѣ и борьбѣ; не испыталъ ли самъ легальный и умѣренный Колларъ неудобствъ политическаго безправія народности? Можно было сказать à priori, что «взаимность»—сколько-нибудь обширная, а не только археологическая—не могла не вести народы къ сравненію политическаго положенія народностей, къ стремленію улучшать положеніе своей народности. Самая мысль о «литературной взаимности» явилась гораздо позднѣе, чѣмъ началось въ славянскихъ племенахъ сознаніе своего политическаго безправія; на политическое освобожденіе единоплеменныхъ народовъ, напр., турецкихъ славянъ, прежде всего направились славянскія сочувствія, какъ только стали пробуждаться: *этотъ* мотивъ представлялся, очень естественно, гораздо раньше, чѣмъ явилась въ славянскихъ обществахъ какая-нибудь идея о пользѣ и необходимости для нихъ учено-литературныхъ связей. — Сравненіе политическаго дѣленія славянъ съ политическимъ дѣленіемъ нѣмцевъ было, очевидно, несостоятельно; нѣмцы были раздѣлены все-таки по государствамъ нѣмецкимъ; славяне — по всякимъ чужеплеменнымъ, въ которыхъ терялась самая ихъ народность.—Шафарикъ, какъ мы видѣли, задолго до книжки Коллара, чувствовалъ, что пути славянскаго литературнаго объединенія будутъ опредѣлены лишь политической и кровавой борьбой. Онъ былъ, безъ сомнѣнія, ближе къ истинѣ. Самъ Колларъ къ концу жизни былъ свидѣтелемъ одного эпизода этой борьбы, гдѣ замѣшаны были его собственные земляки.

О «все-славянскомъ» литературномъ языкѣ, котораго такъ ждутъ другіе искатели литературнаго объединенія, Колларъ говоритъ очень неясно, настаивая на своей формѣ «взаимности»—между четырьмя главными нарѣчіями. Повидимому, онъ даже довольно холоденъ къ исканію «все-славянскаго» языка: онъ вѣроятно, съ одной стороны, считалъ его трудно достижимымъ, а съ другой придавалъ очень большую силу той привязанности къ

Digitized by Google

своему языку, которая выростала въ славянскихъ племенахъ въ долгіе вѣка ихъ раздѣльной исторической и литературной жизни, когда, кромѣ этого своего языка, они и не знали никакого другого. Это мѣстное значеніе нарѣчій слишкомъ мало цѣнили другіе искатели обще-славянскаго языка, тогда какъ оно представляетъ большую естественную сепаратистскую силу, съ которой надо вѣдаться, если хотятъ достигнуть господства у всѣхъ племенъ какого-либо одного нарѣчія въ качествѣ письменнаго языка. Но рѣшеніе Коллара относительно *четырехъ* литературныхъ нарѣчій не выводитъ насъ изъ заколдованнаго круга. Въ самомъ-дѣлѣ, кто имѣетъ право и силу рѣшать, что должны быть господствующими эти четыре, а не *три*, не *пять* и не *шесть* нарѣчій? Если разногласіе разъ допущено, то поставить границу довольно мудрено. Еще Крижаничъ разсудилъ, что сила языка много зависитъ отъ его политическаго значенія. Литература нарѣчія можетъ возрости (а также и упасть) съ политическимъ положеніемъ племени. Предположимъ, что очень невыгодно измѣнится политическое положеніе чеховъ—это отразится на литературѣ ихъ нарѣчія, она должна ослабѣть. Предположимъ, что словацкое населеніе въ Венгріи умѣетъ поправить свое политическое положеніе,—его литература усилится. Едва ли сомнительно, что въ настоящее время, съ освобожденіемъ Болгаріи, должна усилиться болгарская литература, которой Колларъ совсѣмъ даже не считалъ. Очевидно, что «взаимность», при благополучныхъ политическихъ условіяхъ у отдѣльныхъ племенъ, можетъ такъ расшириться, что станетъ опять невозможной, потому что должна будетъ одолѣвать вавилонское смѣшеніе языковъ. Дѣло станетъ такъ, что пожелать успѣха отдѣльному племени, будетъ значить не желать успѣха объединенію, не искать *цѣльнаго* славянства. Но если такъ, то возможно ли сравненіе славянской (??) литературы съ нѣмецкой, французской, англійской, итальянской, дѣйствительно *едиными* по языку и потому такъ сильными на всемъ пространствѣ племени, сколько бы ни было въ этомъ племени мѣстныхъ нарѣчій? И если сравненіе будетъ невозможно, то можно ли говорить о томъ, что славянство непремѣнно завоюетъ свою самобытность и вступитъ въ исполненіе своего великаго историческаго предназначенія? Такимъ образомъ, что же будетъ значить «взаимность» Коллара, если впереди не будетъ стоять, какъ цѣпь—общій литературный языкъ (не исключающій, въ извѣстной степени, и дѣятельности мѣстныхъ нарѣчій)?

Практическія требованія или желанія, которыми Колларъ

Digitized by Google

сопровождаетъ свою теорію, сами говорятъ о чрезвычайной трудности, даже невозможности славянскаго единства посредствомъ предлагаемой имъ «взаимности». Есть ли дѣйствительно возможность, чтобы «не высоко ученый славянинъ», т.-е. обыкновенно нѣсколько образованный человѣкъ, зналъ *четыре* славянскихъ нарѣчія, когда онъ, для общаго образованія, долженъ знать еще одинъ или два европейскихъ языка, и когда школьный «классицизмъ» потребуетъ, пожалуй, какъ у насъ, еще греческаго языка и латыни? Подобное требованіе, очевидно, превышаетъ мѣру возможности для людей среднихъ способностей и съ среднимъ уровнемъ образованія. Давно уже замѣчено было, что Колларъ хотѣлъ сдѣлать всѣхъ славянъ лингвистами. Ссылка на европейцевъ, сдѣланная имъ, опять не совсѣмъ основательна. Напримѣръ, французы никогда не отличались знакомствомъ съ иностранными языками и, напротивъ, кромѣ собственной, обыкновенно не имѣли понятія ни о какой иной литературѣ.

Какъ непрочны были тѣ фактическія основанія, на которыхъ приходилось строить ожиданія о славянской взаимности, можно видѣть изъ собственнаго сожалѣнія Коллара, что три знаменитѣйшіе славянскіе поэта его времени остались чужды славянскому движенію,—а поэты, по его же словамъ, «являются какъ цвѣтъ народа, они всего глубже проникнуты и оживлены его духомъ». Слѣдовательно, у самихъ народовъ чувство славянской взаимности было еще такъ слабо, что и не могло отразиться у поэтовъ. И такъ было не только въ то время: послѣ Пушкина, «славянскаго чувства» точно также не было у Лермонтова, у Некрасова. Поэзія Хомякова, въ которой его почитатели указываютъ провозвѣстника славянской идеи, была, положимъ, возвышенна, одушевлена лучшими желаніями для русскаго народа и славянства, но, по крайней мѣрѣ относительно славянства, это была поэзія книжная, теоретическая...

Идеи самого Коллара были также теоріей, построенной подъ вліяніемъ личнаго чувства. Онъ не рѣшилъ вопроса, но ему принадлежитъ неоспоримая заслуга, что онъ категорически указалъ на вопросъ, которому должна придти очередь раньше или позже и съ рѣшеніемъ котораго дѣйствительно связано славянское будущее. Колларъ былъ поэтъ и патріотическій энтузіастъ; преданный самъ горячо славянскому интересу, онъ ожидалъ, что то же чувство побудитъ и другихъ дѣйствовать для сближенія и «взаимности». Но сильнѣе чувства бываютъ историческія условія; вопросъ о «взаимности» былъ и есть тѣснѣйшимъ образомъ свя-

Digitized by Google

занъ съ общимъ политическимъ положеніемъ славянскихъ народовъ, съ состояніемъ ихъ образованности,—въ частности съ положеніемъ русскаго народа и общества, какъ сильнѣйшей и наиболѣе вліятельной доли славянства. Благороднѣйшія усилія лучшихъ людей слишкомъ часто остаются напрасными передъ силой этихъ историческихъ условій. Ошибка Коллара была въ томъ, что онъ не оцѣнилъ достаточно этихъ условій; но, какъ далѣе будемъ имѣть случай видѣть, въ его теоріи было не мало предположеній разумныхъ и практически полезныхъ.

А. Пыпинъ.

Digitized by Google

МИРОВИЧЪ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

„Да,—скажутъ наши правнуки,—имъ было больно угнетеніе Россіи".

Ледяной домъ.

I.

Курьеръ изъ завоеванной Пруссіи.

Императрица Елисавета Петровна скончалась 25-го декабря 1761 года, въ самый разгаръ войны Россіи съ Пруссіей. Войска Фридриха были уже не тѣ; лучшіе его офицеры убиты или взяты въ плѣнъ.

За годъ передъ тѣмъ, отрядъ генералъ-поручика Петра Иваныча Панина овладѣлъ Берлиномъ. Казаки, съ союзниками-хорватами, опустошили столицу Фридриха-Втораго, разграбили въ ней до трехъ-сотъ домовъ, не пощадили и загороднаго королевскаго дворца: изломали въ немъ дорогую мебель, перебили фарфоръ, бронзы и зеркала, изорвали штофные и гобеленевые обои, изрубили итальянскія картины и разнесли въ клочки кабинетъ рѣдкостей.

Начальники не отставали отъ подчиненныхъ. Дано было приказаніе прогнать сквозь строй «Подъ-Липами» берлинскихъ «га-

Digitized by Google

зетіровъ» за то, что эти публицисты слишкомъ обидно и дерзко писали о русскихъ. Вслѣдствіе такого приказа, «противныя Россіи, печатныя въ газетахъ письма» жгли черезъ палача подъ висѣлицей, а сочинителей тѣхъ писемъ вывели на экзекуціонсъ-плацъ, чтобы наказать, за ихъ противности, шпицрутеномъ. Чернышевъ, впрочемъ, ихъ помиловалъ. Одного «дусёргельда» на вино, на сигары и вообще на угощенія русской арміи, было истребовано отъ Берлина сто тысячъ. Измѣна командира отдѣльнаго русскаго корпуса, графа Тотлебена, и его арестъ съ общаго совѣта всѣхъ русскихъ полковыхъ командировъ, на маршѣ въ Померанію, не измѣнили ревнія побѣдоносной арміи. Положеніе Фридриха было отчаянное. Онъ изъ прусскаго короля сталъ опять ничтожнымъ бранденбургскимъ курфюрстомъ. Въ Кёнигсбергѣ поселился русскій губернаторъ, отецъ Суворова. Вся Пруссія была завоевана и,—послѣ роковой надписи Елисаветы «быть по сему» на докладѣ о ея присоединеніи,—присягнула въ подданство русской императрицѣ. Въ этой новой губерніи стали вводить русскіе порядки. Въ ней явилась наша миссія съ архимандритомъ; начали чеканить русскую монету. И вдругъ обстоятельства измѣнились...

Племянникъ Елисаветы Петровны, императоръ Петръ III-й, въ самый день смерти тетки, вошелъ съ обожаемымъ имъ королемъ Фридрихомъ въ переговоры о перемиріи. Губернаторъ Суворовъ, по именному указу, сдалъ войска и управленіе прусскимъ королевствомъ генералъ-поручику Петру Ивановичу Панину, а самъ уѣхалъ въ Цетербургъ и сталъ, изъ-за долговъ, публиковать въ вѣдомостяхъ о продажѣ своего имущества. За нимъ, радуясь манифесту «о вольности дворянства», двинулись подъ разными предлогами въ Россію и другіе офицеры, особенно штабные. Огорченія обидныхъ уступокъ забывались. Всѣхъ волей-неволей манило изъ долгаго похода на родину...

Въ концѣ февраля 1762 года, на курьерской тройкѣ въ пошевняхъ, по пути изъ Пруссіи, въ Петербургъ въѣхалъ средняго роста, лѣтъ двадцати-двухъ, сухощавый, съ черными, строгими, нѣсколько разсѣянными и какъ-бы недовольными глазами, офицеръ изъ Кёнигсберга. Былъ второй часъ пополудни. Онъ спѣшилъ застать присутствіе въ военной коллегіи. Отъ въѣзда въ городъ у Калинкина моста, до зданія коллегіи (Штегельмановскій домъ на Мойкѣ, у Краснаго моста,—гдѣ нынѣ институтъ глухо-нѣмыхъ), офицеръ всячески торопилъ ямщика. Десять дней

Digitized by Google

пути въ ростепель и половодье по Литвѣ сильно его утомили. Онъ везъ собственноручныя бумаги Панина, съ робкимъ, хотя яснымъ предложеніемъ—попытаться продолжать войну. Въ мысляхъ офицера рисовался ожидаемый имъ, полный неизвѣстности, пріемъ, борьба Панина съ дворскими партіями и вѣроятное сочувствіе и поздравленія товарищей. Онъ добрался до коллегіи, одернулъ на себѣ поношенный зеленый, съ такимъ же воротомъ, кафтанъ и красный камзолъ, обмахнулъ снѣгъ съ черныхъ штиблетъ и тупоносыхъ, безъ пряжекъ, истоптанныхъ башмаковъ, и оправилъ ненапудренныя букли и косы развившейся въ дорогѣ свѣтло-русой, запорошенной инеемъ, косы. Спросивъ въ коллегіи генерала, къ которому везъ отъ Панина еще частное письмо, онъ сдалъ пакеты и, измученный дорогой, ожидалъ, что его станутъ разспрашивать, готовилъ въ умѣ отвѣты, подбиралъ убѣдительныя слова. «Войско,—думалъ онъ,—рвется сражаться, смѣлый прожектъ Петра Иваныча одолѣетъ... Себя не пожалѣю, всю правду докажу. Лишь бы отечеству польза,—лишь бы оцѣнили смѣлость столь честнаго и неподкупнаго командира!..»

Бѣлолицый, важный ростомъ и повадкой, дежурный генералъ Бехлешовъ прочиталъ привезенное письмо, остальныя бумаги отложилъ въ сторонѣ, пристально вглядѣлся въ посланнаго, сердито потоптался на мѣстѣ и, презрительно фыркая, сказалъ: «Новости твои, сударь, вовсе не важны... А Петръ Иванычъ хоть и почтенный патріотъ, почтенный,—но... да это не твое дѣло... Война—экіе смѣльчаки! тутъ о перемиріи, а они о войнѣ!.. Завтра, сударь, воскресенье... а, впрочемъ, навѣдайся послѣзавтра...» Офицеръ вспыхнулъ. «Акъ, ты кукла плюгавая, пузыры!—хотѣлъ онъ сказать:—еще о патріотахъ судитъ. Ну, да этотъ еще не богъ-вѣсть какая птица! Что скажутъ другіе, вся коллегія?» Онъ вздохнулъ, вышелъ, постоялъ нѣсколько, опѣшенный, на улицѣ, и велѣлъ ямщику ѣхать на Васильевскій-Островъ. На сердцѣ у него отлегло. Видъ знакомыхъ, когда-то близкихъ мѣстъ отрадно повѣялъ на него. И солнце кстати выглянуло и такъ весело освѣтило улицы, дома и душу путника.

Проѣзжая мимо шляхетнаго кадетскаго корпуса (домъ Меншикова, теперь павловское военное училище), онъ снялъ шляпу и перекрестился: здѣсь прошло его ученіе и отсюда, изъ кадетовъ, два года назадъ, онъ былъ посланъ въ заграничную армію. На углу одной изъ дальнихъ линій и набережной Невы, онъ завидѣлъ почернѣлый заборъ и ветхую крышу домика, съ давнихъ поръ принадлежавшаго вдовѣ лейбъ-кампанца, Настасьѣ Баныкиной.

Digitized by Google

Сердце путника сжалось. Сюда по праздничнымъ днямъ, бездомный, круглый сирота, столько лѣтъ сряду, хаживалъ онъ изъ корпуса въ гости. Здѣсь привѣтная и твердая нравомъ, бездѣтная и сердобольная старуха, Настасья Филатовна, прозваніемъ «царицына-сказочница», ласкала его, и въ немъ, бѣдномъ кадетѣ, находила утѣшеніе въ своемъ одиночествѣ и сиротствѣ. Домъ ея былъ въ ту зиму, какъ зналъ изъ ея писемъ офицеръ, проданъ за долги, и его хозяйка переѣхала куда-то на квартиру, не успѣвъ ему сообщить новаго своего адреса. Офицеръ остановился у знакомыхъ воротъ.

— Вамъ кого? — спросилъ его какой-то мѣщанинъ, сидѣвшій подъ навѣсомъ сосѣдняго крыльца.

Офицеръ назвалъ Бавыкину.

— Рухнулъ древній, крѣпкій столбъ, — сказалъ мѣщанинъ: — и она, властная, сократилась; изъ домохозяйки жилицей стала... Приходятъ, знать, послѣдни времена.

— Да куда-жъ она переѣхала, гдѣ живетъ?

— У звѣздочета какого-то, ученаго... Уѣла нынѣ насъ всѣхъ эта анаѳема — дороговизна... Приступу ни къ чему нѣту-ти, хоть ложись, да помирай.. На погорѣлыхъ, слышно, мѣстахъ, на Мойкѣ, каменный домъ чей-то противъ съѣзжей; а Филатовна во дворѣ, внизу, въ деревянномъ фатеру снимаетъ, — тамъ вывѣска портного... Спроси звѣздочета, — всякъ тебѣ тамъ покажетъ...

Офицеръ поѣхалъ къ Синему-мосту, а оттуда вправо, берегомъ Мойки, и остановился противъ мѣста, гдѣ теперь, у пѣшеходнаго мостика, помѣщаются зданія почтамта. Здѣсь на пустынный и низменный, безъ набережной и ограды, берегъ Мойки выходилъ кирпичный, одноэтажный, похожій на фабрику домъ, съ высокой трубой. На заборѣ была вывѣска портного. За каменнымъ зданіемъ, въ глубинѣ двора, висился обветшалыми стѣнами другой домъ, деревянный, въ два яруса, съ красною голландскою черепичною крышей. Снизу въ верхнюю половину этого дома вела открытая, съ площадкой, лѣстница, навѣсомъ для которой служили вѣтви высокой, въ нѣсколько обхватовъ березы, росшей на дворѣ у крыльца и, безъ всякаго сомнѣнія, видѣвшей еще пиздовъ и Перваго Петра. Влѣво, за вторымъ домомъ, выглядывалъ безлистый, обсыпанный снѣгомъ садъ.

Смеркалось, когда голубая, цвѣта васильковъ, тогдашняя общеармейская шинель путника показалась во дворѣ, гдѣ теперь жила Бавыкина. Чуть не потерялъ на крыльцѣ истрепанной нѣтромъ, съ трехъ угловъ подвернутой, поярковой шляпы, офицеръ съ тощимъ чемоданомъ подъ мышкой быстро вошелъ въ нижнія

Digitized by Google

сѣни. Онъ сунулъ въ уголъ чемоданъ, шагнулъ въ полу-освѣщенную комнату на-право, оттуда въ какую-то «боковушку» на-лѣво и, растерявшись, остановился у новой двери. За нею была опять перегородка. Въ щель этой двери пробивался свѣтъ. «Вѣрно тутъ,—подумалъ гость, оглядываясь и переводя дыханіе: вотъ удивится!»

— Настасья Филатовна, здравствуйте! — сказалъ онъ, постучавшись въ дверь.

— Никакой Настасьи Филатовны здѣсь нѣту-ти-съ! — отозвался недовольный, суровый голосъ изъ-за переговодки: дессіянсъ-академіи академикъ тутъ живетъ... извините...

«Что же это значитъ?» — подумалъ озадаченный гость.

— Академіи-дессіянсъ академикъ здѣсь, богъ мой! — добавилъ нетерпѣливо голосъ: — а въ жилицѣ, благоволите, изъ прихожей на-лѣво... но ея нѣтъ дома.

Офицеръ поблагодарилъ, — хотѣлъ идти.

— Вы же, извините, кто? — послышалось за дверью: — какъ сказать, коли возвратится?

— Заграничной арміи курьеръ, генеральсъ-адъютантъ прусскаго губернатора Панина, — отвѣтилъ офицеръ.

За перегородкой послышался торопливый шорохъ. Дверь отворилась. На ея порогѣ, въ халатѣ, показался высокаго роста, лѣтъ за пятьдесятъ, плечистый и плотный человѣкъ, съ умнымъ, усталымъ, въ красивыхъ морщинахъ, лицомъ, съ недоумѣвающими, добрыми глазами, лысый и съ крупными жилистыми руками, изъ которыхъ въ одной была табакерка, въ другой перо.

— Изъ арміи? что вы сказали?.. изъ Пруссіи?..

— Точно такъ-съ... Нарвскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ, ординансъ Панина, курьеромъ съ бумагами.

— Знакомецъ моей жилицы?

— Такъ точно-съ.

Кроткая, ласковая улыбка освѣтила строгое лицо академика.

— Слышалъ о васъ, слышалъ... Нежданный гость, — тѣмъ пріятнѣе. Она и не подозрѣваетъ. Сколько о васъ гадано, толковано. Милости прошу, зайдите пока ко мнѣ...

— Какія же новости? Утѣшьте, сударь, подарите, — продолжалъ хозяинъ: — бьемъ нѣмцевъ? не правда-ли? крошимъ фрфлюхтеровъ?..

— Бить-то били, да теперь отступаемъ и скоро, надо полагать, вовсе вернемся. О перемиріи заговорили.

— Что?.. отступаемъ? перемиріе? да кто-съ его предложилъ?

— Съ нашей, знать, было стороны.

Digitized by Google

Табакерка и перо академика полетѣли на столъ.

— Какъ? мы? о мирѣ? да вы шутите?—вскрикнулъ дебелый, широкій въ кости академикъ, дрожащими руками напяливая на плечи потертый, сѣрый китайчатый халатъ:—ахъ, дерзость! ахъ, наглость и стыдъ! батюшки! Послѣ стольких-то побѣдъ!... Голубчикъ, молодой вы человѣкъ, — съ дороги озябли,—устали... садитесь... Лизхенъ! Лизавета Андреевна! Леночка! чаю, самоварчикъ ему... умываться скорѣй...

— Bitte, bitte, gleich! — отозвался женскій голосъ изъ сосѣдней комнаты.

— Извините,—поклонился офицеръ:—ваша хозяйка, Настасья Филатовна, мнѣ старая благодѣтельница...

— Знаю, не обидится... Мы съ ней почасту толкуемъ... архива всякихъ преданій!.

— Гдѣ-жъ она?

— Къ вечернѣ, должно, ушла. Переждите; вотъ, пожалуйте сюда, въ комнату моей дочушки, Леночки; но осторожнѣй. Тутъ у меня, какъ у крота, переходовъ, да всякихъ клѣтокъ. Каменный домъ подъ фабрику мною строенъ; а этотъ съ садомъ уцѣлѣлъ отъ пожара,—въ старину еще, другими налаженъ. Внизу у насъ жильцы и женино хозяйство; на верху-жъ мой рабочій кабинетъ, инструменты, электрическія баттареи, подзорныя трубы, реторты, да колбы...

Въ комнату, куда академикъ ввелъ гостя, вбѣжала, съ полотенцемъ и со свѣчей, улыбающаяся дѣвочка лѣтъ тринадцати, тоненькая, бѣлокурая, въ локонахъ,—голубыми глазами и улыбкой похожая на отца. За нею, съ тазомъ и кувшиномъ воды,—повторяя снова: «bitte, bitte», вошла еще красивая, полная, въ бѣломъ фартукѣ, чепцѣ и съ засученными по локти рукавами, жена хозяина. Всѣ они и самыя комнаты, теплыя, уютныя, казались офицеру такими добрыми, ласковыми.

— Вотъ вамъ, голубчикъ вы мой, мыло и вода! — сказалъ академикъ, когда дамы ушли:—дѣлайте свой туалетъ, безъ церемоній; а я—простите за любопытство—еще кое-о-чемъ васъ разспрошу... Такъ перемиріе? Ахъ, они окаянные, слѣпцы...

— Паниnъ хочетъ поправить дѣло и прислалъ репортъ; жалко, армія стремится къ бою.

— И что-жъ? есть надежда поправить дѣло?

— Богъ вѣсть, какъ посудятъ; союзниковъ нынче, сказываютъ, у Пруссіи не мало и здѣсь.

— Рвань поросячья! Канвы! Черти особые, ихъ же и кресть

Digitized by Google

россійскій не беретъ! — шагая по горенкѣ, сердито вскрикнулъ академикъ: — продовы души! травка гнусная, фуфарка!..

Онъ закашлялся и, поборая волненіе, остановился у стемнѣвшаго окна.

— Бѣсъ шелъ сѣять на болото всякія плевелы и дрянь, — сказалъ онъ, не оглядываясь: — да и просыпалъ нечаянно это зелье — фуфарку; ну, изъ него и отродился весь нѣмецкій сиклитъ, — самъ старый лукавецъ Фрицъ, его генералы Гильзенъ и Циттенъ, а съ ними и наши доморослые волбасники, — Бироны, Тауберты, Винцгеймы, и вся братія... И ихъ еще не ругать? Вздоръ! — обернулся и махнулъ кулакомъ академикъ: — я ихъ ругаю, за нелюбовь къ вормящей ихъ Россіи, позорно, въ глаза, самою сугубою и ихъ же пакостною нѣмецкою бранью. Говорю-жъ съ ними въ конференціи не иначе, какъ по-латыни. Не выноситъ ихъ бунтующая противъ такой напасти и такого безстыдства душа...

— Но ихъ сила, господинъ академикъ! — промолвилъ офицеръ: — не лучше ли имѣть съ ними волчій зубъ, да лисій хвостъ?

— Одинъ волчій зубъ, безъ всякаго хвоста! — болѣе и болѣе раздражаясь, крикнулъ академикъ: — не церемонюсь я съ несытыми въ алчной злобѣ проходимцами, и потому у нихъ не въ авантажѣ... Таковъ, сударь, моей натуры чинъ и складъ!.. Ахъ, дерзость! Ахъ, нескончаемая лютость, поправшая всякій естества законъ... Такъ это правда? Успѣла голубица мира, успѣлъ Гудовичъ доставить масличную вѣтку въ Берлинъ? Боже-Господи! Ужли-жъ побѣжденному королю вѣрить судьбы россійской исконной политики? Да этого, другъ мой, Россія съ ордынскихъ баскаковъ не видывала...

— Жилъ я между нѣмцами, — сказалъ офицеръ: — извините, хоть и враги наши, а у нихъ хорошо; порядокъ, науки.

— Да насъ-то они ненавидятъ, не признаютъ. Бить бы тамошнихъ до конца, здѣшніе бы присмирѣли!.. Ни ободренія къ возрастанію родныхъ наукъ, ни чести по рангу, ни вниманія къ каторжному, въ здѣшнемъ краѣ, ученому труду! Я мозаику, сударь, я стеклянный заводъ завелъ, — а они, — конюховъ да сапожниковъ креатуры, — жалованье мнѣ заваляцими книжками изъ академической лавки платили. Я открытія дѣлалъ, оды писалъ, а съ меня, когда я жилъ въ казенномъ домѣ, деньги за двѣ убогихъ горенки высчитывали... Истомили меня, истерзали клеветами... По-неволѣ другой сталъ бы пригинаться, слабѣть, какъ иные, — не хочу ихъ называть, — Лазаря знатнымъ барамъ пѣть,

Digitized by Google

на заднихъ лапкахъ за подачкой стоять... Да не буду стоять! не буду подличать!.. Друзья у меня не по знатности,—по генію и по усердству наукъ... И душа моя, сударь, плебейская, поморская... Воспиталъ ее, въ соловецкихъ-бѣломорскихъ зыбяхъ, студеный, надполярный океанъ... Оттого-то вѣтеръ солёный, морской ходитъ въ ней, бушуетъ по-часту...

«Вотъ человѣкъ, открытая, смѣлая душа!» — подумалъ офицеръ, съ горячимъ, почтительнымъ сочувствіемъ глядя на матераго плебея-академика, съ распахнутой, могучей грудью, шагавшаго передъ нимъ въ старенькомъ китайчатомъ халатѣ.

— Охъ, извините!—сказалъ тотъ, остановясь:—вы привезли зѣло печальныя, волнующія вѣсти; не удержишься. А потому,—вдругъ добавилъ онъ, понижая голосъ и какъ-то дѣтски-робко оглядываясь на дверь:—если вы въ сей моментъ, какъ военный, походный человѣкъ, готовы и расположены, то помере́кайте тутъ съ вашею старою пріятелькой, а черезъ часъ, черезъ два, за калиткой будетъ стоять договоренная мной городовая коляска... Дома, въ горницахъ, бесѣдовать по душѣ тѣсновато... Я-жъ проболѣлъ и давно не выѣзжалъ. Такъ мы съ вами, сударь, коль согласны, поѣдемъ въ гербергъ къ Иберкампфу; сыграемъ на бильярдѣ, разопьемъ бутылочку и потолкуемъ обо всемъ на свободѣ...

— Не по рангу мнѣ, господинъ академикъ... притомъ же дорóга, мои финансы...

— Полно, полно, другъ. Давно я, говорю, соблюдалъ лечебный дигéтъ, ну, и постъ; а сегодня вотъ кстати и жалованье изъ конференціи прислали... Поѣдемъ; тамъ, государь мой, устерсы фленскія, анкерки токайскія, бургонское и особый, скажу вамъ, новоманерный пуншъ...

Дверь распахнулась.

— Какой пуншъ? кто пуншъ?—вскинувъ руками, произнесла на порогѣ полная, сѣдая, но еще румяная и бодрая, въ темной душегрѣѣ и въ такой же кичкѣ, съ калитой и ключами у пояса, шестидесяти-лѣтняя старуха. Это и была свѣтъ-матушка, древній, властный столбъ, Настасья Филатовна.

Она взглянула на офицера, отступила.

— Вася! ой, да стой же... что это?.. Василёкъ, голубчикъ ты мой!—вскрикнула и повисла на шеѣ гостя старуха.

Смуглыя, обвѣтренныя щеки офицера дрогнули. Онъ горячо припалъ къ Филатовнѣ, съ радостными слезами безмолвно обнимавшей нежданнаго гостя.

— Охъ, милый, вотъ такъ утѣшилъ,—сказала она:—одначе

Digitized by Google

стой... Такъ и есть, не стыдно ли? Не сѣло, не пало, а ужъ и за компанство, за пунишъ... Да и вы, ваше высокородіе — хоть и хозяинъ мой... Стыдно!.. Вотъ я супружницѣ вашей все отрепортую...

— Долгъ гостепріимства, сударыня, — отвѣтилъ, глядя на офицера, академикъ.

— Гостепріимства! а ты?—ласково обратилась къ гостю, по уходѣ хозяина, старуха:—ну-ка, исписатель пуншей, кадетъ, разсмотрю, каковъ ты нынче сталъ.

Бавыкина обвела его свѣчой.

— Сердечный мой, радостный! едва тебя снозцала! вотъ она, походная-то доля, какъ возмужалъ! Ну, ангелъ мой, Васинька, пойдемъ же въ мою конуру,—не своя теперь, чужая...

Они прошли въ сѣни, за которыми Бавыкина снимала двѣ комнаты.

— Вася! соколикъ мой!—сказала, принявъ опять къ гостю, старуха:—повидала я тебя, а не чаяла болѣе... Не такою ты оставилъ вдову сударя Анисима Поликарпыча... Дубъ оголѣлый — нынче я... облетѣли всѣ листочки, вѣтромъ ошарпало ихъ, сдуло... Не въ этакой узкости и тѣснотѣ суждено было вѣкъ доживать. Ахъ! и гдѣ-то, Вася, тѣ счастливые, да шумные старые годы?..

Вдова Анисима Поликарпыча,—кто не зналъ общей печальницы и утѣшницы? — самой государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ угодила, безсонныя ночи ей грѣшнымъ рабьимъ языкомъ коротала. Сильно скучала иной разъ ласковая царица, и хаживали ее утѣшать изъ предмѣстьевъ, да съ базаровъ бабы-сокотухи, умѣлыя, бѣдовыя на языкъ. Хаживала и лейбкампанша Настасья. Сидитъ, бывало, ея величество, въ кофтѣ, да въ платочкѣ поверхъ русыхъ, пудренныхъ волосъ, и спрашиваетъ гостью: «отчего ты, Филатовна, темна будто становишься?» — «Старѣю, матушка, запустила себя, ласковая; прежде пачкалась бѣлилами, брови марала, румянилась... Нынѣ все бросила»...—«Румяниться не надо» —говоритъ царица: «а брови марай... Ну, сядь же, соври про разбойниковъ, или про какія иныя дѣла». — «Казни, всевластная, не въ мочь; вся душенька во мнѣ трепехчется»... — «Отчего-жъ она у тебя трепехчется?»—смѣется государыня. — «Какъ иду къ тебѣ, милостивая, будто на исповѣдь; а вышла, точно у причастія была»...—И припадетъ Настасья къ постелѣ царицы, ножки, юпочку ея цѣлуетъ, до утра ей тараторитъ. — «Въ чемъ счастье, Филатовна?» — «Въ силѣ, матушка-государыня, въ знатности, да въ деньгахъ. По деньгамъ и молебны служатъ».—«А горе въ чемъ?»—«Безъ денегъ, всемилостивая».—

Digitized by Google

«Да ты нешто, вѣдьма, жадна?«—Жадна, охъ жадна, и все, пресвѣтлая, что пожалуешь, возьму... Деньга, — охъ!—она вѣдь и попа купитъ, и бога обманетъ»...—Весело царицѣ.—«Вотъ, было въ старые годы»... — начнетъ Филатовна, и говоритъ про все, что видѣла и слышала на свѣтѣ, на долгомъ вѣку. Фавориты ее побаивались, и самъ канцлеръ Бестужевъ, въ праздники, посылалъ ей подарки — муки, меду, пудовыхъ бѣлугъ и осетровъ. И хоть недолго Филатовна пожила за вдовцомъ, сержантомъ лейбкампаніи, за то всласть, въ полную волю. Анисимъ Поликарпычъ нерѣдко загуливалъ и буянилъ; но уважалъ Настю и тоже побаивался, а по смерти отказалъ ей домъ на Острову у Невы. Падчерицу пристроила она за повара графа Разумовскаго, но вскорѣ ее схоронила и осталась круглой сиротой. За то кто ее не зналъ? Совѣтъ ли дать, навѣстить ли въ горѣ, похлопотать ли за кого — ея было дѣло. Не только свѣтскіе, духовные ее уважали. Церкви Андрея попъ взялъ ее къ себѣ кумой. Домъ, хозяйство Филатовны славились въ околоткѣ. Сама она стряпала, окна и полы мыла, безъ очковъ на старости лѣтъ шила бисеромъ, золотомъ, копала огородъ и доила коровъ. И не разъ сама государыня Елисавета Петровна лично удостоивала ее заѣздомъ къ ней,—малины тарелку откушать, прямо съ кустовъ, либо выпить изъ холодильни стаканъ свѣжаго, неснятого молока. И деньги водились у Филатовны. Они-то ее и погубили. Отдавала она ихъ тайкомъ богатенькимъ господамъ въ ростъ. Но попуталъ бѣсъ. Одна знакомка дала совѣтъ. Погналась Бавыкина за большимъ барышомъ, ссудила не малый кушъ извѣстному гвардейскому моту, и всю казну потеряла. Хотѣла извернуться молчкомъ; поплакала, погоревала и заложила свой участокъ банкиру Фюреру, но не выдержала срочныхъ платежей; и домъ ея, со дворомъ, были проданы въ началѣ той зимы съ молотка.

Таковъ-то безлистый, оголѣлый на вѣтрѣ дубъ стоялъ теперь передъ залѣтнымъ гостемъ.

— Ну, да что тутъ, садись, соколикъ, — сказала Бавыкина офицеру.

Они сѣли.

— Не тѣ времена, Вася; все ушло, все улетѣло, какъ почила наша пресвѣтлая благодѣтельница... Что сберегла добра, рухлядишки, все перевезла сюда... Остальное—разобрали люди.

— Ничего! дастъ Богъ, поправитесь; вотъ я пріѣхалъ,—подумаемъ...

— Поздно, другъ сердечный, поправляться, да думать. Другимъ, видно, черёдъ насталъ. Вотъ, къ грекéнѣ въ одной, въ

Digitized by Google

никанóрши зовутъ, за хозяйствомъ глядѣть; приходится въ найми на старости лѣтъ... Все пракомъ пошло... А я мыслила о тебѣ, тебѣ сберегала... Ну, да вой не вой, на то и велика рыба, чтобъ мелкихъ-то живьёмъ глотать... Повѣдай лучше о себѣ.

Офицеръ вздохнулъ. Рѣчь не слушалась. Два года разлуки не мало унесли молодыхъ ожиданій, вѣры въ счастье, надежд.

— Въ карты, Вася, по былому, извини, играешь?—спросила, взглянувъ на него, старуха:—да ты не сердись; дѣло говорю.

— Что вы, помилуйте,—отвѣтилъ гость: — жалованье какое! а тутъ, сами знаете, походы, контуженъ былъ, — до того ли?.. притомъ...

Офицеръ хотѣлъ еще что-то сказать; слова ускользали съ языка. По лицу прошло облако. Глаза смотрѣли разсѣянно, куда-то далеко. У губъ обозначилась сердитая, угрюмая складка.

Бавыкина покачала головой.

— Ужли и тамъ не забылъ?—спросила она.

— Вотъ, пустяки,-охота вамъ...

— Да ты, вьюнъ, не финти; говори, въ резонтъ спрашиваю.

Офицеръ всталъ, оправилъ волосы. Точно отгоняя тяжелую мысль, онъ провелъ рукой по лицу, подумалъ и снова молча присѣлъ къ столу.

«Такъ, такъ, изъ-за нее», мыслила тѣмъ временемъ старуха: изъ-за Поликсены ты и пріѣхалъ, чуть смогъ вырваться оттоль... Знаю тебя! отъ гордости молчишь,—а самъ бы кинулся, готовъ просить: голубушка, родная, здорова ли она, жива-ль?».

Офицеръ, сгорбившись, молчалъ. Филатовна не выдержала.

— Не закусишь ли съ дороги? Молочка, сбитню не согрѣть ли?

Гость отказался. — «Ну, Богъ съ нимъ, сердечнымъ, усталость знать одолѣла». Старуха постлала ему постель въ собственной спальнѣ, дала ему огарокъ свѣчи, а разспросъ о сердечныхъ его дѣлахъ отложила до другого раза: «всякъ божій день не безъ завтрашняго».

Офицеръ раздѣлся, досталъ изъ чемодана святцы и образокъ, поставилъ его въ углу на столѣ, раскрылъ святцы, разсѣяннымъ взоромъ прочелъ нѣсколько страницъ, перевелъ глаза къ темному окну и долго молился, кладя земные поклоны и проси у Бога новаго терпѣнія и новыхъ силъ.

«Родина, дорогая родина!» мыслилъ онъ: «вотъ она, наконецъ, и я опять среди нея... Храмъ Соломона!.. далеко, кажется, до него... На чемъ-то они теперь стоятъ, чего держатся? Освѣтилъ ли ихъ хоть малость свѣтъ истинной жизни, свѣтъ разума

Digitized by Google

и вышней братской любви? Или все тотъ же этотъ край, хмурый, непривѣтный, запустѣлый и вѣющій холодомъ?..

— Что? легъ спать?—перегодя, спросилъ Бавыкину, встрѣтясь съ нею въ общихъ сѣняхъ, академикъ.

— Спитъ!—нехотя отвѣтила Филатовна:—еще бы! намаялся сердечный; столько дѣнъ, слюня голову, скакалъ. А вамъ, сударь, что до него?

— Да я такъ, новостей онъ привезъ, и любопытно разспросить.

— Ну, только, ужъ извините, это завтра...

— А какъ, бишь, упомнилъ, фамилія этого вашего гостя?

— Родомъ малороссіянецъ, и имя ему Василій Яковлевичъ Мировичъ... Съ измальства... Да что! спокойной ночи, сударь... Только опять же совѣтую,—хоть вы и хозяинъ, — не держите долго огня... Все-то у васъ бумаги, да книжки... пожара еще, упаси Господи, не напроворили-бъ... и то вонъ на погорѣломъ дворищѣ построились...

«Ишь козырь, доброобычайная старица, какъ распекаетъ!» улыбнулся академикъ, съ потупленной головой, вновь пробираясь въ свои горницы: «да оно и лучше! и здоровью легче, — вонъ печень намедни какъ было опять разгулялась! и дѣлъ, по правдѣ, не оберешься. Мозаику кончать, о метеорахъ писать... Basta!.. Скудель тѣсная — существа предѣлъ!.. Прощай, былые годы!.. Mens sana in corpore sano»...

— Настасья Филатовна, кто, скажите, вашъ хозяинъ?—спросилъ Мировичъ изъ спальни, уже въ потьмахъ: — я и забылъ освѣдомиться.

— И этотъ тоже! да что съ вами подѣлалось?.. точно сговорились! Пара онъ тебѣ, что-ли? Коллежскій совѣтникъ, — почитай, бригадиръ... Спать пора! индо напугалъ.

Василій Яковлевичъ Мировичъ крѣпко заснулъ. Міръ давно забытыхъ картинъ охватилъ его. Ему грезились давніе, дѣтскіе и отроческіе годы, угрюмая Сибирь, потомъ украинскій тихій хуторъ, старый заповѣдной лѣсъ и пчелы, бѣдность и горести нѣкогда богатой и знатной, потомъ гонимой судьбою, разоренной и обѣдиѣвшей семьи.

Digitized by Google

II.

Прошлое Мировича.

Предокъ Мировича, во время казни гетмана Остраницы, былъ въ Варшавѣ, съ другими плѣнными казацкими сотниками, прибитъ гвоздями къ осмоленнымъ доскамъ и сожженъ медленнымъ огнемъ.

Его прадѣдъ, Иванъ Мировичъ, переяславскій полковникъ, былъ бѣшеной храбрости человѣкъ. Гетманъ Мазепа выдалъ за него, вторымъ бракомъ, выписанную изъ Польши свою сестру, Янéлю. Разгромивъ татаръ у Перекопа и Очакова, Иванъ Мировичъ возилъ въ Москву плѣнниковъ и пушки, и, возвратясь оттуда съ щедрыми подарками, началъ строить каменный Переяславскій покровскій соборъ, но вскорѣ скончался. Здѣсь, по его заказу, на большомъ запрестольномъ образѣ, весьма схоже, былъ изображенъ Петръ I, возлѣ него гетманъ Мазепа и духовенство, поодаль придворныя дамы, народъ и казацкое войско, а надъ всѣми, въ облакахъ, Покровъ эллинской Божіей Матери. У этой, еще неконченной церкви, по преданію, гетманъ Мазепа, поскользнувшись, упалъ съ конемъ. — «Не къ добру!» сказалъ народъ, и вспомнилъ это послѣ полтавскаго боя.

Сынъ Ивана отъ перваго брака, Ѳедоръ Мировичъ, былъ генеральнымъ есауломъ Орлика. Посланный вельможнымъ дядей-гетманомъ въ Польшу, подъ команду Паткуля, завзятый рубака Ѳедоръ Мировичъ не вынесъ «муштры» нѣмца, бившаго казаковъ палками, и возвратился съ даннымъ ему полкомъ въ Украйну. Мазепа отплатилъ племяннику. Въ 1706 г. огромныя силы шведовъ осадили Мировича въ Ляховичахъ. Мазепа, сославшись на половодье, не доставилъ ему помощи. Брошенный своими, тѣснимый врагомъ, полковникъ Ѳедоръ Мировичъ сдался съ отрядомъ и былъ увезенъ въ цѣпяхъ въ Стокгольмъ. Церковь въ Переяславѣ, заложенную его отцомъ, достроила впослѣдствіи его жена, племянница гетмана Самойловича, Пелагея Захаровна, урожденная Голубина. Освободившись изъ плѣна, Ѳедоръ Мировичъ жилъ нѣкоторое время въ Турціи, потомъ въ Варшавѣ у Вишневецкаго, гдѣ и умеръ. За сношенія Ѳедора Иваныча съ угнетенной родиной, Петръ I-й сослалъ его жену и сыновей въ Сибирь и отобралъ въ казну имѣнія не только виноватаго передъ нимъ Ѳедора Мировича, но и ни въ чемъ неповинной его жены.

Юныхъ сыновей Ѳедора Иваныча государь, спустя нѣкоторое

Digitized by Google

время, помиловалъ. Мировичей отпустили изъ Сибири въ Черниговъ, къ ихъ дядѣ, знаменитому Павлу Полуботку, который въ 1723 г. отвезъ ихъ въ Петербургъ и помѣстилъ, для прохожденія наукъ, въ академическую гимназію. Здѣсь они были не долго. Полуботокъ кончилъ жизнь въ крѣпости; племянники остались безъ средствъ и отъ бѣдности бросили науку. Старшій изъ нихъ, Петръ, получилъ мѣсто секретаря при дворѣ великой княжны Елисаветы Петровны; младшаго, Якова, взялъ къ себѣ изъ милости польскій посланникъ графъ Потоцкій, съ которымъ тотъ побывалъ и въ Польшѣ. Но было вскорѣ перехвачено письмо Петра Мировича въ Варшаву къ отцу, съ копіей указа о Полуботкѣ и съ извѣстіемъ о притѣсненіяхъ малороссійскаго народа. Братьевъ опять арестовали и перевезли въ Москву, потомъ въ 1732 г. снова выслали, подъ видомъ боярскихъ дѣтей, въ Сибирь, гдѣ Петръ Мировичъ дослужился мѣста управителя заводской исетской конторы, а впослѣдствіи даже былъ назначенъ воеводой Енисейской провинціи.

Во время коронаціи Елисаветы Петровны въ Москвѣ, бывшій еще недавно пѣвчимъ цесаревны, теперь же всесильный и вельможный графъ, Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, напомнилъ императрицѣ о судьбѣ своихъ забытыхъ земляковъ, Мировичей. Государыня лично въ сенатѣ, въ 1742 г., объявила именной указъ, которымъ обоимъ братьямъ Мировичамъ, послѣ вторичной десятилѣтней ссылки въ Сибирь, даровалось прощеніе и предоставлялось служить, гдѣ они захотятъ. Они пожелали докончить вѣкъ на покоѣ, на родинѣ, куда, послѣ нѣкотораго пребыванія въ Москвѣ, и переѣхали.

Старая «Мирóвичка», мать Петра и Якова Ѳедорычей, Пелагея Захаровна, отпущена была изъ Сибири въ Малороссію двумя годами позже сыновей. Тщетно подавала она изъ ссылки и изъ Малороссіи прошенія царицамъ Аннѣ и Елисаветѣ, умоляя ихъ о возвращеніи ей, если не мужниныхъ, то хотя бы части ея собственныхъ, приданыхъ и благопріобрѣтенныхъ имѣній. На всѣ ея прошенія были получены отказы. Нѣкогда вельможная пани есаульша, родня по мужу Полуботкамъ, Мокіевскимъ, Забѣлло и Ломиковскимъ, и жена гетманскаго племянника, Пелагея Захаровна умерла, по возвращеніи на родину, въ бѣдности. Богатая и знатная, также ограбленная ея родня не туда смотрѣла, сыновья пособлять не могли, а что получала она отъ немногихъ старыхъ друзей, употребляла на додѣлки неконченнаго свекромъ и мужемъ собора.

Отставной енисейскій воевода, Петръ Ѳедорычъ Мировичъ

Digitized by Google

былъ нрава буйнаго, заносчиваго и дикаго. Въ Сибири онъ, между прочимъ, былъ одно время подъ слѣдствіемъ за то, что, въ качествѣ управителя Енисейской провинціи, явился въ воеводскую канцелярію въ халатѣ и въ колпакѣ, и тамъ передъ зерцаломъ обругалъ первостатейныхъ купцовъ самыми непотребными словами. Слѣдователи, впрочемъ, его оправдали. Возвратясь изъ Сибири въ Москву, а потомъ на родину, онъ не укротилъ своего нрава. Будучи бѣденъ и гордъ и доживая вѣкъ гдѣ-то въ глухомъ мѣстечкѣ, на небольшомъ пособіи отъ какого-то сосѣдняго магната, онъ никому не уступалъ и умеръ отъ запоя, изрубивъ передъ кончиной полицейскаго офицера за то, что тотъ передъ нимъ не снялъ шляпы.

Братъ Петра, Яковъ Мировичъ, былъ нрава кроткаго и тихаго, притомъ съ дѣтства слабый здоровьемъ. Наука ему плохо далась. Петербурга, гдѣ онъ нѣкоторое время былъ въ академической гимназіи, какъ и нахожденія у Потоцкаго, онъ почти не помнилъ. Во время первой ссылки, въ Тобольскѣ, онъ обучался въ школѣ у нѣкоего «несчастливца» Сильвестровича, который хорошо игралъ на скрипицѣ, но по-русски почти не говорилъ. Женившись на небогатой купеческой дочкѣ Акишевой, во время пребыванія въ Москвѣ, Яковъ Ѳедорычъ, при жизни матери и брата, кое-какъ еще содержалъ семью. По смерти же ихъ, онъ впалъ въ окончательную нищету, овдовѣлъ, огрубѣлъ и, одичавъ отъ бѣдности, ужъ мало чѣмъ отличался отъ любого простолюдина-батрака: ходилъ въ сермягѣ и въ дегтярныхъ сапогахъ, и нанимался у сосѣдей-помѣщиковъ то въ ключники, то въ объѣздные, торговалъ нѣкоторое время водкой, гонялъ на продажу гурты скота, а состарѣвшись и не видя себѣ ни въ чемъ удачи и успѣха, сѣлъ у хуторянина-кума Данилы Майстрюка, въ лѣсу на пасѣкѣ, глядѣть пчелъ. Кумъ Данило держалъ отъ какого-то графа на арендѣ клочокъ той самой земли, которая была отнята у отца Мировича.—«Тутъ и умру!»—сказалъ себѣ Яковъ Иванычъ, сидя у стараго омшенника, въ заповѣдной, медвяной явóрщинѣ кума: «сложу здѣсь кости! земля все-таки наша»...—«А сынъ? а дочери?»—спрашивалъ себя старикъ.

У Якова Ѳедорыча Мировича, отъ рано-умершей и такой же, какъ онъ, плохой здоровьемъ жены, остались четверо дѣтей: три дочери, Прасковья, Аграфена и Александра, и сынъ Василій. Дочекъ разобрали по рукамъ добрые люди. Мальчикъ подросталъ при отцѣ.

Зимой Вася учился на хуторѣ у дьячка, лѣтомъ помогалъ отцу у пчелъ, носилъ ему въ лѣсъ обѣдать и ужинать, плелъ

Digitized by Google

корзины, строгалъ бабамъ ложки и веретена, игралъ на дудкѣ и торбанѣ. Кто-то забросилъ въ рѣку сѣраго щенка; Вася, съ плачемъ кинулся, чуть не утонулъ, но успѣлъ его спасти и вырастилъ.

Разъ услыхалъ отецъ, какъ его десятилѣтній Васи́ль въ церкви поетъ и читаетъ апостола, и задумался. — «Нѣтъ, ему жить не въ лѣсу, не на селѣ!»—сказалъ себѣ Яковъ Иванычъ: «другимъ удается, — попытаюсь и я о немъ! Все же онъ дворянской крови... Предки знатные были и не подъ тыномъ валялись... А царица Лизавета Петровна до Украйны милостей своихъ еще не замуровала въ стѣну»... Думалъ онъ долго, и рѣшился, наконецъ, устроить судьбу сына.

Это случилось восемь лѣтъ назадъ, а именно въ 1754 году.

Былъ жаркій лѣтній день.

Изъ Малороссіи въ Петербургъ, на парѣ воловъ и на простомъ мужицкомъ возу, пріѣхалъ путникъ—высокій, костлявый, лѣтъ за пятьдесятъ. Онъ былъ въ долгополой, черной свитѣ и въ сѣрой, барашковой шапкѣ. Самъ сѣдъ, а черные глаза, какъ угли, свѣтились изъ-подъ насупленныхъ бровей. На возу у него сидѣлъ мальчикъ, лѣтъ тринадцати, съ небольшимъ. У воза шла сѣрая, лохматая собака. Ѣхали они проселками, продовольствовали воловъ на подножномъ кормѣ, сами питались сухарями. Отправились изъ дому въ серединѣ апрѣля, прибыли въ Петербургъ въ началѣ іюня. Въ дорогѣ, слѣдовательно, находились почти два мѣсяца. То были Яковъ Иванычъ Мировичъ и его сынъ Василій.

Остановились они на отдыхъ на обширномъ, поросшемъ густою зеленою травой, Адмиралтейскомъ лугу (нынѣшняя Исакіевская площадь, съ новымъ садомъ). Выпрягли воловъ, умылись въ Невѣ, Богу помолились и закусили. Мальчикъ, болтая босыми ногами въ рѣкѣ, примѣтилъ подъ бастіонами крѣпости (на мѣстѣ нынѣшняго адмиралтейскаго бульвара) стадо пасшихся на травѣ придворныхъ воровъ, и подогналъ къ нимъ своихъ крупорогихъ. Старикъ вынулъ изъ-за пазухи бумагу, долго думалъ надъ ней, сунулъ ее опять на мѣсто и, съ кнутомъ въ рукѣ, пошелъ кого-то отыскивать по Невской «перспективѣ».

Мальчикъ, тѣмъ временемъ, вышелъ съ собакой на площадь и сталъ разглядывать городъ. Все занимало его: красота и обширность зданій, пушки на бастіонахъ, шумъ уличной ѣзды и суета рабочихъ, съ криками и пѣснями, выгружавшихъ въ то

Digitized by Google

время съ канала, у нынѣшней разводной дворцовой площадки, послѣдній камень, кирпичъ, громадныя бревна и доски для постройки, тогда заложеннаго Растрелліемъ, нынѣшняго Зимняго дворца. Залюбовался мальчикъ и золотыми, ярко-горѣвшими на солнцѣ шпицами адмиралтейства, Петропавловскаго собора и прежней Исакіевской церкви, стоявшей близъ того мѣста, гдѣ теперь памятникъ Петру. Обернулся мальчикъ назадъ: передъ нимъ, въ безконечную даль, тянулась, вся въ яркой зелени густыхъ, въ четыре ряда, высокихъ липъ, Невская Перспектива. А по ней шли нарядные господа, скакали верхомъ военные, мчались цугомъ раззолоченныя кареты.

Яковъ Иванычъ, со словами: «а будьте ласковы, скажите, гдѣ тутъ?» — снималъ шапку чуть не передъ каждымъ прохожимъ. Всѣ дивились на него, на его рѣчь, одежду и на почернѣлое отъ зноя, съ сѣдыми усами лицо. Прохожіе пожимали плечами и шли далѣе. Горожанамъ было не до него; да украинца рѣдко кто и понималъ.

Понялъ и выслушалъ Якова Иваныча случайно встрѣченный имъ, у тогдашняго деревяннаго Аничкова моста, нѣкій важный и съ виду гордый человѣкъ. Съ двойнымъ подбородкомъ и объемистымъ животомъ, этотъ господинъ, отдуваясь и еле-передвигая ноги, шелъ въ вощанковой зеленой шляпѣ, въ голубомъ камзолѣ и въ красныхъ башмакахъ.

День былъ душный. Незнакомецъ, несмотря на свой нарядъ, несъ съ живейнаго рынка, бывшаго за мостомъ, на Литейной, въ одной рукѣ — пукъ зелени, а въ другой — пару, перевернутыхъ вверхъ ногами, живыхъ каплуновъ. Мировичъ, съ поклонами, передалъ и ему, въ чемъ дѣло. Пузанъ оказался его земляком.

— Такъ тебѣ, землячокъ, графа Разумовскаго? — сказалъ онъ, поморщившись и крякнувъ.

— Его-жъ, его-жъ... Рóзума нашего и кормильца!..

— Квартируетъ онъ въ самомъ царскомъ дворцѣ, а съ мѣсяцъ, за передѣлками тамъ, вотъ гдѣ проживаетъ! — гордо тянулъ пучкомъ зелени важный господинъ, указывая, черезъ поросшій травой берегъ Фонтанки, на жестяные куполы Аничкова дворца: — то будетъ его хи́жка... Царица ему подарова́ла... Что? хорошо?

— Фить-фить! — засвисталъ удивленно старый Мировичъ: — а вы-жъ, ваше сіятельство, чѣмъ будете? и какъ васъ титуловать?

— Кофи-шенкомъ у графа! — еще важнѣе пыхнулъ сквозь зубы толстякъ: — и я тебѣ, землячокъ, подозволь, такъ и быть, въ чемъ нужно, помогу...

Digitized by Google

— Какъ же это кофи-шенкъ? въ какомъ будетъ рангѣ?

— А то же, почитай, что гофъ-динперъ,—пускалъ пыли въ глаза толстякъ:—мало чѣмъ меньше тафельдекера, а то и больше того...

Мировичъ снялъ шапку и ужъ ее не надѣвалъ.

Земляки привелъ его въ Аничкову саду, занимавшему въ то время все мѣсто, гдѣ теперь площадь съ Александринскимъ театромъ, памятникомъ Екатерины и Публичной библіотекой. Они обогнули этотъ садъ со стороны Гостинаго двора, и отъ заводей Фонтанки и Чернышевскихъ прудовъ, бывшихъ на мѣстѣ нынѣшнихъ министерствъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, подошли къ небольшой садовой калиткѣ. Вожатый, на разставаньѣ, далъ Мировичу нѣсколько наставленій и обѣщалъ, если понадобится, пристроить его на квартирѣ.

— Вонъ, малый, крыльцо, — указалъ онъ въ калитку на одинъ изъ лѣтнихъ павильоновъ дворца: — ступай прямо туда... Изъ прихожей будетъ тебѣ, братецъ, свѣтличка,—въ ней графъ завелъ теперь принимать просителей... Тамъ, коли не опоздалъ сегодня, и дожидайся...

Мировичъ, тѣнистыми, пахучими аллеями, прошелъ къ указанному павильону, заглянулъ въ прихожую — ни души; заглянулъ въ пріемную — тоже никого; постоялъ у порога, раза два кашлянулъ и, какъ былъ, въ черной свитѣ и смазанныхъ дегтемъ сапогахъ, поджавъ ноги, присѣлъ на голубую, штофную, съ золотыми точеными ножками, софу.

Долго онъ дожидался. Никто не приходилъ и не подавалъ голоса. Пріемъ, очевидно, кончился. Но разъ попавъ такъ легко къ высокому графу,—о которомъ онъ, какъ о благодѣтелѣ своей семьи, столько наслышался и про котораго такая слава и такой говоръ стояли на родинѣ,—Мировичъ рѣшился, во что бы то ни стало, ждать. «А какъ выгонятъ?.. Ну, дворянина, пожалуй, и не посмѣютъ...»

Въ комнатѣ было еще жарче, чѣмъ на дворѣ.

Мухи то-и-дѣло садились на потное, обросшее за дорогу, лицо украинца. Мировичъ то дремалъ отъ усталости, то, съ досадой и бранью, отмахивался отъ мухъ, ловилъ ихъ на-лету и давилъ. Одна особенно назойливо и долго приставала къ нему. Онъ ее согналъ съ шеи,—она укусила его за щеку и пересѣла ему на колѣно. Стиснувъ зубы, онъ прицѣлился въ нее, хлопнулъ по ногѣ, но промахнулся: муха увильнула, носилась по комнатѣ и опустилась на большую, японскую вазу. Задремалъ въ тишинѣ Мировичъ. Солнечные лучи, врываясь сквозь вѣтви

Digitized by Google

тихо трепетавшихъ липъ, яркими, извилистыми просвѣтами играли по паркету, бронзѣ и зеркаламъ. Муха опять сѣла на щеку Мировича, жужжа и путаясь въ усахъ, укусила его и вновь улетѣла на вазу. «А, каторжная!» проворчалъ Мировичъ: «постой же! шкода! теперь не уйдешь!»

Онъ всталъ и тихо, на цыпочкахъ, началъ подкрадываться къ обидчицѣ: изловчился, размахнулся, но муха снова мимо,—а ваза съ громомъ рухнула съ постанца и разлетѣлась въ дребезги.

Рѣзная лаковая дверка отворилась въ углу комнаты. За нею показалась пола бархатнаго вишневаго халата, звѣзда на лацканѣ и румяное, удивленное, а вмѣстѣ смѣющееся лицо: густыя черныя брови, каріе, съ поволокой и красниной, глаза и вздрагивавшія отъ позывовъ къ смѣху, крупныя и влажныя, добрыя губы...

— А що, земляче, піймавъ? — раздался голосъ пышущаго здоровьемъ, сорока-лѣтнаго вельможи, узнавшаго въ гостѣ земляка.

Яковъ Ивановичъ упалъ передъ нимъ на колѣни. Графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій милостиво ободрилъ растерявшагося просителя, ласково ввелъ его въ свой кабинетъ, усадилъ въ кресло и сталъ разспрашивать, кто онъ и какъ сюда попалъ?

— Знаю, знаю, сердце!.. Но неужто на волахъ?—спросилъ, удивленно поднявъ брови, Разумовскій:—не шутишь? такъ-таки, голубе сизый, на воликахъ, да еще, можетъ, и на сѣрыхъ?..

— На сирыхъ, ваша графская свѣтлость, на сирыхъ...

— И погоныча, хлопчика, вѣрно, взялъ?

— Сына... подросточка...

— Давай же его, голубоньку, сюда, — можетъ, и пѣсни играетъ? гдѣ онъ?

— На лукѣ, у новаго дворца, скотину съ собакою пасетъ.

— Какъ? гдѣ?..

Мировичъ объяснилъ. Графъ окончательно покатился со смѣху.

— Вотъ такъ придумалъ! — бархатнымъ пѣвучимъ горломъ выводилъ Разумовскій:—кто-жъ тебя ко мнѣ направилъ?

Мировичъ разсказалъ о своей встрѣчѣ съ кофи-шенкомъ графа, который и на квартирѣ, у тещи своей, обѣщалъ его пристроить.

— Какой кофи-шенкъ? и что ты, дяду, городишь? — опять зашевелилъ поднятыми бровями графъ: — земляка? и толстый? А!.. такъ вотъ оно кто... Юрченко Абрашка! Ну, назвался же, собачій сынъ, какимъ титуломъ... А онъ у меня за подручнаго въ поварнѣ на людской... Кофи-шенкомъ же, друже, у меня

Digitized by Google

французъ Бріонь, и такая, скажу тебѣ, шельма искусная, да гордая, что Абрашку еще за вихры отдубаситъ, какъ узнаетъ о его самозванствѣ... Такъ, такъ, онъ самый и есть! — и у его тещи, Бавыкинши, свой домъ на острову... И отлично...

Разумовскій позвонилъ.

— Ѣзжай же ты, сердце, къ ней,—сказалъ онъ:—а завтра въ эту же пору—или нѣтъ, постой—лучше къ вечеру,—будь ты опять у меня, да непремѣнно съ сыномъ и на волахъ... Тогда и о дѣлѣ твоемъ потолкуемъ. А теперь пѣкогда,—ѣду во дворецъ.

За стѣной послышалась суета. Поспѣшно вошелъ разодѣтый въ золотую ливрею слуга, за нимъ—другой.

— Торбѣхъ, торбѣхъ, посыпался горохъ!.. Эка, пентюхи... Вы спите тамъ,—сказалъ Разумовскій:—а тутъ,—чтобъ чортъ такъ и этакъ побилъ вашего батька,—добрый человѣкъ дожидается... Позвать повара Абрашку.

Вошелъ Абрамъ. Мировичъ глазамъ своимъ не вѣрилъ: куда дѣлась важность миниатюрнаго кофи-шенка, — и животъ осунулся, и куда-то въ камзолъ спрятался двойной, вспотѣвшій подбородокъ.

— Не пьянъ сегодня? — спросилъ, строго хмуря брови, графъ: — ну, и отлично! рѣдко съ вами, архибестіи, бываетъ... Такъ вотъ же что... Бери ты, Абрашка, вотъ сего сизаго голубя къ своей тещѣ на постой, да береги его, слышишь, пуще глазу... Угости тамъ, успокой и покажи ему и его хлѣбцу столицу... А это ему пока на расходъ.

Графъ бросилъ повару кошелекъ.

На другой день государыня Елисавета Петровна пила у графа, въ Аничковомъ саду, вечерній чай. Прибыла она изъ Лѣтняго дворца, гдѣ теперь инженерный замокъ, на катерѣ съ гребцами и съ роговою музыкой. Катеръ въѣхалъ изъ Фонтанки прямо въ прудъ, бывшій тогда среди Аничкова двора.

Государынѣ въ саду графомъ были представлены Яковъ Иванычъ и его сынъ—Василій. Мальчикъ игралъ императрицѣ на торбанѣ, пѣлъ «Горлицу», «Гриця», — плясалъ «журавля» и декламировалъ хвалебный, въ честь царицы сложенный въ то время кіевскими бурсаками, кантъ. Государыня прослезилась. Но, спустя недѣли три, когда ей отъ сената доставили справку о томъ, за что ея покойный родитель отобралъ въ казну имѣнія Мировичей, она не нашла возможности исполнить просьбу Якова Иваныча.

Digitized by Google

— Чудàсія мосьпàне, да и полно! — воскликнулъ, топорща брови, неуспѣвшій въ своей протекціи Разумовскій: — не все, брáтику, по нашему!—пѣвень каже кудкудáкъ, а курочка—не такъ! Но дѣло твое, не унывай, еще выгорить... Доказки, чуешь, что въ отобранныхъ у васъ помѣстьяхъ были родовыя, собственныя мáетности твоей матери. А безъ того—чтобъ имъ болѣчка!—не можно, убей Богъ, не можно... Посуди... сенатъ въ твою пользу не доложить... Сказано: москалй! лыкомъ вязано, въ лыкахъ ходить, подъ лыкомъ спить... Видишь, сердце, какія у нихъ прицѣпки, да щупы, — на три аршина, собаки, подъ землей щупають. Нельзя... финанцій, казенный интересъ!..

Слезы прошибли Мировича. Онъ не ожидалъ отказа и неуспѣха, когда добился свиданія не только съ графомъ, но и съ царицей, подбиралъ, что бы еще сказать, и не находилъ словъ.

— А о хлóпчикѣ твоемъ, о сынѣ, и не думай! — сказалъ тронутый его горемъ графъ:— государыня, до его велико-возрастія, возьметъ его подъ свою опеку и милость. И такой-сякой я буду, слышишь, коли вру! Наплюй тогда въ глаза... Завтра же велитъ его записать въ кадеты, въ шляхетный адѣшній корпусъ,— бо онъ у тебя, брàтику, все-таки дворянинъ, нельзя! Э! того нельзя!.. Да еще вонъ какой до черта письмéнный... стихи важно дуетъ—и дискантъ презрядный... Безъ даммертона, съ-разу верхнія ноты, собачій сынъ, беретъ... Гóрлицу, не ходи Грúцю, какъ отчикрúжилъ!... Херувимскую московскую тоже вонъ знатно спѣлъ, безъ ошибокъ; да, полагаю, и по придворному, концертному, скоро насобачится... А воловъ своего ума, сердце, знаешь, лучше оставь тутъ,—продай ихъ хоть и мнѣ... Славные волы! и жалко ихъ, дúду, опять гнать, бѣсъ его знаетъ, и куда... Я бы, слышишь, послалъ ихъ на дачу тутъ свою, въ Гостилицы... У меня, сердце, тамъ дворецъ; а какіе луга! Нехай бы ходили, шановáлись, да радовались по пàшнѣ... Гей, гей, рòдина, хуторы наши, раздолье... Эхъ-ма! А, впрочемъ, какъ знаешь... Братъ Кирилло въ Батуринъ новомандѐрную мебель посылаетъ себѣ на-днями въ гетманскій дворецъ... Такъ и ты бы, можетъ, поѣхалъ съ его хлóпцами...

Яковъ Иванычъ поблагодарилъ, но, пристроивъ сына въ корпусъ, поѣхалъ съ лохматымъ сѣркомъ домой на волахъ.

По возвращеніи на родину, старикъ протянулъ не долго: простудился осенью на пасѣкѣ и умеръ. Объ этомъ написали молодому Мировичу сестры, жившія по людямъ въ Москвѣ. Зять

Digitized by Google

Бабыниной, Юрченко, потерявъ отъ преждевременныхъ родовъ жену, запилъ съ горя на графской кухнѣ и также въ томъ году скончался.

Настасья Филатовна, на своемъ сиротствѣ, незамѣтно и крѣпко привязалась къ Васѣ Мировичу: брала неуклюжаго и на первыхъ порахъ медвѣдеобразнаго, а потомъ рѣзваго и шустраго, миловиднаго кадетика къ себѣ по праздникамъ, ласкала его, журила и нянчила, какъ роднаго. Изъ кадетика вышелъ вскорѣ кадетъ, изъ тощаго заморыша-мальчёнки—рослый и полный здоровья юноша, который не зналъ, куда дѣть вытянувшихся рукъ и ногъ; не по днямъ, а, казалось, по часамъ, такъ и выпирало его изъ казеннаго узкаго кафтанишки. — «И куда ты это, Васинька, лѣзешь въ гору, такъ растешь?» говорила старуха: «инъ скоро ужъ, пожалуй, и рукой не досягну до твого вихра!»

Сперва Вася лазилъ во дворѣ у Настасьи Филатовны по крышамъ, по яблонямъ и березамъ,—гонялъ голубей,—въ свайку, да въ бабки игралъ съ уличными мальчишками. Седины не сходили у Васи съ носа, синяки съ висковъ. Филатовна то и дѣло чинила его камзольчики, да штанишки, штопала ему чулки. Но вотъ Вася окончательно вытянулся и остепенился. Сухощавый, скулистый, плечистый, будто увалень, а въ черныхъ главенкахъ такъ и бѣгаютъ огоньки. Ландшафты рисуетъ красками и миніатюрой, хитрыя виньеты къ нотамъ Разумовскому чертитъ и ему носитъ. Ходитъ съ книжкой по саду Бабынинской, вслухъ читаетъ какіе-то стихи; говоритъ, что твердитъ роль для кадетскаго театра. Зеленый ученическій кафтанъ на немъ чистъ, русая коса въ завиткахъ и напомажена; шляпа на три угла, какъ съ иголочки, бѣлыя манжеты и чулки отнюдь не примараны. Ему исполнилось восемнадцать лѣтъ. Въ корпусѣ онъ былъ уже шестой годъ.

— Кто же васъ тамъ ахтерству этому обучаетъ? — спрашивала его Филатовна.

— Самъ Александръ Петровичъ, самъ господинъ Сумароковъ! — отвѣчалъ Вася Мировичъ: — и мы играли намедни, на домашнемъ нашемъ театрѣ, его комедію «Чудовищи», а въ скорости при дворѣ, въ собственныхъ внутреннихъ аппартаментахъ государыни, будемъ играть его же траженій, «Гамлета»... Ахъ, какіе стихи, какіе!

„... Люблю Офелію, но сердце благородно
„Быть должно праведно, хоть нищно, хоть свободно..“

Digitized by Google

Сердце кадета Мировича, на самомъ дѣлѣ, всворѣ было плѣнено. Онъ нашелъ свою Офелію и съ-разу влюбился въ нее страстно, безъ ума, о чемъ признался товарищу, уроженцу харьковскаго намѣстничества.

Случилось это въ 1759 году, незадолго до выпуска старшаго курса изъ корпуса. Въ Петербургѣ и въ окрестныхъ дачахъ вельможъ, по случаю пріѣзда принца Карла Саксонскаго, шли непрерывныя празднества и торжества,—съ качелями, каруселями, катаньемъ съ горъ, рыбными ловлями, стрѣльбой въ цѣль и театрами.

Въ Гостилицахъ, на дачѣ Разумовскаго, давали переведенную съ французскаго пьесу: «Пастухъ и прегордая пастушка». Кадетъ старшаго курса Мировичъ, кончившій геометрію и фортификацію съ атакой и изучавшій въ томъ году у корпуснаго ученаго адъюнкта, Флюга, гражданскую юриспруденцію, натуральное право и нѣмецкій штиль, игралъ роль пастуха. Роль пастушки исполняла одна изъ хорошенькихъ и веселыхъ камеръ-медхенъ императрицы Елисаветы, Поликсена Ивановна Пчёлкина. Непомнящій родства подкидышъ—свою фамилію она получила вслѣдствіе того, что государыня, встрѣтивъ въ корридорахъ дворца кудрявую, съ сѣрыми глазками и съ золотистыми волосами дѣвочку, остановилась и сказала: «вотъ распѣваетъ, жужжитъ, точно пчёлка!» Съ той поры она и осталась Пчёлкиной.

Влюбленный въ неприступную и гордую пастушку на сценѣ, пастухъ Мировичъ поймалъ ее врасплохъ за кулисами, обнялъ за талію и, страстно прижавшись къ ея розовымъ, съ ямочками, набѣленнымъ и облѣпленнымъ мушками щекамъ, нѣжно пропѣлъ изъ своей роли:

„Когда-жъ бѣдняжку-пастуха—
Когда полюбишь ты, пастушка?..“

Пчелкина вырвалась отъ него, оправила смятыя блонды и ленты и, сдѣлавъ вздыхателю реверансъ, съ насмѣшливой важностью, отвѣтила также стихами разыгранной пасторали:

„Когда ты будешь богачомъ,
„Вельможей, а не пастухомъ,—
„Чтобъ не въ убогой жить вамъ хатѣ,
„А въ раззолоченной палатѣ...“

Тѣнь всякаго спокойствія, съ той поры, покинула влюбленнаго кадета. Гражданская юриспруденція, нѣмецкій штиль и

Digitized by Google

натуральное право Флюга были заброшены. Ихъ замѣнили безсонныя ночи, вздохи, писаніе страстныхъ и нѣжныхъ мадригаловъ, а въ промежуткахъ, съ горя—попойки съ городскими кутилами, и карты. — «Хохлёнокъ сдурѣлъ!» говорили товарищи. И точно: Мировичъ сталъ раздражителенъ, мраченъ, ушелъ въ глубь себя. Вавыкина собиралась не разъ вызвать на голову завертѣвшагося своего любимца громы и молніи со стороны Разумовскаго. Но всесильный графъ давно забылъ и думать о юношѣ, который когда-то пѣлъ канты и плясалъ «журавля» въ его саду, хотя при встрѣчахъ съ нимъ обыкновенно шутилъ: «Виньеты славно чертишь, и херувимовъ, и гербы... А постой, одначе, постой! Хочешь, кукѣночка, варениковъ? и когда на волахъ до дому?»

Днемъ, повидавъ украдкой Пчелкину, Мировичъ вписывалъ въ свой дневникъ стансы къ милой:

„Лишенъ любовныхъ разговоровъ,
„Я вижу тѣнь твою съ собой...
„И, ахъ! твоихъ не зрю хоть взоровъ,
„Но мысль всегда, вездѣ съ тобой..."

Вечеромъ, въ корпусномъ дортуарѣ или въ душномъ служительскомъ чуланѣ, онъ рѣзался съ богатыми изъ товарищей въ ли-мушъ и въ фараонъ. Жажда выиграть, разбогатѣть — тянула его къ себѣ, и онъ, къ собственному удивленію, выигрывалъ. Сперва серебро, а потомъ и золото завелись у кадета. Нерѣдко полные карманы рублевиковъ таскалъ онъ къ Настасьѣ Филатовнѣ.

— Откуда берешь, пострѣлъ?—допрашивала она.

— Спрячьте, голубушка, спрячьте бережнѣе, а то опять спущу!.. — отвѣчалъ онъ: — это для Полиньки! все ей... какъ выйду въ офицеры, посватаюсь и женюсь...

Молва о счастливой игрѣ Мировича дошла и до начальника корпуса, богатаго и знатнаго князя Езупова. Строгій распорядитель и любимецъ ввѣренныхъ ему питомцевъ, онъ тоже былъ страстный игрокъ.

— А играешь ли въ рокамболь? — спросилъ его однажды князь.

Мировичъ въ это время готовился къ окончанію экзаменовъ.

— Во что угодно-съ...

— И въ вистъ-руаяль?

— И въ вистъ...

— Почемъ роберъ?

Digitized by Google

— Хоть по десять рублевъ.

— Вотъ какъ! А въ пикетъ знаешь?

— Знаю.

— Ну, приходи ко мнѣ; завтра Срѣтеніе, праздникъ, — сыграемъ во что-нибудь...

Мировичъ за два дня передъ тѣмъ видѣлся съ Поликсеной у знакомой Настасьи Филатовны, у поручицы Птицыной, и все время послѣ встрѣчи съ обожаемой, неприступной красавицей былъ какъ въ чаду. Онъ усердно помолился объ успѣшной игрѣ, даже обѣщалъ поставить свѣчку у Исакія, если выиграетъ, и, вопреки совѣтамъ товарища-харьковца, пошелъ на квартиру къ Езупову.

— Ну, сядемъ въ бирюби, — сказалъ вельможный начальникъ, кладя карты на столъ:—огурчики огурцы, пошли въ дѣло молодцы!... такъ-ли? ну-ка, сивая, пойдемъ въ походъ!.. деньги есть?

Кадетъ показалъ дукаты. Езуповъ поставилъ возлѣ себя ларецъ. Они стали играть. «Мать пресвятая, владычица Казанская, помоги!» думалъ Мировичъ: «что, если выиграю у него, не то что сотню, полъ-тысячи, тысячу рублевъ?.. Онъ богачъ, въ игрѣ, слышно, зарывается, неотходчивъ... Тогда... о! тогда Поликсена моя...»

И онъ дѣйствительно сталъ выигрывать.

Когда стемнѣло и подали свѣчи, серебро, а потомъ и золото изъ ларца Езупова на половину перешли въ шляпу кадета. Руки князя дрожали, брови удивленно шевелились, старческое, апоплексически-красное лицо покрылось бѣлыми пятнами. Онъ не переставалъ сыпать любимыми поговорками.

— И начала она сомнѣватися!.. и начала!—восклицалъ онъ, судорожно хлопая картой по картѣ:—ура, сивая, не отставай!.. окунулся по уши, валяй и по маковку туда-жъ...

Ларецъ Езупова опустѣлъ.

— Эй, вина! венгерскаго! выпьемъ, братъ!—забывшись, крикнулъ начальникъ: — что-то душно...

— Не пью-съ!—прошепталъ блѣдный, взволнованный успѣхомъ Мировичъ.

— Вздоръ, приложимся! у меня, братъ, старое...

Подали бутылки и рюмки. Князь выпилъ, налилъ и партнёру, выпилъ и еще; труня надъ своей неудачей, распахнулъ окно въ оранжерею, а дверь заперъ на ключъ, досталъ изъ пузатаго, выложеннаго бронзой, бюро горсть кораллонъ и нѣсколько ювелирныхъ вещицъ, и началъ удвоивать ставки.

Digitized by Google

— Ахъ вы, Сашки-канашки мои, куда дѣли подтяжки мои?— шутилъ онъ, щелкая картами по столу.

Къ полночи Езуповъ выбился изъ силъ и откинулся на спинку кресла. Все вынутое было вновь проиграно. Глаза князя лихорадочно сверкали, на углахъ губъ проступила пѣна.

— Ты магъ, кудесникъ! — прохрипѣлъ онъ, въ охмѣленіи глядя на кадета и срывая съ горла обшитый пуанъ-де-мишанами платокъ: — не вывезла, сивая, усомнилася!.. отстала!.. Уходи теперь, братецъ, какъ есть, будто не игралъ... иначе, — прибавилъ вдругъ Езуповъ: — я тебя за карточную игру подъ судъ...

Мировичъ помертвѣлъ.

— Ваше сіятельство, князь! вы шутите? — проговорилъ онъ, запинаясь.

— Не шучу, не шучу... Иди по-добру, по-здорову... Не то я тебя, каналья, выпровожу... не чисто, знать, играешь...

— Какъ смѣете! — вскрикнулъ, вскакивая, Мировичъ: — вы забылись... Такія слова природному дворянину... Мои предки не меньше вашихъ вельможами были...

На Мировичѣ не стало лица. Руки и подбородокъ его дрожали. Онъ какъ пьяный шатался, стоя, черезъ столъ, въ угрожающемъ положеніи противъ князя. Глаза его застилало пеленой.

— Вонъ, молокососъ, вонъ! — закричалъ Езуповъ, также поднимаясь съ кресла и толстыми прыгающими пальцами загребая снова въ ларецъ лежавшія на столѣ деньги, кораллы и ювелирныя вещицы:—я тебя, сударь, только пытался!.. Аль не догадался? Вижу нонѣ, какова ты птица... Езупова, братъ, князя не проведешь...

Свѣтъ окончательно померкъ въ глазахъ Мировича.

Онъ опрокинулъ столъ съ картами и съ виномъ, рванулся къ князю, выбилъ у него ларецъ и ухватилъ его за руки. Борьба между сильнымъ, тучнымъ старикомъ и ловкимъ дерзкимъ юношей началась отчаянная. Огромный парикъ князя слетѣлъ подъ софу, часы были обронены въ схваткѣ и растоптаны подъ ногами, рубаха и манжеты изорваны въ клочки. Сильно досталось и кадету. Съ отхваченнымъ лацканомъ кафтана, лопнувшимъ по швамъ камзоломъ и съ развитой косой, онъ въ рукопашномъ бою нечаянно далъ выскользнуть сопѣвшему въ его объятіяхъ князю, получилъ отъ него мѣткій ударъ чѣмъ-то тяжелымъ въ голову, но изловчился, опять поймалъ его за каминомъ въ углу, и съ крикомъ: «молись! теперь тебѣ, извергъ,

Digitized by Google

капутъ!», тонкими пальцами изо-всѣхъ силъ ухватилъ его за жирное горло.

Мировичъ задушилъ бы князя Езупова, но изъ прихожей къ кабинету, на возгласы ихъ и возню, сбѣжались слуги.

Въ дверь стали стучать. Мировичъ опомнился, выпустилъ князя. Езуповъ, задыхаясь, молча указалъ ему окно въ теплицу, откуда былъ особый выходъ въ садъ. Тотъ медлилъ. Князь, злобно хрипя и потирая горло, отвѣсилъ ему низкій поклонъ. Мировичъ схватилъ шляпу и выскочилъ.

Езуповъ пришелъ въ себя. Не отворяя двери, онъ крикнулъ, что никого не звалъ и чтобъ его оставили въ покоѣ, привелъ въ порядокъ свою одежду, мебель и вещи, и закрылъ окно. Опустивъ гардины, онъ выпилъ цѣлый графинъ воды, крестясь и охая, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и сѣлъ писать къ фавориту государыни, Ивану Иванычу Шувалову, длинное письмо.

Черезъ недѣлю послѣ этого казуса, кадетъ Мировичъ, за лѣность, а также за продерзостное и кутежное поведеніе, не кончивъ курса, былъ отосланъ солдатомъ въ пѣхоту, въ заграничную армію, гдѣ въ два года дослужился до подпоручика.

Езупова разбилъ параличъ. Послѣ долговременнаго управленія кадетскимъ корпусомъ, онъ былъ уволенъ отъ этой должности и вскорѣ скончался. Онъ словесно передъ смертью пожелалъ выслать за границу исключенному кадету крупную сумму денегъ. Но ближніе его посмотрѣли на это, какъ на излишнюю поблажку, и приказа его не исполнили.

III.

Петербургъ временъ Петра III.

Крѣпко спалось съ заграничной дороги Мировичу у Настасьи Филатовны, да и было такъ тихо въ теплой, уютной горенкѣ. Городской ѣзды по берегу Мойки въ томъ мѣстѣ почти не было слышно. Бавыкина и въ церкви побывала, и на рынокъ сходила, и кончила въ кухнѣ обѣденную стряпню. «Вотъ заспался, сердечный», — разсуждала она. Разбудили Мировича неразлучныя канарейки хозяйки. Онѣ такъ весело растрещались на солнцѣ, что онъ проснулся, открылъ глаза, но не съ-разу пришелъ въ себя, глядѣлъ по комнатѣ, припоминалъ...

Вотъ старый, почернѣлый, дубовый комодъ Филатовны,—бе-

Digitized by Google

резовый, со стеклами, посудний поставецъ. Въ комодѣ лежали когда-то его кадетскія рубашонки, тетрадки, потертые въ бѣготнѣ чулки. А изъ поставца всегда такъ пахло корицей, имбиремъ, и лежали тамъ, ждали его къ праздникамъ пряники, орѣхи, шепталà. На стѣнѣ — поясной портретъ, красками, покойнаго Бавыкина. Сударь-Анисимъ Поликарпычъ, въ кафтанѣ, шитомъ золотомъ, и въ лейбъ-кампанской, съ перьями, шапкѣ, гордо и важно глядитъ изъ рамы и будто повторяетъ слова манифеста Елисаветы Петровны: «а особливо и напаче лейбъ-гвардіи нашей викадрона по прошенію престолъ нашъ воспріять мы соизволили». — Мировичъ не засталъ уже Бавыкина въ живыхъ. Но власть и мочь покойника еще признавалась памятью знавшихъ его. Одинъ изъ трехъ-сотъ гренадеръ, возведшихъ Елисавету на тронъ, во дни загула онъ, — «подпіяхомъ съ пріятелями», — бывало, подниметъ такое веселье, что канцлеръ Бестужевъ, слыша изъ своего дома, черезъ Неву, буйныя пѣсни и крики у его воротъ, посылалъ цидулки къ генералъ-полиціймейстеру о командированіи пикетовъ, для охраны спокойствія сосѣднихъ улицъ и домовъ.

— Все отдамъ, все тебѣ послѣ смерти откажу, — говорила въ оны дни Настасья Филатовна кадету Мировичу: — учись только уважать начальство, въ люди выходи. Станешь въ чинахъ, будешь знатенъ, амбиціи своей не преклонишь, и меня до конца вѣку доглядишь... Оно точно: на рать сѣна не накосишься, на міръ хлѣба не насѣешься. А бери, сударикъ, примѣръ хоть бы съ меня... Самой царицѣ угождала, ея душеньку брехнёю услащала... И былъ за то бабѣ Настасьѣ почетъ и привѣтъ... Дѣвка гуляй, а дѣло помни... Даромъ, братъ, ничего; даромъ и чирей не сядетъ...

Все измѣнилось, все прошло. Бѣдность видимо проглядывала теперь во всей обстановкѣ Бавыкиной. Не оправдалъ ея надежды и былой ея питомецъ. Мировича замѣтили, за отличіе подъ Берлиномъ, гдѣ онъ былъ контуженъ, произвели въ офицеры. Но тяжело дались ему двухъ-лѣтніе походы, лишенія всякаго рода, обиды старшихъ, измѣны и подкопы товарищей, и та же суровая бѣдность, бѣдность безъ конца. Онъ еще болѣе сосредоточился, сталъ скрытенъ, завистливъ, раздражителенъ и гордъ. Чужіе края во многомъ открыли ему глаза. Онъ сходился тамъ съ умными людьми, въ томъ числѣ съ масонами, читалъ книги, не мало перенялъ, сунулъ носъ и въ такія рѣчи и дѣла, о которыхъ ему прежде и не снилось. Грубость генерала Бехлешова на утреннемъ пріемѣ въ коллегіи не выходила у него

Digitized by Google

изъ головы. «Скрыть хотятъ проповиціи Панина,—не выходило у него теперь изъ мыслей: — измѣнники! берлинскіе угодники!.. не скроютъ... Завтра опять пойду и добьюсь»...

Мировичъ всталъ, быстро одѣлся и вышелъ на улицу. У него что-то сидѣло въ головѣ. Доѣхавъ на извощикѣ на Литейную, онъ высмотрѣлъ чей-то дворъ, между свѣтлицъ придворныхъ чиновъ, обошелъ его, долго глядѣлъ на окна и двери, и спросилъ кого-то, вышедшаго изъ того двора. Ему вызвали слугу. Отвѣты послѣдняго не привели ни къ чему. Еще постоялъ Мировичъ передъ завѣтнымъ домомъ, еще поглядѣлъ на окна. Онъ черней тучи возвратился на Мойку, пробрался въ горенку Филатовны и молча прилегъ опять на постель. Бавыкина вошла къ нему съ завтракомъ.

— Думала спитъ, а ужъ онъ и по дѣламъ, — сказала она, присѣвъ противъ него и съ любопытствомъ его разсматривая.

Онъ молчалъ.

— Это же что́ у тебя? — сказала она, взглянувъ на истрепанную тетрадку, лежавшую на кучѣ хлама, вынутаго изъ чемодана. Мировичъ и на это ничего не отвѣтилъ. На заголовкѣ тетради, красивыми росчерками, стояла надпись: «Храмъ Апрантіфской». Вокругъ заглавія были рисунки тушью,—два столба, треугольникъ, отвѣсъ, молотокъ и другіе знаки. То былъ масонскій катихизисъ, ложи св. Іоанна, ученической степени (apprenti).

— Диплонъ, что ли, на чинъ? — спросила, просіявъ, Филатовна.

— Да... нѣтъ, бишь... артикулъ,—товарищи дали, — нехотя отвѣтилъ Мировичъ.

— Служи, Василій, служи; времена тяжкія; добивайся!.. Песъ косматъ, — ему тепло; намъ за то вотъ какъ холодно... А золотой молотъ, пàря, онъ и желѣзны вороты прокуетъ. А почему? Потому нонѣшній свѣтъ онъ самый, какъ есть, линущій... Тлѣю надъ нами пахнетъ... Нынче корова, а завтра пàдаль...

Бавыкина вздохнула, оперлась на руку головой.

— И ужъ такъ-то плохо, такъ... Все махонькое въ большаки, вишь, просится. Да не быть медвѣдю стадоводникомъ, а свиньѣ огородникомъ. А что прогорѣла, то еще не бѣда. Города — и тѣ чинятъ, не токма рубашки.

Мировичъ не отзывался. Бавыкина пристальнѣе взглянула на него.

— Да ты не на Литейну ли отмахалъ? Что смотришь? Угадала, небось? Признавайся.

Digitized by Google

— Гдѣ Полинька? — спросилъ Мировичъ.

— Нешто самъ не знаешь, не списывался съ нею?

— Четыре мѣсяца ни слуху про нее, молчитъ,—на письма не отвѣчала, — отрывисто и грубо проговорилъ Мировичъ.

— То-то, Василій, скрытничаешь, — сказала, покачавъ головой, Филатовна: — а я, признаться, иной разъ спрашивала. Помнила твои гонянья... Вотъ и сегодня... Только, братъ, ни Птицыны, ни Прохоръ Ипатьичъ, — кучеръ покойной царицы, ни Шепелѣвыхъ кума,—дворцовая кастелянша, никто не знаетъ. Какъ померла на Рождество государыня, твоя-то, вѣришь ли, точно въ воду канула. Да и дива нѣтъ. Порядки, самъ вѣдаешь, пошли все иные. Дворъ покойной царицы распустили, ослобонили,—кто куда. Ну, а она, извѣстно, — голячка, сирота; гдѣ ей въ здѣшнемъ-то Вавилонѣ болтаться. Куда-нибудь отъ глазырниковъ въ тихости дѣвка и съютилася... Самому знакомъ ейный нравъ, — недотрога, гордецъ, и обидъ, — этакая, подумаешь, цаца, — не любитъ. За границу развѣ?.. Такъ нѣтъ: знали бы. Безъ паспорта, чай, съ-разу и не уѣдешь...

— Чудеса! — произнесъ Мировичъ: — ужъ жива ли, или впрямь куда уѣхала?

— А про то, братецъ, говорю тебѣ, не свѣдома! — съ недовольствомъ отвѣтила Филатовна: — дворъ, соколъ ты мой, новый и порядки новые. Не то, что камеръ-медхены, гофъ-енаралы у новаго царя и у его хозяйки — всѣ почти перемѣнились. А вѣдь твоя-то, правду сказать, человѣкъ небольшой; разсчитали, ну, вѣтеръ ее, мелкотравчату, и сдулъ съ земли долой.

Мировичъ не слушалъ Филатовны. Та взялась за подносъ, брякнула тарелками.

— А я вотъ что тебѣ скажу, — заговорила опять Филатовна: — что твоя Поликсена? ну, говори. Голь безшабашная и только. Тебѣ, сударь, не того нужно. Нѣтъ грѣха хуже бѣдности. Помни зарокъ бабы Насти, — тутъ вся правда. Ну, посуди? Ты молодъ, изъ себя красивъ; чинъ у тебя тоже вонъ ужъ офицерскій; и всякая за тебя теперь, ну, писаная краля пойдетъ... Да вотъ, на прикладъ, хоть бы и дочка самой Птицыной... чѣмъ не невѣста? Повидишь, какая пава стала, — выровнялась за это время, станъ тебѣ полненькій, ходитъ, вертитъ хвостомъ, какъ уточка, — а волосы, а глазищи... Да притомъ, Василій, домъ какой на Литейной, дача на Каменномъ; а по смерти матери, въ сходствіе ейнаго счастья, еще и капиталъ. Прокормишься, ну, и меня въ тѣ поры не забудешь... Вонъ я послѣднюю холопку Гашку изъ-за бѣдности продала енаралу

Digitized by Google

Гудовичу, какъ сюда съѣзжала на фатеру. Вѣришь, пухомъ, да перьями конѣ торгую, — продолжала, всхлипнувъ и утираясь, Филатовна:—скупаю по господамъ, да перепродаю въ гостинный на подушки и пуховики... Право, подумай, голубчикъ, не спѣши. На рѣзвомъ конѣ свататься не пытайся; а жена, братъ, не гусли, — поигравъ, на сукъ не повѣсишь...

Мировичъ въ досадѣ и нетерпѣніи постукивалъ о полъ ногою. Онъ сидѣлъ молча, понуривши сь. Его божество, стройная, худенькая пастушка, съ лукавымъ взоромъ холодныхъ, сѣрыхъ и загадочныхъ, какъ у сфинкса, глазъ, съ ямочками и мушками на щекахъ и съ гордо-вздернутой, насмѣшливо-дрожащей губкой, не отходила отъ его мысленныхъ взоровъ.

Филатовна озлилась. Гремя въ посудномъ поставцѣ, она чуть не разбила любимой чашки.

— Да чѣмъ бы вы жили? — ну, отвѣчай! и каковы нынѣче цѣны? Да ты не крути носомъ, прокуратъ, а толкомъ разбери: фунтъ чаю два съ полтиной, сажень дровъ рубь шесть гривенъ... а? Да что! Слыхано ли: пудъ аржаной муки двадцать шесть копѣекъ. Свѣтопреставленіе, да и все... Говядины, говядины фунтъ меньше двухъ копѣекъ не отдаютъ... Какъ тутъ жить?

— Ну, какъ жить, про то ужъ не знаю, — полупрезрительно отвѣтилъ, вставая, Мировичъ: — и пойдетъ ли за меня Поликсена... А подруги ея, Птицыной, прежде не примѣчалъ, да и теперь видѣть не хочу... Вы спрашивали, что это вотъ за книжка? — Мудрыя въ ней слова.

— Какіе такіе слова?

— Міръ на трехъ основахъ сотворенъ, — продолжалъ гордо и какъ-бы въ раздумьѣ Мировичъ: — на разумѣ, силѣ и красотѣ. Разумъ — для предпріятія, сила — для приведенія въ дѣйство, красота — для украшенія... Жизнь наша — храмъ Соломоновъ, и каждый камень въ немъ да кладется безъ устали и ропоту.., Впрочемъ, вы того, простите, не поймете... Но стойте, одно слово. Окажите такую милость. Сходите еще разъ къ кучеру Прохору Ипатьичу, къ Птицынымъ и къ Шепелевыхъ кумѣ, кастеляншѣ... Узнайте, куда отъ двора могли доставить Пчелкину? Чай, не выкинули же на улицу, въ придворномъ экипажѣ везли.

— Такъ вотъ тебѣ, высуня языкъ, и стану бѣгать за дѣвками! — отвѣчала, отмахнувшись, Филатовна: — стара, братъ, стала! пора бы и на покой... Садись развѣ самъ, да и пиши публикацію въ газетахъ, какъ въ старину письма къ любовницамъ писали: сладостныя, молъ, гортани словеса медоточныя, гдѣ вы,

Digitized by Google

отзовитеся! Красоты безмѣрной власы! стопы превождѣнныя, улыбаніе полезное и пріятное, нравъ веселый и пресвѣтлый, ластовица моя златообразная, откликнись!.. Нѣтъ, братъ, уволь, — винты развинтилися, не гожусь... въ ломку пора...

Филатовна, однако-жъ, только храбрилась. Подъ предлогомъ сношеній съ перинщиками, она сказала, что надо послѣ обѣда сходить въ Гостинный, накинула поношенный шушунчикъ, взяла какой-то узелъ, вышла за калитку и опять поплелась къ лейбъ-кучеру, къ Шепелевыхъ кумѣ, кастеляншѣ, и къ Птицынымъ.

Возвратилась Бабыкина въ сумерки. Она была сильно не въ духѣ, хмурилась и бранилась.

— Эки концы, прости Господи! Вотъ она торговля... Коли не каммеръ-фурѝры Герасимъ Крашенинниковъ, да Василій Кирилычъ Рубановскій,—сказала она, бросивъ въ уголъ ношу и не глядя на Мировича: — такъ никто ужъ въ свѣтѣ и не скажетъ тебѣ, гдѣ нонѣ Поликсена... Они заправляли списками при похоронахъ государыни; имъ только теперь и знать, куда направила лыжи твоя Миликтриса Кирибитьевна.

Она вышла. Мировичъ записалъ въ бумажникъ названныя ею имена и засуетился надъ чемоданомъ. Заперевъ дверь, онъ принялся чистить сильно поношенный кафтанъ, шинель и башмаки, досталъ изъ какого-то свёртка иглу, заштопалъ штиблеты и долго, вздыхая, возился надъ распоротымъ у подошвы башмакомъ; расчесалъ и тщательно завилъ косу и букли,—обвязалъ ихъ, для сохранности, на сонъ грядущій, платкомъ и попросилъ себя разбудить на зарѣ, чтобъ успѣть напудриться, побриться и, отбывъ утромъ явку къ начальству, пуститься на поиски каммеръ-фурьеровъ Крашенинникова и Рубановскаго. — «Доля проклятая,—гдѣ-жъ ты?»—ворчалъ онъ, раздѣваясь: «на днѣ моря, въ землѣ, или выше того?»

Утромъ Мировичъ изъ первыхъ явился въ коллегію. Тамъ его, сверхъ ожиданія, задержали долго. Толпились приказные, гвардейскіе и армейскіе офицеры. Изъ заграничнаго отряда въ ночь прискакалъ новый курьеръ. Къ полудню пріемная и лѣстницы коллегіи гудѣли отъ говора разномастнаго люда, какъ улей. Брящая шпорами и дерзко волоча палаши по ногамъ встрѣчныхъ и поперечныхъ, съ наглыми казарменными ухватками, рѣчами и громкимъ смѣхомъ, прошли вслѣдъ за какимъ-то, бѣлобрысымъ и куцымъ, голштинскимъ бригадиромъ новоиспеченные гвардейскіе любимцы. Между мелкосошною мундирной братіей стали говорить шопотомъ, а потомъ и громче, что общія смутныя предсказанія сбылись: голштинцы торжествовали

Digitized by Google

и Волконскому въ пограничный корпусъ посылалось предписаніе, войти въ формальные переговоры о прекращеніи военныхъ дѣйствій съ принцемъ Беверискимъ. О «пропозиціяхъ» Панина не было и помина. На Мировича, сидѣвшаго въ углу на скамьѣ и поджимавшаго заштопанную колѣнку и плохо зашитый башмакъ, теперь ужъ никто не обращалъ и вниманія. Вчерашній, сердитый и надутый, какъ пѣтухъ, генералъ Бехлешовъ, выйдя съ озабоченнымъ и, казалось, невыспавшимся лицомъ въ пріемную, замѣтилъ его и кивкомъ, пренебрежительно, подозвалъ къ себѣ. Пыхтя и разглядывая свои бѣлыя, маленькія ручки, онъ помолчалъ и вдругъ, поглядѣвъ на него въ упоръ, напустился: «Такъ ты Мировичъ? а? а? Мировичъ? ордонансъ Панина?.. А отчего у тебя, сударь, кафтанъ стараго образца? Да и галстухъ — папильономъ, сирѣчь, бабочкой, не по формѣ повязанъ! Ордонансы! баловники!» кричалъ, топая ножками, генералъ: «развѣ вамъ не были посланы указы о новыхъ мундирахъ? а? Вольнодумствомъ вы только занимались тамъ, по театрамъ, по обѣржамъ, вертопрашили, да дусёргельды дѣлили на пирушкахъ!.. Шалберники, роскошники, моты!..»

— Не заслужилъ, не заслужилъ! — отвѣтилъ, вспыхнувъ и самъ не помня себя, Мировичъ: — подобный афронтъ офицеру... я... вы... вы...

— Здѣсь столица, самъ государь, — а не ордеръ-де-баталія!... — крикнулъ еще запальчивѣе Бехлешовъ: — ступай, сударь, да берегись... слышь, говорю тебѣ, берегись! Любимчики штабные! ордонансы! А понадобишься, за тобой пришлютъ...

«Ахъ ты раналія!» подумалъ съ дрожью Мировичъ: «да что-жъ это? и за что? только-что пріѣхалъ, и вдругъ»...

Горло его схватили судороги. Онъ молча повернулся, спустился блѣдный съ лѣстницы и, стиснувъ зубы, глотая слезы негодованія, поѣхалъ домой, повторяя: «ну, родина! угостила съ первыхъ же разовъ»...

Бавыкиной онъ не засталъ дома. За нею пришли изъ какой-то лавки. Прождавъ ее часъ-другой, Мировичъ успокоился, пришелъ въ себя. Онъ вспомнилъ объ академикѣ, освѣдомился о немъ у прислуги и смѣшался.—«Такъ вотъ кто это!»—пробѣжало въ его мысляхъ. Онъ въ раздумьи поднялся по наружной лѣстницѣ флигеля. Академикъ былъ въ верхней, угольной комнатѣ, выходившей въ садъ.

Ломоносовъ стоялъ за простымъ круглымъ столомъ. Солнце ярко свѣтило въ окна. Онъ курилъ небольшую пѣнковую трубку

Digitized by Google

и, нагнувшись надъ картой Сѣвернаго океана, чертилъ на ней предположенный имъ путь, въ обходъ Сибири, въ Китай и въ Индію. Теперь онъ былъ принаряженъ,—въ парикѣ, безъ пудры, въ суконномъ, кирпичнаго цвѣта кафтанѣ, въ чистыхъ манжетахъ и въ бѣломъ шейномъ платкѣ. Въ креслѣ у камина, съ книжкой въ рукѣ, сидѣла бѣлокурая Леночка. Въ книжку она смотрѣла разсѣянно, украдкой слѣдя за сѣрымъ котёнкомъ, игравшимъ съ бахрамой ковра на полу.

— А! господинъ офицеръ! — сказалъ съ улыбкой, подвигая стулъ, Ломоносовъ: — очень радъ... Садитесь, батюшка... Давеча вы меня порядкомъ смутили. Старъ становлюсь, да и болѣлъ эту зиму, ноги остудилъ, на смертной постелѣ лежалъ; ну, и не удерживаюсь иной разъ. Да и какъ удержаться! Я дописывалъ новую оду, а, поговоривъ съ вами, бросилъ ее въ печку и, какъ есть, всю-то ночь не спалъ. Выѣхалъ сегодня въ академію, — ваши слова подтверждаются,—только и говору вездѣ, что о перемиріи... Совралъ видно я, писавъ сгоряча на новый этотъ годъ:

Петра Великаго обратно
Встрѣчаетъ русская страна...

— Миръ! да лучше бы кнутомъ меня на площади били, самого нѣмцемъ сдѣлали, чѣмъ это слышать!—произнесъ Ломоносовъ, бросая трубку на столъ и закашливаясь.

Краска залила его изъ желта-блѣдныя, въ суровыхъ морщинахъ, щеки. Желтизна проступила и въ затуманенныхъ годами, большихъ, строгихъ и вмѣстѣ ласковыхъ глазахъ.

— Леночка! пивца бы намъ аглицкаго! — сказалъ онъ дочери:—возьми у мамы ключи, да холодненькаго, изъ западни... душу отвести... пару бутылочекъ, не больше...

Леночка нѣсколько разъ бѣгала въ западню.

Пиво развязало языки новыхъ знакомцевъ. Ломоносовъ сталъ на картѣ объяснять Мировичу выгоды отъ придуманнаго имъ, мимо Сибири, пути въ Индію.

— И все ферфлюхтеры, все нѣмцы мѣшаютъ — сказалъ онъ:—сегодня въ конференціи, вѣрите-ли, чуть глотки въ спорѣ съ ними не перервалъ... Скопъ злобы! Ничего, какъ есть, не подѣлаешь съ толикимъ препятствомъ, съ толикимъ избытомъ завистливой кривды и лжи...

— А что, Михайло Васильичъ,—спросилъ Мировичъ: — не уступи нашъ новый государь, Петръ Ѳедорычъ, своему другу, рѣшись по мысли Панина продолжать войну,—вѣдь на вѣкъ бы нѣмцевъ мы урезонили?

Digitized by Google

Лицо Ломоносова омрачилось.

— Плохо,— сказалъ онъ, махнувъ рукой и придвигаясь съ кресломъ къ камину:— и не приведи Богъ, какъ плохо.

— Что-же-съ? Развѣ здоровьемъ слабъ государь?—спросилъ Мировичъ.

Ломоносовъ кивнулъ дочери, чтобъ ушла.

— Слушай, молодой человѣкъ, и суди! — началъ онъ, помолчавъ:— о тебѣ много наслышался отъ твоего стараго друга; да и пріѣхалъ ты изъ такой дализны... Взвѣсь, оцѣни, на свѣжую голову, неудобства нашихъ темныхъ, бурливыхъ дней, и скажи, по сердцу, свое мнѣніе... Чай, знаешь дѣла-то великаго Петра... Что въ Римѣ въ двѣсти лѣтъ, отъ первой пунической войны до Августа, всѣ эти Сципіоны, да Суллы, да Катоны сдѣлали, то онъ, въ свою токмо жизнь, онъ одинъ въ Россіи совершилъ. Первые преемники были куда не по немъ! Хоть бы дворъ при царицѣ Аннѣ Ивановнѣ...—какъ бы тебѣ выразиться?—былъ на фасонъ нѣмецкаго, плохонькаго, владѣтельнаго дворика... Но и тогда русскіе лучшіе люди всюду, въ глубинѣ-то страны, еще по-русски жили и говорили. Царица въ оперу, въ спальномъ шлафрокѣ, ѣздила, Бироновыхъ дѣтей няньчила, курляндскимъ конюхамъ, да ловчимъ все правленіе въ опеку отдала. Да вѣдь эти-то Бироны, Остерманы и Минихи, они все-таки были подданные русскіе, во имя Россіи дѣйствовали. И новальнаго, братъ, онѣмеченія у насъ еще въ тѣ поры не было... Правительница Анна Леопольдовна—слыхалъ ли ты про нее и про ея тяжкую судьбу?

— Мало слышалъ... въ школѣ и на службѣ-съ было не до того... кое-что говорили...

— Ну, такъ скажу въ краткости и о ней... Она драмы Аддисона, «Зайру» Вольтера любила декламировать и по три дня, простонравная безпечница, не чесалась... При ней за то нѣмцы нѣмцевъ ѣли, и намъ оттого было не безъ пріятства и пользы... А покойная государыня, божество мое, Лисаветъ-Петровна? Охъ! что грѣха таить! при ней,—не на твоей, разумѣется, памяти,— все у насъ иноземнымъ, французскимъ стало, — обычаи, нравы, моды и языкъ... Но все-жъ, голубчикъ ты мой, хохликъ,—лучшіе русскіе люди, лучшіе русскіе умы и сердца ее окружали... Умѣла она ихъ выбирать и цѣнить... И я, россійскій, природный поэтъ и витія, я—Ломоносовъ — не даромъ, слышь ты, по сердцу, отъ души ее воспѣвалъ...

— Помню ваши стихи,—съ чувствомъ перебилъ Мировичъ:

Digitized by Google

„Царей и царствъ земныхъ отрада"...

и другіе о ней же:

„Владѣешь нами двадцать лѣтъ"...

— Она смертную казнь отмѣнила въ Россіи! — продолжалъ Ломоносовъ:—въ Москвѣ, по моей мысли, открыла университетъ; на родинѣ твоей, на Украйнѣ, въ Батуринѣ, тоже, въ сходствіе моего прожекта, открыла бы, еслибъ не померла,—и свято чтила, лебедь моя бѣлая, дѣла своего родителя, великаго и единаго въ мірѣ моего героя, Петра...

— Однако, — замѣтилъ, подумавъ, Мировичъ: — то были женщины,—Екатерина, двѣ Анны, Елисавета, и почти подъ рядъ... Бабье царство,—говорили въ народѣ. Войску надоѣло быть подъ женскою управой... Теперь у насъ на тронѣ монархъ, и снова Петръ...

— Петръ да не Первый!—сказалъ Ломоносовъ:—не было и не будетъ такого другого. По примѣру дѣда-то великаго думаетъ онъ управлять? Далеко, другъ любезный! Дудки! Я самъ надѣялся... Оно, конечно... и Петръ Второй, мальчѣночекъ, въ сенатѣ, торжественно обѣщалъ, подобно Веспасіяну, править, никого не печалить... А что содѣялось потомъ? Я неотесанъ, я грубъ, и меня, дикаго помора, сударь,—за непорядочные поступки и озорничество съ сѣдою обезьяной Вицгеймомъ, Таубертомъ и съ другими академическими нашими колбасниками,—подъ арестомъ при полиціи держали. Но, ѣздивъ еще съ отцомъ, на рыбачьемъ карбасѣ, по сѣверному ледяному морю, я привыкъ бороться съ злыми стихіями... Великая и грозная, сударь, природа студёнаго, надполярнаго океана воспитала меня... Я простосовѣстенъ, братъ, но не податливъ... И ничѣмъ ты не купишь недовольства и угрюмства обиженной и бунтующей моей души... Скажу тебѣ, юноша, правду... У насъ теперь нашествіе не русскихъ нѣмцевъ, а нѣмецкихъ, самыхъ сугубыхъ и лютыхъ... И нынѣ, братецъ,— прибавилъ вполголоса Ломоносовъ, склонясь къ Мировичу: — коли не найдется у насъ генія, чтобъ нами побитаго лукавца Фридриха водрузить въ прежнихъ умѣренныхъ предѣлахъ, то всю инфлюэнцію нашу на европейскія дѣла у насъ исторгнутъ. И будетъ нашъ великій канцлеръ, а мой давній благопріятель, Воронцовъ, министромъ тохмо не своего монарха, а того же, черезъ насъ вновь оживающаго, Фридриха. Шутка-ли, въ военной коллегіи, въ конференціи, гдѣ Шереметьевыхъ, Апраксиныхъ, Бестужевыхъ витаютъ имена, нынѣ компасомъ всѣхъ дѣлъ являются

Digitized by Google

только-что прибывшій изъ Берлина, Фридриховъ посланникъ Гольцъ и дядюшка государевъ, командиръ его голштинцевъ, принцъ Жоржъ...

— А что слышно о государевой супругѣ, о Екатеринѣ Алексѣевнѣ?—спросилъ Мировичъ.

— Погоди, дойду и до нея... Тяжкій грѣхъ взяла на себя покойная императрица Елисаветъ Петровна... По особымъ важнымъ политическимъ и статскимъ резонамъ, она, необъявленная въ бракѣ, выписала себѣ въ преемники, изъ Голштиніи, своего роднаго племянника, нынѣшняго государя, Петра Ѳедорыча, когда ему исполнилось ужъ четырнадцать лѣтъ. Помню, какъ привезъ его изъ Киля во дворецъ теперешній здѣшній генералъ-полицмейстеръ, баронъ Николай Андреичъ Корфъ. Грустно было смотрѣть на этого ласковаго—и скажу—съ добрымъ сердцемъ юношу. Худенькій, щуплый, блѣдный, вѣрой притомъ, отъ случайныхъ обстоятельствъ, лютеранинъ... чуточку по-французски зналъ, но представь—ни слова не говорилъ по-русски. Такого ли ожидать было въ преемники къ россійскому наслѣдію великаго Петра? Ученье его въ Голштиніи совсѣмъ было заброшено. Учителя-шведы готовили его на стокгольмскій престолъ и воспитывали, разумѣется, не только въ холодности, а даже въ презрѣніи къ далекимъ русскимъ варварамъ. И таковъ-то именно онъ явился, двадцать лѣтъ назадъ, въ Петербургъ... Говорю, добрый онъ, и къ наукамъ не безъ склонностей; кое-что и въ искусствѣ свѣдалъ: егерь Бастіянъ выучилъ его въ Голштиніи на скрипкѣ играть... Но не повезло племяннику императрицы въ Россіи: чуть его доставили, бѣднаго посѣтила оспа. Государыня-тетка полюбила его, жалѣла, сама первымъ русскимъ молитвамъ обучила. Потомъ обвѣнчали Петра Ѳедорыча, и взялъ онъ за себя,—выборъ счастливый,—принцессу разумную, обстоятельную, нравомъ женерозную, твердую и пылкую, сущій огонь... Ты спросилъ о Екатеринѣ Алексѣевнѣ, какова?.. Да, другъ мой... Вотъ гдѣ сила воли, вотъ ума палата и всякихъ даровъ и качествъ пріятство!.. Да что! Развѣ, среди нахлынувшей, подобной заморской челяди, убережешь сердце свято? А Петра Ѳедорыча окружили какими шпионами! Изъ Киля ему цѣлое войско грубѣйшихъ голштинскихъ скотинъ вывезли. И начали его новые друзья, Цвейдели, да Штофели, да Катцау, отклонять отъ разумницы, преданной жены. Ея общество онъ промѣнялъ на компанію своихъ капраловъ, на смѣхи да утѣхи съ вертухой Лопухиной, съ дочкой первоначальнаго нашего злодѣя, Бирона, съ дѣвицей Карръ и съ княжной Шаликовой... Государыня-тетка увидѣла все ясно,

Digitized by Google

только ужъ было поздно. Она даже хотѣла выслать племянника опять за границу...

— Что вы!—спросилъ съ удивленіемъ Мировичъ:—кого-жъ въ такомъ разѣ объявили бы наслѣдникомъ?

Ломоносовъ посмотрѣлъ на него и вздохнулъ.

— Есть одинъ... былъ,—сказалъ онъ будто про себя: — и судьба ему улыбалась, столько было у его колыбели ожиданій, надеждъ... На пурпурной бархатной подушкѣ дитятю его народу показывали, чеканили съ его портретомъ монету, присягали ему, манифесты именемъ его издавали... Прочили русскихъ ему учителей, и меня, нижайшаго, еще въ той порѣ студента, думали пригласить...

— Что жъ онъ? умеръ?

— Умеръ, или вѣрнѣе... живой погребенъ!.. Царственный узникъ!.. и живъ, и вмѣстѣ мертвъ...

— Какъ живъ? Какой узникъ? Отчего-жъ онъ не правитъ? и гдѣ онъ?

— Не спрашивай объ этомъ, голубчикъ ты мой, Василій Яковлевичъ; когда-нибудь въ другой разъ! А лучше и вовсе никогда.

Ломоносовъ задумался. Большіе строгіе его глаза еще болѣе затуманились. Изъ взволнованной далекими воспоминаніями, широкой груди вырывался тревожный хрипъ. Общее молчаніе длилось нѣсколько минутъ. Маятникъ на стѣнѣ кабинета мѣрно тикалъ.

— А вотъ я вамъ, государь мой,—отвѣтилъ, вдругъ рѣзко засмѣявшись, Ломоносовъ:—я вамъ, для увеселенія, могъ бы прочесть сочиненный на меня, на Ломоносова, здѣшними нѣмецкими тупицами злой и преострый пашквиль... На-дняхъ въ академіи на мой столъ подбросили... Да очень ужъ много чести... Гунсвоты! Рвань поросячья!.. Это любимая моя, данная имъ кличка... Попрекаютъ, что я мужикъ и что не прочь подъ часъ покомпанствовать... То правда... Ругайте, наглецы, слабости, страсти непреодолѣнны!.. Ругайте и за то, что я — противъ нашествія языковъ, а самъ, смѣху подобно, у нѣмцевъ учился и на нѣмкѣ женатъ... Браните. Все это вѣрно... Учился я у нѣмцевъ, умнѣй насъ они, и долго еще намъ не обойтись безъ нихъ... Но сами-то, сами ругатели хороши-ль? Потатчики ошибокъ и слабостей властелина! Льстецы!.. Подбили монарха дать вольности дворянству. И господа сенатъ до того обрадовались, что депутацію прислали благодарить, золотую статую, въ честь новаго Солона, хотѣли отлить... Дмитрій Сѣченовъ хвалебную рѣчь на это сказалъ... И

Digitized by Google

я, грѣшный, до того всѣми былъ увлеченъ, что больной оду написалъ. Да теперь думаю: ну, нешто барамъ нужны вольности? Народу, вотъ, другъ мой, кому!.. Не твои сытые родичи, — извини,—мои сермяжники въ нихъ нуждаются, по нимъ всуе молятся Господу Богу... Оно точно, правду ты, Василій Яковлевичъ, сказалъ, не женщина теперь на престолѣ. Да что, я у тебя спрашиваю, въ томъ толку? Вы тамъ кровь проливали, безсердечнаго хитроумца и льстеца Фридриха били, а тутъ передъ его портретомъ на колѣнки въ Рамбовѣ становились, кричали ему съ виннымъ поклономъ: hoch! и съ насмѣхательствомъ, всякими шпыняньями встрѣчали наши надъ нѣмцами побѣды...

— Можетъ ли это быть?—сумрачно спросилъ Мировичъ:— не клевета ли? это ужъ черезъ-чуръ.

— Богомъ тебѣ клянусь, не шучу... Говорятъ новымъ совѣтникамъ государя—нѣтъ у насъ настоящаго уложенія; онъ кодексъ-фридерицианусъ для Россіи указалъ переводить. Бѣдная Екатерина Алексѣевна совсѣмъ нынче брошена, забыта; набитый пентюхъ, Лизавета Воронцова въ фаворѣ. Единственнаго сына государева, Павла, о-сю пору не объявляютъ наслѣдникомъ. И стоятъ, сплошной стѣной стоятъ вокругъ добраго, довѣрчиваго, но слабаго волей монарха не мудрые совѣтники, а молодые вертопрахи, жадные чужеземцы... И ужъ такъ-то его берегутъ... Хотѣлъ-было я, вглядѣвшись поближе, посатирствовать, войной пойти на эту челядь. Да, ну ихъ... Мудра пословица: не гоже въ крапиву... садиться...

Мировичъ не спускалъ глазъ съ собесѣдника. Онъ слушалъ, и не вѣрилъ своимъ ушамъ. Все, что вскользь говорилось въ иностранныхъ газетахъ и что на ихъ враждебныхъ столбцахъ могло казаться умышленно-злою издѣвкой надъ Россіей, подтверждалось устами великаго ученаго. — «Богъ отвернулся отъ вашей Россіи»,—сказалъ Мировичу, въ засѣданіи масонской ложи въ Кёнигсбергѣ, одинъ каноникъ: «она на распутіи между востокомъ и западомъ, тьмой и свѣтомъ, свободой и рабствомъ... Нужны великія жертвы, нужны смѣлые мужи добра; иначе уйдетъ она въ Азію... будетъ проклята Богомъ и людьми»...

— О чемъ говорено, чуръ изъ избы сметья не выносить!— сказалъ въ заключеніе Ломоносовъ:—а къ Иберкампфу, на Милліонную, на бильярдѣ поиграть и распить ренскаго, вѣрно ужъ не пойдемъ? Ну, ну... Настасья Филатовна не услышитъ. Да я, сударь, и шучу. Инъ, и вправду, мы на огнедышащемъ кратерѣ... Не праздновать, не застольныя пѣсни, видно, нынѣ пѣть.

Digitized by Google

Смиреніе древнихъ и постъ!.. Будемъ трезвости слугами, будемъ мудры... Такъ къ соблазнителямъ ни ногой?

— Ни ногой,—отвѣтилъ, задумавшись, Мировичъ.

— Зарокъ?

— Зарокъ...

— Руку!

Новые знакомцы ударили по рукамъ.

На другой день Мировичъ молчкомъ пустился въ поиски указанныхъ Филатовной каммеръ-фурьеровъ Крашенинникова и Рубановскаго. Приглядывался онъ къ домамъ, къ улицамъ и площадямъ Петербурга, гдѣ мелькнули годы его ученья, и весь онъ теперь, послѣ чужихъ краевъ, показался ему такимъ неприглядным, суровымъ и бѣднымъ.

Петербургъ въ 1762 году былъ все тотъ же, въ зимніе мѣсяцы — грязный, а въ лѣтніе — пыльный, малоосвѣщенный, до крайности разбросанный и на двѣ-трети бревенчатый, чухонско-нѣмецкій городокъ. Жителей въ немъ тогда считалось съ небольшимъ сто тысячъ. Воды его были безъ набережныхъ, съ навозными плотинами и деревянными мостами; ухабы зимой по улицамъ чуть не по поясъ человѣка. Вмѣсто улицъ, вдоль линій Васильевскаго острова, шли, какъ въ Венеціи, каналы съ разводными мостами на перекресткахъ проспектовъ. Кучи навоза и всякой брошенной дряни загромождали тротуары и углы перекрёстковъ, валялись и, испуская вредныя испаренія, тлѣли на площадяхъ. Соръ, грязь и мертвечину съ улицъ и пустырей очищали колодники. Бездомныя, одичалыя собаки, наводя страхъ на пѣшихъ и конныхъ, бродили стаями по городу, бѣсились и кусали людей. Отъ нищихъ, калѣкъ и всякихъ попрошаекъ не было прохода.

Покойная государыня Елисавета Петровна, въ болѣзняхъ которой подъ конецъ чаще и чаще стала грезиться первая ночь ея царствованія, страдала безсонницами. Она то-и-дѣло мѣняла свои опочивальни. Въ девять часовъ вечера никто ужъ не смѣлъ ѣздить мимо оконъ ея временнаго, деревяннаго зимняго дворца, бывшаго на Мойкѣ у Полицейскаго моста. Въ девять часовъ смолкалъ весь Петербургъ. Раздавался по городу только безконечный лай цѣпныхъ и праздношатающихся собакъ, да оклики на стѣнахъ адмиралтейства и крѣпости часовыхъ, которыхъ, для безопасности, иной разъ ставили и на перекресткахъ. Всѣ помнили еще недавнее время, когда петербургскія улицы, изъ-за поджигателей, грабителей, воровъ и всякихъ непотребныхъ людей, на ночь на-глухо

Digitized by Google

запирались рогатками, такъ какъ назначаемыя для обхода по городу «пристойныя партіи фузилёровъ и драгунъ» оказывались недостаточными. Еще въ присутствіе государыни дѣло городского благоприличія шло кое-какъ. Во время же ея отъѣздовъ въ Москву,— а она тамъ живала по полугоду и болѣе — улицы Петербурга приходили въ окончательное запустѣніе и поростали травой. Городскія австеріи, гдѣ Петръ I по праздникамъ любилъ чинно выпивать, среди матросовъ и шкиперовъ, чарку тминной водки, обращались въ притоны буйства и дикаго разгула.

Въ грязь по Петербургу не было прохода. Городскихъ извозчиковъ состояло въ то время весьма не много. Петръ III завелъ съ нихъ сборъ по два рубля въ годъ и далъ имъ особые кожаные ярлыки. Люди средняго сословія въ тѣ поры болѣе ходили пѣшкомъ. Богатые и знатные, особенно гвардейскіе офицеры, ѣздили въ своихъ экипажахъ или верхомъ. Модные щеголи и щеголихи, то-и-дѣло, давили пѣшеходовъ. Разъ они чуть не до смерти смяли фельдмаршала Миниха. За то доставалось и барамъ: уличные мальчишки, на Гороховой, Луговой (т.-е. Морской) и даже по Невскому, несмотря на объявленія полиціи, пускали бумажныхъ змѣевъ и тѣмъ пугали и бѣсили рѣзвыхъ вельможныхъ рысаковъ. Генералъ-полиціймейстеръ Корфъ, съ скакавшими у его кареты адъютантами, не поспѣвалъ являться туда, гдѣ оказывались безпорядки. Нерѣдко, среди бѣлаго дня, на рынкахъ или у новаго, оканчиваемаго постройкой зимняго дворца, между неубранныхъ еще хибарокъ, избушекъ, шалашей и всякихъ сарайчиковъ, раздавались отчаянные крики подравшейся черни: «караулъ! грабятъ, рѣжутъ!»

Невская Перспектива въ полдень покрывалась гуляющими. Шли статскіе щеголи, въ черныхъ бархатныхъ кафтанахъ, лосинныхъ панталонахъ и ботфортахъ выше колѣнъ, либо въ розовыхъ и желтыхъ, шелковыхъ фракахъ, съ огромными лорнетами, а когда было холодно—съ куньими и собольими муфтами. Щеголихи, съ затянутыми, въ видѣ осъ, тальями, несли на головахъ хитро-устроенныя прически, на манеръ рыцарскихъ замковъ, цвѣточныхъ корзинъ, китайскихъ бесѣдокъ и кораблей. Но и на этой первостатейной улицѣ не обходилось безъ непріятностей. У кофейной Мура или у магазина модъ госпожи Токѣ, не обращая вниманія на разряженныхъ въ пухъ и прахъ прохожихъ, лежалъ, растянувшись по тротуару, избитый въ кровь и съ разорванными портами, мертвецки пьяный матросъ. Верховой конногвардеецъ, съ громкою бранью и съ обезображеннымъ отъ злобы лицомъ, у чьего-то дома, стегалъ хлыстомъ чужого напудреннаго и важ-

Digitized by Google

наго кучера за то, что тотъ не свернулъ раззолоченной, съ кожаными занавѣсами, кареты, и тѣмъ помѣшалъ ему проскакать въ догонку за какою-то умчавшейся красавицей.

Въ срединѣ великаго поста, въ 1762 г., прошелъ слухъ о появленіи на Фонтанкѣ, въ деревнѣ Матисовкѣ, близъ нынѣшней Коломны, цѣлой шайки вооруженныхъ грабителей. Петръ III вышелъ изъ себя.—«О-го, го! tausend Teufel!—сказалъ онъ Корфу:—пора опять приняться за висѣлицы! Дѣдъ мой Петръ зналъ это лучше всякаго изъ насъ.... Напишу: «approbatur,—Peter», и кончено,—увидите.... o, ja....»—Висѣлицы, однако, не поставили. Безпорядки длились и къ нимъ привыкали какъ къ чему-то, безъ чего нельзя было обойтись и ужиться. На всякій уличный переполохъ, какъ на театръ, въ сосѣднихъ домахъ поднимались окончины, и нарядныя дамы выглядывали оттуда, слѣдя съ любопытствомъ, изъ-за модныхъ вѣеровъ, чѣмъ кончится казусъ.

Частныя зданія на Невскомъ, со стороны адмиралтейства, тогда начинались лишь отъ Полицейскаго моста. Отсюда, вплоть до Аничкова, по правой и лѣвой сторонамъ проспекта, было немногимъ болѣе десятка домовъ, да и то на-половину деревянныхъ. Домовладѣльцы на главныхъ улицахъ были бо́льшею частью иностранцы или инородцы. У разъѣздной площадки временнаго зимняго дворца, выходившаго на Мойку, на Невскій и Луговую, нынѣ Морскую, былъ домъ купца Дюбиссона, съ надписью на вывѣскѣ: «Продажа гамбургскихъ канареекъ и попугаевъ». Въ Кирпичномъ переулкѣ, наискось противъ нынѣшняго ресторана Дюссо, былъ домъ банкира Кнутсена. На углу Гороховой и Луговой—домъ красильщика Краузе; у Синяго моста—вывѣска шорника Матьяса Заккова. Немного далѣе, по Мойкѣ — цвѣточный магазинъ Вольфа, съ надписью: «Изрядныя ананасныя планты». Еще далѣе, по Вознесенскому проспекту—дома: Пильхау, Рашке, Зушке, Хабасова и Клуга. У Вознесенскаго моста, на берегу Глухой рѣчки, нынѣ Екатерининскій каналъ—заведеніе оконнаго мастера Берга.

Придворные сады—Лѣтній, Итальянскаго дворца на Литейной, въ Екатерингофѣ и на цвѣточныхъ променадахъ Царицына Луга — были открыты для публики. Но въ нихъ не пускали матросовъ, ливрейныхъ лакеевъ, женщинъ съ платками на головахъ, мужчинъ въ сапогахъ, а не въ башмакахъ, и вообще,—какъ тогда говорили въ газетахъ и въ публикаціяхъ полиціи,—«подлаго народа».—Требовались модныя и красивыя одежды. По указу императрицы Елисаветы, ставили клейма на фалды господъ,

Digitized by Google

являвшихся ко двору въ старыхъ или вышедшихъ изъ моды «несообразныхъ кафтанахъ». Послѣ самой императрицы осталось пятнадцать тысячъ почти новыхъ платьевъ, нѣсколько тысячъ башмаковъ и два сундука чулокъ и лентъ. Между тѣмъ, мясныя, зеленныя и рыбныя лавки, кабаки и постоялые дворы невообразимо распространяли запахъ грязи и всякаго сора, валявшихся въ нихъ и возлѣ нихъ. Утонченная Европа и дикая, неумытая Азія уживались рядомъ другъ съ другомъ.

Болотныя лихорадки, повальныя горячки, оспа, скарлатина и корь не покидали Петербурга. Врачей въ то время было мало, и тѣ брали непомѣрно дорого. Модные врачи Монсій и Фузадьѣ брали, не стѣсняясь, по пятнадцати червонцевъ за визитъ. Обученіе дѣтей сплошь было въ рукахъ невообразимыхъ проходимцевъ. Нѣкая иностранная фамилія «шляхетнаго и честнаго рода» печатала о себѣ въ тогдашнихъ газетахъ, что она «учитъ дѣвицъ, по понятію каждой, языкамъ, шитью, экономіи, танцамъ, а притомъ и чтенію вѣдомостей».—Другая, иноземная же особа, а именно, нѣкоторая г-жа Ренуардъ (адресъ: Милліонная, въ домѣ портного Экка) публиковала, что обучаетъ дѣвицъ языкамъ, ариѳметикѣ, географіи, исторіи—«а также и писать».—Въ казенные и домашніе учителя не рѣдко попадали забираемые по понедѣльникамъ со съѣзжей уличные «шататели» и «пьянчужки», замѣшанные иногда въ дебошахъ, кончавшихся смертоубійствомъ.

Благородныя дѣвицы перенимали другъ у друга тайны, какъ затягивать получше таліи, какъ дѣлать реверансы и налѣпливать на лицо мушки. Въ косметическихъ лавкахъ продавались особыя, красивыя коробочки съ черными мушками. При наймѣ женской прислуги, спрашивали тогда: «на хозяйскихъ ли румянахъ и бѣлилахъ?» Знатные и богатые люди заботились о составленіи библіотекъ изъ французскихъ книгъ, въ которыя, впрочемъ, не многіе изъ нихъ заглядывали. Мужчины учились у мужчинъ, какъ надѣть круглую вощанковую, или трехугольную пуховую шляпу; какъ открыть табакерку, оправлять на манжетахъ аланс̀оны и пуандешп̀аны, нюхать табакъ и вынимать и встряхивать цвѣтной, пропитанный духами à la Reine, фуляровый платокъ. Парикмахеры на Морской и на Невскомъ завивали букли и заплетали и пудрили косы русскимъ петимѣтрамъ, назначавшимъ другъ другу вечернія свиданія въ невышедшемъ еще изъ моды, со временъ Лестока, трактирѣ савояра Берляра и Иберкампфа, въ гербергахъ, погребахъ Гантовера, Ретса и въ вольныхъ домахъ, австеріяхъ, Винклерши, Шмидши, Кохши и другихъ.

Государыня Елисавета Петровна ѣздила зàпросто на вечеринки

Digitized by Google

къ вельможамъ, кутая своею муфтой и платкомъ руки и горло провожавшему ее графу Алексѣю Григорьичу Разумовскому, подъ письмами къ которому она въ шутку подписывалась: «вашъ первый дишкантистъ». У постели же ея, по простотѣ, со временъ еще ея дѣвичества, на разостланномъ тюфячкѣ, для охраны ея, спалъ на полу старичокъ, любимый ея камердинеръ, впослѣдствіи генералъ-аншефъ Василій Ивановичъ Чулковъ. Государыня, вставая иной разъ ранѣе его, будила вѣрнаго слугу, а онъ трепалъ ее по плечу, зѣвая и ворча: «Ну-ну, лебедка моя! ужъ ты и встала».— Другъ Елисаветы, Мавра Егоровна Шувалова, урожденная Шепелёва, писала къ ней: «ваша раба и дочь, и холопка, и кузина», а мужа Шуваловой Алексѣй Разумовскій, подгулявъ на охотѣ, билъ батогами.

Ко двору Елисаветы Петровны, для ловли въ ея аппартаментахъ мышей, особыми указами выписывались изъ Казани умѣлые и «пристойнаго вида» сибирскіе коты, а изъ-за границы мартышки «столь малыя, чтобы входили въ индѣйскій кокосовый орѣхъ». Костромская помѣщица, Анна Ватазина, письменно предлагала государынѣ, коли произведутъ ея мужа въ коллежскіе ассесоры, поднести въ даръ четырехъ собакъ: Еполита, Женету, Маркиза и Жулію. Въ молодости Елисавета, цесаревной, писала нѣжные мадригалы:

«Я не въ своей мочи огнь утушить,
«Сердцемъ болѣю, да чѣмъ пособить?»

При Елисаветѣ, по улицамъ, было видно болѣе мирныхъ статскихъ. При Петрѣ III, Петербургъ сталъ наполняться разнокалиберными и дравшими носъ военными.

На дворцовомъ плацу, чуть не ежедневно, производились шумные, съ криками вивать, маршировками и всякими муштрованіями, вахтпарады. По улицамъ озабоченно и торопливо скакали адъютанты, сновали пѣшіе и конные вѣстовые. Петровскіе, широкіе и длинные кафтаны гвардіи и арміи замѣнились куцыми и узкими мундирами, на манеръ прусскихъ. Исконный зеленый цвѣтъ кафтановъ и красный — воротниковъ и камзоловъ разрѣшено замѣнять, по произволу командировъ полковъ, оранжевымъ, голубымъ, лиловымъ, канареечнаго цвѣта и всякимъ. Петръ III ввелъ еще аксельбанты и эспантоны, трости у офицеровъ и урядниковъ. Онъ же отмѣнилъ ношеніе на вахтпарады, за капралами и унтеръ-офицерами, слугами ихъ ружей и алебардъ.

Въ началѣ великаго поста, Петръ Ѳедоровичъ издалъ повелѣніе: всѣмъ сановникамъ и вельможамъ, носившимъ титулы коман-

Digitized by Google

дировъ взводовъ, батальоновъ и полковъ, быть неотлучно на ученьяхъ, во главѣ своихъ частей. Это приказаніе привело всѣхъ въ неописанный конфузъ. Публика съ изумленіемъ увидѣла, по улицамъ, марширующихъ по щиколку въ грязи, передъ своими батальонами и взводами, генералъ-фельдмаршаловъ: графовъ Александра Иваныча Шувалова и изнѣженнаго сибарита и сластуна Алексѣя Разумовскаго, дядю государя принца Жоржа и больного одышкой, въ бархатныхъ штиблетахъ на опухшихъ, подагрическихъ ногахъ, князя Никиту Юрьича Трубецкаго. Гетманъ Разумовскій даже нанялъ особаго голштинскаго офицера, для уроковъ новой муштровки. Придворные и статскіе чины были не менѣе озадачены. Парикмахера своего Брессана государь назначилъ въ директоры фабрики гобеленей и произвелъ въ камергеры; ямщика же, какого-то Патрикѣева, въ титулярные совѣтники.

Предъ пасхой Петръ III писалъ къ своему другу королю Фридриху, что, не остерегаясь ничего и никого, онъ предаетъ себя на волю Бога и въ охрану своему народу и безъ провожатыхъ по Петербургу ходитъ пѣшкомъ.

IV.

Дрезденцы.

У Вознесенскаго моста стоялъ обветшалый и огромный, съ кучею амбаровъ, конюшень и покосившихся флигелей, деревянный, съ поросшей мхомъ кровлей, домъ царевича Леона Грузинскаго. Черезъ переулокъ за нимъ былъ такой же старый домъ камеръ-фурьера Рубановскаго. Сюда, послѣ неудачной справки у Крашенинникова, подъ вечеръ, подошелъ Мировичъ.

Его озадачили крики и пѣсни пьяной черни, вырывавшіеся изъ грязнаго, темнаго кабака, на углу этого дома, рядомъ съ вонючею рыбною лавкой. Онъ поднялъ глаза—на сосѣднемъ балконѣ, выходившемъ на проспектъ, были вывѣшены, для провѣтриванія, какія-то шубейки, подушки и дѣтское бѣлье. Убитая кошка валялась среди улицы.

«Нѣтъ, Кёнигсбергъ не въ примѣръ лучше и чище Петербурга; тамъ аккуратнѣе и такого неряшества не позволятъ!» — подумалъ Мировичъ, съ трудомъ перейдя черезъ растаявшую обширную лужу, у спуска съ Вознесенскаго моста. Онъ вошелъ

Digitized by Google

къ Рубановскому. Ему сказали, что Василій Кирилычъ хотя и у себя, но послѣ обѣда передъ всенощной почиваетъ, а потому, если ему есть надобность,—не угодно-ли подождать.

Дѣлать нечего. Сталъ дожидаться Мировичъ въ кабинетѣ. Онъ усталъ за день въ ходьбѣ по городу и сильно проголодался. Комната, куда его ввели, была маленькая, душная. Пахло ладаномъ и къ тому какъ-бы пригорѣлымъ, постнымъ масломъ. Со стѣны глядѣлъ портретъ какого-то толстаго, крупноносаго протоіерея. Въ пяльцахъ у окна стояло неконченное женское шитье по бархату. На столѣ у диванчика лежали нѣсколько тощихъ и сѣрыхъ тетрадокъ въ четвертку тогдашнихъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», двѣ-три книжечки академическихъ «Ежемѣсячныхъ Сочиненій», колода старыхъ игральныхъ картъ и въ кожаномъ, закапанномъ воскомъ переплетѣ, объемистая книга «Камень вѣры».

— «Ну-ка, что пишутъ о нашихъ дѣлахъ съ прусаками?» — подумалъ Мировичъ: — «какъ цѣнятъ наши побѣды и что случилось новаго послѣ меня?»—Онъ сталъ просматривать «С.-Петербургскія Вѣдомости».

Новости этой газеты сильно опаздывали. Въ нумерѣ отъ 1 марта, вѣсти изъ Парижа были отъ 1 февраля, изъ «Гишпаніи» отъ 18 января. Гдѣ-то была даже просто оговорка отъ редакціи: «Иностранныя газеты не бывали». О дѣлахъ Россіи съ Пруссіей ни слова.

— «Ну, нашихъ газетировъ»; — злобно усмѣхнулся Мировичъ,— «нѣмцы не будутъ сѣчь на Невскомъ, коли когда-нибудь возьмутъ Петербургъ!»

Онъ началъ перелистывать литературный журналъ «Ежемѣсячныя Сочиненія». Въ одной книжкѣ было длинное разсужденіе о кубовой краскѣ, въ другой о строеніи погребовъ. Въ нумерѣ за январь была статья изъ англійскаго «Спектатора»: «Разговоръ между любовью и разумомъ». Мировичъ, отъ нечего дѣлать, сталъ ее перелистывать.

„*Разумъ.*—Весьма бы трудно было, любезная сестрица, сойтиться намъ съ вами.—*Любовь.*—Не вижу я благоразумія въ бракахъ, сдѣланныхъ только для одной корысти... Когда я возжигаю любовь, то возвышаю низкое состояніе до знатности, или повергаю высокое до подлости... Кто много разсуждаетъ, тотъ худо любитъ, а кто горячо любитъ, тотъ мало разсуждаетъ...“

Мировичъ закрылъ книгу, вздохнулъ и задумался. — «Это вѣрно!»—утвердительно сказалъ онъ себѣ: — «кто горячо любитъ, тотъ не разсуждаетъ».

Digitized by Google

На дворѣ, между тѣмъ, стало темнѣть. Ѣзда по улицамъ затихла. Въ сосѣдней комнатѣ чирикали стѣнные часы. Сверчокъ трещалъ вблизи за сундукомъ. Тяжелая темная лампада теплилась, въ углу, у кіота. Мировичъ взглянулъ на иконы. — «Я былъ во тьмѣ, — подумалъ онъ: — и увидѣлъ свѣтъ... Да, я его увидѣлъ... Съ остріемъ шпаги у груди, меня ввели въ засѣданіе франмасоновъ... И я клялся быть совершеннымъ и справедливымъ... Я обновился,—иной становлюсь теперь человѣкъ. Болѣе не злиться, не проклинать. Всепрощеніе, вѣра въ людей и любовь къ нимъ, высокая любовь... Но кого я люблю болѣе всего? Поликсену... Да гдѣ же она? Ея нѣтъ... и неужели я никогда, никогда болѣе ее не увижу?»

За дверью, въ прихожей, раздался удушливый, старческій кашель. Шлепая туфлями, въ комнату вошелъ, въ халатѣ на мерлушкахъ, сгорбленный, сонный, худой и съ крючковатымъ носомъ старикъ. То былъ Рубановскій.

— Авдіенціи у государя ищете? просьбица есть?—спросилъ каммеръ-фурьеръ, скрыпя табакеркой и изъ-подъ кустоватыхъ бровей подозрительно щурясь на гостя.

Мировичъ объяснилъ, зачѣмъ пришелъ.

— Бабьи интрижки, сударь, ехе! смѣхи да волокитство! — продолжалъ Рубановскій, сердито тряся головой: — не по нашей части... гм!.. пустобрѣшество одно! просимъ извинить... ехе-ехе! Часъ, въ онь-же ко всенощной добрые люди, а вы...

— Василій Кирилычъ, помилуйте! — заговорилъ, хмурясь, Мировичъ: — къ вамъ пришли, на васъ только и надежда. Вамъ однимъ можно знать, куда отъ двора отъѣхала дѣвица Пчелкина... а вы...

— Не шаматонъ я гвардейскій и не шаркунъ! и любовными дуростями, сударикъ, не занимаюсь, вотъ что-съ! — свирѣпо набивая носъ, отрѣзалъ Рубановскій: — да коли бы и зналъ, то-бъ не сказалъ. У меня, сударь, дѣти, дочки... А мало ли, не въ проносъ слово, не въ обиду сказать, нонѣ всякихъ шалбѣрниковъ, совратителей дѣвицъ...

— Но я... Василій Кирилычъ, развѣ изъ такихъ! — возвысилъ голосъ Мировичъ: — и притомъ, какъ вы можете? это, наконецъ, обидно... афронтъ...

— Да не о тебѣ, батюшка, не о тебѣ... Что вскинулся! Экъ, испугалъ! Нечего пугать! Сами не изъ робкихъ... А что до твоей сударушки, такъ я и посесть часъ не свѣдомъ, гдѣ она, да — кольми паче — и знать мнѣ, слышишь, по моему рангу, не для чего... Дорожка, сударь, скатертью! дорожка! — склонивъ го-

Digitized by Google

лову и сердито топчась на мѣстѣ, отвѣтилъ Рубановскій:—просимъ извинить и не осудить... да-съ, не осудить...

Бѣшенство проняло Мировича. Иголки заходили у него въ рукахъ. Не помня себя отъ ряда неудачъ и гнѣва, онъ вышелъ на улицу.—«Будь не старикъ, да не у себя въ домѣ,—сказалъ онъ себѣ, сжавъ кулаки:—я-бъ тебѣ, постнику, показалъ!»—Голова Мировича кружилась. Горло подергивали судороги. Съ трудомъ дыша, онъ, какъ пьяный, шатаясь, прошелъ нѣсколько шаговъ. На улицѣ кое-гдѣ тускло зажигались фонари.

«Куда же теперь? — злобно спросилъ онъ себя: — или идти къ государеву секретарю Волкову, добиться пріема и просить, за воинскія мои старанія и услуги, о розысканіи во что бы то ни стало дѣвицы Пчелкиной? Ха-ха!.. Безуміе! За воинскія заслуги! Какія онѣ? Развѣ къ Разумовскому? Но онъ, послѣ моей стычки съ Езуповымъ, совсѣмъ отъ меня отказался. Писалъ я ему съ походовъ не одну цидулку; онъ и не откликнулся... Неужели-жъ опять за-границу, въ Кёнигсбергъ, когда армія и безъ того вотъ-вотъ повернетъ оглобли въ Россію?.. Есть, кажется, выходъ, и простой,—да подлые, малодушные люди! все ихъ тянетъ въ водоворотъ, въ суету, — уѣхать бы на Украйну, къ другу Якову Евстафьичу, или въ Кіевъ, выдти въ отставку, на тихомъ хуторѣ поселиться, въ раю...

За спиной его послышался окликъ. Его назвали по имени. Онъ оглянулся.

У Вознесенскаго моста стоялъ добродушный, невысокаго роста, круглый, съ краснымъ, въ веснушкахъ, лицомъ и съ манерами безпечнаго кутилы и щеголя, нѣсколько на-веселѣ, лѣтъ тридцати двухъ-трехъ, пѣхотный офицеръ. То былъ дѣлившій съ Мировичемъ часть заграничнаго похода, его знакомый, поручикъ великолуцкаго армейскаго полка, Аполлонъ Ильичъ Ушаковъ. Онъ мѣсяцемъ раньше Мировича былъ присланъ, по фуражнымъ дѣламъ, изъ арміи въ Петербургъ, гдѣ и остался. Племянникъ знаменитаго Андрея Иваныча Ушакова, грозы розыскной экспедиціи прежнихъ лѣтъ, онъ давно промоталъ отцовское состояніе и жилъ аферами, дружбой съ повѣсами и мотами всевозможныхъ слоёвъ и неизмѣннымъ посѣщеніемъ трактировъ, харчевень и кофейныхъ домовъ. При деньгахъ онъ былъ веселъ и смѣлъ; безъ денегъ—тряпка-тряпкой.

— Какими судьбами? вотъ не ожидалъ!—воскликнулъ оперившійся въ Петербургѣ и бывшій въ эту минуту, точно на крыльяхъ, Ушаковъ.

Digitized by Google

— На службѣ; какъ и ты, разумѣется, съ порученіемъ! — отвѣтилъ, отвернувшись отъ него, Мировичъ.

— Ну, и гутъ, хохландія; значитъ, запылимъ! Хочешь, пойдемъ, сокрушимъ по маленькой? Финансы въ авантажѣ... Откуда въ сей моментъ?

Мировичъ указалъ назадъ, за церковь.

— Отъ Дрезденши?—спросилъ, не спуская съ него веселыхъ, на выкатѣ смѣющихся глазъ, Ушаковъ.

— Отъ какой Дрезденши?

— Такъ ты Дрезденши не знаешь? шрéкликъ!.. вотъ невинность, недоросль изъ Чухломы...

Мировичъ былъ не радъ этой встрѣчѣ и нетерпѣливо поглядывалъ въ ближайшій переулокъ.

— Голодень?—спросилъ, будто что-то вспомнивъ, Ушаковъ: —желаешь кстати и черепочекъ раздавить? желаешь, такъ угощу и разскажу...

— Кошелекъ забылъ,—отвѣтилъ Мировичъ.

— Экъ, дура, дура, дѣвка Тимофѣвна!—насмѣшливо сказалъ, обыкновенно уступавшій и благоговѣвшій передъ сдержаннымъ Мировичемъ, Ушаковъ:—а еще офицеръ прозывается!.. Срамъ и всему воинству обида... Parole d'honneur... Не масонство-ли воспрещаетъ?.. Такъ и я, смѣю доложить, съ этого мѣсяца масонъ, хоть и не принадлежу къ вашему lata observantia... Дрезденши не знаетъ! Пойдемъ же; на угощенье товарища и у насъ хватитъ казны... Вонъ Дрезденша!..

И онъ, обернувшись, подмигнулъ съ набережной на красный фонарь особаго подъѣзда въ домѣ князя Леона Грузинскаго, неосвѣщенная часть окончъ котораго глядѣла на Вознесенскій проспектъ, а другая, въ веселыхъ огонькахъ, была обращена на берегъ Глухой рѣчки (нынѣ Екатерининскій каналъ).

— Дрезденша, рыцарь ты мой, она же и Фёлькнерша, вотъ что! и ты сію комедіянтскую фабулу послушай!—лихо выпрямившись, сказалъ Ушаковъ, замедлясь у краснаго фонаря:— жила она при покойной государынѣ не здѣсь, а подалѣе, въ домѣ Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго. Не повезло только ей тогда. Спознала государыня Елисаветъ-Петровна добронравная, что въ вольный домъ, въ австерію, къ Дрезденшѣ, множество статскихъ и чуть не вся гвардія ѣздятъ, не токма на бильярдѣ, али въ кегли забавляться, но и ради чего иного. Была тутъ другая, Василій Яковличъ, приманка: аки-бы для музыки и въ услуже-

Digitized by Google

ніе мужеска пола посѣтителей, было у нея немало иноземныхъ и здѣшнихъ дѣвицъ, да все, душечка, ахти́тельныя красавицы... На бандо́рахъ, гитаркахъ играли, пѣли и плясали... Опромяже того, на вечеринки къ Дрезденшѣ, съ другого хода, стали ѣздить, надо тебѣ тоже сказать, не одни мужчины, а и барыни-модницы, на свиданіе съ милъ-друзьями, въ тайности отъ своихъ мужей. Ну, королевичъ ты мой, ревнивые глаза ань видятъ еще подальше ѳранныхъ!.. Донесли о томъ государынѣ. А Елисаветъ-Петровна, самъ ты знаешь, ка́къ любила такія явныя дуросги, да шаматóнства...

— Что-жъ она?—спросилъ Мировичъ.

— Отдала престрогій приказъ... И вся сія потайная и противная аки-бы добрымъ нравамъ торговлишка кончилась, братецъ ты мой, плохо, не токма для Дрезденши, а и для другихъ. Съ нею пострадала и всѣмъ любезная Амбахàрша, ея землячка, въ Конюшенной, и шведская поручица Делегрѝнша, на Литейной. Но паче всѣхъ скопъ лютости упалъ на Дрезденшу!.. Ее выслали за-границу, а всѣхъ ея соблазнительницъ земфиръ, безъ жалости, отправили на прядильный дворъ, въ Калинкину деревню. Кабинетъ-министръ Демидовъ производилъ тогда слѣдствіе, и многіе важные модники и барыни-щеголихи сильно притомъ поплатились... По именному повелѣнію государыни, астронома Попова, да ассесора мануфактуръ-коллегіи Ладыгина отлучили отъ церкви, а потомъ повѣнчали въ соборной казанской церкви, да съ такими красавицами, что тѣ молодчики и не спохватились...

— Не слыхалъ я про то,—сказалъ Мировичъ.

— Гдѣ тебѣ слышать! Ты тогда еще въ бабки игралъ. Да не только посѣтители,—офицеры, поставленные на часахъ у заключенныхъ на прядильномъ дворѣ дѣвицъ, — и тѣ не устояли противъ лукаваго, ударились въ волокитство на карауле́, захотѣли бандо́ръ да гитарокъ послушать, пѣсенкой побаловаться, и за то подверглись также не малому афронту и несчастью... Такъ вотъ тебѣ, сударь, кто Дрезденша...

— Но изъ-за чего-жъ, изъ-за чего?—вдругъ уцѣпился Мировичъ:—не можетъ быть, чтобъ даромъ все это... мало-ли, куда внѣ фронта гвардія ходила и ходитъ... Кому какое дѣло?

— Правду ты сказалъ, Василій! всегда справедливъ и прозорливъ! — пріятно удивясь, отвѣтилъ Ушаковъ: — были другіе резоны... Искали, не хаживалъ ли къ этимъ восхитительницамъ ближній въ то время къ нѣмой другой особѣ Бутурлинъ... Ну, помощница Дрезденши, Лизута Черная, подъ кошками и покаялась...

Digitized by Google

Мировичъ вздрогнулъ.

— Подъ кошками?

— Да...

— Экое варварство...

Пріятели помолчали.

— Но ты, Аполлонъ, — спросилъ Мировичъ: — ты сказалъ, что Дрезденша была выслана за границу?

— Да, была выслана, при покойной царицѣ. А какъ только на престолъ взошелъ нынѣ нами владѣющій государь-императоръ, такъ эта Дрезденша,—а за нею и другія ея землячки, — вновь, и еще съ бо́льшею бомбардирадой, проявились здѣсь, сѣли себѣ по прежнему—и вотъ она первая... любуйся!

— Не пойду,—сказалъ Мировичъ:—Боже Господи! кошки...

— Э, полно! то было вонъ когда! вздоръ! пойдемъ. Теперь тутъ благороднѣе, вальяжнѣе, чище. И Дрезденша состарѣлась, и нравы смягчились. Внизу закуски и бильярдъ,—скажемъ здравствуйте стакашки, канашки, каково поживали, насъ поминали?— а на верху, Василій, карты, бываетъ музыка и всякій тебѣ горе-отгонительный куплетъ увидишь...

Вздохнулъ голодный, раздосадованный неудачами Мировичъ и противъ желанія вошелъ за Ушаковымъ въ нижнее отдѣленіе ресторана Дрезденши.

Ему было не по себѣ. Онъ чуть не въ слухъ бранился. «Тьфу ты, малодушіе, подлость!—ворчалъ онъ и язвительно улыбался:—что́ сказала бы Филатовна и какъ посудило бы начальство, если-бъ увидѣли меня здѣсь?»

Первое, впрочемъ, что́ бросилось ему въ глаза, при входѣ въ освѣщенный восковыми свѣчами, прокуренный кнастеромъ и полный шума и говора, нижній залъ, было лицо сердитаго и важнаго генерала Бехлешова, такъ распекавшаго его тѣмъ утромъ за галстукъ и вообще за не въ порядкѣ оказавшійся его нарядъ. Надутый, суровый видъ генерала исчезъ. Онъ съ разстегнутымъ камзоломъ и съ веселымъ, безпечно-ухмылявшимся лицомъ, сидя въ углу, допивалъ четвертый, съ гданской водкой пуншъ и, то-и-дѣло отирая лобъ и бѣлыя, полныя щочки, жадно слѣдилъ за бильярдною игрой. Не успѣлъ Мировичъ съ Ушаковымъ потребовать въ сосѣднюю комнату подо́баго, съ сигомъ и севрюжьей головой пирога, не успѣлъ онъ «раздавить» съ нимъ по маленькой, а потомъ и по большой, — въ залу вошелъ, за полчаса такъ удивившій его строгимъ нравомъ, сосѣдъ Дрезденши, Рубановскій. Охранитель чести дѣвицъ, усердный молитвенникъ и постникъ, вынулъ пѣнковую, съ витымъ чубукомъ, трубочку,

Digitized by Google

потребовалъ и себѣ здоровенный стаканъ пуншу и также усѣлся къ сторонѣ, глядѣть на бильярдныхъ игроковъ.

«О, люди!—съ тайнымъ негодованіемъ подумалъ Мировичъ: — просителя считаютъ за собаку, изреченія какія отпускаютъ. Сами же... А будь деньги, будь богатъ...»

Онъ, злобно передернувшись, громко разсмѣялся.

— Что ты?—спросилъ, обведя его глазами, Ушаковъ.

— Такъ, мерзости, братъ... Подчецовъ, ухъ, да какъ же много нынѣче на свѣтѣ развелось. Тѣсно отъ нихъ.

Проговоривъ это, Мировичъ опять рѣзко, отрывисто захохоталъ.

— А ты знаешь настоящее средство отъ всякихъ, то-есть, навожденій?—спросилъ Ушаковъ.

— Какое?

— Выпьемъ, Василій Яковличъ, сотворимъ во благо еще... Или вашъ Obedienz- und-Unterfügungsact мѣшаетъ тому? Вздоръ... Жизнь, милый, вотъ какъ коротка и скучна... Да и родила насъ мама, что не принимаетъ и зима... Что хмуришься? Аль подрядился на собакъ сѣно косить?.. Эй, малый, еще бутылочку рижскаго!

Подали пива, и опять подали. Изъ дальнихъ комнатъ доносились звуки музыки.

— Кутятъ гвардейцы,—произнесъ Ушаковъ.

— Дьяволы, анаѳемы! — опять, точно сорвавшись, сказалъ Мировичъ.

— Да о комъ ты это, разскажи?—спросилъ, уставясь на него, Ушаковъ.

Мировичъ вздохнулъ. Въ его черныхъ, безъ блеска, сердитыхъ глазахъ начиналъ свѣтиться дикій, блуждающій огонекъ.

— Изъ-за чего такія несправедливости? Ну, изъ-за чего?— произнесъ онъ, посмотрѣвъ куда-то въ воздухъ: — вѣришь-ли, фу—какая тоска!

— Какія несправедливости?

— Да какъ же, посуди. Ну, какъ могъ человѣкъ, по контракту съ обществомъ и государствомъ, передать другимъ то, на что самъ не имѣетъ права, — располагать своею свободою, совѣстью, жизнью?

— Фю-фю!—засвисталъ, что-то смутно, лѣниво припоминая, Ушаковъ: — ты это по Мартинѣцу? Опоздалъ! Не знаю, братъ, этихъ вашихъ новыхъ откровеній; хоть и слышалъ о вашей ложѣ, ничего особаго въ ней нѣтъ... А вотъ въ «Трехъ глобусахъ», тамъ согласись...

Digitized by Google

— Drei Weltkugeln, или лоска св. Іоанна,—это все едино, глупецъ!—презрительно и грубо перебилъ Мировичъ:—горе въ томъ, что всѣ въ темнотѣ, всѣ смотрятъ врозь. А сколько силой воли одного человѣка можно сдѣлать!..

— Да опять-таки ты не о томъ, ахъ, опять не туда,—отвѣтилъ, не обижаясь и весело замахавъ руками, замѣтно хмѣлѣвшій Ушаковъ: — я бы тебѣ все изложилъ, все... Только, канальство, надо бы вотъ зайти... Ну, да, слушай... ты вотъ куда взгляни, это чѣмъ пахнетъ? — сказалъ онъ, разставивъ передъ собой ладони:—слышалъ ты, какую силу забираютъ нѣмцы? Вездѣ, братъ, ползутъ, вездѣ, да не простые, самые патентованные, изъ Киля... Командиры полковъ назначены сплошь голштинцы: конная—Цобельтицъ, инфантерія—Цеге-фонъ-Мантейфель... Крюгеръ, Ольдерогъ, Кеттенбургъ, да Вейссъ, — а въ кавалеріи — Лёвенъ, Лотцовъ, Шильдъ и дядюшка государевъ, новый генералъ-фельдмаршалъ, принцъ Жоржъ... Имена полковъ тоже измѣнены... Нарвскій твой уже не нарвскій, а Эссена; смоленскій, что въ Шлиссельбургѣ стоитъ, Фулертоновымъ прозывается... Иного колбасника собаку даже не выговоришь, цѣпляется языкъ... А все-таки, ну, вотъ, что хочешь, а я государя люблю... Добрякъ онъ, веселый, откровенный и ужъ простота... Видѣлъ ты его? И глаза у него такіе добрые, а хохочетъ, заливается, точно школьникъ... Одно—любитъ не наши поговорки... Я на вахтъ-парадѣ намедни его слышалъ... Душа человѣкъ! Скажи, въ огонь и въ воду пойду за него... Да ты, Василій, можетъ катериновецъ?.. Признайся!.. Царёва жена подбираетъ, слыхомъ-слыхать, партію, да какую... И у Дрезденши, скажу по секрету, здѣсь иной разъ собирается главный ихъ притонъ. Давеча, какъ смеркалось, пятеро санокъ должно сюда съ медвѣжьей травки катили. Что имъ дѣлать! Кружатъ веселыя головушки, негдѣ удали дѣть!

— Катериновецъ! Петровецъ!—съ дрожью въ голосѣ, злобно воскликнулъ, обыкновенно сильно, мертвенно-блѣднѣвшій отъ волненій, Мировичъ:—экъ разнесло ихъ! ха-ха! Тоже о партіонныхъ кличкахъ толкуютъ... Англія, что ли, здѣсь, или французскіе парламенты? Плевать я хотѣлъ на клички, плевать! дуракъ! Гляди вотъ куда... Читалъ ты господина Руссо? читалъ его «Contrat social?» Ну, что тамъ сказано о правахъ человѣчества? Понялъ теперь о правахъ? То-то же. И если что по правдѣ плохо у насъ, такъ это, что нашего брата, мелкую сошку, вездѣ нынче считаютъ за ничто... собаками, какъ есть, собаками... Ни важиться, ни провѣйти въ чины...

Въ это время изъ бильярдной комнаты раздался взрывъ

Digitized by Google

дружнаго и громкаго хохота. Перекаты его черезъ минуту возобновились.

Въ раскрытую дверь было видно, какъ молодцоватый и лихой, лѣтъ двадцати-семи-восьми, въ подбитомъ соболями кафтанѣ, огромнаго роста, съ римскимъ носомъ и замѣчательно-красивый артиллеристъ-гвардеецъ, обыгравъ старичка маркёра, съ кіемъ въ одной рукѣ и съ голландской трубкой въ другой, слегка перегнувшись и разставивъ обутыя въ дорожныя ботфорты ноги, повторялъ: «пуць-пуць-пуць», и до слёзъ хохоталъ среди комнаты. А тучный, съ кривыми ногами и желтымъ, отёкшимъ лицомъ, маркёръ въ пятый разъ, крехтя и охая, пролѣзалъ подъ бильярдъ и, съ тупо-удивленной, недовольной рожей, принимался, по уговору, пить новый стаканъ холодной воды. Толпа зрителей—въ томъ числѣ Рубановскій и утренній генералъ—глядя съ своихъ мѣстъ на эту картину, въ неудержимомъ смѣхѣ, вскрикивали, хватались за животы и махали руками и ногами.

Мировичъ, оправивъ на себѣ кафтанъ и прическу, съ нервической дрожью, сказалъ Ушакову: «низость какова, а еще гвардейцы! Расплатись, Аполлонъ, да дай въ займы чуточку...» И не успѣлъ Ушаковъ опомниться,—онъ торопливо протиснулся сквозь толпу и подошелъ къ артиллеристу, черты котораго были ему какъ-бы нѣсколько знакомы.

— Любители на бильярдѣ?—спросилъ онъ вѣжливо, носясь на него.

— Да-съ... а вы?—удивленно и бѣгло окинувъ его глазами, произнёсъ гвардеецъ.

— И въ моей манерѣ эта игра не послѣдняя-съ!

— Такъ не угодно ли?—спросилъ, брякнувъ шпорами и улыбаясь, артиллеристъ.—Его улыбка была обворожительно-добрая, женственно-безпечная.

«Эка сволочь!» холодно и злобно про-себя усмѣхнулся Мировичъ: «а разрядился ка́къ! да какъ баба и смазливъ... буколькн на вискахъ распомажены, точно прилизаны у болвана языкомъ...»

— Оно ничего-съ и съ охотой,—отвѣтилъ, пуще хмурясь, Мировичъ:—только извините, ха-ха! вотъ никакъ не пойму... Отчего это вы играете съ подлымъ слугой, а не съ кѣмъ-либо изъ благородной публики?

— О! ныньче, сударь, я въ превеликомъ амбара́!—простодушно опять улыбнулся красавецъ-гвардеецъ:—никто вотъ—хоть тресни, а ни-ни!—не хочетъ со мной помѣряться.

— Въ такомъ разѣ, съ моимъ съ превеликимъ удовольствіемъ!—сказалъ, раздражительно торопясь, Мировичъ.

Digitized by Google

— На деньги, или тоже въ шутку, на подобный уговоръ?— спросилъ, насмѣшливо глядя на него и на присутствующихъ, гвардеецъ.

— Инъ хоть и на уговоръ!

Игра началась.

Съ первыхъ ходовъ Мировичъ, и безъ того блѣдный, еще болѣе смутился и оробѣлъ. Дрожащей рукой намѣлилъ онъ кій, угловато-ухарски повелъ плечомъ и нацѣлился. Его шаръ такъ ловко щёлкнулъ шаръ противника, что гвардеецъ изумленно покосился на него и замялся.

— Можетъ быть, вы, сударь, на деньги?—спросилъ онъ:— что̀ даромъ время терять?

— А вотъ ужъ мы сперва, по уговору-съ... смажемъ вотъ этого,—сказалъ Мировичъ:—а потомъ хоть и этого... я не чинюсь, готовъ...

Кій опять щёлкнулъ. За краснымъ съ громомъ въ лузу влетѣлъ бѣлый, за бѣлымъ опять красный шаръ. Игра была кончена.

— Пуць-пуць, или какъ вы тамъ, сударь! ха-ха! лѣзьте, значитъ, подъ бильярдъ, — неестественно зѣвнувъ и откидывая волосы, презрительно произнесъ Мировичъ:—а для прохлады, не въ проносъ слово, испейте кстати и холодной водицы...

Артиллеристъ прикипѣлъ на мѣстѣ. Румянецъ залилъ его бѣлыя, женственно-нѣжныя щеки. Въ блестящихъ, карихъ, съ поволокой, глазахъ, выразились удивленіе, почти дѣтская досада и невольный стыдъ. Онъ бросилъ растерянный, робкій взглядъ по сторонамъ, подумалъ: «вотъ бестія! а уговоръ исполнять слѣдуетъ,—расплачивайся!» — и ловко скинулъ съ себя дорожный, расшитый золотомъ, на соболяхъ, щегольской гвардейскій кафтанъ. — Дѣлать нечего, онъ присѣлъ, съ улыбкой пролѣзъ на четверенькахъ подъ бильярдомъ и залпомъ выпилъ поданный хихикающимъ маркёромъ стаканъ воды.

— А что-жъ? другую партію!—сказалъ онъ, не одѣваясь:— три дня за медвѣдями охотились, только-что съ Волхова... будто промахнулась рука... Угодно ли?

«Оставь его, оставь!» — шепталъ, дергая Мировича за рукавъ, красный, какъ ракъ, Ушаковъ:— «Катериновецъ вѣдь это!.. какъ бы онъ тебѣ не отплатилъ...»

Мировичъ его не слушалъ. Игра возобновилась. И во второй разъ молодцоватый гвардеецъ, въ то утро посадившій на рогатину медвѣдя, полѣзъ подъ бильярдъ и опять пилъ поданную ликующимъ маркёромъ воду.

Digitized by Google

Зрителей надвинулось на эту картину множество. Явились, съ тоненькими кривыми сигарами и трубками, другіе — военные, статскіе и моряки. Между ними протискался, въ ермолкѣ, въ ваточномъ халатѣ и въ плисовыхъ туфляхъ, самъ царевичъ, старикъ Леонъ Грузинскій, имѣвшій обыкновеніе въ такомъ нарядѣ, какъ хозяинъ помѣщенія, проводить большую часть вечеровъ въ вольномъ домѣ Дрезденши. Послѣ новой, неудачной партіи, гвардеецъ остановился.

— Да вы заговорённый, — сказалъ онъ, отходя съ Мировичемъ къ сторонѣ: — попроворимъ какъ разбить... Не угодно ли въ такомъ разѣ и въ карты?

— Всеодолженнѣйшій слуга! — съ радостной дрожью произнесъ, не поднимая глазъ, и надменно поклонился Мировичъ.

— Такъ пойдемте на-верхъ, — сказалъ опять, облекаясь въ кафтанъ, гвардеецъ.

— Только я вотъ товарища что-то потерялъ изъ виду! — оглянулся Мировичъ: — коли проиграюсь, а счастье не вѣчно везетъ, не у кого будетъ взять здѣсь сикурсу...

— Въ долгъ повѣримъ, — съ усмѣшкой смѣрявъ пѣхотинца глазами, сказалъ гвардеецъ: — мы по простотѣ, сударь, безъ фасоновъ...

— И намъ, государь мой, фасоны не надобны! — съ достоинствомъ отвѣтилъ Мировичъ: — а въ долгъ, къ слову сказать, еще не игрывали...

Внутренней, витой лѣстницей, они взошли въ верхнія комнаты Дрезденши.

«И этакого-то человѣка и какъ стоптать, разбилъ!» — шептали между тѣмъ гости, при проходѣ среди нихъ щеголя-артиллериста и его побѣдителя: «всѣ пуандешпаны ему перемялъ этимъ лазаньемъ... Слыхано ли? Перваго въ гвардіи директора веселостей и всякихъ игорныхъ затѣй...»

— Съ кѣмъ имѣю честь? — спросилъ гвардеецъ.

Мировичъ назвалъ себя.

— А вы? — спросилъ послѣдній.

— Цальмейстеръ гвардейской артиллеріи, Григорій Григорьичъ Орловъ, — отвѣтилъ красивый офицеръ, концами нѣжныхъ, въ кольцахъ, пальцевъ оправляя букли и на груди кружева.

«Онъ самый и есть! такъ вотъ это кто!» — подумалъ Мировичъ, съ новой презрительной злобой вглядываясь въ пышущее здоровьемъ, румяное и удалое лицо Григорія Орлова, котораго онъ засталъ когда-то на нѣсколько мѣсяцевъ въ корпусѣ. Орловъ

Digitized by Google

потребовалъ шампанскаго, бутылка котораго тогда стоила рубль тридцать копѣекъ. Они чокнулись и выпили по нѣсколько бокаловъ.

— Коли въ карты,—сказалъ Орловъ,—такъ пойдемъ дальше.

Онъ провелъ Мировича въ слѣдующія комнаты. Тамъ увеселенія нѣкогда потайной, а нынѣ явной, модной австеріи, шли въ полномъ разгарѣ. Играли въ бириби, въ ла-мушъ, въ тогдашній банкъ-фараонъ и въ «кампись», любимую игру новаго государя и его голштинцевъ, въ которой каждый получалъ нѣсколько «жизней», и кто переживалъ, тотъ и выигрывалъ. Дымъ кнастера клубами стлался по комнатамъ, смѣшиваясь съ дымомъ сигаръ фидибусъ. Изъ большой сосѣдней залы явственнѣе доносились звуки венгерской струнной музыки, нанятой возвратившимися съ медвѣжьей травли гвардейцами. Тамъ шли танцы и слышались смѣхъ и веселые голоса итальянскихъ и французскихъ хористокъ придворной оперной труппы, любившихъ здѣсь дѣлить время въ обществѣ столичныхъ богачей.

Сама Дрезденша, она же и Фалькнерша, пятидесятилѣтняя, набѣленная и плотная женщина, появлялась среди карточныхъ столовъ. Подбоченясь, она останавливалась передъ играющими; сѣрыми, ястребиными глазами слѣдила за тѣми, кто побѣждалъ; съ возгласами: «Ach, Herre Je...», громко хохотала надъ тѣми, кто проигрывалъ, — предлагала яства и питія и исчезала во внутреннія комнаты всякій разъ, когда выходилъ какой-нибудь дебошъ. Военные звали Дрезденшу коммандиршей, моряки — адмиральшей, статскіе — танточкой.

Въ одной изъ игральныхъ комнатъ, куда, вслѣдъ за Орловымъ, вошелъ Мировичъ, за большимъ круглымъ столомъ сидѣлъ атлетическаго вида, девяти пудовъ вѣсомъ, съ мужиковатою повадкой и площадными французскими и русскими присловьями, лицомъ впрочемъ очень похожій на старшаго брата — красавца Григорія, — расфранченный и раздушенный преображенскій сержантъ, Алексѣй Орловъ. Его окружали пріѣхавшіе съ медвѣжьей травли другіе гвардейцы. Здѣсь играли въ фараонъ. По просьбѣ богатаго товарища-однополчанина, Михаила Егорыча Баскакова, Алексѣй Орловъ металъ банкъ. Другіе, стоя, сидя и съ вынутой картой въ волненіи прохаживаясь, понтировали. Оживленіе было общее.

«— Мѣсто, Ласунскій! дай пустить ерша»,—подходя и также беря карту, шепнулъ Григорій Орловъ невысокому, расфранчен-

Digitized by Google

ному, въ серебряныхъ галунахъ, измайловцу.—«Не пускай его« — усмѣхнулся длинный, въ очкахъ и вилий съ виду, другой измайловецъ, Николай Рославлевъ: «безпремѣнно проиграется!» намедни насилу ихъ розняли въ Волочкѣ съ Несвицкимъ и съ Хитрово...» — «Да я не для себя, господа... parole d'honneur!» произнесъ Григорій Орловъ, указывая глазами на подведеннаго имъ новаго понтёра. — Мировичъ долго не рѣшался ставить карты. — «Гвардейцы, катериновцы, — ухари, богачи», мыслилъ онъ, замирая: «не пара... Съ ними свяжешься, не радъ будешь. Проиграешься, на днѣ моря найдутъ; выиграешь, какъ бы еще не кончилось, какъ тогда съ Езуповымъ... Нѣтъ! два года терпѣлъ, не зарывался... Великій Руссо, учитель мой! Помню твои слова... Силой воли, воли одного человѣка, все достигнешь... Баста, картъ въ руки не возьму».

У игральнаго стола шелъ оживленный, русско-французскій разговоръ. Слышался изрѣдка смѣхъ.

— Что-жъ, отче многомилостивый?—уставясь въ него и продолжая толстыми, жилистыми пальцами метать фаронъ, пробасилъ исполинъ Алексѣй Орловъ:—уважьте компанію-съ... отвѣдайте въ прусскаго короля счастья. Кому тереть, кому въ тёркѣ быть. Либо дупеля, либо пуделя... voyons, allez vite...

Кто-то изъ посторонникъ, ставя карту, прошепталъ: «Была не была, отвѣдай еще, Хаврошья!»—Мировичъ оперся рукой о столъ. Лица понтёровъ были ему неизвѣстны. Передъ нимъ лежала колода картъ.—«Поликсена, далекая, дорогая, недобрая, выручай!»—подумалъ онъ, прикрывъ занятымъ у Ушакова червонцемъ пятёрку, названіе которой начиналось одной буквой съ именемъ Поликсены.—«О-го, свернулъ овцѣ шею! Дана» — пропустилъ веселымъ басомъ банкометъ. Озноб пробѣжалъ съ головы до пятъ Мировича. Онъ удвоилъ ставку на той же картѣ. Алексѣй Орловъ принялся опять метать и, снова вскинувъ на него удалыми, смѣющимися глазами, сказалъ: «Дана, сударушка, и эта-съ!»—Подошли новые игроки. Снизу явился и Рубановскій.—«Молодецъ, молодецъ!»—шепталъ теперь старикъ Мировичу: «такому можно постараться... можетъ и найду!..»

Мировичъ не обращалъ вниманія на окружающихъ. Духъ игрока воскресъ въ немъ съ прежней, давно-неиспытанной силой. Глаза у него помутились, ноздри расширились, духъ захватывало. Забылъ онъ и Руссо, и ложу св. Іоанна, и силу воли и все. Загибая пароли и ставя уголъ на пé, онъ выигралъ почти кряду еще нѣсколько картъ.—«Экое счастье,—анаѳемское, дьявольское счастье!» — шептали кругомъ. — «Qui est ça?» — «А шутъ его

Digitized by Google

знаетъ»...—«Да откуда взялся?»—«Григорій, что-ли, привелъ»... «Sacré nom! Невзрачный, а какъ загребаетъ».—«Но это случай, parbleu! не все же будетъ брать...» — Мировичъ, между тѣмъ, поднялъ глаза къ потолку. Держа колоду картъ, онъ подумалъ: «Пчелкина... Поликсена... двѣ одинакихъ буквы въ началѣ имени и фамиліи... Попробуемъ еще такъ»—вынулъ пятерку пикъ, загнулъ на ней всѣ четыре угла и пустилъ такимъ образомъ все, что было у него выиграно. Карта снова, къ общему изумленію, взяла.

— Банкъ сорветъ! что вы!—дернулъ за руку Алексѣя Орлова Бредихинъ: гдѣ Баскаковъ?

— Съ Машутой амурится...—отвѣтилъ, указавъ на дверь, Хитровó.

— Mais allez donc,—шепнулъ брату Алексѣй Орловъ:—пусть броситъ амуры и выручаетъ... какого козыря притащили!..

Гурьевъ и Хитрово привели Баскакова. Понтёры разступились. Кто-то сказалъ: «Поздно, други; скоро станутъ гасить свѣчи. Не сбрызнуть ли поле?»—Подали шампанскаго. Ласунскій съ Рославлевымъ и Гурьевымъ принялись сводить мѣломъ счеты проигрыша, выигрыша, за карты и за вино. Посторонніе зрители стали понемногу расходиться. Гдѣ-то въ сосѣдней комнатѣ нѣсколько человѣкъ несвязно пѣли: «Ленъ, ленъ, молодой...» Раздавалось ухарское треньканье гитары. Хлопали пробки, звенѣли бросаемые объ полъ стаканы.

— Что-жъ, господа, если не хотите, если... я самъ готовъ метать банкъ!—сказалъ Мировичъ, не ловко суя по карманамъ дукаты и рубли: только въ этомъ и радость... Живемъ въ сумнительныя времена... Ахъ, какъ, матушка, въ Кіевѣ хорошо.., — вдругъ прибавилъ онъ, ни съ того ни съ сего.

Его душилъ смѣхъ, давно-неиспытанная веселость подмывала, раздражала. Онъ начиналъ несвязно болтать, замѣтно покачивался. Глаза слипались. Хмѣль отъ выигрыша смѣшался съ хмѣлемъ отъ вина.

Григорій Орловъ переглянулся съ пріятелями.

— Если продолжать, такъ не лучше ли у меня?—сказалъ онъ:—или доиграемъ у князя Чурмантѣева! у него нынѣче рокамболь съ ужиномъ... просилъ прямо съ охоты...

Товарищи рѣшили, что къ князю Чурмантѣеву на Васильевскій далеко, лучше къ Орлову.

— А вы?—спросилъ Григорій Мировича:—сани мои готовы, и я живу на Мойкѣ, въ домѣ Кнутсена, возлѣ дворца.

— Знаю, знаю,—банкиръ! а то хоть и къ Чурмантѣеву...

Digitized by Google

готовъ! — отвѣтилъ, хватаясь за спинку стула, Мировичъ: — я пѣхотный, значитъ, не богатъ человѣкъ... инфантерія-съ... пѣхтура!.. одначе, нѣтъ... извините, господа! не уступлю никому,— ни-ни... Ахъ, какъ, матушка, то-есть, въ Кіевѣ хорошо...

— А вы были въ Кіевѣ?—кто-то спросилъ, подойдя:—тамъ есть медвѣди?

Мировичъ мутными глазами молча посмотрѣлъ на него.

— Григорàшъ, бери его!—сказалъ Баскаковъ Орлову.

— Но какъ бы онъ не учинилъ дебоша?..

— Пустяки, бери...

Всѣ были согласны, что жаль такъ бросить среди ночи храбраго, охмѣлѣвшаго въ конецъ армейца, котораго и фамилію какъ-то въ суетѣ забыли, да и его адреса теперь врядъ ли можно было добиться. Гвардейцы свели Мировича на улицу, посадили въ сани Григорія Орлова и повезли на квартиру послѣдняго. Но тѣмъ приключенія той ночи не были кончены.

Помнилъ впослѣдствіи Мировичъ, что когда его подсаживали въ сани, у подъѣзда Дрезденши, какой-то сгорбленный, въ камлотовой шинелькѣ, старичокъ протискивался къ нему сквозь толпу провожающихъ и, ёжась отъ холода, шепнулъ: «Молодчина... козырь... и все пятёркой, пятёркой!.. умру, а найду...»

Припомнилъ также Мировичъ, что по пути къ квартирѣ Орлова, вся эта развеселая и шумная ватага молодыхъ повѣсъ, гремя колокольцáми, шумя и громко смѣясь, заѣзжала еще въ двѣ какія-то австеріи. Въ одной Мировичу услужливые весельчаки давали, для освѣженія, умыться, и опять играли на бильярдѣ и пили. Онъ при этомъ былъ безмѣрно веселъ, также пилъ, шутилъ и даже пѣлъ какую-то ухарскую, плясовую украинскую пѣсню.—«Расходились орлята-шельмецы!»—толковали окрестные горожане, слыша сквозь двойныя рамы и ставни топотъ коней, звонъ гремушекъ, хохотъ и возгласы носившихся по морознымъ улицамъ, знакомыхъ, забубённыхъ гулякъ.

Въ другой австеріи, а именно у землячки и друга Дрезденши, Амбахáрши, случился казусъ. Тамъ компанія разгулявшихся повѣсъ нежданно наткнулась на извѣстнаго и непримиримаго соперника силачей Орловыхъ, на бывшаго кронштадтскаго коменданта Шванвича.

Каждаго изъ Орловыхъ порознь въ борьбѣ Шванвичъ легко осиливалъ; двое же брали надъ нимъ верхъ. А потому между ними, разъ навсегда, было условлено, что если гдѣ-нибудь въ

Digitized by Google

австеріи Шванвичъ встрѣтитъ одного изъ Орловыхъ, то они должны были немедленно уходить, оставляя въ его распоряженіи все вино, бильярдъ и красавицъ. Гдѣ же Шванвичъ заставалъ двухъ изъ семьи Орловыхъ, то самъ, безъ дальнѣйшаго разговора, долженъ былъ имъ уступать поле дѣйствій. Повѣсы ворвались въ австерію Амбахàрши, на этотъ разъ именно въ то время, когда изъ ея дверей вылетѣлъ во дворъ, вытолкнутый Шванвичемъ, третій изъ Орловыхъ, — Ѳедоръ. — «Какъ? кому? лаптю кланяться? отступать?» — гаркнулъ обезкураженному брату Алексѣй Орловъ: «нѣтъ, Ѳедя, дудки! sacré nom! впередъ!» — Всѣ встали съ саней.

Въ комнатахъ Амбахàрши поднялся невообразимый шумъ. Шванвичъ не уступалъ. Одни изъ гостей держали сторону Орловыхъ, другіе съ осипшими глотками кричали, что такъ нельзя, что они должны въ точности исполнить уговоръ. Шванвичъ увѣсистою лапой сгрёбъ опять за шиворотъ рослаго Ѳедора Орлова. На выручку младшаго птенца двинулся громадина Алексѣй... Два плечистыхъ буяна общими силами смяли противника, опрокинули его навзничь, и Алексѣй Орловъ, съ налитымъ кровью лицомъ, вытащилъ подъ мышки блѣднаго отъ злости, брыкающагося моряка за дверь и, въ свой чередъ, столкнулъ его съ крыльца австеріи въ снѣгъ.

Товарищи потребовали съ Орловыхъ при этомъ случаѣ новаго угощенія. Опять явилось вино. У Ѳедора Орлова оказался изорваннымъ рукавъ и текла изъ носу кровь. Алексѣй растиралъ снѣгомъ вывихнутые пальцы. Шумъ, гамъ и смѣхъ слышались изъ трактира далеко. Тутъ были и цыгане. Неугомонные гуляки перешли въ большой кегельный залъ и стали тамъ прыгать другъ черезъ друга въ чехарду. Мировичъ возилъ кого-то при этомъ на себѣ верхòмъ... Григорій Орловъ, съ красивой, чернобровой цыганкой Аксюшей, подъ хоровую пѣсню и звуки бандуръ, снявъ кафтанъ и камзолъ, въ кумачной рубахѣ, размахивая платкомъ, плясалъ въ присядку трепака. Гремѣла опять пѣсня: «Лёнъ, лёнъ...»

Но когда толпа, вдоволь угостившись, двинулась къ санямъ, Алексѣй Орловъ, не доходя воротъ, вдругъ охнулъ и, съ окровавленнымъ лицомъ, упалъ среди двора на снѣгъ. Кто-то въ то же время кинулся отъ крыльца бѣжать по улицѣ...

— Tiens, comme il l'a balafré!—вскрикнулъ Бредихинъ, съ подоспѣвшими камрадами, въ силу поднимая Алексѣя Орлова, у котораго Шванвичемъ изъ засады была наискось разсѣчена лѣвая щека.

Digitized by Google

Нѣкто изъ толпы выхватилъ шпагу и съ крикомъ: «Такъ вотъ какова честь! вотъ подлость! смерть предателю!»—бросился въ догонку за убѣжавшимъ Шванвичемъ. «Удержать его, удержать,—всю улицу разбудитъ и переполошитъ!» раздались у воротъ голоса. Непрошеннаго защитника привели обратно въ трактиръ. То былъ Мировичъ. Никто его не могъ унять. Пока суетились, перевязывая рану Орлову, онъ, не выпуская изъ рукъ шпаги, продолжалъ шумѣть и, съ пѣной у рта и скрежетомъ зубовъ крича: «убью измѣнника, убью подлаго труса!» порывался къ двери.

Изъ толпы трактирнаго люда, съ краснымъ отъ возліяній лицомъ, озабоченно выдвинулся плотный, въ мѣховой епанчѣ, господинъ. Замѣтно покачиваясь, онъ нагнулся къ Мировичу, взялъ его ласково за руку и со вздохомъ сказалъ:

— Уймись, Василій Яковлевичъ, уймись... Видишь, и я, и ты... дали зарокъ, а сами...

— Balafré... зарокъ!.. у Чурмантѣева доигрывать... умру, а найду!—безсознательно повторялъ про себя Мировичъ, уносимый по улицѣ въ саняхъ Ломоносова.

Загоралась блѣдная заря. Дома, заборы и перекрестки начинали вырѣзываться изъ темной морозной мглы. Сани, скрипя, остановились на берегу Мойки. Мировичъ взошелъ, шатаясь, на лѣстницу второго этажа, и какъ былъ одѣтъ, въ шляпѣ, въ шинели и въ башмакахъ, свалился на первый попавшійся диванъ и какъ убитый заснулъ.

V.

Слѣдъ найденъ.

Два года назадъ, а именно, въ началѣ зимы 1760 года, послѣ высылки Мировича въ заграничную армію, Пчелкина обратила на себя вниманіе разомъ нѣсколькихъ придворныхъ вздыхателей.

Поликсенѣ тогда исполнилось восемнадцать лѣтъ. Она подросла и стала не столько пригожѣй, сколько миловиднѣй, находчивѣй, бойчѣй. Ея сѣрые глаза, продолговатые, какъ у сфинкса, были также загадочны, безстрастны и насмѣшливо-холодны. Золотистые волосы, когда она ихъ не пудрила, густыми янтарными волнами падали съ ея сухой, строгой и гордо-посаженной головы. Ухаживали за красивою, худенькою каммермедхенъ госу-

Digitized by Google

дарыни военные и статскіе. «Пчелка златая, что́ ты жужжишь?» сочинилъ, по слухамъ, именно о ней одинъ стихотворецъ, и городскіе модники распѣвали подъ клавикорды эту пѣсню. Первые столичные щеголи, на холостыхъ пирушкахъ, не разъ бились объ закладъ, что не пройдетъ недѣли — если они только захотятъ — Пчелкина будетъ ими побѣждена. Заклады проигрывались. Вздыхатели ошибались.

Поликсену сердили ихъ преслѣдованія. «Безмозглые, противные!» дрожа и блѣднѣя, шептала она сквозь слезъ: «и все потому, что я подкидышъ, ни роду, ни племени... По милости государыни, хорошо одѣта, въ моду вошла и нравлюсь всѣмъ, — вонъ цѣлая корзинка амурныхъ цидулокъ на полкѣ... И ужъ хоть бы ухаживали отъ сердца... Гнусные пустозвоны! Вертопрахъ этотъ, богачъ Нарышкинъ слѣдомъ бѣгаетъ цѣлый мѣсяцъ; каммергеръ Лоскутьевъ вздумалъ ухаживать, голштинецъ Цобельтишъ... Отъ уличной щеголихи къ актрисѣ, отъ актрисы... ну, и за нашею сестрой, за камеристкой, отчего не погоняться?»

Часто вспоминала и обсуждала Поликсена свое прошлое, — странное, не какъ у другихъ, — одинокое дѣтство, бѣганье по лѣстницамъ, корридорамъ и переходамъ стараго зимняго дворца, и первыя сознательныя тревоги, рѣдкія радости, за то частыя горькія слезы босоногой швейки, потомъ ковёрницы у статсъ-дамы Апраксиной, и, наконецъ, кружевницы и каммеръ-медхенъ самой государыни. По случаю одного изъ придворныхъ спектаклей, когда заболѣла какая-то актриса, ее начали учить по-французски, потомъ по-нѣмецки. Она оказала большія способности. Иванъ Иванычъ Шуваловъ задумалъ опредѣлить Пчелкину въ оперный хоръ и поручилъ ее попеченію тогдашней первой пѣвицы Либеры Сакко, которая давала новой своей ученицѣ читать драмы, комедіи и повѣсти, и успѣла ее развить. Черезъ нея Пчелкина ознакомилась и съ Руссо: прочла его «Эмиля» и кое-что изъ его философскихъ сочиненій.

Никогда не могла забыть Поликсена одного дня въ своемъ дѣтствѣ. Ее, рѣзвую и дикую дѣвочку, сильно побилъ въ игрѣ какой-то дворцовый злюка-арапченокъ. На ея угрозу: «вотъ, постой, чортъ лупоглазый, маменькѣ пожалуюсь!» — лупоглазый чортъ, скаля зубы и наставя черный кулакъ, ей отвѣтилъ: «никакой матери у тебя, рыжутка-Полька, нѣтъ и не было... да и отца не было!.. а ты, Полька, нищенка, подмѣтышекъ, сорочье дитё!» — «Какъ подмѣтышекъ, сорочье дитё?» стала накидываться и допрашивать встрѣчныхъ и поперечныхъ дѣвочка. Ей объяс-

Digitized by Google

нили, что дѣйствительно ее нашли въ опоркахъ какой-то шубейки, на кучѣ сѣнныхъ выгребковъ, подъ дворцовымъ конюшеннымъ крыльцомъ. Горько заплакала Поликсена, и съ той поры, забиваясь въ углы чернаго двора, все высматривала на сметьѣ сорокъ: какая ей будетъ матерью?

Прочла однажды Поликсена французскую драму, данную ей Либерой Санко, и чуть не сошла съ ума. Въ драмѣ изображалась Орлеанская Дѣва, избранная Провидѣніемъ для совершенія великаго подвига. Съ той поры судьба Іоанны д'Аркъ не давала покоя Пчелкиной. Ей грезились громкія дѣла, міровая слава, общая признательность. Нерѣдко дни на-пролетъ, въ гардеробной императрицы, она просиживала молча, какъ истуканъ. Ей мерещился вѣковѣчный, дремучій дубовый лѣсъ, мхи и скалы. Войско стоитъ у опушки. Сверкаютъ латы, гремитъ оружіе. Гонимый король, Карлъ VII, лежитъ у палатки. И вотъ, изъ лѣса, въ шлемѣ и съ мечомъ, выходитъ свѣтозарная дѣвица. «Я спасу тебя, возведу на престолъ», говоритъ она королю. И эта дѣвица—Поликсена... Работа валилась изъ ея рукъ. Роброны и блонды государыни долгіе часы она гладила совершенно остывшимъ утюговъ, жгла воротнички, вышивала по канвѣ, вмѣсто алыхъ, синія и зеленыя розы. «Влюблена, влюблена», шептали о ней подруги-камеристки. Явилась въ Петербургѣ знаменитая ярославская ворожея, Варварушка. Всѣ у нея гадали. Обратилась къ ней и Пчелкина. Она пробралась къ ней на Охту, съ женой Ипатьича, кучера государыни, въ платочкѣ и въ старенькомъ платьицѣ. Варварушка долго отказывалась гадать. —«Силы у меня ноньче нѣту-ти, въ косточки вся ушла», говорила она. Провожатая Поликсены положила передъ нею два рублевика и конецъ холста. Варварушка стала гадать на кофеѣ. Кучеровой женѣ, страдавшей запоемъ, такъ и сказала: «Смерть тебѣ не скоро; блинкомъ подавишься, только оживешь». Поликсенѣ предсказала двухъ молодыхъ и красивыхъ жениховъ.

— Оба будутъ тебя вотъ какъ любить, и за одного, дѣвка, ты бы и пошла, да не станется; не выйдешь и за другого.

— Почему? — спросила Пчелкина.

— Черезъ шумъ и черезъ кровь.

— Что же, милостивая, — вмѣшалась кучерова жена: — родственники они, эти-то, кровные межъ собой, или просто побьются?

— Не родные, а дальніе, и не побьются; только выходитъ черезъ кровь и черезъ шумъ, — подтвердила Варвара.

Кучерова жена приказала долго жить въ ту же зиму, опив-

Digitized by Google

шись до смерти запеканки-перцовки, на именинахъ кумы, и никакимъ блиномъ не давилась. «Ну, и обо мнѣ, знать, ворожея наплела», думала, неравнодушно вспоминая гаданье Варварушки, Пчелкина. Она читала «Эмиля» и вмѣстѣ отдавала дань вѣку—вѣрила снамъ и гаданьямъ. Когда въ числѣ вздыхателей подвернулся ей кадетъ Мировичъ, она, разглядѣвъ тогдашній скромный, простой и добродушный до глупости видъ влюбленнаго юноши, не разъ съ досадой спрашивала себя: «да неужели-жъ этотъ?» Ей льстили страстныя ухаживанья Мировича, его преданность. Но она гнала прочь всякую мысль о возможности остановиться выборомъ надъ нимъ. «Армейскій пѣхотный офицеришка будетъ—не велика находка!» говорила она себѣ, охорашиваясь, въ пышныхъ янтарныхъ локонахъ, передъ зеркаломъ. И вотъ, его нѣтъ, онъ разжалованъ, высланъ. Пожалѣла его Пчелкина, даже поплакала о его судьбѣ. Но прошелъ годъ,—о Мировичѣ ни слуха. Живъ ли бѣдный, робкій вздыхатель?

Наступила новая, особенно веселая зима. Придворные балы смѣнялись концертами, концерты—маскарадами. Покойная императрица любила, чтобы хорошенькія изъ ея свиты, не только фрейлины, даже камеристки, за́-просто являлись поплясать въ ея присутствіи на обычныхъ куртагахъ.

— Пора Пчелкину замужъ отдавать, — объявила разъ государыня статсъ-дамѣ Аграфенѣ Леонтьевнѣ Апраксиной, на одномъ изъ маскарадовъ, гдѣ Поликсена, съ другими изъ свѣтскихъ дѣвицъ, въ костюмѣ нимфы, танцовала менуэтъ съ наслѣдникомъ престола: — ишь, Петръ-отъ Ѳедорычъ какъ передъ ней ферлакýритъ.

— А и то правда, матушка-государыня, — отвѣтила Апраксина:—нуко-си, лѣтомъ и впрямь найдемъ ей жениха, а осенью, передъ филипповками, сыграемъ и свадьбу.

— Но у Пчелкиной чуть ли не припасенъ ужъ суженый, да онъ на войнѣ,—замѣтилъ кто-то при этомъ.

— Тѣмъ лучше,—сказала Елисавета Петровна:—выпишемъ молодца, амуры раскончить... а къ той порѣ, чай, и войнѣ ужъ не бывать.

Въ концѣ той зимы подвернулся особый случай.

Служившій въ военной коллегіи, женатый на богатой купеческой дочкѣ Ульянѣ Пусловой, полковникъ Бехлешовъ, долженъ былъ везти въ чужіе края, на воды въ Спа, больную жену, и вызывалъ для нея, черезъ «Вѣдомости», знающую иностранные языки компаньонку. Ухаживанья Петра Ѳедоровича за Пчелкиной не прекращались. «Пусть проѣздится», рѣшила импера-

Digitized by Google

трица, и стороной, черезъ Апраксину, велѣла посовѣтовать своей каммеръ-медхенъ принять приглашеніе Бехлешова. Пчелкина была изумлена и вмѣстѣ обрадована. «Откуда такое счастье?» повторяла она себѣ: «удаляютъ, кажись, отъ важнаго лица. Стало быть, я опасна... Вотъ что̀ сулитъ и куда ведетъ жребій». Она получила отпускъ до сентября, и въ маѣ, черезъ Дрезденъ и Вѣну, съ Бехлешовыми уѣхала за границу.

Поликсена часто писала оттуда Птицыным. Все занимало ее въ чужихъ краяхъ: невиданные нравы и обычаи, отмѣнные отъ всего того, къ чему она приглядѣлась въ Россіи, роскошные сады и парки, чистота и красота нѣмецкихъ городовъ и деревень. Разнообразное и оживленное общество съѣхалось къ модным цѣлебным водамъ. Здѣсь былъ цвѣтъ разслабленной и изнѣженной тогдашней европейской аристократіи. Между больными видно было не мало и раненыхъ на войнѣ, гремѣвшей не вдали, въ разбитой русскими войсками Пруссіи.

Пчелкина съ Бехлешовой посѣщала курзалъ, съ жадностью читала и переводила больной газетную болтовню и новые романы. На водахъ также произошло нѣсколько романовъ. У какого-то лорда австрійскій кирасиръ увезъ дочь; жена рейнскаго богатаго виноторговца бѣжала съ парижскимъ актеромъ. Поликсена тоже почувствовала себя нехладно.

Полковникъ Бехлешовъ, привезя жену, думалъ пробыть въ Спа не болѣе недѣли, и жилъ здѣсь цѣлый мѣсяцъ. Сопровождая жену и ея компаньонку въ прогулкахъ, онъ сперва былъ весьма сдержанъ, потомъ сталъ, какъ-бы случайно, оказывать ту или другую услугу Пчелкиной: съ заботливой вѣжливостью подсаживалъ ее въ экипажъ, приносилъ ей съ почты письма, покупалъ любимыя лакомства, фрукты, а разъ при женѣ подарилъ ей моднаго штофа на платье. Поликсена отъ подарка отказалась. Бехлешовъ началъ искать предлоговъ для бесѣдъ съ нею наединѣ.

«Что̀ бы это значило?» — думала она, теряясь въ догадкахъ, и всякій разъ обрывала эти встрѣчи. Больной стало хуже. Она разнемоглась отъ измѣнившейся погоды и нѣсколько времени не выходила изъ своей комнаты.

Былъ теплый, влажный послѣ недавней грозы вечеръ. Бехлешовъ встрѣтилъ Поликсену въ небольшомъ саду при своей квартирѣ, попросилъ ее сѣсть на скамью и, послѣ нѣкотораго колебанія, шепнулъ ей:

— Волшебница! я отъ тебя безъ ума.

— Стыдитесь, полковникъ! — вспыхнувъ, сказала Поликсена:

Digitized by Google

—у васъ сыновья въ ученьи, жена такъ хвораетъ, а вы... ведете себя, извините, какъ мальчикъ...

— Но, милая лапушка, — отвѣтилъ Бехлешовъ, загородивъ дорогу Пчелкиной: — я все для тебя, все...

Поликсена метнула въ него молнію изъ сѣрыхъ глазъ, оттолкнула селадона и молча ушла къ себѣ наверхъ.

— Погоди-жъ ты, рыжая гордячка! дамъ тебѣ отплату! — проворчалъ ей вслѣдъ взбѣшенный неудачей Бехлешовъ.

Любезничанья съ Пчелкиной толстенькаго, сѣдого и коротkаго ростомъ куртизана прекратились. За чаемъ, обѣдомъ и за ужиномъ онъ не говорилъ съ ней почти ни слова. Женѣ его стало лучше, и Бехлешовъ началъ укладываться, съ цѣлью возвратиться въ Петербургъ. Пчелкина, чтобъ смягчить разладъ, собиралась просить его — разузнать въ коллегіи о Мировичѣ, съ которымъ она переписывалась и отъ котораго, передъ выѣздомъ изъ Россіи, получила къ-ряду два нѣжныхъ письма. «Спроситъ, не женихъ ли?» — думала она: «нарочно скажу — женихъ... и побѣсится, и отстанетъ скорѣе... А чѣмъ же Мировичъ и не женихъ?» съ горечью прибавила она и вздохнула: — «и влюбленъ, и вѣренъ... чего же больше?»

Сидѣла Поликсена какъ-то у себя наверху. Была ночь. Она дописывала письмо къ Птицыной о приключеніи съ Бехлешовымъ и задумалась. «Вѣдь это, пожалуй, всегда такъ будетъ, — сказала она себѣ: — гдѣ-жъ конецъ? И неужели выхода нѣтъ?.. Мировичъ! Ну, что онъ такое? Да какъ всѣ: добрый, незнатный, безродный, какъ и я; говорятъ, склоненъ къ картамъ, мотовству... Но отъ мотовства и отъ картъ можно еще исправиться, въ люди выдти... Молодъ, — остепенится... Слышно, имъ теперь довольны; даже за отличіе повысили... Но не то, все не то... Бѣденъ, и то пустяки... Жить нечѣмъ будетъ, — государыня поможетъ. Да о томъ ли я мечтала, того ли ждала?»

Поликсена остановилась писать. Воспоминанія вновь зароились въ ея головѣ: злой арапчёнокъ, сорочье дитё, Іоанна д'Аркъ, съ мечомъ и шлемомъ, у опушки дремучаго дубоваго лѣса, предсказаніе ворожеи... кровь и шумъ...

Она сидѣла, склонясь горячимъ лбомъ на холодную, исхудалую руку. Слезы навертывались на глаза. Снизу по лѣстницѣ послышались шаги. Кто-то будто поднялся на нѣсколько ступенекъ и остановился. «Мнѣ почудилось, — сказала себѣ Поликсена: — счастье! не дождаться мнѣ видно его... А у другихъ, — вонъ въ газетахъ, — только и говору, что о романахъ, о любви. И почему мнѣ не видать счастья? Почему въ другимъ оно приходитъ, да

Digitized by Google

такое щедрое, — негаданно, нежданно?.. Мужья знатные, въ чести...»

Она опять взялась за перо.

Въ раскрытое окно мезонина виднѣлись очертанія окрестныхъ арденнскихъ холмовъ и лѣсовъ, надъ ними—усѣянное звѣздами, тихое іюльское небо. Подъ окномъ былъ скалистый обрывъ надъ ручьемъ. Въ домѣ давно всѣ улеглись, заснули. На утро Бехлешовъ уѣзжалъ въ Россію. Не далеко оставалось до зари.

Пчелкина медленно протянула руку къ чернильницѣ, обмакнула перо и стала вновь прислушиваться. Пламя свѣчи въ тяжеломъ шандалѣ будто колыхнулось. Видно, съ надворья пахнуло свѣжимъ передразсвѣтнымъ вѣткомъ... На коврѣ, за стуломъ, что-то шелохнулось... Поликсена подняла глаза: передъ нею, расфранченный, завитой и напудренный, съ пучкомъ лилій и розъ въ рукѣ, стоялъ кругленькій, толстенькій Бехлешовъ.

— Добрый вечеръ, Поликсена Ивановна, — произнесъ онъ, робко улыбаясь.

Она вскочила, взглянула на дверь.

— Здѣсь и снизу заперто; тш! — сказалъ онъ: — мы одни... выслушайте меня...

— Что это значитъ?—спросила Поликсена: —какъ смѣете вы?..

Бехлешовъ протянулъ ей букетъ.

— Райскій цвѣтикъ, волшебница! — шепталъ онъ, не сходя съ мѣста:—сна нѣтъ, страдаю, томлюсь...

— Романъ! — усмѣхнулась Пчелкина:—но, довольно! идите, сударь; не васъ мнѣ жаль, — вашей жены...

— Королева! зорька моя! — сказалъ, опускаясь передъ ней на колѣно, Бехлешовъ:—клянусь тебѣ, люблю... убей, только выслушай... Все бери,—деньги, алмазы... Осчастливь, убѣжимъ...

Поликсенѣ вспомнились слова ворожеи.

— Все бери, ничего не пожалѣю!—шепталъ Бехлешовъ, прижимая къ груди букетъ: — слово только скажи... Семью брошу, службу; хоть на край свѣта съ тобой... Озолочу, въ кабалу отдамся; сто душъ на Уралѣ на тебя отпишу...

Поликсена сложила руки.

— Какое униженіе, какой поворъ!—сказала она съ дрожью: —вонъ отсюда, слышите? вонъ!—бѣшено топнувъ ногой, продолжала она, указывая дверь:—уходите; иначе, не гнѣвайтесь, подниму крикъ, разбужу весь домъ...

Бехлешовъ подошелъ къ ней. Она бросилась къ окну...

— Шагъ сдѣлаете, — вскрикнула она, указывая за окно: — брошусь туда... на вашей душѣ будетъ смерть...

Digitized by Google

— Стойте, стойте,—прошепталъ Бехлешовъ: — ужли на томъ и конецъ?..

Пчелкина молчала. Негодующіе, сѣрые глаза холодно и бѣшено смотрѣли на него отъ окна.

— Будешь меня помнить!—проговорилъ, уходя Бехлешовъ.

Поликсена утромъ явилась къ больной, попросила свое выслуженное жалованье, отперла сундукъ, взяла свой паспортъ, узелокъ съ вещами и сходила на почту. Къ обѣду она вошла въ кабинетъ къ Бехлешову. Въ рукахъ ея были книги и газеты. Полковникъ, сидя у раскрытаго бюро, сводилъ счеты. При входѣ Пчелкиной, онъ слегка поблѣднѣлъ, но не оглянулся, будто ея не замѣтилъ.

— Ошиблись вы, Валерьянъ Ильичъ,—почтительно и сдержанно сказала Поликсена:—но болѣ васъ ошиблась я сама. Не знала я доподлинно, каковы нонѣ люди на свѣтѣ. Теперь знаю... Гнуснѣе, ничтожнѣе иного человѣка—охъ, ничего не найдешь...

Бехлешовъ упорно молчалъ. Лицо его слегка залила синева. Онъ тяжело дышалъ, по прежнему не оглядываясь на говорившую.

— У васъ даже совѣсти нѣтъ,—съ горькой усмѣшкой продолжала Поликсена:—ужли-жъ и впрямь нѣту? И всѣ ли нынче таковы? Оповорить, погубить, раздавить бѣдную, нищую сироту, вамъ ни по чемъ. Съ такою-де можно!.. Но не всѣ сироты одинаковы... Ошибаетесь... И не всякой непомнящей родства, подкидышу, по плечу грязь, ничтожество и позолоченное безчестье, изъ-за куска хлѣба. Иная, сударь, вѣритъ и въ лучшую долю...

Губы Бехлешова шевельнулись. Онъ хотѣлъ что-то сказать и опять не отозвался.

— Вы молчите?—кончила Пчелкина:—горды вы, чтобъ покаяться передъ такою пустошью?.. Подъ крыльцомъ въ выгребкахъ ее нашли!.. Будьте-жъ вы прокляты, съ вашимъ богатствомъ и съ вашею низкой, одного токмо себя любящей душой... А это —данное вами, сударь, для чтенія... Вразумили вы меня окончательно многимъ изъ этого... особенно-жъ вотъ этимъ: въ книгѣ я нашла къ вамъ письмо отъ вашей фаворитки изъ Россіи...

Поликсена бросила книги, газеты и найденное письмо на столъ, медленно вышла и въ тотъ же вечеръ, въ почтовомъ омнибусѣ, уѣхала въ Вѣну и далѣе въ Петербургъ.

Осенью минувшаго 1761 г. императрица сильно захворала, а въ декабрѣ скончалась. Пристроить Поликсену, съ Апраксиной и съ Шуваловымъ, она не успѣла — ни въ оперу, ни замужъ.

Digitized by Google

Хотя, во время болѣзни государыни, Пчелкину всѣ дворскіе волокиты оставили въ покоѣ, — имъ тогда было не до нея, — но Бехлешовъ не упускалъ ее изъ виду. Со смертью государыни,— все измѣнилось. Шуваловы пали. Вліяніе Апраксиной замѣнилось вліяніемъ Лизаветы Воронцовой. Къ новому году Бехлешовъ, благодаря покровительству своего родича, Гудовича, былъ назначенъ помощникомъ оберкригскоммиссара, голштинца Цейца, и произведенъ въ генералы. Служебное значеніе его въ военной коллегіи, а съ нимъ и его связи повысились. Несмотря на возвратъ изъ чужихъ краевъ жены, онъ то посылалъ Пчелкиной, черезъ ея подругъ, словесные поклоны, то письменно клялся ей въ неизмѣнной любви.

Поликсена колебалась не долго. По совѣту Апраксиной, она сходила къ Лизаветѣ Воронцовой, просить мѣста при супругѣ государя. Воронцова послала ее къ своей сестрѣ, Дашковой. Взглянувъ на худенькую и бѣдно-одѣтую камеристку стараго, ненавистнаго ей двора, надменная Екатерина Романовна презрительно улыбнулась и, отвернувшись, вполголоса сказала по-французски Никитѣ Панину: «какая дерзость! всякая горничная метитъ въ наперсницы къ новой государынѣ».—Поликсена стала бѣлѣе стѣны, смѣряла взглядомъ Дашкову, и молча удалилась. «Сочтемся когда-нибудь!»—подумала она.

Оставшись за штатомъ, она рѣшилась не ждать болѣе ничего, не просить и не ходить ни къ кому, а выѣхать изъ столицы, скрыться въ такую глушь, гдѣ бы и слѣдовъ ея никто не могъ найти. Задумавъ это, она выискала случай и въ срединѣ зимы 1762 года, послѣ похоронъ императрицы, не простившись даже съ знакомыми, на-скоро собралась, написала прощальное письмо— также уѣзжавшей изъ столицы, актриссѣ Сакко,—и, безъ сожалѣнія, такъ быстро оставила Петербургъ, что ни Бавыкина, ни близкіе ея знакомые не знали, куда она дѣлась.

Ночная попойка заставила Мировича болѣе сутокъ не выходить сверху изъ комнатъ Ломоносова. Оба они скрывались тамъ,— одинъ отъ жены, другой отъ Настасьи Филатовны. У Ломоносова, вслѣдствіе невоздержности, возвратился особенный, судорожный, съ страннымъ и смѣшнымъ присвистомъ, кашель, которымъ онъ, какъ и опухолью ногъ, страдалъ въ послѣдніе годы. Ломоносовъ въ шутку называлъ его своимъ «соловьемъ». И этотъ соловей имѣлъ своеобразный обычай: онъ начиналъ въ немъ распѣвать именно, всякій разъ, когда Ломоносовъ не выдерживалъ и захо-

Digitized by Google

дилъ въ ресторанъ Иберкампфа, Гантовера, или бывшей не вдали отъ Синяго моста Амбахáрши.

Бесѣдуя съ Михайломъ Васильичемъ, въ кабинетѣ послѣдняго, о масонствѣ, о чужихъ странахъ и новостяхъ дня, Мировичъ вкратцѣ передалъ ему и о своемъ, такъ печально кончившемся, сердечномъ романѣ. Поликсены не было, и гдѣ она — рѣшительно нельзя было узнать. Ломоносовъ, выслушавъ исповѣдь Мировича, нахмурился. — «Вотъ она, судьба, — думалъ онъ: — что любимъ, чего жаждемъ, того и нѣтъ... И она-то, что за птица? И чѣмъ онъ ей не пара? Писалъ, перестала отвѣчать... А можетъ только прячется, испытываетъ молодого человѣка, каковъ онъ и будетъ ли вѣренъ ей?» — Хозяинъ и гость дѣлали разныя предположенія, судили, рядили. Міръ фантастическихъ грёзъ охватилъ опять и не покидалъ Мировича. Ночью къ постели его слетались странные, тревожные образы: опять война, онъ раненъ, брошенъ гдѣ-то въ незнакомомъ городѣ. Соборъ залитъ огнями; пышные экипажи, разряженная публика. Кого-то вѣнчаютъ. Новобрачная сходитъ по ступенямъ наперти, — это Поликсена. Мировичъ въ рубищѣ, на костылѣ, пробирается сквозь толпу, хочетъ крикнуть — и просыпается...

Вечеромъ вторыхъ сутокъ дочь Ломоносова, Леночка, принесла наверхъ записку, доставленную съ придворнымъ лакеемъ. То было письмо къ Мировичу отъ каммерфурьера Василія Кирилыча Рубановскаго.

«Любленія ради человѣческаго» — писалъ ему старый риторъ-бурсакъ: «отъ ветхаго и годами источеннаго древа, листвію зеленому и многоцѣнному, въ разумѣ же, дѣлѣхъ, а такожде и въ забавахъ искусствомъ умиляющу и всѣми дарами сіяющу, государю моему, подпоручику Мировичу, — поклонъ! А я, — государь мой и многомилостивый патронъ, — дознался для тебя о мѣстѣ, гдѣ днесь пребываетъ лѣпокудрая и нравомъ достойная, искомая вами, отроковица Пчелкина. А отъѣхала она, въ генварѣ, въ городъ Шлиссельбургъ и живетъ нынѣ тамо въ крѣпости бóнною, сирѣчь — губернёркою, при дѣтяхъ вдоваго капитана гвардіи, князя Чурмантѣева. Числится же тотъ Чурмантѣевъ съ новаго сего года главнымъ приставомъ при тамошней статсъ-тюрьмѣ; а и какъ вамъ попасть туда, я не свѣдомъ. Цидулку же сію доставитъ вамъ каммерлакей внутреннихъ аппартаментовъ покойныя государыни, Тихонъ Касаткинъ. Онъ же и отвозилъ дѣвицу Пчелкину отъ двора въ городъ Шлюшинъ. Засимъ, а ревуáръ, здравствуйте... А о пятёркѣ чудодѣйственной не забыть мнѣ отнынѣ и до вѣку».

Digitized by Google

Прочитавъ разъ и другой это письмо, Мировичъ передалъ его Ломоносову, а самъ поспѣшилъ внизъ, объясниться съ Касаткинымъ. Онъ возвратился радостный, взволнованный...

— Боже мой! слышишь? — вскрикнулъ ему на встрѣчу Ломоносовъ: — тайная государственная тюрьма! князь Чурмантѣевъ...

— Да, такъ написано и посланный то же подтвердилъ.

— Но знаешь ли ты, кто въ этой тюрьмѣ сидитъ? — спросилъ, уставясь въ него, Ломоносовъ.

— Не знаю, Михаилъ Васильичъ,— почемъ мнѣ знать...

— Онъ... онъ!— продолжалъ, волнуясь и заглушая рвавшійся изъ груди судорожный, свистящій кашель, Ломоносовъ: — отъ колыбели! двадцать второй годъ онъ томится въ душномъ застѣнкѣ...

— Да кто же онъ?

— Царственный узникъ!... помнишь, я тебѣ говорилъ?... Богомъ назначенный, а людьми свергнутый, россійскій, природный царямъ и въ Россіи рожденный императоръ, Іоаннъ Третій, какъ его именовали въ актахъ, Антоновичъ!...

Леночка, видя смущеніе и даже какъ-бы испугъ отца, присѣла въ темномъ углу, робко выглядывая изъ-за шкафа. Ломоносовъ всталъ, прошелся по кабинету, вздохнулъ, провелъ рукой по глазамъ, хотѣлъ что-то сказать и не могъ. Онъ ухватился за сердце, бросился къ рабочему столу, и изъ потайного ящика, дрожащими руками, досталъ нѣсколько пожелтѣлыхъ, истрепанныхъ, печатныхъ листковъ.

— Оды мои! вотъ лучшія хвалебныя мои оды въ честь этого императора!— сказалъ Ломоносовъ, блуждающимъ взоромъ глядя какъ-бы въ нѣкую свѣтозарную даль: — я, государь мой, прибылъ сюда изъ Германіи лѣтомъ, въ правленіе именно этого младенца-царя... Ты поймешь, какъ мнѣ дорого это имя! Я писалъ отъ сердца, я былъ искренно, глубоко восхищенъ... слушай...

„Нагрѣты нѣжнымъ воды югомъ
„Ликуютъ свѣтло другъ предъ другомъ—
„Златой начался снова вѣкъ...
„Природы царской вѣтвь прекрасна,
„Моя надежда, радость, свѣтъ,
„Счастливыхъ дней Аврора ясна,
„Монархъ-младенецъ, райскій цвѣтъ!...“

— И ты знаешь? я пошелъ съ этими стихами въ прежній дворецъ, прочелъ ихъ передъ правительницей Анной Леопольдовной и младенцемъ, и она, при всѣмъ дворѣ, въ благодар-

Digitized by Google

ность, склонила мнѣ съ подушки августѣйшую головку сына... Понимаешь ли, понимаешь ли, что́ я тогда чувствовалъ? Вотъ, смотри, читай...

— Странно!—произнесъ Мировичъ:—стихи напечатаны, а я ихъ нигдѣ не встрѣчалъ...

— Они явились въ отдѣльномъ прибавленіи при «Вѣдомостяхъ...» Но ихъ отобрали, когда на престолъ взошла Елисавета; мало того,—ихъ жгли съ манифестами, указами, присяжными листами и другими актами, гдѣ только упоминалось имя этого несчастнорожденнаго...

— Манифесты были его имени?

— Какъ же! Четыреста четыре дня страна читала: «Божіею милостію, мы, Іоаннъ III, императоръ и самодержецъ всероссійскій»...

— Извините меня, Михайло Васильичъ!—сказалъ въ глубокомъ изумленіи Мировичъ:—мало я, какъ есть, знаю объ этихъ событіяхъ. У насъ въ корпусѣ о томъ молчали, за границей, видно, забыли... Слышалъ я отъ одного товарища и отъ Настасьи Филатовны, да смутно... Скупа она всегда была на этотъ счетъ. Ка́къ и почему все это произошло?

— Злополучные аргонавты! — отвѣтилъ Ломоносовъ:—роковое-жъ, золотое руно, выпавшее имъ на долю, былъ императоръ-застѣнщикъ... Изволь, я тебѣ, что́ знаю, когда-нибудь, при случаѣ разскажу. Печальный трактаме́нтъ услышишь, печальный...

Онъ спряталъ листки обратно въ столъ, подложилъ въ каминъ полѣньевъ, сѣлъ въ кресла, закрылъ рукой лицо и задумался. Мировичъ сидѣлъ возлѣ него, не спуская съ него глазъ и ждалъ, чуть переводя дыханіе. Минутъ черезъ десять Ломоносовъ очнулся, но заговорилъ о другомъ. «Разспрошу Филатовну» — подумалъ, уходя отъ него, Мировичъ.

VI.

Несчастнорожденный.

Дня черезъ два Ломоносовъ, поздно вечеромъ, позвалъ Мировича наверхъ и подвелъ его къ окну. Все небо было залито сѣвернымъ сіяніемъ.

— Сполохи отворённаго воздушнаго моря! — сказалъ Михайло Васильевичъ, наводя въ форточку новую изобрѣтенную имъ трубу.

Digitized by Google

Долго оба они слѣдили за пышными, будто двигавшимися, то розовыми, то голубыми огненными столбами. Вдругъ Ломоносовъ всталъ, прошелся по комнатѣ и опять сѣлъ.

— Эпохъ царствованія моей богини,—Елисаветъ-Петровны,— началъ онъ, покашливая:—цѣнь ни вѣсть какихъ противорѣчій! И я тебѣ, государь мой, въ разсужденіе прерваннаго намедни нашего трактамента, доложу—не инако, какъ съ прискорбіемъ—много, много лежитъ грѣха на ея совѣтникахъ... Сколько она страдала, сколько ждала! Дщерь Петра—и не была допущена на родительскій престолъ... Всѣми была оставлена, и ей не помогали; отринута, пренебрежена,—и за нее не отмщали!.. Но сама героиня сѣвера о себѣ подумала... Слушай... Всѣмъ памятна ночь, на двадцать-пятое ноября, семьсотъ-сорокъ-перваго года... Елисаветъ-Петровна, богоравная, надѣла кирасу на платье, помолясь, сѣла въ сани и поѣхала, съ своими партизантами, въ преображенскія казармы. Тамъ объявила она себя императрицей, пошла съ вѣрными гренадерами въ зимній дворецъ и арестовала всю спавшую брауншвейгскую фамилію: правительницу государства, Анну Леопольдовну, ея мужа, добрячка-зайку, генералиссимуса Антона Ульриха, и ихъ сына, младенца-императора, Ивана Антоновича. Малютка былъ объявленъ самодержцемъ двухъ мѣсяцевъ отъ роду... Въ манифестѣ его назвали Іоанномъ Третьимъ; другіе-жъ именовали впослѣдствіи Пятымъ и Шестымъ, памятуя древнихъ Іоанновъ. Была въ честь младенца-монарха выбита медаль, и на ней поднимающаяся къ небу императрица Анна вручала ему корону... Россія, отъ его лица, управлялась годъ и тридцать-девять дней, а всего четыреста-четыре дня...

Ломоносовъ остановился.

— Четыреста-четыре дня!.. И за то страдать годы, всю жизнь!—продолжалъ онъ:—гдѣ, въ какой странѣ, отыщешь подобный, столь трагическій и роковой исторіи примѣръ? Желѣзная маска? да и тому государственному узнику было легче...

— Спрашивалъ я Настасью Филатьевну,—проговорилъ Мировичъ: — чудныя дѣла.

— Ну, и что-жъ разсказала она тебѣ?

— Сильно скорбитъ объ участи несчастнаго.

— Жестокая, жестокая издѣвка судьбы,—продолжалъ Ломоносовъ: — когда императрица Елисаветъ-Петровна привезла въ своей шубѣ, по морозу, низвергнутаго малютку-императора въ собственный свой дворецъ, — залилась она, добросклонная, слезами и воскликнула: «бѣдное дитя! Ты ни въ чемъ неповинно...

Digitized by Google

Виноваты твои родители...» — Вышелъ вскорѣ манифестъ. Въ немъ было объявлено, что всю брауншвейгскую фамилію государыня, предавъ всѣ ихъ поступки забвенію, повелѣла, съ надлежащею имъ честью и достойнымъ удовольствіемъ, отпустить навсегда обратно за границу—въ ихъ отечество. И ихъ повезли на родину, въ Германію. Но чего хотѣли добрые, того не попустили злые... Едва злосчастные странники, подъ надзоромъ генералъ-лейтенанта Салтыкова, пробираясь къ Кёнигсбергу, доѣхали до Риги, едва съ бывшей правительницы взяли тамъ присягу новой государынѣ, Елисаветъ-Петровна, по совѣту усерднаго Фридриху, своего лейбъ-медикуса Лестока, повелѣла имъ далѣе не двигаться... Въ то время, надо тебѣ сказать, изъ Голштиніи, съ великой тревогой, ждали въ Петербургѣ другого генерала, дѣйствительнаго каммергера, барона Корфа, а съ нимъ родного племянника Елисаветы, принца Петра Ѳедорыча. Государынѣ шепнули, какъ бы германскіе родичи низложеннаго императора, въ отместку ей, не задержали на границѣ избраннаго ею наслѣдника. Но онъ благополучно прибылъ въ Петербургъ. И затѣяли его учить, а вскорѣ и женить. Пріѣхала инкогнито изъ Цербста, подъ именемъ графини Рейнбушъ, — его невѣста, Екатерина Алексѣевна. Несчастнаго-жъ правнука царя Ивана Алексѣича, съ семьей, стали держать въ рижской цитадели. Выгодно было пугать государыню. Ну, Лестокъ съ братіей и пугалъ. Щеголь и говорунъ былъ онъ; а ужъ сквернавецъ перваго ранжиру... На маковкѣ пудра, подъ маковкой тундра... Да что — не могу, не могу... Душа разрывается. Спроси другихъ, всякъ тебѣ нынѣче о томъ скажетъ.

Ломоносовъ смолкъ опять. Мировичъ, видя его волненіе, болѣе не разспрашивалъ. Ему и безъ него, въ эти дни, удалось узнать не мало новаго. Филатовна была въ духѣ и, не то что въ прежніе годы, не стѣснялась. Питомецъ ея былъ теперь взрослый человѣкъ, и страшнаго тайнаго приказа третій мѣсяцъ уже не существовало. Тряхнула она своими воспоминаніями. А чего только по этому поводу не знала вдова лейбъ-кампанца, какъ отъ мужа, такъ и отъ его товарищей.

— Охъ, терпѣли высланные мученики, — разсказывала Мировичу Филатовна: — прожили въ Ригѣ болѣе года. А императрицѣ, свѣтъ-матушкѣ, доносили всякіе слухи и сплетни о задержанныхъ. Бывшая правительница ее-де не признаетъ, да не почитаетъ; а наперсница ея, фрейлина Менгденша, подбиваетъ-де

Digitized by Google

ее къ бѣгству. Ходилъ, Вася, слухъ, будто правительница и взаправду покушалась бѣжать, въ мужицкомъ простомъ платьѣ, на кораблѣ. Изъ Риги ихъ перевели въ другую крѣпость. У Анны Леопольдовны здѣсь родилась дочь, Елизавета. Въ честь новой царицы назвали ее бѣдную... да не къ добру... Пробрехался въ Питерѣ съ-пьяну одинъ каммеръ-лакей, что вскорѣ снова ждать перемѣны, что быть опять царемъ Ивану Третьему... Твой землякъ какой-то, изъ старшинъ, писалъ другому, будто всѣ въ Питерѣ за Ивана, и это самое письмо было перехвачено... Да и фонъ-Минихъ съ Оштерманомъ, во время суда надъ ними, думая, что сосланная-то фамилія ужъ за границей, не мало на нихъ плели.

— Гнусные трусы, себялюбцы! — произнесъ Мировичъ, не спуская съ разсказчицы пылавшихъ, негодующихъ глазъ.

— Такъ, такъ, Вася... А передъ тѣмъ пришелъ доносъ и о самомъ генералѣ Салтыковѣ,—чай, слышалъ о немъ? Онъ состоялъ при арестованныхъ. Ребёнокъ-отъ императоръ, — онъ въ ту пору былъ по четвертому годку, — игралъ-де въ комнатѣ съ собачкой и ударилъ ее, этакъ шутя, по лбу ложкой. Нянька и спроси Иванушку: кому-де, батюшка, какъ выростешь, голову отсѣчешь? — А ребенокъ будто и отвѣтилъ: Василію, молъ, Ѳедорычу,—сирѣчь Салтыкову. Вспрыгались тутъ отъ этакихъ вѣстей. Норовъ дитяти, вишь, сказывался преострый, догадливый.— «Сослать ихъ подалѣ, въ самую глубь Россіи!»—сталъ твердить государынѣ лекарь ейный, Лештокъ: «безъ того-де тронъ твой новый не проченъ».—А тутъ поспѣлъ, съ волчьимъ совѣтомъ, и нѣмецкій король. «Не худо,—писалъ онъ государынѣ:—сослать Иванушку и его родителевъ въ такой уголъ, гдѣ-бъ о нихъ и память умерла... Въ вашей, молъ, странѣ, ваше царское величество, таковыхъ мѣстъ не мало... Иначе ждите бѣдъ».—Такито рѣчи и порѣшили дѣло... Подумала свѣтъ-матушка государыня, погадала, и послала указъ: извѣстныхъ персонъ тайно отвезти въ городъ Ранибургъ, Рязанской, это выходитъ, губерніи. Снарядили бѣдныхъ, взяли и по зимней стужѣ, въ метели и въ бездорожье, черезъ Калугу и Тулу, доставили въ Ранибургъ, въ началѣ весны. При этомъ ошиблись, Василій, конвойные и мало не завезли ихъ къ киргизамъ,—вмѣсто Ранибурга, въ городъ Оренбургъ...

— Эка, варвары! — прошепталъ Мировичъ.

— Варвары? Слушай, другъ. То-ли еще было впереди. На новомъ мѣстѣ несчастнымъ вышло хуже прежняго. Помѣстили ихъ, — о томъ мужу моему въ тайности сказывалъ опосля кон-

Digitized by Google

войный капралъ, — помѣстили въ ветхомъ и запущенномъ деревянномъ домѣ, гдѣ въ стары годы содержался въ ссылкѣ царевъ любимецъ князь Меншиковъ. Не было тамъ ни годной провизіи, ни прислуги; вода гнилая, болотная. Принцесса была опять въ тягости, — Иванушка хворый. А тутъ въ Питерѣ снова пошли толки о возвратѣ къ правленію Ивана Антоныча. Осенью были страшныя казни: охъ! сама ходила—видѣла! А на допросѣ и не то еще подтвердилось... Въ гвардейскихъ полкахъ, другъ ты мой, такъ съ дуру при томъ надѣялись, что говорили: наши, уповаемъ, и за ружье, въ такомъ разѣ, не возьмутся... А тутъ, по веснѣ, стала слышна новая молва... Въ городѣ шопотомъ, украдкой начали толковать, будто къ заключеннымъ въ Ранибургѣ,—сама я слышала отъ кумы-протопопицы, — дошелъ для сборовъ на церковь нѣкій, сказать тебѣ, раскольничій монахъ; и что онъ уговорился съ принцессою и съ принцемъ, тайно, съ ихъ согласія, похитилъ Иванушку, а дабы его укрыть, до возраста, среди своихъ одновѣрцевъ, бѣжалъ съ нимъ въ раскольничьи слободы, на Вѣтку, въ Польшу... Бѣглецовъ яко-бы настигли въ лѣсахъ, подъ Смоленскомъ; монаха повезли на розыскъ въ Питеръ, а Иванушку въ Валдайскій монастырь... Да не отложить ли, Васинька, сказъ на завтра? Поздно, стемнѣло...

— Ахъ, матушка, вы моя родная, говорите, говорите, — сказалъ, ухвативъ за руки Филатовну, Мировичъ.

— Ну, послѣ такихъ слуховъ, Василій, въ Рязанскую-то губернію къ заключеннымъ, какъ снѣгъ на голову, и прискакалъ нонѣшній нашъ енаралъ-полицмейстеръ, баронъ Корфъ. Ему велѣно было тѣхъ арестантовъ отвезти, подъ сильной стражей, еще далѣе, а именно въ городъ Архангельскъ, и оттолѣ ночью, по тайности, въ Соловецкій монастырь... Аки громъ, сразила заключенныхъ эта вѣсть о новомъ переѣздѣ. Думали они, что ихъ везутъ въ Сибирь, въ тотъ городъ, гдѣ жилъ всѣми клятый Биронъ. — «Не видать мнѣ болѣ сына!» вопила, безъ памяти, принцесса: «прощай, Ваничка, мой царь, прощай на вѣкъ!» — Разлучили ее съ любимыми слугами и съ наперсницей, флейлиной Менгденшей. Отобрали всѣ ея вещи, баулы, часы, дорогіе гребни, перстни... Сестру Менгденши я у Шепелевыхъ послѣ видала; и она имъ про то сказывала... Аспиды, какъ есть, аспиды, послѣдню атласну юпчёнку съ принцессы сняли, повезли ее въ простомъ платьи...

Бавыкина отерла глаза.

— Иванушку, по пятому годку, — продолжала она: — подъ охраной енарала Корфа, повезъ съ собой въ коляскѣ маіоръ, не

Digitized by Google

помню, какого полку, а по прозвищу Миллеръ. Двинулись осенью, опять въ бездорожье, дождь, а потомъ въ снѣгъ и холода. Подводы впередъ и квартеры для ссыльныхъ готовилъ полковникъ — прости Господи! — Чёртовъ... Помню я его. Страшное этакое имя, а добрый былъ человѣкъ. Къ кучеру покойной царицы хаживалъ. Для сбереженія Иванушки велѣно ему было имѣть при колясскѣ нарочитаго солдата, а ребёнка звать — надо думать, въ напоминаніе о проклятомъ Гришкѣ Отрепьевѣ, — не иначе, какъ Григоріемъ, и, кого везетъ, никому не объявлять, а верхъ въ колясскѣ держать повсегда закрытымъ. Пріѣхали путники къ Бѣлому морю... И хотя въ тайнѣ ото всѣхъ держали тотъ отъѣздъ, — только слухи о немъ все-таки дошли до Питера. Полковникъ Чёртовъ вдругъ, представь, тронулся умомъ — Господень перстъ. А пока узнали о томъ и увезли его тоже куда-то, онъ, среди всякой пустоши, болталъ и о тѣхъ несчастныхъ. Боялѣ, Васинька, ничего про нихъ не знаю. Таковъ-то нонѣ свѣтъ: самый онъ измѣнчивый, линущій; тлёю вездѣ пахнетъ... смертью...

Передавъ разсказъ Бавыкиной Ломоносову, Мировичъ, недѣлю спустя, улучилъ минуту и, будто мимоходомъ, спросилъ его, что потомъ произошло съ бѣдными заключенными?

— Изволь, разскажу, — отвѣтилъ Ломоносовъ: — какъ сблизился я съ фаворитомъ покойной государыни, съ Иваномъ Иванычемъ Шуваловымъ, сталъ этотъ юный вельможа, а мой патронъ и другъ, ѣзжать ко мнѣ, на бесѣду о пользѣ наукъ и на уроки стихосложенія... Тутъ онъ иной разъ довѣрялъ мнѣ сказывать и о томъ, что слышалъ о младенцѣ-императорѣ... «Гдѣ они теперь?» — спросилъ я разъ Ивана Иваныча. — «На твоей родинѣ, говоритъ, въ архіерейскомъ подворьѣ, въ Холмогорахъ». — Такъ у меня, другъ ты мой, сердце и замерло. — «А развѣ не въ Соловкахъ?» — «Коммуникаціи, — отвѣчаетъ, — по полугода съ берегомъ тамъ не бываетъ; такъ боятся этакъ-то поодаль держать... Да и ледъ съ осени помѣшалъ тронуться въ Бѣлое море». — «Какъ же они, спрашиваю, тамъ живутъ?» — «Иванушку, объясняетъ, порознь содержатъ отъ родителей и сестеръ... Внесли его, бѣднаго, въ монастырскій дворъ закрытаго съ головой, чтобъ никто и не зналъ, гдѣ и кого тамъ спрячутъ». — Тяжело стало здѣсь заключеннымъ. Въ Раненбургѣ, самъ понимаешь, всѣ были вмѣстѣ, да и свободнѣй жили, гуляли по рощѣ, по рѣкѣ. А тутъ не только за ограду двора, — изъ комнатъ на крыльцо ихъ не выпускали. Надо, впрочемъ, правду сказать о доставителѣ

Digitized by Google

арестантовъ, о баронѣ Корфѣ: онъ сильно заботился о сосланныхъ. Но его отозвали, а надзоръ за секретными персонами поручили капитану Миллеру.—По веснѣ принцесса родила второго сына, Петра, а черезъ годъ родила третьяго, Алексѣя, и отъ тѣхъ родовъ, на двадцать-восьмомъ году жизни, кончилась. Тѣло ея, по именному указу, было тайно въ спиртѣ привезено въ Петербургъ и съ церемоніей погребено въ Александроневской лаврѣ, рядомъ съ ея матерью, царевной Катериной Ивановной. Императрица, при похоронахъ, много плакала... Самъ я видѣлъ. Приставъ Миллеръ неотлучно находился при Иванушкѣ, чтобъ онъ въ двери не ушелъ, либо отъ рѣзвости въ окно не выскочилъ. Высокая деревянная ограда окружала дворъ, церковь, прудъ и дома, гдѣ поселились несчастные. Ворота постоянно были заперты тяжелыми замками. Въ такомъ уединеніи, унынiи и скукѣ приставъ Миллеръ, какъ и капитанъ Чёртовъ, тоже было тронулся умомъ. Ему разрѣшили выписать и помѣстить съ собой жену, но съ тѣмъ, чтобъ и она, блюдя секретъ, въ принцевыхъ комнатахъ неисходна была... На десятомъ году Иванушка чуть не умеръ отъ повальной въ тѣхъ мѣстахъ какой-то злокачественной хворобы. На двѣнадцатомъ его разлучили съ Миллеромъ, коего наградили деревнями и перемѣстили полковникомъ фузилернаго какого-то полка въ Казань. Передъ его выѣздомъ изъ Холмогоръ, съ принцемъ одновременно произошли два весьма важныхъ событія...

— Какія?—спросилъ Мировичъ.

— А вотъ постой, стемнѣло,—растопимъ каминъ... Леночка,—обратился Ломоносовъ къ дочери, сидѣвшей тутъ:—глянь-ка, открыта-ль труба?—По словамъ однихъ, караульный солдатъ, а по увѣренію другихъ, изъ жалости къ мальчику, жена Миллера, сообщили Іоанну о его происхожденіи...

— Что вы?—изумился Мировичъ.

— Отецъ принца, Антонъ Ульрихъ, до той поры, надо тебѣ сказать, жилъ въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ тюрьмы Иванушки и даже не подозрѣвалъ, въ какомъ небреженіи, за зеленѣющими противъ его оконъ вербами огорода, томился и чахнулъ его сынъ... Тутъ онъ умолилъ, сказываютъ, жену Миллера, и та, передъ выѣздомъ въ Казань, тайно съ мужемъ выучила принца молитвамъ и грамотѣ... Послѣ того Іоаннъ прожилъ въ Холмогорахъ еще пять лѣтъ... Чаша бѣдствъ еще не была переполнена... На семнадцатомъ году злополучнаго принца перевезли въ Шлиссельбургскую крѣпость...

— Но по какой же причинѣ перевезли принца въ Шлис-

Digitized by Google

сельбургъ?—спросилъ Мировичъ:—сколько теперь и въ корпусѣ я ни допытывался о томъ, никто не объяснилъ.

Михайло Васильичъ затуманеннымъ взоромъ взглянулъ на него.

— Тотъ же лукавый и гордый Берлинъ, тотъ же безсердечный себялюбецъ Фридрихъ, загнавшій несчастныхъ въ ледяную могильную глушь, былъ тому причиной, а если хочешь, то и я самъ! — сдавленнымъ, глухимъ голосомъ добавилъ Ломоносовъ, поднявъ и опять безсильно опустивъ руки: — да, государь мой, я въ томъ виноватъ, — на мнѣ грѣхъ...

— Что вы, Михайло Васильичъ, можетъ ли это быть?

— Не удивляйся! Именно такъ; слушай теперь ужъ до конца... Дивны дѣла твои, Господи... дивенъ перстъ Божій...

Нѣсколько мгновеній Ломоносовъ, понурясь, молча глядѣлъ въ разгоравшійся каминъ.

— Года за три до того,—или нѣтъ, постой, не такъ!—началъ онъ:—приходитъ разъ ко мнѣ въ лабораторію пребольшущій этакой, пустобородый, русъ волосомъ и ражій изъ себя купчина... Зовется тобольскимъ посадскимъ, Иваномъ Зубарёвымъ. Проситъ образцы сибирскихъ рудъ испробовать въ академической лабораторіи. Подалъ я о нихъ аппробацію. Думалъ ли, что стрясётся такое горе! Послѣ представь,—образцы оказались не изъ Сибири. А межъ тѣмъ онъ выспрашиваетъ о Холмогорахъ.—Вы, говоритъ, отколь родиной; такъ и такъ, молъ, собираюсь туда торговать, коли казна не дастъ пособія на разработку рудъ.—Я съ нимъ сталъ водить компанію. Ну, не безъ того, что и въ гёрберги хаживали, по душѣ толковали... Зашла рѣчь и объ Иванѣ Антоновичѣ. Сердце у меня всегда по немъ болѣло. Я, значитъ, то и другое ему о немъ и высказалъ. Слушаетъ купчина, а самъ на усъ мотаетъ. — «Вотъ бы, — вдругъ сказалъ онъ: — выкрасть бывшаго императора. То-то пошелъ бы сполохъ...»

— Что-жъ вы ему на то?—спросилъ блѣдный, охваченный волненіемъ, Мировичъ.

— Привожу такіе и такіе статскіе и политическіе резоны.— «Какой, — говорю, — можетъ быть онъ государь?—онъ одичалъ, не учился». — Какъ попался Зубаревъ съ фальшивыми рудами, его въ сыскной приказъ. Но онъ оттуда далъ тягу. А черезъ годъ его поймали на польской границѣ, въ раскольничьихъ слободахъ, какъ шпіона прусскаго короля. Послѣ ужъ я вспомнилъ, что онъ крестился двупёрстно, былъ раскольникъ, да чуть ли къ тому и не скопецъ... Привезли его сначала въ Кіевъ съ бѣглыми коноградами, потомъ опять въ Петербургъ. Тутъ онъ,

Digitized by Google

въ тайной канцеляріи, по довольному увѣщанію, съ пристрастіемъ, во всемъ Александру Иванычу Шувалову и покаялся... Что же оказалось?.. Изъ приказа онъ бѣжалъ, черезъ Стародубъ, на Вѣтку, прямо въ раскольничій Лаврентьевъ монастырь, — куда передъ тѣмъ мѣтилъ и увравшій Иванушку монахъ-бѣгунъ, —а оттуда пробрался чрезъ Кролевецъ въ Берлинъ. Бывшій въ нашей службѣ, выходецъ Манштейнъ представилъ его королю Фридриху. Фридрихъ далъ ему чинъ полковника своего регимента и послалъ его къ раскольникамъ. Тамъ, за обѣщаніе свободнаго выбора поповъ, онъ долженъ былъ подготовить бунтъ въ пользу Іоанна и затѣмъ ѣхать въ Архангельскъ,—куда къ веснѣ былъ снаряженъ прусскій корабль,—подкупить солдатъ и портомойку и похитить Ивана Антоныча въ Берлинъ... На дорогу Зубарёву Фридрихъ собственноручно далъ тысячу червонцевъ и двѣ медали, съ портретами — своимъ и дѣда бывшаго императора. Во всемъ этомъ Зубарёвъ сознался на допросѣ и вторично то же подтвердилъ передъ смертью, на исповѣди, въ тайной экспедиціи, гдѣ и умеръ... Не защити меня фаворитъ государыни, былъ бы и я на розыскѣ... Впрочемъ, спасло и то... о нашихъ рѣчахъ про Холмогоры Зубарёвъ не сказалъ на розыскѣ ни слова... Чуть онъ все объяснилъ, въ Холмогоры поскакалъ сержантъ лейбкампаніи Савинъ. Онъ въ наглухо закрытой каретѣ секретно ночью и вывезъ оттуда принца Іоанна... А приставу, стерегшему принца, объявили повелѣніе, никому не подавать ни малѣйшаго вида о вывозѣ арестанта, въ кабинетъ же рапортовать, что онъ, съ семьей, подъ его карауломъ находится, какъ и прежде, а за остальными накрѣпчайше смотрѣть, чтобъ не учинили утечки. Савинъ доставилъ секретно Ивана Антоныча въ Шлиссельбургъ по веснѣ и всю дорогу отнюдь не смѣлъ ему говорить, куда онъ его везетъ и далеко-ли будетъ то мѣсто отъ столицъ. Здѣсь принцу Іоанну дали прозвище колодника Безымяннаго, а ближайшими приставами надъ нимъ назначили какого-то прапорщика, да сержанта... Фаворитъ Шуваловъ не мало удивлялся, что одинъ изъ нихъ судился за убійство на экзекуціи солдата и помилованъ, съ переводомъ въ эту должность, а другого самого солдаты чуть не запороли, за жестокости, — такъ ихъ сквозь строй гоняли, а его въ крѣпость упрятали... Въ инструкціи приставамъ было сказано: кромѣ ихъ, въ казарму принца никому не ходить и его не видѣть; каковъ арестантъ, старъ или молодъ, русскій или иностранецъ, никому не говорить; и въ письмахъ въ домá свои не упоминать, гдѣ сами они находятся и изъ котораго мѣста пишутъ. Съ воцареніемъ новаго государя, въ прошломъ ян-

Digitized by Google

варѣ, главнымъ стражемъ надъ принцемъ назначили капитана гвардіи, князя Чурмантѣева...

— Вотъ случай! вотъ кстати!—радостно перебилъ Мировичъ:—Ахъ, Боже мой! всѣ эти дни я думалъ-думалъ... представьте, вечеръ-то у Дрезденши... тамъ именно толковали... и Рубановскій пишетъ...

— Не радуйся, Василій Яковличъ, не радуйся! — какъ бы не разслышавъ его, продолжалъ Ломоносовъ:—помни одно, строгостей въ этомъ, думаю, отнюдь не убавили... Тамошнему коменданту давно данъ такой приказъ, чтобъ въ крѣпость, кто-бы ни пріѣхалъ, хотя бы генералъ, или фельдмаршалъ, или подобный имъ, никого не впускать. Но вотъ что еще ему добавили: что если и комнатъ его высочества, великаго князя Петра Ѳедорыча, камердинеръ въ крѣпость пріѣдетъ, то и того камердинера не пускать, а объявить ему, что, безъ указа тайной канцеляріи, не велѣно. Много сатирствовалъ надъ этой добавкой къ указу фаворитъ покойной государыни... И тѣхъ инструкцій не отмѣнили...

— Умереть—не понимаю!—сказалъ Мировичъ:—изъ-за чего тутъ былъ упомянутъ великій князь?

— Упомянутъ онъ былъ здѣсь не даромъ... Въ то время наслѣдникъ особенно враждовалъ съ своей женой. А, разойдясь съ ней, по слѣпотству къ прусскому королю, онъ чуть въ конецъ не разошелся и съ государыней-тѣткой. Императрица до глубины души была возмущена такимъ шиканстомъ и противностями своего племянника. Примирить его съ женой ей не удалось, даже для вида. А въ поклоненіяхъ Пруссіи онъ былъ до того продерзостенъ, что не вѣрилъ побѣдамъ русскихъ и даже сообщалъ Фридриху тайные планы нашей арміи. Тогда-то одумавшійся канцлеръ Бестужевъ далъ Елисаветѣ совѣтъ: выслать племянника обратно заграницу, а на его мѣсто, въ наслѣдники русскаго престола, призвать изъ заточенія Ивана Антоныча...

— Быть не можетъ! — произнесъ, чуть не привскочивъ, Мировичъ:—опять на тронъ этого узника? желѣзную маску?..

— Вѣрь мнѣ, знаю это, какъ тебя вижу... Пять лѣтъ назадъ,—такъ кончу я печальную отповѣдь,—государыня Елисавета-Петровна объявила желаніе тайно видѣть принца Іоанна.

— И видѣла?

— Одни говорятъ, что это свиданіе было въ домѣ Шувалова, на Невскомъ, у стараго дворца; другіе же, что государыня, при пособіи канцлера Воронцова, видѣлась съ принцемъ у Смольнаго, въ домѣ вдовы бывшаго секретаря тайной экспедиціи...

Digitized by Google

Принца, подъ предлогомъ совѣта съ докторомъ, привезли на курьерскихъ къ ночи; рано утромъ онъ опять былъ въ Шлиссельбургѣ. Одѣли его въ дорогу прилично. Петербургскій форштадтъ онъ принялъ за слободу и не догадывался, съ кѣмъ, черезъ шестнадцать лѣтъ, ему пришлось снова встрѣтиться... Елисаветъ-Петровна на это свиданіе явилась въ мужскомъ платьѣ. Кроткій и важный видъ несчастнаго юноши глубоко ее тронулъ. Она взяла его за руку, несмѣло, подъ видомъ доктора, сдѣлала ему два-три ласковыхъ вопроса. Но, когда ничего незнавшій принцъ взглянулъ ей въ глаза и, въ отвѣтъ ей, послышался его жалобный, раздиравшій душу голосъ, государыня вздрогнула, залилась слезами и, прошептавъ окружающимъ: «голубь подстрѣленный, голубь! не могу его видѣть!»—уѣхала и болѣе его не видѣла и о немъ не спрашивала... А на замыслы Фридриха освободить принца объявила: «ничего не подѣлаетъ король; сунется, велю Иванушкѣ голову отрубить»...

Ломоносовъ помѣшалъ въ каминѣ. Посыпалось нѣсколько искръ, но дрова, запылавшія вначалѣ, по-немногу угасли. Въ комнатѣ окончательно стемнѣло. Столбы сѣвернаго сіянія сильнѣй разыгрались, пышно мерцая голубыми и розовыми полосами сквозь вѣтви безлистыхъ, глядѣвшихъ въ окна деревъ.

— Высылка за границу Петра Ѳедорыча, — заключилъ Ломоносовъ:—разумѣется, была отмѣнена. Но великій князь дознался о секретной встрѣчѣ тетки съ Иваномъ Антонычемъ. Онъ сильно сталъ опасаться этого тайнаго соперника и—странно сказать!—въ то же время, по природной добротѣ, всѣмъ сердцемъ ему сострадалъ и сочувствовалъ. — Каковъ онъ, да гдѣ и какъ содержится?—допытывалъ во дворцѣ Петръ Ѳедорычъ встрѣчныхъ-поперечныхъ, распудренныхъ дворянчиковъ: — да что онъ говорилъ съ государыней, въ какомъ мѣстѣ было рандеву и что между нихъ, при той конверсаціи, условлено? — Точныхъ отвѣтовъ на это онъ ни отъ кого, разумѣется, не добился, а только больше и больше сердилъ безъ того недовольную государыню... Такъ прошелъ годъ и два, и цѣлыхъ пять... Со смерти императрицы, всѣ снова забыли о принцѣ... И живетъ онъ, двадцать второй годъ живетъ въ застѣнкѣ, подъ замкомъ... И не видитъ, не слышитъ никого, кромѣ своей стражи. И врядъ ли знаетъ онъ, живы ли его родители, что дѣлается на божьемъ свѣтѣ и гдѣ, на какомъ концѣ его былого царства, находится его тюрьма... Что и говорить! царствовать онъ уже не можетъ: куда о томъ и думать!.. Да хоть бы на волю его, дать увидѣть свѣтъ, умягчить сердце бѣднаго, умъ... Ахъ, если-бъ тебѣ удалось... побы-

Digitized by Google

вать тамъ и узнать!.. только узнать... Да неужели-жъ не явится божьяго, сильнаго чуда, чтобъ избавить ни въ чемъ неповиннаго этого мученика?..

Ломоносовъ смолкъ. Въ темномъ углу, за шкафомъ, послышался подавленный вздохъ. Кто-то незримый тамъ тихо дышалъ и будто плакалъ. — «Неужели?» — суевѣрно, съ шевельнувшимися на головѣ волосами, подумалъ Мировичъ: «неужели духъ принца слетѣлъ и слушаетъ насъ?» — Ломоносовъ всталъ. За шкафомъ была его Леночка. Онъ притянулъ ее къ себѣ, осыпалъ поцѣлуями.

— Да за что же, за что?—повторяла, дрожа и ломая руки, потрясенная разсказомъ отца, дѣвочка: — ахъ, скверные люди!.. Какіе они злые!.. Иди, папа, къ царю—проси за бѣднаго...

— Слышишь, Василій Яковличъ?—произнесъ, прижимая дочь къ груди, Ломоносовъ:—слышишь?.. Дѣти вопіютъ!.. А они вѣдь увидятъ царствіе небесное!..

— Я поѣду въ Шлиссельбургъ, къ приставу Чурмантѣеву!— сказалъ, отирая пылавшее лицо, Мировичъ:—что бы ни случилось, а я проникну туда; авось что-нибудь провѣдаю и о бѣдномъ, забытомъ всѣми затворникѣ... Генераловъ вонъ, даже фельдмаршаловъ туда не пускаютъ... ну, да посмотримъ — была не была...

— Эхъ-ма, старъ становлюсь! а то-бы и я съ тобою покатилъ, — произнесъ Ломоносовъ: — погоди, не отыщу ли какой-нибудь, подходящей тебѣ въ ономъ любовномъ дѣлѣ, протекціи...

Ломоносовъ не могъ оказать пособія Мировичу. Выручилъ послѣдняго знакомецъ Григорія Орлова, князь Чурмантѣевъ, къ которому тотъ съ товарищами собирался, въ памятную кутежную ночь, доигрывать въ карты. Этотъ Чурмантѣевъ былъ отцомъ пристава шлиссельбургской тюрьмы. Мировичъ добылъ отъ него, черезъ Орлова, письмо къ его сыну Юрію Андреичу, справилъ себѣ на выигранныя деньги полное обмундированіе, по новому прусскому образцу, нанялъ чухонскую тройку и поѣхалъ въ Шлиссельбургъ. Пріятель Ушаковъ оказалъ ему при этомъ случаѣ другую услугу, досталъ ему рекомендацію къ коменданту Бередникову, съ племянникомъ котораго оба они служили въ послѣднюю прусскую войну.

Шестьдесятъ верстъ, берегомъ Невы, а потомъ лѣсными, глухими проселками, мелькнули незамѣтно. Нѣкоторыя свѣдѣнія,

Digitized by Google

переданныя каммерлакеемъ Касаткинымъ, сильно смутили Мировича. Тотъ, между прочимъ, сказалъ: «какъ было не уйти барышнѣ? За нею здѣсь такъ гонялись, что другая, не токма въ Шлюшинъ, на край свѣта бы ушла...»

— Боюсь я за тебя, боюсь,—толковала, провожая съ Ушаковымъ Мировича, все узнавшая отъ него Филатовна.

— Но, чего вы, смѣшно право, боитесь?

— Да вѣдь я-жъ видѣла, Василій, сказываю тебѣ, какъ полосовалъ катъ на сытномъ рынкѣ, — за эвтаго за самаго, за Иванушку,—первую статсъ-даму, Наталью Лопухину, а съ нею писаную красавицу Анну Бестужеву... Ой, смертный страхъ и вспомнить!.. Билъ тройчаткой въ клочья тѣло, разсѣкалъ въ кровь спины, тянулъ клещёй изо ртовъ, при всемъ народѣ, языки... Куда ѣдешь? опомнись...

— Богъ съ вами, что вы, не бойтесь; не тѣ нынче времена, — сказалъ Филатовнѣ Ушаковъ: — вернется съ несомнѣннымъ успѣхомъ, свадебку сыграемъ...

— Тебѣ все свадьбы, шилохвостъ, блюдолизъ! — огрызнулась Бавыкина.

Была суббота въ концѣ четвертой недѣли великаго поста.

Благовѣщенье въ томъ году приходилось въ началѣ шестой недѣли. Пасха начиналась седьмого апрѣля.

Мировичъ все это хорошо помнилъ, такъ какъ отлучка изъ Петербурга ему была разрѣшена только до Пасхи, на первый день которой императоръ собирался перейти въ новый, оконченный постройкой зимній дворецъ, и всѣмъ находившимся въ столицѣ офицерамъ былъ объявленъ приказъ: явиться въ тотъ день ко дворцу, на вахтпарадъ.

Отпустивъ чухонца, Мировичъ переночевалъ въ Шлиссельбургѣ, на постояломъ, побродилъ по городу и по берегу Ладожскаго озера, а когда стало смеркаться и въ крѣпостной церкви зазвонили къ вечернѣ, онъ прошелъ по-льду къ крѣпости. Здѣсь у воротъ Мировичъ объявилъ, что привезъ письмо коменданту и приставу Чурмантѣеву. Его впустили въ крѣпость. Онъ взглянулъ на церковь. «Спрошу кого-нибудь изъ богомольцевъ, какъ лучше пройти къ князю?» — подумалъ онъ, всходя на паперть. — Въ мягкомъ мглистомъ воздухѣ еще морозило; но уже слышалась близость недалекой весны и тепла.

Digitized by Google

VII.

Въ Шлиссельбургѣ.

Вечерня кончилась. Богомольцы стали выходить изъ церкви,— горожане къ воротамъ, гарнизонные обыватели — по разнымъ угламъ крѣпости. Мировичъ обратился къ священнику.

— Письмо къ Юрію Андреичу?—ласково спросилъ его плотный, рябой и бѣлолицый, съ темно-русой бородой, отецъ Исай:— отъ родителя, сударикъ, изволили доставить?

— Точно такъ-съ; коммиссія отъ его отца — лично отдать.

Священникъ пожевалъ губами, погладилъ пушистую бороду. Онъ былъ большой добрякъ, но лѣнтяй невообразимый; день-деньской лежалъ у себя на диванчикѣ, даже иной разъ, лежа, и пищу принималъ отъ столько же лѣнивой, добросердечной и располнѣвшей дочери. А когда жилъ онъ въ селѣ, до перевода въ крѣпость, то ни плетня, ни канавъ не было у его двора, сарай много лѣтъ стоялъ безъ крыши, и лошадёнки съ коровой пребывали на привязи на открытомъ воздухѣ, либо мыкались по сосѣднимъ дворамъ. Его и самого звали тамъ «попъ-мытарь».

— Видите ли, какъ бы вамъ, то-есть,— въ раздумьѣ произнесъ отецъ Исай, косясь въ глубь двора: — князь нашъ боленъ теперь, да и живетъ онъ не здѣсь, не съ нами со всѣми, а въ отдаленномъ домѣ, за тою — вонъ видите — особою стѣнкой, за мостомъ... Эвось, макушечка-то... темной крыши макушечка... видно вамъ?

Отецъ Исай придержалъ рясу на правой рукѣ, кашлянулъ и указалъ на башенку высокой стѣны, замыкавшей особо-огражденное мѣсто въ лѣвомъ углу крѣпостного двора.

— Какъ же быть?—произнесъ Мировичъ.

— Да вамъ очень, тово... нужно? — спросилъ, поглядывая мягкими, сонными глазами въ лицо Мировича, священникъ.

— Еще бы... затѣмъ и ѣхалъ!.. издалека-съ!.. дѣло не терпящее... и съ племянникомъ коменданта въ походѣ былъ... нельзя ли, батюшка, какъ-нибудь?

— Вотъ-вотъ... а вѣдь и не удастся, не удастся, пожалуй!— сказалъ, опять задвигавъ губами, отецъ Исай: — и ворота скоро запрутъ... и все!.. оно, если хотите, вольготнѣе у насъ нынче стало... вотъ и я въ крѣпости теперь, а не въ городѣ живу... только все еще, ой, какъ строго!.. Изъ Питера прибыли?

— Изъ Питера...

Digitized by Google

— И будете недовольны! а-а? столько ѣхали!.. Развѣ вотъ что-съ; заверните-ка сюда... Это вотъ, за комендантскими, мои келейки. Обождите; попробую, снесусь цидулочкой съ княземъ. У насъ съ нимъ частыя передачи. Его гувернёрка и моихъ подросточковъ въ бурсу теперича готовитъ; сойдутся, — чистый пинцыонъ... Третій мѣсяцъ ужъ этакъ-то живемъ; прежде не то было. Отслужилъ службу, да и за ворота въ Шлюшинъ... а теперь слободнѣе, при государѣ-то Петрѣ Ѳедоровичѣ... пожалуйте-съ.

Священникъ провелъ Мировича къ себѣ, усадилъ его, а самъ вышелъ отправить обѣщанную цидулку къ Чурмантѣеву.

— За письмомъ отъ князя пришли-съ, — погодя, сказалъ онъ Мировичу.

Онъ отворилъ дверь въ боковую, внутреннюю горницу. Мировичъ вошелъ туда. Тамъ, лицомъ къ окну, залитому блескомъ заходящей зари, стоялъ княжескій посолъ. Мировичъ вздрогнулъ, попятился: передъ нимъ была Поликсена.

Отецъ Исай увидѣлъ, какъ офицеръ и дѣвушка смѣшались, какъ въ лицахъ ихъ изобразилось недоумѣніе и радость, и какъ первый — горячо, вторая — растерянно, протянули другъ другу руки и нѣсколько мгновеній молчали, глядя другъ на друга.

«Вотъ оно что! влюбленныя, сирѣчь, пташки! тайная встрѣча!» подумалъ священникъ, отступивъ за порогъ и притворяя за собою дверь: «чего не бываетъ! и въ нашей трущобѣ свѣтъ жизни взойдетъ... Ревекку открывый, Исааку уневѣстивый... Исаія, ликуй!»

— Какими судьбами? вотъ неожиданно! — вся вспыхнувъ и чрезъ мгновеніе поблѣднѣвъ, произнесла Пчелкина, въ загорѣломъ, сдержанномъ и мужественно-погрубѣвшемъ воинѣ узнавая черты когда-то застѣнчиваго, робкаго и до глупости влюбленнаго въ нее кадета: — откуда Богъ принесъ?

— Изъ арміи, васъ видѣть жаждалъ! — отвѣтилъ Мировичъ: — все бросилъ, службу...

— Узнали?

— Васъ-то?

Мировичъ не сводилъ тихо-радостныхъ, сыпавшихъ искры глазъ съ Поликсены. Она, опустивъ руки и, по привычкѣ, слегка склонивъ голову, въ полъ-оборота, съ улыбкой, какъ-бы что-то обдумывая, глядѣла на него.

— Нѣтъ больше вашей пастушки, — сказала она, шутливо хмуря брови: — не та, не та... не правда ли? Унесло время... Зачѣмъ пріѣхали?

— Все въ васъ то же, полноте! не измѣнились вы! — отвѣ-

Digitized by Google

тилъ Мировичъ:—я только не выполнилъ завѣта... Не сталъ ни знатнѣй, ни богаче. Только васъ за то, видите, не забылъ... чуть вырвался, пріѣхалъ. Отчего вы не писали? отчего вдругъ замолкли? Или еще больше помучить хотѣли?

Поликсена усадила гостя рядомъ съ собой, еще разъ взглянула на него, ласково улыбнулась. Онъ сообщилъ ей о письмахъ къ Чурмантѣёву и къ коменданту Бередникову.

— Вотъ какъ устроилъ,—заключилъ онъ.

— Ну, можно ли,—сказала она:—какое дѣтство! изъ-за меня ѣхать, бросать дѣло. Стоило ли того! А сколько событій съ нашей разлуки, сколько перемѣнъ!

— Вы такъ исчезли, скрылись,—продолжалъ Мировичъ:—что и слѣдъ вашъ замело. Вѣрите ли, ужъ отчаявался, насилу васъ отыскалъ.

— А что здѣсь дѣлается, что здѣсь! — сказала Поликсена, указывая въ окно на мрачныя, внизу стемнѣвшія, вверху кое-гдѣ еще освѣщенныя зарей стѣны крѣпости: — слышали?.. И какъ васъ пропустили, какъ вы рѣшились явиться сюда?

— Еслибъ вы были на днѣ моря, въ могилѣ, я бросился бы къ вамъ... Скажите, я кое-что слышалъ... кто васъ преслѣдовалъ? Назовите его... Отъ кого вы скрылись?

— Здѣсь могила,—отвѣтила Пчелкина:—и знаете ли, слышали, кто здѣсь заключенъ?

— Знаю.

— На вѣки, вѣдь, съ дѣтства!—продолжала Поликсена:—ребенкомъ запертъ въ четыре стѣны,—безъ воздуха, свѣта, безъ живого людского слова... а онъ теперь ужъ не дитя, человѣкъ!

— Да,—произнесъ Мировичъ:—слышалъ я, не вѣрилось; не приведи Господь никому другому.

Внезапная мысль мелькнула въ головѣ Поликсены. «Отважень, смѣлъ», подумала она: «попытаться?..»

— Вы хотѣли видѣть Юрія Андреича? — спросила она:—зачѣмъ?..

— Никого! васъ однѣхъ хотѣлъ я видѣть, васъ!—прошепталъ Мировичъ:—князь только предлогъ...

— И съ племянникомъ коменданта были въ походѣ?

— При мнѣ онъ былъ раненъ, подъ Берлиномъ, въ отрядѣ Хорвата, при бомбардировкѣ Галльскихъ воротъ. Я съ товарищемъ Ушаковымъ былъ и на его похоронахъ.

— Давайте, давайте скорѣе письма!—сказала, заторопившись, Поликсена:—приходите завтра. Сегодня ужъ поздно. Князь бо-

Digitized by Google

ленъ; но съ оглядкой, помните, къ намъ надо идти... Будьте осторожнѣй... Есть на то особая причина.

— Какая?

— Юрій Андреичъ заболѣлъ, — отвѣтила Пчелкина, помедливъ: — недѣли двѣ назадъ, онъ сильно потревожился, испугался, какъ загорѣлось ночью въ казармѣ той персоны. Труба, что ли, въ печкѣ лопнула, затлѣлась перегородка, а тамъ и дверь.

— Что-жъ, спасли узника?

— Спасли, но князь свихнулъ себѣ ногу, какъ выбѣжалъ на морозную лѣстницу ночью, съ просонковъ. Всѣ, въ этомъ переполохѣ, потеряли головы. Казематъ починяютъ теперь, передѣлываютъ.

— А куда же дѣли, на время перестройки, принца?

Пчелкина опять помолчала, прислушалась.

— Пока стали передѣлывать печь и чинить дверь, князь, видите ли, — открою вамъ по секрету, — перевелъ принца въ свое помѣщеніе.

— Какъ? онъ и теперь у Чурмантѣева?

— Ну, да... у него... Никому князь не довѣряетъ... Только, ради Бога, молчите про это. Никому не скажете? даете слово?

— И вы видѣли принца? видѣли? — спросилъ, задыхаясь, Мировичъ.

«Какъ ему отвѣтить? что́ сказать?» подумала Пчелкина.

— Да... то-есть, нѣтъ, — отвѣтила она: — разумѣется, не видѣла... видѣть нельзя... Но если бы и случилось, вамъ что́ изъ того?

— Какъ? принца Іоанна? при такихъ строгостяхъ?

— Да, было бы чудо, не правда ли? — произнесла Пчелкина: — комендантъ, всѣмъ извѣстно, строгій-престрогій, одна форма, машина, и не допустилъ бы принца перейти къ князю. Только самъ онъ, понимаете ли, виненъ онъ въ этой печи; ну, и боится, что чуть не удушили принца... Не заслышь караульный дыма изъ сѣней, — все бы пропало... Теперь же молчитъ главный начальникъ, молчатъ и остальные.

— Чѣмъ же тутъ виноватъ Бередниковъ?

— Князь и его помощники неоднова репортовали коменданту, что нужны починки въ томъ помѣщеніи, пророчили бѣду... По статуту, князь тоже долженъ былъ донести въ Питеръ, что комендантъ его не слушаетъ; и его, стало, есть доля отвѣта въ этомъ.

— Гдѣ-жъ помѣщается у князя принцъ?

— Нашего дома отсюда не видно, — отвѣтила Поликсена: — онъ въ два этажа, въ томъ вонъ дворѣ, за стѣной. Вверху мы

Digitized by Google

помѣщаемся, внизу—караульные. У насъ семь комнатъ. Принцъ... ахъ, нѣтъ... даете ли слово молчать?

— Клянусь...

— Принцъ запертъ въ дальней, подъ замкомъ; тамъ и окно съ рѣшеткой. Одинъ ходъ отъ арестанта къ намъ, другой наружу, къ кухнѣ, гдѣ часовой. Съ той стороны комнату ему чистятъ; отъ насъ носятъ пищу. И ключи отъ дверей у князя.

— Кто-жъ носитъ пищу принцу?

— Самъ князь,—отвѣтила, подумавъ, Поликсена.

— Но онъ боленъ, вы говорите; какъ же можетъ прислуживать?

Глаза Пчелкиной сверкнули досадой.

— Самъ говорю, черезъ силу подаетъ, кому-жъ больше?—отвѣтила она недовольно: — хоть трудно, однако другихъ не пускаетъ.

— А помощники князя? ихъ, слышно, двое...

— Да... но принцъ давно не выноситъ ихъ присутствія. Больно ужъ они его обижали, при прежнихъ старшихъ приставахъ. Знаете, какія строгости предписаны? Буде кто отважился бы освобождать арестанта, живого въ руки не велѣно его отдавать... А за непорядки и противности приставу, дозволено сажать его на цѣпь, пока не усмирится, а то бить палкою и плетью.

— Страшно!—сказалъ Мировичъ.

— Уходите, Василій Яковличъ, до завтра. Но, ради всего святого, о слышанномъ отъ меня ни слова. Еще наговоримся... И, можетъ быть, вы... или кто другой... мало ли... впрочемъ, это послѣ... Да вотъ еще,—не забудьте попросить князя и Бередникова о разрѣшеніи намъ и впредь видѣться... До свиданія.

Мировичъ припалъ къ протянутой ему рукѣ.

«Ну, цѣлуются!» подумалъ подошедшій въ то время къ двери отецъ Исай: «дѣло идетъ на ладъ... На Ѳоминой, пожалуй, и свадьбу сыграемъ... Вотъ они, новыя-то времена!.. Уневѣстивый Исааку, открывый Ревекку...»

На утро Мировичъ явился къ князю Чурмантѣеву. Онъ не показалъ и вида, что знаетъ, какая особа теперь гостила у него. Подготовленный Пчелкиной, больной,—хотя и былъ въ постели,—принялъ Мировича отмѣнно-ласково. Онъ сказалъ, что ушибъ ногу на ледяной горкѣ, устроенной о масляной для его дѣвочекъ, благодарилъ Мировича за вѣсти объ отцѣ и долго его разспрашивалъ о племянникѣ коменданта.

Digitized by Google

— Радъ будетъ старикъ услышать отъ васъ... А пока вотъ наша общая опекунша и утѣшительница,—сказалъ Чурмантѣевъ, обратясь къ Пчелкиной:—и сиротъ, моихъ дѣвочекъ, досматриваетъ, и меня больного. Только не долго теперь, видно, быть ей съ нами! Улетитъ сѣра утушка за сизымъ селезнемъ,—прибавилъ князь, подмигивая гостю.

Поликсена его не слушала. Мысли ея были далеко.

«И здѣсь, чародѣйка, всѣхъ плѣнила и обворожила!» тревожно подумалъ Мировичъ. Онъ всталъ и обратился къ приставу съ просьбой о дозволеніи продолжать ему визиты. Чурмантѣевъ потеръ переносицу.

— А комендантъ?—сказалъ онъ въ раздумьѣ:—развѣ вотъ что, сударь,—не играете ли вы въ шахматы? Нашъ старикъ великій охотникъ.

— Игрывалъ, да ужъ давно,—отвѣтилъ Мировичъ:—развѣ для развлеченія.

— И отлично, снесемся,—рѣшилъ приставъ:—зайдите къ нашему шефу, окажите решпектъ. Не снимутъ, чай, головы за то, что женихъ... извините, что такъ говорю... ну, влюбленный Адонисъ станетъ къ своей Филомелѣ хаживать, хоть бы и въ такой, прости Господи, гробовой трущобѣ, какъ наша... Не тѣ времена... У меня не дозволитъ видѣться, у него самого просите встрѣчаться...

Въ качествѣ искателя руки Поликсены, хотя и не помолвленнаго съ ней, Мировичу были разрѣшены посѣщенія крѣпости. Комендантъ принялъ его холоднѣе и суше, чѣмъ Чурмантѣевъ. Но, когда въ слѣдующій вечеръ Мировичъ проигралъ ему нѣсколько новенькихъ рублей, съ портретомъ Петра-Третьяго, дѣло и тутъ устроилось.

— Юрій Андреичъ проситъ за васъ,—сказалъ съ важностью Бередниковъ:—любовные, сударь, резоны извинительны. А проситъ, то пусть за васъ и отвѣчаетъ. Не крадете, впрочемъ, невѣсту,—сама идетъ за васъ... Приходя къ князю, не забывайте и насъ.

— А что, сударынька, теперь, небось, и веселѣе стали?—спросилъ Чурмантѣевъ Поликсену:—эхъ-эхъ, опоздалъ я... Дай вамъ Богъ, дай... Я же, паче всего, теперь надѣюсь на вашу скромность... съ молодымъ человѣкомъ о чувствахъ можете, а о прочемъ-съ ни гу-гу. Понимаете?

Пчелкина всѣми святыми клялась не выдавать тайны. Она, между тѣмъ, была далеко не по себѣ: провела безъ сна нѣсколько ночей, плакала и томилась, не помня себя.

Digitized by Google

Гарнизонъ къ Мировичу вскорѣ приглядѣлся. Часовые у воротъ крѣпости и у входа въ особый дворъ, гдѣ помѣщался главный приставъ, пропускали его безпрепятственно. Василій Яковличъ заходилъ къ коменданту, бесѣдовалъ съ нимъ, игралъ въ шахматы, потомъ къ Чурмантѣеву, и оставался у послѣдняго нерѣдко до поздняго вечера. Въ разговорахъ съ Поликсеной и съ княземъ, онъ съ невольнымъ трепетомъ приглядывался къ стѣнамъ, прислушивался къ мирной домашней хлопотнѣ, не мелькнетъ ли хоть нѣкое нѣяніе того, кто, какъ онъ зналъ, былъ гдѣ-то въ одной изъ этихъ самыхъ комнатъ, подъ одною съ нимъ кровлей, дышалъ однимъ съ нимъ воздухомъ.

Ничего не примѣчалось. Стѣны были нѣмы, либо оглашались смѣхомъ и бѣганьемъ дѣвочекъ Чурмантѣева, комнаты которыхъ были, какъ угадывалъ Мировичъ, смежны съ временной тюрьмой узника. Онъ даже разглядѣлъ въ глубинѣ дѣтскихъ покоевъ перегородку, съ наглухо запертой дверью. За нею, очевидно, и былъ ходъ въ арестанту.

Поликсена, въ хорошую погоду, брала своихъ питомицъ и, въ сопровожденіи Мировича, выходила съ ними въ церковный садъ, либо за стѣны крѣпости. Дѣвочки рѣзвились, играли. Мировичъ велъ нескончаемыя рѣчи о прошломъ, о корпусѣ, о походѣ, строилъ планы о будущемъ, перебиралъ въ умѣ, какъ и когда ему приступить къ концу, просить о помолвкѣ и о назначеніи срока свадьбы. Поликсена слушала его съ раздраженіемъ, съ тайной болью въ сердцѣ. Ей было и жаль его, и досадно, жутко думать, что не тѣмъ были заняты ея мысли. «А тотъ бѣднякъ, тотъ застѣнщикъ, сидитъ и никто о немъ не помышляетъ!» говорила она себѣ, разсѣянно внимая рѣчамъ Мировича.

Было рѣшено: едва Чурмантѣевъ переведетъ въ прежнее помѣщеніе ввѣреннаго ему затворника и оправится въ своемъ здоровьѣ, Поликсена уѣдетъ въ Петербургъ, остановится у Птицыныхъ и оттуда на свое мѣсто, къ дѣтямъ Чурмантѣева, вышлетъ другую няню.

— А тогда и свадьба, не правда-ли?—спрашивалъ, вглядываясь въ нее, Мировичъ.

— Не уйдетъ отъ насъ,—отвѣчала она:— больше ждали, еще подождемъ... Не въ томъ дѣло. Ахъ, поймите-же, не въ томъ...

— Да въ чемъ же?—спрашивалъ Мировичъ.

— Испытать васъ хочу, что вы за человѣкъ...

— Пытайте, налагайте искусъ, да тяжелѣе, поскорѣй.

Digitized by Google

— Нѣтъ, о, нѣтъ! въ другой разъ... время идетъ, будьте готовы...

— Когда же?

— Увидите; будьте только готовы...

«Что у ней на умѣ?» — терялся въ догадкахъ Мировичъ.

Чурмантѣевъ обратился къ Пчелкиной съ просьбой.

— Вы отходите отъ насъ,— сказалъ онъ ей наединѣ:— что дѣлать. Судьбы законъ! помоги вамъ Богъ. Но, пока вы здѣсь, мнѣ хотѣлось бы, чтобъ мои дѣвочки при васъ отговѣли, а чтобъ ихъ шалости и бѣготня въ конецъ не досаждали принцу, начните, Поликсена Ивановна, хоть нынѣче.

Пчелкина стала водить своихъ воспитанницъ утромъ и вечеромъ въ церковь.

Мировичъ, въ ея отсутствіе, не удалялся отъ ширмы, за которою лежалъ въ постели больной Чурмантѣевъ. Онъ разсказывалъ князю о видѣнномъ и слышанномъ въ чужихъ краяхъ, перевязывалъ ему больную ногу, подавалъ лекарства, а когда Чурмантѣевъ въ томившей его лихорадкѣ страдалъ безсонницей, читалъ ему любимую книгу покойной жены князя, купленный ею гамбургскій переводъ на нѣмецкій языкъ «Робинзона Крузе».

Разъ,—то было на второй недѣлѣ пребыванія Мировича въ Шлиссельбургѣ,—пришелъ онъ, по просьбѣ Чурмантѣева, передъ вечеромъ изъ города въ крѣпость. Пчелкина напоила больного и гостя обитемъ, взяла изъ-подъ подушки князя связку ключей, куда-то отнесла закрытый, съ закуской, подносъ, щелкнула въ дальней комнатѣ ключомъ, помедлила, снова возвратилась и, положивъ ключи обратно подъ подушку князя, ушла съ дѣвочками въ церковь. Тамъ, послѣ всенощной, онѣ и ихъ старуха-нянька должны были въ тотъ вечеръ исповѣдываться. Чурмантѣевъ остался съ гостемъ, къ которому за это время онъ невольно привязался.

Мировичъ раскрылъ «Робинзона», прочелъ съ десятокъ-другой страницъ и, когда дошелъ до того мѣста, гдѣ Робинзонъ отъ людоѣдовъ спасаетъ отца Пятницы,—изъ-за ширмы больного раздался тихій, а потомъ болѣе и болѣе явственный храпъ. Мучимый долгою безсонницей, Чурмантѣевъ на этотъ разъ крѣпко и сладко заснулъ. «Ну, пусть себѣ спитъ!» рѣшилъ, понижая голосъ, Мировичъ. Онъ закрылъ книгу, свѣчку перенесъ на другой бокъ ширмы, самъ плотнѣе пригнѣздился въ креслѣ, задумался и тоже сталъ дремать. «Кризъ болѣзни», мыслилъ онъ: «скоро встанетъ... Но какой искусъ на меня хочетъ наложить

Digitized by Google

Поликсена? Куда ея мысли глядятъ? Себя не пожалѣю, а ужъ все, что скажетъ, сдѣлаю»...

Долго-ли, нѣтъ-ли, сидѣлъ такъ, разсуждалъ и дремалъ Мировичъ, онъ этого не помнилъ. Но вдругъ онъ очнулся и сталъ прислушиваться.

Ему гдѣ-то, въ дальнихъ комнатахъ, явственно послышался скрипъ перегородки или двери и легкій шорохъ шаговъ. Точно какъ-бы кто двинулъ мебелью, пошелъ и остановился. Сперва онъ подумалъ, что ему такъ померещилось, а потомъ, что звуки тѣ или снаружи, съ крыльца, — изъ нижняго яруса дома... Шорохъ шаговъ затихъ, но опять возобновился. — «Няня, видно»,—подумалъ Мировичъ:—«прошла мимо меня, постлала дѣтямъ постели и теперь идетъ во-свояси... Такъ нѣтъ, и она отправилась ко всенощной»...

Дверь изъ ближайшей комнаты медленно, беззвучно полуоткрылась. На ея порогѣ обозначилась фигура человѣка. Мировичъ прикрылъ глаза ладонью, взглянулъ отъ ширмы на эту фигуру и остолбенѣлъ. Волосы невольно шевельнулись на его головѣ...

Въ дверяхъ, со свѣчей въ исхудалой блѣдной рукѣ, стоялъ сухощавый, футовъ шести ростомъ, съ длиннымъ прямымъ носомъ и выдающейся, большой нижней челюстью, молодой человѣкъ. У него были большіе свѣтло-голубые глаза, каштановая, чуть пробивавшаяся клиномъ бородка и длинные, какъ у монаха, до плечъ спадавшіе, бѣлокурые пушистые волосы. На немъ были — старая, заношенная, на распашку, матросская куртка, грубая, бѣлая посконная рубаха, синіе, холщевые, полосатые шаровары, и на босу ноги башмаки. Поразительно бѣлый и нѣжный цвѣтъ его лица показывалъ, что солнце никогда не роняетъ на него своихъ лучей. Видъ его былъ, какъ у нѣкоторыхъ схимниковъ-постниковъ, важно величавый и вмѣстѣ кроткій. Блуждающій, робкій и пытливый, какъ у дикаря, взглядъ былъ напряженно устремленъ впередъ. Полуоткрытыя, дѣтски-недоумѣвающія, блѣдныя губы что-то шептали. Завидя незнакомаго офицера, онъ нѣсколько мгновеній помедлилъ, отступилъ обратно въ сосѣднюю комнату и продолжалъ оттуда пристально, несмѣло смотрѣть.

«Неужели? — молніей пробѣжало въ головѣ Мировича: — неужели это *онъ*, царственный узникъ,—*онъ*—двадцать лѣтъ томящійся въ тюрьмѣ, подъ замкомъ? И какъ онъ вышелъ? непостижимо! отомкнулъ, взломалъ задвижку? Перелѣзъ черезъ перегородку? или Поликсена, въ-торопяхъ, забыла запереть дверь?»

Digitized by Google

— Подойдите!—раздался тихій, странно-звенящій, раздиравшій душу, шопотъ: — о, умоляю! господинъ офицеръ, сюда...

Мировичъ подумалъ: «Поликсена!.. ей бѣдной придется отвѣтить за все!» — взглянулъ на спящаго Чурмантѣева, быстро всталъ и, не помня себя отъ смущенія и страха, на цыпочкахъ шагнулъ въ раскрытую дверь.

— Я духъ! безплотный!—шепталъ, озираясь, узникъ:—святой Григорій, не бойтесь...

Сказалъ и замолчалъ, вглядываясь въ Мировича.

— Я душа принца Іоанна,—продолжалъ онъ: — меня въ заперти... о! спасите! гдѣ та ласковая?...

— Кто, ваше... величество?—не спуская съ него глазъ, проговорилъ Мировичъ.

— Та... женщина... тоненькая,—не знаю, какъ звать... святая Евфразія...

«Бредитъ... или сошелъ съ ума!» — пробѣжало въ мысляхъ Мировича:—«и какъ заикается,—едва его разберешь,—родная, знать, черта въ его фамиліи»...

— Какая Евфразія?—спросилъ, не двигаясь съ мѣста, Мировичъ.

— Да дѣвушка та... золотые волосы... пахнутъ ладономъ, что ли... няня при дѣтяхъ этого!.. позови ее, батюшка-офицеръ...

Мировичъ молча глядѣлъ на колодника.

— Какого вы чина, извините, несвѣдомъ,—продолжалъ, жалко торопясь и заикаясь, узникъ:—сна нѣтъ, всѣ такіе сны... все ей, все, когда вырвусь отсель...

«Что слышу? влюбился въ Поликсену!»—замирая отъ новаго страха, подумалъ Мировичъ:—«такъ вотъ что... она проникала къ нему и скрыла отъ меня»...

— Ея нѣтъ... что вамъ угодно?

— Она новую книжку обѣщала, книжечку... листки...

— Какую?

Принцъ медлилъ отвѣтомъ. Недовѣріе, боязнь изобразились въ его лицѣ.

— Не бойтесь,—продолжалъ Мировичъ: — какія книги она вамъ приносила? Можетъ и я достану... ей передамъ...

— Лѣтописецъ краткій... родословіе царей... опять же...

Арестантъ остановился опять, боязливо поглядывая на незнакомца.

«Неужели книги Ломоносова? — подумалъ Мировичъ:—вотъ судьба—ожидалъ ли того Михайло Васильичъ?»

Digitized by Google

— Про царей такъ, — продолжалъ узникъ: — про Петра и его брата, моего прадѣда, царя Ивана...

Волненіе болѣе и болѣе охватывало Мировича.

— Я вамъ все, какія угодно, — сказалъ онъ.

— Въ Мартаритѣ Златоустаго сказано, какъ погубили крестителя Іоанна... Я вѣдь, сударь, тоже Іоаннъ и меня Иродіада съ Фридрихомъ со свѣта гонитъ...

— Какая Иродіада?

— Читали вы про злющую? читали? — спросилъ, съ силой ухватя за руку Мировича, узникъ: — о! паки Иродіада бѣсится и пляшетъ, требуетъ главы!

Арестантъ замолчалъ. Глаза его сверкали бѣшенствомъ, ужасомъ и отчаяніемъ. Губы судорожно вздрагивали.

— Скажите, — вдругъ произнесъ онъ, улыбнувшись: вѣрно рыжей-то нѣтъ ужъ на свѣтѣ?

— Кого?

— Да Петровны, сударь... царицы Лизаветы! — продолжалъ онъ: — не единъ убо звѣрь подобенъ женѣ злѣй... Змѣи и аспиды въ пустынѣ убоящася; Иродіада же на обѣдѣ его усѣчѣ...

Далѣе трудно было разобрать арестанта. Глаза его были широко раскрыты, губы, покрытыя пѣной, шептали безсвязныя слова.

— Государыня скончалась,— отвѣтилъ Мировичъ: — и притомъ, сударь, это была великаго сердца монархиня.

— Такъ померла? Иродіады нѣтъ болѣ на свѣтѣ?— чуть не выронивъ свѣчи, вскрикнулъ арестантъ.

Грудь его тяжело, порывисто дышала. Онъ не спускалъ глазъ съ Мировича.

— Кто-жъ нонѣ въ моемъ дворцѣ? — спросилъ Иванушка.

— Новый государь.

— Кто?

— Петръ Ѳедорычъ.

— Такъ.... Вольнѣй быдто стало. Добрый онъ? Будетъ прибавка провизіи? или останется двѣ полтины на обѣдъ и на все?

— Нѣтъ сомнѣнія, о васъ вспомнятъ, — сказалъ Мировичъ.

— Мучители, подло, — продолжалъ затворникъ: — нѣтъ сердца у жёнъ... Никого же, безстудная, щадитъ, ни левиты стыдится... ни священника чтитъ....

— Откройте,— прибавилъ онъ, помолчавъ и съ трудомъ подыскивая слова: — какой онъ изъ себя, этотъ новый царь?

Мировичъ вынулъ изъ кармана и подалъ принцу новый

Digitized by Google

рублёвикъ, съ портретомъ Петра Ѳедорыча. Тотъ жадно схватилъ его, поднесъ къ свѣчѣ, и долго, пристально на него смотрѣлъ.

— Силы, силы Давида! — шепталъ Иванушка, путаясь въ словахъ и задыхаясь:—слышите убо людіе, внемлѣ Господи... невиненъ погребёнъ...

Мировичъ опять не разобралъ нѣкоторыхъ словъ принца.

— Ваше благородіе, вы не здѣшній, помогите! — вдругъ обратился къ нему узникъ.

— Въ чемъ, государь?

— Уйти отсюда можно... по галереѣ, въ окно,—зашепталъ арестантъ:—пилку мнѣ, пилку; рѣшетка, катеръ на озерѣ... на берегу-съ лошадей... Лѣсомъ, горами!.. горы за озеромъ видны...

— Сударь! мнѣ васъ жаль, вотъ какъ жаль! — дрожащимъ слезами, проговорилъ Мировичъ: — но я присягалъ императору Петру Ѳедорычу... измѣнникомъ быть не желаю...

— Вы читаете, вѣрно умѣете и писать, — продолжалъ Мировичъ: — напишите вашему дядѣ-императору. Голову отсѣкутъ, а улъ я ему ваше письмо доставлю. И если когда-нибудь, — сорвалось вдругъ отъ сердца у Мировича: — если вы и послѣ того будете также несчастны и угнетаемы, дайте мнѣ знать... я явлюсь къ вамъ... положу за васъ жизнь...

Принцъ Іоаннъ, съ удивленіемъ и дѣтской радостью, глядя на Мировича, робко протянулъ ему руку, тронулъ его за плечо.

— Спасибо, — прошепталъ онъ:—они подло, а за васъ молиться буду...

— Чернилъ и пера не достанете, — продолжалъ Мировичъ, вынувъ записную книжку:—вотъ вамъ клочокъ бумаги и карандашъ... Выбросьте цидулку въ окно, въ форточку... Все откровенно изложите государю... Онъ добрый; лично не отзовется, вспомнитъ черезъ другихъ... Умѣете писать? два слова!..

Мировичъ не кончилъ. Сзади его послышался заглушенный возгласъ, торопливые шаги. Онъ оглянулся: то была Поликсена.

— Безумцы! что вы надѣлали? скорѣе, скорѣй — проговорила она, схвативъ за руку принца и увлекая его обратно въ его комнату:—спѣшите; дѣти раздѣваются, войдутъ сюда съ нянней, и мы пропали...

Черезъ мгновеніе дверь Іоанна Антоновича была опять замкнута на задвижку. Пчелкина бережно, мимо спящаго Чурмантѣева, вывела Мировича на крыльцо, возвратилась къ ширмѣ, вновь убѣдилась, что больной еще не просыпался, взяла у него изъ-подъ подушки ключи, заперла дверь къ принцу на замокъ,

Digitized by Google

уложила дѣтей спать, погасила свѣчу и, горько, нервически рыдая, упала лицомъ въ подушку.

Въ слѣдующее утро Мировичъ явился въ Чурмантѣеву пасмурный, терзаемый ревностью, сомнѣніями, догадками.—«Такъ вотъ въ чемъ дѣло!» разсуждалъ онъ: «но какая причина заставила ее утаить отъ меня правду? Что у нея на умѣ? Та же сатанинская гордость, безуміе? Или судьба несчастнаго такъ ее тронула, потрясла, что она сама невольно стала къ нему неравнодушна? Мудренаго нѣтъ,—столько было примѣровъ,—жёны, дочери тюремщиковъ влюблялись въ заключенныхъ... отдавались имъ, бѣжали, или гибли съ ними»....

— Такъ вы видѣлись съ узникомъ?—угрюмо спросилъ Мировичъ Поликсену.

— Видѣлась.... Ну, и что-жъ изъ того? Надо было помочь князю. Никому не обязана отчетомъ...

— Но зачѣмъ же вы скрыли отъ меня? Ужли не довѣряли?

— Ахъ, полноте.... какое дѣтство!... Дѣло ясно.... Неужто не догадались? Не моя вѣдь это тайна.... А досталась она вамъ, мимо меня, берегите ее свято.... Шутить съ огнемъ опасно. Знаете, чѣмъ грозитъ здѣшній статутъ? Вы же притомъ военный; съ васъ взыщется строже.

— Знаю, знаю,—я вы все-таки не довѣрили мнѣ! Это обидно... Чѣмъ я заслужилъ?... Я ли не вызывался выполнить всякій вашъ искусъ, наказъ?

Поликсена пересилила себя. Ласковой кошечкой приникла она къ Мировичу, взяла его за руку, взглянула ему въ глаза, съ довѣрчивой, дѣтской улыбкой.

— О! много еще испытаній впереди!—сказала она:—другъ мой.... вы не знаете меня! Жизнь передъ вами цѣлая,—мало ли.... все еще, всего можно ждать.... А онъ-то, онъ! въ томъ же заточеніи, въ той же могилѣ вѣдь останется.... и никто, никто не придетъ ему на помощь, не облегчитъ его судьбы.

Искреннія слезы хлынули и не дали кончить Поликсенѣ.... Она плакала, не отрывая головы отъ плеча Мировича и какъ-бы не чувствуя, какъ тотъ осыпалъ эту полную загадокъ, гордую и чуткую къ бѣдствіямъ ближняго, голову жаркими, давно сдержанными поцѣлуями.

Къ концу пятой недѣли поста, казематъ Іоанна Антоновича бытъ оправленъ. Нога Чурмантѣева также настолько поджила,

Digitized by Google

что онъ могъ подняться безъ костылей, и ночью, подъ своимъ надзоромъ, перевелъ арестанта Безымяннаго въ его прежнюю казарму, въ среднемъ этажѣ Свѣтличной башни.

Мировичъ торопилъ Поликсену къ отъѣзду, а самъ съ сердитой тревогой поглядывалъ на окна башни и все поджидалъ, не выкинетъ ли принцъ Іоаннъ въ форточку, или не перешлетъ ли ему какимъ-либо способомъ письма къ государю? Ему вспоминалось, какъ онъ когда-то спасъ утопавшую, слабую собачонку. «Спасу и его» — повторялъ онъ себѣ.

Прошло еще нѣсколько дней. Форточка въ казематѣ арестанта была на-глухо заперта и никто письма отъ него Мировичу не приносилъ. Попытался-было Василій Яковлевичъ спросить Поликсену, была ли она при переводѣ принца отъ Чурмантѣева и въ какомъ настроеніи оказался при этомъ узникъ, что́ говорилъ и на кого и на что́ надѣялся? Поликсена жаловалась, что арестанта перемѣстили въ ночное время и въ такомъ секретѣ, что она о томъ узнала лишь на другой день.

Отъѣздъ Пчелкиной въ Петербургъ былъ условленъ въ концѣ страстной недѣли. Въ исходѣ пятой, она пригласила Мировича на совѣщаніе къ священнику. Они остались вдвоемъ.

— Виновата я передъ вами, Василій Яковлевичъ,—сказала она, въ смущеніи опустивъ голову:—столько заставляла васъ тревожиться, ждать; объявляла, простите, — въ то время, — невозможныя, дѣтскія условія. Теперь я вижу все ясно.... Я васъ оцѣнила, я вѣрю вамъ...

Мировича подхватили эти слова, унесли на седьмое небо. Его бросало то въ холодъ, то въ жаръ. Онъ жадно слушалъ.

— Но я забыла, — продолжала, еще ниже склонясь лицомъ, Поликсена: — скажу вамъ откровенно.... я упустила изъ виду главное, именно свои собственныя къ вамъ обязанности. Еслибъ случилось.... ну, положимъ, еслибъ все было кончено.... скажите, что́ принесу я вамъ сама? Вѣдь я сирота,—чай, знаете, безъ роду, безъ племени.... Я бѣдна.... притомъ мои привычки, мой несдержанный, строптивый нравъ...

— Не думайте о томъ, скажите слово, будьте моею, и ничего намъ больше не надо....

— Нѣтъ, нѣтъ! не говорите такъ.... Я отъ васъ тогда въ шутку требовала; теперь, не шутя, требую того же отъ себя.... Жизнь—вѣдь это тернистый путь; я узнала.... Слушайте.

Она обернулась, подсѣла ближе къ Мировичу.

— Я выросла при дворѣ,—продолжала она:—столько лѣтъ служила покойной государынѣ. И мною были довольны. Не оста-

Digitized by Google

вять меня и теперь, авось, не причтетъ. Такъ вотъ что я придумала,—вотъ мое рѣшеніе.... Довѣряю вамъ эту мою тайну.

Она остановилась, подумала.

— Поѣзжайте въ Петербургъ немедленно, завтра, даже сегодня, и опустите въ ящикъ, что у дворца, вотъ это мое письмо.

Поликсена вынула изъ-подъ лифа запечатанный и обернутый въ бумагу пакетъ.

— На имя государя?— удивился, взглянувъ на надпись, Мировичъ.

— Да.... государь самъ отмыкаетъ тотъ ящикъ, и прочтетъ это письмо. Выполнитъ онъ мою просьбу, я ваша.... безъ того, простите, не могу... я прошу о пособіи...

Мировичъ сталъ отговаривать, доказывать, что ничего подобнаго не нужно. Поликсена стояла на своемъ.

— А если отвѣта не будетъ?—спросилъ онъ: — сколько-жъ опять ждать?

— Не отвѣтятъ къ Пасхѣ,—ну, въ такомъ разѣ, даю слово, поѣдемъ отсюда на Ѳоминой....

Мировичъ съѣздилъ въ Петербургъ и опустилъ врученное ему письмо въ ящикъ у дворца.

VIII.

Шлиссельбургское свиданье.

Было семнадцатое марта. Въ воздухѣ замѣтно тянуло тепломъ. Съ крышъ дружно капало. Снѣгъ на солнечныхъ пригрѣвахъ таялъ и исчезалъ. Ледъ вокругъ крѣпости посинѣлъ, взбухнулъ и, хрустя подъ ногами, пророчилъ близкое вскрытіе Невы. Изъ Шлиссельбурга утромъ шли рабочіе по льду въ крѣпость, ожидая, что къ вечеру на берегъ, быть можетъ, придется вернуться на веслахъ. Туманъ далеко залегъ по озеру. Но подулъ крѣпкій, порывистый вѣтеръ и сталъ его разгонять. Къ ночи поднялась сильная съ метелью буря. Она рвала крыши, кружила ворона падающаго снѣга, ревѣла въ бойницахъ и башняхъ, стучала желѣзными ставнями и дверьми.

Утромъ 18-го комендантъ Бередниковъ и старшій и младшій тюремные пристава вошли на крѣпостную стѣну, взглянуть на рѣку. Вѣтеръ стихъ. По вскрывшейся, вкругъ острова, Невѣ плыли сплошными бѣлыми грудами льдъ. Лодки перевозили уже съ бе-

Digitized by Google

рега въ крѣпость и обратно рабочій и служебный народъ. На берегу,—какъ ясно увидѣлъ въ подзорную трубу Бередниковъ,—стояли два, шестерикомъ, крытыхъ возка. Кучка лодочниковъ озабоченно толпилась возлѣ нихъ.

— Кто бы это былъ?—спросилъ въ раздумьѣ Бередниковъ.

— Изъ Питера, знать,—машутъ....

«Ужъ не ревизія ли?»—пронеслось въ старой головѣ Бередникова: — «не провѣдали-ль въ столицѣ о пожарѣ въ тайной тюрьмѣ? Ну, да все теперь благополучно кончено»....

— Веребьёвъ! надо послать катеръ, а пожалуй и линейную шлюпку! — сказалъ онъ капралу, оправляя на себѣ портупею и тревожно косясь на поношенные, старой формы кафтаны—какъ свой, такъ и прочихъ господъ офицеровъ.

«Видно, новенькаго какого опять привезли!»—со вздохомъ сказалъ себѣ, тѣмъ временемъ, князь Чурмантѣевъ.

Офицеры сошли со стѣны. Шестнадцативесельный катеръ, а за нимъ восьмивесельная шлюпка, расталкивая баграми льдины, двинулась отъ крѣпости къ Шлиссельбургу.

На городскомъ берегу, прикрывая медвѣжьими шубами звѣзды, въ треуголкахъ и собольихъ шапкахъ, стояли у взмыленныхъ шестериковъ нежданные-негаданные гости: рыжій, въ веснушкахъ, лѣтъ подъ тридцать, любимый генералъ-адъютантъ императора, баронъ Карлъ Карловичъ Унгернъ-Штернбергъ, петербургскій генералъ-полиціймейстеръ, сухощавый, круглолицый, добродушный старикъ, Николай Андреевичъ Корфъ, щеголеватый и надменный оберъ-штальмейстеръ, Левъ Александровичъ Нарышкинъ, генералъ Мельгуновъ и, лѣтъ тридцати-четырехъ, средняго роста и замѣтно-сутуловатый, тайный государевъ секретарь, статскій дѣйствительный совѣтникъ, Дмитрій Васильевичъ Волковъ. Ямщики и лодочники, глядя на Нарышкина, бывшаго представительнѣе и выше остальныхъ ростомъ, принимали его за государя. Народъ, стекаясь изъ города, толпился въ сторонѣ и, безъ шапокъ, глазѣлъ на прибывшихъ. Унгернъ хлопоталъ о переправѣ.

Въ кругу пышно-разряженныхъ, важныхъ вельможъ, — въ небольшой, на прусскій образецъ треуголкѣ, съ тростью, съ огромнымъ палашомъ, въ высокихъ ботфортахъ и въ простой безъ мѣха епанчѣ,—стоялъ средняго роста, вертлявый, невзрачный, плосконосый и сильно тронутый оспой, гвардейскій штабъ-офицеръ. Круглые, сѣроватые глазки его были заспаны, прямой, добрый носикъ покраснѣлъ отъ вѣтра, невыбритый въ то

Digitized by Google

утро, полный, бѣлый подбородокъ, какъ и прежде, веселыя губы то-и-дѣло вздрагивали отъ громкаго, почти дѣтскаго смѣха. Онъ шутилъ съ вельможами. А тѣ, несмотря на свою важность и на его скромный видъ и нарядъ, почтительно внимали какъ его шуткамъ, такъ и вообще его рѣзкому, «сворбсону»—далекослышному, съ замѣтнымъ акцентомъ, и отличному отъ прочихъ голосу.

— Да знаешь ли, Дмитрій Васильичъ, — продолжалъ офицеръ, обращаясь къ тайному государеву секретарю, Волкову:— говорятъ, что ты, батюшка, съ этимъ... dass Ihr Beide, mit diesen renommirten Chicaneur, — съ этимъ съ надутымъ придирщикомъ Ломоносовымъ, прожектецъ составилъ—всѣхъ нѣмцевъ изъ Россіи выгнать? Правда ли то? ха-ха! Отвѣчай-ка мнѣ...

— То, ваше величество, сугубая напраслина, — покраснѣвъ и низко склонясь, отвѣтилъ Волковъ:—и я сему негоціатору вольнодумцевъ не похлѣбникъ...

— То-то, Васильичъ, берегись, — смѣясь и скороговоркой продолжалъ Петръ Ѳедоровичъ: — и я тебя, канальство, за то намедни чуть не закололъ... Und noch ein Punkt... и вотъ еще одинъ пунктъ, Васильичъ... Sapperment! Voyons... Долженъ бы ты, батюшка, за это подъ арестомъ посидѣть... Милости ножалуйста!.. Попроворилъ въ газетномъ артикулѣ, про кончину покойной государыни, мою жену императрицей назвать!.. Не я помню прежнія твои услуги... Сей грандъ-д'эспань, господа, мнѣ, какъ великому князю, копіи съ секретныхъ протоколовъ тайной конференціи выдавалъ... Покойной государынѣ измѣнялъ, мнѣ за то вѣрно служилъ... Ха-ха!.. Что, братецъ, выдалъ твои плутни? Погибнетъ птичка отъ своего язычка...

— Никогда того не было, ваше величество! — изъ краснаго ставъ блѣднымъ и еще ниже склонясь, отвѣтилъ Волковъ.

— Но, можетъ, ты, Васильичъ,—не унимался трунить Петръ Ѳедоровичъ:—можетъ, ты и моей женѣ теперь все такъ же переносишь, какъ проворилъ и мнѣ?.. Pah! s'ist mir Alles Eins!.. Мнѣ, господа, все одно! Милости пожалуйста!.. Мадамъ «La Ressource»,—и безъ усердныхъ предателей, пожалуй, все знаетъ... Безсердечныя и хитрыя женщины—тѣ же колдовки... А вотъ и катеръ... Карлъ Карлычъ, Левъ Александричъ, герръ баронъ! садитесь... Nun vorwärts!.. ѣдемъ...

Унгернъ, Корфъ и Мельгуновъ сѣли съ государемъ въ катеръ. Нарышкинъ и Волковъ поѣхали, вслѣдъ за ними, въ шлюпкѣ.

— И такое великое хохотаніе постоянно! какъ видите! —

Digitized by Google

усѣвшись въ пилюшку, вполголоса и нѣсколько по привычкѣ запинаясь и въ носъ, воскликнулъ Волковъ:—срамитъ и шпыняетъ при всѣхъ; не знаешь, куда и глядѣть.

— А сама эта поѣздка? — нагнувшись къ Волкову, сердито произнёсъ обыкновенно-веселый и безпечный Нарышкинъ:—собрался, представь, какъ на пожаръ. Даже дядя принцъ Жоржъ о томъ не провѣдалъ. И меня взялъ случайно, ужъ садясь въ возокъ... Что ему! была бы корзина съ кнастеромъ, да съ коллекціей солдатскихъ трубокъ. Надумалъ что, крикнетъ: vorwärts, drauf los! и вся недолга...

— Да что же, что онъ надумалъ теперь? — допытывалъ Волковъ:—въ чемъ тутъ новыя конъюнктуры? И какъ о томъ не предупредили Александра Иваныча?

Волкову ясно вспомнился, въ эти мгновенія, сердитый правый глазъ Александра Иваныча Шувалова, разстроенный нерѣдко потрясавшими сценами допросовъ и пытокъ въ недавно-закрытой тайной канцеляріи. «Какъ замигалъ бы этотъ глазъ,— думалось Волкову:—какъ скривилъ бы и всю правую сторону лица, еслибъ ему сказали, что государь, очертя голову, бросился на такое неподобающее свиданіе!»

— Вся сія препозиція, ясно ужъ видно, на какой фасонъ! — косясь на гребцовъ, презрительно отвѣтилъ Нарышкинъ:—государь, очевидно, получилъ отсель изъ Шлюшина нѣкое подметное письмо; ну, и поѣхалъ!.. Иванушка, вишь, сильно ему понадобился...

— Но для чего, для чего?—продолжалъ допрашивать Волковъ.

— Дѣло ясное... чтобъ насолить женѣ... Твердитъ одно: не зналъ я, каково принцу... надо, вишь, ему помочь...

— Что-жъ ты на это скажешь?

— Да пустяки, — отвѣтилъ Нарышкинъ: — дурачокъ вѣдь принцъ Иванъ, совсѣмъ умишкомъ высохъ! Александръ Иванычъ еще недавно о немъ вспоминалъ... А ужъ ему ли доподлинно не знать про то? Всѣ репорты шли черезъ его руки. Безпамятенъ, сказываетъ, косноязыченъ сталъ и скорбенъ главой... И съ этакой-то дурафьей еще возиться затѣяли... Одинъ смутъ и толченіе воды... Вотъ и вечеръ у Воронцовыхъ пропущенъ,— а нынче тамъ биржи въ двухъ салонахъ и графъ Сенъ-Жерменъ о мертвыхъ обѣщалъ разсказать! — съ досадой прибавилъ Нарышкинъ.

— Будетъ намъ и съ живыми не мало возни!—проронилъ Волковъ:—подметное письмо! чья рука тутъ колобродитъ? и какъ отвратить?

Digitized by Google

«Ужли изъ Берлина, Фридриховы новые ходы снять?» — прибавилъ про себя Волковъ: «или здѣсь, поближе, искать новыхъ затѣй?»

Катеръ и шлюпка причалили къ острову. На катерѣ шелъ иной разговоръ.

— Боюсь, боюсь я этого свиданія! не выдержу!—въ испрененъ волненіи и страхѣ, шепталъ между тѣмъ по-русски Петръ Ѳедорычъ Корфу: — какъ хочешь, братъ, а онъ вѣдь человѣкъ, притомъ какой семьи!

— И я въ немаломъ амбарѣ,—отвѣчалъ Корфъ:—везъ когда-то его дитятичкой въ Колмогоръ... Но, courage, Majestät! смѣлѣй!.. являйте себѣ достойно вашъ санъ...

— Да вѣдь, — schlicht und recht! — по правдѣ, не мнѣ бы слѣдовало на тронѣ быть, а ему,—не унимался Петръ Ѳедорычъ:— какъ я на него посмотрю и что ему скажу?

— Въ такомъ разѣ, Majestät,—чопорно и важно вмѣшался Унгернъ:—напрасно было уфъ-въ эти мѣста и ѣхать...

— Напрасно, напрасно!.. двадцать лѣтъ бѣдный взаперти сидитъ... Экіе вы! Но вы еще про меня услышите...

Сойдя на плоскій берегъ у крѣпости, императоръ и его свита пошли влѣво къ воротамъ. Здѣсь ихъ встрѣтилъ, ставшій отъ страха хуже малаго дитяти, комендантъ Бередниковъ. Хотя императоръ желалъ выдержать строжайшее инкогнито, Бередниковъ съ-разу его узналъ. Петръ Ѳедоровичъ взялъ у Унгерна, за собственнымъ своимъ, отъ 17-го марта, подписаніемъ, именной на имя Бередникова указъ и, приложа руку къ шляпѣ, почтительно вручилъ его коменданту.

Въ указѣ было изображено: «Имѣете тотчасъ допустить нашего генералъ-адъютанта Унгерна и прочихъ съ нимъ, когда онъ прикажетъ, высокихъ подателей сего монаршаго повелѣнія, къ осмотру государственной Шлиссельбургской тюрьмы, а, буде они того пожелаютъ, то и къ свиданію, даже безъ свидѣтелей, съ извѣстною, тамо заключенною персоной. И если Унгернъ прикажетъ Чурмантѣеву, съ арестантомъ и его командою, изъ крѣпости въ другое какое мѣсто по нашему соизволенію выѣхать, то того не воспрещать».

— Это что?—спросилъ, ткнувъ тростью въ тяжелыя, дубовыя ворота, императоръ.—На лѣвой половинѣ воротъ была шведская надпись: «1649 года—18 мая».

— Виноватъ, ваше... казните, какъ есть, забылъ соскоблить. стереть!—заговорилъ, отдуваясь, весь красный Бередниковъ.

— Но развѣ такія надписи, господинъ комендантъ, стираютъ?

Digitized by Google

—насмѣшливо его оглядѣвъ, произнесъ императоръ: эти литеры, господа, со временъ шведовъ... Я вѣдь учился, маракую... По симъ же плитамъ шестьдесятъ лѣтъ назадъ самъ Петръ Великій изволилъ прохаживаться...

— Плиты не вынуты, такъ точно-съ!—утирая лицо и жалобно взглянувъ на свиту, сказалъ Бередниковъ.

— Еще бы вамъ крылечко изъ нихъ помостить! — улыбнулся императоръ: — гдѣ арестантъ Безымянный? ведите насъ къ нему.

На дворѣ, у церкви, высокимъ посѣтителямъ Бередниковъ представилъ князя Чурмантѣева.

— Хромаете?—въ войнѣ съ Пруссіей ранены?—нахмурясь, спросилъ государь.

— Упалъ здѣсь намедни съ лѣстницы, — отвѣтилъ старшій приставъ.

— Зять Ольдерога — шепнулъ государю Унгернъ: изъ Риги in der Garde переведенъ...

— А, очень радъ! веди же насъ, сударь,—обратился императоръ къ Чурмантѣеву: — только и намъ, батюшка, просимъ, ноги или руки при вѣрной оказіи не сломай...

Посѣтители обогнули церковь. Влѣво, по двору, вдоль крѣпостной куртины, шли въ два яруса, съ открытой галереей, тяжелыя каменныя казармы внутренней стражи. Домъ коменданта особнякомъ стоялъ вправо, у церкви. Въ глубинѣ двора, за внутреннимъ каналомъ, посѣтителямъ предстала другая, мрачная, обросшая мхомъ стѣна. Черезъ каналъ велъ подъемный мостъ. Противъ моста были ворота и возлѣ нихъ стоялъ часовой. За стѣною, какъ объяснилъ комендантъ, находился другой внутренній дворъ и тамъ, вправо—домъ старшаго пристава Чурмантѣева, влѣво — отдѣльная, въ два рѣшетчатыхъ окна, двухъярусная башня, съ казематомъ извѣстной персоны.

— Ist aber fest zugestopft, alle Wetter!—сказалъ, входя въ этотъ дворъ, Петръ Ѳедоровичъ: — свѣту маловато, окно узко и то, sapergent, загорождено снизу дровами...

Государь отозвалъ Чурмантѣева въ сторонѣ.

— Каковъ темпераментомъ принцъ?—спросилъ онъ, разглядывая лицо пристава.

— Какъ вамъ доложить?—смѣшался Чурмантѣевъ:—недавно я, государь, при немъ... и потому...

— Правду, правду мнѣ говори,—перебилъ Петръ Ѳедоровичъ:—по душѣ, откровенно, als ein Soldat...

Digitized by Google

— Временемъ робокъ онъ, уклончивъ,—началъ приставъ: — вѣжливъ и даже стыдливъ; нрава тихаго, бываетъ же, сударь, и вотъ какъ понятливъ... Какъ спокоенъ — говоритъ обо всемъ добропорядочно, толково; сказываетъ евангеліемъ, Минеею, Прологомъ и книгою Маргаритъ; толкуетъ, гдѣ и что въ нихъ написано...

— Но какъ же, tausend Teufel! какъ же твой комендантъ доносилъ,—сердито тряхнулъ ногою государь:—все Шуваловымъ на угоду... Sclavisches Pack!.. увѣрялъ, что принцъ слабоуменъ и вообще выглядитъ точно звѣрь лѣсной.

— Какъ не быть звѣремъ, коли выведутъ изъ терпѣнія,— покосившись на помощниковъ, сказалъ Чурмантѣевъ:—взбаламутитъ его какая прижимка—зоветъ всѣхъ еретиками, шептунами, самъ плачетъ, говоритъ нѣмо, невнятно, и такъ отъ смуты косноязычитъ, что и привычнымъ въ силу его разумѣть. Да и не всѣмъ открываетъ свои способности...

— Скрытенъ? o! я угадалъ!.. Den Nagel auf dem Kopf getroffen!.. гвоздемъ въ центрумъ попалъ. Ну, а когда тихъ?

— Въ тихости весело и кротко такъ смѣется,—продолжалъ Чурмантѣевъ:—и,—дерзко доложить,—на прикладъ даже становится забавенъ... веселъ, надѣется на все и прыгаетъ, аки малый ребенокъ... а то строитъ рожи...

— Кто его здѣсь дразнитъ? говори! — поглядѣвъ вокругъ, произнесъ государь.

Онъ досталъ изъ камзола имбирную карамельку и, съ цѣлью отбить вязкость минувшей безсонной ночи, опустилъ ее въ ротъ.

— Не усмотришь за всѣми, больше солдаты съ галлереи,— сказалъ Чурмантѣевъ:—а бываетъ, кто и выше... Ну, и не стерпитъ... Гордъ притомъ и любитъ, чтобъ былъ во всемъ порядокъ... Неучъ иной часовой, у его дверей, ночью начнетъ вертѣться, ногу объ ногу чесать, либо громко кашлянетъ, ружьемъ невѣжливо стукнетъ,—принцъ тотчасъ осерчаетъ, жалуется мнѣ утромъ:—смѣетъ ли, грубіянъ, тотъ солдатъ, такъ его обижать? я-де, говоритъ, вотъ какъ его уйму... И въ ту пору вновь старается доказать, какова онъ для всѣхъ высокая, важная персона...

— И что-жъ ты ему на это?—спросилъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Говорю, полноте, сударь: все то вранье! и лучше вамъ такой пустоши о себѣ не думать и впередъ не врать... Куда! весь почернѣетъ отъ гнѣва, взлѣется, дрожитъ... Звѣри вы, говоритъ, колдуны и еретики! мучите меня, и Господь васъ, за невиннаго страдальца, разразитъ и прахъ вашъ по вѣтру развѣетъ...

Digitized by Google

«Такъ, такъ! наклеветалъ Шуваловъ!» подумалъ государь: «въ письмѣ истина повѣдана...»

Онъ пошелъ въ башню. Изъ-за дома пристава выбѣжала съ саночками дѣвочка, за нею другая. Увидѣвъ нежданныхъ гостей, онѣ въ испугѣ остановились и бросились къ крыльцу, у котораго ни жива, ни мертва стояла Поликсена.

— Ба-ба-ба! это что?—воскликнулъ государь:—юныя милыя созданія и съ ними комендантшей фея, прекрасное существо!.. въ такихъ ужасныхъ мѣстахъ!

— Мои дѣти и ихъ бонна,—пояснилъ князь Чурмантѣевъ.

Петръ Ѳедорычъ вглянулъ пристальнѣе. Онъ узналъ Пчелкину и ласково, разсѣянно ей поклонился.

«Боже! неужели все это черезъ меня?» замирала тѣмъ временемъ, боясь поднять глаза, Поликсена.

По стоптаннымъ, бѣло-каменнымъ ступенямъ внутренней лѣстницы, гости вошли налѣво, въ тѣсныя сѣни государственной тюрьмы. Чурмантѣевъ вынулъ изъ кармана большой, черный ключъ, отомкнулъ имъ низенькую, черную, окованную желѣзомъ дверь, ввелъ гостей въ другія сѣни, отворилъ изъ нихъ новую дверь прямо и отступилъ. Свита также посторонилась. Унгернъ первый вошелъ въ казематъ Ивана Антоныча, за нимъ, сбросивъ верхнія одежды, государь, Волковъ, Корфъ и остальные.

Казематъ принца Іоанна былъ аршинъ въ десять длины и въ пять ширины. Мрачныя, подновлённыя его стѣны были со сводомъ. Узкое, съ толстыми рѣшетками окно, вправо, не высоко отъ пола, выходило во дворъ. Влѣво отъ входа стояла большая, изъ зеленыхъ кафлей печь, съ топкою изъ сѣней. Поперёкъ всей комнаты, шла тесовая ширма. За ширмой помѣщалась постель. Возлѣ окна — столъ; у стола скамья. Дрова скрадывали свѣтъ, и безъ того слабо падавшій въ комнату.

— И только?.. Oh, über das Elend!.. какой ужасъ! гробъ, а не жилье!—сказалъ вполголоса Петръ Ѳедоровичъ Унгерну: — душно и темно... А Шуваловъ какъ расписывалъ!.. Nichts als Lüg und Trug!.. Ненавидую гнусныя интриги, обманъ... Но гдѣ же онъ въ этомъ каменномъ мѣшкѣ?

— За ширмой,—отвѣтилъ Чурмантѣевъ:—онъ по статуту... думаетъ, что пришли его комнату убирать... запрещено его видѣть даже слугамъ...

— Зовите его, — не громко сказалъ, не сходя съ своего мѣста, государь.

Чурмантѣевъ кликнулъ арестанта. Иванъ Антоновичъ вышелъ

Digitized by Google

изъ-за ширмы. Видъ блестящей государевой свиты его ослѣпилъ. Онъ зашатался, чуть не упалъ, и, озираясь, какъ пойманный, жалкій звѣрекъ, смѣшнымъ и неловкимъ движеніемъ попятился назадъ, за перегородку.

— Не опасайтесь, сударь! — съ напускной смѣлостью, дрогнувшимъ голосомъ сказалъ Петръ Ѳедоровичъ:—я къ вамъ посломъ... отъ самого государя. Подойдите ближе; смѣлѣй... вотъ такъ... Ну!.. скажите, что-нибудь вамъ въ этихъ мѣстахъ не достаетъ?.. Скажите! ваши слова приму не инако, какъ съ должнымъ вниманіемъ.

Иванушка бросилъ бѣглый взглядъ на узкоплечаго, плосконрудаго, невзрачнаго и рабого офицера,— въ бѣломъ, съ бирюзовыми обшлагами, кафтанѣ, съ доброй улыбкой и грубокапральской выправкой, — стоявшаго впереди другихъ. Что-то странное, что-то хватавшее и уносившее куда-то далеко, отозвалось, заговорило въ душѣ узника. «Гдѣ-то видѣлъ, видѣлъ... но гдѣ?..» — обливаясь кровью, шепталo ему бѣдное, робко-бившееся сердце. Онъ ступилъ шагъ впередъ, протянулъ руки.

— О, о,—началъ онъ, не спуская глазъ съ Петра:—я... я...

Онъ упалъ передъ нимъ на колѣни.

— Встаньте, принцъ!—съ рыцарской вѣжливостью, тронувъ его лосиной перчаткой по плечу, сказалъ Петръ Ѳедоровичъ:— будьте бодры, куражъ! я облегчу... я попрошу государя... облегчить и улучшить вашу участь... Я близокъ къ нему; меня онъ слушаетъ. Просите, что вамъ нужно?

Лицо узника страшно побѣдѣло; губы исказились отъ усилій проронить слово. Рѣчь отказывалась ему служить. Языкъ коснѣлъ. Кровь молотомъ стучала въ голову. Онъ, озираясь на всѣхъ, не вставалъ.

— Просите, просите милостей!—шептали стоявшіе вокругъ.

— Я не тотъ, за кого... Душно! — проговорилъ узникъ: — тутъ вовсе душно—воздуху нѣту-ти...—продолжалъ онъ скороговоркой, сдерживая рукой, дрожавшій, какъ въ лихорадкѣ, подбородокъ: —повидать бы небушко... зелень тоже... походить-бы по землѣ, по цвѣтамъ!.. отъ всего за то, все отдамъ... Я ихъ прошу, а они... подло...

Онъ не могъ говорить далѣе, робѣлъ и дико на всѣхъ смотрѣлъ.

— Кто вы?—спросилъ, поднимая его, государь.

Принцъ медлилъ отвѣтомъ.

— Кто вы и какъ сюда попали?—ласково повторилъ, улыбаясь, Петръ Ѳедоровичъ.

Digitized by Google

Арестантъ вздрогнулъ, вытянулся, сталъ шептать.

— Я... императоръ,—вдругъ, точно сорвавшись, проговорилъ онъ громко: —Божіею милостью... ну, Іоаннъ-Третій, императоръ... царь!

— Кто тебѣ сказалъ, что ты императоръ? — нахмурясь и брякнувъ палашомъ, спросилъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Я не тотъ, за кого! — отвѣтилъ, боязливо попятившись, узникъ: — да, да! Іоаннъ давно померъ, взятъ на небо. Я видѣлъ его—онъ здѣсь, во мнѣ...

— Кто тебя увѣрилъ, что ты государь?—спокойнѣе повторилъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Кто сказалъ? — стойте — вспомнилъ!.. учитель сказалъ... потомъ караульный...

— Императоръ не сидѣлъ бы въ такомъ мѣстѣ, притомъ въ бородѣ...—произнесъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Меня заперли. Но... я лучше ихъ... чистый духъ,—а они — злюки, еретики.

— Что вы помните о дѣтствѣ, о прошлыхъ годахъ?—спросилъ государь.

— Гдѣ помнить! голова темна, тошнехонько...

— Однако-же, повѣдайте, что вспомятовано будетъ.

— Все мучили... Былъ я вотъ какой ребенокъ, махотка — дѣтва. Разлучили съ матерью, отцомъ... Живы ли, не знаю.

— Ну, ну...

— Стали звать меня Гришкой,—ты не царь, а колодникъ!— отдали въ руки аспидовъ, колдуновъ. Да, да... колдуны... У нихъ дымъ изо рта... И начали возить изъ крѣпости въ крѣпость... И вотъ теперь Иванушкинъ дворецъ...

Узникъ смолкъ. Окружающіе молча на него смотрѣли.

— Всѣ ли приставленные къ вамъ были злые люди? не было ли межъ нихъ и добрыхъ?—спросилъ государь.

— Было двое... Одинъ—старикъ, съ женой! въ Холмогорахъ выучилъ молитвамъ, письму... Другой—помоложе... да, совсѣмъ молодой...

— Ну, и что-жъ этотъ другой? не бойтесь, говорите.

— Онъ меня, ребенка, махотку, провожалъ отъ матери, и всю дорогу, всю, какъ это ѣхали, во-какъ ласкалъ, жалѣлъ и плакалъ.

— А потомъ?

— Какъ пріѣхали это къ морю, давалъ этотъ-то молодой бѣгать по берегу, въ саду; садъ большущій, пахло такъ—цвѣты... и отъ монаховъ приносилъ игрушки...

Digitized by Google

— Гдѣ-жъ онъ теперь?—спросилъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Видно померъ, снится все... Въ книгахъ написано... оскудѣша... изліяся слава во прахъ...

«Начётчикъ, все по-словéнски!» подумалъ государь.

— Помните-ли вы имена этихъ людей?—спросилъ Петръ Ѳедорычъ.

Лицо арестанта опять исказилось, выражая ужасъ и волненіе. «Онъ, онъ!» звучало у него гдѣ-то на днѣ души: «онъ... не во снѣ-ль его я видѣлъ?»

Иванушка хотѣлъ говорить, и не могъ.

— Courage, prince, courage! я васъ слушаю! — обратился къ нему государь.

— Перваго звали... постойте... охъ, забылъ...

— А второго?

— Второго... вспомнилъ... Корфъ, да, Корфъ...

Государь оглянулся. Николай Андреичъ Корфъ, усиливаясь что-то достать изъ задняго кармана, кривился и хмурился, всячески усиливаясь, чтобъ не заплакать. Слезы, между тѣмъ, катились по его вздрагивавшимъ, морщинистымъ щекамъ.

— Merkwürdig, Majestät! o! fabulös! — громко сморкаясь, крякнулъ онъ въ платокъ.

Государь былъ искренно, глубоко тронутъ. Обыкновенно безпечный, Нарышкинъ стоялъ сердитый и опѣшенный. Мельгуновъ и Волковъ угрюмо смотрѣли въ землю. — «Не малоумный, не дурафья, чортъ возьми!» думали эти. Унгернъ не спускалъ растерянныхъ глазъ съ государя.

— Бѣдный, жаль мнѣ тебя,— сорвалось чуть слышно съ языка Петра Ѳедорыча: видите, баронъ, добрыя-то дѣла?..

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но и его круглые, выпуклые глазки замигали. Онъ странно, по-дѣтски всхлипнулъ, повернулся и, гремя шпорами и палашомъ, неуклюже пошелъ вонъ изъ комнаты.

— Государь! о, государь! — закричалъ вдругъ, кинувшись за нимъ сквозь толпу окружающихъ, Иванъ Антоновичъ.

— Какъ знаешь ты, что я государь? — спросилъ, обернувшись къ нему Петръ Ѳедоровичъ.— Измѣна! предупредили?— продолжалъ онъ, съ гнѣвомъ взглянувъ на окружающихъ.

— По портрету!—объяснилъ Иванъ Антоновичъ:—монета!... вотъ, вотъ!.. это ты... Мы одной крови... ты дядя мнѣ и ты братъ по престолу... Братъ! помоги... Братъ! Освободи... въ глушь, въ Сибирь... только волю...

Петръ Ѳедорычъ остолбенѣлъ.

Digitized by Google

Было мгновеніе—императоръ-царствующій былъ готовъ броситься въ объятія императора-узника.

— Я подумаю... готовъ!.. о, я свѣтъ удивлю! — искренно воскликнулъ Петръ Ѳедоровичъ:—мучители, бандиты человѣчества! Истины не упрячешь: сквозь щели тюрьмы, сквозь крышку гроба, вездѣ она пробьётся.

— Николай Андреичъ, Дмитрій Васильичъ,—обернулся онъ:—и вы, господа гарнизонный караулъ, на пару словъ. Ласкаюсь надеждой — взять резонабельныхъ мѣръ...

Онъ съ облегченнымъ сердцемъ быстро вышелъ изъ каземата во дворъ. Слѣдомъ за нимъ вышли Корфъ, Нарышкинъ, Волковъ и тюремное начальство. Съ принцемъ остался одинъ Унгернъ.

— Проклятый Фридрихъ, змѣй, сатана! — завопилъ, стуча себѣ въ грудь, Иванъ Антоновичъ:—это онъ, черезъ него...

— Что ты, батюшка, ш-ш!—зашипѣлъ на него Унгернъ:—да Петръ-то Ѳедоровичъ молится на него... Герръ Готтъ! А ты ручку лучше его величеству поцѣлуй, въ ножки поклонись, да проси его, проси...

Иванъ Антоновичъ бросился на колѣни передъ темнымъ, стараго письма, образомъ Спаса. Длинные, свѣтлорусые, прямые волосы его падали на холодный полъ, при каждомъ его поклонѣ. Онъ крестился большимъ крестомъ и торопливо шепталъ горячія, несвязныя молитвы.

IX.

Оранжевый воротникъ.

Петръ Ѳедоровичъ, мѣрными шагами, ходилъ взволнованный передъ башней. Рядомъ, прихрамывая и стараясь попадать съ нимъ въ ногу, ходилъ старшій тюремный приставъ, князь Чурмантѣевъ. Нарышкинъ и Волковъ, перешептываясь, стояли здѣсь же во дворѣ, за дровами; Унгернъ и Корфъ—въ глубинѣ площадки, у воротъ.

На коменданта государь осерчалъ, при выходѣ изъ каземата, и прогналъ его за ворота. Тамъ, у входа на мостъ, робко жались младшіе тюремные пристава, Власьевъ и Чекинъ, и прочіе гарнизонные офицеры. Далѣе, у церкви, стояли—подосѣвшая посадская полиція, священникъ крѣпости и кое-кто изъ семействъ офицеровъ и именитыхъ горожанъ.

Digitized by Google

Между послѣдними былъ и Мировичъ. Онъ узналъ императора еще на берегу и, проникнувъ вслѣдъ за посадскими, стоялъ сильно озадаченный.—«Что бы это значило?» разсуждалъ онъ съ легкой дрожью: «какъ нежданно подъѣхалъ государь! Что, какъ принцъ выдастъ ему о свиданіи и разговорѣ со мной?.. Могутъ найти у него мою бумагу. Надо быть готовымъ ко всему. Могутъ потребовать, спрашивать. Не отрекусь ни отъ чего... Пропадай голова, все разскажу. Ужли мучиться ему долѣ?»

Императоръ остановился.

— Ну, а послушай-ка, сударь, теперь,—обратился онъ къ Чурмантѣеву: — скажи-ка ты мнѣ, да опять по чистой правдѣ, была рѣчь принцева и на мой счетъ?

Чурмантѣевъ замялся.—«Какъ ему сказать?»—подумалъ онъ: «и что изъ того выйдетъ? И дѣйствительно ли онъ желаетъ облегчить участь принца?»

— Увольте, государь, — отвѣтилъ онъ: — не смѣть мнѣ, рабу...

— Сказывай, одинъ вѣдь тебя слушаю! — съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ, хлопая лосиной перчаткой по перчаткѣ, настаивалъ Петръ Ѳедоровичъ.

Онъ вынулъ изъ камзола другую имбирную карамельку и опустилъ ее въ пересохшій отъ волненія ротъ.

— Съ новаго года, какъ я сюда прибылъ, — началъ Чурмантѣевъ: — принцъ ни разу не упоминалъ про васъ; и зналъ ли онъ о вашемъ восшествіи, про то не вѣдаю... А недавно...

— Что же было недавно?

— Точно во снѣ ему привидѣлось, или слетѣло на него какое прозрѣніе... въ страхъ даже привелъ... вдругъ заговорилъ...

— На какой же манеръ онъ заговорилъ?

— Нынѣ правящій царь, это вѣдь Петровичъ, внукъ Петра, —сказалъ мнѣ намедни принцъ:—да и я-де, какъ и онъ, здѣшней имперіи принцъ и вашъ государь, только Иваничъ... отъ Ивана—царя... И пора бы, говоритъ, Петровичамъ съ Иваничами миръ навсегда положить... Слава-де въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе... Такъ и сказалъ... Просвѣтленіе на него будто нашло; ниць въ страхъ повергъ!.. Было бы, говоритъ, то угодно Господу, и тихость-де святая сошла бы на наше царство, и славѣ о томъ Петра и моей не умереть бы тогда отнынѣ и до вѣку...

— Такъ и сказалъ?

Digitized by Google

— Такъ дѣйствительно...

— Да онъ философъ, sapriment! Wahr, sehr wahr!.. Правда! Надо въ моментъ, безъ промедленія и ни на какія дѣла не смотря, конецъ всему положить... Лицедѣи, душегубцы! Sclavisches Pack! банда могильныхъ геніевъ...

Петръ Ѳедоровичъ повернулъ спину къ Чурмантѣеву и снова направился во входу въ казематъ. Здѣсь его встрѣтилъ Волковъ.

— Одно слово, ваше величество,—сказалъ, склонясь, тайный государевъ секретарь.

— Что тебѣ? скорѣй...

— Умоляю объ одномъ: что бы вы ни рѣшили, не приводите въ исполненіе теперь же...

Петръ Ѳедоровичъ молча нахмурился.

— Письмо, ваше величество... тайное о принцѣ письмо...

— Ну, такъ что-же?

— Не козни-ль то, простите, злыхъ совѣтниковъ государыни, вашей супруги?

— Вздоръ, Васильичъ! совсѣмъ дурацкія, нейдущія слова.

Волковъ оживился, глаза его блеснули твердостью.

— Освободивъ принца,— продолжалъ онъ:—вы создадите себѣ, государь, клянусь вамъ, опаснаго, гибельнаго соперника! И одни лишь отечества предатели, льстецы, могутъ давать такіе антиполитическіе совѣты... Да и еще осмѣлюсь прибавить...

— Говори,—ахъ, ужъ разумники! Что тамъ еще умыслилъ я на бабахъ развелъ? не испытывалъ, видно, самъ тюрьмы, оттого и храбришься...

— Обижать изволите, государь... Не въ моемъ правѣ давать совѣты о тюремныхъ запорѣпахъ, да о цѣпяхъ... Вѣдать изволите, кто возымѣлъ счастье преславный манифестъ о вольностяхъ дворянства поднести къ вашему подписанію?.. Шагъ одинъ отнынѣ, сами также то сознать удостоили—къ освобожденію и прочихъ россійскихъ рабовъ... Но не слѣдуетъ упускать изъ виду гласа безсмертіемъ одаренныхъ геніевъ...

Волковъ помолчалъ и еще болѣе ободрился.

— Его величество король Фридрихъ,— сказалъ онъ, вновь склоняясь:—неоднова дружески совѣтовалъ вамъ, остерегаться и понадѣяться держать взаперти принца Ивана, дабы чья-либо горячая голова, отъ мечтательной дерзости и зломыслія, не задумала возвести его на престолъ...

— Пустяки! суесловство!—рѣзко перебилъ и отвернулся отъ Волкова Петръ Ѳедоровичъ: — о тронѣ рѣчи нѣтъ!... Кто тебѣ навралъ?.. Я одинъ, слышь ты, одинъ о томъ могу говорить...

Digitized by Google

Имя Фридриха, однако, замѣтно смутило государя. — «А вѣдь, пожалуй, и правду сказалъ этотъ безсердечный и ловкій всезнайка-говорунъ?» — подумалъ онъ, сердито глянувъ въ продолговатое, сухое, съ большимъ бѣлымъ лбомъ и красивымъ носомъ, лицо Волкова, сѣрые, умные глаза котораго почтительно и съ строгимъ вниманіемъ слѣдили за нимъ: «у такихъ краснобаевъ-совѣтниковъ всегда найдутся резоны кстати... Опасно не опасно, а дѣло и впрямь надо бы похитрѣй и ловче обдѣлать... Я же писалъ королю, что держу Ивана въ надежныхъ рукахъ, въ заперти...»

Петръ Ѳедоровичъ еще разъ бросилъ взглядъ на Волкова, досадливо одернулъ на себѣ портупею и не такъ ужъ смѣло взялся за скобу тюремныхъ дверей.

— Господа! — обратился онъ къ свитѣ: — комендантъ сюда! и вы слѣдуйте за мной... Что можно и что политическіе и штатскіе резоны позволятъ, все сдѣлаю, не глядя ни на что. Я не забочусь о его мнимыхъ правахъ, — выбью глупую дурь изъ его головы — сдѣлаю его человѣкомъ, случай трона... изъ него выйдетъ бравый солдатъ...

Онъ снова вошелъ въ казематъ Ивана Антоновича. Свита, пристава и комендантъ размѣстились за нимъ у порога.

— Князь! — обратился императоръ къ принцу: — скоро день Благовѣщенья... Въ народѣ принято въ этотъ день на волю выпускать... Вы... вы...

Тутъ рѣзкій, странно-дребезжавшій голосъ Петра Ѳедоровича мягко дрогнулъ и оборвался. Добрыя, искреннія слезы выступили на его глазахъ.

— Я обѣщалъ... я слово далъ міръ удивить! — продолжалъ онъ съ дѣтски-ласковой улыбкой: — не отъ своей персоны говорю! и вы ошибались, если меня приняли... думали... Я простой офицеръ; но меня государь любитъ и мнѣ аудіенціи даетъ... Господинъ комендантъ, слушайте... Положеніе арестанта, по истинѣ надо то сказать, ужасно. Поглядите на эти аркады, эти стѣны! съ рѣшетчой окно... Du, lieber Gott!.. Здѣсь и при солнцѣ, безъ свѣчки, трудно оставаться... Воздухъ душенъ... Государь изъ одного откровеннаго письма все узналъ... Мнѣ дали коммиссію въ этихъ дѣлахъ убѣдиться, и я убѣдился. Содержится принцъ хуже, чѣмъ послѣдній колодникъ, злодѣй... Стыдитесь, господа, — фуй, стыдитесь...

Государь остановился. Всѣ взоры были устремлены на Ивана Антоновича. Онъ стоялъ, понуривши, и, тяжело дыша, длинными

Digitized by Google

бѣлыми пальцами судорожно разглаживалъ свою шелковистую, каштановую бородку.

— Не въ кушаньѣ дѣло, господинъ комендантъ,—въ обхожденіи!—строго крикнулъ государь Берединкову:—принца въ невѣжествѣ оставляютъ, въ дикости, безъ наукъ. Вы про то молчать изволили; я отъ постороннихъ персонъ все узналъ. Это должно быть измѣнено... А потому, господинъ главный начальникъ здѣсь, и вы тоже, старшій приставъ... Im Namen, — отъ имени государя императора, — и въ силу данной мнѣ высочайшей резолюціи, вмѣняю вамъ отнынѣ — надъ лучшимъ положеніемъ принца наблюденіе имѣть... Колесо фортуны—гексенмейстерскій капризъ!—сегодня внизу, завтра вверху. Извольте—слышите ли то? — выводить принца, время отъ времени, гулять внутри крѣпости, а тамъ и за стѣнами. Пусть прогуливается, укрѣпляется добрымъ воздухомъ. Учите его. Читать онъ знаетъ; но того мало... Сего пункта надо усиливать... Свѣтъ науки да засвѣтитъ его умъ... Sind aber hier?.. есть ли въ этихъ мѣстахъ хорошіе учителя?... Ласкаюсь надеждой, найдете...

Узникъ бросился къ ногамъ Петра Ѳедоровича. Грудь его вздымалась отъ сдержанныхъ рыданій.

— О! — визгливо вскрикнулъ онъ, хватая императора за полы кафтана: — Петръ, Петръ!.. братъ мой!.. Все бери себѣ, все отдаю...

Государь положилъ ему руку на плечо.

— Выстроить ему, господинъ комендантъ, особый, хорошій, пространный домъ,—продолжалъ Петръ, ласково кивая принцу: да чтобъ окошки были не узенькія, и на солнце. А когда зданіе будетъ готово, самъ я пріѣду сюда, чтобъ персонально его туда переводить. Къ моему... къ государеву тезоименитству... чтобъ все то было готово!.. А потомъ мы васъ, принцъ, въ военную службу—будете бравымъ воиномъ, въ офицеры, въ генералы дослужитесь.... Довольны ли вы, принцъ?

— Сжалься, не уходи, не откладывай!—крикнулъ, порываясь, къ императору узникъ:—братъ!.. Петръ! не скрывайся, ты вѣдь государь!.. Зачѣмъ отсрочка?.. смилуйся...

Унгернъ и Корфъ бросились къ принцу. Государь ихъ остановилъ.

— Выпусти меня сейчасъ, выпусти!... Призвахъ имя твое во гробѣхъ — косноязыча и дико озираясь, кричалъ узникъ: — дай жить съ нею!.. видѣть ее, слышать!.. (Волненіе болѣе и болѣе охватывало его, путало слова)... Въ лѣса, въ Сибирь... только

Digitized by Google

не здѣсь... Уйдешь, ни тебя, ни ее не увижу... братъ, братъ!.. помилуй...

Присутствующіе были изумлены, потрясены.

— О комъ это? съ какою персоной онъ думаетъ жить? — спросилъ государь Унгерна. — Тотъ взглянулъ на Бередникова, послѣдній на Чурмантѣева.

— Бредитъ, знать; изъ Маргаритъ что-нибудь вычиталъ и — простите — вретъ!—отвѣтилъ до крайности озадаченный Чурмантѣевъ: — что ни день новыя, какъ видите, пустоши, новое вранье...

Иванъ Антоновичъ плакалъ, вставалъ и снова бросался на колѣни передъ императоромъ, хватая его за руки, волочась за нимъ и цѣлуя ему ноги, одежду. Безсвязной, дикой, молящей его рѣчи нельзя ужъ было понять. Окружающіе не могли его оттащить, остановить.

— Herr Gott!.. Armes Kind! силъ нѣтъ смотрѣть! пустите его!—сказалъ государь, замедляясь на порогѣ и добродушно, глазами полными слезъ смотря на принца:—пусть выйдетъ... пусть свѣжимъ воздухомъ вздохнетъ... на крыльцо его, на крыльцо...

— Но у него нѣтъ теплаго,—вмѣшался Волковъ:—еще простудится...

— Э, батюшка! когда я хочу, такъ ты!.. колпакъ! — сердито крикнулъ и топнулъ государь: — вотъ мой плащъ; пусть надѣваетъ пока! Auf Wiedersehen!.. до свиданія, принцъ!—торопливо и сконфуженно отворачиваясь отъ Іоанна Антоновича, кивнулъ ему головой Петръ Ѳедоровичъ:—Карлъ Карлычъ! sagen Sie, dass mann... вели ему изъ кареты мой шлафрокъ въ презентъ принести... пусть себѣ, пусть...

Свита, съ своей стороны, поспѣшила вручить узнику подарки — кольца на память, табакерки, часы. Онъ неумѣлыми, похолодѣвшими руками неловко бралъ эти вещи, тыча ихъ въ карманы куртки и шароваръ.

Лица, стоявшія на дворѣ и въ числѣ ихъ Пчелкина, видѣли, какъ у башни вновь показалась царская свита и какъ, рядомъ съ государемъ, между Унгерномъ и Чурмантѣевымъ, вышелъ на крыльцо высокій, съ свѣтлорусыми, монашескими волосами и въ голубой гвардейской епанчѣ, бѣдный юноша. Государь, размахивая перчаткой, что-то съ сердцемъ высказы-

Digitized by Google

валъ коменданту. Этотъ съ рукой у шляпы, вытянувшись, молча стоялъ передъ нимъ.

«Чѣмъ-то рѣшено, какой конецъ?» мыслила тѣмъ временемъ, жадно пожирая глазами государя, Поликсена: «освободитъ ли онъ бѣднаго, раздавленнаго судьбой родича? Что говорилъ онъ съ нимъ? что рѣшено? Столько я учила принца, наставляла и все, все ему разсказывала... Какъ онъ жаждалъ свободы! какъ выпытывалъ о свѣтѣ, о людяхъ, клялся...»

«Ужли», разсуждалъ въ то же время у церкви, въ толпѣ другихъ, Мировичъ: «ужли, наконецъ, и мнѣ окажетъ милость мачиха-фортуна? Не вѣрится! Кто обратитъ вниманіе на столь мелкаго человѣка? Но если произойдетъ чудо, если рѣшатъ возвратить ко двору принца? Кто лучше его съумѣетъ тогда быть защитникомъ, охраной всѣхъ несчастныхъ, сирыхъ, всѣхъ одѣленныхъ судьбой?.. Тогда и я подамъ прошеніе о возвратѣ дѣдовскихъ имѣній... Эка, чортъ, калія мысли! Такъ вотъ о тебѣ, собакѣ, и подумаютъ! О голштинцѣ какомъ-нибудь, о лакеѣ подумаютъ, а не о тебѣ. Боже, Господи! Ну, отчего бы теперь государю, и безъ принца, не обратить на меня вниманія? Что ни говори, — проклятыя связи! а вѣдь я былъ на войнѣ, трудился... Нѣтъ!» заключилъ Мировичъ, прячась за спины другихъ: «лучше пусть онъ, добрый, безсильный, нерѣшительный, лучше пусть и не замѣтитъ меня. Еще, пожалуй, узнаетъ, что черезъ меня доставлены пропозиціи Панина о продленіи войны... Пронеси его мимо, злосчастная судьба...»

— Господинъ офицеръ! эй! оранжевый воротникъ! — долетѣлъ до него изъ-за моста громкій, стремительный голосъ.

Мировичъ оглянулся. Всѣ взоры почему-то были устремлены на него. Кто-то усердно толкалъ его подъ бокъ. Онъ подался впередъ. Толпа передъ нимъ разступилась. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, вывернувъ врозь туноносые ступни тяжелыхъ ботфортовъ и держа на-отмашъ огромный палашъ, стоялъ императоръ.

— Kreutz-schock-bomben-donner-wetter-element! Формъ не соблюдаете! — сильно горячась, кричалъ на кого-то Петръ Ѳедоровичъ: — а вотъ примѣрный офицеръ, — прибавилъ онъ коменданту, указывая на куцый и узкій, новой прусской формы кафтанъ Мировича: — но это, сударь, жалко, — не изъ вашихъ! Срамъ, срамъ, говорю я... шалбе́рничество, вертопрашіе! У того шляпа, какъ сѣдло на коренѣ, у этого — сукно неуказной толщины, портупея безъ бляхи. Не потерплю того, — слышите ли? Sapergment! не потерплю... У васъ самихъ, господинъ комендантъ,

Digitized by Google

епанча не по табели... волчьимъ мѣхомъ подбита... Бабамъ шубки такія носить, а не военнымъ! Служба тутъ ни ползетъ, знать, ни ѣдетъ...

«Великій Боже!» думалъ тѣмъ временемъ, глазъ-на-глазъ передъ государемъ, Мировичъ: «о люди! видятъ ли меня? чудо чудное! Война, каторга походовъ не вывезла, вывезъ новый вафтанъ... Иные всю забитую, затертую, оплеванную жизнь добиваются, стремятся, а мнѣ легко такъ выпало на долю... Ужли-жъ сейчасъ подойдетъ, станетъ, въ отличіе другимъ, говорить со мной, разспрашивать?..»

— А это, это что? — шагнувъ въ сторону отъ Мировича, напустился вдругъ Петръ Ѳедоровичъ на помощника пристава, выпялившаго глаза, солдафона Васьева: — мало тебѣ, сударь, что въ старой, отмѣненной формѣ, да и ту еще небрежительно изволишь содержать! Что глядишь?.. Третья пуговка отъ галстуха ноги вверхъ пришита... Развѣ то порядокъ? дисциплина? Такъ по обёржамъ только шляться, а не на службѣ... Чтобъ то было все записано и мнѣ доложено! — заключилъ Петръ Ѳедорычъ, направляясь въ выходу изъ крѣпости: — пріѣду въ маѣ, чтобъ все было въ аккуратѣ, да не инако, какъ со старательствомъ... Будьте на-сторожѣ, господинъ комендантъ... узнавайте гарнизонный уставъ... Васъ перваго заставлю прометать весь артикулъ...

Государь подошелъ къ воротамъ. Унтеръ накинулъ на него снятую съ Ивана Антоновича шинель. Петръ Ѳедоровичъ глянулъ къ башнѣ, гдѣ оставилъ принца. На опустѣвшей площадкѣ, по-прежнему, расхаживалъ часовой. «Бѣдный! опять заперли тебя!» со вздохомъ подумалъ государь. Онъ отвернулся, взглянулъ къ дому Чурмантѣева, гдѣ стояла Поликсена, но и ея тамъ ужъ не было.

«И только», сказалъ себѣ, оставленный отхлынувшей толпой, Мировичъ: «и для того были ожиданія принца, грезы, мечты? Чѣмъ поправилъ онъ судьбу несчастнаго? Ужли ничѣмъ? Ужли уйдетъ, и никогда болѣе хоть бы и мнѣ, мелкой сошкѣ, ничтожеству, праху отъ его ногъ, никогда болѣе не придется стоять такъ близко возлѣ него, глядѣть на него, его слушать? А я готовился всю правду сказать о принцѣ, просить о себѣ... Проклятая судьба, проклятая!.. Былъ одинъ случай, и тотъ пропустилъ...»

— Эй! оранжевый воротникъ! — долетѣлъ до него тотъ же рѣзкій, далеко слышный голосъ: — милости-съ, пожалуйста-съ. Интересовать васъ видѣть поближе...

Digitized by Google

— Васъ зовутъ, васъ!— заговорили вкругъ Мировича блѣдныя, заискивающія лица.

«Иди, говори, проси!.. все теперь исполнитъ!» жгучей волной пронеслось въ головѣ Мировича. Онъ встрепенулся, журавлемъ, въ темпъ отбивая на прусскій ладъ шаги, пошелъ къ воротамъ и, съ рукой у треуголки, вытянувшись, замеръ передъ императоромъ.

— Эссена, бывшаго нарвскаго полка?—спросилъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Точно такъ, ваше величество...

— Фамилія?

Мировичъ назвалъ себя.

— Въ командировкѣ, или въ отпуску?

— Въ командировкѣ былъ изъ штаба, теперь по домашнимъ дѣламъ въ отпуску.

Чурмантѣевъ объяснилъ императору, что Мировичъ женихъ, посватался за его бо́нну.

Глаза государя весело блеснули.

— А! очень радъ!—добродушно усмѣхнулся онъ:—вкусъ не дуренъ, шельмовская парочка будетъ, хоть куда... Aber, voyons!.. Невѣсту я, кажись, ужъ встрѣчалъ; при покойной теткѣ служила... мы вмѣстѣ танцами забавлялись... А ты при комъ въ штабѣ атташи́рованъ былъ?

— Генеральсъ-адъютантомъ при Панинѣ, — отвѣтилъ Мировичъ.

Государь поморщился.

— Перемиріе, господа, подписано!—сказалъ онъ, круто обернувшись къ гарнизоннымъ властямъ и щелкнувъ шпорами: — gratulire, поздравляю! скоро и вовсе конецъ войнѣ...

Всѣ молча отвѣсили поклонъ.

— Собираясь сюда,—продолжалъ Петръ Ѳедоровичъ:—я въ печать отдавалъ полученныя кондиціи перемирія; скоро явятся въ вѣдомостяхъ... Довольно изъ пустяковъ кровь проливать. А тебя, господинъ подпоручикъ Мировичъ, — за добропорядочное выглядѣнье и молодецкую мушгровку даже внѣ фронта,—жалую, не въ примѣръ прочимъ, персональнымъ моимъ порученіемъ... отчисляю отъ Панина въ столичный гварнизонъ...

Кровь бросилась въ голову Мировичу.

— «Вотъ когда, вотъ!»—мелькнуло у него въ умѣ:—«Боги! фортуна! внемлю твоимъ велѣніямъ!»—сказалъ онъ себѣ, съ забившимся сердцемъ, опускаясь передъ государемъ на одно колѣно.

Digitized by Google

— Явись завтра на вахтпарадъ! — продолжалъ Петръ Ѳедоровичъ: — или нѣтъ, еще день даю тебѣ въ презентъ... побудь съ невѣстой, — послѣзавтра... Рапортуй себя на плацу оберъ-кригскоммиссару... Понялъ?.. Онъ ужъ дальше о тебѣ доложитъ... Отъ коллегіи курьеромъ поѣдешь, съ дальнѣйшими негоціи о мирѣ, въ Бутурлину .. А какъ возвратишься назадъ, — глаза императора опять добродушно и весело забѣгали: — зови, батюшка, на пиръ, на свадебку... Très content, très content!.. Въ память тетки, вволь, самъ я и посаженымъ быть готовъ... не просишь?

Мировичъ былъ ошеломленъ, потрясенъ. Вокругъ него раздавались поздравленія. Ему жали руки, что-то ему говорили. Онъ ничего не понималъ. Безсознательно отвѣтивъ на вопросъ тайнаго государева секретаря, на ходу записывавшаго объявленное о немъ повелѣніе, онъ увидѣлъ, что всѣ бросились изъ крѣпости на берегъ за императоромъ, и самъ пошелъ туда же, вслѣдъ за другими.

— Herr Du, mein Heiland! ist das ein Volk! — садясь въ катеръ, сказалъ Унгерну Петръ Ѳедоровичъ: — крокодилово отродье! бѣдный принцъ!.. Изъ ума нейдетъ... А гдѣ-жъ мы, voyons, господа, важныя дѣла сдѣлавши, нашу солдатскую трубку выкуривать будемъ?

— Alles ist im Posthause bereit, Majestät! — подсаживая государя, отвѣтилъ баронъ Унгернъ.

На городскомъ берегу Петра Ѳедоровича встрѣтила депутація отъ крестьянъ и мѣщанства. Впереди нѣсколькихъ, безъ шапокъ, старыхъ и молодыхъ, въ тулупахъ и охабняхъ, бородачей, къ нему выступилъ, съ хлѣбомъ-солью, высокій, тощій, съ тусклыми оловянными глазами, желтолицый и, какъ юноша, безбородый петербургскій мѣщанинъ, недавно записавшійся въ здѣшніе купцы. Посадскій приставъ, завидѣвъ его съ лодки, сталъ бѣлъ, какъ стѣна. Купчина былъ тамошній салотопенный заводчикъ, изъ толка бѣгуновъ, извѣстный въ околоткѣ и въ столицѣ скопецъ Кондратій Селивановъ. Онъ содержалъ въ Шлиссельбургѣ подворье, гдѣ стоялъ и Мировичъ.

— Государь-батюшка, второй нашъ искупитель! — сказалъ, опускаясь на колѣни, Селивановъ: — бьютъ насъ, мучатъ іуден, злы посадски фарисеи! ты одинъ наша надёжа! Сокатился съ небеси... Удостой, батюшка, своимъ заѣздомъ вѣрныхъ, хоть и малыхъ твоихъ людишекъ... Заводъ мой тута неподалечку, въ лѣсу, и тебѣ, сударь, по дорогѣ...

— Уважь, родимый, уважь, батюшко! — поклонились прочіе изъ толпы.

Digitized by Google

— Сентантъ!—виолголоса сказалъ Унгернъ:—приставъ аттестуетъ,—раскольщикъ...

— Вѣроправность... der Glaube muss frei sein! — отвѣтилъ императоръ.

Петръ Ѳедоровичъ заѣхалъ къ Селиванову. Тамъ государь кушалъ завтракъ, было при томъ куреніе всею компаніей трубокъ и обильное угощеніе всей свиты. Доставались и приносились изъ погребовъ водяники-холодянки, бархатное пиво, вина и сладкій медовъ. — Уѣзжая, государь пригласилъ Селиванова на свои именины въ гости, въ Ораніенбаумъ. «Къ попу въ крѣпости не зашелъ, не заглянулъ и въ церковь» — шептали по курнымъ, темнымъ хатёнкамъ, на рынкѣ и по кружаламъ въ городѣ: «а къ толстосуму-скопцу заѣхалъ... Знать, близки послѣдни времена».

На обратномъ пути съ Петромъ Ѳедоровичемъ въ возкѣ ѣхали Корфъ и Волковъ. Волковъ дремалъ. Корфъ усердно бесѣдовалъ съ государемъ. Угощенія на Селивановскомъ заводѣ развязали словоохотливый языкъ стараго барона. Онъ то смѣялся, то сыпалъ забавными, городскими анекдотами. Передразнивая тѣхъ, о комъ говорилъ, онъ сообщилъ, между прочимъ, свѣжія сплетни о недовольствѣ уволеннаго на отдыхъ отъ всѣхъ дѣлъ, графа Алексѣя Разумовскаго, и о новыхъ любовныхъ интрижкахъ стараго и беззубаго подагрика, князя Никиты Трубецкаго. При этомъ зашла рѣчь и объ Орловыхъ... Корфъ помолчалъ, что-то подумалъ и спросилъ государя, слышалъ ли онъ о томъ, что Шванвичъ, изрубившій младшаго изъ Орловыхъ, вновь показался въ Петербургѣ?

— Фанфаронъ и трусъ, этотъ твой Шванвичъ! и чего онъ ретировался!—сказалъ, нахмурясь, Петръ Ѳедоровичъ:—не худо бы и другого, старшаго изъ Орловыхъ, ему въ дисциплину привести... Григорій ужъ больно фонаберитъ... да не по носу табакъ... А съ жонушкой мы еще посчитаемся...

— Обсерви́рую, ваше величество, обсерви́рую! — сказалъ Корфъ:—всѣ акціи, всѣ плутовства ихъ у меня пренумерованы... Моментъ, ассюри́рую васъ, моментъ, и всѣхъ накрывать будемъ...

Государь улыбнулся, весело посвисталъ.

— И у меня, баронъ, резонабельный и бравый прожектецъ изготовленъ,— сказалъ онъ:—свѣтъ изумится! Потерпите только немного...

Digitized by Google

Поздно за полночь оба возка въѣхали въ Петербургъ. Волковъ, утонувшись въ уголъ кареты, храпѣлъ. Корфъ также начиналъ подремывать.

— Э, браво! тайный мой конференцъ-секретарь спитъ, — обратился Петръ Ѳедоровичъ къ Корфу: — даешь слово молчать?.. ein Wort — ein Mann?

— Ich schwöre! клянусь, ваше величество!

— Такъ держи-жъ секретъ — вотъ что мнѣ совѣтуютъ... И ты, какъ честный солдатъ, пособляй мнѣ во всемъ... Въ маѣ, или — что́ то же — въ іюнѣ, возьму Иванушку изъ крѣпости въ Петербургъ, обвѣнчаю его съ дочкой моего дяди, принца Голштейнбекскаго, и прокламирую, — какъ своего наслѣдника...

Корфъ помертвѣлъ.

— Herr Gott!.. А государыня, а вашъ сынъ? — спросилъ онъ, подъ скрипъ тяжелаго возка, нырнувшаго въ уличный, громадный ухабъ.

Дремота мигомъ слетѣла съ головы барона.

— Мейне либе фрау, — улыбнулся императоръ: — я постригу въ монахини, какъ сдѣлалъ мой дѣдъ, великій Петръ, съ первою женою — пусть молится и кается! и посажу съ сыномъ въ Шлиссельбургъ, въ тотъ самый домъ, который для принца Ивана велѣлъ построить... Ну? was willst du sagen? И домъ тотъ будетъ имъ похоронный катафалкъ, кáструмъ долóрисъ...

— Lieber Gott! ist das möglich, Majestät? Чтобъ съ того не вышла гибель для государства, а то и для васъ самихъ...

— Пустяки! vogue la galère!.. сдумано, сдѣлано! — сказалъ Петръ Ѳедоровичъ: — таковъ мой рыцарскій девизъ... Не отступать, чортъ побери, не отступать! Что? форсировано маленько? Трусишь? Wir wollen, голубчикъ, ein bischen Rebellion machen...

— Что моей роли касается, можете, ваше величество, фундаментально спокойны быть, — отвѣтилъ генералъ-полиціймейстеръ: — meine Ergebenheit... моя преданность къ вамъ, Majestät, изъ мрамора, изъ гранита... и тайну эту изъ моей души до смерти не вырвутъ...

На другой день, поздно вечеромъ, Корфъ подъѣхалъ, съ Мойки, къ аппартаментамъ императрицы, былъ тайно, по черной лѣстницѣ, къ ней введенъ и сообщилъ ей все слышанное отъ императора. Но его предупредили.

Волковъ еще ранѣе, а именно утромъ того дня, проникъ къ

Digitized by Google

камеръ-фрау государыни, Катеринѣ Ивановнѣ Шаргородской, и черезъ эту довѣренную особу, — съ которой онъ давно ужъ велъ на всякій случай переговоры,—сообщилъ Екатеринѣ Алексѣевнѣ не только то, что говорилъ государь Петръ Ѳедорычъ, но и то, что было при томъ отвѣчено Корфомъ.

«Петровцы» замѣтно начинали переходить въ лагерь «Екатериновцевъ». Приближались событія, такъ характерно названныя въ одномъ изъ украинскихъ мемуаровъ того времени «Похожденіями извѣстныхъ петербургскихъ дѣйствъ».

Григорій Данилевскій.

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Э Х О.

Изъ Ф. Коппи.

Я громко сѣтовалъ въ пустынѣ:
«Кто будетъ близокъ мнѣ отнынѣ,
Какъ были близки сердцу вы?»
Мнѣ эхо вторило: «увы!»

«Какъ буду жить, больной и скучный,
Томимъ печалью неотлучной
И рядомъ горестныхъ годинъ?»
Мнѣ эхо вторило: «одинъ!»

«Но что мнѣ дѣлать? Міръ — могила,
Мнѣ жизнь безцѣльная постыла.
Гдѣ прежній блескъ, и шумъ, и рай?»
Сказало эхо: «умирай!»

Digitized by Google

II.

НЕВОЛЬНЫЙ ОБѢТЪ.

Я схоронилъ для думъ ненарушимыхъ,
Для чистыхъ грезъ, для отдыха въ борьбѣ,
Средь малыхъ тайнъ, завѣтныхъ и любимыхъ,
Я схоронилъ привязанность къ тебѣ!

Издалека, забытый на чужбинѣ,
Люблю въ мечтахъ бесѣдовать съ тобой
Подъ стукъ часовъ на гаснущемъ каминѣ,
Подъ музыку сосѣдки молодой.

Люблю гадать, кого съ желаннымъ пыломъ
Ты назовешь избранникомъ своимъ?
И долго ли на сердцѣ неостыломъ
Онъ будетъ жить никѣмъ незамѣнимъ?

Мнѣ жребій твой рисуется счастливымъ,
Любовь и миръ пророчу я тебѣ,
Всѣ дни твои съ участіемъ ревнивымъ,
Съ молитвами довѣрилъ я судьбѣ.

И лишь порой, сомнѣньями терзаемъ,
Боюсь считать бѣгущіе года,
Боюсь, что врозь мы счастья не узнаемъ,
А близкими не будемъ никогда.

С. Андреевскій.

Digitized by Google

НАШЕ ПЧЕЛОВОДСТВО

И

ЗЕМСТВО.

Сельско-хозяйственная заметка.

Въ виду сильнаго упадка въ Россіи пчеловодства, Императорское Вольное экономическое общество обратилось въ послѣднее время къ земствамъ, съ цѣлью возбудить ихъ вниманіе къ такой полезной отрасли хозяйства. Осеннія уѣздныя очередныя земскія собранія, дѣйствительно, занялись обсужденіемъ этого „жалкаго" вопроса, но въ большинствѣ отнеслись къ нему такъ же, какъ къ волчьему вопросу (уничтоженію волковъ) въ безлѣсныхъ губерніяхъ, гдѣ одинъ волкъ на пять уѣздовъ, и отнеслись такъ не по скупости и не по какимъ-либо интригамъ партій, а по той односторонности взгляда, съ которою наши земства вообще относятся къ своему призванію. Они не скупы на разные ремонты, содержанія, учрежденія, награды и проч.; отъ такихъ расходовъ въ уѣздѣ улучшаются нѣкоторыя удобства жизни: не ломается рессора на мосту, не вязнетъ въ грязной гати мужичокъ съ возомъ, не всегда умираетъ и не всякій житель безъ медицинской помощи, благоденствуетъ персоналъ управскій, медицинскій, не совсѣмъ умираютъ съ голода сотни учителей народныхъ, понадвинули на себя курчавыя шапки и сапоги съ нахмуромъ разные подрядчики и проч. Все это очень хорошо: земство многимъ даетъ развлеченіе и хлѣбъ; все это прекрасно, но почему же любому земству не дѣлать затратъ чисто-экономическихъ, чтобы копѣйка добывала рубль, какъ это дѣлается въ частныхъ хозяйствахъ?

Digitized by Google

Наши земства, въ теченіи двѣнадцати лѣтъ, безспорно сдѣлали много полезнаго: и школы, и больницы, и паромы, гдѣ нужно,—но укажите мнѣ что-нибудь такое, что бы относилось къ *усиленію и развитію* народнаго богатства. Можно подумать, что, кромѣ земскихъ буравовъ, для пробы богатства въ нѣдрахъ земли, ничего болѣе не сдѣлано. При всѣхъ сказанныхъ, прекрасныхъ учрежденіяхъ земскихъ, обыватель не только не кладетъ себѣ въ карманъ копѣйку, а, напротивъ, уплативши земскія пошлины на всѣ эти учрежденія, всюду приплачиваетъ деньги. И для доктора крестьянинъ нанимаетъ тройку съ мягкимъ экипажемъ, и фельдшеру несетъ фунтъ масла, окорокъ ветчины, десятокъ яицъ, и на паромѣ даетъ пятачокъ на водку, и, загрязши въ земской гати, нерѣдко отплачивается рублями за выволочку; ремонтируетъ, отопляетъ школу, и учителю, не естественно проживающему въ годъ на шестьдесятъ земскихъ рублей, тоже несетъ ломтикъ хлѣбушка, курчонку...

Гдѣ же обыватель не приплачиваетъ къ земскимъ учрежденіямъ?— кажется, только однѣмъ акушеркамъ, которыхъ нашъ народъ боится: „она, говоритъ, съ ножами, Богъ съ ней, споконъ-вѣка рожали безъ ножей". Гдѣ обыватель, въ силу земскаго учрежденія, *пріобрѣтаетъ* что-нибудь въ своемъ хозяйствѣ? Колесо не сломалось на хорошоустроенномъ мосту и ѣздитъ лишній годъ, сына вылечитъ докторъ, и онъ отъ заработковъ приноситъ въ домъ деньги; все это такъ, но это уже слишкомъ косвенно; прямымъ способомъ получаютъ отъ земства деньги только лица, служащія земству, но это лишь размѣнъ труда на деньги. Тогда только обыватель будетъ получать, при посредствѣ земства, чисто матеріальную пользу, и будетъ расти народное богатство, когда наши земства не будутъ считать себя только кассирами и приказчиками, составителями разныхъ смѣтъ и раскладокъ и расходователями народныхъ рессурсовъ, а сельскими хозяевами въ странѣ, стригущими волну съ своего стада, но съ тѣмъ вмѣстѣ заботящимися, чтобы ихъ стадо, годъ отъ года, было пушистѣе этой волной. Мнѣ кажется весьма важнымъ этотъ вопросъ, хотя онъ, конечно, по юности земства, по наслѣдственной привычкѣ лишь управлять, распоряжаться, да расходовать добытое чужимъ трудомъ, и по многимъ другимъ причинамъ, еще не вошелъ въ сознаніе нашихъ земцевъ.

Всякій хорошій хозяинъ, расходуя деньги на обработку полей и уборку съ нихъ хлѣба, не мало тратитъ и на удобреніе полей. И земство, сознавая себя хозяиномъ въ странѣ, должно заботиться и тратить деньги на постепенное увеличеніе народнаго богатства. А земство знаетъ одно: нѣтъ денегъ,— нужно увеличить налоги; и такъ всякій годъ приходится надбавлять по копѣечкѣ пошлины, для

Digitized by Google

покрытія разныхъ дефицитовъ. Согласенъ,—но нужно обратить вниманіе на характеръ расхода: производительный онъ, или непроизводительный — доставляющій мнѣ удобство и удовольствіе въ жизни, съ истощеніемъ средствъ, или же дающій мнѣ эти удобства, годъ отъ года усиливая мои средства, а съ тѣмъ вмѣстѣ и самыя удобства. Рубль, истраченный на удобреніе земли, даетъ мнѣ по крайней мѣрѣ пять рублей. Для подобныхъ расходовъ не слѣдуетъ жалѣть денегъ. Купецъ тратитъ пять рублей для того, чтобы они вернулись съ гривенникомъ. Собери, спеціально увеличь налогъ для подобныхъ цѣлей, всякій съ удовольствіемъ отдастъ въ земство лишнюю копѣйку, когда всѣмъ существомъ будетъ сознавать, что она самъ-пять возвращается назадъ. Послѣ можно брать и по пяти копѣекъ лишняго налога, и больше, въ видахъ возрастающаго матеріальнаго быта народа, когда всякая эта копѣйка будетъ возвращаться самъ-пять. И милліоны сборовъ намъ будутъ ни почемъ, когда, при содѣйствіи земства, мы ихъ откопаемъ на землѣ русской. А они есть у насъ, но лежатъ „подъ камушкомъ“...

Изъ массы такихъ богатствъ, лежащихъ у насъ подъ камушкомъ, я останавливаюсь именно на пчеловодствѣ: тутъ всего нагляднѣе можно показать, какъ великъ тотъ ущербъ, который мы испытываемъ, оставляя лежать втунѣ громадную творческую силу природы, которою мы окружены со всѣхъ сторонъ. У насъ постоянно говорятъ о недоборѣ податей,—а какъ великъ нашъ недоборъ съ природныхъ силъ страны?!

Представьте себѣ сто десятинъ гречи, лѣсокъ, садикъ-другой въ селеніи. Все это цвѣтетъ. Есть въ селеніи пятьсотъ ульевъ пчелъ,—онѣ наносятъ съ цвѣтовъ отъ 500 до 1000 пудовъ меда, считая и прибыль молодыхъ, отъ 20 до 40 пудовъ вощины; да прибавокъ въ пчелахъ хоть на 300 ульевъ (бываетъ отъ пятисотъ—пятьсотъ). А нѣтъ пчелъ—нѣтъ ни продуктовъ и ни роевъ. Кромѣ того, пчелы, возясь въ цвѣтахъ, разволакиваютъ плодотворную пыль по тычинкамъ цвѣтовъ, чѣмъ способствуютъ усиленной завязи плода. Нѣтъ, или мало въ селеніи пчелъ—мало и завязи плодовъ, меньше и гречи, и яблокъ, и персиковъ. Красивый, но неоплодотворенный цвѣтъ, безполезно и уныло упадаетъ на землю, превращаясь въ почву. Такимъ образомъ, и меду нѣтъ, и гречи меньше, и столъ обывателя скуднѣй, безъ меда и каши, и денегъ меньше въ домѣ, недовыручennыхъ за излишніе медъ и гречиху.

Прикинемъ на счетахъ весь этотъ недоборъ, такъ сказать, *съ воздуха*, происшедшій вслѣдствіе только того, что въ селеніи сдѣлалось на 500 ульевъ меньше. Возьмемъ въ нашемъ разсчетѣ minimum производства 500 ульевъ. 500 пудъ меда, полагая пудъ по 4 руб. (онъ

Digitized by Google

теперь 4 р. 50) = 2000 руб.; 20 пуд. вощины по 10 р. — 200 руб., 100 молодыхъ роевъ=500 руб. Итого — 2,700 рублей! Такую сумму теряетъ одно лишь селеніе, съ весьма ограниченнымъ посѣвомъ гречи и съ малымъ количествомъ садовъ и лѣсовъ. Помножимъ эти 2,700 руб. на 70, сколько въ нашемъ уѣздѣ селъ, съ церквами, садами, лѣсами и большими посѣвами гречи, клевера и другихъ травъ: въ итогѣ окажется 189 тысячъ. Это не добираетъ *съ воздуха* уѣздъ, тратящій на всѣ земскія потребности 70 тысячъ, потому только, что пчеловодство упало, и намъ некогда его поднять. Помножьте эту цифру на число уѣздовъ въ Россіи—много окажется милліоновъ.

Если сложить со счетъ цѣлыхъ 119 тысячъ, чтобы не казалось инымъ эта цифра фиктивною и созданною воображеніемъ любителя пчелъ,— и тогда въ уѣздѣ однѣ пчелы состроятъ намъ мосты, засыпятъ гати, дадутъ жалованье персоналу судебному, управскому, медицинскому и всякому земскому—пчелы, а не люди, крахтящіе съ кошельками въ казначействахъ, при уплатѣ земскихъ пошлинъ. Не даромъ пчеловоды въ народѣ пользуются хорошею репутаціею, и пчелы служатъ всегда признакомъ доброй семьи: „Хор-рошіе люди—*у нихъ и пчелы есть*“—обыкновенно добавляютъ, рекомендуя крестьянскую семью.

Разсуждая объ упадкѣ пчеловодства въ земствахъ и въ частныхъ разговорахъ обыкновенно ссылаются на измѣненіе климата, вслѣдствіе вырубки лѣсовъ и распашки новей — луговъ. Дѣйствительно, пчелы любятъ лѣсочки и луга, но никакъ нельзя признать этого обстоятельства коренною причиною упадка у насъ этой полезной отрасли хозяйства. Напротивъ, наши малолѣсныя среднія губерніи—попрежнему пчеловодныя, сравнительно съ густо-лѣсными, и это вотъ почему. Извѣстно, что въ лѣсныхъ губерніяхъ вообще посѣва хлѣба мало—полоски все, а гречихи почти и вовсе не сѣятъ. Лѣсъ цвѣтетъ весной, среди лѣта цвѣтетъ липа и разныя травы въ лугахъ. Греча цвѣтетъ два мѣсяца лѣтнихъ—іюнь и іюль. Липа цвѣтетъ двѣ недѣли, въ іюлѣ. Гречиху хозяева сѣятъ въ разное время: и раннюю, и среднюю и позднюю, и пчеловодъ можетъ даже нарочно для пчелъ сѣять и раннюю и позднюю, липы же не посѣешь, а луга на цвѣту убираются въ сѣно. У пчелъ весь весенній цвѣтъ идетъ на производство молодой мухи, а лѣтній въ запасъ на зиму. Въ гречишныхъ странахъ пчела имѣетъ времени для запаса 2 мѣсяца, въ лѣсныхъ 2 недѣли. Случись въ эти 2 недѣли непогода, когда пчелы летѣть не могутъ, и пчеловодство должно погибнуть, что и доказалъ 1877 годъ: у насъ, при безлѣсьи, пчеловодство шло какъ нельзя лучше, а въ лѣсныхъ странахъ, въ засѣкахъ, оно сильно пострадало. Въ лѣсныхъ странахъ пчелы лучше роятся, сравнительно съ нашею мѣстностію

Digitized by Google

—больше прибыли роевъ, но на что они, когда имъ нечего кушать зимой, и они должны погибнуть. Медъ и воскъ—цѣль пчеловодства. Лѣсные пчеловоды удивляются, что мы получаемъ меду изъ одного улья до пяти пудовъ, а почему?—Потому, что наша пчела беретъ съ разныхъ посѣвовъ гречи цѣлыхъ *два* мѣсяца, а не двѣ недѣли. Вотъ почему не слѣдуетъ останавливаться на этой климатической причинѣ упадка пчеловодства и задумываться разводить пчелъ. Лучше поискать другія причины — и, по возможности, устранять ихъ, чтобы не пропадали у насъ летающіе въ воздухѣ милліоны.

Начиная съ 1861 года, помѣщики, заботясь о преобразованіи своихъ хозяйствъ на новый ладъ, старались все сложное въ хозяйствѣ сократить: овцеводство, коннозаводство, пчеловодство и почти всякое „водство", кромѣ главнаго—полеводства. Пчелъ своихъ отдали на выломку и пчельники разорили. Такимъ образомъ погибло безвозвратно несчетное количество ульевъ.

По разверстаніи угодій между крестьянами и помѣщиками, лѣса отошли къ послѣднимъ. Въ крѣпостной зависимости крестьянина помѣщикъ дозволялъ ему водить пчелъ въ господскомъ лѣсу и бралъ за это съ него пудъ меда, къ Спасу, а теперь онъ предложилъ ему удалиться изъ лѣса съ пчелами, опасаясь порубки [1]). Усадьба у крестьянина тѣсна, да и законъ воспрещаетъ водить пчелъ въ усадьбахъ [2]). Крестьянинъ-пчеловодъ принужденъ взяться за желѣзный крюкъ и утопить пчелъ въ ихъ же меду. Вотъ опять погибло безвозвратно несчетное количество ульевъ.

Семейный раздѣлъ въ крестьянскомъ быту весьма вредно повліялъ на экономическое положеніе крестьянина вообще, а на пчеловодство въ особенности. Раздѣлилась семья, раздѣлили и пчелъ пополамъ. Новый хозяинъ — молодой, плохо умѣетъ ходить за пчелами, да и некогда одинокому,—принужденъ *сломать* пчелъ. Опять безвозвратно погибло множество роевъ. Крестьянинъ складываетъ порожнія колоды въ сарай и, съ прискорбіемъ воспоминая медовое времячко, обдумываетъ: корыта, что-ль, подѣлать изъ нихъ для скота?

И прежде у насъ мало и совсѣмъ мало было такихъ пчельниковъ, гдѣ бы пчелы водились, болѣе или менѣе, раціонально. Это у какого-нибудь помѣщика-охотника, изрѣдка у священника заштатнаго. Больше, умѣнье водить пчелъ передавалось изъ рода въ родъ, съ натуры, по преданію; а теперь вывелись и послѣдніе пчеловоды. Печатныя руководства страшно дороги для мужика, или неподходящи

[1]) Кто-то запретилъ водить въ своемъ лѣсу пчелъ и не вошелъ съ пчеловодомъ ни въ какія соглашенія потому, что его укусила пчела, когда онъ ѣхалъ верхомъ, по опушкѣ лѣса.

[2]) Статистика, впрочемъ, молчитъ о пожарѣ отъ пчельниковъ.

Digitized by Google

по климату — писаны про пчелъ швейцарскихъ, итальянскихъ, или писаны не имѣющимъ ни малѣйшаго понятія въ пчелахъ—со словъ неграмотнаго пчеловода, или же слишкомъ учены—мудрены; много въ нихъ подробностей, какъ пчелы живутъ, и мало—какъ ихъ водить. Химическій составъ какой-нибудь влаги, которою пчелы заливаютъ свою дѣтку, когда она бываетъ въ фазисѣ червя, исчерпанъ до дна, а какъ приступиться къ улью и какъ обращаться съ пчелой, чтобы она была полезна въ хозяйствѣ, говорится мало.

— Загубилъ я деньги, купилъ эту книгу, не нашему брату ее читать, говорилъ мнѣ одинъ грамотный мужичокъ-пчеловодъ, читалъ-читалъ, ничего не понялъ, обираетъ кое-что вокругъ жала, да штупальцевъ какихъ-то—возьми себѣ—можа пригодится.

— Ужъ какъ мнѣ хотца завести пчелъ,—говорилъ другой, и мѣсто первый сортъ, и ульевъ порожнихъ наворочено — проходу нѣту-ти. Бывалыча, вспомнишь, я махонькій былъ, меду круглый годъ не выворотъ, а конѣ таѣ душу помарать не чѣмъ—рушай кортошку одну. Боюсь, не совладѣю. Вонъ Ликсѣй Сусойкинъ купилъ, больно боекъ, сразу на пятьсотъ, и провалилъ домокъ.

Вся бѣда произошла отъ незнанія дѣла, а между тѣмъ ни одна хозяйственная отрасль не беретъ такъ мало времени въ году для ухода и не можетъ приносить такихъ процентовъ на затраченный рубль, какъ пчеловодство. Пчелы требуютъ за собою ухода только четыре мѣсяца въ году: апрѣль, май, іюнь и іюль. Да и того меньше: обыкновенно пчелъ выставляютъ въ первой половинѣ апрѣля и къ 20 іюля пчелиный сезонъ кончается. Изъ этого короткаго времени, собственно похлопотать нужно на пасекѣ, въ 150 ульевъ, недѣлю весной по выставкѣ и одинъ мѣсяцъ въ ройку; въ остальное время посматривай, какъ пчелы летаютъ на цвѣты, да подкармливай сытой слабыхъ, если окажутся. А въ остальные мѣсяцы года, кромѣ караула, хозяинъ можетъ забыть, что у него есть пчелы. Взгляните на земледѣліе—какимъ неудержимымъ колесомъ оно вертится круглый годъ, сообразите, что при скотоводствѣ вы должны 730 разъ напоить животное и столько же задать ему корма, почистить, расчистить, подковать, кладь дать и проч. За всѣмъ этимъ мы круглый годъ хлопочемъ, изъ-за 4—10 процентовъ; почему же, при общемъ хозяйствѣ, не похлопотать пять недѣль въ году, если бы пчеловодство давало тѣ же проценты, что земледѣліе и скотоводство, на затраченный рубль. Но пчеловодство, въ десятилѣтней сложности, всегда даетъ до 30%. Правда, оно одинъ годъ дастъ 100% а другой разъ и убытокъ, но и пшеница иной годъ сильно родится, а въ иной выйдетъ на весну черная земля, однако мы не останавливаемся сѣять пшеницу.

Digitized by Google

Говорятъ также, что въ наше время медъ замѣнился сахаромъ, воскъ—стеариномъ, парафиномъ и такъ-называемою японскою смолой; медовыхъ напитковъ-шипучихъ стало мало въ употребленіи; раскольники больше не боятся сахару, который прежде считали скоромнымъ, по причинѣ очистки сахарнаго сиропа кровію и костями животныхъ, и стали меньше употреблять медъ при поминкахъ. Въ былыя времена, на поминкахъ богача-раскольника, народъ поѣдалъ, по душѣ покойника, пудовъ до пятидесяти съ-разу, а нынѣ стали разводить сытицу, иной разъ сахарную. Для благочестивыхъ купчихъ, не вкушавшихъ, яко бы скоромный, сахаръ на первой и послѣдней недѣляхъ поста, а пробавлявшихся медкомъ, фабриканты придумали постный сахаръ — крашеный. Но при всей этой конкурренціи, пчелиные продукты: медъ и воскъ, нисколько не дешевѣютъ. При рублѣ на ассигнаціи воскъ былъ 25 к. фунтъ ассигнаціями, медъ 7 руб. пудъ ассигнаціями; въ настоящее время — воскъ 20—25 к. серебр. фунтъ, медъ—4 р. 50 к. до 5 р. пудъ. Чего же еще хотѣть? Заплатите вы 5 руб. за улей пчелъ, и въ два лѣта, среднимъ числомъ, получите отъ него одного молодого роя—улей, да онъ наноситъ меда хоть одинъ пудъ—меньшее. Вощину не считаю—это за уходъ. Молодой улей возвращаетъ вамъ собою затраченный капиталъ, а пудъ меда, стоящій хоть 4 рубля, выражаетъ собою 40% ежегодно, при хлопотахъ 6 недѣль въ цѣломъ году.

Воскъ никогда не упадетъ въ цѣнѣ; не вывести его изъ употребленія ни парафину, ни японской смолѣ. Свѣча изъ чистаго воска продается—26 руб. пудъ, свѣча изъ японской смолы—18 р. пудъ. Свѣча изъ смолы, одинаковаго вѣса и размѣра съ восковою, зажженная въ одно время съ восковою, догараетъ до тла, треща, какъ солома и обливаясь потоками на стороны, тогда какъ чисто восковая свѣча сгоритъ въ то же время лишь на-половину. Употребленіе свѣчей изъ японскаго воска въ церквахъ держится на фиктивной дешевизнѣ, сравнительно съ чисто восковой свѣчей, и 5 рублей угораетъ изъ церковнаго кошелька, при употребленіи свѣчей не чисто восковыхъ.

Что же касается до меда, то что́ же мѣшаетъ изъ медовой патоки дѣлать сахаръ. Дѣлаютъ же его изъ патоки свекловичной, изъ тростниковаго песка. Достаетъ же у насъ энергіи, труда и капитала, чтобы, работая цѣлое лѣто, выгнать изъ земли свекловицу и потомъ изъ берковца свекловицы, путемъ разнообразныхъ многосложныхъ операцій по заводу, выгнать пудъ патоки, а изъ пуда патоки, при помощи паровыхъ центробѣжекъ и спирально-круго и угло-образной бѣготни народа—выгнать 17—20 фунт. сахара; почему же не гнать изъ меда сахара, отъ котораго отдѣлить инородныя частицы, окристаллизо-

Digitized by Google

вать, по крайней мѣрѣ въ десять разъ нужно меньше и хлопотни и труда. Я совсѣмъ не химикъ, но языкъ докладываетъ каждому, что изъ пуда меда должно выдти значительное количество самаго лучшаго рафинада, при самыхъ немногосложныхъ машинахъ.

Возвращаюсь къ тому, съ чего началъ. Что же именно могутъ сдѣлать земскія учрежденія, для поднятія у насъ падающаго пчеловодства? Дѣло земства, прежде всего, распространять знаніе въ народѣ водить пчелъ; пріобрѣтать для школъ лучшія руководства по пчеловодству, заводить пчеловодныя школы и поощрять тѣхъ, кои будутъ заводить пчелъ, и тѣхъ, кои будутъ учиться пчеловодству. Задача весьма важная и не особенно трудная, но такая задача, которую не могутъ выполнить частныя лица, а есть дѣло именно такого учрежденія, какъ земство. Лучшими руководствами земство можетъ снабдить уѣздъ на какіе-нибудь 200 рублей: хорошія руководства будутъ немедленно раскуплены.

Для приготовленія же практическихъ мастеровъ пчеловодства, которые могли бы наниматься по пчельникамъ и сами водить пчелъ, не слѣдуетъ учреждать особенную школу, съ администраціею, бюрократіею, съ кухарками, сторожами и, пожалуй, съ особеннымъ пчеловоднымъ участкомъ мирового судьи, на случай покражи мальчишками разныхъ пчеловодныхъ орудій, а просто ассигновать 200 рублей въ годъ и выдавать изъ нихъ по 3 руб. въ мѣсяцъ десяти ученикамъ, не моложе 15 лѣтъ, которые практически учились бы, на пчельникахъ извѣстныхъ охотниковъ-пчеловодовъ, какихъ найдется въ уѣздѣ три, пять, десять. Ученикъ, получая 12 руб. въ 4 мѣсяца лѣтнихъ, безъ ущерба въ домашнемъ хозяйствѣ, научится пчеловодству. Безъ платы за то, что будутъ крестьянскаго мальчика учить, трудно найти учениковъ—имъ нужно лѣтомъ заработать что-нибудь, чтобы зимою не умереть. Остальные же 80 руб. употреблять въ награду пчеловодамъ, учителямъ и ученикамъ, которые отличатся на экзаменѣ особенными успѣхами.

Обученіе должно быть чисто практическое: перевернулъ улей, поймалъ матку и читай лекцію о примѣтахъ хорошихъ и плохихъ матокъ. Кромѣ хоть небольшого вознагражденія отъ земства, учитель-пчеловодъ, за содержаніе ученика и за лекціи, будетъ вознаграждаться трудомъ ученика на пчельникѣ. Ему нужно же нанимать парня, чтобы лѣзть на березу за роемъ.

Вотъ и школа—дешевая и сердитая. Смѣтливый парень можетъ отлично узнать пчеловодство въ одно даже лѣто, особенно при толковомъ пчеловодѣ и на большой пасекѣ, гдѣ въ одно лѣто представляется возможность практически на дѣлѣ ознакомиться со всѣми правилами ухода за пчелами. Разумѣется, въ маленькой пасекѣ не

Digitized by Google

всякой годъ бываютъ нѣкоторыя случайности по пчеловодству, напр., стирка (улетъ) молодого роя; но двухъ лѣтъ весьма достаточно, чтобы приготовить ученика. Значитъ—земство, за 40 рублей, пріобрѣтаетъ опытнаго пчеловода. Сумма ничтожная, но это крошечное зерно, брошенное земствомъ въ почву народнаго хозяйства, возрастетъ въ великое дерево. Въ два года 10 учениковъ, въ 4—20, вотъ и люди для помѣщичьихъ, купеческихъ и другихъ пчельниковъ,—вотъ и люди, которые воскресятъ угасающее у насъ знаніе водить пчелъ среди народа. При всемъ моемъ личномъ знаніи водить пчелъ, я съ удовольствіемъ нанялъ бы себѣ ученаго пчеловода, но такого нѣтъ. По любви къ пчеловодству, я имѣлъ три пчельника, на разстояніи трехъ верстъ: одинъ въ 230 ульевъ, другой въ 150 и третій въ 90 ульевъ — замучился, разъѣзжая и указывая, какъ вести дѣло, знатоковъ нѣтъ, и я, съ прискорбіемъ, принужденъ былъ продать два пчельника, оставивши себѣ главный. Можно-бъ въ одно мѣсто соединить, но такое количество ульевъ должно быть по отдѣленіямъ въ 150—200 ульевъ—не иначе. Въ трехъ отдѣленіяхъ опять невозможно завѣдывать одному, безъ помощниковъ ученыхъ.

Одинъ знакомый мнѣ помѣщикъ платитъ 60 рублей въ лѣто пчеловоду, который улья замазать глиной не умѣетъ какъ надо, и Богъ знаетъ что дѣлаетъ съ его пчелами. Пусть эти 60 рублей получаетъ земскій ученикъ. Онъ и помѣщику принесетъ прибыль и себѣ, пріобрѣтая въ домъ больше денегъ, чѣмъ за пашню земли, и съ меньшимъ трудомъ дастъ своему краю въ годъ лишній рой, лишній пудъ меда, воска, которые, безъ знанія, просто исчезаютъ у насъ въ воздухѣ.

Повторяю, нашимъ земствамъ пора вообще позаботиться о народномъ богатствѣ; не все же быть только распорядителями и расходователями денегъ.

А. И. Успенскій.

С. Лобаново,
Ефрем. уѣзда, Тульской губ.

Digitized by Google

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Іюнь, 1879.

I.

— *Алексѣй Веселовскій.* Этюды о Мольерѣ. Тартюффъ. Исторія типа и пьесы. Москва, 1879.

Г-нъ Веселовскій, статья котораго о Мольерѣ („Вѣстн. Евр.", 1878 г., май) вѣроятно не забыта еще нашими читателями, предпринялъ цѣлый рядъ этюдовъ о Мольерѣ и выпустилъ въ свѣтъ первый изъ нихъ, посвященный „Тартюффу". Предметъ выбранъ весьма удачно; изъ среды произведеній Мольера, „Тартюффъ" одинаково выдается и по художественному, и по общественному, историческому своему значенію. Г-нъ Веселовскій обратилъ особое вниманіе на эту послѣднюю сторону; онъ рисуетъ прежде всего картину французскихъ нравовъ во второй половинѣ XVII-го вѣка, насколько она необходима для пониманія „Тартюффа",—разсказываетъ, далѣе, исторію типа, къ которому примыкаетъ герой Мольеровской комедіи, указываетъ на живые образцы, которые имѣлъ или могъ имѣть передъ глазами авторъ, и заключаетъ свой этюдъ повѣствованіемъ о преградахъ, какія долженъ былъ преодолѣть „Тартюффъ" до пріобрѣтенія правъ гражданства на французской сценѣ. Для полноты очерка недостаетъ только подробнаго критическаго разбора комедіи, какъ художественнаго произведенія. Съ другой стороны, нѣкоторыя части изслѣдованія страдаютъ избыткомъ полноты, особенно замѣтнымъ въ книгѣ, предназначенной не для французской, а для русской публики. Безспорно, „Тартюффъ" — достояніе не одной только французской, а обще-европейской или всемірной литературы; но его возводятъ на эту степень крупныя типическія черты, соединенныя въ одно цѣлое и освѣщенныя своеобразнымъ поэтическимъ дарованіемъ, а не мелочи, любопытныя только для спеціалистовъ по части полу-забытой беллетристики

Digitized by Google

или по части салонной жизни временъ стараго режима [1]). Современниковъ Мольера могъ занимать, даже волновать вопросъ о личностяхъ, послужившихъ первообразомъ Тартюффа; нѣкоторыя изъ догадокъ или разгадокъ, тогда предложенныхъ, могли сохранить интересъ курьёза и для позднѣйшихъ историковъ и любителей французской литературы; но для громаднаго большинства читателей совершенно безразлично, заимствовалъ ли Мольеръ фактическую подкладку своей комедіи изъ жизни аббата Рокетта или президента Ламуаньона. Г-нъ Веселовскій самъ не придаетъ большого значенія вопросамъ этого рода; онъ порицаетъ господствующую между біографами страсть подыскивать во что бы то ни стало оригиналы для каждаго, сколько-нибудь замѣчательнаго характера въ произведеніяхъ поэта. „За этою страстью къ мнимо документальной точности", говоритъ онъ, „скрывается на дѣлѣ (хотя никто въ этомъ не захочетъ сознаться) весьма невыгодное и поверхностное представленіе о сущности поэтическаго творчества; стремясь пришпилить къ каждому вымышленному поэтомъ характеру ярлычокъ, свидѣтельствующій съ чисто-ботанической обстоятельностью о его родѣ и видѣ, біографъ или критикъ въ сущности руководится мыслью, что вся работа художника состоитъ лишь въ списываніи портретовъ, что не отвлеченіе и художественная переработка характеристическихъ чертъ изъ дѣйствительности, а валовая ея передача въ литературной формѣ составляетъ основу всего творческаго процесса. Результаты этого метода, вообще, конечно, пригоднаго, бываютъ—въ случаѣ неукротимаго его приложенія—неясны, сбивчивы, даже забавны. Впрочемъ, есть примиряющая сторона и въ этомъ избыткѣ пытливости; масса побочнаго матеріала, могущаго все-таки сослужить свою службу при освѣщеніи вопроса, мимоходомъ освѣщается и обнаруживаетъ степень своей пригодности". Въ этихъ словахъ есть нѣкоторая неопредѣленность, отразившаяся и на всей главѣ, откуда они нами заимствованы. Авторъ сначала возстаетъ, повидимому, противъ самаго метода, потомъ—лишь противъ крайняго, неукротимаго его примѣненія; останавливаясь на послѣдней точкѣ зрѣнія, онъ отводитъ гипотезамъ о первообразѣ Тартюффа

[1]) Въ нашихъ библіографическихъ замѣткахъ намъ случалось уже не разъ возставать противъ излишней подробности историческихъ или историко-литературныхъ произведеній русскихъ писателей (гг. Лучицкаго, Пирогова, Стороженко), избирающихъ темы не изъ русской жизни. Мы позволяемъ себѣ настаивать на нашемъ возраженіи, потому-что считаемъ затрогиваемый имъ вопросъ важнымъ для успѣшнаго развитія только-что нарождающейся отрасли нашей литературы. Увлеченіе близко знакомымъ, любимымъ предметомъ, увлеченіе, ведущее къ обилію мелочей, деталей—весьма понятно, но сдерживать его необходимо, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не раздвинутся предѣлы и не вырастетъ подготовка нашей читающей публики.

Digitized by Google

(и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, даже не дѣйствующихъ, а только упоминаемыхъ въ комедіи — Дафне и Оранты) меньше мѣста, чѣмъ большинство французскихъ мольеристовъ, но все-таки еще черезъ-чуръ много. Намъ кажется, что *вообще приходимъ* методъ, описываемый г. Веселовскимъ, назвать никакъ нельзя. Есть отдѣльные случаи, въ которыхъ сходство вымышленнаго событія или лица съ дѣйствительнымъ безспорно, очевидно,—и тогда литературная критика не можетъ оставить его безъ вниманія, уже потому, что процессъ передѣлки реальнаго образа въ поэтическій, при полномъ знакомствѣ съ первымъ, представляетъ много интереснаго и поучительнаго; назовемъ для примѣра Вертера, для котораго послужили оригиналомъ и Іерузалемъ, и самъ Гёте; Чайльдъ-Гарольда, въ которомъ отчасти изобразилъ себя Байронъ; Эжена Ругона, въ которомъ не безъ основанія узнаютъ Руэра. Но если сходство слѣдуетъ доказывать сложнымъ путемъ сближеній, сопоставленій, догадокъ, если оно такъ неясно, что можетъ быть открываемо во многихъ, совершенно различныхъ и притомъ мало извѣстныхъ реальныхъ лицахъ, если въ поэтическомъ образѣ типическое рѣшительно преобладаетъ надъ личнымъ, случайнымъ, то поиски за его прототипомъ — напрасный, неблагодарный трудъ, ничуть не уясняющій мысли автора, не бросающій ни малѣйшаго свѣта на его внутреннюю работу. Несмотря на кропотливую, усердную работу нѣсколькихъ поколѣній мольеристовъ, Роветтъ и другіе мнимые оригиналы геніальнаго портрета выступаютъ передъ нами не такъ рельефно, чтобы сравненіе ихъ съ Тартюффомъ могло привести къ какимъ-нибудь опредѣленнымъ результатамъ. Да и помимо этого, самая связь Тартюффа съ тѣмъ или другимъ современникомъ Мольера болѣе чѣмъ сомнительна. Странно, что такой знатокъ Мольера, какъ г. Веселовскій, не обратилъ вниманія на одно знаменательное мѣсто въ „Impromptu de Versailles“, пьесѣ чисто-полемическаго свойства, заключающей въ себѣ, вмѣстѣ съ „Critique de l'école des femmes“, отвѣтъ Мольера на нападенія его враговъ и недоброжелателей. „Его намѣреніе“, говоритъ про Мольера одно изъ дѣйствующихъ лицъ этой пьесы, „описывать правду, не трогая личностей; всѣ герои его комедій — продукты его фантазіи. Стремленіе найти въ нихъ сходство, о которомъ онъ вовсе не думалъ, способно охладить его къ его искусству. Къ чему доискиваться, кого именно онъ имѣлъ въ виду, когда все сказанное имъ примѣнимо къ ста различнымъ лицамъ? Задача комедіи — изображать людскіе недостатки, особенно недостатки современниковъ; всякій характеръ, создаваемый Мольеромъ, по необходимости, слѣдовательно, имѣетъ кое-что общее съ тѣми или другими людьми, встрѣчающимися намъ въ свѣтѣ. Но если выводить отсюда, что всѣхъ этихъ людей Мольеръ

Digitized by Google

хотѣлъ вывести на сцену, то лучше ему перестать писать комедіи". Эти слова Мольера кажутся намъ совершенно искренними; видѣть въ нихъ только отводъ для глазъ, оправданіе, вызванное осторожностью, нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Само собою разумѣется, что матеріалъ для своихъ произведеній Мольеръ почерпалъ изъ жизни, что онъ видѣлъ вокругъ себя и „ученыхъ женщинъ", и кокетокъ въ родѣ Селимены, и „мѣщанъ во дворянствѣ", и донъ-Жуановъ и, наконецъ, Тартюффовъ; но останавливаться спеціально на одномъ опредѣленномъ экземплярѣ извѣстной группы ему не было надобности, уже въ виду многочисленности ея представителей. Главныя лица, созданныя Мольеромъ—скорѣе типы, чѣмъ характеры, скорѣе олицетворенія извѣстнаго свойства, чѣмъ сложные организмы съ ярко-индивидуальнымъ оттѣнкомъ; это также подтверждаетъ протестъ Мольера противъ приписываемой ему наклонности къ портретной живописи. *Побочный матеріалъ*, собранный и разсмотрѣнный г. Веселовскимъ, такъ и остается побочнымъ, представляясь цѣннымъ развѣ настолько, насколько онъ дополняетъ собою картину общественныхъ нравовъ во Франціи временъ Мольера; но дополненіе это не особенно важно, такъ какъ Рокетъ, Шарни, Итье и др. — заурядныя видоизмѣненія общаго типа, прекрасно обрисованнаго въ первой главѣ этюда г. Веселовскаго.

Бо́льшимъ сокращеніямъ могла бы подвергнуться и вторая глава этюда, посвященная литературной исторіи типа *ипокрита*, т.-е. лицемѣра. Г-нъ Веселовскій начинаетъ ее съ классической древности, съ Проперція и Овидія. Нѣкоторыя пьесы Мольера (напр. „Скупой"), представляютъ несомнѣнное сходство съ произведеніями римскихъ писателей, напр. Плавта; но именно Тартюффъ не имѣетъ никакихъ корней въ римской литературѣ: между нимъ и Леной Проперція, Дипсой Овидія нѣтъ рѣшительно ничего общаго. Въ средневѣковой беллетристикѣ точекъ соприкосновенія съ Тартюффомъ не мало; ихъ можно найти и въ „Roman du Renard", и у Боккаччіо, и у Ренье, и у Аретина, и у испанскихъ поэтовъ; но г-нъ Веселовскій, не довольствуясь указаніемъ нѣсколькихъ, наиболѣе крупныхъ предвѣстниковъ Тартюффа, перечисляетъ массу фигуръ, мало интересныхъ, бо́льшею частью ничего не добавляющихъ къ главному типу, иногда даже вовсе съ нимъ не схожихъ (напр., каноники Виллона и монахи Клемана Маро). Не обошлось дѣло и безъ повтореній, такъ какъ въ третьей главѣ г-нъ Веселовскій вновь обращается къ нѣкоторымъ изъ предшественниковъ Мольера, съ цѣлью указать, что̀ именно въ „Тартюффѣ" можно считать прямо заимствованнымъ у каждаго изъ нихъ. Такихъ заимствованій оказывается не много—и, слѣдовательно, не было надобности въ подробномъ знакомствѣ со всѣми новеллами,

Digitized by Google

сатирами, драматическими произведеніями, въ которыхъ съ помощью микроскопа можно отыскать что-нибудь издали напоминающее Тартюффа. Мольеръ, какъ и Шекспиръ, не всегда самъ сочинялъ сюжеты своихъ комедій; онъ бралъ ихъ иногда готовыми изъ того или другого литературнаго источника — и тогда изслѣдованіе этого источника, конечно, входитъ въ составъ задачи біографа или критика; но при созданіи „Тартюффа“ Мольеромъ былъ употребленъ другой пріемъ, устраняющій необходимость подобнаго изслѣдованія. Что касается до духовной солидарности съ соратниками, т.-е. съ другими борцами противъ лицемѣрія—солидарности, слѣды которой г-нъ Веселовскій не безъ основанія видитъ на каждой страницѣ „Тартюффа“, — то выставить ее на видъ можно было и безъ изложенія фабулъ, въ которыя облекалась мысль воинствующихъ враговъ ханжества. Несравненно важнѣе, въ этомъ отношеніи, изслѣдованіе тѣхъ нитей, которыя соединяли Мольера съ умственными теченіями его времени. Эта сторона вопроса освѣщена г-мъ Веселовскимъ какъ нельзя лучше; страницы, посвященныя ей, составляютъ самую интересную часть его книги.

„Тартюффъ“ былъ написанъ въ самый разгаръ борьбы между іезуитами и янсенистами, вскорѣ послѣ появленія знаменитыхъ „Lettres Provinciales“—Паскаля. По самому складу своего ума, чисто свѣтскаго, чуждаго тонкостей богословской полемики, Мольеръ не могъ принимать активнаго участія въ этой борьбѣ, не могъ примкнуть вполнѣ къ одной изъ борющихся партій; но къ которой изъ нихъ онъ могъ относиться съ бо́льшимъ сочувствіемъ и уваженіемъ — это вопросъ, не допускающій, повидимому, никакого сомнѣнія и разрѣшаемый въ пользу янсенистовъ самымъ бѣглымъ знакомствомъ съ „Тартюффомъ“ и его исторіей. Нашлись, однако, писатели, пришедшіе къ противоположному результату. Варенъ, основываясь на неизданной перепискѣ между однимъ изъ вождей янсенизма, Арно д'Андильи, и госпожей де-Сабле, видитъ въ Арно прототипъ Тартюффа, причемъ вся пьеса становится, конечно, обвинительнымъ актомъ противъ янсенизма. Спеціально на ту же тэму написана книга Лакура: „le Tartuffe par ordre de Louis XIV“, доказывающаго, что „Тартюффъ“ внушенъ іезуитами, заказанъ самимъ королемъ, исполненъ съ усерднымъ послушаніемъ преданнаго своему господину придворнаго писателя. Чтобы согласить эту гипотезу, подкрѣпленную только похвальными отзывами двухъ-трехъ іезуитовъ о „Тартюффѣ“, съ упорнымъ гоненіемъ, воздвигнутымъ противъ него именно іезуитами, Лакуръ предполагаетъ, что комедія Мольера была ложно понята, что генезисъ ея былъ забытъ, и толкованіе, видѣвшее въ ней сатиру противъ іезуитизма, принято, наконецъ, самими іезуитами.

Digitized by Google

Г-нъ Веселовскій доказываетъ вполнѣ убѣдительно очевидную нелѣпость Лакуровской гипотезы, игнорирующей тѣ мѣста „Тартюффа“, въ которыхъ такъ ясно прибивается къ новорному столбу іезуитская мораль—ученіе о сдѣлкахъ съ небомъ (le ciel défend, de vrai, certains contentements, mais on trouve avec lui des accommodements), о безгрѣшности скрытаго грѣха (le scandale du monde est ce qui fait l'offense, et ce n'est pas pécher que pécher en silence), объ очищеніи дѣйствіемъ намѣренія и т. п. (selon divers besoins, il est une science d'étendre les liens de notre conscience et de rectifier le mal de l'action avec la pureté de notre intention. De ces secrets, madame, on saura vous instruire; vous n'avez seulement qu'à vous laisser conduire). Тождество этой морали съ тою, которую бичевалъ Паскаль въ своихъ „Письмахъ“, можетъ быть отвергаема развѣ съ помощью пріемовъ, изъ нея же почерпнутыхъ. Г-нъ Веселовскій вполнѣ правъ, опредѣляя слѣдующимъ образомъ отношеніе Мольера къ янсенистамъ вообще и въ особенности къ Паскалю. „Со многими убѣжденіями янсенистовъ Мольеръ совершенно не сходился, и его любовь къ жизни, не остывшая, несмотря на горечь разочарованія, не могла бы примириться съ холодною безстрастностью ихъ идеаловъ; но, если бы необходимо было въ выборѣ симпатіи остановиться, во что бы то ни стало, на одной изъ двухъ партій, то его вѣрное чутье подсказало бы ему, что честность и нравственная чистота стоятъ скорѣе на сторонѣ гонимыхъ и никѣмъ не понятыхъ отщепенцевъ. Вотъ почему онъ могъ не имѣть ничего общаго съ янсенистскими писателями-догматиками, съ радикальнымъ оттѣнкомъ янсенизма, ударившимся впослѣдствіи почти въ изувѣрство,—но такъ сочувственно примкнулъ къ горячему, честному слову Паскаля. Ихъ соединяло чувство негодующей нравственной брезгливости, возстающей противъ всякой лжи, противъ всякаго насилія или оскорбленія здраваго смысла. Имъ обоимъ была свойственна та „мораль честныхъ людей“ (morale des honnêtes gens), которую Сентъ-Бёвъ такъ мѣтко назвалъ сущностью Мольеровскаго жизненнаго идеала, и оба они ратовали во имя ея. Распаденіе семьи, родительскій деспотизмъ, приниженность женщины, аристократическая безнравственность, педантизмъ науки, масса кастовыхъ предразсудковъ—всѣ эти излюбленныя тэмы Мольеровой сатиры внушены были тою же возмущенной нравственною порядочностью, не терпящей лжи. Въ „Тартюффѣ“ онъ имѣлъ дѣло съ цѣлою сѣтью обмана, охватившаго всѣ закоулки общества, и смѣлѣе, чѣмъ когда-либо, выступилъ противъ господствующей клики, не разбирая въ схваткѣ ни своихъ, ни чужихъ, и подавая руку Паскалю, чьи „Письма“ незадолго передъ тѣмъ позорно сожжены были на площади рукою палача“. Намъ не совсѣмъ понятно здѣсь только

Digitized by Google

одно выраженіе г-на Веселовскаго: „не разбирая въ схваткѣ ни своихъ, ни чужихъ“. Какихъ *своихъ* Мольеръ могъ поразить въ „Тартюффѣ“, какія у него могли быть и были связи съ изобличаемой имъ кликой? Намъ кажется, что никакихъ. Мольеръ, по справедливому замѣчанію г-на Веселовскаго, не принадлежалъ ни къ какой партіи, и если между янсенистами встрѣчались отдѣльныя личности, имѣвшія что-нибудь общее съ Тартюффомъ, то для Мольера они точно такъ же не были *своими*, какъ и многочисленные тартюффы-іезуиты въ коротковъ или длинномъ платьѣ.

Весьма любопытна исторія невзгодъ, выдержанныхъ „Тартюффомъ“ до появленія его на сценѣ, и вынужденныхъ превращеній, которымъ онъ подвергался. Первоначально написаны были и прочитаны королю только первые три акта; затѣмъ прибавлены были два послѣдніе, завершавшіе характеристику Тартюффа. Первая редакція была самая рѣзкая изъ всѣхъ; Тартюффъ являлся въ ней лицомъ духовнымъ—если и не принявшимъ священство, то во всякомъ случаѣ близкимъ къ этому сану. Въ такомъ видѣ комедія была въ первый разъ, въ маѣ 1664 г., представлена на придворной версальской сценѣ. Впечатлѣніе, произведенное ею, было чрезвычайно сильно; происками многочисленныхъ святошъ, ею задѣтыхъ, тѣмъ легче удалось достигнуть ея запрещенія. Предлогомъ къ нему было выставлено непочтительное, будто бы, отношеніе Мольера къ священнымъ предметамъ, которое враги его умѣли отыскать даже въ „Ecole des femmes“, этой безобиднѣйшей сатирѣ на старыхъ холостяковъ-эгоистовъ и на придуманную ими дрессировку женскаго нрава. При такомъ умѣньѣ читать между строками и находить тайный ядъ въ самыхъ невинныхъ вещахъ, доказать преступность и опасность „Тартюффа“, конечно, было не трудно. Чтобы спасти свой „chef d'oeuvre“, Мольеръ рѣшился многое смягчить въ немъ (mettre des adoucissements, по выраженію самого Мольера); онъ сдѣлалъ Тартюффа свѣтскимъ лицомъ, далъ ему другое имя (Панюльфа), уничтожилъ всѣ намеки на его церковныя занятія (напр., замѣнилъ слова Тартюффа: „certain devoir chrétien m'appelle en d'autres lieux“, словами:—„certain devoir pieux me demande“ etc.), усилилъ морализующій элементъ въ рѣчахъ Клеанта, восхваленіе имъ истиннаго благочестія, поставилъ пьесу какъ-бы подъ непосредственную защиту короля, введя въ заключительную рѣчь полицейскаго чиновника слѣдующія слова: „лицемѣріе столь же ненавистно государю, какъ любезно его подданнымъ“. Успѣхъ увѣнчалъ, повидимому, старанія Мольера; запрещеніе, тяготѣвшее надъ „Тартюффомъ“ [1]), было снято, и комедія въ первый разъ

[1]) Нарушать его рѣшался только Конде, на домашней сценѣ котораго „Тартюффъ“ былъ нѣсколько разъ сыгранъ.

Digitized by Google

представлена публично, въ Парижѣ, въ августѣ 1667 г. Успѣхъ ея былъ громадный, но на другой же день запрещеніе пьесы было возобновлено первымъ президентомъ парижскаго парламента, Ламуаньономъ, на которомъ, за отсутствіемъ короля—находившагося на театрѣ войны — лежала отвѣтственность за спокойствіе столицы. Двое изъ актеровъ были посланы къ королю, хлопотать объ отмѣнѣ этой мѣры; король приказалъ объявить имъ, что разсмотритъ дѣло по возвращеніи въ Парижъ — и все осталось по старому на цѣлыхъ полтора года. Только въ началѣ 1669 г. Мольеру удалось добиться новаго разрѣшенія пьесы, на этотъ разъ уже неотмѣненнаго; герою пьесы было возвращено прежнее имя, но въ текстѣ ея были сдѣланы новыя смягченія — исключены, между прочимъ, слова, что лицемѣріе ненавистно государю; Людовику XIV, очевидно, не желательно было казаться солидарнымъ съ образомъ мыслей поэта. Въ печатномъ изданіи комедіи, появившемся тогда въ первый разъ, къ наиболѣе сильнымъ мѣстамъ были сдѣланы подстрочныя—очевидно, вынужденныя— примѣчанія, наивно предостерегавшія отъ неправильнаго пониманія словъ Тартюффа; такъ, напримѣръ, подъ знаменитымъ мѣстомъ о „сдѣлкахъ съ небомъ“ мы читаемъ въ выноскѣ: „c'est un scélérat qui parle“. Съ 5-го февраля до начала апрѣля 1669 г. „Тартюффъ“ выдержалъ 32 представленія, и съ тѣхъ поръ никогда не сходилъ со сцены, оставаясь до сихъ поръ однимъ изъ перловъ репертуара „Французской комедіи“.

Мы уже сказали, что полнаго критическаго разбора „Тартюффа“ г-нъ Веселовскій не даетъ; отдѣльныя замѣчанія его о пьесѣ переплетены съ ея исторіей и съ разсмотрѣніемъ вопроса о заимствованіяхъ, сдѣланныхъ Мольеромъ. Въ одной изъ новеллъ Скаррона, „Les hypocrites“, плутъ и авантюристъ Монтюфаръ, надѣвшій на себя маску аскета и богомольца, встрѣчается съ человѣкомъ, знающимъ его прежнюю жизнь и публично изобличающимъ его передъ новыми его поклонниками; Монтюфаръ бросается къ ногамъ обличителя, благословляетъ его, кается въ грѣхахъ — и выходитъ торжествующимъ изъ затруднительнаго положенія. Г-нъ Веселовскій указываетъ на близкое сходство этой сцены съ тѣмъ мѣстомъ въ „Тартюффѣ“ (актъ 3-й, сцена 6-я), когда Дамисъ обвиняетъ Тартюффа передъ Оргономъ въ ухаживаньѣ за Эльмирой, а Тартюффъ падаетъ на колѣни, клянетъ свою грѣховность и проситъ себѣ примѣрнаго наказанія. „Мотивъ въ обѣихъ сценахъ, — говоритъ г-нъ Веселовскій, — одинъ и тотъ же; сходны даже подробности, какъ, напримѣръ, признаніе ипокрита въ томъ, что онъ всегда былъ порочнымъ человѣкомъ“. Разницу между положеніями, созданными Мольеромъ и

Digitized by Google

Скарроном, г-нъ Веселовскій видитъ только въ томъ, что довѣрчивость толпы къ Монтюфару какъ-бы концентрирована въ слѣпой вѣрѣ Оргона, и что Монтюфаръ, послѣ побѣды, спѣшитъ-ступеваться, а Тартюффъ болѣе чѣмъ когда-нибудь пользуется своимъ господствомъ надъ окружающими. Намъ кажется, что различіе идетъ еще дальше и коренится въ одной чертѣ, чрезвычайно искусно придуманной Мольеромъ. У Скаррона Монтюфаръ сознается именно въ томъ, въ чемъ его обвиняютъ, и разыгрываетъ роль раскаявшагося грѣшника; у Мольера — Тартюффъ, въ сущности, ни въ чемъ не сознается; его самообличеніе — только удачно выбранная форма оправданія; обвиняя себя во всемъ вообще, онъ не обвиняетъ себя ни въ чемъ въ особенности; отказываясь возражать Дамису, онъ говоритъ скорѣе тономъ невинно оскорбленнаго, чѣмъ кающагося человѣка, — и этотъ именно тонъ производитъ самое большое впечатлѣніе на Оргона. „De quelque grand forfait,—восклицаетъ Тартюффъ, —qu'on me puisse reprendre, je n'ai garde d'avoir l'orgueil de m'en défendre... je ne saurais avoir tant de honte en partage, que je n'en aie encor mérité davantage... Savez—vous, après tout, de quoi je suis capable?.. Accablez-moi (обращаясь къ Дамису) de noms encor plus détestés: je n'y contredis point, je les ai mérités; et j'en veux à genoux souffrir l'ignominie, comme une honte due aux crimes de ma vie". Не ясно ли, что, выставляя обвиненіе Дамиса наказаніемъ за прежніе грѣхи свои, онъ отвергаетъ этимъ самымъ новый грѣхъ, ему приписываемый? А для Оргона весь вопросъ именно въ этомъ грѣхѣ; онъ помнитъ, что Тартюффъ однажды горько упрекалъ себя за раздавленную въ гнѣвѣ блоху—и, слѣдовательно, не можетъ быть удивленъ готовностью его признать себя *вообще* грѣшникомъ. Чѣмъ болѣе унижаетъ себя Тартюффъ, тѣмъ больше онъ возвышается въ глазахъ Оргона — и на этой струнѣ, уже знакомой читателю или слушателю изъ діалога Оргона съ Клеантомъ въ первомъ актѣ (сцена 6-я), Тартюффъ разыгрываетъ теперь, съ свойственною ему виртуозностью, новыя варіаціи, окончательно покоряющія Оргона. Монтюфару разоблаченіе его прошлой жизни угрожаетъ опасностью, какъ потому, что поклонники его о ней ничего не знали, такъ и потому, что толпа вообще легко переходитъ отъ одного чувства къ другому, противоположному; для Тартюффа обвиненія Дамиса и Эльмиры не страшны, потому что ему очень хорошо извѣстно упрямство и ослѣпленіе Оргона, потому что онъ заранѣе расположилъ его въ свою пользу именно смиреніемъ и самообличеніемъ. „Je ne mérite pas de vous faire pitié" — такова была первая фраза, сказанная Тартюффомъ Оргону; въ отрывкахъ изъ сцены съ Дамисомъ, приведенныхъ нами выше, звучитъ—только съ бо́льшей силой—та же самая нота.

Digitized by Google

Въ словахъ Тартюффа не слышно ни малѣйшаго смущенія; онъ заранѣе увѣренъ въ успѣхѣ,—онъ знаетъ, что Оргонъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, переубѣдить которыхъ можетъ только слишкомъ очевидный и наглядный фактъ (припомнимъ знаменитыя слова, съ которыми Оргонъ обращается къ своей матери, Перрелѣ, подобно ему вѣрящей только осязаемому: „je l'ai vu, dis-je, vu, de mes propres yeux vu; ce qu'on appelle vu"). Ничего похожаго на всѣ эти тонкія и высоко-комическія черты новелла Скаррона не представляетъ; ея мотивъ—ловко и кстати принесенное, на словахъ, покаяніе, мотивъ Мольеровской сцены—чисто-іезуитскій обходъ прямого обвиненія, признаніе, равносильное полному запирательству, сокрушеніе надъ своей грѣховностью, равносильное самому искусному оправданію. Различіе и сходство между новеллой Скаррона и сценой въ „Тартюффѣ" можетъ служить образчикомъ того, какую роль, въ рукахъ талантливаго писателя, играетъ заимствованіе чужого сюжета или матеріала. Мы не знаемъ, сказалъ ли Мольеръ извѣстную, приписываемую ему фразу: „je prends mon bien où je le trouve", или же ее слѣдуетъ исправить согласно мнѣнію г-на Веселовскаго: „je *reprends* mon bien où je le trouve" [1]); но одно, въ нашихъ глазахъ, несомнѣнно,—а именно то, что она вовсе не нуждается въ оправданіи, если и остановиться на первой, обще-принятой ея редакціи. „Злосчастная и плохо понятая фраза,—говоритъ про нее г-нъ Веселовскій,—виною тому, что масса привыкла все еще считать Мольера прежде всего эксплуататоромъ чужихъ вымысловъ, отъявленнымъ эклектикомъ". Оставляя въ сторонѣ вопросъ объ эклектизмѣ Мольера, такъ какъ между нимъ и разбираемой нами фразой трудно усмотрѣть какую-нибудь связь, мы замѣтимъ только, что выраженіе: „эксплуатація чужихъ вымысловъ"—въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно примѣнимо къ Мольеру—не заключаетъ въ себѣ никакого обвиненія уже потому, что оно, по меньшей мѣрѣ, столько же примѣнимо къ Шекспиру. Заимствованіе вымысла, т.-е. фабулы, сюжета, факта, положенія, не имѣетъ ничего общаго съ заимствованіемъ чужой мысли, съ подражаніемъ, съ простой копировкой. Фабула сама-по-себѣ не имѣетъ никакой цѣны и составляетъ общее достояніе; она пріобрѣтаетъ цѣнность только вслѣдствіе мысли, въ нее вложенной, или художественной обработки, ей данной; достаточно вспомнить, что̀ сдѣлалъ Шекспиръ изъ такихъ матеріаловъ, какъ преданіе о Гамлетѣ или о королѣ Лирѣ. Мольеръ, какъ и Шекспиръ, писалъ много

[1]) Предположеніе свое г-нъ Веселовскій мотивируетъ обстоятельствами, при которыхъ спорная фраза была сказана; Мольеръ, отвѣчая на упреки въ заимствованіяхъ у Сирано-де-Бержерака, напомнилъ, что когда-то, въ ранней молодости, самъ участвовалъ, въ складчину, въ писаніи юношескихъ комедій Сирано.

Digitized by Google

и скоро; способность сочинять сюжеты для своихъ произведеній — эта, если такъ можно выразиться, низшая составная часть творчества — была развита въ немъ не настолько, чтобы онъ могъ обходиться, въ этомъ отношеніи, безъ посторонней помощи, безъ широкаго пользованія иностранной и отечественной литературой. Всякое положеніе, пригодное для задуманнаго имъ комическаго эффекта, всякая фабула, удобная для развитія и воплощенія его мысли, могла казаться ему законной добычей. И дѣйствительно, не все ли равно, вычиталъ ли поэтъ завязку или развязку своей комедіи въ какомъ-нибудь забытомъ и достойномъ забвенія разсказѣ, или почерпнулъ ее изъ собственныхъ своихъ, болѣе или менѣе видоизмѣненныхъ наблюденій? Мольеръ шелъ еще дальше и заимствовалъ, напримѣръ, изъ Аріоста и Плавта, въ „Скупомъ“ — цѣлыя выраженія, почти цѣлыя сцены; но даже за это его никто не назоветъ плагіаторомъ, потому что заимствованія и собственное достояніе его сливаются въ одно гармоническое цѣлое, созданныя имъ лица сохраняютъ свою самостоятельную, типическую физіономію. Слишкомъ усердно очищать „Тартюффа“ отъ упрека въ заимствованіяхъ — значитъ, выдавать головою многія другія пьесы Мольера; не лучше ли просто признать за Мольеромъ то право, которое — если вѣрить преданію — онъ самъ себѣ присвоивалъ и которымъ, во всякомъ случаѣ, широко пользовался?

II.

— *М. Алексѣенко.* Дѣйствующее законодательство о прямыхъ налогахъ. Спб., 1879.

Книга г-на Алексѣенко вышла въ свѣтъ какъ нельзя болѣе кстати, въ виду учрежденія (23-го марта) особой коммиссіи для обсужденія предположеній объ отмѣнѣ сборовъ, взимаемыхъ въ пользу государственнаго казначейства по подушной системѣ, и изысканія для замѣны ихъ другихъ источниковъ государственныхъ доходовъ. Въ предыдущей книжкѣ „Вѣстника Европы“, во „Внутреннемъ Обозрѣніи“, было указано на вѣроятные предѣлы новой реформы, на невозможность ожидать отъ нея радикальнаго облегченія податного бремени, лежащаго на массѣ народа — но вмѣстѣ съ тѣмъ было выставлено на видъ и несомнѣнное значеніе, которое можетъ и должна имѣть отмѣна подушной системы. Исторія и критика этой системы, предпринятая г. Алексѣенко, ярко освѣщаютъ всѣ слабыя и темныя ея стороны. Г-нъ Алексѣенко напоминаетъ, что когда Петръ Великій раздѣлилъ населеніе Россіи на податное и неподатное, послѣднее, т.-е.

Digitized by Google

служилое сословіе, не было освобождено отъ всякихъ общественныхъ тягостей, потому-что несло личную обязательную (прибавимъ, безсрочную) службу. Изъятія отъ податей за послѣднее столѣтіе все болѣе и болѣе размножались, такъ что при послѣдней (10-ой) ревизіи лица, не платящія подушной подати, составляли уже 10% населенія. Размѣръ подушной подати непрерывно возрасталъ, причемъ такъ-называемыя временныя прибавки (напр. установленныя въ 1812-мъ г.) обращались въ постоянныя; въ промежутокъ времени между 1797 и 1818 г. размѣръ подушной подати увеличился *вчетверо;* въ 1839 г. взималось съ души 95 коп., теперь взимается (смотря по губерніи) отъ 1 руб. 15 коп. до 2 руб. 17 коп. Весьма любопытны попытки обложенія податьми привилегированныхъ сословій и ихъ судьба, похожая на судьбу капитаціи и десятичнаго сбора во Франціи [1]). Въ 1797 г. императоръ Павелъ установилъ „для поправленія финансовъ государства" спеціальный налогъ съ дворянскаго сословія, по слѣдующимъ соображеніямъ: „государственное хозяйство подвержено крайнимъ неудобностямъ, расходы превышаютъ доходы; а между тѣмъ дворянство, сей знатнѣйшій чинъ государственный, паче прочихъ ощутилъ монаршую милость, да и нынѣ посредствомъ учрежденія въ его пользу вспомогательнаго банка получаетъ новый примѣръ нашего попеченія о сохраненіи цѣлости его родового достоянія; для того, находя справедливымъ, чтобы онъ общимъ надобностямъ способствовалъ отъ *собственныхъ своихъ стяжаній*, повелѣваемъ обратить на дворянство расходы на содержаніе присутственныхъ мѣстъ". Общая сумма 1.640,000 рублей была, „для соблюденія всевозможной соразмѣрности", распредѣлена по губерніямъ. Сборъ этотъ взимался недолго. При Александрѣ I-мъ онъ былъ переведенъ на помѣщичьихъ крестьянъ (вѣроятно, прибавляетъ г. Алексѣенко, за неимѣніемъ *собственныхъ* стяжаній у дворянства), по 18 коп. съ души, а съ 1807 г. сборъ былъ распространенъ на крестьянъ государственныхъ и удѣльныхъ, потому, между прочимъ, что „казенные крестьяне отъ содержимыхъ *дворянскимъ* жительствомъ мѣстъ и чиновъ защищаются одинаковымъ съ помѣщичьими крестьянами правосудіемъ". Такимъ образомъ, сборъ съ *дворянскихъ стяжаній* въ концѣ-концовъ привелъ къ возвышенію тягости, лежавшей на всемъ крестьянскомъ населеніи. 11 февраля 1812 г., въ видахъ „уплаты государственныхъ долговъ и для утвержденія и возвышенія государственнаго кредита", былъ установленъ процентный сборъ съ доходовъ отъ недвижимыхъ имѣній. Основаніемъ къ этой мѣрѣ было выставлено положеніе, что „всѣ

---

[1]) См. Литературное обозрѣніе въ № 5 „Вѣсти. Евр."—отзывъ о книгѣ г. Тольцева: „Государственное хозяйство во Франціи XVII вѣка".

Digitized by Google

состоянія въ уплатѣ государственныхъ долговъ имѣютъ равную обязанность участвовать, по мѣрѣ ихъ достоянія". Къ сбору были привлечены удѣльныя имѣнія и прочія имѣнія, принадлежащія императорской фамиліи. Каждый владѣлецъ недвижимаго имѣнія долженъ былъ ежегодно доставлять предводителю дворянства показаніе о дѣйствительномъ доходѣ, имъ получаемомъ. Правильность показаній „утверждалась на доброй вѣрѣ и чести"; доносы по поводу утайки дохода не принимались. Доходы ниже 500 р. были изъяты отъ сбора, съ доходовъ отъ 500 до 2000 р. взимался 1%, отъ 2001 до 4000 р.—2%, отъ 4001 до 6000 р.—3%, отъ 6001 до 8000 р.—4%, 8001 до 10000 р.—5%, отъ 10001 до 12000 р.—6%, 12,001 до 14,000 р.—7%, отъ 14,001 до 16,000 р.—8%, отъ 16,001 до 18000 р.—9%, свыше 18,000 р.—10%, на 10% возвышеніе оклада обрывалось. Владѣльцы, жившіе за-границей не по дѣламъ службы, должны были платить вдвое. Процентному сбору подчинены были и дома, приносившіе доходъ. Показанія о доходахъ сосредоточивались въ дворянскихъ депутатскихъ собраніяхъ, которыя вели окладныя книги. За неподачу показанія о доходѣ въ срокъ платежъ взыскивался вдвойнѣ, и доходъ исчислялся губернаторомъ и депутатскимъ собраніемъ, на основаніи свидѣтельства окрестныхъ помѣщиковъ. Окладныя книги пересылались въ казенныя палаты, куда и былъ вносимъ сборъ. Процентный сборъ не оправдалъ надеждъ, которыя на него возлагались. Задержка показаній, неисчисленіе дохода депутатскими собраніями, недоставленіе окладныхъ книгъ во время въ казенныя палаты, недоимки—все это уменьшало значеніе сбора. Въ 1813 г. поступленіе было 4.896,958 руб. асс., въ 1819 г.—только 2.370,000 руб. асс. Указъ 18 декабря 1819 г. отмѣнилъ процентный сборъ съ 1 января 1820 г., въ виду того, что „въ обозрѣніи доходовъ и расходовъ на 1820 г. съ живѣйшею радостью усмотрѣна была возможность облегчить тягость налоговъ"; между тѣмъ, *временная* дополнительная прибавка къ подушной подати, установленная тѣмъ же манифестомъ 11 февраля 1812 г., отмѣнена не была. Еще раньше, въ манифестѣ 2 февраля 1810 г., признаваемы были недостатки подушной подати и высказывалась мысль о болѣе уравнительномъ ея распредѣленіи, для чего предполагалось принять самыя дѣятельныя мѣры; новое повышеніе оклада было допущено лишь „въ ожиданіи лучшаго распредѣленія подушной подати"; но никакихъ мѣръ къ достиженію этой цѣли принято не было, а повышеніе оклада оказалось далеко не послѣднимъ.

Не болѣе подушной подати выдерживаетъ критику подворный налогъ, предложенный податною коммиссіею и принимающій за по-

Digitized by Google

датную единицу крестьянскій дворъ, вмѣсто ревизской души. Существенной цѣли реформы—облегченія крестьянскаго населенія и привлеченія къ платежу неподатныхъ сословій—подворный налогъ даже не затрогиваетъ. Учрежденіе особой коммиссіи, о которой мы упомянули, доказываетъ, впрочемъ, что проекты, оффиціально выработанные до сихъ поръ, не признаются удовлетворительными и должны уступить мѣсто другимъ, глубже измѣняющимъ существующую податную систему.

Кромѣ подушной подати, г. Алексѣенко разсматриваетъ другіе прямые налоги—налогъ на городскія недвижимости, обложеніе торговли и промысловъ, повинности (государственныя, земскія, городскія и сословныя) и оброчную подать, иногда критикуя, иногда только излагая дѣйствующее законодательство. Самая обработанная и интересная часть книги—глава о подушной подати.—К. К.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е іюня, 1879.

Вопросъ о расколѣ. — Свѣтскіе законы. — Инструкція 1858 года. — Законъ 1874 года о метрическихъ книгахъ и его пробѣлы. — Расколъ въ виду народнаго образованія. — Газета «Старообрядецъ». — Отношеніе къ ней раскольничьихъ іерарховъ. — «Воззваніе» о единеніи старообрядцевъ. — Московскій знатокъ раскола г. С—нъ. — Полемическіе курьёзы. — Вѣроятность дальнѣйшихъ видоизмѣненій раскола.

Намъ не разъ случалось указывать на ту крупную аномалію русской жизни, какая представляется положеніемъ раскольниковъ. Законъ и доселѣ не признаетъ факта, который существуетъ двѣсти лѣтъ и служитъ основой быта для цѣлой четверти великорусскаго народа. Законъ относится къ раскольникамъ только отрицательно; въ немъ они видятъ только разнаго рода ограниченія, запрещенія и наказанія, положенныя за нарушенія тѣхъ ограниченій; но правъ они въ законѣ доселѣ не находятъ. Самое отсутствіе преслѣдованій въ настоящее время, по крайней мѣрѣ преслѣдованій общихъ и дѣятельныхъ,—это первое условіе нѣкоторой безопасности для раскольниковъ,—основано не на Сводѣ законовъ, а на инструкціи 1858 года. Но эта инструкція положительно не можетъ замѣнить закона по тремъ причинамъ: во-первыхъ, она—оффиціально негласная, а стало-быть предпринимать что-либо на основаніи ея или ссылаться на нее передъ администраціею или судомъ раскольники не могутъ; во-вторыхъ, инструкція эта предоставляетъ административнымъ органамъ такой просторъ дѣйствія въ отношеніи къ раскольникамъ, какого не могъ бы предоставлять законъ; дѣлать различіе между сектами „болѣе и менѣе вредными", рѣшать, въ какихъ случаяхъ должны быть принимаемы мѣры противъ пропаганды, и въ какихъ можно мѣръ не принимать—все это инструкціею предоставляется усмотрѣнію, такту административныхъ органовъ. Впрочемъ, отъ инструкціи

Digitized by Google

вообще и нельзя требовать ничего болѣе: каждая инструкція только стремится уяснить администраціи подчиненной виды администраціи высшей, и потому должна многое предоставлять именно такту исполнителей. Но развѣ возможно назвать иначе, какъ именно аномаліею такое положеніе дѣлъ, когда судьба 10—15-ти-милліоннаго населенія не имѣетъ иной гарантіи, кромѣ такта исполнительныхъ органовъ? Въ-третьихъ, наконецъ, инструкція 1858 года, по самому своему свойству, могла только разъяснить виды правительства относительно порядка примѣненія того или другого закона, но законовъ она все-таки не отмѣнила и отмѣнить не могла. Они продолжаютъ существовать и остаются обязательными для судовъ, даже въ такомъ случаѣ, если бы какое-нибудь частное дѣло о раскольникахъ возбуждено было въ противность духу инструкціи 1858 года.

Возьмемъ примѣръ. Изъ ежегодныхъ отчетовъ по духовному вѣдомству мы узнаемъ, что случаи совращеній въ расколъ не только единичные, но и цѣлыми селеніями, у насъ и понынѣ не рѣдки. Если бы инструкція 1858 года не умѣряла нѣсколько усердіе къ раскрытію виновныхъ въ совращеніяхъ, то можно, кажется, утверждать, что передъ нашими судами длинной вереницей проходили бы дѣла о совратителяхъ. Этого нѣтъ, но судебныя дѣла о совратителяхъ въ отдѣльныхъ случаяхъ все-таки возникаютъ каждый годъ. Въ этихъ случаяхъ что остается дѣлать судамъ? Простого отрицанія факта виновности, по внутреннему убѣжденію, быть не можетъ, такъ какъ подобныя дѣла рѣшаются безъ присяжныхъ. Итакъ, судамъ остается только примѣнять законъ, т.-е. ст. 187 Улож. о наказ., которая за совращеніе изъ православнаго въ иное христіанское исповѣданіе налагаетъ отдачу въ арестантскія роты. Но такъ какъ пониманіе духа инструкціи 1858 года и тактъ мѣстныхъ администраторовъ непремѣнно должны быть различны, то при указанныхъ условіяхъ могутъ происходить такія противорѣчивыя явленія, что въ одномъ мѣстѣ человѣкъ, совратившій въ расколъ цѣлое селеніе, остался безъ всякой кары, потому что мѣстная администрація признала неудобнымъ доноситься совратителя и обращаться къ прокурорскому надзору, а въ другомъ мѣстѣ человѣкъ за какое-нибудь слово, неосторожно сказанное земляку и принятое потомъ за причину совращенія послѣдняго, можетъ быть отданъ въ арестантскія роты.

Подобныя противорѣчія, подобная необезпеченность и нѣкоторый произволъ нашихъ административныхъ органовъ совершенно неизбѣжны и будутъ проявляться до тѣхъ поръ, пока наше законодательство о раскольникахъ не будетъ измѣнено въ духѣ инструкціи 1858 года. Но само собой разумѣется, что при измѣненіи

Digitized by Google

законовъ, придется уже зайти далѣе *буквы* этой инструкціи, такъ чтобы мягкое отношеніе къ четверти великорусскаго народа являлось уже не въ видѣ человѣколюбиваго послабленія, но въ смыслѣ твердаго установленія въ законѣ принципа полной терпимости разновѣрій, лишь бы приверженцы ихъ не нарушали общихъ началъ общественной нравственности и безопасности.

Невозможно привесть сколько-нибудь серьёзный аргументъ противъ необходимости предпринять это дѣло теперь же. На нашихъ глазахъ Сводъ законовъ постоянно дополняется съ цѣлью какъ взаимнаго согласованія отдѣльныхъ его постановленій, такъ и примѣненія къ различнымъ вопросамъ и потребностямъ, вновь возникающимъ. Подобныя примѣненія бываютъ нерѣдко даже въ видахъ согласованія или опредѣленія вновь весьма мелкихъ подробностей. Одинъ только есть вопросъ, стоящій на очереди два вѣка, одна есть потребность, представляемая двухвѣковой мрачной исторіею милліоновъ людей, которые не вызвали еще и до сихъ поръ законодательнаго пересмотра для своего рѣшенія и удовлетворенія. Почему это такъ? Повторяемъ, что ни одного серьёзнаго аргумента противъ полнаго уравненія раскольниковъ въ правахъ съ другими гражданами представить нельзя. Поэтому мы склонны объяснить себѣ отсутствіе общей реформы въ этомъ смыслѣ въ наше время просто такъ, что законъ не успѣлъ еще, не собрался опредѣлить съ точностью положеніе раскольниковъ. Между тѣмъ пора, казалось бы, отмѣнить то отношеніе закона къ расколу, которое основано на недоразумѣніи, давно потерявшемъ всякое оправданіе.

Это недоразумѣніе заключается во взглядѣ на расколъ, какъ на явленіе временное, переходное, противъ котораго слѣдуетъ бороться или которое слѣдуетъ „переждать“. Такъ можно было относиться къ расколу въ первое время его проявленія, въ XVII, въ началѣ XVIII вѣковъ. Понятно, что явленіе, въ которомъ видѣли нѣчто временное, имѣющее скоро исчезнуть, можно было не признавать, не узаконять для него правильныхъ и прочныхъ отношеній къ условіямъ жизни государственной. Но вотъ законъ и доселѣ продолжаетъ относиться къ расколу чисто-отрицательно. Наши сектанты доселѣ находятся подъ дѣйствіемъ ст. 49 устава о предупр. и пресѣч. прест.: „Кто уклонится въ иную вѣру отъ православія... того отсылать къ суду“, въ примѣчаніи къ которой хотя и предписывается „осмотрительность“, но только въ отношеніи къ людямъ „невиннымъ“, то-есть не впавшимъ въ расколъ, такъ какъ осмотрительность рекомендуется лишь для того, „дабы иногда невиннымъ людямъ напрасной тревоги (турбаціи) и разоренія причинено быть не могло“ (изъ указа 1773 года). Разумѣется, наши сектанты, унаслѣдовавшіе свою

Digitized by Google

вѣру отъ отцовъ и дѣдовъ, могли бы ссылаться на фактъ такой давности и вполнѣ основательно отвергать примѣнимость къ нимъ приведенной статьи. Дѣйствительно, она относится только къ тѣмъ лицамъ, которыя сами уклонились отъ православія и не можетъ относиться къ тѣмъ, кто родился въ расколѣ, чьи предки въ продолженіи ста лѣтъ и болѣе жили въ расколѣ. Фактъ наслѣдственнаго вѣкового пребыванія въ расколѣ невозможно признавать „уклоненіемъ“ отъ православія.

Но затѣмъ спрашивается, на какомъ же законѣ сектанты могли бы утверждать право пребыванія въ своей вѣрѣ и свободно отправлять свое богослуженіе? Такого закона нѣтъ. Могутъ ли они опираться на общій законъ о вѣротерпимости, тотъ законъ, на основаніи котораго у насъ принято хвалиться передъ иностранцами, что въ Россіи существуетъ полная вѣротерпимость? Нѣтъ, на этотъ законъ наши сектанты опираться не могутъ, такъ какъ они именно исключены изъ него. Въ законѣ этомъ (ст. 92 того же устава) сказано, что „и всѣ непринадлежащіе къ господствующей церкви подданные, природные и въ подданство принятые иностранцы... пользуются повсемѣстно свободнымъ отправленіемъ ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной; сія свобода вѣры присвоется не только христіанамъ *иностранныхъ* исповѣданій, но и евреямъ, магометанамъ и язычникамъ“.

Итакъ, эта статья весьма ясно опредѣляетъ, за кѣмъ признается свобода вѣры, и раскольники, какъ христіане, не принадлежащіе къ иностраннымъ исповѣданіямъ, не пользуются правомъ, которое тотъ же законъ признаетъ даже за язычниками.

Единственно-возможное объясненіе такого отрицательнаго отношенія нашего закона къ русскимъ сектантамъ представляется въ слѣдующемъ соображеніи: какъ христіане исповѣданій иностранныхъ не отпали въ Россіи отъ господствующей церкви, такъ и евреи, магометане и язычники не совратились отъ православія; стало-быть, даруя имъ свободу вѣры, свѣтскій законъ не идетъ въ разрѣзъ съ клерикальными видами. Но русскія секты представляютъ именно отпаденіе отъ господствующей церкви, т.-е. нарушеніе духовнаго закона, которому свѣтскій законъ въ этомъ случаѣ подчиняется, а стало-быть и нарушеніе свѣтскаго закона; поэтому признать ихъ законными нельзя. Правда, нарушеніе это состоялось уже двѣсти лѣтъ тому назадъ, но свѣтскій законъ и доселѣ не хочетъ съ нимъ примириться. Онъ предпочитаетъ все еще видѣть въ расколѣ фактъ временный, имѣющій исчезнуть, и считаетъ еще возможнымъ „переждать“ этотъ фактъ.

Вотъ, повторяемъ, единственно-возможное объясненіе того стран-

Digitized by Google

него различія, какое нашъ законъ дѣлаетъ между русскими сектантами и прочими иновѣрцами. Впрочемъ, изложенный взглядъ закона на расколъ какъ на нѣчто временное и подлежащее „переживанію", можетъ быть удостовѣренъ ссылками на многіе административные и даже законодательные отзывы о расколѣ, по поводу разныхъ принимавшихся противъ него мѣръ. Для примѣра сошлемся на министерское предписаніе 13-го мая 1839 г. (на основаніи особаго повелѣнія): въ словахъ этого предписанія видна и причина, по которой самыя снисхожденія раскольникамъ оказывали только въ инструкціяхъ, неподлежавшихъ обнародованію, какъ то имѣетъ мѣсто и доселѣ. Вотъ эти слова: „не слѣдуетъ возбуждать и желать гласности въ такихъ предметахъ, которые негласно допускаются, какъ изъятія изъ общихъ законовъ, единственно по снисхожденію къ заблужденіямъ раскольниковъ или въ надеждѣ, что они, восчувствовавъ благость къ нимъ правительства, обратятся на путь истины и воспользуются законными правами, всѣмъ вообще вѣрноподданнымъ дарованными". На этомъ основаніи и приведенное предписаніе повелѣвалось мѣстнымъ властямъ „принять къ собственному руководству", но „не дѣлая по оному никакого объявленія раскольникамъ". Въ этихъ словахъ все весьма характеристично. Въ нихъ вполнѣ ясно проводился такой взглядъ: 1) что раскольники не пользуются законными правами, дарованными всѣмъ вѣрноподданнымъ и могутъ воспользоваться общими правами лишь посредствомъ обращенія на путь истины, т.-е. возвращенія въ лоно церкви; 2) что имѣется надежда на такое возвращеніе раскольниковъ, изъ благодарности къ оказываемымъ имъ благости и снисхожденіямъ; ожидается, стало-быть, что расколъ исчезнетъ; 3) что снисхожденія къ раскольникамъ въ смыслѣ неизслѣдованія ихъ за мнѣнія ихъ о вѣрѣ, если только они не „оказываютъ" своихъ мнѣній, представляютъ все-таки изъятія изъ законовъ; наконецъ, 4) что снисхожденія такія допускаются только негласно, и потому самымъ распоряженіямъ въ этомъ смыслѣ не слѣдуетъ придавать гласности.

Послѣ всего сказаннаго становится совершенно понятнымъ все отношеніе нашего закона къ русскимъ сектантамъ; уясняется, почему законъ не хотѣлъ признать ихъ, и даже снисхожденіе къ нимъ включалось не въ законъ, а въ негласныя распоряженія, какими остается и до сихъ поръ инструкція 1858 года. Но требуется ли доказывать, что все это, въ настоящее время, представляетъ уже не что иное, какъ огромное недоразумѣніе, притомъ, недоразумѣніе произвольное. т.-е. такое, которое поддерживается только въ буквѣ законовъ и циркуляровъ, а въ умѣ не можетъ уже существовать ни у кого. Расколъ

Digitized by Google

старѣе всѣхъ новыхъ порядковъ, а потому видѣть въ немъ явленіе временное, имѣющее исчезнуть, нѣтъ никакой возможности. Характеръ сектъ можетъ видоизмѣняться до безконечности, но ожидать, что самый фактъ раскола исчезнетъ—столь же неосновательно, какъ ожиданіе нѣкоторыхъ раскольничьихъ толковъ, что реформа Петра съ ея послѣдствіями представляетъ также явленіе временное, эпоху испытанія для вѣрующихъ, что явленіе это исчезнетъ, эпоха эта перейдетъ, что требуется только „переждать“ ихъ и тогда водворится царство Божіе на землѣ. Вѣдь расколъ, повторимъ, древнѣе Петровой реформы. Государству подлежитъ выбрать между поддержаніемъ подобныхъ несбыточныхъ ожиданій какъ въ своемъ законѣ, такъ и въ умахъ раскольниковъ, и — положительной потребностью четвертой части великорусскаго народа въ признаніи закономъ его равноправности съ прочими вѣрноподданными, хотя бы съ магометанами и язычниками. Долго подобная реформа отсрочиваема быть не можетъ, и остается только пожелать, чтобы въ средѣ просвѣщенныхъ государственныхъ дѣятелей явились люди, которые послѣдовали бы теперь примѣру іерарха Ѳеофана Прокоповича, который еще безъ малаго двѣсти лѣтъ тому назадъ склонялся въ пользу предоставленія раскольникамъ полной свободы вѣры, и будучи вице-президентомъ синода, „словесы своими за выговлянъ великимъ персонамъ возношаше“.

Въ дѣйствительности, законъ уже отчасти и призналъ необходимость сдѣлать нѣкоторую уступку реальнымъ потребностямъ въ отношеніи къ быту раскольниковъ. Теченіе народной жизни своимъ постояннымъ напоромъ въ концѣ-концовъ все-таки пробиваетъ старинные шлюзы легальныхъ предразсудковъ. Въ 1874 году установлены правила о записяхъ въ особыя метрическія книги браковъ, рожденій и случаевъ смерти у раскольниковъ. Но это было, во-первыхъ, уступкой именно скорѣе въ виду государственной необходимости; во-вторыхъ,—уступкой весьма ограниченной. Законъ 19-го апрѣля 1874 года явился черезъ три съ половиной мѣсяца послѣ устава объ общеобязательной воинской повинности. Регистрація рожденій у раскольниковъ представлялась подспорьемъ для составленія призывныхъ списковъ. Ограниченною же эта реформа была въ двухъ смыслахъ: во-первыхъ, она предоставляла раскольникамъ права гражданскія, которыхъ они были лишены, такъ какъ браки ихъ не признавались и дѣти считались незаконнорожденными; не свободы вѣры, права свободнаго отправленія богослуженія, права на государственную службу реформа эта раскольникамъ не даровала, и вообще не отмѣнила ни одного изъ направленныхъ противъ нихъ законовъ. Во-вторыхъ, регистрація браковъ и рожденій даже для тѣхъ сектъ,

Digitized by Google

которые признаютъ бракъ въ смыслѣ пониженнаго союза, допущена закономъ 1874 года только для тѣхъ лицъ, которые были записаны состоящими въ бракѣ по 10-й ревизіи и происходящими отъ нихъ. А такъ какъ, оффиціальная наша статистика, которая основывается на показаніяхъ той же ревизіи, допускаетъ число раскольниковъ всего менѣе милліона, между тѣмъ, какъ частная статистика принимаетъ число ихъ въ 10—15 милл. и даже болѣе, то уже отсюда ясно, что закономъ 1874 года могло воспользоваться даже и для пріобрѣтенія правъ гражданскихъ только слабое меньшинство раскольничьяго населенія.

Еще при обсужденіи этого закона вслѣдъ за его изданіемъ мы указали на всѣ его пробѣлы. Мы говорили, что, быть можетъ, большинство раскольниковъ не записано въ ревизскихъ сказкахъ раскольниками, что далеко не всѣ раскольники, состоящіе въ бракѣ при 10-й ревизіи, были показаны въ ней мужемъ и женой; мы заявляли недоумѣніе, почему новый законъ не предоставлялъ тѣмъ раскольникамъ, которые вступили въ бракъ до 10-й ревизіи и не были записаны въ ней мужемъ и женой, записать свои браки въ метрическія книги на томъ же основаніи, какъ то установлено для раскольниковъ, вступившихъ въ бракъ послѣ 10-й ревизіи; мы замѣчали, что запрещеніе вносить въ метрическія книги браки такихъ лицъ, которыя не состоятъ въ расколѣ отъ рожденія, не только не улучшитъ положенія уклонившихся въ расколъ или происходящихъ отъ браковъ между лицами, не показанными по ревизіи мужемъ и женой, но, наоборотъ, ухудшитъ ихъ положеніе, такъ какъ прежде эти лица были лишены гражданскихъ правъ наравнѣ со всѣмъ раскольничьимъ населеніемъ, а теперь создается еще особая неравноправность въ средѣ самаго этого населенія. Въ такомъ ограниченіи мы усматривали, и въ новомъ законѣ, все ту же основную мысль объ охраненіи церкви отъ отпаденій.

Теперь изъ появившихся въ нашихъ газетахъ выписокъ изъ разсужденій заграничнаго органа русскихъ раскольниковъ, газеты „Старообрядецъ“ мы узнаемъ, что всѣ указанные пробѣлы закона 1874 года уже тяжело дали себя почувствовать. Газета объясняетъ, что многіе милліоны старообрядцевъ лишены возможности воспользоваться гражданскими правами на основаніи этого закона. Многіе старообрядцы въ моменты возобновленія преслѣдованій записывали себя православными, а потомъ, перейдя открыто въ старообрядчество, получали паспорты, въ которыхъ значились ихъ жены и дѣти. На основаніи же закона 1874 года браки ихъ уже не признаются, и жены и дѣти, считаемые незаконными, въ паспорты болѣе не вно-

Digitized by Google

сываются. Узаконить свои браки внесеніемъ въ метрическую книгу они не могутъ, такъ какъ законъ прямо воспрещаетъ запись браковъ лицъ, не состоящихъ въ расколѣ по рожденію. Прежніе паспорты, въ которыхъ супруги показывались супругами, и дѣти, живущія при нихъ, — ихъ дѣтьми, не принимаются въ основаніе при выдачѣ новыхъ паспортовъ: въ этихъ паспортахъ мужъ означается холостымъ; такимъ образомъ, дѣти оказываются незаконными, а женѣ даже не откуда и получить паспорта. Указывается на примѣръ жены одного купца: она 10 лѣтъ тому назадъ была взята замужъ изъ деревни и выписана оттуда, прижила съ мужемъ семерыхъ дѣтей и теперь не можетъ быть ни вписана въ паспортъ мужа, ни получить отдѣльнаго вида на основаніи его свидѣтельства. Органъ старообрядцевъ указываетъ на истекающія отсюда для многихъ изъ нихъ послѣдствія: они принуждены или оставлять своихъ дѣтей безъ правъ законности, или въ отбираемой до записи подпискѣ о состояніи въ расколѣ отъ рожденія свидѣтельствовать о томъ ложно, подвергая себя опасности ссылкѣ въ Сибирь за подлогъ, или оффиціально принимать православіе. Газета высказываетъ совершенно справедливое желаніе, чтобы законъ дозволилъ записывать въ метрическія книги браки и рожденія всѣхъ старообрядцевъ вообще, безъ всякихъ ограниченій. Мы сочли себя обязанными привесть указанные сейчасъ факты, подтверждающіе тѣ опасенія, которыя нами были высказаны при самомъ появленіи закона и выразить наше личное убѣжденіе въ необходимости осуществить ту мысль, на которую указываетъ „Старообрядецъ“. Но здѣсь мы сейчасъ и встрѣтили преграду во всемъ отношеніи законодательства къ русскимъ сектантамъ, въ цѣльномъ взглядѣ его на нихъ, а потому и постарались сперва выяснить этотъ взглядъ и это отношеніе.

Дѣйствительно, что̀ значило бы дозволить внесеніе въ метрическія книги браковъ и рожденія раскольниковъ безъ всякихъ ограниченій? Это значило бы отступить отъ принципа охраненія господствующей церкви противъ отпаденій отъ нея. Дѣло въ томъ, что всѣ ограниченія, всѣ главныя условія, выраженныя въ законѣ 19 апрѣля 1874 года, имѣютъ именно одну цѣль—исключить отъ пользованія гражданскими правами, отъ льготъ, предоставляемыхъ новымъ закономъ, всѣхъ тѣхъ, кто не родился въ расколѣ и совратился въ расколъ. Если бы законъ 1874 года не имѣлъ этой цѣли, то общія положенія его могли бы резюмироваться всего въ нѣсколько строкъ: браки, рожденія и случаи смерти раскольниковъ записываются въ метрическія книги; затѣмъ уже слѣдовали бы только постановленія о порядкѣ веденія этихъ книгъ. Но въ томъ-то и дѣло, что законъ, даже предоставляя раскольникамъ льготу для узаконенія

Digitized by Google

ихъ гражданскаго быта, все-таки никакъ не хотѣлъ отказаться отъ заботливости свойства не-юридическаго. Между тѣмъ, такъ какъ вслѣдствіе включаемыхъ въ законъ ограниченій, большинство раскольниковъ не можетъ имъ воспользоваться, и большинство рожденій въ средѣ раскольниковъ по прежнему не будетъ заноситься въ метрическія книги, то новый законъ не можетъ достигнуть и той государственной цѣли, которая состояла въ пріобрѣтеніи подспорья для составленія списковъ о лицахъ, подлежащихъ призывамъ къ воинской повинности.

Итакъ, намъ кажется безполезно было бы желать въ отдѣльности, чтобы изъ закона 1874 года были исключены ограниченія, сдѣланныя съ той же цѣлью, которая доселѣ препятствуетъ положительному признанію общимъ закономъ полной равноправности раскольниковъ съ прочими иновѣрцами, не только въ отношеніи правъ семейныхъ, но и всякихъ правъ. Неблагопріятныя для большинства раскольниковъ послѣдствія закона 1874 г. могли бы быть устранены производствомъ новой ревизіи, съ тѣмъ, что все относящееся въ законѣ къ 10-й ревизіи было бы примѣнено къ 11-й ревизіи, то-есть что въ метрическія книги заносились бы браки между всѣми лицами, которыя были бы показаны мужемъ и женой по новымъ ревизскимъ сказкамъ. Такъ какъ при составленіи ревизскихъ сказокъ не требуется никакихъ подписокъ о состояніи въ расколѣ отъ рожденія, то это временно устранило бы указанныя выше послѣдствія, хотя только временно. Тѣ лица, которыя перешли бы въ расколъ послѣ 11 ревизіи или почему-либо признали невозможнымъ при производствѣ этой ревизіи объявить себя раскольниками, не могли бы впослѣдствіи вносить въ метрическія книги своихъ браковъ и рожденія дѣтей. Но вѣдь еще, спрашивается, будутъ ли у насъ впредь производиться ревизіи? При предполагаемой отмѣнѣ подушныхъ сборовъ ревизія уже теряетъ свою главную цѣль.

Другое средство къ выходу изъ нынѣшней запутанности по регистраціи браковъ и рожденій могло бы представиться раскольникамъ только въ общей мѣрѣ — въ предоставленіи веденія метрическихъ книгъ вообще для всѣхъ гражданъ, какъ неправославныхъ, такъ и православныхъ, органамъ свѣтской власти. Не можетъ быть сомнѣнія, что къ этому придутъ скоро и у насъ въ Россіи, какъ къ этому пришли во всѣхъ остальныхъ странахъ Европы. При существующихъ недостаткахъ веденія метрическихъ книгъ духовенствами разныхъ исповѣданій, такой порядокъ представилъ бы выгоды для всѣхъ. Для раскольниковъ же онъ имѣлъ бы еще особенное значеніе, такъ какъ въ такомъ случаѣ къ нимъ можно было бы примѣнять наиболѣе широкія изъ допускаемыхъ общимъ закономъ правила о сте-

Digitized by Google

пеняхъ родства при вступленіи въ бракъ, напр., тѣ, какія были бы допущены для протестантовъ. А то, при нынѣшнемъ, исключительно для нихъ заведенномъ порядкѣ регистраціи, раскольники въ отношеніи степеней родства, препятствующихъ заключенію брака, принуждены подчиняться тѣмъ требованіямъ гражданскаго закона, которыя основаны на правилахъ церкви православной, между тѣмъ какъ многіе толки допускаютъ браки въ степеняхъ болѣе близкихъ, чѣмъ допускаетъ православная церковь.

Но какимъ бы путемъ ни были устранены неблагопріятныя для раскольниковъ послѣдствія тѣхъ пробѣловъ, которые замѣчаются въ законѣ 1874 года, одно это все-таки далеко еще не рѣшило бы важнаго, историческаго вопроса объ общемъ положеніи раскольниковъ въ государствѣ, объ отношеніи государства къ расколу. А между тѣмъ, этотъ вопросъ въ будущемъ не только не устранится какъ-нибудь самъ собою—какъ того иные нѣсколько легкомысленно ожидаютъ—но, наоборотъ, будетъ получать все бо́льшее и бо́льшее значеніе, будетъ рельефнѣе выступать наружу. Одна практика административной снисходительности, основанная на инструкціи 1858 года, не долго будетъ пригодна. Мы видимъ, какъ быстро подвигается въ народѣ грамотность, мы видимъ, что въ среднія и высшія школы постепенно прибываетъ все бо́льшее число учениковъ изъ народной массы, образованіе захватываетъ народные слои все глубже и глубже. Вовсе не далеко то время, когда грамотною станетъ бо́льшая половина народа. Но вѣдь тогда изъ 10 — 15-милліонной массы русскаго раскольничьяго населенія, непремѣнно будетъ выдѣляться весьма значительное число молодыхъ людей, которые будутъ искать средняго и высшаго образованія. Возможно ли будетъ отказывать имъ въ пріемѣ въ гимназіи, университеты и высшія техническія училища? Конечно, нѣтъ; и придется издать спеціальное постановленіе, которое откроетъ имъ доступъ въ эти заведенія. А затѣмъ, возможно ли будетъ молодыхъ раскольниковъ, прошедшихъ чрезъ эти заведенія, лишать тѣхъ правъ и преимуществъ по службѣ, какими будутъ пользоваться ихъ сверстники, изъ прочихъ иновѣрцевъ, хотя бы изъ магометанъ? Опять—нѣтъ, и, стало быть, придется издать вновь отдѣльный законъ, распространяющій на раскольниковъ общія права относительно службы и пріобрѣтенія разныхъ сословныхъ правъ. А возможно ли будетъ при этомъ разбирать, родились ли они отъ такихъ родителей, которые сами состояли въ расколѣ отъ рожденія, или отъ родителей, уклонившихся отъ православія, и дѣлать сообразно тому различія въ пріобрѣтеніи тѣми и другими правъ? Отвѣчать на это снова нельзя иначе, какъ отрицательно.

Но если все это будетъ произведено въ видѣ отдѣльныхъ, спе-

Digitized by Google

ціальныхъ уступокъ законодательства, то, затѣмъ,—какой же смыслъ будутъ имѣть оставшіеся законы, запрещающіе раскольникамъ наружное оказательство ихъ вѣры, право строить молельни, открыто совершать богослуженіе, печатать и распространять свои богослужебныя книги? Вѣдь за приведенными сейчасъ спеціальными уступками, которыя неизбѣжны, уже все равно не осталось бы ни одного понужденія оставаться въ церкви, не переходя въ расколъ. На основаніи инструкціи 1858 года, сами совратившіеся не преслѣдуются лично (хотя инструкція, повторяемъ, нисколько не устраняетъ возможности такихъ преслѣдованій и судебныхъ дѣлъ въ отдѣльныхъ случаяхъ); затѣмъ совратившійся въ расколъ могъ бы вступать въ бракъ, записываемый въ метрическія книги,—дѣти его были бы законны, могли бы воспитываться въ гимназіи, даже проходить университетскій курсъ, поступать на службу и пользоваться всѣми преимуществами, какія она даетъ. Итакъ, понужденія оставаться въ православіи и не переходить въ расколъ de facto уже не было бы, и, стало-быть, всѣ остальныя законныя ограниченія и воспрещенія, направленныя противъ раскола, не достигали бы прямой своей цѣли, — той самой цѣли, которая придавала имъ смыслъ. Для чего же оставались бы тогда въ силѣ тѣ законы, по которымъ налагаются кары за совращеніе и отпаденіе въ расколъ, за устройство молелень, печатаніе и распространеніе раскольничьихъ книгъ, за наружное оказательство раскольничьяго иновѣрія и т. п.? Цѣли своей эти законы уже нисколько бы не достигали, и между тѣмъ питали бы въ многочисленномъ населеніи недовѣріе и нерасположеніе къ государству, ихъ удерживающему, и внушали бы съ самой колыбели оппозиціонный духъ тѣмъ нарождающимся вновь элементамъ, изъ которыхъ образовался бы въ раскольничьемъ населеніи слой интеллигентный, прошедшій чрезъ государственныя школы.

Но и это еще не все. Когда мы говоримъ о будущемъ, то надо же имѣть въ виду и возможность постепеннаго развитія со временемъ сферы общественнаго самоуправленія. Но не трудно предвидѣть, что если расколъ останется и до тѣхъ поръ элементомъ непризнаннымъ законами, — такимъ элементомъ, къ которому законъ продолжалъ бы относиться только отрицательно, то во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ раскольники составляютъ численную силу, все сужденіе о вопросахъ самоуправленія происходило бы въ дѣйствительности на почвѣ религіозной неравноправности — или, иными словами, въ каждомъ вопросѣ рѣшался бы въ сущности вопросъ: кто возьметъ верхъ, православные или раскольники?

Не благоразумнѣе ли было бы теперь же отказаться отъ враждебнаго отношенія къ расколу, чѣмъ придти къ такому рѣшенію

Digitized by Google

только путемъ продолжительной запутанности спеціальныхъ уступокъ съ сохраненіемъ общихъ ограниченій? Мудрость законодателя чаще всего проявляется въ умѣньи сознать безцѣльность нѣкоторыхъ формъ и безплодность нѣкоторыхъ стараній, завѣщанныхъ давнопрошедшими временами, въ рѣшимости взглянуть въ глаза правдѣ и основывать законы на реальныхъ фактахъ и реальныхъ потребностяхъ. Для уравненія раскольниковъ съ прочими гражданами во всѣхъ правахъ требовалось бы привесть тѣ наши секты, которыхъ ученіе не противно нравственности, къ нѣсколькимъ главнымъ наименованіямъ, и затѣмъ выразить въ законѣ признаніе ихъ наравнѣ съ прочими иновѣрцами, а также ихъ духовенства или старшинъ и наставниковъ, подобно тому, какъ въ нынѣшнемъ же году у насъ признана протестантская секта баптистовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, отмѣнялись бы всѣ законы, нынѣ направленные противъ свободы богослуженія раскольниковъ, лишающіе ихъ разныхъ правъ и т. д. Затѣмъ, оставалось бы уже только отмѣнить несуществующій нигдѣ, въ Европѣ, кромѣ Россіи, законъ, налагающій уголовныя кары за отступленіе отъ господствующей церкви и переходъ въ иновѣріе. Но это относилось бы уже не къ однимъ уклоняющимся въ расколъ. Впрочемъ, самое названіе „расколъ", „раскольники", слѣдовало бы исключить изъ законовъ, замѣнивъ ихъ словами: „русское иновѣріе", „русскіе иновѣрцы".

Мы ссылались выше на русско-иновѣрческую газету „Старообрядецъ". Самое возникновеніе въ этой средѣ печатнаго органа представляетъ фактъ не лишенный значенія. Этотъ фактъ, что среди русскихъ иновѣрцевъ появилась потребность въ печатномъ органѣ, служитъ какъ-бы предвѣстникомъ того положенія дѣлъ, которое должно настать въ неотдаленномъ будущемъ, а именно, что въ раскольничьей средѣ сложится классъ образованный. Что органъ этотъ основанъ за-границей—это объясняется нынѣшнимъ отношеніемъ нашихъ законовъ къ расколу. Писатель, хорошо знакомый съ внутреннимъ бытомъ раскола, хотя и пріурочивающій явленія этого быта къ слишкомъ узкимъ, рутиннымъ воззрѣніямъ на расколъ, какъ на порожденіе невѣжества, суевѣрія, личныхъ разсчетовъ наставниковъ и т. д., г-нъ Н. С — нъ, съ давнихъ поръ помѣщавшій извѣстія о расколѣ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" и „Московскихъ Вѣдомостяхъ", сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о возникновеніи и направленіи газеты „Старообрядецъ". По его словамъ, „появленіе своего собственнаго печатнаго органа раскольники привѣтствовали величайшимъ ликованіемъ—и именно раскольники великорусскіе, особенно московскіе; здѣсь (въ Москвѣ) самъ владыка Антоній (русскій иновѣрче-

Digitized by Google

скій архіепископъ) совершенно одобрилъ и благословилъ эту, впрочемъ, вовсе не „древле-православную“ затѣю“. Въ послѣднихъ словахъ отражается невышедшая у насъ изъ обычая, довольно дурного тона иронія надъ вѣрованіями десятка милліоновъ нашихъ же согражданъ. Какъ-будто у насъ самихъ, т.-е. въ средѣ сыновъ церкви господствующей, вся современная, европейская обстановка жизни не была также когда-то почитаема нѣкоторыми ревнителями несогласною съ православіемъ? Намъ кажется, что такой фактъ, какъ одобреніе иновѣрческимъ архіепископомъ Антоніемъ въ Москвѣ изданія газеты, заслуживаетъ не насмѣшки, а сочувствія. Этотъ раскольничій архипастырь отнесся къ печати совсѣмъ иначе, чѣмъ членъ синода, епископъ Сильвестръ, относился къ искусствамъ и литературѣ всего сто лѣтъ тому назадъ. Въ статьѣ профессора Н. Барсова объ отзывахъ членовъ синода относительно наказа депутату отъ синода въ Екатерининскую коммиссію для составленія новаго уложенія, находимъ слѣдующій пунктъ, предложенный названнымъ іерархомъ: „на безстудныхъ художниковъ, кои живописью, рѣзьбою, гридаровкою и иными способы срамотства плотскія изображаютъ, и при общемъ естества человѣческаго тлѣніи, еще художествомъ къ тому руководствуютъ, чужестранный вывозъ таковыхъ вещей воспрети; тожъ на сочинителей въ безстудной матеріи, стихотворцовъ и комедійныхъ дѣйствій“. Подъ такое опредѣленіе, безъ сомнѣнія, подошли бы вся беллетристика, живопись и скульптура! Если духъ времени такъ измѣнился, что даже раскольничій архипастырь благословляетъ изданіе газеты, то, казалось бы, тутъ иронія совершенно безпричинна и неумѣстна. Не мѣшало бы у насъ даже и многимъ нераскольникамъ поучиться у московскихъ раскольниковъ „линованію“ по поводу успѣховъ печатнаго слова, а одобреніе и даже благословеніе, какими встрѣтилъ московскій раскольничій архіепископъ органъ печати, доказываютъ, что онъ вѣритъ въ пользу печати, ждетъ отъ нея вліянія благотворнаго. Между тѣмъ, въ истекшемъ мѣсяцѣ мы прочли въ одной петербургской газетѣ такое странное мнѣніе, приписанное министерству народнаго просвѣщенія, будто оно „нисколько не скрываетъ отъ себя, что ученіе и воспитаніе во вѣренныхъ ему учебныхъ заведеніяхъ шло бы успѣшнѣе, если бы ему удалось *оградить* ихъ и учащееся въ нихъ юношество отъ вліянія нѣкоторыхъ органовъ нашей печати“. Какимъ образомъ можно „оградить“ отъ нѣкоторыхъ органовъ?—только прекращеніемъ ихъ, конечно. Но такое пожеланіе уже совсѣмъ не похоже на „одобреніе и благословеніе“, съ какими отнесся иновѣрческій архіепископъ Антоній къ изданію газеты. Стало-быть, иронія умѣстна ли въ послѣднемъ случаѣ?

Газета „Старообрядецъ“ печатается въ Коломнѣ, въ Австріи, и

Digitized by Google

издатель ея—бѣлокриницкій инокъ Никола Чернышевъ. Онъ извѣстенъ изданіемъ нѣсколькихъ старообрядческихъ сочиненій и въ особенности „Воззваніемъ ко всѣмъ старообрядцамъ по священству и безъ онаго, проживающимъ въ Австріи, Пруссіи, Турціи, Молдовалахіи и Россіи". Это воззваніе появилось въ 1877 году, и въ немъ авторъ, сѣтуя на раздѣленіе старообрядства на части, приглашалъ ихъ составить изъ себя одно общество и одну церковь, въ той надеждѣ, что тогда въ Россіи они были бы признаны и получили бы „такую свободу, какую имѣютъ здѣсь, за-границей". Въ этомъ духѣ единенія разныхъ частей старообрядства, изъ которыхъ г. Чернышевъ, по самому своему положенію, конечно, долженъ былъ осуждать безпоповцевъ, онъ предполагалъ издавать и свою газету „Старообрядецъ". Но довольно естественно, что въ средѣ старообрядцевъ, какъ осуждаемыхъ бѣлокриницкимъ монахомъ, такъ и единовѣрныхъ съ нимъ, приглашеніе къ единенію не встрѣтило сочувствія. Въ разсказѣ самого г. Чернышева о бесѣдѣ его съ старообрядческимъ архіепископомъ измаильскимъ Аркадіемъ передается, что архіепископъ этотъ не одобрилъ „Воззванія" и даже счелъ оскорбленіемъ вѣры такіе отзывы г. Чернышева, что старообрядцы „раздѣлились на куски", и что за это будетъ на нихъ Божій гнѣвъ. Архіепископа это возмутило, такъ какъ ему показалось, что изъ этого „выходитъ, что наша вѣра неправая". Поэтому онъ отозвался, что слѣдовало бы „пожечь всѣ Воззванія, потому что они намъ ненужны". Должно быть, вслѣдствіе такого несочувственнаго пріема, оказаннаго въ средѣ старообрядцевъ мысли объ единеніи, которое въ дѣйствительности сводилось бы на присоединеніе всѣхъ ихъ къ церкви бѣлокриницкой, такъ какъ самъ г. Чернышевъ допускалъ только, что „между нами (старообрядцами) есть же гдѣ-нибудь *одна* Христова истинная святая вѣра",—въ газетѣ „Старообрядецъ" мысль о такомъ единеніи отступила на второй планъ и заявлялась уже только мимоходомъ, а главною задачею она поставила себѣ — какъ и слѣдовало ожидать — уясненіе всѣхъ неудобствъ нынѣшняго положенія раскольниковъ въ Россіи. „Старообрядецъ" предполагался сперва какъ газета ежемѣсячная, но на первыхъ порахъ недостатокъ средствъ побудилъ издателя выпускать ее въ неопредѣленные сроки. Но съ декабря 1878 года газета, наконецъ, установилась и выходитъ правильно два раза въ мѣсяцъ, въ форматѣ четверти листа, состоитъ изъ четырехъ страницъ, называется „церковно-научно-нравственною и экономическою", имѣетъ отвѣтственнаго редактора, и хотя печатается церковнымъ шрифтомъ, но трактуетъ по бо́льшей части не о церковныхъ предметахъ, а о фактахъ общественной жизни. Мысль издателя та, что „старообрядцамъ непремѣнно слѣдуетъ издавать свою газету, такъ какъ до сихъ поръ еще не было ни одной ста-

Digitized by Google

рообрядческой газеты, въ которой можно бы защищать интересы нашего народа и церкви".

За всѣ эти любопытныя свѣдѣнія мы весьма благодарны г. С-ну. Но не можемъ пройти молчаніемъ того совершеннаго отсутствія логичности, какое замѣчается въ его сужденіяхъ о мнѣніяхъ старообрядческой газеты и фактахъ,—ею указываемыхъ. Если справедливо извѣстіе одной петербургской газеты, что г. С-нъ состоитъ профессоромъ въ духовной академіи, то такое полное отсутствіе логичности въ сужденіи представляетъ явленіе еще болѣе странное. Какой научный предметъ возможно преподавать, не заботясь о связи между мыслями и впадая безпрестанно въ самопротиворѣчіе? Въ своихъ статьяхъ о „Воззваніи" и газетѣ г. Чернышева, г. С-нъ началъ съ полнѣйшаго одобренія его мысли о единеніи между старообрядцами. Онъ, повидимому, вполнѣ принималъ точку зрѣнія „Воззванія" въ ея практическомъ смыслѣ, утверждая, что, „прежде нежели хлопотать о разныхъ правахъ и преимуществахъ, старообрядцамъ слѣдуетъ позаботиться о собственномъ объединеніи, явиться единой старообрядческой церковью, о правахъ которой и можетъ быть разсужденіе, а не затруднять правительство неудобоисполнимымъ разграниченіемъ между безвредными, маловредными и вредными раскольничьими сектами...", и „немнѣе затруднительнымъ распредѣленіемъ бо́льшихъ и меньшихъ (?) правъ между этими разнообразными и разнохарактерными сектами".

Противъ такого воззрѣнія г. С-на можно было бы спорить, но въ немъ во всякомъ случаѣ была опредѣленная мысль—соединитесь-мол въ одну церковь и тогда вамъ дадутъ права. Можно было только спросить, почему же наше законодательство не требовало отъ лютеранъ, кальвинистовъ, англиканъ методистовъ, моравскихъ братьевъ, баптистовъ, чтобы они соединились въ одну церковь, прежде чѣмъ хлопотать о признаніи за ними правъ, и тѣмъ затруднять правительство въ неудобоисполнимомъ разграниченіи бо́льшихъ и меньшихъ правъ между этими разнообразными сектами? Такое признаніе всѣ эти секты, однако же, получили, несмотря на свои различія, и притомъ права *равныя*, а не бо́льшія и меньшія, смотря по сектамъ, о чемъ странно и говорить. Еще можно было замѣтить г. С-ну, что если бы предлагавшееся г. Чернышевымъ объединеніе старообрядцевъ и совершилось, то оно совершилось бы не между *всѣми* раскольничьими сектами, существующими въ названныхъ выше странахъ, но только между противоокружниками и окружниками въ средѣ пріемлющихъ священство и въ крайнемъ случаѣ—безпоповцами, такъ какъ воззваніе г. Чернышева и могло обращаться единственно къ этимъ сектамъ. Между тѣмъ, г. С-нъ до предоставленія раскольникамъ правъ признавалъ необходимымъ, чтобы правительство не было затруднено

Digitized by Google

разграниченіемъ между сектами „безвредными, маловредными и вредными“. Выходило, что по мнѣнію г. С-на, если бы окружники, противоокружники и безпоповцы и объединились, то все-таки имъ правъ нельзя было бы дать до тѣхъ поръ, пока къ нимъ не присоединились бы даже бѣгуны, хлысты и скопцы, чего никогда быть не можетъ, и о чемъ упомянутые выше старообрядцы никогда и помышлять не могутъ. Если же г. С-нъ этого условія предлагать не хотѣлъ, въ такомъ случаѣ, какой же смыслъ имѣло его положеніе, что права старообрядцамъ могутъ быть даны лишь тогда, когда правительство не будетъ затрудняемо разграниченіемъ сектъ на менѣе и болѣе вредныя? Вѣдь вредныя секты, то-есть противныя нравственности, остались бы и послѣ предположеннаго г. Чернышевымъ объединенія. И что же, на основаніи факта ихъ существованія, нельзя было бы дать права тѣмъ объединившимся сектамъ, которыя нынѣ закономъ признаются „менѣе вредными?“

Впрочемъ, такое разсужденіе г. С—на можно было признать только одностороннимъ. Но далѣе онъ уже вошелъ въ самыя явныя противорѣчія съ самимъ собой. Одобривъ мысль „Воззванія“ о необходимости объединенія старообрядцевъ, „прежде чѣмъ хлопотать“ о правахъ, г. С-нъ тутъ же отозвался о ней такъ: „авторъ „Воззванія“ впадаетъ въ иллюзію, дѣло совершенно невозможное считаетъ возможнымъ; онъ или забылъ, или не знаетъ, что начало розни и вражды поѣдающихъ расколъ, лежитъ въ самомъ существѣ, въ самой природѣ раскола. Чтобы уничтожить эту рознь, надо уничтожить самый расколъ; надо, чтобы старообрядцы познали истину православія и вошли въ единую, святую и апостольскую церковь“. Итакъ, оказалось, что г. С—нъ считаетъ возможнымъ предоставленіе старообрядцамъ правъ только тогда, когда они перестанутъ быть старообрядцами, когда они возвратятся въ лоно церкви. А такъ какъ послѣ двухсотлѣтняго существованія раскола нѣтъ никакихъ основаній считать это вѣроятнымъ, то дѣло сводится къ тому, что четверть великорусскаго населенія въ Россіи должна быть оставляема безъ равноправности навсегда.

Затѣмъ, однако, въ слѣдующей своей статьѣ г. С—нъ сѣтуетъ на г. Чернышева за то, что въ послѣднихъ семи нумерахъ „Старообрядца“ почти уже не говорится объ единеніи, а болѣе всего толкуется о несправедливостяхъ, гоненіяхъ, жестокостяхъ, даже о тиранствахъ, якобы претерпѣваемыхъ старообрядцами“ въ Россіи, и о „правахъ старообрядцевъ на полную не только гражданскую, но и религіозную свободу“. Г. С—нъ упрекаетъ г. Чернышева, что онъ, стало быть, „позабылъ свои прежнія добрыя намѣренія, свои прежнія разумныя рѣчи“, позабылъ, какъ прежде „самъ говорилъ и очень спра-

Digitized by Google

ведливо, что только объединенному старообрядчеству, единой старообрядческой церкви правительство съ удобствомъ можетъ дать извѣстныя (а не общія?) права и льготы". Спрашивается: какое же логическое основаніе имѣетъ г. С—нъ называть „добрыми намѣреніями, разумными рѣчами и очень справедливыми словами" проектъ о единеніи между старообрядцами, который онъ самъ же призналъ „иллюзіею", принятіемъ „невозможнаго за возможное?" Какое логическое основаніе имѣетъ этотъ писатель упрекать газету въ томъ, что она, повидимому, отказывается отъ распространенія иллюзіи и теперь не особенно заботится выдавать невозможное за возможное? Такъ какъ самъ г. С—нъ рѣшительно объявилъ, что объединить расколъ—значитъ уничтожить его, что рознь въ расколѣ не можетъ быть устранена иначе, какъ обращеніемъ раскольниковъ въ православіе, то какой же смыслъ имѣютъ упреки, предъявленные имъ нынѣ газетѣ „Старообрядецъ"; или онъ хочетъ, чтобы эта газета усиленно проповѣдывала то, что, по его же убѣжденію, могло бы уничтожить старообрядчество, возвратить его къ церкви?

Все это не имѣетъ логическаго смысла, какъ не имѣютъ его и дальнѣйшія разсужденія г. С—на, которыми на жалобы старообрядцевъ о притѣсненіяхъ и ограниченіяхъ онъ выражаетъ совѣтомъ, „чтобы сами старообрядцы перестали *сначала* преслѣдовать другъ друга ругательствами и проклятіями, ненавидѣть одни другихъ до такой степени, что считаютъ за грѣхъ и осквернѣніе вмѣстѣ молиться и ѣсть съ одного блюда, а *потомъ* уже пусть и мечтаютъ о томъ, какъ"... и т. д. Какая связь между этими двумя посылками, никто не пойметъ. Почему необходимо, чтобы различныя секты сначала перестали ссориться между собою, а уже только тогда государство можетъ признать за ихъ членами права, общія всѣмъ гражданамъ, независимо отъ различія исповѣданій? Да развѣ христіанинъ хвалитъ еврейскую вѣру, и, наоборотъ, развѣ магометанинъ, язычникъ и протестантъ станутъ молиться вмѣстѣ, развѣ православный крестьянинъ станетъ хотя бы ѣсть съ одного блюда съ жидомъ и язычникомъ? А между тѣмъ, всѣ они пользуются равноправностью и свободою богослуженія. Государство обязано оказывать равное покровительство всѣмъ гражданамъ, не нарушающимъ безопасности и нравственности, и совершенно нелѣпо было бы до надѣленія магометанина и язычника общими правами ожидать, когда они станутъ молиться вмѣстѣ и ѣсть съ одного блюда.

Далѣе г. С—нъ скептически и даже иронически относится къ жалобамъ старообрядцевъ на различныя ограниченія и притѣсненія. Онъ называетъ все это „лживыми сказаніями о притѣсненіяхъ, гоненіяхъ и чуть не казняхъ", и ссылается (хорошій аргументъ!) на то,

Digitized by Google

что московскимъ старообрядцамъ-милліонерамъ живется хорошо. Произнести слова: „лживыя сказанія“ легко. Но слишкомъ неосторожно произносить ихъ, когда для подтвержденія неудобствъ всякаго рода, какимъ подвергаются у насъ раскольники, имѣются на лицо такія данныя, какъ сводъ законовъ, оффиціальная уголовная статистика и столько фактовъ обыденной жизни, что въ любой моментъ стоитъ только протянуть руку, чтобы зачерпнуть ихъ нѣсколько.

Итакъ, по отзыву г. С—на раскольники лживо говорятъ, что они подвергаются притѣсненіямъ и чуть не казнямъ. Но вотъ первый фактъ, который беремъ наудачу изъ газеты того дня, въ который пишемъ эту страницу. Фактъ этотъ какъ-разъ оказывается недалекимъ отъ Москвы. Корреспондентъ „Голоса“ пишетъ изъ Гуслицъ: „волостные старшины назначались у насъ мировыми посредниками на томъ основаніи, что волости (дорковская и запонарская) эти населены сплошь старообрядцами, изъ среды которыхъ по закону не могутъ быть избираемы волостные управители. Назначенные посредникомъ старшины, понятно, не пользовались довѣріемъ крестьянъ; мѣстные общественные интересы были чужды пришлымъ управителямъ. Растраты общественныхъ суммъ были явленіемъ самымъ обыкновеннымъ. Въ дорковской волости трое старшинъ, правившихъ волостью, одинъ за другимъ, расходовали крестьянскія суммы по своему произволу. Точныхъ отчетовъ крестьяне такъ и не могли получить отъ нихъ. Въ запонарской волости двое старшинъ также безцеремонно распоряжались общественными суммами. Владычество этихъ управителей весьма разорительно отразилось на крестьянскомъ населеніи. Послѣ долгихъ неурядицъ, высшая администрація предоставила, наконецъ, старообрядческому населенію право избирать волостныхъ старшинъ изъ собственной среды и теперь, хотя особенной дѣятельности отъ старообрядческихъ старшинъ и не видно, за то не слышно, по крайней мѣрѣ, жалобъ крестьянъ на волостныхъ управителей“. Вотъ что происходитъ на каждомъ шагу, вотъ такіе и многообразные, имъ подобные, факты притѣсняютъ старообрядцевъ во всѣхъ ихъ отношеніяхъ къ государственной жизни. А г. С—нъ говоритъ, что сказанія о притѣсненіяхъ лживы и иронизируетъ въ такомъ родѣ: перестаньте ругаться между собою и тогда мечтайте о томъ, какъ Антоній Шутовъ явится въ парламентъ представителемъ старообрядцевъ. Стыдно, г. С—нъ; а если вы профессоръ, то вдвойнѣ стыдно.

Вы скажете—это мелочи. Но многократное собираніе податей для крестьянъ никакъ не мелочь. Да подобныхъ мелочей за то такая масса, что ими обставленъ весь бытъ раскольничьяго населенія. Если же г. С-нъ желаетъ фактовъ болѣе эффектныхъ и именно „чуть не казней“, надъ возможностью которыхъ онъ смѣется, то пусть

Digitized by Google

справится съ ст. 187 улож. о наказаніяхъ и затѣмъ съ ежегодными отчетами уголовной статистики. Тамъ онъ найдетъ данныя — характера скорѣе трагическаго, чѣмъ комическаго.

Богатымъ купцамъ вездѣ живется хорошо. Но когда говорится о неравноправности, въ которой находится 10—15-милліонное населеніе, и о стѣсненіяхъ, а иногда и карахъ, претерпѣваемыхъ раскольниками,— возражать указаніемъ на какой-нибудь десятокъ людей, это ужъ слишкомъ смахиваетъ на фельетонныя сужденія добраго стараго времени. Вѣдь есть же примѣры, что и въ Россіи люди живутъ долѣе ста лѣтъ, и потому столь же логично было бы, на основаніи такихъ примѣровъ, отвергать запущенность быта нашей массы, отсутствіе всякихъ санитарныхъ условій и т. п.

Любопытно еще одно признаніе г. С—на. Стараясь увѣрить, будто всѣ притѣсненія, на которыя жалуются старообрядцы, ограничиваются единственно непризнаніемъ ихъ архіереевъ и поповъ дѣйствительными архіереями и попами и недозволеніемъ имъ совершать богослуженіе открыто, г. С—нъ замѣчаетъ: „мы не станемъ объяснять раскольнической газеткѣ, почему эти пламенныя желанія раскольниковъ *никогда* не могутъ быть исполнены православнымъ правительствомъ". А жаль, что это не объяснено. Тогда бы и мы увидѣли, насколько основателенъ такой манифестъ, объявленный г. С-нымъ раскольникамъ отъ имени нашего правительства на вѣчныя времена. „Никогда"—слишкомъ рѣшительное слово, и едва ли г. С—нъ имѣлъ право произносить его отъ имени правительства. Только такія правительства, которыя сами сознаютъ свою случайность, свою неизбѣжную кратковременность могутъ произносить подобныя слова, и „jamais" въ ихъ устахъ означаетъ только срокъ собственнаго ихъ существованія. Слово „jamais", произнесенное Руэромъ съ клерикальной цѣлью, какъ извѣстно, не помѣшало итальянцамъ вступить въ Римъ. Но правительство, имѣющее основаніе связывать себя со всей исторической судьбой народа, едва ли можетъ рѣшаться произносить такія безусловныя положенія, отъ которыхъ оно же само со временемъ неизбѣжно должно было бы отступить.

Крайне слабо въ полемическомъ смыслѣ и то разсужденіе московскаго писателя, въ которомъ онъ силится оправдать нынѣшнюю неравноправность раскольниковъ соображеніемъ, что̀ претерпѣло бы отъ нихъ православіе, если бы они составляли господствующую церковь. Ссылаться на то, чего нѣтъ и быть не можетъ,—совершенно напрасно. Старообрядцы уже потому не могли бы составить господствующую церковь, что, по убѣжденію самого же г. С—на, они вообще и одной церкви-то составить не могутъ. Московскій писатель, въ видѣ образчика раскольничьяго духа нетерпимости, восхо-

Digitized by Google

дитъ до времени царя Ѳедора Алексѣевича и указываетъ на слова знаменитаго раскольничьяго протопопа Аввакума: „а что, царь-государь, какъ бы ты мнѣ далъ волю, я бы ихъ (православныхъ архіереевъ), что Илія пророкъ, всѣхъ перепласталъ во единъ день“ и т. д. Но на это указаніе можно привесть безчисленныя указанія въ словахъ ревнителей православія. Такъ, тотъ же упомянутый выше членъ синода епископъ Сильвестръ въ Екатерининское время полагалъ потребовать отъ коммиссіи о составленіи новаго уложенія, чтобы было узаконено вновь „о воспященіи уклоняющихся въ раскольническій развратъ“. Но напрасно даже и ссылаться на одни пожеланія въ этомъ родѣ, когда передъ нами двухсотлѣтняя исторія всевозможныхъ разореній, ссылокъ, жестокихъ пытокъ и казней, которыми не только „благожелали“ подвергнуть раскольниковъ, но и дѣйствительно ихъ подвергали.

Положеніе русскихъ протестантовъ, каковыми представляются наши старообрядцы, въ государствѣ есть одинъ изъ важнѣйшихъ жизненныхъ вопросовъ нашего государственнаго быта. Вопросъ этотъ необходимо было бы рѣшить мирно и раціонально въ настоящее время, для того, чтобы онъ со временемъ не принялъ характера болѣе остраго. А рѣшеніе и возможно только одно — признаніе закономъ всѣхъ сектъ, кромѣ противныхъ интересамъ нравственности, и полное уравненіе сектантовъ во всѣхъ правахъ съ прочими гражданами; затѣмъ—отмѣна всѣхъ каръ, положенныхъ въ законѣ за переходъ въ иновѣріе, т.-е. установленіе въ Россіи свободы вѣры, которая существуетъ во всей остальной Европѣ. Всѣ возраженія, которыя предъявляются противъ этой необходимости, вращаются въ кругѣ узкихъ предразсудковъ и ребяческой аргументаціи, какъ намъ легко было показать на примѣрѣ г-на С—на, въ которомъ можно продолжать видѣть знатока раскольничьяго быта, но нельзя видѣть знатока ни по части логики, ни по части справедливости.

Вопросъ объ уравненіи раскольниковъ долженъ быть рѣшенъ, потому что, повторяемъ, было бы иллюзіей, противорѣчащей исторіи двухъ вѣковъ, ожидать, что расколъ исчезнетъ самъ собою. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ будетъ безконечно видоизмѣняться и далѣе, какъ постоянно видоизмѣнялся и до сихъ поръ, но эта-та способность къ видоизмѣненію и будетъ поддерживать въ немъ силу. Не можетъ быть сомнѣнія, что важную роль въ послѣдующихъ видоизмѣненіяхъ раскола будетъ играть именно распространеніе образованія, возникновеніе среди старообрядцевъ класса европейски-образованнаго. Подъ вліяніемъ этого новаго теченія, по всей вѣроятности вопросы чисто-обрядовые, какъ, напр., о двуперстномъ сложеніи или начертаніи имени Спасителя, отойдутъ на второй планъ. Но вѣдь въ различ-

Digitized by Google

ныхъ нашихъ сектахъ отражаются еще и вопросы совсѣмъ иного свойства, во-первыхъ, вопросы догматическіе, во-вторыхъ, вопросы бытовые. Такъ, ученіе безпоповцевъ, независимо отъ его исходной точки (о прекращеніи благодати въ церкви), въ выводѣ своемъ (отрицаніи таинства священства) сходно съ воззрѣніями протестантскими. Ученіе объ общежитіи и взаимной помощи, проявляющееся у молоканъ и нѣкоторыхъ иныхъ нашихъ сектъ, отчасти сходно съ принципомъ моравскихъ братьевъ. Наконецъ, весь расколъ, во всей его совокупности, есть не что иное, какъ проявленіе принципа о независимости внутренней, религіозной совѣсти отъ свѣтскаго закона. Эти начала болѣе живучи, чѣмъ полагаютъ писатели въ духѣ г-на С—на, которые склонны видѣть въ расколѣ не что иное, какъ порожденіе одного невѣжества. Подъ вліяніемъ успѣховъ образованія, эти и имъ подобныя начала вовсе не осуждены непремѣнно исчезнуть, какъ не исчезли они среди образованнаго западнаго протестантства.

Что касается мысли автора „Воззванія" о возможности объединенія старообрядцевъ въ одну церковь, то мы должны признать ее неосуществимою. Наоборотъ, мы считаемъ вѣроятнѣе, что успѣхи образованія внесутъ въ русскій расколъ еще болѣе разнообразія, найдя въ немъ именно удобную почву для свободы толкованія вѣры, свободы, которая и западному протестантству усвоилась, какъ извѣстно, не вдругъ, а съ теченіемъ времени, вслѣдствіе самаго дробленія сектъ и безпрерывныхъ ихъ видоизмѣненій. У молоканъ уже теперь допускается самый принципъ свободы толкованія, почти въ той самой мѣрѣ, какъ онъ допускается у западныхъ баптистовъ, недавно надѣленныхъ у насъ общими правами. Очень можетъ быть, что въ средѣ старообрядства наиболѣе неподвижною останется именно главная его отрасль—такъ-называемая „поповщина", состоящая въ связи съ бѣлокриницкою церковью, та отрасль, которую можно назвать старообрядческой епископальной церковью. Но другія секты, очистясь отъ нѣкоторыхъ примѣсей, дѣйствительно обусловленныхъ невѣжествомъ, могутъ сблизиться съ сектами протестантства, сдѣлаться отраженіемъ свободы религіознаго мышленія, однимъ словомъ, установиться на такихъ религіозныхъ и бытовыхъ началахъ, которымъ успѣхи образованія нисколько не противны. И при всемъ такомъ различіи, русскіе сектанты могутъ остаться вѣрными, полезными гражданами Россіи, какъ остаются вѣрными и полезными своему отечеству протестанты западной Европы и Америки. А единственное незыблемое начало свѣтскаго закона и состоитъ въ томъ, чтобы равно обезпечивать всѣмъ полезнымъ гражданамъ безопасность и благосостояніе.

Digitized by Google

ОБЪЯСНЕНІЕ РЕДАКЦІИ

по поводу „Разъясненія", напечатаннаго въ майской книгѣ „Вѣстника Европы", вслѣдствіе требованія министерства народнаго просвѣщенія.

Болѣе полугода тому назадъ, въ октябрьской книгѣ 1878 года, мы посвятили три страницы во „Внутреннемъ обозрѣніи" (823, 824 и 825 стр.) вопросу: „насколько инспектора дѣйствительно приносятъ пользы земскимъ школамъ, поставленнымъ подъ ихъ наблюденіе?" Желая сохранить все безпристрастіе въ такомъ важномъ вопросѣ, мы говорили тогда: „не будемъ спрашивать о томъ у земскихъ гласныхъ, но обратимся къ источнику наименѣе сомнительному съ точки зрѣнія самой администраціи, къ свидѣтельству одного изъ самихъ инспекторовъ народныхъ школъ харьковскаго округа", выраженному въ письмѣ инспектора Неклюдова къ предсѣдателю губернской управы Бекарюкову. Въ той статьѣ нами и приводятся подлинныя слова инспектора, извлеченныя нами дословно изъ вышеупомянутаго письма. На основаніи этихъ словъ инспе́ктора мы вывели заключеніе: „Г-нъ Неклюдовъ нарисовалъ здѣсь печальную картину положенія, созданнаго инспектору условіями, въ которыя онъ поставленъ; но, помимо своей воли, онъ вмѣстѣ нарисовалъ и печальную картину того положенія, въ какое поставлены народныя школы". Вотъ нашъ выводъ изъ приведенныхъ нами собственныхъ словъ г. Неклюдова. Между тѣмъ „Разъясненіе" (май, 324—332 стр.) говоритъ слѣдующее: „оказывается, что заявленіе о безполезности инспекціи, приписываемое г-ну Неклюдову въ „Вѣстникѣ Европы... совсѣмъ не принадлежитъ сему инспектору", т.-е., другими словами, мы сдѣлали неправильный выводъ изъ словъ г. Неклюдова, и г. Неклюдовъ не рисовалъ никакой „печальной картины" положенія инспектора народныхъ училищъ. Въ доказательство такой неправильности нашего вывода, „Разъясненіе" обращается къ читателю и предлагаетъ ему прочесть два документа; главный изъ нихъ составляетъ полную копію этого самаго письма инспектора Неклюдова къ предсѣдателю харьковской земской управы Бекарюкову, отъ 6 декабря 1877 г., за № 878, которое послужило основаніемъ нашему разсужденію. Мы охотно вѣримъ примѣчанію автора письма, что „нѣкоторыя незначительныя сокращенія", сдѣланныя имъ въ копіи, не измѣнили настоящаго смысла письма. Важно то, что текстъ лежитъ теперь предъ глазами читателя, и онъ можетъ, безъ всякой посторонней помощи, дѣлать выводы,

Digitized by Google

какіе ему угодно. Читатель, безъ сомнѣнія, и остановится на слѣдующихъ словахъ г. Неклюдова, приведенныхъ въ „Разъясненіи“: „И вотъ, *второстепенныя* обязанности (инспектора народныхъ училищъ) въ силу случайныхъ, но неотразимыхъ обстоятельствъ, выдвигаются на первый планъ, пріобрѣтаютъ первенствующее значеніе, а главная роль инспектора (руководство занятіями учителей, по поводу которой г. Неклюдовъ замѣчаетъ: „къ сожалѣнію, она не единственная“) отступаетъ на второе мѣсто и парализуется“. Кто же въ этомъ виновенъ? Отвѣтомъ на это можетъ служить перечисленіе обязанностей инспектора, приведенное г. Неклюдовымъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Онъ (инспекторъ) долженъ составлять всевозможныя отчетности по дѣлу народнаго образованія, онъ собираетъ и доставляетъ сложныя статистическія свѣдѣнія, онъ пріискиваетъ, назначаетъ, переводитъ и увольняетъ учителей, ему необходимо участвовать въ разрѣшеніи дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію училищныхъ совѣтовъ, ему нужно бывать на испытаніяхъ, производимыхъ на льготу по воинской повинности, онъ же завѣдуетъ дѣлопроизводствомъ училищныхъ совѣтовъ, онъ управляетъ низшими учебными заведеніями, неподчиненными училищному совѣту, онъ долженъ, наконецъ, вести обременительную переписку, доходящую до 1,000 нумеровъ бумагъ въ годъ, изъ которыхъ каждая не только составляется и переписывается набѣло собственною рукою инспектора, но тою же рукою запечатывается въ конвертъ и нерѣдко относится самимъ инспекторомъ на почту, потому что инспектору канцеляріи не положено. Все это обязанности, конечно, не главныя, не первостепенной важности, но игнорировать ихъ, или ихъ значеніе, невозможно, съ одной стороны, потому, что всѣ онѣ имѣютъ своимъ предметомъ развитіе дѣла народнаго образованія, а съ другой — онѣ безусловно обязательны для инспектора, *то въ виду законоположеній*, то въ силу стеченія неблагопріятныхъ обстоятельствъ, какъ, напримѣръ, бездѣйствіе училищныхъ совѣтовъ, не всегда правильное отношеніе къ школамъ земства и почти всегда неразумное отношеніе къ нимъ сельскихъ обществъ и сельскихъ властей и т. п. Если засимъ принять въ соображеніе, что опредѣленныя занятія въ сельскихъ школахъ начинаются съ октября, а оканчиваются уже въ апрѣлѣ, если не въ мартѣ, что большая часть обязанностей, которыя я назвалъ второстепенными, совпадаетъ съ учебнымъ періодомъ въ народныхъ школахъ, то много ли, спрашивается, останется въ распоряженіи инспектора времени собственно для осмотра школъ и руководства учителей въ ихъ занятіяхъ? За исключеніемъ праздничныхъ дней, а также времени на переписку, для которой часто необходимо возвращаться домой послѣ

Digitized by Google

непродолжительнаго отсутствія, остается никакъ не болѣе 60—70 учебныхъ дней. А между тѣмъ, на долю одного инспектора Харьковской губерніи приходится до 150 ти разныхъ учебныхъ заведеній, да и это только съ нынѣшняго года, когда правительство прибавило третьяго инспектора, а еще въ прошломъ году, при двухъ инспекторахъ, число училищъ у каждаго изъ нихъ заходило за 200. Нѣтъ ничего удивительнаго, что, при такихъ условіяхъ, инспекторъ едва въ состояніи осмотрѣть 40 — 50 школъ въ теченіи года. А гдѣ же мѣсто руководству учителей, требующему также времени? Вотъ, милостивый государь, въ какомъ положеніи находятся инспекторы народныхъ училищъ. Я увѣренъ, что это положеніе не было вамъ извѣстно. Позвольте же мнѣ теперь спросить, возможно ли по настоящей дѣятельности инспекторовъ, поставленныхъ, какъ вы видѣли, въ самыя неблагопріятныя условія, *судить вообще* о полезности или безполезности этихъ должностныхъ лицъ для дѣла народнаго образованія, справедливо ли затѣмъ утверждать, руководствуясь тою же дѣятельностью, что инспекторъ лицо безполезное для школы, что онъ не улучшилъ положенія дѣла народнаго образованія и что школы остаются въ прежнемъ плачевномъ состояніи".

Дѣйствительно, „судить вообще" нельзя; нельзя утверждать, что инспекторы не принесли бы пользы, еслибъ они могли ограничиться прямою своею, педагогическою обязанностью—руководить занятіями учителей; но вопросъ идетъ о степени пользы, приносимой инспекторами въ настоящихъ условіяхъ ихъ дѣятельности, а въ такомъ случаѣ выводъ изъ словъ г. Неклюдова можетъ быть только одинъ. Если „при такихъ условіяхъ инспекторъ едва въ состояніи *осмотрѣть* 40—50 школъ" изъ 200, т.-е. $^3/_4$ остаются безъ всякой инспекціи, да и та $^1/_4$ только „осматривается", а о руководствѣ учителей не можетъ быть и рѣчи,—то, спрашивается, какимъ образомъ настоящее устройство инспекціи можетъ быть, на основаніи словъ г. Неклюдова, признано полезнымъ для трехъ-четвертей школъ, которыя онъ и не видалъ въ глаза, и для той четверти, которую онъ только „осмотрѣлъ?" Мы никогда не рѣшимся сдѣлать подобный выводъ, изъ одного опасенія быть обвиненными въ ироническомъ отношеніи къ такому серьёзному дѣлу, и не позволимъ себѣ доказывать полезность инспекціи тѣмъ, что огромное большинство школъ остается внѣ инспекціи, да и самая инспекція ограничивается однимъ внѣшнимъ осмотромъ. „Разъясненіе" весьма справедливо говоритъ, что „читатель можетъ убѣдиться" самъ, на основаніи текста письма Неклюдова, въ справедливости разъясненія и въ ошибочности нашего вывода; намъ ничего не остается какъ подчиниться такому справедливому обращенію къ читателю и предоставить ему рѣшить вопросъ окон-

Digitized by Google

чательно, а въ смыслѣ рѣшенія читателя тутъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Но кромѣ необходимаго вышеупомянутаго документа, „Разъясненіе“ представляетъ читателю другой, весьма любопытный, документъ, такъ какъ онъ заимствованъ изъ сношеній г. попечителя харьковскаго учебнаго округа съ директоромъ народныхъ училищъ харьковской губерніи, г. Жаворонковымъ, а именно копію съ представленія послѣдняго въ отвѣтъ на предложеніе г. попечителя, отъ 25 января 1879 г., за № 47. Г-нъ Неклюдовъ служитъ въ вѣдомствѣ именно г-на Жаворонкова. Мы не имѣли бы никакой необходимости касаться внутреннихъ отношеній служащихъ, если бы г. Жаворонковъ ограничился защитою своего подчиненнаго отъ какого-то обвиненія и свидѣтельствовалъ бы предъ начальствомъ, „что мнѣніе, приписанное ему авторомъ статьи „Вѣстника Европы“, не имѣетъ ничего общаго съ *образомъ* мыслей инспектора Неклюдова“. Но г. Жаворонковъ сдѣлалъ больше: онъ не ограничился ролью адвоката, но взялъ на себя и другія обязанности по отношенію къ другимъ, въ томъ числѣ—и насъ; если бы его мнѣніе осталось канцелярской тайной, то оно не могло бы ввести въ заблужденіе всѣхъ, но теперь оно опубликовано, и на насъ лежитъ обязанность высказаться публично по этому поводу. Вотъ какимъ образомъ г. Жаворонковъ приступаетъ къ своему дѣлу:

„Для доказательства вѣрности своего взгляда (на безполезность инспекціи народныхъ училищъ), авторъ статьи (въ „Вѣстникѣ Европы“)—говоритъ г. Жаворонковъ — позволилъ себѣ воспользоваться письмомъ инсп. Неклюдова, и, цитируя его, въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ, не задумался извратить смыслъ письма до послѣдней степени и вообще поступилъ самымъ недостойнымъ образомъ“. Какъ бы то ни было, г. Жаворонковъ признается, однако, что мы по крайней мѣрѣ „цитировали“ слова того лица, на которое ссылаемся, и не возводили на него никакихъ обвиненій; но что же долженъ сказать г. Жаворонковъ о томъ, что онъ самъ, вовсе уже не цитируя слова членовъ губернскаго земскаго собранія, объявляетъ все сказанное ими, въ противность его, г-на Жаворонкова, мнѣнію—„*враждебными*“ правительству заявленіями, а нѣсколько далѣе присоединяетъ, что и наша хроника была, „по взгляду на дѣло, вполнѣ солидарна съ вышеприведенными мнѣніями (а *приведены* то они именно и не были, а только разсказаны словами самого автора) гласныхъ харьковскаго губернскаго собранія“. Если г. Жаворонковъ обвиняетъ насъ въ извращеніи смысла письма г. Неклюдова, приведеннаго, однако, нами въ подлинныхъ словахъ, и называетъ нашъ поступокъ „недостойнымъ“,—то что же по справедливости онъ долженъ сказать объ авторѣ, который разсказываетъ мнѣніе *своего* противника своими же

Digitized by Google

словами, а потомъ, на основаніи такихъ словъ, называетъ его врагомъ—и притомъ,—кого?

Обратимся къ сущности самаго дѣла. Г-нъ Жаворонковъ, указавъ на преступность заявленія гласныхъ, обвиняетъ насъ въ томъ, что мы, „по взгляду на дѣло", были солидарны съ такими преступными мнѣніями гласныхъ; какой же „взглядъ" нашелъ у насъ г. Жаворонковъ? Въ статьѣ, по его словамъ, „проводится тотъ взглядъ, что управленіе народными училищами должно быть *передано земству*, а *всякое вмѣшательство правительства способно только тормазить развитіе народнаго образованія*". Мы приглашаемъ кого угодно открыть на 823—825 страницахъ октябрьской книги 1878 года, гдѣ говорится объ этомъ предметѣ, не только подобныя рѣчи, но хотя бы отдаленное выраженіе такихъ мыслей, какія намъ приписываетъ г. Жаворонковъ, не прибѣгая ни къ какимъ дословнымъ цитатамъ изъ нашей статьи; между тѣмъ, въ нашей статьѣ не оставлено даже и тѣни сомнѣнія относительно нашего образа мыслей по поводу вопроса: что необходимо для успѣха народныхъ школъ при содѣйствіи земства? Вотъ наши собственныя заключительныя слова (825 стр.): „для такого содѣйствія (со стороны земства) необходима ему возможность *нѣкоторой* самостоятельности, собственнаго почина и вѣроятности, что самыя заявленія общества о тѣхъ или другихъ его нуждахъ не будутъ отклоняемы, какъ вовсе не требующіяся и даже неумѣстныя, но будутъ серьёзно принимаемы въ разсчетъ, для *дружной* работы на общую пользу". Гдѣ же тутъ говорится о „передачѣ земству управленія народными училищами", объ отрицаніи пользы „всякаго вмѣшательства правительства" въ дѣло народнаго образованія? Не сдѣлалъ ли г. Жаворонковъ съ нашею статьею нѣчто худшее того, что, по его мнѣнію, мы будто бы сдѣлали съ письмомъ г. Неклюдова, и при этомъ приписалъ нашей статьѣ то, чего въ ней нѣтъ, и въ такихъ выраженіяхъ, которыя мы не позволили бы себѣ, говоря даже о дѣятельности какого-нибудь частнаго лица?

Возвращаясь, въ заключеніе, къ письму г. Неклюдова, мы должны признать это письмо искреннимъ и правдивымъ, и вмѣстѣ съ г. Жаворонковымъ допустить, что ему „столь же ясны роль и значеніе инспекціи въ дѣлѣ народнаго образованія, сколько дороги и самые интересы этого дѣла". Въ силу всего этого мы обязаны продолжать раздѣлять сожалѣніе г. Неклюдова, что у насъ главная роль инспектора, педагогическая, парализуется „второстепенными" обязанностями, которыя „безусловно обязательны для инспектора, то въ виду законоположеній, то въ силу стеченія неблагопріятныхъ обстоятельствъ". Въ результатѣ изъ всего этого слѣдуетъ, что если справедливо такое оффиціальное свидѣтельство, то причина безполезности инспекцій

Digitized by Google

заключается не во „враждебности“ земства, на что̀ указываетъ г. Жаворонковъ, а въ самыхъ законоположеніяхъ и въ стеченіи неблагопріятныхъ обстоятельствъ, къ числу которыхъ г. Неклюдовъ относитъ: 1) бездѣйствіе училищныхъ совѣтовъ; 2) не всегда правильное (о враждебности онъ не говоритъ) отношеніе къ школамъ земства, и 3) почти всегда неразумное отношеніе къ нимъ сельскихъ обществъ и сельскихъ властей. Особенно важно было бы освободить инспектора отъ несвойственныхъ его педагогическому назначенію обязанностей и отъ исполненія различныхъ формальностей; по словамъ г. Неклюдова, одна переписка доходитъ до 1000 нумеровъ бумагъ въ годъ: болѣе чѣмъ три бумаги въ день; и дѣйствительно, онъ нисколько не преувеличиваетъ, такъ какъ на его письмѣ въ „Разъясненіи“, отъ 6 декабря, когда годъ еще не кончился, мы читаемъ: № 878!!!

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

12/24 мая, 1879.

Куда мы идемъ?

Съ тѣхъ поръ какъ Германія ведетъ парламентскую жизнь, еще ни разу не происходили такія продолжительныя, такія оживленныя и чисто-дѣловыя пренія, какъ тѣ, что̀ ведутся ежедневно съ той минуты, когда коренныя реформы въ таможенной и экономической политикѣ стали на очереди въ рейхстагѣ. Предметъ этотъ, какъ всякому понятно, имѣетъ значеніе и величайшую важность для всего будущаго, или если не для всего будущаго, то для цѣлаго періода и для цѣлой націи. Нельзя отрицать, что до самаго послѣдняго времени фритредерская школа представляла единственную научную доктрину въ таможенныхъ и экономическихъ вопросахъ и считалась за самую правильную большинствомъ публики. Но теперь это у насъ далеко не такъ. Трудно съ точностью опредѣлить минуту, когда наступилъ поворотъ въ мнѣніяхъ. Собственно говоря, его можно отнести къ тому моменту, когда послѣдовала отмѣна пошлинъ на желѣзо. Но все же до самаго послѣдняго времени представители такъ-называемаго охранительнаго направленія были все еще малочисленны, и даже самые проницательные наблюдатели не считали возможнымъ, чтобы

Digitized by Google

скоро могъ произойти такой радикальный переворотъ въ рейхстагѣ и внѣ его! Мало того: когда нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ пришла удивительная вѣсть о томъ, что образовался такъ-называемый политико-экономическій союзъ въ рейхстагѣ изъ членовъ всѣхъ его партій, включая центръ, намѣревающійся отстаивать таможенную реформу въ духѣ Бисмарковскихъ воззрѣній, высказанныхъ еще въ концѣ прошлаго года въ извѣстномъ его письмѣ, то многіе не повѣрили такому извѣстію и утверждали, что подобная коалиція разнородныхъ элементовъ навѣрное долго не продержится. Разсчитывали, кто и кто отпадетъ при томъ или другомъ вопросѣ, и всѣмъ казалось весьма сомнительнымъ, чтобы Бисмарку удалось провести свои планы. По всей вѣроятности, такое заблужденіе на счетъ значенія коалиціи содѣйствовало потомъ быстрому паденію фритредерской партіи, такъ какъ она, увѣренная въ своихъ собственныхъ силахъ, не начала своевременно агитаціи, между тѣмъ какъ агитація партіи, симпатизирующей правительству, продолжалась давно. Впрочемъ, я того мнѣнія, что никакая агитація тутъ не помогла бы, потому что необыкновенный переворотъ совершился прежде всего въ самой странѣ, а это обусловливается тѣмъ, что фритредерское ученіе далеко еще не пустило такихъ глубокихъ корней, чтобы огромная масса людей придерживалась его изъ убѣжденія. Всегда такъ случается: научно-образованнымъ бываетъ лишь весьма незначительное число людей въ странѣ; вообще, наукой не управляется ни одна страна; масса руководится положительнымъ закономъ и своими интересами. Законы должны соотвѣтствовать ея интересамъ, а въ томъ случаѣ, когда они задѣваются, необходимо повиновеніе закону и государству, чтобы примириться съ невыгодой, въ виду ея крайней необходимости. Фритредерская школа все это время упрекала своихъ противниковъ тѣмъ, что они только дилетанты, и всего болѣе упрекъ этотъ дѣлался князю Бисмарку. Въ сущности говоря, упрекъ этотъ не совсѣмъ основателенъ, потому-что ни одна школа, въ томъ числѣ и фритредерская, не пользуется привилегіей исключительнаго научнаго образованія. Это научное образованіе въ политической экономіи представляется профессорами и немногими высокопоставленными государственными людьми, и въ этомъ отношеніи въ Германіи именно замѣчается то явленіе, что лишь самое незначительное число ихъ фритредерскаго направленія; напротивъ того, значительное большинство раздѣляетъ еретическія экономическія идеи, навлекшія на нихъ насмѣшливое прозвище—„Kathedersocialisten“.

Если мы разсмотримъ политическую экономію во всемъ ея объемѣ, то увидимъ, что она постоянно развивалась, и потому нѣтъ основанія считать, будто она достигла въ настоящую минуту такого пункта

Digitized by Google

въ своемъ развитіи, который требуетъ безусловной остановки, такъ какъ дальше идти нѣкуда, и, слѣдовательно, приходится сказать: должна царить безусловная свобода, а если нѣтъ, то необходимо разбить послѣднія цѣпи, чтобы достичь этой свободы. Такое упраздненіе всякой дальнѣйшей дѣятельности, всякаго дальнѣйшаго развитія, руководства, направленія, носитъ въ себѣ зародышъ паденія, и нельзя отрицать, что въ послѣднія пятнадцать лѣтъ у насъ въ Германіи фритредерская политико-экономическая школа пришла въ застой. Самые талантливые представители ея, какъ, напр., Михаэлисъ, Браунъ, Принсъ-Смитъ, частію умерли, какъ напр., послѣдній, частію заняли должности, удаленныя отъ научной дѣятельности, а новые дѣятели появлялись весьма туго. Настоящимъ центральнымъ органомъ этой партіи служитъ „Vierteljahreschrift für Volkswirthschaft", основанный въ 1863 г. Леономъ Фошѣ и существующій и по сіе время; если просмотрѣть его изъ году въ годъ, то мы увидимъ, что онъ процвѣталъ въ научномъ отношеніи лишь весьма короткое время, что затѣмъ онъ занялся новыми вопросами, стоявшими, собственно говоря, внѣ политико-экономической области, и что въ настоящее время эта послѣдняя занимаетъ весьма незначительную часть въ немъ. Напротивъ того, такъ-называемые „Kathedersocialisten" все еще очень плодовиты, и хотя отнюдь не всѣ они признаютъ безусловно охранительную систему, но тѣмъ не менѣе сильно критикуютъ свободу торговли, и въ послѣднее время сильно склоняются на противоположную сторону, которая лучше отвѣчаетъ ихъ воззрѣніямъ. Въ самомъ-дѣлѣ, всякая оппозиція противъ свободы торговли—главное—противъ безусловной свободы торговли—всегда бываетъ связана съ нѣкотораго рода соціалистической идеей, и хотя приверженцы теперешней правительственной политики очень сѣтуютъ на своихъ противниковъ, когда тѣ,—какъ это не разъ было во время послѣднихъ преній,—приписываютъ князю Бисмарку соціалистическія тенденціи, но извѣстная доля правды все же въ этомъ есть.

Манчестерская теорія безусловной свободы личности въ экономическомъ отношеніи основывается на мысли, что каждый долженъ заботиться о самомъ себѣ, и что сильные въ дѣйствительности должны имѣть преимущество надъ слабыми. Между тѣмъ экономическій законъ таковъ, что если разъ вѣсы между обѣими сторонами, нанимателемъ и работникомъ, склонятся слегка на сторону перваго, то разница между обѣими сторонами быстро возростаетъ и, въ концѣ-концовъ наступаетъ отношеніе господина къ рабу; вполнѣ основательны жалобы на то, что отношенія въ Англіи, благодаря свободѣ торговли, доведены до крайнихъ предѣловъ, и уже въ ту эпоху, когда соціаль-демократическія стремленія въ Англіи получили сильное, хотя и прехо-

Digitized by Google

дящее развитіе, т.-е. лѣтъ тридцать тому назадъ, слѣдовало правительству въ Англіи; т.-е. парламенту, вмѣшаться въ отношенія хозяевъ и рабочихъ. Сюда принадлежатъ, напр., законы, регулирующіе работу дѣтей, количество рабочихъ часовъ и тому подобные. Фабриканты въ ту пору самымъ безсовѣстнымъ образомъ эксплуатировали силы своихъ рабочихъ, и въ интересахъ гуманности, тѣсно связанныхъ съ истиннымъ государственнымъ благомъ, слѣдовало положить предѣлъ эксплуатаціи бѣдныхъ богатыми. Слѣдовательно, принципъ экономической свободы точно такъ непримѣнимъ и въ Англіи; онъ всюдѣ сталкивается съ непосредственными житейскими нуждами, которыя безжалостно подрѣзываютъ крылья у теорій. Въ послѣднемъ отношеніи въ здѣшнемъ рейхстагѣ есть человѣкъ, котораго никакъ нельзя упрекнуть въ идеализмѣ: совсѣмъ черствый бюрократъ, президентъ имперской канцеляріи, министръ Гофманъ превосходно возражалъ на нападки оппозиціонной партіи, говоря, что правительство никогда не преслѣдовало (persécuté) экономическія стремленія соціаль-демократіи, и вооружилось противъ соціаль-демократовъ только изъ этическихъ и политическихъ причинъ, такъ какъ тѣ прибѣгали къ такимъ средствамъ агитаціи, которыя несовмѣстимы съ существованіемъ государства и порядка. Во всякомъ случаѣ надо сознаться, что въ такой странѣ, какъ Англія, которой необыкновенно благопріятствуетъ ея своеобразное положеніе, менѣе вредна свобода въ экономическихъ отношеніяхъ, чѣмъ въ любой изъ континентальныхъ странъ, имѣющихъ совсѣмъ иныя потребности. Спокон-вѣку англійскій парламентъ умѣлъ устроить такъ, чтобы для англичанъ почти не существовало принудительной военной службы; армія и во сіе время набирается посредствомъ вербовки. Въ континентальныхъ же странахъ съ незапамятныхъ временъ болѣе или менѣе существовало постоянное войско, и въ основѣ его лежала болѣе или менѣе всеобщая воинская повинность, а эта воинская повинность въ послѣднее десятилѣтіе, просуществовавъ довольно долгое время въ Пруссіи, принята также и другими странами. Но совершенно невозможно, чтобы государство, требующее отъ всѣхъ своихъ подданныхъ величайшей жертвы, какую только тѣ могутъ принести, жертву ихъ жизни,—невозможно, чтобы оно не становилось совсѣмъ иныя отношенія къ бѣднѣйшимъ и слабѣйшимъ изъ своихъ подданныхъ, чѣмъ тѣ государства, гдѣ такой жертвы отъ послѣднихъ не требуютъ. Прусскіе короли ясно понимали это еще въ то время, когда о политической экономіи мало заботились, и потому ставили себѣ въ непремѣнную обязанность отстаивать интересы бѣднѣйшихъ и слабѣйшихъ классовъ сначала противъ рицарей, притѣснявшихъ ихъ, затѣмъ противъ капиталистовъ, старавшихся ихъ эксплуатировать.

Digitized by Google

Вслѣдствіе этого само королевство имѣетъ нѣкоторыя точки соприкосновенія съ соціалистическимъ движеніемъ, и дѣло затрудняется только тѣмъ, что послѣднее какъ-разъ въ Пруссіи и въ Германіи спеціально обратилось противъ королевства, что́ частію связано съ его антирелигіознымъ характеромъ. Эта послѣдняя черта есть нѣчто случайное и внѣшнее; можно увлекаться соціалистическими стремленіями и быть вмѣстѣ съ тѣмъ очень набожнымъ католикомъ или протестантомъ, и даже въ недавнее время мы были свидѣтелями какъ нѣсколько евангелическихъ священниковъ какъ-разъ увлекались соціалистическими тенденціями, причемъ, конечно, иные могли зайти черезъ-чуръ далеко, но не слыхать однако, чтобы они подвергались преслѣдованіямъ со стороны своего начальства, и оно не препятствуетъ имъ преслѣдовать свои цѣли.

Обращаясь къ контрасту между фритредерами и такъ-называемыми охранителями, существующему нынѣ и проявившемуся уже въ концѣ прошлаго года, мы увидимъ, что на сторонѣ фритредеровъ имѣется то преимущество, что при господствѣ ихъ системы нѣкоторое время сдѣланъ былъ весьма значительный прогрессъ; далѣе, въ ихъ пользу говоритъ та несомнѣнная на первый взглядъ истина, что ограниченіе свободы обращенія въ томъ отношеніи нѣсколько неясно, что одно ограниченіе всегда влечетъ за собою другое, и что, будучи послѣдовательнымъ, должно придти въ концѣ-концовъ къ тому, отъ чего мы удалились нѣсколько столѣтій тому назадъ, а именно, что каждая провинція ограждалась отъ другой провинціи и каждый городъ отъ другого города. Но въ политикѣ весьма рѣдко бываетъ возможно провести чистый принципъ, и чѣмъ проще на видъ дѣло, тѣмъ тщательнѣе долженъ взвѣсить государственный человѣкъ, не создаетъ ли дѣйствительность различныя затрудненія этой, повидимому, весьма простой вещи. Въ Германіи это усмотрѣли тѣмъ яснѣе, что Англія, а также и другія государства вовсе не придерживаются передъ принципомъ фритредерства, превозносимымъ здѣсь. Фритредеры утверждали съ весьма похвальной послѣдовательностью, что это вовсе не резонъ отступать отъ разъ сознанной истины, и что свобода торговли сама по себѣ является такимъ большимъ благодѣяніемъ, что каждый народъ, который придерживается ея, пріобрѣтаетъ черезъ то самое больше преимуществъ надъ своими сосѣдями. Это преувеличеніе, — по крайней мѣрѣ, мнѣ это кажется преувеличеніемъ, — было камнемъ преткновенія, о который споткнулась въ Германіи фритредерская система, потому что ясно стало, что такимъ образомъ Германія въ концѣ-концовъ станетъ рынкомъ, на который будутъ стекаться всѣ продукты, но откуда ихъ нельзя будетъ вывозить, такъ какъ сосѣднія государ-

Digitized by Google

ства ихъ не пропустятъ; между тѣмъ Германія сама по себѣ до того худо обставлена самой природой, что можетъ лишь съ трудомъ выдерживать конкурренцію съ другими, болѣе счастливо одаренными странами. Система попятнулась, какъ уже сказано, на вопросѣ о пошлинѣ на желѣзо. Несмотря на нескончаемыя цифры, приводимыя обѣими сторонами въ этомъ спорѣ, до сихъ поръ еще невозможно сказать совершенно точно и опредѣленно, какое дѣйствіе оказала фритредерская система на эту отрасль промышленности. Цифры, представляемыя статистикой касательно ввоза и вывоза, постоянно оспариваются всѣми сторонами, а если и не оспариваются, то освѣщаются то такъ, то сякъ, потому что статистика остается до сихъ поръ такого рода книгой, гдѣ каждый читаетъ то, что ему больше хочется. Вмѣстѣ съ тѣмъ сомнительно, чтобы упадокъ производства былъ лишь слѣдствіемъ великаго „краха“, потому что, судя по многимъ даннымъ, хотя производство значительно уменьшилось послѣ мошенническаго періода 1872—1874 гг., но все же показываетъ большое приращеніе сравнительно съ предыдущимъ періодомъ, такъ что если вѣрить тѣмъ, кто это говоритъ, отношенія мало-по-малу входятъ въ свою норму. Другіе же, напротивъ того, указываютъ на массу недѣйствующихъ или слабо дѣйствующихъ заводовъ и на то, какой громадный капиталъ теряется такимъ образомъ. Если заинтересованныя стороны примыкаютъ къ этому мнѣнію, то ихъ упрекаютъ какъ разъ въ томъ, что, будучи заинтересованными въ дѣлѣ, онѣ не могутъ быть безпристрастными; тѣхъ же, кто не заинтересованъ спеціально въ этомъ дѣлѣ, заинтересованные, въ свою очередь, упрекаютъ въ некомпетентности. Такимъ образомъ, весьма трудно рѣшить—кто правъ, кто виноватъ. Несмотря на то, весьма вѣроятно, что даже самому Бисмарку невозможно было бы замыслить реформу въ такомъ широкомъ объемѣ, если бы между фритредерами и сельскими хозяевами не произошло разрыва.

Настоящій корень фритредерства сидитъ въ нашихъ восточныхъ провинціяхъ, представляющихъ интересы мореходства, и въ сельскихъ хозяевахъ, вообще вѣрившихъ въ то, что ихъ интересамъ всего болѣе соотвѣтствуетъ свобода торговли. Сельскіе хозяева главнымъ образомъ возставали противъ пошлины на желѣзо, опасаясь, что, благодаря ей, очень вздорожаютъ машины, которыя имъ нужны. Съ другой стороны, утверждаютъ, что употребленіе машинъ такъ незначительно, что повышеніе налога отяготитъ сельскихъ хозяевъ всего лишь двумя или тремя пфеннигами. Нельзя и тутъ сказать—кто правъ, кто виноватъ. Но мнѣ кажется вѣроятнымъ, что сельскіе хозяева придавали слишкомъ большое значеніе безпошлинному ввозу машинъ, употребляемыхъ ими, потому что эти послѣднія уже

Digitized by Google

вовсе не такъ скоро приходятъ въ негодность, чтобы умѣренная пошлина могла особенно отяготить сельское хозяйство. Но большинство сельскихъ хозяевъ другихъ провинцій уже нѣсколько лѣтъ, какъ разошлись съ своими восточными собратьями и вели весьма сильную оппозицію въ томъ смыслѣ, что настоящее законодательство въ высшей степени вредоносно отзывается на сельскомъ хозяйствѣ. Эту партію называютъ „аграріями", и фритредеры считаютъ ее прототипомъ всякихъ реакціонныхъ воззрѣній, такъ какъ и въ политической области они принадлежатъ бо̀льшею частью къ крайней правой. Въ печати эта партія насчитываетъ нѣсколькихъ весьма искусныхъ представителей, но отличается, къ сожалѣнію, грубостью нападокъ на своихъ политическихъ противниковъ и въ особенности евреевъ, которымъ уже съ 1848 г. вошло въ моду приписывать въ вину либерализмъ всего міра.

Я уже раньше писалъ вамъ насчетъ этого еврейскаго вопроса и теперь необходимо долженъ вернуться къ нему, такъ какъ въ то время, когда въ либеральныхъ кружка̀хъ слишкомъ бережно относятся къ еврейству, нелиберальные люди все сильнѣе и сильнѣе проникаются антипатіей къ нему, и нельзя отрицать, что враждебное отношеніе къ еврейству весьма популярно, а слѣдовательно, аграрные о̀рганы съ своей точки зрѣнія вовсе не глупо дѣлали, стараясь воспользоваться народной антипатіей. Насколько въ другихъ кружка̀хъ велико желаніе щадить еврейство, доказалъ недавній эпизодъ въ рейхстагѣ. Депутатъ Мосль, хотя и представляетъ собою вольный городъ Бременъ, но тѣмъ не менѣе примкнулъ къ программѣ Бисмарка, и вслѣдствіе этого у него произошла сильная распря съ приморскими городами, причемъ онъ, лично задѣтый за живое, упомянулъ въ рѣчи о „международныхъ и семитическихъ вліяніяхъ", сказывающихся въ торговлѣ и обращеніи. Это несчастное слово „семитическій" произвело такое же впечатлѣніе, какъ и то, что̀ я вамъ описывалъ четыре мѣсяца тому назадъ по поводу книги Буша, „Graf Bismarck und seine Leute", которая, какъ я прочиталъ въ газетахъ, уже переведена на русскій языкъ. Несимпатичный отзывъ Бисмарка о Якоби и былъ настоящей причиной бури, поднявшейся изъ-за этой книги, причемъ, несмотря на ея несомнѣнное историческое значеніе, къ ней отнеслись какъ къ дрянному памфлету. Такъ было и здѣсь. Мослю все бы простили, но выраженіе „семитическій" сгубило его, и національ-либеральная фракція выразила ему энергическое и единодушное порицаніе, вынудившее его отдѣлиться отъ этой фракціи. Впрочемъ, Мосль импортилъ себѣ и въ другомъ отношеніи; онъ объявилъ депутаціи, явившейся къ нему съ упреками: — тотъ, чью руку пожимала рука

князя Бисмарка, можетъ быть увѣренъ, что стоитъ на вѣрной дорогѣ. Эти слова, конечно, преувеличены и совсѣмъ неправдоподобны, такъ какъ этотъ человѣкъ совсѣмъ не честолюбивъ, совсѣмъ не помышляетъ о политической карьерѣ, богатъ и независимъ, и, безъ сомнѣнія, онъ присталъ къ политикѣ Бисмарка въ силу такихъ аргументовъ послѣдняго, которые ему нельзя было высказать самому въ парламентскихъ преніяхъ. Представитель Бремена выполнилъ это за Бисмарка съ гордостью, не употребилъ неловкое выраженіе. Между тѣмъ, какъ я уже не разъ говорилъ то, существуетъ цѣлая школа, чтобы не сказать секта, пропитанная сильнѣйшей ненавистью къ князю Бисмарку, желающая устранить его, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, а потому клеймящая восторженное почитаніе его, какъ самое постыдное раболѣпство. Это обстоятельство сильно повліяло на осужденіе депутата Моля, такъ что онъ сдѣлался самымъ непопулярнымъ и оплеваннымъ человѣкомъ, и любимѣйшей мишенью сатирическихъ журналовъ.

Приморскіе города и вообще приморскія области несомнѣнно заинтересованы въ свободѣ торговли. Торговля сама по себѣ требуетъ свободы, безусловной свободы, и каждый, кто занимается только торговлей, непремѣнно станетъ фритредеромъ. Поэтому приморскіе города протестуютъ даже противъ охранительныхъ пошлинъ, которыя правительство охотно наложило бы на иностранныя суда, приходящія въ нѣмецкія гавани. Князь Бисмаркъ заслужилъ такимъ гнѣвъ приморскихъ городовъ тѣмъ, что выразился объ оптовой торговлѣ какъ о весьма почтенномъ, но нѣсколько эгоистическомъ занятіи, и гнѣвъ этотъ тѣмъ сильнѣе, что довольно трудно отразить такой упрекъ. Само собой разумѣется, что правительство не можетъ желать повредить морской торговлѣ; оно много сдѣлало въ послѣднее десятилѣтіе для восточныхъ морскихъ гаваней и для прибрежныхъ дорогъ, и будетъ, конечно, продолжать дѣйствовать въ этомъ направленіи, но оно признаетъ также, что торговые интересы не могутъ быть обособлены отъ всѣхъ другихъ государственныхъ интересовъ: ихъ можно поощрять только въ той мѣрѣ, покуда они не идутъ наперекоръ другимъ государственнымъ интересамъ.

Великіе дебаты, долженствующіе рѣшить судьбу этой сессіи, начались второго числа текущаго мѣсяца, причемъ князь Бисмаркъ въ общихъ чертахъ развилъ свою программу; она въ главномъ является натурально лишь повтореніемъ той программы, которую онъ изложилъ въ своемъ знаменитомъ посланіи союзному совѣту отъ 15 декабря прошлаго года, а потому я и не стану повторять ее. Рѣчь князя Бисмарка выставила его въ полной силѣ его духа, и служитъ опроверженіемъ слуховъ, распускаемыхъ въ послѣднее время,

Digitized by Google

что онъ очень опустился отъ болѣзни. Рѣчь произвела сильное впечатлѣніе своими широкими взглядами. Послѣ Бисмарка говорилъ Дельбрюкъ, котораго его друзья и манчестерская партія вообще считаютъ естественнымъ соперникомъ Бисмарка и главой фритредерской оппозиціи.

Дельбрюкъ незадолго до начала сессіи издалъ брошюру о пошлинѣ на хлѣбъ, и жестоко нападалъ на эту пошлину и вообще на всю тарифную реформу. Тамъ, между прочимъ, сказано, что таможенная политика Бисмарка представляетъ идеалъ того, чѣмъ не должна быть эта политика. Эта брошюра вышла подъ анонимомъ—и Дельбрюкъ не призналъ ее прямо своею, хотя вся фритредерская печать настойчиво утверждала то, а Дельбрюкъ не считалъ нужнымъ опровергать. Это колебаніе было характеристично для образа дѣйствія Дельбрюка. Нѣкоторыя лица, хорошо знающія Бисмарка, утверждаютъ, что онъ и теперь еще не имѣлъ намѣренія вполнѣ порвать съ Дельбрюкомъ, но что, напротивъ того, ему бы очень хотѣлось, чтобы его многолѣтній сотрудникъ принялъ на себя роль посредника между нимъ и національ-либералами. Личныя дружескія отношенія между Бисмаркомъ и Дельбрюкомъ все еще продолжаются и по сіе время, и Дельбрюкъ съ женой всегда бываетъ на парламентскихъ вечерахъ Бисмарка. Но послѣ того какъ въ первый же день дебатовъ Дельбрюкъ въ принципѣ вооружился противъ Бисмарка,—дальнѣйшее совмѣстное дѣйствіе между ними невозможно. На пространную рѣчь Бисмарка, Дельбрюкъ отвѣчалъ весьма сухимъ перечнемъ цифръ и указалъ на нѣкоторые пункты тарифнаго проекта, доказывая, что онъ опирается на ложныхъ данныхъ. Все засѣданіе было наполнено обѣими рѣчами. Но рѣчь Дельбрюка произвела весьма слабое и даже дурное впечатлѣніе. Фритредерская партія не отрицаетъ того, что этотъ первый день для нея потерянъ; она даже очень рѣзко порицала Дельбрюка и утѣшалась тѣмъ, что послѣдующіе ораторы поправятъ дѣло. Лишь немногіе осмѣливались утверждать, что Дельбрюкъ изъ особой глубокомысленной политической тактики не высказалъ въ первомъ засѣданіи великія и общія идеи, а держался лишь однѣхъ частностей, но что позднѣе онъ ихъ выскажетъ. Однако, съ тѣхъ поръ Дельбрюкъ нѣсколько разъ уже говорилъ, но никакихъ обширныхъ взглядовъ не высказалъ, и хуже того: фактическій матеріалъ, собранный имъ, критикуется во многихъ отношеніяхъ компетентными людьми, доказывающими, что многое въ немъ невѣрно. Знающіе Дельбрюка утверждаютъ, что хотя прежнія заслуги его неоспоримы, но что съ 1867 г., когда онъ сталъ во главѣ имперской канцеляріи, онъ больше занимался подробностями торговыхъ и таможенныхъ дѣлъ, и оставилъ безъ вниманія новѣйшее развитіе этой отрасли.

Digitized by Google

Какъ бы то ни было, а фритредерской партіи пришлось отказаться отъ надежды найти въ Дельбрюкѣ вождя въ ея борьбѣ съ Бисмаркомъ, могущаго замѣстить Бисмарка въ случаѣ его пораженія, такъ какъ несомнѣнно, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ Бисмарку пришлось бы выдти въ отставку.

Здѣшнія газеты постоянно толкуютъ о реакціи, такъ что подумаешь, что Германія ввергнута въ самое глухое рабство. Но не слѣдуетъ забывать, что какъ бы ни былъ могущественъ канцлеръ, все же онъ не можетъ управлять наперекоръ большинству рейхстага. Это большинство ему безусловно необходимо, въ особенности въ экономической политикѣ, разъ что ее приходится преобразовать въ обширныхъ размѣрахъ. Когда рейкстагъ только-что началъ свои пренія, можно было еще думать, что вѣсы колеблятся, и, быть можетъ, если бы вождь оппозиціи былъ краснорѣчивѣе, ему удалось бы нанести ударъ правительственнымъ планамъ. Послѣ Дельбрюка говорили еще многіе ораторы, въ томъ числѣ Бамбергеръ, Рихтеръ, Ласкеръ. Всѣ они превзошли въ краснорѣчіи Дельбрюка, но этимъ самымъ повредили оппозиціи, такъ какъ Дельбрюку слѣдовало бы быть самымъ искуснымъ и даровитымъ ораторомъ, чтобы стоять въ главѣ оппозиціи. Да и противная сторона была изумительно хорошо вооружена. Рѣчи гг. Варнбюлера, государственнаго министра Гофмана, правительственныхъ коммиссаровъ Майра и Бургардта, депутата Штумма, были превосходны, и, быть можетъ, всего сильнѣе подѣйствовали рѣчи депутата фонъ-Беннигсена изъ національ-либеральной партіи и депутата Бергера. Онъ принадлежитъ къ той небольшой группѣ людей, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ отдѣлились отъ прогрессивной партіи, не отказываясь отъ своихъ политическихъ убѣжденій, и только потому, что не могли выносить тиранніи берлинской фракціи этой партіи. Бергеръ сказалъ большое краснорѣчіе, и оно не только произвело сильное впечатлѣніе на палату, но должно было найти отголосокъ въ цѣлой странѣ. Онъ опровергалъ, между прочимъ, мнѣніе о томъ, что князь Бисмаркъ, какъ нѣкій магъ и волшебникъ, вызвалъ реакцію. „Многіе представляютъ себѣ, сказалъ этотъ депутатъ, что это дѣло происходило такъ, какъ и возстаніе 1813 г. противъ французовъ, о которомъ говорится въ пѣснѣ: король крикнулъ—и всѣ, всѣ пришли на его зовъ! А дѣло было, напротивъ того, вотъ какъ:—всѣ кричали и очень долгое время, и, наконецъ, пришелъ канцлеръ!“ Чѣмъ справедливѣе это замѣчаніе, тѣмъ, конечно, сильнѣе должно было оно подѣйствовать, а мы увидимъ, что оно вѣрно, если вернемся назадъ къ половинѣ 1875 г. Тогда появился въ „Крестовой Газетѣ“ цѣлый рядъ статей, подъ заглавіемъ: „Эра Блейхрёдера, Дельбрюка, Кампгаузена и новыхъ

Digitized by Google

нѣмецкихъ политико-экономовъ", съ ожесточенными нападками на этихъ трехъ господъ, изъ которыхъ первый былъ особенно преданный Бисмарку человѣкъ. Статьи произвели очень сильное впечатлѣніе, и онѣ повели въ весьма непріятной полемикѣ, въ которой намекалось на корыстолюбивыя побужденія Бисмарка, вслѣдствіе чего этотъ послѣдній, наконецъ, ожесточился противъ „Крестовой Газеты" до того, что предалъ ее такъ-сказать анаѳемѣ, а она въ свою очередь напечатала списокъ именъ нѣсколькихъ сотенъ землевладѣльцевъ и офицеровъ, вступившихся за нее. Въ ту пору Дельбрюкъ, Кампгаузенъ и Бисмаркъ были еще неразрывны, послѣдній считалъ дѣло первыхъ своимъ собственнымъ, и если мы обсудимъ это дѣло теперь и перечтемъ тѣ статьи, то придемъ къ мысли, что онѣ дали первый толчокъ, заставившій Бисмарка нѣсколько пристальнѣе заняться экономическими вопросами, а это занятіе лишь весьма постепенно привело его къ разрыву съ тѣми двумя лицами. Слѣдуетъ при этомъ припомнить, что уже въ 1875 г. начали оказываться худыя послѣдствія полученныхъ милліардовъ на нѣмецкое хозяйство. Въ настоящее время каждый считаетъ себя въ правѣ бросить камнемъ въ Бисмарка за то, что онъ вообще взялъ милліарды; но что онъ дѣйствовалъ при этомъ не безъ совѣта Дельбрюка и Кампгаузена — очевидно, и за употребленіе милліардовъ эти оба человѣка такъ же отвѣтственны, какъ и онъ; что въ этомъ отношеніи совершены крупныя ошибки, въ этомъ всѣ теперь сознаются, и я боюсь, что еще наступитъ пора, когда все финансовое хозяйство того времени, включая и монетную реформу, подвергнется жесточайшей критикѣ. Весьма важное значеніе имѣла рѣчь фонъ-Беннигсена. Беннигсенъ—безспорный вожакъ такъ-называемаго праваго крыла національ-либеральной партіи, и справедливо считается самой толковой политической головой въ ней. Онъ очень близокъ съ Бисмаркомъ, и всѣмъ еще памятно, какъ онъ чуть-было не попалъ въ министры послѣ своего визита въ Варцинъ въ 1877 г. Съ того знаменательнаго визита произошелъ разрывъ между національ-либеральной партіей и Бисмаркомъ. Не вполнѣ ясно какъ отнесся въ ту эпоху Беннигсенъ къ Бисмарку; во всякомъ случаѣ онъ вернулся, не заключивъ съ нимъ договора; онъ далъ отчетъ своимъ друзьямъ о своей поѣздкѣ, но тѣ не пошли ни на какой компромиссъ. Съ тѣхъ поръ Беннигсенъ постоянно занимался дипломатіей; онъ, очевидно, не хотѣлъ отдѣлиться отъ своей партіи, но не упускалъ изъ виду, что большинство этой партіи вовсе не стремилось къ безусловной оппозиціи. При обсужденіи таможенной реформы положеніе Беннигсена было очень благопріятно; онъ никогда не былъ отъявленнымъ фритредеромъ, но всегда разсматривалъ экономическіе вопросы съ политической точки зрѣнія. Онъ показалъ,

Digitized by Google

какъ сильно преувеличены утвержденія фритредеровъ, будто бы, если пройдетъ новый таможенный тарифъ, то слѣдуетъ ожидать полнѣйшаго переворота въ экономической жизни Германіи и полнѣйшаго разоренія. Замѣчательно, что въ этомъ ему вторилъ Ласверъ, который также отвергалъ эти преувеличенія, хотя онъ принадлежитъ къ рѣшительнѣйшимъ противникамъ новаго тарифа. Въ самомъ дѣлѣ, ихъ противники оказали плохую услугу своему дѣлу, дозволивъ себѣ такія страшныя преувеличенія.

Нравственное дѣйствіе, произведенное преніями, касавшимися въ началѣ вообще всего тарифа, а затѣмъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пошлинъ, было благопріятно для реформы. И первое голосованіе, 16 (4) мая на счетъ пошлины на желѣзо, засвидѣтельствовало блистательнымъ образомъ побѣду реформы. Поправка консервативнаго депутата Веделя, желавшаго сократить на половину пошлину, предлагаемую правительствомъ, была отвергнута большинствомъ 192 голосовъ противъ 125, и пошлина принята въ размѣрѣ, предложенномъ правительствомъ, а именно: одной марки съ 100 килограммовъ,— принята 218 голосами противъ 88.

Такимъ образомъ, правительственное большинство оказалось гораздо значительнѣе, чѣмъ этого ожидали. Партіи распредѣлились при голосованіи такъ, что только прогрессивная партія и центръ вотировали цѣлникомъ противъ правительства; всѣ остальныя были и за, и противъ. Самая сильная рознь выказалась въ національно-либеральной партіи: въ ней двѣ трети вотировали противъ законопроекта, а одна за него. Результатъ этого голосованія произвелъ громадное впечатлѣніе, отразившееся въ печати: фритредерская партія понесла сильное пораженіе, и не могла не сознаться, что утратила большинство въ рейхстагѣ. Но этотъ рейхстагъ вышелъ изъ всеобщей подачи голосовъ, произведенной безъ всякаго давленія со стороны правительства, и въ которой, значитъ, выразились экономическія воззрѣнія самого народа. Такія катастрофы случаются со всякими партіями; онѣ весьма правильно повторяются въ Англіи, и результатомъ ихъ бываетъ то, что разбитая партія за-ново собирается съ силами и пытается снова перетянуть большинство на свою сторону. Но въ настоящемъ случаѣ пораженіе становится тѣмъ обиднѣе, что фритредерская партія, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ прогрессивной партіи, такъ была увѣрена въ торжествѣ своего дѣла, что считаетъ измѣну большинства чуть ли не покушеніемъ противъ государства и общества. Совершенно несомнѣнно одно, что въ конституціонномъ государствѣ меньшинство должно подчиняться большинству, что оно не можетъ требовать, чтобы послѣднее склонилось передъ нимъ. Когда же оппозиція, какъ она это дѣлаетъ теперь, начи-

Digitized by Google

нается утверждать, что большинство дѣйствуетъ подъ вліяніемъ мошенническихъ происковъ, не имѣющихъ никакого оправданія, то такое отношеніе причиняетъ страшный вредъ конституціонному и свободному развитію.

Какъ разъ на другой день послѣ перваго рѣшительнаго голосованія въ рейхстагѣ, въ субботу 17 (5) мая, происходилъ здѣсь въ Берлинѣ такъ-называемый городской сеймъ, созванный берлинскимъ магистратомъ, и на него посланы были приглашенія 254 нѣмецкимъ городамъ, насчитывающимъ сверхъ 10,000 жителей. Въ собраніи приняли участіе 72 города; остальные или оставили приглашеніе безъ отвѣта или даже, какъ это сдѣлали большіе южно-германскіе города, отвѣчали на него отказомъ. Цѣлью городского сейма было протестовать противъ ввозныхъ пошлинъ на хлѣбъ, скотъ и мясо, особенно невыгодныхъ для городскихъ жителей. Въ этомъ смыслѣ составлена резолюція, принятая 68 голосами противъ 4-хъ. Тонъ въ собраніи былъ весьма оживленный, и оппозиція правительству и всѣмъ его законо-проектамъ чрезвычайно рѣзкая. Фонъ-Форкенбекъ, которому въ качествѣ оберъ-бургомистра города Берлина слѣдовало бы предсѣдательствовать на этомъ собраніи, не сдѣлалъ этого, вѣроятно, во вниманіе къ своему посту президента рейхстага, но онъ воспользовался обѣдомъ, заключившимъ собраніе, чтобы высказать частнымъ образомъ свои возрѣнія, оказавшіяся тождественными съ большинствомъ его членовъ. Мало того: президентъ высказалъ при этомъ случаѣ мнѣніе, что ему врядъ ли возможно будетъ долго предсѣдательствовать въ рейхстагѣ, такъ какъ онъ разошелся съ его большинствомъ. Я не имѣю въ виду высказываться ни за ту, ни за другую сторону; я просто излагаю фактическія отношенія, каковы они на самомъ дѣлѣ, какъ и всегда это дѣлалъ. Поэтому я оставляю открытымъ вопросъ: правы ли члены городского сейма, опасаясь вздорожанія всѣхъ съѣстныхъ припасовъ, или ихъ противники, увѣряющіе, что отъ умѣренныхъ пошлинъ нельзя ожидать вздорожанія; если же оно и наступило бы, то вознаградилось бы общимъ повышеніемъ заработка, выгоднымъ для рабочаго класса.

Изъ всѣхъ политическихъ партій у меня остается на шеѣ самая непокладливая, — центръ. Нѣсколько недѣль тому назадъ, появился на одномъ вечерѣ князя Бисмарка Виндгорстъ, никогда его не посѣщавшій, въ сопровожденіи другого члена центра, и Бисмаркъ былъ особенно любезенъ съ этимъ рѣдкимъ гостемъ. Визитъ этотъ произвелъ сильное впечатлѣніе, и пошлись люди, утверждавшіе, что соглашеніе между центромъ и Бисмаркомъ уже состоялось, т.-е. что Бисмаркъ на пути въ Каноссу. Вѣрно только то, что съ давнихъ

Digitized by Google

норъ уже можно было наблюдать, что центръ желаетъ установить болѣе миролюбивое настроеніе; кромѣ того, было также несомнѣнно, что центръ совсѣмъ не желаетъ поставить своей оппозиціей правительство въ очень затруднительное положеніе, но желаетъ въ настоящемъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, идти до нѣкоторой степени рука объ руку съ правительствомъ; вскорѣ однако оказалось, что о полномъ примиреніи не можетъ быть еще и рѣчи. Правительство не пожертвуетъ майскими законами—и въ ультрамонтанскихъ органахъ раздаются громкія жалобы на это и предостереженія отъ обманчивыхъ надеждъ. Но даже и относительно тарифной реформы поддержка центра далеко еще не рѣшенное дѣло; она ограничивается лишь собственно охранительными пошлинами, тогда какъ финансовыя пошлины считаются центромъ чѣмъ-то совсѣмъ особеннымъ, и весьма возможно, что декораціи совсѣмъ перемѣнятся, въ особенности въ вопросѣ о такъ-называемыхъ конституціонныхъ гарантіяхъ, т.-е. въ вопросѣ, въ какой мѣрѣ отдѣльные сеймы могутъ разсчитывать на участіе въ расходахъ денегъ, которыя достаются новымъ тарифомъ. Этотъ вопросъ не въ равной степени жгучъ для различныхъ нѣмецкихъ государствъ, но всего ближе касается Пруссіи, сеймъ которой имѣетъ, согласно конституціи, право изъявлять свое согласіе на взиманіе доходовъ, но не на ихъ распредѣленіе. До сихъ поръ Бисмаркъ высказывался объ этомъ весьма неопредѣленно, хотя и намекалъ какъ на фактъ самъ собой разумѣющійся, что приращеніе доходовъ, полученное отъ тарифной реформы, должно будетъ частію послужить къ тому, чтобы отмѣнить другіе налоги; но положительнаго обѣщанія онъ избѣгалъ еще дать на этотъ счетъ, и поэтому понятно, что либеральная партія боится, что лишніе доходы пойдутъ на образованіе фонда для покрытія громадныхъ надержекъ по военному вѣдомству.

Въ отношеніи центра настоящій моментъ такъ же важенъ для дальнѣйшаго развитія, какъ и въ отношеніи національ-либеральной партіи. Съ самаго начала строгимъ консерваторамъ была непріятна культурная борьба. Я долженъ еще разъ напомнить, что это выраженіе принадлежитъ не Бисмарку, но извѣстному депутату Вирхову, и оно особенно задѣло ультрамонтанъ, представляя ихъ партію и вообще всю римскую церковь чѣмъ-то такимъ, противъ чего слѣдуетъ бороться въ интересахъ культуры; они вступили въ нее съ тяжелымъ сердцемъ; неохотно поддерживали тѣ или другіе законы; многіе остались непримиримыми врагами всего законодательства, и никогда не отказывались отъ желанія снова идти за-одно съ центромъ, такъ какъ имъ по-сердцу его существенно консервативный характеръ.

Digitized by Google

Справедливо, что въ центрѣ сидятъ нѣсколько либераловъ, но громадное большинство въ немъ безусловно консервативно.

Въ настоящее время консерваторы желаютъ примиренія съ центромъ, т.-е., по крайней мѣрѣ, перемирія, и если состоится какое-нибудь соглашеніе между правительствомъ и римской куріей, то князь Бисмаркъ пріобрѣтетъ этимъ значительное большинство въ рейхстагѣ. Все это еще недостаточно выяснилось — а возможно также и то, что центръ покинетъ правительство, чтобы вызвать новые выборы, въ надеждѣ выиграть при этомъ. Выиграютъ консерваторы обоихъ оттѣнковъ — и весьма возможно, что также и прогрессивная партія или крайняя лѣвая, между тѣмъ какъ умѣренная партія, національ-либералы, по всей вѣроятности, понесутъ тяжкую убыль. Все это слѣдуетъ имѣть въ виду въ будущемъ, но весьма возможно, что это будущее еще не такъ близко. Правительству такъ хочется провести свои таможенные проекты, что оно будетъ очень уступчиво, чтобы дѣло не затянулось. При распущеніи парламента никакъ нельзя предвидѣть, когда удастся получить рѣшеніе новаго собранія на-счетъ теперешняго законопроекта. Съ тарифомъ же приходится поспѣшить еще и потому, что продленный на одинъ годъ австрійскій торговый договоръ истекаетъ 1-го января будущаго года — а чтобы заключить новый, необходимо имѣть собственный, такъ-называемый „автономный тарифъ“. За то осенью будутъ происходить выборы въ прусскій сеймъ, и на нихъ, вѣроятно, уже выяснится, какое направленіе приняло общественное мнѣніе, т.-е. насколько оно измѣнилось со времени послѣднихъ выборовъ. На основаніи этого опыта, правительство могло бы рѣшиться распустить имперскій сеймъ будущей весною, чтобы пріобрѣсти для рѣшенія труднаго вопроса о военномъ бюджетѣ, предстоящаго по истеченіи семи-лѣтней отсрочки, собраніе, на которое оно могло бы разсчитывать. Вопросъ о военномъ бюджетѣ скрывается за всѣми другими политическими преніями и разсужденіями, хотя о немъ ни слова не было сказано ни во время послѣднихъ дебатовъ, ни въ печати. Лишь немногіе члены крайней лѣвой и немногіе столь же рѣшительные органы печати осмѣливаются громко высказывать, что единственнымъ средствомъ произвести улучшеніе въ финансовомъ положеніи было бы сократить издержки по военному бюджету. Всѣ согласны въ томъ, что повышеніе прямыхъ налоговъ въ настоящее время совершенно невозможно; логическимъ послѣдствіемъ этого должно быть или предложеніе косвенныхъ налоговъ, или требованіе сбереженій.

Такія сбереженія, въ самомъ-дѣлѣ, могутъ быть сдѣланы лишь на военномъ бюджетѣ. Либеральная партія никакъ не хочетъ сокращать расходы по учебному вѣдомству, вознагражденію чиновниковъ,

Digitized by Google

по министерству путей сообщенія и построекъ и т. д. — и скорѣе готова увеличить ихъ. Напротивъ того, по военному вѣдомству сокращеніе расходовъ представляется ей возможнымъ, въ особенности если немного ограничить срокъ службы, хотя имъ представляется сомнительнымъ, чтобы этимъ возможно было покрыть дефицитъ. Но на этомъ пунктѣ императоръ будетъ такъ же непреклоненъ, какъ и въ 1862 году, и—насколько намъ извѣстны отношенія—немыслимо, чтобы онъ или его преемникъ сдѣлали уступку, если только не наступятъ какія-нибудь чрезвычайныя политическія событія, какія-нибудь неожиданныя отношенія между державами, черезъ которыя будутъ устранены опасности, грозящія Германіи, или которыя, по крайней мѣрѣ, она думаетъ, что угрожаютъ ей. До тѣхъ поръ, пока этого не случилось, императоръ ни за что не допуститъ ослабленія арміи ни въ какой формѣ, и въ высшей степени вѣроятно, что въ этомъ его поддержитъ громадное большинство населенія.

Вслѣдствіе преобладающаго вниманія, удѣленнаго экономическимъ и таможеннымъ дѣламъ, дѣятельность правительства въ другихъ сферахъ довольно ограничена. Единственное исключеніе составляетъ большой законопроектъ объ уложеніи и управленіи для Эльзасъ-Лотарингіи. Давно уже убѣдились, что существующій порядокъ въ этихъ провинціяхъ заставляетъ желать лучшаго. Прошло сравнительно довольно короткое время съ тѣхъ поръ, какъ эти провинціи присоединены къ германской имперіи, но, по мнѣнію многихъ, сліяніе ихъ съ Германіей могло бы идти быстрѣе, чѣмъ это мы видимъ на дѣлѣ. Многіе утверждаютъ, что нѣмецкіе чиновники, посланные въ Эльзасъ-Лотарингію, не съумѣли справиться съ своей задачей, что прусскіе бюрократическіе порядки не нравятся населенію. Другіе затѣмъ увѣряютъ, что недостаточная либеральность нѣмецкихъ отношеній служитъ настоящей причиной, удерживающей эльзасцевъ отъ болѣе тѣснаго сближенія съ нѣмцами. Само-собой разумѣется, что къ этому примѣшивается пропасть обстоятельствъ, чрезвычайно затрудняющихъ дѣло. Во-первыхъ, часть лотарингцевъ, по крайней мѣрѣ, сильно офранцузилась; во-вторыхъ, между ними господствуетъ вліяніе ультрамонтанъ; въ-третьихъ, въ высшихъ классахъ симпатіи къ французамъ все еще очень сильны. Какъ вамъ извѣстно, собственно приходится считаться съ тремя партіями: во-первыхъ—ультрамонтанъ, во-вторыхъ—французской, въ-третьихъ—автономистовъ; изъ нихъ послѣдняя если мирится съ существующимъ положеніемъ, то требуетъ бо́льшей автономіи для Эльзасъ-Лотарингіи, чѣмъ возможно дать. Эта послѣдняя партія единственная, съ которой нѣмецкое правительство находится въ довольно дружественныхъ отношеніяхъ. Оно, вѣроятно, сблизилось бы и съ ультрамонтанами, какъ только-что вообще заключило

Digitized by Google

бы съ ними миръ. Во главѣ автономистовъ стоитъ депутатъ Шнеегансъ, который въ 1871 году во французскомъ парламентѣ въ Бордо такъ энергически протестовалъ противъ присоединенія Эльзаса-Лотарингіи къ Германіи, хотя онъ происходитъ изъ нѣмецкой фамиліи и по свойствамъ своего характера чистый нѣмецъ. Позднѣе Шнеегансъ измѣнилъ свое мнѣніе и сблизился съ нѣмецкимъ правительствомъ, за что князь Бисмаркъ ему очень благодаренъ. Долгое время толковалось о томъ, въ какой формѣ исполнить желанія эльзасцевъ. Они сами высказали эти желанія въ рейхстагѣ, и князь Бисмаркъ уже тогда объявилъ о своей готовности выполнить ихъ. Нынѣ эти мысли получили осуществленіе въ законѣ, внесенномъ недавно въ союзный совѣтъ объ уложеніи для Эльзасъ-Лотарингіи. Я не стану подробно толковать о немъ, но только намѣчу главныя черты. Мѣстопребываніе правительства, въ силу этого закона, должно быть перенесено въ самую страну, и съ этою цѣлью предполагается назначить намѣстника, учредить министерство въ Страсбургѣ и учредить государственный совѣтъ. Императоръ, по-прежнему, остается de jure полнымъ властителемъ, но имѣетъ право назначить себѣ намѣстника. На этотъ постъ въ настоящую минуту назначенъ фельдмаршалъ Мантейфель, по всей вѣроятности, во вниманіе къ его необыкновеннымъ дипломатическимъ способностямъ, выказаннымъ имъ во многихъ случаяхъ, — въ особенности же во время его краткаго управленія Шлезвигомъ и, позднѣе, въ качествѣ командира оккупаціонныхъ войскъ, остававшихся во Франціи. Намѣстнику назначается содержаніе въ 150,000 марокъ, которое дастъ ему возможность съ нѣкоторымъ блескомъ выполнять свое представительство. Министерство должно предварительно состоять изъ 3-хъ отдѣленій: одно для внутреннихъ дѣлъ и народнаго образованія, другое—для юстиціи и вѣроисповѣданій, и третье—для финансовъ и общественныхъ работъ. Само-собой разумѣется, что тѣ органы, которыми страна до сихъ поръ заявляла свой голосъ въ законодательствѣ, равно какъ и тѣ, которыми она участвовала въ управленіи по принципамъ самоуправленія, остаются. Короче сказать, законопроектъ, насколько это возможно при существующихъ обстоятельствахъ, удовлетворяетъ желанія эльзасъ-лотарингцевъ, и они, становясь на равную ногу съ остальными нѣмцами, не могутъ долѣе считаться нѣмцами второй категоріи. И въ дѣйствительности, законопроектъ принятъ весьма благосклонно какъ въ здѣшнихъ политическихъ кружкахъ, такъ и въ Эльзасъ-Лотарингіи. Въ послѣдней странѣ, конечно, возражаютъ противъ того, другого, какъ это всегда бываетъ при всякомъ нововведеніи. Многіе находятъ, что постъ намѣстника — безполезная и дорого-стоющая роскошь; но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что

Digitized by Google

человѣкъ выдающихся способностей и дальновидный можетъ принести очень большую пользу на этомъ постѣ. Кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что союзный совѣтъ — а позднѣе и рейхстагъ — примутъ этотъ законъ, и при этомъ снова окажется, что, несмотря на различныя треволненія, вызванныя во внутренней государственной жизни Германіи и въ экономическихъ вопросахъ, нѣсколько реакціоннымъ направленіемъ,—время прошло не совсѣмъ безплодно для дальнѣйшаго развитія Германіи на законодательномъ пути, и что всѣ партіи, въ концѣ-концовъ, всегда сойдутся на правильной идеѣ.

Другой предметъ, перебившій скучные, экономическіе дебаты, было предложеніе правительства вотировать сумму для участія въ промышленныхъ выставкахъ, имѣющихъ быть нынѣшней осенью въ Австраліи. Какъ извѣстно, правительство отклонило оффиціальное участіе на прошлогодней парижской выставкѣ, по причинамъ, изложеннымъ въ свое время; общественное мнѣніе не вполнѣ удовлетворилось ими, и многіе находили, что участіе на этой выставкѣ было бы очень полезно для нѣмецкой промышленности. Напротивъ того, многіе находятъ, что нельзя сказать того же самаго о выставкахъ въ Сиднеѣ и въ Мельбурнѣ; торговыя сношенія между Германіей и Австраліей чрезвычайно ничтожны, и нельзя предвидѣть, чтобы они когда-нибудь развились, такъ какъ англичане и американцы все сдѣлаютъ, чтобы удержать за собой преобладаніе въ торговыхъ сношеніяхъ съ нашими антиподами. Я полагаю, что это справедливо, и что правительство хочетъ участвовать въ выставкѣ лишь съ цѣлью показать, что таможенная политика его не настолько реакціонна, чтобы заставить его забыть, какую важность имѣютъ морская торговля и международныя сношенія. Идею эту и не особенно оспоривали, и только въ назначеніи Рело увидѣли нѣкоторое противорѣчіе, такъ какъ извѣстно, что онъ на филадельфійской выставкѣ произнесъ знаменитыя слова о нѣмецкой промышленности, будто ея лозунгъ: дешево и скверно работать. За это друзья Рело превозносили его до небесъ. Промышленники же утверждали, что этотъ отзывъ сильно повредилъ имъ за-границей, а въ то же время не соотвѣтствуетъ истинѣ. Безпристрастные люди тоже находили не совсѣмъ приличнымъ со стороны правительственнаго комиссара такое презрительное сужденіе о нѣмецкой промышленности. Между тѣмъ Рело одержалъ, повидимому, побѣду въ высшихъ сферахъ; правительство благосклонно приняло его критику, а въ печати и по сіе время превозносятъ мужество и независимость его приговора.

Многіе идутъ далѣе, и видятъ въ немъ право Рело на назначеніе комиссаромъ, такъ какъ онъ побудилъ нѣмецкихъ промышленниковъ работать лучше, благодаря чему здѣшняя промышленная вы-

Digitized by Google

ставка, открывшаяся 1 числа текущаго мѣсяца, выставила берлинскую промышленность города въ лучшемъ свѣтѣ. Между тѣмъ ясно, что промышленность не можетъ усовершенствоваться въ нѣсколько лѣтъ и должна долго работать, чтобы догнать промышленность другихъ странъ. Берлинская промышленность давно уже пріобрѣла въ нѣкоторыхъ отрасляхъ большую степень совершенства и даже превзошла промышленность другихъ странъ, напр., въ деревянныхъ издѣліяхъ, готовомъ платьѣ и бѣльѣ, и для сбыта ихъ пріобрѣла громадные рынки, даже въ самой Англіи и Америкѣ, въ бронзовыхъ и различныхъ другихъ издѣліяхъ, перечислять которыя здѣсь нѣтъ надобности. Здѣшняя промышленная выставка — совершенно частное предпріятіе, и власти оказали ей содѣйствіе лишь отведеніемъ помѣщенія. Она ограничивается также только берлинскими произведеніями, и провинція совершенно исключена. Такъ какъ обыкновенно бываетъ, что выставка далеко не готова ко времени открытія, что повторилось и въ настоящемъ случаѣ, то я, быть можетъ, подробнѣе поговорю о ней въ моемъ слѣдующемъ письмѣ. По всѣмъ видимостямъ, она будетъ очень удачна и обѣщаетъ также значительный приливъ иностранцевъ въ Берлинъ.

Въ разрѣзъ съ этой приманкой для пріѣзжихъ идетъ нѣсколько пуританскій духъ, съ которымъ здѣшнія власти съ нѣкоторыхъ поръ принялись за улучшеніе нравовъ въ Берлинѣ. Вы знаете изъ прежнихъ писемъ, что, благодаря свободѣ театровъ, здѣсь получилъ большое развитіе низшій родъ всякихъ представленій въ café-chantants и пр. Что эти увеселенія не особенно благопріятствуютъ нравственности населенія и въ особенности молодежи, противъ этого нельзя спорить; но тѣмъ не менѣе весьма трудной задачей представляется съ-разу искоренить зло, разъ оно пустило обширные корѣни. Полиція издавала все болѣе и болѣе строгія постановленія, чтобы хоть нѣсколько сдержать грубѣйшія злоупотребленія свободой. Въ основѣ ея дѣйствій лежитъ мысль по возможности совсѣмъ искоренить эти заведенія, и для этого время представленій сильно ограничиваютъ, а при малѣйшемъ нарушеніи правилъ содержателями увеселительныхъ заведеній, они лишаются права содержать ихъ. Противъ этого пока нечего возражать. Но болѣе сильное неудовольствіе вызвало новое постановленіе полиціи, въ силу котораго всѣ общественные балы должны прекращаться въ полночь. Этимъ постановленіемъ наносятъ ущербъ весьма многимъ лицамъ, не только содержателямъ заведеній, но и ихъ служащимъ, музыкантамъ и т. д., и оно вызвало сильную оппозицію. Заинтересованныя лица подали жалобы въ высшія инстанціи, но до сихъ поръ всюдѣ встрѣтили отказъ, и я думаю, что имъ не удастся достичь своей

Digitized by Google

цѣли, если только сила вещей не придетъ имъ на помощь. Лѣтъ двадцать тому назадъ, въ Берлинѣ были произведены подобныя же попытки, продолжались нѣкоторое время и затѣмъ были оставлены. Безъ сомнѣнія, не только желательно, но и обязательно для правительства парализовать безнравственныя явленія, но это необыкновенно трудно въ большихъ всемірныхъ городахъ, какимъ теперь сталъ и Берлинъ. Берлинъ уже по самому своему положенію, по своему климату, по отсутствію въ немъ тѣхъ привлекательныхъ сторонъ, какія имѣются въ другихъ столицахъ, не особенно заманчивъ для иностранцевъ. Нельзя заранѣе опредѣлить, насколько постоянное ограниченіе общественныхъ увеселеній сдѣлаетъ жизнь еще монотоннѣе и еще менѣе привлекательной, а это, въ свою очередь, можетъ невыгодно отразиться на матеріальномъ благосостояніи города. Необходимо также не преступить границъ въ ограниченіи естественныхъ потребностей населенія въ развлеченіи. Англія нѣкогда представила этому весьма поучительный примѣръ. Послѣ великой революціи пуританскіе нравы были насильственно введены, и это вызвало такое сильное неудовольствіе въ народѣ, что послѣ реставраціи наступила страшная реакція и безграничная распущенность нравовъ, длившаяся долгое время, пока, наконецъ, все не пришло въ свои границы.

Пока я писалъ это, наступилъ цѣлый рядъ событій, которыми заключилось цѣлое дѣйствіе парламентской жизни въ Германіи. Я уже выше упоминалъ про городской сеймъ, собравшійся здѣсь 17 (5) мая, чтобы протестовать противъ пошлины на хлѣбъ, мясо и скотъ, потому-что черезъ нея жизненные припасы вздорожаютъ для городского населенія. Въ этомъ собраніи фонъ-Форкенбекъ, оберъ-бургомистръ города Берлина, не принималъ участія, хотя и былъ приглашенъ. Но онъ присутствовалъ на обѣдѣ, данномъ въ честь пріѣзжихъ гостей въ зоологическомъ саду и тамъ произнесъ inter pocula рѣчь, на счетъ которой существуетъ двѣ редакціи, но обѣ сходятся въ главныхъ чертахъ, а именно: что онъ осуждаетъ, какъ безумный поступокъ, рѣшеніе, принятое наканунѣ большинствомъ рейхстага на счетъ пошлины на желѣзо, равно какъ и распредѣленіе партій, приведшее къ этому, а положить этому конецъ необходимо путемъ свободнаго и дѣятельнаго бюргерства. Этому стремленію разрушить черезъ нѣсколько лѣтъ все совершившееся, онъ самъ будетъ непремѣнно содѣйствовать, какъ оберъ-бургомистръ города Берлина и какъ свободномыслящій человѣкъ. Эта рѣчь показалась крайне удивительной даже присутствовавшимъ на банкетѣ радикаламъ, но они не преминули принять предлагаемое имъ содѣйствіе и привѣтствовали Форкенбека какъ главу *великой либеральной партіи*, ко-

Digitized by Google

торая должна теперь образоваться, и какъ главу новой лиги, направленной противъ пошлины на хлѣбъ, подобной той, какая въ Англіи вызвала отмѣну хлѣбныхъ пошлинъ. Содержаніе рѣчи Форкенбека появилось уже въ воскресенье въ нѣкоторыхъ газетахъ и вызвало въ понедѣльникъ въ рейхстагѣ весьма сильное волненіе. Большинство членовъ полагало, что Форкенбекъ не можетъ долѣе оставаться президентомъ рейхстага, съ большинствомъ коего онъ такъ радикально разошелся, и всѣ удивлялись, что еще въ понедѣльникъ онъ не подалъ въ отставку. Тѣмъ временемъ различныя фракціи принялись обсуждать вопросъ, какимъ образомъ призвать къ отвѣту президента, когда во вторникъ пришла бумага объ отставкѣ. Какая причина вызвала эту двухсуточную проволочку—неизвѣстно. Можетъ быть, правы тѣ, кто думаетъ, что Форкенбекъ 17 (5) числа не отдавалъ себѣ вполнѣ яснаго отчета о послѣдствіяхъ своей рѣчи.

Едва ли нужно упоминать, что, по конституціоннымъ, парламентскимъ воззрѣніямъ, президентъ собранія долженъ стоять выше партій, а потому быть крайне сдержаннымъ въ своемъ образѣ дѣйствій и внѣ палаты. Національ-либералы практически подтвердили этотъ принципъ два года тому назадъ, когда не захотѣли вторично избрать вице-президента Генеля, принадлежавшаго прежде къ прогрессивной партіи,—за то, что тотъ очень рѣзко отзывался о національ-либералахъ въ своемъ избирательномъ округѣ въ Килѣ. Это сочтено было за нарушеніе нейтралитета.

Несмотря на все, отставка Форкенбека была бы личнымъ дѣломъ и миноетнымъ событіемъ, если бы его партія не приняла немедленно рѣшенія воздержаться отъ выбора новаго президента, а предоставить это тремъ фракціямъ: нѣмецкимъ консерваторамъ, нѣмецкой имперской партіи и центру (ультрамонтанамъ), но при этомъ заявить, что никто изъ ея среды не приметъ выбора, если бы таковой палъ на него. Можно было заранѣе предвидѣть, что естественнымъ послѣдствіемъ такого рѣшенія будетъ то, что путь къ президентству откроется для кого-нибудь изъ членовъ ультрамонтанской партіи, чего другія партіи уже почти десять лѣтъ съ-ряду не допускали, такъ какъ они считаются партіей враждебной имперіи. Теперешнее ихъ поведеніе тоже не вполнѣ ясно, и миръ между ними и правительствомъ относительно церковныхъ дѣлъ все еще не заключенъ. Мало того: они относятся такъ враждебно, что не выбрали предложеннаго въ президенты теперешняго вице-президента Люціуса, который могъ разсчитывать на голоса всей консервативной партіи, только потому, что онъ считается коротнимъ пріятелемъ имперскаго канцлера. А между тѣмъ этотъ послѣдній весьма откровенно высказываетъ свое желаніе, чтобы консервативныя партіи согласились съ центромъ. Въ

Digitized by Google

этомъ противорѣчіи заключается нѣчто загадочное, хотя и толкуютъ, что канцлеръ не можетъ обойтись безъ содѣйствія ультрамонтанъ для проведенія своей экономической политики, и что онъ только эту цѣль и имѣетъ въ виду, предполагая впослѣдствіи сохранить за собой полную свободу дѣйствія.

Національ-либеральная партія, отшатнувшаяся отъ президента—вся консервативная партія готова была подать голосъ за фонъ-Бенниксена—впервые со времени своего возникновенія ограничилась совсѣмъ пассивной политикой. Такъ какъ дѣла идутъ не такъ, какъ бы ей хотѣлось, то она предоставляетъ дѣламъ идти, какъ они знаютъ, и надѣется при этомъ, что ея противники скоро сломятъ себѣ шею. Разумна ли такая политика — покажетъ время. Я въ этомъ сомнѣваюсь. Предсѣдательство не только придастъ той партіи, членъ которой владѣетъ имъ, совсѣмъ немаловажное обаяніе, но и весьма значительное вліяніе на руководство парламентскихъ дѣлъ, совершенно независимо отъ личнаго вліянія внѣ палаты. Предсѣдатель, по крайней мѣрѣ въ развитіи прусской и нѣмецкой парламентской жизни, является естественнымъ представителемъ палаты внѣ ея; онъ считается наикомпетентнѣйшимъ судьей настроенія и желаній представляемаго имъ собранія. А тутъ еще Форкенбекъ была persona grata у короля и очень коротокъ съ Бисмаркомъ! Отъ такихъ преимуществъ не такъ легко отказываются. О томъ, что тарифная реформа пройдетъ теперь,—нельзя больше сомнѣваться. Хлѣбныя пошлины приняты вчера большинствомъ 226 противъ 109 голосовъ; а поправка, клонившаяся къ сокращенію на половину предложенной правительствомъ нормы, отклонена 173 голосами противъ 161, слѣдовательно, весьма ничтожнымъ меньшинствомъ. Это послѣднее голосованіе имѣетъ весьма важное значеніе, ибо князь Бисмаркъ, какъ въ одномъ письмѣ, напечатанномъ съ его согласія въ газетахъ, такъ и въ послѣдней рѣчи требовалъ отъ землевладѣльцевъ содѣйствія назначенію еще болѣе высокой пошлины. Въ этомъ голосованіи участвовали оба прусскихъ министра: Фалькъ и Фриденталь, принадлежавшіе рейхстагу въ качествѣ простыхъ членовъ, и заявившіе такимъ образомъ о своей преданности канцлеру.

Оглядываясь, при этихъ обстоятельствахъ, на протекшій годъ, имѣешь полное основаніе дивиться перемѣнѣ, совершившейся за это время. Сегодня, ровно годъ тому назадъ—24-го мая 1878 г. — германскій рейхстагъ отвергъ первый законъ, внесенный вслѣдствіе покушенія Гёдела, противъ соціалистовъ; законъ этотъ былъ отвергнутъ большинствомъ 251 голоса противъ 57. Либеральная партія съ восторгомъ привѣтствовала эту побѣду. И между тѣмъ съ этого дня начинается распаденіе стараго большинства, а именно раска-

Digitized by Google

деніе національ-либеральной партіи. Она утратила на выборахъ 30-го іюля слишкомъ 20 полномочій, тогда какъ число консерваторовъ возросло съ 60 до 100. Въ 1877 году консерваторы во всей Германіи не насчитывали и милліона голосовъ, а на выборахъ 1878 г. у нихъ набралось $1^1/_2$ милліона голосовъ! Въ уцѣлѣвшихъ же рядахъ національ-либеральной партіи не только не воцарилось бо́льшее противъ прежняго единодушіе, но, напротивъ того, еще сильнѣйшая разладица. Партія, которая въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ была истиннымъ двигателемъ всего развитія, въ послѣдніе два года стоитъ на краю разложенія, и никто не можетъ сказать, какая новая партія займетъ ея мѣсто. Въ этой-то неизвѣстности — куда мы идемъ? — и заключается серьёзная опасность современнаго положенія вещей.

К.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

14/26 мая, 1879.

XLIX.

Парижанка.

Конецъ зимы въ Парижѣ имѣетъ особую прелесть. Это время года, когда зима еще не совсѣмъ ушла, а весна едва наступаетъ, пріятнѣе всѣхъ другихъ. Въ такое время удобно быть хроникёромъ салонной жизни, уже приходящей къ концу, и жизни загородной, едва вступающей въ свои права. Но я не буду разсказывать самъ; я приведу дневникъ молодого, двадцатипятилѣтняго юноши, который записывалъ въ немъ ощущенія человѣка, впервые окунувшагося въ парижскій міръ.

I.

Вотъ уже прошла недѣля съ тѣхъ поръ, какъ отецъ мой разрѣшилъ мнѣ покинуть Вокё—старый, унылый замокъ въ Нижней Нормандіи, гдѣ я родился. У моего отца странный взглядъ на наше время; онъ отсталъ на добрыхъ полвѣка. Наконецъ-то я живу въ Парижѣ; а вѣдь я его почти не знаю, потому что бывалъ въ немъ

Digitized by Google

только разъ или два, да и то проѣздомъ. Къ счастію, я не совсѣмъ плохъ; Феликсъ Видень, мой старый сотоварищъ по канскому лицею, сказалъ мнѣ, когда увидѣлъ меня въ Парижѣ, что я красавецъ, и что парижанки будутъ отъ меня безъ ума. Меня это разсмѣшило. Но когда Феликсъ ушелъ, я подошелъ къ зеркалу и оглядѣлъ себя съ головы до ногъ, радуясь своему высокому росту, бѣлымъ зубамъ и чернымъ глазамъ. Отойдя отъ зеркала, я пожалъ плечами, потому что я—не фатъ.

Вчера впервые я провелъ вечеръ въ одномъ парижскомъ обществѣ. Баронесса де-П., дальняя родственница, пригласила меня обѣдать. То была ея послѣдняя суббота. Она хотѣла представить меня г. Демару, депутату нашего Вошанскаго округа; онъ только-что назначенъ товарищемъ статсъ-секретаря и, говорятъ, на пути къ министерскому креслу. Тетушка моя, отличающаяся большей терпимостью, чѣмъ мой отецъ, объявила мнѣ, что молодой человѣкъ моихъ лѣтъ не долженъ дуться на свою родину, хотя бы въ ней царила республика. Ей хочется пристроить меня.

— Я берусь урезонить упрямца твоего отца, — объявила она мнѣ. — Предоставь мнѣ дѣйствовать, милый Жоржъ.

Ровно въ семь часовъ я былъ у баронессы. Но, должно быть, въ Парижѣ обѣдаютъ очень поздно; гости съѣзжались одинъ за другимъ, и въ половинѣ восьмого не всѣ еще были въ сборѣ. Баронесса съ огорченнымъ видомъ сообщила мнѣ, что не могла залучить Демара къ обѣду; его задержали въ Версали какія-то парламентскія хитросплетенія. Совсѣмъ тѣмъ она надѣялась, что онъ заглянетъ на минуту вечеркомъ, но очень поздно. Въ видѣ затычки, она пригласила на его мѣсто другого депутата нашего же департамента, толстяка Шантрò, какъ мы всѣ его зовемъ тамъ, у себя, дòма; я съ нимъ немножко знакòмъ, потому что мы раза два охотились вмѣстѣ. Этотъ Шантрò—человѣкъ приземистый, весельчакъ; онъ въ послѣднее время отпустилъ себѣ бакенбарды, чтобы казаться степеннѣе. Онъ родился въ Парижѣ; отецъ его былъ мелкій стряпчій, безъ всякаго состоянія; но у него есть очень богатый и очень вліятельный дядя въ нашемъ департаментѣ; онъ-то и убѣдилъ, ужъ самъ не знаю какъ, доставить ему кандидатуру. Я не зналъ однако, что онъ женатъ. За столомъ тетушка усадила меня возлѣ молодой, бѣлокурой дамы, съ умнымъ и хорошенькимъ личикомъ, которую Шантрò очень громко величалъ Бертой.

Наконецъ, гости оказались всѣ въ сборѣ, и мы перешли въ столовую. Въ гостиной, гдѣ окна выходятъ на западъ, было еще свѣтло — и вотъ вдругъ мы очутились въ комнатѣ со спущенными сторами и освѣщенной люстрой и лампами. Впечатлѣніе было странное и не

Digitized by Google

особенно пріятное. Усаживаясь за столъ, общество разговорилось о послѣднихъ зимнихъ обѣдахъ, омрачаемыхъ сумерками. Тетушка объявила, что терпѣть ихъ не можетъ. Другой дамѣ, напротивъ того, нравилось обѣдать при искусственномъ освѣщеніи. И разговоръ нескончаемо вертѣлся около этого предмета; всѣ распространялись на счетъ унылаго впечатлѣнія, которое производитъ Парижъ въ сумерки, когда ѣдешь въ каретѣ куда-нибудь въ гости. Я молчалъ, но я совсѣмъ не испыталъ этого ощущенія въ фіакрѣ, хотя добрыхъ полчаса терпѣлъ его тряску. Напротивъ того, Парижъ при послѣднихъ искрахъ дня внушилъ мнѣ непреодолимое желаніе насладиться всѣми его радостями, потребность удачи и любви.

Когда подали вторую перемѣну кушаньевъ, голоса оживились, и разговоръ перешелъ на политику. Я удивился, услышавъ, что тетушка моя высказываетъ весьма опредѣленныя мнѣнія. Впрочемъ, и остальныя дамы тоже хорошо были знакомы съ текущими дѣлами, называли выдающихся дѣятелей по именамъ, судили и рядили. Напротивъ меня Шантрò занималъ громадное мѣсто, говорилъ громко, не переставая пить и ѣсть. Эти разговоры меня не занимали, многаго я не понималъ и, наконецъ, сталъ заниматься исключительно только своей сосѣдкой, m-me Шантрò, Бертой, какъ я уже называлъ ее для краткости! Она была право очень хорошенькая. Въ особенности ушко ея показалось мнѣ прелестнымъ,—маленькое, круглое ушко, за которымъ вились взбитые волосы. У Берты былъ соблазнительный затылокъ, какъ у многихъ блондинокъ, покрытый шелковистымъ пушкомъ. Когда она наклонялась надъ тарелкой, ея корсажъ, съ четырехъугольнымъ вырѣзомъ слегка, отставалъ сзади отъ спины, и я слѣдилъ за извилистой линіей ея шеи и спины, напоминавшихъ граціозные изгибы кошки. Профиль ея, немного острый, нравился мнѣ меньше. Она разсуждала о политикѣ еще съ бо́льшимъ азартомъ, чѣмъ остальныя.

— Угодно вамъ вина?.. Прикажете передать вамъ графинъ?

Я старался быть вѣжливымъ, предупреждалъ ея малѣйшія желанія, ловилъ ея жесты и взгляды. Она раза два или три пристально поглядѣла на меня, какъ-бы соображая, что̀ я за человѣкъ.

— Вамъ надоѣла политика,—сказала она мнѣ, наконецъ:—мнѣ она просто опротивѣла. Но что̀ прикажете? надо же разговаривать. А въ свѣтѣ больше ни о чемъ другомъ не говорятъ...

Потомъ, перемѣняя разговоръ:

— Что̀, въ вашемъ краю красивое мѣстоположеніе?—спросила она. Мой мужъ хотѣлъ прошлымъ лѣтомъ свозить меня къ своему дядѣ, да я испугалась и сказалась больной.

Digitized by Google

— Край очень плодородный,—отвѣчалъ я.—Есть прекрасныя равнины.

— Чудесно! знаю теперь въ чемъ дѣло,—засмѣялась она.—Ужасная, должно быть, гадость. Плоская мѣстность, поля, поля и одни поля, пересѣкаемыя время отъ времени неизбѣжными стѣнами тополей....

Я хотѣлъ возразить, но она уже отвлеклась въ сторону, разсуждала о законѣ о высшемъ преподаваніи съ своимъ сосѣдомъ съ правой стороны, солиднымъ человѣкомъ, съ сѣдой бородой. Наконецъ заговорили о театрѣ. Когда она наклонялась, чтобы отвѣчать на вопросъ, брошенный съ противоположнаго конца стола, кошачій изгибъ ея затылка волновалъ меня. Въ Бокѣ, нетерпѣливо перенося свое одиночество, я мечталъ о бѣлокурой красавицѣ; но у ней должны были быть медлительныя движенія, благородное лицо,—а мышиная мордочка Берты и ея взбитые волосы разстроивали мою мечту.

Мы ѣли уже овощи, и я уже успѣлъ про себя сочинить безумную исторію, и все дальше и дальше развивалъ ея подробности: вотъ, мы остались съ ней наединѣ, вотъ я поцѣловалъ ее сзади въ шею, и она съ улыбкой поворачивалась ко мнѣ; и затѣмъ мы отправлялись вмѣстѣ куда-нибудь въ далекія страны.

Подали дессертъ. Въ эту минуту она наклонилась ко мнѣ и сказала, понижая голосъ:

— Передайте-ка мнѣ эту тарелку съ конфектами, вонъ ту, передъ вами.

Мнѣ показалось, что глаза ея ласкали меня, и легкое прикосновеніе ея голыхъ рукъ къ рукаву моего фрака бросило меня въ жаръ.

— Я обожаю сладости, а вы? — спросила она еще тише, грызя обсахаренный плодъ.

Эти простыя слова до того взволновали меня, что мнѣ показалось, будто я влюбился. Я мечталъ о женщинахъ, когда еще поѣздъ уносилъ меня въ Парижъ; но это было уже слишкомъ поспѣшно: влюбиться въ первую же недѣлю. Поднявъ голову, я увидѣлъ, что Шантро́ слѣдитъ за тѣмъ, какъ я разговариваю съ его женой: лицо его было весело, онъ улыбался одобрительно. Эта улыбка охладила меня.

Между тѣмъ обѣдъ приходилъ къ концу. Тутъ было человѣкъ четырнадцать гостей, но я смутно помню ихъ лица и разговоры. Я не нашелъ, чтобы парижскіе обѣды были гораздо остроумнѣе обѣдовъ въ Канѣ. Одна только Берта казалась мнѣ необыкновенной. Тетушка нѣсколько разъ пожаловалась на жару, и затѣмъ разговоръ опять вернулся къ прежней темѣ: заговорили о весеннихъ сбори-

Digitized by Google

щахъ и заключили, что съ аппетитомъ обѣдается только зимой. Послѣ того перешли пить кофе въ маленькую гостиную.

Я пишу эти замѣтки вовсе не затѣмъ, чтобы въ подробности описать парижскій вечеръ. Единственная цѣль моя отмѣтить подробности, поразившія меня. Мало-по-малу набралось много народу. Всѣ три гостиныя и столовая были полны гостей. Я забился въ уголокъ, и тетушка, проходя мимо меня, торопливо сказала мнѣ:

— Не уѣзжай, Жоржъ... Жена *его* пріѣхала. *Онъ* обѣщалъ заѣхать за ней, и я тебя представлю.

Она говорила безъ сомнѣнія о Демарѣ. Но я ее не слушалъ; я слышалъ другое: какъ два молодыхъ человѣка шопотомъ обмѣнялись возлѣ меня нѣсколькими торопливыми словами, которыя очень взволновали меня. Они стояли въ дверяхъ большой гостиной, и когда вошелъ Феликсъ Бюденъ, мой канскій товарищъ, и очень низко поклонился m-me Шантро, молодой человѣкъ пониже ростомъ спросилъ у другого:

— Что, онъ все еще живетъ съ нею?

— Да,—отвѣчалъ тотъ, что былъ повыше. — О! они теперь не разстанутся до зимы. Она еще ни одного такъ долго не любила.

Я не скажу, чтобы эта новость очень огорчила меня, но она задѣла мое самолюбіе. Зачѣмъ же сказала она мнѣ такимъ нѣжнымъ тономъ, что обожаетъ сладости? Разумѣется, я не стану оспоривать ее у Феликса. Я чувствовалъ къ ней презрѣніе. Однако задумался о словахъ, слышанныхъ мною. Быть можетъ, эти молодые люди клевещутъ на м-мъ Шантро. Я зналъ свою тетушку, она была очень строга и не пускала къ себѣ скомпрометтированныхъ женщинъ. Въ эту минуту какъ разъ Шантро бросился на-встрѣчу Феликсу, пожалъ ему руку и дружески похлопалъ по плечу, бросая на него умильные взгляды.

— Ахъ! вотъ и ты,—обратился ко мнѣ Феликсъ, замѣтивъ меня въ моемъ уголку.—Я пріѣхалъ для тебя... Ну, что-жъ! хочешь, я познакомлю тебя со всѣмъ здѣшнимъ людомъ.

Мы остановились въ амбразурѣ двери. Мнѣ хотѣлось разспросить его про м-мъ Шантро; но я не зналъ, какъ бы это сдѣлать половче. Придумывая какъ къ этому приступить, я разспрашивалъ его про кучу другихъ лицъ, совершенно для меня не интересныхъ. Онъ называлъ мнѣ всѣхъ, и сообщалъ о каждомъ всю подноготную. Самъ онъ былъ уроженецъ Парижа и только провелъ два года въ канскомъ лицеѣ, пока отецъ его былъ префектомъ Кальвадоса. Я нашелъ, что онъ безжалостно чернилъ женщинъ; скверная улыбка кривила его губы, когда я разспрашивалъ его о нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ.

Digitized by Google

— Ты смотришь на м-мъ Демаръ?—внезапно спросилъ онъ.

По правдѣ сказать, я глядѣлъ на м-мъ Шантро. Поэтому глупо отвѣчалъ:

— М-мъ Демаръ! которая она?

— Да вонъ та брюнетка, вонъ тамъ, возлѣ камина; она разговариваетъ съ бѣлокурой, декольтированной дамой.

Дѣйствительно возлѣ м-мъ Шантро, весело смѣясь, стояла дама, которой я не замѣтилъ.

— Ахъ! это м-мъ Демаръ!—нѣсколько разъ повторилъ я.

И сталъ ее разглядывать. Какая жалость, что она брюнетка, потому что она мнѣ показалась очень хорошенькой, немного выше Берты, съ великолѣпной діадемой изъ черныхъ волосъ на головѣ. У нея были глаза вмѣстѣ и живые, и нѣжные; маленькій носикъ; хорошенькій ротикъ; на щекахъ ямочки, обличавшія натуру безпокойную и вмѣстѣ съ тѣмъ разсудительную. Таково было мое первое впечатлѣніе: она, должно быть, очень разсудительна, несмотря на легкомысленныя манеры. Но, по мѣрѣ того, какъ я глядѣлъ на нее, впечатлѣніе это изглаживалось. Скоро она мнѣ показалась еще вѣтреннѣе Берты; она смѣялась громче той и позволила себѣ очень развязные жесты.

— Ты знакомъ съ м-мъ Демаръ?—спросилъ меня Феликсъ.

— Нѣтъ, совсѣмъ не знакомъ. Тетушка должна меня представить ея мужу.

— О! это самый ничтожный человѣкъ, самый пустѣйшій дуракъ, какого я только знаю,—продолжалъ Феликсъ. — Вотъ политическая бездарность во всей ея красѣ, одна изъ тѣхъ затычекъ, которыя такъ полезны при парламентскомъ правленіи. Такъ какъ у него нѣтъ двухъ идей своихъ собственныхъ, то всѣ главы кабинета могутъ употреблять его; онъ участвуетъ въ самыхъ противоположныхъ комбинаціяхъ.

— А его жена?

— Его жена? ты ее видѣлъ. Она очень мила... Если хочешь чего-нибудь отъ него добиться, ухаживай за его женой.

На губахъ Феликса опять появилась скверная улыбка. При этомъ онъ сдѣлалъ видъ, что не хочетъ быть нескромнымъ. Но въ сущности далъ мнѣ понять, что м-мъ Демаръ устроила карьеру своего мужа и продолжаетъ заботиться о благоденствіи семьи. Весь Парижъ приписываетъ ей любовниковъ.

— А другая дама, бѣлокурая?—вдругъ спросилъ я.

— Другая дама—это м-мъ Шантро,—коротко отвѣтилъ Феликсъ.

— А она порядочная?

— Разумѣется.

Digitized by Google

Я поспѣшно взглянулъ на него. Онъ сдѣлалъ серьёзную мину, но не могъ долго удержать ее; улыбка снова заиграла на его губахъ, и на лицѣ его я прочелъ самодовольство, разсердившее меня.

Обѣ дамы замѣтили должно быть, что мы заняты ими, потому что стали еще громче смѣяться. Я остался одинъ,—какая-то дама завладѣла Феликсомъ, — и провелъ весь вечеръ, сравнивая обѣихъ женщинъ, раздосадованный и опечаленный, не ясно понимая въ чемъ дѣло, и испытывая тревогу человѣка, опасающагося какъ-бы не наглупить въ обществѣ, совсѣмъ ему незнакомомъ.

— Онъ нестерпимъ, не ѣдетъ, — сказала мнѣ тетушка, найдя меня все на томъ же мѣстѣ, между дверями. — Хотя это вѣчная исторія... Впрочемъ, только полночь. Жена его все еще дожидается.

Я обошелъ столовую и сталъ у другихъ дверей гостиной. Такимъ образомъ я очутился позади этихъ дамъ. Подходя, я услышалъ, что Берта называла свою пріятельницу Луизой. Хорошенькое имя, Луиза! На м-мъ Демаръ было надѣто платье съ высокимъ лифомъ, оставлявшее незакрытымъ всего лишь одну узкую бѣлую полоску шеи подъ тяжелымъ шиньономъ. Ея скромность показалась мнѣ одну минуту еще болѣе обольстительной, нежели голая спина м-мъ Шантро. Потомъ у меня опять все спуталось въ головѣ; обѣ женщины казались мнѣ прелестными, и я не зналъ, которой отдать предпочтеніе.

Тетушка тѣмъ временемъ мучилась за меня. Былъ часъ по-полуночи.

— Нечего дѣлать, онъ не пріѣдетъ, — сказала она мнѣ.—Этотъ Демаръ каждый вечеръ спасаетъ Францію... Но я все-таки представлю тебя женѣ; она собирается уѣзжать. Будь же любезенъ,—это очень важно.

Не дожидаясь отвѣта, баронесса подвела меня къ м-мъ Демаръ и въ нѣсколькихъ словахъ сообщила ей о моемъ дѣлѣ. Я стоялъ, какъ пень, и не зналъ, что сказать. Луиза дожидалась съ улыбкой; потомъ, видя, что слова не идутъ у меня съ языка, поклонилась. Мнѣ показалось, что м-мъ Шантро насмѣхается надо мной! Обѣ встали и ушли, шепчась. Въ передней, гдѣ лежало верхнее платье, онѣ вдругъ громко расхохотались. Эта безцеремонность, эти мальчишескія манеры, эта развязная грація никого не удивляли, кромѣ меня; всѣ мужчины разступились передъ ними и кланялись очень вѣжливо и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятельски, что очень меня поразило.

Феликсъ предложилъ довезти меня въ своей каретѣ. Но я отказался. Мнѣ хотѣлось побыть одному; я не нанялъ фіакра, радуясь, что могу идти пѣшкомъ, по безмолвнымъ и безлюднымъ улицамъ. Я чувствовалъ себя въ лихорадкѣ, какъ бываетъ передъ наступленіемъ какой-нибудь тяжкой болѣзни. Неужели это страсть просы-

Digitized by Google

палась во мнѣ? Подобно тому, какъ путешественники платятся болѣзнью, прежде чѣмъ освоятся съ новымъ климатомъ, я долженъ былъ заплатить дань парижскому воздуху.

II.

Сегодня утромъ я снова увидѣлъ этихъ дамъ на выставкѣ картинъ, которая только-что открылась. Сознаюсь,—я зналъ, что я ихъ тамъ встрѣчу, и что рѣшительно не буду въ состояніи высказать какое-нибудь сужденіе о трехъ или четырехъ тысячахъ картинъ, передъ которыми прогуливался въ продолженіи семи часовъ. Феликсъ вчера предложилъ заѣхать за мною въ одиннадцать часовъ; мы должны были позавтракать въ одномъ изъ ресторановъ Елисейскихъ-полей; затѣмъ ѣхать на выставку.

Я много размышлялъ послѣ вечера, проведеннаго у тетушки, но признаюсь, что путаница въ головѣ моей не разъяснилась. Какой странный этотъ парижскій міръ! такой вѣжливый и вмѣстѣ съ тѣмъ такой испорченный! Я не строгій моралистъ, но тѣмъ не менѣе, меня мучили тѣ гадости, которыхъ я наслушался отъ мужчинъ, въ углахъ салона баронессы. Послушать ихъ, такъ половина женщинъ, находившихся тамъ, вели себя какъ негодныя. Подъ внѣшней изысканностью манеръ и разговоровъ скрывался грубый цинизмъ критики, маравшій всѣхъ безразлично: матерей, дочерей, честныхъ, какъ и безчестныхъ. Какъ разобрать правду въ этихъ грязныхъ исторіяхъ, въ этихъ розсказняхъ перваго встрѣчнаго, рѣшавшаго о добродѣтели или порочности женщины? Сначала я подумалъ, что тетушка моя, несмотря на то, что говорилъ про нея отецъ, принимала очень мерзкое общество. Но Феликсъ утверждалъ, что то же самое общество бываетъ и во всѣхъ парижскихъ салонахъ, и объяснялъ, что самыя строгія хозяйки вынуждены быть снисходительными, чтобы не создать пустоты вокругъ себя. Послѣ того, я рѣшилъ, что всѣ онѣ развращены. Я пересталъ возмущаться и захотѣлъ взять свою долю въ наслажденіяхъ, допускаемыхъ даже добродѣтельными людьми.

Каждое утро, въ эти четыре дня, просыпаясь въ небольшой квартирѣ, нанятой мною въ улицѣ Лафиттъ, я думалъ о Луизѣ и о Бертѣ, какъ я ихъ фамильярно называлъ. Странное явленіе происходило во мнѣ. Онѣ какъ-то сливались для меня въ одно лицо. Теперь я уже былъ увѣренъ, что Феликсъ, въ самомъ дѣлѣ, любовникъ Берты; но это меня не оскорбляло больше; напротивъ того, это мнѣ придавало храбрости, вселяло увѣренность, что и меня полюбятъ.

Digitized by Google

Онѣ были неразлучны въ моихъ мысляхъ; если онѣ уступили просьбамъ другихъ мужчинъ, то почему бы имъ не уступить и моимъ просьбамъ? И, проснувшись поутру, я предавался самымъ восхитительнымъ мечтаніямъ. Я даже не зналъ хорошенько: кто мнѣ нравится больше, Берта или Луиза. Обѣ ласкали меня въ моихъ грезахъ. Я вставалъ съ постели, вполнѣ убѣжденный, что мнѣ стóитъ только выбрать любую, чтобы овладѣть ею...

Когда мы вошли въ первую залу выставки, я былъ удивленъ громадной толпой, толкавшейся въ ней.

— Чортъ возьми!—пробормоталъ Феликсъ,—мы немного опоздали. Придется поработать локтями.

Толпа была самая смѣшанная: художники, буржуа, знатныя дамы. Среди худо-вычищенныхъ пальто и черныхъ сюртуковъ, попадались восхитительные женскіе туалеты, веселые, весенніе парижскіе костюмы изъ нѣжныхъ шелковыхъ матерій съ яркой отдѣлкой. И меня больше всего восхищала спокойная увѣренность дамъ, пробиравшихся сквозь самыя компактныя группы, не заботясь о своихъ шлейфахъ, которымъ всегда въ концѣ-концовъ находилось мѣсто. Онѣ переходили отъ одной картины къ другой, точно въ своей собственной гостиной, и какъ будто не замѣчали толпы, не чувствовали ея толчковъ. Однѣ только парижанки умѣютъ быть всегда и вездѣ какъ у себя дома. Онѣ сохраняютъ невозмутимую ясность богинь въ самой площадной толпѣ, точно слова и толчки, выпадающія имъ на долю, не могутъ ихъ задѣть. Я слѣдилъ нѣкоторое время взглядомъ за одной дамой, которую Феликсъ мнѣ назвалъ, герцогиней d'A***; ее сопровождали двѣ дочери, лѣтъ пятнадцати и семнадцати, и всѣ три глядѣли, не сморгнувъ, на Леду, между тѣмъ, какъ позади ихъ цѣлая толпа молодыхъ живописцевъ потѣшалась надъ картиной въ очень вольныхъ выраженіяхъ.

Феликсъ пошелъ въ боковыя залы, цѣлый рядъ большихъ, четырехъугольныхъ покоевъ, гдѣ толпа была не такъ велика. Бѣлый день входилъ сквозь стеклянный потолокъ, и его рѣзкій свѣтъ смягчался полотняными драпировками; но пыль, поднимаемая ногами посѣтителей, стояла легкой дымкой надъ моремъ головъ. Надо было женщинѣ быть очень хорошенькой, чтобы не терять отъ этого освѣщенія, отъ этого однообразнаго тока, на которомъ картины, покрывавшія всѣ четыре стѣны, выдѣлялись рѣзкими пятнами. Взгляду представлялась страшная пестрота красокъ: красные, желтые, голубые цвѣта, рѣзавшіе глаза; всѣ цвѣта радуги сверкали въ золотѣ роемъ. Становилось очень жарко. Господа съ лысыми головами обливались потомъ, и ходили, пыхтя и держа шляпу въ рукахъ. Всѣ глазѣли вверхъ. Передъ нѣкоторыми картинами была давка. Въ воз-

Digitized by Google

духѣ стоялъ гулъ, точно въ ульѣ, отъ шума шаговъ и людскаго говора.

— Ага!—сказалъ мнѣ Феликсъ,—вотъ картина, про которую всѣ кричатъ.

Пять рядовъ публики толпились передъ картиной. Тамъ стояли дамы съ лорнетами, живописцы дѣлали вполголоса злостныя замѣчанія. Высокій господинъ что-то записывалъ. Но я почти не взглянулъ на картину. Я замѣтилъ въ сосѣдней залѣ двухъ дамъ, разглядывавшихъ какую-то маленькую картину. Я сначала мелькомъ увидѣлъ двѣ шляпки и подъ ними густыя черныя косы и цѣлое облако бѣлокурыхъ волосъ; затѣмъ все исчезло, людская волна, море головъ поглотило двухъ дамъ. Но я бы побожился, что это онѣ. Скоро въ морѣ головъ я сталъ различать то бѣлокурые волосы, то черныя косы. Я ничего не сказалъ Феликсу, но ловко затащилъ его въ сосѣднюю залу, желая, чтобы онъ первый увидѣлъ ихъ. Видѣлъ ли онъ ихъ раньше, какъ и я?—должно быть, потому что искоса взглянулъ на меня, съ тонкой ироніей.

— Ахъ! какая счастливая встрѣча!—сказалъ онъ, кланяясь.

Дамы обернулись и улыбнулись. Я ждалъ, какое впечатлѣніе произведетъ эта вторая встрѣча. Оно оказалось рѣшительнымъ. М-мъ Демаръ произвела на меня потрясающее дѣйствіе однимъ взглядомъ своихъ черныхъ глазъ, тогда какъ въ м-мъ Шантро́ я точно встрѣтилъ старую пріятельницу. На м-мъ Демаръ была надѣта маленькая желтая шляпка, съ вѣткой лиловыхъ цвѣтовъ; а платье ея лиловое, шелковое, было отдѣлано соломеннаго цвѣта атласомъ; туалетъ былъ очень эффектный и вмѣстѣ съ тѣмъ не рѣзалъ глазъ. Но я позднѣе разглядѣлъ все это; въ первую минуту она мнѣ показалась окруженною какимъ-то сіяніемъ.

Феликсъ заговорилъ съ дамами.

— Гмъ! ничего особеннаго. Мнѣ еще ничего не бросилось въ глаза.

— Боже мой!—объявила Берта—то же самое, что́ и въ прошлые годы...

Затѣмъ, указывая на маленькую картину, передъ которой онѣ стояли, прибавила:

— Взгляните на эту маленькую картинку, которую открыла Луиза. Не правда-ли, какъ хорошо платье. На м-мъ Рошгайль было точь-въ-точь такое на послѣднемъ балѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

— Да,—проговорила Луиза,—только рюши образовали четырехъугольникъ на передникѣ.

И онѣ снова занялись картиной, изображавшей даму въ будуарѣ,

Digitized by Google

стоявшую передъ каминомъ и читавшую письмо. Живопись мнѣ показалась посредственной, но я почувствовалъ большую симпатію къ живописцу, съумѣвшему до такой степени заинтересовать Луизу.

— Эге! да гдѣ же онъ?—спросила Берта, внезапно оглядываясь кругомъ себя.—Онъ насъ теряетъ черезъ каждые десять шаговъ.

Она говорила о своемъ мужѣ.

— Шантро́ тамъ,—спокойно отвѣчалъ Феликсъ, который всѣхъ видѣлъ.—Онъ разглядываетъ большого Христа изъ сахара, на крестѣ изъ пряничнаго тѣста.

И дѣйствительно, мужъ съ спокойнымъ и равнодушнымъ видомъ обходилъ залу для своего собственнаго удовольствія, заложивъ руки за спину. Когда онъ увидѣлъ насъ, то спокойно подошелъ пожать руку Феликсу и сказалъ съ своимъ веселымъ видомъ:

— Замѣтили? тамъ есть Христосъ, исполненный съ замѣчательнымъ религіознымъ чувствомъ.

Дамы пошли далѣе. Мы послѣдовали за ними съ Шантро́. Присутствіе мужа разрѣшало намъ идти за ними. Заговорили про Демара: онъ вѣроятно пріѣдетъ, если рано вырвется изъ комиссіи, гдѣ долженъ сообщить мнѣніе правительства объ очень важномъ вопросѣ. Шантро́ завладѣлъ мною и осыпалъ меня любезностями. Это меня нѣсколько стѣсняло, потому что мнѣ приходилось отвѣчать. Феликсъ улыбался, слегка подталкивая меня локтемъ; но я не понималъ его. И, воспользовавшись тѣмъ, что я занимаю мужа, онъ пошелъ впереди съ дамами. До меня долетали обрывки ихъ разговора.

— Итакъ, вы ѣдете сегодня въ „Variétés?“

— Да, я взяла ложу въ бенуарѣ. Говорятъ, что пьеса забавна... Луиза, ты ѣдешь со мной?

— О! я очень хочу!

Затѣмъ:

— Вотъ и конецъ сезону. Открытіе картинной выставки—послѣднее парижское торжество.

— Вы забываете скачки!

— Въ самомъ дѣлѣ! мнѣ очень хочется поѣхать на скачки въ „Maison Laffitte“. Говорятъ, что тамъ очень мило... Но послѣ скачекъ въ Парижѣ становится невозможно жить.

Въ это время Шантро́, взявшій меня подъ руку и нѣжно прижимавшій къ себѣ, говорилъ мнѣ про Боке́, великолѣпное помѣстье, увѣрялъ онъ, и доходы котораго отецъ мой удвоилъ. Я чувствовалъ, что онъ мнѣ льститъ. Но не слушалъ его; огонь пробѣгалъ у меня по жиламъ—всякій разъ, какъ Луиза, остановясь внезапно передъ картиной задѣвала меня своимъ длиннымъ шлейфомъ. У нея была

Digitized by Google

прелестная походка. Ея бѣленькая шейка, оттѣненная черными волосами, была нѣжна, какъ у ребенка. Она держала себя очень развязно, что́ меня немного сердило. Съ ней многіе раскланивались, и она смѣялась такъ громко, что заставляла оглядываться проходящихъ. Раза два или три она сама оглядывалась и пристально взглядывала на меня. Я шелъ какъ-бы въ полуснѣ и не могъ бы сказать, сколько часовъ я слѣдовалъ за нею, убаюкиваемый словами Шантрò, ослѣпляемый длиннымъ рядомъ картинъ, развертывавшимся справа и слѣва. Я сознавалъ только къ концу, что мы наглотались пыли въ залахъ, и что я едва держусь на ногахъ отъ усталости, тогда какъ женщины стойко выдерживали испытаніе и улыбались какъ ни въ чемъ не бывало.

Въ шесть часовъ Феликсъ увезъ меня обѣдать. За дессертомъ онъ сказалъ мнѣ:

— Спасибо.

— За что это?—спросилъ я, удивленный.

— Да за твою деликатность,—за то, что ты не ухаживаешь за м-мъ Шантрò... Значитъ, ты рѣшительно предпочитаешь брюнетокъ.

Я не могъ не покраснѣть. Онъ поспѣшно прибавилъ:

— Я не напрашиваюсь на твою откровенность. Напротивъ, ты могъ замѣтить, что я даже уклоняюсь отъ всякаго вмѣшательства. Я считаю, что надо самому учиться жить. Все что́ я бы тебѣ сказалъ, могло бы тебя только смутить. Совѣты друга не стоютъ житейскихъ уроковъ.

Онъ больше не смѣялся, онъ былъ очень серьёзенъ и оживленъ.

— Значитъ, ты не осуждаешь меня и думаешь, что она полюбитъ меня?—спросилъ я, не называя Луизу.

— Я!—закричалъ онъ:—да я ровно ничего не знаю. Дѣлай, что хочешь. Ты самъ увидишь, какой оборотъ примутъ дѣла. Новичкамъ нужно учиться жить.

Я принялъ это за поощреніе. Феликсъ снова заговорилъ ироническимъ тономъ и опять поблагодарилъ меня за то, что я не люблю блондинокъ. Слегка и подъ видомъ шутки, онъ сталъ увѣрять, что Шантрò очень бы желалъ, чтобы я влюбился въ его жену.

— О! ты не знаешь этого толстяка, ты не понялъ, почему онъ прижималъ тебя къ своему сердцу. Его дядя утратилъ свое вліяніе въ твоемъ департаментѣ и если бы ему снова пришлось предстать передъ своими избирателями, то онъ очень радъ былъ бы получить поддержку твоего отца... Гмъ! я былъ въ тревогѣ, понимаешь, съ той минуты, какъ ты можешь быть ему полезенъ; тогда какъ я для него выжатый лимонъ.

— Да вѣдь это ужасно, что́ ты говоришь:—закричалъ я, смѣясь.

Digitized by Google

— Отчего ужасно?—спросилъ онъ такъ спокойно, что я не зналъ: смѣется онъ или нѣтъ. — Если у жены есть друзья, то пусть ужъ лучше они будутъ полезны мужу. Это называется поймать заразъ двухъ зайцевъ.

Выйдя изъ-за стола, Феликсъ предложилъ мнѣ поѣхать въ „Variétés". Я видѣлъ пьесу наканунѣ, но солгалъ и притворился, что мнѣ любопытно поглядѣть на нее. И какой пріятный вечеръ провелъ я! Дамы сидѣли въ бенуарѣ какъ-разъ возлѣ нашихъ креселъ. Слегка повернувъ голову, я могъ ловить на лицѣ Луизы удовольствіе, доставляемое ей рискованными шуточками авторовъ. Я находилъ эти шутки безсмысленными два дня тому назадъ. Но теперь онѣ меня больше не сердили: напротивъ того, нравились, потому что я слушалъ ихъ вмѣстѣ съ Луизой. Пьеса была очень скоромная, и Луиза смѣялась надъ ея вольностями. Достаточно того, что она была въ театрѣ, чтобы пошлость показалась мнѣ привлекательной. Когда глаза наши встрѣчались среди взрывовъ хохота, она не отворачивалась. Мнѣ казалось, что такое сообщничество въ выслушиваніи вольностей должно очень подвинуть впередъ мои дѣла. Впрочемъ, вся зала веселилась, и на балконѣ дамы не давали даже себѣ труда прикрываться вѣерами. Этотъ Парижъ, право, единственный въ мірѣ городъ по части удовольствій!

Во время антракта мы пошли съ Феликсомъ въ ложу этихъ дамъ. Шантро ушелъ. Мы присѣли на минутку. Въ бенуарѣ было темно. Я чувствовалъ близкое сосѣдство Луизы; юбка ея платья описала кругъ при одномъ ея движеніи и накрыла мои колѣни. Я унесъ воспоминаніе объ этомъ прикосновеніи, какъ первое нѣмое признаніе, связавшее насъ другъ съ другомъ.

III.

Прошло десять дней. Феликсъ пропалъ; я не могъ придумать никакого предлога, чтобы видѣться съ м-мъ Демаръ. Ради нея мнѣ приходилось прочитывать пять-шесть большихъ газетъ, въ которыхъ встрѣчалось имя ея мужа. Онъ произнесъ большую рѣчь въ палатѣ, про которую много толковали. Эта рѣчь въ другое время показалась бы мнѣ убійственной, — теперь она меня интересовала, потому что изъ-за запутанныхъ фразъ мнѣ виднѣлись черныя косы и бѣлая шейка Луизы. Я даже очень сильно поспорилъ съ однимъ незнакомымъ мнѣ бариномъ изъ-за Демара; я утверждалъ, что онъ вовсе не бездарность. Злыя нападки мелкой прессы выводили меня изъ себя. Безъ сомнѣнія, Демаръ идіотъ; но это служитъ только новымъ до-

Digitized by Google

казательствомъ, что его жена умна, если дѣйствительно справедливо, какъ говорили, что она вывела его въ люди.

Въ эту недѣлю, изнывая отъ нетерпѣнія и безцѣльнаго шатанья, я разъ пять или шесть бывалъ у своей тётушки, надѣясь на счастливый случай, на неожиданную встрѣчу. Впрочемъ, во время моего послѣдняго визита я такъ сильно разсердилъ свою тётушку, что не смѣю больше къ ней показываться. Она забила себѣ въ голову достать мнѣ дипломатическій постъ, при посредствѣ Демара; и сильно было ея изумленіе, когда я на-отрѣзъ отказался отъ всякаго мѣста, ссылаясь на свои политическія убѣжденія. Хуже всего то, что я согласился-было сначала, когда еще не любилъ м-мъ Демаръ, и мнѣ не казалось непріятнымъ быть чѣмъ-нибудь обязаннымъ ея мужу. Поэтому тётушка, не понимая моей щепетильности, дивилась моему, какъ она называла, ребяческому капризу. Развѣ такіе же щепетильные легитимисты, какъ и я, не представляютъ республику за-границей? Напротивъ того, дипломатія—убѣжище легитимистовъ; они наполняютъ всѣ посольства и оказываютъ правому дѣлу услугу, занимая всѣ высшія должности, возбуждающія зависть въ республиканцахъ. Я очень затруднялся возражать на такіе хорошіе доводы и искалъ убѣжища въ пелѣпомъ ригоризмѣ — и моя тётушка назвала меня, наконецъ, безумнымъ, прибавивъ, что не хочетъ больше хлопотать обо мнѣ. Она ужъ говорила съ Демаромъ и боялась, чтобъ ее самоё не приняли за флюгарку. И вотъ почему моя тётушка взбѣшена! Нужды нѣтъ! Луиза не подумаетъ, что я ухаживаю за ней, чтобы получить мѣсто изъ рукъ ея мужа.

Надо мною стали бы смѣяться, если бы я разсказалъ, какія странныя чувства обуревали меня въ эти десять дней. Во-первыхъ, я былъ убѣжденъ, что м-мъ Демаръ очень хорошо видѣла, какъ сильно волновалъ меня край ея юбки, лежавшій у меня на колѣняхъ,—и я выводилъ изъ этого заключеніе, что я ей нравлюсь, такъ какъ она не отодвинулась отъ меня. Я видѣлъ въ этомъ поощреніе моему ухаживанью, заходившее дальше дозволеннаго кокетства. Въ этомъ дневникѣ я высказываюсь съ безусловной правдивостью, это какъ-бы моя исповѣдь, въ которой я ничего не скрываю. Многіе свѣтскіе люди, если бы говорили правду, то сознались бы, что среда измѣняется, но женщина остается все одна та же. Въ любви женщина отдается или дозволяетъ себя взять — и тогда она дѣлаетъ цѣлый рядъ небольшихъ уступокъ, болѣе или менѣе серьёзныхъ. Я говорю про замужнихъ, свѣтскихъ женщинъ, которымъ необходимо соблюдать приличія. Мужчины, ухаживающіе за ними, скоро догадываются, что онѣ доступны подъ внѣшнимъ лоскомъ хорошаго воспитанія и манеръ. Все это я говорю затѣмъ, чтобы показать, что

Digitized by Google

въ своемъ любовномъ эгоизмѣ я находилъ вполнѣ естественнымъ дѣломъ связь между мною и Луизой. Она не могла любить мужа, она любила другихъ, наслаждалась жизнью, какъ женщина изящная и нервная. Что могло быть логичнѣе? Допустить, чтобы ея юбка покрыла мои колѣни — значило откровенно сознаться въ томъ, что я ей не противенъ.

Однако, дня два-три спустя я началъ сомнѣваться. Я сталъ разсуждать совсѣмъ наоборотъ. Только потерянная женщина могла вести себя такъ нахально; я дуракъ, если воображаю, что порядочная женщина станетъ вѣшаться мнѣ на шею, даже и когда она вѣтренница. М-мъ Демаръ совсѣмъ и не думала обо мнѣ. У ней, безъ сомнѣнія, были любовники, но она сходилась съ ними съ бо́льшимъ тактомъ и разсчетомъ. Что́ можетъ быть общаго между простушкой, о которой я мечталъ, безхитростно предающейся наслажденію, и этой хитрой парижанкой?

И вотъ, на пятый день она совсѣмъ отъ меня ускользнула. Она больше не стояла у меня передъ глазами — и я не вѣрилъ, что я просидѣлъ пять минутъ въ ея ложѣ такъ близко отъ нея. И я вдругъ почувствовалъ себя такимъ несчастнымъ, что чуть не вернулся назадъ въ Боке́.

Третьяго дня, наконецъ, мнѣ пришла въ голову одна блестящая мысль, и я удивился, какъ это я раньше не напалъ на нее. А именно: отправиться на засѣданіе палаты; быть можетъ, Демаръ будетъ говорить; быть можетъ, жена его будетъ тамъ? Но судьба рѣшила, что я опять не увижу Демара; онъ долженъ былъ говорить— и даже не пріѣхалъ въ палату, гдѣ его прождали до пяти часовъ; въ корридорахъ разсказывали, что его задержало какое-то порученіе сената. Въ награду за это, усаживаясь въ трибуну, я увидѣлъ въ трибунѣ, напротивъ, м-мъ Шантро́ — и сердце мое сильно забилось. Она увидѣла меня—и улыбнулась. Увы! Луизы не было съ ней. Радость моя растаяла. При выходѣ, я устроилъ такъ, чтобы встрѣтиться съ м-мъ Шантро́ въ корридорѣ. Она не спускала съ меня глазъ, и я подумалъ, что ей нужно что́-то мнѣ сказать. Она очень фамильярно обошлась со мной. Феликсъ, навѣрное, говорилъ съ ней обо мнѣ.

— Что́, вы уѣзжали изъ Парижа?—спросила она меня.

Ея вопросъ разсердилъ меня.—Я—уѣзжалъ!—я, исколесившій Парижъ во всѣхъ направленіяхъ!

— Да васъ нигдѣ не видно,—продолжала она.—Послѣдній раутъ въ министерствѣ былъ великолѣпенъ, и была удивительная конская выставка...

Digitized by Google

Видя, что я въ отчаяніи, — она расхохоталась. Я не зналъ, что сказать.

— Ну, такъ до завтра, — бросила она мнѣ, уходя. — Мы васъ *тамъ* увидимъ, — не правда ли?

Я отвѣчалъ „да", съ-дуру не осмѣливаясь ни о чемъ спросить ее, чтобы опять не разсмѣшить. Она обернулась и глядѣла на меня съ лукавымъ видомъ.

— Пріѣзжайте,—проговорила она такимъ тономъ, какъ будто бы готовила мнѣ какой-то сюрпризъ.

Мнѣ очень хотѣлось побѣжать за ней и разспросить. Но она уже повернула въ другой корридоръ. Я вознегодовалъ на свое глупое самолюбіе, помѣшавшее мнѣ сознаться въ моемъ незнакомствѣ съ парижской жизнью. Конечно, я готовъ ѣхать туда! но гдѣ оно, это „туда?" Неопредѣленность такого свиданія приводила меня въ отчаяніе. И кромѣ того, мнѣ было стыдно, что я не зналъ того, что извѣстно всему Парижу. Вернувшись въ Парижъ, я побѣжалъ къ Феликсу, обѣщая себѣ ловко выпытать у него то, что мнѣ нужно было узнать. Феликса не было дома. Въ отчаяніи я бросился читать газеты, выбирая самыя бонтонныя и стараясь догадаться среди массы всякихъ объявленій, куда бонтонъ требуетъ, чтобы ѣхалъ завтра весь Парижъ. Нерѣшительность моя только возросла,—столько предстояло различныхъ торжествъ: выставка картинъ старинныхъ мастеровъ, благотворительная распродажа въ большомъ клубѣ, музыкальная месса въ св. Клотильдѣ, генеральная репетиція въ одномъ театрѣ, два концерта и одно постриженіе, не считая нѣсколькихъ гуляній. Какимъ образомъ новичокъ, провинціалъ, вполнѣ сознающій свое невѣжество, могъ выбраться изъ такого затрудненія? Я чувствовалъ, что высшій „шикъ" требовалъ, чтобы я поѣхалъ въ одно изъ этихъ мѣстъ; но въ которое? Великій Боже! въ которое? Наконецъ, рискуя проскучать цѣлый день, если ошибусь, я рискнулъ сдѣлать выборъ. Я припоминалъ, что эти дамы толковали про скачки въ Maison-Laffitte; вдохновеніе осѣнило меня; я рѣшилъ ѣхать на скачки Maison-Laffitte. Принявъ это рѣшеніе, я успокоился.

Какой прелестный уголокъ вселенной, парижскія окрестности! Я не зналъ Maison-Laffitte, восхитившій меня своими домиками—такими веселыми, выстроенными на холмѣ, у подошвы котораго протекаетъ Сена. Теперь май мѣсяцъ; яблони покрыты бѣлымъ цвѣтомъ и кажутся большими букетами среди нѣжной зелени тополей и вязовъ.

Однако я чуть не заблудился въ живыхъ изгородяхъ, а спрашивать дороги мнѣ не хотѣлось. Я былъ очень обрадованъ, видя, что мало народа ѣхало въ одномъ поѣздѣ со мною; но этихъ дамъ тамъ не было и, разглядывая прохожихъ въ Maison-Laffitte, я почувство-

Digitized by Google

валъ, что сердце мое сжалось. Я свернулъ въ сторону, вдоль Сены, какъ вдругъ отъ сильнаго волненія какъ-бы приросъ къ землѣ за однимъ кустомъ терновника. Въ пятидесяти шагахъ отъ меня медленно шла группа людей—и я узналъ Луизу и Берту; Шантро́ и Феликсъ, по обыкновенію неразлучные, слѣдовали въ нѣсколькихъ шагахъ. Итакъ, я угадалъ. Я ликовалъ съ гордостью. Но волненіе мое было такъ сильно, что заставило меня сдѣлать чистое ребячество. Я притаился за терновымъ кустомъ, самъ не знаю почему; я боялся показаться смѣшнымъ, если они заподозрятъ, что я гонялся за ними и сторожилъ ихъ. Когда Луиза прошла, край ея подола задѣлъ кустъ, за которымъ я спрятался. Я тотчасъ же сообразилъ, что сдѣлалъ глупость. Поэтому бросился имъ наперерѣзъ по полю, чтобы встрѣтиться съ ними на другой тропинкѣ, и когда группа свернула на нее, я пошелъ ей навстрѣчу съ видомъ человѣка, воображающаго, что онъ одинъ, и наслаждающагося чистымъ воздухомъ.

— Ахъ! это вы!—закричалъ Шантро́.

Я поклонился, притворяясь очень удивленнымъ. Со всѣхъ сторонъ раздались восклицанія, я пожималъ всѣмъ руки. Но мнѣ показалось, что Феликсъ лукаво улыбается, и когда я сообщилъ, что мысль ѣхать на скачки въ Maison-Laffitte внезапно явилась у меня сегодня по-утру, Берта подмигнула мнѣ глазомъ, какъ сообщница. Всѣ пошли далѣе, но я держался нѣсколько назади, заинтригованный ея подмигиваньемъ.

— Итакъ, вы пріѣхали?—весело сказала она мнѣ вполголоса.

И, не давъ мнѣ времени отвѣтить:

— Что́ вы дѣлали сейчасъ за этимъ кустомъ?—спросила она.

Боже мой! она меня видѣла. Я что-то пробормоталъ невнятное. Она удерживалась отъ хохота и бросала на меня насмѣшливые взгляды. Затѣмъ совсѣмъ серьёзно замѣтила мнѣ, что я очень счастливъ, что еще такой ребенокъ. Мы обмѣнялись отрывистыми словами, но у меня осталось такое впечатлѣніе, что она поощряетъ мою любовь къ Луизѣ и рекомендуетъ мнѣ дѣйствовать смѣлѣе и самоувѣреннѣе; мнѣ показалось, что она рада была сблизить меня съ своей пріятельницей, толкнуть ее въ мои объятія. Я вынесъ такое впечатлѣніе, потому что, разумѣется, мы не могли говорить ни о чемъ подобномъ. Но я почувствовалъ, что у меня есть союзница.

— Чему вы смѣетесь?—спросилъ Феликсъ, оборачиваясь.

— М-r де-Пубель разсказываетъ мнѣ какъ онъ путешествовалъ съ семьей англичанъ,—спокойно отвѣтила она.

Шантро́ снова подхватилъ подъ руку Феликса и утащилъ его впередъ, какъ-бы затѣмъ, чтобы не мѣшать моему tête-à-tête съ его женой. Я остался одинъ съ Луизой и Бертой и провелъ очень пріятно

Digitized by Google

время на тѣнистой дорогѣ, огибавшей Сену. На Луизѣ было надѣто свѣтлое шелковое платье, и зонтикъ ея, на розовой подкладкѣ, бросалъ розоватый отблескъ на ея лицо. За-городомъ она вела себя еще развязнѣе, говорила громче, глядѣла на меня своими огненными глазами, отвѣчая Бертѣ, которая постоянно наводила разговоръ на щекотливые предметы, съ настойчивостью, поразившей меня позднѣе.

— Предложите же руку м-мъ Демаръ, — сказала мнѣ, наконецъ, Берта.—Вы совсѣмъ не любезны, вы видите, что она устала.

И сама, опередивъ насъ, догнала мужа и Феликса. Я предложилъ руку Луизѣ—и она тотчасъ же оперлась на нее. Мы остались наединѣ въ шагахъ сорока отъ остальныхъ. Дорога шла слегка въ гору, и мы шли очень медленно. Внизу текла Сена, серебристаго цвѣта, между зелеными, точно бархатные ковры, лугами. Тамъ былъ островъ, узкій и длинный, перерѣзанный двумя мостами, по которымъ проѣзжали поѣзды съ громовымъ грохотомъ. По ту сторону рѣки тянулась громадная равнина, поля шли до самаго Mont Valérien, сѣрыя стѣны котораго виднѣлись на горизонтѣ, въ солнечномъ сіяніи. Но что меня трогало до слезъ, такъ это ароматъ весны, разлитый вокругъ насъ, поднимавшійся отъ травы, росшей по обѣимъ сторонамъ дороги.

— Вы скоро вернетесь въ Боке?—спросила меня Луиза.

Я имѣлъ глупость отвѣтить—нѣтъ, не предвидя того, что она собиралась сказать.

— Какъ жаль, мы уѣзжаемъ туда на будущей недѣлѣ въ Мюро, въ помѣстье мужа; оно въ двухъ льё отъ васъ, и онъ собирался пригласить васъ къ намъ.

Я пробормоталъ, что, быть можетъ, отецъ раньше вызоветъ меня въ деревню, чѣмъ я это думалъ. Мнѣ показалось, что она крѣпче оперлась на мою руку. Неужели она мнѣ назначала свиданіе? При томъ понятіи, какое я составилъ себѣ объ этой развязной и утонченной парижанкѣ, я тотчасъ сочинилъ романъ, деревенскую интригу, мѣсяцъ любви подъ высокими деревьями. Да, это такъ. Ей вѣроятно нравился во мнѣ сельскій дворянинъ, и она хотѣла любить меня въ моей рамкѣ.

— Я должна побранить васъ,—вдругъ начала она, принявъ нѣжный и материнскій видъ.

— Какъ такъ?—пробормоталъ я.

— Да, ваша тетушка говорила мнѣ про васъ. Вы, кажется, ничего не желаете получить черезъ наше посредство. Это очень обидно. Почему вы отказываетесь, скажите?

Я вторично покраснѣлъ. Я чуть-было не пустился въ любовное объясненіе, чуть-было не закричалъ: — Потому что я люблю васъ!

Digitized by Google

Но она сдѣлала жестъ рукой, какъ-будто поняла меня и хотѣла заставить замолчать. Потомъ прибавила, смѣясь:

— Если вы горды, если вы хотите воздать услугой за услугу, то мы съ удовольствіемъ примемъ ваше покровительство тамъ, дóма. Вы знаете, что предстоятъ выборы генеральнаго совѣтника. Мой мужъ выступаетъ кандидатомъ, но боится провалиться, что́ было бы очень непріятно въ его положеніи... Хотите помочь намъ?

Нельзя было быть милѣе. Я счелъ исторію о выборахъ за ловкій предлогъ для нашего свиданія.

— Безъ сомнѣнія, я вамъ помогу,—отвѣчалъ я весело.

— А если вы проведете мужа, то, разумѣется, мужъ, въ свою очередь, поможетъ вамъ.

— По рукамъ.

— Именно, по рукамъ!

Она протянула мнѣ свою маленькую ручку и я хлопнулъ по ней. Мы оба шутили. Мнѣ эта шутка показалась прелестной. Деревья прекратились, солнце палило, и мы тихо шли по зною, безмолвные оба. Но дуракъ Шантрò нарушилъ это трепетное молчаніе подъ палящимъ небомъ. Онъ услышалъ, что мы говоримъ про генеральный совѣтъ и больше не отставалъ отъ меня, разсказалъ мнѣ исторію своего дядюшки; приставалъ, чтобы я представилъ его отцу моему, ухищрялся на всѣ лады заставить меня бросить м-мъ Демаръ и взять подъ руку его жену. Наконецъ, мы прибыли на мѣсто скачки. Они нашли скачки великолѣпными. Я же все время глядѣлъ на бѣлую шейку Луизы. И какъ прелестно было обратное путешествіе подъ внезапнымъ дождемъ; зелень, омываемая мелкимъ дождемъ, казалась еще зеленѣе; деревья и земля хорошо пахли. Луиза полузакрыла глаза, усталая и какъ-бы охваченная сладкой нѣгой весны.

— Помните нашъ уговоръ,—сказала она мнѣ на дебаркадерѣ, садясь въ дожидавшуюся ее карету.—До свиданія въ Мюрò, черезъ двѣ недѣли, не правда ли?

Я пожалъ руку, которую она мнѣ протянула и, должно быть, слишкомъ усердно, потому что впервые я увидѣлъ, что она насупилась и двѣ недовольныхъ складки легли у ея рта. Но Берта какъ-будто продолжала меня поощрять, Феликсъ загадочно улыбался, а Шантрò трепалъ меня по плечу, говоря:

— До свиданья въ Мюрò, черезъ двѣ недѣли, г. де-Пубель... Мы всѣ тамъ будемъ.

Чортъ бы ихъ побралъ!

Digitized by Google

IV.

Я вернулся изъ Мюро, и умъ мой совсѣмъ сбитъ съ толку противорѣчивыми мыслями: я хочу пересказать самому себѣ день, проведенный мною съ Луизой, чтобы понять въ чемъ дѣло.

Хотя Мюро находится всего лишь въ двухъ льё отъ Бокé, я совсѣмъ не зналъ этого уголка нашей мѣстности. Мнѣ приходилось охотиться все въ направленіи Вошана, и такъ какъ, чтобы попасть туда, приходится дать порядочный крюкъ и перебраться черезъ рѣчку Беажъ, я не былъ тамъ и десяти разъ во всю мою жизнь. А между тѣмъ холмъ съ дорогой, обросшей большими орѣховыми деревьями, прелестенъ. Добравшись до площадки, приходится спуститься—и Мюро расположенъ при входѣ въ долину, оканчивающуюся узкимъ ущельемъ. Домъ, квадратное зданіе, построенное въ концѣ царствованія Людовика XIV, не особенно красивъ; но паркъ великолѣпенъ, съ обширными лужайками, на которыхъ тамъ-и-сямъ высится столѣтній дубъ, и оканчивается такимъ густымъ лѣсомъ, что сами аллеи парка наводнены его вѣтвями.

Когда я пріѣхалъ верхомъ, двѣ большихъ собаки встрѣтили меня лаемъ и прыжками. Въ концѣ аллеи я увидѣлъ бѣлое пятно. То была Луиза, въ свѣтломъ платьѣ, въ соломенной шляпкѣ. Она не пошла мнѣ на-встрѣчу и стояла неподвижная и улыбающаяся внизу широкаго крыльца, ведущаго въ сѣни. Было не болѣе девяти часовъ.

— Ахъ! какъ вы милы!—закричала она мнѣ.—Вы рано встаете, это хорошо! Во всемъ домѣ, какъ видите, я одна еще поднялась.

Я поздравилъ ее съ такой храбростью, удивительной въ парижанкѣ, но она прибавила, смѣясь:

— Правда, что я здѣсь всего еще пять дней. Когда я пріѣду въ деревню, я встаю съ пѣтухами, первые дни... Но уже со второй недѣли, мало-по-малу возвращаюсь къ привычкѣ—спать долго по утрамъ, и начинаю вставать въ десять часовъ, какъ и въ Парижѣ. Но сегодня, какъ видите, я еще живу по-деревенски.

Никогда еще не видывалъ я ее такой прелестной. Волосы ея были небрежно свернуты жгутомъ; на ней былъ надѣтъ простой пеньюаръ. Глаза у ней были еще заспаны, какъ у ребенка. Маленькія пряди волосъ вились на шеѣ. Я видѣлъ ея голыя руки до самыхъ локтей, когда широкія рукава ея пеньюара раскрывались.

— Знаете, куда я иду, — спросила она.—Я иду вонъ въ ту бесѣдку, посмотрѣть на стѣну изъ belles-de-nuit, которыя говорятъ великолѣпны, пока солнце не заставитъ ихъ свернуться. Садовникъ

Digitized by Google

сказалъ мнѣ это; вчера я проспала, а сегодня хочу поспѣть во-время. Вы пойдете со мной?

Мнѣ очень хотѣлось предложить ей руку, но я понялъ, что это будетъ смѣшно. Она бѣжала, какъ пансіонерка, вырвавшаяся на свободу. Дойдя до бесѣдки, она вскрикнула отъ восторга.

Цѣлая драпировка изъ belles-de-nuit падала сверху; цѣлый дождь колокольчиковъ, покрытыхъ росою и окрашенныхъ нѣжными цвѣтами, начиная отъ ярко-розоваго и кончая фіолетовымъ и блѣдно-голубымъ. Это напоминало фантастическіе рисунки японскихъ альбомовъ, чудной прелести и оригинальности.

— Вотъ награда, когда рано встаешь, — весело говорила Луиза.

Послѣ этого она усѣлась въ бесѣдкѣ, и я осмѣлился сѣсть съ нею рядомъ, потому что она подвинула платье и очистила мнѣ маленькое мѣстечко. Я былъ очень взволнованъ, потому что мнѣ приходило въ голову дѣйствовать рѣшительно, то-есть обнять ее за талію и поцѣловать въ шею. Я чувствовалъ, что это будетъ слишкомъ по-гусарски, но ничего не могъ придумать другого, а эта мысль преслѣдовала меня неотступно, переходила въ физическую потребность. Не знаю, поняла ли Луиза то, что во мнѣ происходило; она не отодвинулась отъ меня, но насупилась.

— Во-первыхъ, поговоримъ о дѣлахъ, хотите?—сказала она.

Въ ушахъ у меня звенѣло, я дѣлалъ усилія, чтобы слушать ее. Въ бесѣдкѣ было темно и свѣжо. Солнце тонкими золотистыми стрѣлками пронизывало зелень belles-de-nuit, а бѣлый пеньюаръ Луизы точно облѣпилъ рой золотыхъ мушекъ.

— Какъ дѣла?—спросила она съ видомъ заговорщицы.

Тогда я сообщилъ ей странную перемѣну, замѣченную мною въ отцѣ. Онъ, цѣлыхъ десять лѣтъ сердившійся на новый порядокъ вещей и запрещавшій мнѣ служить республикѣ, далъ мнѣ понять въ вечеръ моего пріѣзда, что молодой человѣкъ моихъ лѣтъ обязанъ служить отечеству. Я подозрѣвалъ, что тётушка прочитала ему нотацію. Должно быть, на него напустили женщинъ, потому что перемѣна слишкомъ чудесна. Луиза улыбалась, слушая меня. И сказала наконецъ:

— Я встрѣтилась съ г. де-Пубель на другой день моего пріѣзда, въ одномъ сосѣднемъ замкѣ, гдѣ я была въ гостяхъ... Мы немного побесѣдовали.

И съ живостью прибавила:

— Вы знаете, что выборы въ генеральный совѣтъ будутъ въ воскресенье. Вы должны тотчасъ же начать кампанію... Съ помощью вашего отца успѣхъ моего мужа несомнѣненъ.

— Г. Демаръ здѣсь?—спросилъ я послѣ минутнаго колебанія.

Digitized by Google

— Да, онъ пріѣхалъ сюда вчера вечеромъ... Но вы его не увидите сегодня утромъ, потому что онъ уѣхалъ въ окрестности Вошана, чтобы повидаться съ однимъ землевладѣльцемъ, его пріятелемъ, пользующимся большимъ вліяніемъ.

Она встала, я посидѣлъ немного, сожалѣя рѣшительно, что не поцѣловалъ ее въ шею. Врядъ ли еще когда придется мнѣ просидѣть съ ней въ такомъ укромномъ уголку, въ такой ранній часъ.

Теперь ужъ было поздно, и я чувствовалъ, что насмѣшу ее, если упаду къ ея ногамъ, на сырую землю, и потому отложилъ свое объясненіе до болѣе благопріятнаго случая.

Къ тому же, въ концѣ аллеи я замѣтилъ толстую фигуру Шантро́. Увидя, что мы выходимъ изъ бесѣдки, Луиза и я, онъ противно осклабился, и это мнѣ очень не понравилось. Затѣмъ сталъ притворно восхищаться тѣмъ, что въ насъ нашлось мужество подняться такую рань. Самъ онъ только-что всталъ.

— А Берта?—спросила Луиза,—хорошо ли она спала?

— Не знаю,—отвѣчалъ Шантро́,—я ее еще не видѣлъ.

И, замѣтивъ мое удивленіе, прибавилъ, что у жены его бываетъ мигрень цѣлый день, если къ ней войти рано утромъ. Они занимаютъ двѣ комнаты; этакъ гораздо удобнѣе, въ особенности въ деревнѣ—и спокойно, безъ улыбки, прибавилъ:

— Вы понимаете, этакъ гораздо свободнѣе: каждый дѣлаетъ, что хочетъ.

Мы прогуливались въ эту минуту по террасѣ, господствовавшей надъ паркомъ, и я невольно подумалъ про любовныя похожденія, которыя приписываютъ обитателямъ за́мковъ. Мнѣ грезились любовники, идущіе босикомъ въ потемкахъ вдоль корридоровъ, поспѣшая на свиданіе въ комнаты дамъ, оставленныя полуоткрытыми. Испорченныя парижанки придавали такимъ образомъ новую пикантность интрижкамъ, уже успѣвшимъ пріѣсться, озаряя ихъ прелестью лунныхъ ночей, когда соловей поетъ. И вдругъ греза моя какъ-бы осуществилась: я увидѣлъ, какъ изъ сѣней вышли Берта и Феликсъ, оба вялые и какъ-бы разбитые, несмотря на длинную ночь.

— Ты нездорова? — обязательно спросила Луиза у своей пріятельницы.

— Нѣтъ, благодарю тебя, — отвѣчала Берта.—Но знаешь, перемѣна мѣста... это отражается на нервахъ... И, кромѣ того, на зарѣ птицы шумѣли, какъ одурѣлыя.

Я пожалъ руку Феликсу. И не знаю, почему, видя улыбку, которой обмѣнялись обѣ женщины, въ то время, какъ Шантро́ посвистывалъ съ снисходительнымъ видомъ, мнѣ пришло въ голову, что Луиза знаетъ о томъ, что́ у ней происходитъ. Она должна слышать

Digitized by Google

ночью мужскіе шаги по корридору, скрипъ осторожно отворяющихся и затворяющихся дверей, любовный шопотъ, долетающій изъ темнаго алькова. Ахъ! зачѣмъ я не поцѣловалъ ея шею въ бесѣдкѣ! Если она допускаетъ эти вещи, то, вѣроятно, не разсердилась бы. И сталъ представлять себѣ, въ какую дверь дома я буду входить, когда стану приходить къ ней. Слѣва, въ сѣняхъ, было широкое окно, которое показалось мнѣ очень удобнымъ.

Завтракали въ одиннадцать часовъ. Послѣ завтрака Шантрò ушелъ отдыхать. Онъ открылся мнѣ, признавшись, что боится провалиться на слѣдующихъ выборахъ и намѣренъ прожить три недѣли въ нашемъ краю, чтобы набрать приверженцевъ. Онъ остановился у своего дяди съ женой. Но пожелалъ провести нѣсколько дней въ Мюрò, чтобы доказать всему краю, что очень друженъ съ Демарами; это, по его мнѣнію, должно привлечь ему голоса; я понялъ, что ему смерть какъ хочется быть приглашеннымъ къ отцу. Ахъ! если бы онъ могъ переночевать въ Бокѣ, на глазахъ у цѣлаго департамента, это очень возвысило бы его въ глазахъ избирателей! Вся бѣда въ томъ, что я, кажется, не люблю блондиновъ. Шантрò, кажется, рѣшился дожидаться благопріятнаго случая, съ тѣхъ поръ, какъ встрѣтилъ меня такую рань съ м-мъ Демаръ.

Я провелъ очень пріятное утро съ дамами и съ Феликсомъ. Никогда еще не видывалъ я столько изящества и веселости. Долженъ сознаться однако, что манеры этихъ дамъ немного смущали меня, выросшаго въ обществѣ провинціальныхъ ханжей. Луиза, послѣ завтрака, когда мы пили кофе въ гостиной, позволила себѣ закурить папиросу. Берта говорила вольности, какъ ни въ чемъ не бывало. Нѣсколько позже, обѣ убѣжали, шумя юбками, вѣтрено смѣясь и болтая. Сознаюсь, все это очень меня смущало; не умѣю объяснить, но эти новыя для меня манеры заставляли меня надѣяться, что Луиза назначитъ мнѣ свиданіе очень скоро. Феликсъ курилъ сигару, съ загадочнымъ видомъ. Порою, я ловилъ на себѣ его насмѣшливый взглядъ.

Въ четыре часа я собрался уѣзжать. Луиза протестовала.

— Нѣтъ, нѣтъ, не уѣзжайте. Останьтесь обѣдать... Быть можетъ, мужъ вернется. Вы его увидите. Надо же мнѣ представить васъ ему.

Я объяснилъ ей, что меня ждетъ отецъ. Въ Бокѣ дается обѣдъ, на которомъ я обязанъ присутствовать. Я прибавилъ, смѣясь:

— Знаете, избирательный обѣдъ, я буду трудиться для васъ.

— О, если такъ,—весело отвѣтила она,—то ступайте, ступайте... И знайте, если ваши старанія увѣнчаются успѣхомъ, то вы пріѣдете за наградой.

Digitized by Google

Мнѣ показалось, что она покраснѣла, говоря это. Намекала ли она на дипломатическій постъ, который отецъ убѣждалъ меня принять? Но я придалъ болѣе нѣжный смыслъ ея словамъ, и принялъ такой нестерпимо-фатоватый видъ, что увидѣлъ, какъ она вторично насупилась и у губъ ея легли складки, придававшія ея лицу выраженіе высокомѣрное и недовольное.

Впрочемъ, мнѣ нѣкогда было раздумываться объ этой быстрой перемѣнѣ въ выраженіи ея лица. Я собирался уѣзжать, какъ вдругъ коляска остановилась у подъѣзда. Я уже думалъ, что вернулся Демаръ. Но въ коляскѣ было двое дѣтей—маленькая пятилѣтняя дѣвочка и маленькій четырехлѣтній мальчикъ, въ сопровожденіи горничной. Они, смѣясь, протягивали свои маленькія ручки, и какъ только ихъ высадили изъ экипажа, подбѣжали къ Луизѣ и повисли на ея юбкѣ. Она расцѣловала ихъ въ волосы.

— Чьи эти хорошенькія дѣтки? — спросилъ я.

— Мои! — отвѣтила она съ удивленнымъ видомъ.

Ея дѣти! Не могу выразить, какой ударъ нанесли мнѣ эти слова. Мнѣ показалось вдругъ, что я лишился ее, что эти слабыя существа вырыли своими маленькими ручонками непроходимый ровъ между ею и мной. Какъ! у нея есть дѣти, а я этого не зналъ! Я не могъ сдержать крика разочарованія:

— У васъ есть дѣти!

— Разумѣется,—спокойно отвѣчала она.—Они ѣздили провѣдать свою крестную мать сегодня по-утру за двѣ версты отсюда... Позвольте мнѣ представить вамъ ихъ... monsieur Lucien, mademoiselle Marguerite.

Малютки улыбались мнѣ. Я стоялъ, какъ дуракъ. Нѣтъ, никакъ не могу освоиться съ мыслью, что она мать. Это разстроиваетъ всѣ мои соображенія. Я уѣхалъ растерянный, и до сихъ поръ еще не знаю что думать. Мнѣ все еще представляется Луиза въ бесѣдкѣ изъ belles-de-nuit, и я вижу, какъ она цѣлуетъ волосы Люсьена и Маргариты. Рѣшительно, эти парижанки слишкомъ хитрый народъ для такого провинціала, какъ я.

Надо выспаться. Завтра постараюсь сообразиться съ мыслями.

V.

Ну, вотъ и развязка! Ахъ! какой урокъ! Но постараюсь спокойно передать все, какъ было.

Въ воскресенье Демаръ былъ избранъ генеральнымъ совѣтникомъ. Послѣ отобранія голосовъ, для всѣхъ стало очевидно, что безъ под-

Digitized by Google

держки моего отца кандидатъ провалился бы. Отецъ, познакомившись съ Демаромъ, далъ мнѣ понять, что такой ничтожный человѣкъ не опасенъ; къ тому же, необходимо было провалить радикальнаго кандидата. Вечеромъ, послѣ обѣда, ветхозавѣтный Адамъ проснулся въ моемъ отцѣ. Но онъ сказалъ мнѣ только:

— Все это не особенно красиво. Но они всѣ твердили мнѣ, что я работаю для тебя... Ну, поступай такъ, какъ должно. Мнѣ же остается только умереть, потому что я ничего больше не понимаю.

Въ понедѣльникъ и во вторникъ я не рѣшился ѣхать въ Мюрò. Мнѣ казалось неприличнымъ такъ скоро явиться за „наградой". Дѣти меня больше не смущали. Я убѣждалъ себя, что Луиза не особенно нѣжная мать. Развѣ не говорятъ въ провинціи, что парижанки жертвуютъ дѣтьми удовольствіямъ и предоставляютъ ихъ попеченіямъ прислуги, чтобы быть свободнѣе. И вотъ вчера, въ среду, всякія колебанія исчезли во мнѣ. Нетерпѣніе меня пожирало. Я отправился въ экспедицію съ восьми часовъ утра.

Я разсчитывалъ пріѣхать въ Мюрò, какъ въ первый разъ, рано утромъ, и застать Луизу одну. Но когда я сошелъ съ лошади, то слуга объявилъ мнѣ, что барыня еще не выходила изъ своей комнаты, но не предложилъ мнѣ доложить о моемъ пріѣздѣ. Я отвѣчалъ, что подожду и чтобы ее не безпокоили.

И въ самомъ дѣлѣ, ждалъ добрыхъ два часа. Не знаю ужъ, сколько разъ обошелъ я весь цвѣтникъ. Время отъ времени я взглядывалъ на окна перваго этажа; но сторы оставались герметически спущенными. Усталый и измученный этой продолжительной прогулкой, я, наконецъ, пошелъ и сѣлъ въ бесѣдкѣ. Въ это утро было пасмурно, солнце не пронизывало золотымъ дождемъ зеленые листья. Я размышлялъ; я говорилъ себѣ, что сегодня долженъ дать генеральное сраженіе. Я былъ убѣжденъ, что если снова окажусь нерѣшительнымъ, то на-вѣки утрачу Луизу. Итакъ, я бодрился, припоминалъ о фактахъ, заставившихъ меня заключить о вѣтренности и податливости этой молодой женщины. Планъ мой былъ простъ, и я обдумывалъ его: какъ только я останусь наединѣ, я прикинусь очень взволнованнымъ, чтобы не очень испугать ее; затѣмъ стану цѣловать ея руки, и когда она пойметъ меня, постараюсь добиться свиданія. Въ десятый разъ я перебиралъ свой планъ, какъ вдругъ появилась Луиза.

— Куда вы спрятались?—весело кричала она мнѣ, разглядывая меня въ темнотѣ.—Ахъ! вотъ вы гдѣ! Я цѣлыхъ десять минутъ разыскиваю васъ... Простите, что заставила васъ ждать.

Я отвѣтилъ, чувствуя легкую судорогу въ горлѣ, что ждать не скучно, когда думаешь о ней.

Digitized by Google

— Я васъ предупреждала,—продолжала она,—пропустивъ безъ вниманія эту пошлость, что живу по-деревенски только первую недѣлю по пріѣздѣ. Теперь я снова превратилась въ парижанку, и мнѣ трудно разстаться съ постелью.

Она стояла у входа въ бесѣдку, какъ-будто бы не рѣшаясь войти въ нее.

— Что-жъ, вы не идете?—спросила она, наконецъ. — Намъ надо поговорить.

— Здѣсь чудесно, сказалъ я нѣсколько дрожащимъ голосомъ. Мы можемъ поговорить на этой скамейкѣ.

Она еще съ секунду колебалась. Потомъ храбро проговорила:

— Какъ хотите. Но здѣсь такъ темно! Правда, что можно говорить и въ потемкахъ.

И сѣла рядомъ со мной. Я задыхался отъ волненія. Итакъ, рѣшительный часъ наступилъ! Еще минута, и я возьму ее за руки. Между тѣмъ она продолжала говорить безмятежнымъ тономъ, въ которомъ не слышалось и признака волненія.

— Я не стану благодарить васъ готовыми фразами. Вы намъ очень помогли, безъ васъ мы бы провалились.

Я былъ не въ силахъ перебить ее. Я дрожалъ и говорилъ себѣ, что надо быть смѣлѣе.

— Впрочемъ, между нами слова безполезны,—продолжала она.— Вы знаете, что мы заключили сдѣлку...

Она смѣялась, говоря это. Этотъ смѣхъ вдругъ придалъ мнѣ рѣшимость. Я взялъ ее за руки. Она не отнимала ихъ. Я держалъ ея маленькія теплыя руки, она дружески, фамильярно оставляла ихъ въ моихъ рукахъ, повторяя:

— Не правда-ли? теперь наша очередь отплатить вамъ?

Тогда я рѣшился поднести ея руки къ моимъ губамъ. Въ бесѣдкѣ стало еще темнѣе; вѣроятно облако проносилось въ эту минуту надъ нашими головами; одурящій запахъ травъ опьянялъ меня. Но вдругъ, прежде чѣмъ губы мои успѣли коснуться ея рукъ, она высвободила ихъ съ нервной силой, которой я и не подозрѣвалъ въ ней, и, въ свою очередь, схватила меня за руки и съ силой придержала ихъ, хотя и безъ гнѣва, и съ прежнимъ спокойствіемъ, но съ укоризной въ голосѣ, произнесла:

— Перестаньте, не дурачьтесь. Вотъ чего я опасалась. Позвольте мнѣ распечь васъ, пока мы здѣсь въ этомъ укромномъ уголку.

Она говорила съ ласковой строгостью матери, распекающей своего мальчишку.

— Я съ перваго же дня поняла васъ. Вамъ наговорили про меня гадостей, не правда-ли?.. Вы возмечтали Богъ знаетъ что, и я васъ

Digitized by Google

извиняю, потому что вы ровно ничего не смыслите въ нашемъ обществѣ; вы пріѣхали въ Парижъ съ понятіями здѣшняго медвѣжьяго угла... Вы скажете, быть можетъ, что и я немного виновата въ вашей ошибкѣ. Мнѣ слѣдовало васъ остановить, и вы бы удалились по первому слову. Это правда, я этого слова не сказала, я предоставила вамъ идти дальше, вы должны считать меня отвратительной кокеткой... отвѣчайте. Знаете, почему я не сказала этого слова?

Я лепеталъ невнятныя слова. Удивленіе, вызванное этой сценой, совсѣмъ парализовало меня. Она сильнѣе сжимала мои руки и трясла меня, такъ близко наклонившись ко мнѣ, что я чувствовалъ ея дыханіе на своемъ лицѣ.

— Я не сказала его потому, что вы заинтересовали меня, и я захотѣла дать вамъ урокъ парижской жизни... Вы еще не понимаете всего, но, поразмысливъ, разгадаете парижанку, которую я помогла вамъ узнать покороче. На насъ сильно клевещутъ. Быть можетъ, мы сами этому причиной. Но вотъ видите, что есть и честныя между такими даже, которыя кажутся самыми легкомысленными и пользуются худой славой... Все это очень щекотливо. Повторяю, что, размысливъ хорошенько, вы поймете.

— Пустите меня, прошепталъ я, сконфуженный.

— Нѣтъ, я васъ не пущу... Просите у меня прощенія, если хотите, чтобы я васъ отпустила.

И сквозь шутливый тонъ ея, я слышалъ, что она сердится, что слезы гнѣва навертываются ей на глаза отъ нанесеннаго мною оскорбленія. Чувство глубокаго почтенія, восхищенія къ этой прелестной и энергичной женщинѣ пробудилось во мнѣ. Грація амазонки, съ какой она была вѣрна своему глупому мужу, смѣсь кокетства и чопорности, ея презрѣніе къ злословію и роль мужчины, принятая ею на себя въ семьѣ, подъ видомъ вѣтренности,—все это придавало ей весьма сложный характеръ и приводило меня въ восторгъ.

— Простите!—смиренно произнесъ я.

Она отпустила меня. Я тотчасъ же всталъ, между тѣмъ какъ она продолжала спокойно сидѣть на скамьѣ, не опасаясь больше ни потемокъ, ни опьяняющаго запаха листвы. Она заговорила прежнимъ веселымъ тономъ:

— Теперь я возвращаюсь къ нашей сдѣлкѣ. Такъ какъ я очень честна, то уплачиваю свои долги... Вотъ вамъ ваше назначеніе секретаремъ посольства. Я получила его вчера вечеромъ.

И видя, что я не рѣшаюсь взять пакетъ, который она мнѣ протягивала:

— Кажется,—воскликнула она, не безъ иронія,—что теперь ничто не мѣшаетъ вамъ принять услугу отъ моего мужа.

Digitized by Google

Такова была развязка моего перваго приключенія. Когда мы вышли изъ бесѣдки, Феликсъ находился на террасѣ вмѣстѣ съ Шантро и съ Бертой. Онъ закусилъ губу, увидя меня съ пакетомъ въ рукахъ. Я полагаю, что онъ зналъ все и насмѣхался надо мной. Оставшись на минуту на-единѣ съ нимъ, я горько сталъ упрекать его за то, что онъ допустилъ меня сдѣлать такой промахъ. Онъ отвѣчалъ, что только опытъ образуетъ молодыхъ людей; теперь у меня будетъ больше чутья, чтобы распознавать женщинъ. Берта шла впереди насъ, и я указалъ на нее Феликсу глазами, спрашивая: что она за женщина? Онъ весьма многозначительно пожалъ плечами. Но, признаюсь, я все еще хорошенько не возьму въ толкъ всего случившагося. Свѣтъ некрасивъ, и самыя честныя женщины въ немъ черезъчуръ снисходительны. Въ самой добродѣтели есть много загадочнаго. Но нѣчего дѣлать, приходится утѣшиться мыслью, что есть больше честныхъ женщинъ на свѣтѣ, чѣмъ то думаютъ въ этомъ безнравственномъ Парижѣ, гдѣ здоровые плоды и гнилые свалены въ одну кучу.

Что меня поразило, такъ это именно то, что Шантро объявилъ мнѣ о приглашеніи ихъ отцомъ прогостить три дня въ Вокѣ. Шантро осыпаетъ меня любезностями. Берта не въ ладахъ съ Луизой, какъ мнѣ показалось, и тоже очень любезна со мной. Феликсъ продолжаетъ улыбаться. Онъ объявилъ намъ, что уѣзжаетъ завтра въ Парижъ. Затѣмъ, наклонившись ко мнѣ, шепнулъ на ухо:

— Теперь ты примиришься съ блондинками.

Я протестовалъ, и пока Луиза играла съ дѣтьми, которыхъ ей привели, объявилъ, что долженъ уѣхать, потому что положительно обѣщалъ отцу вернуться къ завтраку. Я уже былъ въ концѣ аллеи, когда увидѣлъ господина въ кабріолетѣ. То, должно быть, Демаръ ѣхалъ домой. Ну, что-жъ, я по правдѣ сказать радъ, что опять не дождался его. Луиза съ улыбкой махнула мнѣ рукой, въ знакъ прощанья, и я увезъ съ собой эту улыбку, ироническую и, вмѣстѣ съ тѣмъ, материнскую, какъ и урокъ, данный ею мнѣ.

Завтра Шантро съ женой переѣзжаютъ въ Вокѣ.

Какая скука!

Эмиль Зола.

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА

Княжество Болгарское и Восточная Румелія.

Ровно черезъ два года послѣ начала нашей войны съ Турціею, вопросъ объ устройствѣ обѣихъ частей Болгаріи рѣшился окончательно, если только можно признать окончательнымъ такое рѣшеніе, которое основано на оставленіи значительной части этой страны подъ непосредственной властью султана.

Къ концу апрѣля собраніе нотаблей Болгарскаго княжества въ Тырновѣ окончило выработку конституціи, съ значительными измѣненіями первоначальнаго проекта. Конституція признаетъ престолъ Болгаріи наслѣдственнымъ въ династіи избраннаго народомъ князя. Князю предоставляется назначеніе и увольненіе министровъ. Въ государственной службѣ могутъ состоять только болгарскіе граждане, за исключеніями, которыя можетъ допускать народное собраніе. Законодательная власть принадлежитъ народному собранію, котораго члены избираются прямымъ всенароднымъ голосованіемъ въ числѣ одного на 10 т. жителей, на три года. Членовъ по назначенію или по должностямъ нѣтъ; собраніе состоитъ только изъ выборныхъ депутатовъ. Ценза ни для избирателей, ни для избираемыхъ нѣтъ: но первые должны имѣть не менѣе 21, вторые не менѣе 30 лѣтъ отъ роду; собранію принадлежитъ право не только обсуждать и принимать законы, но и возбуждать законодательные вопросы, съ тѣмъ, однако, что предложенія о новыхъ законахъ были бы вносимы не иначе, какъ за подписью не менѣе четверти наличнаго числа депутатовъ. Законное для голосованія число присутствующихъ — болѣе половины состава. Ежегодная сессія собранія продолжается всего два мѣсяца, съ 15 октября по 15 декабря; но сессія можетъ быть продлена съ согласія правительства. Конституція установляетъ свободу печати и собраній.

Проектъ конституціи былъ подписанъ всѣми членами собранія нотаблей въ засѣданіи 28 (16) апрѣля—и собраніе было затѣмъ закрыто. На слѣдующій день, русскій комиссаръ кн. Дондуковъ-Корсаковъ открылъ собраніе избирателей для выбора князя. По выходѣ комиссара и европейскихъ делегатовъ, предсѣдательство принялъ епископъ тырновскій. Такъ какъ передъ тѣмъ только было заявлено

Digitized by Google

отъ имени русскаго правительства, что оно не желаетъ избранія на болгарскій престолъ кого-либо изъ своихъ подданныхъ, то епископъ указалъ собранію, что кандидатовъ остается только трое: принцъ Вольдемаръ датскій, принцъ Рейссъ и принцъ Баттенбергъ. Тогда собраніе единогласно избрало принца Баттенберга. Актъ его избранія былъ тотчасъ же предъявленъ русскому комиссару, а принцу Баттенбергу была послана телеграмма въ Берлинъ. Принцъ Баттенбергъ находился за обѣдомъ у русскаго посла г. Убри, по случаю празднованія дня рожденія Государя, когда ему передана была телеграмма объ избраніи его въ этотъ самый день болгарскимъ княземъ.

Принцъ Александръ-Іосифъ Баттенбергъ — второй сынъ брата Государыни Императрицы, принца Александра гессенскаго, и дочери бывшаго польскаго военнаго министра графа Гауке, которая при вступленіи въ бракъ съ принцемъ гессенскимъ получила титулъ принцессы Баттенбергъ. Принцъ Александръ-Іосифъ родился въ 1857 г. и во время своего избранія состоялъ въ чинѣ подпоручика прусской кавалеріи. Онъ состоялъ при русской главной квартирѣ въ продолженіи всей минувшей войны и участвовалъ во взятіи Тырнова генераломъ Гурко, въ осадѣ Плевны и во второмъ походѣ того же генерала за Балканы. Такимъ образомъ, онъ уже имѣлъ случай нѣсколько ознакомиться съ страной, которою призванъ теперь управлять. Принцъ Александръ былъ вызванъ въ Ливадію, и тамъ 15 (3) мая принялъ болгарскую депутацію, привѣтствовавшую его какъ своего князя. Черезъ два дня онъ уже отправился въ поѣздку сперва въ Дармштадтъ, для устройства своихъ дѣлъ, потомъ къ главнымъ европейскимъ дворамъ. Затѣмъ, онъ созоветъ собраніе въ Тырновѣ и принесетъ присягу, согласно конституціи, подъ именемъ Александра I. Тогда русскій комиссаръ тотчасъ же выѣдетъ изъ Болгаріи. Личное содержаніе князя опредѣлено въ 600 т. фр. Бюджетъ княжества представляетъ теперь 22.606,000 фр. доходовъ; на текущій годъ исчисленъ излишекъ доходовъ предъ расходомъ въ $1^1/_2$ м. фр. Кромѣ того, существуетъ еще запасный фондъ въ $12^1/_2$ м. фр., образовавшійся отъ сбереженія русскаго управленія.

Вслѣдъ за принятіемъ болгарской депутаціи княземъ Александромъ въ Ливадіи, въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ было напечатано сообщеніе о ближайшихъ задачахъ управленія, представляющихся князю. Изъ этой программы мы приведемъ нѣсколько важнѣйшихъ указаній. Въ программѣ предвидится возможность временнаго удержанія на болгарской службѣ нѣкотораго числа русскихъ чиновниковъ и русскихъ офицеровъ въ войскахъ, въ особенности батальонныхъ и ротныхъ командировъ. Мѣста же субалтерн-офи-

Digitized by Google

церовъ теперь уже заняты болгарскими воспитанниками военной школы въ Софіи. При личныхъ сношеніяхъ своихъ съ иностранными дворами, князь заявитъ твердое свое намѣреніе уважать берлинскій договоръ и добросовѣстно оставаться ему вѣрнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ будетъ настаивать на полномъ выполненіи органическаго статута, дарованнаго державами Восточной Румеліи, такъ какъ „онъ не въ состояніи будетъ отвѣчать за упроченіе порядка созданнаго безъ его правительства, если недовольство и постоянныя смуты сосредоточиваются въ его непосредственномъ сосѣдствѣ по ту сторону Балканъ". Главными залогами для этого указываются: продленіе власти европейской коммиссіи въ Филиппополѣ еще на годъ и обѣщаніе султана не пользоваться въ настоящее время правомъ занимать войсками Балканы и румелійское побережье, правомъ, которое предоставлено ему берлинскимъ трактатомъ.

Наиболѣе затрудненій представляло нынѣ не устройство княжества, котораго судьбы опредѣлялись народнымъ собраніемъ, подъ покровительствомъ Россіи, но организація той части Болгаріи, которая осталась подъ непосредственнымъ, хотя и ограниченнымъ новыми условіями, владычествомъ султана:—такъ названной Восточной Румеліи.

По статьѣ 18-й берлинскаго трактата, было поручено международной коммиссіи опредѣлить кругъ дѣйствій румелійскаго генералъ-губернатора и образъ управленія областью. Коммиссія эта имѣла цѣлыхъ 64 засѣданія, въ которыхъ происходили иногда оживленныя пренія, главнымъ образомъ между коммиссарами англійскими и русскими; французскій же коммиссаръ являлся иногда посредникомъ для пріисканія среднихъ рѣшеній. Поводами для особенно продолжительныхъ преній послужили вопросы объ оффиціальномъ языкѣ для области и о правѣ генералъ-губернатора назначить извѣстное число членовъ въ провинціальное собраніе (народное представительство). Французскій коммиссаръ баронъ Рингъ предложилъ, чтобы оффиціальнымъ языкомъ былъ принятъ языкъ турецкій, и это требованіе поддерживалось съ англійской стороны. Наши коммиссары князь Церетелевъ и полковникъ Шепелевъ возставали противъ этого, ссылаясь на принципъ національности большинства населенія. Наконецъ, вопросъ былъ рѣшенъ такъ, что турецкому, болгарскому и греческому языку предоставлены права равныя и всѣ дѣла въ каждомъ округѣ, уѣздѣ и общинѣ, а также сношенія ихъ съ властью центральной будутъ производиться на языкѣ большинства мѣстнаго населенія; но въ сношеніяхъ съ Портою оффиціальнымъ языкомъ будетъ турецкій.

Вопросъ о назначеніи членовъ въ провинціальное собраніе пред-

Digitized by Google

ставлялъ еще бо́льшую важность. Этому собранію принадлежитъ право вырабатывать законы, которые утверждаются затѣмъ султаномъ; всѣ турецкіе законы, не противорѣчащіе органическому уставу провинціи, признаны обязательными для нея; она должна также посылать депутатовъ въ оттоманскій парламентъ. Англійскій комиссаръ сэръ Дреммондъ Вольфъ предлагалъ, чтобы генералъ-губернатору было дано право назначать отъ себя членовъ въ половинномъ числѣ противъ избираемыхъ членовъ провинціальнаго собранія. Противъ этого русскіе комиссары, конечно, возражали, что это право поставило бы народное представительство въ полную зависимость отъ генералъ-губернатора. Десять засѣдаютъ въ немъ по праву занимаемыхъ ими должностей (высшія духовныя и судебныя лица и предсѣдатель контрольной палаты); затѣмъ если бы 18 назначались генералъ-губернаторомъ, то для составленія имъ большинства требовалось бы склонить только нѣсколько голосовъ избираемыхъ депутатовъ. Французскій комиссаръ бар. Рингъ предложилъ сократить число назначаемыхъ членовъ до 12, но русскіе комиссары и на это не согласились. Число ихъ затѣмъ опредѣлено въ 10. Депутаты избираются на 6 лѣтъ. Укажемъ еще на другія основныя черты устройства Восточной Румеліи. Она пользуется административной автономіею, но въ военномъ и политическомъ отношеніи подчинена султану; иррегулярныя войска не могутъ быть въ нее вводимы. Генералъ-губернаторъ, генеральный секретарь, директоры, завѣдывающіе внутренними дѣлами и высшія судебныя лица назначаются султаномъ. Генералъ-губернаторъ долженъ быть назначаемъ изъ христіанъ, съ согласія великихъ державъ. Всѣ международныя обязательства Порты относятся и къ этой области. Участіе же ея въ общихъ расходахъ имперіи опредѣлено въ 240 т. турецкихъ лиръ ежегодно, то-есть въ $^{3}/_{10}$ основной суммы 800 т. лиръ, въ которую опредѣленъ годовой доходъ провинціи.

На западныя правительства произвели весьма успокоительное дѣйствіе прокламаціи Государя къ болгарамъ княжества и Восточной Румеліи, подписанныя 11 апрѣля. Этими прокламаціями русское правительство хотѣло, передъ избраніемъ болгарскаго князя и введеніемъ въ Восточной Румеліи органическаго статута, предостеречь болгаръ отъ увлеченій. Но въ этихъ воззваніяхъ нисколько не отрицается возможность дальнѣйшаго развитія болгаръ и собственныхъ ихъ усилій для улучшенія ихъ будущности. Въ прокламаціи, обращенной къ болгарамъ княжества, упоминалось, что „державы по чувству справедливости, не могли не признать правъ гражданства за болгарской народностью“ и указывалось въ берлинскомъ трактатѣ „прочное основаніе для дальнѣйшаго развитія вашей (бол-

Digitized by Google

гарской) народности"; далѣе, указывая на фактъ, что выработкою органическаго устава для управленія княжества граждане его „предоставили себѣ значительную долю участія въ этомъ управленіи", выражалась надежда на пользу тѣхъ началъ, на которыхъ уставъ основанъ, для развитія болгарскаго княжества. Эта первая прокламація, въ заключеніе, привѣтствовала въ лицѣ будущаго князя Болгаріи —„возрожденіе болгарскаго народа".

Въ воззваніи, обращенномъ „къ болгарамъ Восточной Румеліи", сказано было: „принявъ твердое намѣреніе соблюдать постановленія берлинскаго трактата и сознавая, что только выполненіемъ этихъ постановленій могутъ быть обезпечены, безъ новыхъ жертвъ и потрясеній, права, добытыя для васъ русскимъ оружіемъ, Я далъ повелѣніе войскамъ Моимъ начать выступленіе изъ вашей области, по минованіи срока, опредѣленнаго трактатомъ для занятія ея". Далѣе говорилось: „отнынѣ вы будете обезпечены въ гражданскихъ правахъ вашихъ. Жизнь, честь и имущество ваши будутъ находиться подъ охраною законовъ, исполнителями которихъ будете вы сами", и упоминалось, что во главѣ управленія областью будетъ всегда стоять христіанинъ. „Будущность ваша, болгары Восточной Румеліи, находится теперь въ рукахъ вашихъ", объявлялось въ воззваніи; „Я знаю, что между вами есть многіе недовольные положеніемъ, созданнымъ для страны вашей трактатомъ, и желающіе насильственнымъ переворотомъ достигнуть цѣли, несогласной съ рѣшеніями державъ. Я не могу одобрить такого намѣренія, такъ какъ выполненіе его безъ воли и согласія державъ немыслимо и могло бы навлечь на страну вашу новыя бѣдствія".

Прокламацію къ болгарамъ Восточной Румеліи торжественно прочелъ въ Филиппополѣ особо-уполномоченный для успокоенія ихъ умовъ — генералъ-адъютантъ Обручевъ. Онъ предварительно былъ въ Константинополѣ, имѣлъ совѣщанія съ турецкими министрами и аудіенцію у султана; потомъ, при проѣздѣ чрезъ Адріанополь, видѣлся съ тамошнимъ генералъ-губернаторомъ Реуфомъ-пашой и пріѣхалъ въ Филиппополь 24-го апрѣля. Отъ Реуфа-паши онъ получилъ увѣренія, что серьёзныхъ безпорядковъ отъ возвращенія въ Восточную Румелію эмигрировавшихъ изъ нея во время войны мусульманъ опасаться не слѣдуетъ, потому что въ настоящее время едва ли уже возможно ожидать значительнаго наплыва этихъ эмигрантовъ. Что же касается затрудненій, грозившихъ болгарамъ со стороны родопскихъ инсургентовъ, то они устранены самимъ Реуфомъ: по его совѣту, инсургенты прекратили непріязненныя дѣйствія противъ Восточной Румеліи и возвратились къ мирнымъ занятіямъ. Прочитавъ болгарамъ въ главной филиппо-

Digitized by Google

польской церкви прокламацію 11 апрѣля, генералъ Обручевъ обратился къ нимъ съ объяснительной рѣчью, которую мы передадимъ въ сокращеніи. Не всѣ надежды болгаръ осуществились, — соглашался русскій уполномоченный,—но и то, что̀ имъ дано, есть великое благо. Генералъ передалъ султану собственноручное письмо Государя — и вынесъ изъ свиданій съ султаномъ и его министрами убѣжденіе въ благихъ намѣреніяхъ Порты. Кромѣ генералъ-губернатора, назначеннаго Портою изъ христіанъ, въ Восточной Румеліи не будетъ никакихъ турецкихъ властей; ей нѣчего опасаться и турецкихъ войскъ, отъ которыхъ она ограждена трактатомъ. Порта не думаетъ спѣшить даже занятіемъ Балканъ. „Сохраняя за собою во всей неприкосновенности право пограничныхъ гарнизоновъ, она въ настоящее время не видитъ безотлагательной необходимости воспользоваться этимъ правомъ, и я увѣренъ, — продолжалъ генералъ Обручевъ, — что ваше поведеніе можетъ имѣть огромное вліяніе на практическій исходъ этого вопроса. Комбинація о гарнизонахъ въ Балканахъ, порожденная недовѣріемъ державъ къ новому порядку вещей на Балканскомъ полуостровѣ, падетъ, вѣроятно, сама собой, когда разсѣются напрасныя опасенія, возбужденныя послѣднею войною. Стратегическія достоинства этой комбинаціи уже никѣмъ не защищаются; отъ васъ будетъ зависѣть, чтобы точно также была признана и политическая ея безполезность. Только держите себя смирно, не вызывайте сами необходимости присутствія въ вашей странѣ турецкихъ войскъ. Порта сдержитъ регулярныя свои силы; противъ вторженія же башн-бузуковъ у васъ есть оружіе; на то оно вамъ дано, чтобы вы могли защищать отъ злодѣевъ ваши дома, вашихъ женъ и дѣтей, и чтобы въ вашей странѣ уже не могли появляться тѣ ужасы, отъ которыхъ она страдала въ теченіи многихъ вѣковъ“.

Болгарскіе депутаты, принадлежащіе къ партіи дѣйствія, высказали ген. Обручеву опасенія относительно вступленія турецкихъ войскъ и правъ, предоставленныхъ генералъ-губернатору. Но генералъ далъ имъ понять, что если турецкія войска вступятъ въ Румелію, то виною этого будутъ сами болгары, а также объяснилъ, что органическій статутъ предоставляетъ народу возможность вліять на администрацію. Вслѣдствіе такихъ заявленій русскаго уполномоченнаго, умѣренная партія въ Восточной Румеліи восторжествовала. Генералъ Обручевъ послѣ, какъ извѣстно, снова поѣхалъ въ Константинополь, и миссія его имѣла результатомъ улучшеніе отношеній между Портою и русскимъ правительствомъ.

Между тѣмъ, въ половинѣ апрѣля былъ назначенъ Портою, съ согласія державъ, и генералъ-губернаторъ Восточной Румеліи. Онъ

Digitized by Google

носитъ имя Александра, какъ и князь Болгаріи. Нельзя было, конечно, никакимъ образомъ ожидать, что Порта назначитъ въ должность генерала-губернатора кого-либо изъ среды болгарскихъ патріотовъ. Она, разумѣется, должна была избрать для этого одного изъ своихъ сановниковъ-христіанъ, а если сообразить это, то надо признать, что выборъ Алеко-паши былъ самымъ удачнымъ, какой можно было сдѣлать. Алеко-паша, или Александръ Вогоридесъ—сынъ болгарскаго грека, родомъ изъ Казана, привезеннаго въ Константинополь и учившагося въ тамошней греческой школѣ. Впослѣдствіи отецъ Алеко-паши былъ княземъ Самоса и пользовался не только большимъ вліяніемъ въ Портѣ, но и авторитетомъ въ самой Греціи. По крайней мѣрѣ, его стараніямъ приписывали значительную долю въ томъ явленіи, что во время крымской войны въ Греціи не произошло движенія противъ Турціи. Сынъ его, князь Александръ Вогоридесъ—человѣкъ образованный, онъ учился въ Европѣ, хорошо говоритъ на нѣсколькихъ языкахъ. Онъ женатъ на дочери богатаго греческаго купца Бальтацци, и имѣетъ теперь около 50 лѣтъ отъ роду. Съ молодости онъ постоянно находился на дипломатической службѣ, и до нашей послѣдней войны съ Турціею, а также при началѣ ея, былъ турецкимъ посломъ въ Вѣнѣ. Онъ былъ приверженцемъ извѣстнаго Мидхата-паши, и еще въ 1877 году былъ отозванъ отъ своего поста. Въ немилость у Порты онъ впалъ, впрочемъ, не столько какъ приверженецъ Мидхата, но главнымъ образомъ за то, что увѣренія его о дѣятельной поддержкѣ Турціи со стороны Австріи не оправдались.

Алеко-паша прибылъ въ свое генералъ-губернаторство въ половинѣ мая. Его встрѣтила на границѣ, въ Германіи, болгарская депутація, но, увидѣвъ на головѣ генералъ-губернатора турецкую феску, хотѣла удалиться. Алеко избралъ было „средній терминъ“ и обѣщалъ въѣхать въ Филиппополь съ непокрытой головою, но этотъ эпизодъ вызвалъ такое возбужденіе, что генералъ-губернаторъ долженъ былъ уступить. Къ нему явилась вторая депутація, подъ предводительствомъ полковника Виталиса и убѣдила его надѣть болгарскую шапку, въ которой онъ и въѣхалъ въ Филиппополь среди привѣтствій народа. Чтобы понять этотъ, на первый взглядъ, курьёзный эпизодъ, надо вспомнить, что первымъ дѣломъ болгаръ во времена народныхъ движеній и при приближеніи русскихъ войскъ бывало обыкновенно преслѣдованіе фесокъ и замѣна ихъ національнымъ головнымъ уборомъ. Затѣмъ, въ случаѣ несчастья, при возвращеніи войскъ турецкихъ, фески обыкновенно разыскивались и надѣвались вновь, для защиты отъ всегда вѣроятной рѣзни. Такимъ образомъ феска сдѣлалась для болгаръ настоящимъ символомъ притѣсненія, и вотъ почему появленіе въ ней новаго генералъ-губернатора, который самъ христіанинъ,

Digitized by Google

долженъ управлять въ согласіи съ народомъ и полагаться вполнѣ на его охрану, ибо не имѣетъ въ своемъ распоряженіи турецкихъ войскъ, такъ возмутило депутатовъ Восточной Румеліи.

Воинская сила, которой ввѣрено охраненіе порядка въ области, состоитъ изъ мѣстной милиціи, организованной нашими офицерами. На послѣднихъ смотрахъ, произведенныхъ ей, милиція являлась въ числѣ 15—18 т. чел. Изъ нихъ, впрочемъ, только два баталіона считаются хорошо обученными. Русскіе офицеры, находящіеся въ этой милиціи, не будутъ уволены вдругъ, но постепенно замѣнятся болгарами. Для этого недавно изъ Софійскаго военнаго училища выпущено въ офицеры 150 молодыхъ болгаръ. Что касается выступленія русскихъ войскъ изъ Восточной Румеліи, то переговоры, происходившіе по этому предмету въ мартѣ и апрѣлѣ, привели къ такому соглашенію державъ, что срокъ 3 мая, указанный берлинскимъ трактатомъ, долженъ считаться только началомъ выступленія русскихъ войскъ; окончено же оно должно быть къ 3 августа н. с. Выступленіе, какъ извѣстно, уже и началось. Вопросъ же о занятіи турецкими гарнизонами Балканъ, согласно берлинскому трактату, выясненъ приведенными выше словами генерала Обручева. На запросъ по этому предмету въ англійской палатѣ пэровъ, маркизъ Солсбери призналъ истолкованіе русскаго генерала вполнѣ правильнымъ въ томъ смыслѣ, что хотя султану принадлежитъ неприкосновенное право занять Балканы, но что отъ его усмотрѣнія вполнѣ зависитъ, въ какое время и въ какихъ размѣрахъ онъ воспользуется этимъ правомъ.

Въ настоящее время общее вниманіе въ Европѣ отвлечено отъ Болгаріи вновь къ Босніи и Герцеговинѣ. Ближайшіе виды Австріи по отношенію къ занятію ново-базарскаго санджака опредѣляются конвенціею, которую австро-венгерское правительство заключило съ Портою 21-го апрѣля нынѣшняго года. Въ этой конвенціи сказано, что для достиженія политическихъ и военныхъ цѣлей, предусмотрѣнныхъ 25-ю статьею берлинскаго трактата, австро-венгерское правительство, сохраняя за собою всѣ права, возникающія изъ этой статьи, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ намѣрено занять гарнизонами только три пункта, между границами Сербіи и Черногоріи: Прибой, Преполье и Бѣлополье, для чего потребуется не болѣе 4 — 5 тыс. человѣкъ. Но если бы обстоятельства потребовали занятія и другихъ пунктовъ, то австро-венгерское правительство обязывается предварительно сообщить Портѣ, когда его войска займутъ другіе пункты. Но Порта, съ своей стороны, удерживаетъ право оставлять въ ново-базарскомъ санджакѣ и свои регулярныя войска, хотя бы даже въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ уже стоятъ войска австрійскія. Управленіе Босніею и Герцеговиною предоставляется Австріи, но соглашеніе 21-го

Digitized by Google

апрѣля установляетъ только подробности исполненія берлинскаго трактата, и въ конвенціи прямо выражено, что это соглашеніе не касается верховныхъ правъ султана на Боснію и Герцеговину. Впрочемъ, мысль о вѣроятности возобновленія военныхъ дѣйствій въ Боснiи крайне-непопулярна въ Австро-Венгріи. Поэтому можно надѣяться, что само австро-венгерское правительство постарается не расширять сферы своего военнаго дѣйствія далѣе указанныхъ въ конвенціи пунктовъ. Вопросъ только въ томъ, обойдется ли занятіе безъ сопротивленія со стороны мѣстнаго населенія, такъ какъ это могло бы послужить сигналомъ къ возстанію противъ австрійцевъ и въ другихъ частяхъ уже занятой ими территоріи. Очень вѣроятно, что по очищеніи русскими войсками Болгарскаго княжества и Восточной Румеліи, когда на турецкой территоріи останутся только войска австрійскія, Порта начнетъ домогаться выведенія и ихъ, для того, чтобы положить конецъ временному состоянію. А выступленіе русскихъ войскъ производится столь быстро, что Восточная Румелія, быть можетъ, будетъ очищена уже къ концу іюня. Нѣсколько дольше наши войска останутся, повидимому, въ княжествѣ, такъ какъ князь болгарскій прибудетъ въ Софію только въ концѣ іюня. Сверхъ того, значительное время займетъ срытіе крѣпостей, которое, какъ слышно будетъ исполнено русскими войсками.

М. Ставровичъ.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

МАЙ — ІЮНЬ, 1879.

Книга пятая. — Май.

	стр.
Рунна.—Историческая монографія изъ исторіи Малороссіи, 1663—1687 гг.—Часть первая. — Гетманство Бруховецкаго.—V—VIII.—Н. И. КОСТОМАРОВА.	5
Дешевый городъ.—Хроника-романъ. — Часть вторая. — XIX-XXXIII. — Я. П. ПОЛОНСКАГО.	40
Современная глушь.—Изъ воспоминаній мирового судьи.—XIII. Весна и осень мировыхъ учрежденій.—В. Н. НАЗАРЬЕВА	122
Молодые повѣти.—Часть шестая и послѣдняя.—А. А. ПОТѢХИНА	170
Ссылка на Сахалинъ.—Очеркъ.—Д. Г. ТАЛЬБЕРГА.	218
Поццо-ди-Борго и Франція.—Начало второй четверти XIX-го вѣка.—II.—Окончаніе.—С. М. СОЛОВЬЕВА	252
Хроника. — Литературное Обозрѣніе. — Новыя книги русской и иностранныхъ литературъ.	274
Внутреннее Обозрѣніе.—Второе апрѣля.—Указъ сенату о назначеніи и правахъ генералъ-губернаторовъ.—Новыя полицейскія распоряженія, и постановленія петербургскаго генералъ-губернатора. — Преобразованіе медико-хирургической академіи.—Отмѣна пріема семинаристовъ въ университеты.—Комиссія для отмѣны подушныхъ сборовъ.—Комиссія для пересмотра таможеннаго тарифа	300
Разъясненіе.—По требованію министерства народнаго просвѣщенія.	324
Корреспонденція изъ Лондона. — Африканскія колоніи и война съ зулусами.—К.	332
Парижскія письма.—XLVIII.—Два литературныя торжества: В. Гюго и Ренанъ.—Эм. ЗОЛА	349
Двѣ брошюры о среднеазіатской желѣзной дорогѣ.—Л.	377
Гигіеническій конгрессъ въ Парижѣ.—Гигіена дѣтей.—І. В. БЕРТЕНСОНА.	397
Замѣтка.—Всеобщая и русская почтовая статистика за 1877 годъ.—А.	420
Иностранная политика.—Пересмотръ таможеннаго тарифа въ Германіи.	425
Отъ редакціи.	435
Библіографическій Листокъ.—Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества, т. XXIV. — Письма изъ Болгаріи, Евг. Утина. — Двѣ войны, 1876—1878 гг., Н. В. Максимова. — Восточная война и Брюссельская конференція, Ф. Мартенса.—Вашингтонъ-Ирвингъ, перев. А. Глазуновъ.	

Digitized by Google

Книга шестая.—Іюнь.

стр.

Руина.—Историческая монографія изъ исторіи Малороссіи, 1663 — 1687 гг.— Окончаніе первой части.—Гетманство Бруховецкаго.—IX-XII. — Н. И. КОСТОМАРОВА 437

Дешевый городъ.—Хроника-романъ. — Часть третья и послѣдняя. — I-XXV.— Я. П. ПОЛОНСКАГО 498

Литературный панславизмъ.—I. Вопросъ о все-славянскомъ литературномъ языкѣ. —II. Въ старину.—III. Юнгманнъ и Шафарикъ.—IV. Янъ Колларъ.— А. Н. ПЫПИНА 591

Мировичъ.—Историческій романъ, въ трехъ частяхъ. — Часть первая.—Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО 634

Стихотворенія.—I. Эхо. Изъ Коппе.—II. Невольный обѣтъ.—С. А. АНДРЕЕВСКАГО. 757

Хроника.—Наши пчеловодство и звѣроводство.—Сельско-хозяйственная замѣтка. —А. И. УСПЕНСКАГО 759

Литературное Обозрѣніе. — Новыя книги русской и иностранныхъ литературъ. 768

Внутреннее Обозрѣніе.—Вопросъ о расколѣ. — Свѣтскіе законы. — Инструкція 1858 года.—Законъ 1874 г. о метрическихъ книгахъ и его пробѣлы.— Расколъ въ виду народнаго образованія. — Газета „Старообрядецъ“. — Отношеніе къ ней раскольничьихъ іерарховъ. — Воззваніе о единеніи старообрядцевъ.—Московскій знатокъ раскола г. С—нъ.—Полемическіе курьёзы.—Вѣроятность дальнѣйшихъ видоизмѣненій раскола. 782

Объясненіе редакціи, по поводу „Разъясненія“, напечатаннаго въ майской книгѣ, вслѣдствіе требованія министерства народнаго просвѣщенія . . 803

Корреспонденція изъ Берлина. — Куда мы идемъ?— К. 808

Парижскія Письма.—XLIX.—Парижанка.—ЭМ. ЗОЛА 830

Иностранная политика.—Княжество Болгарское и Восточная Румелія. 858

Библіографическій Листокъ. — Фрегатъ Паллада, Ивана Гончарова.—Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ, К. Кавелина.—Русская исторія, Н. Костомарова. Выпускъ первый, 2-е изд.—Сочиненія Н. И. Павлищева, 1, 2 и 3 тт.

7571 030 9/F

Digitized by Google

Digitized by Google

ACME
BOOKBINDING CO., INC.
OCT 2 7 1985
100 CAMBRIDGE STREET
CHARLESTOWN, MASS.

Digitized by Google